

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ОРЛОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 2 (58)

ОРЕЛ – 2014

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ОРЛОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 2 (58)

Редакционно-издательская коллегия:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии), Алексеев А.П., Арсентьева Н.Н., Аронова С.А., Видмарович Н.П., Гайдар В.А., Гелла Т.Н., Иванов А.Е., Исаева Н.И., Капустин А.Я., Ламан Н.А., Львова С.И., Маймескулова А.Л., Никифоров В.А., Оскотская Э.Р., Пастернак Е.Л., Пахарь Л.И., Пивень В.Ф., Погосян В.А., Т. Поншон, Савина Е.А., Самбетбаев А.А., Сискос Е., Софиадис Н., Суяркулов Ш.Р., Тамин М., Уман А.И., Чекова-Демитрова И., Челышева И.И., Ши Хуншен, Ямагучи Р.

Серия «Гуманитарные и социальные науки»

Редакционно-издательская коллегия серии:

Авдеев Ф.С. (главный научный редактор), Пузанкова Е.Н. (заместитель главного научного редактора), Дудина Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии), Александрова А.П., Антонова М.В., Арсентьева Н.Н., Видмарович Н.П., Зайченкова М.С., Изотов В.П., Литвин Ф.А., Маймескулова А.Л., Минаков С.Т., Михеичева Е.А., Новиков С.Н., Погосян В.А., Поншон Т., Ретинская Т.И., Савина Е.А., Серегина Т.В., Тамин М., Тер-Минасова С.Г., Тюрикова Г.Н., Чекова-Демитрова И., Ши Хуншен, Ямагучи Р.

Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал. – Орёл: изд-во ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет». – 2014. – №2(58). – 392с.

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации журнал «Ученые записки Орловского государственного университета» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по следующим отраслям научных специальностей:

01.00.00 – физико-математические науки; 02.00.00 – химические науки; 03.00.00 – биологические науки; 06.00.00 – сельскохозяйственные науки; 07.00.00 – исторические науки; 08.00.00 – экономические науки; 09.00.00 – философские науки; 10.00.00 – филологические науки; 12.00.00 – юридические науки; 13.00.00 – педагогические науки; 14.00.00 – медицинские науки; 17.00.00 – искусствоведение; 19.00.00 – психологические науки; 25.00.00 – науки о земле.

Учредитель –

ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»
Адрес редакции: 302026, г. Орел, ул. Комсомольская, 95
Орловский государственный университет
Редакция журнала «Ученые записки ОГУ»
E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

THE MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENTIFIC NOTES OF OREL STATE UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

**Vol.2
No.58**

OREL – 2014

SCIENTIFIC NOTES

OF OREL STATE UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

Vol.2 - No.58

Editorial board:

Avdeyev F.S. (scientific editor-in-chief), Puzankova E.N. (scientific deputy editor-in-chief), Dudina E.F. (scientific secretary of the editorial board), Alekseev A.P., Arsent'yeva N.N., Aronova S.A., Vidmarovich N.P., Gaydar V.A., Gella T.N., Ivanov A.E., Isayeva N. I., Kapustin A.Ya., Laman N.A., L'vova S.I., Maymeskulova A.L., Nikiforov V.A., Oskotskaya E.R., Pasternak E.L., Pakhar' L.I., Piven' V.F., Pogosyan V.A., Ponshon T., Savina E.A., Sambetbayev A.A., Siskos E., Sophiadis N., Suyarkulov Sh.P., Tamin M., Uman A.I., Chekova-Demitrova I., Chelysheva I.I., Shi Hunshen, Yamaguchi R.

Series «Humanities and social sciences»

Publishing board of the series:

Avdeyev F.S. (scientific editor-in-chief), Puzankova E.N. (scientific deputy editor-in-chief), Dudina E.F. (scientific secretary of the editorial board), Alexandrova A.P., Antonova M.V., Arsent'yeva N.N., Vidmarovich N.P., Zaychenkova M.S., Izotov V.P., Litvin F.A., Maymeskulova A.L., Minakov S.T., Mikheicheva E.A., , Novikov S.N., Pogosyan V.A., Ponshon T., Retinskaya T.I., Savina E.A., Seregina T.V., Tamin M., Ter-Minasova S.G., Tyurikova G.N., Chekova-Demitrova I., Shi Hunshen, Yamaguchi R.

Scientific Notes of Orel State University. Series «Humanities and social sciences»: scientific journal. – Orel: FSBES HPE «Orel State University». – 2014. – №2(58) – 392p.

By the decision of the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science the journal “Scientific Notes of Orel State University” is included in the list of leading reviewed scientific journals and publications, in which the scientific results of dissertations for the degree of doctor and candidate of sciences in the following branches of scientific specialties should be published: 01.00.00 – physical and mathematical sciences; 02.00.00 – chemical sciences; 03.00.00 – biological sciences; 06.00.00 – agricultural sciences; 07.00.00 – historical sciences; 08.00.00 – economic sciences; 09.00.00 – philosophical sciences; 10.00.00 – philological sciences; 12.00.00 – science of law; 13.00.00 – pedagogical sciences; 14.00.00 – medical sciences; 17.00.00 – art criticism; 19.00.00 – psychological sciences; 25.00.00 – sciences about the earth.

The founder –

FSBES HPE “Orel State University”

Editorial Office address: 302026, Orel, Komsomolskaya St., 95

Orel State University

Editorial Office of the magazine “Scientific notes of OSU”

E-mail: utchen-zap@univ-orel.ru

ISSN 1998-2720

© Team of authors, 2014

© Orel State University, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

07.00.00 – ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.С. Левшин ОБРАЗ АНГЛИИ КАК КАТЕГОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИМАГОЛОГИИ	11
А.С. Левшин РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ГЛАЗАМИ АНГЛИЧАН В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX ВВ.	15
Г.С. Чувардин КОМАНДИРЫ ГВАРДЕЙСКИХ КАВАЛЕРИЙСКИХ ДИВИЗИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ ТОПА ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ АЛЕКСАНДРА III – НИКОЛАЯ II	18

08.00.00 – ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Я.В. Бологов ОБ ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ МИНИМАЛЬНОГО УРОВНЯ ДЕПОЗИТОВ ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА.	23
Л.Л. Гарина ФОРМИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА	29
Н.Н. Долina ФАКТОРЫ МИКРОСРЕДЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ	32
Е.В. Евплова К ВОПРОСУ О МАТЕРИАЛЬНОЙ И НЕМАТЕРИАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА.	37
Д.В. Ермолаев МЕТОДИКА РАСЧЕТА СОСТОЯНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРОМЫШЛЕННОГО КЛАСТЕРА, НЕОБХОДИМАЯ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ЕГО ФОРМИРОВАНИЕМ	40
З.Р. Карбетова, Ш.Р. Карбетова ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ СФЕРЫ УСЛУГ И ЕГО РОЛЬ В СТАБИЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	44
В.А. Миронова ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖМУНИЦИПАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ НА ОСНОВЕ ОЦЕНКИ КОНКУРЕНТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПАРТНЁРОВ	51
Е.А. Наташкина ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УКЛАДОВ НА ИЗМЕНЕНИЕ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ РАЗЛИЧНЫХ СТРАН	55
Е.В. Петрухина ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМ МЕЗОУРОВНЯ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ	57
С.А. Родин, Д.В. Ермолаев ВОЗНИКНОВЕНИЕ КЛАСТЕРОВ И ИХ КЛАССИФИКАЦИИ, В ТОМ ЧИСЛЕ В ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ	62
Р.А. Родионцев ДОЛГОСРОЧНЫЙ ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАКОПИТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ.	65
Г.М. Самостроенко ОРГАНИЗАЦИЯ ПАРТНЁРСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СИСТЕМАХ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОДУКЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ	71
Н.А. Селюткина ТИПОЛОГИЯ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА ПО КОМПЛЕКСУ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫМ ЖИЛЬЕМ	76
Е.В. Сибирская, О.А. Строева, С.Н. Мартов АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАЛЫХ ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ, СОЗДАННЫХ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ	86
Н.Н. Соколова, Н.В. Захаркина РАЗРАБОТКА СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДИКИ ПОСТРОЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРОГРАММЫ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ	93
Т.И. Ставцева, Ф.А. Ставцев ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ОПОРТУНИЗМА РЕГИОНАЛЬНЫХ ЧИНОВНИКОВ	99
Т.И. Ставцева К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕРЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОГО НЕРАВЕНСТВА РЕГИОНОВ	105
А.А. Ульянов ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ СТУДЕНТОВ КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ГОТОВНОСТИ К УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	113

09.00.00 – ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Д.Ю. Анашкин ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ФЕНОМЕНА ЗДОРОВЬЯ.	117
Н.А. Ваганова СОФИЯ В ИЗГНАНИИ (О. СЕРГИЙ БУЛГАКОВ: ЭМИГРАЦИЯ И ВОЗВРАЩЕНИЕ К СОФИОЛОГИИ)	119
Э.М. Луценко, С.И. Некрасов К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «РОДИТЕЛЬСТВО» И ЕГО СУЩНОСТИ.	124
Д.В. Малахов ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ПРИРОДА СУБЪЕКТА КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ.	127
А.А. Миронова СУЩНОСТЬ ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ МЕЖПОКОЛЕННЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В СОЦИОЛОГИИ ГАРРИ БЕККЕРА	132
В.Н. Орлова ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ДЕТЬМИ КАК СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА.	135
О.И. Разинкова, Н.А. Некрасова СУЩНОСТЬ ЖИЗНИ И СМЕРТИ КАК СОСТОЯНИЯ БЫТИЙНОСТИ И НЕБЫТИЯ	142
Р.О. Сафронов ПРОБЛЕМА РЕЦЕПЦИИ ТЕОРИИ РЕЛИГИИ ЭМИЛЯ ДЮРКГЕЙМА В СОВЕТСКОМ РЕЛИГИОВЕДЕНИИ	146
В.Л. Сикирин РАЗВИТИЕ ФЕНОМЕНА НЕНАСИЛИЯ	152
М.А. Черепяхин СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ КАК ФАКТОР ТРАНСЛЯЦИИ ДИСКУРСОВ ГЛОБАЛИЗМА.	154

10.00.00 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.В. Антюхов, Е.И. Сарин СПЕЦИФИКА ОТРАЖЕНИЯ БИОГРАФИИ АВТОРА В ПРОПОВЕДЯХ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО	158
--	-----

Т.М. Белевитина, А.Л. Дмитриевский ФАКТ В ЖУРНАЛИСТИКЕ: К ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЯ	162
А.А. Бельская ТРАНСФОРМАЦИЯ МИФА ОБ АМУРЕ И ПСИХЕЕ В РОМАНЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «ДЫМ»	172
О.Е. Денисова ДИСКУРСИВНОЕ ПРОЧТЕНИЕ ЛИРИЧЕСКОГО ТЕКСТА (Ю.Б. СОФИЕВ «ВСЕ ПО-ПРЕЖНЕМУ...»)	180
П.А. Ковалев, М.А. Кирсанов ОТКРЫТЫЙ КАУЗАЛЬНЫЙ ТИП АРГУМЕНТАЦИИ В ЛИРИКЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА	184
Т.В. Ковалева «ЛЕРМОНТОВСКИЙ ЦИКЛ» В РАННЕЙ ЛИРИКЕ И.А. БУНИНА: К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОМ ОРЕОЛЕ ПЯТИСТОПНОГО ХОРЕЯ	188
Е.А. Линева СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ЛОКАТИВНЫМ ДЕТЕРМИНАНТОМ	192
В.М. Макеев «ВОЙНА» КАК КОНЦЕПТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	196
Е.М. Мартынова СРЕДСТВА ОПИСАНИЯ АНОМАЛЬНОЙ ОПТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ	201
М.И. Маслова ЕЩЕ РАЗ О «ЛИХОМАНКАХ» У ГРИГОРЬЕВА И ФЕТА	205
Е.А. Михеичева «ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ...»	212
Л.М. Петрова ДУХОВНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ПУШКИНА	217
Д.С. Храмченко КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ И ДЕРЕГЛАМЕНТАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА	225

12.00.00 – ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

А.П. Александрова КОНСТИТУЦИЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И КОНСТИТУЦИИ ШТАТОВ: ПРОБЛЕМЫ	229
М.В. Баранчикова К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ	234
С.В. Васюков, Г.Н. Васюкова К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ, СПОСОБСТВУЮЩИХ РОСТУ КОЛИЧЕСТВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ПРОВЕДЕНИЯ БЕЗНАЛИЧНЫХ РАСЧЕТОВ, ПРОИЗВОДИМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПЛАТЕЖНЫХ КАРТ	239
С.Г. Гонтарь ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РАМКАХ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	243
О.В. Григорьев ГЕНЕРАЛ-АУДИТОРЫ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX в.	246
А.В. Губарева ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ – ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ	249
М.А. Коростелёв ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОБОРОТА ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕГ	252
Н.В. Малавкина РОСПУСК ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ОРГАНА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ФОРМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ	258
Е.Г. Путилова НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ И МЕТОДИЧЕСКАЯ БАЗА КОНСЕРВАЦИИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ	261
Е.В. Резникова РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА КОМПЕНСАЦИЮ ЗА НАРУШЕНИЕ РАЗУМНЫХ СРОКОВ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ	267
В.А. Телегина ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЮСТИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	270
О.В. Федотова ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ КАК ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА	274

13.00.00 – ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Е.А. Алдошина ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ВЫСОКУЮ СТЕПЕНЬ ГОТОВНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ВЫПУСКНИКОВ АГРАРНОГО ВУЗА	280
Л.А. Бондарь АКТИВИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИН ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЦИКЛА	283
Н.И. Бочарова, С.Ю. Бубнова МЕТОДИКА ОЦЕНИВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БАКАЛАВРОВ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ	288
В.В. Гижицкий УЧЕБНЫЙ ОБМАН КАК СТРАТЕГИЯ ПСЕВДОАДАПТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ У СТАРШЕКЛАССНИКОВ	293
Н.В. Егупова ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В ПРОЦЕССЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ	300
Н.В. Ефремичева, С.Н. Новиков ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СЕЛА В КОНТЕКСТЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СЕЛЬСКОГО ШКОЛЬНИКА	302
Н.И. Киселева ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К РАССМОТРЕНИЮ НАУЧНОГО ПОНЯТИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТЕРМИНА	306
Е.Н. Ковешникова, П.А. Ковешников СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ ДИЗАЙНА (АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА)	312
К.С. Кучмистов МАНИПУЛЯТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ СО СТОРОНЫ ДЕСТРУКТИВНЫХ КУЛЬТОВ	316
А.М. Митяева КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ОЦЕНКЕ УЧЕБНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ СТУДЕНТОВ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ	321

Н.В. Никольская, Е.В. Никольский К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ГИБКОСТИ МЫШЛЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ НА ОСНОВЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	324
О.Н. Овсянникова ОСНОВНЫЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ	329
Н.Н. Овсянникова, О.А. Мезенцева ИЗУЧЕНИЕ РАННИХ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ ДЕЗАДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ ПРИ ПОМОЩИ РЕЧЕВОЙ АУДИОМЕТРИИ	333
С. Ю. Полуйкова ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНТАМИНАЦИИ В ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОМ ДИСКУРСЕ	335
И.В. Ревков ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ АДАПТАЦИИ КУРСАНТОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНО-СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВУЗА	340
Е.А. Санкова АНАЛИЗ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ КАРТОГРАФИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ	346
И.А. Стальнова, А.Г. Стальнов ВЛИЯНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ НА УСПЕШНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ	353
К.В. Старостенко, А.А. Чекулаев МОДЕРНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АКТУАЛИЗАЦИЯ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ	356
О.И. Тонкодубова УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ	363
И.М. Туревский, Н.А. Бабушкина ЗАВИСИМОСТЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ ДЕТЕЙ СО СПЕЦИАЛЬНЫМИ НУЖДАМИ ОТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОЕКТИРОВАНИЯ В УПРАВЛЕНИИ КОРРЕКЦИОННЫМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ УЧРЕЖДЕНИЕМ	367
Г.Н. Тюрикова, О.В. Филатова, И.Ю. Гнездилова СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РОССИИ	370
Усман Кулибали НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЧИТЕЛЕЙ В МАЛИ	374
Н.Г. Шумилина ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДМЕТНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ МАТЕМАТИКИ	379
С.А. Юрков КРИЗИСНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ИММАНЕНТНЫЙ КОМПОНЕНТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО	382
ПАМЯТИ УЧИТЕЛЯ	
ЯКОВЛЕВА ФАИНА НИКОЛАЕВНА	388
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ	389
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ	390
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ	391

CONTENTS

07.00.00 – HISTORICAL SCIENCES

<i>A.S. Levshin</i> THE IMAGE OF ENGLAND AS CONCEPT OF HISTORICAL IMAGOLOGICA	11
<i>A.S. Levshin</i> RUSSIAN NATIONAL CHARACTER THROUGH THE EYES OF THE BRITISH IN THE LATE XIX-EARLY XX CENTURIES	15
<i>G.S. Chuvaridin</i> COMMANDERS GUARDS CAVALRY DIVISIONS AS PART OF THE TOP MILITARY AND POLITICAL ELITE IMPERA-ART OF RUSSIA ALEXANDER III TO NIKOLAY II	18

08.00.00 – ECONOMIC SCIENCES

<i>Y.V. Bologov</i> ECONOMETRIC APPROACH TO ESTIMATION OF MINIMUM LEVEL OF NON-MATURITY DEPOSITS	23
<i>L.L. Garina</i> FORMATION MECHANISM OF INCREASING COMPETITIVENESS ECONOMIC ENTITY	29
<i>N.N. Dolina</i> MICROENVIRONMENT FACTORS AS AN ELEMENT OF BUSINESS ACTIVITY	32
<i>E.V. Evplova</i> TO A QUESTION ABOUT THE MATERIAL AND NON-MATERIAL MOTIVATION	37
<i>D.V. Ermolaev</i> METHODIC OF CALCULATION OF THE INDUSTRIAL CLUSTER'S ECONOMIC SECURITY CONDITION, WHICH IS NECESSARY TO CONTROL ITS DEVELOPMENT	40
<i>Z.R. Karbetova, Sh.R. Karbetova</i> INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE SERVICES SECTOR AND ITS ROLE IN THE STABILIZATION OF THE ECONOMY OF KAZAKHSTAN	44
<i>V.A. Mironova</i> FORMATION OF INTERMUNICIPAL INTEGRATION COMMUNICATIONS ON THE BASIS OF AN ASSESSMENT OF COMPETITIVE POTENTIAL OF PARTNERS	51
<i>E.A. Natashkina</i> INFLUENCE TECHNOLOGICAL WAYS TO CHANGES IN VARIOUS COUNTRIES INDUSTRY	55
<i>E.V. Petrukhina</i> ENSURING INNOVATIVE SAFETY OF ECONOMIC SYSTEMS OF MESOLEVEL IN THE CONDITIONS OF UNCERTAINTY	57
<i>S.A. Rodin, D.V. Ermolaev</i> CLUSTERS' APPEARANCE AND CLASSIFICATION, INCLUDING CHEMICAL INDUSTRY	62
<i>R.A. Rodiontsev</i> LONG-TERM INVESTMENT POTENTIAL OF LIFE INSURANCE AND ITS IMPLEMENTATION IN THE SYSTEM OF ECONOMIC RELATIONSHIP	65
<i>G.M. Samostroyenko</i> ORGANIZATION OF PARTNERSHIPS IN SYSTEMS OF DISTRIBUTION OF AGRICULTURAL OUTPUT AT THE REGIONAL LEVEL	71
<i>N.A. Selyutina</i> TYPOLOGY OF THE CENTRAL DISTRICT A RANGE OF INDICATORS PROVISION OF QUALITATIVE HOUSING	76
<i>E.V. Sibirskai, O.A. Stroyeva, S.N. Martov</i> ANALYSIS OF ACTIVITY OF THE SMALL INNOVATIVE ENTERPRISES, CREATED IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS	86
<i>N.N. Sokolova, N.V. Zakharkina</i> DEVELOPMENT OF THE MODERN TECHNIQUE OF CREATION OF THE INVESTMENT PROGRAM OF THE INDUSTRIAL ENTERPRISE	93
<i>T.I. Stavtseva, F.A. Stavtsev</i> INSTITUTIONAL CONSTRAINTS TO THE REGIONAL OFFICIALS OPPORTUNISM	99
<i>T.I. Stavtseva</i> ON THE MEASUREMENT OF THE REGIONAL INFORMATION DISPARITIES	105
<i>A.A. Ulyanov</i> RESEARCH OF A GOAL-SETTING OF STUDENTS AS MAKING READINESS FOR ADMINISTRATIVE ACTIVITY	113

09.00.00 – PHILOSOPHICAL SCIENCES

<i>D.Y. Anashkin</i> NATURAL SCIENCES STUDY THE PHENOMENON OF HEALTH	117
<i>N.A. Vaganova</i> SOPHIA IN EXILE (FR. SERGIUS BULGAKOV: EMIGRATION AND RETERNING TO SOPHIOLOGY)	119
<i>E.M. Luschenko, S.I. Nekrasov</i> ON THE NOTION OF «PARENTHOOD» AND ITS ESSENCE	124
<i>D.V. Malakhov</i> THE TRANSCENDENTAL NATURE OF THE SUBJECT AS A PROBLEM OF MODERN PHILOSOPHICAL –METHODOLOGICAL CONSCIOUSNESS	127
<i>A.A. Mironova</i> ESSENCE OF INTRA-FAMILY INTERGENERATIONAL INTERACTIONS IN GARY BECKER'S SOCIOLOGY	132
<i>V.N. Orlova</i> CHILD ABUSE AS A SOCIAL AND PEDAGOGICAL PROBLEM ABSTRACT	135
<i>O.I. Razinkova, N.A. Nekrasova</i> ESSENCE OF LIFE AND DEATH AS A STATE EXISTENCE AND NONEXISTENCE	142
<i>R.O. Safronov</i> SPECIFICITY OF RECEPTION OF DURKHEIMIAN APPROACH IN THE SOVIET STUDY OF RELIGION	146
<i>V.L. Sikirin</i> THE DEVELOPMENT OF THE PHENOMENON OF NONVIOLENCE	152
<i>M.A. Cherepakhin</i> SYMBOLICAL CONSUMPTION AS FACTOR OF TRANSLATION OF DISCOURSES OF THE GLOBALISM	154

10.00.00 – PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>A.V. Ant'uhov, U.I. Sarin</i> THE SPECIFICITY OF THE REFLECTION OF THE AUTHOR'S BIOGRAPHY IN THE SERMONS THEODOSIUS PECHERSKY	158
<i>T.M. Belevitina, A.L. Dmitrovsky</i> THE FACT IN JOURNALISM: TO THE CONCEPT DEFINITION	162
<i>A.A. Belskaya</i> CUPID AND PSYSHE MYTH TRANSFORMATIONS IN I.S. TURGENEV'S NOVEL «SMOKE»	172

O.E. Denisova	
THE DISCOURSE READING OF THE LYRICAL TEXT (YU.B. SOFIYEV «ALL STILL ...»)	180
P.A. Kovalev, M.A. Kirsanov	
OPEN CAUSAL TYPE OF THE ARGUMENTATION IN LYRICS BY M.Y. LERMONTOV	184
T.V. Kovaleva	
«CYCLE BY LERMONTOV» IN I.A. BUNIN'S EARLY LYRICS: TO THE QUESTION OF THE SEMANTIC AUREOLE OF THE PENTAMETER TROCHEE	188
E.A. Lineva	
STRUCTURAL AND GRAMMATICAL PECULIARITIES OF INDEFINITE-PERSONAL SENTENCES WITH LOCATIVE <i>DETERMINANT</i>	192
V.M. Makeev	
«WAR» AS OF THE RUSSIAN LITERATURA CONCEPT	196
E.M. Martynova	
THE MEANS OF DESCRIBING ANOMALOUS VISUAL COMMUNICATION	201
M.I. Maslova	
ONCE AGAIN ABOUT "FEVERS" BY APOLON GRIGORYEV AND AFANASIY FET	205
E.A. Mikhcheicheva	
«FROM WHENCE THE RUSSIAN LAND CAME TO BE...»	212
L.M. Petrova	
PUSHKIN'S SPIRITUAL SELF-DETERMINATION	217
D.S. Khranchenko	
CONVENTIONALITY AND DERUGALATION OF MODERN BUSINESS ENGLISH DISCOURSE	225
12.00.00 – SCIENCE OF LAW	
A.P. Alexandrova	
THE U.S. CONSTITUTION AND STATE CONSTITUTIONS: PROBLEMS WITH STATE CONSTITUTIONS	229
M.V. Baranchikova	
THE ISSUE ABOUT CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL PERSONS	234
S.V. Vasyukov, G.N. Vasyukova	
TO THE QUESTION OF SOME REASONS PROMOTING GROWTH OF QUANTITY OF CRIMES, COMMITTED IN THE SPHERE OF CARRYING OUT THE CLEARING SETTLEMENTS MADE WITH USE OF PAYMENT CARDS	239
S.G. Gontar	
IMPLEMENTATION OF LAW-MAKING ACTIVITIES OF LOCAL GOVERNMENTS IN COOPERATION WITH THE PUBLIC PROSECUTORS	243
O.V. Grigoryev	
GENERAL AUDITORS IN JUDICIAL SYSTEM RUSSIAN EMPIRE IN XIX c.	246
A.V. Gubareva	
ECONOMIC ESSENCE OF FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY - THE FOREIGN TRADE RELATIONS	249
M.A. Korostelev	
CIVIL LAW ISSUES ARISING IN LEGAL REGULATION OF ELECTRONIC MONEY TURNOVER	252
N.V. Malyavkina	
DISSOLUTION OF A LOCAL REPRESENTATIVE BODY AS A FORM OF COOPERATION OF THE BODIES OF STATE POWER OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE BODIES OF LOCAL SELF GOVERNMENT	258
E.G. Putilova	
THE LEGISLATIVE BASE OF THE CONSERVATION OF THE ARCHIVE'S DOCUMENTS	261
E.V. Reznikova	
REALIZATION OF THE RIGHT FOR COMPENSATION FOR VIOLATION OF REASONABLE TERMS OF IMPLEMENTATION OF JUSTICE	267
V.A. Telegina	
THEORETICAL AND PRACTICAL QUESTIONS OF DEVELOPING MAGISTRATE'S COURTS IN MODERN RUSSIA	270
O.V. Fedotova	
THE MAIN ASPECTS OF JUDICIAL PROTECTION AS A GUARANTEE OF RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN	274
13.00.00 – PEDAGOGICAL SCIENCES	
E.A. Aldoshina	
FACTORS, WHICH DETERMINE THE HIGH DEGREE OF READINESS FOR PROFESSIONAL ACTIVITY OF THE GRADUATES OF THE AGRARIAN UNIVERSITY	280
L.A. Bondar	
ACTIVIZATION OF INDEPENDENT INFORMATIVE ACTIVITY OF STUDENTS PHILOLOGISTS IN THE COURSE OF STUDYING OF DISCIPLINES OF A PEDAGOGICAL CYCLE	283
N.I. Bocharova, S.U. Bubnova	
THE METHODS OF BACHELORS' PROFESSIONAL COMPETENCY RATING IN PSYCHO-PEDAGOGICAL EDUCATION	288
V.V. Gizhitsky	
CHEATING AS MALADAPTIVE BEHAVIOR STRATEGY OF HIGH SCHOOL STUDENTS	293
N.V. Egupova	
THE PROFESSIONAL COMPETENCE OF THE TEACHER OF FINE ARTS IN THE PROCESS OF TRAINING	300
N.V. Efremicheva, S.N. Novikov	
PROBLEMS OF SOCIO-CULTURAL SPACE OF VILLAGE IN A CONTEXT OF AESTHETIC EDUCATION OF RURAL SCHOOL CHILDREN	302
N.I. Kiseleva	
BASIC APPROACHES TO REVIEW SCIENTIFIC CONCEPTS AND FEATURES TERM	306
E.N. Koveshnikova, P.A. Koveshnikov	
CURRENT TRENDS OF TRAINING OF BACHELORS OF DESIGN (ANALYSIS OF FOREIGN EXPERIENCE)	312
K.S. Kuchmistov	
MANIPULATIVE INFLUENCE FROM DESTRUCTIVE CULTS	316
A.M. Mitiaeva	
THE COMPETENCE APPROACH IN THE EVALUATION OF EDUCATIONAL ACHIEVEMENTS OF STUDENTS IN THE HIGHER SCHOOL	321
N.V. Nikoliskaya, E.V. Nikoliskiy	
TO QUESTION ABOUT DEVELOPMENT FLEXIBILITY OF THE THINKING SCHOOLBOY ON BASE EXPLORATORY MATHEMATICAL ACTIVITY	324
O.N. Ovsyannikova	
THE MAIN CONDITIONS IN THE CREATIVITY DEVELOPMENT OF STUDENTS DURING STUDYING A FOREIGN LANGUAGE	329
N.N. Ovsyannikova, O.A. Mezentseva	
EDUCATIONAL-DIDACTIC COMPLEX EARLY PSYCHO-EMOTIONAL SIGNS OF STUDENTS' DISADAPTATION BY SPEECH AUDIOMETRY	333
S.J. Poluykova	
PRAGMATIC POTENTIAL OF CONTAMINATION IN THE EDUCATIONAL DISCOURSE	335

I.V. Revkov THE EDUCATIONAL ADAPTATIONAL TECHNOLOGY FOR STUDENTS TO THE PROFESSIONAL SERVICE ACTIVITY IN CONDITIONS OF A MILITARY ACADEMY	340
E.A. Sankova THE ANALYSIS OF THE PEDAGOGICAL THEORY AND PRACTICE WORK FOR FORMING THE STUDENTS' CARTOGRAPHIC COMPETENCE.....	346
I.A. Stalnova, A.G. Stalnov THE INFLUENCE OF PECULIARITIES OF PERSONALITY OF CIVIL SERVANTS ON THE SUCCESS OF PROFESSIONALISATION	353
K.V. Starostenko, A.A. Chekulayev MODERNIZATION OF HIGHER EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION: UPDATE TO PROTECT NATIONAL INTERESTS.....	356
O.I. Tonkodubova METHODICAL COMPLEX AS A FACTOR IN IMPROVING THE QUALITY OF EDUCATION.....	363
I.M. Turevsky, N.A. Babushkina DEPENDENCE OF THE EFFICIENCY HEALTH SAVING CHILDREN WITH SPECIAL NEEDS OF THE USE OF DESIGN IN THE MANAGEMENT OF CORRECTIONAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS.....	367
G.N. Turikova, O.V. Filatova, I.U. Gnezdilova MODERN STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT PROFESSIONAL EDUCATION SPECIALISTS IN THE FIELD OF SOCIAL WORK IN THE PENITENTIARY INSTITUTIONS OF RUSSIA.....	370
Ousmane Coulibaly SOME PECULIARITIES OF FORMING TECHNOLOGICAL COMPONENT OF THE PROFESSIONAL CULTURE OF TEACHERS IN MALI.....	374
N.G. Shumilina FORMING THE SUBJECT-METHODICAL COMPETENCE OF FUTURE TEACHERS OF PRIMARY SCHOOL DURING STUDYING MATHEMATICS	379
S.A. Yurkov CRISIS COMPETENCE AS AN IMMANENT COMPONENT OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF THE FUTURE STATE EMPLOYEE.....	382

УДК 94(420).081/082-1:94(47).082/083-7

UDC 94(420).081/082-1:94(47).082/083-7

А.С. ЛЕВШИН

аспирант кафедры всеобщей истории Орловского государственного университета

A.S. LEVSHIN

graduate student of department of general history, Orel state university

ОБРАЗ АНГЛИИ КАК КАТЕГОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИМАГОЛОГИИ

THE IMAGE OF ENGLAND AS CONCEPT OF HISTORICAL IMAGOLOGICA

В статье анализируется понятие «образ Англии» и его значение для исторического исследования. Автор статьи определяет это понятие как относительно целостную картину английской жизни, которая вырабатывалась в определенное время в общественном мнении России. Образ Англии определяется как феномен общественного сознания и может быть отнесен к веберовским идеальным типам. Автор выделяет такие структурные элементы образа Англии, как когнитивные, эмоционально-чувственные, фантазийные. Образ Англии может быть использован как дополнительный параметр при изучении общественного самосознания, духовной жизни общества, общественных ценностей и идеалов.

Ключевые слова: образ Англии, общественное мнение, российская культура, национальное самосознание, историческая имагология, методология исторического исследования.

The article analyzes the concept of «the image of England» and its implications for historical research. The author defines this concept as some general image of life in England which was formed in Russian public opinion in definite time. The image of England is defined as the phenomenon of social consciousness; it can be recognized Weber's ideal type. The author allocates the structural elements of the image of England: the cognitive elements, the emotional elements and fantastic elements. Image of England may be used as an additional parameter for the study of social consciousness, social values and ideals.

Keywords: image of England, public opinion, Russian culture, national identity, historical imagologia, methodology of historical research.

Многие исследователи отмечают, что в последнее время в работах историков, объект изучения все чаще обозначается как образ – «образ мира» [13, с.3-13], «образ региона» [18, с.27-32; 17, с.170-182], «образ страны», например, «образ Великобритании» [19, с.166-174], «образ представителя другой страны», например «образ немца» [16] и проч. Во всех этих случаях используемые понятия подчеркивают стремление исследователя восстановить обобщенные картины мира, региона, страны, разделяемые определенным социумом в конкретный временной период. В то же время можно обнаружить и другой терминологический подход в аналогичных по существу исследованиях. В нем обобщенные представления об объекте рассмотрения не обозначаются устойчивым термином, а передаются с помощью описания, например, «восприятие внешнего мира» [6, с.41-49], «Англия глазами русских» [8; 2, с.155-156], «Европа в русской письменности» [11] и проч., что свидетельствует, на наш взгляд, о нежелании авторов отходить от исторической фактологии в сторону обобщающих исследований. Оба эти исследовательские направления объединены установкой на изучение межкультурных взаимодействий в истории народов.

В целом, замеченный нами уклон исторических исследований в область имагологии (имэджинологии) [12, с.10-32] неслучаен. Он отражает стремление современной гуманитаристики к целостности в изучении феноменов социальной и исторической реальности.

Определяя предметом своего интереса «образ», историк включает в ракурс рассмотрения не только то, что, собственно, представляет собой предмет изучения, но и то, как этот предмет видится в определенной социокультурной обстановке, тем самым подчеркивает важность временного и культурного своеобразия в восприятии событий реальности.

Наш исследовательский интерес также располагается в области имагологии и касается того, как представлялась Англия россиянам, жившим на переломе XIX-XX веков. По существу, этот интерес вызван желанием понять специфику российской культуры через один из ее аспектов – представления о Другом. Многие авторы признают, что изучение образа другой страны в рамках конкретной историко-культурной ситуации способствует воссозданию идеалов, присутствующих в широких слоях изучаемого общества, позволяет рассмотреть то, как они возникают и от каких процессов зависит их окончательный вид [3, с.3]. Образ Другого как врага или друга как того, кто находится рядом или далеко, кто может помочь и поддержать или навредить и угрожать, как отличного или похожего на тебя, это то представление, которое, в первую очередь, помогает осознать самого себя [15]. Любое самосознание, как на индивидуальном, так и на общественном уровне, проходит путем демаркации и противопоставления «свое – чужое», поэтому вопрос о представлении другой страны как и представление о географическом [10], политическом, культурном окруже-

нии своей страны, – это вопрос самосознания [14]. Мы считаем, что то, какой виделась Англия россиянам, гораздо в большей степени характеризует россиян, нежели Англию, и уж тем более, изучение представлений об Англии, в первую очередь, интересно именно картиной, складывающейся в общественном мнении, а не субъектом (в нашем случае, коллективным субъектом), служащим прототипом этой картины.

Для изучения коллективных представлений, функционирующих в общественном мнении России, нам представляется оптимальным употребление в исследовании такого понятия, как «образ Англии». Удобство обозначения объекта исследования с помощью понятия «образ» определяется самой этимологией этого термина. Совокупность его значений отсылает одновременно к внешнему виду реального объекта, воспринимаемого нами непосредственно, и к изображению этого реального объекта, передающее его основные черты, указывает на сами черты, делающие объект узнаваемым и отличным от множества других. Слово «образ» указывает на внешние стороны объекта, которые способны продемонстрировать природу самого объекта [9, с.75-81]. Поэтому, желая сосредоточить данное исследование на обобщенных представлениях об Англии, присутствующих во взглядах на эту страну у людей, объединенных одной культурой и одной эпохой, обозначим эти представления как «образ Англии». В этой статье мы попытаемся дать ответ на вопрос – что же такое «образ Англии», каково его значение для исторического исследования?

Для начала заметим, что образ Англии настолько же является продуктом отражения реальной страны и ее жителей, насколько результатом работы воображения, общественной психологии, коллективного мифотворчества. Употребление этого понятия позволяет, на наш взгляд, подчеркнуть несколько важных моментов. Во-первых, «образ Англии» – это не представления о стране знатоков, профессионально изучающих или подолгу живущих в ней, а картины (нередко карикатурные), бытующие в головах обывателей, неспециалистов, Англией особо не интересующихся. Во-вторых, «образ Англии» – это недифференцированные представления о стране, картины, включающие в себя смесь из географических, исторических, политических, культурных сведений, представления, образующие единый комплекс – образ страны в ее целостности. В-третьих, «образ Англии» – это достаточно репрезентативная картина, общая для больших групп населения, это в значительной степени абстракция, оторванная от своего прототипа, но абстракция узнаваемая и разделяемая большинством социума.

Мы считаем возможным отнести «образ Англии» к веберовским «идеальным типам», признавая, вслед за автором, что существенным моментом процесса их абстрагирования является наш субъективный выбор. Вебер подчеркивал, что обобщения, в результате которых образуется идеальный тип, всецело подчинены задачам и целям исследователя, его представлениям о том, что является «ценностно значимым» в исследуемой реальности. При этом выделенные идеальные типы

могут значительно отличаться от тех ценностей, идей и процессов, которые разделяли, испытывали или наблюдали современники изучаемой реальности [1, с.397]. В свете нашего исследования это означает, что образ Англии, реально бытовавший в конце XIX-начале XX века в общественном мнении России, и образ Англии, реконструируемый нашими усилиями, не являются абсолютно тождественными.

Хотя в исторических исследованиях нечасто происходит обращение к установлению природы рассматриваемой реальности, мы определим «образ Англии» как феномен общественного сознания. Понятие «общественное сознание», восходящее к работам К.Маркса и Ф.Энгельса¹, указывает на существовании внутри любого социума целостной духовной системы, которая определяет мировоззренческие особенности членов этого социума. Однако современное использование этого понятия не подразумевает установления отношения прямой координации между общественным сознанием и общественным бытием. Зато идея опосредованной связи индивидуального и общественного сознания активно используется и сейчас. Она состоит в том, что общественное сознание существует посредством конкретных носителей, то есть, выражается с помощью индивидуальных сознаний, но не ограничивается ими. Кроме того, общественное сознание нередко проявляется непосредственно в своей общественной форме, например, в виде устных или письменных дискурсов, являющихся результатом коллективного творчества, – мифах и народном эпосе, древнем и современном фольклоре, современных политических документах и пр. Понятие «коллективное сознание» восходит к Э. Дюркгейму, который определял его как «совокупность верований и чувств, общих в среднем членам одного и того же общества» [7, с.87], совокупность, образующую связанную структуру, имеющую свою собственную жизнь. Здесь мы видим, как в понятиях «общественное» и «коллективное» сознание рефлексировалось различие сознания конкретного человека и надиндивидуального сознания определенного социума, а также и зависимость первого от второго. При этом подразумевается, что надиндивидуальное сознание может иметь различный масштаб, то есть, распространять свое влияние на разновеликие общности. В этом плане можно говорить об общественном или коллективном сознании общества в целом, классовом, групповом, массовом сознании. Таким надиндивидуальным сознанием могут быть охвачены социальные общности самого разного порядка, при условии, что они будут являться реальными, то есть, объединенными временем и местом, общностями. Можно сказать, что общественное мнение является одной из форм существования общественного или коллективного сознания, а «образ Англии» одним из конкретных его проявлений.

Рассматривая образ Англии в качестве производного

¹ Хотя в работах классиков вместо данного словосочетания употребляется *das Bewußtsein*, принято считать, что сама идея общественного сознания обосновывается в «Немецкой идеологии» (Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. В 9 т., т.2, с. 20.) и Предисловии к «Капиталу» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 26, ч. 1, с. 279.)

от общественного сознания, мы получаем возможность воспользоваться существующими наработками в этой области для выделения тех составных частей, которые образуют интересующую нас целостность. Продуктивным в этом вопросе нам представляется исследование массового сознания и его компонентов Б.А. Гущиным [4]. Анализируя способы ментального освоения действительности, он замечает, что любая смысловая целостность, функционирующая в рамках общественного или массового сознания может быть подразделена на три группы элементов – чувственные (чувственные образы, восприятия, переживания, эмоциональные реакции, аффекты, волевые импульсы, желания), когнитивные (обобщенные представления, понятия, нейтральные суждения, нормы, мнения, предписания), имажинативные (от англ. *imagination* – воображение, фантазия) (верования, фантастические образы, утопические идеи, иррациональные предписания) [4, с.105-106]. Близкую к этой структуру находит в инокультурных образах Д.-А. Пажо, выделяя в них «словарь», позволяющий описать другого, «отношение», содержащее оценки и эмоциональные переживания по поводу другого, и «сценарий», трактуемый как группировка смыслов, позволяющих выстраивать с другим те или иные типы взаимоотношений [20, с.371-363]. Учитывая этот опыт, мы решили выделить в образе Англии также три составляющие:

- когнитивные – обобщенные представления, в том числе особенности словообозначения, включаемые Пажо в группу «словарь», знания, относящиеся к референту образа, вся совокупность представлений о географическом расположении, политическом устройстве, экономике, истории, религии, культуре страны;

- эмоционально-чувственные – переживания, эмоциональные реакции, аффекты, связанные со страной, эмоциональные комплексы, обозначаемые Пажо как «фобии» (страх, неприятие), «мании» (влечение, заинтересованность), «филии» (восхищение, подражание);

- фантазийные – фантастические картины, идеализации, утопические идеи, связанные с данной страной. Нам представляется, что различение этих сторон в образе Англии позволит в дальнейшем более четко определить, какие именно источники влияли на формирование той или иной составной части этого образа.

Еще одним вопросом, требующим обсуждения по отношению к образу Англии, является вопрос его формирования и изучения. Говоря о факторах формирования образа Англии, на наш взгляд, следует выявлять те события и процессы, которые оказывали влияние на образ Англии, имевший место в прошлом России, образ, который недоступен нашему непосредственному наблюдению и который мы реконструируем по находящимся в нашем распоряжении свидетельствам.

Эта достаточно тонкая грань обнаруживает свою актуальность при работе с источниками. Реконструируя образ Англии, мы обращаемся ко всем тем свидетельствам, в которых нашел запечатление этот образ. Значительную их долю составляет эпистолярное наследие. Частная переписка, в том числе и неотправленные письма, их черновики, дневниковые записи, путевые за-

метки, не предназначенные к публикации, опубликованные мемуары и автобиографии – все это несет на себе отпечаток бытовавших в период создания записей общественных представлений, в том числе и представлений об Англии. То же можно сказать и о свидетельствах из официального делопроизводства. Отчеты различных министерств и ведомств, циркуляры и предписания, дипломатическая переписка, черновики и подготовительные документы к официальным дипломатическим договорам, в том случае, когда они имеют отношение к Англии, безусловно, интересны для нас. Для нас, как реконструкторов образа Англии, все эти свидетельства являются важными источниками информации.

Однако мы понимаем, что ситуация меняется, когда исследование обращается к вопросу о путях формирования образа Англии. Все источники, функционирование которых в период их создания носило приватный характер, ничего не могут нам поведать о принципах формирования образа Англии. Определив образ Англии как коллективные представления, мы тем самым задали парадигму его возникновения, которая однозначно отсылает нас к источникам, имеющим публичное бытование. Исследуя сам процесс складывания образа Англии в общественном мнении России, мы, в первую очередь, должны уделять внимание газетным, журнальным, научно-популярным публикациям, т.е. источникам, не столько свидетельствующим об образе страны, сколько репрезентирующим, распространяющим его [5]. И вот здесь возникает еще один нюанс исследования образа Англии – источники формирования образа Англии являются в то же время и источниками, позволяющими нам реконструировать этот образ. Это, без сомнения, может уменьшить расхождение между образом Англии, реально функционирующим в общественном мнении России конца XIX-начала XX века, и нашей реконструкцией этого образа. Однако источники изучения образа Англии не являются в то же время источниками его формирования.

Таким образом, понятие «образ Англии» как обобщенные представления об этой стране, господствующие в российском обществе рубежа XIX-XX веков, в соответствии с веберовской терминологией может быть отнесено к «идеальным типам», то есть, должно быть рассмотрено как исследовательский прием, способствующий обнаружению и раскрытию своеобразия исследуемой культуры [1, с.401]. Образ Англии, присутствующий в общественном мнении России конца XIX-начала XX веков, является элементом общественного или коллективного сознания как единого смыслового поля, пронизывающего российское общество этого периода. Как феномен общественного сознания образ Англии включает в себя когнитивный, эмоционально-чувственные и фантазийные элементы, каждый из которых имеет собственные преимущественные источники формирования и факторы воздействия. Основной функцией введения и использования образа Англии в историческом исследовании будет более глубокое и дифференцированное изучение общественного мнения России рубежа XIX-XX веков. Образ Англии мо-

жет быть рассмотрен как дополнительный параметр при изучении духовной жизни общества, общественных ценностей и идеалов. Кроме этого, изучение образа

Англии, его динамики и трансформаций может способствовать анализу социальной динамики самого российского общества.

Библиографический список

1. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Избранные произведения, М.: Прогресс, 1990.
2. Гелла Т.Н. Англия конца 60-х – начала 70-х годов XX века глазами русских // Россия и Европа в 19-20 веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996.
3. Голубев А.В. Инокультурные представления в истории // Российская история. 2010. №5.
4. Грушин Б.А. Массовое сознание. М., 1987.
5. Добровольская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи). М.: Едиториал УРСС, 2005.
6. Долгих Е.В. Восприятие внешнего мира представителями административной элиты николаевского времени (М.А. Корф, Д.Г. Блудов) // Россия и внешний мир: Диалог культур. М., 1997.
7. Дюргейм Э. О разделении общественного труда. /Пер. с фр. А.Б. Гофмана. М.: Канон, 1996.
8. Ерофеев Н.А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. М., 1982.
9. Желтикова И.В. Образ будущего как образ // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. №5 (55)
10. Замятин Д.Н. Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов. СПб. 2003.
11. Казакова Н.А. Западная Европа в русской письменности 15-16 веков Из истории международных культурных связей России. Л., 1980.
12. Казакова О.Ю. Понятийный аппарат исследований инокультурных представлений // Российская история. 2010. № 5.
13. Леонтьев А.Н. Психология образа // Вестник Моск. ун-та. Серия 14. Психология. 1979. № 2
14. Лучицкая С.И. Образ Другого: опыт типологии // Вестник РГНФ. 2000. № 1.
15. Лучицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001.
16. Оболенская С.В. Образ немца в русской народной культуре 18 – 19 вв. // Одиссей. Человек в истории. 1991. М., 1991.
17. Родигина Н.Н. Репрезентация литературных путешествий в Сибирь в русских общественно-политических журналах второй половины 19 века // Диалог со временем. 2012. № 39.
18. Родигина Н.Н., Худяков В.Н. «Воображаемая Сибирь»: А.В. Ремнев о ментальном картографировании Сибири 19 в. // Вестник Омского университета. 2012. № 2 (64).
19. Сергеев Е.Ю. Образ Великобритании в представлении российских дипломатов и военных в конце 19-начале 20 века // Россия и Европа в 19-20 веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996.
20. Pageaux D.-H. Image/Imaginaire // Europa und das nationale Selbstverständnis. Imangologische Probleme in Literatur, Kunst und Kultur des 19. und 20. Jahrhunderts // Herausgegeben von H.Dyserinck und K.Syndram Bonn, 1988. S. 371-363.

References

1. Weber M. "Objectivity" socio-scientific and socio-political knowledge // Selected Works, M., 1990.
2. Gella T.N. England late 60's - early 70-ies of XX century for Russian eyes // Russia and Europe in the 19-20 centuries. Problems of mutual perception of peoples, societies and cultures. M., 1996.
3. Golubev A.V. Inokulturnye The representation of different culture in the history // Russian history. 2010. № 5.
4. Grushin B.A. Mass consciousness. M., 1987.
5. Dobrovol'skaya T.G. Aspects of the study of media texts (research experience media speech modern English). M., 2005.
6. Dolgih E.V. Perception of the external world buy the administrative elite of the Nicholas time (M.A. Korf, D.G. Bludov) // Russia and the World: Dialogue of Cultures. M., 1997.
7. Durkheim E. About the division of social labor. M., 1996.
8. Erofeev N.A. Albion. England and the British of the Russian's eyes. M., 1982.
9. Zheltikova I.V. Image of the future as the image // Proceedings of Orel State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2013. № 5 (55)
10. Zamyatin D.N. Humanitarian Geography. Space and language buy the geographic images. St. Petersburg. 2003 .
11. Kazakova N.A. Western Europe in the Russian alphabet ages 15-16 from the history of international cultural relations of Russia. L., 1980 .
12. Kazakova O.Y. Conceptual apparatus studies the representations of different culture // Russian history. 2010. № .
13. Leontiev A.N. Psychology of the image // Vestnik Moskov. Univ. Series 14. Psychology. 1979. № 2
14. Luchitskaya S.I. Images of others: the experience typology // Bulletin of the RHF. 2000. № 1.
15. Luchitskaya S.I. Image of the Other: Muslims in the chronicles of the Crusades. St. Petersburg. 2001.
16. Obolensky S.V. Image of German in Russian folk culture 18 - 19 centuries // Odyssey. Man in History. 1991. M., 1991 .
17. Rodigina N.N. Representation of literary travel to Siberia in Russian newsmagazines second half of the 19th century // Dialogue with time. 2012. № 39.
18. Rodigin N.N., Hudyakov V.N. "Imaginary Siberia": A.V. Remnev of mental mapping in Siberia 19 // Herald of Omsk University. 2012. № 2 (64).
19. Sergeev E.J. Image of England in the representation buy Russian diplomats and the military in the late 19th and early 20th century // Russia and Europe in the 19-20 centuries. Problems of mutual perception of peoples, societies and cultures. M., 1996.
20. Pageaux D.-H. Image/Imaginaire // Europa und das nationale Selbstverständnis. Imangologische Probleme in Literatur, Kunst und Kultur des 19. und 20. Jahrhunderts // Herausgegeben von H.Dyserinck und K.Syndram Bonn, 1988. S. 371-363.

А.С. ЛЕВШИН

аспирант кафедры всеобщей истории Орловского государственного университета

A.S. LEVSHIN

graduate student of department of general history, Orel state university

РУССКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ГЛАЗАМИ АНГЛИЧАН В КОНЦЕ XIX-НАЧАЛЕ XX вв.

RUSSIAN NATIONAL CHARACTER THROUGH THE EYES OF THE BRITISH IN THE LATE XIX-EARLY XX CENTURIES

В статье анализируются представления британских литераторов, журналистов, путешественников о русском национальном характере. Выявляются противоречивые черты русского национального характера, показывается его сложность и многосторонность.

Ключевые слова: англичане, Англия, национальный характер, восприятие.

The article analyzes views of British writers, journalists and travelers about Russian national character. The article shows contradictory features, complexity and versatility of Russian national character.

Keywords: Russia, Russian, Russian national character.

Интерес к восприятию русского национального характера, несомненно, актуализирован мировыми глобализационными процессами, активным политическим, экономическим и культурным вхождением России в мировое сообщество. Этот интерес обусловлен появлением многих исследовательских направлений – психоистории, истории повседневности и т.п. [3, с.] Однако этот интерес существовал задолго до нашего времени, в частности, на рубеже XIX-XX вв. имелся весьма серьезный пласт свидетельств об особом внимании англичан к России, о поисках решения вопроса о русском национальном характере.

Британские литераторы и журналисты, к свидетельствам которых мы обратимся, в течение двух первых полутора десятилетий XX в. неоднократно посещали Россию, имели дружеские и родственные связи с русскими. Например, Морис Бэринг, будучи знакомым с семьей русского посланника в Копенгагене графа Бенкендорфа, часто посещал по их приглашению имение Сосновка в Тамбовской губернии. Кроме того, свои знания о России Бэринг имел возможность расширить во время русско-японской войны, когда в качестве корреспондента британской газеты «Morning Post» он находился в Маньчжурии при русской армии. Свои впечатления о русских Бэринг выразил в книгах «With the Russians in Manchuria» (1905), «A year in Russia» (1907), «The Russian people» (1911), «The main-spring of Russia» (1914) [2, с. 253]. Он имел непосредственную возможность наблюдать живую религиозную жизнь простого русского человека, видеть пасхальные празднества и приготовления к ним, познакомиться с православно-церковной атрибутикой русских (молебны, свечи перед иконами и т.п.). Соответственно, он отмечает религиозность как черту русского народа, но при этом обращает внимание на большое количество атеистов среди русской интеллигенции. Сам он не при-

нимает атеизм как мировоззренческую позицию, глубоко симпатизируя религиозности простого русского человека. Интеллигентский же атеизм он отождествляет с «сердечной пустотой», показывая такое отношение собственным замечательным переводом на английский язык стихотворения А.С. Пушкина «Я пережил свои желания», содержание которого, на его взгляд, адекватно мировосприятию русской интеллигенции, душа которой страдает от потери веры [4, р.46].

Религиозность русских выделяет в качестве черты национального характера английский путешественник Стивен Грахам (работы «Undiscovered Russia» (1912), «With the Russian pilgrims to Jerusalem» (1913), «Changing Russia» (1913), «The way of Martha and the way of Mary» (1915), «Russia and the world» (1915), «Russia in 1916» (1917)). Он неоднократно путешествовал по России, познакомился с жизнью разных слоев российского общества, хорошо знал русский язык. Так, интересно, что, согласно наблюдениям этого англичанина, всякий разговор с представителем его нации заканчивается спортивной темой, разговор с французом завершается «беседой о женщине», тогда как в разговоре с русскими преобладают совершенно иные предметы обсуждения: в беседе с русским интеллигентом главной темой будет обязательно тема России, а в беседе с русским крестьянином – тема Бога и религии [6, р.72]. В России везде «чувствуется близость Бога», о чем свидетельствует, по Грахаму, лампада перед иконами, которую можно найти совершенно в любом месте («и на вокзале, и в бане»). Русская идея определяется им как «христианская идея», в основе которой присущая русским любовь к страдающим и ко всякому человеку вообще. Грахам называет еще одно существенное качество русского характера – экстремизм, происходящий из некоего «внутреннего огня». Этот британский автор называет русских «вулканами», которые либо «потух-

шие», «спокойные», либо находятся «в состоянии извержения», демонстрируя страстность духа [7, p.89].

Солидарен с соотечественниками в своем мнении о русских и их религиозности еще один англичанин, имя которого достаточно известно в русской истории. Это Гарольд Вильямс, муж Ариадны Тырковой-Вильямс, известной русской писательницы, члена ЦК партии кадетов. В своей книге о России «Russia of the Russians» (1914) он, много путешествовавший по стране, также отмечает религиозность русского народа. Причем, с его точки зрения, в начале XX в. возврат к религиозности, к Церкви наблюдается и у представителей русской интеллигенции [2, с.254]. Кстати, Ариадна Тыркова-Вильямс в своих мемуарах свидетельствует, что русские крестьяне охотно беседовали с иностранцами на разные темы. Так, ее мужа, англичанина, хотя и хорошо говорившего по-русски, но все же с ошибками и акцентом, мужики всегда по-дружески приветствовали и задавали разные вопросы о политике, о текущей политической жизни, о Государственной Думе и ее деятельности. Вильямс, в свою очередь, с большим интересом общался с русскими крестьянами, находя их в целом сметливыми и быстро схватывающими новую информацию, однако затаенными и не слишком открытыми, не выдающими собственных мыслей, что, очевидно, объяснялось наследием крепостнической жизни [2, с. 289].

Известно, что англичане, будучи военными и политическими союзниками России в Первой мировой войне, написали целый ряд работ, посвященных русской армии, свидетелями побед и поражений которой они, в качестве военных корреспондентов или дипломатических работников, часто бывали. Это работы следующих авторов: Pares B. «Day by day with the Russian Army» (1915), Sir Mackenzie Wallace Donald «Russia» (1912), Sir Knox Alfred «With the Russian Army» (1914-1917). Все они, понимая, что солдатами русской армии являются в большинстве своем крестьяне, подчеркивают доброту, миролюбие, добродушие, сердечную простоту русского крестьянства. Эти качества, проявлявшиеся на войне, позволяют, в частности, А. Ноксу сделать вывод о том, что русские солдаты – наиболее миролюбивые и «наименее империалистические» в мире [9, p.34].

Британец М. Бэринг в своей книге «The Russian people» (1911) суммирует положительные и отрицательные черты русского национального характера. Так, Бэринг называет пластичность русских и выводит из этого важнейшего качества «гуманность, способность к ассимиляции, гибкость ума, искренность, свободу мыслей и нравов», а также «энергию и смелость мысли» как позитивные характеристики.

В то же время из пластичности выводимы, по его убеждению, и негативные характеристики: «потворство и распушенность, недостаток оригинальности, поверхностность, неустойчивость (lack of back-bone), отсутствие индивидуальной дисциплины и потому отсутствие политической свободы», «экстравагантность, отсутствие чувства меры, робость поведения, скачки от энергии к бездеятельности, от оптимизма к пессимизму, от бунта к подчинению, боязнь ответственности» [5, p. 45].

Наряду с пластичностью русские, по мнению Бэринга, демонстрируют «позитивизм, реализм и здравый смысл», что влечет за собой присущие их национальному характеру «терпение и единство цели» и в то же время качества совершенно противоположного плана, такие как «недостаток индивидуальности, независимости и гражданского мужества». Бэринг дает замечательное образное сравнение русского и англичанина, показывая тем самым их существенные характерологические различия. Он пишет, что в каждом англичанине соединяются Генрих VIII, Джон Милтон и мистер Пиквик, тогда как каждый русский есть сочетание Петра Великого, князя Мышкина и Хлестакова. В книге «The Mainsprings of Russia» (1914) Бэринг от лица так называемого *advocates diaboli* перечисляет множество негативных черт России, с чем, очевидно, и в наше время согласится любой европеец, побывавший в нашем Отечестве. Это и плохой климат, долгие зимы, отсутствие хороших дорог, провинциальная грязь и скука, дороговизна жизни, отсутствие качественных продуктов и гигиены, отсталость, неряшливость, беспечность людей, административный произвол, канцелярская волокита и взяточничество, профессиональная некомпетентность, плохое управление, отсутствие самодисциплины, отсутствие политической свободы и т.п. [4, p.313-315].

Тем не менее, Бэринг говорит о своей любви к России и уважении к русскому народу, парадоксальным образом отмечая, что «недостатки России – оборотная сторона положительных качеств ее, столь ценных, что они перевешивают недостатки». Так, есть в России и «достоинства природы», например, «тургеневский пейзаж», есть красота национальной музыки, что уже отмечалось выше, и красота русской поэзии, и, наконец, «человеческая любовь», простота, искренность, теплота души русского человека, глубокая религиозность, а также упорство, которое, впрочем, Бэринг называет не глубинной генетической чертой русских, а объясняет «примесью финской крови». Именно финны дали русским много национальных черт, тогда как татары, которые, казалось бы, при всех событиях русской истории должны были воздействовать на наш национальный характер больше, чем кто либо другой, оказали, по Бэрингу, исключительно «политическое влияние..., но не расовое» [5, p.34].

Интересным источником наблюдений англичан за русской жизнью во всем богатстве ее истории, этнографических данных, религиозных традиций является книга «Провинциальная Россия» («Provincial Russia»), изданная в Лондоне в 1913 году. Это свод иллюстраций (в большей степени цветных) и описаний русской жизни, основанных на впечатлениях составителей (художника Ф. Хэнена и автора текста Хью Стюарта) от путешествий по Российской империи от Польши до Сибири. Русских мужиков часто обвиняют в непорядочности, и это обвинение, на взгляд Стюарта, в общем, справедливо. Он приводит в этой связи русскую поговорку, созданную, видимо, для самооправдания русских и являющую собой замечательную «смесь искренно-

сти и богохульства»: «все крадут, кроме Христа, и он бы крал, если бы его руки не были пригвождены к кресту» [10, p.14]. Но есть существенная разница между отношением русских к государству, власти, с одной стороны, кража у которых не считается чем-то непорядочным и безнравственным, и, с другой стороны, между отношением к товарищам-крестьянам, по отношению к которым всякая непорядочность является неприемлемой, так как в общинном владении трудно различить свое и не свое. Тем не менее, в национальном характере русских есть определенные «дефекты», обобщенно характеризующие русского мужика.

Это «непредусмотрительность», «неправдивость», «упрямство», «жадное стремление получить что-либо, несоразмерное благодарности за полученное». Эти недостатки уравниваются достоинствами, к числу которых можно отнести «здравомыслие», «практическую проницательность», «выносливость», «трезвую широту взглядов», «гостеприимство», «доброжелательность», «интеллектуальную одаренность» [10, p.15]. Имеются и ярко выраженные противоречивые («экстраординарные» и «изумительные» контрасты) черты: обычно тихий, русский мужик, тем не менее, может показать и «животную» силу страсти, когда он, как само собой разумеющееся, бьет жену (о чем также имеются русские пословицы). Кстати, как пишет далее автор, поражает язык русских крестьян, такой простой и сильный, состоящий из массы кратких и живописных «крылатых фраз», которые «столь редки в английской беседе» и позволяют проникнуть в самую суть [10, p.16].

Как и многие другие английские авторы, Стюарт отмечает религиозность русских крестьян, проявляющуюся не только в поклонении иконе, но и глубокой мистической вдумчивости, христианском милосердии, искренней вере. Религиозностью объясняется крестьянский фатализм в отношении к происходящим событиям, который, в свою очередь, явился фактором, обусловившим замедленные темпы «материального прогресса» в России [10, p. 18-19]. Однако у русского мужика, по убеждению английского автора, большое будущее, так как он энергичен, умен, физически силен и вынослив. Необходимо культурное воспитание крестьянина, а также социально-экономические инновации как условие прогрессивного развития России – это ломка общины, расширение сети железных дорог, развитие внутренних ресурсов страны [10, p.20].

Серьезным стимулом к размышлениям о России и русском национальном характере стали для англи-

чан русские революции, в результате которых, по их общему мнению, создавалась некая новая страна, а российские перемены, несомненно, обусловлены специфическим национальным темпераментом и менталитетом. Обратимся к работе Лайонела Декля «Новая Россия» («The New Russia»), где описывается Россия накануне и в годы Первой русской революции [8, p.18]. В первой главе речь идет о русском (славянском) темпераменте, о «загадочности» России («land of mystery»), о «контрастности» как черте российского общества и индивидуального русского человека. Именно «контрастность» проявилась в русской революции: скромный раб, обладающий неиссякаемым терпением, вдруг стал неистовым революционером, так же мало ценящим чужие жизни, как и свою собственную [8, p.19-20]. Яркой характеристикой «русского ума» называется «дух подражания» и отсутствие индивидуальной инициативы, что проявилось в декабрьских событиях 1905 г., когда выступления и забастовки в одном городе или районе происходили потому, что где-то и кем-то раньше это было сделано. При этом русскому человеку несвойственны полумеры, начав что-либо делать, он делает это «с сердцем и душой» и не может остановиться. Революционные события в Москве наглядно, по мнению английского автора, демонстрируют эту национальную черту русских, причем демонстрируют так, что хочется спросить «так кто же эти люди – герои или скоты?» [8, p.27]. Нигде в мире нельзя найти такого отсутствия великодушия к поверженному врагу (причем с обеих сторон революционного противостояния), как в России. Соответственно, автор затрудняется в том, чтобы назвать русских героями, так как настоящие герои «так же щедры, как и храбры» [8, p.28].

В целом же, суммируя представления англичан, можно сказать, что для них русский национальный характер полон противоречий, весьма многосторонен и сложен. Конечно, в оценках английских авторов содержится значительная доля субъективизма, приверженности стереотипам, неприятия и даже осуждения, что вполне объяснимо спецификой национального английского менталитета, культурных традиций Британии. Тем не менее, практически все указанные британские авторы руководствовались единой задачей – показать своим соотечественникам непредвзятую картину русских нравов, русской национальной жизни, русской души, что, несомненно, благотворно сказывалось на русско-английских отношениях рассматриваемого периода.

Библиографический список (References)

1. *Lossky N.O.* Harakter of the Russian people. // *Lossky N. O. of a condition of absolute good.* М.: Политиздат, 1991.
2. *Tyrkova-Williams A.* On ways to freedom. М.: Moscow school of political researches, 2007.
3. *Levshin A.S.* Angliysky national character eyes of Russians at the end of XIX - the beginning of the XX century // *Scientific notes of the Oryol state university.* 2014 No. 1. Page 24-28.
4. *Baring M.* The Russian people. London, 1911.
5. *Graham S.* The way of Martha and the way of Mary. London, 1915.
6. *Graham S.* With the Russian pilgrims to Jerusalem. London, 1913.
7. *Declé L.* The New Russia. London. Eveleigh Nash, 1906.
8. *Sir Knox A.* With the Russian Army. London. 1917.
9. *Stewart H.* Provincial Russia. London. 1913.

УДК 94(47).083.5-283.3-35

UDC 94(47).083.5-283.3-35

Г.С. ЧУВАРДИН

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Орловского государственного университета
E-mail: snotra@orel.ru

G.S. CHUVARDIN

candidate of historical sciences, associate professor
department of history of Russia, Orel state university
E-mail: snotra@orel.ru

КОМАНДИРЫ ГВАРДЕЙСКИХ КАВАЛЕРИЙСКИХ ДИВИЗИЙ КАК ЭЛЕМЕНТ ТОПА
ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ РОССИИ АЛЕКСАНДРА III – НИКОЛАЯ II

COMMANDERS GUARDS CAVALRY DIVISIONS AS PART OF THE TOP MILITARY AND
POLITICAL ELITE IMPERIAL OF RUSSIA ALEXANDER III TO NIKOLAY II

В статье рассматривается один из важнейших компонентов топа военно-политической элиты Российской империи – начальники гвардейских кавалерийских дивизий. Анализируются основные статистические индикаторы данной социальной группы. Определяется ее место в общей структуре военной и политической элиты в период правления императоров Александра III – Николая II.

Ключевые слова: военная элита, императорская гвардия, кавалерия, генералитет, аристократия.

The article considers one of the most important components of top military and political elite of the Russian Empire - chiefs guards cavalry divisions. It analyses the main statistical indicators of the given social group. Is determined by its place in the overall structure of the military and political elite in the period of the reign of the emperors Alexander III and Nicholas II.

Keywords: military elite Imperial guard, cavalry, the generals, the aristocracy.

К моменту восшествия на престол императора Александра III гвардейская (далее по тексту – «гв.») кавалерия включала в себя 12 полков и л.-гв. Уральский казачий эскадрон (с 14.03.1891 г. сотня; в 1906 г. была поглощена вновь образованным (9.08.1906 г.) л.-гв. Сводно-Казачьим полком).

1-я гв. кавалерийская дивизия (до 1857 г. Гвардейская кирасирская дивизия; далее по тексту – «1 ГКД») включала в себя: л.-гв. Кавалергардский, л.-гв. Конный, л.-гв. Кирасирский Его И.В. (права старой гвардии 1831 г.) и л.-гв. Кирасирский Ея И.В. (права старой гвардии 1884 г.) полки.

В свою очередь, 2-я гв. кавалерийская дивизия (далее по тексту – «2 ГКД») была образована 16.08.1857 г. путем слияния 1-й и 2-й (бывшей гв. кавалерийской дивизии войск Резервного Корпуса, дислоцировавшегося в Варшаве) Легких Гв. Кавалерийских дивизий (сформированы в мае 1832 г.) включала в свой состав: л.-гв. Конно-Гренадерский (06.12.1831 г. переименованный из лейб-гвардии Драгунского полка), л.-гв. Уланский, л.-гв. Гусарский, л.-гв. Казачий, л.-гв. Драгунский (до 1833 л.-гв. Конно-Егерский), л.-гв. Уланский Е.В., л.-гв. Гродненский Гусарский и Казачий Атаманский полки. К сожалению, формат статьи не позволяет проследить эволюцию указанных воинских частей с момента их образования и до нач. XX в. [9].

Каждая гв. дивизия была разбита на бригады по 2 кавалерийских полка. К началу XX в. все гв. кирасирские полки имели по штату 4-эскадронный, а полки «легкой» гв. кавалерии – 6-эскадронный состав.

Во главе дивизии стоял офицер в воинском звании

генерал-лейтенанта, во главе бригады – генерал-майор, во главе полка также генерал-майор. Следует отметить, что присвоение звания генерала в Российской империи являлось полностью прерогативой императора и давалось как форма награждения «за заслуги».

В отношении присвоения этого звания в «Справочной книжке офицера» 1902 г. указывалось следующее: «Представление в генералы – не ранее назначения или занятия должн., соответ. чину. Представления м.б.: 1) В обыкновенн. наградн. порядке и 2) на награды вне правил. В обыкновенн. нагр. пор. представл: а) в Генералы – не ранее 12 л. б) в Ген.-Л. – 8 л. и в) в Ген.-М. – не ранее 8 л. выслуги в предыдущ. чине [...]. Производство в Генеральские чины 2 раза в год: в день Тезоимен. Гос. Имп. и первый день Св. Пасхи. Производ. в Генер. чины не подчиняется никаким правилам и зависит от заслуг по Высоч. Благоусмотрению». [4; с.28]

При анализе особенностей социального состава офицеров Гв. корпуса применительно к командирам 1 и 2 ГКД нами была выявлена генеральная совокупность в размере 18 чел. (10 офицеров – 1-я гв. дивизия и 8 – 2-я) (см. таблицу № 1).

Во главе наиболее престижной части русского войска (начиная от должности командира гвардейского полка) могли находиться только представители дворянства, как правило, властной титулованной аристократии или наиболее заслуженных групп военной элиты (сегмента «боевых», «строевых» генералов).

Следует отметить, что гв. кавалерия сама по себе являла наиболее отборный людской материал. В ней служили представители не только «лучших» власт-

ных и военных династий империи, но и «лучшие» представители простого русского народа (при этом антропометрические признаки играли едва ли не решающую роль). Так, в приказе по военному министерству № 1733 от 18.09.1910 г. отмечалось следующее: «3. а) В войска Гвардии должны быть выбираемы новобранцы из числа самых видных, хорошо сложенных и рослых людей. б) В полки Гвардейской кавалерии новобранцы должны быть назначены в числе, указанном в 6-й графе расписания лит. А. При этом в отношении роста и веса означенных новобранцев должно быть соблюдено следующее: рост допускается не менее 2 аршин 6 вершков, вес же людей должен быть не более: для полков 1-й Гв. кавалерийской дивизии – 4 пуд. 30 фунтов, для прочих полков 4 пуд. 20 фунтов» [7].

С нашей точки зрения, важным отправным индикатором «элитарности» являлось представительство в рассматриваемой группе офицеров титулованных особ, включая великих князей. В ходе анализа нами было выявлено (на хронологическом отрезке 1881-1914 гг.) в качестве командиров 1-й гв. кавалерийской дивизии 4 титулованных особы из 10 (великий князь, 2 князя, граф), то есть 40%, в качестве командиров 2-й – 2 титулованных особы из 8 (2 великих князя; при этом нужно учитывать, что в.к. Дмитрий Константинович фактически временно исполнял должность командира), то есть 25% (см. таблицу № 1).

Представители подавляющей части нетитулованных командиров гв. кавалерийских дивизий являлись потомками отдельных военных династий и происходили из семей гвардейских офицеров и генералов. Анализ указанной группы позволяет сделать вывод, что 5 из

10 офицеров, то есть 50%, являлись сыновьями генералов (2 генерал-лейтенантов, 2 генерал-майоров и 1 вице-адмирала). Что касается оставшихся офицеров, то один являлся сыном полковника, один – майора и один – гвардейского ротмистра. Во 2-ой гв. дивизии сыновьями генералов являлись 4 офицера из 8 (включая великих князей), то есть 50 % (3 генерал-лейтенанта, 1 генерал-майор). Один офицер являлся сыном полковника. По отцу одного (г.-л. В.М. Безобразов) мы имеем неполную информацию (упоминается, что он был камергером).

Конфессиональная принадлежность офицера русской армии в определенной степени была детерминирована его национальностью. Из начальников 1 ГКД протестантами являлся Николай Федорович фон Крузенштерн (исповедовал евангелическо-лютеранский вариант христианства; по происхождению являлся остзейским немцем; его род был внесен в дворянский матрикул Эстляндской губернии). Вторым протестантом был Николай Павлович Эттер. Он происходил из Великого княжества Финляндского и имел шведские корни.

Остальных офицеров (за исключением в.к. Павла Александровича, которого по идее нужно идентифицировать как немца, исповедующего православие), учитывая частные этнокультурные нюансы, можно считать православными русскими.

Из начальников 2 ГКД протестантом (лютеранин) являлся Георгий Антонович Скалон. Его род вел происхождение от французского дворянина, жившего в Швейцарии. Русская линия Скалонов восходит к офицеру, поступившему на русскую службу в 1710 г. Мать

Таблица 1.

№	1 ГКД		2 ГКД	
	Ф.И.О., титул	Период командования дивизией	Ф.И.О., титул	Период командования дивизией
1	Свиты Е.И.В. г.-м. (с 30.08.1876 г.-л.) граф А.И. Мусин-Пушкин	27.07.1875-21.03.1881	В.Ф. Винберг	22.06.1886-09.12.1890
2	князь И.Ф. Шаховской	1881-1883	г.-м. (с 26.02.1893 г.-л.) в.к. Николай Николаевич Младший	1890-1895
3	Н.П. Эттер	06.05.1884-1886	г.-м. (с 14.03.1896 г.-л.) В.М. Остроградский	1895-1896
4	г.-адъютант князь И.Ф. Шаховской	1886-1892	врид ком. дивизии в.к. Дмитрий Константинович	16-30.08.1896
5	А.П. Струков	07.01.1892-1893	В.М. Остроградский	1896-1901
6	Н.Н. Шипов	1894-1896	Г.А. Скалон (с 1903 генерал-адъютант)	1901-1905
7	в.к. Павел Александрович (с 1897 г.-адъютант)	11.08.1896-25.12.1898	г.-м. (06.12.1906 г.-л.) А.А. Брусилов	1906-1909
8	г.-л. И.С. Зыков	13.01.1899-29.11.1903	В.М. Безобразов	1909-1912
9	князь Н.Н. Одоевский-Маслов	07.01.1904-01.03.1905	Г.О. Раух	1912-1914
10	г.-м. (с 30.07.1907 г.-л.) Н.Ф. фон Крузенштерн	10.02.1907-23.12.1910	-	
11	Н.Н. Казнаков	23.12.1910-30.03.1916		

Примечание: князь И.В. Шаховской и В.М. Остроградский командовали дивизиями дважды. В общей статистике они упоминаются и анализируются однократно.

Геorgia Антоновича Юлия-Елизавета-Елена Егоровна принадлежала к роду фон Сиверсов, ведущему свое происхождение из Дании. Формально ее можно идентифицировать как остзейскую немку из Лифляндии (данная идентификация по понятным причинам является условной).

В.к. Николай Николаевич также можно считать немцем. Его мать великая герцогиня Александра Петровна являлась дочерью великого герцога П.Г. Ольденбургского, принадлежавшего к младшей линии герцогов Гольштейн-Готторпских и дочери герцога Нассау-Вейльбургского Терезы (применительно к в.к. можно даже говорить о «кровосмешении»: его прабабка, в.к. Екатерина Павловна, была сестрой его деда императора Николая I) [8]. Великий князь исповедовал православие.

Следует отметить, что еще двух начальников 2 ГКД можно идентифицировать как немцев. Речь идет о В.Ф. Винберге, главе «богатой семьи» «шведско-германского происхождения» [3; с.9-11] (В.Ф. Винберг был идентифицирован нами как православный) [12; с.86], и Г.О. Раухе, остзейце Эстляндского происхождения.

Что касается такого параметра, как образование, то в отношении офицеров указанной группы действовали те же принципы, как и для всех офицеров Российской империи. В силу того что подавляющая часть представителей рассматриваемой нами генеральной совокупности являлась сыновьями генералов или полковников, их карьера, как правило, начиналась в основном элитно-образующем учебном заведении империи – Пажеском корпусе. Проанализированные нами статистические данные позволяют сделать вывод о том, что 6 из 10 начальников 1 ГКД (т.е. 60%) обучались в Пажеском корпусе. Из оставшихся: 1 (Н.Н. Шипов) закончил Императорский Александровский лицей, 1 (И.С. Зыков) – Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (с 1864 г. Николаевское кавалерийское училище), наконец, еще один (князь И.Ф. Шаховской) обучался в частном учебном заведении и «на службе» [10; с.32].

Из 8 начальников 2 ГКД 3 окончили Пажеский корпус (37%), 3 (В.Ф. Винберг, В.М. Остроградский, Г.А. Скалон) – Николаевское кавалерийское училище/Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (так же 37%).

В отношении образования великих князей в.к. Александр Михайлович отмечал следующее: «По традиции великие князья не могли обучаться ни в казенных, ни в частных учебных заведениях, а потому мы были окружены целым штатом наставников» [5; с.17]. Все князья, занимавшие пост начальника гв. кавалерийских дивизий, получили образование «в доме Августейших родителей».

Из офицеров рассматриваемой группы высшее военное образование получили: в 1 ГКД всего один человек – Н.Ф. фон Крузенштерн окончил Николаевскую академию Генерального штаба (он также прошел курс обучения в Офицерской кавалерийской школе); во 2-ой – 3 офицера (В.Ф. Винберг, в.к. Николай Николаевич

Младший и Г.О. Раух) также окончили указанную академию.

После окончания военно-учебных заведений офицеры были выпущены: в 1 ГКД в гвардейские полки все 10 чел. (3 в Кавалергардский, 3 в л.-гв. Конный, 2 в л.-гв. Гусарский Его В., 1 в л.-гв. Кирасирский Его В. и 1 в л.-гв. Измайловский полки); во 2-ой из 8 чел. только один (А.А. Брусилов) не был выпущен в гвардию. В 1872 г. Брусилов был выпущен из Пажеского корпуса в 15-й драгунский Тверской полк [1; с.6].

Еще одним важным параметром следует считать участие рассматриваемой группы офицеров в военных действиях (в данном случае нами рассматривается и наличие боевых наград). Статистика по данному параметру выглядит следующим образом. Из 10 начальников 1 ГКД 1 генерал имел опыт 3-х компаний, 2 – двух и 4 – одной. Причем только два офицера имели опыт командования отдельными частями и соединениями в условиях ведения боевых действий. Что касается боевых наград: один офицер, А.П. Струков, был награжден орденами Св. Георгия IV ст. и Св. Владимира III ст. «с мечами» (а также золотыми бриллиантами украшенным оружием с надписью «за военные подвиги» [11; с.348]), четверо имели ордена Св. Анны или Св. Станислава от IV до I ст. с «мечами» или «мечами и бантом», один, Н.П. Эттер, золотую саблю с надписью «за храбрость» [11; с.299].

В свою очередь из 8 начальников 2 ГКД шестеро участвовали в различных войнах, при этом двое имели опыт командования отдельными частями и соединениями. Один офицер, в.к. Николай Николаевич Младший, был награжден орденом Св. Георгия IV ст. (кроме этого золотым оружием), трое (В.Ф. Винберг, В.М. Остроградский, Г.А. Скалон) – Св. Владимира IV ст. с «мечами и бантом». Два офицера (В.М. Остроградский и Г.А. Скалон) – золотым оружием.

При анализе брачных отношений и наличия детей нами было выявлено, что из 10 командиров 1 ГКД только 5 чел. были женаты (причем один, в.к. Павел Александрович, 2 раза), что в целом составляло 50%. Во 2-ой дивизии из 8 чел. 7 офицеров имели жен (то есть 87%), один был холост. Подавляющая часть женатых офицеров имела детей. Наиболее многодетным был командир 2 ГКД г.-л. В.М. Безобразов. Генерал был женат на графине Н.В. Стенбок-Фермор (в девичестве Наталья Павловна Харитоненко (1880-1964)) и имел 7-х детей: Владимира, Надежду, Евдокию, Михаила, Ольгу, Георгия, Елизавету, Марию, Ирину.

Следует отметить, что ряд офицеров, имевших прямое отношение к топу военной элиты, женился достаточно поздно. Разница в возрасте между супругами достигала 20, а иногда и более лет. Следствием этого было появление «поздних» детей. Не являлась исключением высокая детская смертность и слабоумие. Данное суждение может быть проиллюстрировано воспоминаниями офицера «синих кирасир» князя В.С. Трубецкого, который писал о своей тете графине М.Д. Апраксиной («тетя Мимиша»; в девичестве Мария Дмитриевна Рахманова) следующее: «Совсем молодой

девушкой ее выдали замуж за командира кавалергардов [2], богача графа Апраксина, который был уже не молод, и тетя его не любила. Любимая дочка тети умерла еще ребенком, а оставшийся в живых сын был слабоумен, и никуда не показывался, так что я этого своего кузена никогда не видел» [13; с.404]. Для генералов также не являлся редкостью повторный брак, а также наличие содержанок/любовниц.

Что касается материального положения генерала-командира гвардейской дивизии, как и гвардейского генерала, занимавшего другие должности вплоть до командира гвардейского полка, то оно слагалось из разных источников доходов. В идеале было два очевидных источника: наличие земельной собственности и жалование.

В силу ограниченного формата статьи наш исследовательский интерес был, в первую очередь, обращен к денежному довольствию. Проведенный нами анализ позволяет сделать вывод, что единообразной модели обеспечения денежного довольствия в отношении командиров гвардейских дивизий не существовало. В соответствии с существующей на начало XX в. системой денежного довольствия все группы офицеров получали: жалование (оклад присвоенный чину по должности) в виде 2 различных видов окладов (основного или усиленного) и столовые деньги. Размер жалования генералов, состоящих на действительной службе в 1902 г., составлял: для генерал-лейтенантов – основное 1800 руб., усиленное 2472 руб. «Оклад столовых денег, присвоенных должностям» начальника дивизии, вне зависимости от рода войск равнялся 4200 руб. На самом деле в зависимости от каждого конкретного офицера эти цифры пусть и незначительно, но все же различались [4; с.54-61]. Представление о размере получаемого жалования отдельными офицерами, занимающими должность начальника 1 и 2 ГКД, дает таблица № 2 (см. таблицу № 2).

Таким образом, средний размер жалования на-

чальника гв. кавалерийской дивизии на отрезке 1881-1905 гг. составлял 6491 руб.

Наибольшего успеха на завершающем отрезке карьерного роста достигли генералы: Г.А. Скалон, сменивший на посту Варшавского генерал-губернатора и командующего войсками Варшавского военного округа 15.08.1905 генерала К.К. Максимовича (оставался в указанной должности до начала 1-ой мировой войны); граф А.И. Мусин-Пушкин, занимавший с 23.10.1890 по 19.12.1903 г. пост командующего Одесским военным округом; наконец, князь Н.Н. Одоевский-Маслов, заведующий с 19.04.1907 г. Придворной частью и начальник Московского Дворцового управления (оставался в указанной должности вплоть до 1917 г.; с 1905 по 1907 г. он также являлся войсковым наказным атаманом Войска Донского). По князю И.Ф. Шаховскому информация носит спутанный характер. В отдельных источниках указывается, что до 1894 г. он возглавлял Киевский военный округ. Кроме этого, генерал Н.Н. Шипов являлся членом Государственного (с 1.01.1911 г.), а В.Ф. Винберг Военного (с 1901 по 1909 гг.) советов. Генерал В.М. Остроградский занимал пост генерал-инспектора кавалерии (с 1905 по 1917 гг.), а А.П. Струков – инспектора ремонта кавалерии и бригад кавалерийского запаса. Остальные, более младшие по возрасту офицеры, командовали отдельными корпусами: И.С. Зыков – 16-м армейским, Н.Ф. фон Крузенштерн – 18-м армейским, А.А. Брусилов – 12-м армейским, В.М. Безобразов – Гв. корпусами.

Что касается великих князей, то их судьба сложилась по-разному. Например, в.к. Павел Александрович (с 1898 по 1902 г. командовал Гвардейским корпусом) после заключения брака с О.В. Пистолькорс в октябре 1902 г. был уволен со службы и находился в опале до 1905 г. После «прощения» князь не пожелал вернуться в Россию и жил во Франции до 1914 г. Дочь в.к. Мария Павловна вспоминала: «Поскольку отец женился мorganатическим браком и без разрешения императора, с

Таблица 2.

ФИО	командование дивизией	жалование	столовые	добавочные	особо добавочные	всего	аренда	источник*
1-я дивизия								
Н.П. Эттер	1884-1886	1356 р.	2400 р.	1500 р.	-	5256 р.	-	1889. С.299.
Князь И.Ф.Шаховской	1881-1883, 1886-1892	1356 р.	2400 р.	1500 р.	2500 р.	7756 р.	1500 р.	1883. С.302.
Павел Александрович	1896-1898	1017 р.	2400 р.	2700 р.	-	4917 р.	-	1896. С.817
И.С.Зыков	1899-1903	1800 р.	4200 р.			6000 р.	-	СГ, 1903. С.359
2-я дивизия								
В.Ф.Винберг	1886-1890	1356 р.	2400 р.	1500 р.	1500 р.	6756 р.	1500 р.	1889. С.255
В.М.Остроградский	1895-1896 1896-1901	1356 р.	2400 р.	1500 р.	1500 р.	6756 р.	-	1896. С.447.
Г.А.Скалон	1901-1905	1800 р.	4200 р.	500 р. (и квартирные)	1500 р.	8000 р.	-	1903. С.454.

*в качестве источника использовались «Списки генералам по старшинству» (указ год издания и страница)

того момента он был выслан из России и лишен всех своих прав. Более того, все его официальные доходы были конфискованы» [6; с.53].

Что касается в.к. Дмитрия Константиновича и Николая Николаевича, то их карьера по понятным причинам сложилась более чем успешно.

Все анализируемые офицеры достигли звания либо генерал-от-инфантерии, либо – генерал-от-кавалерии (Н.Н. Казнаков и Г.О. Раух – в 1917 г. (оба генерал-от-кавалерии)). Кроме того, в 1-ой гв. кав. дивизии 5 генералов-начальников дивизии были пожалованы свитским званием генерал-адъютанта, а во 2-ой это звание было пожаловано 5 «начальникам».

Полученные нами данные позволяют утверждать, что более 50 % начальников 1 и 2 ГКД, в конечном ито-

ге, вошли в структуру политической элиты российской империи (рассматривается важнейший показатель политической элиты – реальное обладание властью и способность влиять на принятие политических решений).

Безусловно, Россия начала XX в. уже не являлась милитарократией времен Николая I и тем более аристократическим государством XVII-XVIII вв. Тем не менее, удельный вес военно-политической элиты в аппарате государственного управления был по-прежнему достаточно высок. Остается открытым вопрос, насколько позитивным или деструктивным оставалось влияние данной властной группы (очевидно, консервативной в мотивационном плане, к чему обязывала служба в гвардии) в целом и ее отдельных представителей в частности.

Библиографический список

1. Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: «Вече», 2013.
2. В данном случае князь В.С. Трубецкой ошибается. Л.-гв. Кавалергардским полком командовал отец графа Антона Степановича Апраксина-2 (о котором идет речь в тексте) генерал-от-кавалерии генерал-адъютант Степан Федорович Апраксин (1792-1862): с 6.08.1824 по 25.06.1833. Будучи кавалергардом, Антон Степанович дослужился до звания генерал-майора. Командовал Александрийским гусарским полком.
3. Иванов А.А. Улан Ее Величества полковник Федор Викторович Винберг.//Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов. М.: НП «Посев», 2008.
4. Малинко В., Голосов В. Справочная книжка для офицеров. Часть I. М. 1902.
5. Романов А.М. великий князь. Книга воспоминаний. М.: Современник, 1991.
6. Романова М. Воспоминания великой княжны. Страницы жизни кузины Николая II. 1890-1918. М.: ЗАО Центрполиграф, 2007.
7. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.3551. Оп.1. Д.53.
8. См. Анненкова Э.А., Голиков Ю.П. Принц Петр Георгиевич Ольденбургский. СПб.: ООО «Издательство «Росток»», 2012.
9. См. Чувардин Г.С. Российская императорская гвардия в системе военной элиты Российской Империи в эпоху правления императора Николая II. – М.: издательство Московского экономико-лингвистического института, 2008.
10. Список генералам по старшинству. СПб., 1883.
11. Список генералам по старшинству. СПб., 1889.
12. Список генералам по старшинству. СПб., 1896.
13. Трубецкой В.С., князь. Записки кирасира. // Россия воспрянет! М.: Воениздат, 1996.

References

1. Brusilov A.A. My memoirs. – M.: “Veche”, 2013.
2. In this case the prince V. S. Trubetskoy is mistaken. L. - гв. Kavalergardsky regiment the father of the count Anton Stepanovich of Apraksina-2 (about whom there is a speech in the text) general from cavalries the general aide-de-camp Stepan Fedoro-vich Apraksin (1792-1862) ordered: from 6.08.1824 till 25.06.1833. Being kavalergardy, Anton Stepanovich served to a rank of the major general. I ordered the Alexandria Hussars.
3. Ivanov A.A. Ulan of Her Majesty colonel Fedor Viktorovich Win-berg.//Right guard. Russian distemper eyes of officers-monarchists. – M.: NP “Crops”, 2008.
4. Malinko V., Golosov V. The help book for officers. - Part I. - M 1902.
5. Romanov A.M. grand duke. Book of memoirs. – M.: Contemporary, 1991.
6. Romanova M. Memoirs of the great princess. Pages of life of the cousin of Ni-kolaya of II. 1890-1918. – M.: JSC Tsentrpoligraf, 2007.
7. Russian State Military and Historical Archive (RSMHA). F.3551. Op.1. 53.
8. See Annenkov E.A. Brooms Yu.P. Prinze Pyotr Georgiyevich Oldenburgsky. – SPb. : JSC Rostock Publishing House, 2012.
9. See Chuvaradin G. S. Rossiyskaya imperial guard in system of military elite of the Russian Empire during an era of board of the emperor Nikolay II. – M.: publishing house Moscow economical and linguistic institute, 2008.
10. The list to generals on a seniority. – SPb. 1883.
11. The list to generals on a seniority. – SPb. 1889.
12. The list to generals on a seniority. – SPb. 1896.
13. Trubetskoy V. S., prince. Notes of the cuirassier. // Russia will rise! – M.: Voen-izdat, 1996.

УДК 336.713, 336.717.31

UDC 336.713, 336.717.31

Я.В. БОЛОГОВ

аспирант кафедры математических методов анализа
экономики Московского государственного университе-
та им. М.В. Ломоносова
E-mail: jar.econ@gmail.com

Y.V. BOLOGOV

graduate student of department of mathematic methods of
economy analysis, Moscow State University named after
M.V. Lomonosov
E-mail: jar.econ@gmail.com

ОБ ЭКОНОМЕТРИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ МИНИМАЛЬНОГО УРОВНЯ ДЕПОЗИТОВ ДО ВОСТРЕБОВАНИЯ КОММЕРЧЕСКОГО БАНКА

ECONOMETRIC APPROACH TO ESTIMATION OF MINIMUM LEVEL OF NON-MATURITY DEPOSITS

На основе одномерного и многомерного подходов рассматривается задача нахождения нижней доверительной границы для объёма средств на пассивных счетах до востребования, ниже которой значение этого показателя не опускается с наперед заданной вероятностью. В эмпирической части обсуждаются результаты применения описанных методов к данным о динамике пассивов одного из московских банков.

Ключевые слова: моделирование пассивов, коммерческий банк, теория экстремальных значений, GARCH, копула.

This paper concerns the problem of evaluation of the on-demand liabilities lower confidence bound, which level a bank balance does not reach with an a priori probability. The problem is formalized using an extreme value theory, GARCH models and copula techniques. Empirical results are discussed by examining a historical data provided by one of the Moscow credit banks.

Keywords: bank, liabilities modeling, extreme value theory, GARCH, copula.

Введение

Одним из наиболее важных критериев при принятии коммерческим банком решений о предоставлении кредитов, наряду с оценками кредитного риска, является величина избытка краткосрочных ликвидных средств, измеряющая его инвестиционный потенциал.

Объём краткосрочной ликвидности складывается из остатков на счетах активов до востребования и активов с малым оставшимся до погашения сроком. Динамика этих активов определяется состоянием пассивов, прежде всего средствами клиентов и межбанковскими операциями.

Таблица 1.

Классификация пассивов коммерческого банка.

До востребования	С фиксированным сроком
Счета физических лиц	Депозиты физических лиц
Счета юридических лиц	Депозиты юридических лиц
ЛОРО-счета	Межбанковские депозиты

Формирующие ликвидность пассивы в целях моделирования следует разделить на две основные группы (см. табл. 1): до востребования и с фиксированным сроком погашения. К пассивам с фиксированным сроком мы будем относить срочные депозиты физических и юридических лиц, а также привлечённые межбанковские займы. Моделирование динамики такого рода пассивов не представляет собой сложности или интереса, поскольку в каждый момент времени нам известны не только текущая структура портфеля этих пассивов, но и траектория его эволюции. Напротив, моделирование динамики пассивов первой группы – до востребования

– представляет значительный интерес. К пассивам этой группы мы отнесём остатки на счетах до востребования физических и юридических лиц, в том числе на карточных счетах, и ЛОРО-счета, на которых размещают свои средства сторонние банки. Несмотря на то, что, в принципе, из-за нестабильности этих пассивов возможен внезапный резкий их отток, такая ситуация является маловероятной ввиду большого числа клиентов банка, формирующих его пассивный портфель. Как правило, для каждого банка существует такой уровень, ниже которого величина пассивов первой группы не опускается никогда или почти никогда. Иными словами, с наперед заданной вероятностью, близкой к единице, можно гарантировать, что величина депозитов до востребования будет больше этого уровня. Мы будем называть такой уровень «стабильным». Решаемая в данной статье задача оценки значения стабильного уровня является очень важной для принятия инвестиционных решений, так как средства из пассивов до востребования, по величине не превышающие стабильный уровень, могут быть использованы для кредитования клиентов, увеличивая инвестиционный потенциал банка.

Динамика пассивов до востребования обычно рассматривается в литературе с позиций оценки процентного риска, при этом считается, что сама величина пассивов остаётся постоянной [7]. Такая постановка вопроса, очевидно, является слишком упрощённой. В связи с этим в работе [3] была предложена модель динамики пассивов, изменения которых описываются в следующей форме:

$$dP_t = (r_t^d - r^w) P_t \quad (1)$$

где P_t – величина остатка на пассивных счетах в момент времени t , r_t^d – ставка рекапитализации пассивов, r^w – относительный уровень их оттока. Величины r_t^d и r^w определяются в предложенной модели с помощью экспертных оценок.

Подход, основанный на авторегрессионном моделировании величины депозитов до востребования, был рассмотрен в статье [10]. Помимо собственно лагированных значений исследуемого показателя в модель также включались экзогенные переменные: например, спред между рыночной и банковской ставками процента.

В настоящей работе делается попытка применения эконометрического аппарата для моделирования динамики пассивов до востребования. Поскольку величина стабильного уровня определяется наиболее значительными величинами сокращения объема пассивов за исследуемый период, мы используем положения теории экстремальных значений для описания этих событий. Второе направление моделирования, рассматриваемое в данной работе, обобщение авторегрессионного подхода, – модель ARMA–GARCH, позволяющая учитывать эффект кластеризации экстремальных снижений величины депозитов до востребования.

Депозиты до востребования коммерческого банка неоднородны по своей структуре. Их общая величина формируется из трёх основных источников.

1. Средства физических лиц (вклады до востребования и карточные счета).
2. Средства юридических лиц (расчётные счета).
3. Средства сторонних банков (ЛОРО-счета).

Каждый вид пассивов обладает некоторыми особенностями и, как следствие, имеет отличную от других динамику. Например, на счетах физических лиц, как правило, находятся сравнительно небольшие остатки, но количество этих счетов очень велико, поэтому можно ожидать, что общая величина депозитов до востребования физических лиц будет подвержена сравнительно малым флуктуациям, медленно изменяясь во времени.

Напротив, количество счетов юридических лиц, как правило, значительно меньше, чем у физических лиц, однако остатки на них гораздо больше. Это приводит к возрастанию влияния отдельных контрагентов на динамику общей величины пассивов юридических лиц, поэтому можно ожидать, что, в отличие от аналогичного показателя для физических лиц, её флуктуации будут значительными.

Заметим, что довольно часто распространена ситуация, когда у коммерческого банка, как правило, небольшого, имеется один или очень небольшое число системообразующих клиентов (для таких случаев иногда применяется термин «карманный банк»). В этой ситуации говорить о каких-либо статистических закономерностях в динамике остатков на счетах юридических лиц уже не представляется возможным в связи с тем, что размещение и изъятие средств регламентируются устными или письменными договорённостями на уровне руководства банка и предприятий.

Заметим также, что во время финансово-экономического кризиса описанные закономерности динамики разных видов депозитов до востребования во многом утрачивают свою уникальность и начинают характеризоваться высокими волатильностью и экстремальными значениями.

Наконец, динамика остатков на счетах ЛОРО зависит от специфики клиентской базы конкретного банка. Изменение остатков на ЛОРО-счетах могут иметь признаки динамики счетов как юридических, так и физических лиц.

Способ расчёта стабильного уровня депозитов до востребования будет зависеть от наличия корреляции между изменениями величин остатков на пассивных счетах различных видов. При отсутствии корреляции мы можем отдельно рассчитать стабильные уровни для каждого вида пассивов и получить оценку общего уровня как средневзвешенное этих значений, где в роли весов будут выступать остатки средств на счетах физических, юридических лиц и сторонних банков. При наличии корреляции в изменениях пассивов простое сложение одномерных показателей риска даст смещённую оценку общего стабильного уровня депозитов до востребования. В этом случае необходимо построить совместное распределение динамики остатков различных видов пассивов и на его основе моделировать риск.

Далее мы рассмотрим построение оценок стабильного уровня депозитов до востребования для этих двух вариантов с использованием аппарата теории экстремальных значений и моделей семейства GARCH. Все расчёты в данной работе выполнялись с помощью статистического ПО «R» [12].

2. Алгоритмы оценки стабильного уровня пассивов до востребования

Для расчёта стабильного уровня интерес представляют, прежде всего, события, связанные с резким уменьшением остатков на пассивных счетах. Именно они определяют предел возможного сокращения доступного инвестиционного потенциала банка. Традиционно для моделирования таких событий применяется теория экстремальных значений (ТЭЗ), главными инструментами которой являются **метод блочных максимумов** и **метод превышения порогового значения**. Наряду с ТЭЗ в настоящей работе динамика пассивов описывается также с помощью моделей **условной гетероскедастичности** (GARCH), который позволяет строить оценки волатильности изменений пассивов, интерпретируя их как временной ряд.

Поскольку абсолютные изменения остатков на пассивных счетах представляют собой нестационарный временной ряд с непостоянным распределением значений на различных его отрезках, мы перейдём к относительным изменениям и, говоря о динамике пассивов, мы будем подразумевать **относительные величины**, которые мы будем обозначать как $x_{i,t}$ – относительное снижение остатка на i -м пассивном счёте в периоде t .

В качестве измерителя стабильного уровня мы воспользуемся общепринятым показателем «граница по-

терь» (value-at-risk), представляющий собой квантили функции распределения относительных уменьшений остатков F :

$$VaR_{\alpha} = q_{\alpha}(F), P(x_{i,t} > VaR_i) = \alpha. \quad (2)$$

Обычно, например в задачах риск-менеджмента, «границу потерь» определяют как значение на левом хвосте распределения. Однако в данном случае, поскольку мы рассматриваем относительные снижения уровня депозитов до востребования, нам целесообразно рассматривать правый хвост. Этому соответствует знак «больше» в выражении (2).

2.1. Теория экстремальных значений

Методы теории экстремальных значений подробно описаны в работе [9]. На их основе мы можем сформулировать алгоритм оценки стабильного уровня депозитов до востребования при использовании многомерных методов блочных максимумов и превышения порогового значения. Алгоритмы применения этих методов довольно похожи, поэтому мы изложим их в единой инструкции.

1. На первом шаге для метода блочных максимумов мы разбиваем имеющуюся выборку относительных уменьшений остатков на m блоков по n наблюдений в каждом, и на основании этого разбиения получаем ряд максимумов. Для удобства интерпретации результатов размер блоков n рекомендуется выбирать, исходя из содержательных соображений, тем или иным образом привязав его к горизонту моделирования. При использовании метода превышения порога, прежде всего, необходимо задать вектор пороговых уровней $\bar{u} = (u_1, u_2, u_3)$. Для этого можно воспользоваться графиком выборочного среднего превышения

$$e_{n,i}(u_i) = \frac{\sum_{t=1}^T ((x_{i,t} - u_i) \cdot I(x_{i,t} > u_i))}{\sum_{t=1}^T I(x_{i,t} > u_i)}. \quad \text{При выполнении}$$

условий теоремы Пикандса-Балкема-де Хаана [2, 11] величина $e_{n,i}(u_i)$ линейно зависит от u_i , поэтому целесообразно выбрать пороговое значение там, где график этой функции становится линейным;

2. Следующим шагом является расчёт частных функций распределения экстремальных значений. В методе блочных максимумов эти функции $F_i(x)$, $i \in \{1; 2; 3\}$ выбираются из класса обобщённого распределения экстремальных значений (GEV), а в методе превышения порога – из класса обобщённого распределения Парето (GPD);

3. Далее с помощью копулы¹ экстремальных значений из частных функций конструируется функция совместного распределения экстремальных сокращений уровня депозитов до востребования: $F(\bar{x}) = C_0(F_1(x), \dots, F_3(x))$;

4. Получив функцию совместного распределения экстремальных значений, мы имеем возможность строить оценки предельного снижения уровня депозитов до востребования как квантили совместного распределения заданной достаточно большой вероятности. Квантили распределения мы будем находить с помощью

метода Монте-Карло. Стабильный уровень по каждому виду пассивов будет определяться как единица минус значение соответствующего квантиля, а общий стабильный уровень – как средневзвешенное частных.

2.2. Модель «Copula–GARCH»

Рассмотрим модель временного процесса ARMA(r,s)–GARCH(p,q):

$$x_{i,t} = \mu_i + \sum_{j=1}^r a_{i,j} x_{i,t-j} + \sum_{k=1}^s b_{i,k} \varepsilon_{i,t-k} + \varepsilon_{i,t}, \quad (3.1)$$

$$E(\varepsilon_{i,t}) = 0, \quad i \in \{1; \dots; d\}, \quad t \in \{1 + \max(r, s); \dots; T\}. \quad (3.2)$$

$$\varepsilon_{i,t} = z_{i,t} \sigma_{i,t}, \quad z_{i,t} \sim iid(0,1). \quad (3.3)$$

$$\sigma_{i,t}^2 = \omega_i + \sum_{j=1}^p \alpha_{i,j} (\varepsilon_{i,t-j}^2 - \gamma_{i,j} \varepsilon_{i,t-j}) + \sum_{k=1}^q \beta_{i,k} \sigma_{i,t-k}^2. \quad (3.4)$$

Модели условной авторегрессионной гетероскедастичности обычно применяются к доходностям финансовых инструментов, однако эмпирическое исследование показало, что для относительных изменений депозитов до востребования также характерен эффект кластеризации волатильности. Иными словами, интересующие нас значительные снижения остатков имеют тенденцию группироваться.

Обнаружение подобной зависимости производилось нами с помощью теста множителей Лагранжа (Lagrange multiplier test, LM-тест), впервые предложенного в работе [4]. Его спецификация представлена ниже.

Пусть мы имеем некоторую регрессионную модель временного ряда $\{x_{i,t}\}_{t=1}^T$ и $e_{i,t} = x_{i,t} - \hat{x}_{i,t}$, где $\hat{x}_{i,t}$ – подогнанные значения по имеющейся модели. Рассмотрим линейную регрессию

$$e_{i,t}^2 = \delta_0 + \delta_1 e_{i,t-1}^2 + \dots + \delta_q e_{i,t-q}^2 + \varepsilon_{i,t}, \quad t \in \{1+q; \dots; T\}. \quad (4)$$

Если волатильности изменения величины остатков на пассивных счетах не кластеризуются, тогда все коэффициенты $\delta_1, \dots, \delta_q$ при лагированных значениях эндогенной переменной должны быть равны нулю. В противном случае мы имеем эффект условной гетероскедастичности. Исходя из этого, можно сформулировать статистические гипотезы:

$$H_0 : \delta_1 = \dots = \delta_q = 0,$$

$$H_{alt} : \exists j \in \{1; \dots; q\} : \delta_j \neq 0.$$

Пусть $ESS_0 = \sum_{t=1+q}^T (e_{i,t}^2 - e_i^2)$, $e_i^2 = \frac{1}{T-q} \sum_{t=1+q}^T e_{i,t}^2$ и $ESS_1 = \sum_{t=1+q}^T \hat{e}_{i,t}^2$, тогда тестовая статистика, имеющая хи-квадрат распределение с q степенями свободы, запишется следующим образом:

$$S = \frac{(ESS_0 - ESS_1)/q}{ESS_1/(T-2q-1)} \sim \chi^2(q). \quad (5)$$

В табл. 2 представлены результаты тестирования этих гипотез для рядов изменений остатков на счетах юридических, физических лиц и ЛОРО-счетах², на основании которых мы можем сделать вывод о наличии эффекта кластеризации волатильности в рассматриваемых временных рядах.

¹ Изложение основ теории копула-функций см., например, в работе [11].

² В качестве исходных данных здесь и далее рассматривается динамика остатков на пассивных счетах одного из московских коммерческих банков.

Таблица 2.

Результаты LM-теста ($q = 25$) для рядов динамики остатков на пассивных счетах.

Показатель	Тестовая статистика	Критическое значение	p-value
Счета юр. лиц	41.93	37.65	0.018
Счета физ. лиц	43.01		0.014
ЛОРО-счета	59.09		0.000

Для всех трёх видов пассивов p -значение LM-теста достаточно низко, чтобы мы могли не принимать нулевую гипотезу об отсутствии кластеризации относительных изменений депозитов до востребования. Таким образом, для описания их динамики мы вполне можем использовать GARCH-модель.

В многомерном случае с помощью аппарата копула-функций мы можем промоделировать совместное распределение стандартизированной компоненты $\bar{z} = (\bar{z}_1, \dots, \bar{z}_d) \sim F(\bar{x})$, $\bar{x} = (x_1, \dots, x_d)$. В отличие от двух описанных выше методов, использующих положения ТЭЗ, модель «Copula–GARCH» не накладывает никаких ограничений на класс копулы.

Ниже представлен алгоритм³ оценки стабильного уровня пассивов по этой модели.

1. На первом шаге мы строим частные ARMA–GARCH модели, находим внутривыборочные значения величин $z_{i,t}$ и вычисляем прогнозные значения условной волатильности $\sigma_{i,t}$ на один шаг вперёд;

2. С помощью аппарата копула-функций строим совместное распределение $F(\bar{x})$ многомерной компоненты \bar{z} ;

3. Методом Монте-Карло генерируем большое количество величин $z_{i,j}$, $i \in \{1; \dots; d\}$, $j \in \{1; \dots; N\}$;

4. На основе сгенерированных стандартизованных компонент $z_{i,j}$ вычисляем показатели «граница потерь» для каждого вида пассивов: $Var_{i,t} = \mu_{i,t} + q_\alpha(z_{i,j})\sigma_{i,t}$;

5. Повторяем пункты 1–4 для $t \in \{T+1, \dots, T+T_H\}$, где T_H – горизонт моделирования. Стабильный уровень по каждому виду пассивов мы определяем как $1 - \max(Var_{i,T+1}, \dots, Var_{i,T+T_H})$. Общий стабильный уровень по-прежнему рассчитываем как средневзвешенное частных.

2.3. Ковариационно-дисперсионный метод

Ковариационно-дисперсионный метод является стандартным для оценки квантилей неизвестного многомерного распределения. Его достоинство состоит в простоте и малой вычислительной ёмкости, однако он базируется на сильном предположении о нормальности частных распределений исследуемых показателей.

Пусть $\bar{\mu} = (\mu_1, \dots, \mu_d)$ – вектор средних отрицательных приростов остатков на пассивных счетах до востребования d видов, Σ – ковариационная матрица изменений остатков, $\bar{w} = (w_1, \dots, w_d)$ – удельный вес каждого вида пассивов, определяемый по его балансовой величине. Пользуясь этими обозначениями, мы можем определить показатель «граница потерь» при некотором уровне значимости α :

³ См. также [5].

$$VaR_\alpha = \prod_{i=1}^d w_i \mu_i + \bar{w} \Sigma \bar{w}' \cdot q_\alpha(\Phi), \quad (6)$$

где $q_\alpha(\Phi)$ – квантиль уровня α стандартного нормального распределения.

В качестве стабильного уровня, оценённым этим методом, естественно взять величину $1 - VaR_\alpha$.

3. Эмпирическая оценка минимального уровня депозитов до востребования

Для проведения расчётов мы используем данные об относительной динамике остатков на счетах до востребования юридических и физических лиц, а также ЛОРО-счетах. Оценку стабильного уровня депозитов до востребования мы будем проводить параллельно тремя описанными выше методами⁴. Длину горизонта моделирования мы приняли равной 30 дням.

Как отмечалось во введении, в случае отсутствия корреляции оценка общего стабильного уровня рассчитывается как средневзвешенное оценок по каждому виду пассивов, где в роли весов будут выступать остатки средств на счетах физических, юридических лиц и сторонних банков. В случае наличия корреляции в изменениях пассивов сложение одномерных показателей риска даст смещённую оценку общего стабильного уровня депозитов до востребования. В этом случае необходимо строить совместную функцию распределения динамики депозитов до востребования.

3.1. Характеристика исходных данных

Для иллюстрации практического применения описанных методов мы используем данные о дневных (за исключением нерабочих дней) относительных уменьшениях остатков на счетах до востребования юридических, физических лиц и ЛОРО-счетах одного из московских коммерческих банков за период 01.05.2010–31.12.2012 общим количеством 707 наблюдений. Таким образом, для анализа использовались данные за посткризисный период, что позволяет до некоторой степени абстрагироваться от макроэкономического влияния на исследуемые показатели.

Описательные статистики данных представлены в табл. 3.

Таблица 3.

Описательные статистики исходных данных⁵

Статистика	Счета юр. лиц	Счета физ. лиц	ЛОРО-счета
Количество	707	707	707
Минимум	-1.628	-0.538	-23.68
Максимум	0.095	0.015	0.089
Среднее	-0.009	0.001	-0.080
Ст. отклонение	0.190	0.054	1.087
Skewness	-1.277	0.487	-15.33
Kurtosis	13.14	28.99	143.1

Всю совокупность наблюдений мы разделим на обучающую и экзаменующую выборки. На пространстве

⁴ Для расчётов использовались статистические модули «evd», «fGarch», «uiga» и «copula». В качестве экстремальной копулы используется копула Гумбеля, так как для её расчёта имеется соответствующее программное обеспечение.

⁵ Здесь и далее все дробные значения округлены.

обучающей выборки мы будем оценивать параметры моделей и затем на этой основе рассчитывать оценки стабильного уровня депозитов до востребования на различные временные горизонты: 1 день, 1 неделя, 1 месяц, 3 месяца, 6 месяцев и 1 год. В обучающую выборку мы включили наблюдения с 01.05.2010 по 31.05.2012 общим количеством 566 наблюдений.

Оставшаяся часть наблюдений формирует экзаменационную выборку. С её помощью мы проведём сравнение качества подгонки моделей путём построения последовательных во времени оценок доверительного уровня сокращения объёма пассивов до востребования – так называемой «кривой VaR». На основе сравнения этой кривой с фактической динамикой остатков на пассивных счетах мы сформулируем выводы о практической применимости моделей.

3.2. Методы оценки качества моделей

Основной процедурой проверки качества построенных оценок доверительного уровня является тест Купика [8].

Пусть мы имеем набор последовательных во времени оценок доверительного уровня сокращения объёма пассивов, оценённых при помощи показателя «граница потерь» (VaR) с некоторым уровнем значимости $1 - \alpha$. Легко понять, что если модель, лежащая в основе расчёта VaR, адекватно описывает исследуемый объект, то относительное количество пробоев кривой VaR (т.е. количество элементов экзаменующей выборки, превышающих эту границу, по отношению к длине всей экзаменующей выборки) должно быть равно α . В противном случае модель либо переоценивает (в случае меньшего количества пробоев), либо недооценивает (в случае большего количества) риск оттока средств до востребования. Пусть N – длина экзаменующей выборки, K – количество пробоев кривой VaR, тогда $\alpha_0 = K/N$ – эмпирический уровень превышения этой границы. Тест Купика заключается в проверке следующей статистической гипотезы:

$$H_0: \alpha_0 = \alpha, \\ H_{alt}: \alpha_0 \neq \alpha.$$

Проверка осуществляется с помощью статистики

$$S_{kup} = -2\ln((1-\alpha)^{N-K} \alpha^K) + 2\ln((1-\alpha_0)^{N-K} \alpha_0^K), \quad (7)$$

которая в случае истинности нулевой гипотезы имеет $\chi^2(1)$ распределение.

Ещё одним показателем качества, помогающим сделать выбор между моделями, прошедшими тест Купика, является значение функции потерь, измеряющей среднюю величину превышения фактическими снижениями объёма пассивов уровня VaR. Чем меньше значение функции потерь, тем более адекватно рассматриваемая модель оценивает риски возможного оттока средств до востребования.

Наиболее часто используемой функцией потерь является функция Лопеса⁶:

$$L = \frac{10^4}{K} \sum_{t=T+1}^{T+T_H} ((x_t - VaR_t)^2 \cdot I(x_t - VaR_t)). \quad (8)$$

Функция потерь Лопеса подходит нам по содержанию отображения, поскольку она придаёт больший вес значительным отклонениям. Для нас большую опасность представляют единичные крупные превышения, чем несколько мелких.

3.4. Сравнительная характеристика методик

Как видно из табл. 4, в рассматриваемом нами примере корреляционная матрица изменений остатков на пассивных счетах содержит отрицательные элементы. Это даёт нам основание предположить, что оценки стабильного уровня депозитов до востребования, построенные с учётом корреляционных зависимостей между различными их видами, будут в целом выше, чем оценки, полученные нами в одномерном случае. В самом деле, отрицательные корреляции содержательно означают, что отток средств одного вида пассивов будет отчасти компенсирован притоком средств другого вида, что в целом увеличит стабильный остаток на счетах.

Таблица 4.

Корреляции динамики остатков на пассивных счетах

Показатели	Счета юр. лиц	Счета физ. лиц	ЛОРО-счета
Счета юр. лиц	1.000		
Счета физ. лиц	0.275	1.000	
ЛОРО-счета	-0.401	-0.231	1.000

В табл. 5 представлены основные характеристики качества подгонки обсуждаемых моделей

Таблица 5.

Характеристики качества подгонки моделей

Метод	Количество пробоев кривой VaR	Эмпирическая частота пробоев (α_0)	p-value для $H_0: \alpha_0 = \alpha$	Значение функции потерь
Максимы (одн.)	4	0.024	0.930	106.0
Максимы (мног.)	4	0.024	0.930	82.20
Превышение порога (одн.)	2	0.012	0.231	47.34
Превышение порога (мног.)	8	0.048	0.092	74.17
GARCH (одн.)	2	0.012	0.231	2.074
GARCH (мног.)	2	0.012	0.231	1.515
К о в а р и а ц и о н н о - дисперсионный метод	11	0.066	0.005	66.96

6 Множитель 104 был введён нами для удобства численной записи значений этой функции.

Допустимый интервал количества пробоев для прохождения теста Купика на разумных уровнях значимости в нашем примере – от двух до семи пробоев включительно. Тесту удовлетворяют почти все рассматриваемые модели, за исключением ковариационно-дисперсионного метода и многомерного варианта метода превышения порогового значения.

Ковариационно-дисперсионный метод показал плохие результаты в основном из-за того, что распределение исследуемых величин далеко от нормального и имеет толстые хвосты. Вследствие этого оценки риска оттока средств до востребования, полученные этим методом, оказываются сильно заниженными, что выражается в высокой частоте пробоев кривой VaR. Поскольку тяжёлые хвосты являются общим свойством финансовых данных, мы можем заключить, что использование ковариационно-дисперсионного метода для решения задачи оценки стабильного уровня не даёт приемлемых результатов.

Причины неудовлетворительных результатов, показанных методом превышения многомерного порога, заключаются в следующем. Поскольку динамика различных видов пассивов в нашем примере имеет разнонаправленный характер (см. табл. 4), мы имеем очень малое количество наблюдений со значительными снижениями остатков всех трёх рассматриваемых видов пассивов. Иными словами, выборка экстремальных значений становится жёстко цензурированной в случае отрицательных корреляций в динамике пассивов. Из-за этого создаётся обманчивое впечатление о высоком стабильном уровне депозитов до востребования. С другой стороны, в случае положительных корреляций указанные недостатки метода, по-видимому, не будут играть такой значительной роли. Таким образом, мы приходим к выводу, что использование многомерного варианта метода превышения порогового значения является нежелательным в случае наличия отрицательных корреляций в динамике различных видов пассивов, но может быть оправдано в случае положительных корреляций.

В табл. 6 представлены оценочные значения стабильного уровня депозитов до востребования для различных временных горизонтов по состоянию на 01.06.2012 – дату первого наблюдения экзаменуемой выборки.

Наиболее консервативные оценки стабильного

уровня были получены нами при использовании метода превышения порогового значения. Однако, как мы уже отмечали, одномерные методы в нашем примере будут склонны завышать риск оттока пассивов, поэтому, на наш взгляд, наиболее адекватные оценки стабильного уровня могут быть получены многомерными вариантами метода блочных максим и GARCH-моделей.

Заметим, что в то время как по значению функции потерь, расчёт которой основан на построении последовательных во времени краткосрочных прогнозов, GARCH-модели показывают гораздо более лучшие результаты, чем все остальные методы, построение долгосрочных прогнозов на их основе является затруднительным, поскольку прогнозные значения волатильности остатков на пассивных счетах геометрически сходятся к стационарному уровню. Этим объясняются одинаковые оценки стабильного уровня для различных временных горизонтов в табл. 6.

Ввиду всего вышесказанного с точки зрения практического применения мы рекомендуем использование GARCH-моделей для построения краткосрочных прогнозов стабильного уровня депозитов до востребования и метод блочных максим для построения долгосрочных оценок.

4. Заключение

В работе рассматривалась задача оценки нижней доверительной границы для относительного изменения депозитов до востребования коммерческого банка. Были построены оценки этой границы для случаев отсутствия и наличия корреляции в динамике различных видов пассивов. Использовался инструментарий теории экстремальных значений, GARCH-моделей и копула-функций.

На примере данных об изменениях остатков на пассивных счетах до востребования одного из московских коммерческих банков было показано, что распределение блочных максим снижений остатков на этих счетах принадлежит к классу обобщённого распределения ошибок, а распределение величин экстремальных снижений – к классу обобщённого распределения Парето.

В ходе проведённого анализа был сделан ряд выводов о возможности практического применения обсуждаемых в статье методик.

Использование ковариационно-дисперсионного ме-

Таблица 6.

Прогноз стабильного уровня депозитов до востребования

Метод	Прогноз стабильного уровня депозитов до востребования (по состоянию на 01.06.2012)					
	на 1 день	на 1 нед.	на 1 мес.	на 3 мес.	на 6 мес.	на 1 год
Максимы (одн.)	0.775	0.550	0.404	0.290	0.215	0.137
Максимы (мног.)	0.760	0.577	0.461	0.362	0.306	0.235
Превышение порога (одн.)	0.707	0.510	0.313	0.088	0	0
Превышение порога (мног.)	0.789	0.755	0.738	0.729	0.724	0.718
GARCH (одн.)	0.347	0.347	0.347	0.347	0.347	0.347
GARCH (мног.)	0.348	0.348	0.348	0.348	0.348	0.348
К о в а р и а ц и о н н о - дисперсионный метод	0.800	0.722	0.674	0.641	0.622	0.603

тогда является нежелательным вследствие ненормального распределения изменений остатков на пассивных счетах.

Метод превышения порогового значения в многомерном варианте может быть использован только при отсутствии отрицательных корреляций в динамике пассивов.

Наилучшие результаты в терминах функции потерь

показали модели семейства GARCH, наиболее подходящие для построения краткосрочных оценок стабильного уровня депозитов до востребования, однако их применение для построения долгосрочных прогнозов является затруднительным, вследствие быстро сходящихся прогнозов волатильности. Расчёт долгосрочных оценок стабильного уровня рекомендуется осуществлять методом блочных максимумов.

Библиографический список (References)

1. *Blagoveschensky Y.L.* Basics of copula's theory. *Applied Econometrics* 2012; №2: 113–130.
2. *Balkema, A., Laurens de Haan.* Residual life time at great age. *Annals of Probability* 1974; 2: 792–804.
3. *Dewachter H., Lyrio M., Maes K.* A Multi-Factor Model for the Valuation and Risk Management of Demand Deposits. Brussels: National Bank of Belgium, 2006.
4. *Engle R. F.* Autoregressive conditional heteroscedasticity with estimates of the variance of United Kingdom inflations. *Econometrica* 1982; 50: 987–1007.
5. *Fantazzini D.* Dynamic copula modeling for Value at Risk. *Frontiers in Finance and Economics* 2006; 2: 1–38.
6. *Gnedenko B.V.* Sur la distribution limite du terme maximum d'une série aléatoire. *Annals of Mathematics* 1943; 44: 423–453.
7. *Hutchison D.E., Pennacchi G.G.* Measuring Rents and Interest Rate Risk in Imperfect Financial Markets: The Case of Retail Bank Deposits. *The Journal of Financial and Quantitative Analysis* 1996; 31: 399–417.
8. *Kupiec P.* Techniques for verifying the accuracy of risk measurement models. *Journal of Derivatives* 1995; 2: 173–184.
9. *McNeil A.J., Frey R., Embrechts P.* Quantitative Risk Management: Concepts, Techniques, and Tools. Princeton: Princeton Series in Finance, 2005: 264–326.
10. *O'Brien J.M.* Estimating the Value and Interest Rate Risk of Interest-Bearing Transactions Deposits. Washington: Division of Research and Statistics, Board of Governors, Federal Reserve System, 2000.
11. *Pickands, J.* Statistical inference using extreme order statistics. *Annals of Statistics* 1975; 3: 119–131.
12. *R Development Core Team.* R: A language and environment for statistical computing. Vienna: R Foundation for Statistical Computing, 2010.

УДК 338.24

Л.Л. ГАРИНА

кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и истории экономики Орловского государственного университета
E-mail: garina.lin@yandex.ru

UDC 338.24

L.L. GARINA

candidate of economic sciences, associate professor of Theory and History of Economy, Orel state university
E-mail: garina.lin@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ МЕХАНИЗМА ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ХОЗЯЙСТВУЮЩЕГО СУБЪЕКТА

FORMATION MECHANISM OF INCREASING COMPETITIVENESS ECONOMIC ENTITY

В статье рассматриваются вопросы о необходимости формирования новых экономических условий хозяйствования с целью стабильного развития производства и обеспечения конкурентоспособности отечественной продукции.

Ключевые слова: предприятие, стратегия развития, эффективность, инновационное развитие, конкурентоспособность.

The article deals with the need to create new economic business environment in order to produce sustainable development and competitiveness of domestic products.

Keywords: enterprise development strategy, efficiency, innovation development, competitiveness.

Современное состояние экономики России, высокая динамичность и сложность внешней среды, возрастающее влияние со стороны конкурентов требуют от

промышленных предприятий системного, непрерывного развития, реализации имеющегося потенциала, формирования методов оценки развития, отвечающих

существующим экономическим условиям.

Существенная роль в достижении положительной динамики качественных и количественных изменений предприятия отводится инновационному развитию, которое характеризуется созданием наукоемких технологий и современного производственного потенциала путем обновления производственного аппарата и освоения выпуска качественно новых, инновационных товаров и услуг, использованием нововведений, инновационной структурой предприятия, соответствующими отношениями с научными организациями, проведением наступательной стратегии. Необходимость перехода российских предприятий на инновационный тип развития объективно predetermined рядом обстоятельств, главным из которых является насыщение мирового рынка традиционными товарами и услугами и, соответственно, резким обострением конкурентной борьбы, в которой большинство российских предприятий не могут занимать достойную позицию [2, С.10-12].

Следовательно, развитие, выступая как необходимый и непрерывающийся во времени процесс адаптации системы к требованиям внешней среды, является главным условием выживания предприятия в конкурентном окружении. Оценка данного процесса, в таком случае, представляет собой характеристику, полученную в результате системного исследования показателей, отражающих все аспекты производственной, инвестиционной и финансовой деятельности производственного объекта, и содержащую обобщающие выводы о результатах деятельности предприятия.

Сложность проблемы оценки развития промышленного предприятия заключается в многогранности и неоднозначности самого этого понятия, что приводит к расплывчатости, рассогласованности в смысловом значении таких терминов, как развитие, рост, стратегия, увеличение, улучшение, устойчивость, процветание. Другая проблема заключается в том, что инновационно-активные промышленные предприятия существенно отличаются друг от друга по товарам, стратегическим зонам хозяйствования, условиям конкуренции, особенностям производства, менеджменту, кадрам, потенциалу диверсификации. Решение всех этих проблем предполагает альтернативность корпоративной и деловых стратегий предприятия и, соответственно, их сравнительную оценку и выбор лучшей стратегии на основе предлагаемой системы показателей, характеризующих эффективность использования наличных и потенциальных ресурсов.

В настоящее время проблемы, связанные с экономическим ростом, развитием как экономики в целом, так и отдельных предприятий, выходят на первый план. Это связано с тем, что решение большинства важнейших проблем, стоящих перед российской экономикой (инновационных, технологических, экологических, социальных и др.), возможно только на основе высокостабильных темпов экономического развития страны.

В то же время важнейшие характеристики рынка, такие как ужесточение конкуренции со стороны транснациональных корпораций, глобализация миро-

вой экономики, сложное финансово-производственное состояние российских предприятий, ставят серьезные преграды с точки зрения поддержания достигнутых темпов экономического развития отечественных предприятий [1, С. 302].

О необходимости разработки теории развития промышленных предприятий свидетельствует и многообразие подходов к определению самого понятия «развитие». В таблице 1 представлены наиболее распространенные определения понятия «развитие предприятия».

Таблица 1.

Классификация понятия «развитие предприятия» [7, С. 82-83]

Вид развития	Содержание понятия «развитие предприятия»
Эволюционное	Поддержание достигнутого уровня экономического развития
Стабильное	Фокусирование внимания на существующих направлениях бизнеса
Активное	Быстрое реагирование с целью максимизации прибыли в короткий промежуток времени
Революционное	Одновременное и однонаправленное изменение ключевых сегментов деятельности
Адаптивное	Сохранение уровня прибыли и доли рынка посредством постепенного приспособления к изменениям окружающей среды
Интенсивное	Изменение производственного потенциала за счет применения более эффективных средств труда и производства
Агрессивное	Захват новых рынков посредством слияний и поглощений
Устойчивое	Значения показателей ликвидности и независимости выше среднеотраслевых
Экстенсивное	Изменение только количественных значений технико-экономических показателей
Выживание	Кризисное состояние (но может быть рассмотрено как основа оживления и будущего подъема)
Инновационное	Разработка и внедрение новшеств. Формирование спроса на принципиально новые товары и услуги. Развитие инновационного потенциала.

Анализ приведенных определений показывает, что развитие, как правило, означает перемену состояния, переход из одного состояния в другое, лучшее, более целесообразное для дальнейшей деятельности.

В нашем понимании развитие промышленного предприятия – это объективный и непрерывающийся во времени процесс адаптации системы к требованиям окружающей среды. В процессе развития предприятие решает постоянно возникающие и воспроизводящиеся диалектические противоречия между генеральной целью развития предприятия и внешним окружением [3, С. 25].

Инструментом достижения этой цели служат качественные внутрисистемные преобразования или привнесение в систему новых элементов и связей, изменяющих содержание и характер функционирования системы, уровень производственного потенциала промышленного предприятия. Таким образом, раз-

вение является необходимым условием достижения долговременных конкурентных преимуществ и, соответственно, эффективного функционирования в долгосрочной перспективе. Главную роль в этом процессе играет научно-технический прогресс (НТП), который реализуется в трех взаимосвязанных последовательных стадиях: наука – производство – потребление. С экономических позиций третий этап является основным. Именно здесь созданный ранее научный потенциал практически реализуется в больших масштабах, дает экономический эффект. По этой причине подавляющая часть промышленных предприятий участвует в цикле «наука – производство – потребление» на этапе «потребление», при этом процесс подготовки и осуществления мероприятий, направленных на обновление продукции и производства, называют инновационным процессом.[5, С.15]

Совершенно очевидно, что в современной экономике роль инноваций (нововведений) значительно возросла. Без применения инноваций практически невозможно создать конкурентоспособную продукцию, имеющую высокую степень наукоемкости и новизны. Следовательно, в условиях рыночного ведения хозяйства инновации представляют собой эффективное средство конкурентной борьбы, так как способствуют открытию новых рынков, ведут к созданию новых товаров и услуг, к снижению себестоимости продукции [6, С. 114].

По мнению Ф. Котлера, фирма в конкурентной борьбе может играть одну из четырех ролей:

1. Фирма-лидер (доля на рынка около 40%). В зависимости от своих позиций лидер прибегает к различным действиям:
 - «оборона позиции» путем создания ценовых, лицензионных и других барьеров;
 - «фланговая оборона» путем выделения ключевых зон и укрепленных точек;
 - «упреждающая оборона» путем опережения конкурентов с использованием особых сигналов, нейтрализующих атаку, например, распространяет сведения о предстоящем снижении цен;
 - «контрнаступление», например, после наступления лидер делает паузу, а затем ударяет в слабое место конкурента, показав при этом свое превосходство;
 - «мобильная оборона» – лидер расширяет свое

воздействие за счет разнообразия производства, выявления глубинных потребностей клиентов;

- «сжимающая оборона» – лидер уходит с ослабленных сегментов при одновременном усилении наиболее перспективных.

2. Фирма-претендент на лидерство (доля на рынке около 30%) использует следующие варианты атак:

- «фронтальная атака» – ведется по многим направлениям (новым товарам и ценам, рекламе и сбыту), эта атака требует значительных ресурсов;
- «окружение» – попытка атаковать всю или значительную рыночную территорию рынка;
- «обход» – переход к производству принципиально новых товаров, освоению новых рынков;
- «атака гориллы» – небольшие порывистые атаки не совсем корректными методами.

3. Фирма-последователь, или ведомый (доля 20%).

4. Фирмы-обитатели рыночных ниш (10%) [8, С.146].

Важнейшими компонентами стратегии организаций являются стратегии ресурсосбережения, повышения качества товаров, технического развития организации.

Очевидно, что повышение уровня всех рассмотренных выше составляющих позволит повысить уровень конкурентоспособности организации до рубежа, на котором возможна инновационная деятельность, обеспечивающая модернизацию экономики страны. Иначе модернизация российской экономики затянется на неопределенный период, что недопустимо в условиях глобализации народного хозяйства.

Конечно, трудности модернизации национальной экономики не ограничиваются низкой конкурентоспособностью хозяйствующих субъектов. Компании могут добиться конкурентоспособности лишь в конкурентной среде, а поощрение - это задача государства, обеспечивающего четкое применение дикций и процедур наблюдения, предусмотренных законодательством.

Пока еще на данном этапе между бизнесом и государством наблюдается взаимное отчуждение. Российский бизнес не всегда соблюдает кодекс цивилизованного поведения, а слабое государство скрывает свою неэффективность беспрерывными проверками.

Библиографический список

1. Батьковский М.А., Балычев С.Ю., Булава И.В. и др. Экономико-математический инструментальный финансовый оздоровления российских предприятий в условиях глобализации и мирового финансового кризиса. М.: МЭСИ, 2009. 420 с.
2. Бухонова С.М. Комплексная оценка анализа финансовой устойчивости предприятия / С.М. Бухонова, Ю.А. Дороненко, О.Б. Бендерская // Экономический анализ: теория и практика. 2004. № 7. С. 8-15. Гурков Н., Аврамова Е. Российские компании в поисках выхода на траекторию устойчивого развития // Вопросы экономики. 2011. №6. С.22-31.
3. Кудрин А, Сергиенко О. Последствия кризиса и перспективы социально-экономического развития России // Вопросы экономики, 2011. № 3. С.28-32.
4. Клушин В. XXI век и возможности расширенного воспроизводства // Экономист, 2000. №4. С.3-12.
5. Лукашков М.А., Белошевич М.М., Батьковский М.А. Финансовое оздоровление предприятий и их дальнейшее развитие с учетом реализации инвестиционных программ // Сборник материалов Второй международной научно-практической конференции «Проблемы развития инновационно-креативной экономики». М., 2010.
6. Минакова И.В. Теоретические основы государственного регулирования несостоятельности хозяйствующих субъектов: неинституциональный подход. М.: Компания «Спутник», 2006.
7. Радин А.А. Методы обеспечения и оценка конкурентоспособности промышленных предприятий на российском рынке: Дис...к.э.н.-СПб., 2002.-152с.

References

1. Batkovsky M.A., Balychev S. Yu. I. V. Mace, etc. Economic-mathematical tools of financial improvement of the Russian enterprises in the conditions of globalization and world financial crisis. M.: MESI, 2009. 420 pages.
2. Bukhonova S. M. Complex assessment of the analysis of financial stability of enterprise / Page M. Bukhonova, Yu.A. Doronenko, O. B. Benderskaya//Economic analysis: theory and practice. 2004. No. 7. Page 8-15.
3. Kudrin And, Sergiyenko O. Consequences of crisis and prospect of social and economic development of Russia//economy Questions, 2011. No. 3. Page 28-32
4. Klushin V. XXI century and possibilities of expanded reproduction//Economist, 2000. No. 4. Page 3-12.
5. Lukashkov M. A. Beloshevich M. M., Batkovsky M. A. financial improvement of the enterprises and their further development taking into account implementation of investment programs//the Collection of materials of the Second international scientific and practical conference «Problems of Development of Innovative and Creative Economy». M, 2010
6. Minakova I. V. Theoretical bases of state regulation of insolvency of managing subjects: neoinstitutional approach. – M.: Sputnik company, 2006.
7. Radin A. A. Methods of providing and assessment of competitiveness of the industrial enterprises in the Russian market: Dis ... к.э.н. - SPb. 2002. 152с.

УДК 658.8:334.7

UDC 658.8:334.7

Н.Н. ДОЛИНА

N.N. DOLINA

соискатель Орловского государственного института
экономики и торговли
E-mail: dolinanatali@gmail.com

applicant, Orel state Institute of Economics and trade
E-mail: dolinanatali@gmail.com

ФАКТОРЫ МИКРОСРЕДЫ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ

MICROENVIRONMENT FACTORS AS AN ELEMENT OF BUSINESS ACTIVITY

В процессе перехода к рынку предприятия столкнулись со многими проблемами выживания. Полный доступ к внешней среде принес не столько новые возможности, сколько новые проблемы эффективного функционирования предприятия на рынке. К внедрению маркетинга предприятия приходили уже давно и по сей день приходят только вследствие бедственного положения со сбытом собственной продукции. Это характерно для большинства отечественных предприятий. Причем зачастую вновь созданный отдел маркетинга превращается во второй отдел сбыта.

Ключевые слова: объем, сбыт, маркетинг, предприятие, стратегия, микросреда, предприниматель, факторы, экономика, управление.

In the process of transition to the market, enterprises are faced with many problems of survival. Full access to the external environment has brought not only new opportunities, new challenges as the effective functioning of the enterprise market. By the introduction of the company's marketing came long ago, and to this day come only as a result of the plight with the sale of their own products. It is typical for the majority of domestic enterprises. And often, the newly created marketing department turns to the second sales department.

Keywords: volume, sales, marketing, enterprise strategy microenvironment businessman factors, economics, management.

Анализ непосредственного окружения предусматривает исследование компонентов внешней среды, с которыми предприятие непосредственно контактирует в процессе хозяйственной деятельности. Также часто руководство не до конца осознает сущность маркетинга и «привязывает» зарплату специалистов отдела маркетинга к объемам продаж. И вследствие этого у маркетологов не хватает ни времени, ни значительной мотивации для постоянного и всестороннего анали-

за рынка. Действия руководства понятны – необходимо сбыть продукцию и получить прибыль сейчас и по максимуму, а не затрачивать время, средства и усилия специалистов для того, чтобы те проводили исследования, зачастую не приносящие быстрой и стопроцентной отдачи. Таким образом, создавая отдел маркетинга, предприятие надеется получить дополнительных потребителей и обеспечить сбыт своей продукции.

Важным здесь является то, что предприятие может

оказывать существенное влияние на характер и содержание этого взаимодействия, предотвращать появление угроз и создавать некоторые преимущества.

Рассмотрим эти составляющие.

1. Конкуренты. Анализ конкурентов занимает особо важное место в стратегическом планировании. Данное исследование направлено на то, чтобы выявить сильные и слабые стороны конкурентов и на этой базе строить свою стратегию бизнеса. К конкурентам относятся: внутриотраслевые конкуренты, то есть фирмы, производящие аналогичную продукцию; фирмы, которые производят замещающий продукт, фирмы, которые могут войти на рынок (потенциальные конкуренты). Кроме названных субъектов к конкурентам можно отнести покупателей и поставщиков, которые могут заметно ослабить позицию фирмы.

Особое внимание при анализе на предприятии должно быть уделено потенциальным конкурентам. Игнорирование угроз со стороны выходящих на рынок фирм зачастую является важнейшей причиной проигрыша в конкурентной борьбе. Поэтому анализ должен быть направлен на то, чтобы заранее планировать барьеры, противодействующие вхождению потенциальных конкурентов на рынок. К ним могут относиться: низкие издержки за счет больших объемов выпуска продукции; контроль за каналами распределения продукции; пользование местных (локальных) особенностей при производстве продукта и т.п. Однако любая из названных мер будет действенной только тогда, когда она является реальным барьером. Поэтому важно знать специфику работы потенциальных конкурентов, чтобы решить вопрос о том, какие барьеры могут помешать конкуренту выйти на рынок.

Не меньшая опасность таится в деятельности производителей замещающей продукции. Чтобы бороться с конкурентами-производителями замещающей продукции в процессе стратегического планирования, нужно закладывать определенный потенциал, который бы позволил создать новый, более эффективный продукт нового типа. Ни одна фирма не может себе позволить игнорировать любую реакцию своих конкурентов. Часто у руководства бывает заблуждение, которое заключается в том, что фирма знает и представляет своих конкурентов и не отслеживает ситуацию, которая происходит в отрасли. Это заблуждение приводит к тому, что предприятие застывает на определенном этапе развития. Из-за того, что конкурентное положение четко не определяется, руководство начинает понимать, что что-то идет не так только после явного снижения объемов продаж. В такой ситуации, как правило, предпринимаются попытки наладить сбыт поиском все новых и новых рынков сбыта для своей продукции, тогда как ее жизненный цикл, например, вследствие развития технологии у конкурентов, уже находится на стадии остаточного спроса. Или, например, нахождение нового сырья позволило конкурентам значительно снизить цены на свою продукцию. Отсюда четко прослеживается необходимость постоянного мониторинга отрасли и комплексного исследования своего конкурентного по-

ложения в ней.

Необходимо отметить, что классический маркетинг не настаивает на углубленном исследовании конкурентов, предлагается их простое ранжирование по широте ассортимента, внешним преимуществам, характеристикам качества, ценам и системам продвижения продукции. Также используются мнения потребителей относительно продукции конкурентов, что тоже влияет на ранг конкурента.

На наш взгляд, для российских предприятий подобное поверхностное исследование неприемлемо. Дело в том, что ситуация на большинстве отечественных рынках чрезвычайно нестабильна и тот, кто вчера был «ни кем», завтра может выбиться в лидеры и наоборот. Это связано с множеством особенностей и микро- и макрофакторов. Эту ситуацию можно охарактеризовать как «непредсказуемость собственного положения и положения соседей на рынке». В связи с этим необходимо выделить проблему, которая стоит перед большинством российских маркетологов – как предугадать изменения ситуации в отрасли через год, через ряд лет. Для ответа на поставленный вопрос необходимо достаточно подробное изучение конкурентов.

Всю информацию о конкурентах можно классифицировать на две группы: первичную и вторичную. Данные, специально полученные для анализа конкретных сторон деятельности конкурента, являются первичной информацией. Основными методами сбора первичной информации являются наблюдения, опросы и эксперименты. С их помощью устанавливаются интересующие факты, количественно и качественно описываются действия конкурента. Главными источниками первичной информации о конкурентах являются, как правило: каналы распределения продукции, поставщики и потребители продукции; рекламные агентства, торговые агенты, маркетинговые фирмы, обслуживающие конкурента, инженерный, торговый и управленческий персонал предприятия конкурента, специальные аналитические службы. Основное достоинство первичной информации: быстрота ответа на интересующие вопросы, простота последующего ее сведения в нужную форму, представление «живого» мнения о деятельности конкурента. Недостатками первичной информации являются: субъективность, неполнота, высокая степень недостоверности, сложность доступа и дороговизна (в случае с персоналом предприятия и специальными аналитическими службами).

Вторичная информация о конкуренте включает данные, прошедшие предварительную аналитическую обработку, цели которой, как правило, не совпадают с целями анализа. В связи с этим данная информация требует проведения дополнительных процедур выбора, ранжирования и компиляции, приводящих ее в вид, необходимый для проведения анализа. К основным источникам вторичной информации относятся: отчеты о производственно-хозяйственной деятельности, статьи о деятельности конкурента в периодической печати, справочные издания о конъюнктуре рынка, тенденциях и проблемах его развития, включающие данные о кон-

куренте, публикуемые интервью управленческого персонала и руководства компании, мнения потребителей о характеристиках продукции конкурента.

Проблемы, связанные со сбором необходимой информации. Необходимо отметить, что зачастую для составления картины конкуренции вышеперечисленной информации явно недостаточно. Для углубленного исследования необходима также и вторичная информация конфиденциального характера, например – объемы производства той или иной номенклатурной позиции, календарный план производства, база отгрузки предприятия-конкурента, куда входит также и описание всех его потребителей. В целом, углубленное исследование конкурента начинается с анализа финансовых показателей (данных баланса) – здесь уже можно проследить динамику развития конкурента и его относительную силу.

Всю вторичную информацию по степени доступности можно разделить на три группы: открытая информация (номенклатура, цены, качественные характеристики продукции, система продвижения, представленность ее на рынке); условно открытая информация (бухгалтерский баланс предприятия, отчет о прибылях и убытках, рейтинг предприятия); закрытая информация (объемы производства продукции с разбивкой по номенклатурным линиям, календарный план производства, база отгрузки, применяемые технологии).

При сборе и анализе информации возникает целый ряд проблем: для первой группы характерна неполнота информации для полноценного исследования конкурентной ситуации на рынке, вторая группа зачастую характеризуется недостоверностью – отечественные предприятия склонны фальсифицировать данные балансов с целью ухода от налогов, т.е. возможна неточная оценка силы конкурента, и, наконец, третья группа характеризуется закрытостью доступа или чрезвычайной дороговизной.

Для решения проблем недостоверности желательно собирать информацию из различных (независимых) источников, что повышает объективность получаемых результатов. Здесь хорошим способом является экспертное взвешивание источников информации по их относительной достоверности, либо по доверию источнику. Решение проблем с третьей группой информации видится в повышении финансирования маркетинга на предприятии. Как показывает практика, ни одно серьезное исследование деятельности конкурентов не обходится без использования подобной информации. Все методики исследования конкурентного положения предприятия принято делить на две группы.

Первая группа – параметрические (в основном на основе первичной информации, когда выбираются параметры сравнения конкурентов и выясняются мнения потребителей, продавцов, поставщиков относительно этих параметров, затем информация сводится в удобную форму – матрицу или таблицу). Преимуществом этих методик является быстрота и относительная дешевизна, но в то же время есть опасность субъективности и неточности мнений. Довольно сложно проследить

силу или слабость конкурента, тем более, невозможно строить прогнозы его развития.

Вторая группа – рейтинговые оценки (здесь используются сведения, полученные путем интервьюирования менеджеров, и сводная финансовая отчетность конкурентов, затем строится четкая математическая модель, на основе которой все данные по конкурентам сводятся в коэффициентные показатели). На основе показателей выстраивается рейтинг предприятий. Очевидным преимуществом этих методик является достаточная точность и возможность выявления точного положения собственного предприятия в отрасли.

Но, на наш взгляд, необходимо добавить еще одну группу методик, связанную с более детальным исследованием отрасли, – углубленный анализ конкурентов и составление прогнозов развития отрасли. Здесь необходима информация, раскрывающая внутренние механизмы работы конкурента. К такой информации могут относиться данные об объемах производства продукции с разбивкой на отдельные номенклатурные позиции, детализированные данные по экспорту и отгрузке, планы производства и т.д. На основе этих данных возможно построить модель поведения конкурента, его будущее состояние. Эти методики позволят получить огромное преимущество перед конкурентами и, возможно, выиграть конкурентную борьбу при грамотном их использовании. Нельзя не отметить специфику третьей группы методик – прослеживается достаточно тонкая грань между этими методиками и промышленным шпионажем, здесь необходима особая осторожность.

2. Поставщики. Анализ направлен на выявление факторов в деятельности поставщиков, снабжающих фирму сырьем, материалами, полуфабрикатами, топливом и т.п., от которых зависят себестоимость и качество выпускаемой продукции. Влияние поставщиков на деятельность фирмы недооценивать нельзя, поскольку они могут поставить фирму в сильную зависимость от себя.

Меру влияния поставщиков как конкурентов можно оценить следующими факторами: уровень специализации поставщиков; затраты, которые может понести поставщик при замене клиентов; возможность замены приобретаемых покупателями ресурсов другими; объем продаж поставщиков и т.д. При изучении поставщиков необходимо исследовать: стоимость поставляемого товара и тенденции ее изменения; гарантии качества поставляемого товара; временной график поставки; надежность поставщиков (пунктуальность, обязательность выполнения договорных обязательств и т.д.). Процесс закупки представляет собой цепочку взаимосвязанных действий. Начинается он с составления заявок, а заканчивается практическим поступлением требуемых товаров в нужном количестве с соблюдением качества в заданные сроки, а самое главное, что может оказаться лимитирующим фактором, – на приемлемых условиях. Таким образом, процесс закупки заканчивается выполнением заказа, сделанного на основании имеющихся заявок конкретному поставщику. Поэтому необходимо, чтобы заявки на закупку были своевременно сформулированы, поставщики правильно выбраны,

а заказы на поставку и договоры с поставщиками правильно и своевременно составлены и оформлены.

По нашему мнению, планирование и проведение деятельности по закупке и поставке начинается с выбора соответствующих данной заявке поставщиков. Выявление и изучение источников закупки и поставки не являются разовым мероприятием, а должны проводиться систематически, базируясь на различных источниках информации.

Таким образом, разнообразие и большое число потенциальных поставщиков требуемой продукции делает весьма актуальной проблему выбора тех из них, которые могли бы с наибольшим эффектом обеспечить успешную производственно-сбытовую деятельность вашей компании или фирмы. В целом эта проблема может быть подразделена на 3 этапа: выявление потенциальных поставщиков; анализ выявленных поставщиков; определение рейтинга и ранжирование выявленных поставщиков. Как видно из приведенной ниже схемы, завершающим этапом для принятия решения о выборе поставщика является определение его рейтинга и ранжирование. Однако этот процесс является неоднозначным и носит творческий характер.

Во-первых, неоднозначным и субъективным является суждение об удельном весе данного показателя по сравнению с другими показателями, определяющими рейтинг данного поставщика. Например, если все показатели вместе принять за 100%, то сколько из них приходится на качество товара, сколько на возможность

внеплановой поставки, сколько на месторасположение поставщика, сколько на значимость поставки именно этого товара для нормального хода производства, сколько на цены, сколько на условия платежа (например, платежи могут осуществляться по факту доставки, либо авансом, либо в рассрочку и т.д.), а сколько – на надежность поставок? Ответы на эти вопросы зависят от конкретных ситуаций и не могут быть общими. Если, например, дефицит этого компонента недопустим по тем или иным причинам (например, по технологическим), то его наличие должно быть обеспечено любой ценой. Следовательно, на первый план выходит надежность поставки, что выражается в отведении на учет этого показателя большой доли из общей величины 100%-й значимости. Наоборот, если можно допустить временное отсутствие этого компонента, то на первый план выходят цены и условия платежа, а значимость надежности поставки снижается. Таким образом, назначение удельной значимости каждого фактора при расчете рейтинга поставщика для конкретной задачи является творческим и неформализованным актом. Наиболее правильным будет, если эта удельная значимость будет назначена как экспертная оценка в результате проведения независимой экспертизы.

Во-вторых, сама оценка уровня того или иного показателя, характерного для данного поставщика, не может быть рассчитана формализованным методом и определяется как экспертная оценка. Обычно для таких оценок используется балльная шкала. В форма-

Рис. 1. Схема процесса выбора поставщиков.

лизованном виде рейтинг R поставщика определяется выражением:

$$R = \sum C_i X_i, \quad (1)$$

где N – число показателей оценки рейтинга поставщика;

X_i – удельный вес показателя (выраженный в долях, а не в %);

C_i – балльная оценка величины этого показателя, обеспечиваемая данным поставщиком.

Заметим, что даже при полном доверии к адекватности оценок C_i и X_i ранжирование поставщиков в соответствии с их рейтингами является лишь подсобной информацией для лица или лиц, принимающих решение о выборе поставщиков. Дело в том, что по одним показателям предпочтительнее оказывается один поставщик, а по другим – другой. И хотя относительная значимость этих показателей первоначально определяется экспертным путем, все же окончательное решение остается за здравым смыслом лица, принимающего решение. Традиционные методы поиска, анализа и выбора поставщиков в последнее время дополняются новыми формами и методами. Коротко рассмотрим основные методы выбора поставщиков, наиболее используемые в настоящее время.

Метод рейтинговых оценок. Этот метод можно считать наиболее распространенным методом выбора поставщика. Выбираются основные критерии выбора поставщика, далее работниками службы закупок или привлеченными экспертами устанавливается их значимость экспертным путем. Например, допустим, что предприятию необходимо закупить товар, причем его дефицит недопустим. Соответственно, на первое место при выборе поставщика будет поставлен критерий надежности поставки. Удельный вес этого критерия будет самым большим.

Высчитывается значение рейтинга по каждому критерию путем произведения удельного веса критерия на его экспертную балльную оценку (например, по 10-балльной системе) для данного поставщика. Далее суммируют полученные значения рейтинга по всем критериям и получают итоговый рейтинг для конкретного поставщика. Сравнивая полученные значения рейтинга для разных поставщиков, определяют наилучшего пар-

тнера. Если рейтинговая оценка дает одинаковые результаты для двух и более поставщиков по основным критериям, то процедуру повторяют с использованием дополнительных критериев. Но нужно учитывать, что при обращении к потенциальным поставщикам трудно, а иногда практически невозможно получить объективные данные, необходимые для работы экспертов.

Метод оценки затрат. Этот метод иногда называют затратно-коэффициентным методом, или «методом миссий». Он заключается в том, что весь исследуемый процесс снабжения делится на несколько возможных вариантов (миссий), и для каждого тщательно рассчитываются все расходы и доходы. В результате получают данные для сравнения и выбора вариантов решений (миссий). Для каждого поставщика рассчитываются все возможные издержки и доходы (при этом учитываются логистические риски). Затем из набора вариантов (миссий) выбирается наиболее выгодный (по критерию общей прибыли). По существу – это разновидность метода ранжирования (критериев) по стоимости. Метод интересен с точки зрения стоимостной оценки и позволяет определять «стоимость» выбора поставщика. Недостаток метода состоит в том, что он требует большого объема информации и анализа большого объема информации по каждому поставщику.

В качестве примера можно привести перечень логистических издержек, связанных с закупкой конкретного товара. Все эти элементы затрат необходимо учитывать, оценивать и контролировать. Среди них выделяют.

1. Маркетинговые затраты, связанные с изучением конъюнктуры цен на рынке данного товара.
2. Издержки, связанные с поиском возможных поставщиков и установление с ними деловых контактов (командировки, телефонные переговоры, обработка данных).
3. Издержки, связанные с поиском и получением информации о себестоимости производства аналогичных товаров у разных поставщиков.
4. Затраты, связанные с анализом качественных показателей товара у разных поставщиков (рекламации, затраты на отбраковку, возможности ремонта или восстановления качественных показателей товара у заказчика).

Таблица 1.

Использование метода рейтинговых оценок для анализа поставщиков

Критерий выбора поставщиков	Удельный вес критерия	Оценка значения критерия по 10-балльной шкале	Произведение удельного веса критерия на оценку.
1. Надежность поставки	0,30	7	2,1
2. Цена	0,25	6	1,5
3. Качество товара	0,15	8	1,2
4. Условия платежа	0,15	4	0,6
5. Возможность внеплановых поставок	0,10	7	0,7
6. Финансовое состояние поставщика	0,05	4	0,2
Итого:	1	36	6,3

5. Затраты на грузопереработку, складирование и хранение товаров.

6. Транспортные расходы поставщика и покупателя, оплата таможенных, экспедиторских, страховых услуг по пути доставки товара.

7. Затраты на страхование логистических рисков.

Метод доминирующих характеристик. Метод состоит в сосредоточении на одном выбранном параметре (критерии). Этот параметр может быть: наиболее низкой ценой, наилучшим качеством, графиком поставок, внушающим наибольшее доверие, и т.п. Преимущество этого метода – в простоте, а недостаток – в игнорировании остальных факторов-критериев отбора.

Метод категорий предпочтения. В этом случае оценка поставщика, в том числе и выбор способа его

оценки, зависит от информации, стекающейся из многих подразделений фирмы. Инженерные службы дают свою оценку способности поставщика производить высокотехнологическую продукцию и могут компетентно судить о ее качестве. Диспетчерская докладывает о сроках доставки закупаемых материальных ресурсов. Производственные отделы – о простоте и удобстве пользования материальных ресурсов в производственном процессе. Такой метод подразумевает наличие обширной и разнообразной информации из множества источников, которая позволяет рассматривать каждый фактор наравне с остальными, в то время как для фирмы, возможно, какой-то фактор является ключевым, например, простота использования продукции в производственном процессе.

Библиографический список

1. Адамчук В.В. Экономика и социология труда: учебник/ В.В. Адамчук, О.В. Ромашев, М.Е. Сорокина. М.:ЮНИТИ, 2005. 352с.
2. Ансофф И.В. Новая корпоративная стратегия. СПб.: Питер, 2003.
3. Голубков Е.П. и др. Маркетинг: выбор лучшего решения. М.: Экономика, 2005.

References

1. Adamanchuk V.V. Economics and Sociology of labor: the textbook / VV Adamanchuk, OV Romashev, ME Sorokin Moscow: UNITY 2005. 352с.
2. Ansoff I.V. The new corporate strategy. St. Petersburg.: Peter, 2003.
3. Golubkov E.P. etc. Marketing: selection of the best solutions. Moscow: Economics, 2005.

УДК 331.108.5

Е.В. ЕВПЛОВА

старший преподаватель кафедры экономики, управления и права Челябинского государственного педагогического университета

E-mail: EvplovaEV_succes@mail.ru

UDC 331.108.5

E.V. EVPLOVA

senior teacher of department of economy, management and right, Chelyabinsk state pedagogical university

E-mail: EvplovaEV_succes@mail.ru

К ВОПРОСУ О МАТЕРИАЛЬНОЙ И НЕМАТЕРИАЛЬНОЙ МОТИВАЦИИ ПЕРСОНАЛА

TO A QUESTION ABOUT THE MATERIAL AND NON-MATERIAL MOTIVATION

В статье рассмотрена проблема низкой мотивации персонала, а также материальные и нематериальные (моральные) мотивирующие факторы, позволяющие её устранить.

Ключевые слова: моральная мотивация, материальная мотивация, персонал, сотрудники.

The article considers the problem of low motivation, as well as material and immaterial (moral) motivating factors that allow it to eliminate.

Keywords: moral motivation, financial motivation, staff, employees.

*Управление представляет собой не что иное,
как настраивание других людей на труд.
Ли Якокка*

Суть любого бизнеса сводится к трем вещам – персоналу, продукту, прибыли. Если у компании возникают проблемы с первым пунктом, то про остальные два можно забыть.

Неслучайно блестящее изречение И.В. Сталина «Кадры решают все» в современном бизнесе остается основополагающим, и вряд ли у кого-то возникнут сомнения в истинности этих слов.

Владельцы предприятий давно пришли к выводу, что мотивация персонала – дело стратегической важ-

ности, это основа основ успеха в бизнесе.

Причем речь идет не о той мотивации, к которой спортивные тренеры прибегают перед ответственным матчем, стимулируя своих игроков. Речь идет о внутренней мотивации, когда сотрудники идут на работу с удовольствием и интересом, выполняют свои обязанности качественно, берутся за дополнительные задания и т.д. Таким специалистам нравится и хочется реализовывать новые и интересные задачи. Они испытывают внутреннюю мотивацию, которая ведет их вперед и заставляет каждый день работать в полную силу [1].

Вместе с тем данная задача весьма непростая, особенно для начинающих управленцев, специалистов кадровых служб, а порой и для самих специалистов по мотивации персонала.

Как же решить поставленную задачу?

На сегодняшний день существует огромное количество теорий мотивации персонала: теория мотивации по А. Маслоу, теория мотивации доктора Шейка, двухфакторная теория мотивации Герцберга и многие другие. Однако в основе всех этих теорий лежит классическая теория мотивации, в соответствии с которой мотивация разделяется на нематериальную (моральную) и материальную.

Рассмотрим каждую из выделенных видов мотивации подробнее.

Нематериальная мотивация

К сожалению, современные управленцы, специалисты кадровых служб, специалисты по мотивации персонала незаслуженно недооценивают роль и значение нематериальной мотивации в общей системе мотивации персонала.

Однако моральная мотивация имеет большое значение и не требует крупных финансовых затрат.

Перечислим и охарактеризуем наиболее мощные мотивирующие факторы.

Так, по мнению работников, мощными моральными мотивирующими факторами являются следующие:

- выполнение обещаний руководителя;
- признание значимости работника;
- постановка четких и понятных задач перед работниками;
- понимание работником своей роли в общем механизме предприятия;
- «прозрачность» в работе;
- доведение руководителем дел до логического завершения.

Отметим, что отсутствие какого-либо из мотивирующих факторов ведет к демотивации сотрудников.

Еще одним важным нематериальным мотивирующим фактором является внимание. Оно может быть трех видов: нулевое, отрицательное, положительное.

Нулевое внимание – это отсутствие какого-либо внимания. Для того чтобы увидеть пример нулевого внимания, достаточно проанализировать поведение многих руководителей по отношению к некоторым сотрудникам. Зачастую руководители (высшего, среднего и даже низового звена) не знают, как зовут подчинен-

ных, сколько лет они работают под их руководством. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно спросить у руководителя предприятия имя уборщицы, которая каждое утро убирает у него в кабинете, или имя курьера, который ездит по его поручениям.

И таких сотрудников, обделенных вниманием руководства, может быть очень много. Причем речь не идет только о том, чтобы знать имя работника или ежедневно здороваться с ним. Внимание к сотруднику – это нечто большее.

Отрицательное внимание – это внимание, которое уделяют руководители своим подчиненным в тот момент, когда они провинились в чем-либо (опоздали на работу или встречу, не выполнили план, допустили ошибку в работе и т.д.). Любой руководитель должен задуматься над тем, кого он чаще приглашает к себе в кабинет для беседы – сотрудников с хорошими результатами в работе или сотрудников с плохими результатами?

К сожалению, большинство руководителей грешат тем, что уделяют большее внимание второй группе работников. И это не является мотивирующим фактором.

Мотивирующим фактором может быть только положительное внимание. Это внимание, которое руководители уделяют своим подчиненным в тот момент, когда они достигают успехов в работе. Конечно, если компания слишком большая, то уделять внимание лично каждому сотруднику нет возможности. В таком случае, этим должны заниматься руководители структурных подразделений.

Для того чтобы подчиненные чувствовали свою значимость, в компании важно прислушиваться к их идеям и предложениям. Если предложения сотрудников будут не только выслушаны, но и внедрены, то работник будет чувствовать свою значимость, что повысит его мотивацию к работе.

При этом не стоит грубо критиковать или с ходу отвергать идеи сотрудников в случае их нецелесообразности. Правильнее вместе поработать над идеей и довести ее до логического завершения. А если идея была внедрена и принесла положительные результаты, то необходимо поощрить работника, её предложившего.

Данный метод мотивации можно осуществлять не только очно, когда работник предлагает свои идеи (устно или письменно), но и заочно, например, создав банк идей, – ваза, почтовый ящик, урна и т.д.

Также важным методом моральной мотивации персонала является создание таких условий в организации, при которых люди могли достигать собственных целей лишь при направлении своих усилий на достижение целей организации. Для этого необходимо точно знать, какие цели ставят перед собой работники предприятия, какие потребности имеют.

Данный вид мотивации является весьма эффективным, т.к. невозможно мотивировать людей общими программами. Мотивирующие факторы должны быть сугубо индивидуальными.

Например, один из сотрудников нацелен на карьерный рост в компании. Можно предложить данно-

му работнику повышение по службе на определенных условиях – стаж работы в компании, заключение важных контрактов, предложение новых идей по развитию бизнеса и т.д.

Сотрудник желает повышения заработной платы. В этом случае можно дать ему это с условием сдельной формы оплаты труда. Компания достигнет своей главной цели – увеличения объема продаж и прибыли компании, а сотрудник – повышения заработной платы.

Последний пример мотивации персонала является основой материальной мотивации.

Материальная мотивация

Согласно идее материальной мотивации, люди работают главным образом для удовлетворения своих экономических нужд.

Материальная мотивация делится на два типа – материальная-денежная и материальная-неденежная. К первой относится повышение заработной платы, премии, 13-ая зарплата и т.д. Ко второму типу относится, например, оплата бензина или проезда, путевки, подарки и т.д., т.е. все то, на что компания тратит деньги, однако сотрудник получает не денежные средства, а материальные ценности.

При этом необходимо понимать, что не все способы экономического поощрения могут оказать мотивационное воздействие на сотрудников.

Одним из самых распространенных и эффективных способов экономического поощрения является премия.

Существует несколько основных положений о премиях, которые не затрагивают специфику фирмы и являются универсальными. Ими должен руководствоваться менеджер при внедрении методов экономической мотивации:

1. премии не должны быть слишком общими и распространенными, поскольку их будут воспринимать как часть обычной зарплаты, т.е. премия обязательно должна быть за что-то и не всем сразу;

2. должен быть четкий критерий начисления премии. Например, премию получают только те, кто увеличил продажи, заключил сделку, привел новых клиентов и т.д. То есть работники должны чувствовать, что премия зависит от их достижений;

3. работник должен приносить компании больше денег, чем он получит в премии. Для этого необходимо рассчитать экономическую выгоду от внедрения того или иного мотивирующего фактора в расчете на одного работника.

При этом лучше награждать подчиненных в меньших объемах, но чаще.

Задача руководителя в случае применения экономической мотивации заключается в разработке премиальной схемы выплат за производительность, качество выполнения задания, скорость выполнения задания и т.д.

Еще одним видом материальной мотивации является мотивация по результатам рейтинга работников.

Рейтинг сотрудников аналогичен рейтинговой системе обучения, когда наивысшую оценку получает тот студент, который лучше проявил себя за семестр.

Рейтинг работников можно высчитывать раз в месяц, в квартал, в год и т.д. Для этого необходимо грамотно разработать критерии для рейтинговой формы поощрения.

Таким образом, грамотное сочетание рассмотренных выше нематериальных (моральных) и материальных мотивирующих факторов – это основа решения вечной проблемы низкой мотивации персонала.

Библиографический список

1. *Парабеллум А., Мрачковский Н.* Выжми из бизнеса все! 200 способов повысить продажи и прибыль / А. Парабеллум, Н. Мрачковский. СПб: Питер. 2011. 367 с.

References

1. *Parabelum A., Mrachkovsky N.* Vyzhmi from business all! 200 ways to increase sales and profit / A. Parabelum, N. Mrachkovsky. SPb: St. Petersburg. 2011. 367 p.

УДК 338.242

UDC 338.242

Д.В. ЕРМОЛАЕВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
E-mail: den-puma@yandex.ru

D.V. ERMOLAEV

candidate of economic sciences, Associate Professor of Economics and Management Department, Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy
E-mail: den-puma@yandex.ru

**МЕТОДИКА РАСЧЕТА СОСТОЯНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРОМЫШЛЕННОГО КЛАСТЕРА, НЕОБХОДИМАЯ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ЕГО ФОРМИРОВАНИЕМ**

**METHODIC OF CALCULATION OF THE INDUSTRIAL CLUSTER'S ECONOMIC
SECURITY CONDITION, WHICH IS NECESSARY TO CONTROL ITS DEVELOPMENT**

В данной статье обосновываются и рассматриваются методики расчета критериев экономической безопасности предприятий, входящих в промышленный кластер. Рассматриваются суть методов мониторинга, контроллинга и ретингования как инструментов количественного определения величин, критериев экономической безопасности предприятий, входящих в промышленный кластер. Предлагается формула количественного расчета состояния экономической безопасности промышленного кластера во втором и третьем приближении.

Ключевые слова: промышленный кластер, экономическая безопасность, количественный расчет экономической безопасности, мониторинг, контроллинг, ретингование.

This article grounds and deals with methodic of calculation of the economic security criteria of the enterprises of industrial cluster. It examines processes of monitoring, controlling and rating as tools for quantitative defining of the amounts, criteria of economic security of the enterprises of industrial cluster. Author suggests formula of quantitative calculation of economic security of the enterprises of industrial cluster in a first and second approximation.

Keywords: industrial cluster, economic security, quantitative defining of economic security, monitoring, controlling, rating.

Для конкретного расчета экономической безопасности промышленного кластера, т.е. расчета в третьем приближении, необходимо знать конкретную величину каждого критерия составляющей экономической безопасности, т.е. для определения правовой лояльности ($f_{\text{Лоял}}$) можно использовать следующий способ.

Так как величина данного критерия основывается на информации, исходящей из конкретного предприятия, можно использовать следующий способ: используя метод мониторинга, определить исходя из вышеуказанных критериев степень обеспечения правовой безопасности на конкретном предприятии, входящем в промышленный кластер.

Для критериев природная безопасность ($f_{\text{П}}$), эпидемиологическая безопасность ($f_{\text{Эп}}$), террористическая безопасность ($f_{\text{тер}}$), социальная безопасность ($f_{\text{с}}$), территориальная безопасность ($f_{\text{з.тер}}$), криминальная безопасность ($f_{\text{крим}}$), экологическая безопасность ($f_{\text{экол}}$) используется способ рейтингования. Рейтинги подразумевают под собой индивидуальные числовые показатели, по которым дается общая комплексная оценка состояния критерия. Для проведения комплексной оценки можно использовать профильную экспертную организацию или проводить самостоятельно.

Формирование рейтинга состоит из ряда компонентов.

1. Формирование модели состояния и возможных изменений состояния, которые должны отражать основные показатели, характеризующие ретроспективное, текущее и возможное в обозримом будущем состояние объекта изучения на изучаемом пространстве.

2. Создание на основе модели показателей, характеризующих состояние объекта изучения:

а) расчет необходимых коэффициентов состояния объекта изучения;

б) определение пороговых значений этих коэффициентов, характеризующих допустимый уровень показателей;

в) разделение (ранжирование) значений на группы, отражающие состояние изучаемых объектов;

3. Определение степени устойчивости предприятия в корреляции с объектом изучения на основе изучения полученных показателей с использованием иных информационных источников, независимых экспертных оценок.

4. Перенесение оценки состояния объекта изучения на рейтинговую шкалу.

5. Определение значения рейтинга объекта изучения с учётом прогнозируемых изменений.

В научной литературе изложены требования, которым должны соответствовать рейтинговые коэффициенты с позиции эффективности и адекватности

рейтинговой оценки состояния объекта изучения:

- максимальная информативность для использующих их лиц и обеспечение целостной и адекватной картины, отражающей устойчивость состояния объекта изучения;
- быть прямо пропорциональными показателям, которые они отражают (рост коэффициента – рост показателя – улучшение состояния);
- иметь числовые нормы или диапазоны норм;
- в расчет коэффициентов закладываются общедоступные данные;
- обеспечивать возможность рейтинговой оценки объекта изучения как в сравнении с другими сходными объектами изучения, так и в динамике (за ряд периодов).

На основе перечисленных требований разрабатываются системы рейтинговых показателей и методики рейтингования для экспресс-оценки состояния объекта изучения.

Для критериев технико-технологическая безопасность (f_T), финансовая безопасность ($f_{фин}$), кадровая безопасность (f_K), контрактно-договорная безопасность ($f_{дого}$), безопасность периметра ($f_{пер}$), электронная безопасность ($f_{эл}$), стратегическая безопасность ($f_{Стр}$), корпоративная безопасность ($f_{Кор}$), правовая лояльность ($f_{Лоял}$) можно использовать метод мониторинга. Мониторинг как метод контроля подразумевает непрерывное систематическое наблюдение за параметрами объекта изучения и состоянием их развития в динамике, с учетом их взаимных корреляций. Проводить мониторинг можно, например, по следующей схеме:

- непрерывное наблюдение за деятельностью промышленного предприятия, входящего в промышленный кластер с получением оперативной информации;
- объединение потоков информации, исходящих из различных структур промышленного предприятия;
- своевременное обнаружение изменений, происходящих на предприятии, входящем в промышленный кластер, и причин, их породивших;
- предупреждение негативных тенденций изменений, являющихся основой развития деструктивных процессов;
- анализ текущей ситуации с последующим обобщением и формированием оценочных суждений о ситуации.

Целью мониторинга в данном случае выступает сбор и оценка информации о состоянии объекта изучения (критерия). Для осуществления достижения цели решаются следующие задачи:

- осуществляется непрерывное наблюдение за деятельностью предприятия, входящего в промышленный кластер с получением информации в реальном времени;
- осуществляется объединение потоков информации, исходящих из различных структурных подразделений предприятия, входящего в промышленный кластер;
- осуществляется своевременное обнаружение изменений, происходящих на предприятии, входящем в промышленный кластер;

- осуществляется выявление факторов, вызвавших данные изменения;
- осуществляется предупреждение негативных изменений и их тенденций на предприятии, входящем в промышленный кластер;
- осуществляется краткосрочное прогнозирование на предприятии, входящем в промышленный кластер;
- осуществляется анализ ситуации на предприятии, входящем в промышленный кластер;
- осуществляется обобщение с последующим формированием оценки текущей ситуации на предприятии, входящем в промышленный кластер.

Предметом процесса мониторинга предприятия, входящего в промышленный кластер, являются изменения, происходящие на нем как экономической системе, а значит важным представляются не только количественные показатели, характеризующие состояние предприятия в определенные периоды, но и динамика их изменения.

В процессе мониторинга лицо или лица, его проводящие, используют метод наблюдения в общенаучном смысле этого слова, то есть происходит сбор информации путем непосредственной регистрации явлений, процессов и событий, происходящих в определенном месте в определенное время.

Во время наблюдения исследуются следующие объекты:

- документы;
- статистические показатели;
- маркетинговые и иные исследования;
- заключения экспертов.

Использование наблюдения вышеперечисленных объектов обеспечивает адекватность, надежность и наглядность мониторинга предприятия, входящего в промышленный кластер. Наблюдение необходимо вести с одновременной регистрацией полученных данных как в электронном виде, так и на бумажных носителях. Для наблюдения необходимо использовать специально разработанные методики сбора данных.

Необходимо помнить, что в задачу мониторинга предприятия, входящего в промышленный кластер, входят не только фиксация величин и выяснение причин их отклонения от нормативных или оптимальных, но и всесторонний анализ всех процессов, происходящих на предприятии и во внешней среде, непосредственно влияющей на данное предприятие.

Для критерия финансовая безопасность ($f_{фин}$) необходимо использовать метод контроллинга, включающий в себя методику комплексного финансового анализа. В основе контроллинга как части системного управления предприятием лежит стремление в долгосрочной перспективе обеспечить успешное функционирование организационной системы фирмы. Контроллинг обеспечивает инструментальную и методическую базы для поддержки основных функций менеджмента: контроля, планирования, учета и анализа, а также оценки ситуации при принятии управленческих решений.

Система контроллинга представляет собой синтез элементов учета, анализа, контроля, планирования,

реализация которых обеспечивает выработку альтернативных подходов при осуществлении оперативного и стратегического управления процессом достижения конечных целей и результатов [6].

Одним из элементов контроллинга может являться методика комплексного финансового анализа, которая предполагает:

- определение целей и задач финансового анализа;
- разработку схемы и последовательность проведения анализа;
- формирование совокупности показателей для обеспечения целей и задач;
- выбор способов получения информации и ее дальнейшей обработки;
- определение периодичности и периодов проведения управленческого анализа;
- разработку методов анализа экономической и иной информации;
- разработку перечня организационных этапов проведения анализа и распределения обязанностей между службами компании при его проведении;
- регламентацию порядка оформления результатов анализа и их оценка.

Методика комплексного финансового анализа состоит из нескольких этапов. На первом этапе объект исследования представляется как система, для которой определяют цели и условия функционирования. Хозяйственная деятельность рассматривается как система, состоящая из трех элементов: ресурсов предприятия, производственного процесса и продукции. Целью функционирования системы является получение максимальной прибыли и определение факторов, влияющих на достижение более высокой рентабельности с соблюдением условий, обеспечивающих экономическую безопасность предприятия. Внешние условия функционирования зависят от экономической и политической конъюнктуры. Основу информационной системы предприятия, входящего в промышленный кластер, составляет ведение бухгалтерского и управленческого учета. В дальнейшем происходит отбор синтетических и аналитических показателей для проведения системного экономического анализа, а после формируется общая схема системы, определение ее главных функций, компонентов, взаимосвязей. Блок-схема комплексного анализа формируется исходя из информационной модели хозяйственной деятельности, затем классифицируются факторы, формализуются связи. Обобщенные показатели каждого блока называются синтетическими; при помощи их осуществляется связь между отдельными блоками в системе экономического анализа. Впоследствии выполняется анализ основных количественных характеристик.

Затем можно построить модель системы на основе полученных и рассчитанных данных на предыдущих этапах. После введения параметров конкретной организации получаем модель в числовом выражении. В экономической литературе высказывается мнение о том, что комплексную оценку можно проводить на основе экспресс-анализа. Целью экспресс-анализа является

получение простой, наглядной и оперативной оценки финансового состояния и динамики развития предприятия, входящего в промышленный кластер. Иными словами, такой анализ не должен занимать много времени, а его реализация не предполагает каких-либо сложных расчетов и детализированной информационной базы [5].

Можно предложить следующую последовательность действий:

- просмотреть бухгалтерский баланс по формальным признакам;
- ознакомиться с аудиторским заключением;
- изучить учетную политику предприятия;
- выявить проблемные статьи в отчетности и их оценка в динамике;
- ознакомиться с ключевыми индикаторами и коэффициентами;
- изучить пояснительную записку (аналитические разделы отчета);
- дать оценку имущественного и финансового состояния по данным бухгалтерского баланса;
- определить степень финансовой безопасности;
- определить степень устойчивости по отношению к банкротству;
- сформулировать выводы по результатам анализа.

Проанализировав вышеперечисленные критерии, можно вывести формулу, описывающую состояние экономической безопасности промышленного кластера во втором приближении:

$$D = (d_1 \cdot f_{\Pi} \cdot f_{Эн} \cdot f_{тер} \cdot f_{С} \cdot f_{з.тер} \cdot f_{крим} \cdot f_{Т} \cdot f_{фин} \cdot f_{к} \cdot f_{Э} \cdot f_{экол} \cdot f_{дог} \cdot f_{пер} \cdot f_{Эл} \cdot f_{Стр} \cdot f_{Кор} \cdot f_{Лоял})^2 + (d_2 \cdot f_{\Pi} \cdot f_{Эн} \cdot f_{тер} \cdot f_{С} \cdot f_{з.тер} \cdot f_{крим} \cdot f_{Т} \cdot f_{фин} \cdot f_{к} \cdot f_{Э} \cdot f_{экол} \cdot f_{дог} \cdot f_{пер} \cdot f_{Эл} \cdot f_{Стр} \cdot f_{Кор} \cdot f_{Лоял})^2 + \dots + (d_n \cdot f_{\Pi} \cdot f_{Эн} \cdot f_{тер} \cdot f_{С} \cdot f_{з.тер} \cdot f_{крим} \cdot f_{Т} \cdot f_{фин} \cdot f_{к} \cdot f_{Э} \cdot f_{экол} \cdot f_{дог} \cdot f_{пер} \cdot f_{Эл} \cdot f_{Стр} \cdot f_{Кор} \cdot f_{Лоял})^2$$

В третьем приближении вид вышеприведенной формулы не меняется, а происходит подстановка соответствующих величин-критериев.

Обоснованные выше формулы наиболее адекватно отражают взаимосвязь состояния экономической безопасности промышленного кластера с состоянием экономической безопасности каждого предприятия, входящего в него, для:

- монопродуктового регионального равномерного промышленного кластера;
- полипродуктового регионального равномерного промышленного кластера;
- монопродуктового регионального технологически ориентированного равномерно распределенного промышленного кластера;
- полипродуктового регионального технологически ориентированного равномерно распределенного промышленного кластера;
- монопродуктового межрегионального равномерно распределенного промышленного кластера;
- полипродуктового межрегионального равномерно распределенного промышленного кластера;
- монопродуктового межрегионального технологически ориентированного равномерно распределенного про-

мышленного кластера;

- полипродуктового межрегионального технологически ориентированного равномерно распределенного промышленного кластера;
- монопродуктового нелокализованного равномерно распределенного промышленного кластера;
- полипродуктового нелокализованного равномерно распределенного промышленного кластера;
- монопродуктового нелокализованного технологически ориентированного равномерно распределенного промышленного кластера;
- полипродуктового нелокализованного технологически ориентированного равномерно распределенного промышленного кластера.

Так как все предприятия вышеперечисленных промышленных кластеров хаотично взаимосвязаны между собой. Но при наличии какой-либо другой более организованной взаимосвязи наблюдаются иные зависимости экономической безопасности промышленного кластера от состояния экономической безопасности конкретного предприятия, входящего в промышленный кластер.

Для определения состояния экономической безопасности промышленного кластера можно воспользоваться допущением, что экономическая безопасность находится в некой пропорциональной зависимости от объема и номенклатуры выпускаемой продукции, так как именно возможность бесперебойного и эффективного ее выпуска и является целью обеспечения экономической безопасности как отдельного предприятия, так и промышленного кластера в целом. Соответственно, можно сделать вывод, что предприятие, продукция которого в большей мере входит в состав изделий других предприятий, оказывает большее влияние на состояние экономической безопасности промышленного кластера.

Таким образом, для монопродуктового регионального начальноцентрализованного промышленного кластера, для которого характерно наличие предприятия, стоящее в начале технологической цепочки, выпускающее сложный науко- и финансовоемкий продукт, входящий структурным элементом в готовую продукцию, выпускаемую многими предприятиями промышленного кластера, причем само предприятие, стоящее в начале технологической цепочки такой продукции на рынок не поставляет, возникает ситуация полной стопроцентной зависимости всех прочих предприятий, входящих в промышленный кластер от головного начальноцентрализующего предприятия. В то же время зависимость самого головного предприятия от предприятий,

использующих его продукцию, тем меньше, чем выше их количество, то есть чем более диверсифицирован его рынок сбыта. Значит:

$$D = d_{н.центр.}^2 + d_{хв.1}^2 + d_{хв.2}^2 + \dots + d_{хв.л}^2,$$

причем при $n \rightarrow \infty$

$$d_{хв.1}^2 + d_{хв.2}^2 + \dots + d_{хв.л}^2 \rightarrow 0.$$

Такая зависимость применима также к:

- полипродуктовому региональному начальноцентрализованному промышленному кластеру;
- монопродуктовому региональному технологически ориентированному начальноцентрализованному промышленному кластеру;
- полипродуктовому региональному технологически ориентированному начальноцентрализованному промышленному кластеру;
- монопродуктовому межрегиональному начальноцентрализованному промышленному кластеру;
- полипродуктовому межрегиональному начальноцентрализованному промышленному кластеру;
- монопродуктовому межрегиональному технологически ориентированному начальноцентрализованному промышленному кластеру;
- полипродуктовому межрегиональному технологически ориентированному начальноцентрализованному промышленному кластеру;
- монопродуктовому нелокализованному начальноцентрализованному промышленному кластеру;
- полипродуктовому нелокализованному начальноцентрализованному промышленному кластеру;
- монопродуктовому нелокализованному технологически ориентированному начальноцентрализованному промышленному кластеру;
- полипродуктовому нелокализованному технологически ориентированному начальноцентрализованному промышленному кластеру.

В то же время при большей роли завершеноцентрализующего предприятия вышеуказанная формула будет иметь следующий вид:

$$D = d_{з.центр.}^2 + d_{гол.1}^2 + d_{гол.2}^2 + \dots + d_{гол.л}^2,$$

причем при $n \rightarrow \infty$

$$d_{гол.1}^2 + d_{гол.2}^2 + \dots + d_{гол.л}^2 \rightarrow 0.$$

То есть наблюдается зависимость, характерная для диверсификации поставщиков сырья или полуфабрикатов. Степень инновационности промышленного кластера напрямую на состояние экономической безопасности промышленного кластера не влияет.

Библиографический список

1. Ермолаев Д.В. Составляющие экономической безопасности предприятия. Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2012; № 4. С. 15 – 17.
2. Ермолаев Д.В. Угрозы экономической безопасности предприятия. Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2012; № 2: С. 169 – 172.
3. Ермолаев Д.В. Экономическая безопасность как защита корпоративных ресурсов. Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». 2012; № 4. С. 162 – 165.
4. Ермолаев Д.В. Экономическая безопасность как институция формирования промышленных кластеров. Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». 2013; №5. С. 157 – 159.
5. Ионина А.Ф., Селезнева Н.Н. Финансовый анализ. М.: Проспект, 2009.
6. Карминский А.М., Фалько С.Г., Жевага А.А., Иванова Н.Ю. Контроллинг. М.: Финансы и статистика, 2009.

7. Родин С.А., Ермолаев Д.В. Процесс кластеризации промышленных предприятий. Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». 2013; №5. С. 160 – 162.

References

1. Ermolaev D.V. The components of the economic security of the enterprise. Scientific Notes Orel State University. Series «Humanities and Social Sciences». 2012; № 4. P. 15 – 17.
2. Ermolaev D.V. Threats to the economic security of the enterprise. News Tula State University. Economic and Juridical Science. 2012; № 2. P. 169 – 172.
3. Ermolaev D.V. Economic security as the protection of corporative resources. News Orel State University. Series «New Humanitarian research». 2012; № 4. P. 162 – 165.
4. Ermolaev D.V. Economic security institution as the formation of industrial clusters. News Orel State University. Series «New Humanitarian research». 2013; №5. P. 157 – 159.
5. Ionova A.F., Selezneva N.N. Financial analysis. M.: Prospect, 2009.
6. Karminsky A.M., Falko S.G., Zhavago A.A., Ivanov N.Y. Controlling. Moscow: Finance and Statistics, 2009.
7. Rodin S.A., Ermolaev D.V. The process of industrial clustering. News Orel State University. Series «New Humanitarian research». 2013; №5. P. 160 – 162.

УДК 338.46 (574)

UDC 338.46 (574)

З.Р. КАРБЕТОВА

кандидат технических наук, профессор кафедры менеджмента Казахского университета экономики, финансов и международной торговли
E-mail: kZR_2011@mail.ru

Z.R. KARBETOVA

candidate of technical sciences, professor of department Management, Kazakh university of economy, finance and international trade
E-mail: kZR_2011@mail.ru

Ш.Р. КАРБЕТОВА

кандидат экономических наук, профессор кафедры финансов и учета Каспийского общественного университета
E-mail: sholpa56@mail.ru

SH.R. KARBETOVA

candidate of economic sciences, professor of department finance and account, Caspian public university
E-mail: sholpa56@mail.ru

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ СФЕРЫ УСЛУГ И ЕГО РОЛЬ В СТАБИЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE SERVICES SECTOR AND ITS ROLE IN THE STABILIZATION OF THE ECONOMY OF KAZAKHSTAN

Статья посвящена исследованию инновационного развития сферы услуг и определению его роли в стабилизации экономики Республики Казахстан. Сегодня большое значение приобретают вопросы, связанные с изучением стратегических возможностей повышения конкурентоспособности на рынке сферы услуг. Исследование данной проблемы в сфере услуг имеет огромное значение потому, что ей принадлежит важная роль в совершенствовании и улучшении образа жизни, повышении материального и культурного благосостояния населения и в удовлетворении растущих потребностей клиентов в разнообразных услугах на высоком культурном уровне. В результате проведенных исследований выявлено бурное развитие сферы услуг и констатация необходимости инновационного подхода к ее стратегии.

Ключевые слова: сфера услуг, инновации, конкурентоспособность, развитие, исследования, туризм.

Article is devoted to the research of innovative development of the sphere of services and the definition of its role in stabilization of the economy of the Republic of Kazakhstan. Nowadays, the most important questions are connected with the studying of the strategic opportunities for the improvement of competitiveness in the market services sector. The study of this problem in the sphere of services is very important because it plays the important role for the development and improvement the material and cultural well-being of the population and to satisfy growing requirements of clients in various services at a high cultural level. At the result of conducted studies, the rapid development of the sphere of services and a statement there is a need for the innovative approach to its strategy.

Keywords: services, innovation, competitiveness, development, research and tourism.

Возрастание роли и влияния сферы услуг на экономику вызвало необходимость проведения исследований с целью классификации и выявления уровней регулирования сферы услуг с учетом инновационных преобразований стратегического развития отрасли. Разработка же целостной теории услуг помогла бы найти решение не только теоретико-методологическим проблемам, но и многим практическим вопросам, которые обусловлены особенностями услуги как товара [7].

В настоящее время сфера услуг способствует благоприятному развитию экономических и социальных отношений. Эффективное функционирование предприятий сферы услуг позволяет обеспечить сбалансированность воспроизводственного процесса и повышение качества, где развитость рынка услуг является одним из важнейших критериев конкурентоспособности любой страны.

Следует также отметить, что сфера услуг намного больше защищается государством от иностранной конкуренции, чем сфера материального производства. Более того во многих странах транспорт и связь, финансовые и страховые услуги, наука, образование, здравоохранение, коммунальные услуги традиционно находятся в полной или частичной собственности государства или же строго контролируются и регламентируются правительством. Актуальность исследования данной проблемы заключается в том, что сфера услуг представляет собой одну из самых перспективных, быстроразвивающихся отраслей экономики. Она охватывает широкое поле деятельности: от торговли и транспорта до финансирования, страхования и посредничества различного рода. Теоретической основой работы являются труды зарубежных и отечественных исследователей, посвященные развитию предприятий сферы услуг: Алесинской Т.П. [1], Бегункова Н.К. [2], Иванушкиной Е.В. [6], Якобсона Л.И. [17], Мамырова Н.К. [9], Окаева Н.О. [11], Турсумбаева Б.М. [14] и др.

Целью данного исследования является изучение состояния и перспективы развития предприятий сферы услуг, определение их роли в инновационном развитии Казахстана в условиях рыночной экономики, а также исследование состояния предприятий сферы услуг на примере зарубежного опыта. Масштабы и динамика развития сферы услуг, её ведущая роль в хозяйстве и социальной жизни общества обусловили необходимость совершенствования методов управления компаниями сферы услуг, разработки новых концептуальных подходов и методик, позволяющих обеспечить высокую эффективность их функционирования.

При изучении конкретных проблем, связанных с необходимостью научного обоснования и разработки стратегии совершенствования сферы услуг в направлении инновационного развития Казахстана применялся комплекс следующих методов экономических исследований: монографический, расчетно-конструктивный, программно-целевой, абстрактно-логический. Специфика изучаемых проблем потребовала использования методов системного анализа, экономико-

статистического и географического моделирования, методов экспертных оценок и др. Методическую базу исследования составляют основы стратегического менеджмента и маркетинга. Исследование производилось с использованием SWOT – анализа и анализа позиционных карт. В работе также были использованы такие теоретические методы исследования, как сравнения и обобщения, научная абстракция, анализ и синтез.

По международным данным статистики более 40% иностранных инвестиций идут на развитие сферы услуг, что подтверждает актуальность, интерес и видение перспективы развития данного сектора экономики. Оказывая целый комплекс услуг, компания может повысить свою конкурентоспособность, ослабить различные риски за счет их диверсификации. Так, банковские, биржевые и посреднические услуги сливаются в единый комплекс финансовых услуг [10].

Сегодня роль услуг как одного из важнейших секторов экономики очень велика и актуальна. Это связано с усложнением производства, насыщением рынка товарами как повседневного, так и индивидуального спроса, с быстрым ростом научно-технического прогресса, который ведет к нововведениям в жизни общества.

Практика развитых стран показывает, что по мере усложнения производства и насыщения рынка товарами растет и спрос на услуги [16]. Поэтому стратегией развития сферы услуг является непосредственное удовлетворение потребностей человека. При этом данная сфера и уровень ее прогресса отражают качество жизни населения и степень его благосостояния. Объектом данного исследования явилось рассмотрение формирования и реализации стратегии сферы услуг в инновационном развитии Казахстана на примере ТОО «Туркомпания «Восток – Запад».

Сегодня актуальные проблемы туризма и пути их решения в республике должны рассматриваться как основа инновационного подхода в развитии отечественного международного туризма. Основными актуальными проблемами казахстанского туризма является отставание отечественной туристской отрасли от мировых стандартов, которые заключаются в следующем:

- низкий профессиональный уровень подготовки персонала;
- дилетантские методы управления и обслуживания, низкое качество сервиса;
- неразвитые системы связи и коммуникаций;
- экологические проблемы.

Основополагающие пути повышения эффективности деятельности анализируемой организации представлены по следующим основным направлениям:

- проведение стратегического анализа финансово-хозяйственной деятельности ТОО «Туркомпания «Восток – Запад»;
- создание положительного имиджа фирмы как стратегическая задача;
- планирование PR-кампании для турфирмы «Восток – Запад»;
- разработка маркетинговой стратегии в современных условиях;

– рассмотрение и разработка рекомендаций по совершенствованию сферы услуг в инновационном развитии;

– определение путей повышения эффективности ее деятельности.

В Казахстане сфера услуг сейчас обгоняет производственную сферу как по темпам роста и по количеству появившихся новых видов услуг, так и по ее приспособлению к потребностям рынка и потребителей. В связи с открытостью экономики страны сильное воздействие на развитие сферы услуг оказали процессы интенсивного развития торговли: увеличение оборота в этой отрасли расширяет сектор услуг [8].

Ускоряющееся развитие сферы услуг в нашей стране началось в 90-е годы. Она оказалась привлекательной для предпринимателей из-за того, что развитие сферы услуг и ее отдельных отраслей практически не требует большого стартового капитала, другие – в связи с их неразвитостью позволяют получать сверхприбыль (финансовые, трастовые). Помещение капитала в сферу услуг и торгово-посреднические операции с быстрым периодом возврата денег и исходно высокими ставками оборота предопределило расширение сектора услуг.

Уровень потребления услуг в Казахстане остается низким, как в абсолютно, так и в относительно индустриально развитых странах, из-за неравномерного распределения покупательной способности различных слоев населения. По оценке специалистов, в РК более 40% населения находятся за чертой бедности [3]. В расходах малообеспеченных семей услуги занимают незначительный удельный вес и составляют 10-15%. Из них наибольшая доля приходится на квартплату и транспорт. Как показывают имеющиеся данные, во всех областях Казахстана разные группы населения тратят на услуги неодинаковую долю своего бюджета, особенно низкой эта доля является у сельских жителей. По мере увеличения доходов эта доля быстро возрастает.

В Республике Казахстан сохраняются различия в потреблении городского и сельского населения. При этом чем ниже уровень урбанизации страны, тем более небогат выбор жизненных благ (и особенно услуг). Большая часть населения нашей страны не имеет возможности воспользоваться предоставляемыми услугами, и это ограничивает темпы развития сферы услуг.

Должному развитию сферы услуг препятствует отсутствие квалифицированных менеджеров, являющихся экспертами не только в своей сфере деятельности, но и обладающих глубоким знанием экономической ситуации, рычагов управления, умеющих работать с людьми [15]. Для сферы услуг в условиях трансформации к рыночной экономике стратегической задачей является сохранение стабильности на рынке услуг без ухудшения положения с обслуживанием населения [13]. Важно, чтобы параллельно уже с существующими предприятиями по обслуживанию населения формировались новые, создавая конкуренцию действующим и наращивая объем услуг.

Однако сегодня возникли радикальные сдвиги в структуре оказываемых услуг. С возрастанием по-

требностей в информации для принятия решений и уменьшения предпринимательского риска возрастает доля информационных и консультационных услуг. Последующее расширение, появление новых потребностей и высвобождение рабочей силы из производственного сектора создает условия для притока ее в сектор услуг, что расширит ее долю в экономике страны.

Совершенствование предпринимательства в сфере услуг создает, по нашему мнению, благоприятную среду для привлечения свободных денежных средств населения и, следовательно, повышения его благосостояния и уровня жизни. При сложившихся кризисных обстоятельствах в Казахстане значительно возрос объем услуг, специфически присущих рыночной экономике (банковских, финансовых, страховых, риэлтерских, юридических).

Сегодня возникла необходимость всем странам разрабатывать меры регулирования сферы услуг. Условно выделяют три уровня управления сферой услуг: национальный, двухсторонний, многосторонний. Самые важные национальные меры регулирования направлены на установление и поддержание стандартов обслуживания в национальных сферах, таких как медицина, образование и другие важные отрасли услуг, на защиту внутреннего рынка услуг от иностранных конкурентов и стимулирование экспорта услуг.

В течение двух последних десятилетий сфера услуг наиболее стабильно развивается. Быстрорастущая динамика производства услуг во многих странах мира определяется ростом объемов их промежуточного и конечного потребления. Поэтому в мировой экономике и наблюдается стабильный рост доли сферы услуг в совокупном ВВП, которая сегодня составляет более 70% от его общего объема и в большей мере превышает долю сферы производства товаров. Это соотношение является характерным как для экономически развитых, так и развивающихся стран.

Республике Казахстан следует учитывать сохраняющееся определение сферы услуг как элемента экономики, вторичного по отношению к сфере материального производства, которое долгое время характеризовало и формирование основных методологических принципов статистики этой сферы. Этим и определяется уровень сложности решаемых задач, связанных с появлением в Казахстане современной статистики сферы услуг, а также продолжительностью процессов, связанных с ее переходом к существующим международным стандартам.

Как компонент платежного баланса, туризм отличается от других составляющих международной торговли услугами тем, что ориентирован на потребительский спрос. Следует также отметить, что главные виды международных услуг включают: транспортные, туристские, строительные, финансовые, компьютерные и информационные услуги, услуги связи, лизинговые вознаграждения, прочие деловые услуги, услуги физическим лицам и услуги, которые предоставляются в сфере культуры, отдыха, образования, медицины, государственные услуги и другие виды услуг, не вошедшие в вышеперечисленные [12].

Статистические органы Республики Казахстан ведут учёт показателей туризма по методике, которая использует данные о количестве туристов с разбивкой по целям поездок, странам прибытия и убытия, расчетной продолжительности пребывания и расходам на одного туриста.

ТОО «Туркомпания «Восток – Запад» осуществляет туристскую деятельность в различных направлениях, осуществляя как туристскую операторскую, так и туристскую агентскую деятельность, а также предоставляет другие услуги. Фирма осуществляет сотрудничество со многими авиакомпаниями международного уровня.

Ввиду тесного контакта с большим количеством людей различного типа темперамента и характера сотрудники фирмы по возможности учитывают психологические особенности отдельных клиентов, подбирая индивидуальные методы работы с ними. Это является необходимым элементом повышения качества обслуживания и эффективности работы всей фирмы в целом. Профессиональный дифференцированный подход к каждому клиенту является одним из факторов повышения конкурентоспособности туристкой фирмы в современных экономических условиях.

Другим направлением обеспечения высокого уровня конкурентоспособности в туризме, как и во многих других отраслях, является техническое перевооружение материальной базы. Это невозможно осуществить без перевода ее на качественно иной, более высокий уровень материального обеспечения без привлечения дополнительных финансовых ресурсов и их рационального использования в ходе реализации инвестиционных программ в рамках достижения целей фирмы.

В этом направлении «Туркомпания «Восток – Запад» старается идти в ногу со временем. Нами изучена структура доходов, проведен анализ основных финансовых результатов и источников формирования активов баланса ТОО «Восток – Запад» за 2010-2012 г. [4]. Таким образом, за анализируемый период доход от основной деятельности увеличивается с каждым годом, а от неосновной деятельности падает, что говорит о положительных тенденциях нашей компании.

Следующим этапом является анализ источников формирования активов баланса. При этом следует иметь в виду, что поступление, приобретение и создание имущества предприятие может осуществляться за счет собственного и заемного капитала. Их соотношение определяет финансовую устойчивость компании. Показателем, характеризующим финансовую устойчивость хозяйства, является коэффициент финансирования, представляющий собой отношение собственного капитала к привлеченному капиталу. Чем выше уровень этого коэффициента, тем для банков и инвесторов надежнее финансирование.

Его значение свидетельствует, что к началу 2012 года «Восток – Запад» привлекло на каждый тенге собственных средств, вложенных в активы предприятия, 19,2 тенге заемных средств, в течение отчетного периода заемные средства «съели» собственный капитал. Это

говорит о том, что предприятие приложило недостаточно усилий для использования собственных средств, что привело к отсутствию собственного капитала предприятия. Однако остальные результаты проведенного анализа позволяют утверждать, что данная компания прибыльна и производит конкурентоспособную услугу, что очень важно в условиях рынка на современном этапе.

Нами проведена классификация рынков по видам и формам туризма:

1. по цели путешествия: рынок рекреационного туризма, рынок делового туризма, рынок научного туризма, рынок коммерческого туризма;
2. по видам путешествия: рынок индивидуального туризма, рынок группового туризма.

В целом, фирма обслуживает все сегменты потребителей и не имеет ограничений в видах предлагаемых туров. Самым важным для фирмы является сегмент рынка, обслуживающий потребителей коммерческого и делового туризма.

Проведены также маркетинговые исследования потребителей по уровню месячного дохода, семейному положению и возрасту [5]. На их основе составлено сегментирование по демографическому и социальному признакам. Например, самый большой сегмент составляют одинокие туристы (40-45%), самый маленький – семейные пары с детьми до 16 лет (7-10%), а в золотой середине – семейные пары с детьми до 7 лет (18-20%) и семейные пары без детей (23-25%).

Сегментирование по уровню доходов показывает, что туристский спрос расширяется за счет все большего вовлечения в туризм лиц со средним уровнем доходов. Потребность в отдыхе, связанном со сменой обстановки, с путешествием, превращается для них в одну из основных. К этому сегменту относится молодежный туризм (до 35 лет), которому приемлемы более дешевые путешествия с использованием менее комфортабельных мест размещения и транспорта, веселый вечерний отдых в виде баров, дискотек и т.д. Для этого сегмента характерна высокая туристская активность в силу стремления молодых людей к общению, познанию и наличия свободного времени (например, каникулы). Их в основном интересуют групповые туры, позволяющие получить максимальные скидки. В этом секторе молодежь до 20 лет составляет 8-10 %, а в возрасте от 20 до 35 лет – около 30%.

Спрос на туристские услуги продолжают предъявлять и лица с высоким уровнем доходов. Их желание совершить туристическое путешествие вызвано потребностью в отдыхе, связанном со сменой обстановки. К этому сегменту относится туризм среднего возраста (35-50 лет), который составляет 37-40% туристов. Для них характерно преобладание семейного туризма и индивидуальных путешествий. Эти туристы предъявляют повышенные требования к комфорту, удобству, содержательным экскурсионным программам, включающим ознакомление с объектами в соответствии с профессиональными интересами. Основной целью путешествия для них является активный отдых в сочетании с позна-

вательным интересом, (совершать экскурсии, посещать концерты, театры).

Туризм третьего возраста (старше 50 лет) требует не только комфорта, но и особого внимания со стороны обслуживающего персонала, возможности получить квалифицированную медицинскую помощь, наличия в меню ресторанов диетических блюд, размещения в гостиницах, расположенных в тихих местах (не более 20%). Для этого сегмента интерес представляют дальние путешествия продолжительностью 2-3 недели. Они интересуются познавательными поездками, стремясь к новым впечатлениям. Их особенностью является отсутствие ярко выраженной сезонности. При поездках на отдых эти туристы стараются избегать пика туристского сезона, предпочитают «бархатный сезон», при выборе времени туристской поездки не ограничены рамками отпуска.

Четвертый сегмент состоит из высокообразованных людей разных возрастных категорий и с разным уровнем доходов, который проявляет особый интерес к изучению природы, культуры, образа жизни, нравов и обычаев других народов. Эта группа туристов немногочисленна и готова израсходовать на путешествие значительные средства.

Также нами проведена сегментация по мотивации путешествия, степени значимости туризма в структуре расходов потребителя и т.д., где была применена классификация западногерманского исследователя Г. Гана. Самый наибольший удельный вес в этой классификации занимают шоп-туры (30%) и курортно-лечебный туризм (25%), самый наименьший – деловой туризм (10%), а спортивно-оздоровительный (15%) и маршрутно-познавательный (20%) туризм занимают средние позиции.

Сегментирование потребителей по типам показало, что основная масса туристов предпочитают F-тип (нем. Fernundflirtorientierter) – 30% и S-тип (нем. Sonne, sang, see) – 20%, а наименьшая – W-1-тип (нем. wald- und wanderorientiert) – 2%. Турист типа F любит поездки на дальние расстояния, где его кредо – общество, удовольствие, смена впечатлений. Туриста S-типа привлекает пассивный отдых на морских курортах, спокойствие и комфорт. Хобби же туриста типа W-1 включает активный отдых на свежем воздухе, независимо от погоды, походы и т.п.

Промежуточное положение между ними занимают А-тип (нем. Abenteur) – 18% и В-тип (нем. Bildung- und Besichtigung) – 20%. Туристам типа А характерны риск, новые ощущения, испытание своих сил в неожиданных ситуациях, опасность. Туристы типа В образованы и любознательны и состоят из «экспертов», «эмоциональных любителей культуры и природы» и «специалистов», углубляющих свои знания в определенных областях культуры, истории, искусства. Они подразделяются на три подгруппы:

а) «эксперты», коллекционирующие посещаемые ими достопримечательности;

б) «эмоциональные любители культуры и природы»;

в) «специалисты», которые углубляют свои знания в определенных областях культуры, истории, искусства и т.д.

Таким образом, нами проведены глубокие маркетинговые исследования потребителей туристического бизнеса, применение которых к каждому из рыночных сегментов позволяет сделать специфическое туристское предложение и обеспечивает этим не только удовлетворение имеющегося спроса, но и его формирование. В разработанных рекомендациях для турфирмы «Восток – Запад» все это отражено.

Нами выделены пять факторов, влияющих на силу конкурентной борьбы. Необходимо отметить, что конкуренция на туристском рынке усиливается тем, что спрос на эти услуги отличается значительными сезонными колебаниями. К тому же продукты туристических организаций РК не дифференцированы, поэтому конкурентная борьба еще более усиливается. Конкуренция принимает острый и непредсказуемый характер при увеличении различий между фирмами в смысле их стратегий, кадрового состава, общих приоритетов, ресурсов. Среди турфирм конкуренция в республике, в основном, носит ценовой характер, так как предложение однородно по составу и уровню качества.

Нами была поставлена цель – выявить относительные преимущества организации в конкуренции и составить перечень ее сильных и слабых сторон. Рассмотрели две группы факторов, обеспечивающих компании конкурентные преимущества, – это превосходство в ресурсах (более высокое качество, низкие цены и др.) и лучшее мастерство, умение (связанное с эффективностью выполнения всех видов деятельности организации, работой всех ее служб).

Для проведения такого исследования проведен SWOT-анализ, результаты которого могут использоваться при оценке конкурентоспособности, конкурентного потенциала и при определении круга стратегических вопросов, стоящих перед организацией. Технология проведения SWOT-анализа предусматривает использование разных способов предоставления информации, в том числе с помощью составления таблиц и матриц, где с левой стороны матрицы вписываются все выявленные ранее сильные и слабые стороны, в верхней части – возможности и угрозы. В матрице образуются четыре поля, в каждом из которых рассматриваются парные комбинации и выбираются те, которые будут применены при разработке стратегий.

Выводы и предложения. Таким образом, по результатам анализа деятельности фирмы, оценив позицию ТОО «Туркомпания «Восток – Запад», а также на основе анализа окружающей среды был произведен ситуационный анализ.

Сильными сторонами обследуемой фирмы следует считать: наличие необходимых финансовых ресурсов; профессиональное отношение всего персонала к туризму как к сложному производственному процессу, предприятию по производству и реализации туристического продукта высокого качества; полноценное использование производственного и маркетингового эффектов масштаба и освоения; надежный, профессиональный менеджмент.

Слабыми сторонами компании являются: отсут-

ствие четкой стратегии, невысокая прибыльность, наличие проблем управления операциями; отставание в обновлении товара (например, в разработке новых маршрутов), широкая продуктовая линия, недостаточно сформировавшийся имидж.

К возможностям анализируемой фирмы относятся: выход на новый рынок или сегмент, расширение продуктовой линии с целью удовлетворения большего числа потребностей клиентов, связанная с диверсификацией; вертикальная интеграция, падение торговых барьеров, затруднявших доступ к привлекательным международным рынкам, увеличение темпов роста рынка, внедрение собственных технологий ведения бизнеса и эффективная реклама.

Угрозами для данной фирмы могут быть: рост продаж товаров-заменителей, неблагоприятные изменения в обменных курсах валют, изменения во вкусах и предпочтениях потребителей.

Результаты анализа факторов внешней и внутренней среды, представленные в виде общих характеристик и установленных тенденций прогресса организации, послужили основой для раскрытия возможностей этого развития и угрозы со стороны окружающей среды, влияния слабых и сильных сторон данной компании и выработки дальнейшей стратегии развития фирмы. По нашему мнению, основной стратегией для «Туркомпании «Восток – Запад» является стратегия диверсификации и совершенствования качества туристических услуг, а также создание положительного имиджа фирмы на рынке туристических услуг.

Предлагается также использовать для фирмы «Восток – Запад» наступательную стратегию путем предложения заниженных цен на аналогичные товары и установления на первый план повышения качества своего товара, а также стремления обслуживать те сегменты рынка, которым конкуренты не уделяют внимания. На ближайшую перспективу нами предусмотрен переход на стратегию демонстрации силы на основе целенаправленного закрепления имиджа анализируемой фирмы среди туристических организаций РК и потребителей.

Рассмотрев настоящую стратегию фирмы, выделяем две составляющие – базовую и функциональную. Оценка базовой стратегии включает в себя главный источник конкурентных преимуществ, а именно создание более конкурентоспособных товаров или технологий (инновации); величину сегмента – обширную; ширину продуктовой линии – малую или обширную. При этом возможен риск не достигнуть поставленных целей, как например, большие затраты на рекламу, появление товаров-имитаторов, изменение пристрастий потребителей и т.д.

Следует отметить, что осуществление целей потребует изменения корпоративной стратегии и включения в портфель стратегий новой сферы бизнеса путем модернизации и инновационного развития услуг. Из всех сопутствующих целей главное предпочтение отдается завоеванию стабильной репутации фирмы. Решение этой задачи может получиться за счет превосходства

над конкурентами по главным показателям деятельности: честности линии поведения, высокого качества предлагаемых услуг в сочетании с приемлемыми ценами, эффективной, ненавязчивой рекламой и высоким уровнем сервиса, наличием своей «изюминки» или индивидуальности в удовлетворении предпочтений клиентов. В зарубежной практике создание положительного имиджа фирмы является одной из главных стратегических целей и задач маркетинга.

Значение имиджа в достижении стратегических целей фирмы определяется как оказание эмоционально-психологического воздействия на потребителей товаров (услуг) фирмы за счет создания у них целостного позитивного образа фирмы. Имидж может быть разным для разных групп общественности, поскольку желаемое поведение этих групп в отношении организации может иметь отличия. Для широкой общественности может быть предпочтительной гражданская позиция кампании, а для партнеров – высокая конкурентность позиции компании. Кроме этого, имеется внутренний имидж организации. Поэтому работа по созданию имиджа ведется целенаправленно для каждой группы и различными средствами. Роль позитивного имиджа значительна. Она увеличивает конкурентоспособность туристской организации на рынке, привлекает потребителей и партнеров, ускоряет скорость продаж и увеличивает их объем, облегчает доступ организации к ресурсам (финансовым, информационным, человеческим, материальным) и ведение операций.

Следовательно, создание корпоративного имиджа туристической фирмы является одним из направлений коммуникационной политики маркетинга, а также одним из стратегий развития фирмы на рынке в условиях кризиса сбыта. Ведущие туристические предприятия смогли выжить и процветают сегодня только благодаря правильно реализованной стратегии маркетинга, которая включает в себя создание корпоративного имиджа фирмы. Служба маркетинга корпорации фирмы должна заниматься созданием и поддержанием положительного имиджа фирмы, так как в современных условиях кто не имеет благоприятного имиджа – тот не имеет ничего.

В настоящее время колесо конкуренции в туристическом бизнесе вращается все с большей скоростью. Поэтому при всех изменениях хороший имидж сохраняется дольше там, где можно уверенно воздействовать на установление цен.

Обязательным составляющим сферы услуг является изучение экономических основ и особенностей их производства, предоставления и потребления в рамках рыночной экономики. Наличие предприятий и организаций разных форм собственности, организационно-правовых форм требует дифференцированных подходов к постановке целей и определению стратегии их деятельности, формированию источников ресурсного обеспечения деятельности, построению критериев эффективности функционирования, обеспечению здоровой кадровой политики и созданию системы отношений с внешними непосредственными участниками процесса производства услуг.

При завершении исследования хотелось акцентировать особое внимание на опыте зарубежных стран в сфере услуг и привести несколько примеров. Необходимо отметить, что большого успеха в сфере услуг добиваются не те компании, которые создают услуги немного лучше, чем другие, а те, которые делают это по-новому, на инновационной основе. Так, компания McDonalds не просто довела до совершенства принцип работы классической американской закусочной, она применила кардинально другой, организованный до тонкости, исключительно новаторский подход к тому, как гарантировать покупателю отличное качество и высочайшую скорость обслуживания по очень низкой цене.

Служба Federal Express также не просто усовершенствовала почтовую доставку. Она разработала абсолютно новую, блестящую с точки зрения логистики и совершенную по исполнению систему доставки посылок на большие расстояния с огромной скоростью.

Следует подчеркнуть, что на сегодняшний день практически трое из каждых четырех жителей Америки работают в сфере обслуживания.

По плану развития к 2020 году доля добавочной стоимости сферы услуг в ВВП Китая повысится с одной трети (в настоящее время) до одной второй. Это говорит нам о том, что китайская экономика не только в недалеком будущем войдет в число наиболее развитых, но и опередит самых сильных своих конкурентов. В странах Западной Европы основным признаком постиндустриального развития является рост значения мелкого предпринимательства, более открытого к внедрению инноваций и более гибкого по отношению к меняющемуся спросу на потребительском рынке. По нашему мнению, все вышеизложенные данные подтверждают бурное развитие сферы услуг и констатируют необходимость инновационного подхода к развитию этой отрасли.

Библиографический список

1. Алесинская Т.П. Сфера услуг: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2006. 125 с.
2. Бегунков Н.К. Улучшение деятельности предприятия. М.: Лаборатория книги, 2010. 104 с.
3. В Казахстане определили черту бедности. Рубрика Экономика и бизнес. 2 февраля, 2013 <http://news.nur.kz/248661.html>
4. Годовой отчет (финансовая отчетность) ТОО «Восток – Запад» за 2010-2012гг.
5. Дибб С. Практическое руководство по сегментированию рынка. СПб.: Питер, 2006. 239 с.
6. Иванушкина Е.В. Туристический бизнес. Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2006. 98 с.
7. Куница С.М. Сфера услуг в период трансформации экономики Республики Казахстан: Вестник КазГУ. Серия экономическая. Алматы, 2007, № 2
8. Ламбен Ж.Ж., Шулинг И., Чумпитас Р. Менеджмент, ориентированный на рынок. Учебник. СПб.: Питер, 2010. 720 с.
9. Мамыров Н.К. Менеджмент и рынок: Каз. модель. Алматы: Казак энциклопедиясы, 2006. 432 с.
10. Нурсеитов А.А., Нурсеитов Н.А. Финансовый менеджмент: Учебное пособие. Алматы: КазГАУ, 2006. 160 с.
11. Окаев К.О., Смагулова Н.Т. Предпринимательство в РК. Алматы. 2009. 102 с.
12. Павлова А.А. Качество и конкурентоспособность. М.: Лаборатория книги, 2010. 152 с.
13. Соловьев Б.А. Маркетинг: учеб. М.: ИНФРА-М, 2009. 383 с.
14. Турсумбаев Б.М. Основы организации бизнеса: учеб. пособие/ Алматы : Кайнар, 2009. 276 с.
15. Фурсов В.Г., Басин Ю.Г. Основы бизнеса и предпринимательства в условиях рыночной экономики Казахстана. Алматы: Изд-во «Панорама», 2006. 167 с.
16. Чернышова Т.Н. Маркетинговая деятельность предприятия: теория и практика. М.: Высшее образование, 2008. 533 с.
17. Якобсон Л.И. Эффективность и качество работы в непроизводственной сфере. М.: Мысль, 2006. 202 с.

References

1. Alesinskaya T.P. Services sector: The textbook for higher education institutions. SPb. : St. Petersburg, 2006. 125 p.
2. Begunkov N.K. Improvement of activity of the enterprise. M.: Book laboratory, 2010. - 104 pages.
3. In Kazakhstan defined a poverty line. Heading Economy and бизнес. 2 February, 2013 <http://news.nur.kz/248661.html>
4. The annual report (financial statements) of Vostok-Zapad LLP for 2010 - 2012гг.
5. Dibb C. Practical guidance on market segmentation. - SPb. : St. Petersburg, 2006. - 239 pages.
6. Ivanushkina E.V. Travel business. - Barrow: Publishing house the Kurgan state. university, 2006. - 98 pages.
7. Kunitsa S. M Services sector during transformation of economy of the Republic of Kazakhstan: Messenger of KAZGU. Series economic. - Alma-Ata, 2007, No. 2
8. Lamben Zh.Zh. Shuling And. Chumpitas R. the management focused on the market. Textbook. SPb. : St. Petersburg, Leader, 2010. – 720 pages.
9. Mamyrov N. K. Management and market: Kaz. model. Alma-Ata: Cossack энциклопедиясы, 2006. 432 p.
10. Nurseitov A.A. Nurseitov N. A. Financial management: Manual. - Alma-Ata: КазГАУ, 2006. 160 p.
11. Okayev K.O. Smagulova N. T. Business in RK. Alma-Ata. 2009. 102 p.
12. Pavlova A.A. Kachestvo and competitiveness. M.: Book laboratory, 2010. 152 p.
13. Nightingales B.A. marketing: studies. M.: INFRA-M, 2009. 383 p.
14. Tursumbayev B.M. Bases of the organization of business: studies. grant / Alma-Ata: Kaynar, 2009. - 276 pages.
15. Fursov V.G., Basyn Yu.G. Business and business bases in the conditions of market economy of Kazakhstan. Alma-Ata: Publishing house «Panorama», 2006. 167 p.
16. Chernyakhovsk T.N. Marketing activity of the enterprise: theory and practice. M.: The higher education, 2008. 533 p.
17. Jacobson L.I. Effektivnost and quality of work in the non-productive sphere. M.: Thought, 2006. 202 p.

УДК 332.14

UDC 332.14

В.А. МИРОНОВА

аспирант кафедры прикладных экономических дисциплин
Орловского государственного университета
E-mail: honey.veronique@mail.ru

V.A. MIRONOVA

graduate student of department of applied economic
disciplines, Orel state university
E-mail: honey.veronique@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ МЕЖМУНИЦИПАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ СВЯЗЕЙ НА ОСНОВЕ ОЦЕНКИ КОНКУРЕНТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПАРТНЁРОВ

FORMATION OF INTERMUNICIPAL INTEGRATION COMMUNICATIONS ON THE BASIS OF AN ASSESSMENT OF COMPETITIVE POTENTIAL OF PARTNERS

В статье рассматриваются модели оценки конкурентоспособности муниципальных образований, с помощью которых можно определить необходимость или целесообразность организации межмуниципального сотрудничества. В качестве эффективного средства обеспечения поиска партнёров и принятия решений о развитии межмуниципальных интеграционных связей предлагается использовать концепцию маркетинга взаимодополнения.

Ключевые слова: межмуниципальная интеграция, конкурентоспособность муниципального образования, конкурентный потенциал муниципального образования, маркетинг взаимодополнения.

In article models of an assessment of competitiveness of municipal formations, by means of which it is possible to define an indispensability or expediency of intermunicipal cooperation are considered. As effective means of maintenance of search of partners and decision-making on progress of intermunicipal integration communications, to use the concept of marketing complementarity.

Keywords: intermunicipal integration, competitiveness of municipal formation, competitive potential of municipal formation, marketing complementarity.

На сегодняшний день во многих регионах России активно реализуются или пока ещё только разрабатываются программы по межмуниципальному сотрудничеству. Стремительное развитие и реформирование систем местного самоуправления кардинальным образом меняет роль муниципальных образований (МО) в развитии общества в целом. Значение органов местного самоуправления возрастает, возрастает и число полномочий муниципалитетов, что становится важным условием, предопределяющим экономический рост в регионе. В современных условиях необходимо восстановить конкурентоспособность муниципальных образований, производственно-технические связи территорий. В решении этих проблем возрастает роль межмуниципальной интеграции.

Несмотря на растущий интерес к формированию и максимальному использованию межмуниципальных интеграционных связей, данный вопрос в России остается исследованным недостаточно. Это связано, в первую очередь, с определенными «расхождениями» в положениях законодательства о местном самоуправлении с нормами гражданского законодательства, а также недоработанностью правовой регламентации межмуниципального сотрудничества в форме хозяйственных обществ.

Для управления муниципальными образованиями необходимо активно использовать экономический потенциал территории с целью активизации социальных, экономических и политических аспектов сотрудниче-

ства. И здесь особую значимость приобретает проблема повышения конкурентоспособности муниципальных образований, что можно считать одним из базовых условий их устойчивого функционирования.

Конкурентоспособность муниципальных образований может рассматриваться в двух аспектах, в том числе как:

- потенциал участника конкуренции (МО) в данной сфере деятельности, то есть его готовность успешно конкурировать и побеждать своих конкурентов;
- результат (место), который получает данный участник конкуренции (МО) на определенном этапе, используя свой потенциал в данных объективных обстоятельствах [1].

Однако возникает необходимость в оценке эффективности результата конкурентной активности. К сожалению, в процессе реализации программы МО сталкиваются с трудностями в оценке эффектов интеграции. Ряд авторов предлагают свои методики, которые либо охватывают социальную подсистему, либо экономическую, либо подсистему природной среды и т.д.

Мы считаем, что в первую очередь, основными показателями должны быть показатели, характеризующие конкурентный потенциал муниципального образования.

Конкурентный потенциал определенного муниципального образования можно определить как совокупность двух составляющих:

– потенциал как способность производить какие-то ценности;

– способность использовать свой производительный потенциал и достигать каких-то реальных позитивных результатов [1].

Соответственно, оценку результата конкурентной активности данного муниципального образования можно определить с помощью следующей логической формулы:

$$P = K * I * O, \quad (1)$$

где P – результат конкурента;

K – потенциал конкурента;

I – использование потенциала конкурента;

O – объективные обстоятельства, на которые не может влиять конкурент.

Если принять следующие возможные значения переменных:

$$0 \leq K \leq 1; 0 \leq I \leq 1; 0 \leq O \leq 1,$$

то значение результата будет изменяться в том же интервале: $0 \leq P \leq 1$.

Определение значений уровня использования конкурентного потенциала муниципального образования (фактора I) и уровня объективных факторов (фактора O) представляет собой сложную методологическую и статистическую задачу. Поэтому, в целях упрощения модели необходимо рассматривать результат конкуренции муниципальных образований – функцией только одной переменной K , то есть потенциала конкурента. Пусть $P = F(K)$.

В свою очередь, потенциал муниципального образования (конкурента) можно представить как сумму двух факторов:

K_1 – уровень развития качеств конкурента;

K_2 – сбалансированность, равномерность развития этих конкурентных качеств.

Если имеется n конкурентных качеств, которые образуют потенциал конкурента, а K_{1i} – качество i -го вида, то K_1 можно выразить следующим образом:

$$K_1 = \sum_{i=1}^n K_{1i} \quad (2)$$

При помощи подстановки получаем, что потенциал конкурента K может быть выражен следующим образом:

$$K = K_1 + K_2 = \sum_{i=1}^n K_{1i} + K_2 \quad (3)$$

Таким образом, результат муниципального образования-конкурента есть функция двух переменных K_1 и K_2 :

$$P = F(K_{11} + K_{12}) \quad (4)$$

В целях упрощения модели представим результаты конкуренции городов как равные сумме двух результатов:

P_1 – прирост в данном периоде численности населения муниципального образования (положительный или отрицательный);

P_2 – прирост в данном периоде инвестиций на душу населения.

В свою очередь, прирост населения муниципально-го образования включает в себя естественный прирост (P_{11}) и механический прирост (P_{12}):

$$P = P_{11} + P_{12} \quad (5)$$

То есть, общий результат конкуренции муниципального образования может быть определен по формуле:

$$P = P_1 + P_2 = P_{11} + P_{12} + P_{21} \quad (6)$$

Приведенная выше простая модель конкурентоспособности муниципального образования и результата его конкуренции с другими муниципальными образованиями может быть использована для конкретных исследований и проверки основной гипотезы влияния уровня конкурентоспособности муниципального образования на результаты его деятельности.

Однако эффективность стратегического управления муниципальным образованием в виде повышения его конкурентоспособности зависит не только от качества стратегического планирования территории, но и от качества выполнения стратегических планов и программ. Для оценки их воздействия на результаты развития муниципального образования в конкурентной среде необходимо использование современных методик.

Во-первых, одним из показателей для определения конкурентоспособности муниципального образования может являться его изучение по уровню социально-экономического развития муниципальных образований.

Во-вторых, ранжирование с целью определения наиболее конкурентоспособного муниципального образования возможно по определению среднего ранга муниципальных образований (\bar{x}) и среднему квадратичному отклонению (σ) от этой средней рангов муниципального образования по каждому из шести параметров его развития. Средний ранг муниципального образования отражает общий уровень его конкурентоспособности по уровню социально-экономического развития (K_1). Среднее квадратичное отклонение отражает степень сбалансированности отдельных параметров социально-экономического развития муниципального образования. Данный показатель может рассматриваться как показатель конкурентоспособности муниципального образования с точки зрения равномерности развития отдельных сфер его деятельности.

Кроме того, необходимо построение и сводного рейтинга муниципальных образований (K) с учетом их конкурентоспособности и по уровню развития (K_1), и по его сбалансированности (K_2). Сводный средний рейтинг определен по формуле [3]:

$$K = \frac{K_1 + K_2}{2} \quad (7)$$

Для определения степени связи показателей рангов K и P возможно использование коэффициента рангов корреляции Спирмена:

$$r_s = 1 - \frac{6d^2}{n(n^2 - 1)}, \quad (8)$$

где d – разность рангов двух показателей;

n – число муниципальных образований.

Полученные значения коэффициента корреляции будут наиболее высоки для показателей конкурентоспособности муниципальных образований по уровню социально-экономического развития (K_1) и результатов их конкуренции по росту инвестиций в основной капитал (P_2).

Также в рамках большей конкретизации полученных данных возможно измерение конкурентоспособности муниципальных образований по иным показателям, измеряющим качество жизни населения. Данная методика не исключает применения первой, а скорее, служит дополнением к ней, поскольку интеграции рассматриваемых методик позволит оценить в комплексе социально-экономическое развитие муниципальных образований, в том числе с учетом определения возможностей развития муниципальной и межмуниципальной инфраструктуры.

Количественная сравнительная оценка динамических показателей качества жизни позволяет судить о результативности и эффективности их муниципального управления.

Многоаспектность категорий «качество жизни» и «конкурентоспособность территории» предполагает использование в оценочных расчётах большого круга сопоставимых статистических показателей, позволяющих провести интегральные экономические расчёты.

Расчёт единичных параметрических индексов конкурентоспособности (I_E) предлагается производить по формуле [4]:

$$I_E = \left(\frac{P_i}{P_{\max}} \right)^k, \quad (9)$$

где: P_i – фактические значения i -го параметра данного муниципального образования в данном периоде;

P_{\max} – максимальное значение i -го параметра среди муниципальных образований, попавших в выборку, в данном периоде;

k – коэффициент, принимающий значение +1, если рост параметра приводит к увеличению конкурентоспособности муниципального образования и принимающий значение -1, если рост параметра приводит к снижению конкурентоспособности.

Для расчёта групповых параметрических индексов конкурентоспособности (I_{GP}) для каждого муниципального образования необходимо использовать следующую формулу:

$$I_{GP} = \sum_{i=1}^n I_E, \quad (10)$$

где: n – число оценочных параметров в данной группе показателей.

Расчёт интегрального индекса конкурентоспособности (I_H) для каждого муниципального образования предлагается производить по формуле:

$$I_H = \sum_{j=1}^m a_j I_{GP}, \quad (11)$$

где: m – число групп показателей,

a_j – весовой коэффициент, учитывающий значимость данной группы показателей.

Оценка уровня конкурентоспособности проводится с помощью значения интегрального индекса: чем выше значение интегрального индекса, тем выше уровень конкурентоспособности данного муниципального образования в анализируемой совокупности.

Оценка единичных и групповых индексов конкурентоспособности за анализируемый период позволит

выявить группы социально-экономических показателей, по которым у муниципального образования наблюдаются конкурентные преимущества или, наоборот, отставания в конкурентном развитии. Более детальный анализ позволит выявить конкурентные преимущества (отставания) внутри группы показателей.

Оценка динамики параметрических индексов и интегрального индекса позволит провести сравнительную оценку результативности и эффективности муниципального управления в направлении развития конкурентных преимуществ муниципальных образований и повышения качества жизни населения [1].

Предложенную модель целесообразно применять в целях определения степени необходимости, а также привлекательности вхождения конкретного муниципального образования в интеграционные связи. Следует отметить, что для обеспечения поиска партнёров и принятия решения о развитии межмуниципальных связей целесообразно использовать концепцию маркетинга взаимодополнения [6].

Маркетинг взаимодополнения представляет собой деятельность, направленную на удовлетворение общих и индивидуальных потребностей входящих в систему хозяйственных отношений самостоятельных и независимых субъектов и обеспечивающую синергетический эффект за счёт совместного использования имеющихся у них преимуществ и нивелирования присущих им недостатков.

Ключевая идея концепции маркетинга взаимодополнения в сфере управления развитием предприятий в условиях глобализации экономики состоит в возможности и необходимости формирования такого образа отношений между хозяйствующими субъектами, при котором каждый из них, специализируясь на выполнении конкретных функций, взаимно дополняет друг друга в процессе реализации согласованной цели.

Целью маркетинга взаимодополнения является формирование и поддержка цепочек продуктивных отношений по созданию ценностей, востребованных каждым из субъектов, стремящимся создать систему длительных, а не одноразовых хозяйственных отношений на международном рынке. В данном контексте ценность рассматривается как то, чем система владеет, стремится сохранить либо иметь в будущем. При этом ценность может быть классифицирована по следующим признакам:

- вид ценности – материальные, нематериальные, социальные, культурные, природно-климатические, политические;
- содержание ценностей – качественные, стоимостные, поведенческие, синергетические;
- динамичность проявления ценностей – стратегические и тактические.

Маркетинг взаимодополнения базируется на использовании следующих принципов:

- взаимопонимание;
- доверие;
- взаимодополнение;
- субсидиарность и солидарность;

- взаимопользование;
- содействие.

Указанные принципы должны определять отношения между субъектами хозяйственных связей в глобальной конкурентной среде.

По нашему мнению, маркетинг взаимодополнения отражает естественный ход развития отношений и представляет собой социально-экономические отношения, которые предполагают совместные усилия сторон, направленные на удовлетворение как общих, так и индивидуальных нужд и потребностей [5].

Таким образом, межмуниципальные интеграционные процессы, в которых нуждаются муниципальные образования ввиду недостаточности бюджетного финансирования, с полным на то основанием можно рассматривать в качестве катализато-

ра процессов социально-экономического развития нашей страны. Реализация программ межмуниципальной интеграции позволит «сгладить» неравенства в экономическом росте регионов за счет объединения экономических ресурсов муниципалитетов и усилить конкурентные преимущества.

Не менее важным в данном направлении развития является и использование адекватных методов оценки региональной интеграции. В связи с этим мы рекомендуем использовать не одну из многочисленных моделей оценки, предложенных различными авторами-профессионалами в той или иной области изучения, а их комплекс. Это позволит учесть и использовать в практике государственного и муниципального управления все наиболее значимые факторы, влияющие на социально-экономическое развитие регионов.

Библиографический список

1. *Зубаревич Н.В.* Муниципальное управление. М.: АНХ. 2006. 688 с.
2. *Иваненко С.И.* Социальное развитие регионов России: проблемы и пути их решения / С.И. Иваненко, В.Д. Роик, С.Н. Титов, Т.А. Федотовская // Аналитический Вестник. 2007. №21 (338).
3. *Шильцин Е.А.* Вопросы оценки региональной асимметрии (на примере России) // Вестник института экономики и ОПП СО РАН. Новосибирск, 2006.
4. *Яновский К.Э.* Политико-экономические проблемы российских регионов / К.Э. Яновский, С.В. Жаворонков. М. 2001. 171 с.
5. *Самостроенко Г.М.* Использование концепции маркетинга взаимодополнения в условиях глобализации экономики [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/management-and-marketing-412/policies-and-practices-of-marketing-in-the-enterprise-412>
6. *Самостроенко Г.М.* Маркетинг взаимодополнения в системе государственного и муниципального управления // Современная экономика: проблемы и решения. 2012. № 3 (27). С. 93-102

References

1. *Zubarevich N.V.* Municipal management. M.: ANH-2006. - p. 688.
 2. *Ivanenko S.I., Royk V.D., Titov S.N., Fedotovskaya T.A.* Social development of Russian regions: problems and ways of their decision // Analytical journal. 2007. № 21. p. 338.
 3. *Shilcin E.A.* Questions of an assessment of regional asymmetry (on an example of Russia) // the Bulletin of college of economy and the organization of industrial production of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science. Novosibirsk, 2006.
 4. *Yanovsky K.E., Zhavoronkov S.V.* Political-economical problems of the Russian regions. 2001. p. 171.
 5. *Samostroenko G.M.* Use of the concept of marketing complementarity in conditions of globalization of economy [the Electronic resource] // the Mode of access: <http://www.sworld.com.ua/index.php/ru/management-and-marketing-412/policies-and-practices-of-marketing-in-the-enterprise-412>
 6. *Samostroenko G.M.* Marketing complementarity in system of the state and municipal management // Modern economy: problems and decisions. 2012. № 3 (27). P. 93-102
-
-

УДК 330.34

UDC 330.34

Е.А. НАТАШКИНА

аспирант кафедры экономики и управления Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
E-mail: 5el@ro.ru

E.A. NATASHKINA

graduate student of Economics and Management Department, Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy
E-mail: 5el@ro.ru

ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ УКЛАДОВ НА ИЗМЕНЕНИЕ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ РАЗЛИЧНЫХ СТРАН

INFLUENCE TECHNOLOGICAL WAYS TO CHANGES IN VARIOUS COUNTRIES INDUSTRY

В статье перечисляются факторы, влияющие на зарождение и распространение технологических укладов, приводится их классификация. Рассматривается влияние институционально-исторических факторов на процесс смены технологических укладов в экономике различных групп стран. Показана динамика макроэкономических показателей по данным группам стран, а также приводится расчет темпов прироста этих показателей по наиболее активным временным параметрам с историко-институциональной точки зрения.

Ключевые слова: институционально-исторические факторы, технологические уклады, макроэкономические показатели, темп прироста, группы стран.

The article lists the factors that influence the emergence and spread of technological structures, their classification. The influence of the institutional and historical factors on the process of changing of technological structure of the economy within different groups of countries. It shows the dynamics of macroeconomic indicators for these groups of countries, as well as the calculation is the rate of growth of these indicators on the most active time parameters with the historical and institutional point of view.

Keywords: institutional and historical factors, technological way, macroeconomic indicators, growth rate, a group of countries.

Уделяя внимание изучению длинных волн Кондратьева и технологических укладов, возникает необходимость их рассмотрения с различных сторон. Так на зарождение, распространение и влияние технологического уклада в экономическом пространстве влияют множество групп факторов, таких как:

- экономические;
- социальные;
- институциональные;
- исторические;
- географические и т.д.

Институциональные факторы – это группа показателей, связанных с регулированием и управлением социально-экономических отношений. В данную группу входят научно-технические, инвестиционные, социальные факторы, которые могут улучшать, обновлять или модернизировать экономические агенты, а также направлены на преобразования институтов [3]. То есть институциональные факторы представляют собой комплекс показателей, участвующих в макроэкономических процессах, например, таких как распространение технологических укладов.

В экономической литературе под технологическим укладом понимается комплекс технологий и инноваций, которые влияют на макроэкономическое пространство в определенные промежутки времени.

Выделяя шесть технологических укладов, необходимо помнить, что в различных областях мира одно-

временно действуют несколько укладов, т.е. в двух соседних странах возможно одновременное влияние, к примеру, четвертого и пятого технологического уклада. Предполагается, что высшие уклады функционируют в развитых странах, в то время когда в странах слабо-развитых или отсталых лишь появляются основы для распространения всего лишь третьего технологического уклада.

Для рассмотрения влияния и распространения технологических укладов в отдельных регионах мира возможно выделить группы стран, исключая слабо-развитые и отсталые, объединенных по критерию экономического развития.

1. Страны первой группы, например, США и Великобритания. Они характеризуются высокими показателями развитости по всем сферам экономических показателей.

2. Страны второй группы. Сюда относятся Бразилия, Россия и т.д. Данная группа объединена сложным экономико-политическим прошлым, но на данном этапе эти страны показывают высокие показатели по большому количеству категорий макроэкономических показателей.

3. Третья группа стран, таких как Вьетнам, определяется неравномерностью показателей экономического роста, средними показателями по уровню развития и т.д.

Данное деление условно, но в каждой группе стра-

ны объединены схожестью распространения технологических укладов.

Существуют различные варианты классификаций технологических укладов, но самая распространенная по доминирующим и лидирующим технологиям, образующим ядро самого уклада. По такому признаку они делятся следующим образом:

– первый технологический уклад, действующий в экономических системах стран и регионов мира в период с конца XVIII до начала XIX в. Здесь имеются в виду страны первого эшелона, такие как Великобритания, Франция и т.д. Ведущие технологии – текстильная промышленность, обработка и выплавка металла;

– второй технологический уклад (XIX век), основанный на технологиях с применением парового двигателя, активно развивалось строительство железных дорог;

– третий технологический уклад, который развивался и доминировал во многих регионах мира с конца XIX в. до начала XX в. Здесь ведущая технология – это электричество, активно применяющееся в различных отраслях народных хозяйств;

– четвертый технологический уклад (XX век), в котором начинается использование полимеров на основе углеводородов, зарождается ядерная энергетика, автомобиле-, самолето-, ракетостроение и т.д.

– пятый технологический уклад, начавшийся с конца XX века и действующий до настоящего момента, где ведущие технологии признаны в микроэлектронике, биотехнологиях, оптике, информатизации и т.д.

– шестой технологический уклад (с начала до середины XXI века) считается уже постиндустриальным, основан (будет основан) на нанотехнологиях и биотехнологиях во многих отраслях народных хозяйств мира.

Именно данное деление и временные параметры свойственны для первой группы стран. Но и внутри данной группы есть коренные отличия, которые, прежде всего, связаны с институциональными и историческими факторами. К примеру, политический уклад, военные действия привели к тому, что в Германии распространение технологических укладов отличаются от той же Великобритании, об этом же говорят и макроэкономические показатели, представленные в таблице 1.

Таблица 1.

Данные о ВВП на душу населения в долларах Гири-Хамиса 1990 г. в период с 1939 по 1953 гг. [4]

Годы	Германия	Великобритания
1939	5 406	3 353
1940	5 403	3 477
1941	5 711	3 568
1942	5 740	3 643
1943	5 890	3 643
1944	6 084	3 622
1945	4 514	3 574
1946	2 217	3 600
1947	2 436	3 713
1948	2 834	3 849
1949	3 282	4 024

Годы	Германия	Великобритания
1950	3 881	4 009
1951	4 206	3 975
1952	4 553	3 846
1953	4 905	3 811

Для более наглядной динамики показателей реального ВВП на душу населения по двум странам были рассчитаны темпы прироста данного показателя (таблица 2).

Таблица 2.

Темпы прироста ВВП на душу населения в долларах Гири-Хамиса 1990 г. в период с 1940 по 1953 гг. в процентах

Годы	Германия	Великобритания
1940	-0,06	3,70
1941	5,70	2,62
1942	0,51	2,10
1943	2,61	0,00
1944	3,29	-0,58
1945	-25,81	-1,33
1946	-50,89	0,73
1947	9,88	3,14
1948	16,34	3,66
1949	15,81	4,55
1950	18,25	-0,37
1951	8,37	-0,85
1952	8,25	-3,25
1953	7,73	-0,91

Из таблицы 2 видно, на сколько меняется реальный ВВП на душу населения в военные и послевоенные годы для двух стран. Так, например, в 1945 году темп прироста данного показателя был отрицательный для данных стран, но для Германии он составлял -25,81%, а для Великобритании всего -1,33%. В 1946 году прирост реального ВВП на душу населения в Великобритании уже был положительным (почти 1%), а в Германии он снизился еще в 2 раза, составив около -51%. Этому способствовали институционально-исторические факторы, действующие в каждой стране.

Вторая группа стран, где в настоящее время действуют современные технологические уклады, выделяется неравномерностью распространения укладов. Из-за институциональных факторов и исторических процессов (для России – крепостное право, СССР, участие в военных действиях, географическое положение, менталитет и т.д.; для Бразилии – колониальная зависимость, период рабовладения, особенности в правовой системе и пр.; для двух стран – значительное по времени преимущество сельского хозяйства) время зарождения и развития укладов смещены.

Наконец, у третьей группы стран есть достаточный потенциал для смещения временных рамок технологических укладов, то есть не 50 лет, а меньше, и этим они, возможно, смогут приблизиться ко второй группе стран.

Таким образом, для того чтобы перейти в новый технологический уклад с постиндустриальными инновациями как базисными технологиями необходимы

реальные действия в социально-правовой системе, которые способствовали бы более быстрому освоению

новых ресурсов, процессов, а также не препятствовали бы этому.

Библиографический список

1. Наташкина Е.А., Басовский Л.Е. Волны Кондратьева и технологические уклады. Журнал Экономической Теории 2012; № 3: С. 169 – 173.
2. Наташкина Е.А., Коржов В.А. Оценка воздействия технологических укладов на социально-экономическую политику России. Материалы IX Международной научно-практической конференции «Научная мысль информационного века» 2013; Часть 8: С. 8 – 11.
3. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М. 2011.
4. The Groningen Growth and Development Centre. University of Groningen: <http://www.ggdc.net/>

References

1. Natashkina E.A., Basovskiy L.E. Kondratieff waves and technological ways. Journal of Economic Theory. 2012; № 3. P. 169 – 173.
2. Natashkina E.A., Korzhov V.A. Assessing impact of technological ways on social and economic policy of Russia. Proceedings of IX International scientific-practical conference «Scientific thought of Information Age». 2013, Part 8: P. 8 - 11.
3. Raizberg B.A., Lozovskiy L.Sh., Starodubtseva E.B. Modern Dictionary of Economics. Moscow: INFRA-M, 2011.
4. The Groningen Growth and Development Centre. University of Groningen: <http://www.ggdc.net/>

УДК 332.146.2

UDC 332.146.2

Е.В. ПЕТРУХИНА

кандидат экономических наук, доцент кафедры
товароведения, сервиса и торговой инфраструктуры
Орловского государственного университета
E-mail: petrukhinelena@yandex.ru

E.V. PETRUKHINA

candidate of economic sciences, Associate Professor
department of merchandizing, service and trade
infrastructure, Orel state university
E-mail: petrukhinelena@yandex.ru

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ИННОВАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМ МЕЗОУРОВНЯ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ*

ENSURING INNOVATIVE SAFETY OF ECONOMIC SYSTEMS OF MESOLEVEL IN THE CONDITIONS OF UNCERTAINTY

В процессе осуществления инновационной деятельности хозяйственных систем мезоуровня в условиях неопределенности пропорционально возрастает вероятность различных рисков и, соответственно, необходимость обеспечения их инновационной безопасности. В статье анализируется влияние производственных рисков на инновационное развитие хозяйственных систем мезоуровня и разрабатываются меры обеспечения их инновационной безопасности.

Ключевые слова: инновационная безопасность, производственные риски, неопределенность, хозяйственные системы мезоуровня.

In the course of implementation of innovative activity of economic systems of mesolevel in the conditions of uncertainty the probability of various risks and, respectively, need of ensuring their innovative safety in proportion increases. In article influence of production risks on innovative development of economic systems of mesolevel is analyzed and measures of ensuring their innovative safety are developed.

Keywords: innovative safety, production risks, uncertainty, economic systems of mesolevel.

Инновационное развитие хозяйственного комплекса характеризуется количественными и качественными параметрами. Первые выражаются в росте объемов инновационного производства, повышении его эффективности, финансовой устойчивости, что, в свою очередь,

находит отражение в увеличении объема налоговых отчислений в бюджеты всех уровней, в повышении социального благосостояния граждан и т.д. Качественные параметры находят выражение в изменении отраслевой структуры хозяйственных систем на мезоуровне,

* Статья подготовлена по результатам выполнения госзадания ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет» (регистрационный номер: 8.1445.2011, прикладные научные исследования)

ее совершенствовании, соответственно и в изменении их конкурентных преимуществ, например, в переходе от минимизации издержек и ценовой конкуренции к конкуренции, основанной на инновациях. В условиях формирования постиндустриальной экономики формируется новый тип социально-экономического развития хозяйственных систем на мезоуровне – инновационный, характеризующийся высокой восприимчивостью к технологическим, организационно-экономическим и управленческим новшествам. Однако его становлению предшествует трансформационный период, в условиях которого особую значимость приобретают формы и методы управления инновационным развитием хозяйственных систем на мезоуровне.

Анализ опыта инновационной деятельности хозяйственных систем показывает, что в процессе ее осуществления не только появляются новые технологии, новая продукция, растет качество, но и возрастает вероятность различных рисков как уже существующих на предприятиях, так и новых, связанных с инновациями.

В связи с этим для эффективного осуществления инновационной деятельности необходимо учитывать условия осуществления этой деятельности и ее многоступенчатый, многостадийный характер. Для безопасной реализации инновационной деятельности необходимо, чтобы существующие техника и технологии обладали гибкостью с точки зрения безопасности сопряжения и сочетания их с внедряемыми элементами. Необходимы инновации в области организации производства, так как в условиях расширяющегося производства, сопровождаемого множественной диверсификацией, усиливаются темпы обновления производства, требуя высокого уровня безопасности новых технологических решений и использования методики «встроенной гетерогенности» – сочетания инновационных и традиционных производственных процессов. В

связи с тем, что в инновационной экономике инновационная деятельность приобретает непрерывный характер, все вышеперечисленные условия эффективности инновационного развития являются актуальными.

Осуществление этой тенденции необходимо проводить с помощью перестройки механизмов управления инновационными процессами, что является одной из основных задач территориального менеджмента. Однако необходимо учитывать при этом воздействие внутренних и внешних факторов на инновационную деятельность. На эффективность инновационной деятельности влияют следующие внутренние факторы:

- преодоление социально-технических барьеров, возникающих на этапах их развертывания;
- обеспечение безопасности сопряжения вводимого и действующего производства;
- организация качественной подготовки и переподготовки персонала в связи с инновационными изменениями.

И поэтому особую актуальность приобретает эффективность устранения возникающих в процессе инновационного развития рисков и угроз, называемых инновационными рисками. Риск присутствует в деятельности хозяйственных систем любого типа. Но влияние каждого вида рисков на их состояние различно. Инновационные риски являются неотъемлемой частью инновационной деятельности хозяйственных систем, влияющей на ее результат, поэтому не вызывает сомнений актуальность их исследования.

Инновационные риски – это риски потерь, возникающие при вложении предприятиями средств в производство новых товаров и услуг, выпуск которых, возможно, не удастся осуществить или которые могут не найти ожидаемого спроса на рынке. Любой риск инновационной деятельности представляет собой сложную конструкцию, состоящую из элементов других

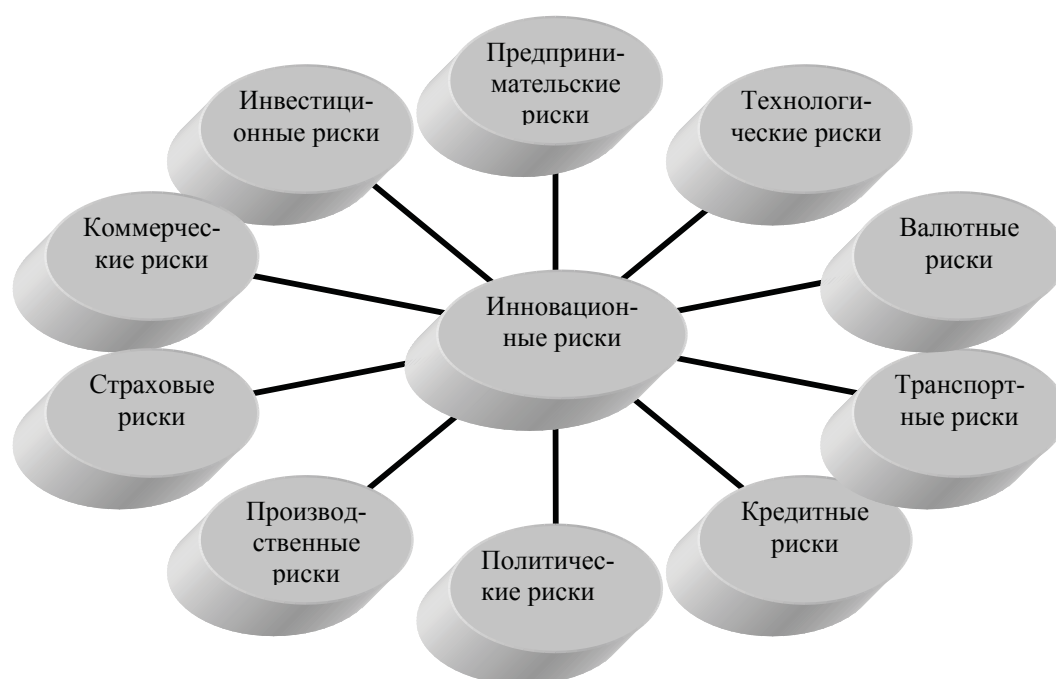

Рис. 1. Риски инновационного развития хозяйственных систем на мезоуровне.

рисков. Набор рисков, соответствующий определенному виду деятельности, можно назвать комплексом рисков. Они характерны, например, для промышленного производства, инвестиционной и инновационной деятельности, финансовой и коммерческой сферы. Их структура представлена на рисунке 1.

Указанные комплексы рисков являются, говоря математическим языком, «взаимно пересекающимися множествами», то есть в зависимости от ситуации в них входят одни и те же компоненты. Например, инновационная деятельность включает в себя комплекс предпринимательских, финансовых и технологических рисков, в то время как производственная деятельность в условиях инновационной экономики часто приводит к возникновению инновационных рисков.

Особое место среди них занимают производственные риски, которые непосредственно связаны с организационно-экономическими отношениями в процессе инновационного развития производственных хозяйственных систем. Производственные риски формируются на уровне локальных хозяйственных систем. Эта группа рисков объединяет риски, связанные с используемыми технологиями производства. Так, предприятия, быстро внедрившие новейшую технологию, получают значительное конкурентное преимущество, однако при этом они подвергают себя риску приобрести непроверенное оборудование. Проблемы, возникающие при эксплуатации таких инновационных производственных технологий, способны нарушить весь производственный процесс. Многие производственные риски не только ослабляют экономическое состояние хозяйственных систем, но и представляют угрозу для жизни и здоровья людей.

Производственный риск – это все виды пагубного влияния результатов или самого процесса производства на здоровье человека и на природную среду, связанные с качественными изменениями социальной и экологической среды [3]. Это общепринятое определение производственного риска, который может иметь характер крупных или особых аварий или риска стихийных бедствий. В законодательстве по промышленной безопасности используется очень близкое к нему по содержанию и более конкретное определение промышленного риска как «опасности нанесения ущерба предприятию или третьим лицам вследствие нарушения нормального хода производственного процесса» (риск возникновения отказов машин и оборудования и возникновения аварийной ситуации). При этом часто масштабы последствий этих рисков превышают размеры самих предприятий и представляют угрозу для третьих лиц. Поддержание инновационных производственных рисков на допустимом уровне характеризуется состоянием инновационной производственной безопасности, которое означает состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества от аварии на производственном объекте и последствий аварий.

На разных уровнях хозяйственной деятельности инновационная безопасность проявляется по-разному. Так, на уровне локальных хозяйственных систем ин-

новационная безопасность выступает как состояние защищенности жизненно важных интересов личности и общества от аварий на опасных производственных объектах и последствий указанных аварий. На уровне хозяйственных систем мезоуровня инновационную безопасность можно определить как снижение негативного влияния результатов или самого процесса производства на социальную и природную среду обитания населения региона, связанного с неблагоприятными или катастрофическими изменениями социальной и экологической среды жизнедеятельности людей.

На национальном уровне инновационная безопасность – это обеспечение устойчивости высоких технологий при осложнениях, возникающих в связи с неблагоприятными тенденциями или конкретными событиями в государстве. Это такое развитие НИОКР и ведущих отраслей, производящих современную технику, которое обеспечивает для страны возможность самостоятельного решения наиболее важных для национальной безопасности задач даже в экстремальных условиях [4]. Следовательно, и подходы к обеспечению инновационной безопасности в хозяйственных системах разного уровня должны формироваться по-разному.

В условиях инновационного развития хозяйственных систем производственные риски, связанные с инновационной деятельностью, приобретают новые качественные характеристики, позволяющие выделить их в такую особую группу, как инновационные производственные риски. Основой для такого выделения послужили принципиальные отличия инновационной деятельности предприятий от текущего традиционного производства. Они заключаются в том, что оценка производственного риска строится на основании прошлого опыта и сложившихся тенденций. Для анализа инновационной деятельности хозяйственных систем необходим анализ-прогноз в условиях неопределенности. В отличие от детерминированных процессов текущего производства процессы внедрения новой техники и технологии с их последующей коммерциализацией имеют стохастический характер. Кроме того, существует риск устаревания, особенно при использовании технологий, связанных с электронным оборудованием, совершенствование которых происходит очень быстро, а постоянные издержки на приобретение таких технологий и стоимость их модернизации велики. Кроме того, альтернативные технологии ближайшего будущего могут оказаться намного эффективнее, сводя на нет все преимущества от приобретения сегодняшней технологии.

Таким образом, в инновационном производственном риске, в отличие от неинновационного, можно выделить две стороны:

- технический риск, связанный с эксплуатацией техники и использованием технологий;
- экономический риск, связанный с высокой неопределенностью и быстрым моральным старением технологий и оборудования.

Совокупность инновационных производственных рисков можно разбить на пять групп (рис. 2).

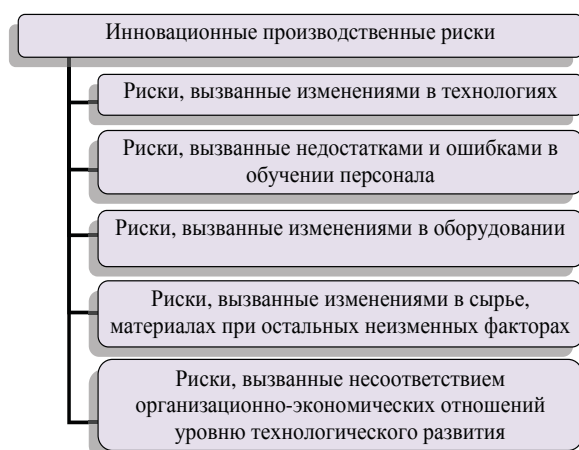

Рис. 2. Структура иновационных производственных рисков.

Анализ содержания иновационных производственных рисков и взаимосвязей между ними показывает, что риски, вызванные несоответствием организационно-экономических отношений уровню технологического развития, являются одновременно и фактором снижения вероятности возникновения других рисков через управленческое воздействие на них. При этом управленческое воздействие должно ориентироваться на следующие обобщенные критерии технологического уровня производства:

- уровень технологического воздействия (степень механизации, автоматизации, химизации, биологизации, электронизации; вид физического, химического, механического, электронного или иного воздействия; степень использования АСУ и т.д.);
- уровень технологической интенсивности (скорость обработки, выход продукции; расходные нормы сырья, материалов, энергии; длительность технологического цикла; количество отходов производства; повышение качества продукции; степень использования оборудования, производственных площадей и т.д.);
- уровень технологической управляемости (гибкость процесса и возможности регулирования параметров под воздействием внешних требований с целью максимальной эффективности; возможность автоматического регулирования процесса; сохранение стабильности и надежности; безопасность процесса);
- уровень технологической организации (комбинация технологических методов; непрерывность процессов; число технологических стадий обработки; направление движения и перемещения материальных потоков; безотходность процессов);
- уровень адаптации технологического процесса (надежность, безаварийность, безопасность; обеспечение высокого стабильного качества продукции; соответствие орудий труда и технологии требованиям охраны труда, технической эстетики, эргономики, биосферосовместимости и экологическая безопасность процесса).

Для общей оценки иновационной безопасности хозяйственных систем предлагается определять коэффициент безопасности иновационной деятельности (1), коэффициент безопасности персонала (2) и коэф-

фициент безопасности модернизации оборудования и технологии (3). При определении этих коэффициентов используются приведенные величины ущербов, чтобы всесторонне оценить влияние иновационной деятельности на иновационную безопасность хозяйственных систем. Под безопасностью иновационной деятельности понимается такое состояние хозяйственных систем, при котором жизненно важные компоненты структуры и деятельности систем характеризуются высокой степенью защищенности от нежелательных изменений, возникающих в иновационных процессах, приводящих с определенной вероятностью к возникновению аварийной ситуации.

Коэффициент безопасности иновационной деятельности определяется как отношение приведенного полного ущерба после иновационных изменений к приведенному полному ущербу до внедрения иноваций:

$$K_{\text{бд}} = УП_{\text{иуд}} / УП_{\text{дуд}}, \quad (1)$$

где $K_{\text{бд}}$ – коэффициент безопасности иновационной деятельности;

$УП_{\text{иуд}}$ – приведенный полный ущерб после иновационных изменений; $УП_{\text{дуд}}$ – приведенный полный ущерб до иновационных изменений.

Коэффициент безопасности персонала, который представляет собой отношение приведенного социально-экономического ущерба после внедрения иноваций к приведенному социально-экономическому ущербу до внедрения иноваций:

$$K_{\text{бп}} = УСЭ_{\text{иуд}} / УСЭ_{\text{дуд}}, \quad (2)$$

где $K_{\text{бп}}$ – коэффициент безопасности персонала; $УСЭ_{\text{иуд}}$ – приведенный социально-экономический ущерб после иновационных изменений;

$УСЭ_{\text{дуд}}$ – приведенный социально-экономический ущерб до иновационных изменений.

Коэффициент безопасности модернизации оборудования и технологии принимается как отношение приведенного прямого ущерба после внедрения иноваций к приведенному прямому ущербу до внедрения иноваций:

$$K_{\text{бмт}} = УП_{\text{дуд}} / УП_{\text{иуд}}, \quad (3)$$

где $K_{\text{бмт}}$ – коэффициент безопасности модернизации оборудования;

$УП_{\text{дуд}}$ – приведенный полный ущерб до иновационных изменений;

$УП_{\text{иуд}}$ – приведенный полный ущерб после иновационных изменений.

Чем ближе значение данных показателей к 0, тем более безопасна иновационная деятельность, значение равное 1 является пороговым, так как говорит о сохранении существующего уровня безопасности в результате реализации иновационной деятельности хозяйственных систем.

Цена риска (ЦР) может быть выражена следующей формулой:

$$ЦР = ВРП_{\text{пл}} - ВРП_{\text{вер}}, \quad (4)$$

где $ВРП_{\text{пл}}$ – планируемый валовый региональный продукт без учета риска;

$ВРП_{\text{вер}}$ – вероятный валовый региональный продукт с учетом данного вида риска. [2]

Установление допустимого уровня производственных рисков осуществляется на законодательной основе и используется в качестве граничного показателя допустимости внедряемых инноваций с точки зрения инновационной безопасности.

Таким образом, анализ инновационных производственных рисков позволяет качественно охарактеризовать ситуации их возникновения, определить вероятность реализации данных событий и оценить масштабы последствий от них. В условиях перехода к инновационной экономике требуется корректировка используемых методик, их совершенствование с целью учета особенностей инновационных производственных рисков для формирования по результатам такого анализа комплексной системы управления инновационными рисками.

Инновационные риски, как правило, не поддаются точной количественной оценке, информация о них носит в основном вероятностный характер. В связи с этим становится актуальной идея диверсификации мер по воздействию на производственный риск инновационной деятельности в рамках формирования системы управления. Цель – снизить величины страховых выплат и сумм, отвлекаемых на резервный фонд за счет управления инновационными рисками на более ранних стадиях с помощью различных инструментов. Исследуя деструктивные характеристики инновационных рисков, можно охарактеризовать оптимальную систему управления ими, которую стоит рассматривать как комплекс мер превентивного характера, включающих в себя диверсификацию подходов к управлению производственными рисками инновационной деятельности.

Инновационная безопасность хозяйственных систем на мезоуровне характеризуется способностью региональной экономики функционировать в режиме расширенного воспроизводства на инновационной основе, при этом снижая негативное влияние результатов производственно-хозяйственной деятельности на социальную и природную среду обитания населения региона. Существующая институциональная среда не способствует эффективному развитию инновационной деятельности по целому ряду стратегических направлений. Состояние этой инновационной системы зависит от уровня развития и форм доминирующего влияния одних институтов по отношению к другим. В данной связи важно определить степень институционального влияния на развитие элементов, подсистем, инфраструктуры инновационной системы, а также возможные направления соответствующих институциональных изменений.

Анализ современных институциональных моделей инновационного развития хозяйственных систем на мезоуровне показывает, что они в конечном счете представляют собой институциональную эклектику трех разных технологий:

- интеллектуальной технологии, отвечающей за проблематизацию, поиск наиболее эффективных решений, новых институциональных форм;
- управленческой технологии, призванной обе-

спечить реализацию целей инновационного развития с учетом финансовых, организационных, человеческих, информационных и других видов ресурсов;

- политической технологии, необходимой для учета факторов инновационного развития, согласования интересов, целей, для контроля соблюдения установленных «правил игры».

Ведущим звеном институциональных моделей инновационного развития выступают интеллектуальные технологии (технологизация интеллектуальной деятельности). Обобщение зарубежного и отечественного опыта институционального оформления инновационного развития показывает, что любые институциональные реформы, проводимые без учета интеллектуальной технологии, обречены на провал [1]. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что в рассматриваемой модели институционализируется в первую очередь именно интеллектуальная технология, а управленческие структуры и политические форматы призваны обеспечить ее поддержку и воспроизводство.

Таким образом, всеобщность инновационных производственных рисков проявляется в том, что они – не случайный результат сознательной деятельности, а объективное условие существования творческого человека, постоянно совершенствующего условия своей жизни. Стремление к уменьшению вероятности возникновения инновационного производственного риска побуждает субъекты хозяйственной деятельности снижать элемент неопределенности за счет системы управления инновационными производственными рисками. Стремление к оптимизации данной системы стимулирует дальнейшее инновационное развитие, которое порождает новую неопределенность и инновационные промышленные риски иного порядка. Вероятность и возможность наступления качественных изменений социально-экономических условий функционирования и развития систем различного уровня, затрагивающих интересы людей, воспринимаются как риск.

Таким образом, система управления инновационными производственными рисками должна учитывать иерархический характер комплекса инновационных производственных рисков и воздействовать в первую очередь на основные составляющие (первичные риски), провоцирующие появление или изменение всех остальных. В конечном итоге, меры по управлению инновационными производственными рисками должны охватывать весь комплекс рассматриваемых рисков, являясь при этом единой системой, имеющей целью повышение эффективности инновационной деятельности за счет повышения ее производственной безопасности. Это позволит уменьшить комплекс инновационных производственных рисков и оптимизировать систему управления ими.

Библиографический список

1. Гилязутдинова И.В. Становление и развитие инновационных хозяйственных систем. Казань: Изд-во Казанск. гос. тех. ун-та, 2009. 254 с.
2. Петрухина Е.В., Сухова К.С. Проектный подход к управлению хозяйственными системами. Теоретические и прикладные вопросы экономики и сферы услуг 2013; № 8: С. 88-94.
3. Поникарова А.С. Особенности стратегического управления промышленными рисками в инновационном развитии предприятий нефтехимического комплекса. Инноватизация в России: успехи, проблемы и перспективы: сборник статей Всероссийской научно-практ. конф. Пенза: Приволжский Дом знаний, 2008. С. 107-111.
4. Сибирская Е.В., Строева О.А., Петрухина Е.В. Разработка инфраструктуры для поддержки предприятий малого бизнеса. Ученые записки Орловского государственного университета 2012; № 6: С. 38-45.

References

1. Gilyazutdinova I.V. Formation and development of innovative economic systems. Kazan: Publishing house Kazansk. state. tehnol. un-t, 2009. 254 pages.
2. Petrukhina E.V. Sukhova K.S. Design approach to management of economic systems. Theoretical and applied questions of economy and a services sector 2013; 8: 88-94.
3. Ponikarova A.S. Features of strategic management of industrial risks in innovative development of the enterprises of a petrochemical complex. Innovatization in Russia: successes, problems and prospects: collection of articles All-Russian scientific konf. Penza: Volga House of knowledge, 2008. 107-111.
4. Sibirskaya E.V., Stroeveva O.A., Petrukhina E.V. Razrabotka of infrastructure for support of small business enterprises. Scientific notes of Orel state university 2012; 6: 38-45.

УДК 338.242

UDC 338.242

С.А. РОДИН

проректор по инновационной деятельности и инновациям
Института экономики и управления
E-mail: rodin1976@mail.ru

Д.В. ЕРМОЛАЕВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики
и управления Тульского государственного педагогического
университета им. Л.Н. Толстого
E-mail: den-puma@yandex.ru

S.A. RODIN

provost in the Innovation Activity of the Economics and
Management University
E-mail: rodin1976@mail.ru

D.V. ERMOLAEV

candidate of Economic Sciences, Associate Professor
of Economics and Management Department, Tula State
Pedagogical University named after L.N. Tolstoy
E-mail: den-puma@yandex.ru

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ КЛАСТЕРОВ И ИХ КЛАССИФИКАЦИИ,
В ТОМ ЧИСЛЕ В ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ**

CLUSTERS' APPEARANCE AND CLASSIFICATION, INCLUDING CHEMICAL INDUSTRY

В данной статье рассмотрены различные трактовки понятия кластера, описаны и проанализированы основные классификации, используемые в кластерной теории для более точной характеристики данного понятия. Описаны типы инновационных кластеров, обоснована важность создания химических кластеров. Указана роль инновационных химических кластеров.

Ключевые слова: кластер, причины возникновения кластеров, классификация кластеров, химические кластеры, инновационные кластеры.

This article examines different approaches to the term of "cluster", describes and analyzes main classifications, used in cluster theory for precise characterizing of this term. It describes innovative clusters, grounds necessity of chemical clusters' creation and shows role of chemical clusters.

Keywords: cluster, clusters' appearance reasons, clusters' classification, chemical clusters, innovative clusters.

В современных условиях все чаще мы сталкиваемся с проблемами создания кардинально новых конкурентных преимуществ для национальной экономики и для её отдельных субъектов. Поэтому использование

кластеризации в экономической теории – актуальный современный подход, который способствует эффективности в решении данных проблем, и это в том числе подтверждает мировой опыт.

Чтобы понять, что собой представляет кластеризация, необходимо разобрать данное понятие. С экономической точки зрения понятие «кластер» было употреблено в 1990 году в работе М. Портера, хотя и без четкого определения [6]. Уже позже Портер характеризует кластер как некое объединение по географическому типу предприятий, функционирующих в определенной среде, имеющих схожие экономические цели и задачи и дополняющих друг друга. Однако определение промышленному кластеру было дано ранее. Так, в 1979 г. данное явление С. Замански описал как совокупность производств, которые тесно связаны между собой.

Несмотря на столь позднее обобщение данного понятия, взаимосвязь предприятий по географическому признаку была на протяжении многих веков в некоторых странах, в частности развитых. А изучение явления кластеризации начало распространяться только в последние двадцать лет в основном в трудах зарубежных ученых, а в последние годы и в России все чаще встречается термин «кластер». Однако однозначного, научно принятого определения данного понятия с точки зрения организации экономической деятельности пока нет.

В различные годы российские и зарубежные ученые приводили следующие определения экономическому термину «кластер»:

- это концентрация предприятий, способных производить синергетический эффект из-за их географической близости и взаимозависимости (1997 год); [11]
- связанные и поддерживающие институты, конкурентоспособность которых определена их взаимозависимостью (1998 год); [10]
- группа предприятий, связанных вертикально и горизонтально, а их взаимосвязь определяется через рынок (1998 год); [9]
- группа предприятий, связанных по географическому признаку и интеграции, а также предприятия, которые функционируют в определенной отрасли и взаимодополняют друг друга (2003 год); [4]
- устойчивое партнерство предприятий, связанных как отраслевой сферой, так и территориальным признаком, объединенных инновационной стратегией внедрения различных технологий для более эффективной конкурентоспособности отдельных участников кластера (2003 год). [8]

Таким образом, из всех вышеприведенных определений данного термина можно выделить некую общность.

1. Совокупность предприятий, т.е. как правило, в кластер входят несколько фирм, они зависят друг от друга и в то же время дополняют друг друга.

2. Географический признак объединения предприятий. Т.е. предприятия, входящие в кластер, как правило расположены в одном географическом округе. Это способствует эффективному распределению как ресурсов, так и труда, минимизации рисков, например, неожиданного повышения цен на ресурсы и полуфабрикаты, а также снижения транспортных затрат.

К причинам возникновения кластеров относят в первую очередь исторические, географические, социально-

экономические факторы, а также немаловажным является наличие на какой-либо территории ресурсов. Именно они определяют вид деятельности определенного кластера. К ним можно отнести природные, трудовые ресурсы, научные разработки и исследования, инновации. По причинам и способам возникновения кластеров существует их классификация.

1. Кластеры, возникновение которых обусловлено исторически, т.е. в отдельных регионах местное население занималось производством какого-либо продукта, используя при этом специфические навыки, свойственные только им, ресурсы, которые они способны были добыть и использовать в своей деятельности.

2. Искусственные, т.е. кластеры создавались по программе, в основном с участием государства.

3. Кластеры, которые сформировались под воздействием каких-либо причин, можно сказать случайно.

Вместе с тем кластеры возможно классифицировать и по другим признакам, так как существует множество определений данного понятия. Самая простая классификация кластеров по типу производств:

- кластеры, базирующиеся на добыче и переработке ресурсов;
- кластеры, базирующиеся на промышленности, т.е. производство готового продукта;
- кластеры, деятельность которых происходит в сфере услуг.

Портер в своих трудах делил кластеры следующим образом:

- по географическому типу. Выделяют кластеры, охватывающие конкретный город, регион, страну, несколько стран.
- по степени специализации, т.е. специализирующиеся на производстве одного продукта – моноспециализированные, на двух и более – многоспециализированные. [6]

Другую схожую классификацию кластеров предлагает Е.А. Монастырский. [5] Так кластеры он делит по следующим признакам:

- по масштабу: региональный, национальный, межнациональный;
- по концентрации на каком-либо производстве: отраслевые, межотраслевые.

В обеих классификациях есть два главных критерия – масштаб экономической деятельности и однородность специализации предприятий, входящих в кластер.

Однако Монастырский классифицирует кластеры еще и по степени взаимосвязи отдельных предприятий, входящих в кластер, друг с другом [5]. В данном случае имеется в виду, что одни предприятия кластера имеют различные органы управления и конкурируют между собой, другие подчиняются одному органу.

Учитывая стадии развития кластера П. Филиппов классифицировал кластеры следующим образом [7]:

- сильные, т.е. обладают развитостью основных производств и прилегающих к ним технологий, высоким научным потенциалом и конкурентоспособностью; также данный вид кластера как правило имеет внутрен-

ние проекты и межотраслевые работы;

- устойчивые, т.е. все структурные составляющие кластера эффективно взаимодействуют между собой;
- потенциальные, т.е. структурные элементы кластера развиваются неравномерно, нет общности развития производств, но присутствует конкурентоспособность и процессы, которые в будущем помогут развиться кластеру и перейти на новый уровень;
- латентные, т.е. присутствуют некие элементы кластера, но они неполные, нет целостности, взаимодействие друг с другом происходит достаточно медленно; как правило, данный вид кластера не влияет на экономическое развитие своего региона и соответственной страны.

Другие ученые классифицируют кластеры немого по другому принципу. Так Р. Джонстон в основу своей классификации заложил взаимосвязь между предприятиями, входящими в кластер, поэтому с его точки зрения кластеры могут быть вертикальными и горизонтальными.

Еще одну классификацию в своих трудах описали Г.Р. Хасаев и Ю.В. Михеев [8]: однородный (равнозначный по структуре), ядерный (имеющий в своей основе предприятие-ядро, причем это может быть как одно предприятие, так и группа), сетевой кластеры (предприятия взаимодействуют между собой по сетевому принципу, не выделяя лидера).

На современном этапе создание кластеров прежде всего ассоциируется с понятием инновация, а значит существует их классификация по разработке инновационной базы:

- кластеры по созданию кардинально новых технологий, т.е. здесь создаются и внедряются нововведения, причем на мировом уровне;
- кластеры, которые активно пользуются новой технологией, но сами участия в ее создании не принимали.

Кроме того в науке выделяют инновационные и неинновационные промышленные кластеры. Инновационные промышленные кластеры активно развивают или используют достижения современной науки тем самым являются активным элементом продвижения научно-технической революции. Неинновационные промышленные кластеры не занимаются целенаправленным внедрением современных технологий и продуктов в производство. Также инновационные промышленные кластеры можно условно разделить на кластеры, имеющие научную базу для создания новых технологий, и кластеры, не имеющие научной базы, а

заимствующие научные разработки извне. Современное развитие инноватики происходит по ряду направлений, одним из которых являются нанотехнологии. Общим критерием отнесения продукта или технологии к нанотехнологиям является присутствия в них частиц размером от 1 до 100 нанометров. Получение данных частиц в том числе относится к компетенции химических технологий. Наноконструкции в химии играют огромную роль в таких процессах, как катализ, каталитическое промотирование, ингибирование нежелательных процессов, формирование полупроницаемых избирательных мембран, без которых невозможно современное энергосберегающее высокотехнологичное химическое производство. Достижения отечественной химии высокополимерных и полимерных соединений известны во всем мире, а по мнению многих современных ученых, химия высокополимерных соединений относится к сфере нанотехнологий.

Вообще в современном мире развитие химической промышленности является одним из критериев развитости государства как экономической системы. Химические технологии очень часто становятся технологиями так называемого «двойного назначения», т.е. могут применяться в военной сфере, что повторно указывает на их несомненную важность и значимость для государства и общества. Современные экономические реалии, вступление России в ВТО, общие проблемы глобализации мировой экономики выдвигают перед российской химической промышленностью новые вызовы, адекватно противостоять которым, обеспечивая повышение эффективности химических производств с целью обеспечения объема выпуска продукции с высокой добавленной стоимостью, могут в том числе современные химические промышленные кластеры, которые необходимо формировать на основе предприятий и территорий, исторически участвовавших в химическом производстве и накопивших технологическую, фондовую и кадровую базы.

Рассмотренные классификации позволяют понять трактовку понятия кластера, его сущность, специфику и особенности, а также ограниченную функциональность в некоторых случаях. Вместе с тем кластеры по характеру являются уникальным образованием: так, им свойственны различные элементы, которые могли бы функционировать отдельно, но взаимосвязь всех элементов кластера дает возможность качественного развития не только отдельным структурам, но и целому кластерному образованию.

Библиографический список

1. Башмакова Е.П. Промышленные кластеры как фактор повышения конкурентоспособности региональной экономики. Регион в новой парадигме пространственной организации России. Под ред. А.И. Татаркина. М.: Экономика. 2007. С. 695-717.
2. Ермолаев Д.В. Промышленная безопасность. Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки 2011; № 2. С. 108 – 111.
3. Ермолаев Д.В. Составляющие экономической безопасности предприятия. Ученые записки Орловского государственного университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки» 2012. № 4. С. 15 – 17.
4. Институт предпринимательства и инвестиций, Москва, Инф.-аналит. Сб. «Взаимодействие малого и крупного бизнеса», 2003.
5. Монастырский Е.А. Инновационный кластер. Инновации. 2006. № 2. С. 38-43.
6. Портер М.Э. Конкуренция. Пер. с англ. М.: Вильямс, 2002. 496 с.

7. Филиппов П. Кластеры конкурентоспособности. Эксперт Северо-Запад. 2003.
8. Хасаев Г.Р., Михеев Ю.В. Кластеры: через партнерство к будущему, 2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.comrass_r.ru/
9. Elsner, An industrial policy agenda 2000 and beyond, 1998.
10. Feser, Old and new theories of industry clusters, 1998.
11. Rosenfeld, Bringing business clusters into the mainstream of economic development, 1997.

References

1. Bashmakova E.P. Industrial clusters as factor in increasing the competitiveness of the regional economy / / Region in new paradigm of spatial organization of Russia. M.: The Economy. 2007. P. 695-717.
2. Ermolaev D.V. The Industrial Safety. News Tula State University. Economic and Juridical Science. 2011; №2. – P. 108 – 111.
3. Ermolaev D.V. The components of the economic security of the enterprise. Scientific Notes Orel State University. Series «Humanities and Social Sciences». 2012; № 4. – P. 15 – 17.
4. Institute for Entrepreneurship and Investment, Moscow. Sat «Interaction between small and big business», 2003.
5. Monastyrski E.A. Innovation Cluster. Innovations. 2006. № 2. P. 38-43.
6. Porter M.E. Competition / Per. from English. M. Williams, 2002. 496.
7. Philipov P. Competitiveness Clusters. Expert North-West. 2003.
8. Hasaev G.R., Miheev Y.V. Clusters: a partnership for the future through 2003. [Electronic resource]. - Mode of access: http://www.comrass_r.ru/
9. Elsner, An industrial policy agenda 2000 and beyond, 1998.
10. Feser, Old and new theories of industry clusters, 1998.
11. Rosenfeld, Bringing business clusters into the mainstream of economic development, 1997.

УДК 336.012.23:336.027

UDC 336.012.23:336.027

Р.А. РОДИОНЦЕВ

аспирант кафедры прикладных экономических дисциплин Орловского государственного университета
E-mail: ruslan260389@gmail.com

R.A. RODIONTSEV

graduate student Department of applied economic disciplines, Orel State University
E-mail: ruslan260389@gmail.com

ДОЛГОСРОЧНЫЙ ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НАКОПИТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ ЖИЗНИ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

LONG-TERM INVESTMENT POTENTIAL OF LIFE INSURANCE AND ITS IMPLEMENTATION IN THE SYSTEM OF ECONOMIC RELATIONSHIP

В представленной статье кратко раскрывается содержание понятия «накопительное страхование жизни», рассмотрены заинтересованные стороны отношений, которые связывает существование накопительного инструмента, а также рассмотрен механизм и проблемы реализации его долгосрочного инвестиционного потенциала в рамках существующей системы хозяйственных отношений.

Ключевые слова: накопительное страхование жизни, долгосрочные инвестиции, страховщик, страхователь, государство.

In the article describes the content of the concept of «cumulative life insurance», considered stakeholders relations that connects the existence of incremental tool and discusses the mechanism and its implementation problems long-term investment potential within the existing system of economic relations

Keywords: Cumulative life insurance, long-term investments, the insurer, the insured, the state.

Прежде чем приступить к рассмотрению заявленной темы, дадим несколько основополагающих определений, без знания которых понимание сути раскрываемого вопроса будет представляться затруднительным, а именно определимся с понятиями: накопительное страхование жизни, инвестиции и долгосрочные инвестиции.

Накопительное страхование жизни представляет собой долгосрочный (от 5 лет) договор страхования жизни в форме страхового полиса, заключенный страхователем со страховщиком с целью защиты и поддержания определенного уровня жизни (потребления) в будущем, предполагающий наличие обязательства у страхователя делать регулярные страховые взносы, а у

страховщика – аккумулировать, сохранять и приумножать сумму этих взносов.^{1,2,3}

Определение инвестиций, на наш взгляд, довольно полно и подробно раскрывается в статье первой ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений». Инвестиции – это денежные средства, ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права, иные права, имеющие денежную оценку, вкладываемые в объекты предпринимательской и (или) иной деятельности в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта.⁴

Что же касается «долгосрочных инвестиций», то к определению их содержания существует несколько подходов. Все они основаны на установлении определенной периодизации.

Применительно к рассматриваемой теме под долгосрочными инвестициями будем понимать вложение средств на срок свыше пяти лет (классификация для целей статистического учета).⁵

Из одних только определений можно заметить, что срок размещения долгосрочных инвестиций полностью совпадает с минимальным сроком, на который страховщик привлекает средства через накопительные страховые полисы. Но это лишь одна из причин, почему инвестиционный потенциал страхования и рассматривается как стратегически важный для экономики любой страны. Вторая причина – это низкая плата за пользование средствами населения, которые аккумулируются на накопительных счетах (причина такой стоимости более подробно будет рассмотрена позже).

Тем не менее – это лишь слова о причинах возможности рассмотрения накопительного страхования как потенциального источника инвестиционного ресурса. Более интересен вопрос о том, как протекает процесс реализации его потенциала, что влияет на него и каковы возможные последствия

Вполне очевидно, что определяющую роль в выборе способов и протекании всего процесса реализации долгосрочного инвестиционного потенциала играют цели (или мотивы) трех сторон-участников отношений, которых своим существованием связывает накопительное страхование, а именно: страхователь – своей целью имеет сохранение (поддержание, обеспечение) определенного уровня жизни в будущем себе и своим близким; страховщик – своей целью имеет получение как можно более высокой прибыли; государство – в современном мире имеет своей целью защиту прав, свобод и

интересов общества.^{6,7}

С целью получить более глубокое представление о существующих зависимостях цели страхователя, страховщика и государства можно условно ранжировать по степени приоритетности, с точки зрения влияния целей участников друг на друга и фундаментальных взаимосвязей в экономике, функционирующей на рыночных принципах.

С этой точки зрения наиболее приоритетной является цель страхователя – влияет на цели и страховщика, и государства (вторая и третья по степени важности соответственно), поскольку входит в логические цепочки их достижения («отправная точка» логических цепочек). Чем выше уровень жизни населения, тем больше страховые сборы и вознаграждение страховщика при прочих равных условиях. Чем выше страховые сборы, тем больше объем инвестиций и тем больше потенциал экономического роста, а соответственно, и роста уровня жизни. Рост уровня жизни прямо указывает на увеличение доходов населения (домохозяйств), что ведет к росту сбережений, которые могут быть вновь инвестированы в экономику, в том числе и через вложение в накопительные полисы страхования жизни (не говоря уже о соответствующем росте потребления).⁸ Именно данными фундаментальными зависимостями в экономике описывается и объясняется сама возможность рассмотрения долгосрочного инвестиционного потенциала накопительного страхования, так как цели всех сторон отношений достигнуты.

Тем не менее, цель страхователя, хотя и может быть условно выделена в роли приоритетной, с точки зрения самого страхователя не является сложной в достижении, так как требует от него минимума усилий. Его цель достигается путем простого заключения страхового договора с выбранной страховой компанией.

Основные же трудности, связанные с необходимостью сохранить средства через реализацию инвестиционного потенциала накопительного страхования жизни, стоят перед страховщиком. Государство, естественно, в этом процессе участвует только в роли регулятора и контролера.⁹ Цель государства достигается через установление ограничений инвестиционной активности страховщика и контроль соблюдения страховщиками этих ограничений.

Перед страховой организацией ставится самая сложная и одновременно с тем самая важная дилемма, требующая немедленных решений по долгосрочным проблемам (вопросам). За счет каких инструментов обеспечить такой годовой уровень доходности по полисам накопительного страхования жизни, который будет покрывать инфляцию, а в идеале еще и обеспечивать минимальный процент прироста сверх нее. При этом

1 №4015-1 ФЗ «Об организации страхового дела в Российской Федерации» URL: <http://base.consultant.ru>

2 URL: <http://www.alfastrah.ru/individuals/lifeinsurance/endowment/>

3 URL: http://www.rgs.ru/life/private_person/endowment-insurance/index.wbp

4 №39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» URL: <http://base.consultant.ru>

5 Валдайцев С. В., Воробьев С. В., Гобушина С. Г. Инвестиции / под общ. ред. В. В. Ковалева, Ивановой В. В., Лялиной В. А. М.: ТК Велби, 2003. с. 29

6 Маршал А. Принципы экономической науки. Т. I. М.: издательская группа «Прогресс», 1993. С. 79.

7 Конституция РФ. URL: <http://base.consultant.ru>.

8 Белозеров С. А., Горбушина С. Г. Иванов В. В. и др. Финансы / под общ. ред. В. В. Ковалева. М.: ТК Велби, Проспект, 2006. С. 505.

9 Макконнелл С. Р., Брю С. Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. 14-е изд. М.: Инфра-М, 2003. С. 91.

страховщик должен достигнуть этой цели в рамках следующих условий: требование сохранности (не только номинальной) средств по полисам накопительного страхования и государственные ограничения по объектам инвестирования¹⁰.

Во избежание противоречивости восприятия содержания рассматриваемой темы следует сразу оговориться, что когда речь идет о долгосрочных инвестициях, подразумевается не вложение средств в какой-то конкретный актив на срок от пяти лет (хотя и не исключая данную возможность), а вложение средств в экономику страны на данный срок. При этом считается, что рынок самостоятельно распределяет вложенные средства наиболее эффективным образом.

Учитывая все ограничения, накладываемые на страховщика государством и предъявляемые страхователем требования к доходности страховых полисов, становится очевидным, что перед страховой компанией ставится задача одновременного достижения двух противоположных задач, а именно: минимального риска инвестиционного портфеля и максимальной доходности инвестиционного портфеля.

Существование взаимоисключающих целей является результатом одновременного присутствия условий, ограничивающих верхний и нижний пределы доходности и риска портфеля страховщика.

Условие-ограничение нижнего предела доходности – это гарантия сохранности вложенных в накопительный полис средств при возможности их прироста.

Условие-ограничение верхнего предела доходности – логически вытекает из условия ограничивающего нижний предел доходности (к тому же, данную функцию должно выполнять государство через установление перечня объектов инвестирования) и представляет собой требование минимизации риска инвестиционного портфеля.

Графически результат хитросплетения целей трех сторон отношений будет выглядеть следующим образом (см. рисунок 1).

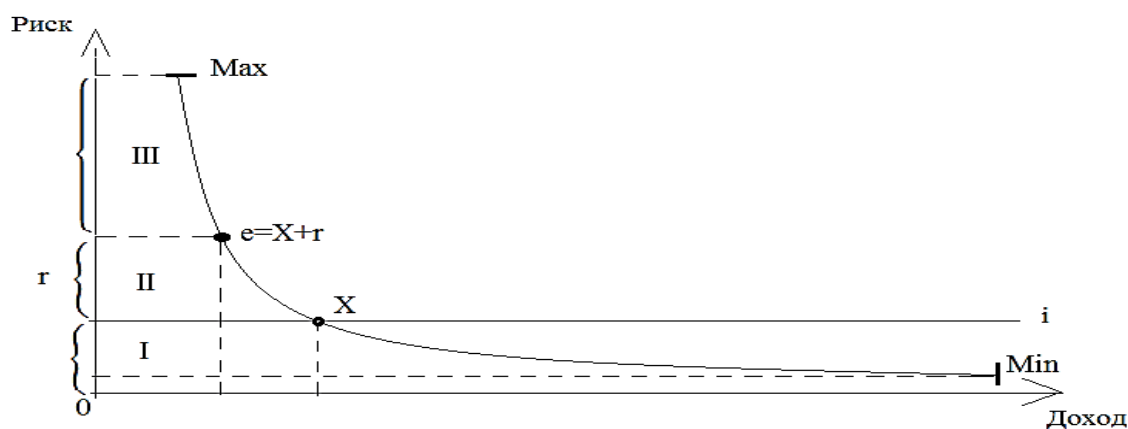

Рис. 1. Границы инвестиционных предпочтений страховщиков с точки зрения соотношения риск/доходность.

Где i – величина инфляции нарастающим итогом на конкретную дату в году;

X – точка оптимального равновесия, в которой доходность полисов накопительного страхования полностью покрывает инфляцию, удовлетворяется интерес вкладчиков по сбережению их средств; страховой компании – в виде привлечения новых клиентов; государства – в росте объемов инвестиций в экономику и повышении социальной защищенности населения ($X=i$);

e – точка лучшего равновесия (в ней в равной мере удовлетворяются интересы всех сторон), в которой: удовлетворяется интерес вкладчика (владельца полиса) в обеспечении сбережения средств не только на уровне простого прироста, но и сверх него; удовлетворяется интерес страховщика в ускоренном привлечении новых клиентов при прочих равных условиях; рост объемов инвестиций в экономику и уровня социальной защищенности населения более высокими темпами ($e=X+r$);

Max – максимальный уровень доходности по полису, ограничиваемый законодательно установленным перечнем инвестиционных объектов и структуры инвестиционного портфеля, а также уже упомянутыми ранее обязательствами, которые страховщик берет на себя;

Min – минимально гарантированный уровень доходности по полису, определяется условиями договора и, как правило, ниже уровня инфляции;

r – доходность сверх инфляции (инфляционных ожиданий) – это тот процент доходности, который остается после вычета размера инфляции, установленной на конкретную дату;

I – зона неприемлемо низкого риска;

II – зона приемлемого риска;

III – зона неприемлемо высокого риска.

Как можно видеть, на графике две точки равновесия, в которых могут быть реализованы интересы обеих сторон, и очевидно, что равновесие в точке e является более привлекательным для всех сторон. По сути, вы-

¹⁰ Приказ Министерства Финансов от 2 июля 2012г. №100н «Об утверждении порядка размещения страховщиками средств страховых резервов. URL: <http://base.consultant.ru>.

бирает равновесную точку именно страховая компания (через выбор и обоснование структуры инвестиционно-

го портфеля). Проблема состоит лишь в том, что страховщик ограничен в выборе точек равновесия, так как он дает обязательство как минимум полностью сохранить и даже несколько приумножить полученные по таким полисам средства.

Максимальный уровень доходности – это условно-фиксированная точка, так как доходность инвестиционного портфеля не всегда можно однозначно предсказать, особенно если имеешь дело с инвестиционными активами, характеризующимися относительно высокой волатильностью (к примеру, акции). Максимальный уровень доходности – это своего рода ориентир («клише прибыльности»), который мог бы быть достигнут, обладай инвестор всей информацией о рынке и вкладывай он средства только в наиболее доходные активы при заданном уровне риска, но на практике может быть определен лишь постфактум.

Минимально гарантированный уровень доходности может быть равен 0, но обычно все же превышает это значение. Различается у разных страховых компаний.

Следует отдельно сказать несколько слов о зонах риска.

Несмотря на то, что в данном случае для страхователя риски частично упразднены за счет все той же гарантии сохранности средств, которая, в силу специфики страхового инструмента, дается страховщиком в момент заключения договора накопительного страхования жизни, в зоне неприемлемо высокого риска вероятность ситуации неплатежеспособности страховой компании по своим обязательствам (результатом которой обычно является банкротство, естественно, если это не техническая, а усугублено-систематическая неплатежеспособность) возрастает, а соответственно и вероятность потерь владельцем полиса своих сбережений ($X \leq e \leq \text{Max}$; $e \rightarrow \text{Max}$). То есть, в данном случае риски страхователя напрямую связаны только с риском банкротства страховщика.

Таким образом, третья зона является наименее желаемой для всех сторон. В случае банкротства страховой компании не будет достигнута, в том числе, и цель государства. Риски слишком велики – краткосрочные негативные последствия в разы превышают труднодостижимые позитивные результаты и могут существенно дестабилизировать социально-экономическую и политическую системы.

Зона приемлемого риска – доходность инвестиционного портфеля максимально удовлетворяет интересы владельцев накопительных полисов, страховой компании и государства в целом. Прирост средств на уровне простого сохранения и в небольшом диапазоне сверх него ($\text{Max} > e > X$).

Зона неприемлемо низкого риска – доходность инвестиционного портфеля страховщика удовлетворяет интерес страхователя лишь в части сохранения средств, интересы страховой компании и государства также удовлетворяются на низком уровне. Сбережения на накопительном полисе обесцениваются ($e < i$).

Все вышеперечисленное является наглядным представлением трудности реализации потенциала долго-

срочного инвестиционного потенциала накопительного страхования еще на этапе аккумулирования средств в фонд. К тому же очевидно, что успешность его реализации зависит от успешности действий страховщика, которая выражается в величине начисленной прибыли на полис и является прямым стимулом его распространения среди населения.

Однако это не все, что необходимо учитывать. С точки зрения требований государственной экономической стабильности при принятии страховщиками инвестиционных решений (в части размещения средств накопительного фонда) недостаточно руководствоваться одним лишь соображением поиска компромисса между риском и доходностью. К примеру, очевидно, что у функционирующих на рыночных принципах страховщиков, ввиду всех ограничений, которые накладывает на них накопительное страхование, инвестиционные предпочтения будут отдаваться активам стабильных ретроспективным анализом компаний. В результате чего можно столкнуться с проблемой усугубления моноотраслевого развития экономики.

Приведенный пример лежит на поверхности, однако можно найти и более глубокие причинно-следственные связи с далеко идущими последствиями. Одним из таких наиболее значимых факторов, влияющих на развитие экономики, может стать избыточная ликвидность.

Термин «избыточная ликвидность» (ловушка ликвидности) можно встретить в теории Кейнса (John Maynard Keynes). Однако закладываемый в понятие смысл в данном случае несколько отличается. У Кейнса термин был призван описать макроэкономическую ситуацию, в которой власти, в рамках реализуемой монетарной политики, не могут более стимулировать экономику за счет снижения процентной ставки по займам.¹¹ Термин не объяснял феномен чрезмерного спроса на тот или иной актив. Поэтому используя понятие «избыточная ликвидность», заложим в него несколько иной смысл, а именно: описание ситуации, при которой наблюдается чрезмерный рост спроса на актив ввиду его определенных характеристик. В общем и целом описание Кейнса подходит с той лишь разницей, что в ожиданиях возможных негативных событий предпочтение отдается не самому ликвидному активу, а наиболее стабильному с точки зрения сохранности своей стоимости и рассматриваются не ожидания населения, а ожидания страховой компании, обремененной определенными обязательствами перед самим населением, которое отдало часть своего будущего предпочтения ликвидности той или иной страховой организации (ликвидность в доверительном управлении).

Иными словами, необходимо не забывать об основах и учитывать роль спроса и предложения инвестиционных продуктов во влиянии на экономику. В основе последнего утверждения лежит потребность страховщика осуществлять размещение аккумулируемых и из года в год растущих объемов инвестиционных ресур-

¹¹ Бернар И., Колли Ж.К. Толковый экономический и финансовый словарь: французская, русская, английская, немецкая, испанская терминология. Т. II. М.: Международные отношения, 1997. С. 150-151.

сов (продолжающиеся взносы по уже заключенным договорам, заключение новых договоров накопительного страхования).

Как уже отмечалось, перед страховой компанией постоянно стоит проблема выбора инвестиционных инструментов, что лишь увеличивает постоянно существующий соблазн уйти в «защитные» активы компаний, низкая волатильность и финансовая устойчивость которых подтверждена ретроспективным анализом. В данном случае под защитными активами понимаются инвестиционные инструменты, способные, по крайней мере, сохранить вложенные в них средства. А что произойдет, если на протяжении длительного периода вкладывать аккумулируемые в масштабах целой экономики средства в ограниченный перечень активов?

Результат можно описать, отталкиваясь от все тех же законов спроса и предложения, сформулированных еще Альфредом Маршаллом (Alfred Marshall),¹² через их преломление в контексте особенностей собственно спроса и предложения инвестиционных активов (см. рисунок 2).

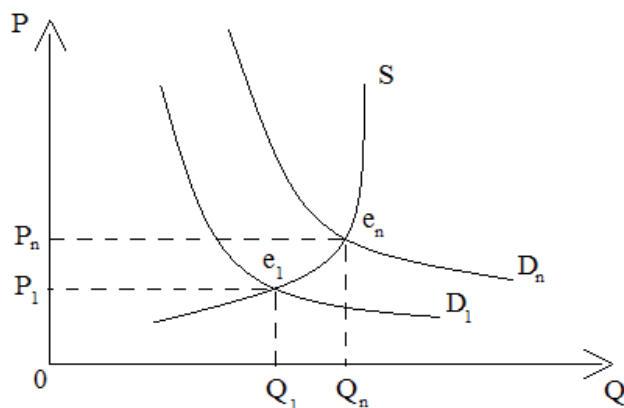

Рис. 2. Спрос на ограниченные инвестиционные инструменты.

На рисунке 2 изображены типичная кривая спроса D_1 и предложения S , а также сдвиг кривой спроса D_n , который является результатом того, что предложениеросло не теми же темпами. Кроме того, кривая предложения со временем принимает практически вертикальное положение, указывая на незначительность изменений в объеме предлагаемого товара по достижении определенного момента, следствием чего является заметный рост его цены при росте спроса.

Указанная ситуация применима к товарам, характеризующимся ограниченным предложением, поэтому наилучшим образом подходит для описания рынка инвестиционных активов, для которого не типична высокая динамичность изменений. Конкретно в данном случае рассмотрим спрос на инвестиционные инструменты со стороны страховщиков.

Смоделируем описанную ранее ситуацию спроса на ограниченный перечень инвестиционных активов. Учитывая ряд накладываемых на страховщика ограничений, о которых уже не раз упоминалось ранее, вероятность возникновения ситуации роста их интереса к ограниченному перечню инвестиционных инструмен-

тов, обладающими определенными качественными характеристиками, которые и влияют на эластичность спроса по отношению к ним в сторону ее уменьшения, крайне высока. Рост спроса уменьшает предложение инвестиционных активов, тем самым способствуя росту их стоимости, и далее, согласно рисунку 2, со временем настанет момент исчерпания объема предложения инвестиционных активов. Однако, на самом деле, проблема исчерпания актуальна лишь для определенного перечня активов, и благодаря существованию банковской системы рынок относительно надежных инвестиционных инструментов становится практически безграничным. Достаточно открыть банковский депозит, и проблема с инвестированием решена. Как раз здесь и можно столкнуться с избыточной ликвидностью в ситуации, когда банки, реализуя свои возросшие обязательства, снизят требования к заемщикам, что очевидно приведет к росту неплатежей и создаст предпосылки перегрева экономики. К тому же значительная часть средств на счетах банка будет направлена на финансирование текущего потребления населения, что далеко не всегда стимулирует именно национального производителя и (или) отдельные отрасли экономики.

В то же время средства накопительных фондов могут быть размещены не только в банки и переданы не только населению. В случаях, когда инвестиционный актив способен обеспечить прирост реальной стоимости (к примеру, за счет репрофилирования на производство продукции с более высокой надбавочной стоимостью или хотя бы за счет роста объемов производства в результате увеличения производственных мощностей), то возможностей избежать негативные сценарии становится больше. К тому же развиваются конкурентоспособные национальные отрасли.

Однако вопрос в другом: где взять столько инвестиционных активов, обладающих такими характеристиками, к тому же дающих достаточно высокую гарантию возврата вложенных средств? Подобные требования к инвестиционному активу, по сути, являются проявлением симбиоза взаимно пересекающихся целей трех сторон отношений (страховщик, страхователь, государство). Ввиду этого наиболее важная характеристика инвестиционного инструмента с точки зрения целей: страхователя – сохранение вложенных средств и минимальный прирост их стоимости, страховщика – сохранение вложенных средств и минимальный прирост их стоимости, государства – сохранение вложенных средств и минимальный прирост их стоимости (за счет вклада в рост ВВП). При этом для страховщика и страхователя не имеет особого значения оценка того, какой вклад в прирост национального ВВП способны внести осуществленные их совместными усилиями инвестирования до тех пор, пока покупательская способность средств, вложенных страхователем в актив, остается на уровне прошлых периодов, пусть даже и гарантирована она лишь стоимостью (ценностью) самого актива, явившегося объектом инвестирования. При этом будем считать, что удовлетворение интересов страхователя – это и есть одновременное удовлетворение интересов стра-

¹² Маршалл А. Принципы экономической науки. Т.1. М.: издательская группа «Прогресс», 1993. С. 145-207.

ховщика в виде разного рода доходов (плата за полис, за управление). Для государства же более важными являются долгосрочные перспективы, поэтому значимость инвестиционных активов оценивается им с точки зрения и возможности внести вклад в реальный прирост ВВП, создание и модернизирование рабочих мест и прочее.

Нетрудно определить, какие именно активы подходят под требования каждой из трех сторон. Таким образом, наиболее приемлемыми для страховщиков и страхователей будет являться ряд ценных бумаг, в основном долговых (так как долевым в меньшей степени способны отвечать требованию сохранения средств), а также активов (к примеру, незавершенное строительство на последних этапах), и в то же время могут быть использованы на развитие производств.

Учитывая интересы трех сторон, можно попытаться сформировать гипотетический инвестиционный инструмент, который максимально соответствует их запросам. С учетом вышесказанного таковым может стать прямое участие в инвестиционных проектах, опосредованное банковской гарантией своевременности погашения обязательств перед долевым инвестором, в роли которого выступает страховщик. Однако существование подобного инструмента требует наличия сложных механизмов взаимодействия между банком, страховой организацией и предприятием-инициатором проекта, включающих в себя процедуры оценки инвестиционного проекта, постоянного мониторинга его состояния, а также процедуру взаиморасчетов сторон. Тем не менее, потребность страховщика и страхователя в надежных объектах инвестирования будет удовлетворена (хотя бы частично), к тому же одновременно решится проблема «производительного» с точки зрения государства размещения ресурсов.

Пока такого инструмента нет, страховщики в попытках удовлетворить интересы страхователей выбирают объекты вложений, отталкиваясь всего от двух весьма очевидных и, по сути, единственно значимых параметров, – это риск и доходность (а точнее соотношения между ними), которые ограничены обязательствами страховщика перед страхователем (см. рисунок 1).

Все же, независимо от выбранного объекта инвестиций с точки зрения государства в целом чрезмерный спрос страховщиков на любой актив нежелателен (появляется поле для спекуляций), особенно на неспособный привести к росту ВВП (не номинальному – связанному с ростом цен, а реальному – связанному с ростом производства). Поэтому вложение в активы, неспособные обеспечить продуктивный прирост стоимости, следу-

ет рассматривать если и не в последнюю очередь, то очень избирательно. Иными словами, необходимо избегать возможности возникновения ситуации избыточной ликвидности актива.

Исходя из вышесказанного получается, что наилучшим для государства направлением инвестирования страховщиками своих ресурсов являются акции и облигации, при этом облигационные займы не должны иметь своей целью покрытие и (или) реструктуризацию долгов либо покрытия дефицита бюджета в части расходов, относящихся к группе социальных, в том числе дефицита пенсионного фонда.

Тем не менее то, что верно с точки зрения государства, не обязательно верно с точки зрения страховщика. Поскольку страховщик, как правило, не принимает прямого участия в реализации инвестиционных проектов, то он и не может иметь долю доходов от них, а получает их опосредовано через изменение стоимости активов своего инвестиционного портфеля либо в установленном размере. Соответственно заинтересованность в реализации инвестиционных проектов он имеет либо косвенную, либо она вовсе отсутствует. Уверенности в росте стоимости все тех же акций он не имеет, более того всегда существует вероятность ее снижения. Таким образом, мотивы выбора в пользу считающихся по ряду признаков защитными активов довольно банальны, при этом интерес государства в эффективном с его точки зрения использовании средств будет игнорироваться до тех пор, пока ограничения процесса инвестирования не станут носить директивный характер.

Подведем итог: реализация долгосрочного инвестиционного потенциала накопительного страхования жизни сопряжена с рядом трудностей на самых различных уровнях экономических отношений, что требует не просто четкого законодательного регулирования условий функционирования накопительного страхования жизни, но и целого комплекса превентивных мер по предотвращению возможных последствий формирования крупных инвестиционных фондов. И хотя цели отдельных участников отношений могут быть реализованы не в полной мере, возможность существования накопительного инструмента имеет место быть. Однако, возможные негативные последствия и трудности реализации потенциала – это всего лишь одна сторона, с другой стороны, можно наблюдать противоположный эффект – сильная и самостоятельная промышленность (отдельные отрасли), характеризующаяся наукоемким производством, и сопутствующий этому рост благосостояния населения, а как следствие, социальная и политическая стабильность.

Библиографический список

1. Белозеров С.А., Горбушина С. Г. Иванов В.В. и др. Финансы. Под общ. ред. В.В. Ковалева. М.: ТК Велби, Проспект, 2006. 640с.
2. Бернар И., Колли Ж.К. Толковый экономический и финансовый словарь: французская, русская, английская, немецкая, испанская терминология. Т. II. М.: Международные отношения, 1997. 759с.
3. Валдайцев С. В., Воробьев С.В., Гобушина С.Г. Инвестиции. Под общ. ред. В.В. Ковалева, Ивановой В.В., Лялиной В.А. М.: ТК Велби, 2003. 440 с.
4. Макконнелл С.Р., Брю С.Л. Экономикс. 14-е изд. М.: ИНФРА-М, 2003. 972 с.

5. Маршалл А. Принципы экономической науки. Т.1. М.: издательская группа «Прогресс», 1993. 415 с.
6. №39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений».
7. №4015-1 ФЗ «Об организации страхового дела в Российской Федерации».
8. Конституция РФ. URL: <http://base.consultant.ru>
9. Приказ Министерства Финансов от 2 июля 2012г. №100н «Об утверждении порядка размещения страховщиками средств страховых резервов».
10. URL:<http://www.alfastrah.ru/individuals/lifeinsurance/endowment/>
11. URL:http://www.rgs.ru/life/private_person/endowment-insurance/index.wbp

References

1. Beloserev S.A., Gorbushina S. G., Ivanov V.V. et al. Finance / Ed. by V.V. Kovalev. M.: LC Velbi, Prospect, 2006. 640 p.
2. Bernard I., Collie J.-C. Economics and finance Definition dictionary: French, Russian, English, German, Spanish terminology. V.II. M.: International relations, 1997. 759 p.
3. Valdaycev S.V., Vorobyev P.V., Gorbushina S. G. Investment / Ed. by V.V. Kovalev, V.V.Ivanova, V.A. Lyalina. M.: LC Velbi, 2003. 440 p.
4. McConnell C.R., Brue S.L. Economics: principles, problems and policies. 14th ed. M.: Infra-M, 2003. 972 p.
5. Marshall A. Principles of Economics I. M.: Publishing Group «Progress», 1993. – 415p.
6. №39- FL «About investment business in the Russian Federation in the form of capital investments». URL:<http://base.consultant.ru>
7. №4015-1 FL «On organization of insurance business in the Russian Federation». URL: <http://base.consultant.ru>
8. The Constitution of the Russian Federation. URL:<http://base.consultant.ru>.
9. Decree of Finance Ministry from 2 July 2012y. №100н «On establishing the order of placing funds of insurance reserves by insurer». URL: <http://base.consultant.ru>.
10. URL:<http://www.alfastrah.ru/individuals/lifeinsurance/endowment/>
11. URL:http://www.rgs.ru/life/private_person/endowment-insurance/index.wbp

УДК 338.436.33(470)

UDC 338.436.33(470)

Г.М. САМОСТРОЕНКО

G.M. SAMOSTROYENKO

доктор экономических наук, профессор кафедры прикладных экономических дисциплин Орловского государственного университета
E-mail: samostroenko@yandex.ru

doctor of Economics sciences, professor of department of applied economic disciplines, Orel state university
E-mail: samostroenko@yandex.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ ПАРТНЁРСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СИСТЕМАХ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОДУКЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

ORGANIZATION OF PARTNERSHIPS IN SYSTEMS OF DISTRIBUTION OF AGRICULTURAL OUTPUT AT THE REGIONAL LEVEL

Одной из ключевых проблем обеспечения эффективного функционирования систем распределения продукции сельского хозяйства в регионах является организация истинного партнёрства между входящими в их состав хозяйствующими субъектами. В статье рассматривается подход к решению данной проблемы на основе концепции маркетинга взаимодополнения.

Ключевые слова: система распределения продукции АПК, маркетинговые каналы распределения, партнёрские отношения, взаимодополнение.

One of the key problems to ensure the effective functioning of the distribution system of agricultural production in the region is the organization of a true partnership between their member business entities. The paper discusses an approach to solving this problem based on the concept of marketing synergies.

Keywords: system of distribution of agricultural products, marketing distribution channels, partnership, complementarity.

Вхождение России в ВТО предусматривает существенные ограничения прямой государственной помощи отечественному сельскому хозяйству. Тем не менее, государство российское должно и готово помочь товаропроизводителям, вынужденным конкурировать в новых условиях. В числе краткосрочных мер в 2013 году помимо средств на погектарные субсидии в федеральном бюджете предусмотрено выделение более 6 млрд. руб. на субсидирование краткосрочных кредитов, которые также можно использовать на приобретение горюче-смазочных материалов, средств защиты растений, запасных частей к сельскохозяйственной технике; полмиллиарда рублей выделяются на субсидирование части затрат на приобретение элитных семян. Кроме того, более 3 млрд. руб. направляется на поддержку региональных экономически значимых программ.

В комплексной программе по развитию агропромышленного комплекса на период до 2020 года предусмотрено развитие глубокой переработки сельскохозяйственной продукции с тем, чтобы обеспечить удовлетворение внутренних потребностей страны и стать крупным игроком на мировом рынке. Важным направлением помощи является усиление государственной поддержки сельхозпроизводителям за счёт программ развития не только производства, но и социальной сферы, повышения качества жизни сельских жителей посредством развития здравоохранения, образования, информационных технологий, культуры, строительства дорог, газификации населённых пунктов и т.д.

Реализация мероприятий, предусмотренных федеральными и региональными программами, безусловно, будет способствовать повышению конкурентоспособности России на мировом продовольственном рынке. Вместе с тем необходимо максимально использовать и другие меры поддержки, входящие в «зелёную корзину», включая различные маркетинговые мероприятия. Среди них особое место занимают меры по развитию маркетинговых систем распределения продукции сельского хозяйства, которые представляют собой группы независимых предприятий, состоящих из производителей, оптовых и розничных торговцев, призванных довести созданную продукцию до потребителей в соответствующем месте и в нужное время.

Значение маркетинговых систем распределения трудно переоценить, поскольку для того, чтобы реализовать, продать произведенную продукцию у предприятий сельского хозяйства есть только два пути: первый – создать собственную систему распределения, второй – присоединиться к системе, созданной другими. Маркетологи не без основания утверждают, что только так предприятие может выжить на современном рынке [1]. У крупных товаропроизводителей, как правило, имеются возможности пользоваться первым путём. Что касается средних, малых и индивидуальных предприятий, занятых в сельском хозяйстве, то их удел – второй путь, поскольку самостоятельно создать эффективную систему распределения им не под силу. И это весьма актуальная и серьёзная проблема для нашей страны, что обусловлено, во-первых, значительным удельным

весом малых и средних предприятий в объёме производства фруктов, овощей и картофеля, во-вторых, нежеланием крупных торговых сетей включать мелких товаропроизводителей в число своих поставщиков.

По объективным причинам важнейшая роль в решении данной проблемы отводится региональным и муниципальным органам власти, которые с помощью имеющихся в их распоряжении методов и механизмов управления могут и должны способствовать формированию эффективных систем распределения и партнёрских отношений между их участниками. К примеру, поощряя и стимулируя создание в АПК эффективных альянсов, включая производственно-потребительские кооперативы; посредством создания налоговых механизмов, препятствующих появлению в цепочках товародвижения посредников, которые лишь удорожают продукцию, не увеличивая её потребительскую ценность, и т. п.

В данной статье мы хотели обратить внимание на методологические аспекты решения указанной задачи, которые лежат в основе организации отношений между участниками систем распределения, к числу которых относятся не только хозяйствующие субъекты, но косвенно также органы власти регионов и муниципальных образований. Эти отношения во многом определяются концепцией маркетинга, которой руководствуются в своей практической деятельности участники каналов распределения продукции сельского хозяйства в регионах.

Из трёх основных парадигм маркетинга, включающих неоклассическую, конкурентную и отношений, задачам организации и функционирования систем распределения продукции сельского хозяйства в регионах по определению в наибольшей степени соответствует последняя. Справедливость данного утверждения обусловлена тем, что формирование и управление системами распределения требует формирования *modus Vivendi* со многими независимыми субъектами, которые отличаются различными интересами и организуют свою деятельность, ориентируясь на разные приоритеты. Между тем основная сложность заключается в выборе не парадигмы маркетинга, а конкретной её концепции из числа возможных. Ведь только в рамках маркетинга отношений учёные выделяют не менее пятнадцати концепций.

Для формирования и управления системами распределения наибольший интерес представляют концепции, основанные на использовании подходов, ориентирующих на более тесное и эффективное сотрудничество, интеграцию, взаимодействие. Именно поэтому менеджмент акцентирует внимание субъектов управления на такие концепции, как маркетинг взаимодействия, партнёрских взаимоотношений [2].

Так, маркетинг партнёрских взаимоотношений предполагает непрерывный процесс определения и создания новых ценностей при непосредственном участии индивидуального потребителя и затем совместного получения и распространения выгод от этой деятельности между участниками взаимодействия. Приоритет в мар-

кетинге партнёрских взаимоотношений отдаётся долговременным связям, взаимоотношения формируются и согласовываются под обеспечение конечного результата, который желает получить покупатель. Маркетинг партнёрских взаимоотношений, в конечном счете, способствует формированию деловой маркетинговой сети, которая включает в себя организацию и все остальные заинтересованные в её работе группы.

Отношения в подобной сети интерпретируются как ресурс, а их наличие – как конкурентное преимущество: чем теснее эти отношения, тем оно значительнее, так как устойчивые связи создают барьер для вхождения в этот рынок других фирм, обеспечивают эксклюзивный доступ к его возможностям. Степень зависимости партнёров является характеристикой структуры связей и распределения ресурсов сети. Зависимость является основой построения властных связей и оппортунистического поведения, которое минимизируется и контролируется, как только участники сети начинают ценить связи, а не отдельные сделки. Связи – источник координации, которая достигается через усиление взаимных обязательств и доверие. При таком восприятии новой рыночной организации меняется роль и содержание маркетинга, он начинает выполнять функцию согласования интересов различных субъектов рынка в системе их взаимодействия, становится концепцией управления всей сетью.

Вместе с тем существует немало примеров, свидетельствующих о наличии противоречий, включая антагонистические, в организациях, реализующих принципы маркетинга партнёрских отношений.

К примеру, субъекты системы распределения зачастую относятся с недоверием к стратегическим намерениям партнёра или их способности сохранять конфиденциальность стратегически важной информации. Реализация принципа взаимодействия требует обеспечения взаимной связи и взаимообусловленности действий участников канала распределения. Однако субъекты могут взаимодействовать в одном процессе, преследуя противоположные стратегические цели, имея разные интересы, руководствуясь разными принципами, что будет иметь негативные последствия. Реализация принципа интеграции участников рынка может проходить как при обоюдном согласии всех сторон, так и при инициативе только части из них, при этом планы по осуществлению интеграции могут быть осуществлены без согласования со всеми участниками и без учёта их интересов.

Для устранения указанных противоречий нами предлагается концепция, в наибольшей степени соответствующая специфическим задачам организации управления системами распределения продукции сельского хозяйства, в которой потенциал маркетинга используется более полно, обеспечивая тем самым больше возможностей для достижения поставленных целей с учётом интересов всех её прямых и косвенных участников.

Предлагаемая концепция названа маркетингом взаимодействия, она относится к парадигме маркетинга

отношений и представляет собой развитие концепции маркетинга партнёрских отношений.

Предлагая новую концепцию, мы исходим из постулата, гласящего, что истинное партнёрство в процессе взаимодействия может быть достигнуто лишь на основе взаимодополнения.

Маркетинг взаимодополнения представляет собой деятельность, направленную на удовлетворение коллективных и индивидуальных потребностей входящих в социально-экономическую систему самостоятельных и независимых субъектов и обеспечивающую синергетический эффект за счёт совместного использования имеющихся у них преимуществ и нивелирования существующих им недостатков.

Ключевая идея концепции маркетинга взаимодополнения в управлении системами распределения продукции сельского хозяйства в регионах состоит в возможности и необходимости формирования такого образа отношений между субъектами системы, при котором каждый из них, специализируясь на выполнении конкретных функций, взаимно дополняет друг друга в процессе реализации цели системы в целом.

Маркетинг взаимодополнения основан на использовании системного, интеграционного и процессного научных подходов.

В частности, процессный подход в реализации предлагаемой концепции предусматривает рассмотрение общих функций управления как взаимосвязанных:

- планирование – комплекс работ по изучению, анализу факторов внешней и внутренней среды, оценка альтернативных вариантов достижения целей, прогнозирование и выбор наилучшего варианта развития систем распределения. Следует особо выделить исследование потребностей и ожиданий субъектов системы, а также отношений между ними;

- организация процесса реализации планов, включая формирование выделенных приоритетов в отношениях между субъектами маркетинга взаимодополнения, разработка и реализация тактики их развития с использованием конкретных составляющих маркетинга-микс;

- учёт и контроль – комплекс работ, осуществляемых на основе фиксации результатов реализации ожиданий партнёров, а также показателей по оценке повышения эффективности и/или действенности системы создания ценности;

- координация – комплекс работ по поддержанию взаимодействия и согласованности деятельности компонентов системы.

Целью маркетинга взаимодополнения является формирование и поддержка цепочек продуктивных отношений по созданию ценностей, востребованных каждым субъектом системы распределения продукции сельского хозяйства в регионе. В данном контексте ценность рассматривается как то, чем система владеет, стремится сохранить либо иметь в будущем. При этом ценность может быть классифицирована по следующим признакам:

- вид ценности – материальные, нематериальные, социальные, культурные, природно-климатические,

политические;

- содержание ценностей – качественные, стоимостные, поведенческие, синергетические;
- динамичность проявления ценностей – стратегические и тактические.

Маркетинг взаимодополнения базируется на использовании следующих принципов:

- взаимопонимание;
- доверие;
- взаимодополнение;
- субсидиарность и солидарность;
- взаимопользование;
- содействие.

Указанные принципы должны определять отношения между субъектами систем распределения продукции сельского хозяйства в новой конкурентной среде.

Понимание культуры другой организации, уважение к этой культуре и адаптация к этой культуре – ключевые моменты для взаимопонимания и успешного межорганизационного общения. Взаимопонимание – одна из важнейших переменных, обуславливающих успешность протекания как деятельности общения, так и формирования гуманистической их направленности. Таким образом, взаимопонимание обеспечивает более высокий уровень межличностного, межорганизационного общения и ведения бизнеса.

Взаимопонимание – способ отношений между отдельными людьми, социальными группами, коллективами; организациями и странами, который максимально содействует осмыслению и учету на практике взглядов, позиций, интересов сотрудничающих сторон. Взаимопонимание является показателем социально-психологического общения и имеет исключительную значимость для групповой и общей деятельности людей. Объективной основой взаимопонимания выступает общность интересов и целей. Взаимопонимание между отдельными людьми предполагает сложный и динамический процесс межличностного познания друг друга.

Реализация принципа взаимопонимания в деятельности территориальной социально-экономической системы состоит в определении четырех стратегических компонентов: миссии, цели, задач и возможностей, которые должны стать фундаментом существующих и формируемых отношений. Взаимопонимание лежит в основе формирования отношений взаимного уважения и доверия, что со временем позволяет участникам отношений приходить на помощь друг другу в достижении полезных для них целей.

Доверие между субъектами системы распределения сельхозпродукции снижает вероятность оппортунистического поведения и, следовательно, потребность в сложных системах контроля, позволяет экономить на транзакционных издержках. При этом облегчается последовательное развитие стратегического сотрудничества, повышается его материальная и финансовая отдача, сглаживаются «острые углы» взаимоотношений на всех уровнях управления территорией за счёт открытого общения и обмена информацией, что особен-

но важно в условиях нестабильной внешней среды. Не случайно доверие становится важным источником конкурентного преимущества.

Требования к системе управления с позиций принципа доверия изложены выше. Следует подчеркнуть, что достижение доверия – сложный и длительный процесс, в высокой степени неопределенный и зависящий от многочисленных обстоятельств: содержания сотрудничества, характера партнёров, их предварительного опыта и т. д. При этом соблюдение принципа доверия есть лишь необходимое, но не достаточное условие эффективного управления территориями.

Принцип взаимодополнения – это система «отношения – действия» субъектов хозяйствования, ориентированная на удовлетворение потребностей всех сторон взаимодействия, обеспечивающая усиление достоинств и нивелирование недостатков друг друга. Реализация принципа взаимодополнения означает обеспечение гармонической связи между всеми субъектами системы, создающей синергетический эффект. Данный эффект обусловлен совместным использованием субъектами взаимодополняющих ключевых активов и компетенций.

В условиях глобализации мировой экономики, в целях обеспечения конкурентоспособности следует учитывать объективное стремление субъектов хозяйствования к взаимодополнению. Маркетинг взаимодополнения отражает естественный ход развития отношений и представляет собой социально-экономические отношения, которые предполагают совместные усилия сторон, направленные на удовлетворение коллективных и индивидуальных нужд и потребностей.

Принцип субсидиарности давно и широко используется в практике европейского социально-территориального управления в процессе перераспределения полномочий между федеральными, региональными и муниципальными органами управления. Мы предлагаем использовать этот общеизвестный принцип, указывающий на тонкий баланс свободы и эффективности, также и при формировании маркетинговых отношений между субъектами хозяйствования.

Соблюдение принципа субсидиарности позволяет успешно решать проблемы координации между субъектами хозяйствования. В соответствии с ним элементы системы действуют согласованным образом не потому, что подвергаются давлению сверху или представляют собой самостоятельные единицы, свободно принимающие решение войти в коалицию либо выйти из нее, но потому, что и сами они, и система имеют общие ценности и интересы. Составные элементы не могут покинуть систему (так как они не в состоянии выжить вне системы), однако и система не обладает никаким иерархическим превосходством по отношению к своим составляющим частям (поскольку и сама она не может выжить без них).

Формируя свои отношения на основе принципа субсидиарности, все участники конкретной маркетинговой системы распределения могут извлекать пользу

из конструктивного распределения своих обязательств. В результате улучшается функционирование системы в целом и управление различными активами и компетенциями в противовес попыткам получить свою долю и достичь краткосрочных выгод ценой отсутствия общей выгоды.

Раскрытый выше принцип субсидиарности находится в потенциальной гармонии с принципом солидарности, который присущ низшим уровням структур организации, общества, стран и др. Получая должную свободу деятельности, они своими результатами вносят свой вклад в реализацию общих целей той или иной системы.

Принцип взаимопользности требует, чтобы каждый субъект отношений обеспечивал пользу для каждого из партнёров в процессе достижения целей. В данном контексте речь должна идти не о выгоде, а о пользе для потребителей и других потенциальных партнёров. Пользность как философская категория означает «удовлетворение желаний». Пользность, польза – вот о чём думает человек, общество (в данном случае как потребители конечной продукции, так и субъекты хозяйствования), предпочитая одну вещь или товар, услугу другой. Следовательно, и определение ценности осуществляемых процессов, например, интеграционных, производственных и др., должно производиться с позиций пользы, а не выгоды. Процесс, в основу которого положено стремление получить пользу, имеет совершенно иной характер. Здесь чрезвычайно важно понять, что пользу можно получить в результате сохранения существующей системы, при этом минимизировать потери, недостатки и усовершенствовать преимущества системы в целом или же определенных её звеньев, структур, процессов и т.д.

Взаимопользность субъектов хозяйствования, обмен вознаграждениями являются источником социальной солидарности, возникновения и сохранения нормативного порядка в системе «отношения – действия». Другими словами, вознаграждается не «выгода», а польза партнёра. Чем больше поведение соответствует ожиданиям других, тем больше оно вознаграждается этими другими. Принятие существующих норм приводит к взаимодополняемости прав и обязанностей, при которой один участник социального взаимодействия ожидает вознаграждения не большего, чем может и хочет дать другой.

Основополагающим в концепции маркетинга взаимодополнения является принцип содействия. Он предполагает оказание участниками трудового процесса взаимной помощи друг другу в достижении поставленных индивидуальных или коллективных целей. Данный принцип нацеливает субъекты, входящие в систему распределения продукции сельского хозяйства, на максимальное использование потенциала мудрости, которая им присуща и которая, к сожалению, в процессе принятия и реализации управленческих решений в сложных системах проявляется далеко не всегда.

Маркетинг взаимодополнения представляет собой более высокий уровень формирования и реализации

отношений в сложных и динамичных системах, к которым относятся и системы распределения продукции сельского хозяйства. Возможности концепции маркетинга взаимодополнения были рассмотрены нами при формировании стратегических альянсов [3], а также в системах управления регионами [4].

Таким образом, установлено, что под влиянием агрессивной внешней среды участники систем распределения, включая органы власти, постепенно меняют отношение к своей роли в процессе функционирования, к партнёрам, понимают необходимость и плодотворность взаимодополнения. Вместе с тем пока ещё отсутствует апробированный подход к формированию истинного уровня партнёрских отношений, то есть база в виде эффективной концепции маркетинга, на основе которой должно строиться взаимодополнение в системах распределения продукции сельского хозяйства.

В качестве такого подхода может служить предлагаемая в статье концепция маркетинга взаимодополнения, особенностью которой является акцент не на абстрактное взаимодействие, а на выявление и использование возможностей содействовать друг другу в осуществлении процесса, достижении общей цели, решении общих задач. Она позволяет всей цепочке взаимодействующих субъектов выстраивать отношения не только на стремлении получить желаемое, удовлетворить свои запросы, но и на понимании необходимости содействия друг другу в реализации совместных действий.

По нашему мнению, маркетинг взаимодополнения отражает естественный ход развития отношений взаимодействия между субъектами хозяйствования в современной экономике. Практика показывает, что в процессе поиска средств повышения конкурентоспособности менеджмент предприятий проявляет объективное стремление к налаживанию отношений взаимодополнения с партнёрами по хозяйственным связям. Об этом свидетельствует анализ поведения предприятий различных сфер деятельности.

В качестве примера, подтверждающего обоснованность данного вывода, можно привести действия российской компании «Электрон» – производителя медицинской техники. Небольшая по размерам и масштабам деятельности компания за короткий срок сумела создать эффективную модель трансфера технологий. Стремясь выйти со своей продукцией на европейский рынок, компания «Электрон» сформировала отношения взаимодополнения с небольшой немецкой фирмой «Inter Medical», обладающей устойчивыми позициями на рынке медицинской техники Германии. Со своей стороны компания «Электрон» предоставила партнёру, производящему целую линейку комплексов для изотопной диагностики, свои технологические возможности, знание особенностей российского рынка медицинской техники и свою позицию на нём. В конечном счёте, каждая из компаний достигла желаемой цели, дополняя друг друга в процессе совместного использования своих компетенций.

Анализ применяемого компанией «Электрон» подхода к формированию и развитию хозяйственных

связей с партнёрами по бизнесу показывает, что по существу она применила принципы маркетинга взаимодополнения. Поэтому осознанное и целенаправленное использование данных принципов в процессе форми-

рования маркетинговых систем распределения сельскохозяйственной продукции обеспечит отечественным предприятиям получение аналогичного результата от совместного использования имеющихся конкурентных преимуществ.

Библиографический список

1. Амблер Т. Практический маркетинг /Пер. с англ. под общей ред. Ю.Н. Каптуревского. СПб.: Изд-во «Питер», 1999. 400 с.
2. Christopher M. Relationship Marketing. Bringing quality, customer service and marketing together / M. Christopher, A. Payne, D. Ballantyne. Oxford, Butterworth-Heinemann Ltd., 1991.
3. Самостроенко Г.М. Управление конкурентоспособностью предприятий агропромышленного комплекса на основе маркетинга взаимодействия / Г.М. Самостроенко, Е.И. Ситникова. Орёл: Издательство ОРАГС, 2009. 184 с.
4. Самостроенко Г.М. Маркетинг взаимодополнения в системе управления развитием региона / Г.М. Самостроенко // Экономика, социология и право. 2011. № 6. С. 83-86.

References

1. Tim Ambler Practical Marketing /Translated from English under the general editorship of N. Kapturevskogo. St. Petersburg: «Peter», 1999. 400 p.
2. Christopher M. Relationship Marketing. Bringing quality, customer service and marketing together / M. Christopher, A. Payne, D. Ballantyne. Oxford, Butterworth-Heinemann Ltd., 1991.
3. Samostroenko G.M. Management of competitiveness of agricultural enterprises based on the interaction marketing / G.M. Samostroenko, Sitnikova E.I. Orel: Publishing House ORAGS, 2009. 184 p.
4. Samostroenko G.M. The complementary marketing in system of regional development management / G.M. Samostroenko // Economics, Sociology, Law. 2011. № 6. Pp. 83-86.

УДК 51-7:303.722.2:332.81

UDC 51-7:303.722.2:332.81

Н.А. СЕЛЮТИНА

аспирант кафедры статистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: Selyutina_na@minbank.ru

N.A. SELYUTINA

graduate student of Department of Statistics, Moscow State University named after M.V. Lomonosov
E-mail: Selyutina_na@minbank.ru

ТИПОЛОГИЯ РЕГИОНОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА ПО КОМПЛЕКСУ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ КАЧЕСТВЕННЫМ ЖИЛЬЕМ

TYPOLOGY OF THE CENTRAL DISTRICT A RANGE OF INDICATORS PROVISION OF QUALITATIVE HOUSING

Статья посвящена разработке типологии регионов Центрального федерального округа по комплексу показателей обеспечения населения качественным жильем. В результате факторного анализа обосновано, что множество индикаторов благоустройства жилищного фонда может быть сведено к трем латентным факторам – фактору оборудования жилья водоснабжением и водоотведением, фактору благоустройства газом и электроплитами и фактору оборудования жилья центральным отоплением. Предложена классификация регионов по степени благоустройства жилищного фонда на кластеры, однородные по выделенным факторам, выполнена идентификация кластеров.

Ключевые слова: Центральный федеральный округ, регион, качественное жилье, благоустройство жилищного фонда, индикаторы благоустройства, факторный анализ, латентные факторы, типология, кластерный анализ.

The article is devoted to developing a typology of regions of the Central Federal District, a range of indicators providing the population with quality housing. As a result of factor analysis substantiated that many indicators of improvement of the housing stock can be reduced to three latent factors – factor equipment housing water supply and sanitation, beautification factor gas and electric stoves and equipment factor housing central heating. The classification of regions according to the degree of improvement on the housing clusters with homogeneous dedicated factors made the identification of clusters.

Keywords: Central federal district, region, quality housing, housing improvement, improvement indicators, factor analysis, latent factors, typology, cluster analysis.

В настоящее время актуализируется необходимость решения важной проблемы обеспечения населения страны качественным жильем. В соответствии с мировыми нормативами понятие «качественное жилье» включает в себя не только количественные его характеристики – такие, как общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного члена семьи, количество человек, приходящихся на комнату, площадь общей комнаты, площадь спальни и т.п., – но также и качественные показатели – наличие различных компонентов благоустройства жилья – оборудование водопроводом, канализацией, центральным отоплением, ванной (душем), газом, горячим водоснабжением и т.п. [1].

Правительство РФ принимает необходимые меры по развитию жилищного строительства в нашей стране: разработаны и реализуются ФЦП «Жилище», национальный проект «Доступное и комфортное жилье – гражданам России»; созданы и функционируют ОАО «Агентство по ипотечному жилищному кредитованию», «Фонд содействия развитию жилищного строительства» и др. Вместе с тем, до настоящего времени более трети граждан РФ проживают в жилищах, не отвечающих минимальным требованиям благоустройства [2]. Не отвечает потребностям населения в жилье и темпы ввода в эксплуатацию жилых домов, до настоящего времени объемы жилищного строительства не достигли дореформенного уровня [3].

Проведенный в диссертационном исследовании [5] анализ регионального распределения объемов ввода в действие жилых домов за период с 2007 по 2010 г. выявил наличие ярко выраженной правосторонней асимметрии, т.е. в большинстве регионов РФ наблюдались невысокие объемы ввода жилья. Лидером ввода в действие жилых домов является Центральный федеральный округ, на долю которого в последнее десятилетие приходилось порядка трети ежегодного объема строительства жилья в России. В то же время, даже в регионах лидирующего округа характеристики качества

благоустроенности жилищного фонда остаются недостаточно высокими. Так, в 2010 г. уровень оборудования жилищного фонда водопроводом в ЦФО составлял 80,6%, водоотведением (канализацией) – 78,3%, центральным отоплением – 86,9% и горячим водоснабжением – 70,7%, при среднем по РФ уровне обеспечения жилья этими компонентами благоустройства 77,7%, 73,7%, 83,1% и 64,9% соответственно [8].

Представляется, что помимо уровня обеспечения жилья различными компонентами благоустройства, необходимо также оценить динамику соответствующих показателей – долей общей площади жилищного фонда, оборудованной водопроводом, водоотведением и т.д. Выполненные нами ранее [9] статистические исследования данных источника [8] по ЦФО в целом показали, что на графиках временных рядов этих и других компонентов, охватывающих период 2001-2011 гг., можно выделить временной интервал 2006-2010 гг., в пределах которого динамика компонентов носит линейный (преимущественно нарастающий) характер – см. рис. 1. Линейный характер динамики показателей благоустройства в 2006-2010 гг. наблюдался также и в регионах ЦФО.

В целях свертки информации по временным рядам нами выполнена аппроксимация фактических данных линейными моделями с помощью процедуры Curve Estimation пакета статистического анализа данных общественных наук SPSS Base [10]. Преимуществом такого приема является то, что помимо замены временных рядов двумя их статистическими характеристиками – средним уровнем показателей обеспечения населения качественным жильем и их среднегодовым приростом, мы получаем информацию по стабильности жилищной политики в регионах. Так, например, из выявленного при моделировании факта высоких значений коэффициента детерминации линейных моделей динамики доли жилищного фонда, оборудованного водопроводом, в Белгородской, Брянской, Владимирской, Воронежской,

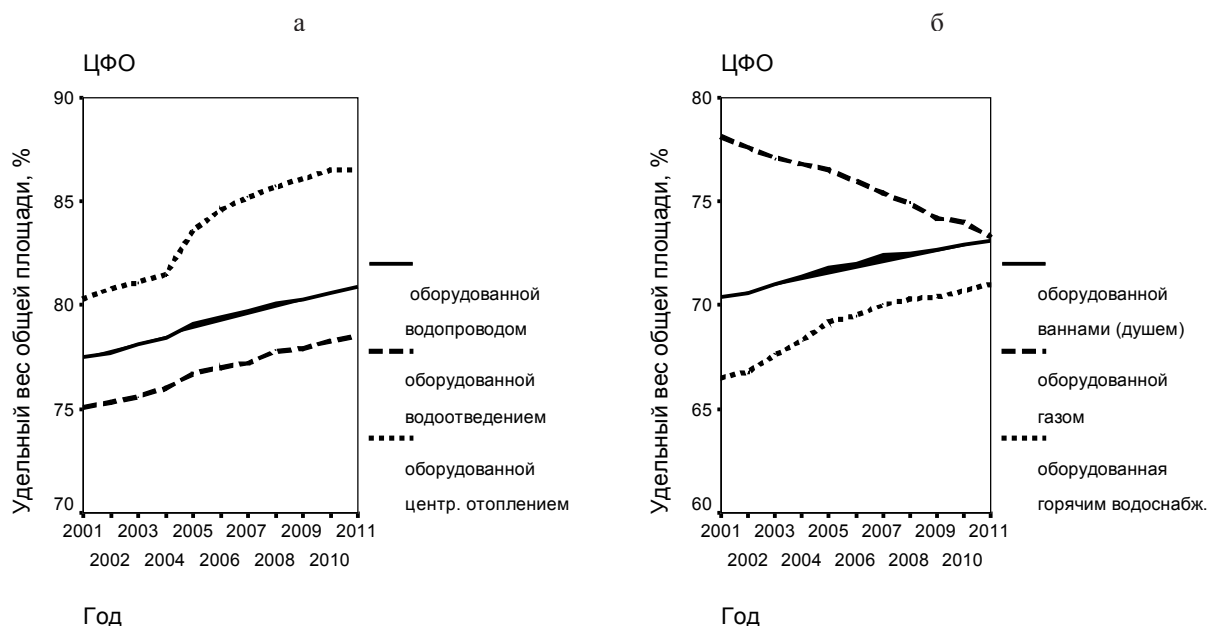

Рис. 1. Динамика компонентов благоустройства жилищного фонда Центральной России.

Ивановской, Липецкой, Смоленской, Тамбовской, Тульской и Ярославской областей можно заключить, что в этих регионах проводится последовательная политика по оборудованию жилищного фонда водопроводом. В противоположность этим регионам линейные модели динамики доли жилищного фонда, оборудованного водопроводом, в Курской и Московской областях характеризуются низкими значениями коэффициента детерминации – 0,326 и 0,509 соответственно, что отражает непоследовательную политику местных властей по оборудованию жилищного фонда водопроводом.

Дополнительную информацию дает ранжирование регионов Центрального федерального округа по среднему уровню показателей обеспечения населения качественным жильем и их среднегодовому приросту в период 2006-2010 гг.

В качестве примера рассмотрим ранжирование регионов ЦФО по средним характеристикам временных рядов по такой важной компоненте обеспечения населения качественным жильем, как доля общей площади, оборудованной водоснабжением (рис. 2.)

На диаграмме рис. 2 б видно, что Курская область являлась аутсайдером по среднегодовому приросту доли жилищного фонда, оборудованного водопроводом, в 2006-2010 гг. Этот же регион, наряду с Ивановской, Тамбовской, Брянской, Смоленской и Тверской обла-

стями, среди аутсайдеров по уровню водоснабжения – это хорошо видно на диаграмме рис. 2 а. Что касается Московской области, то хотя этот регион характеризуется отрицательным значением среднегодового прироста доли жилищного фонда, оборудованного водопроводом, уровень жилищного фонда, оборудованного водопроводом, в этом регионе превышает средний уровень по РФ.

Анализ полученных диаграмм показывает высокую дифференциацию регионов ЦФО по обеспечению населения качественным жильем. В табл. 1 приведены значения статистических характеристик средних долей компонентов обеспечения населения регионов качественным жильем, из которой следует, что в ЦФО наихудшая ситуация наблюдается в оборудовании жилья горячей водой – при минимальном среднем уровне доли жилищного фонда, оборудованного горячим водоснабжением, 60,2%, коэффициент вариации составляет максимальное значение – 19,6%. На втором месте по критичности оборудование жилья ванной (душом) – 62,8%, на третьем – канализацией – 69,6%, и относительно благоприятная ситуация наблюдается лишь в отношении оборудования жилья центральным отоплением – в среднем по ЦФО доля обеспечения населения жильем, оборудованным центральным отоплением, составляет 80,6%, при невысокой вариабельности по регионам – 12,3%.

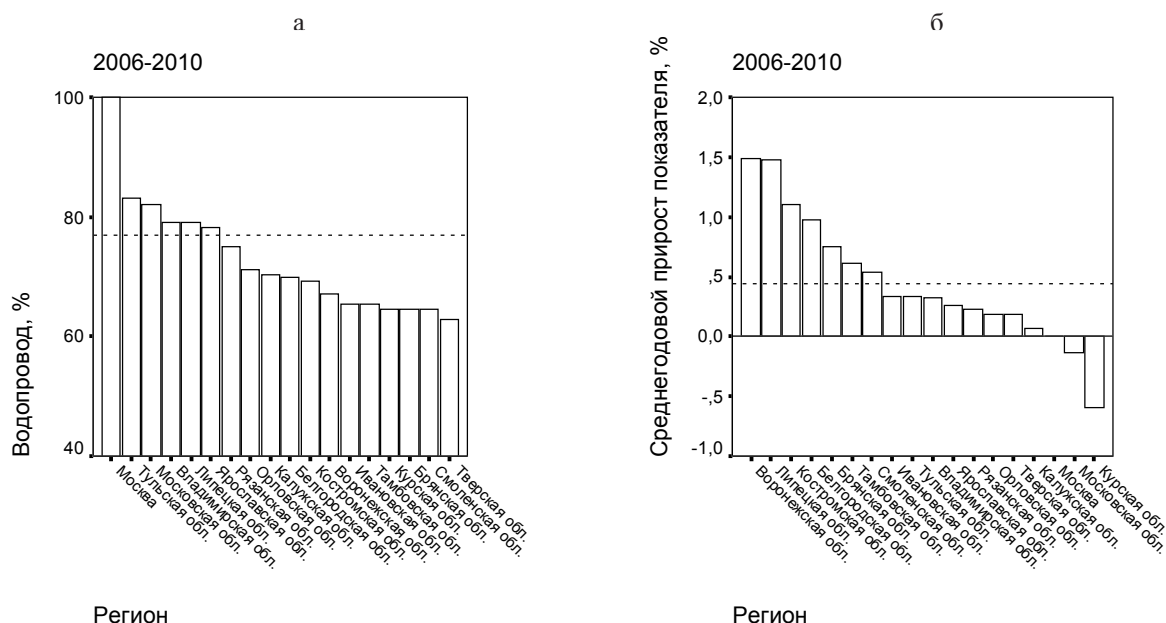

Рис. 2. Ранжирование регионов ЦФО: а – по средней доле жилищного фонда, оборудованного водопроводом в 2006-2010 гг.; б – по среднегодовому приросту показателя в этот период. Пунктир – уровень РФ.

Таблица 1.

Статистические характеристики компонентов обеспечения населения регионов ЦФО качественным жильем

Статистика	Водопровод	Канализация	Центральное отопление	Ванна (душ)	Горячая вода
Минимум, %	62,8	58,4	64,2	51,5	47,3
Максимум, %	99,9	99,8	100,0	99,6	95,5
Среднее, %	72,846	69,562	80,574	62,843	60,201
Стандартное отклонение, %	9,4428	10,1736	9,8764	11,3513	11,7875
Коэффициент вариации, %	13,0	14,6	12,3	18,1	19,6

Если распределение приведенных в табл. 1 региональных показателей не противоречит нормальному распределению – критерий Колмогорова-Смирнова статистически незначим, то распределение значений таких компонентов обеспечения населения регионов ЦФО качественным жильем, как газ и напольные электроплиты, отклоняется от нормального (рис. 3).

Судя по ящичковым диаграммам, представленным на этом рисунке, три региона ЦФО – г. Москва, Московская и Белгородская области, характеризуются средними в период 2006-2010 гг. долями жилищного фонда, оборудованного газом и напольными электроплитами, резко отличающимися от значений этих показателей благоустройства для остальных регионов, поэтому в дальнейшем будем рассматривать однородную выборку из 15-ти регионов без г. Москвы, Московской и Белгородской областей. (Заметим, что если считать, что оба компонента благоустройства имеет схожее назначение – для приготовления пищи, то суммарно распределение значений доли жилого фонда, оборудованного газом и напольными электроплитами, также не противоречит нормальному распределению и характеризуется средним значением 92,0% при весьма небольшой вариабельности по регионам 3,1%.)

Ввиду выявленной нами довольно высокой дифференциации компонентов обеспечения населения регионов ЦФО качественным жильем актуальной является задача построения пространственной модели, описывающей их территориальное распределение. Компонентов благоустройства, подлежащих анализу – семь, очевидно, что они сильно коррелируют между собой, и для сокращения описания здесь целесообразно применить широко распространенный в экономических исследованиях метод уменьшения данных – метод главных компонентов [6].

Для сокращения дальнейшего изложения введем обозначения:

- x_1 – доля жилищного фонда, оборудованного водопроводом;
- x_2 – доля жилищного фонда, оборудованного водоотведением (канализацией);
- x_3 – доля жилищного фонда, оборудованного центральным отоплением;
- x_4 – доля жилищного фонда, оборудованного ванной (душем);
- x_5 – доля жилищного фонда, оборудованного горячим водоснабжением;
- x_6 – доля жилищного фонда, оборудованного газом;
- x_7 – доля жилищного фонда, оборудованного электроплитами.

Результаты корреляционного анализа, приведенные в табл. 2, показывают, что, с учетом принципа Бонферрони, по меньшей мере восемь пар компонентов благоустройства жилищного фонда регионов ЦФО (без г. Москвы, Московской и Белгородской областей) сильно коррелируют (соответствующие статистики – коэффициент корреляции Пирсона R и двусторонний уровень статистической значимости p выделены полужирным шрифтом), и можно рассчитывать на значительное снижение размерности факторного пространства.

Действительно, уже три главных фактора обеспечивают качественное описание структуры множества из семи компонентов благоустройства жилищного фонда по однородной выборке регионов ЦФО (в среднем за 2006-2010 гг.) – геометрические искажения при переходе от исходного семимерного пространства к трехмерному не превышают 5,5%, что в соответствии с [4] вполне допустимо.

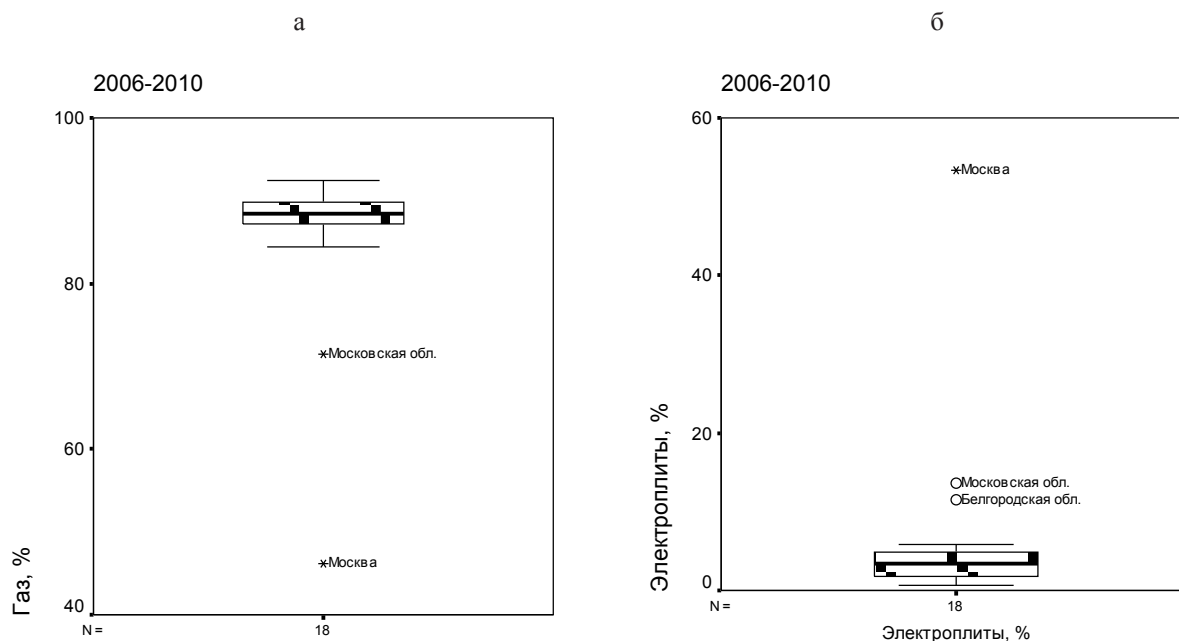

Рис. 3. Распределение по регионам ЦФО средней в период 2006-2010 гг. доли жилищного фонда, оборудованного: а – газом; б – напольными электроплитами.

Таблица 2.

Матрица корреляционного анализа показателей благоустройства жилищного фонда регионов ЦФО в 2006-2010 гг. (однородная выборка, без г. Москвы, Московской и Белгородской областей)

	Статистика	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	X_7
X_1	R	1	0.957	0.621	0.874	0.792	0.546	-0.449
	p	,	0.000	0.014	0.000	0.000	0.035	0.093
X_2	R	0.957	1	0.707	0.950	0.898	0.470	-0.395
	p	0.000	,	0.003	0.000	0.000	0.077	0.145
X_3	R	0.621	0.707	1	0.630	0.763	0.576	-0.656
	p	0.014	0.003	,	0.012	0.001	0.024	0.008
X_4	R	0.874	0.950	0.630	1	0.872	0.367	-0.271
	p	0.000	0.000	0.012	,	0.000	0.178	0.329
X_5	R	0.792	0.898	0.763	0.872	1	0.306	-0.371
	p	0.000	0.000	0.001	0.000	,	0.268	0.174
X_6	R	0.546	0.470	0.576	0.367	0.306	1	-0.742
	p	0.035	0.077	0.024	0.178	0.268	,	0.002
X_7	R	-0.449	-0.395	-0.656	-0.271	-0.371	-0.742	1
	p	0.093	0.145	0.008	0.329	0.174	0.002	,

Из результатов факторного анализа, выполненного по методу главных компонент с вращением главных факторов по критерию «варимакс» (вращение главных факторов осуществляли для улучшения структуры факторной модели), представленных в табл. 3, следует, что наиболее информативный первый главный фактор, объясняющий половину общей дисперсии, сильно коррелирует с четырьмя компонентами благоустройства – оборудованием водопроводом, канализацией, ванной (душем) и горячим водоснабжением. Второй главный фактор, менее информативный (объясняет 27,8% дисперсии), коррелирует положительно с газоснабжением и отрицательно – с оборудованием напольными электроплитами. Третий главный фактор объясняет 16,6% дисперсии и сильно коррелирует лишь с одной компонентой благоустройства жилищного фонда по однородной выборке регионов ЦФО – центральным отоплением (сильные корреляции в табл. 3 выделены полужирным шрифтом).

Исходя из значений коэффициентов корреляции показателей благоустройства жилищного фонда регионов ЦФО с главными факторами, приведенных в табл. 3, первый главный фактор следует квалифицировать как фактор благоустройства водоснабжением и водоотведением, второй – как фактор благоустройства газом и электроплитами, третий – как фактор благоустройства

центральным отоплением.

Главных факторов три, следовательно, мы можем визуализировать лишь трехмерное представление как факторного пространства, так и регионов Центрального федерального округа. Но можно представить это пространство и в виде двух проекций на плоскости – «глобуса нагрузок» – на плоскость, образованную первым и вторым главными факторами, с одной стороны, и на плоскость, образованную вторым и третьим главными факторами, с другой. Аналогично трехмерное распределение регионов Центрального федерального округа можно представить в виде двух проекций – на плоскость, образованную метками первого и второго главных факторов, с одной стороны, и на плоскость, образованную метками второго и третьего главных факторов, с другой.

Рис. 4 иллюстрирует первое представление – проекции «глобуса нагрузок».

На диаграмме рис. 4 а хорошо видно, что группа меток исходных показателей благоустройства жилищного фонда – x_1 , x_2 , x_4 и x_5 – размещена вблизи положительного направления оси первого главного фактора, а метки показателей x_6 и x_7 противостоят друг другу и расположены вблизи положительного и отрицательного направлений оси второго главного фактора соответственно. Третий же главный фактор, как видно на

Таблица 3.

Результаты факторного анализа показателей благоустройства жилищного фонда регионов ЦФО в 2006-2010 гг. (однородная выборка, без г. Москвы, Московской и Белгородской областей)

Компонента благоустройства жилищного фонда	Обозначение	Главный фактор		
		1	2	3
Водопровод	X_1	0,900	0,365	0,089
Водоотведение	X_2	0,934	0,238	0,247
Центральное отопление	X_3	0,452	0,423	0,744
Ванна (душ)	X_4	0,944	0,108	0,212
Горячее водоснабжение	X_5	0,811	0,063	0,540
Газ	X_6	0,269	0,930	0,033
Электроплиты	X_7	-0,086	-0,833	-0,448
Объясняемая дисперсия, %		50,2	27,8	16,6

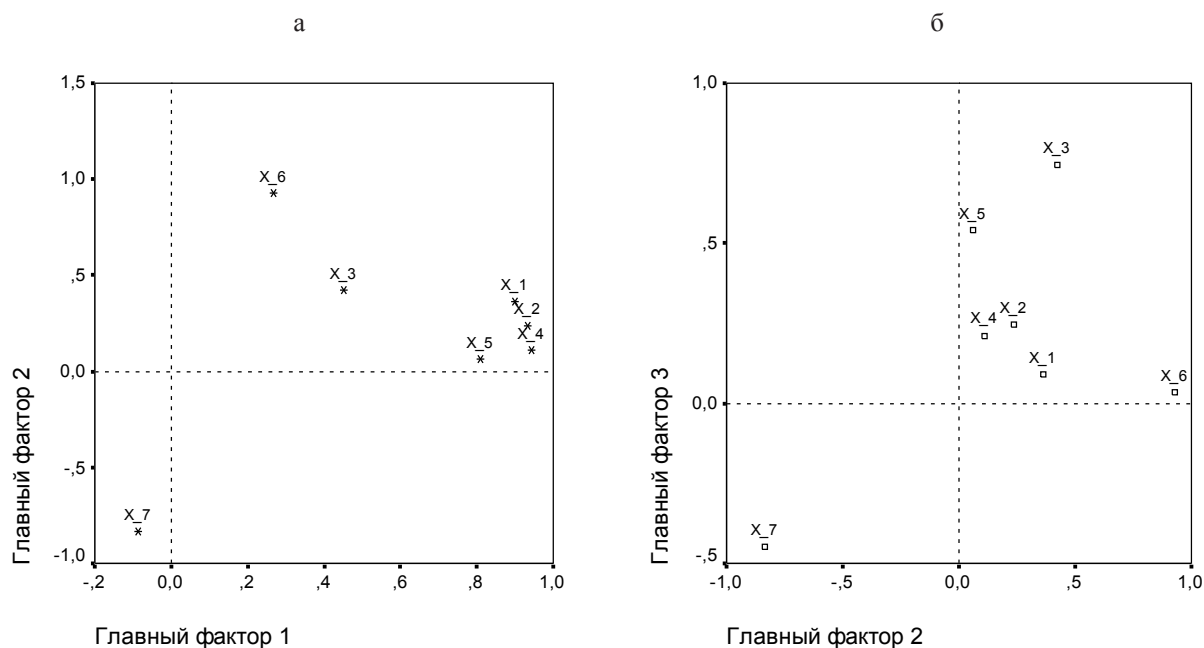

Рис. 4. Проекция «глобуса нагрузок» на плоскости главных факторов: а – первого и второго; б – второго и третьего.

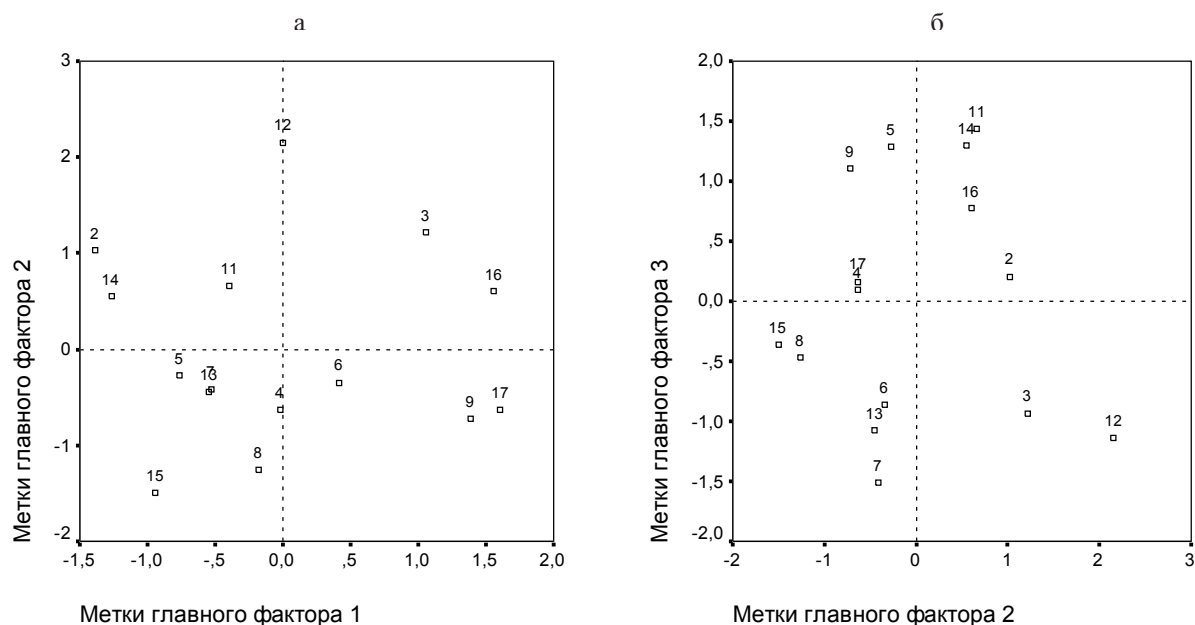

Рис. 5. Проекция расположения регионов ЦФО однородной выборки (без г. Москвы, Московской и Белгородской областей) на плоскости меток главных факторов: а – первого и второго; б – второго и третьего. Числа над метками отвечают номерам регионов в алфавитном порядке: 2 – Брянская область, ..., 17 – Ярославская область.

диаграмме рис. 4 б, сильнее всего «нагружен» показателем благоустройства жилищного фонда x_3 (доля фонда, оборудованного центральным отоплением) – его метка дальше всех остальных отстоит от начал координат.

Второе представление – проекция расположения регионов ЦФО однородной выборки (без г. Москвы, Московской и Белгородской областей) на плоскости меток главных факторов иллюстрирует рис. 5, однако по ним очень трудно визуально выделить типологические синдромы, поэтому для классификации регионов по совокупности компонентов благоустройства лучше применить формальные методы многомерной группировки – кластерный анализ.

Формальные методы классификации, при несомненном преимуществе перед визуальными, имеют тот недостаток, что результаты многомерной группировки могут различаться в зависимости от используемого метода кластерного анализа, и необходимо убедиться в устойчивости кластерного решения. С учетом этого, кластерный анализ нами проводился в два этапа: вначале иерархический по методу Уорда с квадратичной метрикой на главных факторах, затем итеративный по методу k -средних [7].

Из основного результата иерархического кластерного анализа – дендрограммы (в статье не приводится ради сокращения ее объема) на уровне сходства 80%

можно постулировать четырехкластерное решение с отнесением регионов ЦФО к кластерам, представленное в табл. 4.

Как видно из табл. 4, результаты отнесения регионов ЦФО к кластерам по обоим методам формальной классификации идентичны, и полученное четырехкластерное решение можно принять для дальнейшего анализа. В частности, можно выделить регионы, которые лучше всего представляют кластеры. В кластере 1 – это Тамбовская область, в кластере 3 – Курская и Смоленская, кластере 4 – Липецкая и Ярославская области – они меньше всего удалены от центра соответствующих кластеров (в таблице эти области и расстояния до центра ближайшего кластера выделены полужирным шрифтом).

Как видно из табл. 4, результаты отнесения регионов ЦФО к кластерам по обоим методам формальной классификации идентичны, и полученное четырехкластерное решение можно принять для дальнейшего анализа. В частности, можно выделить регионы, которые лучше всего представляют кластеры. В кластере 1 – это Тамбовская область, в кластере 3 – Курская и Смоленская, кластере 4 – Липецкая и Ярославская области – они меньше всего удалены от центра соответствующих кластеров (в таблице эти области и расстояния до центра ближайшего кластера выделены полужирным шрифтом).

Заключительный этап классификации – идентификацию кластеров – проводим по ящичковым диаграммам, представленным на рис. 6 и 7, на которых для наглядности отмечены средние уровни благоустройства жилищного фонда в целом по РФ и медианные значения по регионам ЦФО. Помимо кластеров, выделенных по результатам формальной классификации, на них также представлены данные по Белгородской и Московской областям и по г. Москве (кластеры 5, 6 и 7 соответственно).

Судя по диаграммам рис. 6, по компонентам благоустройства жилищного фонда, связанным с первым главным фактором – оборудованию водопроводом, канализацией, ванной (душем) и горячей водой, лидерами в ЦФО являются г. Москва (кластер 7) и Московская область (кластер 6). По этим компонентам г. Москва и Московская область превосходят среднероссийские показатели благоустройства жилищного фонда. Москва является лидером и по оборудованию жилищного фонда газом или напольными электроплитами, а также по оборудованию центральным отоплением – рис. 7.

Если г. Москва является безусловным лидером по оборудованию жилья напольными электроплитами – соответствующая доля жилищного фонда в 2006-2010 гг. в среднем составляла 53,4% при устойчивой положительной динамике показателя, то Московская область хотя и занимала в этот период второе место в ЦФО и также характеризовалась устойчивой положительной динамикой показателя, все же не достигла среднего уровня по России: доля жилищного фонда, оборудованного напольными электроплитами, в среднем в 2006-2010 гг. составляла 13,6% против 18,3% по России в целом.

Неоднозначно по рассматриваемым компонентам благоустройства характеризуется жилищный фонд Белгородской области (кластер 5). Занимая в ЦФО второе место по оборудованию жилищного фонда газом или напольными электроплитами (96,0%), что заметно превышает средний по России уровень 87,7%, этот регион отстает от среднероссийского уровня по благоустройству водопроводом, канализацией, ваннами (душем), горячей водой, но превосходит средние показатели по оборудованию центральным отоплением.

Таблица 4.

Результаты кластерного анализа регионов ЦФО по показателям благоустройства жилищного фонда в 2006-2010 гг. (однородная выборка, без г. Москвы, Московской и Белгородской областей)

Регион	Код	Кластер по иерархическому анализу	Кластер по итеративному анализу	Результат совпадения отнесения регионов к кластерам	Расстояние до центра ближайшего кластера, усл. ед.
Брянская обл.	2	1	I	+	1,094
Ивановская обл.	5	1	I	+	0,818
Орловская обл.	11	1	I	+	0,697
Тамбовская обл.	14	1	I	+	0,400
Владимирская обл.	3	2	II	+	0,713
Рязанская обл.	12	2	II	+	0,713
Воронежская обл.	4	3	III	+	0,851
Калужская обл.	6	3	III	+	0,845
Костромская обл.	7	3	III	+	0,912
Курская обл.	8	3	III	+	0,554
Смоленская обл.	13	3	III	+	0,553
Тверская обл.	15	3	III	+	1,031
Липецкая обл.	9	4	IV	+	0,650
Тульская обл.	16	4	IV	+	0,860
Ярославская обл.	17	4	IV	+	0,649

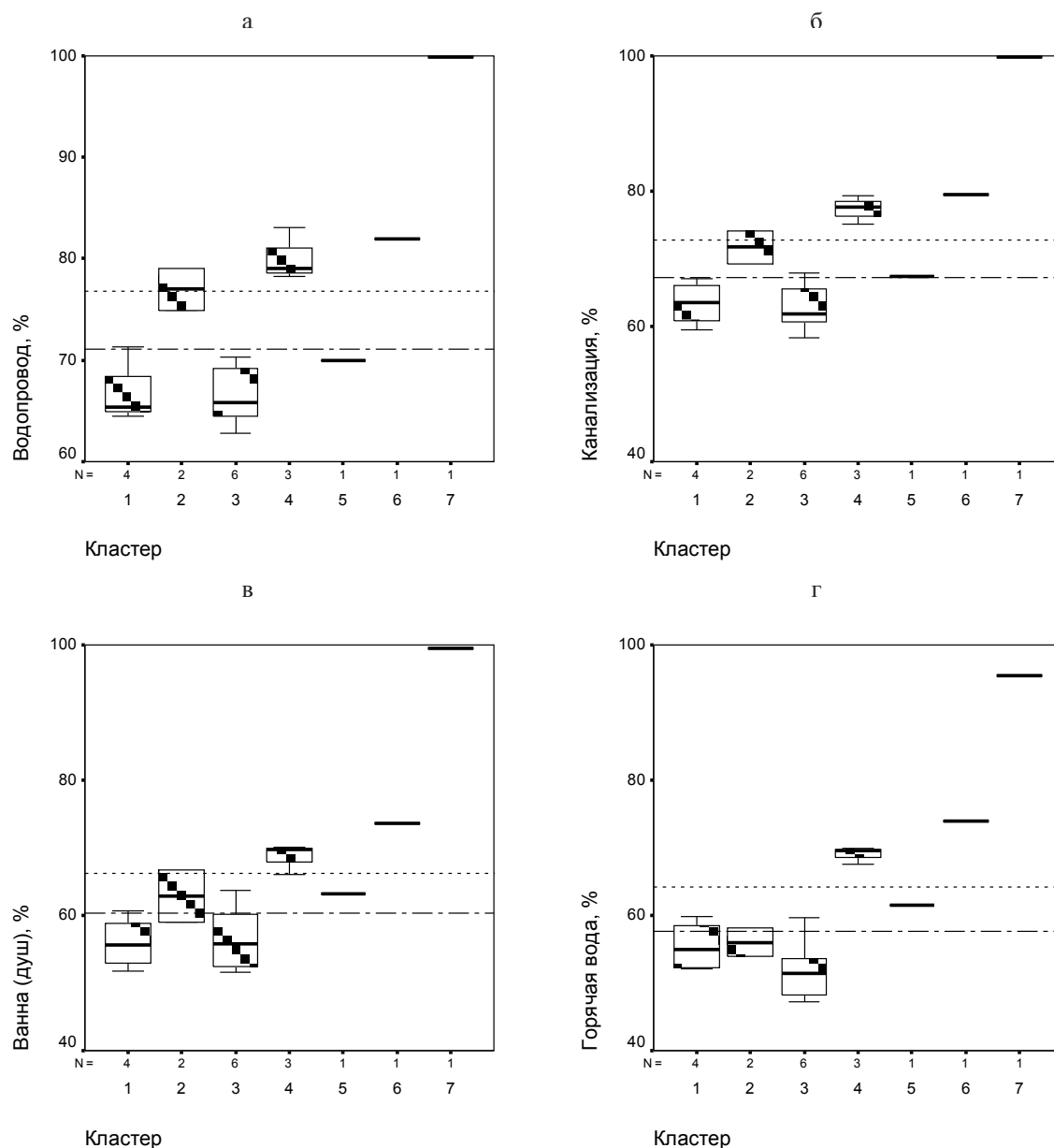

Рис. 6. Распределение кластеров регионов ЦФО по значениям доли жилищного фонда, оборудованного:
а – водопроводом; б – канализацией; в – ванной (душом); г – горячей водой. Пунктир – средний
уровень благоустройства жилья по РФ, штрих-пунктир – медианное значение по ЦФО.

Характеризуя периферийные регионы ЦФО в целом, следует отметить достаточно высокий уровень их благоустройства газом или напольными электроплитами – медианное значение доли жилищного фонда, оборудованного газом или электроплитами, в 2006-2010 гг. в среднем составляла 92,0% против 87,7% в целом по России. Но по отдельным компонентам этого показателя картина диаметрально противоположная – по газоснабжению периферийные регионы ЦФО в целом опережают российский уровень, а по оборудованию напольными электроплитами отстают.

Среди периферийных регионов ЦФО выгодно выделяются регионы кластера 4, к которому отнесены Липецкая, Тульская и Ярославская области. Регионы этого кластера практически по всем компонентам благоустройства жилищного фонда превосходят среднероссийский уровень: по оборудованию водопроводом

– медиана 79,0% против 76,8% в среднем по России; по оборудованию канализацией – 77,6% против 72,8%; оборудованию ванной (душом) – 69,8% против 66,2%; горячим водоснабжением – 69,7% против 64,2%; газом – 88,9% против 69,5%, и лишь по оборудованию электроплитами уступают среднероссийскому уровню – медианное значение показателя 3,1% против 18,3% для РФ в целом.

Хуже всего ситуация с благоустройством жилищного фонда в регионах кластера 3, к которому отнесены шесть областей: Воронежская, Калужская, Костромская, Курская, Смоленская и Тверская области. По пяти из семи компонентов благоустройства медианные значения этого кластера меньше среднероссийского уровня: по оборудованию водопроводом – медиана 65,8% против 76,8%; по оборудованию канализацией – 61,9% против 72,8%; оборудованию ванной (душом) –

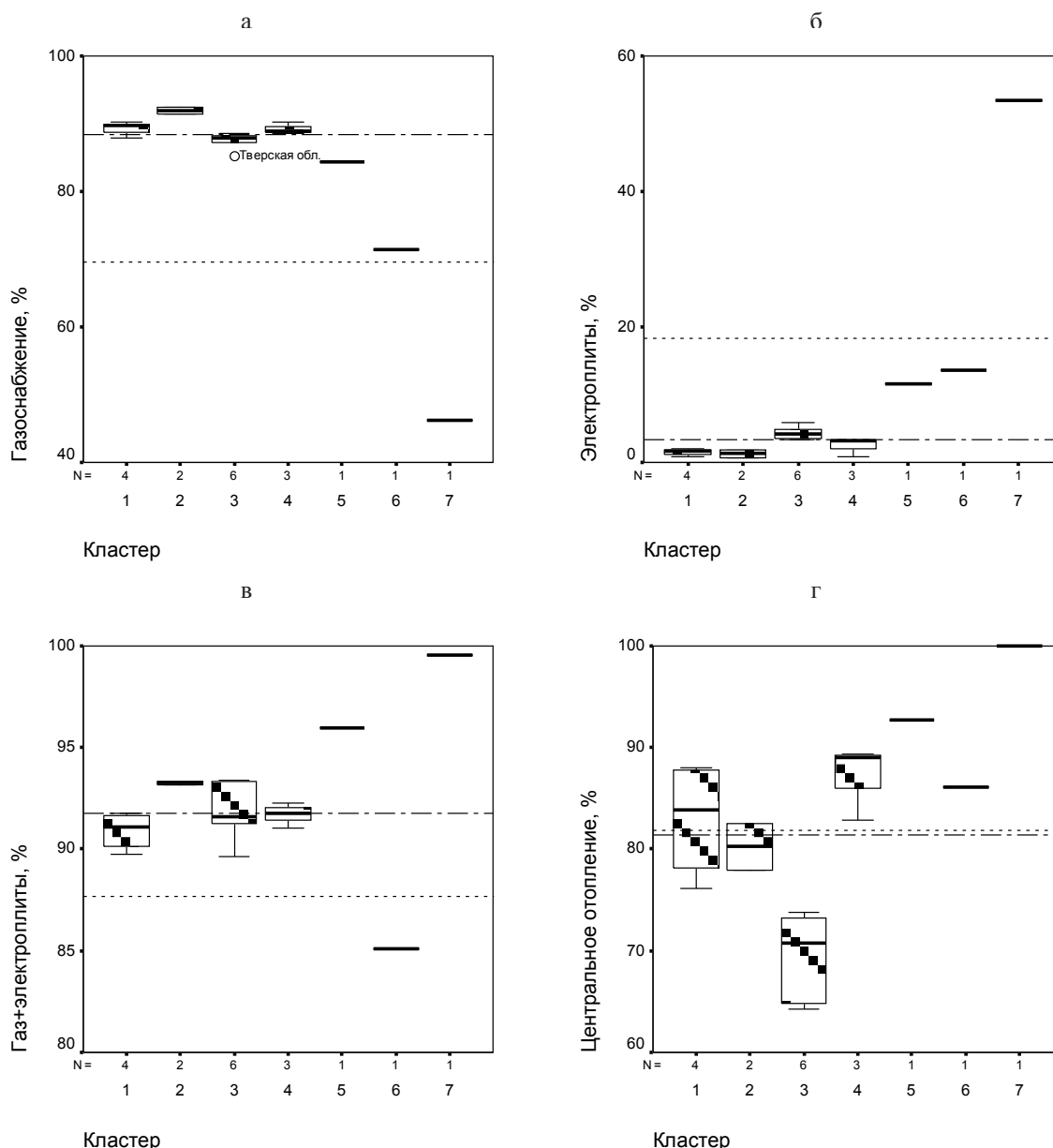

Рис. 7. Распределение кластеров регионов ЦФО по значениям доли жилищного фонда, оборудованного: а – газом; б – электроплитами; в – газом и электроплитами; г – центральным отоплением. Пунктир – средний уровень благоустройства жилья по РФ, штрих-пунктир – медианное значение по ЦФО.

55,8% против 66,2%; горячим водоснабжением – 51,5% против 64,2%; центральным отоплением – 70,8% против 81,8%, и лишь по газоснабжению регионы кластера 3 характеризуются более высоким показателем – медианное значение доли жилищного фонда, оборудованного газом, в 2006-2010 гг. составляло в среднем 87,8% против 69,5% в целом по России.

Несколько лучше ситуация с благоустройством жилищного фонда в регионах кластера 2, к которому отнесены Владимирская и Рязанская области. Эти регионы опережают среднероссийский уровень только по доле жилищного фонда, оборудованному газом или напольными электроплитами. По уровню оборудования водопроводом, канализацией и центральным отоплением эти регионы близки к среднероссийским показателям, но отстают по оборудованию ваннами (душем) и горячему водоснабжению.

Регионы кластера 1, к которому отнесены четыре области – Брянская, Ивановская, Орловская и Тамбовская, – вплотную примыкают к кластеру-аутсайдеру 3. Выше среднероссийского уровня медианные значения показателей благоустройства жилищного фонда в регионах этого кластера только по двум компонентам – центральному отоплению и оборудованию газом или напольными электроплитами, а по всем остальным компонентам благоустройства жилья ниже, чем в среднем по России.

Рис. 8, на котором представлены профили благоустройства, иллюстрирует сказанное выше.

На рис. 8, помимо профилей благоустройства жилищного фонда регионов, объединенных в кластеры, а также Белгородской и Московской областей и г. Москвы, представлен усредненный профиль жилищного фонда России в целом (полужирная линия); при этом компоненты благоустройства проранжированы в поряд

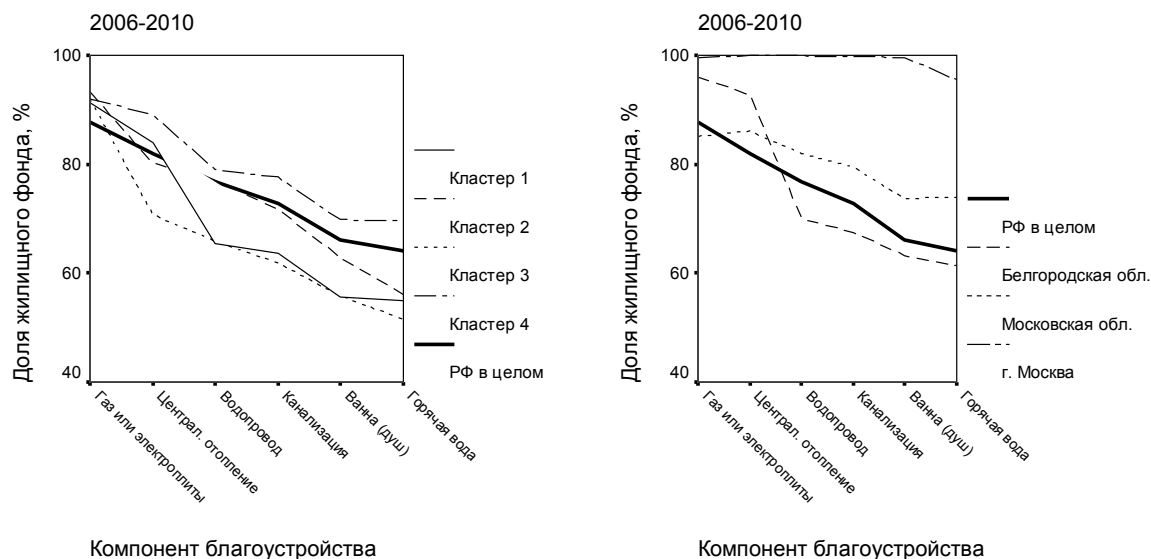

Рис. 8. Профили благоустройства кластеров регионов ЦФО.

ке уменьшения их долей в общем фонде РФ. Преимуществом такого представления является наглядность. Так, хорошо видно, что профиль регионов кластера 4 размещен выше профиля РФ в целом, а профиль регионов кластера 3 – ниже профиля РФ (за исключением компоненты «газ или электроплиты»). Два других профиля – регионов кластеров 1 и 2 – занимают промежуточное положение между профилями для РФ в целом и профилем регионов кластера 4.

Профиль для г. Москвы, как видно на диаграмме рис. 8 б, расположен вблизи 100%-ной отметки доли жилищного фонда, для Московской области – выше

профиля для РФ (опять-таки кроме компоненты «газ или электроплиты»). Профиль для Белгородской области проходит выше профиля для РФ в целом по компонентам «газ или электроплиты» и «центральное отопление», и ниже – по остальным компонентам благоустройства жилищного фонда.

Представленные в данном разделе данные отражают средний уровень благоустройства жилищного фонда регионов ЦФО; разработке комплексного индикатора уровня благоустройства жилья будут посвящены последующие публикации.

Библиографический список

1. Аганбегян А. Строительство жилья – локомотив социально-экономического развития страны // Вопросы экономики. 2012. № 5. С. 59-69.
2. Горшков Н.Г. Государственное регулирование рынка доступной жилой недвижимости (на примере Московской области). Автореф. дис. ... к-та экон. наук. – Нижний Новгород, 2012. 24 с.
3. Дуброва Т.А., Лозовская А.Н. Анализ динамики и прогнозирование развития жилищного строительства в Центральном федеральном округе // Экономика, статистика и информатика. Вестник УМО. 2012. №2. С. 113-119.
4. Колемаев В.А., Староверов О.В., Турундаевский В.Б. Теория вероятностей и математическая статистика: Учеб. пособие для экон. спец. вузов / Под ред. В.А. Колемаева. М.: Высш. шк., 1991. 400 с.
5. Лозовская А.Н. Статистический анализ развития жилищного строительства в Центральном федеральном округе. Автореф. дис. ... к-та экон. наук. М.: МЭСИ, 2012. 24 с.
6. Многомерный статистический анализ в экономике: Учеб. пособие для вузов / Л.А. Сошникова, В.Н. Тамашевич, Г. Уебе, М. Шефер. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. 598 с.
7. Олдендерфер М.С., Блэшифилд Р.К. Кластерный анализ // Факторный, дискриминантный и кластерный анализ. М.: Финансы и статистика, 1989. С. 139-215.
8. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2012. Стат. сб. / Росстат. М., 2012. 990 с.
9. Селютина Н.А. Региональные показатели обеспеченности населения жильем: статистический анализ // Вестник Московского экономического института. М.: ИИЦ МЭИ. 2011. Вып. 1. С. 58-70.
10. SPSS Base 8.0 для Windows. Руководство по применению. Перевод–Copyright 1998 СПСС Русь.

References

1. Aganbegian A. Construction of housing – the locomotive of economic and social development of the country // Problems of Economics. 2012. № 5. P 59-69.
2. Gorshkov N.G. State regulation of affordable residential properties (for example, Moscow region). Synopsis Dissertation ... PhD in Economics. – Nizhny Novgorod, 2012. 24 p.
3. Dubrova T.A., Lozovskaya A.N. Analysis of the dynamics and forecasting of housing construction in the Central Federal District // Economics, Statistics and Informatics. Bulletin of Association. 2012. No. 2. P. 113-119.
4. Kolemaev V.A., Staroverov, O.V., Turundaevsky V.B. Probability theory and mathematical statistics: Studies Guide for Economics Universities / Ed. V.A. Kolemaeva. Moscow: Publishing «High School», 1991. 400 p.

5. *Lozovskaya A.N.* Statistical Analysis of the Housing Development in the Central Federal District. Synopsis Dissertation ... PhD in Economics. Moscow, 2012.
6. *Multivariate Statistical Analysis in Economics: Studies manual for schools / L.A. Soshnikov, V.N. Tamashevich, G. Uebe, M. Schaefer.* Moscow: UNITY-DANA, 1999. 598 p.
7. *Oldenderfer M.S., Bleshfild R.K.* Cluster analysis // *The Factor, Discriminant and Cluster Analysis.* Moscow: Finance and Statistics, 1989. P. 139-215.
8. *Regions of Russia. Socio-economic Indicators.* 2012. Moscow: Rosstat, 2012. 990 p.
9. *Selyutina N.A.* Regional indicators of housing supply: a statistical analysis // *Bulletin of the Moscow Institute of Economics.* – Moscow: Publishing Center of MEI. 2011. Issue 1. P. 58-70.
10. *SPSS Base 8.0 for Windows. Guidance on the Application.* Translation-Copyright 1998 JCSS Russia. Moscow: Russia JCSS. 450 p.

УДК 330.341.4

UDC 330.341.4

Е.В. СИБИРСКАЯ

*доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой
товароведения, сервиса и торговой инфраструктуры
Орловского государственного университета
E-mail: e-sibirskaya@rambler.ru*

*Doctor of economics sciences, professor, department
of department of merchandizing, service and trade
infrastructure, Orel state university
E-mail: e-sibirskaya@rambler.ru*

О.А. СТРОЕВА

*доктор экономических наук, профессор кафедры
товароведения, сервиса и торговой инфраструктуры
Орловского государственного университета
E-mail: startseva-olesya@rambler.ru*

*Doctor of economics sciences, professor, of department of
merchandizing, service and trade infrastructure, Orel state
university
E-mail: startseva-olesya@rambler.ru*

С.Н. МАРТОВ

*кандидат экономических наук, доцент кафедры то-
вароведения, сервиса и торговой инфраструктуры
Орловского государственного университета
E-mail: sergej.martov@mail.ru*

*Candidate of economic sciences, associate professor,
of department of merchandizing, service and trade
infrastructure, Orel state university
E-mail: sergej.martov@mail.ru*

**АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МАЛЫХ ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ,
СОЗДАНЫХ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ***

**ANALYSIS OF ACTIVITY OF THE SMALL INNOVATIVE ENTERPRISES,
CREATED IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS**

*Проблема развития малого инновационного бизнеса в настоящее время является одной из наиболее вос-
требованных для России, что неоднократно отмечалось руководством страны и нашло отражение в приня-
тии в последние годы целого ряда федеральных и региональных нормативных документов и программ в целях
стимулирования создания и развития малого инновационного предпринимательства. Невысокая насыщен-
ность российской экономической науки примерами проведения практических и теоретических исследований
в области деятельности малых инновационных предприятий в образовательных учреждениях подтверждает
актуальность выбранной темы исследования, рассмотренной в статье.*

Ключевые слова: малое инновационное предприятие, образовательные учреждения, анализ хозяйственной
деятельности.

*The problem of development of small innovative business is now one of the most demanded for Russia that was
repeatedly noted by the country leaders and found reflection in acceptance in recent years a number of federal and
regional normative documents and programs for stimulation of creation and development of small innovative business.
The low saturation of the Russian economic science in sphere of activity of the small innovative enterprises in educational
institutions confirms with examples of carrying out practical and theoretical researches relevance of the chosen subject
of the research considered in article.*

Keywords: small innovative enterprise, educational institutions, analysis of economic activity.

* Статья подготовлена по результатам госзадания ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет» на 2009 - 2013 годы, регистра-
ционный номер 8.1445.2011

«Малый бизнес – это золотой фонд нации».

Джессика Пирс

11 февраля 2012 г. в ходе рабочей поездки в Томскую область президент России Д.А. Медведев призвал создавать больше малых предприятий при вузах. «Надо постараться довольно активно наращивать потенциал предприятий при университетах. Они не просто тиражируют уже созданные идеи, а создают новые. А это и есть та самая инновационная экономика. Так что мы тут сразу двух зайцев убиваем», – сказал президент [7].

Во всем мире получила признание модель научной организации, в которой центральное звено занимают университеты: они функционально обеспечивают связь науки, образования и инновационного бизнеса. Во многих странах мира университеты превратились в научно-технологические центры с громким именем, которые абсолютно автономны как в плане бюджета, так и в плане перспектив собственного развития. В России не так давно приступили к созданию аналогичной системы.

Возможность создания при вузах малых инновационных предприятий (МИП) предоставляет «Федеральный закон о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности», принятый в августе 2009 г.

Законом предусматривается наделение бюджетных научных и образовательных учреждений правом самостоятельно создавать хозяйственные общества, деятельность которых заключается в практическом применении, т.е. внедрении результатов интеллектуальной деятельности. При этом исключительные права на эти разработки принадлежат научным и образовательным учреждениям. Доходы от распоряжения акциями в уставных капиталах хозяйственных обществ и часть прибыли, полученные бюджетными научными и образовательными учреждениями, поступают в их самостоятельное распоряжение и направляются на правовую охрану результатов интеллектуальной деятельности, выплату вознаграждения их авторам и на уставную деятельность.

Для преодоления вышеотмеченных трудностей малым инновационным предприятиям необходима государственная поддержка, которая может осуществляться в следующих формах: создание площадок предпринимательских коммуникаций – бизнес-инкубаторов; создание инвестиционных институтов, которые готовы инвестировать инновационные предприятия на самых ранних этапах их развития; внесение поправок в законодательство, облегчающих деятельность МИП.

В инновационной сфере малые предприятия имеют значительные преимущества и способны активно развивать инновационную экономику страны, поэтому поддержка МИП является приоритетным направлением государственной политики. Эта политика носит стратегический характер и нацелена на осуществление технологического прорыва по перспективным направлениям научно-технической деятельности.

Одна из последних новаций связана с формированием уставного капитала создаваемых предприятий. По ФЗ-217, вузам разрешено передавать компаниям права на использование результатов интеллектуальной деятельности (РИД). Причём общий вклад университетов должен составлять не менее одной трети, то есть более 33,3 процента. Мало того, что у вузов часто возникали проблемы с тем, чтобы вписаться в эти рамки, так ещё и некоторые из них умудрялись передавать предприятиям права на несуществующие результаты интеллектуальной деятельности – на те, которые не стоят на балансе вуза. Можно прогнозировать, что в этом году ошибок будет ещё больше. Согласно вступившему в силу 1 января 2011 года ФЗ-83 (закону о бюджетных учреждениях), теперь учебные заведения могут вносить в уставной капитал не только права на РИД, но и деньги и оборудование [1,2].

В данном законе не определена структура вузовского вклада, то есть в каком процентном соотношении должны быть доли денег, оборудования и РИД [76]. Каждый вуз может решить это на своё усмотрение. Денежная сумма может быть неограниченной, но только из внебюджетных источников. Что касается оборудования, то вуз может распоряжаться только тем, которое относится к категории «не особо ценного движимого имущества» [8].

Все бюджетные учреждения в рамках реализации 83-ФЗ [2] должны составить списки особо ценного движимого имущества и не особо ценного, а также недвижимого имущества. Некоторые ведомства и министерства уже выпустили свои нормативные акты, поясняющие эту инициативу. В частности, один из ориентиров – к не особо ценному можно отнести имущество, стоимость которого не превышает 200–500 тысяч рублей, точную границу определяет министерство.

Проектирование уставного капитала – нетривиальная задача, если предприятие создаётся не для галочки, не для участия в конкурсе, а для реальной деятельности [8].

Нормативная база формируется, и уже с 1 июля 2012-го все учреждения обязаны жить по новым правилам. При проектировании уставного капитала и в целом организации деятельности инновационного предприятия нужно руководствоваться основными законами – ФЗ-217 и ФЗ-83 [1,2] нормативными актами к ним [3-6, 9, 13]. Чтобы заниматься инновационным бизнесом, требуется знание огромного количества документов.

По оценкам А. Колесникова, «ведение бизнеса намного сложнее, более интеллектуально ёмко, чем управление учебным процессом или научным. И это намного опаснее: ФЗ-83 приближает бюджетные учреждения к коммерческим организациям. И то, что раньше руководителю запрещалось, теперь ему вменяется в обязанность – зарабатывать деньги, используя закреплённые в законе права [8]».

За последние несколько лет, когда была создана основная масса предприятий, вузы активно участвовали в различных конкурсах на получение субвенций, грантов и т.д., не сформировав уставной капитал. Если

не заключён лицензионный договор, то уставной капитал в части вклада вуза не является сформированным.

«Те фонды и организации, которые профинансировали не сформированные до конца хозяйственные общества, по отношению к которым не был заключён лицензионный договор, по формальным признакам произвели нецелевое расходование бюджетных средств, – объясняет А. Колесников. – Конечно, задним числом можно всё восстановить, но при проверках за пять минут реально установить нарушение. Это вина двух сторон. Во-первых, фонд не проверил правомочность отнесения хозяйственного общества к ФЗ-217, то есть не воспользовался базой данных уведомлений о создании предприятий Минобрнауки, которую ведёт наш центр – Государственное учреждение «Центр исследований и статистики науки». А во-вторых, вуз заявил о создании предприятия, а на самом деле не довёл это до конца и решил получить дополнительное финансирование» [8].

Как быть с уставным капиталом тем хозяйственным обществам, которые создали до вступления в силу ФЗ-83? Этот вопрос решается на собрании учредителей, поясняет А. Колесников: если они считают, что структура капитала должна быть изменена, то есть дополнительно туда внесены денежные средства, оборудование и имущество, то оформляют перерегистрацию компании, утверждают новый устав и уведомляют об этом Минобрнауки [8].

Система льгот и преференций для предприятий, созданных вузами по ФЗ-217, становится широкой и разнообразной и включает специализированные льготы и льготы общего назначения, например, для малых предприятий. Ряд льгот получают и вузы при формировании своей инновационной инфраструктуры.

Количество типовых ошибок при создании предприятий по ФЗ-217 многообразно, и каждый день возникают новые несоответствия. По словам А. Колесникова, в 2010 году такие ошибки встречались у 10 процентов вузов. В итоге эти предприятия не могут считаться созданными по ФЗ-217 и не имеют возможности воспользоваться системой специализированных льгот, что уменьшает их конкурентные преимущества и снижает степень выживаемости при старте. Для устранения многочисленных ошибок, неясностей и вопросов создана система консультирования по электронной почте (fz217@mail.ru), телефону и скайпу, система конференций, семинаров, сформирован пул профессионалов, досконально разобравшихся в нюансах темы. Работа по ведению базы данных уведомлений о создании хозяйственных обществ проводится в Государственном учреждении «Центр исследований и статистики науки» [15] с публикацией на сайте центра, большое количество информации сконцентрировано на сайте www.fz217.ru. Начинается формирование региональных ассоциаций инновационных предприятий, созданных вузами по ФЗ-217.

Проводя анализ деятельности малых инновационных предприятий, созданных в образовательных учреждениях, можно говорить о том, что отчасти реальные

успехи их деятельности скромнее, чем планировалось. Вузам и МИП не оказывалось реальной методической и информационной поддержки, что приводило к большому количеству неточностей и ошибок в действиях учебных заведений. Наиболее популярные тематики у создаваемых МИП – это энергоэффективность и сфера ИТ.

Созданные предприятия можно разделить на три примерно равные части: треть работает, треть существует лишь на бумаге, треть находится в промежуточном состоянии.

Уставной капитал малого инновационного предприятия, соответствующего требованиям 217-ФЗ, может формироваться:

1. с 1 августа 2009 года – за счёт права на использование интеллектуальной собственности вуза.
2. с 1 января 2011 года – дополнительно за счёт денежных средств.
3. с 1 марта 2011 года можно также вносить оборудование и имущество.

С начала 2011 года вузы и НИИ получили реальную возможность иметь нормальные капитализированные предприятия, после вступления в силу 83-ФЗ, позволившего всем бюджетным учреждениям создавать коммерческие предприятия в уведомительном, а не разрешительном порядке. До этого можно было создавать хозяйственные общества (ООО, АО) по 217-ФЗ в целях коммерциализации интеллектуальной собственности только вузам и НИИ. Вносить в уставный капитал денежные средства и имущество разрешил 83-ФЗ – как для компаний, созданных по 217-ФЗ, так и для компаний и некоммерческих организаций, созданных по самому 83-ФЗ. Ранее это было возможно только при наличии разрешения правительства России, иначе запрещал Бюджетный кодекс.

В результате сейчас сложилась следующая ситуация: по 217-ФЗ вуз имеет право учредить компанию, где его минимальная доля в уставном капитале – треть (33,4 процента). Эта треть может делиться в любой пропорции между правом на использование интеллектуальной собственности, денежными средствами и оборудованием. Но оборудование должно быть не особо ценным (для вузов Минобрнауки России стоимостью до 500 тысяч рублей).

При этом требование 33,4 процента актуально, только если учредители хотят, чтобы их предприятие было зарегистрировано как соответствующее требованиям 217-ФЗ и получило налоговые льготы. В первую очередь это сниженная с 34 до 14 процентов ставка страховых взносов, введённая 272-ФЗ от 16.10.2010, что очень привлекательно для МИП, использующих упрощённую систему налогообложения по 310-ФЗ от 27.11.2010.

В принципе, согласно 83-ФЗ, доля вуза в уставном капитале может быть и меньше трети, а право на использование интеллектуальной собственности вуз может не передавать, но тогда на специальные налоговые льготы для инновационных МИП можно не рассчитывать.

С 1 марта 2011 г. МИП могут арендовать помещения у вуза или НИИ вне конкурса по обычной цене,

определённой независимым оценщиком, а с августа 2011 г. появилось постановление правительства России, которое позволило МИП платить гораздо меньше: 40 процентов от базовой цены в первый год, 60 – во второй и 80 – в третий.

Но есть ещё одна важная «льгота», появившаяся в 2011 году в результате изменения 94–ФЗ о госзакупках. Теперь закупка любыми бюджетными организациями НИОКР может осуществляться путём проведения конкурса с одним участником.

Вуз может объявить конкурс на проведение НИОКР, а малые предприятия могут его выиграть. Допустим, вуз получает большой бюджетный грант и отдаёт часть работ малому инновационному предприятию на аутсорсинг. Обычно в лотах Минобрнауки России на аутсорсинг можно направить до 40 процентов стоимости госконтракта.

Очень сложно просчитать реальное количество МИП, соответствующих 217–ФЗ, т.к. первая мелкая ошибка: не соблюдены 33,4 процента. Многие вузы не справились с делением сотни на три, и их доля составляла 33, 30, 29 процентов. Вторая ошибка: вуз вносит в уставной капитал право использования интеллектуальной собственности, которая ему не принадлежит. Она или принадлежит другому физическому или юридическому лицу, или перешла в общенародное достояние, так как вуз три года не оплачивал пошлину за поддержание патента. Некоторые вузы считают, что если патент принадлежит сотруднику вуза, то он принадлежит и вузу. Фактически так и должно быть, ведь по нашим законам исключительные права на интеллектуальную собственность принадлежат организации, проводившей исследования, предоставившей средства и инфраструктуру для её создания, но по каким-то причинам не оформившей свои исключительные права на неё.

Но в 90-е годы многие сотрудники начали регистрировать права на изобретения, полезные модели, промышленные образцы на себя лично. Вузам тогда было всё равно, потому что учёта РИД и конкуренции вузов по количеству патентов и прочих свидетельств не было. Более того, если вуз продавал права на использование интеллектуальной собственности, деньги уходили в доход государству. Полностью эта проблема не решена до сих пор. Особенно тяжёлая ситуация с интеллектуальной собственностью сложилась в НИИ.

Согласно 217–ФЗ и 272–ФЗ, вуз/НИИ должен войти в состав учредителей компании с самого начала её существования. У предприятия можно сменить почти всё – директора, юридический адрес и т.д. Но нельзя изменить ИНН и дату его регистрации. Поэтому льготный режим социальных отчислений и льготная аренда ранее существующим компаниям недоступны.

Как правило, некоторые инвесторы и на 33,4 процента для вуза не согласны. Их можно понять, у них свои представления о рисках, тем более что вкладывают они не бумаги об интеллектуальной собственности, которые вуз может и отозвать, а реальные деньги.

Сейчас для компаний при вузах, не имеющих внешних инвесторов, но реально нацеленных на работу, есть

хорошая возможность участвовать в программе «Старт Фонда Бортника». В 2011 и 2012 гг. по этой программе компании, созданные по 217–ФЗ, выигрывали в 3,5 раза чаще, чем остальные [129].

Некоторые вузы сообщают, что создали множество предприятий в рамках этих инфраструктурных программ, причём очень часто замешивают туда и те предприятия, которые были созданы сотрудниками, и те, которые были созданы до 2009 года, и те, что они создают только в этом году.

Получилось так, что в министерстве за реализацию постановления правительства № 219 по инновационной инфраструктуре и 217–ФЗ по МИП отвечают разные подразделения. Отсюда и некоторая несогласованность. Часто возникает такая ситуация: у нас в базе данных по вузу пять уведомлений о создании МИП, а вуз сообщает в отчётности по созданию инновационной инфраструктуры, что у него 10 компаний. Получается, ещё пять они включили в соответствии со своим видением и критериями.

Постановление № 219 прямо требует от вузов создания МИП. При этом у 10 вузов из 56, выигравших лоты на инновационную инфраструктуру, никаких предприятий пока и вовсе нет. Они их создание откладывают на последующие годы реализации программ.

Ещё одна, наверное, не менее важная проблема – это невозможность отслеживать оборотные показатели, т.к. это коммерческая тайна, и поэтому в госпрограммах фигурирует показатель «количество предприятий». Доступны лишь сведения о числе студентов, аспирантов и сотрудников, работающих в МИП. Причём вузы массово искажают эти показатели в сторону увеличения, так как чётко они не определены. Скажем, если 100 сотрудников работают в МИП целый год на четверть ставки, стоит указывать 25 приведённых сотрудников, а можно написать и 100, так как было 100 договоров. А если считать число вовлечённых по кратким трудовым договорам, получаются совсем красивые цифры, и проверить их непросто.

На деле стоит опираться лишь на приведённую штатную численность по данным Фонда социального страхования. Ещё хороший показатель неактивности предприятий – число МИП, сдающих нулевой или ничтожно малый баланс, менее 1000 рублей за налоговый период.

По экспертной оценке, если из статистики убрать те МИП, которые созданы лишь на бумаге, то их останется треть. Треть вообще не работает, ещё треть – «на стадии выживания с самого начала их деятельности». Это, например, компании, создатели которых предполагали, что их родной вуз, в котором они проработали всю жизнь, будет также и их инвестором. Чаще всего это не так. Подобные предприятия и их интеллектуальная собственность чаще всего не интересны никаким фондам, институтам развития, которым нужен уже прототип или опытное производство. Когда грамотный инвестор начинает смотреть уставные документы большинства МИП, он и там видит существенные упущения [12].

В сложившейся ситуации необходимо развивать

службы коммерциализации, патентные отделы при вузах, во-вторых, строить систему государственного посевного финансирования университетских компаний, специализированных венчурных фондов для таких компаний. К этой системе все успешные страны – США, Израиль, Финляндия – шли не один десяток лет.

На сегодняшний день, статистика такова, что большинство компаний создано за счёт средств вуза и сотрудников. При этом, если нет мощного внешнего инвестора, заинтересованного в коммерциализации и результате, и долгих десятилетий успешной практической работы вуза, выживаемость близка к нулевой. Вуз здесь – не ключевой инвестор, а скорее вынужденный.

По статистическим данным 50 % всей интеллектуальной собственности, которую вносят в уставный капитал, – это патенты. Остальное почти поровну делится между программами и базами данных ЭВМ, с одной стороны, и ноу-хау – с другой. Причём популярность ноу-хау удивительна, потому что, как правило, этот тип интеллектуальной собственности сопровождается в пакете патент, а использование в формировании уставного капитала отдельно ноу-хау сопряжено с рядом существенных рисков. Вузы выбирают ноу-хау из-за преимуществ в скорости оформления документов, но в этом случае можно использовать программы для ЭВМ или БД для ЭВМ.

На сегодняшний день есть вузы, которые наиболее успешны в выращивании жизнеспособных компаний по 217-ФЗ. Прежде всего, это инженерно-технические университеты, сохранившие потенциал с советских времён. Например, у МИТХТ им. Ломоносова – небольшого профильного вуза – патентная активность в расчёте на одного сотрудника в несколько раз выше, чем у МГУ им. Ломоносова. Такие вузы необязательно расположены в Москве. Отличные показатели у ТУСУР и у ряда технических вузов, но рассматривать инновационную активность вузов надо по удельным показателям, а не по абсолютным. Вот у таких компактных инженерных вузов очень хороший потенциал коммерциализации именно по 217-ФЗ. Крупные многопрофильные университеты он интересует гораздо слабее.

Почти все крупные вузы поглощены деятельностью по реализации крупных проектов в соответствии с постановлениями правительства №№ 218, 219, 220 по кооперации с бизнесом, по развитию инфраструктуры, по привлечению ведущих учёных и по крупным министерским лотам в рамках федеральных целевых программ [3-6]. У них нет экономического резона создавать себе «инновационный пояс». Существенное увеличение объёма финансирования не соответствовало развитию системы закупок, научной и инновационной систем вузов.

В ходе анализа деятельности малых инновационных предприятий, созданных в образовательных учреждениях, нами использовались статистические данные, представленные ГУ «Центр исследований и статистики науки» [15]. На сайте данной организации представлен список научных и образовательных учреждений, создавших хозяйственные общества.

Рассмотрев данные научные и образовательные

учреждения, мы решили более подробно исследовать организации Орловской и Воронежской областей.

На основании данных, представленных в таблицах Приложения 4, можно сделать вывод о том, что из всех вузов Орловской области только 3 вуза регистрировали малые инновационные предприятия, такие как:

– Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Орловский государственный аграрный университет»;

– Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации Орловский филиал Орловский филиал»;

– Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Государственный университет – учебно-научно-производственный комплекс».

– В Воронежской области 5 вузов регистрировали малые инновационные предприятия, такие как:

– Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Воронежская государственная лесотехническая академия»;

– Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Воронежский государственный архитектурно-строительный университет»;

– Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Воронежский государственный технический университет»;

– Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Воронежский государственный университет»;

– Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Воронежский государственный университет инженерных технологий».

В таблице 4 представлены обобщенные сведения о создании малых инновационных предприятий на примере данных регионов.

Таблица 4.

Анализ деятельности малых инновационных предприятий, созданных в образовательных учреждениях, на примере Орловской и Воронежской областей

Название региона	Количество вузов	Количество хозяйственных обществ	Вид инновационного продукта
Орловская область	3	12	10 изобретений 4 программы для ЭВМ
Воронежская область	5	42	22 ноу-хау 14 изобретений 4 программы для ЭВМ

После проведенного анализа нами разработана анкета по исследованию деятельности данных малых инновационных предприятий. Анкета была разослана почтовым письмом по указанным адресам всех 56 хозяйственных обществ. Одним из условий анкетирования является анонимность исследования, поэтому при анализе и в самих анкетах нет принадлежности к какому-либо малому инновационному предприятию.

По результатам опроса для обработки данных от опрашиваемых малых инновационных предприятий были получены 24 заполненные анкеты. На основании полученных данных можно говорить о том, что в основном все малые инновационные предприятия занимаются исследованиями и разработками инноваций, и лишь 7 из 24 опрошенных – продажей инновационной продукции.

На вопрос: «Какие основные проблемы возникали у Вашей компании при приобретении или защите используемых Вами разработок?» все ответили, что это оценка и передача прав на интеллектуальную собственность.

Также не менее, как нам кажется, интересным является ответ на вопрос №9: «Какой информации Вам не хватает больше всего в Вашей работе?». Все респонденты отметили, что им не хватает 9 из перечисленных подпунктов в вопросе, например: информации о формах государственной поддержки компании; о способах поиска и привлечения специалистов для осуществления инновационной деятельности; о законодательном

регулировании инновационной сферы и др.

Таким образом, на основании проведенного исследования в виде анкетирования руководителей малых инновационных предприятий можем сделать вывод о том, что практически все эти хозяйственные организации с момента основания имеют одни и те же проблемы, связанные с их непосредственной деятельностью. Диссертант же может предположить, что создание единого координационного центра по малому инновационному бизнесу поможет решить все существующие на сегодняшний день проблемы и ответить на все вопросы.

Кроме того, мощное реальное развитие научно-инновационной деятельности в вузе означает изменение структуры власти внутри него – от «образовательного» направления к «научному и инновационному». Так за последние полгода во многих вузах появилась должность проректора по инновационной деятельности. Эта проблема инновационных изменений в ближайшие годы будет становиться всё острее по мере трансформации структуры доходов вузов.

Таким образом, государство и рынок, вузы и НИИ должны содействовать расширению деятельности инновационного сектора экономики, обеспечить проведение эффективной национальной промышленной политики, стимулировать инновационную активность малых производственных предприятий, что, в свою очередь, будет способствовать инновационному прогрессу общества в целом.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 02.08.2009 № 217-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online>.
2. Федеральный закон от 08.05.2010 № 83-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2010/05/12/pravovoe-izmenenie-dok.html>
3. Постановление Правительства России от 9 апреля 2010 г. № 219 «О государственной поддержке развития инновационной инфраструктуры в федеральных образовательных учреждениях высшего профессионального образования» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [правительство.prf.gov/results/10233](http://www.prf.gov/results/10233)
4. Постановление Правительства России от 9 апреля 2010 г. № 218 «О мерах государственной поддержки развития кооперации российских высших учебных заведений и организаций, реализующих комплексные проекты по созданию высокотехнологичного производства» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.p218.ru/catalog>.
5. Постановление Правительства России от 9 апреля 2010 г. № 220 «О мерах по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [правительство.prf.gov/results/10233](http://www.prf.gov/results/10233)
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 12 октября 2012 года №1040 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 9 апреля 2010 г. № 218» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.p218.ru/catalog.aspx?CatalogId=728>
7. Малые инновационные предприятия при вузах. Мнения экспертов [Электронный ресурс] // Сайт программы «Эврика». – Режим доступа: http://www.eureca-usrf.org/news/news/detail.php?element_id=4643
8. Наука и технологии РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strf.ru/material>.
9. Основы политики Российской Федерации в области развития науки и технологий на период до 2010 года и дальнейшую перспективу» (утверждены Президентом Российской Федерации 30.03.2002 г. № Пр-576) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bestpravo.ru/federalnoje/hj-normy/clr.htm>
10. Сибирская Е.В. Разработка инфраструктуры для поддержки предприятий малого бизнеса / Е.В. Сибирская, О.А. Строева, Е.В. Петрухина // Ученые записки Орловского государственного университета Сер.: Гуманитарные и социальные науки. № 3. 2012. С. 17-26
11. Строева О.А. Роль и функции бизнес-инкубатора в развитии бизнеса в современном обществе / Е.В. Сибирская, О.А. Строева // Ученые записки Орловского государственного университета Сер.: Гуманитарные и социальные науки. № 3. 2012. С. 27-36
12. Стерлигов И. Треть малых предприятий при вузах существует лишь на бумаге [Электронный ресурс] / И. Стерлигов. –

Режим доступа: <http://www.strf.ru/material>.

13. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70006124/#72>

14. Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fasie.ru/>

15. Центр исследований и статистики науки [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.csrs.ru/reestr/default.asp>

References

1. The federal law of 02.08.2009 No. 217-FZ «About modification of separate acts of the Russian Federation concerning creation by the budgetary scientific and educational institutions of economic societies for practical application (introduction) of results of intellectual activity» [An electronic resource]. – Access mode: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=90201>

2. The federal law of 08.05.2010 No. 83-FZ «About entering of changes into separate acts of the Russian Federation in connection with improvement of a legal status of the public (municipal) institutions» [An electronic resource]. – Access mode: <http://www.rg.ru/2010/05/12/pravovoe-izmenenie-dok.html>

3. The resolution of the government of Russia of April 9, 2010 No. 219 «About the state support of development of innovative infrastructure in federal educational institutions of higher education» [An electronic resource]. – Access mode: pravitelst-vo.rf/gov/results/10233

4. The resolution of the government of Russia of April 9, 2010 No. 218 «About measures of the state support of development of cooperation of the Russian higher educational institutions and the organizations realizing complex projects on creation of hi-tech production» [An electronic resource]. – Access mode: <http://www.p218.ru/catalog>.

5. The resolution of the government of Russia of April 9, 2010 No. 220 «About measures for involvement of leading scientists in the Russian educational institutions of higher education» [An electronic resource]. – Access mode: pravitelstvo.rf/gov/results/10233

6. The resolution of the government of the Russian Federation of October 12, 2012 No. 1040 «About modification of the resolution of the government of the Russian Federation of April 9, 2010 No. 218» [An electronic resource]. – Access mode: <http://www.p218.ru/catalog>.

7. The small innovative enterprises at higher education institutions. Opinions of experts [Electronic resource]//Eureka program Site. – Access mode: http://www.eureca-usrf.org/news/news/detail.php?element_id=4643

8. Science and Russian Federation technologies [An electronic resource]. – Access mode: <http://www.strf.ru/material>.

9. Bases of policy of the Russian Federation in the field of development of science and technologies for the period till 2010 and further prospect» (are approved as the President of the Russian Federation of 30.03.2002 No. Pr-576) [An electronic resource]. – Access mode: <http://www.bestpravo.ru/federalnoje/hj-normy/clr.htm>

10. Siberskaya, E.V. Razrabotka of infrastructure for support of small business enterprises of [Text] / E.V. Siberskaya, O.A. Stroeve, E.V. Petrukhina // Scientific notes of the Oryol state university of Sulfurs. : Humanitarian and social sciences. No. 3. – 2012. – Page 17-26

11. Stroeve, O.A. Rol and business incubator function in business development in modern society [Text] / E.V. Siberskaya, O.A.Stroeve // Scientific notes of the Oryol state university of Sulfurs. : Humanitarian and social sciences. No. 3. – 2012. – Page 27-36

12. Sterligov, I.Tret of small enterprises at higher education institutions exists only on paper [An electronic resource] / I.Sterligov. – Access mode: <http://www.strf.ru/material>.

13. Strategy of innovative development of the Russian Federation for the period till 2020 (утв. the order of the Government of the Russian Federation of December 8, 2011 No. 2227-r) [Elektrony a resource]. – Access mode: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70006124/#72>

14. Fund of assistance to development of small forms of the enterprises in the scientific and technical sphere [An electronic resource]. – Access mode: <http://www.fasie.ru/>

15. Center of researches and statistics of science [Electronic resource] / access Mode: <http://www.csrs.ru/reestr/default.asp>.

УДК 330.342.146

UDC 330.342.146

Н.Н. СОКОЛОВА

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента Орловского государственного института экономики и торговли
E-mail: persik101@rambler.ru

Н.В. ЗАХАРКИНА

кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента Орловского государственного института экономики и торговли
E-mail: natashazaharkina@mail.ru

N.N. SOKOLOVA

candidate of economic sciences, associate professor of department of management, Orel State Institute of Economy and Trade
E-mail: persik101@rambler.ru

N.V. ZAKHARKINA

candidate of economic sciences, associate professor of department of management, Orel State Institute of Economy and Trade
E-mail: natashazaharkina@mail.ru

РАЗРАБОТКА СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДИКИ ПОСТРОЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРОГРАММЫ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

DEVELOPMENT OF THE MODERN TECHNIQUE OF CREATION OF THE INVESTMENT PROGRAM OF THE INDUSTRIAL ENTERPRISE

В настоящее время сформировалась потребность в осуществлении такого управления промышленными предприятиями, которое обеспечивало бы их эффективную адаптацию к быстро меняющейся окружающей среде. В силу высокой степени нестабильности среды процесс управления, основанный на предсказании будущего путем экстраполяции исторически сложившихся тенденций, уступает приоритету стратегического управления, основной функцией которого является разработка стратегии, в частности инвестиционной ее составляющей.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционная стратегия, инвестиционный проект, эффективность.

Now the need for implementation of such management by the industrial enterprises which would provide their effective adaptation to quickly changing environment was created. Owing to high degree of instability of the environment the management process based on a prediction of the future by extrapolation of historically developed tendencies, concedes to a priority of the strategic management which main function is development of strategy, in particular its investment component.

Keywords: investments, investment strategy, investment project, efficiency.

Многообразие и возрастающая сложность рыночных условий, интенсивность и динамизм хозяйственных процессов требуют от промышленных предприятий максимального использования всех возможностей и резервов.

Производственно-хозяйственная деятельность любого предприятия в той или иной степени обязательно связана с инвестиционной деятельностью. Необходимым условием структурной перестройки и экономического роста являются наращивание объема и повышение эффективности инвестиций в создание новых и развитие, совершенствование действующих основных фондов и производств, в материальные и нематериальные активы.

Характерные до последнего времени спад промышленного производства, финансовая недееспособность большинства промышленных предприятий не позволяли осуществлять процесс даже простого воспроизводства. Одним из основных направлений адаптации промышленных предприятий к изменяющимся условиям ведения производства является реструктуризация их производственных систем. При этом выход на опти-

мальные параметры функционирования невозможен без инвестиций, обеспечивающих необходимые структурные изменения.

В этой связи особую остроту и актуальность приобретает проблема обоснования приоритетных направлений инвестиций и их объемов в зависимости от источников инвестиций и эффективности отдельных инвестиционных проектов. Многие вопросы, в частности связанные с созданием необходимых условий для инвестиций в промышленный сектор и обоснованием механизма инвестиционного обеспечения приоритетных направлений оптимального развития промышленности, являются малоизученными и актуальными.

Как и любой другой процесс, подчиненный достижению определенной цели, инвестиционный процесс нуждается в управлении. Для этого инвестиционный процесс предприятия строится на основе инвестиционной стратегии, разрабатываемой с использованием различных финансово-экономических методов, которые в совокупности составляют научно-финансовую методологию формирования инвестиционной стратегии предприятия.

Научно-финансовая методология представляет собой систему общих правил (принципов), а также специальных приемов и методов экономического исследования. Они составляют теоретическую базу теории финансов. То есть, исследование инвестиционной стратегии предприятия необходимо проводить только в соответствии с главными целями функционирования предприятия.

В системе обеспечения эффективного функционирования предприятия инвестиционная стратегия играет большую роль. Среди основных функций инвестиционной стратегии следует выделить:

- главный источник формирования производственного потенциала;
- основной механизм реализации стратегических целей экономического развития;
- главный механизм оптимизации структуры активов;
- основной фактор формирования долгосрочной структуры капитала;
- важнейшее условие обеспечения роста рыночной стоимости компании;
- основной механизм обеспечения простого и расширенного воспроизводства основных средств и материальных активов;
- главный инструмент реализации инновационной политики;
- один из действенных механизмов решения задач социального развития персонала.

Таким образом, разработка и реализация инвестиционной стратегии является важнейшим условием решения практически всех стратегических и значительной части текущих задач развития и обеспечения эффективной деятельности предприятия.

Главная цель инвестиционной стратегии предприятия заключается в формировании инвестиционного портфеля, который представляет собой диверсифицированную совокупность вложений в различные виды активов.

На этапе формирования инвестиционного плана промышленного предприятия, прежде всего, необходимо получить информацию о реальных возможностях хозяйствующего субъекта по привлечению кредитных ресурсов и провести оценку привлекательности их использования в качестве заемного источника финансирования инвестиций.

В настоящее время на предприятиях применяется методика оценки стоимости кредитных ресурсов при помощи процентной ставки по кредитному договору или чистой инвестиционной прибыли [2].

По мнению авторов, использование процентной ставки для оценки стоимости обслуживания заемных средств невозможно для промышленных предприятий в силу следующих причин.

1. Процентная ставка не позволяет проводить сравнение всех возможных заемных инструментов. Так, например, на основании данного показателя невозможно провести сравнение относительной привлекательности банковского кредита и финансовой аренды (лизинга).

2. Процентная ставка не позволяет учесть все

факторы, оказывающие влияние на стоимость обслуживания привлекаемых заемных средств. Так, например, договор банковского кредита может предусматривать собой обязательное страхование предмета залога, что влечет за собой увеличение расходов предприятия на привлечение кредитных средств и не отражается в величине процентной ставки по договору.

3. Процентная ставка не позволяет учесть риски, связанные с привлечением тех или иных заемных инструментов. Так, например, проводя анализ относительной привлекательности привлечения банковского кредита в валюте РФ и любой другой страны, сложно отразить в величине процентной ставки риск изменения обменного курса.

4. Процентная ставка не позволяет отразить финансовую политику предприятия. Так, например, относительная привлекательность того или иного заемного инструмента может зависеть от сроков полезного использования приобретаемого оборудования, принятых на предприятии в целях налогообложения.

Используя для оценки показатель чистой инвестиционной прибыли, выбор оптимальных вариантов заемных средств должен осуществляться путем расчета рассматриваемого показателя для каждого варианта привлечения заемных средств и последующего выбора наибольшего. При каком из вариантов привлечения заемных средств чистая инвестиционная прибыль окажется больше, тот кредитный инструмент и является оптимальным для использования при финансировании рассматриваемого инвестиционного проекта.

Таким образом, для проведения оценки привлекательности привлечения того или иного источника заемных средств для финансирования инвестиционной деятельности промышленных предприятий необходимо использовать показатель, который можно применять для выбора наиболее эффективного варианта кредитных ресурсов при финансировании конкретного инвестиционного проекта, разработанный на основе процентной ставки и позволяющий: проводить сравнение всех возможных заемных инструментов; учитывать факторы, оказывающие влияние на стоимость обслуживания привлеченных кредитных ресурсов; учитывать риски, связанные с привлечением тех или иных заемных инструментов.

Для построения такого показателя рассмотрим и проанализируем ряд факторов, влияющих на инвестиционную деятельность промышленного предприятия.

Достоверная экономическая оценка стоимости обслуживания того или иного источника заемных средств для финансирования реализации проекта может быть осуществлена лишь в сравнении с другими вариантами заемных средств. Разница в стоимости обслуживания двух альтернативных видов заемных средств при равенстве номинальных процентных ставок обусловлена существованием ряда факторов, оказывающих влияние на стоимость обслуживания заемных средств, помимо процентной ставки по кредитному договору.

Проведенный анализ видов заемных средств, наиболее часто применяемых предприятиями в инвести-

ционной деятельности, а именно банковский кредит, финансовая аренда, товарный кредит, облигационный займ, позволили выявить основные типы факторов, оказывающих влияние на стоимость обслуживания заемных средств, и классифицировать их по группам: договорные, налоговые, рискованные.

Для проведения оценки стоимости привлечения того или иного источника заемных средств для финансирования инвестиционной деятельности промышленных предприятий введем показатель – реальная процентная ставка. Реальная процентная ставка – это показатель стоимости кредитных ресурсов, привлекаемых предприятием для финансирования инвестиционной деятельности, с учетом факторов, оказывающих влияние на стоимость обслуживания заемных средств.

Использование реальной процентной ставки для оценки стоимости обслуживания кредитных ресурсов позволяет проводить сравнение между альтернативными вариантами заемных средств, так как не зависит от суммы предполагаемого финансирования и включает в себя факторы, оказывающие влияние на стоимость обслуживания заемных средств помимо процентной ставки по кредитному договору.

Правильность расчета показателя реальной процентной ставки зависит от правильности определения и классификации факторов, оказывающих влияние на стоимость обслуживания заемных средств. При проведении анализа варианта привлечения заемных средств на предмет присутствия таких факторов следует проводить его сравнение с вариантом привлечения беспроцентного займа, платежи по которому выражены в рублях и не облагаются никакими налогами, руководствуясь следующими принципами:

1. Учет полной стоимости владения. Этот принцип подразумевает рассмотрение не только величины кредитных ресурсов, но и будущих операционных расходов, возникших в результате привлечения заимствования

2. Анализ выгод и затрат. При таких способах финансирования, как финансовая аренда или товарный кредит, организации, предоставляющие заемные средства, не раскрывают сумму своего вознаграждения в заключаемом договоре. Эффективную процентную ставку в таком случае можно определить, решив следующее уравнение:

$$\sum_{i=1}^n \frac{Pl_i}{(1+r_{ef})^i} = CO, \quad (1)$$

где r_{ef} – эффективная процентная ставка;

CO – стоимость приобретаемого оборудования, имущества;

Pl_i – платежи по предполагаемому договору заимствования.

3. Анализ альтернативных вариантов. Проводя анализ варианта привлечения заемных средств на предмет присутствия факторов, оказывающих влияние на стоимость их обслуживания, предприятию необходимо постоянно его сопоставлять с вариантом привлечения

беспроцентного займа, любые отличия классифицируются как факторы, оказывающие влияние на стоимость обслуживания. Для расчета значения реальной процентной ставки предлагается использовать формулу:

$$PIC = (1+r_{ef})(1+r_r)(1+r_i) + r_a + r_n - 1, \quad (2)$$

где r_{ef} – эффективная ставка процента по кредитному договору;

Эффективная ставка процента по кредитному договору r_{ef} есть годовая ставка сложных процентов, дающая то же соотношение между первоначальной и будущей суммой [6].

r_r – риск ставки процента;

Риск ставки процента выражает вероятность изменения ставки процента с учетом факторов, оказывающих влияние на стоимость обслуживания заемных средств, в процентном исчислении и подразделяется на следующие виды.

1. Ценовой риск ставки процента, проявляется в случае применения в кредитном договоре фиксированной ставки процента.

2. Риск ставки процента денежного потока, проявляется в случае применения в кредитном договоре плавающей ставки процента.

3. Валютный риск ставки процента, проявляется в случае применения в кредитном договоре валюты платежа другой страны.

r_i – уровень издержек ликвидности;

Кредитный договор может содержать дополнительные условия по сроку согласования дополнительного платежа, не предусмотренного графиком договора. В таком случае предприятие несет издержки ликвидности, выражающиеся в неиспользовании полученных кредитных ресурсов в течение срока согласования дополнительного платежа. Введем следующую формулу для расчета издержек ликвидности:

$$r_i = \frac{k}{360} r_d, \quad (3)$$

где k – срок, установленный договором на согласование дополнительного платежа;

r_d – уровень издержек дополнительных доходов и расходов;

Издержки дополнительных доходов и расходов выражаются в существовании дополнительных доходов и расходов при осуществлении кредитного договора:

$$r_d = \frac{R - D}{CK}, \quad (4)$$

где R – сумма дополнительных расходов, связанных с осуществлением кредитного договора;

D – сумма дополнительных доходов, связанных с осуществлением кредитного договора;

CK – сумма заемных средств, предоставленных по кредитному договору в распоряжение предприятия. При расчете следует иметь в виду, что реальная ставка процента, как и эффективная, выражена в годовых, поэтому в случае если срок кредитного договора больше или меньше 1 года, сумму дополнительных доходов и расходов следует приводить к среднегодовым значениям.

r_n – уровень издержек возмещаемых налогов.

Издержки возмещаемых налогов появляются при обложении кредитных операций предприятия налогом на добавленную стоимость. Существование указанных издержек обусловлено тем, что суммы НДС, уплаченные предприятием по кредитному договору, на время расчетного периода, установленного налоговым законодательством, фактически выпадают из оборотного капитала компании. Введем следующую формулу для расчета издержек возмещаемых налогов:

$$r_n = \frac{n}{12} \text{НДС} \times \text{СТ}, \quad (5)$$

где n – расчетный (налоговый) период для НДС, устанавливается согласно статье 163 НК РФ;

СТ – стоимость овердрафтного финансирования, привлекаемого предприятием для покрытия образовавшегося недостатка оборотного капитала предприятия.

Таким образом, на втором этапе оценки стоимости привлекаемых инвестиционных ресурсов предприятию необходимо произвести оценку влияния на стоимость обслуживания варианта заемных средств каждого из выявленных на первом этапе факторов, руководствуясь предложенными формулами 3-5.

На третьем этапе оценки стоимости привлекаемых инвестиционных ресурсов предприятию необходимо осуществить расчет результирующего показателя, реальной процентной ставки, руководствуясь формулой 2.

Таким образом, оценка стоимости обслуживания кредитных ресурсов при использовании их в качестве заемного источника финансирования инвестиций предприятия является важным этапом в инвестиционном процессе предприятия. Тем не менее, оценка стоимости обслуживания заемных средств является недостаточной для принятия решения об их привлечении в целях финансирования инвестиционной деятельности. Каждый из вариантов заемных средств имеет еще несколько параметров кроме оценки стоимости обслуживания заемных средств, при учете которых предприятие принимает решение о привлечении того или иного варианта заемных средств.

Таким образом, принятие решения о привлечении зависит от многих факторов, среди которых.

1. Состав и стоимость уже имеющихся заимствований. Каждое предприятие при осуществлении финансовой деятельности ориентируется на целевое значение соотношения заемного и собственного капитала.

2. Операционная привлекательность инвестиционного проекта. Планируемая прибыль по инвестиционному проекту должна превышать стоимость привлекаемых кредитных ресурсов.

3. Оценка привлекательности кредитных ресурсов при использовании их в качестве заемного источника финансирования конкретного инвестиционного проекта.

Итак, методика составления инвестиционной программы должна представлять собой систему уравнений, состоящую из целевой функции экономического эффекта от реализации инвестиционного проекта с уче-

том привлечения заемных средств, стремящейся к максимуму, и набора ограничений, в частности, по общей сумме привлекаемого финансирования и по операционной привлекательности проекта.

Фактически в условиях «реальных рынков» у каждого предприятия существует определенное значение соотношения заемного и собственного капитала, при достижении которого стоимость предприятия будет падать при привлечении новых заимствований. Данный факт обусловлен существованием агентских и банковских издержек.

Агентские издержки характеризуют финансовый риск предприятия, связанный с обслуживанием уже имеющихся заимствований. Наиболее распространен анализ агентских издержек на основе расчета эффекта финансового рычага [5]. Предприятие, использующее кредит, увеличивает или уменьшает рентабельность собственных средств, в зависимости от соотношения собственных и заемных средств и от величины платы за кредит. Учитывая необходимость сохранения положительного действия финансового рычага на рентабельность собственных средств, а также прогнозные значения по экономической рентабельности используемых активов и расходам на выплату процентов, предприятие определяет приемлемый для себя уровень заемных средств.

Банковские издержки характеризуют склонность банков и других финансовых организаций увеличивать стоимость предоставляемого предприятию финансирования при определенном объеме уже имеющих заимствований, стремясь компенсировать возможный риск невозврата заемных средств. Величина банковских издержек зависит от состояния долгового рынка в стране, специфики отрасли кредитуемого предприятия. Величина общей суммы финансирования (3), возможного к привлечению предприятием, определяется экспертным путем на основе анализа агентских и банковских издержек предприятия. Уравнение ограничения по общей сумме привлекаемого финансирования выглядит следующим образом:

$$CK_1 + CK_2 + \dots + CK_i \leq 3, \quad (6)$$

$$\sum_{i=1}^n CK_i \leq 3, \quad (7)$$

где CK_i – сумма заемных средств, привлекаемых по варианту привлечения кредитных ресурсов;

n – количество вариантов привлечения заемных средств.

Условием использования варианта привлечения заемных средств в финансировании реализации инвестиционного проекта является превышение ставки внутренней доходности проекта (ВНД_п) над реальной процентной ставкой (РПС_п) варианта заемных средств.

Однако, реальная процентная ставка является не единственным из параметров долгового обязательства, оказывающего влияние на принятие решения о привлечении заемного средства. Кроме того, условием использования заемных средств является не превышение суммы заемных средств размера необходимых

капитальных вложений по проекту (Инв_j), а также превышение срока планируемого кредита (Скр_j) над жизненным циклом инвестиционного проекта (Спр_j). Жизненный цикл инвестиционного проекта – максимально возможный срок, в течение которого инвестиционный проект будет приносить прибыль от своей реализации без дополнительных капитальных вложений. Уравнение ограничения по размеру и сроку привлекаемого кредита выглядит следующим образом:

$$\text{Инв}_j \geq \text{СК}_j, \quad (8)$$

$$\text{Спр}_j \geq \text{Скр}_j \quad (9)$$

Использование трех ограничений по параметрам инвестиционного проекта и варианта заемных средств позволяет существенно сузить область поиска эффективных решений и свести к минимуму выполнение необходимых расчетов для определения оптимальных вариантов заемных средств. Система ограничений при выборе варианта заемных средств из ряда существующих для реализации заданной совокупности инвестиционных проектов будет выглядеть следующим образом:

$$\begin{cases} \text{ВНД}_i \geq \text{РПС}_{\min} \\ \text{Инв}_j \geq \text{СК}_{\min} \\ \text{Спр}_j \geq \text{Скр}_{\min} \end{cases} \quad (10)$$

где РПС_{min} – минимальное значение реальной процентной ставки из предложенной совокупности вариантов заемных средств;

СК_{min} – минимальное значение размера привлекаемых средств из предложенной совокупности вариантов заемных средств;

Скр_{min} – минимальное значение срока привлекаемого кредита из предложенной совокупности вариантов заемных средств.

Таким образом, на первом этапе при составлении инвестиционной программы предприятию необходимо рассчитать ограничения по общей сумме привлекаемого финансирования по основным параметрам инвестиционных проектов, предложенных к реализации, и заемных средств, предложенных к привлечению.

Естественным условием выбора финансирования в таком случае будут служить минимальные затраты промышленного предприятия на обслуживание привлекаемого финансирования, значит, в качестве целевой функции оптимизации целесообразно выбрать общую стоимость привлекаемого финансирования, стремящуюся к минимуму. Предположим, предприятие имеет *i* предложений от кредитных организаций на привлечение заемных средств, размер каждого из которых составляет СК_i и *j* инвестиционных проектов, реализация которых возможна в планируемом периоде, требуемый размер инвестиций по каждому из них составляет Инв_j. Тогда результат проведения необходимых расчетов можно представить в виде матрицы планируемых заимствований *X* размерностью *j* на *i*, представленной на рисунке 1.

Таким образом, на втором этапе при составлении инвестиционной программы руководству промышлен-

ного предприятия необходимо построить матрицу планируемых заимствований.

X ₁₁	X ₁₂	...	X _{1j}	СК ₁	Заемные средства
X ₂₁	X ₂₂	...	X _{2j}	СК ₂	
...	
X _{i1}	X _{i2}	...	X _{ij}	СК _i	
Инв ₁	Инв ₂	Инв _j		
Инвестиционные проекты					

Рис. 1. Матрица планируемых заимствований.

Рассмотрим ограничения, накладываемые на элементы матрицы планируемых заимствований. Сумма заимствований, привлекаемых для реализации инвестиционного проекта, должна быть равна сумме инвестиций по рассматриваемому инвестиционному проекту, то есть предприятию нет смысла привлекать заемные средства как в сумме меньшей суммы инвестиций по проекту, в этом случае проект просто не будет реализован, так и в сумме большей, в этом случае предприятие будет нести избыточные издержки по обслуживанию долга.

Для оценки привлекательности реализации инвестиционного проекта с учетом привлечения заемных средств введем новый показатель – потенциал инвестиционного проекта по кредитному источнику (с_{ij}), который показывает эффект от реализации инвестиционного проекта с учетом привлечения кредитного источника, равен разнице ставки внутренней доходности по проекту и реальной процентной ставки по привлекаемому кредитному источнику.

Таким образом, на третьем этапе составления инвестиционной программы промышленному предприятию необходимо построить матрицу потенциалов инвестиционных проектов, предложенных к реализации, по кредитным источникам, предложенным к привлечению (рис.2).

C ₁₁	C ₁₂	...	C _{1j}	СК ₁	Заемные средства
C ₂₁	C ₂₂	...	C _{2j}	СК ₂	
...	
C _{i1}	C _{i2}	...	C _{ij}	СК _i	
Инв ₁	Инв ₂	Инв _j		
Инвестиционные проекты					

Рис. 2. Матрица потенциалов *j* инвестиционных проектов по *i* кредитным источникам.

Следует отметить, что когда потенциал принимает положительное значение, привлечение данного кредитного источника для финансирования рассматриваемого инвестиционного проекта целесообразно, так как стоимость привлекаемого финансирования менее прибыли, получаемой предприятием от реализации проекта, а

когда потенциал принимает отрицательное значение, то привлечение данного кредитного источника для финансирования рассматриваемого инвестиционного проекта для предприятия соответственно нецелесообразно, так как стоимость привлекаемого финансирования больше прибыли, получаемой предприятием от реализации проекта. Оценку привлекательности реализации инвестиционного плана с учетом привлечения заемных средств можно осуществить с использованием предложенного показателя потенциала инвестиционного проекта кредитному источнику по следующей формуле:

$$C = \sum_{i=1}^m \sum_{j=1}^n c_{ij} x_{ij}, \quad (11)$$

Оптимальным будет считаться тот инвестиционный план и план заимствований, при которых функция потенциала примет максимальное значение при заданных ограничениях.

Таким образом, с вводом в расчет инвестиционной привлекательности проектов промышленных предприятий реальной процентной ставки и факторов, оказывающих влияние на стоимость обслуживания заемных средств, появилась возможность перейти от абстрактных методов выбора наиболее эффективных вариантов заимствований, использующих лишь показатели потока платежей и процентной ставки по долговому обязательству, оставляющих выбор конкретных заимствований в большей части за мнениями экспертов, к конкретной, научно-обоснованной методике построения инвестиционной программы промышленного предприятия как совокупности инвестиционных проектов и плана заимствований, необходимых для их реализации, поскольку учет факторов, оказывающих влияние на стоимость заемных средств, позволяет получить их достоверную оценку.

Библиографический список

1. Ансофф И. Новая корпоративная стратегия. Пер. с англ. СПб: Питер Ком, 1999. 416 с.
2. Бланк И.А. Основы инвестиционного менеджмента. М.: Omega-L, 2008. 560 с.
3. Власов С.Н. Математическая модель управления рисками инновационной деятельности в условиях неопределенности. // Ученые записки Орловского государственного университета. 2010. №3. С.5-9
4. Давыдова Л.В. Формирование финансовой стратегии развития предприятий: монография / Л.В. Давыдова, Н.Н. Соколова. ОрелГТУ, 2007. 202 с.
5. Сибирская Е.В., Строева О.А., Петрухина Е.В. Разработка инфраструктуры для поддержки предприятий малого бизнеса // Ученые записки ОГУ. 2012. № 6. С. 38-45.
6. Финансовый менеджмент: теория и практика. Под ред. Е.С. Стояновой. М.: Изд-во «Перспектива», 2004. 656 с.
7. Четыркин Е.М. Финансовый анализ производственных инвестиций. М.: «Дело», 1998. 256 с.

References

1. Ansoff I. New corporate strategy [Text] / I. Ansoff/Per. with English – SPb: Peter Kom, 1999. – 416 pages.
2. Form I.A. Osnovy of investment management. [Text] / I.A. Blank – M: Omega-L, 2008. – 560 pages.
3. Vlasov S.N. Mathematical model of risk management of innovative activity in the conditions of uncertainty / Page N. Vlasov// Scientific notes of the Oryol state university. – 2010. – No. 3. – Page 5-9.
4. Davidov L.V. formation of financial strategy of development of the enterprises [Text]: monograph / L.V. Davidov, N. N. Sokolov. ОрелГТУ, 2007. –202 pages.
5. Sibirskaya E.V., Stroeveva O. A., Petrukhina E.V. Development of infrastructure for support of small business enterprises [Text]// Scientific notes of regional public institution. – 2012. – No. 6. – Page 38-45.
6. Financial management: the theory and practice [Text] / Under the editorship of E.S.Stoyanova. – M: Publishing house «Prospect», 2004. – 656 pages.
7. Chetyrkin E.M. Finansovy analysis of production investments of [Text] / E.M. Chetyrkin. – M: «Business», 1998. – 256 pages.

УДК 323.35

UDC 323.35

Т.И. СТАВЦЕВА

доктор экономических наук, профессор кафедры теории и истории экономики Орловского государственного университета

E-mail: stavtseva@orel.ru

Ф.А. СТАВЦЕВ

бакалавр политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

E-mail: stavtcev@yandex.ru

T.I. STAVTSEVA

doctor of Economics, Professor of the Department of the Theory and History of Economics, Orel State University

E-mail: stavtseva@orel.ru

F.A. STAVTSEV

bachelor of political science of the National research Higher School of Economics university

E-mail: stavtcev@yandex.ru

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ОПОРТУНИЗМА РЕГИОНАЛЬНЫХ ЧИНОВНИКОВ

INSTITUTIONAL CONSTRAINTS TO THE REGIONAL OFFICIALS OPPORTUNISM

Одним из факторов снижения эффективности управления региональным развитием выступает оппортунизм чиновников. В статье рассмотрены причины низкой результативности применения традиционных механизмов борьбы с неблагоприятным отбором и моральным риском в данной среде, а также представлены результаты исследования жесткости существующих институциональных барьеров, препятствующих своекорыстному поведению государственных служащих регионального уровня.

Ключевые слова: оппортунизм чиновников, механизмы борьбы с неблагоприятным отбором и моральным риском, ограничение своекорыстия чиновников регионального уровня.

The regional officials opportunism is one of the factors reducing the effectiveness of the development management of the region. The article discusses the reasons for the low efficiency of traditional mechanisms to fight the adverse selection and moral hazard among the bureaucracy, as well as the results of the research of the existing institutional barriers rigidity to self-interested behavior of the regional officials.

Keywords: officials opportunism, mechanisms to fight the adverse selection and moral hazard, limits of self-interest regional officials.

Эффективное развитие экономики субъектов федерации в значительной степени зависит от характеристик региональной институциональной среды, включая качество регионального администрирования. При этом результативность государственного регулирования территорий определяется не масштабами охвата контролируемых сфер экономики, а степенью реального соблюдения общественных интересов, действенностью институциональных механизмов. В этом ключе региональная исполнительная власть должна представлять собой целостную систему, работающую в автоматическом режиме в интересах социально-экономического развития территории как составной части национальной экономики.

Изучение целого ряда проблем недостаточной эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов федерации и администраций муниципальных образований возможно на основе методологии современной институциональной экономической теории с учетом предпосылок ограниченной рациональности и оппортунизма. Первое допущение означает стремление субъектов действовать преднамеренно рационально, с ориентацией на минимизацию собственных затрат, в условиях ограниченности информационного поля принятия решения и когнитивных способностей

индивида. Второе допущение – оппортунистическое поведение: «преследование личного интереса с использованием коварства» [15, с.97], наиболее сильная форма эгоистического поведения субъекта, проявляющегося не только в таких явных формах, как «ложь, воровство и мошенничество», но и более тонко – неблагоприятный отбор и моральный риск.

При этом «асимметричность информации не была бы проблемой, если бы не противоречия интересов» [17, с.378]. Несовпадение интересов в ситуации информационной асимметрии способствует уклонению агента от выполнения обязательств благодаря наличию высоких трансакционных издержек «приведения в исполнение контракта и измерения своих характеристик и результатов своей деятельности» [18, с.55-56].

Для борьбы с неблагоприятным отбором используются механизмы сигнализирования, фильтрации и рационалирования, с моральным риском – механизмы мониторинга (в форме контроля за действиями, побуждения к конкуренции между агентами (включая «доносительство»)), стимулирующие контракты (предполагающие сближение интересов контрагентов: оплата по результату, эффективная заработная плата) [6, с.300-338; 8, с.203-238].

Однако когда мы говорим об оппортунизме госу-

дарственных служащих, следует принимать во внимание снижение эффективности указанных механизмов в силу следующих факторов, характеризующих объект анализа.

В первую очередь, необходимо обратить внимание на то, что отношения между государством и гражданами имеют двойственную природу, которую Дж. Бьюкенен охарактеризовал термином «парадокс подчиненного» [3]: и государство, и граждане одновременно выступают и в качестве принципала, и в качестве агента. Государственным служащим органов исполнительной власти принадлежит особое место в рамках социального контракта между государством и гражданами. Как социальная группа, чиновники имеют двух принципалов: государство (непосредственный принципал), наделяющее чиновников полномочиями для осуществления на практике решений, принятых политиками, и граждане (опосредованный принципал), поручающие государству определенные функции, требующие разработки соответствующих решений и их реализации.

Информационная асимметрия обеспечивает государственным служащим высокую степень свободы (неподконтрольную в полной мере как со стороны государства, так и со стороны граждан), которая позволяет реализовывать свою собственную целевую функцию. В случае, когда государственные чиновники сами «уклоняются от соблюдения правил status quo либо с целью усилить свою индивидуальную власть, либо для продвижения субъективно избранных морально-этических норм» [3], отчуждение граждан от «государства защищающего» усиливается еще в большей степени. В такой ситуации трудно говорить о близости интересов чиновника, гражданина, общества в целом.

Вторая особенность оппортунизма чиновников сопряжена со спецификой ситуации неопределенности. С одной стороны, последствия принимаемых решений, имеющих значительное влияние на общество, практически не сказываются на субъекте принятия решений, что ни в коей мере не стимулирует госслужащих к их тщательной подготовке и обоснованию [14]. С другой стороны, современный государственный аппарат является сложной иерархической структурой, где по мере передачи прав сверху вниз по организационной лестнице любой индивид выступает одновременно и агентом, и принципалом [18, с.55]. Протяженность цепочки агентирования означает не только множественность принципалов для конкретного чиновника (и народ в целом, и отдельные группы интересов, и президент, и начальник управления), но и множественность задач, трудноранжируемых по степени важности, что существенно стимулирует оппортунизм. Даже в предпосылке стремления чиновника следовать общественным интересам разнохарактерность требований принципалов вынуждает его выбирать задачу, наиболее простую в решении (в то время как даже интерпретация «на благо обществу» будет весьма субъективной).

Неопределенность усиливается тем, что законодательство часто определяет лишь общие рамки поведения, «возлагая на управленцев задачу разработки

конкретных рабочих норм и – что особенно важно – правоприменения», «управленческий аппарат имеет достаточно обширные полномочия, которые могут быть наполнены разным содержанием» [4].

Важным моментом в определении специфики оппортунизма чиновников является то, что их ориентация на личный интерес в ущерб интересам принципалов усиливается по мере расширения доступа к властному ресурсу. Политологи выделяют следующие источники власти: высокий статус, признаваемый общественностью, и стратегические позиции в политическом процессе (доступ к политической информации и контроль над ее потоками, роль главного связующего звена между правительством и группами интересов, возможность исказить исполнение принятого решения) [16, с.461]. Будучи «передаточным звеном воли, выраженной верховной властью», они «одновременно присваивают часть ее властных полномочий». «Им никогда не удастся получить власть в полной мере, но они и никогда не прекращают своих попыток» [9, с.115-116]. При этом склонность к оппортунизму и его формы отличаются на разных ступенях чиновничьей иерархии [1, с.9-10; 5], что означает необходимость применения разных мер в ходе борьбы с оппортунизмом.

Неформальные институты общества в значительной степени способны стимулировать своекорыстное поведение чиновников (неблагоприятный отбор). Когда институты общества позволяют ограниченному кругу лиц произвольно властвовать над другими людьми, главенствующие позиции займут те, для которых «обладание такой властью имеет большую ценность», в результате «политические институты будут заполнены личностями, чьи интересы противоречат интересам рядовых граждан» [2, с.120-121]. Если субъект наделен исключительной властью распоряжаться не принадлежащей ему собственностью или воздействовать на распоряжение этой собственностью, то при отсутствии моральных ограничений он будет стремиться увеличить собственный доход в условиях информационной закрытости («не пойман – не вор»).

В борьбе с оппортунизмом чиновников не всегда применимы механизмы, используемые в рыночной среде, хотя бы по причине невозможности оценки эффективности деятельности, не имеющей рыночную ценность. Чаще всего контроль развивается в направлении разработки регламентов и инструкций (которые следует выполнять, даже если они противоречат разумным интересам граждан). То, что субъектами контроля выступают не граждане, не общественные организации, а те же чиновники, ставит под сомнение эффективность этих мер.

Интересно, что в рамках самой среды чиновников механизмом борьбы с оппортунизмом выступает создание малых групп взаимодействия внутри органов власти – «команды», «скамейки» и т.д. [5; 12]. Действительно, с теоретической точки зрения, агент готов отказаться от оппортунизма без внешнего принуждения только в случае, когда издержки нарушения контракта выше издержек его выполнения. Условия такого самопод-

держивающегося контракта: полнота информации о поведении других субъектов; продолжительность (желательная непрерывность) взаимодействия; неизменность состава участников; наличие угрозы серьезных санкций за несоблюдение правил; наличие у субъектов внутренней установки на невозможность нарушения контракта [7, с.325].

Нами была предпринята попытка тестирования конкретного органа исполнительной государственной власти одного из субъектов Центрального федерального округа на предмет наличия оппортунизма чиновников и жесткости институциональных барьеров на пути их своекорыстного поведения.

Рассматривая возможные методы исследования, мы принимали во внимание изложенную выше специфику оппортунизма, которая затрудняет применение традиционных подходов к изучению его масштабов в данной среде. Действительно, для выявления конкретных факторов ограничения оппортунизма чиновников материалы статистики не всегда применимы, поскольку не раскрывают детерминанты их поведения. Неэффективными являются и прямые методы исследования, что предопределено закрытостью среды и чувствительностью изучаемой проблемы.

Вместе с тем, для изучения оппортунизма чиновников оправдан метод «черного ящика», когда делается изначальное предположение о наличии оппортунизма, а затем, в ходе исследования, оно проверяется на основе изучения факторов, ограничивающих своекорыстное поведение. Факт обнаружения эффективных институциональных барьеров на пути оппортунизма позволяет сделать вывод об отсутствии своекорыстного поведения. Напротив, если институциональная среда позволяет чиновникам беспрепятственно преследовать свои личные или групповые интересы, можно сделать вывод

о доминировании власти в ущерб обществу. Данный метод подробно рассмотрен в работе А.Н. Олейника [13].

В качестве первичного материала использовались опросные листы, подготовленные и заполненные в ходе более раннего (2010 г.) политологического исследования на базе конкретного органа исполнительной государственной власти субъекта ЦФО (администрация региона R). Среди респондентов были мужчины и женщины 41-50 лет, действующие и бывшие чиновники администрации (среднее звено), эксперты из числа журналистов и ученых, чьи профессиональные интересы имели отношение к объекту исследования. Результаты сведены в таблицу 1.

В целях нашего исследования возможные барьеры на пути своекорыстия чиновников были сгруппированы в соответствии с факторами оппортунизма. Несовпадение интересов чиновника-агента с интересами общества-принципала мы приняли в качестве первого блока факторов оппортунизма чиновников. Вопросы этого блока характеризовали пять ограничений оппортунизма: приоритет общих интересов над частными, верховенство закона в поведении, соответствие неформальных правил чиновничества интересам общества, научная доктрина при подборе кадрового состава, религиозные нормы поведения как общепринятые в обществе. Забегая вперед, отметим, что только последнее ограничение оказалось «нерабочим».

Тестируя ограничение оппортунизма в форме наличия приоритетности общих интересов по отношению к частным (1.1), мы задавали вопросы, ответы на которые позволяли бы сделать вывод о принятии властных решений на региональном уровне по инициативе, возникшей снизу. Опрашиваемые испытывали затруднение в ответах, несколькими респондентами был упомянут единичный случай: «демонстрация бабушек перед

Таблица 1.

Институциональные ограничения оппортунизма чиновников органа исполнительной государственной власти субъекта R

Факторы оппортунизма чиновников	Соответствующие ограничения	Степень жесткости ограничений в регионе R
Блок 1. Несовпадение интересов чиновника-агента с интересами общества-принципала	1.1. приоритет общих интересов над частными	-2
	1.2. верховенство закона в поведении	+1
	1.3. соответствие неформальных правил (традиции бюрократии) интересам общества	-2
	1.4. научная доктрина в формировании кадрового состава	+1
	1.5. религиозные нормы поведения как общепризнанные в обществе	0
Блок 2. Информационная асимметрия, отсутствие результативного мониторинга со стороны принципалов разного уровня	2.1. мониторинг посредством иерархического контроля	+2
	2.2. контроль со стороны коллег (горизонтальный уровень)	-2
	2.3. наличие других групп, борющихся за власть (заинтересованность в раскрытии информации)	+1
	2.4. свобода прессы как источника информации	-3
Блок 3. Монопольная власть принятия решений в связи с использованием ресурсов общества в своекорыстных целях	3.1. интенсивность конкуренции на рынках	-2
	3.2. использование системных институциональных перекосов	-3
	3.3. приоритет защиты частной собственности	-2
		- 11

зданием администрации в связи с отменой льготных проездных – яркий пример самоорганизации». Таким образом, из ответов на эту группу вопросов нельзя сделать вывод о существовании общих убеждений чиновников администрации и жителей региона как серьезном ограничении оппортунизма (-2).

Далее следовали вопросы, характеризующие верховенство закона в поведении (1.2.) и соответствие неформальных правил (традиций бюрократии) интересам общества (1.3). Как и ожидалось, интервьюированные чиновники подтвердили тенденцию разработки сложных систем формальных регламентов. Все опрашиваемые в качестве элементов неформального «кодекса» отметили такие характеристики чиновничества, как гибкость («до масштабов «прогнуться»), прагматизм («до уровня «пройти по головам и подставить»). Эти качества рассматриваются в качестве необходимых для выживания в данной системе: «Вы меня удивляете постановкой вопроса: а есть варианты «иначе»?»

Вертикальная мобильность ограничена определенными границами («до уровня начальника отдела администрации, а там – критерии другие, как говорят, «у генералов свои дети»). Хотя приход людей из других регионов усиливает мобильность нижнего звена: «нельзя всю администрацию привезти с собой, часть чиновников выбирают из местных, команды «смешиваются», в т. ч. по рабочим качествам (раньше попробуй «идти вверх», если не из той деревни, если нет покровителя)).

Однако в целом «советская система выращивания кадров разрушена», «рост «по ступенькам» ушел в прошлое, а нынешняя «переброска кадров» ведет к приходу в систему случайных людей».

Судя по ответам, цель трудоустройства в администрацию региона R практически не связывается со стремлением завязать знакомства, набраться опыта для ухода в бизнес и т.д. (данная гипотеза не получила подтверждения ни у одного респондента): «Уйдя из власти, бизнес развивать нельзя, только совмещение», «скорее из бизнеса стремятся во власть, сохраняя доходы «в тени» и повышая их за счет роста возможностей», «чиновничье место – источник надежного нерискового дохода для посредственности», «кризис и неразвитость экономики заставляет людей держаться за это место».

Верховенство закона существует на словах. Однако: «при удобном случае закон обходят по-тихому». Отмечается избирательность применения законов «к друзьям и врагам власти». Законность чаще работает в нижнем звене (благодаря иерархическому контролю): «достаточно создать кризисную ситуацию, и вышестоящие заставят подчиненных ее «разрулить», накажут, если нарушен закон». У высшего руководства есть возможность издать «нужный» указ, распоряжение, «попросить» местную Думу принять новый закон и т.д.» Таким образом, неформальные правила поведения только стимулируют оппортунизм чиновников (-2), формальные законы вынужденно исполняются на низших ступенях властной иерархии (+1).

Ограничение со стороны распространенности на-

учной доктрины в формировании кадрового состава (1.4), в части присутствия в региональном органе исполнительной власти «технократов», действует (+1), хотя и незначительно: все респонденты согласились с тезисом о существовании «нормальных чиновников, которые работают в интересах региона», «существуют элементы здравого смысла в некоторых назначениях – работать все-таки кто-то должен, сверху спросят».

Тестирование ограничений в форме религиозных норм поведения как общепризнанных в обществе (1.5.) дало однозначные ответы об отсутствии (0) этого барьера для оппортунизма: «у нас верующих среди чиновников не наблюдается, даже если демонстративно лоб разбивают в церкви».

В части ограничений второго блока (фактор информационной асимметрии и отсутствие результативного мониторинга со стороны принципалов разного уровня) подтвердилась гипотеза наличия действенного иерархического контроля (2.1): чиновники указали на периодичность отчетов по властной вертикали, применение санкций за неисполнение поручений: «все боятся, трудно обмануть, все всплывает», «контроль доходит до тотального, невыполнение в срок грозит не только выговором, но и увольнением», «и «доносительство стимулируется».

Можно говорить о действенности данного ограничения оппортунизма чиновников на низшем уровне, хотя, судя по ответам, мониторинг высшего и среднего звена региона не столь очевиден. Мало того, здесь имеется возможность использовать инструменты иерархического контроля над подчиненными в своекорыстных целях (+2).

Наличие контроля со стороны коллег (горизонтальный уровень) (2.2) также отмечено всеми участниками. Подтверждено, что формирование команды способно ограничить личный оппортунизм ее членов, но придает групповому оппортунизму организованную форму [13, с.248]. Именно принадлежность к команде выступает залогом карьерного роста и благополучия чиновника. «Очень выражена «командность»: если начальника департамента устроили на должность по блату, то он и друзей своих привел, таких же. Естественно, друг друга поддерживают». При подборе команды учитывается «лояльность, стаж совместной работы, в ходе которой формируется доверие». «Кадры умные и инициативные опасны, на их фоне руководитель проигрывает. Потом, когда «связка» идет вверх, этот «глупый, но лояльный» тоже «растет» и подбирает себе подходящих подчиненных».

Таким образом, контроль со стороны коллег и тимбилдинг в администрации региона R превращается в организованную силу, способную реализовывать эффективное групповое своекорыстное поведение. Как ограничение оппортунизма контроль со стороны коллег действует фрагментарно на низшем уровне (-2).

Ограничение со стороны других групп, борющихся за власть (2.3), если и существует, то очень незначительно (+1). Отмечена: «слабость регионального бизнеса», «признаки появления влиятельных экономических сил

«со стороны»; сращивание бизнеса и власти: «*сильные территориальные бизнесмены все во власти сами сидят*». «Преступность и спортсмены» – «уже не сила».

Следующим тестируемым фактором стала свобода прессы (2.4), наличие которой способно ограничивать оппортунизм чиновников, не позволяя контролировать потоки информации, искажать ее с целью манипуляции. [13, с.253]. «*Элементы свободной прессы есть в Интернете под эгидой иносми*». Единодушно зафиксировано дозирование и искажение информации, подконтрольность газет и телевидения. Вместе с тем, отмечается ощущение некоторых изменений в последнее время. «*Раньше все было «схвачено» – не пикнуть. Сейчас прессинг на независимые СМИ не так велик, но «практически все местные газеты материально зависят от властей, телевидение – и подавно (более затратное)*». В одном из ответов отмечается, что подконтрольность региональных СМИ – это не признак сильного губернатора, это: «*признак системы*», «*привычка и для власти, и для прессы*».

Таким образом, региональные СМИ не только не ограничивают своекорыстие, но наоборот выступают действенным механизмом воспроизводства информационной асимметрии (-3).

В вопросах третьего блока (монопольная власть принятия решений в связи с использованием ресурсов общества в своекорыстных целях) протестированы ограничения со стороны интенсивности конкуренции на рынках (3.1), использования системных институциональных перекосов (3.2) и приоритета защиты частной собственности (3.3).

Ограничения 3.1. и 3.2 имеют непосредственное отношение к доминированию через наложение интересов («огораживание»), теоретические аспекты которого рассмотрены подробно в ряде статей А.Н. Олейника [9; 10; 11]. Высказывания относительно конкурентной среды и «огораживания» в регионе свелись к констатации плачевного состояния экономики, объясняемого тем, что: «*конкурировать-то и некому: импортный ширпотреб задушил, вся промышленность стоит, предприятия убитые, работать, как китайцы, народу менталитет не позволяет*».

Четко видна модель «огораживания» региона: «*весь бизнес строится только на отношениях с властью, на предпочтениях, на взаимной выгоде*», «*бизнес сознательно идет на подчинение, ведь от лояльности зависят его доходы*», «*главное – договориться с властью, тогда и землю выделяют, и «зеленый свет» будет*», «*а непослушных могут и посадить*». Вместе с тем, по мнению респондентов, правила игры постепенно смягчаются.

Формы «социальной ответственности бизнеса», судя по высказываниям, используются «*по мелочам*»: латание тротуаров вдоль офисов, сбор средств на фейерверки к празднику, письма к предпринимателям с просьбой собрать «*пакеты ветеранам*». «*Региональные власти проблемами населения пока «не замораживают», у них свои задачи*», а «*население утекает на заработки в Москву*».

Таким образом, рассматривать конкуренцию как

фактор ограничения своекорыстия в регионе нельзя, имеет место политическое вмешательство в целях искажения процесса конкуренции (-2). Наблюдается структурный перекоп системы в форме гегемонии чиновников, устанавливающих правила игры, работающих на воспроизводство монопольной власти. Перспектив возникновения контргегемонии как ограничения оппортунизма чиновников не отмечено (-3).

С отрицательным знаком работает в регионе и ограничение 3.3.: приоритет защиты частной собственности (как обещание, делающее подчинение власти выгодным для субъектов подчинения). С одной стороны, в регионе «*уже нечего делить, все постепенно банкротятся сами*», с другой стороны, отмечается «*стремление власти переделать собственность под себя*», «*посеять страх*». Неуважение к частной собственности, ее демонстративный передел становятся сигналом достоверности угрозы насилия, от чего свобода действия (своевластие) чиновников лишь возрастает (-2).

Результаты ответов, характеризующих жесткость институциональных ограничений оппортунизма чиновников, представлены в последнем столбце таблицы 1. Прямое суммирование показателей степени жесткости (без взвешивания) дало результат -11. Отметим, что были возможны вариации от -36 (абсолютная свобода действий, способствующая своекорыстному поведению чиновников), до +36 (очень высокая эффективность барьеров, препятствующая проявлению оппортунизма). Результат -11 свидетельствует о том, что несмотря на определенные ограничения, институциональная среда скорее способствует оппортунизму региональных чиновников, чем ограничивает их.

При этом более или менее препятствует оппортунизму чиновников региональной администрации иерархический контроль, в меньшей степени – фактор формальных законов, наличие конкурирующих групп, борющихся за власть, присутствие ориентации на научную доктрину (в сумме: +5). Способствуют процветанию своекорыстного поведения системные перекопы (3.2), отсутствие свободы прессы (2.4), возможность сдерживать экономическую конкуренцию в регионе (3.1), неуважение к частной собственности (3.3), неформальный кодекс поведения чиновников, имеющиеся бюрократические традиции, отсутствие преобладающего приоритета общественных интересов (в сумме: -16).

В целом, проведенное исследование подтвердило существование неблагоприятного отбора и морального риска среди чиновников регионального уровня. Можно сделать вывод о том, что существующие барьеры на пути оппортунизма в рассматриваемом органе исполнительной государственной власти субъекта R не в силах противодействовать своекорыстия государственных служащих. Для качественного государственного регулирования развития региона требуются более эффективные формальные и неформальные институты.

Библиографический список

1. Бальсевич А.А. Регламентирование деятельности государственных служащих как способ борьбы с моральным риском // Летняя школа институционального анализа, 2007. Тезисы докладов. С. 9-10. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.hse.ru/sci/publications/5383419.html>;
2. Бреннан Дж., Бьюкенен Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономия. СПб.: Экономическая школа, 2005. 272 с.
3. Бьюкенен Дж. Границы свободы. Между анархией и Левиафаном // Бьюкенен Дж. Сочинения. (Серия «Нобелевские лауреаты по экономике»). М.: «Тaurus Альфа», 1997. - 560 с. - [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://gallery.economicus.ru/>
4. Гаман-Голутвина О. Принцип «двух ключей» // Россия сегодня и завтра, 2008. №5. [Электронный ресурс] Режим доступа: library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/05944.pdf
5. Гвоздева Е. Высший слой российского чиновничества: автопортрет // Социальная реальность, 2007. № 1. С. 32-48. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://socreal.fom.ru/english/?link=ARTICLE&aid=273>
6. Кузьминов Я.И., Бендукидзе К.А., Юдкевич М.М. Курс институциональной экономики: институты, сети, транзакционные издержки, контракты. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2006. 443 с.
7. Нестеренко А.Н. Экономика и институциональная теория. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 416 с.
8. Одинова М.И. Институциональная экономика. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2009. 397 с.
9. Олейник А.Н. Властелины рынка // PRO ET CONTRA, 2010. Т.14, №1-2. С. 111-126. [Электронный ресурс – Режим доступа: <http://www.carnegie.ru/proEtContra/?fa=40848>
10. Олейник А.Н. Доминирование как результат сочетания интересов: бизнес-стратегии в ритейле и цепях поставок // Российский журнал менеджмента. 2009. Том 7, № 3. С. 21-44.
11. Олейник А.Н. Минимизация упущенных выгод: моделирование взаимоотношений государства и бизнеса в России // Вопросы экономики. 2009. № 7. С. 42-61.
12. Олейник А.Н. О природе и причинах административной ренты: особенности ведения бизнеса в российском регионе // Вопросы экономики. 2010. № 5. С.58-80.
13. Олейник А.Н. Потенциальные и реальные ограничения своекорыстного поведения государственных служащих в России // Административные реформы в контексте властных отношений: Опыт постсоциалистических трансформаций в сравнительной перспективе / под ред. А. Олейника, О. Гаман-Голутвиной. М.: Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН), 2008. С. 238-276.
14. Тамбовцев В.Л. Человек (не) на своем месте. Между действиями чиновников и их благополучием должна быть четкая обратная связь // Независимая газета, 26.01.2010. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.ng.ru/scenario/2010-01-26/10_chinovniki.html
15. Уильямсон О.И. Экономические институты капитализма: Фирмы, рынки, «отношенческая контрактация». СПб.: Лениздат; CEV Press, 1996. 702 с.
16. Хейвуд Э. Политология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 544 с.
17. Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. М.: Экономический факультет МГУ, ТЕИС, 2002. 591 с.
18. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М.: Дело, 2001. 408 с.

References

1. Balsevich A.A. Regulation of civil servants as a way to combat moral hazard // Summer School of Institutional Analysis, 2007. Abstracts. Pp. 9-10. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.hse.ru/sci/publications/5383419.html>
2. Brennan, J., Buchanan, J. Reason of rules. Constitutional political economy. SPb.: The School of Economics, 2005. 272 p.
3. Buchanan J. Boundaries of freedom. Between anarchy and Leviathan // J. Buchanan Works. (Series “Nobel laureates in economics”). M.: “Taurus Alpha”, 1997. - 560 p. - [Electronic resource] Mode of access: <http://gallery.economicus.ru/>
4. Hamann-Golutvina A. The principle of “dual-key” // Russia Today and Tomorrow, 2008. Number 5. [Electronic resource] Mode of access: library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/05944.pdf
5. Gvozdev E. Upper echelon of Russian officialdom: a self-portrait // Social Reality, 2007. Number 1. Pp. 32-48. [Electronic resource] Mode of access: <http://socreal.fom.ru/english/?link=ARTICLE&aid=273>
6. Kuzminov J.I., Bendukidze K.A., Yudkevich M.M. Course of institutional economics: institutions, networks, transaction costs, contracts. Izd. House HSE, 2006. 443 p.
7. Nesterenko A.N. Economics and institutional theory. Moscow: Editorial URSS, 2002. 416 p.
8. Odintsova M.I. Institutional Economics. Izd. of State University «Higher School of Economics», 2009. 397p.
9. Oleinik A.N. Masters of the market // PRO ET CONTRA, 2010. T.14, № 1-2. Pp. 111-126. [Electronic resource] Mode of access: <http://www.carnegie.ru/proEtContra/?fa=40848>
10. Oleinik A.N. Domination as the result of a combination of interest: business strategy in retail and supply chain // Russian Management Journal. 2009. Volume 7, № 3. Pp. 21-44.
11. Oleinik A.N. Minimizing the loss of profit: modeling relations between the state and business in Russia // Problems of Economics. 2009. Number 7. Pp. 42-61.
12. Oleinik A.N. On the nature and causes of administrative rent: aspects of business in the Russian regions // Problems of Economics. 2010. Number 5. Pp.58-80.
13. Oleinik A.N. Potential and actual limitations of selfish behavior of public servants in Russia // Administrative reform in the context of power relations: The experience of post-socialist transformations in comparative perspective / ed. Oleinik, O. Gaman-Golutvina. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSPEN) 2008. Pp. 238-276.
14. Tambovtsev V.L. People (not) in its place. Between the actions of the officials and their well-being should be a clear feedback // Nezavisimaya Gazeta, 26.01.2010. [Electronic resource] Mode of access: http://www.ng.ru/scenario/2010-01-26/10_chinovniki.html

15. *Williamson O.* The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, “relational contracting”. SPb.: Lenizdat, SEV Press, 1996. 702 p.
16. *Haywood E.* Politics. Moscow: UNITY-DANA, 2005. 544 p.
17. *Shastitko A.E.* New Institutional Economics. New York: Department of Economics at Moscow State University, TEIS, 2002. 591 p.
18. *Eggertsson T.* Economic behavior and institutions. M. Delo, 2001. 408 p.

УДК 330.3:004.9

UDC 330.3:004.9

Т.И. СТАВЦЕВА

доктор экономических наук, профессор кафедры теории и истории экономики Орловского государственного университета
E-mail: stavtseva@orel.ru

T.I. STAVTSEVA

doctor of Economics, Professor of the Department Theory and History of Economics, Orel State University
E-mail: stavtseva@orel.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕРЕНИИ ИНФОРМАЦИОННОГО НЕРАВЕНСТВА РЕГИОНОВ

ON THE MEASUREMENT OF THE REGIONAL INFORMATION DISPARITIES

Сложившаяся существенная информационная дифференциация регионов не позволяет в полной мере воспользоваться социально-экономическими преимуществами информационного общества. Адекватная государственная политика по преодолению регионального информационного неравенства предполагает построение эффективного мониторинга. В статье рассмотрены значимые факторы развития информационного общества, которые должны быть учтены показателями мониторинга, представлен краткий анализ существующих индикаторов информационного развития социально-экономических систем, включая международный и отечественный опыт.

Ключевые слова: информационное общество, информационное неравенство регионов, индикаторы готовности к информационному обществу.

The existing considerable information differentiation of the regions does not allow to take full advantages of the socio-economic benefits of the information society. Adequate state policy for overcoming regional information inequality implies building an effective monitoring. The article considers the main factors of development of the information society, which should be taken into account indicators of monitoring, presents a brief analysis of existing indicators of information development of socio-economic systems, including international and domestic experience.

Keywords: information society, regional information disparities, indicators of readiness for the information society.

В настоящее время устойчивый экономический рост, конкурентоспособность и благосостояние наций все в большей степени зависят от активного использования информационных ресурсов, их эффективного развития [9]. Одной из главных проблем Российской Федерации на пути построения информационного общества является существенное информационное неравенство регионов (несмотря на общий рост показателей информатизации, по некоторым параметрам разница между отдельными субъектами федерации может достигать сотен процентов).

Можно говорить о целом комплексе причин данного неравенства: исторических, географических, управленческих и др. Для разработки адекватной государственной политики в области его преодоления требуется эффективный мониторинг развития регионов.

Грамотная методология построения соответствующих индикаторов должна учитывать значимые факторы развития информационного общества. Существующий международный опыт построения такого рода сопоставлений достаточно обширен, исследования опираются на отличные наборы показателей и методы их анализа, что сказывается на результатах итоговых рейтингов.

Разнообразные наименования индексов, рассчитываемых в рамках разных исследований степени продвижения стран и регионов на пути к информационному обществу, связаны не только с методологической неоднородностью, но и с отсутствием единой устоявшейся терминологии для характеристики кардинальных изменений, протекающих в современном обществе в связи с информатизацией. Для обозначения

ния новой реальности исследователями применяются разные термины: постиндустриальное, технотронное, электронно-цифровое, сетевое, информационное, информациональное общество, общество услуг, общество науки, общество знаний и т.п. [8].

При всем терминологическом многообразии ученые акцентируют внимание на общих чертах протекающей социально-экономической трансформации: на смену сырью и энергии в качестве основного производственного ресурса приходит информация; производственная деятельность приобретает характер переработки, вытесняя на задний план добычу и изготовление; главную роль начинают играть информационные технологии.

И производительность, и конкурентоспособность социально-экономических систем при формирующемся укладе определяются способностью «генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях» [5, с.81]. Именно технологии воспроизводства знаний, обработки информации и коммуникации выступают главным источником производительности и социально-экономического развития. Это может послужить основанием для остановки терминологических споров с ориентацией на общее название формирующейся реальности – информационное общество.

Среди кардинальных отличий развивающейся социально-экономической действительности наиболее очевидными представляются технологические изменения, предполагающие проникновение информационно-коммуникационных технологий во все сферы общественной жизни. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) не только воздействуют на информацию, используя ее в качестве ресурса, но и делают ее продуктом производственного процесса. А поскольку информация охватывает все сферы человеческой деятельности, то информационно-коммуникационные технологии опосредуют и трансформируют все процессы индивидуального и коллективного существования, изменяют экономику и общество.

Обеспечивая материальные возможности сетевого взаимодействия в разнородных процессах и организациях, информатизация задает сетевую логику общественным отношениям. Сетевые технологии меняют представление о пространстве и времени: сеть делает доступной любую часть мира, позволяя передавать огромные объемы информации. Кроме того, за счет современных информационно-коммуникационных технологий становится возможной быстрая и незатратная реконфигурация самих общественных структур, обеспечивая им гибкость, столь важную для приспособления к внешним шокам.

Информационное общество предполагает значительную трансформацию структуры экономики. С одной стороны, речь идет об изменении структуры создаваемого валового продукта, где на смену доминирования секторов сельского хозяйства и промышленности приходит информационный сектор экономики: образование, средства массовой информации, телеком-

муникации и т.п. (согласно статистике развитых стран, производство информационных товаров и услуг в современной экономике достигает около 70% валового выпуска). С другой стороны, меняется профессиональная структура рынка труда: большинство занятых трудится в информационной сфере, наступает преобладание «беловоротничковой» занятости (где сырьем производственного процесса служит информация).

В информационном обществе возрастает значение информации в повседневной жизни рядовых граждан. И здесь речь идет не только о расширении потребляемых продуктов и услуг, о повышении их качества, но и о негативных последствиях медианасыщения среды проживания (включая невозможность блокировки информационного давления со стороны рекламы, ущерба от хищения информации), о появлении нового типа неравенства – информационного и т.д.

В настоящее время существует довольно много международных систем индикаторов, используемых для сопоставления успешности продвижения разных стран по пути развития информационного общества. Речь идет, как правило, о количественных индексах, рассчитываемых на основе государственной статистики отдельных стран и международных организаций, с учетом баз данных исследовательских организаций. Для отражения параметров развития информационного общества, которые не могут быть измерены количественно, часто используются качественные показатели, формирующиеся в результате опроса значительного числа респондентов в соответствующих регионах.

Неполнота (а иногда и необъективность) данных официальной статистики по многим странам и институциональные особенности, несомненно, сказываются на достоверности рейтингов, формируемых таким образом. Вместе с тем, результаты международных сопоставлений о динамике продвижения к информационному обществу в настоящее время рассматриваются и как инструмент инвестиционной привлекательности экономики страны, и как критерий эффективной государственной политики, и как инструмент политической риторики [1].

Различный набор показателей и методологические особенности определяют нетождественность результатов сопоставлений развития информационного общества, проводимых разными организациями. Вместе с тем, значительное число независимых исследований позволяет увидеть положение дел более объективно, что должно способствовать повышению обоснованности политических решений.

Для примера охарактеризуем основы методологии построения наиболее авторитетных международных рейтингов продвижения на пути к информационному обществу и рассмотрим позиции, занимаемые Россией.

Индекс IDI (ICT Development Index) – индекс развития ИКТ – разработан в 2007 г. Международным союзом электросвязи (International Telecommunication Union), специализированным учреждением ООН. Вычисление данного индекса относительно недорого, поскольку предполагает учет всего 11 показателей,

охватывающих характеристики доступа, использования и навыков в области ИКТ.

В основу построения индекса IDI положена трехуровневая модель продвижения стран на пути к информационному обществу (рисунок 1):

- готовность ИКТ (уровень инфраструктуры ИКТ и ее доступность);
- интенсивность использования ИКТ в обществе, во многом определяющаяся знаниями и навыками населения в области ИКТ;
- влияние ИКТ, результат их эффективного использования [14].

Согласно отчету 2012 года Россия занимает в рейтинге 38 место, улучшив с 2007 г. свою позицию на 12 строк при росте значения индекса IDI с 3,83 до 6,00 (возможны значения от 0 до 10) [14, р. 21]. При этом существуют различия в величинах субиндексов (таблица 1). Наилучшие показатели мы демонстрируем по субиндексу знаний и навыков в ИКТ: 21 место в рейтинге при значении 8,79. Далее следует субиндекс развития инфраструктуры ИКТ и ее доступности: 36 место, значение субиндекса 6,69 (при 4,45 в 2007 г.). Субиндекс интенсивности использования ИКТ в наибольшей степени тормозит продвижение страны на пути к информационному обществу: 38 место с невысоким значением индекса 3,90. Однако, если учесть, что в 2007 г. значение индекса составляло всего 0,86 (69 место в рейтинге стран), можно говорить о серьезном продвижении вперед (рост в 4,53 раза за 4 года) [13; 14].

Понятие «информационное неравенство» («информационная бедность») получило распространение после доклада Программы развития ООН 1997 г., где использовалось для обозначения разных возможностей доступа населения к информационно-коммуникационным технологиям, становящихся причиной ущемления в социально-культурной сфере.

Говоря об информационном неравенстве, имеется в виду как раскол между странами и регионами, так и со-

циальное расслоение населения отдельных территорий. В настоящее время более используемым в англоязычной среде является понятие «цифровое неравенство» (digital divide). При этом речь идет не столько о технологическом неравенстве (дифференциация по принципу вовлеченности в мир цифровых технологий), сколько о разном уровне развития информационной культуры, включая умение обращаться с информацией.

Однако доступ к информационным технологиям выступает лишь средством для решения проблем информационного расслоения, поскольку речь идет не столько о предоставлении доступа, сколько о возможности получения преимуществ от использования. Нельзя не согласиться с О. Вершинской: по мере развития и удешевления техники и технологий экономический фактор информационного неравенства снижает свою значимость. В основе современного информационного неравенства лежат, прежде всего, демографические и культурно-психологические факторы – возраст, пол, тип поселения, уровень образования, мотивация, способности и т.п. [2].

Вместе с тем, мы полагаем, что не следует принижать и значимость государственной политики в области формирования дружественной институциональной среды.

Эти особенности в существенной степени учитывает Индекс готовности к сетевому обществу (Networked Readiness Index, NRI). Данный индекс является результатом совместного проекта Всемирного экономического форума и международной школы бизнеса INSEAD (с 2002 г.) и выступает важнейшим инструментом измерения способности стран использовать преимущества ИКТ для роста конкурентоспособности.

В основу построения данного индекса заложены следующие принципы (рисунок 2). Главным при измерении продвижения на пути к информационному обществу определено выявление экономических и социальных последствий информатизации. Успехи

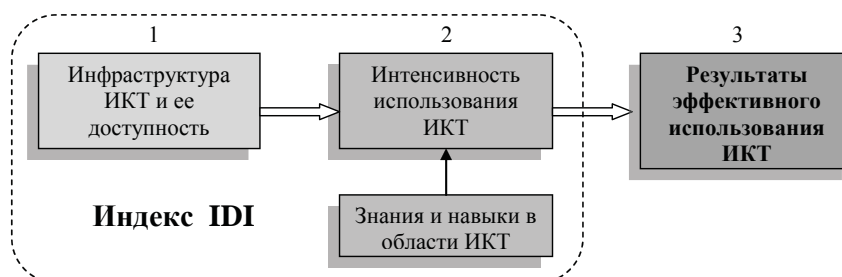

Рис. 1. Методологическая основа построения индекса IDI: три стадии эволюции на пути к информационному обществу [14, р. 16].

Таблица 1.

Индекс IDI Российской Федерации

	Ранг, 2011	Значение индекса, 2011	Ранг, 2007	Значение индекса, 2007
Индекс IDI	38	6,00	50	3,83
Субиндекс развития инфраструктуры ИКТ и ее доступности	36	6,69	52	4,45
Субиндекс интенсивности использования ИКТ	38	3,90	69	0,86
Субиндекс знаний и навыков населения в области ИКТ	21	8,79	27	8,54

в использовании достижений ИКТ зависят от благоприятности соответствующей среды, включая рыночные условия, нормативно-правовую базу ведения бизнеса, стимулы к инновациям. Несмотря на существующие успехи в развитии технологий чрезвычайно важной продолжает оставаться уровень развития ИКТ-инфраструктуры и цифрового контента, их доступность и наличие навыков использования.

Кроме того, благоприятные социально-экономические последствия информационных технологий на конкурентоспособность и благосостояние возникают только при подготовленности и заинтересованности к их использованию со стороны всех ключевых акторов: отдельных индивидов, бизнеса, государства. Величина позитивного результата от использования ИКТ зависит от равномерности (без провалов) развития всей группы факторов. Информационное развитие зависит от способности страны обеспечить адекватные институциональные условия, поэтому политическая система должна гарантировать дружелюбность государствен-

ной политики и определить четкие ориентиры возможностей государственно-частного партнерства [5].

Данный индекс предполагает учет 53 показателей, на основе которых рассчитываются 10 подиндексов, являющихся, в свою очередь, основой 4 субиндексов (рисунк 3).

Согласно отчету 2012 г. Российская Федерация занимает в международном рейтинге 56 место (значение индекса NRI 4,02, при этом лидер рейтинга Швеция набирает 5,94 балла, аутсайдер Гаити – 2,27) [16, р.15]. При этом Россия демонстрирует достаточно хорошую динамику: в 2007 г. мы занимали лишь 70 место со значением индекса 3,54 [15, р. 281].

Говоря о составляющих, наилучшие показатели Россия демонстрирует в рейтинге субиндекса готовности: 32 место (значение 5,4). Можно сказать, что данный субиндекс характеризует в существенной степени ту сферу развития, которую отражает рассмотренный нами выше индекс IDI, поэтому ранговые значения близки.

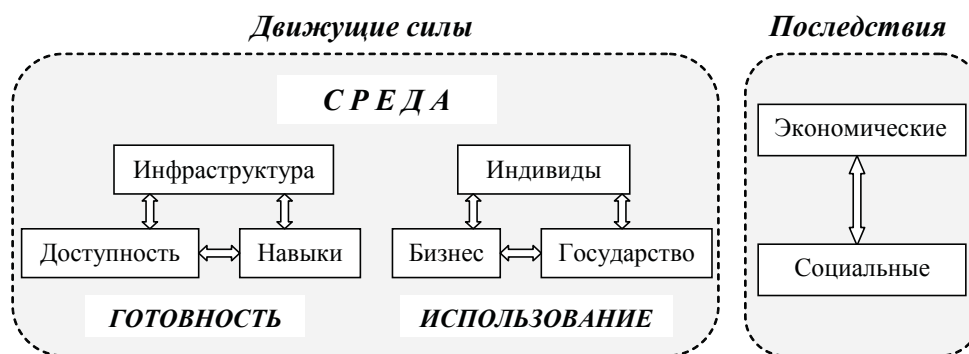

Рис.2. Основы построения индекса NRI.

Рис.3. Структура индекса NRI [16, р. 6].

Но очевидно, что чисто количественное наращивание переработки и потребления информации не всегда адекватно характеризует масштабы социально-экономических трансформаций на пути к информационному обществу. Рост числа продаваемых компьютеров, объемов теле-трансляций, даже количество студентов на душу населения и доступность интернета совсем не обязательно свидетельствуют о качественно новых общественных отношениях, растущей производительности экономики, позитивном развитии социально-экономических систем. Значительность объемов информации, функционирующей в обществе, не обязательно ведет к фундаментальным позитивным трансформациям.

Проблема заключается в том, что возрастающие объемы доступной информации и современные информационно-коммуникационные технологии создают новые возможности для прогресса лишь в потенции (включая решение социальных противоречий), однако реализация этого значимого потенциала требует не менее глубоких организационных и институциональных преобразований.

Методология построения индекса NRI учитывает это, поэтому в исследованиях Международного экономического форума мы имеем возможность проследить достижения Российской Федерации в соответствующих сферах. Надо сказать, что здесь есть о чем задуматься, поскольку три субиндекса демонстрируют недостаточную продвинутость страны на пути к информационному обществу, включая проблемы недружелюбной среды, тормозящей дальнейшее развитие (таблица 2).

Таблица 2.

Индекс NRI Российской Федерации в 2012 г. [16].

	Ранг, из 142	Значение индекса (от 1 до 7)
Индекс NRI	56	4,0
Субиндекс среды	100	3,5
Политико-правовая среда	102	3,2
Бизнес-среда	83	3,8
Субиндекс готовности	32	5,4
Инфраструктура и цифровой контент	40	4,8
Доступность	17	6,2
Навыки	53	5,2
Субиндекс использования	60	3,7
Индивидуальное использование	52	3,9
Использование бизнесом	83	3,4
Использование гос. структурами	71	3,7
Субиндекс влияния	73	3,4
На экономику	53	3,4
На общество	89	3,4

Так по субиндексу использования мы занимаем 60 место со значением 3,7 (очевидно недостаточно эффективное использование возможностей информационных технологий в бизнесе и со стороны власти). Наибольшее беспокойство должен вызывать субиндекс среды: 100 место со значением 3,5 (причем по политико-правовым аспектам экономического развития и институциональной среды показатели РФ еще ниже). В такой ситуации довольно предсказуемым становится 53 место по по-

диндексу влияния на экономику и 89 место по подиндексу влияния на общественное развитие.

Следует отметить, что в последнее время на уровне руководства нашей страны стала ощущаться озабоченность проблемами развития информационного общества. Формируются национальные приоритеты в сфере информационной среды, вкладываются значительные средства в развитие информационных и коммуникационных технологий, разрабатываются стратегические решения для снижения информационного неравенства регионов. Были приняты Федеральная целевая программа «Электронная Россия (2002-2012 гг.)» [11], «Концепция формирования в РФ электронного правительства до 2010 г.» [6]. В 2008 г. опубликована Стратегия развития информационного общества в РФ до 2015 г. [10]. В 2009 г. создана специальная Комиссия по модернизации и технологическому развитию при президенте РФ.

В 2010 г. утверждена Государственная программа РФ «Информационное общество (2011-2020 гг.)» [4], где впервые предпринята попытка переместить акценты со средств информатизации на доставляемую при их поддержке информацию и ее обработку. Целью программы заявлено получение гражданами и организациями преимуществ от применения информационных и телекоммуникационных технологий. Отметим, что данная Программа является своеобразным компромиссом нового подхода и Стратегии развития информационного общества в РФ (принятой в 2008 г. и успешней, в некотором роде, морально устареть).

Отметим, что место РФ в международных рейтингах относится к контрольным показателям Стратегии и Программы. Так, к 2015 г. Россия должна занимать не ниже 20 места в международных рейтингах развития информационного общества и не ниже 10 места в рейтингах по уровню доступности национальной информационной и телекоммуникационной инфраструктуры для субъектов информационной сферы [4; 10].

Возвращаясь к существующим методикам мониторинга информационного неравенства регионов РФ, надо отметить, что в нашей стране достаточно длительное время информационное неравенство понималось как проблема физического доступа к информационным технологиям (в списке контрольных показателей развития информационного общества в Стратегии был сделан акцент именно на технической оснащенности).

Органами государственной статистики целенаправленный официальный мониторинг развития информационного общества в РФ предпринят лишь с 2010 г. До этого времени информационное неравенство регионов можно было оценить на основе Индекса готовности регионов России к информационному обществу. Отчеты по данному направлению исследований публиковались Институтом развития информационного общества с 2005 по 2011 гг.

Методология исчисления данного индекса близка к базовой модели индекса IDI. При этом учитывается отраслевой подход к оценке государственных программ информатизации.

Измерение степени подготовленности регионов к широкомасштабному использованию ИКТ для социально-экономического развития осуществляется на основе 77 показателей, характеризующих значимые, по мнению разработчиков индекса, факторы развития информационного общества (человеческий капитал, экономическая среда, ИКТ-инфраструктура), а также доступ и использование ИКТ в различных сферах деятельности (в государственном и муниципальном управлении, бизнесе, образовании, здравоохранении, культуре) и использование ИКТ домохозяйствами (рисунок 4).

При расчете показателей используются данные официальной статистики, министерств и ведомств, а также результаты опросов населения и оценки официальных веб-сайтов исполнительной власти субъектов федерации.

Согласно данным последнего из опубликованных исследований (за 2009-10 гг.), некоторые материалы которого доступны на сайте «Электронный регион» Института развития информационного общества, информационное неравенство регионов продолжает

оставаться довольно существенным. В десятку наиболее продвинутых вошли Москва, Санкт-Петербург, Ямало-Ненецкий АО, Томская область, Чукотский АО, Мурманская область, Чувашия и Республика Карелия. Среди аутсайдеров Курская, Тамбовская области, Калмыкия, Тыва, Дагестан, Ингушетия. Лидирует Москва со значением индекса 0,627, индекс наиболее отстающего региона – Ингушетии – 0,220 [12].

Информационный разрыв, рассчитанный как отношение максимального значения индексов у субъектов к наименьшему ненулевому значению, представлен в таблице 4.

Как отмечалось выше, начиная с 2010 года Федеральная служба государственной статистики осуществляет мониторинг развития информационного общества в РФ. Предметная область данного мониторинга сопоставима с исследованием Института развития информационного общества (Индекса готовности регионов России). Вместе с тем, существенно расширено понимание факторов развития информационного общества (рисунок 5).

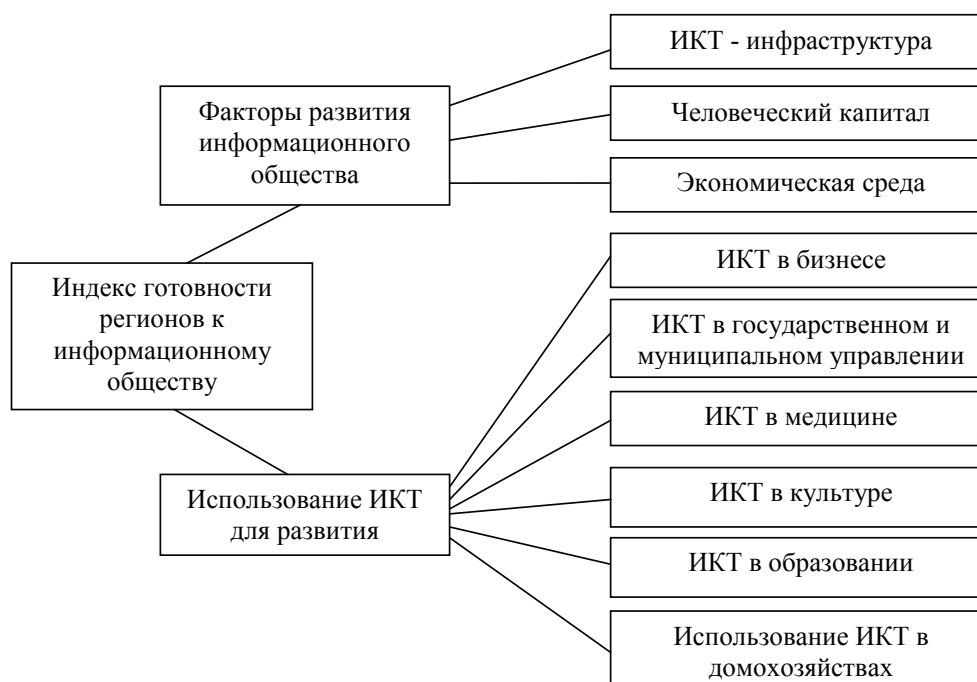

Рис.4. Структура индекса готовности регионов к информационному обществу [3].

Таблица 3.

Индекс готовности регионов РФ к информационному обществу в 2009-2010 гг. (выборочно, по материалам сайта [12])

Субъект РФ	Индекс готовности регионов к информационному обществу		Субиндекс факторов электронного развития		Субиндекс использования ИКТ для развития	
	Рейтинг в РФ	Значение	Рейтинг в РФ	Значение	Рейтинг в РФ	Значение
Москва	1	0,627	1	0,724	1	0,578
Санкт-Петербург	2	0,575	2	0,643	2	0,541
Орловская область	68	0,322	56	0,314	71	0,330
Дагестан	81	0,252	81	0,252	81	0,252
Ингушетия	82	0,220	82	0,210	82	0,226

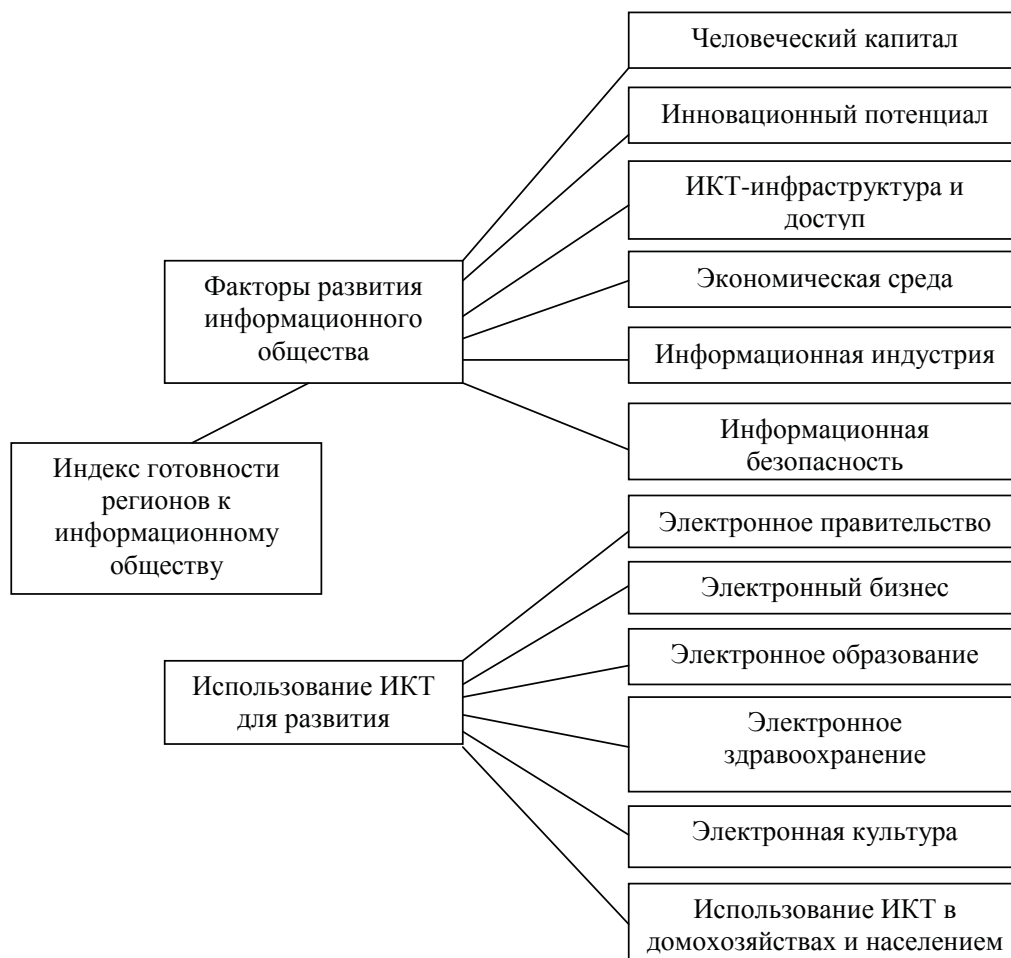

Рис.5. Предметная область Мониторинга развития информационного общества в РФ, осуществляемого Федеральной службой государственной статистики (составлено по данным приложения [7]).

Таблица 4.

Информационное неравенство регионов 2009-2010 гг. (составлено по материалам сайта [12])

Показатель	Минимум по РФ	Максимум по РФ	Информационный разрыв
Индекс готовности регионов к информационному обществу	0,22	0,627	2,42
Субиндекс факторов электронного развития	0,21	0,724	3,441
ИКТ-инфраструктура	0,108	0,618	5,746
Человеческий капитал	0,078	0,871	11,211
Экономическая среда	0,323	0,840	2,598
Субиндекс использования ИКТ для развития	0,226	0,578	2,562
Домохозяйствами	0,331	0,734	2,221
Органами власти	0,162	0,630	3,887
Бизнесом	0,210	0,587	2,801
В медицине	0,14	0,531	3,789
В образовании	0,266	0,591	2,219
В культуре	0,023	0,502	21,960

В настоящее время на сайте Госкомстата размещена информационная база соответствующих показателей, в том числе в разрезе субъектов РФ. В качестве недостатка данного информационного ресурса можно отметить отсутствие возможности сопоставления регионального развития с использованием интегральных индексов.

С учетом важности снижения регионального информационного неравенства, а также в связи с действующей государственной программой «Информационное

общество (2011-2020 гг.)», предполагающей мониторинг динамики продвижения субъектов федерации на пути к информационному обществу, можно ожидать в ближайшее время развития исследований в области методологии мониторинга информационной дифференциации.

Библиографический список

1. Бортвин Д.О., Лобза Е.В., Хасаншин Р.Р. Оценка инновационного потенциала через призму индикаторов развития информационного общества и экономики знаний // Вестник международных организаций. 2010. № 1. С. 33-50.
2. Вершинская О. Цифровой раскол – новый вид экономического неравенства? [Электронный ресурс] / VIPERSON: Научно-Информационное Агентство «Наследие Отечества». Дата публикации: 01.03.2011. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=637647>
3. Индекс готовности регионов России к информационному обществу 2008-2009 [Электронный ресурс]. М.: 2010. 296 с. URL: <http://eregion.ru/sites/default/files/upload/report/index-russian-regions-2008-2009.pdf>
4. Информационное общество (2011 - 2020 гг.): Государственная программа РФ. URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2013/369>
5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Под ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
6. Концепция формирования в РФ электронного правительства до 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/93274/>
7. Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/enterprise/it_technology/
8. Ставцева Т.И. Базовые концепции трансформации социально-экономических отношений в условиях современных тенденций информатизации общества // Наука и образование / Межвузовский сборник научных трудов. Вып. № 1 «Экономика и образование». М.: ИИЦ МГУДТ, 2006. С.48-58.
9. Ставцева Т.И. Место и роль информационных ресурсов в современной экономике // Ученые записки Орловского государственного университета. Научный журнал. 2010. № 3. Часть 1. С. 37- 44.
10. Стратегия развития информационного общества в РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html>
11. Электронная Россия (2002-2012 гг.): ФЦП РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.programs-gov.ru/28_1.php
12. Электронный регион [Сайт] / Институт развития информационного общества. URL: <http://eregion.ru/>
13. Measuring the Information Society 2009 [Электронный ресурс] / International Telecommunication Union. URL: http://www.itu.int/ITU-D/ict/publications/idi/material/2009/MIS2009_w5.pdf
14. Measuring the Information Society 2012 [Электронный ресурс] / International Telecommunication Union. URL: http://www.itu.int/ITU-D/ict/publications/idi/material/2012/MIS2012_without_Annex_4.pdf
15. The Global Information Technology Report 2009-2010 [Электронный ресурс] / World Economic Forum and INSEAD. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GITR_Report_2010.pdf
16. The Global Information Technology Report 2012 [Электронный ресурс] / World Economic Forum. URL: <http://reports.weforum.org/global-information-technology-2012/>

References

1. Bortvin D.O., Lobza E.V., Khasanshin R.R. Assessment of innovation potential in the light of the indicators of the Information Society and Knowledge Economy // Bulletin of international organizations. 2010. Number 1. Pp. 33-50.
2. Vershinskaya O. Digital division - a new kind of economic inequality? [Electronic resource] / VIPERSON: Research and Information Agency "asledie Fatherland." Publication date: 01.03.2011. URL: <http://viperson.ru/wind.php?ID=637647>
3. Readiness of Russian Regions to the Information Society Index 2008-2009 [electronic resource]. New York: 2010. 296 p. URL: <http://eregion.ru/sites/default/files/upload/report/index-russian-regions-2008-2009.pdf>
4. The Information Society (2011 - 2020 gg.): State Program of Russia. URL: <http://fcp.economy.gov.ru/cgi-bin/cis/fcp.cgi/Fcp/ViewFcp/View/2013/369>
5. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture / Ed. OI Shkaratan. Moscow Higher School of Economics, 2000. 608 p.
6. The Concept of Formation of E-government in the Russian Federation up to 2010 [electronic resource]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/93274/>
7. Monitoring of the Development of the Information Society in the Russian Federation [electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/enterprise/it_technology/
8. Stavtseva T.I. Basic Concepts of Transformation of Social and Economic Relations in the Current Trends of Information Society // Education & Science / Interuniversity collection of scientific papers. No. № 1 "Economy and education." M. IPC MGUDT, 2006. Pp.48-58.
9. Stavtseva T.I. The place and role of informational resources in the modern economy. 2010. № 3. 1. Pp. 37- 44.
10. Strategy of Information Society Development in Russia [electronic resource]. URL: <http://www.rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html>
11. Electronic Russia (2002-2012 gg.): Russian Federal Program [electronic resource]. URL: http://www.programs-gov.ru/28_1.php
12. Electronic region [site] / Institute of the Information Society. URL: <http://eregion.ru/>
13. Measuring the Information Society 2009 [electronic resource] / International Telecommunication Union. URL: http://www.itu.int/ITU-D/ict/publications/idi/material/2009/MIS2009_w5.pdf
14. Measuring the Information Society 2012 [electronic resource] / International Telecommunication Union. URL: http://www.itu.int/ITU-D/ict/publications/idi/material/2012/MIS2012_without_Annex_4.pdf
15. The Global Information Technology Report 2009-2010 [electronic resource] / World Economic Forum and INSEAD. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_GITR_Report_2010.pdf
16. The Global Information Technology Report 2012 [electronic resource] / World Economic Forum. URL: <http://reports.weforum.org/global-information-technology-2012/>

УДК 378.03:33

UDC 378.03:33

А.А. УЛЬЯНОВ

аспирант Самарской академии государственного и муниципального управления
E-mail: rokuzz_tt@mail.ru

A.A. ULYANOV

graduate student of the Samara academy public and municipal administration
E-mail: rokuzz_tt@mail.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ СТУДЕНТОВ КАК СОСТАВЛЯЮЩЕЙ ГОТОВНОСТИ К УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

RESEARCH OF A GOAL-SETTING OF STUDENTS AS MAKING READINESS FOR ADMINISTRATIVE ACTIVITY

В статье рассматриваются подходы к целеполаганию как составляющей части готовности к управленческой деятельности. Приводятся данные исследования представлений студентов об основных задачах управленческой деятельности на основе методики «Ключевые вопросы управленческой деятельности». Кроме того, в статье приводятся данные исследования целеполагания в деятельностном аспекте на основании общенаучного базиса “Цель – Средство – Результат”.

Ключевые слова: готовность, цель, средство, результат, целеполагание, представления о профессиональной деятельности, логические уровни Р. Дилтса.

The article is about approaches to goal setting, as part of the preparedness of the management activities. Presents research data of students about the main tasks of management activities on the basis of «Key issues of management» test. Also, the article presents the results of the research the goal-setting in the aspect of the activity on the basis of General scientific basis “Goal-Means-Result”.

Keywords: readiness, goal, means, result, goal setting, ideas about professional activity, logical levels by R. Dilts.

Происходящие в последнее время в нашей стране социально-экономические изменения предъявляют новые требования к трудовым ресурсам и требуют пересмотра концепции обучения с целью улучшения производственных результатов. Многие действующие методы преподавания не уделяют должного внимания развитию профессионально-важных и личностных качеств студентов. В частности, это касается такой важной характеристики, как целеполагание. Вместе с тем, эффективность деятельности современного человека и его результаты напрямую связаны с тем, насколько он грамотно и осознанно определяет для себя цели. В наибольшей степени это касается управленческих кадров, на которых возложена ответственность за успех всей организации. В связи с этим возникает острая необходимость в развитии целеполагания как неотъемлемой характеристики деятельности управленцев ещё на этапе вузовского обучения.

Важнейшей целью профессиональной подготовки управленцев в вузе является формирование у них психологической готовности к будущей профессиональной деятельности, которая в значительной степени будет определять ее эффективность.

Б.Г. Ананьев понимает готовность к высокопродуктивной деятельности как проявление способностей [1], В.А. Крутецкий предлагает называть готовностью к деятельности все многообразие свойств личности как значительно более широкое понятие, чем способности, пригодность к деятельности, выражающуюся в активном положительном отношении к ней [8].

М.И. Дьяченко и Л.А. Кандыбович трактуют готовность как предрасположенность субъекта ориентировать свою деятельность определенным образом [5].

Н.С. Пряжников вводит понятие психологической готовности к профессиональному самоопределению, которая предполагает формирование психологических образований и механизмов (самосознание, развитие социальных и познавательных мотивов учения, рефлексия, ценностные ориентации и др.), обеспечивающих в дальнейшем сознательную, активную творческую жизнь [10].

Ряд авторов в понятие «готовность» вкладывают наличие определенного запаса знаний, умений, навыков в соответствующей области. Б.Д. Парыгин отмечает значимость готовности для оптимального осуществления деятельности в сложных, динамично меняющихся ситуациях с наименьшими психологическими и социальными потерями. Он пишет, что в любой ситуации психологическая готовность предусматривает «разрушение сложившихся ранее установочных стереотипов и шаблонов вследствие их полного несоответствия новым условиям деятельности» [11, с. 200].

А.Л. Журавлев отмечает, что «в процессе подготовки руководителей недостаточно ограничиваться формированием у них умений и навыков взаимодействия с людьми, ... важнейшая задача психологической подготовки руководителей – формировать внутреннюю готовность (установку) личности руководителя к выявлению и решению психологических вопросов в коллективе» [6, с.341].

С последним определением согласуется понятие готовности к управленческой деятельности.

Т.А. Никитина предлагает определять готовность к управленческой деятельности управленческой установкой, под которой понимается готовность думать, чувствовать и действовать таким образом, чтобы достичь поставленной цели, получить прогнозируемый результат деятельности [9].

Именно достижение поставленной цели является критерием эффективности всякой деятельности. Поэтому целеполагание определяет формирование готовности, являясь одним из факторов, которые необходимо учитывать при профессиональной подготовке специалистов.

Целеполагание определяется как формулировка или выбор цели функционирования организации, а также ее конкретизация на подцели и их согласование [7].

Всякая профессиональная подготовка оказывает влияние на систему представлений о профессиональной деятельности. Для исследования и развития целеполагания как компонента психологической готовности наиболее адекватным представляется системный подход. На практике подходом, позволяющим решать подобную задачу, является коучинг как системная технология развития. С целью выявления представлений студентов об основных задачах управленческой деятельности было проведено исследование в рамках модели логических уровней, разработанной Р. Дилтсом, которую в настоящее время эффективно используют в коучинге.

Р. Дилтсом была разработана универсальная системообразующая модель мышления о личностных изменениях, которая может быть использована на каждом этапе обучения и развития человека, группы и организации, получившая название «логические уровни внимания», или «уровни классификации информации» [3].

М. Аткинсон назвала эти уровни «логическими уровнями мышления» [2], с помощью которых можно наблюдать за системой мышления человека. Они позволяют систематизировать представления человека о себе и своих целях, привести их в соответствие с ценностями и определить необходимые ресурсы.

Вопросы, соответствующие логическим уровням, помогают осознанно относиться к своей деятельности и эффективно управлять процессами каждого уровня (построение миссии и определение целей деятельности (зачем?); идентификация субъекта деятельности (кто?); развитие систем убеждений и ценностей (почему?); развитие способностей, потенциала, ресурсов (как?); четкое планирование деятельности (что?), определение внешних условий (когда?, где? с кем?)). При этом человек берет на себя ответственность за достигаемые результаты.

Система вопросов логических уровней Р. Дилтса была использована нами в качестве идеальной модели психологической готовности (готовности думать как руководитель, практического мышления управленца) к эффективной управленческой деятельности. Учитывая обозначенные уровни информации, мы предположи-

ли, что для осуществления эффективного управления руководителю важно знать ответы на следующие вопросы: зачем; кто; почему; как; что; где; когда и с кем (именно в последовательности логических уровней). Таким образом, логические уровни, по Р. Дилтсу, адекватно отражают основные управленческие задачи. Соответственно, при подготовке руководителей необходимо уделять умению грамотно отвечать на указанные вопросы пристальное внимание.

В ходе развития социально-психологической мысли предметом исследований становились аспекты различных видов деятельности. Среди всего многообразия проблем данного феномена одно из важнейших мест принадлежит комплексу вопросов, связанных с содержанием, в частности управленческой деятельности и индивидуальной деятельностью руководителя. Подобно тому, как «руководитель играет центральную и наиболее важную роль в любой организационной системе, так и изучение этой деятельности объективно выступает главной проблемой теории управления» [7. с. 38].

Общенаучные категории «цель», «средство», «результат» развертывает деятельность в плане возможности и действительности. Категории «цель» и «результат» выражаются в понятиях «целенаправленность» (движение от постановки цели к результату) и «целеполагание» (движение от достигнутого результата к новой цели).

Целесообразность свойственна всему живому, она лежит в основе всякой деятельности, а целеполагание и целенаправленность являются как бы надстроечными элементами, развивающими и дифференцирующими целесообразность. Эти «надстроечные элементы» выражаются в триаде «цель-средство-результат». В этой триаде «цель» отчетливо принадлежит к «возможной» составляющей деятельности, а «результат» – к «действительной» составляющей. «Средство» же является посредствующим звеном между целью и результатом, иными словами, опосредует цель и результат. Система «цель – средство – результат», таким образом, отражает систему мышления человека, а также основные черты любой деятельности. [1. с. 499]

Проведено исследование, имеющее целью исследование представлений студентов об основных задачах управленческой деятельности. В исследовании принимали участие 219 человек, студенты управленческих специальностей самарских вузов. Респондентам предлагалось:

а) закончить предложение «Эффективный руководитель сегодня – это человек, который в ситуации неопределенной и изменчивой знает ответы на следующие вопросы ...» (продолжить, сформулировав 5-7 «ключевых вопросов управленческой деятельности»);

б) расставить поставленные вопросы в приоритетном порядке.

в) ответить на вопросы опросника «Цель – Средство – Результат», разработанного А.А. Кармановым.

Если основная форма деятельности руководителя – мыслительная, а движение мысли начинается с во-

проса, то можно предположить, что сформулированные вопросы обозначат области внимания будущих руководителей, выделяют задачи, решение которых для них актуальны, позволят ответить на вопрос «Как думает современный студент управленческой специальности? Как он представляет свою будущую деятельность?».

В результате исследования обнаружено, что наиболее выражен логический уровень способностей (вопрос «как?», 38%), в то в то время как уровень цели находится только лишь на 4 месте после уровней контекста (24%) и поведения (14%) (табл. 1.).

Таблица 1.

Процентное соотношение выраженности логических уровней

Логический уровень	%
Цель	12
Идентификация	3
Убеждения	9
Способности	38
Поведение	14
Контекст	24

Поскольку логический уровень цели является наивысшим в иерархии Р. Дилтса, а цель соответственно является точкой отсчета в управленческой деятельности, мы также исследовали, насколько часто этот уровень выбирается первым. Выявлено, что уровень цели занимает предпоследнее место (14%) после уровня убеждений (15%), наибольшие же показатели наблюдаются на уровне способностей (24%) (табл. 2.).

Таблица 2.

Процентное соотношение первого выбора логических уровней

Логический уровень	%
Цель	14
Идентификация	5
Убеждения	15
Способности	24
Поведение	17
Контекст	25

Таким образом выявлено, что высшие логические уровни иерархии Р. Дилтса представлены в вопросах студентов управленческих специальностей в низкой степени. Недостаточное внимание к вопросам цели, идентификации и убеждений свидетельствует в пользу неудовлетворительной готовности студентов к профессиональной управленческой деятельности.

Исходя из этого, можно говорить о сложившемся стереотипе мышления, устоявшейся модели мышления относительно сущности управленческой деятельности. Эта модель, будучи распространенной некоторое время назад, продолжает удерживать позиции и передаваться новому поколению управленцев, несмотря на изменив-

шиеся социально-экономические условия.

На основании данных опросника были выявлены показатели по общему уровню показателей «Цель», «Средство» и «Результат». Кроме того, в каждом из указанных показателей выявлена доля респондентов с высоким, средним и низким уровнем (табл. 3.).

Таблица 3.

Процентное соотношение уровней по шкалам «Цель», «Средство», «Результат»

	Цель, %	Средство, %	Результат, %
Общий уровень	23	48	29
Высокий	17	34	26
Средний	35	29	33
Низкий	48	37	41

При анализе результатов опросника акцент сделан на уровне цели как определяющем успешность планирования и реализации деятельности. Указанный уровень превалирует над другими у 23% студентов. Однако, лишь 17% характеризуются высоким уровнем цели – ставят перед собой реальные цели настроены на достижение, имеют систематизированные мотивы целеобразования и деятельности, могут объяснить собственное поведение с точки зрения целесообразности.

35 % студентов характеризуются недостаточным обоснованием собственных целей. Нередко они совершают нецелесообразные действия, готовы принять цель извне. Для начала работы им всегда требуется определенная сила воли.

48 % испытуемых испытывают сильно фрустрированное состояние, выражающееся в невозможности ставить перед собой конструктивные цели, характеризуются бессистемностью мотивов деятельности. Вместо того чтобы ставить реальные цели деятельности, они ограничиваются лишь постановкой задач.

Таким образом, у большинства студентов уровень цели выражен в недостаточной степени. В связи с этим может возникать неумение ставить адекватные ситуации цели, а также ответственности и осознанности. Указанные факторы могут препятствовать трудоустройству и эффективному карьерному росту будущих управленцев.

Результаты анализа данных по всем проведенным нами диагностикам подтвердили наличие противоречия между сущностью управленческой деятельности и сложившимся образом мышления будущих руководителей. Осознание, понимание этих противоречий позволит студентам выйти за рамки традиционных, уходящих в прошлое моделей и научиться быть более успешными и эффективными. На основании результатов исследования можно полагать, что для эффективной подготовки студентов высших учебных заведений к профессиональной управленческой деятельности необходимо включение в учебные планы дополнительных занятий (семинаров, тренингов, мастер-классов) с использованием технологий, способствующих развитию навыка целеполагания.

Библиографический список

1. *Ананьев Б.Г.* Избранные психологические труды: в 2 т. М., 1980.
2. *Аткинсон М. Чоис Т. Рае.* Пошаговая система коучинга. К., 2009. 256 с.
3. *Балашов Л.Е.* Философия. 2-я редакция, с изменениями и дополнениями. М., 2006. 672 с.
4. *Дилтс Р.* Коучинг с помощью НЛП/ пер. с англ. С. Комаров. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. 256 с.
5. *Дьяченко М.И., Кандыбович Л.А.* Психологические проблемы готовности человека к деятельности. М., 1986. 182 с.
6. *Журавлев А.Л.* Психология управленческого взаимодействия (теоретические и прикладные проблемы). М.: изд-во «Институт психологии РАН», 2004. 476 с.
7. *Карпов А.В.* Психология менеджмента. М.: Изд. «Гардарики», 2005. 584 с.
8. *Крутецкий В.А.* Очерки психологии старшего школьника М., 1963. 198 с.
9. *Никитина Т.А.* Взаимосвязь управленческой установки и некоторых психологических характеристик руководителя образовательного учреждения. Автореферат диссертации кандидата психологических наук, Самара, 2004.
10. *Пряжников Н.С.* Профессиональное и личностное самоопределение. М., 1996. 512 с.
11. *Парыгин Б.Д.* Социальная психология. Проблемы методологии, истории и теории. СПб.: ИГУП, 1999. 592 с.

References

1. *Ananyev B.G.* Chosen psychological works: in 2 t. M, 1980.
 2. *Atkinson M. Choise T. Ry.* Step-by-step system of coaching. To. 2009. 256 pages.
 3. *Balashov L.E.* Filosofiya. the 2nd edition, with changes and additions M., 2006. – 672 pages.
 4. *River Dilts.* Coaching by means of the NLP / LANE with English S. Komarov. SPb. : Prime-EVROZNAK, 2004. 256 pages.
 5. *Dyachenko M.I. Kandybovich L.A.* Psychological problems of readiness of the person to activity. M, 1986. 182 pages.
 6. *Zhuravlev A.L.* Psikhologiya of administrative interaction (theoretical and applied problems). M.: publishing house “Institute of psychology of the Russian Academy of Sciences”, 2004. 476 pages.
 7. *Carps A.V.* Psikhologiya of management. M.: Prod. “Gardarika”, 2005. 584 pages.
 8. *Krutetsky V.A.* Sketches of psychology of the senior school student of M., 1963. 198 pages.
 9. *Nikitina T.A.* Vzaimosvyaz of administrative installation and some psychological characteristics of the head of educational institution. Abstract of the thesis of the candidate of psychological sciences, Samara, 2004.
 10. *Pryazhnikov N.S.* Professional and personal self-determination. M, 1996. 512 pages.
 11. *Parygin B.D.* Social psychology. Problems of methodology, history and theory. SPb. : IGUP, 1999. 592 pages.
-
-

УДК 1.122/129:159.91

UDC 1.122/129:159.91

Д.Ю. АНАШКИН

аспирант кафедры гуманитарных и социально-политических наук МГТУ ГА

D.Y. ANASHKIN

graduate student, Department of Humanities and Social and Political Sciences MSTUCA

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОЕ ОБОСНОВАНИЕ ФЕНОМЕНА ЗДОРОВЬЯ**NATURAL SCIENCES STUDY THE PHENOMENON OF HEALTH**

В статье рассматривается естественнонаучный подход к обоснованию феномена здоровья в свете его исторического развития и формирования. Дается краткая характеристика современного состояния данного подхода.

Ключевые слова: человек, здоровье, феномен здоровья, личность, отношения, врач, пациент.

The article deals with natural science approach to the justification of the phenomenon of health, in light of its historical development and formation. A brief description of the current status of this approach.

Keywords: people, health, health phenomenon, personality, attitude, doctor, patient.

XX – XXI века вошли в историю как новый уровень развития цивилизации. Именно в этот период проблемы здоровья человечества приняли глобальный, даже планетарный характер. Данной темой обеспокоены медики, правительство и само население.

Тема здоровья подверглась тщательному изучению и исследованию со стороны специалистов самых разных областей. По данным, к которым пришли ученые со всего мира, стало известно, что на здоровье каждого человека оказывает влияние целый комплекс определенных факторов, в число которых входит не только воздействие на живой организм окружающей атмосферы, климата, солнечного излучения, уровня загрязнения воды, почвы и воздуха, но и экономического состояние общества, а также его социальный уклад в целом.

Ключевым фактором, влияющим на здоровье человека, является именно экологическая обстановка в обществе, однако в гораздо большей степени собственный образ жизни каждый контролирует самостоятельно. Доказано, например, что возбудители большинства заболеваний возникают, исчезают и развиваются под влиянием множества внешних факторов, где далеко не последнюю роль играют экономические факторы и определенные условия общественной жизни. Под воздействием патогенных изменений человеческого организма повышается рождаемость недоношенных детей, увеличивается количество врожденных хронических заболеваний, а также приобретенных профессиональных болезней.

Наряду с объективными факторами не стоит также забывать и о субъективном воздействии, которое в вопросе о формировании здоровья человека играет далеко не последнюю роль. В данном случае имеется в виду не только отношение самой личности к своему образу жизни, но и степень понимания и осознания состояния своего здоровья.

Организм каждого человека существует и развивается в соответствии с законами биологии, заболевания

же происходят в соответствии с законами патологии, которые формируются под воздействием эволюционных факторов. Социальная среда, в которой существует человек, во многом меняет и усложняет биологические закономерности организма.

Здоровье – это определенный порядок, складывающийся внутри системы, контролируемый воздействием внешней информации, нервной системой, зависящий от экосоциума и кодирующийся в генах.

В индустриальных обществах середины XX лечение множества заболеваний осуществлялось при помощи общепринятого биосоциального подхода, основанного на аналитических, специализированных и редукционистских методах. Именно в этот период и стали зарождаться междисциплинарные принципы, которые призывали к изучению не только причин болезней, но и связанных с ними субъективных переживаний самих пациентов. Особую роль в развитии такого направления сыграл доктор Джордж Энджел, пропагандировавший свои идеи не только в качестве собственной научной гипотезы, но основополагающей идеологии. Правильно определить причины заболеваний, назначить соответствующее, наиболее эффективное лечение, а также завоевать доверие пациента клиницист, по мнению доктора Энджела, может только в том случае, если будет учитывать биологические, социальные и психологические аспекты болезни в комплексе.

На основании критических доводов Джорджа Энджела можно сделать выводы, которые стали настоящим переворотом в биомедицине.

Любые заболевания человека являются результатом систематического взаимодействия множества определенных факторов, которые выявляются не только на молекулярном, но и на социальном, а также индивидуальном уровне. Изменения на психологическом уровне проявляются не только в форме страданий и переживаний человека но и в виде ряда соматических

заболеваний. При этом далеко не всегда биохимические отклонения организма от привычного или обычного состояния человека можно расценивать как болезнь.

Для пациента ни биохимические функции его организма, ни их нарушение не являются симптомами заболеваний. В данном случае ключевую роль играет психосоциальная составляющая, которая и оказывает главное влияние на процесс лечения. Этот процесс можно охарактеризовать своеобразной цепочкой воздействий: лечение заболевания зависит от психологического состояния пациента, которое зависит от методов, применяемых исследователем, исследователь же находится под воздействием психологического состояния пациента.

Джордж Энджел предложил собственные варианты альтернатив трем основным медицинским концепциям:

- серьезной критике подвергся дуализм биомедицинской модели, главным правилом которой является разделение тела и сознания личности (по мнению Энджела, все эмоции человека оказывают непосредственное влияние на здоровье);

- существенные недостатки были выявлены в существующем и преобладающем стиле клинической практики. Энджел призвал медиков отказаться от технического стиля, ориентированного на сугубо биомедицинские показатели при выявлении и лечении заболеваний. Медицина должна учитывать и изучать в первую очередь переживания и страдания человека;

- тщательному исследованию подвергся факт прямого воздействия доктора на пациента.

Своими доводами Джордж Энджел создал некий контраст редуccionистским воззрениям, существующим на тот момент в медицинской практике. Клиницистские феномены не могут описываться лишь на основании линейной модели, которая основывается на причинно-следственных связях. Весь комплекс эмерджентных и рекурсивных свойств систем можно выявить только при помощи тщательного системного анализа. Клиницист должен определить именно ту группу факторов, находящихся в тесном взаимодействии друг с другом, непосредственное воздействие которых на организм человека можно проконтролировать при помощи определенных методов внешнего воздействия.

В структурной модели основополагающим фактором является иерархия однотипных причинно-следственных связей. Мировосприятие каждого пациента меняется под воздействием произвольно установленных причин определенных заболеваний. В данном случае если врач выявляет определенный фактор и называет его причиной болезни, при этом в произвольной форме сообщает об этом пациенту, то больной может не только почувствовать свою вину в собственном заболевании, но и в значительной степени ухудшить свое состояние.

Партнерский подход основывается на преобладании взаимоотношений врача и пациента. При этом правильный биомедицинский диагноз не является ключевой ролью врача. Исследователь должен не только выслушать пациента, но и разделить все его опасения, переживания и страхи. Рассказ пациента в данном случае является своеобразным набором определенных дан-

ных, на основании которых устанавливается диагноз, назначается соответствующее лечение.

Главной обязанностью врача является применение умения справляться со своими повседневными эмоциями, проявление терпимости и понимания к пациенту как к личности, исключение классификации пациентов на произвольные категории.

Примечательно, что большинство пациентов склонны к пассивности, независимо от пола, возраста и социального положения. К методам лечения каждый относится по-своему – кто-то старается получить максимум информации от врача, другие предпочитают обсуждать свои переживания с родственниками или знакомыми, третья категория пытается в минимальной степени контактировать с внешним миром по поводу состояния своего здоровья. Нередки также и случаи, когда врач изначально предоставляет больному слишком много информации, возлагая при этом на него преувеличенную степень ответственности и вызывая при этом чувство угнетенности и даже одиночества.

Каждый врач должен дать пациенту возможность самостоятельно выбирать степень своей автономности. Оптимальным вариантом в данном случае является «относительная автономия», когда пациент самостоятельно делает свой выбор при непосредственной поддержке врача.

Как известно, всем контактам, возникающим между людьми, присущи экологические измерения. В данном случае речь идет не только об отношениях пациента и врача, но и о общепринятых социальных нормах в целом. Нередко, например, взаимоотношения между врачом и пациентом превращаются в своеобразный инструмент изменения социальной жизни больного. Врач при этом должен проявлять максимальное уважение к определенным культурным нормам и исключить вероятность совершения скоропостижных выводов.

Джордж Энджел уделял особое внимание стилю работы врачей, процессу его превращения из бездушного технолога в заботливого целителя. В первом случае эмпатия становится банальным набором слов, которые являются способом вызывания у пациента определенных эмоций к методам лечения.

Биопсихосоциально ориентированная клиницистская практика зарождается именно на эмоциях, которыми обменивается врач с пациентом. Деятельность исследователя при этом должна выстраиваться на исключительном доверии к больному.

Стоит отметить, что биопсихосоциальная модель поведения врача подразумевает наличие множества специальных навыков. Причем мастерство врача заключается не только в лечении заболеваний, но и в максимальном облегчении страданий, которые при этом испытывает пациент. Достигаться такой эффект может только при создании определенной эмоциональной атмосферы. Главным же профессиональным навыком является в данном случае умение врача устанавливать с пациентом такие взаимоотношения, которые не только помогали бы лечению, но и стали способом анализа собственных эмоций. Уважение – главный фактор, который следует иметь в виду в первую очередь.

Библиографический список

1. Энджел Д. Необходимость в новой медицинской модели: вызов для биомедицины. Наука. 1977.
2. Бехтерев В.М. Личность и условия для его развития и здоровья. // 2-е изд. - Санкт-Петербург, 1905.
3. Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека: Парадигмы, проекции практика. М., 1995.
4. Балахонов А.Д. Фундаментализация медицинского образования на основе системы научного знания. Санкт-Петербург, 2007.

References

1. Engel G. The need for a new medical model: A challenge for biomedicine. // Science. 1977.
2. Bekhterev V.M. Personality and the conditions for its development and health. // 2nd ed. - St. Petersburg., 1905.
3. Orlov A.B. Psychology of personality and essence of man: Paradigms, projection practice. // M., 1995.
4. Balakhonov A.G. Fundamentalizatsiya medical education based on the system of scientific knowledge. // St. Petersburg, 2007.

УДК 141.32

UDC 141.32

Н.А. ВАГАНОВА

доцент кафедры философии Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета
E-mail: vaganti@mail.ru

N.A. VAGANOVA

docent of Philosophy Department, St. Tikhon's Orthodox University
E-mail: vaganti@mail.ru

СОФИЯ В ИЗГНАНИИ (О. СЕРГИЙ БУЛГАКОВ: ЭМИГРАЦИЯ И ВОЗВРАЩЕНИЕ К СОФИОЛОГИИ)

SOPHIA IN EXILE (FR. SERGIUS BULGAKOV: EMIGRATION AND RETERNING TO SOPHIOLOGY)

В статье рассматривается вопрос о разочаровании о. Сергия Булгакова в теме Софии в Крымский период его жизни и возвращении к обновленной концепции софиологии в первые годы эмиграции. Эти события духовной жизни философа происходят параллельно с отказом от «эротического» понимания Софии, в значительной степени вдохновленного идеями и личностью А.Н. Шмидт, а также на фоне освобождения Булгакова от увлечения католичеством.

Ключевые слова: Булгаков, софиология, эмиграция, католичество, дневник.

The article examines the question about of S. Bulgakov's refusal from Sophia's theme during the Crimean period of his life and return to the updated sophiology conception in his first emigration years. Then Bulgakov revised the erotic understanding of Sophia, which early was formed in his teaching under the influence of A.N. Smidt, and disappointed in Catholicism.

Keywords: Bulgakov, sophiology, emigration, Catholicism, diary.

Сомнения в необходимости Софии в метафизике о. Сергия Булгакова не раз высказывались в прошлом и продолжают звучать в наше время. Критики его софиологической концепции традиционно указывали на Софию как на излишнее «удвоение сущностей», в которых она отождествлялась то с трансцендентальным субъектом Канта, то с всечеловечеством Соловьева, с Вечной Женственностью мистиков, платоновской Душой мира – вплоть до, уже в последних сочинениях, возведения ее в статус Божественной сущности-усии.

О «несостоятельности» Софии, пожалуй, наиболее определенно высказался в своих дневниковых записях прот. Александр Шмеман: «Продолжаю читать номер “Вестника” об о. Сергии Булгакове. Все-таки это – “капризное” богословие, очень личное и в каком-то смысле “эмоциональное”. И потому – вряд ли “останется”. И это можно, мне кажется, распространить почти на всю

“русскую религиозную мысль”... Вот возьму и навяжу православию “Софию”, покажу всем, во что они на самом деле верят. И вот никому не навязали... потому, что *это — не нужно...*» [11; 527].

Очевиден какой-то зазор, несовпадение смысла и выражения: что-то не сходится в мысли Булгакова и в ее восприятии современниками – как его, так и нашими. Возможно, София о. Сергия Булгакова не была нужна его оппонентам и критикам, но несомненно, была нужна ему самому – и вовсе не как логико-методологический конструкт, «бог философов», заполняющий собой разрывы между несходящимися гранями мысли. О. Сергий Булгаков не был мистиком-визионером: «София», или то, что он называл этим именем, в отличие от опытов В.С. Соловьева, не являлась ему в видениях, не диктовала посланий «оттуда», и «мистического романа» с Вечной Женственностью в его жизни не произошло ...

Хотя тот же о. Александр Шмеман и писал, пусть с иронией, но все же весьма проникательно отмечая характерную черту мыслителя: «... он, собственно, всю жизнь во что-нибудь влюблялся и сразу строил теорию на этом шатком основании» [11; 81]. В случае с Софией, впрочем, влюбленность затянулась на всю жизнь, а теория была построена отнюдь не сразу и достраивалась о. Сергием Булгаковым до конца дней.

Тем не менее в его жизни был период, когда он сам, по неоднократным собственным признаниям, охладел к теме Софии, перестал ее чувствовать... Позже о. Сергей назовет это время «годами безочарования» [12; 99]. И надо сказать, что разочарования и сомнения этих лет коснулись не только Софии, но и многого другого – идей, переживаний, увлечений, решений – прежде тесно связанных, значимых, определяющих жизнь и мысль. Из пламени сомнения в будущем булгаковском творчестве София, однако же, возродится – но другая: очищенная, обновленная, соединенная с идеей Церкви...

Для того чтобы понять, что же было в итоге отринуто как действительно изжившее себя и далее неактуальное, следует вспомнить, что в 1910-х гг. формирование булгаковской софиологической концепции происходило, во-первых, под сильнейшим влиянием личности о. Павла Флоренского, а во-вторых, на фоне увлечения идеями Анны Николаевны Шмидт. История публикации книги «Из рукописей А.Н. Ш.» хорошо описана в литературе, и нет смысла ее здесь воспроизводить [см. 9; 209-211, 303-304, 341-342]. Но прежде ее появления, начиная с 1912 года и вплоть до самой высылки о. Сергия Булгакова из России, А.Н. Шмидт и ее идеи были постоянным предметом его переписки с о. Павлом Флоренским.

Из этих документов, как и из специально посвященной ей статьи «Владимир Соловьев и Анна Шмидт»¹ видно, что о. Сергей Булгаков был даже не увлечен, а просто-таки захвачен «шмидтианством», вплоть до того, что едва ли не был готов объявить Анну Николаевну «Анной Маргаритой», земным воплощением Церкви Небесной... Перемены в оценках произошли не скоро, и даже в послереволюционных диалогах «На пиру богов» Беженец – булгаковский alter ego, персонаж больше молчаливый, а если уж говорящий, то нечто значимо-сокровенное, – впервые вступает в разговор для того, чтобы одним упоминанием ее имени перевести диалог из плоскости эмпирической в мистическую и апокалиптическую:

«Писатель. ... Вы обратите внимание, как изменился даже внешний вид солдата, – он стал звероподобным, страшным, особенно матрос. Признаюсь вам, что “товарищи” кажутся мне иногда существами, вовсе лишенными духа и обладающими только низшими душевными способностями, особой разновидностью дарвиновских обезьян – homo socialisticus.

Беженец. Указание на появление таких существ ...

¹ Вернее сказать, это три статьи, объединенные в небольшой цикл: «Стихотворения Владимира Соловьева» и «Из рукописей А.Н. Шмидт», обе 1915 года, с добавлением третьей части «К проблематике», 1916-1918 гг. [см.: 4; 51-82].

есть в записях А.Н. Шмидт, она относит это к подготовке царства антихристового» [3; 299].

Четыре с половиной года между революционными событиями и последовавшей высылкой из России о. Сергей Булгаков прожил в Крыму. Здесь он оказался вскоре после своего рукоположения, состоявшегося 11 июня 1918 года, а выслан был 30 декабря 1922 года. Этот житейски тяжелый и полный лишений период, эпизодом которого, в частности, были арест и тюремное заключение, в творческом смысле отнюдь не остался бесплодным. Помимо публицистики, «крымская философия» о. Сергия Булгакова – это две большие работы «Философия имени» (1917–1918, опубликована в 1953 Львом Зандером) и «Трагедия философии» (1921/1925, впервые опубликована в немецком переводе, 1927). Однако именно это время своей жизни он и называет «годами безочарования».

Переосмысление «шмидтианства», воспринимаемого уже как тягостный эпизод собственной биографии, происходит у него как раз в этот период. В статье «Мужское и Женское в Божестве», написанной в Крыму накануне высылки, мы находим не оставляющий и тени сомнения приговор: «... весь роман с воплощенной Софией, сочиненный А.Н. Шмидт, есть бред, в котором духовное безнадежно смешано с чувственно-человеческим, и это смешение обрекло ее на жертву самых тяжелых, соблазнительных и роковых иллюзий» [6; 346].

В письмах к о. Павлу Флоренскому последнее упоминание об А.Н. Шмидт относится к предпоследнему перед высылкой из Советской России посланию (прощальное письмо от 26 ноября / 9 декабря 1922 г. из Ялты Флоренский получил уже после 30 декабря 1922 г. – дня, когда о. Сергей Булгаков покинул Крым). В части III послания «Jaltica. Письмо к другу» без даты (часть II датирована I.IX.1922) автор подводит итог многолетней совместной деятельности и дружбы с о. Павлом: «Так я понимал Тебя, и Ты не станешь отрицать, что было так: не о школе ... шла речь, но о **новой эпохе сознания** ... (то, о чем болтали литераторы ... мы сделаем ...). Однако наше дело не удавалось, подобно тому, как А.Н. Шмидт не удавалось найти подходящих членов новой церкви “Третьего Завета”». И добавляет ниже: «И я искренне шмидтианствовал ...» [10; 176].

И все же шлейф очарования «Анны Маргариты» тянется за ним и в эмиграцию, и окончательное освобождение происходит все-таки позже. Оно зафиксировано в его дневниках 1923-1925 гг. В пражском дневнике «Из памяти сердца» о. Сергей Булгаков констатирует: «всякий пол преодолен, наконец, в моем софиесловии ... ни Вл. Соловьева с романом с Софией, ни Шмидт, “личного” воплощения Софии. Все это бред, иллюзия, хула» (29.X./7. XI [1923]) [1; 195]². Для него теперь блоковская «мистика Прекрасной Дамы», поэтическое отражение соловьевства, ведет «прямоухонько к большевизму» [8; 122], соловьевская «мистическая эротика переходит прямо в эротику, София в Сонечку,

² Здесь и далее дневник «Из памяти сердца» цитируется по указанному изданию.

область мистического блуда. Анна Шмидт» ... – это все путь в никуда, «мистическая иллюзия и аберрация. Реактив Фрейда в применении к Соловьеву (его статьи о «смысле любви»)»...» [8; 217].

Однако на смену прежним увлечениям идут другие, не менее сильные. Едва став священником, о. Сергей Булгаков, как известно, переживает период конфессиональных метаний: испытывает сильнейшее «католическое искушение». Окрашенная в апокалиптические тона гибель православной империи и казавшееся неизбежным вслед за тем прекращение существования русской Церкви приводят о. Сергия к какой-то маниакально-настойчивой мысли о Папе Римском как единственном гаранте сохранения вселенского церковного единства. Свою роль здесь, безусловно, сыграла разочарованность участника Собора 1918 года в собственной общественно-церковной деятельности: «Собор российский, патриаршество ... – все это очень быстро раскрылось в своем бессилии» [10; 185].

В Крыму о. Сергей принимает решение тайно помянуть Папу Римского на литургии, а оказавшись за границей, поначалу пытается наладить связи с католиками – ведь для него тогда возможный переход в инославную церковь мысленно вовсе не исключается. Недаром, отправляясь в изгнание, первоначально в Константинополь, в письме к о. Павлу Флоренскому он задает неясный самому себе вопрос: «впереди второй Рим, будет ли первый?» – имея в виду, конечно, вовсе не переезд в «вечный город»...

Увлечение католицизмом, запечатленное ярче всего в философско-публицистических диалогах «У стен Херсониса» (1922), впрочем, оказалось хоть и сильным, но кратковременным. Уже в Константинополе начинается «трезвление», а в Праге приходит полное разочарование в «папизме». Так в недавно опубликованной булгаковских дневниковых записях о первых годах эмиграции читаем (запись от 9/22.VII.1923): «С католичеством уже нет прежней остроты, и как-то разрешается в душе, тихо тает мой церковный кризис...» [12; 95]³.

О тяжком раскаянии о. Сергия Булгакова в собственном, как он теперь квалифицирует свое увлечение, «предательстве» свидетельствует другой его дневник «Из памяти сердца». Удивительно однако то, что раскаиваясь и трезвея, с душевной скорбью отрицаясь от своего прежнего филокатоличества, одновременно и со все нарастающим вдохновением о. Сергей возвращается к Софии и софиологии – но уже другой, очищенной от «шмидтианства». Вот запись от 11/24.V.1923 по

³ Судя по хронологии записей, цитируемая «Пражская записная книжка» [см.: 12] является продолжением дневника «Из памяти сердца», однако параллельно ему Булгаков ведет еще и так называемый «Духовный дневник» [см.: 5]. Издатель Пражской записной книжки сообщает: «Выясняется, что о. Сергей день за днем одновременно ведет два дневника: ежедневный (событийный) – публикуемая здесь записная книжка и Духовный» [12; 136]. Относительно «функционального» противопоставления двух дневников представляется нелишним следующее размышление: «Духовный дневник» Булгакова не менее событийен и не более «духовен», чем дневник «Из памяти сердца», а в «Пражской записной книжке» – дневнике, по определению издателя, «событийном», рукой Ю.Н. Рейтлингер вырваны многие страницы – несомненно те, которые относились непосредственно к ней, и в какой степени они могли бы быть определены как «духовные» либо как «событийные», мы уже не узнаем. Ясно только, что оставлялось лишь «событийное»...

поводу чтения воспоминаний Андрея Белого о Блоке: «меня это снова волнует; все эти темы и настроения мистической эротики, в которых я жил напряженно ... эта мистика Прекрасной Дамы, которая привела прямо-хоть к большевизму. Да что же это такое, наконец? Абберрация, ошибка мистического суждения, или же еще нераскрывшиеся символы неверно ... воспринятых предвестий (такова Шмидт) ... Сам я сейчас так болен и задавлен католическими вопросами, что совсем утерять эти темы, но ведь от этого они не упразднены; но, кто знает, может быть, еще и воротятся ...» [1; 122].

Душевные терзания, связанные с освобождением от «католического прельщения», тревожат еще не меньше года. В «Пражской записной книжке», в записи от 2/15 мая следующего, 1924 года, о. Сергей Булгаков в Вене вспоминает о своем былом состоянии: «Здесь был я с год тому назад, в растерзанном и растерянном виде, раздираемый католицизмом изнутри. И как изменился за год: я постиг и преодолел и *пережил* изнутри это искушение» [12; 99]. Теперь о. Сергей Булгаков переходит к критике и богословскому сражению с католической доктриной. Еще прежде, летом 1923 г. на студенческой конференции в Штернберге он выступает с докладом об апостолах Петре и Иоанне, который позже вырос в работу «Святые Петр и Иоанн. Два первоапостола». Здесь оспаривается католическая доктрина о примате апостола Петра. Осенью (запись от 8/21.VIII.1923) о. Сергей Булгаков фиксирует: «трезвею от своего католичества» [1; 145]; через несколько дней (13/26.VIII): «догматический папизм мною, благодарение Богу, пережит»; «читаю книги – о католичестве – с одним единственным результатом, чтобы освободиться от самогипноза, под который я попал ... вместе с освобождением, зреет ведь какая-то общецерковная дума» [1; 147]. Теперь он стремится к такой работе, «на которую можно отдавать остаток жизни» [1; 147], и вскоре это стремление получает оформленные черты: 9 октября (ст.ст.) в его квартире состоялось собрание, на котором было воссоздано возникшее еще в 1918 году в России Братство во имя св. Софии. Собранию предшествовали несколько предварительных встреч и совещаний. На Рождество Богородицы (8 сентября ст. ст.), на праздничном собрании после богослужения, о. Сергей «говорил слово о Софии, Премудрости Божией» [1; 155]. Об этом он упоминает в записи 16/29 сентября, и там же, ниже: «вчера у нас было маленькое по числу ... совещание, но очень важное по значению: порешили немедля приступить к образованию православного братства во имя Пресвятой Богородицы, — из церковной интеллигенции ... это может иметь большое значение для Церкви. Как милостив Господь, что я излечился от своего заболевания католичеством ...» [1; 157].

Далее события развиваются следующим образом. 25 сентября (ст.ст.) духовная дочь о. Сергия иконописица Юлия Рейтлингер подарила ему написанный ею «дивный образ Софии, Премудрости Божией» [1; 165]. На следующий день, 26 сентября (ст. ст.) вновь состоялось совещание, в котором приняли участие А.В. Карташев, П.И. Новгородцев, П.Б. Струве, В.В. Зеньковский, С.С.

Безобразов и Г.В. Флоровский. Все вместе «постановили учредить православное братство имени Божественной Софии» [1; 165]. В дневниковой записи инициатор собрания добавляет: «я уже устал ... от разных своих “озарений”, и на этот раз ничего не воображаю» [1; 166] – и, тем не менее, уже через месяц (23.X./7.XI): «а все же звучат почему-то на душе Блоковские стихи: Предчувствую тебя ... Читаю лекции – о Софии» [1; 193]. В записи того же дня: «В моей душе вновь поднялась София. О Ней думаю, Ею опять вдохновляюсь ... а еще так недавно казалось, что это выдумка, которой не соответствует опыт. И мой опыт новый, более духовный и церковный, из которого изгнан всякий пол, он преодолен, наконец, в моем софиесловии ...: ни Вл. Соловьева с романом с Софией, ни Шмидт, “личного” воплощения Софии. Все это бред, иллюзии, хула. Но София стоит как солнце на небе церковном ... и спасает меня своими лучами и свободой ... от папизма» [1; 195].

Через несколько дней (29.X./12.XI) та же мысль еще более заострена: «У меня сейчас – вполне неожиданно, но властно и закономерно – в душе стоит как антитеза: София или папство, горизонталь или вертикаль? Для меня ясно, что церковь – София не склонится под папу ... Теперь для меня становится понятно, почему я ранее – с удивлением – за последние годы потреял конкретное чувство Софии и стал считать ее ... за философский вымысел или ненужность. И на почве этого софийного нечувствия и внутреннего испуга перед большевизмом явился папизм» [1; 198].

Немного ниже – вновь возвращение к размышлениям о Шмидт: «вместе с новым подъемом софийных чувств ... для меня выяснилось и философско-богословское и религиозное отвержение половой концепции Софии, как “вечной подруги” и “прекрасной дамы” ... и кажется мне, что я преодолел здесь В. Соловьева – Шмидт ... Тем самым я сделал шаг и за “Свет Невечерний” ...» [1; 198].

Дневники недвусмысленно свидетельствуют: освобождение от католичества означало для о. Сергия возвращение к Софии и софиологии. В записи, сделанной 12/25.XI о чтении осенью этого года лекций: «имею возможность снова погружаться и пересматривать самые дорогие и трепетные вопросы, – о Софии, о Женственности, о Святом Духе» [1; 242].

Софийные настроения владеют о. Сергием Булгаковым зимой и весной следующего, 1924 года. Пастырское общение с умирающей Е.Я. Кизеветтер, которую он причащал накануне смерти, приводит к новому всплеску софийных чувств и размышлений (4/17.III.1924): «... и не совсем понимаю, что это со мной происходит – не в эмпирическом порядке ... но в мистическом. Я чувствую этот прилив волн, которые ролят ощущение силы и ведения ... или это зовы и вестники конца ... Будь я помоложе, я, конечно, сочинил бы какое-нибудь софийное происшествие ...» [1; 244]. Впрочем, для него, «теперь абсолютно трезвого» и «окруженного огнем алтаря», подобное уже невозможно («да и разве ... возможна была бы для священника история с Шмидт» – 9/22.II.1924 [1; 233]).

Он говорит о «странной и непонятной прекрасной и высокой связи душ на небесах», о тайне личных отношений с духовными детьми: «я слышу, слышу их как какие-то подземные вулканические силы ... и уже трепещет сердце от непосильного для него волнения ... И все это абсолютно вне порядка земных чувств ... это своя особая область духовных связей» [1; 244]. Но, по-видимому, последние строки относятся далеко не ко всем духовным чадам о. Сергия. В «Пражской записной книжке» (18/31.V.1924) имеется примечательная запись: «Вчера я читал самую свою, кажется, значительную по теме и мыслям лекцию – о Богоматери и Св. Духе, о материнстве с Богом, о Богоматери как Софии, о Знамени Божией Матери. Душа трепетала и изнемогала от внутреннего напора и горения, но предо мной были пустые скамьи и маловосприимчивые сердца, кроме, конечно, Юли одной» [12; 102].

Юлия Рейтлингер «посланица Софии» – последнее «софийное увлечение» о. Сергия Булгакова. Их знакомство состоялось в 1918 г. в Крыму, а одна из страничек «Пражской записной книжки», посвященных будущей монахине Иоанне, говорит о силе и высоте этой небесной связи душ (запись от 11/24.V.1924): «... Все это русские вопросы... мировые вопросы... На фоне этого трагического величия каким-то величаво-странным <страшным – ?> выступает этот последний дружеский союз во имя Софии...» [12; 101]. Удивительно, но в тот же день фиксируется и еще одно «разочарование» в прежнем глубочайшем «увлечении» – на этот раз оно касается отношения к о. Павлу Флоренскому: «Нас соединяет почитание Софии, но я чувствую, что встреча с ним мне ничего не даст, кроме чисто личных впечатлений. Было время, что я читал его как своего старца и Друга... Теперь ... этого нет» [12; 100]. И далее: «И он как-то оказался для меня несостоятелен, при всей своей гениальности... Я знаю всю свою малость и никчемность, и однако иначе я уже мне могу: в себе обрести Софию, броситься в море за сокровищем и достать его или же утонуть» [12; 100]⁴.

В итоге духовное возрождение приводит о. Сергия к периоду интенсивного творчества, к созданию ряда работ, в которых внутренне преодоление прежнего «эротически окрашенного» софиесловия выливается в новую концепцию софиологии. Однако «католический сюжет» не прошел бесследно: позже в философско-богословском плане он отразится в положительном решении Булгаковым проблемы filioque, а также в оценке им как «роковой» роли византийского патриарха Фотия в разделении церквей. Впоследствии эта оценка несколько смягчилась, но разделение церквей Булгаков до конца жизни воспринимал как трагедию, приведшую к застою богословской мысли как на западе, так и на востоке.

4 Через много лет, в «Невесте Агнца», опубликованной уже после смерти о. Сергия, последнее упоминание имени Флоренского в булгаковских текстах свидетельствует о полном преодолении когда-то столь сильного влияния Друга: «...беспомощность ... учения Платона об идеях заключается в отделенности Софии Божественной от Софии тварной... Благодаря этому мир оказывается только проекцией языческого политеизма (таким он остается и в истолковании идей как духовных существ у о. П. Флоренского)» [7; 16].

Кроме того, первую книгу так называемой малой трилогии «Купину Неопалимую» (1927) Булгаков, очевидно по горячим следам, задумал как критику католического почитания Богоматери (в частности, догмата о непорочном зачатии) – но она вышла далеко за рамки первоначального замысла и собственно антикатолическая полемика отходит в ней на второй план.

Возвращение же к Софии и софиологии после нескольких лет забвения темы происходит в книге «Ипостась и ипостасность» (закончена в июне 1924 года). Жанр сочинения определен автором как «заметки на полях» – в этих Scholia к «Свету Невечернему» он впервые дает набросок софийной онтологии в рамках догматического богословия.

Софию, понимаемую прежде платонически как «умную сущность», «совершенный организм божественных идей» или некую «прослойку» между Богом и миром, о. Сергей Булгаков теперь стремится мыслить как раскрывающийся мир божественных энергий, отличный от природы Божества. Чувствуя недостаточность

прежнего платонического обоснования Софии, он пытается перевести ее на паламитскую основу. Собственно, все последующее философско-богословское развитие его софиологии и представляет собой эту попытку, оставшуюся все же незавершенной...

«Ипостась и ипостасность» заканчивается утверждением о Богоматери как творении, достигшем софийной высоты: «Она есть тварная София» [2; 33] – отсюда он перекидывает онтологический мостик к тематике «Купине Неопалимой», в которой софиология впервые пытается выговорить себя исключительно языком христианской догматики.

Тем самым о. Сергей Булгаков действительно делает шаг вперед не только относительно собственной софиологической концепции «Философии хозяйства» и «Света Невечернего», но и существенно уходя от софиологической проекции, намеченной В.С. Соловьевым и о. Павлом Флоренским, в свете влияния которой – даже при несомненной оригинальности собственной теории – о. Сергей Булгаков все же до сих пор оставался.

Библиографический список

1. Булгаков С., прот. Из памяти сердца. Прага [1923-1924]. Публ. и коммент. Алексея Козырева и Натальи Голубковой при уч. Модеста Колерова // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1998 год. М.: О.Г.И., 1998.
2. Булгаков С.Н. Ипостась и ипостасность (Scholia к Свету Невечернему // Булгаков С.Н. Труды о Троичности / Сост., подгот. текста и примеч. Анны Резниченко (Исследования по истории русской мысли. Т. 6). М.: О.Г.И., 2001.
3. Булгаков С.Н. На пиру богов. Pro et contra. Современные диалоги // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991.
4. Булгаков С.Н. Тихие думы. М.: Республика, 1993.
5. Булгаков Сергей, прот. Автобиографические заметки. Дневники. Статьи / Предисл. Н.А. Струве; примеч. А.П. Олейниковой, Н. А. Струве. Орел: Изд-во Орлов. гос. телерадиовещат. компании, 1998.
6. Булгаков Сергей, прот. Мужское и Женское в Божестве. Мужское и Женское // С.Н. Булгаков: религиозно-философский путь. Международная научная конференция. М.: Русский путь, 2003.
7. Булгаков Сергей, прот. Невеста Агнца. М.: Общедоступный Православный Университет, основанный протоиереем Александром Менем, 2005.
8. Булгаков Сергей, прот. О Вл. Соловьеве (1924). Из архива Свято-Сергиевского Богословского Института в Париже / Козырев А.П. Священник Сергей Булгаков: Возвращение к Соловьеву // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1999 год. М.: О.Г.И., 1998.
9. Голлербах Евгений. Религиозно-философская группа «Путь» (1910-1919) в поисках новой идентичности. СПб.: Алетея, 2000.
10. Переписка священника Павла Александровича Флоренского со священником Сергием Николаевичем Булгаковым. Сост. игумен Андроник (Трубацев). Томск: Водолей, 2001.
11. Шмеман Александр, прот. Дневники. 1973-1983. Сост. и подгот. текста Ульяны Шмеман, Никиты Струве, Елены Дорман. М.: Русский путь, 2005.
12. Рейтлингер Ю.Н. и о. Сергей Булгаков. Диалог художника и богослова. Дневники. Записные книжки. Письма. Сост., подгот. текста, предисл., коммент., примеч. Брониславы Поповой. М.: Никея, 2011.

References

1. Bulgakov S., prot. Iz pamjati serdca. Praga [1923-1924]. Publ. i komment. Alekseja Kozyreva i Natal'i Golubkovej pri uch. Modesta Kolerova // Issledovanija po istorii russkoj mysli. Ezhegodnik za 1998 god. M.: O.G.I., 1998.
2. Bulgakov S.N. Ipostas' i ipostasnost' (Scholia k Svetu Nevechernemu // Bulgakov S.N. Trudy o Troichnosti / Sost., podgot. teksta i primech. Anny Reznichenko (Issledovanija po istorii russkoj mysli. T. 6). M.: O.G.I., 2001.
3. Bulgakov S.N. Na piru bogov. Pro et contra. Sovremennye dialogi // Vechi. Iz glubiny. M.: Pravda, 1991.
4. Bulgakov S.N. Tihie dumy. M.: Respublika, 1993.
5. Bulgakov Sergij, prot. Avtobiograficheskie zametki. Dnevnik. Stat'i / Predisl. N. A. Struve; primech. A. P. Olejnikovej, N.A. Struve. Orel: Izd-vo Orlov. gos. teleradioveshat. kompanii, 1998.
6. Bulgakov Sergij, prot. Muzhskoe i Zhenskoe v Bozhestve. Muzhskoe i Zhenskoe // S.N. Bulgakov: religiozno-filosofskij put'. Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija. M.: Russkij put', 2003.
7. Bulgakov Sergij, prot. Nevesta Agnca. M.: Obshhedostupnyj Pravoslavnyj Universitet, osnovannyj protoiereem Aleksandrom Menem, 2005.
8. Bulgakov Sergij, prot. O Vl. Solov'ev (1924). Iz arhiva Svjato-Sergievsogo Bogoslovskogo Instiuta v Parizhe / Kozyrev A.P. Svjashhennik Sergij Bulgakov: Vozvrashhenie k Solov'evu // Issledovanija po istorii russkoj mysli. Ezhegodnik za 1999 god. M.: O.G.I., 1998.
9. Gollerbah Evgenij. Religiozno-filosofskaja gruppa «Put'» (1910-1919) v poiskah novoj identichnosti. Spb.: Aleteja, 2000.

10. Perepiska svjashhennika Pavla Aleksandrovicha Florenskogo so svjashhennikom Sergiem Nikolaevichem Bulgakovym. Sost. igumen Andronik (Trubachev)]. Tomsk: Vodolej, 2001.
11. *Shmeman Aleksandr*, prot. Dnevnik. 1973—1983. Sost. i podgot. teksta Ul'jany Shmeman, Nikity Struve, Eleny Dorman. M.: Russkij put', 2005.
12. *Rejtlinger Ju.N.* i o. Sergij Bulgakov. Dialog hudozhnika i bogoslova. Dnevnik. Zapisnye knizhki. Pis'ma. Sost., podgot. teksta, predisl., komment., primech. Bronislavy Popovoj. M.: Nikeja, 2011.

УДК 37.018.26

Э.М. ЛУЩЕНКО

соискатель кафедры философии и культурологии МГУ
ПС (МИИТ)

E-mail: ele4ka6@mail.ru

С.И. НЕКРАСОВ

доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-политических наук МГТУ ГА

UDC 37.018.26

E.M. LUSCHENKO

Competitor of the Department of Philosophy and Cultural
Studies, Moscow State Railwaus University

E-mail: ele4ka6@mail.ru

S.I. NEKRASOV

Doctor of Philosophy, Professor, Department of Humanities, Social and Political Sciences MSTUCA

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «РОДИТЕЛЬСТВО» И ЕГО СУЩНОСТИ

ON THE NOTION OF «PARENTHOOD» AND ITS ESSENCE

Статья посвящена рассмотрению родительства как социально-философского феномена. Рассмотрены основные функции института материнства и отцовства, а также влияние родителей на формирование личности ребенка.

Ключевые слова: родительство, материнство, отцовство, дети, семья.

The article is devoted to parenting as a social and philosophical phenomenon. The main functions of the institution of motherhood and fatherhood, as well as the influence of parents on the formation of the child.

Keywords: parenting, motherhood, fatherhood, children, family.

В последние годы в отечественной научной литературе широко обсуждается вопрос о необходимости укрепления института семьи. В современном мире «родительство» переживает острый кризис, проявляющийся, в первую очередь, в сфере детскородительских отношений. Ослабляются социальные связи между родителями и детьми, снижается значимость родства и родительства.

Следует отметить, что понятие «родительство» является областью исследования целого ряда наук: философии, социологии, психологии, педагогики, медицины, права, демографии, культурологии, этики, религиоведения и др. Это, безусловно, подчеркивает значимость данного феномена в жизни.

Родительство – сложное социальное явление, уникальное как для отдельного человека, так и для общества в целом. Выступая, с одной стороны, необходимым условием обеспечения воспроизводства будущих поколений, а с другой – элементом личностной сферы человека, родительство является одним из наиболее значимых ценностей культуры. В общении с родителями, в процессе совместной деятельности с ними ребенок усваивает первые понятия о мире, об обществе, приобщается к человеческой культуре, приобретает ин-

дивидуальные черты, которые постепенно образуют неповторимые личные качества. И социальность для него представлена первоначально, главным образом, родителями. С первого момента отношения ребенка с родителями носят социокультурный характер и становятся моделью для всех последующих отношений. Таким образом, родительство служит связующим звеном между человеком и обществом, его культурой.

Как социокультурный феномен родительство несет в себе отражение всего хода развития человеческой культуры, всего накопленного социального опыта, главных ориентиров, норм общения, выступая своеобразным индикатором состояния общества в целом. Современные проблемы родительства являются коренными социальными проблемами и нуждаются в системном исследовании как с точки зрения выявления специфики данного социального феномена и особенностей его взаимовлияния и взаимосвязи с обществом, так и с точки зрения определения возможных тенденций развития в будущем. Проблемы отношений родителей и детей всегда были актуальны и вызывали большой научный и практический интерес. В последние десятилетия эволюция родительских отношений стала объектом пристального изучения во всем мире. Причина

этого – понимание значимости данного феномена для общества и осознание существенных изменений, произошедших в родительских отношениях на протяжении времени. [2, с.226]

В широком смысле родительство представляет собой сложное социальное образование, являющееся структурным элементом общества, выполняющее в нем специфические функции и взаимодействующее как с обществом в целом, так и с отдельными его элементами. Родительство можно охарактеризовать как совокупность субъектов, многоплановых, разнохарактерных отношений, событий, процессов, социальной практики, которая формируется и поддерживается обществом, а также постоянно возобновляется в процессе жизнедеятельности людей, осваивающих социальность и интегрирующихся в социум. Проблема соотношения родительства и семейной системы напрямую связана с определением понятий «семья» и «родительство». Как правило, под семьей принято подразумевать группу проживающих совместно людей, связанных брачными, кровнородственными отношениями или отношениями свойства. В рамках института родительства реализуются роли отца, матери, родителя, ребенка, сына, дочери и т.д., каждая из которых обладает своим социальным, правовым, экономическим статусом. [5, с. 43]

Потребовалась длительная эволюция для выделения и детализации социальных ролей матери, отца и других родственных уз. Процесс индивидуализации заботы о потомстве претерпел определенную эволюцию, прежде чем сконцентрировался на усилиях кровных родителей – матери и отца. Конечное утверждение индивидуального материнства и отцовства происходит в условиях достаточно развитой цивилизации. Хотя, как указывают этнографические данные, уже на высших ступенях дикости матери начинают заботиться о своих собственных детях. Эта забота сводилась главным образом к основным функциям, необходимым для ухода за ребенком, сохранения жизни, физического развития и для приобретения важнейших знаний и опыта.

Отцовство и материнство представляют собой два разных института родительства, также имеющие свои специфические функции в зависимости от социокультурных факторов.

Материнство является одной из наиболее значимых ценностей культуры. Первое социальное отношение ребенка – его отношение с матерью. С момента возникновения оно имеет социокультурный характер и служит в качестве модели для всех последующих отношений. Именно в общении с матерью, в процессе совместной деятельности с нею ребенок усваивает первые понятия о мире, об обществе, и социальность для него представлена первоначально, главным образом, матерью. Образ мира он отождествляет с образом матери. В процессе общения с нею ребенок постепенно усваивает тот образ мира, который сформировался у матери. Только через мать ребенок может приобщиться к человеческой культуре, приобрести необходимые индивидуальные черты, которые образуют духовно-эмоциональный фон личности, включающий нравственно-эстетические цен-

ности, оригинальные и неповторимые личные качества. [4, с.27]

Что касается понятия материнства, то здесь имеются определенные сложности. Во-первых, материнство не рассматривалось как целостный феномен. В тех случаях, когда материнство рассматривалось как социальная роль, функция женщины, связанная с беременностью и родами, определенный период в жизни женщины и т.п., данное понятие не эксплицировалось, а иногда заменялось другими. «Женщина – мать», «период активной репродуктивной деятельности» и др.

Во-вторых, в имеющейся справочной литературе оно либо вообще не упоминается, как, например, в Большой советской энциклопедии, либо идет через запятую со словом «мать».

И только в Словаре Ожегова С.И. и Толковом словаре под редакцией Ушакова Д.Н. находим следующие значения этого слова: материнство – это 1) беременность, роды, кормление – как функция женщины-матери; 2) родственная связь матери с детьми: материнское чувство (а), чувство материнства, инстинкт материнства, материнская любовь; 3) то, что является источником, давшим жизнь кому-чему-нибудь, откуда черпают силу, энергию, жизнеспособность; 4) переносное значение: «кузькина мать», «крестная мать», «посаженная мать», «мать честная» и т.п.

Как явствует из перечисленных значений, материнство как целостное явление, не представлено. В качестве исходного рабочего понятия можно предложить следующее: в самом общем виде материнство можно определить как исторически сложившийся механизм воспроизводства человека, обусловленный по форме биопсихофизиологически, а по существу являющийся социокультурным феноменом.

Как институционализированная форма репродуктивной деятельности оно оформляется очень рано: уже в период разложения первобытного общества, с появлением кровно-родственной семьи. На этом этапе появляются первые табу, регламентирующие половое поведение, формирующие половозрастные, социальные роли и основные социокультурные ориентиры соответствующие им, отражающие матриархатную организацию общества.

Культура в своих глубинных основаниях является матриархатной. В философско-культурологическом плане и в плане генезиса культуры материнство выступает как точка отсчета человечности, «золотой запас» человеческой культуры, механизм, посредством которого продуцируются, репродуцируются и транслируются культурные ценности. Именно в этом состоит новизна подхода, который позволил иначе взглянуть на материнство как на целостность, которая несводима к частям, отдельной функции или роли. [1, с.24]

Такой подход позволяет выявить те основания, истоки культуры и механизмы, которые ее формируют, развивают, сохраняют, возрождают. Роль, место, значимость материнства в этом процессе уникальна, и нам трудно ее представить, понять, оценить.

Женское, а точнее материнское, начало образует

архаичный пласт культуры (а над ним патриархатный пласт) и через него можно проследить нити, связи (в том числе и институциональные) практически со всеми культурными феноменами как на родовом, так и на индивидуальном уровне. [1, с.25]

Сегодня можно констатировать то, что патриархатная цивилизация (цивилизация как форма развития культуры) себя исчерпала, как это было ранее с матриархатной, и теперь обнаруживается тенденция к формированию биархатной культуры. Об этом свидетельствуют многочисленные факты, а также глубинные перемены, происходящие в мировой культуре: в частности, коренная ломка в жизненных ролях мужчин и женщин и соответствующие изменения социокультурных стереотипов половых ролей, образцов поведения, норм морали, принципов взаимоотношений между людьми. И в этих условиях материнство как важнейший механизм сохранения и трансляции базовых общечеловеческих ценностей выступает стабилизирующим фактором культуры, обеспечивающим ей устойчивость и преемственность. Какие бы коренные изменения не происходили в социокультурных ролях: нивелирование различий, рокировка ролей, но эта одна – неизменна, постоянна и здесь невозможна взаимозаменяемость мужчин и женщин, а лишь их единство и взаимодополняемость. [6, с.142]

Необходимо отметить, что в кризисные для социума моменты материнство выступает едва ли не единственным гарантом стабильности. Произойдут какие угодно катаклизмы, но жизнь, зародившаяся в материнском лоне, будет развиваться по тем же законам, что и до этого катаклизма, и по тем же законам осваивать азбуку человеческой культуры.

Специфическая особенность материнства как важнейшего механизма трансляции культуры состоит в том, что оно не погружено целиком в социум, не принадлежит ему полностью, а лежит как бы между природой и культурой. Именно в этом его уникальность, исключительность, ценность.

Материнство как бы соединяет природу и культуру. То, что человек получает при родах, включает и саму окружающую природу (географическую среду, климат, ландшафт и т.п.), и то, что он получает от рода, родовую культуру, культурный фундамент, в котором вызревают основные архетипы культуры.

Материнство выступает как своеобразный гарант стабильности, не подверженный в своих сущностных характеристиках колебаниям социума прежде всего потому, что материнство существует в социуме, а питается из природы. Генетическая заложенность, неистребимость инстинкта материнства гарантирует воспроизводство человека в физическом и социокультурном плане. Очень хорошо эту особенность материнства как гаранта стабильности и репродукции социума понимали в древности, что нашло свое отражение в мифологических представлениях и традициях различных народов.

Под отцовством понимается социальное явление, исторически возникшее в моногамной семье, сущность которого состоит в готовности мужчины взять на себя ответственность за содержание и воспитание своих детей.

Феномен отцовства – не абстрактная категория и не теоретический конструкт, он конституирует повседневную жизнь людей, традиционно ассоциируясь с порядком и стабильностью, с надежностью и защитой. Обесценивание роли отцовства в условиях кризиса института семьи инициирует риск потери гендерной идентичности и кризис маскулинности. Институт отцовства и реализующие его практики – необходимые элементы гендерного порядка, соотношения мужской и женской роли и деятельности. Отцовство – одно из главных проявлений мужской идентичности.

Термин «отцовство», имеющий длительную историю, неоднозначен: отцовство (fatherhood) понимается как социальный институт, система прав, обязанностей, социальных ожиданий и требований, предъявляемых к мужчине как родителю и коренящихся в нормативной системе культуры и структуре семьи. Другое значение термина «отцовство» (fathering) – реальные практики, т. е. деятельность, связанная с выращиванием и воспитанием детей. Отцовская идентификация – процесс осознания себя в качестве родителя и принятие (или отрицание) имеющихся культурных норм поведения отца (принятие соответствующей роли). Феномен отцовства, так же как и материнства, может быть рассмотрен с двух точек зрения: как обеспечение условий развития ребенка и как часть личностной сферы мужчины. Оба этих подхода взаимосвязаны: они рассматривают один и тот же феномен с точек зрения двух его функций. Изучение отцовства с первой точки зрения включает анализ личностного вклада отца в развитие ребенка (детей). Рассмотрение отцовства со второй точки зрения позволяет выделить функции самореализации мужчины. Истоком отцовства как социального бытия является осуществление человеческого начала в человеке. [3, с.417]

Взаимоотношения между мужчиной и женщиной всегда были признанной областью социологических, психологических, атропологических исследований, ныне же они – неотъемлемая часть истории культуры. Правда, эта сторона социального поведения была признана частью культурологических изысканий, аспектом исследований общественного сознания. Современный кризис отцовства во многом обусловлен противоречивыми и стереотипными представлениями о роли отца, смешением отцовских и материнских ролей, выполнением в силу различных обстоятельств женщиной отцовских функций. Но, безусловно, участие отца в воспитании ребенка невозможно переоценить. Оно необходимо для формирования полноценной гармоничной личности, а при условии четкого разделения родительских ролей оказывает положительное влияние на развитие детей.

Библиографический список

1. Андреева Н.И. Женщина и общество: социально-философский аспект. Автореф. канд. дис. Ставрополь, 1994. С. 23 - 25.
2. Гурко Т. А. Брак и родительство в России. М., 2008. С. 225-230.
3. Ерников Н.А. Мужчина: школа практической психологии. М.: «РИПОЛ КЛАССИК», 2001. С. 416 -420.
4. Михеева А.Р. Брак, семья, родительство: социологические и демографические аспекты. Новосибирск, 2001, С. 25-30.
5. Овчарова Р.В. Родительство как психологический феномен. М., 2006, С. 43-45.
6. Хасбулатова О. А. Российская гендерная политика в XX столетии. Иваново, 2005, С. 142-145.

References

1. Andreeva N. Women and society: social and philosophical aspect. Avtoref.kand. dis. - Stavropol, 1994, p. 23 – 25.
2. Gourko T.A. Marriage and parenthood in Russia. Moscow, 2008, p. 225-230.
3. Rivals N.A. Man: School of Applied Psychology. - M.: "RIPOL KLAS – SIC", 2001, p. 416 -420.
4. Mikheev A.R. Marriage, family, parenthood: sociological and demographic aspects. Novosibirsk, 2001, p. 25-30.
5. Ovcharova R.V. Parenthood as a psychological phenomenon. M., 2006, p. 43-45.
6. Khasbulatova O.A. Russian gender politics in the twentieth century. Ivanovo, 2005, p. 142-145.

УДК 111.8

Д.В. МАЛАХОВ

*аспирант кафедры философии и методологии науки
Белорусского государственного университета*

UDC 111.8

D.V. MALAKHOV

*graduate student of department of philosophy and science
methodology, Belarusian state university*

**ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ПРИРОДА СУБЪЕКТА КАК ПРОБЛЕМА
СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ**

**THE TRANSCENDENTAL NATURE OF THE SUBJECT AS A PROBLEM
OF MODERN PHILOSOPHICAL –METHODOLOGICAL CONSCIOUSNESS**

В контексте феноменологического движения рассматривается проблема субъекта научной рациональности. Акцентируется характер философской рефлексии и её значение в формировании мотивированной активности субъекта научной рациональности – трансцендентального Я, специфическим образом воплощающего идею непосредственного схватывания реальности.

Ключевые слова: научная рациональность, субъект научной рациональности, феноменология, трансцендентальное Я, метафизика процесса, логос, чистое сознание.

In a context of phenomenological movement the problem of the subject of scientific rationality is considered. Character of a philosophical reflexion and its value in formation the reasonable activity to the subject of the scientific rationality – Transcendental Ego, in unusual way embodying idea of the directly grasping the reality is accented.

Keywords: scientific rationality, subject of scientific rationality, phenomenology, transcendental Ego, metaphysics of process, logos, singular consciousness.

В попытках ответить на животрепещущие вопросы современности обращение к научной рациональности как квинтэссенции разумной человеческой способности имеет глубокие бытийные и этические корни. Сущностная потребность разума перейти от мнения к достоверности, стремление духа освободиться от идолов и обратиться к тому, что действительно есть, воплощаются в научном знании как в свидетельстве о реальном присутствии истины. Проблемное поле научной рациональности представляет собой арену, на которой разворачивается драма осмысления: может ли конкретная жизнь во всём богатстве и противоречивости стремлений выступить в качестве фундамента объек-

тивного характера научного знания? Гносеологическая проблематика этого вопроса редуцируется к определению степени и характера включённости субъективных факторов в познавательный процесс, который реконструируется в качестве сохраняющего объективный эпистемологический статус научного знания.

Реконструкция процесса научного познания основывается на философском и научно-методологическом уровнях рефлексии, расширяющих понятие субъекта научного познания до понятия субъекта научной рациональности, в поле которой и происходит проблематизация субъективных факторов в контексте объективного содержания познания. Статус процедуры рефлексии

делает возможным эксплицировать проблемы научной рациональности на уровне ценностных, ментальных и психических структур личности, осуществляющей рефлексивные акты. При этом существенным образом расширяется исследование мотивационной сферы – личной вовлечённости в процессы конституирования предметной и ценностной реальности.

Обращение от легитимации к мотивации познания и деятельности позволяет пересмотреть понятие субъекта научной рациональности. В постсоветской философии приоритетным статусом продолжает пользоваться эмпирический субъект. Постановка проблемы личной ответственности, вытекающая из анализа глубинных оснований мотивации, делает возможным обращение к иному виду субъекта – трансцендентальному Я.

В современной русскоязычной философской литературе научная рациональность начинает активно рассматриваться как «парадоксальная»: стремление к свободному мышлению, с одной стороны, и «власть» концептуальных каркасов – с другой, порождают интеллектуальный конфликт. Так, В.Н. Порус отмечает, что тупики рациональности, основанной на концептуальных каркасах, связаны с личностью, существующей в режиме нарастающего конфликта между заданностью идеалов и норм исследования и приоритетных концептуальных структур, с одной стороны, и стремлением к свободной критике оснований собственного мышления – с другой. В этом конфликте В.Н. Порус усматривает причины экспансии иррационального начала в отношении рациональных форм познания [1, с. 178]. Радикальный характер интенций В.Н. Поруса состоит в том, что рефлексивный анализ, обращённый вовнутрь эпистемологических теорий, должен определяться как философский, а не научно-методологический, традиционно рассматриваемый в качестве основной формы единства субъективного начала и объективного содержания знания. Эпистемологические проблемы, таким образом, представляют собой «спецификации проблем философской антропологии, в особенности – проблем свободы и цели человеческого бытия и познания» [2, с. 236].

Для трансцендентального Я рефлексия, имеющая своим объектом универсалии и абстракции, является научно-методологической, в предмете которой оно не обнаруживает собственные предельные основания и не соотносит предметность, на которую указывает рефлексия второго уровня, с собственными этическими и познавательными императивами как абсолютно значимую. Оставаясь в поле абстракций и универсалий, трансцендентальное Я испытывает своеобразный голод по первичной достоверности, реальности факта, служащих источником обнаружения собственных ценностных и познавательных структур в актах философской рефлексии.

Динамика науки и современная проблемная ситуация вокруг научной рациональности обусловлена также процессами углубления междисциплинарного дискурса и выходом на передний край исследований наук, имеющих своим предметом живую субстанцию: биологии, генетики, экологии, медицины, психологии,

психиатрии. В этих дисциплинах реальность антропологических и, шире, гуманитарных метаморфоз и катастрофических процессов представлена непосредственным образом. Используя феноменологическую терминологию, можно сказать, что сущее само является в био-психо-социальных модусах. Схватывание реальности как таковой, предшествующее концептуализации, способно формировать личностный опыт как опыт соучастия, причастности и приверженности. Характер внутреннего опыта, доставляемый науками о живой субстанции, позволяет выдвинуть предположение о возможном ренессансе метафизики в контексте научной рациональности. При этом метафизическая система не редуцируется к философским основаниям науки, сохраняя собственные онтологические, телеологические и антропологические константы. Проблема интерпретации реальности, традиционно выступавшая разделительным барьером между метафизикой и наукой, в современных условиях может выступить как объединяющее начало.

М. Вартофский, отмечая, что метафизические системы задают различные виды реальностей, в то время, как наука основывается на убеждении, что существует только одна реальность, предлагает в качестве формы синтеза поиск и установление первичного онтологического принципа, на основе которого возможно любое объяснение и любая рациональная интерпретация. Это означает, что «существует одна объективная истина, один логос, относительно которого наши объяснения и теории являются адекватными или неадекватными, истинными или ложными ... этот принцип формирует условия объективности в науке ... в форме «убеждения», или в виде эвристического принципа, критическая проверка и уточнение которого являлись традиционным делом метафизики» [3, с. 98].

Рефлексия об онтологическом принципе является философской и конституирующей личностное начало изнутри, поскольку утверждение первичного принципа, наподобие гераклитовского Логоса становления, вводит в опыт сущего действенное начало. Метафизика действия, в отличие от созерцательной метафизики абсолютного, продуцируется не чистым умозрением, а реальным поступком, деянием, на свой страх и риск конституирующим субъективную и интерсубъективную реальность. Эти действия не обусловлены преданными универсальными нормами и скорее интуитивны, нежели формальны или аффективны – в основаниях жителворчества лежат достоверность поступков и очевидность результатов, складывающихся в то, что М. Вартофский именует «внутренней убеждённостью» – основу и метафизики, и науки.

Вырастая из человеческого опыта становления-собой, метафизическая система задаёт личности первичные структуры понимания, которые транслируются в научную рациональность в виде концептуальных моделей. При этом разрыв между концептуальной структурой и первичными структурами понимания создаёт своего рода срыв рациональности и превращает её из живого события духа в то, что А. Уайтхед называл «за-

стывшей рациональностью». Согласно М. Вартофскому, разрыв ведёт к утрате научной рациональностью статуса понимающей, поскольку «понимание достигается в результате того, что любая концептуальная модель в качестве некоторой формы гармонизируется с первичным опытом самого понимания» [3, с. 107]. Эвристический потенциал метафизики для науки концептуализируется в понятии «метафизический базис науки», выводящий на приоритетное место проблему конституирования гетерономных структур опыта, определяющего способность к динамическим трансформациям.

В двадцатом веке предпринималось несколько попыток построения метафизических систем, основывающихся на онтологическом принципе, среди которых следует выделить теорию творческой эволюции А. Бергсона, космологию А. Уайтхеда («метафизика процесса»), фундаментальную онтологию М. Хайдеггера, концепцию чувствующего интеллекта Х. Субли («феноменология реальности»), теорию онтопоэзиса А.-Т. Тыменецка («феноменология жизни»).

Так, метафизику А. Уайтхеда роднит с крупнейшим философским проектом двадцатого века – феноменологией – призыв «возвратиться к реализму непосредственного «схватывания» как матрицы всех научных абстракций» [4, с. 94]. Первичным принципом полагается сращение («конкретенция») субъективных событий в иерархические уровни космологического процесса, при этом онтологический статус отдельного субъективного события как системообразующего оказывается равным онтологическому статусу системной иерархии. Действие первичного принципа раскрывается в концепции «действительной сущности», бытие которой обусловлено её внутренним стремлением к становлению – сущностному изменению с сохранением личного тождества. При этом доминирующим фактором ценностного конституирования выступает органический (то есть имеющий основанием саму жизнь) процесс сращения реального индивидуального события с Вечными объектами («Миром Ценности»), к которому А. Уайтхед причисляет также научные объекты.

А.-Т. Тыменецка, следуя классической феноменологической традиции, интерпретирует феномен жизни в двух планах: онтическом и онтологическом. При этом онтический план («автопоэзис») рассматривается как естественное самоупорядочивание стихии жизни без образования уникальных форм. Онтологический план («онтопоэзис») представляет собой смысл порядка жизни или внутреннюю природу самоупорядочивания и саморазвития жизни в дифференциации типов и индивидов. Онтопоэзис выступает основной формой бытия, репрезентирующей первичный онтологический принцип самоиндивидуализации, который А.-Т. Тыменецка именует также «Логосом жизни». Логос жизни коррелируется с гуссерлевским понятием трансцендентального Я, обретение которого обусловлено преодолением эмпирическим субъектом естественной установки сознания. Так, в автопоэзисе жизни, или стихийном не индивидуализирующем упорядочивании, Логос не актуализован и присутствует в качестве горизонта

возможностей. Логоцентричность, наподобие трансцендентальной сферы, возникает в первичных актах следования индивидуализации и формирования конкретного существования.

Таким образом, в концепции А.-Т. Тыменецка логоцентричность представляет собой процесс актуализации уникальных потенций стихии жизненных сил. Феноменология жизни призвана способствовать прояснению характера взаимодействия стихийных сил, обуславливающих автопоэзис, и логоических сил, определяющих путь морфологического и экзистенциального становления индивида в контексте целостного феномена жизни [5, с. 150]. Логоические силы выступают в качестве системообразующего начала, гармонизирующего первичный импульс (*impetus*) стихийных жизненных сил – в понимании, свойственном традиции русской религиозной философии – свободы. В этой части концепция А.-Т. Тыменецка сходна с положениями метафизики процесса А. Уайтхеда, согласно которому концептуальная прегензия выводит в ранг ценностного события физическую прегензию – первичное непосредственное схватывание реальности – посредством её сращения с Вечными объектами [6, с. 155]. Аналогом логоических сил в данном случае выступает стремление субъекта к концептуализации, посредством которой он обретает космологический статус «бессмертия» – вращение в Мир Ценностей и действительную причастность «идеальному миру первоначальной природы Божества» [7, с. 83].

В целом, подходы А. Уайтхеда, М. Вартофского и А.-Т. Тыменецка обладают сущностным сходством: научная рациональность рассматривается как высшая форма рациональности, при этом акцент делается на органическом синтезе опыта схватывания реальности и чувстве личной сопричастности, конституирующих положения метафизических систем и концепты науки. Таким образом, проблема субъекта научной рациональности может быть поставлена в контексте реальности, к которой апеллирует личностный опыт конституирования и которая проступает в актах схватывания в качестве первичного онтологического принципа. Вопрос о прояснении сущности схватывания субъектом познания этой реальности становится определяющим для проблемы творческой рациональности. Обращение к феноменологической философии не является в данном случае ни надуманным, ни случайным – критерием выступает глубокая тематическая разработка учения о «непосредственной данности» исходя из интенции о двух планах существования, представленных в сознании и образующих горизонт потенциальностей или – «мир».

Существенным нюансом учения о непосредственной данности является отказ от приоритетного статуса «переживания», традиционно и справедливо отвергаемого наукой за психологизм и релятивизм. Действительно, схватывание реальности в переживании, чувственном вживании характеризуется, по замечанию А.Ф. Лосева, моментами, исключающими реализацию идеалов научной достоверности.

1. Смещение непосредственной данности с исхо-

дным постулатом исследования, в результате чего первая предстаёт как нечто, уже являющееся результатом теоретизирования или конвенции [8, с. 47].

2. Смешение непосредственной данности с наибольшей заметностью, что предполагает доминирование в познании образности и психологизма, ведущих к установлению механистических (ассоциативных) каузальных связей между ощущениями и представлениями [8, с. 48].

Проблема непосредственной данности, таким образом, обращается к сознанию, приводящему психологическое переживание и научно-методологическую рефлексию к единому акту философской рефлексии. В феноменологии Э. Гуссерля сознание, способное к сущностному созерцанию и конституированию, определяется как «чистое сознание». Линия интерпретации этого феномена в русской философии, восходящей от А.Ф. Лосева к П.П. Гайденко и А.Г. Чернякову, не рассматривает чистое сознание в качестве самоценной методологической модели, но соотносит его научный потенциал с описываемой им реальностью, сложность, безграничное сущностное многообразие и двупланный характер которой превосходит любой вид психологического переживания, преданных теоретических постулатов и системных исследований, в основе которых полагается эмпирический субъект рациональности. Чистое описание, или созерцание сущностей, как позже будет именовать дескрипцию Э. Гуссерль, предполагает перенос акцента с методологической составляющей на то, что именно описывается в качестве «чистого»: до-рефлексивное, до-образное, исключаящее предварительную теоретическую квалификацию – «непосредственную данность» [8, с. 49].

На первый взгляд, концепция чистого сознания предполагает разрыв с миром становления и переход к миру идеальных значений, не подверженному влиянию со стороны эмпирически-психологических фактов. Однако особенность трансцендентального Я феноменологии Э. Гуссерля заключается именно в соединении «чистого» и «эмпирического» планов существования, граница между которыми устанавливается в актах эпохи и феноменологических редукций. Этот зазор, называемый в феноменологии смыслопорождающим, и есть реальность, именуемая Э. Гуссерлем «жизненным миром», М. Хайдеггером – «вот-бытием» или «эк-зистенцией» [9, с. 200], А.-Т. Тыменецка – «энтелехияльным онтопоэтическим проектом самоиндивидуализации» [10, с. 177].

Методологическая картина двухпланного существования трансцендентального Я строится Э. Гуссерлем в соответствии с принципом «конститутивного генезиса», объединяющего соответственно активную и пассивную формы, раскрывающие акты чистого сознания, направленные на беспредпосылочное конституирование чистой предметности, и предшествующее им осознание исторических познавательных конфигураций как формального и предпосылочного знания, в котором вещь или явление исторически опознаётся [11, с. 166]. Внутренняя динамика единого потока конститутивно-

го генезиса, в котором формируется субъект познания, соотносится с пониманием предпосылочности как мотивации, реализуемой в конкретных формах обретения единства Я: «Универсум переживаний, составляющих реальное бытийное содержание трансцендентального его, вмещает эти переживания лишь в универсальной форме единого потока, которому, как вливающиеся в него, подчинены все отдельные переживания. Таким образом, уже эта форма, наиболее всеобщая для всех особых конкретных переживаний и конституированных в их потоке образований, есть форма всеобъемлющей и управляющей каждым отдельным переживанием мотивации, которую мы тоже можем рассматривать как формальную закономерность универсального генезиса, благодаря которой в определённой ноэзо-ноэматической формальной структуре текущих способов данности прошлое, настоящее и будущее снова и снова конституируются в своём единстве. Внутри этой формы жизнь протекает как мотивированный ход особых конститутивных свершений, имеющих многочисленные особые мотивации и системы мотиваций-свершений, которые ... образуют единство универсального генезиса Его» [11, с. 161].

Феноменологическая теория познания Э. Гуссерля исходит из противопоставления традиционной теории познания, именуемой «каузальной», и трансцендентальной, за которой утверждается статус мотивационной. В традиционной гносеологии субъект познания предстаёт как эмпирический, его единство в качестве познающего обусловлено актами объективации содержаний сознания обыденным миром и культурой, в которых он пребывает естественно; в то время как познавательная активность трансцендентального субъекта центрирована бытием его собственного сознания и интендирована на мир и культуру, которые естественным образом не включают самого познающего и не продуцируют единство его Я [11, с. 171-172].

Таким образом, переживание, научно-методологическая и философская рефлексии получают в феноменологии единство в актах непосредственного схватывания реальности и в то же время конституируют эту реальность. Формируется субъект научной рациональности – трансцендентальное Я, которое, в соответствии с современным (постнеклассическим) типом рациональности, тематизирует мир как своё поле деятельности и конструирует эпистемологические объекты. При этом субъект рациональности исходит не из теоретических схем и концептуальных каркасов, а из реального положения вещей и идеального горизонта возможностей, который задаётся как самим этим положением, так и активными формами генезиса чистого сознания, центрирующего трансцендентальное Я как историческое.

Известно, что отношение М. Хайдеггера к гуссерлевской концепции чистого сознания было неоднозначным. Вероятно, правы исследователи, отмечавшие его глубокую неприязнь к объяснительной силе этого феномена. Однако, если рассматривать чистое сознание в описанных выше положениях А.Ф. Лосева или апеллировать к А.Г. Чернякову, усматривающему за методологической моделью перестраивающее личность

усилие духа, то оказывается возможным скоррелировать «чистое сознание» Э. Гуссерля и «чистое именование» М. Хайдеггера. Человеческий акт, в котором опыт сущего как субстрата в терминологии Аристотеля или системного значения неразложимой основы в терминологии новоевропейской философии, претворяется в опыт сущего как феномена, раскрывающего присутствие Бытия, полагается М. Хайдеггером в качестве опыта чистого именования. Этот бытийный акт выводит сущее из режима любой предварительной квалификации, в основе которого лежит высказывание о предполагаемом сущем. Чистое именование захватывает экзистенцию в целом и направлено не на вещь, а на то «место», в котором встречаются вещь и человек, бытийный акт мышления которого переводит вещь в ранг феномена: «В простом именовании я оставляю присутствующее быть чем оно есть. Несомненно, именование включает в себя того, кто именует, – но особенное именование как раз в том, что именующий входит в него лишь для того, чтобы самому *перед* сущим *отступить на задний план*. Тогда сущее есть чистый феномен. В высказывании, наоборот, высказывающий принимает участие тем, что включает себя, – и он включает себя как тот, кто наклоняется *над* сущим, чтобы вести наблюдение над ним и говорить *о* нём» [12, с. 124].

Акт «отступления именуемого на задний план» имеет онтологический характер, выводящий экзистенцию в «топос» (удачный, на наш взгляд, термин И.А. Акчурина) просвета, зияния, выступание Бытия. Топос (по определению М. Мамардашвили – «пространство, связанное преобразованиями» [13, с. 227]), в котором онтический и онтологический планы обретают единство, позволяет предложить эвристический и методологический потенциал феноменологии как учения, содержащего фундаментальный онтологический принцип, в соответствии с которым реальность значений и целей идеального и эмпирического рассматривается по образцу халкидонского синтеза: «неслитно», «нераздельно», «неразлучно», «неизменно». Интенции относительно рассмотрения научно-философского потенциала этой идеи крайне редки и связаны в основном с этикой и социальной философией

М. Шелера. Однако рассмотрение в этом ключе феноменологической философии в целом не предпринималось. Между тем, такой подход позволил бы по-новому взглянуть на близость феноменологии русской философской традиции, особенно таким её представителям, как Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Н.О. Лосский, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков, Я.С. Друскин.

Обращение философской рефлексии к научно-методологическим проблемам допускает положение о несводимости субъекта рациональности ни к эпистемологической, ни к социокультурной сферам. В современном русскоязычном философском поле доминирует тенденция рассматривать познавательный потенциал этих сфер в соответствии с принципом дополнительности. Однако обращение только к этим сферам лишает научную рациональность творческой драматургии, в которой стремления к личностному становлению, новизне исследований и продвижению лично значимой идеи занимают приоритетное положение. Более близкой в концептуальном отношении являются позиции М. Полани и П. Фейерабенда, которые, тем не менее, не отрицают эмпирический характер субъекта научной рациональности.

Трансцендентальное Я сущностно не связано концептуальными каркасами, теоретическими схемами, определённым стилем мышления, социокультурными основаниями и традициями, выступающими как онтический план. Критерием истины и началом творческого поиска выступает сама реальность, первичное схватывание которой осуществляется посредством выхода в феноменологический «ззор», где онтологический план трансцендентального Я («становление-собой») «неслитно» и «нераздельно» соединяется с онтическим планом. Тем самым устанавливается сущностный коррелят между структурами личности и реальностью, каждая из которых существует в онтико-онтологическом единстве и раскрывается в качестве таковой в ззоре «между» двумя планами. Этот подход задаёт перспективу исследованиям, включающим в себя методологию наук о жизни, историю научных открытий, психологию научного творчества, этику научного сообщества, а также личностно ориентированную педагогику.

Библиографический список

1. Порус В.Н. Парадоксы научной рациональности и этики // Научные и вненаучные формы мышления: сб. ст. под ред. И.Т. Касавин, В.Н. Порус. М., 1996.
2. Порус В.Н. О перспективах эпистемологии // Наука в культуре: сб. ст. Отв. ред. В.Н. Порус. М., 1998.
3. Вартофский М. Эвристическая роль метафизики в науке // Структура и развитие науки (из Бостонских чтений по философии науки): сб. ст. Под ред. Б.С. Грязнов, В.Н. Садовский. М., 1978.
4. Шпигельберг Г. Феноменологическое движение. М., 2002.
5. Тыменецка А.-Т. Феноменология отвечает на вызов прагматической проверки: мера. Вopr. философии. 2005. № 11.
6. Киссель М.А. Философия науки А. Уайтхеда // Концепции науки в буржуазной философии и социологии (вторая половина XIX-XX в.): сб. ст. Отв. ред. Н.И. Родный, П.П. Гайдено, Б.С. Грязнов. М., 1973.
7. Уайтхед А. Избранные работы по философии. М., 1990.
8. Лосев А.Ф. Личность и Абсолют. М., 1999.
9. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие. М., 1993.
10. Смирнова Н.М. Эпистемологическая проблематика на III Всемирном феноменологическом конгрессе. // Эпистемология и философия науки. 2005. т. V. № 3.
11. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб, 2006.
12. Хайдеггер М. Семинар в Ле-Торе, 1969 г. Вopr. философии. 1993. № 10.
13. Мамардашвили М. Классический и неклассический идеал рациональности // Мой опыт нетипичен. СПб, 2000.

Reference

1. Porus V.N. Paradoxes of scientific rationality and ethics / V.N. Porus // Scientific and extra scientific forms of thinking: collection of articles / under the editorship of I.T. Kasavin, V.N. Porus. Moscow, 1996.
2. Porus V.N. On prospects of epistemology / V.N. Porus // Science in culture collection of articles / publishing editor V. N. Porus. – Moscow, 1998.
3. Wartofsky M. Heuristic role of metaphysics in science / M. Wartofsky // Science structure and development (from Boston readings in philosophy of science): collection of articles / under the editorship of B.S. Gryaznov, V.N. Sadovsky. Moscow., 1978.
4. Shpigelberg G. Phenomenological Movement / G. Shpigelberg. – Moscow., 2002.
5. Tymieniecka A.-T. The phenomenology responds to challenge of pragmatism: measure / A.-T. Tymieniecka. – Issues of philosophy – 2005. – No. 11.
6. Kissel M.A. Philosophy of science of A. Whitehead / M.A. Kissel / Science concepts in bourgeois philosophy and sociology/ (second half of XIX-XX c.) collection of articles / publishing editors N.I. Rodny, P.P. Gaydenko, B.S. Gryaznov. – Moscow, 1973.
7. Whitehead A. Selected works on philosophy / A. Whitehead. – M Moscow 1990.
8. Losev A.F. Personality and Absolute/ A.F. Losev. – Moscow. 1999;
9. Heidegger M. The Letter on Humanism // Time and Being / Heidegger M. – Moscow, 1993.
10. Smirnova N.M. Epistemological problems on III World phenomenological congress / N.M. Smirnova // Epistemology and philosophy of science. – 2005. – Vol. – No. 3.
11. Husserl E. Cartesian Meditations / E. Husserl. – Saint-Petersburg, 2006.
12. Heidegger M. Seminar in Le Thor 1968, 1969 г. / M. Heidegger. – Issues of philosophy. – 1993. – No. 10.
13. Mamardashvili M. Classic and Non-classic Ideals of Rationality // My non-typical experience / M. Mamardashvili. – Saint-Petersburg, 2000.

УДК 314.6

UDC 314.6

А.А. МИРОНОВА

A.A. MIRONOVA

аспирант кафедры демографии Национального
Исследовательского Университета «Высшая Школа
Экономики»
E-mail: amironova@hse.ru

graduate student of demography department, National
Research University «Higher School of Economics»
E-mail: amironova@hse.ru

СУЩНОСТЬ ВНУТРИСЕМЕЙНЫХ МЕЖПОКОЛЕННЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ В СОЦИОЛОГИИ ГАРРИ БЕККЕРА

ESSENCE OF INTRA-FAMILY INTERGENERATIONAL INTERACTIONS IN GARY BECKER'S SOCIOLOGY

В условиях старения мирового населения проблема пересмотра социального контракта между поколениями приобретает особую важность. Солидарность поколений является основой общественного воспроизводства и залогом стабильного развития. Каковы мотивы межпоколенных обменов и каков их механизм – вот те вопросы, которые анализируются в данной статье через призму социологии Гарри Беккера.

Ключевые слова: межпоколенные трансферты, Гарри Беккер.

In the conditions of global population aging the problem of social contract between generations gains momentum. Intergenerational solidarity is the basis of social reproduction and the key to sustainable development. What are the motives of intergenerational exchanges and what is their mechanism – these are the questions which are analyzed in this paper in the light of sociology Gary Becker.

Keywords: intergenerational exchanges, Gary Becker.

В настоящее время под влиянием глобального процесса старения мирового населения (согласно среднему варианту прогноза ООН доля лиц старше 60 лет в мировом населении в период с 2010 по 2060 гг. увеличится с 11% до 23,7%) происходят существенные изменения в жизни общества. Процесс демографического старения является исторически новой ситуацией для мирового населения, т.к. вплоть до конца 18 – начала 19 века доля

лиц в возрасте старше 60 лет значительно не изменялась и находилась в пределах 5-9% [1]. Новая историческая ситуация требует пересмотра старых «правил», по которым жило общество.

В качестве важнейшего следствия старения населения выступает существенное изменение возрастной структуры, т.е. изменение в соотношении между численностями отдельных поколений. Преобразование

возрастной структуры населения страны находит своё отражение в трансформации состава семьи или родственной группы. Таким образом, процесс демографического старения ведёт к нарушению сложившегося веками баланса между численностью отдельных поколений. Это в свою очередь неизбежно влечёт за собой необходимость пересмотра системы межпоколенных взаимодействий.

Взаимодействия между поколениями, по сути, сводятся к обмену теми или иными благами – временем, товарами, услугами и т.д. В современной социологической литературе такого рода обмены, происходящие на безвозмездной основе, часто называют «трансфертами». В связи с этим в данной работе термин «межпоколенные трансферты» будет употребляться как синоним «взаимодействий между поколениями».

Уникальность подхода Гарри Беккера состоит в том, что он применил методологию микроэкономического анализа для исследования разного рода социальных явлений. В том числе, используя данный подход, он проанализировал обмены, происходящие между поколениями.

С методологической точки зрения необходимо отметить, что межпоколенные обмены можно анализировать как на макро-, так и на микроуровне. Объектом макроанализа выступают социальные трансферты, которые перераспределяются по государственным каналам (например, система государственного пенсионного страхования). Микроанализ межпоколенных трансфертов предполагает изучение обмена различными благами на безвозмездной основе между членами родственных групп (членами одной семьи), принадлежащих к разным с генеалогической точки зрения поколениям.

Анализируя межпоколенные трансферты, Беккер не обозначает эти уровни, однако использует как макро-, так и микроподход.

На макроуровне межпоколенные взаимодействия опосредованы государством. Беккер отмечает, что благосостояние младших поколений финансируется за счёт старших поколений, в то же время будущее благосостояние старших поколений обеспечивается посредством младших [2]. Например, рост социальных страховых выплат финансируется за счёт увеличения налогов на будущее поколение; рост инвестиций в образование – как выгода для будущего поколения – за счёт налогов на нынешнее поколение. Таким образом, если настоящее и будущее поколения прочно связаны серией межпоколенных трансфертов, тогда каждое из наблюдаемых на данный момент времени изменений в относительных ресурсах настоящего и будущего поколений компенсируется равным, но противоположным изменением в будущем соотношении благосостояния между поколениями. Тогда, например, рост текущих государственных расходов не означает только рост благосостояния текущего поколения за счёт будущего поколения, т.к. рост налогов на будущее поколение компенсируется ростом предполагаемого уровня благосостояния, которое будущее поколение получит по наследству. То есть в данном случае уровни благосостояния поколений рас-

сматриваются как «сообщающиеся сосуды».

Большое внимание Беккер уделяет межпоколенным обменам на уровне семьи. Говоря о семье, Беккер, характеризует её как организацию, членам которой свойственна высокая степень взаимозависимости [2]. В семейной организации важнейшая роль отводится главе семьи. При этом автор подчёркивает, что критерием отнесения члена семьи к главе является тот факт, что он заботится о благосостоянии сразу всех членов семьи. Таким образом, главой семьи может стать любой её член вне зависимости от пола, возраста и даже уровня дохода. Кроме того, в качестве главы семьи может выступать сразу несколько лиц. Одной из определяющих характеристик главы семьи является то, что он выполняет перераспределительную функцию.

Необходимость перераспределительной функции вытекает из другой важной особенности семьи. Беккер пишет о том, что различия в доходах среди членов семьи не влияют на потребление и благосостояние каждого из членов. Это связано с тем, что эти доходные различия компенсируются возмещающими выплатами (трансфертами) от главы семьи, который генерирует, а затем перераспределяет общий семейный бюджет. В результате каждый член семьи является застрахованным от непредвиденных обстоятельств и имеет стабильный уровень потребления.

Так как Беккер использует экономический подход для анализа взаимодействий между членами семьи, то важнейшей характеристикой семьи выступает стремление каждого её члена к максимизации дохода и полезности всей семьи. Даже в случае если индивид является абсолютно эгоистичным и нацеленным исключительно на личное благополучие, входя в состав семьи, он стремится максимизировать не свой личный, а семейный доход. Это является необходимым условием его принадлежности к семье. В связи с этим Беккер говорит о том, что даже при отсутствии явного главы семьи, члены семьи могут организовываться самостоятельно, так как каждый из них в любом случае нацелен на максимизацию семейной функции полезности.

В общем случае, когда в семье есть глава, семейная функция полезности совпадает с функцией полезности главы. При этом Беккер подчёркивает добровольный характер «подчинения» главе со стороны других членов семьи. Функция полезности главы семейства совпадает с семейной функцией полезности не потому, что он обладает диктаторской силой, но потому что он заботится о благосостоянии всех членов семьи и интегрирует их функции полезности в общую семейную функцию полезности.

Рассуждая о размере межпоколенных трансфертов в рамках семьи, Беккер отмечает, что трансферты от родителей к детям в форме даров, инвестиций в образование, наследства отрицательно связаны с размером того дохода, который имели бы дети в отсутствии этих трансфертов. Кроме того, относительный доход детей, включая трансферты от родителей, может быть не связан или даже негативно связан с этими трансфертами.

Важная заслуга Гарри Беккера состоит в том, что он

впервые применил модель альтруизма к анализу межпоколенных трансфертов Гарри Беккер. Опишем простую чистую альтруистическую модель. В данной модели речь идёт о нисходящих трансфертах. Предполагается, что существует всего один предмет потребления в течение определённого периода времени. Трансферты передаются от альтруистического родителя к неальтруистическому ребёнку, доход является экзогенно заданным. В состав функции полезности родителей входит функция полезности его ребёнка, при этом функция полезности ребёнка известна его родителю. Эти ограничения постепенно ослабевают. Учёт нескольких получателей делает возможным неравные переводы от донора. Родитель максимизирует свою функцию полезности, максимизируя при этом функцию полезности своего ребёнка (1).

$$\text{Max} U(C(p); V(k)) \quad (1),$$

где U – функция полезности родителя, $U > 0$;
 $C(p)$ – функция потребления родителя;
 $V(k)$ – функция полезности ребёнка.

В данной модели термин «альтруизм» не имеет морального подтекста. Здесь родитель-альтруист просто максимизирует свою полезность, которая зависит от уровня полезности его ребёнка, и ведёт себя эгоистично в этом смысле, как и любой *homo economicus*. Исследовательница Поллак предложила вообще отказаться от термина «альтруизм» в названии данной модели и заменить его на «почтительность» [4].

Идея альтруизма в межпоколенных взаимодействиях, предложенная Беккером, развивалась и другими учёными. Например, LaFerrere A. и Wolff F попытались измерить интенсивность альтруизма. Согласно их подходу, степень интенсивности альтруизма родителя измеряется параметром заботы, который вычисляется как производная от функции полезности родителя. Параметр заботы изменяется от 0 до 1, чем ближе значение параметра к 1, тем выше степень альтруизма родителя и наоборот. Т.к. ребёнок не является альтруистом, его функция полезности $V(k)$ зависит только от его потребления и не зависит от функции полезности родителя.

При этом в трансфертном взаимодействии родитель

находится в доминирующей позиции и принимает решение о трансфертах на основе наблюдения за доходом ребёнка. При прочих равных условиях если собственный доход ребёнка растёт, то трансферты в его направлении уменьшаются, а если растёт доход родителя, то трансферты ребёнку увеличиваются [5].

Существуют также усложнённые модели альтруизма, например, модель взаимного альтруизма; модель альтруизма с включением большого числа доноров или большого числа акцепторов; расширенная модель эндогенных доходов и др.

Альтернативной теорией, объясняющей мотивы передачи трансфертов, является модель обмена, суть которой состоит в том, что трансферты в конечном счёте не являются безвозмездными по своей природе.

Выводы

Применив методы микроэкономического анализа, Гарри Беккер впервые предложил модель альтруизма для описания межпоколенных взаимодействий, что позволило пролить свет на мотивы межпоколенной поддержки. Основываясь на экономических предпосылках, Беккер предложил нетривиальный новый подход к анализу таких социальных явлений, как семья и межпоколенные обмены.

Однако, как и у любой концепции, у подхода Беккера есть свои недостатки. По мнению автора, подход, сформулированный Гарри Беккером, является очень формализованным, идеализированным. Основываясь на предпосылке о человеке-рациональном, стремящемся к максимизации полезности и, что не менее важно, знающем свою функцию полезности, Беккер строит идеальную систему. Однако такая идеальная теоретическая концепция зачастую слабо подтверждается на практике.

В реальной жизни в основе поведения людей лежит множество мотивов, часть из которых не осознаётся даже самим человеком. Критика автора не подразумевает полного отрицания теоретических взглядов Беккера. Напротив, взяв за основу рациональный подход Беккера, автор считает важным его развить и привнести новые детали, которые бы позволили сблизить теоретические разработки с практическими реалиями.

Библиографический список (References)

1. Denissenko M.B. The Quiet Revolution. Homeland notes 2005; 3(23).
2. Gary S. Becker A theory of social interactions. The Journal of political economy 1974; vol. 82, issue 6.
3. Gary S. Becker A Treatise on the Family. Harvard University Press, 1991.
4. Pollak R.A. Gary Bescer's contributions to family and household economics. Review of Economics of the household 2003; 1.
5. LaFerrere A., Wolff F. Microeconomic Models of Family Transfers. Version 2.3 for chapter 11. Handbook on the Economic on Giving, Reciprocity and Altruism. S.C.Kolm and J.Mecier-Ytier (ed), NorthHolland. 2006.
6. <http://www.sc-eco.univ-nantes.fr/~fcwolff/wolff/> ch.

В.Н. ОРЛОВА

кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы и педагогики профессиональной деятельности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Орловский филиал)

E-mail: or_valentina@mail.ru

V.N. ORLOVA

candidate of sociological sciences, associate professor of social work and pedagogics of professional activity of the Russian academy of national economy and public service at the Russian President (Orel branch)

E-mail: or_valentina@mail.ru

ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ДЕТЬМИ КАК СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

CHILD ABUSE AS A SOCIAL AND PEDAGOGICAL PROBLEM ABSTRACT

В данной статье рассматриваются проблемы насилия над детьми в семье. Автор видит успешное решение данной проблемы в создании системы профилактики, профессиональной помощи детям, пострадавшим от жестокого обращения, достижении нового уровня взаимодействия семьи, образовательных учреждений, детских и молодежных общественных объединений и организаций, всех социальных институтов в воспитании и социализации детей и молодежи.

Ключевые слова: насилие, жестокое обращение с детьми, социальная профилактика.

This article discusses the problem of violence against children in the family. The author sees the successful solution of the problem in creating a system of prevention, professional assistance to child victims of abuse, reaching a new level of interaction between the family, educational institutions, children's and youth associations and organizations of all social institutions in the education and socialization of children and youth.

Keywords: violence, child abuse, social prevention.

В последние десятилетия разрушился миф о том, что дети – это единственный привилегированный класс в нашем обществе, охраняемый и оберегаемый государством и обществом. Следствием этого стало распространение представления о том, что случаи жестокого обращения с детьми в нашей стране встречаются редко и связаны с психическим заболеванием или алкоголизмом родителей, их нравственной незрелостью или моральной дефектностью, а не с тем зависимым от взрослых положением в обществе, которое дети занимали ранее и занимают в настоящее время.

Детство является таким этапом в жизни человека, когда формируется здоровье, закладываются личностные свойства и ценности, определяющие качество его будущей жизни. И в то же время это период, когда ребенок в силу своего социального статуса находится в зависимости от взрослых, нуждается в их поддержке и защите. Но в суровой действительности многие дети переживают насилие, становятся свидетелями и жертвами физических, сексуальных и эмоциональных злоупотреблений со стороны взрослых. Причем часто эти злоупотребления исходят от самых близких для ребенка людей – от родителей.

Насилие над детьми в семье является одной из серьезных проблем современного общества. Она очень актуальна для многих стран, в том числе и для России.

Проблема насилия над детьми существовала всегда, во всех обществах и культурах. Но обсуждение

проблем насилия над ребенком до недавнего времени было своего рода табу. Лишь теперь общество начинает осознавать катастрофические масштабы жестокого обращения.

Ребенок может столкнуться с насильственными действиями в любое время и в любой ситуации: в школе, на отдыхе, в общественном месте. Исключением не является и семья, несмотря на то, что данный социальный институт призван обеспечивать безопасность, которая является необходимым фактором для нормального развития ребенка.

Насилие в семье в его различных формах приобрело в России такие масштабы и глубину, которые угрожают безопасности личности и общества в целом.

30 - 40 процентов всех тяжких преступлений совершается в семье. 38 процентов от общего числа погибших на почве семейно-бытовых конфликтов составляют дети, инвалиды, женщины, неспособные себя защитить. Подлинным национальным бедствием стали убийства с целью избавления от больных и немощных членов семьи и овладения их имуществом. По данным официальной статистики, в каждой четвертой российской семье совершается насилие, а процесс криминализации семьи не только не ослабевает, а наоборот, с каждым годом усиливается.

В конечном счете, главные жертвы насилия в семье – дети. По данным МВД РФ, родители ежегодно убивают до двух миллионов детей в возрасте до 14 лет. Спасаясь от насилия, ежегодно более пятидесяти тысяч

детей бегут из дома, и практически 50% из них находятся в розыске. Поскольку не существует закона, эффективно защищающего от бытового насилия в семье, появилась новая беда – самосуды – расправы с семейными тиранами как форма вынужденной самозащиты.

Каждый из нас когда-нибудь слышал крики из окон домов или встречал взгляд заплаканных глаз якобы благополучной соседки. А что было там, за стенами ее дома, ее крепости?...

Сегодня мы удивляемся: откуда в стране столько агрессивных и жестоких людей, столько преступников?

Гуманизация и демократизация общественной жизни России, появившиеся в переходный период изъяды в социальной и экономической жизни породили нестабильность в жизни людей, и, как результат, криминогенную обстановку, всплеск правонарушений и вредных привычек у детей и подростков.

При проведении реформ, сопровождающихся снижением уровня жизни населения, не были приняты во внимание последствия их влияния на положение детей, не проведены в необходимом объеме компенсационные и защитные меры в России, где проживает сорок семь миллионов детей в возрасте до 18 лет.

По данным МВД России, рост преступности среди несовершеннолетних принял характер эпидемии. За 2012 год было совершено около 200 тысяч преступлений подростками. Почти 100 тысяч правонарушителей не имели и 16 лет, каждое шестое подростковое преступление – тяжкое. Уже сегодня каждый третий участник группового преступления – несовершеннолетний, каждый четвертый вымогатель – подросток. Из более чем 20 тысяч преступных группировок, известных сегодня полиции, в 85% группировок участвуют несовершеннолетние. За последние 5 лет число преступников в возрасте 15–16 лет увеличилось более чем наполовину. Почти на треть – число девочек, участвующих в преступлениях [3].

С 2010 года резко возросли детская безнадзорность и бродяжничество. Только на одном Ярославском вокзале Москвы ежегодно задерживается 1,5-2 тысячи детей и подростков.

Отмеченные негативные тенденции сопровождаются резким снижением воспитательного воздействия семьи, ее роли в социализации детей. Высокий уровень безработицы, а с другой стороны – чрезмерная занятость родителей во многих благополучных семьях, неблагоприятные семейные отношения обуславливают отчужденность детей, проявление жестокости и насилия по отношению к ним, рост социального сиротства [2].

Дети, растущие в неблагополучных, конфликтных семьях, характеризуются широким спектром психических аномалий и отклонений в поведении. Ухудшается состояние здоровья детей, подростков и молодежи: получают распространение болезни, имеющие социальную обусловленность (туберкулез, сифилис, ВИЧ-инфекция и др.), учащаются стрессы и как следствие – неврозы, проявление агрессивности.

Наблюдается тенденция роста детской преступно-

сти, укрепления ее связи с организованной преступностью. Особую тревогу вызывает распространение наркомании и алкоголизма среди учащейся молодежи. Мы понимаем, что высокий уровень социальной патологии в детской и молодежной среде является мощным дестабилизирующим фактором длительного действия, угрожающим социальной безопасности страны.

Одним из условий сложившейся криминогенной ситуации является пропаганда насилия в средствах массовой информации. Современное развитие средств массовой информации и коммуникации, введение конституционного запрета на цензуру резко расширили и преобразили информационное поле, в котором происходит воспитательный процесс. В условиях высокой доступности информации и материалов, распространяемых через прессу, телевидение, радио и интернет, на детей и молодежь обрушивается поток низкопробной продукции, пропагандирующий праздный образ жизни, насилие, преступность, проституцию, наркоманию, секс.

В 2011 году ЦСО РАО проанализировал передачи телеканалов Первый, НТВ и ТВ-центр. Чаще всего сцены насилия и эротики появляются в художественных фильмах – 57%, на втором месте стоит реклама – 23,3%, а на третьем хроника – 12,6%. Целый день на подростка с экрана телевизора льются потоки бранных слов. Причем 36,9% из них он слышит утром. День «заполнен» драками и убийствами, вечер – авариями, катастрофами и бедствиями. А ночной эфир совсем не содержит цензуры.

Особенно интересен и доступен для подростков интернет: рекламные предложения интимных услуг, клубы по сексуальным ориентациям, конференции, на которых обсуждается личный опыт интимных отношений и др. Добраться до такой информации несложно любому пользователю. Даже единственная попытка ограничения доступа на «сайт для взрослых» – указание своего возраста, фиктивна. Поставив цифру 20, пятнадцатилетний подросток легко становится пользователем подобного сервера. Важно отметить, что чаще всего это «домашние дети».

Результаты социологических исследований показывают большой интерес подростков и студентов младших курсов учебных заведений к получению знаний в области сексуальных отношений. При этом половое воспитание подростков происходит в основном под влиянием «дворовой культуры». Тип подростков сексуальной культуры, сложившийся сегодня в России, очень напоминает положение, существовавшее в США и странах Западной Европы 25 лет назад. Раннее начало сексуальной жизни тогда тоже коррелировало с плохой учебой, конфликтами с родителями, вовлечением в преступные группы, кражами, угоном автомашин, вандализмом, курением, пьянством, потреблением наркотиков. Сама по себе сексуальная активность не является причиной антисоциального поведения. Она лишь часть молодежной субкультуры, когда взрослое общество и сами тинейджеры видят в сексуальной жизни, курении, выпивке и наркомании знаки взросления, обретения са-

мостоятельности, независимости от старших, прежде всего от родителей.

Новые черты приобрело участие молодежных и детских общественных объединений в воспитательном процессе. Если в прошлом пионерская и комсомольская организации в образовательных учреждениях были частью единой системы воспитания, то в начале 21 века многочисленные молодежные и детские объединения действуют за пределами учреждений образования, их социально-педагогический потенциал не востребован государством в полном объеме. В то же время существование детских общественных организаций и объединений, как одного из важнейших факторов социализации ребенка, является мощнейшим инструментом, позволяющим эффективно решать сложные педагогические задачи, закладывать основы развития демократического государства в новом тысячелетии.

В современных сложных условиях образовательное учреждение было и остается основным социальным институтом, обеспечивающим воспитательный процесс и реальную интеграцию различных субъектов воспитания, особенно в сельской местности. Большинство образовательных учреждений стремится реализовать все имеющиеся возможности для достижения основной цели современного образования – развития физически, нравственно здоровой личности, ее гражданского потенциала.

Однако, существенно снижает воспитательную деятельность образовательных и досуговых учреждений хроническое отставание их материально-технической базы от современных запросов; научно-методическая необеспеченность; отсутствие необходимых финансовых средств на организацию деятельности. Резко уменьшилась доступность культурных центров, театров, музеев, спортивных сооружений. Инфраструктура детского досуга коммерциализируется и часто ориентируется на обслуживание интересов лишь высокооплачиваемой части населения.

Но главной проблемой сегодняшнего дня, на наш взгляд, является отсутствие государственной стратегии в вопросах воспитания детей, подростков и молодежи, что становится существенным сдерживающим фактором в развитии наметившихся положительных тенденций. Государство несет ответственность за состояние воспитания детей так же, как и реализацию прав человека и гражданина, а это предполагает необходимость разработки и реализации государственной политики в области воспитания подрастающих поколений.

Неблагоприятные явления в обществе усиливают жестокость не только со стороны детей, но и жестокость по отношению к детям. Когда говорят о насилии по отношению к детям, часто употребляют термин «жестокое обращение с детьми» (от англ. *abius* – насилие, злоупотребление, *meltripment* – плохой, недостаточный уход). Насилие – это не только рукоприкладство или поножовщина. Специалисты определяют его так: умышленное использование силы одного члена семьи против другого с целью установления над ним власти и контроля.

Насилие над детьми может быть физическим, сексуальным, психологическим и моральным. Любой вид жестокого обращения с детьми нарушает их психическое и физическое здоровье, мешает развитию.

Существуют несколько основных подходов к объяснению причин жестокого обращения с детьми.

Медико-психологический (психиатрический) подход рассматривает жестокое обращение с ребенком, исходя из личностных особенностей и семейной истории родителей. Предположение, что родители, жестоко обращающиеся с детьми, больны и требуют лечения, не подтвердилось. Исследования в этой области не смогли выявить личностные особенности родителей, склонных к жестокому обращению с детьми. Единственным фактом, который удалось установить, заключается в том, что многие взрослые, проявлявшие жестокость в обращении с детьми, сами в детстве подвергались подобному обращению.

Нет однозначного объяснения, почему жестокое обращение передается из поколения в поколение. Один из возможных механизмов этого – воспроизводство ролевых моделей родителей, с которыми ребенок сталкивался в детстве. Другой механизм формируется при попытке родителя, в детстве страдавшего от жестокости, общаться с ребенком противоположным (по отношению к собственным родителям) способом. И в этом случае родитель ориентируется не на конкретного ребенка с его особенностями и потребностями, а на свои представления о том, как нужно его воспитывать, что приводит (когда ребенок не отвечает этим представлениям) к попыткам втиснуть его насильно в определенные рамки. Иногда родители, пережившие в семье жестокость, склонны подавлять негативные эмоции, которые могут возникнуть во взаимодействии с детьми. Накопление таких переживаний в определенных условиях может привести к мало контролируемым вспышкам агрессии в адрес ребенка.

По нашему мнению, следует принимать во внимание, прежде всего, влияние социальных факторов на жестокое обращение с ребенком. К ним относятся: культ силового метода решения проблем, убеждение, что физические наказания являются эффективным способом воспитания, с одной стороны, и социально-экономические проблемы: бедность, безработица или внезапная потеря работы, социальная изоляция, приводящие к нарастанию эмоционального напряжения и неудовлетворенности собой, окружающими, жизнью вообще – с другой.

Основными факторами риска применения различных видов насилия по отношению к ребенку являются следующие категории семей:

- семьи с низким материальным уровнем жизни, для которых характерны систематическая неспособность или нежелание родителей обеспечить основные потребности ребенка в пище, одежде, медицинском уходе и т.д;
- многодетные семьи. Здесь имеет место материальный фактор (материальный уровень жизни таких семей, как правило, не очень высок). В данной ситуации

важно оценить осознанность многодетности: нередко многодетность является следствием отсутствия планирования рождаемости и асоциального образа жизни матери. В такой семье родители оказываются неспособными обеспечить детям полноценную жизнь;

– неполные или конфликтные семьи. Тяжелая, напряженная обстановка в семье, нереализованность ожиданий женщины от брака и другое могут негативно сказываться на отношении к ребенку и способам взаимодействия с ним;

– семьи, где есть усыновленные дети. Особенно в случае, если есть свои родные дети, здесь необходимо учитывать тот факт, что существует много мотивов для установления попечительства, например, получение материальных дотаций. При других мотивах усыновления ребенка нередко оказывается, что особенности и поведение усыновленного ребенка не соответствуют ожиданиям. Такого рода семья, как правило, не является благоприятной средой для развития ребенка, и по отношению к нему со стороны приемных родителей может совершаться насилие.

В семьях, где применяются особенно жестокие наказания, как правило, плохо распределяются семейные роли. Вся власть либо концентрируется у одного из родителей, либо отмечается хаотическое распределение ролей [4].

В настоящее время в дисгармоничных семьях еще больше, чем в благополучных семьях существенно искажается социальная информация, ослабляется воздействие воспитательной функции семьи на ребенка. В большинстве семей задачи воспитания по-прежнему определяются не столько социально-психологическими особенностями родителей, сколько экономическим фактором. В результате затрудняется гармоничное развитие ребенка, обедняется его эмоциональная жизнь, возрастает риск формирования стрессовых психоэмоциональных расстройств. У многих детей возникает чувство отчуждения в стрессовой ситуации, что не позволяет находить ребенку адекватный ответ в кризисной ситуации.

Для многих родительский дом никогда и не был спасательной гаванью, поскольку жестокое обращение с детьми нередко является основной причиной, заставляющей их бежать из дома и искать спасения на улице.

Кризис семьи подтверждается и тем, что в настоящее время в отделениях внутренних дел на социально-профилактическом учете состоит свыше 200 тыс. взрослых лиц, не выполняющих своих родительских обязанностей. Ежегодно выявляется более 100 тыс. детей, оставшихся без попечения родителей. Общее число детей-сирот на сегодня составляет 740,5 тыс. человек.

В последние годы особое внимание стало уделяться поиску путей предотвращения родительской жестокости в отношении детей и проведению социальной профилактики, основу которой составляет «сознательная, целенаправленная, социально организованная деятельность по предотвращению возможных социальных, психолого-педагогических, правовых и других проблем и достижению желаемого результата».

Профилактические мероприятия необходимы и важны во всех сферах жизнедеятельности людей. Особенно это касается проблем детства и такой страшной по своим последствиям проблемы, как насилие над детьми в семье.

В этой связи важным субъектом социальной профилактики является семья.

Рассматривая социальную профилактику как сознательную и социально организованную деятельность, можно выделить последовательный ряд её основных стадий.

1. Стадия предупреждения, основной задачей которой является принятие мер, формирующих у человека социально приемлемую систему ценностей, потребностей и представлений. Это позволит ему избежать таких форм поведения и деятельности, которые могут осложнить процесс жизнедеятельности его самого и его ближайшего окружения. Так, воспитывая ребёнка в гуманистическом направлении, родители закладывают основу для формирования у него в будущем широкого и полноценного круга общения, возможностей легко сходиться с людьми и выстраивать эффективную систему взаимодействия с ними.

2. Стадия предотвращения направлена на принятие своевременных и эффективных мер недопущения возникновения ситуации, чреватой осложнением процесса жизнедеятельности субъекта. Так, информируя родителей о том, какие их действия по отношению к ребёнку являются насильственными и какими последствиями они обернутся для ребёнка (в плане его психологического и социального развития) и для них самих (в правовом плане), мы предотвращаем случаи насилия над детьми в семье.

3. Стадия пресечения – используя социально приемлемые способы, блокировать формы деятельности и поведения субъекта, которые могут привести к возникновению негативных последствий как для него и его ближайшего окружения, так и для общества в целом. Именно на решение этой задачи направлена существующая в любом обществе система законодательных, морально - нравственных, педагогических, административных и других санкций, карающих за совершение определённых действий или не допускающих их повторения.

По рекомендации Всемирной организации здравоохранения различают следующие стадии профилактики насилия над детьми: первичную, вторичную и третичную профилактику.

Термин «первичная профилактика» применяется к мерам, направленным на все население.

Термин «вторичная профилактика» означает меры, направленные на тех, кто еще не переживал инцидента насилия, но находится в ситуации повышенного риска.

Термин «третичная профилактика» обозначает меры вмешательства в случаях, когда насилие над ребенком уже совершилось и вмешательство направлено на оказание помощи и предупреждение повторения насилия в будущем.

Последовательная реализация указанных стадий

социальной профилактики предполагает использование самых разнообразных приёмов и методов деятельности. На сегодняшний день можно говорить о существовании следующих методов социальной профилактики.

1. Медико-социальные направлены на создание необходимых условий для сохранения приемлемого уровня физического и социального здоровья человека. К их числу относятся медико-социальное просвещение, пропаганда здорового образа жизни, медико-социальный патронаж и т.п.

2. Организационно-административные – на создание системы социального контроля, разработки соответствующей правовой и законодательной базы, формирование системы органов и учреждений для осуществления деятельности по социальной профилактике. К этой группе методов относятся социальный контроль и социальный надзор, социальное управление и социальное планирование и ряд других.

3. Правовые – разработка и создание соответствующей системы правовых норм и правил поведения и деятельности людей во всех областях социальной жизни и создание эффективной и действующей системы контроля за исполнением этих норм и правил. К этой группе методов относятся правовое просвещение, правовой контроль, правовые санкции и т.п.

4. Педагогические – формирование у различных социальных субъектов социально приемлемой системы ценностей, норм, стереотипов и идеалов, повышение уровня знаний и расширения кругозора. К их числу относятся давно и хорошо всем известные методы образования, воспитания и просвещения.

5. Экономические – направлены на поддержание приемлемого и достойного уровня жизни человека и создание необходимых условий для удовлетворения его материальных потребностей. Наиболее часто для решения таких задач используются экономическое стимулирование, экономическое поощрение, экономические льготы и экономическая поддержка и т.п.

6. Политические – создание в обществе эффективной системы политических прав, свобод, ценностей и ориентиров, позволяющих всем социальным субъектам отстаивать свои интересы в социально приемлемых и допустимых рамках.

Социальный эффект использования этих методов профилактики на практике будет существенно выше при условии их комплексного использования, т.е. при разработке и реализации системы социально-профилактических мероприятий. Успех социально-профилактических мероприятий во многом определяется тем, на каких принципиальных основаниях строится эта деятельность.

Говоря об основных принципах социальной профилактики, необходимо выделить:

– во-первых, принцип системности, предполагающий выявление всех возможных источников проблемы клиента, одновременное формирование условий для её последующего разрешения и использование для этого различных методов и способов деятельности;

– во-вторых, принцип превентивности, предотвра-

щения возникновения проблемы, решения «ещё не возникших проблем». Так, развитие, совершенствование и внедрение в практику эффективной системы правового просвещения и воспитания населения может рассматриваться как одна из возможностей решения проблемы семейного насилия;

– в-третьих, принцип активизации собственных сил человека, предполагающий обучение необходимым умениям и навыкам для самостоятельного решения собственных проблем. Например, совершенствование навыков общения, обучение основным способам поведения в определённых жизненных ситуациях (в семье, в ситуации стресса и т. п.);

– в-четвёртых, принцип оптимальности, позволяющий выявить степень актуальности и значимости данной проблемы для субъекта.

– в-пятых, принцип гуманизма, доверия и доверительности, являющийся универсальным принципом профессиональной деятельности социального работника и социального педагога.

Мы считаем, что профилактика является одним из основных и перспективных направлений деятельности по социальной защите и поддержке детского населения. С одной стороны, это направление деятельности существенно облегчает работу ряда учреждений и организаций, специализирующихся в этой сфере. Например, эффективная работа по профилактике правонарушений, девиантного и асоциального поведения позволяет лучше защищать права и интересы детей в обществе. С другой стороны, необходимость организации и проведения социально-профилактических мероприятий ставит перед этими организациями и учреждениями новые цели и задачи, такие как организация постоянного мониторинга по ряду социальных проблем, ведение постоянной воспитательной и другой необходимой работы и предвидение возможностей появления некоторых проблем в будущем. Согласно выводам ряда исследователей, по мере совершенствования общества и системы социальной защиты и поддержки населения в ней будет возрастать удельный вес именно социально-профилактической деятельности.

Таким образом, несмотря на сложность работы по социальной профилактике, жизнь постоянно убеждает, что легче и с гораздо меньшими издержками для общества и личности не допустить возможных отклонений в поведении и деятельности ребенка и взрослого, чем потом бороться и преодолевать возникшие негативные и неблагоприятные последствия [4].

Ключевыми компонентами системы защиты детей от насилия и жестокого обращения являются: понимание/знание проблемы, специальная юридическая система, специальные службы, работающие с такими детьми и их родителями, а также с теми, кто совершил насилие над ребенком.

По вопросам защиты и обеспечения реализации прав детей Россия в 90-е годы прошлого века сделала большой шаг вперед, присоединившись к Конвенции ООН о правах ребенка. Уже сейчас Россией признаны те же принципы в отношении прав детей, что и во

всем демократическом мире. Разработаны и внесены поправки в Семейный Кодекс РФ, Уголовный Кодекс РФ, принят Федеральный закон о гарантиях прав ребенка. Началось формирование правовой базы субъектов Российской Федерации, активизировалась работа в органах местного самоуправления.

Однако в России до сих пор эти нормы скорее декларируются, чем применимы на практике.

Специалисты утверждают, что современный этап развития помощи детям и подросткам, пережившим насилие и жестокое обращение, представляет собой стремительно и разнопланово развивающееся явление. В России функционируют организации и службы, чья деятельность либо напрямую связана с проблемой защиты детей от насилия и жестокого обращения, либо косвенно помогает решать эту проблему. Однако количество этих служб является недостаточным для всех детей, нуждающихся в специализированной помощи. Чаще всего в экстренной ситуации, угрожающей жизни ребенка, его изымают из семьи и помещают в больницу, отдают родственникам или в приют временного пребывания. Одновременно их деятельность при всей своей важности и позитивности, к сожалению, не лишена недостатков.

К ним следует отнести:

- рассогласованность (методологическую, организационную и методическую) в деятельности множества существующих и вновь возникающих центров, организаций, служб и т.д.;
- ведомственные барьеры, препятствующие решению проблемы предотвращения насилия над детьми;
- ограниченный опыт взаимодействия специалистов разных профилей;
- отсутствие навыков у специалистов работать «под задачу», командой;
- неумение распределять и нести коллективную ответственность;
- недоступность служб для части населения в силу территориальной удаленности или платности предоставляемых услуг.

Большой проблемой является отсутствие достоверной статистики о ситуации насилия над детьми в России.

Известно, что первым шагом в реализации профессиональных скоординированных действий по предотвращению жестокого обращения с подростками является получение достоверной информации о состоянии проблемы в данном городе, районе и т.п. Однако, как показывает опыт, информация о состоянии проблемы насилия над детьми оказывается весьма противоречивой, если использовать статистику различных служб и ведомств.

Вместе с тем, в России фактически отсутствуют службы, необходимые для полноценного функционирования системы защиты: например, институт приемной семьи, специализированные междисциплинарные центры по предотвращению насилия и жестокого обращения с детьми, не развита система доступной юридической помощи и защиты для детей и подростков и т.д.

Очевидно, что в работе по предотвращению насилия над детьми в семье первостепенное значение должно уделяться не карательным мерам лишения родителей юридических прав на ребенка, а ранней профилактике.

Особое место в вопросах предотвращения родительской жестокости в отношении детей и поддержки детей-жертв насилия, на наш взгляд, должна занять школа. Работа в школе по решению проблемы насилия над детьми в семье должна строиться в трех направлениях: профилактическом, диагностическом и коррекционном.

Профилактическая работа включает в себя просвещение родителей по вопросам прав и свобод детей, закрепленных в международных и федеральных законодательных актах, отказ от культурологически оправдываемых форм насилия, прежде всего в сфере воспитания и перевоспитания детей; полный отказ от физических наказаний; привитие ценностного отношения к детям и детству и т.д. Данная работа может строиться с использованием таких форм, как использование стендовой информации, выступление на родительских собраниях, создание родительских клубов, выпуск газет внутри образовательного учреждения, индивидуальных бесед и консультаций и т.д.

Большая роль в решении проблемы насилия над детьми в семье отводится ранней диагностике данного явления. Однако это направление работы осложняется тем, что семья является закрытой для изучения системой. Поэтому для выявления насилия над детьми должен применяться целый ряд методик.

С этой целью могут использоваться:

1. Опросники и анкеты. Их применение в работе отличается вариативностью. Они могут быть составлены с учетом потребностей конкретного образовательного учреждения, но обязательно должны быть построены с учетом всех требований, предъявляемых к этим методам исследования.
2. Наблюдение педагогов за детьми в классе. Наблюдение играет важную роль в выявлении случаев семейного насилия в отношении детей. Именно педагоги в процессе наблюдения за детьми во время занятий, выполнении поручений, процессов взаимодействия со взрослыми и сверстниками первыми могут увидеть внешние физические признаки совершаемого над ребенком насилия в семье, а также проследить вызванное им внутреннее переживание.
3. Проективные методики, построенные по типу незаконченных предложений, позволяют получить достаточно объективные данные, так как задания представлены не в прямой, а в «завуалированной» форме. Данная методика может использоваться в работе как с родителями, так и с детьми и позволяет осуществлять сравнительный анализ ответов обеих сторон.
4. Проективные рисуночные техники. Большой информативностью в вопросе диагностирования совершаемого над ребенком насилия обладают такие проективные рисуночные техники, как «рисунок семьи» и др. Они позволяют выявить характер семейных взаимоотношений, а также эмоциональное отношение ребенка к ним.

Коррекционная работа по предупреждению насилия в семье должна строиться в двух направлениях:

1. Работа с родителями.
2. Работа с детьми.

Основной целью коррекционной работы с родителями является обучение их новому подходу к ребенку, формирование новой стратегии взаимоотношений в семье.

Задачи проводимой работы.

1. Осмысление родителями новых установок на воспитание ребенка и приобретение психолого-педагогических знаний о личности ребенка, тактике взаимодействия с ним.

2. Коррекция и развитие новых установок и стратегий общения в диаде «родитель-ребенок».

3. Обучение родителей навыкам конструктивного взаимодействия на основе развития навыков эмпатии и «активного слушания».

4. Обучение методам саморефлексии и рефлексии как эффективным способам анализа детско-родительских отношений в семье.

5. Повышение психолого-педагогической культуры родителей.

Цель коррекционной работы с детьми – выход на личностные проблемы ребенка-жертвы насилия в семье.

Задачи проводимой работы.

1. Помочь детям учиться ценить себя и хорошо к себе относиться.

2. Побудить детей к сочувствию и сопереживанию другим людям, к осмыслению своего поведения, оказывающего влияние на окружающих.

3. Объяснить и показать детям, что насилие – неприемлемый способ разрешения конфликтов.

Таким образом, учитывая все негативные последствия насилия над ребенком в семье, можно с уверенностью сказать, что создание системы профилактики и профессиональной помощи детям, пострадавшим от жестокого обращения, является социально значимой задачей общества. При проведении данной работы надо помнить, что она должна носить комплексный характер и быть ориентированной на развитие семьи и психического мира ребенка в целом.

Необходимо достижение нового уровня взаимодействия семьи, образовательных учреждений, органов управления образованием, детских и молодежных общественных объединений и организаций, религиозных конфессий в воспитании и социализации детей и молодежи; расширение активных субъектов воспитания, включая социальные институты, профессионально-педагогическое сообщество, широкую общественность, а также создание системы психолого-педагогической и медико-социальной реабилитации семьи, усиление поддержки родителей.

Библиографический список

1. Василькова Ю.В. Социальная педагогика: Курс лекций: учеб. пособие для студ. пед. вузов и колледжей. М.: Издательский центр «Академия», 1999. 440с.
2. Верин В.В. Факторы повышения уровня преступности несовершеннолетних и причины ее детерминации в условиях социальных перемен. М.: Юрист, 2004. 230 с.
3. Вологина Ж.Ю. Преступность среди несовершеннолетних / Ж. Ю. Вологина, Н. В. Спивакова, А. А. Камалов // Право: современные тенденции: материалы междунар. науч. конф. (г. Уфа, июль 2012 г.). Уфа: Лето, 2012.
4. Зиновьева Н.О., Михайлова Н.Ф. Психология и психотерапия насилия. Ребенок в кризисной ситуации. М. Издательство: СПб.: Речь, 2003. 248с.
5. Состояние преступности за 2010-2013 годы (материалы МВД РФ ФКУ «Главный информационно-аналитический центр»)// <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports>. (дата обращения 30.01.2014)

References

1. Vasyilkova Y. Social Pedagogy: Lectures: Textbook. allowance for stud. ped. universities and colleges / Y. Vasyilkova, TA Vasyilkova. - Moscow: Publishing Center "Academy", 1999. - 440c.
2. Verin V. Factors increasing the level of juvenile delinquency and the reasons for its determination in terms of social change / VV Verin. - M.: Lawyer, 2004. - 230 c.
3. Vologina Zh.Y. Juvenile delinquency / J. Yu Vologina, NV Spivakov AA Kamalov / / Law: Current Trends: Proceedings of International. scientific. conf. (Ufa, July 2012). - Ufa: Summer, 2012.
4. Zinoviev N.O., N.F. Mikhailov Psychology and Psychotherapy violence. Child in a crisis situation. - M. Publisher: St. Petersburg.: Speech, 2003.-248c.
5. State of crime in the years 2010-2013 (MVD materials PKU "Main Information and Analytical Centre")// <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports> (date of access 30.01.2014).

УДК 378.147+372.854

UDC 378.147+372.854

О.И. РАЗИНКОВА

аспирант кафедры философии и культурологии
Московского государственного университета путей
сообщения

E-mail: Oksana_gst@mail.ru

Н.А. НЕКРАСОВА

доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой
философии и культурологии Московского государст-
венного университета путей сообщения

E-mail: sinekrasov@mail.ru

O.I. RAZINKOVA

graduate student of philosophy and cultural studies,
Moscow State Railway University
E-mail: Oksana_gst@mail.ru

N.A. NEKRASOVA

doctor of Philosophy, Professor, head of the philosophy and
cultural studies, Moscow State Railway University
E-mail: sinekrasov@mail.ru

СУЩНОСТЬ ЖИЗНИ И СМЕРТИ КАК СОСТОЯНИЯ БЫТИЙНОСТИ И НЕБЫТИЯ

ESSENCE OF LIFE AND DEATH AS A STATE EXISTENCE AND NONEXISTENCE

В статье автор отвечает на следующие вопросы: почему смерть – это естественная составляющая жизни и в то же время зло бытия; в чем непостижимость и тайна смерти; почему существует страх смерти; в чем различие вечности и бесконечности; в чем действительный трагизм смерти.

Ключевые слова: жизнь, смерть, бессмертие, бытие, смысл жизни, страх смерти, рождение, умирание.

The article answers the following questions: why death is a natural part of life, and at the same time, being evil, what is the incomprehensibility of the mystery of death, why is there a fear of death, what time presence of eternity and infinity, what is the actual tragedy of death.

Keywords: life, death, immortality, being, the meaning of life, fear of death, birth and dying.

Смерть и жизнь – фундаментальные понятия человеческого бытия. Это одновременно все и ничто. Смерть отнимает у человека жизнь, но и жизнь возникает из ничего. Мы боимся смерти, но не боимся быть не рожденными вовсе. А. Шопенгауэр писал следующее: «печалиться о времени, когда нас больше не будет, так же нелепо, как если бы мы печалились о времени, когда нас еще не было, ибо все равно, относится ли время, которое не наполняет нашего бытия, к тому, которое его наполняет, – как будущее или как прошедшее». [11, с.673] Мы не знаем, что будет после смерти, но мы и не знаем, что было до рождения.

С первого дня своего рождения человек пребывает в процессе умирания. Так как каждый год, месяц, неделя, час, минута, секунда приближают его к смерти. М.Ю. Келигов так характеризует смерть как логическое завершение жизненного пути: «В смерти заключено не только отрицание жизни, но и ее дополнение ... конец жизни есть конец «умирания»» [5, с.164]. Монтень говорил по этому поводу так: «Ваше бытие, которым вы наслаждаетесь, одной своей половиной принадлежит жизни, другой – смерти. В день своего рождения вы в такой же мере начинаете жить, как и умирать». [6, с.98] Смерть – это естественная составляющая жизни. Л.Бурдо пишет об этом следующее: «Необходимо, чтобы все конечное имело и конец, чтобы все начавшее быть, и переставало быть. Рождение и смерть – два взаимно-соответствующие термина». [2, с.31] Такой подход к смерти как закону, как необходимому элементу существования живого, которое, чтобы быть, должно

умереть, есть атрибут преимущественно позитивистской картины мира.

Но если смерть так естественна, тогда почему многие люди боятся думать, говорить о смерти, полагая, что таким образом они отдалают её от себя. Вплоть до XIX века отношение к смерти было как к естественному неизбежному явлению. Она не воспринималась как драма или трагедия, уход человека из жизни не воспринимался как полный разрыв. Ф.Арьес назвал этот период «смерть прирученная», считая такое отношение «нормальным, в отличие от современного – которое характеризуется как «дикое» (или как её назвал Ф.Арьес «перевернутая»)». [1] Таким образом, при разрыве естественного единства жизни и смерти происходит усиление страха смерти. Многие ученые считают, что страх смерти изначально заложен в природе человека, в его органической или психической структуре. Как пишет И. Ялом, «отрицание смерти на любом уровне есть отрицание собственной природы, ведущее ко все большему сужению поля сознания и опыта». [12, с.39] Страх смерти – это прежде всего страх изменений, страх потерять близких, родных, страх за то, что исчезнет «моё собственное «Я»». Смерть – это такое изменение, которое навсегда уничтожает и саму возможность изменений, и изменяющуюся субстанцию, то есть саму сущность подверженного изменениям бытия. Страх смерти через страх изменений напрямую связан с отношением человека к собственной жизни. Вытеснение смерти ведет к оскудению жизни, притуплению чувствительности к происходящему и, в конечном счете, лишает человека радости бытия.

Человек боится не только потерять всё, что у него есть здесь и сейчас, но прежде всего это боязнь неизбежности, бесконечной непознаваемости, непостижимости. Он осознает фундаментальное значение конечности своего бытия. Такое осознание смерти может оказать на человека неоднозначное влияние: с одной стороны, вселить ужас перед небытием и конечностью. Разрушительное действие, которое оказывает на человека смерть, по словам В.В. Варава, проявляется следующим образом: «Убежденность в полном уничтожении человека после смерти лишает человека всякого достоинства, что открывает дорогу к цинизму, жестокости, мизантропии. Если моя жизнь не имеет ни цены, ни достоинства, тогда и жизнь других людей тоже их не имеет». [3, с.47] Ведь получается, что мы живем, чтобы умереть. С другой стороны, осознание смерти придает жизни смысл, делает ее более полной и содержательной. Ф. Франкл по этому поводу писал следующее: «... конечность должна являться тем, что придает человеческому существованию смысл, а не тем, что лишает его этого смысла. Перед лицом смерти, как абсолютного и неизбежного конца, ожидающего нас в будущем, и как предела наших возможностей, мы обязаны максимально использовать отведенное нам время жизни, мы не имеем права упускать ни одной из возможностей, сумма которых в результате сделает нашу жизнь действительно полной смысла». [10, с. 191]

Смысл жизни – абсолютное и безусловное начало, охватывающее бытие человека в целом. Человек долгое время может заботиться только о преувеличении своего богатства, о карьере, об удовольствиях, но факт приближения смерти неустрашим и влечет за собой поиск смысла жизни. Вопрос в том, когда возникает эта потребность поиска смысла жизни – глубинная, мировоззренческая потребность. Умение находить, понимать и переживать смысл своего бытия является основой духовного бытия человека. Таким образом, проблема смысла жизни относится к категории так называемых «вечных» вопросов нравственности. Осознавая конечность своего земного существования и задаваясь вопросом о смысле жизни, человек начинает вырабатывать собственное отношение к жизни и смерти. И вполне понятно, что тема эта, быть может, самая важная для каждого человека, занимает центральное место во всей культуре человечества.

История мировой культуры раскрывает извечную связь поисков смысла человеческой жизни с попытками разгадать таинство небытия, а также со стремлением жить вечно и если не материально, то хотя бы духовно, нравственно победить смерть.

Именно поэтому философы прошлого с большой готовностью рассматривали категорию бессмертия (жизнь после физической смерти).

В мировой философской традиции существуют три основных типа представлений о жизни после смерти. Первый тип отображает смерть как продолжение этой, земной жизни, в которой человек занят своими повседневными делами. Данное представление отражено в характере захоронения и предметах, которые кладут в

могилу с умершим. Второе знаковое представление о посмертном существовании предполагает, что будущая жизнь проходит в особом, другом мире, который расположен либо под землей, либо над землей (на небе) и ничего общего с этой жизнью не имеет. В зависимости от своей жизни на земле, усопшие пребывают в блаженстве за свою праведную жизнь, либо обречены на вечные мучения за совершенные ими злодеяния. В этой концепции загробный мир делится на ад и рай. Третье философское представление – это представление о переселении души умершего человека в другое живое существо. В этом случае присутствует идея загробного воздаяния, но в некотором видоизмененном виде. За праведную жизнь душа умершего переселяется в тело богатого и знатного человека, за неправедную – в тело нищего или даже в животное.

Философы всегда были уверены, что говорят, в общем-то, не о бессмертии, а скорее всего о жизни иного содержания. «Верно, – писал Л.Фейербах, – что почти у большинства народов имеется... вера в бессмертие; важно, однако, так же как и при рассмотрении веры в бога, распознать, что эта вера в действительности собою выражает. Все люди верят в бессмертие. Это означает: верующие в бессмертие не считают, что со смертью человека наступает конец его существования... Умерший для живого не превратился в ничто, не абсолютно уничтожен; он как бы изменил лишь форму своего существования; он лишь превратился из телесного существа в духовное, то есть из подлинного существа в существо представляемое...» [4, с.98] Таким образом, живое существо не находит в смерти абсолютного уничтожения, а продолжает существовать в целом природы и вместе с ним. Смерть не может уничтожить большего, чем дано было рождением. Конец личности так же реален, как реально было ее начало, и в том самом смысле, в каком нас не было до рождения, нас не будет и после смерти. Истинное основание для бессмертия мы находим в словах Теофраста Парацельса: «Душа во мне сделалась из чего-то, поэтому она и не обратится в ничто, ибо она произошла из чего-то». [11, с.97]

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что смерть разъединяет две противоположности: физическую очевидность тела, доступную ощущению, и неуловимую тайну, благодаря которой тело только и может быть «присутствием». Смертью просто-напросто оканчивается существование эмпирической промежуточности. Можно ли такой кризис почувствовать «на собственной шкуре», можно ли его испытать? В своей работе В.В. Варава пишет про непостижимость и непознаваемость смерти следующее: «Человек приобретает опыт смерти в сам невозвратимый момент умирания, в первый и последний раз в жизни. У других (еще живущих) нет ни малейшего шанса вторгнуться в этот опыт. Более того, этот опыт именно опыт умирающего-в-смерть и он не соизмерим ни с одним из состояний живущих-в-жизни». [3, с.234]. Нам приходится умирать, но мы не испытываем чувства смерти; самость смерти, последнее пограничное событие, является объектом нового и внезапно обрывающегося опыта. Таким об-

разом понятие смерти-бессмертия относится к разделу явлений, которые невозможно ни доказать, ни опровергнуть. Поэтому проблема смерти очень сложная, и однозначных и простых подходов к ее решению найти очень сложно.

Кардинальное отличие от позитивистского подхода к определению жизни и смерти мы находим в русской философской традиции. И если в первом случае смерть – это обратная сторона жизни, с которой она неразрывно связана и которая ей предшествует, то во втором рассматривается трагичность смерти, её неприемлемость как естественного события. С точки зрения неприятия смерти наибольший интерес представляет мировоззрение Н.Ф. Федорова, впервые решительно выступившего против смертнической парадигмы. Естественным отношением к смерти, по мнению Федорова, является ее восприятие как чего-то ненормального, ошибочного. «Смертность, – подчеркивал он, – сделалась всеобщим органическим пороком, уродством, которое мы уже не замечаем, и не считаем ни за порок, ни за уродство». [9, с. 250–25]. Федоров подчеркивал необходимость правильного отношения к смерти – борьбы, борьбы того же порядка, что и преодоление прочих несовершенств человеческой жизни. «Смерть, – утверждал он, – есть свойство, состояние, обусловленное причинами, но не качество, без коего человек перестает быть тем, что он есть и чем должен быть». [9 с.258] Вл. Соловьев, продолжая мысль Федорова пишет: «Если чем естественно нам тяготиться, если чем основательно быть недовольным в данной действительности, то, конечно, этим заключительным явлением всего нашего видимого существования, этим его наглядным итогом, сводящимся на нет». [8, с.103]

Н.А. Бердяев считает, что смерть и смертность – источник бессмыслицы этого мира и всего в нем происходящего. И если выше мы отмечали, что понятие смерти, осознание конечности и единственности человеческого личного бытия способствует прояснению нравственного смысла и ценности человеческой жизни, то в русской философии смерть не столько отбирает у жизни смысл, делая ее конечной внезапно и непредсказуемо, сколько выявляет бессмысленность человеческого существования.

Смысл жизни обретається не через осознание своей смертности, а через примирение со страхом смерти, который должен восприниматься позитивно. Страх смерти не нужно принимать как природную составляющую человека, со страхом необходимо бороться. Страх смерти также неестественен, как сама смерть. Если мы будем бояться смерти, то и жизнь будет бессмысленна. Позитивный аспект страха смерти как явления, имеющего «духовную глубину» и «онтологическую значимость», достаточно полно раскрыт В.Ш. Сабиновым. «Страх смерти – одно из самых мучительных душевно-духовных страданий личности. В нем сконцентрирован трагический пафос жизни человека как разумного существа. Страх смерти составляет предельное испытание духовной стойкости и достоинства человека» [7, с.102] Страх смерти, являясь нравственной доминантой, од-

них сбивает с жизненного пути, других заставляет смириться с несправедливостью уничтожения, третьих побуждает нравственно преобразиться. В соотношении жизни и смерти, смерть интерпретируется как явление, отравляющее жизнь, в свете смерти жизнь становится вопиющей неправдой.

Бессмертие в русской философской мысли рассматривается не как личное бессмертие, а достижение всеобщего воскрешения. Самая главная идея «философии общего дела» Федорова – это долг сынов воскресить своих отцов, в конечном счете – все ушедшие поколения. Стремление к воскрешению всех умерших провозглашается «общим делом» всех живущих, их неременным долгом перед «отцами». Притом, речь идет не просто о духовном воскрешении, а о воскрешении физическом, телесно-вещественном. Воскрешение умерших представляется Федорову не как сверхъестественно-мистический акт, а как результат развития науки и ее практического применения. Наука, как он считает, позволит собрать рассеянные частицы разложившихся тел и воссоздать из них тела оживших отцов и матерей. Учение Федорова касается высших целей и предельных эволюционно-онтологических задач.

Необходимо отметить, что главное для русской философской мысли – важно не игнорировать, а думать о смерти, бороться со страхом смерти, только тогда можно достигнуть духовно нравственной высоты и преодолеть тот трагизм, которым наполняет смерть жизнь.

Как в западной, так и в русской философии, на тему смерти написано огромное количество работ, но ни одна из них не может ответить достоверно, что же такое смерть? Видимо, это и есть ее главная тайна, она не поддается исследованию, ее невозможно понять, но вместе с тем это то, что каждому рано или поздно придется для себя открыть. Для человека важно знать о неизбежности смерти, потому что отношение к смерти определяет отношение к жизни. По мнению автора, смерть в действительности можно рассмотреть в соотношении только с каким-либо феноменом жизни, ибо она имеет отношение практически к любой проблеме, которую традиционно принято соотносить с жизнью. Поэтому смерть невозможно противопоставлять ни жизни как таковой, ни идее бытия, ни сравнивать ее с небытием. Пытаясь познать смерть посредством естественно-научной, материальной или метафизической схемы, мы не можем определить ни ее причину, ни ее начало, ни ее конец. В силу этого смерть представляется парадигмальной сущностью живого. Небытие получает приоритет над бытием, подрывая онтологические основания. Логика смерти как объекта исследования не выстраивается. Да и сама природа жизни и смерти представляется человеку нелогичной. Противопоставив эти категории, мы выводим «формулу»: жизнь есть «не-смерть». И если в смерти как в «не-жизни» все люди и все «Я» индивидов равны, как гласит русская пословица «Смерть всех уравнивает», то жизнь как «не-смерть» стирает эту грань равенства. Единственное равенство жизни – в факте явления человека в мир бытия. Но возможно, жизнь в теле обрывается посредством чего-то не соотносящего с тем,

что данную жизнь детерминировало. Несомненно, это иное присутствует тем или иным образом в индивидуе в процессе его жизнедеятельности. Это значит, что жизнь и смерть не противопоставляются без соответствующей на это причины. Момент противопоставления и есть сам процесс умирания как таковой. Но если есть что-то, что запускает механизм жизни, то должно существовать нечто, подавляющее развитие активизации смерти. Данное нечто может быть положенным только за пределы жизни и смерти. Поэтому бессмертие можно определить не как уход от смерти, а как проникновение за

пределы смерти. Но за эту грань невозможно проникнуть, мы можем лишь предполагать, что нас там ждет либо какая-то другая жизнь, или же смерть – это некий вечный сон. К сожалению, никто и ничто не могут нам приоткрыть завесу над этой тайной. Мы до последнего мгновения жизни остаемся в неведении, думая временами, что там ничего нет, но при этом, очень часто надеясь на какую-то другую потустороннюю жизнь или успешное воскресение, позволяющие одержать победу над полной смертью.

Библиографический список

1. *Арбес Ф.* Человек перед лицом смерти. М.: Издательская группа «Прогресс» «Прогресс-Академия», 1992.
2. *Бурдо Л.* Вопрос о смерти и его различные решения. М.- Петербург: Издание А.С. Суворина, 1911. С.301.
3. *Варава В.В.* Дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.05. Тула: РГБ, 2006. (Из фондов Российской Государственной Библиотеки).
4. Вопрос о бессмертии с точки зрения антропологии / «Мир философии». М., Политиздат, 1991. с.98-99.
5. *Келигов М.Ю.* Смерть как жизнеорганизующий феномен (о духовной ценности смерти). // Известия высших учебных заведений Северо-Кавказского региона. Общественные науки. 1993. №4. С. 162-164.
6. *Монтень М.* Опыты: В 3-х кн.: Т.1. М.: Голос, 1992, С.98
7. *Сабиров В.Ш.* Критический анализ философско-этических оснований современной танатологии. // Философские науки. 1995. №3. С. 100-107.
8. *Соловьев В.С.* Оправдание добра. Нравственная философия. Соч.: в 2. т. М.: Мысль, 1988. Т. 1.
9. *Федоров Н.Ф.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 1, М., 1995–1999, 250–251.
10. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
11. *Шопенгауэр А.* Мир как воля и представление. М.: Наука, 1993. С.672.
12. *Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия. М.: Независимая фирма «Класс», 1999. С. 39.

References

1. *Ares F.* The man in the face of death. Moscow: Publishing group "Progress" - "Progress Academy," 1992 .
2. *Bourdeau L.* The question of death and its various solutions. M. ↠ Petersburg: Publishing AS Suvorina, 1911. P.301.
3. *Varava V.V.* Dis. ... Dr. Philosophy. Sciences: 09.00.05. Tula: RSL 2006. - (From the collection of the Russian State Library).
4. The question of immortality from the perspective of anthropology / "World Philosophy". M., Politizdat, 1991, p.98-99
5. *Keligov M.* Death as zhizneorganizuyuschy phenomenon (on the spiritual value of Death) / M. Keligov // Proceedings of the institutions of higher education Seva ↠ ro-Caucasus region. Social Sciences. 1993. № 4. P. 162-164.
6. *Montaigne M.* Experiments: In a 3-Prince.: Vol.1. Moscow: The Voice, 1992, с.98 .
7. *Sabirs V.S.* A critical analysis of the philosophical and ethical foundations of temporary ↠ thanatology / VS Sabir // Philosophy. - 1995. - № 3. - S. 100-107.
8. *Solovyov B.C.* Justification of the Good. Moral Philosophy. Op.: 2. t - M: Thought, 1988. - T. 1.
9. *Fedorov N.F.* Coll. Op.: 4 volumes, Volume 1, Moscow, 1995-1999, 250-251.
10. *Frankl V.* Man's Search for Meaning. Moscow: Progress Publishers, 1990.
11. *Schopenhauer A.* The World as Will and Representation. Nauka, 1993.s.672.
12. *Yalom I.* Existential psychotherapy. M.: Independent firm "Class" in 1999. s. 39.

УДК 291.1

UDC 291.1

Р.О. САФРОНОВ

старший преподаватель кафедры философии религии и религиозных аспектов культуры Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета
E-mail: roman.safronov@gmail.com

R.O. SAFRONOV

senior lecturer, Department of philosophy of religion and religious aspects of the culture, St. Tikhon's Orthodox University
E-mail: roman.safronov@gmail.com

ПРОБЛЕМА РЕЦЕПЦИИ ТЕОРИИ РЕЛИГИИ ЭМИЛЯ ДЮРКГЕЙМА В СОВЕТСКОМ РЕЛИГИОВЕДЕНИИ*

SPECIFICITY OF RECEPTION OF DURKHEIMIAN APPROACH IN THE SOVIET STUDY OF RELIGION

В статье раскрываются особенности восприятия дюркгеймовской теории религии в советской религиоведческой науке. Дюркгейма описывают одновременно как позитивиста, идеалиста, эмпирика, рационалиста и даже психологиста. В работе показано, что основной причиной такого разноречия во мнениях является факт, что восприятие теории Э. Дюркгейма в советском религиоведении шло через призму идеологии и отношений приверженцев «правильного» марксизма с «заблуждающимися» буржуазными теоретиками.

Ключевые слова: Эмиль Дюркгейм, советское религиоведение, позитивизм, буржуазная социология, религия, марксизм.

The article describes the peculiarities of perception of Durkheim's theory of religion in the Soviet study of religion. Durkheim described as simultaneously a positivist, idealist, empiricist, rationalist and even the psychologists. It is shown that the main reason for such a jumble of opinion is the fact that the perception of Durkheim's theory of religious studies in the Soviet science passed through the prism of ideology and relations adherents of 'right' of Marxism with «erring» bourgeois theorists.

Keywords: Emile Durkheim, Soviet study of religion, positivism, bourgeois sociology, religion, idealism, Marxism.

Корпус советской научной литературы, посвященной работам Эмиля Дюркгейма, не очень велик. Даже если мы соберем работы, в которых Дюркгейм только упоминается или в которых его теории посвящено один-два абзаца, список вряд ли будет длиннее ста пятидесяти наименований¹. Из этого факта можно сделать вывод, что подход французского социолога не был очень популярным у советских исследователей. В данной статье мы попытаемся ответить на вопрос почему, а также поговорить о специфике восприятия творчества Дюркгейма в советской науке.

Очень важно здесь также проговорить, что уже существует работа, посвященная рецепции идей Дюркгейма в российской социальной мысли. Принадлежит она выдающемуся российскому специалисту по Дюркгейму социологу А.Б. Гофману [4]. Однако в этой монографии автор фокусируется исключительно на социологической мысли, а потому даже не упоминает большинство тех работ, к которым будем обращаться мы.

Чтобы начать разговор о рецепции теории Э. Дюркгейма в советском религиоведении, нам сначала нужно решить вопрос о критериях отбора мате-

риалов по нашей теме². Прежде всего, очевидно, что о Дюркгейме в СССР писали не только религиоведы, но и социологи, поэтому может показаться вполне логичным не принимать во внимание работ социологов. К религиоведческим же работам применить жесткий сужающий критерий, который предлагает в одной из статей П.Н. Костылев [12]. Он пишет о шести критериях: профильное образование, профильные публикации в рецензируемых или иностранных журналах, участие в научных мероприятиях с профильными докладами, членство в профессиональных ассоциациях, «работа религиоведом», консенсуальный / ссылочный критерий (здесь имеется в виду, что автор в статьях ссылается на других религиоведов, которые ссылаются на автора как на религиоведа).

Проблема с таким подходом заключается в том, что, во-первых, и советские социологи обращались к дюркгеймовской теории религии. Во-вторых, применение указанных шести критериев либо сделает наш список совершенно пустым, либо настолько его укоротит, что в результате нам придется рассматривать труды исключительно Дмитрия Модестовича Уриновича или Игоря Николаевича Яблокова. Само по себе обращение к их

¹ Для количественного сравнения можно обратиться к одной из известнейших электронных библиотек периодической научной литературы <http://www.jstor.org>. Поиск по слову «Дюркгейм» дает тридцать тысяч результатов на английском языке, более тысячи на немецком и около семи тысяч на французском.

² Этот вопрос важен не только для нашей статьи: с ним неизбежно будет сталкиваться любой исследователь, обращающийся к советскому религиоведению. По этой причине обратиться к его решению просто необходимо.

* Статья написана в рамках работы над проектом «История отечественного религиоведения: XX - начало XXI вв.». Грант РГНФ 13-03-00497.

работам весьма замечательно, но советское религиозное, конечно же, не сводится к этим двум именам.

Для целей данной статьи был избран достаточно мягкий критерий: мы будем обращаться к трудам тех авторов, которые так или иначе касаются теории религии Эмиля Дюркгейма, но иногда будем привлекать и сугубо социологические работы, в которых тема религии может не подниматься вообще, но в которых рассматриваются вопросы, фундаментально важные для теории социолога в целом (а значит, важные и для теории религии), например, понимание «социального факта» или «коллективных представлений». Мы, однако, не будем использовать работы, написанные в рамках теологического или религиозно-философского контекста (прежде всего потому, что они никак не вписываются в рамки «советского» подхода к изучению религии), и потому не будем обращаться к трудам, например, Н.А. Бердяева [2] или П.А. Флоренского [25].

Отделив важные для нас работы от несущественных, мы переходим к их систематизации, которая также не является очевидной. Здесь снова возникает проблема основания для классификации, которых можно выделить несколько и которые неудовлетворительны по качеству.

Во-первых, статьи и монографии можно разделить по научным дисциплинам: более социологические, более религиоведческие. Мы не можем пойти по этому пути, поскольку, с одной стороны, снова окажемся перед необходимостью решать, кто такие религиоведы, а с другой – убедимся, что и социологи обращались к религиоведческим вопросам [3, 178-187; 13] и религиоведы занимались социологией религии [16].

Другой возможный критерий можно выстроить, если попытаться отделить исследовательские работы от идеологических. По большому счету именно этим путем идет А.Б. Гофман в работе «Эмиль Дюркгейм в России». Исследователь пишет о сложившемся в советской науке жанре, который он называет «критика буржуазной идеологии» и который выполнял целый ряд функций. А.Б. Гофман выделяет десять: 1) функция разоблачения, 2) функция обоснования неустраимости борьбы двух идеологий, 3) функция демонстрации достоинств марксистской идеологии, 4) функция демонстрации превосходства социалистической системы над капиталистической, 5) функция продвижения и утверждения каких-то взглядов (собственных или предпочитаемых) самих советских теоретиков как «истинно» марксистско-ленинских, 6) функция использования тех или иных «буржуазных» взглядов и их носителей в качестве союзников в борьбе с другими взглядами и их носителями, 7) функция академического декора, представлявшая «разоблачение» тех или иных «буржуазных» взглядов как совершенно беспристрастный процесс поиска истины, 8) функция «имманентной критики», посредством которой обосновывалась несостоятельность, противоречивость или логическая уязвимость определенных взглядов с позиций самих их носителей, 9) просветительская функция, когда в процессе или под предлогом критики «буржуазных» кон-

цепций осуществлялось знакомство с ними читателей, 10) функция приращения знания [4, 100-102].

Очевидно, что эти функции расположены в порядке возрастания «академичности», а сам Гофман чуть ниже указывает, что ближе к 1990-м годам «растет удельный вес и значение выделенных выше функций 7-10», а также, что «в целом в период 1960-х – 1980-х годов наблюдается постепенная эволюция от наиболее “крепких” эпитетов в отношении Дюркгейма к более осторожным выражениям и характеристикам. В оценках дюркгеймовской социологии соотношение «плохих» и «хороших» сторон меняется в сторону увеличения последних» [4, 112].

В таком подходе, безусловно, есть определенная логика, но, очевидно, что развитие «научности» не было таким однозначным, поскольку, с одной стороны, существует работа Ф.Е. Тележникова [19, 159-189] 1929 года, выполненная на высоком научном уровне, с другой – например, наличествует статья-предисловие В.К. Никольского к книге Ш. Эншлена «Происхождение религии», опубликованное в 1954 году, которое оперирует в отношении Дюркгейма обычными идеологическими штампами: «Гораздо обстоятельнее критикует Эншлен другие преанимистические концепции, в особенности так называемую социологическую школу Эмиля Дюркгейма. Как указывает Эншлен, Дюркгейм и его ученики своей фразеологией вводили в заблуждение мелкобуржуазных и либеральных горе-ученых, считавших социологическую школу “близкой к марксизму”» [17, XII].

Кроме того, если мы ведем речь о выделении однозначного критерия, то возрастание «научности» может быть использовано только в качестве вторичного индикатора в силу своей расплывчатости и невозможности однозначного измерения.

В-третьих, возможно выстроить критерий на основании разделения всех работ на «описательные» (в которых мы найдем только описание теории Дюркгейма) и «практические» (авторы которых пытаются применять дюркгеймовскую методологию в конкретных исследованиях). Однако в этом случае у нас возникнут слишком диспропорциональные группы: в одну попадут 99% книг и статей (если и не все), другая же группа останется фактически пустой.

Здесь будет очень интересно обратиться к работе Ю.А. Левады «Социальная природа религии». В ней теория Дюркгейма обстоятельно описывается и критикуется с марксистских позиций, однако в то же самое время Левада иногда пишет если не в дюркгеймовском стиле, то выражает по меньшей мере весьма сходные идеи, не ссылаясь при этом на французского социолога. Так, в критике Левадой воззрений на общество «философии ценностей» и «позитивистской социологии» вполне очевидно просматривается дюркгеймовская позиция – также критическая – относительно «априоризма» и «эмпиризма» в социологии [13, 53]. В другом же месте воззрения Левады и Дюркгейма на социальность человеческого мышления полностью совпадают, и при этом Левада ссылается на Ф. Энгельса: «Вот по-

чему социальное сознание не только количественно, но и принципиально отлично от индивидуального. Хотя мышление «существует только как индивидуальное мышление многих миллиардов прошедших, настоящих и будущих людей» [27, 87] (Эгнелъс), оно отнюдь не является просто актом индивидуального сознания или только функцией мозга» [13, 71]. По большому счету, с нашей точки зрения, работа Ю.А. Левады является единственной, где хотя бы в таком виде осуществлена «рецепция» идей Дюркгейма. Более подробно о рецепции конкретно мы поговорим в финале статьи.

Наконец, в-четвертых, основной критерий возможной классификации советских религиоведческих работ о теории Э. Дюркгейма можно попробовать выстроить на антитезе корректного и некорректного изложения теории французского социолога. Тем не менее, и в этом случае мы снова сталкиваемся с серьезными затруднениями. Во-первых, само по себе изложение чужой теории практически никогда не является «голым», имплицитно не нагруженным предпочтениями того человека, который о теории говорит или пишет. Любое изложение – это всегда в том или ином виде интерпретация, и, будучи укорененными в индивидуальном опыте исследователя, интерпретации равноправны.

Другое дело, и с этим связано второе затруднение, что в описании дюркгеймовской теории могут встречаться фактические ошибки или противоречия. Самое печальное, что такие проблемы возникают даже в работах признанных специалистов. Так, в работе С.А. Токарева «История зарубежной этнографии» мы читаем, что общество для Дюркгейма – «это не система материальных, трудовых, производственных отношений, а лишь совокупность психических связей» [20, 210], однако чуть ниже исследователь утверждает, что «самый общий методологический грех Дюркгейма – это односторонний «социоморфизм» его концепции: однобокое и преувеличенное представление об «обществе» как о некоей всеисильной и самодовлеющей субстанции» [20, 218]. Очевидно, что здесь Дюркгейму приписываются взаимоисключающие подходы к пониманию общества, которое может восприниматься или как совокупность индивидуальных психических связей, или как самодовлеющая субстанция, но никак не может одновременно и тем и другим. Более того, содержание первого тезиса прямо противоречит и пониманию Дюркгеймом социума как реальности *sui generis* [5, 34] и явно высказанному отказу социолога анализировать социальное через психологическое [6].

Кроме того, например, у И.Н. Яблокова высказывается мысль, что «основной функцией религии социолог считает не объяснение мира, а возбуждение чувства радости и экзальтации, побуждения к действию» [28, 23]. В таком виде это описание, безусловно, является ошибочным. Во-первых, конечно, Дюркгейм высказывает идею – на нее, кстати, обращали внимание и другие советские исследователи [11, 44-45], – что религия побуждает человека к действию, делает человека сильнее, однако мотивирующая функция религии, конечно, не является главной [31, 419, 430-433]. Во-вторых,

французский социолог прямо высказывает идею, что религия – это исторически первая система объяснения окружающего мира, наука как более молодая и успешная объяснительная система религию в этом заменит, но система науки генетически останется зависимой от религиозной [31, 419], а потому можно утверждать, что для Дюркгейма объяснительная функция религии, по крайней мере на первых этапах человеческой истории, является основной. Наконец, объясняя религию как систему, призванную возбуждать чувство радости, мы меняем местами причину и следствие в логике французского социолога. Само по себе чувство экзальтации, коллективного возбуждения (*collective effervescence*) однозначно является источником религиозного переживания, но никак не его следствием [31, 238]. Примеры подобных не совсем адекватных интерпретаций можно умножить, но, с нашей точки зрения, указанные вполне передают общее ощущение.

Все вышесказанное приводит нас к выводу, что создание классификации советских работ является делом проблематичным, однако это не означает, что анализа здесь провести невозможно. По нашему мнению, необходимо обратиться к выявлению факторов, которые объединяют все религиоведческие работы о подходе Дюркгейма в СССР. Здесь выделяются две особенности. Во-первых, во всех статьях, монографиях или диссертациях идеи Дюркгейма излагаются, описываются, но (почти) никогда не используются. Во-вторых, идеи французского социолога всегда критикуются как несостоятельные или как частично состоятельные, а потому несущественные, а иногда и вредные в методологическом отношении для ученых-марксистов.

Прежде всего, Дюркгейма критикуют за идеализм, что, конечно, не является особенностью сугубо советского восприятия Дюркгейма. В идеалисты социолог был «записан» благодаря работам первых и самых влиятельных критиков: Ч. Гелке [32], А. Голденвайзера [33], Э. Шауба [36] и В. Деннеса [30], а затем и Т. Парсонса [18; 34; 35]. В советском же контексте об идеализме Дюркгейма писал М. Туровский в соответствующей статье философской энциклопедии 1962 года [21, 99-100]. На эту же статью ссылается и А.Б. Гофман, когда пишет на эту тему, и к его описанию ничего прибавить нельзя: «Идеалистический характер дюркгеймовской социологии фигурирует в статье несколько раз: 1) она идеалистическая, так как понятие общественного бытия для нее равнозначно понятию общественного сознания; 2) в духе «объективного идеализма» Дюркгейм приписывал «коллективным представлениям» самостоятельное существование; 3) исходя из «идеалистического понимания классовой борьбы», он считал ее «не объективным законом, но свидетельством негодной моральной организации общества...»; 4) поскольку Дюркгейм – идеалист и видит источник противоречий буржуазного общества в дезорганизации его моральных устоев, постольку «его критика буржуазного строя лишена научной основы». Что касается методологии Дюркгейма, то она – «образец буржуазного объективизма» [4, 106].

Несмотря на устоявшуюся традицию, такая по-

зиция критиков вызывает недоумение, поскольку Дюркгейм, определяя общество как реальность особого рода, нигде не утверждает раздельного и независимого существования общества и составляющих его индивидов [31, 14-18] и потому основывает свою социологию религии не на идеях о реальном существовании некоей самодостаточной силы, отдельной от индивида, а на реальности «работы» социальных фактов [5, 29-40].

Далее, одновременно с описанием социолога как идеалиста, советские религиоведы его считают позитивистом, что странно и само по себе, поскольку не понятно, как именно эти два определения соотносятся, и потому, что никто из авторов не предлагает хотя бы указаний на дюркгеймовский позитивизм. Очевидно, что в данном случае мы имеем дело с определенной, но не совсем эксплицированной традицией понимания, а также традицией, к которой принадлежали не все исследователи. Так, для Д.М. Угриновича [22, 51], Н.С. Капустина [8, 75], Ю.А. Левады [14, 38; 13, 52], И.С. Кона [9, 87], И.Н. Яблокова [28, 22; 29, 44] Дюркгейм позитивист, для Ю.П. Францева [26, 210-211], Э.М. Коржевой [11, 45-46], С.А. Токарева [20, 206-208] социолог не был позитивистом, поскольку изначально выступал с критикой взглядов прежде всего О. Конта. При этом вторая группа авторов свою позицию аргументирует. Вот, например, как это делает Ю.П. Францев: «О распаде и глубочайшем кризисе «классических» позитивистских схем возвестил в буржуазной науке наиболее решительно, пожалуй, французский социолог Эмиль Дюркгейм. Он поставил вопрос о том, что такое «социальный факт», социальное явление, и заявил в своей работе «Метод социологии» (1895), что эти факты и явления нельзя свести ни к биологии, ни к психологии. По его мнению, «социальный факт» есть объединение «представлений и действия». Этим был нанесен серьезный удар по схемам Спенсера и Конта» [26, 211].

Более того, на этом противоречивые описания теории Дюркгейма не останавливаются. В советском религиоведении социолог также одновременно предстает и рационалистом [9, 85; 11, 45-46; 19, 188], и эмпириком [1, 179-184; 9, 74], а также, что в принципе противоречит базовой интенции Дюркгейма как социолога, психологистом [19, 170-171; 20, 210, 217].

При этом, исходя из цитируемых работ, все эти противоречивые характеристики дюркгеймовского подхода по большому счету сводятся к одному определяющему недостатку: к немарксизму самого социолога. Так, в книге «Дорелигиозная эпоха» В.Ф. Зыбковец высказывает мысль, что постановка вопроса о первоначальной форме религии изначально неправильна, ибо религия – это в принципе заблуждение или система заблуждений, а в качестве таковой системы, то есть в правильном свете, ее рассматривают марксисты [7, 3-7]. О том же пишет и Э.М. Коржева в автореферате диссертации: «Дюркгейм как идеалист не признает решающей роли общественного бытия, материальных, производственных отношений как определяющих общественное сознание по содержанию, имеющих примат перед ним» [10, 9], а о решающей роли материальных производственных от-

ношений говорят только марксисты. Коржевой вторит и В.П. Левкович, утверждая, что подход Дюркгейма неверен, поскольку не учитывает «материальную основу развития общества» [15, 17]. Наконец, французский социолог в корне не прав и даже выступает в качестве реакционера с точки зрения советских религиоведов, поскольку говорит о вечности религии [3; 9, 87; 23, 17; 24, 211; 26, 212-213], что идеологически и фундаментально несовместимо с марксизмом.

Обвинение Дюркгейма, изложенное в последнем пункте, характерно для большинства работ, и потому на нем стоит остановиться подробнее, тем более, что в этом случае идеологическая составляющая критики проступает наиболее явно. Оценивая теорию социолога, советские авторы называют его апологетом религии, а потому автором, стоящим на страже буржуазного общества и автором, глубоко заблуждающимся [11, 41, 45; 22, 51; 8, 76]. Здесь необходимо разобраться.

Дюркгейм, с одной стороны, приходит к заключению, что рациональная логика, а следовательно, и наука рождаются из религии, если ее понимать как исторически первую систему классификации и анализа окружающего мира. Затем, развиваясь, наука начинает делать эту аналитическую работу лучше, а потому религия отмирает [31, 239-241, 431, 419, 421]. Однако, с другой стороны, из концепции социолога следует, что когда люди объединяются в сообщество и когда это сообщество вырабатывает определенную норму поведения и поощряет людей к достижению этой нормы (то есть общество выступает как система выработки идеала, как мотиватор для достижения этого идеала, а также как система формирования определенного ритуального поведения), оно функционально выступает как религиозное. То есть, согласно Дюркгейму, механизмы, которые привели к возникновению системы религии в начале человеческой истории, точно так же «работают» и сегодня, когда возникает любое сообщество. И в этом смысле религиозное присуще человеческому обществу всегда. Справедливости ради нужно отметить, что единственный советский автор, обративший внимание на это обстоятельство, – это А.Б. Гофман [3, 178-187].

Примеры подобной критики можно легко умножить, однако для нас они не являются самоцелью, поскольку вполне однозначно отвечают на вопрос, почему Дюркгейм не очень интересен как исследователь для советского религиоведения и социологии. Безусловно, большинство советских исследователей соглашались, с тезисами, что Дюркгейм сыграл положительную роль в истории как социологии, так и религиоведения, что он совершенно правильно обратил внимание на социальную природу как мышления, так и религии, что высказывал верные идеи о необходимости общественных идеалов и т.д., но в этом-то его предвосхитили как раз К. Маркс и Ф. Энгельс [13, 53; 7, 54-55; 23, 20], а потому идеи Дюркгейма избыточны и вторичны для советских ученых.

Здесь важно осознавать, что такая оценка является следствием основополагающего понимания советскими социальными мыслителями сущности социологии

и религиоведения, а также фундаментальных отличий эмпирической, буржуазной и марксистской науки. Основными проблемами буржуазной науки являются, во-первых, декларация и стремление к отделению методологических вопросов от философских и мировоззренческих [1, 180-181], во-вторых, сознательное воздержание от постановки философских вопросов в рамках эмпирических исследований, и как следствие – противопоставление эмпирического исследования философскому «как описания факта раскрытию сущности» [1, 184]. В третьих, буржуазные ученые и в частности Э. Дюркгейм провозглашают метод исследования внепартийным, внеклассовым³. Это «было, несомненно, хотя и искренним жестом, но по существу фальшивым и неправильным. Всякий метод в классовом обществе

3 Сказанное напрямую касается актуальнейшего вопроса в современном российском религиоведении: вопроса о методологической нейтральности исследователя, который не должен осуществлять свою работу в угоду какой-либо идеологии. Для советского же религиоведения совершенно однозначным является понятие, что никакой нейтральности быть не может. Очень емко это выразил И.Н. Яблоков: «Характеризуя позицию «идеологической нейтральности» в социологии религии, социологи-марксисты исходят из ленинского анализа социальной роли буржуазного объективизма, «беспартийности» в философии. В. И. Ленин указывал, «что нельзя «изучать действительное положение вещей», не квалифицируя, не оценивая его...» с определенной классовой позиции. Оценка явления с той или иной точки зрения явно или скрыто всегда включена в ткань изложения социальных теорий. Объективизм, «нейтральность» по отношению к «идеологическим системам» представляют собой лишь прикрытие буржуазной классовой позиции». [Яблоков И.Н. Социология религии. – М., 1979. – С. 52-53.]

является классовым методом» [19, 175].

С другой стороны, частью «марксистской философии» является исторический материализм», который «выступает и как социологическая теория, которая рассматривает общество как организм, как целостную систему и вскрывает наиболее общие закономерности функционирования и развития, присущие всякой социальной системе». По этой причине «за социологией религии должно быть признано право решения ряда важных и принципиальных философских проблем» [28, 8].

Таким образом, достаточно очевидным становится факт, что восприятие теории Э. Дюркгейма в советском религиоведении шло через призму идеологии и отношений приверженцев «правильного» марксизма с «заблуждающимися» буржуазными теоретиками. По этой причине вопрос о рецепции требует прояснения понятий. Если мы понимаем под рецепцией *знание о* теории, то, конечно же, такая рецепция с теорией Дюркгейма имела место. Советские исследователи Тележников, Коржева, Левада, Токарев, Гофман создали качественные работы, в которых достаточно полно описали дюркгеймовский подход. Тем не менее, если под рецепцией понимать использование методологии для проведения эмпирических исследований, проверку теории, то такого рода рецепции, к сожалению, не произошло как раз по причине того, что советский марксизм претендовал на эксклюзивное обладание научной методологией и как следствие – знание истины.

Библиографический список

1. Андреева Г. М. Современная буржуазная эмпирическая социология М., 1965.
2. Бердяев Н.А. О самоубийстве: Психологический этюд. М., 1992.
3. Гофман А.Б. Религия в философско-социологической концепции Э. Дюркгейма // СоцИс. № 4. 1975.
4. Гофман А.Б. Эмиль Дюркгейм в России. М., 1999.
5. Дюркгейм Э. Метод социологии // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.
6. Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представления коллективные // Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995.
7. Зыбковец В.Ф. Дорегиозная эпоха. М., 1959.
8. Капустин Н.С. Особенности эволюции религии. М., 1984.
9. Кон И.С. Позитивизм в социологии. Л., 1964.
10. Коржева Э.М. Дюркгейм о природе социального феномена. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1968.
11. Коржева Э.М. Социологическая теория познания Э. Дюркгейма // Из истории буржуазной социологии XIX-XX веков. М., 1968.
12. Костылев П.Н. Кто такой религиовед: критерии определения // Религия и идентичность: сборник научных статей и сообщений. Казань, 2010.
13. Левада Ю.А. Социальная природа религии // Левада Ю. А. Сочинения. М., 2011.
14. Левада Ю.А. Социологические проблемы критики религии // Вопросы философии. №7. 1963.
15. Левкович В.П. Обычай и ритуал как общественные явления. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. М., 1970.
16. Митрохин Л.Н. О методологии исследований современной религиозности // Конкретные исследования современных религиозных верований. М., 1967.
17. Никольский В.К. Шарль Эйншлен и его труд по истории религии // Эйншлен Ш. Происхождение религии. М., 1954.
18. Парсонс Т.О. структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000.
19. Тележников Ф.Е. Дюркгейм о предмете и методе в социологии // Вестник Коммунистической академии. 1929. №30.
20. Токарев С.А. История зарубежной этнографии: Учеб. пособие. М., 1978.
21. Туровский М. Дюркгейм, Эмиль // Философская энциклопедия. Т.2. М., 1962.
22. Угринович Д.М. Введение в религиоведение. М., 1985.
23. Угринович Д.М. Религия и общество: О некоторых тенденциях в современной буржуазной социологии религии. М., 1971.
24. Угринович Д.М. Философские проблемы критики религии. М., 1965.
25. Флоренский П.А. Философия культа. М., 2010.
26. Францев Ю.П. Исторические пути социальной мысли. М., 1965.
27. Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Т. 20. М., 1961.

28. Яблоков И.И. Методологические проблемы социологии религии. М., 1972.
29. Яблоков И.И. Социология религии. М., 1979.
30. Dennes W. The Methods and Presuppositions of Group Psychology // University of California Publications in Philosophy. 924. №6-1.
31. Durkheim E. The Elementary Forms of Religious Life. – New York, 1995.
32. Gehlke C. Emile Durkheim's Contribution to Sociological Theory // Columbia University Studies in Economics, History, and Public Law. 1915. №1-LXIII.
33. Goldenweiser A. Review of the Elementary Forms // American Anthropologist. 1915. №17.
34. Parsons T. The Structure of Social Action. New York, 1968.
35. Parsons T. *Theoretical development of sociology of religion* // Parsons T. Essays in Sociological Theory. New York, 1954.
36. Schaub E. A Sociological Theory of Knowledge // Philosophical Review. 1920. №29-4.

References

1. Andreeva G.M. Modern bourgeois empirical sociology M., 1965.
 2. Berdyaev N.A. About suicide: A psychological study. M., 1992.
 3. Hoffman A.B. Religion in the philosophical and sociological concept of Durkheim // Sotsis. Number 4. 1975.
 4. Hoffman A.B. Emile Durkheim in Russia. M., 1999.
 5. Durkheim E. Method of Sociology // E. Durkheim Sociology. Its object, method, purpose. M., 1995.
 6. Durkheim E. The individual and collective representation // E. Durkheim Sociology. Its object, method, purpose. M., 1995.
 7. Zybkovets V.F. Doreligioznaya era, M., 1959.
 8. Kapustin N.S. Features the evolution of religion. M., 1984.
 9. Kon I.S. Positivism in sociology. L., 1964.
 10. Korzheva E.M. Durkheim about the nature of social phenomena. Author. dis. ... Cand. Philosophy. M., 1968.
 11. Korzheva E.M. Sociological theory of knowledge Durkheim // From the history of bourgeois sociology XIX-XX centuries. M., 1968.
 12. Kostylev P.N. Who is the "Religioved": criteria for determining // Religion and Identity: a collection of scientific articles and reports. Kazan, 2010.
 13. Levada J.A. The social nature of religion // Levada J. A. Works. M., 2011.
 14. Levada J.A. Sociological problems critique of religion // Problems of Philosophy. Number 7. 1963.
 15. Lewkowicz V.P. Custom and ritual as a social phenomenon. Author. diss. ... Cand. Philosophy. M., 1970.
 16. Mitrokhin L.N. About research methodology modern religiosity // Case studies of contemporary religious beliefs. M., 1967.
 17. Nicholski V.K. Enshlen and his work on the history of religion // Enshlen S. Origin religion. M., 1954.
 18. Parsons T. The structure of social action. M., 2000.
 19. Telezhnikov F.E. Durkheim about the subject and method in sociology // Bulletin of the Communist Academy. 1929. Number 30.
 20. Tokarev S. A. History of foreign ethnography. M., 1978.
 21. Turovski M. Durkheim, Emile // Philosophical Encyclopedia. V.2. M., 1962.
 22. Ugrinovich D.M. Introduction to Religion. M., 1985.
 23. Ugrinovich D.M. Religion and Society: Some trends in contemporary sociology of religion. M., 1971.
 24. Ugrinovich D.M. Philosophical problems of criticism of religion. M., 1965.
 25. Florensky P.A. Philosophy cult. M, 2010.
 26. Frantsev Y.P. Historical path of social thought. M., 1965.
 27. Engels F. Anti-Duhring // K. Marx and F. Engels, The Complete Works. T. 20. M., 1961.
 28. Yablokov I.N. Methodological problems in the sociology of religion. M., 1972.
 29. Yablokov I.N. Sociology of Religion. M., 1979.
 30. Dennes W. The Methods and Presuppositions of Group Psychology // University of California Publications in Philosophy. 924. №6-1.
 31. Durkheim E. The Elementary Forms of Religious Life. – New York, 1995.
 32. Gehlke C. Emile Durkheim's Contribution to Sociological Theory // Columbia University Studies in Economics, History, and Public Law. 1915. №1-LXIII.
 33. Goldenweiser A. Review of the Elementary Forms // American Anthropologist. 1915. №17.
 34. Parsons T. The Structure of Social Action. New York, 1968.
 35. Parsons T. *Theoretical development of sociology of religion* // Parsons T. Essays in Sociological Theory. New York, 1954.
 36. Schaub E. A Sociological Theory of Knowledge // Philosophical Review. 1920. №29-4.
-
-

УДК 17

UDC 17

В.Л. СИКИРИН

аспирант кафедры философии, экономики и социально-гуманитарных дисциплин Воронежского государственного педагогического университета
E-mail: aprelvd@yandex.ru

V.L. SIKIRIN

graduate student of department of philosophy, economics, social and humanities, Voronezh state pedagogical university
E-mail: aprelvd@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ФЕНОМЕНА НЕНАСИЛИЯ

THE DEVELOPMENT OF THE PHENOMENON OF NONVIOLENCE

В статье ненасилие рассматривается как особый мировоззренческий феномен, заключающийся в вере в возможность организации как индивидуальной, так и общественной жизни в соответствии с высшими моральными принципами. Автор выделяет три основных формы-«ступени» развития феномена: ненасилие сострадания, любви и справедливости, зависящие от объективной исторической ситуации. Обозначается предельный идеал его развития – особая общественная практика.

Ключевые слова: ненасилие, развитие ненасилия, формы ненасилия: ненасилие сострадания, любви и справедливости, потенциал ненасилия.

The article about the nonviolence is considered as a special ideological phenomenon, which consists on the belief in the possibility of organizing both individual and public life in accordance to the highest moral principles. The author identifies three main forms-«steps» of the phenomenon: non-violence of compassion, love and justice, depending on the objective of the historical situation. Denotes as the ideal limit of its development – a specific public practice.

Keywords: nonviolence, development of non-violence, form of non-violence: non-violence of compassion, non-violence of love, non-violence of justice, potential of non-violence.

Идея ненасилия так же стара, как цивилизованное человечество. И так же молода. Появившись несколько тысяч лет назад и получив закрепление в религиозных предписаниях, она прошла длинный и долгий путь к современной эффективнейшей политической практике. Ненасилие обладает непреходящей актуальностью – изменяются лишь возможности его проявления – от индивидуальных требований до массовых движений, от собственного спасения до требований переустройства всего общества. Ненасилие есть определенная, основанная на вере, программа социальных усилий человека. Утопичная в своем пределе, она не оторвана от реальности; не имея возможности когда-либо полностью достичь своих идеалов, она, тем не менее, задает определенный стандарт отношений, своими требованиями заставляя человечество искать дальнейшие пути развития, имея в виду принципы ненасилия.

Итак, в самом общем виде ненасилие есть феномен, рассматривающий отказ от насильственного разрешения конфликтов, введение любви в социальное пространство как эффективное и по настоящему единственно возможное средство организации социальной реальности. Заметим, что какой-либо единой линии преемственности развития идей ненасилия никогда не существовало – каждая конкретная форма ненасилия есть продукт своего времени, отражающий присущие только ему особенности. И тем не менее, в нашей статье мы позволим себе выделить несколько этапов развития идеи ненасилия, которые, пожалуй, правильней было

бы назвать именно различными формами его проявления. Выделенные нами этапы не включают в себя все многообразие явления, но представляют из себя «ступени» его развития, соответствующие историческим условиям своего существования.

I – Возникновение идеи ненасилия (I-е тыс. до н. э.), когда оно понимается еще лишь в качестве ахимсы – отказа от причинения вреда живым существам – ненасилие сострадания.

Идеи ненасилия возникают в т. н. «осевое время» по К. Ясперсу – время, когда «человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы» [3, с. 33]. Впервые принцип полного отказа от причинения вреда живым существам – ахимса – формулируется в древнеиндийских упанишадах. Философы шраманского периода, «оппозиционные» брахманам, начинают рассматривать ее как главную из добродетелей человека [2, с. 124]. Ахимса из одной из религиозных предписаний начинает превращаться в основу особого мировоззрения, предполагающего отказ от причинения вреда действием, словом и мыслью живым существам. Подобный подход еще узко индивидуален (что, впрочем, не умаляет его роли в реформировании брахманизма и превращении его в индуизм), представляет из себя лишь требования личной святости и соблюдения норм.

Социальная посылка в философии протоненасилия впервые формулируется и провозглашается в качестве программы поведения своих адептов в буддизме. Слова Будды о том, что «никогда в этом мире ненависть не

прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она. Вот извечная дхарма»[1, с. 23] могут рассматриваться как первая формулировка одного из основных принципов ненасилия – отказа от насилия как способа организации социальной реальности, решения проблем. Здесь зарождается традиция отказа насилию в какой-либо конструктивности, отрицания за ним созидательной потенции. Заметим при этом, что ненасилие в данном случае будет лишь «отрицательным», запретительным – не убить, отсутствие ненависти и страданий. Позитивный эффект достигается через отказ.

Ненасилие древней Индии в этическом смысле основано на сострадании, на отождествлении себя со страждущим, с его страданиями. В известном смысле оно рационально и очень прагматично.

II – Введение в феномен ненасилия требования любви (рубеж I в. до н. э. – I в. н. э. – возникновение и развитие раннего христианства) – ненасилие любви.

Иисус своими заповедями «любите врагов ваших» (Матф. 5:43-45), «возлюбите ближнего как самого себя» (Матф. 22, 37 – 40) и пр. провозглашает программу ввода в пространство непосредственной социальной реальности любви как средства ее организации, как относительно конкретного механизма реализации проповедуемого идеала.

Этика Иисуса, прежде всего, этика любви. Люди – братья не только через Бога, а потому что их связывает любовь. Бог и есть любовь, основа всякой жизни и связь людей между собой. Но она не может и не предполагает никакого насилия; Иисус призывает терпеть несправедливость не ради нее самой, а из любви к своим ближним, в т. ч. и к врагам. Любовь при этом, конечно, не есть чувство душевной привязанности, она – агапе, которая есть, скорее, осознание глубокой бытийственной связи с воспринимаемым как враг, но являющимся «братом во Христе», в Боге. Иисус говорит о принципиальном, единстве всего человечества, которому должно быть нечего делить.

III – Развитие ненасилия до активной социальной позиции, понимание и практика ненасилия как средства социальных изменений, метода политической борьбы, разрыв с религиозными корнями феномена, замена их идеалами светского гуманизма, реалиями зарождающихся гражданских обществ (эпоха Просвещения – современность) – ненасилие разума, социальной и политической борьбы, ненасилие справедливости.

Осознание необходимости антимилитаристской и пацифистской политики государств осознается в новоевропейской мысли через таких ее представителей, как Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро, Ш.Л. Монтескье, И. Кант и др. Эти авторы пишут и размышляют о «вечном мире», отказе от войны как способа разрешения межгосударственных конфликтов, нравственном перевоспитании людей. В XIX столетии Г.Д. Торо провозгласил индивидуальное ненасильственное сопротивление общественному злу как средство борьбы с социальной несправедливостью. Впервые ненасилие выходит открыто, не опосредованно на политическую арену, пусть

пока еще и через индивидуальные акты. Отныне постепенно оно перестает восприниматься как дело индивидуальной святости, начинают разрабатываться конкретные методы использования его как метода социальной борьбы. Ненасилие отрывается от своих религиозных корней и обретает бытие не только в сфере духовности, но и в непосредственной социальной реальности, прежде всего, в политической и социальной борьбе. Новое западное ненасилие не порождено христианством, оно есть продукт своего времени – способ законной, приемлемой и эффективной борьбы против воспринимаемого как несправедливость.

На Востоке же на рубеже веков М.К. Ганди «изобретает» способ соединения религиозных принципов индусов с национально-освободительной борьбой – сатьяграху («упорство в истине»). Здесь ненасилие, выросшее из индуизма, ахимсы, становится основой целой крупномасштабной и эффективной политической кампании, в предельном смысле понимаемой самим Ганди как своеобразная епитимья (тапасья в индийской традиции) индийского народа, его очищение и обновление, необходимые для построения новой Индии.

Религиозной аргументации придерживался и идеолог борьбы чернокожих американцев за свои права в 1950-1970-х гг. М. Л. Кинг, опирающийся при этом уже на христианскую традицию.

Заметим, что многообразные религиозные секты (такие как квакеры, адвентисты и многие др.) не привнесли в феномен ненасилия принципиально ничего нового и являются не современной реализацией основного принципа, а лишь продолжателями традиции.

Во второй половине XX века ненасилие все активной проникает в политику, становится одним из методов политической борьбы. В таких примерах, как сопротивление немецким нацистам в оккупированной Дании, деятельность Л. Валенсы в Польше, Нельсона Манделы в ЮАР, борьба с пиночетовской хунтой в Чили стратегия ненасилия избираются своими сторонниками не исходя из разделяемых мировоззренческих принципов, а из практических моментов целесообразности, из конкретности ситуации, из преимущества ненасильственных методов перед другими. Стараниями теоретика «оранжевых революций» Д. Шарпа методы и тактика ненасилия обретают себя в формах, оторванных от морального содержания, превращаясь лишь в политическую технологию.

IV – Предельное понимание ненасилия, утопичный предел его развития, «вечный» идеал, оказывающий конструирующее, проективное воздействие на общество и его развитие.

В своих пределах ненасилие может пониматься как особого рода моральная практика, понимаемая как высшая форма рационализации Кантом и Фихте, самодовлеющая, не служащая средством или идеологической рационализацией для какой-либо общественной практики, характеризующаяся субъект-субъектными отношениями. Это практика расширения сферы применения моральных принципов из личностной сферы до общественной, до всех форм человеческой деятельности.

Здесь «средство» есть «цель». Подчеркнем при этом, что возможности подобной ненасильственной практики связаны, прежде всего, именно с объективной исторической возможностью, а не вытекают из какой-либо «природы человека», его онтологии.

Ненасильственная практика получает распространение вместе с ростом тенденций глобализации, таких как расширение коммуникативного пространства, политической субъектности, «прогресса в сознании свободы» и пр.

Предпринятое нами беглое рассмотрение основных форм-«ступеней» ненасилия служит способом доказательства тезиса о том, что оно есть, прежде всего, мировоззренческий феномен, в своих проявлениях опирающийся на конкретную исторически-культурную ситуацию. Идея ненасилия есть именно определенная парадигма мировоззрения, с присущей ей историчностью и универсальностью. Мы анализируем ненасилие

как исторически изменчивую форму, которая поступательно развивается и определяет новые уровни своего существования. Идеи ненасилия не естественны и не вечны, каждый раз они продукт своего времени, отражающий присущие ему противоречия и особенности. Общим местом во всех формах феномена является стремление к смене вектора сознательных усилий, к моральному совершенствованию, постепенное развитие сферы действия морального – от внутреннего ко всей общественной жизни.

Современная ситуация ставит перед человечеством ряд проблем, которые имеют статус глобальных – чтобы справиться с ними, нам всем необходимо измениться. В свете этого ненасилие может и становится одним из подобных способов как самосовершенствования, так и социальных изменений, изменения мира через изменение самих себя.

Библиографический список

1. Буддизм. Сост. Я. В. Боцман. Харьков: Фолио, 2002. 987 с.
2. Индийская философия: энциклопедия. Отв. ред. М. Т. Степанянц; Ин-т философии РАН // М.: Вост. Лит., 2009. 950 с.
3. Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

References

1. Buddhism / comp. YV Boatswain. Kharkov: Folio, 2002. 987 p.
2. Indian philosophy: Encyclopedia / Min. Ed. M. T. Stepanyants; Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences / M.: Eastern. Lit., 2009. 950 p.
3. Jaspers K. Sense and appointment of history: translated from the German/. M.: Politizdat, 1991. 527 p.

УДК 101.1:316

UDC 101.1:316

М.А. ЧЕРЕПАХИН

соискатель кафедры логики, философии и методологии
науки Орловского государственного университета
E-mail: michcher@mail.ru

M.A. CHEREPAKHIN

Applicant for a degree of the chair of logic, philosophy and
methodology of the science, Orel State University
E-mail: michcher@mail.ru

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ КАК ФАКТОР ТРАНСЛЯЦИИ ДИСКУРСОВ ГЛОБАЛИЗМА

SYMBOLICAL CONSUMPTION AS FACTOR OF TRANSLATION OF DISCOURSES OF THE GLOBALISM

В статье ставится проблема семиотизации потребления, в частности, возрастания роли влияния на него символических форм. В социокультурной ситуации постмодерна и в условиях информационного общества весьма важное место получает проблематика знаково-символических форм в организации социальных процессов. Знаково-символические формы охватывают такой значимый социальный феномен, как потребление. Потребление приобретает семиотический характер. В такой ситуации символическое потребление приобретает функцию транслятора дискурсов глобализма.

Ключевые слова: семиотическое потребление, символический капитал, дискурсы глобализма, аутополизис процессов, тоталитарный социум.

In the postmodern social and cultural situation and in the conditions of information society the problematic of sign and symbolic forms achieves an important role in the substantiation of the social processes. The sign symbolic system embraces such a significant social phenomenon as consumption. And the consumption acquires semiotic character. In this situation symbolic consumption gets a function of the translator of globalism discourse.

Keywords: semiotic consumption, symbolic capital, discourses of globalism, totalitarian society.

В социокультурной ситуации, которую принято именовать постмодернистской, в условиях информационного общества и тотального проникновения в жизнь социума дискурсов глобализма особую актуальность получает проблематика символических форм социальных отношений. В этой связи представляется важным и целесообразным выявить сущность этих форм. Одной из важнейших форм социальных отношений и коммуникаций является символическое потребление. Представляется важным обратиться к данному феномену в связи с тем, что именно через потребление символических форм осуществляются трансляция и перцепция дискурсов глобализма. Потребление, имевшее в традиционном обществе и обществе модерна в целом экономический характер, в обществе постмодерна приобрело семиотический характер. Объектом потребления стали не столько сами вещи, сколько их знаково-символическое отображение. Выражаясь языком Платона, вещьность стала важнее самих вещей. Безусловно, в традиционном и индустриальном обществах вещи обладали символической значимостью, но обладание ими и их презентирование регламентировались жесткими сословными разграничениями, потому у людей более «низких» сословий не было возможности демонстрировать свою принадлежность к более высокой страте за счет окружения себя более дорогими вещами. Иная ситуация в условиях рынка и постмодернового изобилия, предоставляющего огромный выбор в зависимости от обладания капиталом. Капитал можно подразделить на финансовый (общепотребительное понимание) и символический. В обществе, основанном на семиотическом потреблении, финансовый капитал может трансформироваться в символический, что даёт осуществляющему такую мену индивиду даже большие возможности. Это объясняет нерациональную с точки зрения экономизма трату материальных средств и финансовых капиталов в обмен на приобретение капитала символического. Согласно П. Бурдьё, «защита «символического» капитала может поэтому служить причиной «экономически» разорительного поведения»¹. Вследствие этого желающие получить в глазах «публики» символический капитал осуществляют экономически невыгодные акты, совершая своего рода жертвоприношения, добиваясь зрелищного эффекта. Получая символический капитал, индивид приобретает весьма значимую форму капитала, легко трансформируемую в другие его формы. Вследствие этого символический капитал имеет характер наиболее значимого. Финансовый капитал первичен, он может трансформироваться в символический капитал, который может вновь обращаться в финансовый с его приращением. Таким образом, символический капитал позволяет наращивать капитал финансовый. Это видно на примере структуры брендов, когда последние создают своим обладателям прибавочный капитал. Все это говорит о доминировании символических форм в структуре капитала, который является одной из важнейших движущих сил глобалистской экспансии. Следует обратить внимание на то, что мы понимаем под капиталом не только

финансовый, но и символический капитал, причем последний представляется главенствующим в трансляции дискурсов глобализма. Исходя из такого понимания, можно попытаться осмыслить, каким образом распространяются императивные дискурсы глобализма посредством их трансляции не только через финансовый, но и через символический капитал. Символический капитал представляется тем фактором, который способствует трансляции дискурсов глобализма благодаря их перцепции, выстроенным символическими формами сознанием реципиентов. Именно в символах заложены те смыслы, которые дают возможность восприятия и принятия глобальных дискурсов. В символах как бы сжаты и максимально сохранены смыслы, которые разворачиваются в сознании способных к восприятию этих символов реципиентов. Такими символами, осуществляющими глобалистскую экспансию, могут быть бренды транснациональных корпораций (далее – ТНК), различных зрелищных предприятий (на которых искусство замещается, по сути, промышленным производством), торговые бренды и т. д. Для того чтобы осмыслить, как эти символы захватывают массовое сознание, нужно попытаться прояснить механизмы их формирования, существования и функционирования и трансформаций в динамике их «бытия».

Формирование бренда представляет собой весьма специфический процесс, на деле далекий от простого их формирования неким творцом с целью извлечения выгоды. Бренд скорее сам выстраивает свои структуры, находясь в операционно замкнутой системе (Н. Луман). Процесс формирования бренда можно отнести к *аутопоietическому* процессу, поскольку в процессе формирования бренда происходит его самопорождение и самовосстанавливание его структур. Бренд умножает свои структуры, овладевая сознанием потребителя. В этом огромную роль играет стереотип. Стереотип, формирующийся для облегчения мировосприятия за счет его схематизации, лишая человека способности критически мыслить и искать индивидуальные подходы к окружающему, является сильнейшим средством для закрепления брендов в человеческом сознании, особенно в сознании обывателя. На стереотипах основана реклама, проводящая в сознание потребителя символы. Реклама обычно выстраивается на преобладающих в сознании обывателя привычных образах и ценностях – стандартная семья, стандартные вещи повседневного обихода, стандартное *потребление*. В этой стандартности и заключается уязвимость обывательского сознания перед рекламными дискурсами. Бренд использует пронизанное стандартами и стереотипами сознание для укоренения в нем и простраивания там своих структур. При этом следует отметить, что даже наиболее далекие от обывательского сознания индивиды все равно не свободны до конца от влияния экспансии бренда – они все равно ей подвержены. При кажущейся свободе от влияния брендов даже такие индивиды имеют в сознании заключенные в символические формы образы обозначенных брендами товаров тех или иных товаропроизводителей. Эти образы практически невыводимы

из сознания, поскольку «вживленные» в него символы невозможно из него извлечь. Это характеризует бренд как тотальное средство воздействия на сознание реципиентов. Таким образом, бренд представляет собой аутопойетическую структуру, которая обладает способностью тотального внедрения в сознание реципиентов и закрепления в нем при невозможности её «выведения» из сознания её перцептора. Попытки выстраивать процесс образования и функционирования брендов, как правило, не приводят к ожидаемым результатам ввиду аутопойетического характера их порождения, выстраивания и обновления их структур, а также ввиду протекания этих процессов в ситуации постнеклассической неопределённости.

Среди различных факторов глобальных процессов выделяют *общество потребления*. Принято считать, что концепция общества потребления была впервые сформулирована Э. Фроммом. Данное понятие трактуется как с позиций экономизма, так и с культурно-символических позиций. Первое понимание важнее скорее для экономистов, второе – для философов и культурологов. Именно в силу второй трактовки общества потребления данный феномен приобрёл большую важность в философии и культурологии. Если с позиций экономизма потребление понимается как потребление чисто материальных благ, то с культурно-символических позиций оно рассматривается как потребление образно-символических форм. При таком потреблении знаково-символические обозначения вещей становятся важнее самих вещей. Изучением этой ситуации занимались и занимаются теоретики постмодерна. Согласно А.С. Панарину, «стратегическая задача школы постмодерна состоит в том, чтобы вообще перестроить наше сознание с реальности на знак, с «обозначаемого» на «обозначающее»¹. При таком подходе появляется примат знаков, в том числе символов (причем последние имеют особую значимость), над обозначаемой ими реальностью, и объектом изучения становятся в первую очередь знаково-символические обозначения. Реальность изучается через знаки.

Такой подход представляется весьма важным в глобалистике, поскольку в ней изучается реальность постмодерна. Глобализация как феномен релевантна парадигме постмодерна, а также постнеклассической парадигме. Вследствие этого протекающие в ней процессы отличаются нелинейностью, неопределённостью развития, флуктуативностью. Феномен глобализации может быть описан в понятиях синергетики – для глобальных процессов характерны хаотичность неравновесных систем, бифуркационная разветвлённость, самоорганизация. Глобалистские процессы протекают по своей внутренней логике, они организуются по своим принципам. Вследствие этого при изучении феномена глобализации важно применять концепцию аутопойезиса, т.е. «самопостроения». Самоорганизация и аутопойезис есть важнейшие свойства феноменов постнеклассической эпохи, в том числе глобализации. Таким образом, мы понимаем глобализацию как систему самоорганизующихся, выстраивающих себя процессов, в

протекании которых важнейшую роль играют знаково-символические системы. Вследствие этого можно полагать, что такие процессы не выстраиваются принудительно, по воле некоего субъекта, будь то влиятельное лицо или могущественная организация. Например, ТНК могут только задавать ход этих процессов, но едва ли могут его определять. Дискурсы глобализма, оторвавшись от предполагаемого источника, передают глобалистские императивы посредством знаково-символических форм. Между тем, не всегда возможно считать, что они исходят из конкретного источника либо отследить его. Можно предположить, что дискурсы глобализма аутопойетичны, зарождаются сами и лишь транслируются через то, что принято понимать под их источниками. Те же ТНК могут быть звеньями в их передаче. Бренды и другие знаково-символические обозначения ТНК лишь придают дискурсам глобализма ту или иную «окраску», придают им стиль. Это создает видимость продуцирующей дискурсы глобализма роли ТНК. Между тем, источник этих дискурсов едва ли определим классическими методами. Следует обратить внимание на то, что глобализация в значении феномена постиндустриальной эпохи не имеет четкого источника и лидера в лице государств, корпораций и т.д. В.Л. Иноземцев в статье «Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация» проводит разделение глобализации XIX – начала XX вв., которую называет «управляемой вестернизацией» и «новой глобализацией»¹. Для глобализации первого типа, по мнению автора, характерны такие признаки, как чёткая направленность движения капиталов, товаров и т.д., отсутствие спонтанности, поддержание жёсткого контроля над мировой периферией. В условиях первого типа глобализации, который автор оценивает как вестернизацию, наблюдалось весьма чёткое разделение между «ведущим» и «ведомым», центром и периферией. Для «новой глобализации» автор считает характерным свойством хаотическую конкуренцию хозяйственных, социальных и культурных моделей. Если глобализация первой волны направлялась определённой движущей силой, то «новая глобализация» не имеет явно выраженного лидера. Таким образом, можно сказать, что «новая глобализация» развивается по принципу постнеклассической неопределённости, характеризующей эпоху постмодерна со свойственными ей неопределённостью, неполнотой, невалидируемостью и представляет собой спонтанный процесс, протекающий в зависимости от случайных флуктуаций. Исходя из такого понимания, можно постулировать, что глобализацию нецелесообразно рассматривать как явление, имеющее четко выраженный источник, подверженное управлению извне.

Дискурсы глобализма нуждаются в средстве, которое могло бы осуществлять их трансляцию. Весьма значимым средством этого, как уже было сказано, являются знаково-символические формы. Эти формы включают в себя такой важный феномен, как потребление. Благодаря формированию унифицирующих символов дискурсы глобализации приобретают воз-

возможность проникать в сознание различных реципиентов. Символы глобального потребления снимают рамки национальных культур, стирая грани между различными культурами и обезличивая культуры. Именно через символическое потребление общество приобщается к тотальной модели мироустройства, согласно которой социальными отношениями управляет капитал в своих различных формах, в том числе собственно финансовой и символической. При этом символический капитал обладает большей универсальностью и лучшими способностями к аккумуляции и к обращению (конвертируемости). Такие выводы позволяют полагать, что капитал, в особенности символический, формирует *то-*

тоталитарный социум. При этом тоталитарность общества капитала значительно превосходит политическую тоталитарность, формируемую теми или иными режимами, поскольку обладает большей универсальностью и лучше способна к «выживанию» в неблагоприятных условиях. Структура тотального капитала более гибка, чем структура политического тоталитаризма. Если локальные политические тоталитарные режимы способны к обрушению, то тотальное влияние капитала все равно сохраняется до тех пор, пока есть предпосылки к основанному на капитале и глобальном потреблении отношениям.

Библиографический список

1. Бурдье П. Практический смысл. СПб.:Алетейя, 2001. С. 235.
2. Панарин А.С. Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств. <http://www.abc-globe.com/panarin.htm>
3. Иноземцев В.Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация. Вопросы философии; № 4. С. 58-69.

References

1. Bourdieu P. Praktichesky sense. SPb.:Алетейя, 2001. Page 235.
 2. Panarin A.S. Postmodernizm and globalization: the project of release of owners from social and national obligations. <http://www.abc-globe.com/panarin.htm>
 3. Inozemtsev V.L. Vesternization as globalization and «globalization» as Americanization. Philosophy questions; N 4: Pp. 58-69.
-

УДК 82-6

UDC 82-6

А.В. АНТЮХОВпрофессор Брянского государственного университета
им. академика И.Г. Петровского**Е.И. САРИН**аспирант Брянского государственного университета
им. академика И.Г. Петровского
E-mail: sarin.evgeny@yandex.ru**A.V. ANT'UHOV**professor of Bryansk state University named after
academician I.G. Petrovsky**U.I. SARIN**graduate student of Bryansk state University named after
academician I.G. Petrovsky
E-mail: sarin.evgeny@yandex.ru**СПЕЦИФИКА ОТРАЖЕНИЯ БИОГРАФИИ АВТОРА В ПРОПОВЕДЯХ ФЕОДОСИЯ ПЕЧЕРСКОГО****THE SPECIFICITY OF THE REFLECTION OF THE AUTHOR'S BIOGRAPHY
IN THE SERMONS THEODOSIUS PECHERSKY**

Элементы личной биографии Феодосия Печерского включены в его проповеди на уровне коммуникативной ситуации как общение автора и адресата. Данный цикл рассматривается как эпизод духовной биографии проповедника. Реальные биографические факты, связанные с жизнью монастыря, в произведениях отсутствуют, но в них создается конкретный образ автора, передаются его личные внутренние переживания, отличающиеся автобиографической достоверностью.

Ключевые слова: автобиография, Феодосий Печерский, проповедь, образ автора.

Elements of personal biography Theodosius Pechersky included in his sermons at the level of the communicative situation as the communication of the author and the addressee. This cycle is considered as an episode of spiritual biography of the preacher. Real biographical facts, connected with the life of the monastery, in the works are absent, but the specific image of the author creates in them, his personal inner experiences, different autobiographical confidence, expressed in the text.

Keywords: autobiography, Theodosius Pechersky, sermon, the image of the author.

Одним из первых русских проповедников, который оставил нам цикл великопостных поучений, обращенных к монахам, был Феодосий Печерский. Его проповеди, как нам представляется, имеют особое значение для развития автобиографического начала в древнерусских сочинениях учительной традиции.

В настоящее время доказана атрибуция семи поучений Феодосия к братии и восьмого – адресованного келарю [См.: 1, с.279-280; 4, с.156-184; 5, с.67-71; 7, с.202-203; 9, с.160-162; 10, стлб.616; 13, с.45-47]. К великопостным проповедям относятся:

«Въ вторникъ 3-ей недѣли поста на часѣхъ святаго Феодора игумена Студийскаго слово о утѣшно къ братѣи и о душевнѣи пользѣ». Нач.: «Азъ грѣшнѣи и лѣнивыи погрѣбыи талантъ свои въ земли...» (Далее – Поучение к братии о душевной пользе);

«Въ среду 3-й недѣли поста святаго Феодора Студийскаго поучение о пользѣ душевнѣи». Нач.: «Тѣмъ убо азъ нынѣ дрѣзнухъ се писати вамъ и еще молюся всею душою моею...» (Далее – Поучение о пользе душевной);

«Въ среду 3 недѣли поста слово святаго Феодосия на часѣхъ о терпѣнии и о любви». Нач.: «Что внесемъ любимици мои в миръ сѣи или что имамъ изнести». (Далее – Поучение о терпении и о любви);

«Въ чет(вертокъ) 3 недѣли по та святаго Феодосия слово о терпѣнии и о любви и о постѣ». Нач.:

«Многажды друзии отгоними много искушения ради а не останутся, дондеже...» (Далее – Поучение о терпении и о любви и о посте);

«Въ чет(вертокъ) 3 недели поста на часѣхъ святаго Феодосия поучение о терпѣнии и милостыни». Нач.: «Възлюблении притчю приимѣте злострадания и трѣпѣния». (Далее – Поучение о терпении и милостыни);

«Въ пятокъ 3 недѣли поста святаго Феодосия поучение о терпѣнии и о смирении». Нач.: «Подвизаите се трудници да приимѣте вѣнецъ трѣпѣния вашего...». (Далее – Поучение о терпении и о смирении);

«Въ пятокъ 3 недѣли поста слово на часѣхъ святаго Феодосия о хождении къ церкви и о молитвѣ». Нач.: «Слышимъ убо Господа пророкомъ глаголюща къ нашему учительству (унылству): сыне челоуѣчь: стража дахъ ты...» (Далее – Поучение о хождении к церкви и о молитве).

Научное издание этих текстов было осуществлено И.П. Ереминым в 1947 году по рукописи РГБ собрания Румянцева №406 (с разночтениями по ряду списков XV-XVIII в.) [4, с. 173-183]. Три из них по той же рукописи опубликованы в «Библиотеке литературы Древней Руси» (подготовка текста и комментарии Н.В. Поньрко) [11, с.434-445, 534-536].

Ситуация проповедания является также весьма важной для проповедей Феодосия Печерского. Во-первых, это фактор, который помогает нам определить

жанровую специфику текста. Это рамочная коммуникативная ситуация, которая «предполагает непосредственное устное общение пастора (автора, оратора) и паствы (воспринимающей аудитории)» [2, с.54], то есть позволяет отнести анализируемые произведения к жанру проповеди. С определенной долей осторожности таким образом расценивает их современный исследователь Г.В. Никищенкова [8, с.176], хотя и в самоназваниях, и в литературоведческой традиции мы находим термин «поучение» относительно данных сочинений Феодосия Печерского. Впрочем, в этом нет противоречия, поскольку древнерусские книжники в первую очередь вкладывали в свои произведения учительный пафос, с чем, возможно, и связано утвердившееся на Руси самоназвание сочинений подобного рода.

Во-вторых, коммуникативная ситуация общения пастыря и паствы отражает вполне определенную автобиографическую ситуацию: пастырское наставление, которое Феодосия Печерский произносит, обращаясь к инокам своего монастыря в дни Великого Поста. Однако, если в огласительных поучениях Феодора Студита мы в ряде случаев обнаруживаем указания на конкретные даты церковного календаря (или на время года), то тексты преподобного Феодосия лишены этого. Информация о времени произнесения проповедей извлекается из заглавий, в которых имеются указания на день конкретной великопостной недели.

Ситуация проповедания в поучениях Феодосия Печерского, несомненно, автобиографична, поскольку отражает конкретный акт общения автора и его слушателей. Причем, это общение необыкновенно активное, Феодосий постоянно обращается к своим духовным детям, он проявляет по отношению к ним живое участие и христианскую любовь. В частности об этом свидетельствует большое число обращений, которое использовано в поучениях: «любимици мои», «любимици», «отци мои и братиа», «братие моя», «братиа моя любимаа», «друзе», «възлюблении», «трудници», «чада моя любимая, и братиа и отци», «братия моя и отци и чада духовнаа», «брате» и пр. [См.: 4, с. 173-183]. Интересно, что за счет наличия дополнительной информации о Феодосии Печерском, извлекаемой из его Жития, ситуация проповедания типизируется в рамках агиобиографии святого: «По вся же дньи святыих мясопущь святыи отъць нашъ Феодосий отхожаше въ святую свою пещеру, идеже и чьстьное тѣло его положено бысть. Ту же затворяшеся единъ до Врьбныя недѣля, и въ пятькъ тоя недѣля, въ годъ вечерняя, прихожааше къ братии и, ставъ въ двѣрьхъ църквьныхъ, учааше вся и утѣшая, подвига ради и пощения ихъ. Себе же недостойна творя, якоже ни единая недѣль, понѣ достигнути противу трудомъ ихъ» [6, с.422]. Сходная информация содержится и в «Повести временных лет»: «Федосий бо обычай имяше, приходящу бо постыному времени, в недѣлю масленую, вечеръ, бо по обычаю целовавъ братью и поучивъ ихъ, како проводить постыное время, въ молитвахъ нощныхъ и дневныхъ, и блюстися от помыслъ скверныхъ, и от бѣсовскаго насѣянья. <...> Сице поучивъ братью и цѣловавъ вся по имени, и

такое изидяше из монастыря, возмъ мало коврижекъ. И вшедь в пещеру, и затворяше двери пещеры и засыпаше пьрьстью, и не глаголаше никомуже. Аще ли будяше нужное орудье, то оконцемъ мало бѣсѣдоваше в субботу или в недѣлю, а по иныи дни пребываше в постѣ и въ молитвѣ, и въздержашеся крѣпко. И прихожаше в монастырь в пятокъ на канунъ Лазарева, в сий бо день кончається постъ 40-ный...» [11, с.224].

Как видим, данные поучений противоречат информации жития и «Повести временных лет» относительно того, что во время великого поста Феодосий Печерский не покидал затвора во время Великого поста и возвращался только в канун Лазарева дня. Г.В. Никищенкова высказывает предположение о том, что комплекс поучений Феодосия Печерского представляет собой своеобразный цикл, который был составлен и произнесен в третью неделю Великого поста и в котором первое по времени создания поучение приурочено ко вторнику и последующие по два к среде, четвергу и пятнице. Исследовательница полагает, что цикл поучений Феодосия Печерского обладает идейно-художественным единством, связанным «не только с тематикой предлагаемых наставлений, но и с личным лирическим переживанием своей ответственности пастыря за пасомых» [8, с.180].

С нашей точки зрения, данный цикл поучений представляет нам своеобразный эпизод духовной автобиографии преподобного Феодосия. Позволим себе с осторожностью предположить, что некие неизвестные нам обстоятельства побудили проповедника к нетипичному поведению. В поучении «къ братии о душевнѣй ползѣ», произнесенном во вторник, автор указывает: «Падохъ бо падениемъ злымъ», поскольку «оставивъ порученую ми службу, и въслѣдовахъ трапезамъ, и не чюяхъ себе сводима къ пропасти адьстѣй» [Почение к братии о душевной пользе – 4, с.181-182]. В тексте упоминается некое «отлучение» от своей паствы: «Азъ же, унылый, имѣя в собѣ корѣнь злаго того прорашения от моя лѣности, ни самъ входя въ царство небесное и вамъ препону творя своею лѣностью и своими неподобными нравы, судихъ себе двоичю и трижды отлучитися от вас» [4, с.181]. Трудно сказать, что здесь имеется в виду: реальное ли отсутствие Феодосия Печерского в монастыре, недостаточность пятничных проповедей во время Великого поста, которую осознал игумен; что за «трапезы» заставили его удалиться в затвор и держать строгий пост; в чем состоит «великая леньность».

Вероятно, именно грех «лености», которая проявляется в том, что Феодосий Печерский в течение Великого поста большое внимание уделял заботе о собственной душе, пребывая в уединении: «И се створи, не добродѣтелей дѣлания онѣхъ святыхъ подражати хотя, но се лучше судихъ, да поне вас не упражню от благого подвижания, аще бо быхъ с вами былъ, немалу съпону вамъ створилъ быхъ собою, отставилъ вы быхъ от Божия пути» [4, с.181]. Но именно отсутствие должного попечения о монахах игумен вменяет себе в вину, раскаивается в своем поведении, которое не может быть примером для иноков, и радуется взаимопониманию с ними, ибо монахи не пренебрегли проповедями, при-

сланными из затвора: «Вашеа ради любве радуюся, еже в толицѣ злѣ видяще мою худость, не възгнушастеса моих словесъ, еже въ моемъ отхождении к вамъ изглаголаная, но съ всякимъ тщаниемъ створисте ъя» [4, с.182].

Думается, это весьма туманно описанное автобиографическое обстоятельство является основной причиной составления цикла проповедей. Возможно, этим же объясняется интенсивность создания текстов (ежедневно по два в среду, четверг и пятницу).

Коммуникативная автобиографическая ситуация проповедания развивается в последующих текстах цикла за счет большого числа обращений к пастве (на что мы указывали выше), а также за счет собственно содержания поучений, которое связано с утверждением Студийского устава в Киево-Печерском монастыре. Так, в поучении «о терпѣнии и о любви» Феодосий призывает иноков воспринять «благаго бога нашего законъ чистъ» и соблюдать «заповѣди его непорочны» [4, с.174]. В поучении «о трѣпѣнии и о любви и о постѣ» главными темами являются польза душевная, которую составляю трудолюбие, странноприимство, милосердие. Поучения «о терпѣнии и милостыни», «о трѣпѣнии и о смирении» и «о хождении к церкви и о молитве» посвящены проблемам соблюдения устава: исполнение всех обрядов, поведение в церкви, чтение Священного Писания и пр.

Можно обнаружить некоторые указания на реальные обстоятельства. Так, в поучении «о трѣпѣнии и о любви и о постѣ» через весь текст проходит тема «ропота», подробно проанализированная В.Н. Топоровым. Проповедь, по мнению исследователя, «вскрывает расхождения между проповедником и братией. Некоторых его действий, как выясняется из текста, они не одобряют и, считая свои интересы ущемленными, ропщут. Эта тема “ропота” проходит через весь короткий текст (“роптание”, “ропщущи”, “роптивы”, “роптание”, “ропщущие”), хотя, конечно, и несколько приглушено. Терпение, а затем и любовь должны сначала усмирить ропщущих, а потом и привести их к осознанию своих заблуждений относительно причин, вызвавших ропот. Широкий взгляд Феодосия, основанный на любви, терпении и смирении, противопоставлен более эгоистическому взгляду братии» [12, с.791].

Реальные биографические факты, реальные события, связанные с жизнью монастыря, в поучениях отсутствуют. Обнаруживаются лишь весьма расплывчатые намеки, которые могут иметь различную интерпретацию. Однако, как мы уже отмечали выше, данные сочинения имеют значение для развития автобиографического начала в древнерусской литературе. И это зна-

чение связано, в первую очередь, с тем, что в поучениях создается конкретный образ автора, передаются его личные внутренние переживания, отличающиеся автобиографической достоверностью.

Глубокие лирические переживания поучения «къ братии о душевнѣй ползѣ» задают интимный тон всего цикла. Несмотря на уверения автора в том, что его паства обладает высокими духовными качествами, он тем не менее обращается к «любимцам» с поучением и увещанием. И на то есть причины.

Первая из них – долг пастыря. В начале поучения «о ползѣ душевнѣй» (приурочено к среде) Феодосий объясняет причины обращения к пастве с поучениями: «Тѣмъ убо азъ нынѣ дръзнухъ се писати вамъ, и еще молюся всею душею моею, от болзнина сердца горькыя слезы к вам испущая» [4, с.182]. В поучении «о терпѣнии и о любви» книжник подчеркивает необходимость соблюдать Божественные заповеди и свое значение как их выразителя: «Трость бо не пишетъ сама, аще не будетъ пишущаго ею, ниже прославиться сѣкыра безъ сѣкущаго ею. Сами бо вѣсте, братие моя и отци, яко не азъ послахъ проповѣдникъ своихъ, дая всѣмъ покааніе, но Отець живой въ вышнихъ, пославый единороднаго Сына своего за избавление всего мира» [4, с.174].

Вторая важная причина – духовное состояние пасомых. Не случайно, в поучении «о трѣпѣнии и о любви и о постѣ» возникает тема «ропота», то есть противоречий между Феодосием и иноками. С этого текста усиливаются обличительные мотивы в проповеди преподобного. Горечь по поводу нравственного состояния паствы, высказываемая в поучении «о хождении къ церкви и о молитвѣ», противоречит высоким оценкам морального состояния монахов в поучении «къ братии о душевнѣй ползѣ», что, впрочем, может быть проявлением традиционной топики. Проповеднические труды Феодосия, с его точки зрения, не принесли должных результатов: «Колико възвѣщаль есмь о томъ, и нѣсть послушающаго ни единого же. И како ми молчати о томъ или не стонати! И аще бы възможно, по вся дни глаголахъ быхъ и съ слезами моляся и к колѣномъ вашимъ припадаю, да бы ни единый же васъ осытавилъ години молитвеныя. <...> Колико лѣтъ минуло, ни единого виждоу пришедша къ мнѣ глаголюща “Како ми спастися?” Но несть того в насъ, никыгда же обрѣсти» [4, с.180].

Именно демонстрация душевных переживаний автора, повышенная эмоциональность проповеднической речи, отражающая конкретную жизненную ситуацию, позволяют говорить о весьма своеобразных элементах автобиографичности в цикле поучений Феодосия Печерского.

Библиографический список

1. Антоний, еп. (Вадковский). Из истории христианской проповеди. СПб., 1892.
2. Антонова М.В. Ситуация общения в посланиях Феодосия Печерского // Вестник лаборатории аналитической филологии. Выпуск 5. Йошкар-Ола, 2012. С.54.
3. Антонова М.В., Никищенкова Г.В. Формуляр древнерусского послания: Феодосий Печерский, его современники и последователи // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. №3. С.154-161.
4. Еремин И.П. Литературное наследие Феодосия Печерского// ТОДРЛ. Т.5. М., Л., 1947. С.159-184. Тексты поучений Феодосия Печерского цитируются по данному изданию.

5. *Еремин И.П.* Поучения Феодосия Печерского // Еремин И.П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы. Л., 1987. С.67-71.
6. *Житие Феодосия Печерского* // БЛДР. Т.1: XI-XII века. СПб., 2004. С.352-433; 532-534.
7. *Макарий*, еп. (Булгаков). Сочинения преподобного Феодосия Печерского в подлинном тексте// Ученые записки II Отделения Императорской Академии наук. СПб., 1856. Кн.2. Вып.2. С.193-224.
8. *Никищенко Г.В.* Послания и поучения Феодосия Печерского. Проблемы поэтики. Дисс. на соиск. учен. степ. канд. филол.наук. – Орел, 2010. С.176.
9. *Никольский Н.* Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений (X-XI вв.). СПб., 1906. С.160-162.
10. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея, составленное Александром Востоковым. СПб., 1842.
11. Повесть Временных лет. Поучения и молитва Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. Т.1: XI-XII века. СПб., 2004. С.434-445; 534-536.
12. *Топоров В.Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т1: Первый век христианства на Руси. М., 1995. С.791.
13. *Шевырев С.П.* История русской словесности, преимущественно древней. М., 1846. Т.1. Ч.2.

References

1. *Anthony*, Bishop George. (Vadkovsky). From the history of Christian preaching. SPb., 1892.
 2. *Antonova M.V.* Situation of communication in the Epistles of Theodosius Pechersky // Bulletin of the laboratory of analytical Philology. Issue 5. Yoshkar - Ola, 2012. P.54.
 3. *Antonova M.V., Nikhischenkova G.V.* Form of the ancient Russian letter: Theodosii Pechersky, his contemporaries and followers // Scientific notes of Orel state University. Series: Humanities and social Sciences. 2010. №3. С.154-161.
 4. *Eremin I.P.* Literary heritage Theodosius Pechersky// ТОДРЛ. V.5. М., HP, 1947. P.159-184. Texts of sermons Theodosius of the caves hereinafter cited in this publication.
 5. *Eremin I.P.* Teachings Theodosius Pechersky // Eremin I.P. Lectures and articles on the history of ancient Russian literature. HP, 1987. P.67-71.
 6. *Theodosius of Pechersk* // БЛДР. Vol.1: XI-XII century. SPb., 2004. С.352-433; 532-534.
 7. *Macarius*, Bishop George. (Bulgakov). Works of the monk Theodosii of Pechersk in the original text// the Scientists notes of the second Department of the Imperial Academy of Sciences. SPb., 1856. Кн.2. V.2. С.193-224.
 8. *Nikhischenkova G.V.* Poslanija and pouchenija of Theodosius of the caves. Problems of poetics. The dissertation for scientific degree of the candidate of philological Sciences. Orel, 2010. С.176.
 9. *Nikolsky N.* Materials for time-dependent list of Russian writers and their works (X-XI centuries). SPb., 1906. P.160-162.
 10. Description of Russian and Slovenian manuscripts of Rumyantsev Museum, composed by Alexander ' Appeared. SPb., 1842.
 11. Pouchenija and molitva of Theodosius Pechersky // Library of the literature of Ancient Russia. Vol.1: XI-XII century. SPb., 2004. С.434-445; 534-536.
 12. *Toporov V.N.* The Holiness of the saints in the Russian spiritual culture. T1: the First century of Christianity in Russia. М, 1995. С.791.
 13. *Shevyrev S.P.* History of Russian literature, mainly ancient. М., 1846. Vol.1. Part 2.
-
-

УДК 070+316.77

UDC 070+316.77

Т.М. БЕЛЕВИТИНА

редактор газеты Орловского государственного университета

А.Л. ДМИТРОВСКИЙ

кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и связей с общественностью Орловского государственного университета

T.M. BELEVITINA

editor of the newspaper of Orel State University

A.L. DMITROVSKY

candidate of Philology, associate professor of journalism and public relations, Orel state university

ФАКТ В ЖУРНАЛИСТИКЕ: К ДЕФИНИЦИИ ПОНЯТИЯ

THE FACT IN JOURNALISM: TO THE CONCEPT DEFINITION

За своё сравнительно недолгое – по историческим меркам – существование, журналистика, пожалуй, всегда вызвала повышенный интерес в обществе и науке. Уже с первых дней её существования многие проницательные умы оценили значение листов, покрытых типографскими литерами. Мощь информационного воздействия проявила себя сразу: если кровавый «Хромой Тимур» бомбардировал осаждённые города головами защитников и пленённых им воинов, то Наполеон – уже листовками с дезинформацией и призывами сдаться. Можно вспомнить и роль печатной продукции в религиозных конфликтах католиков и протестантов или политическую роль «Ля Газет» Ренодо-Ришелье во Франции и петровских «Ведомостей» в России... Тем не менее, и сегодня, на четвёртой сотне лет существования, достаточно открыть сборник материалов большинства научно-практических конференций, как сразу становится видно – журналистика по-прежнему вызывает споры: что она есть? каково её предназначение и роль в обществе? что лежит в её основе? Наконец, что такое факт?..

Ключевые слова: экзистенциальная теория журналистики (ЭТЖ), факт, дефиниция факта, творческая деятельность, публицистика, беллетристика, журнализм, синергетика.

For rather short – to historical measures – existence, journalism, perhaps, always I caused keen interest in society and science. From the first days of its existence many acute minds estimated value of the leaves covered with typographical letters. Power of information influence proved at once: if bloody “Lame Timur” bombarded the besieged cities the heads of defenders and the soldiers captivated by it, Napoleon – already leaflets with misinformation and appeals to be given. It is possible to remember and a role of printed materials in the religious conflicts of Catholics and Protestants, or Renodo-Richelieu’s “La Gazet’s” political role in France and Petrovsky “Sheets” in Russia ... Nevertheless, and today, on the fourth hundred years of existence, it is enough to open the collection of materials of the majority of scientific and practical conferences as at once it becomes visible – the journalism still causes disputes: what is it? What its mission and role in society? what is its cornerstone? At last, what such fact ?

Keywords: existential theory of journalism (ETJ), fact, fact definition, creative activity, journalism, fiction, journalism, synergetics.

В советские времена говорили: журналистика – инструмент идеологического влияния коммунистической партии. Она партийна, принадлежит народу и оперирует фактами (ленинские заветы: «факты – упрямая вещь», «больше фактов!», «без фактов нет журналистики», «агитируйте конкретными фактами» и т.д.¹).

Сегодня говорят: она свободна и выступает контролёром общества над государством... (Правда, практика показывает, что такой контроль осуществить весьма сложно: государство сильнее даже крупных нефтяных магнатов, транснациональных корпораций и олигополий.) Сегодняшняя журналистика уже не монолитна, распылена по частным рукам (в России, правда, круп-

нейшие СМИ страны контролируются госструктурами) и оперирует... Вот здесь-то и начинаются проблемы.

Приведём яркий и характерный пример. Учебник по радиотелевизионной журналистике на первой же странице начинается фразой: «Информация – есть классическая основа журналистики»². И затем целый раздел посвящается долгому и трудному поиску ответа на вопрос, что же это за «классическая основа» – «информация». Другие учебники, например «Универсальный справочник начинающего журналиста» А.А.Инджиева или «Творческая деятельность журналиста» О.Р. Самарцева, «Основы творческой деятельности журналиста» Г.В.Лазутиной и многие иные,

¹ См.: Ленин В.И. О печати. 3-е изд., доп. М.: Политиздат, 1982.

² Васильева Т.В., Осинский В.Г., Петров Г.Н. Курс радиотелевизионной журналистики. СПб.: Специальная Литература, 2004. С. 3.

хотя и употребляют иногда слово «факт», преимущественно используют понятие информации, «журналистской информации», «социальной» и «массовой» информации и т.д. Особой популярностью пользуется термин «массовая информация».

Кроме того, используются, так сказать, «уточняющие», близкие термины: информация «базисная», «потенциальная», «вероятностная», «интерпретирующая», «превентивная», «смысловая», «реальная», «событийная», «статистическая»...

Очевидно, что сопоставление даже одного этого термина с понятием факта не только у студента, но и у маститого профессионала-практика вызовет трудности понимания и интерпретации. Возможно, именно поэтому редакторы в газете зачастую начинают разговор с практикантом или стажёром словами: «Забудьте всё, чему вас учили в университете...».

А ведь помимо «информации» есть и ещё масса терминов, которыми авторы учебников и практики пользуются если не наравне с понятием «факт», то в весьма близком значении (что всегда приходится расшифровывать): новость, сообщение, сведения, данные, история, сюжет (на ТВ), идея, образ, смысл, проблема, «конкретика», аргументы, доказательства и т.п.

В этом многоголосии, своего рода полифонии или, говоря современным Интернет-языком, облаке тегов и заключается проблема факта. Он как бы растворяется в них, теряет свою чёткость и конкретность. Мы, в массе своей, не знаем, по большому счёту, ни что есть факт, ни из каких элементов он складывается, ни как преломляется в журналистских произведениях. Общее определение факта, которым, например, постоянно пользуются на лекциях, – «то, что произошло, свершилось». Так же его трактуют и профессиональные словари: «действительное, вполне реальное событие, явление; то, что действительно произошло», свершилось³.

Следует, на наш взгляд, ещё раз повторить: теоретическая проблема факта в журналистике имеет не только терминологическое значение, но и чисто практическое: например, как отделить собственно факты от «мнений», так называемых «оценочных ореолов». Здесь можно вспомнить и вечные сетования (в этом теоретики и практики единодушно сходятся...) на «неспособность» русских журналистов⁴ разделять факты и мнения. Впрочем, эта точка зрения слабо, как нам кажется, доказуема: достаточно вспомнить деятельность международных СМИ во время военных конфликтов России с Чечнёй, Грузией, газовых споров с Украиной; послушать лекции по PR-деятельности, манипуляции сознанием, имиджелогии, и даже студенту становится видно, насколько «объективны и беспристрастны»

3 Например, в учебниках по «Основам творческой деятельности журналиста» или «Введению в журналистику». Цит. из: Солганик Г.Я. Толковый словарь. Язык газеты, радио, телевидения: ок. 10 000 слов и выражений. М., 2008. С. 695.

4 Виталий Третьяков: «...Беда в том, что русская журналистика, в отличие, кстати, от западной, слишком беллетризована. И поэтому более субъективна. Я думаю, от этого своего качества она никогда не избавится, да и не нужно. В этом её национальная специфика, её своеобразие» (Третьяков В.Т. Как стать знаменитым журналистом. М., 2004. С. 319).

наши западные «учителя» и прозападные «критики»...

Суть проблемы видится в том, что факт имеет сложную структуру и говорить надо не просто «о фактах», а о конструкции фактов. Если игнорировать этот теоретический момент, то и получится наблюдаемая повсеместно картина, когда оценочные ореолы как бы «слипаются» с непосредственно фактами.

Зачастую происходит просто-напросто подмена фактов мнениями, что ведёт к искажению картины мира у аудитории, запутыванию читателей, зрителей, слушателей. Данная ситуация печально сказывается на деятельности самих же журналистов: только ленивый сегодня не ругает СМИ, общим местом стало недоверие к ним.

Понятно, что большинство рядовых журналистов старается качественно и ответственно выполнять свой профессиональный долг. Но тут уже вступает в дело обычное, по крайней мере частое, незнание теоретических (тем более философских) основ теории журналистики.

Факт, как толкует его словарь Ожегова/Шведовой, есть «действительное, вполне реальное событие, явление; то, что действительно произошло, происходит, существует»⁵. Это ставшее классическим определение кочует из одного учебника в другой. Но уже в этом определении, по мнению Л.А. Поелуевой, кроется ошибка: игнорируя сложную природу факта, мы получаем проблему, связанную с соотношением «факта и объективной реальности и возникающем при этом противоречии – отождествлении факта и события». В данном случае опорной мыслью исследовательницы становится положение о том, что «отражение оригинала не является самим оригиналом»⁶. Следовательно, первое «деление» факта – это деление по соотношению объективного (не зависящего от человеческого сознания содержания факта) и субъективного (формы, в которой это содержание, «отражение объекта», осуществляется). Именно здесь проходит водораздел между «фактами» и «мнениями», которые так настойчиво все требуют разделять. Его можно назвать «горизонтальным», уровневым делением.

Соответственно, М.Н. Ким задаётся вопросом: «Можно ли в журналистском материале достичь объективного освещения события, учитывая [вышеозначенную] сложную природу факта?» В ответ он ссылается на опыт американских журналистов, которые пишут:

«Для журналистов объективность не означает тематическую или научную точность, а, скорее, такое освещение новостей, которое исключает эмоции и отделяет факты от мнений. Для многих объективность означает точное освещение фактов и событий в форме беспристрастного описания. В последнее время, однако, теория объективности стала допускать аналитическое освещение событий, которое далеко выходит за

5 Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. 4-е изд., доп. М., 2003. С. 847.

6 Поелуева Л.А. Факт в публицистике: Автореф. канд. дисс. М., 1988. С. 5. Цит. по: Ким М.Н. Технология создания журналистского произведения. СПб., 2001. С. 130.

рамки беспристрастного описания»⁷.

Логично возникает следующий вопрос: что же тогда понимать под фактом? М.Н. Ким вновь приводит слова Л.А. Поелуевой о том, что «факт в журналистике можно определить как достоверное отражение фрагмента реальности, обладающее социальной репрезентативностью». И далее добавляет: «Именно с помощью фактов журналисты создают модель многообразной действительности. Для полного и адекватного отражения различных событий, явлений и процессов в информационных, аналитических и художественно-публицистических материалах используются самые разнородные факты: социальные, исторические, литературные, юридические, культурологические и др.»⁸.

Увы, но приведя столь длинный список видов фактов, М.Н. Ким, тем не менее, не даёт им определения, ограничиваясь лишь описанием «фактов науки» и «обыденных фактов». Что же они из себя представляют?

Научные факты всегда основаны на многочисленных эмпирических наблюдениях, экспериментах, опытах. Они всегда являются итогом обобщений, выверенным абстрактным знанием различного рода. Именно к ним охотно обращаются аналитики и публицисты. Это прежде всего: материалы социологических исследований, экспертные заключения, статистические выкладки, результаты экспериментов. При этом сам же теоретик, затрудняясь дать определение факта, называет их «фактическими данными», призванными «иллюстрировать» рассуждения журналиста.

Что же касается так называемых обыденных фактов, то их характерной чертой выступает единство эмоциональной реакции и логического осознания происшедшего. Их положительное качество – достоверность непосредственного наблюдения, что отражается в сознании человека как «дискретный кусок действительности»⁹. Далее М.Н. Ким, на примере интервью, характеризует их по «блокам»: высказанные мнения; закулисные истории; оценки газетных публикаций и т.д.

Даже невооружённым глазом видна проблема: попытки определить факт носят описательный характер, причём озвучивая требование отделить факт от мнения, сами же исследователи, зачастую, под фактом понимают чьё-либо мнение, оценку, заключение и т.п. То есть не могут чётко отделить факт от мнения (эмоции).

Однако можно отметить ещё одну «линию» разделения фактов: своего рода двухуровневую (в вышеприведённом случае) вертикаль – «нижние» обыденные факты и «высшие» научные. Однако в данном случае нам кажется более уместным аналогичное деление фактов на:

– онтологические (собственно жизненные события). Это уровень первичного, непосредственного наблюдения за окружающей действительностью. Здесь царит случайность, личностный интерес, субъективность. И хотя без такого «погружения в саму жизнь»

журналистика не состоится, она не сможет состояться и опираясь лишь на них.

– документальные, то есть зафиксированные в каком-либо источнике (на каком-либо носителе) события. Ведь любому «свершившемуся событию» нужны свидетельства, доказательства его наличия. Применительно к журналистике источники фактов сводят к трём группам: свидетели (очевидцы), документы, вещественная среда (наблюдение).

– гносеологические. Гносеологический факт – это «событие», зафиксированное в источнике и осмысленное исследователем (уже не просто репортёром!) с идейных, философских или научно-методологических позиций и т.п. Причём уже не важно, сам ли журналист «раскопал» этот факт или воспользовался чужими источниками. Это серьёзный уровень мышления, поскольку журналист (как правило, публицист) должен обладать развитым мировоззрением и чёткой гражданской позицией, быть хорошо знакомым с той сферой, в которую «вторгся»....

– концептуализированные. Концептуализированные факты (их ещё иногда называют «фактами науки») – это прошедшие отбор и проверку, истинные фактические сведения об объекте исследования. Для их проверки, как правило, используется несколько различных источников <...>. Ясно, что для концептуализации требуется время, поскольку здесь факт «обрастает» шлейфом мнений, комментариев, дополнительных сведений и исторических справок»¹⁰.

Однако приведённые выше определения и «измерения» факта по-прежнему никак не приблизили нас к пониманию сущности факта. Более того, если в данном случае исследователи пытались понять природу факта хотя бы через его описание или классификацию, то многие (особенно практики) рассуждавшие на тему факта ограничивались метафорами, вроде «У реки по имени факт», «Факт наш насущный» и т.п. Но чаще, конечно, встречаются весьма сложные для понимания (а тем более для применения на практике) научно-философские определения типа: «фрагмент исторической действительности», «отражение индивидуализированных объектов», «фрагменты реальности в их непосредственной явленности» и т.п.

Получается интересная ситуация: одни под фактом понимают нечто конкретное – цифры, практические задачи и проблемы, предельно «точные» случаи и ситуации. Другие пытаются в факт втиснуть некие значительные временные и пространственные явления, обладающие сложнейшей системой взаимодействующих в них начал и элементов. Это не обязательно фантазии или выдумки, но, как пример факта у М.Н. Кима, экспертные оценки, статистические выкладки, прогнозы, имеющие весьма обобщённый, глобальный, характер.

Очевидно ещё одно измерение факта – по соотношению конкретного (частного, явленного, что видит и транслирует нам журналист) и истинного (того, что на самом деле было; сущности явления). При этом истин-

⁷ Дэниел Э., Мэррил Д. Беседы о масс-медиа. М., 1997. С. 177. Цит. по: Ким М.Н. Указ. соч. С. 131.

⁸ Ким М.Н. Указ. соч. С. 131.

⁹ Там же. С. 134.

¹⁰ Дмитриевский Андрей. Заметка как жанр // Голос. 2008. №3, сентябрь.

ность, как и сама истина – есть понятие весьма сложное:

«Истина – такое содержание знания (данных чувственного опыта, интуиций, суждений, теорий, когнитивных систем), которое тождественно (в определённом интервале) предмету знания. В подавляющем большинстве случаев это тождество и его границы лишь относительно, условны, приблизительны. <...> Впрочем, как показывает историческая практика, в том числе и научная практика, для целей высокоадаптивного существования человечества вполне эффективным, надёжным средством человеческой деятельности является относительная истина (относительно истинное знание)»¹¹.

Как видно из приведённой цитаты, истинное знание может носить разный характер: общий и частный, всеобъемлющий и действительный лишь для данной локальной ситуации. Следовательно, необходимо знать объём заключённого в факте знания, уметь определять его «границы». Этой задачей и занялась в своё время воронежская исследовательница проблем публицистики М.И. Стюфляева. Пытаясь наметить «чёткие пределы» факта, она говорила о трёх точках зрения на факт («фактообразующих факторах») – гносеологического, а также логического и языкового оформления его в тексте журналиста:

«Факт, отражая взаимосвязь и взаимообусловленность явлений в природе, констатируя определённое отношение предметов и их свойств, даёт повод для соотнесения его с категориями общего, отдельного, единичного. Общее, поскольку оно фиксируется как черта, присущая многим предметам и явлениям, призвано утверждать устоявшиеся, давно осмысленные свойства. Общее выступает как часть, и существенная часть, каждого отдельного»¹².

При этом именно в сфере единичного находятся вновь возникающие зависимости, неповторимые, характерные черты факта. Отсюда следует чёткий вывод: философский эквивалент факта нужно искать в рамках единичного.

Это объясняется тем, что неся в себе черты общего, факт тем не менее по природе своей уникален и индивидуален. Именно через kaleidoscope разнообразных фактов нами постигается окружающая действительность. Утратив индивидуальность, утверждает исследовательница, факт перестаёт существовать. Общее же, заключённое в факте, позволяет соотносить его с другими подобными фактами, даёт возможность сцеплять его в систему фактов, вводить его в ряды событий и явлений, близких по сути – то есть подвергать анализу и классификации.

Как видим, факт как первичное, непосредственное знание отражает отношения преимущественно единичные и потому, соответственно, «мерой конкретности факта и неизменно присущим ему признаком можно считать наличие временных и пространственных показателей»¹³.

11 Лебедев С.А. Философия науки: краткая энциклопедия. М., 2008. С. 383-384.

12 Стюфляева М.И. Поэтика публицистики. Воронеж, 1975. С. 14.

13 Там же. С. 15.

Интересна интерпретация факта с точки зрения пространственно-временных характеристик философам А.Д. Урсулом, поясняющим суть такой характеристики объектов действительности с точки зрения диалектики:

«Одними из самых общих различий, свойственных объектам действительности, являются пространственные и временные различия. Фундаментальный характер этих различий выражается в положении диалектического материализма о пространстве и времени как всеобщих формах существования материи.

Когда мы говорим о различных явлениях и объектах, то прежде всего имеем в виду пространственные различия. В самом деле, наличие пространственной разделённости вполне достаточно для того, чтобы отличить любые явления и объекты. Во всякой системе координат каждому объекту будут соответствовать свои индивидуальные координаты, отличные от координат другого объекта. Явления принципиально не могут быть полностью тождественными хотя бы из-за различий пространственного типа. Явления же, которые не имеют различий пространственного типа, не будут различными явлениями – это одно и то же явление.

Отсюда следует, что многообразие явлений объективного мира в качестве необходимого условия (но, конечно, ещё недостаточного) включает в себя существование различий пространственного типа.

Аналогичные соображения можно высказать и относительно различий временного типа. Однако если пространственные различия главным образом характеризуют многообразие различных явлений действительности, то временное различие – многообразие (разнообразие) одного и того же явления»¹⁴.

Из данного отрывка видно, что «пространственное положение» факта, являясь объективно присущей ему чертой, должно пониматься как указание координат, как территориальная закреплённость. Таким образом ясно, что любой факт (если это факт) должен быть обязательно фиксирован, как бы привязан к какому-либо событию истории, конкретизирован.

При этом, являясь одновременно категорией общегносеологической, факт сохраняет свои родовые свойства вне зависимости от того, в какую систему он введён. Другими словами, *на пути от «онтологичности» к концептуализированности (от журнализма к публицистике и далее беллетристике) факт остаётся самим собой. Меняются лишь системы его интерпретации.*

С точки зрения логики (логики научного познания) традиционно выделялись два типа высказываний – эмпирические и теоретические. Первые фиксировали исходную информацию в предложениях, закрепляющих индивидуальные факты. Вторые фиксировали её как результаты, выражающиеся в эмпирических зависимостях. «На эмпирическом уровне познания активно использовались такие логические методы, как абстрагирование, индукция и классификация, на теоретическом – методы логического доказательства и опроверже-

14 Урсул А.Д. Природа информации. М., 1968. С. 172-174. Цит. по: Стюфляева М.И. Указ. соч. С. 15-16.

ния, основанные на фигурах и модусах силлогистики и классической двузначной логики»¹⁵. (Сегодня в науке существуют и неформальные логики, например, феноменология или герменевтика, не говоря уже о постмодернистских проектах¹⁶.) Таким образом, и в науке, и в журналистике на эмпирическом уровне используются высказывания, воплощающие единичные наблюдения, и высказывания, констатирующие эмпирические зависимости. Причём для науки преобладающий интерес представляют вторые (из них строится теория), а для журналистов – как первые (журнализм), так и те и другие вместе (например, публицистика).

В этой связи можно говорить о достаточном совпадении «материала» науки и журналистики (но не тождестве).

С точки зрения языковой, точнее, с точки зрения формы, в которую облачается факт, М.И. Стюфляева пишет о нём:

«Выше было сказано, что факт как продукт мыслительной деятельности является отражением объективной реальности, существующей вне и независимо от нас. Исходя из категорий логики, мы должны признать, что только в акте суждения можно констатировать истинность или ложность этого отражения в смысле соответствия или несоответствия его действительности. Понятие, представляя собой средоточие качеств и отношений, не обладает свойством истинности или ложности. Следовательно, факт может быть облечён только в логическую форму суждения, устанавливающую определённую связь предмета и его свойств»¹⁷.

Итак, суждение есть логическая форма факта. Но суждения различны по своему качеству и, являясь абстракциями, могут представлять различные объёмы знаний, неравноценные по содержащемуся в них обобщению. Так, философ науки пишет:

«Абстракция – результат абстрагирующей деятельности познающего мышления, в ходе которой происходит фиксация с помощью различных языковых средств (прежде всего терминов и высказываний) отдельных дискретных единиц (атомов) содержания познающего мышления. Это содержание «поставляется» либо чувственной ступенью познания (на которой происходит взаимодействие сознания с внешним миром), либо конструктивной деятельностью воображения (продуктивное воображение) и мышления, либо аналитической и рефлексивной деятельностью сознания»¹⁸.

Далее учёный отмечает, что на уровне обыденного познания, а также на эмпирическом уровне познания в науке основным методом формирования абстракций является фиксация отдельных свойств и отношений содержания чувственного опыта, например – «дерево», «стол», «тяжёлый», «тяжесть», «громкий», «светлый», «свет», «цвет» и т.д. И отмечает проблему: содержание,

данное сознанию, существует объективно и вне зависимости от сознания познающего (например, журналиста; что отмечали и Л.А. Поелуева, и М.И. Стюфляева). Однако при работе со словом очень часто происходит семантическое отождествление объекта («вещи») и его свойств («свойства»), что приводит к путанице и грубым ошибкам (заблуждениям).

В сферах, где создаются абстракции очень высокой степени общности и глубины (абстракции от абстракций, идеализации и идеальные объекты разного рода, как, например, публицистический прогноз), связь которых с объективной действительностью часто очень опосредована и неоднозначна, «онтологизация» абстракций часто оборачивается прямым искажением истинного содержания теорий (энергетизм, релятивизм, тепловая смерть Вселенной, идеализм, иррационализм, разного рода социальные утопии и т.д.). «Необходимо помнить, что все абстракции (в том числе философские) имеют по отношению к действительности конкретный и в силу этого односторонний характер, а потому не могут быть применимыми без ограничений, вне той конкретной области, для описания которой они были созданы»¹⁹.

Данный тезис лишней раз подтверждает очевидное: факт имеет целый ряд уровней интерпретации; каждый из этих уровней (или систем отсчёта) создан для описания конкретной области (сферы) жизни и, соответственно, журналист, использующий в своём тексте те или иные знания, должен чётко сознавать границы их применимости для интерпретации «его» факта:

«Понятия «стол», «человек», «белый» имеют реальные «прототипы» в жизни и могут быть соотнесены с ними. Абстракции «длина», «архитектура», «бытность» выражающие свойства или отношения предметов, взятые в чистом виде, отторгнутые от их конкретных носителей, понимаемые как проявления самостоятельных сущностей, носят в отличие от первых название «абстрактные предметы».

В особую группу выделяются «идеализированные объекты»: «точка», «идеальный газ», «абсолютно твёрдое тело»²⁰.

Подобные абстракции, входя в состав суждений (а факт, как было сказано выше, также мыслится в форме «суждения факта»), привносят с собой собственные свойства, наделяя последние разной степенью обобщения: «суждение, в состав которого входит «абстрактный предмет» или «идеализированный объект», не несёт конкретного содержания, оно включает в себе обобщение и относится к теоретической области знания»²¹. Частый пример в журналистике – общие места, банальности, нечёткость мысли, витиеватости; заблуждения и ошибки.

Что же делает «суждение факта» собственно «фактичным»? Использование конкретных понятий. Их отличие, в частности, от «абстрактных предметов» в их применимости, приложимости к конкретным описы-

15 Лебедев С.А. Философия науки... С. 419.

16 Дмитровский А.Л. Проблема теории журналистики в свете научно-методологических и философских подходов XXI века // Ученые записки Орловского государственного университета. 2011. – №4; «Философия».

17 Стюфляева М.И. Поэтика публицистики. С. 21.

18 Лебедев С.А. Философия науки. С. 297.

19 Лебедев С.А. Указ. Соч. С. 298.

20 Стюфляева М.И. Поэтика публицистики. С. 22.

21 Там же.

ваемым журналистом предметам. Так, свойство «быть умным», мыслимое в понятии «умный», применимо к отдельному человеку, а «абстрактный предмет» «ум» – нет. *Именно суждения действительности, обладающие важнейшим для факта свойством истинности или ложности, могут лежать в основе факта.*

Другие же суждения, как, например, суждения возможности или суждения необходимости, например, «завтра возможен дождь» или «завод должен быть запущен тогда-то», фактом признать нельзя:

«Если в суждение вторгаются оценочные моменты, отмеченное свойство [истинности или ложности] сохраняется, однако вследствие относительности, субъективности всякой оценки теряется аксиоматичность, присущая факту. Мы оказываемся перед необходимостью доказательства этого суждения.

«Хорошо» или «плохо», «правильно» или «неправильно» – такие определения нельзя воспринимать в абсолютном смысле, они всегда несут отпечаток личного пристрастия говорящего или пишущего. Каждое из заявлений, содержащих в себе подобные слова-оценки, нуждается в подтверждении, аргументации и не должно расцениваться в качестве факта»²².

При этом надо учитывать и то обстоятельство, что даже истинность фактов сама по себе не гарантирует правильность выводов. Исходя из одних и тех же фактов, журналисты могут прийти к совершенно разным построениям: как истинным, так и ложным. Всё зависит от идейной, мировоззренческой и умственной способности публициста, в конце концов от того, хочет ли он отыскать истину, либо его интересуют какие-то личные, скрывающиеся от аудитории интересы.

И последнее. Как и любое другое суждение, «суждение факта» имеет определённое синтаксическое оформление в языке. Эта форма – предложение. Рассматривая этот вопрос, М.И. Стюфляева, ссылаясь на лингвистов, описывает две формы связи слов в предложении: способ предикации и способ атрибуции. Суждение, по мнению исследовательницы, может быть выражено только предикативной связью:

«Суждение (предложение) таит в себе, как уже отмечалось, диалектическое противоречие единичного и общего: субъект обычно воплощает нечто конкретное, и это конкретное сопрягается с общим, тащимся в предикате»²³. Исследовательница делает вывод: **факт выступает в форме суждения, в котором установление общих свойств посредством предикативной связи сочетается с указанием на единичные свойства, что достигается при помощи разного рода атрибутов.**

Пространственно-временные признаки, возникающие как атрибутивная группа при предикате-глаголе, иногда могут быть выражены точными цифровыми показателями. Однако не только они, но и любое дополнение или обстоятельство, объясняющее действие, способствуют уточнению данных, содержащихся в двучленном суждении, и в конечном счёте содействуют

превращению его в факт.

Так, суждение «человек идёт» не является фактом. Оно слишком абстрактно. Необходимы атрибутивные признаки: кто идёт, где, когда, куда, возможно – зачем или почему и т.д. И уже наделённое такими атрибутами суждение превратится в факт:

«На первую в своей жизни защиту дипломной работы вышла из квартиры на улице..., Наталья Д. и направились в «Главный» корпус». Данная атрибутивная группа позволила выделить из «класса однородных предметов» конкретного человека (имя), его пол, примерный возраст и социальное положение. Предикат «вышла» предполагает наличие начальной и конечной точек пути (пространственная привязка); есть и дополнительное уточнение – «на свою первую защиту».

Завершая наш краткий обзор понимания факта теоретиками, обратимся к пониманию его в науке:

«Факт – 1. Конкретное событие объективной действительности (в отличие от его возможной репрезентации в сознании). 2. Истинное высказывание о конкретных событиях объективной действительности»²⁴.

Как видим, общее определение факта (в его первой интерпретации) в общем-то сходится с традиционным толкованием в общепотребительных словарях – «то, что произошло». Но в отличие от теоретиков и составителей словарей, автор энциклопедии сразу и чётко указывает на конкретность события, являющегося фактом, на его пространственную отграниченность.

Интересно, что второе определение уже совпадает с определением М.И. Стюфляевой, идущим к «центру» факта, к его сущности: здесь упор делается на языковое оформление факта, на его ключевое свойство – истинность или ложность содержащихся в нём сведений. Это второе определение связывает конкретный факт (высказывание [читай, суждение] о каком-либо событии «объективной действительности») с конкретикой определённой исторической реальности, говоря проще – с пространственно-временными характеристиками явления.

Читаем далее:

«Факт научный – опытное звено, лежащее в основе построения эмпирических или теоретических систем знания: некая эмпирическая реальность, отображённая информационными средствами (текстами, формулами, фотографиями, видеоплёнками и т.п.). Факт имеет многомерную (в гносеологическом смысле) структуру. В этой структуре можно выделить четыре слоя:

1) объективную составляющую (реальные процессы, события, соотношения, свойства и т.п.);

2) информационную составляющую (информационные посредники, обеспечивающие передачу информации от источника к приёмнику – средству фиксации фактов);

3) практическую детерминацию факта (обусловленность факта существующими в данную эпоху качественными и количественными возможностями наблюдения, измерения, эксперимента);

4) когнитивную детерминацию факта (зависимость

22 Там же. СС. 24-25.

23 Там же. С. 30.

24 Лебедев С.А. Философская энциклопедия. С. 560.

способа фиксации и интерпретации фактов от системы исходных абстракций теории, теоретических схем, психологических и социокультурных установок и т.п.)»²⁵.

Что же получается? Если отбросить вторую составляющую, выходит, что факт на «горизонтальном» уровне составят три основных элемента. Во-первых, в нём фиксируется объективная реальность, то, что было на самом деле. Во-вторых, в нём заключена некая «социальная установка» на его понимание и интерпретацию, связанная со стереотипными (традиционными или сформированными, например, модой) установками общества (пример в журналистике – жанровые ожидания аудитории). Эти установки, вполне возможно, могут быть и эмоциональными, например, когда по телевидению показывают кадры боевых действий или картины катастрофы – это всегда вызывает бурную реакцию зрителей.

В-третьих, факт обусловлен «когнитивно», то есть разумом самого журналиста, его личными психологическими и/или социокультурными установками. В этой связи становится понятным термин «чуждый идеологически человек», связанный с тем, что воспитанный в одной культуре журналист вряд ли сможет быть адекватным, работая в информационном поле другой страны (или регионе). Как пример можно вспомнить известного журналиста Владимира Познера, которого многие ругали (и ругают) именно за чуждость русским людям его идеологических взглядов и интерпретаций российских событий, никогда не ставя под сомнение его профессионализм.

В этом сходятся и крупнейшие представители науки о журналистике. Так Е.П. Прохоров, в методологической работе «Исследуя журналистику» пишет о так называемой «научно-методологической парадигме» исследователя, утверждая тезис о том, что даже научные исследования носят характер личностно-обусловленных. Проще говоря, каждый исследователь создаёт свою теорию не просто как систему объективного знания, представляет её не просто как открывшуюся ему независимую истину, а создаёт её («сочиняет») в том числе и как результат собственных идейных, психологических и мировоззренческих постулатов.

Косвенно этот тезис подтверждают и авторы практического учебного пособия по журналистике С.Г. Мельник и А.Н. Тепляшина:

«...Понятие творческого метода соотносится и с индивидуальным творческим опытом, и с коллективным. В обоих случаях под творческим методом понимаются основные принципы отбора, изображения и оценки фактов и явлений действительности, наиболее непосредственно (по сравнению со стилем) связанные с мировоззрением авторов, с их концепцией жизни, с их общественной позицией»²⁶.

Получается, что когда речь заходит о факте (фактах), в дело помимо воли самих исследователей (журналистов) вступает их личный и коллективный опыт,

мировоззрение, подсознательные установки. То есть уже на уровне восприятия фактов эти самые факты искажаются. Точнее, они видятся совершенно по-своему каждым из участников события – и здесь вполне применимо высказывание о художниках, в котором говорится, что сколько ни посади художников-реалистов рисовать одну и ту же берёзу, ни одного одинакового «портрета» не получится. На всех картинах будет совершенно уникальная берёза.

Нечто подобное можно сказать и о журналистике. Мы часто пишем о том, свидетелями чего мы не были или быть вообще не могли: об извержении исландских вулканов или крушении нью-йоркских башен-близнецов; о множестве других событий мы узнаём с чужих слов, даже несмотря на кадры «хроники». Существует даже шутка о том, что за пределами России и Америки ничего нет – всё это разнообразие стран, культур и континентов (равно как и полёты в космос) есть всего лишь продукция Голливуда и Мосфильма...

Кроме того, все мы знаем расхожее высказывание о журналистах как о профессиональных дилетантах, что, в принципе, зачастую оказывается правдой: мы действительно знаем и понимаем гораздо меньше специалистов, в сферу деятельности которых вторгаемся. А они, как вышеозначенные археологи, работают с непосредственным материалом, «с материальными следами», о которых потом нам лишь сообщают, чтобы мы, в свою очередь, сообщили публике об их сообщении. Редко когда журналист выступает непосредственным наблюдателем, а лучше и участником событий. Именно поэтому столь ценен в нашей профессии хороший репортаж. Событие, которое разворачивается на глазах журналиста и аудитории.

Но и с ним не всё так просто. Что считать событием, явлением, фактом, какую их часть? Л. Мосионжик пишет:

«...Вопрос о достоверности фактов прошлого ещё прост по сравнению с другим: что мы понимаем под «единичным фактом», единичным событием? Если Пилат расследует дело Христа, что он должен считать фактом? Отдельное слово или целую речь? А может, общий дух всей христианской проповеди? Ведь и это – документированный факт. Где здесь единичное событие, где – конструкция из многих событий?

Ведь, в сущности, любой факт – это конструкция. Так, первое свидание Наполеона с Марией Валуевской – единичный факт, кирпичик в конструкции «любовь Наполеона и Валуевской». Но сама эта любовь – такой же кирпичик в другой конструкции – «жизнь Наполеона», а та – в следующей: «наполеоновская Франция», «французская революция и её итоги», «Европа в эпоху великих революций». Этот ряд можно свободно продолжить в обе стороны»²⁷.

Как мы убеждаемся, факт совсем не так прост, каким кажется на первый взгляд. Здесь невозможно ограничиться простой констатацией того положения, что он есть нечто свершившееся. Есть как минимум его

25 Там же. – С. 561.

26 Мельник С.Г., Тепляшина А.Н. Основы творческой деятельности журналиста. СПбГУ, 2004. С. 35.

27 Мосионжик Л.А. Синергетика для гуманитариев. СПб., Кишинёв, 2003. С. 76.

прошлое, истоки – сущность которых теряется в минувшем, и есть его будущее (через включённость в процессы происходящие), его потенциал, скрытый, так сказать, резерв воздействия. Если воспользоваться метафорой, то факт окажется похожим на ядерный взрыв: сам взрыв будет фактом, но ведь была подготовительная работа, труд и действия тысяч людей и многих поколений учёных; кроме того, после взрыва начинает действовать радиация, как и последствия ударной и огненной волн...

И это только общие части факта, а есть и многочисленные, фактически бесконечные, элементы, «детали», составляющие эти части. Журналисту, как и историку, чтобы не утонуть в море мелочей, второстепенных деталей, вынужденно приходится принимать за «факты» события какого-либо одного уровня и считать их далее (внутренне) простыми и неразложимыми. Философ справедливо указывает на один из принципов образования структур: «самоорганизация неизбежно предполагает самоограничение каждого элемента. Какова бы ни была его внутренняя сложность, по отношению к остальным элементам системы он должен выступать как сравнительно простой автомат»²⁸.

Такие элементы известный физик и один из разработчиков синергетики Илья Пригожин называл «гипнонами», от греческого слова «гипнос» – «сон». Эта важная и полезная для научных целей операция имеет, тем не менее, и отрицательные последствия: игнорируя «внутреннюю жизнь» этих гипнонов, мы неизбежно теряем из виду часть картины действительности, скрытую в этих элементах. Поэтому закономерное зачастую предстаёт перед зрителем или читателем как случайное, непонятно откуда взявшееся. Так, журналисты и эксперты любят строить прогнозы, подавляющая часть которых не сбывается. Почему? Потому что работая с социальными моделями, «чистыми закономерностями», из виду упускаются конкретные «исполнители», люди.

«Какой бы уровень мы ни избрали, – продолжает Л. Мосионжник, – здесь очень помогли бы синергетические модели. И прежде всего, фрактальные модели. ... Они позволяют анализировать даже бесконечно сложные структуры, не разлагая их на «первичные кирпичики». К сожалению, применительно к истории такой метод ещё не разработан»²⁹. Увы, добавим мы, применительно к журналистике тоже.

Что же представляют из себя фракталы? Философ С.А. Лебедев пишет:

«Фрактал – самоподобная структура, в которой имеет место тождество структуры целого и структуры каждой его части. В большинстве случаев это множества с крайне нерегулярной и изрезанной структурой. Например, снежинки, лёгкие человека, очертания облаков, береговая линия материков и островов и т.д. Многие реальные объекты имеют, как правило, фрактальную структуру»³⁰. С точки зрения математики глав-

ная особенность фракталов – дробная размерность. Другими словами, если все окружающие нас предметы имеют целочисленное измерение (геометрическое тело имеет три измерения – длину, высоту и ширину; фигура двумерна, имея только длину и ширину; размерность линии равна единице; а точки – нулю), то фракталы – дробное (по латыни «фракталис» и значит «дробный»), не равное единице, двум или трём.

Наиболее известные примеры подобных парадоксальных объектов – «ковёр Серпиньского» и «остров Коха». Долгое время они были предметом «забавы» математиков, но в минувшем веке оказалось, что существуют реальные примеры, укладывающиеся только в такие математические объекты: «Так, во время второй мировой войны англичанам пришлось измерить периметр своего острова, чтобы правильно разместить силы для его обороны. Оказалось, что длина побережья Великобритании существенно зависит от того, по какой карте и какой линейкой её измерять»³¹. Чем более точной картой пользовались военные, тем длиннее становилось побережье: ведь, по подсчётам математиков, увеличение масштаба периметра «острова Коха» всего на один шаг, давало «прирост» в 1,33 раза, т.е. на треть.

Каковы оказались последствия открытия и осмысления фракталов? Что это даёт для понимания факта?

Во-первых, то, что раньше считалось в науке хаосом, отсутствием порядка, является на самом деле бесконечно сложной упорядоченностью. Соответственно, можно предполагать, что огромные потоки информации также не являются хаотичными, а имеют свою структуру. Факт в таком случае оказывается лишь произвольно (либо в силу сознательной воли публициста) выбранным уровнем, «кирпичиком» этой бесконечной структуры и сам, будучи в неё встроенным, обладает аналогичной (пример Наполеона).

Во-вторых, «масштабная инвариантность» фракталов означает, что у таких объектов нет «атома» или «первокирпичика» – мельчайшей, далее уже неделимой частицы, анализ которой дал бы ключ к пониманию всей системы. Если раньше считалось, что материя (то есть окружающий нас мир) конечна, то квантовая механика установила, что у материи нет «дна», нет первичного элементарного уровня, несводимого к чему-то ещё более простому. «Теория фракталов показывает, что такого «дна» и быть не может. Есть, по выражению Гёте, первофеномен – *принцип построения*, например, ковра Серпиньского или другой фрактальной фигуры, есть формула, выражающая этот принцип. Но нет мельчайшего, неделимого элемента»³².

Повторим, применительно к факту, сказанное выше. Не существует факта как некоего самостоятельного, неделимого «объекта». Факт – это сложная конструкция, которая одновременно является частью бесконечного числа вышестоящих систем и надсистем. С другой стороны, факт состоит из бесконечного числа «подчинённых» элементов, подсистем, «гипнонов». Нам остаётся лишь выборочно останавливать своё внимание на том

28 Там же. С. 82.

29 Мосионжник Л.А. Синергетика... С. 83.

30 Лебедев С.А. Философия науки. С. 267.

31 Мосионжник Л.А. Синергетика... С. 35.

32 Мосионжник Л.А. Синергетика... С. 38-39.

или ином «уровне факта» и пытаться уже здесь через пространственно-временные атрибуты как бы «вычленивать» его из бесконечного информационного потока, «движения материи».

Таким образом, мы ещё раз убеждаемся в сложной структуре фактов и сталкиваемся с необходимостью избирательности при их поиске и отборе. Чтобы не столько обнаружить факт, но его понять и оценить, необходима методологическая база, некая концепция, чёткая гражданская позиция наконец, которая придавала бы смысл всему тому нагромождению данных, что окружают публициста. Ещё острее эта проблема стоит у историков.

Более того, анализируя проблемы создания теоретической истории (а историки, как мы убедились, также оперируют исключительно фактами и потому проблема факта остра для них, как ни для кого другого), Л. Мосионжник особо отмечает полезную функцию теорий и исторических концепций, что важно бы усвоить и публицистам. Они, теории и концепции (например, идеологические, политические и т.п.), выступают своего рода средоточиями интереса, направляющими внимание публициста на те или иные, актуальные именно сегодня вопросы и проблемы.

«Действительно, исторических фактов – безбрежное море, никто не в состоянии учесть их все и всем найти место во всеобъемлющей концепции. Их всегда придётся отбирать, исходя не столько даже из теории, сколько из проблем, волнующих самого исследователя и его эпоху»³³. Это не означает, что мы можем искажать факты, чтобы они вписались в рамки заранее придуманных идей (что часто встречается в журналистике и, особенно, в политической журналистике), и что теми фактами, которые не согласуются с нашими идеями, можно пренебречь. Всё-таки задача журналистов – писать правду. И потому речь надо вести не об умолчаниях, а говорить о том, что публицист может не беспокоиться обо всех тех фактах, которые не имеют прямого отношения к его выступлению и, соответственно, неинтересны аудитории. Речь идёт лишь о точке отчёта, со стороны которой публицист анализирует социальную реальность.

«Однако, – ставит ключевой вопрос учёный, – следует решить вопрос об отграниченности событий друг от друга и от окружающего их хаоса бессмысленных процессов. Можно принять как рабочее допущение, что границы события лежат там же, где и границы его смысла, его сущности, вытекающих из него причинно-следственных объяснений (за этими пределами лежит то, что необъяснимо с точки зрения смысла данного события, и стало быть, абсурдно)»³⁴. Так мы выходим на ключевую, по крайней мере, важнейшую составляющую факта – его смысл, через который его – факт – можно бы было вычленивать, отграничить от всего второстепенного и несущественного.

Оказалось, что говоря «факт», в большинстве случаев говорящий не подозревает (или не хочет этого замечать?) о многомерности и многослойности этой категории. После проведённого исследования мы убедились, что факт имеет, как минимум, вертикальное и горизонтальное измерения. И ведя о нём речь, надо говорить о его «конструкции».

Его вертикальное измерение обусловлено строением самого окружающего нас мира. Материя не имеет ни потолка, ни дна: она бесконечна как «вниз», в сторону микромира (всё более мелких «кирпичиков» мироздания), так и в сторону макромира. Есть лишь принцип организации и формула, его выражающая.

Факт имеет строение наподобие фрактальных структур: он бесконечно многоуровнев и поэтому журналисту необходимо каждый раз определяться с тем, какую систему отсчёта ему избрать для трактовки факта (в зависимости от системы отсчёта, будет меняться и масштаб, и объём, и смысл факта).

Его горизонтальное измерение подразумевает выделение как минимум трёх составляющих (элементов) – денотата, значения и смысла.

Денотат – это объективно-фактическая сторона факта.

Смысл – личностное отношение журналиста, вложенное в текст, содержащий факт. Его, журналиста, послание, адресованное аудитории. Именно смыслом определяются «границы» факта: то, что может быть объяснено с точки зрения вытекающих из этого смысла причинно-следственных связей и оставляет объём факта.

Значение – вся та концептуальная информация, что позволяет репрезентировать (создать и представить) текст, прежде всего средства выражения и культурные концепты, способствующие пониманию другими людьми послания журналиста.

Кроме того, факт конкретен и строго привязан к пространственно-временному континууму.

Факт имеет чёткую синтаксическую форму: это форма предложения (суждения), организованного предикативным способом (когда установление общих свойств посредством предикативной связи сочетается с указанием на единичные свойства через различного рода атрибуцию).

И последнее.

Можно, пожалуй, уверенно сказать, что в целом тезис о взаимодействии внутри факта денотата, значения и смысла подтвердился. В зависимости от акцента на том или ином из них, эта триада действительно порождает различные типы текстов в журналистике (информационные, публицистические и беллетристические).

Причём, поскольку значение и смысл факта относятся к так называемым оценочным ореолам, публицистика и беллетристика обладают ярко выраженным субъективным началом. Общее определение факта будет звучать так: *факт выступает в форме суждения, в котором установление общих свойств посредством предикативной связи сочетается с указанием на единичные свойства, что достигается при помощи раз-*

33 Мосионжник Л.А. Синергетика... С. 85-86.

34 Там же. С. 83-84.

ного рода атрибутов. Но если его редуцировать, то получаем такое краткое и емкое его, факта, определение: **факт – есть совокупность проверяемых деталей.**

В журналистике, особенно в публицистике и беллетристике, факты не существуют сами по себе. Они всегда подвергаются в публикации субъективной переработке, ведь задача публициста, прежде всего – убеждать, воздействовать на сознание, побуждать к

действиям. Такая задача «чистым» фактам не по плечу (не зря говорят о «правде факта», о том, что его нужно «раскрыть»). Нужна страсть, запал, убедительность. Но без умения разграничивать фактическую сторону вопроса от собственных (и чужих) интерпретаций, публицист не сможет справиться со своей общественной задачей – анализом социальных процессов и побуждением людей к общественно полезному поведению.

Библиографический список

1. Васильева Т.В., Осинский В.Г., Петров Г.Н. Курс радиотелевизионной журналистики. СПб.: Специальная Литература, 2004.
2. Дмитриевский А.Л. Проблема теории журналистики в свете научно-методологических и философских подходов XXI века // Учёные записки Орловского государственного университета. 2011. №4; «Философия».
3. Дмитриевский А.Л. Экзистенциальная теория журналистики: попытка метатеории // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2012. №2 (10).
4. Дмитриевский Андрей. Заметка как жанр // Голос. 2008. №3, сентябрь.
5. Ким М.Н. Технология создания журналистского произведения. СПб., 2001.
6. Лебедев С.А. Философия науки: краткая энциклопедия. М., 2008.
7. Ленин В.И. О печати. 3-е изд., доп. М.: Политиздат, 1982.
8. Мельник С.Г., Тепляшина А.Н. Основы творческой деятельности журналиста. СПбГУ, 2004.
9. Мосионжик Л.А. Синергетика для гуманитариев. СПб., Кишинёв, 2003.
10. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российской академии наук. Институт русского языка им. В.В.Виноградова. 4-е изд., доп. М., 2003.
11. Поелуева Л.А. Факт в публицистике: Автореф. канд. дисс. М., 1988.
12. Солгнаник Г.Я. Толковый словарь. Язык газеты, радио, телевидения: ок. 10 000 слов и выражений. М., 2008.
13. Стюфляева М.И. Поэтика публицистики. Воронеж, 1975.
14. Третьяков В.Т. Как стать знаменитым журналистом. М., 2004.

References

1. Vasilyeva T.V. Osinsky V. G., Petrov G. N. Kurs of radio television journalism. – SPb. : Special Literature, 2004.
2. Dmitrovsky A.L. Problema of the journalism theory in the light of scientific and methodological and philosophical approaches of the XXI century//Scientific notes of the Oryol state university. – 2011. – No. 4; «Philosophy».
3. Dmitrovsky A.L. Existential theory of journalism: metatheory attempt//Sign: problem field of media education. 2012. No. 2 (10).
4. Dmitrovsky Andrey. Note as genre//Voice. – 2008. - No. 3, September.
5. Kim M. N. Tekhnologiya of creation of journalistic work. – SPb. 2001.
6. Lebedev S. A. Filosofiya of science: short encyclopedia. – M, 2008.
7. Lenin V. I. About the press. – 3rd prod. additional – M.: Politizdat, 1982.
8. Melnik S.G., Teplyashin A.N. Bases of creative activity of the journalist. – St.Petersburg State University, 2004.
9. Mosionzhnik L.A. Sinergetika for humanists. – SPb. Kishinev, 2003.
10. Ojegov S. I. and Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of Russian: 80 000 words and phraseological expressions / the Russian Academy of Sciences. Russian institute of V.V.Vinogradov. – 4 prod. additional – M., 2003.
11. Poyeluyeva L.A. Fakt in journalism: Avtoref. edging. yew. – M, 1988.
12. Solgnanik G. Ya. Explanatory dictionary. Language of the newspaper, radio, television: apprx. 10 000 words and expressions. M, 2008.
13. Styuflyayeva M. I. Poetika of journalism. – Voronezh, 1975.
14. Tretyakov V. T. Kak to become the well-known journalist. – M, 2004.

УДК 811.161.1(091) ТУРГЕНЕВ И.С.

UDC 811.161.1(091) TURGENEV I.S.

А.А. БЕЛЬСКАЯ

кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой журналистики и связей с общественностью Орловского государственного университета
E-mail: aa_bel@mail.ru

A.A. BELSKAYA

candidate of philological sciences, associate professor, department of journalism and communications about the public, Orel state university
E-mail: aa_bel@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ МИФА ОБ АМУРЕ И ПСИХЕЕ В РОМАНЕ И.С. ТУРГЕНЕВА «ДЫМ»

CUPID AND PSYSHE MYTH TRANSFORMATIONS IN I.S. TURGENEV'S NOVEL «SMOKE»

В статье выявляются мотивные и образные параллели мифа об Амуре и Психее в романе «Дым» и доказывается, что история мифологических персонажей присутствует в романе как скрытый подтекст, актуализируются лишь отдельные стороны древнего сюжета и представлена его художественно свободная реконструкция.

Ключевые слова: мифопоэтический подход, миф об Амуре и Психее, мотивные и образные параллели, подтекст, трансформация, реконструкция.

The article identifies motivic and imaginative parallels of the myth of Cupid and Psyche in the novel «Smoke» and proves that the history of mythological characters is present in the novel as a hidden subtext, actualized only certain aspects of the ancient story and and given his free artistic reconstruction.

Keywords: mythopoetic approach, Cupid and Psyche, motivic and imaginative parallels, transformation, reconstruction.

В науке вопрос об отголосках мифа о Психее в произведениях И.С. Тургенева был поставлен итальянской слависткой, профессором Бергамского университета Розанной Казари (16, с. 305-311). Между тем, хотя отдельные аспекты проблемы определены в литературоведении, она не исследована всесторонне и сохраняет свою актуальность по настоящее время. Прав В.Н. Топоров, что сегодня учёные, стремясь обнаружить в тургеневских текстах «новые смыслы», «нечто новое, до того неизвестное», всё чаще избирают мифопоэтический и философский подходы их анализа (12, с. 35). Что касается «Дыма», то ещё в начале 1980-х годов О.Н. Осмоловский отметил возрастание в период его написания активности символического мышления Тургенева, присутствие «оригинального метода символической типизации» в романе и отнёс его к «новому типу» философско-символического романа (9, с. 122).

Наша цель – доказать, что сквозь конкретно-историческую и социально-политическую проблематику «Дыма» просвечивается универсальный план, в частности, мотивные и образные параллели с мифологической историей Психеи.

Известно, что в основе легенды об Амуре и Психее лежит сюжет о странствиях одинокой души в поисках вечной любви. Своими корнями он уходит в глубокую древность и имеет греческое происхождение. Считается, что легендарные образы Амура и Психеи являют собою сложное соединение античных представлений об идеальных любовниках и философских понятий бессмертной человеческой сущности и человеческого сознания, подчиненного мировой закономерности.

Персонифицируя божественные и природные силы в образах Эроса, Эроса (др.-греч. Ἔρως) (римское имя – Амур), бога любви, и Психеи (от греч. ψυχή – «душа», «дыхание»), смертной женщины, обретающей бессмертие, древние греки представляли последнюю олицетворением души, жаждущей любви, и изображали её или в виде птицы, или летающей девушкой, с крыльями, что символизирует способность души к полёту и перерождению, иногда – с бабочкой в руках, которая при всём многообразии смыслов (жизнь и смерть), выступает, прежде всего, символом возрождения и воскресения. Немаловажно, что в древнем мифе фигура Психеи выражает собою одновременно Любовницу (как Афродита), Жёну (как Гера) и Мать (как Деметра).

Первым объединяет различные древнегреческие мифы о Психее древнеримский писатель, философ-платоник Луций Апулей (II век). Литературоведы по-разному интерпретируют смысл апулеевской сказки. Одни учёные видят в ней типичное для мифа нарушение экзогамии и тотемизма (А.Н. Веселовский). Другие относят историю об Амуре и Психее к традиционному сказочным мотивам о временных браках с братьями и рассматривают древний сюжет как отражение практики обряда инициации (В.Я. Пропп), делящего жизнь испытуемого на законченные отрезки, граница между которыми – временная «смерть» (Е.М. Мелетинский). Третьи (М.М. Бахтин) считают, что все существующие версии сказки близки к фольклорной основе протосюжета: «встреча – разлука – поиски – обретение», а испытание трактуют как наказание и искупление одновременно (2, с. 256.). Нередко учёные дают аллегорические или

религиозные объяснения мифу, понимая апулеевскую сказку либо как воплощение «платонического мифа о скитаниях души», «поэтическую сказку о странствиях человеческой души, жаждущей слиться с любовью» (А.Ф. Лосев) (7, с. 344–345), либо как «аллегория пути человеческой души к Христу». Впрочем, ряд исследователей призывает понимать «сказку» или как любовно-авантюрную историю, или «такой, какая она есть, – просто, как сказку о хорошей женщине» (11, с. 356).

Помимо литературоведов, к интерпретации образов Амура и Психеи обращаются психоаналитики. Многие сторонники и последователи психологии К.-Г. Юнга используют в своих трудах древний миф в качестве аналога к психологии женщины. Стоит выделить работы Эриха Нойманна «Амур и Психея» и Роберта Джонсона «Она. Глубинные аспекты женской психологии». Последний, в частности, выявляя психиатрические симптомы Психеи в женских характерах и поведении, утверждает, что «Психея существует внутри каждой женщины в качестве несравнимого ни с чем опыта жизни в одиночестве» (5, с.23). Основной смысл древнего мифа учёный видит в способности Психеи преодолеть присущую ей великую архетипическую женственность посредством собственной человечности и духовного начала.

На протяжении многих лет мифический сюжет о Психее и Амуре вдохновлял многих живописцев, скульпторов и неоднократно повторяется в произведениях мировой литературы (Фульгенций, П. Кальдерон, Ж. де Лафонтен, Ж.Б. Мольер, И.Ф. Богданович, Дж. Ките, Г. Гейне, Э. По и др.), каждый раз обретая новые детали и штрихи. Одни писатели, используя традиционный мифологический сюжет и образы, достигают поразительного сходства ситуаций своих литературных произведений с мифологическими. Другие, обращаясь к центральной теме мифа – теме любовного влечения как самой сильной потребности души, – акцентируют мысль, что обрести любовь можно только после преодоления препятствий, и изображают отсутствующее у Апулея нравственное очищение души через страдания в поиске идеала, высшей красоты. Третьи сосредотачивают внимание на психологическом содержании повествования, на человеческой драме, которую проживают герои, и показывают возвышение их душ над несчастьями, победу «вечных» ценностей. Считается, что наличие в художественных текстах темы Амура и Психеи неизбежно приводит к выдвиганию на первый план описаний сложной жизни души человека, его чувств и переживаний.

В отечественной культурной традиции одним из первых к древнему мифологическому сюжету обращается И.Ф. Богданович в стихотворной повести «Душенька» (1773) (1-ое изд. в 1778 г. под названием «Душенькины похождения, скаска в стихах»). Впрочем, русский поэт XVIII века, скорее, прибегает к вольному переложению сюжета повести Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона» и изображает в своей повести нравственное очищение души через страдания. Но, как утверждал профессор русской словесности Петербургского университета А.И. Незеленов, хотя «Богданович в своей

поэме высказывает довольно возвышенную отвлеченную мораль: Душенька прощена, по его словам, потому, что она очистилась от греха терпением в страданиях», – «этой возвышенной морали совсем не соответствует характер Душеньки; в героине поэмы совершенно нет никакой “красоты души”, она просто “щеголиха”» (8, с. 175–176). Наибольший интерес представляют наблюдения Г.Д. Гачева, который считает, что первой истинно «русской Психеей» в отечественной литературе является главная героиня романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» Татьяна Ларина, которая задаёт «модель для устройства русской Психеи» (4, с. 164). Заметим, что в произведениях Пушкина часто присутствует история Психеи в основном как подтекст («Метель», «Барышня-крестьянка»), а М.Ю. Лермонтов в поэме «Демон» и во все «переворачивает» древнюю «сказку».

В романе Тургенева «Дым» нет ни упоминания имени Психеи (в отличие от «Трёх встреч»), ни явной реконструкции древнего мифологического сюжета. Однако отсутствие имени мифологического героя или мифологического сюжета не означает отсутствия в художественном тексте связанных с ним мифопоэтических смыслов. В образе главной героини «Дыма» Ирины Осининой/Ратмировой, вне сомнения, проступает архетип Психеи, т.е. женской души, экспансивной, странствующей, ищущей любовь. Кроме того, в романе можно обнаружить ситуации, мотивы, образы, сходные с ситуациями, мотивами и образами мифа об Амуре и Психее. Обращаясь в «Дыме» к исследованию сложной природы любви, Тургенев не просто проникает в запутанные сплетения чувств героев, в потаённые уголки их сознания и души, но и при изображении частных человеческих судеб переосмысляет известный мифологический материал, обогащая тем самым конкретно-исторические образы романа универсальными смыслами и аналогиями.

Общеизвестно, что одной из отличительных особенностей русской литературы является изображение неосуществленной любви. Между тем в отечественной словесности встречается, пусть немногочисленное число, inferнальных героинь (например, Настасья Филипповна Ф.М. Достоевского), которым ведомы бездны чувственно-страстного Эроса (Анна Каренина Л.Н. Толстого). Героиня «Дыма», в которой чрезвычайно силён «гнет женственности», по праву можно отнести к типу роковой (демонической) женщины. Недаром во всём облике Ирины есть «что-то темное», «что-то своевольное и страстное», «опасное и для других и для нее» (13, с. 281), а красота её заключает в себе «какие-то неведомые глубины и дали», что-то от стихии хаоса, а значит, опасное, угрожающее, не совпадающее с добром. Симптоматично также, что в цветописании героини преобладает *чёрный* цвет («образ Ирины так и воздвигался перед ним в своей черной, как бы траурной одежде»). Впрочем, тургеневская Ирина не просто inferнальница, чувственная натура, грешная, подобно Психее, «неким первородным грехом естества» (6, с. 524), но и весьма рациональное существо, в плоть и душу которого прочно входит «право на богатство, на

роскошь, на поклонение» (13, с. 282). Наряду с женской «прелестью», в Ирине сильно стремление к материальному благополучию и преуспеванию. Кроме того, она весьма себялюбива и руководствуется по отношению к собственной персоне исключительно эгоистическими внутренними установками, которые сказываются, в том числе, в её отношении к Григорию Александровичу Литвинову. Образ Ирины Осининой/Ратмировой, пожалуй, – один из самых сложных женских образов русской литературы, и в романе Тургенева она предстаёт одновременно и воплощённой Красотой, и одинокой Душой, и ищущей любовь Странницей, и Любовницей, и нарушающей «запрет» Женою.

В сюжете героини «Дыма» можно выделить как прямые, так и косвенные указания на древний миф о Психее. Так, в ретроспективном плане повествования романа автор подробно рассказывает историю принадлежащей к «чистокровным князьям» Рюриковичам семьи Осининых, в которой, помимо сыновей, растут три дочери: Ирина, Викторинька и Клеопатринька, две из которых едва ли случайно носят «царские» имена. Напомним, что в древнем мифе о Психее речь идёт о трёх царских дочерях, красивее которых является младшая из них – Психея. В романе Тургенева особой красотой обладает старшая сестра – Ирина, «поразительно» красивая девушка, с изящными, почти изысканно правильными чертами лица. До встречи с Литвиновым Ирина, точно так же как мифологическая героиня, слава о красоте которой распространяется по всей земле, но любят её как бездушную красотой, – «холодная», «бесчувственная», «бессердечная» красавица. Метаморфозы начинаются только после того, как Ирина узнаёт любовь: она становится «повадлива как овечка, мягка как шелк и бесконечно добра» (13, с. 284). Но блаженное существование продолжается недолго: преисполненная «порывистой нежности» Ирина нарушает своего рода «запрет» («они несколько не сомневались в том, что брак их состоится»), пожертвовав любовью ради успеха в свете и богатства. Определённая доля вины при этом лежит на возлюбленном героини. Именно Литвинов уговаривает Ирину поехать на бал в Дворянском собрании («– Да и почему бы вам не поехать... людей посмотреть и себя показать...»). По сути дела, литвиновские слова становятся для Ирины тем «раздраженным голосом», который, согласно Р. Джонсону, выполняет в древнем мифе «двойную функцию: разрушение прежнего отношения к жизни и осознание нового» (5, с. 32). Индивидуальность Тургенева сказывается в том, что «раздраженный голос» раздаётся не только «извне», но и постоянно звучит внутри героини: «– Ох, эта бедность, бедность, темнота! Как избавиться от этой бедности! Как выйти, выйти из темноты!» (13, с. 286). Описывая отъезд Ирины на бал, автор посредством такой художественной детали, как *крылья*, указывает на то, что и сама героиня воспринимает бал как поворотный в своей судьбе («решительно, почти смело» глядит не на жениха, а куда-то вдаль, прямо перед собою, не оборачивает головы, и тонкие ленты за плечами под-

нимаются, «словно крылья»). Ради успеха и благополучия Ирина приносит в жертву любовь Литвинова и уезжает в Петербург, где «имя княжны Осининой» окружено «блеском», отмечено «особенною печатью», произносится «с любопытством, с уважением, с завистью»; наконец, распространяется «весть о её замужестве» (13, с. 295).

Автор умалчивает, сколько «страшных, темных историй» переживает Ирина в Петербурге, через какие испытания проходит она. Соответственно, Тургенев буквально не следует за сюжетной канвой древнего мифа, определяющее значение в котором имеет процесс развития души и её становления. Тем не менее, в баденских главах ощутимо обращение писателя к архаической культурной традиции. В Баден-Бадене Ирина, подобно Психее, оставленной Амуром, предстаёт «нищей странницей»: «Я протягиваю к вам руку как нищая, поймите же это, наконец, как нищая...» (13, с. 321). Изображая героиню «нищей странницей», писатель, тем самым, сохраняет основную идею древнего мифа: Ирина, пожертвовавшая своим чувством, нарушившая «запрет», лишается главного – животворного источника жизни – любви. Недаром при встрече с Литвиновым во всём облике героини появляется что-то «неотразимо скорбное» и «молящее». Ирина не кривит душой, рассказывая Литвинову о том, что в Петербурге, в чуждой по духу среде, она обитает среди «мёртвых кукол» и переживает своеобразную «смерть» души. Казалось бы, то, как оценивает героиня высший свет и материальные ценности («успела за несколько лет понять, что же из себя представляет тот самый высший свет, тот самый достаток, к которому она так стремилась») и то, что заглядывает внутрь себя и анализирует собственные чувства («не была счастлива ни мгновения»), свидетельствуют о том, что она приходит к пониманию необходимости спасения своей души. Точно так же как для Психеи, угнетённой силами зла и открывающей благодаря любви истинную красоту объекта прежней своей страсти, для Ирины, которой «невыносимо, нестерпимо» душно в свете, Литвинов становится «источником в пустыне», единственно «живым человеком, после всех этих мертвых кукол» (13, с. 320). Показательно, что Ирина просит Литвинова лишь об одном, – чтобы дали «душу отвести», «только немножко участия, только чтобы не отталкивали <...> душу дали бы отвести» [Курсив наш – А.Б.] (13, с. 322). В сцене свидания героев в Лихтенбургской аллее наиболее отчётливо проступает проекция античного мифа о скитании женской души, одинокой, разочарованной, но хранящей воспоминания о счастливых днях и жаждущей вновь обрести их. Встретив Литвинова, Ирина хочет одного – вернуть любовь, вернуть своего Амура.

Помимо «души», в контексте образа главной героини «Дыма» есть ещё один образ, обращающий к архетипу Психеи. В сцене, когда Литвинов признаётся Ирине в любви, появляется образ *бабочки*: «Всё смолкло в комнате; залетевшая бабочка трепетала крыльями и билась между занавесом и окном <...> бабочка по-прежнему билась и трепетала» (13, с. 344). Очевидно,

что *бабочка* символизирует *душу* героини, обретшую утерянную любовь, и одновременно выступает символом возможного «воскрешения», а последнее, согласно К.-Г. Юнгу, означает проявление архетипа «возрождения». В героине Тургенева под влиянием любви, действительно, происходит то, что швейцарский психолог называл «элементом изменения, трансформации или трансмутации бытия». Любовь пробуждает душу Ирины, которой кажется, что она готова пожертвовать всем ради своего чувства. В записке Литвинову Ирина пишет: «... я всё брошу и пойду за тобой на край земли...» (13, с. 351). Между тем, как считает К.-Г. Юнг, изменение может быть «существенным» только в том смысле, если воскрешенное существо становится иным, и может быть «несущественным», если «изменяются только общие условия его существования, т.е. когда человек оказывается в другом месте или в иначе устроенном теле» (15, с. 250-280). В героине «Дыма» под воздействием любви не совершается изменения всего её существа. Недаром в тексте возникает образ не бабочки «в полёте», символизирующий сущностное обновление души и обращающий к архетипу возрождения, а бьющейся и трепещущей бабочки, которая пытается вырваться из закрытого пространства, но не может этого сделать. Так и душа Ирины, которой тесно в мире «мёртвых», которая жаждет освобождения, не готова покинуть ненавистного общества: «Оставить этот свет я не в силах...» (13, с. 390). Благодаря символическому образу – *бьющейся и трепещущей бабочки* – автор, по сути дела, предопределяет исход истории любви героини, которая мечется между чувством к Литвинову и аристократическим миром и, в конце концов, остаётся с мужем-генералом, в «душной» атмосфере светской среды. Следовательно, уподобление героини *бабочке* имеет в тексте двойную семантику. С одной стороны, образ *бабочки* обращает к мифу о Психее, с другой – символизирует соединение в личности Ирины двух начал: устремлённость вверх, к небу, и движение вниз, в царство «мёртвых». В Ирине есть порыв, потребность преодолеть «земное», о чем свидетельствует постоянно сопровождающий её образ *крыльев*. Он сохраняет в тургеневском тексте традиционные коннотации. И в Москве, и особенно в Баден-Бадене Ирина взлетает на крыльях любви, воспаряет над обыденной жизнью. Между тем мотив полёта в сюжете героини «Дыма» оказывается мотивом бескрылого полёта. Отсюда образ оскверненных «грязью» «белых крыльев» («*грязью осквернены твои белые крылья...*»). Сочетание «*белых крыльев*» и «*грязи*» символично. В Ирине борются два начала – «высокое» (поиск любви, устремлённость к миру возвышенного) и «низкое» (обращённость к миру тёмного, связанного со смертью и мраком).

Весьма значимыми для понимания психотипа героини являются два образа – *гелиотропа* и *светильника*. Если в московских главах букет из *гелиотропов* выступает метафорой любовного чувства Литвинова, то в баденских уже образ Ирины уподоблен *гелиотропам* («...принесла дама, которая <...> сказала, что он [Литвинов – А.Б.] <...> по самым этим цветам не-

пременно должен догадаться, кто она такая»). В тургеневском тексте ощутимо присутствие аллюзивного момента греческого мифа о цветке *гелиотропа*. По преданию, снедаемая любовью нимфа Клития превращается в *гелиотроп*, чтобы всегда следовать за предметом своей безответной страсти – богом солнца Гелиосом. Отсюда последующее толкование *гелиотропа* как символа преданности и верности. Данный символический смысл присутствует и в «Дыме». Но *гелиотроп* выполняет в романе ещё одну важную текстовую функцию. Известно, что данный цветок является символом власти римских и азиатских императоров. В свою очередь, в сюжете тургеневской героини, которая царствует и поработывает Литвинова, заставляет его принести в жертву собственную судьбу и судьбу невесты, основополагающим мотивом является мотив «любви-власти». Симптоматично, что для Литвинова всё заветное и мучительное, отрадное и тягостное, что связано с Ириной, сосредоточивается именно в цветках *гелиотропов*, а коннотация её власти заостряется с помощью их «неотступного, неотвязного, сладкого, тяжелого запаха» (13, с. 178). Соответственно, *гелиотроп* у Тургенева – это не только цветок преданности и страсти, но и власти Ирины, стремящейся к самоутверждению и распоряжающейся судьбами других людей по своему желанию. Не случайно любовь Ирины, в которой чрезвычайно сильна потребность власти и обладания, становится разрушительной для Литвинова.

Не менее важен в сюжете главной героини «Дыма» образ *светильника*. Он прямо отсылает к древнему мифу о Психее: мифологическая героиня совершает роковую ошибку, когда, нарушив запрет, рассматривает спящего Амура с подсвечником в руках. Воск свечи падает на обнажённое тело Амура, и он покидает Психею. В мифе образ *светильника* амбивалентен: с одной стороны, он символизирует способность женщины увидеть реальную суть происходящего, с другой – выступает символом искушения судьбы. В то время как *огонь* *светильника* символически указывает на безрассудность страсти, а *ожог* от капли масла выступает стигматом греха. В «Дыме» в сцене разговора с мужем, генералом Ратмировым, Ирина предстаёт с *подсвечником* в руках: «Ирина подняла руку, в которой держала подсвечник, – пламя пришлось в уровень с лицом ее мужа, – и, внимательно, почти с любопытством посмотрев ему в глаза, внезапно захохотала» (13, с. 340-341). Точно так же, как в мифе, в тургеневском тексте *подсвечник* символизирует, с одной стороны, понимание героиней реальной сущности своего «изящного» мужа, высшего света и той роскоши, к которой она так стремилась; с другой – искушение Ириной собственной судьбы. *Подсвечник* и *пламя* приобретают в тургеневском тексте и дополнительные смыслы. Как и в мифе о Психее, в романе Тургенева замужество героини означает «смерть». Но если в архетипическом смысле мужчина – всегда «смерть» для женщины, то в «Дыме» брак Ирины влечёт за собой не просто метафорическую «смерть», но и действительное умирание души героини. Хохоцущая Ирина с *подсвечником* в руках не скрывает своего пре-

зрения к мужу и готова пренебречь священными узами брака. Отсюда её желание «сжечь всё как в огне» (13, с. 390). Маркерами безрассудности страсти героини, адюльтера как раз и выступают образы *пламени* и *огня*.

Любовь Ирины и Литвинова менее духовна, чем у других героев тургеневских романов: в ней больше мятежной чувственности, плотского начала и страдания. Красота Ирины при отсутствии нравственных запретов делает её «роковой женщиной», любовь которой становится для Литвинова «наваждением». Конечно, образ тургеневского героя лишь отчасти соотносится с мифологическим Амуром. Согласно мифу, Афродита, досадуя на смертную красавицу Психею, решает сурово наказать её и, призвав своего сына – бога любви Амура, требует сделать так, чтобы Психея влюбилась в самого ничтожного из людей и всю жизнь была бы с ним несчастна. Полетев выполнять приказание матери и увидев Психею, Амур поражается её красотой и решает, что красавица должна стать его женою. На архетипическом уровне Амур символизирует мужское начало, бесильное перед красотой женщины. В «Дыме» одной из центральных тем является тема «рабства» мужчины перед женской красотой. Встретив в Баден-Бадане Ирину, Литвинов очарован её женственностью и обаянием: «Литвинов самому себе не смел или не мог еще признаться, до какой степени Ирина ему казалась красивой и как сильно она возбуждала его чувство» (13, с. 318). Как и в мифе, в романе Тургенева одним из центральных мотивов является мотив зависимости мужчины от женщины. В чарующей красоте, женской прелесть Ирины сокрыты «опасная» сила и власть женщины, и по мере того, как в Литвинове растёт подчинение красоте и женской силе, в нём заглушается нравственное начало. Примечательны слова Литвинова, сказанные невесте: «Да, Таня, я погиб. Все прежнее, все дорогое, все, чем я доселе жил, – погибло для меня; все разрушено, все порвано, и я не знаю, что меня ожидает впереди... другое, страшное, неотразимое чувство налетело, нахлынуло на меня» (13, с. 372).

Согласно автору, «людям положительным, вроде Литвинова», «не следовало бы увлекаться страстью; она нарушает самый смысл их жизни». Но, по словам автора, «природа не справляется с логикой, с нашей человеческою логикой; у ней есть своя, которую мы не понимаем и не признаем до тех пор, пока она нас, как колесом, не переедет» (13, с. 373). Оказавшись во власти «влеченья неведомой силы», Литвинов «бросается очертя голову в омут, куда и заглядывать не следовало» (13, с. 362). В изображении любви-страсти Тургенев следует русской духовной традиции, согласно которой, «секс, чувственная страсть» не есть «дар божий, благо, ровное тепло». Это, по утверждению Г.Д. Гачева, «событие; не будни, но как раз стихийное бедствие, пожар, землетрясение, эпидемия, после которого жить больше нельзя, а остается лишь омут, обрыв, откос, овраг» (4, с. 25). В «Дыме» с помощью таких образов, как «омут», «вихрь», «ветер», «внезапные, бешеные порывы», «лихорадка» и др., автор не только передаёт напряженность и стихийность чувств Литвинова, но и указывает на

двойственность самой страсти, её устрашающую красоту и могущество; наконец, вводит историю любви романтических героев в контекст философской проблематики – отсутствия в жизни человека гармонической упорядоченности, его зависимости от неподвластных природных стихий и непредсказуемости судьбы.

Вместе с тем в «Дыме» показана не только разрушительная сила «опасной» любви-страсти, но и её своеобразная красота. Порывистые, страстные отношения Ирины и Литвинова даны Тургеневым на фоне призрачных человеческих чувств, «всеобщей газообразности», и не удивительно, что любовь становится для героев романа тем единственным «живым» чувством («Да, любовь твоя для меня заменила все, все!»), которая спасает их души от духоты окружающей действительности, т.е. становится неким мифологическим раем. Заметим, что один из основных мотивов в мифе о Психее, которая обретает райское блаженство наедине с Амуром, является мотив наслаждения. В свою очередь, в «Дыме» греховная любовь героев, двойственность их отношений порождает не только внутренние терзания и конфликты (Литвинов), но и «жар неги», жгуче-сладостные чувства. И Ирина, и даже Литвинов, несмотря на чувство вины перед невестой, оказываются в «раю Эроса»: «Любовь, любовь Ирины – вот что стало теперь его правдой, его законом, его совестью» (13, с. 354). Но в любом «раю», как известно, обязательно обитает *змея*. В мифе о Психее *змея* появляется в обличье двух старших сестёр. В романе Тургенева «*змеёю*» выступает сама любовь-страсть и отчасти Ирина как её воплощение: «И снова при одном этом имени что-то жгучее мгновенно, с сладостной болью, обвилось и замерло вокруг его сердца» (13, с. 389). Здесь по ассоциации возникает образ, напоминающий *змею*, пригретую на груди, обвивающую сердце Литвинова и поглощающую его (кстати, в мифе *змея* назван Амур). Помимо ассоциативного образа *змеи*, которая в европейской традиции олицетворяет зло, искушение, грех, половую страсть и обращает к теме греха, в тургеневском тексте нередко возникает такой змеиный знак, как «*яд*»: «тонким *ядом* разлились по его жилам знойные воспоминания»; «не отделаешься ты от этого *яда* до конца»; «*яд* слишком глубоко проник в меня», «даешь пить из золотой чаши <...> но *яд* в твоём питье». Все эти образы символизируют в романе ту грозную, разрушительную силу, которая таится в красоте женщины и её страстной любви, отравляющей и опустошающей душу. Симптоматично, что в романе Тургенева не мужчина, а женщина умоляет остаться в «раю» страстных наслаждений, а он, испытывая «небывалое ощущение, сильное, сладкое – и недоброе», в конце концов, осознаёт, что находится в «объятиях змея ядовитого» и не соглашается «на жалкую роль тайного любовника» (13, с. 376).

В истории любви Ирины и Литвинова просматриваются многие мифологические черты: «смертоносный» брак, роковой поступок и – имплицитно – испытание. В мифе испытаниями для Психеи становятся четыре задания Афродиты, имеющие символическое значение. В романе Тургенева Ирине-Психее тоже ведомы посвященные испытания. Ирина многим рискует ради любов-

ной связи с Литвиновым и на некоторое время забывает о предрассудках света и превыше всего ставит Любовь (т.е. происходит своего рода сортировка зёрен). Правда, Ирина, добившись любви и власти над Литвиновым (добыть золотое руно), не одерживает победы. Героине недостаёт ни мудрости, чтобы определить свою будущность как прочный душевно-духовный союз с Литвиновым (наполнить хрустальный флакон), ни силы воли сказать «нет» светским ценностям и комфорту и выполнить то, что собиралась сделать, – покинуть свет и остаться с любимым (спуститься в подземный мир – подсознание – и добыть ларец с чудесными снадобьями Прозерпины), и потому остаётся в царстве «мёртвых». В отличие от мифологической истории, история любви тургеневской героини не имеет счастливой развязки. Между тем в сцене последнего свидания Ирины и Литвинова на баденском вокзале (точно так же, как в сцене их первой встречи в Лихтенталевской аллее) вновь проступают черты древнего мифа. Подобно Психее, нарушившей обещание, данное Амуру, Ирина нарушает обещание, данное Литвинову. В мифе Амур из-за того, что Психея ослушивается возлюбленного, бросает её со словами: «Я мог бы сурово покарать тебя, но накажу лишь разлукою со мной». Покинутая, Психея падает на землю и лежит, убитая горем, в полном одиночестве (1, с. 112-302). Ирина, которая в Баден-Бадене второй раз предаёт Литвинова, стоит на платформе и смотрит на него «померкшими глазами»: «"Вернись, вернись, я пришла за тобой", – говорят эти глаза. И чего, чего не сулят они! Она не движется <...> всё в ней <...> как бы просит пощады... <...> поезд двинулся <...> Ирина подошла, шатаясь, к скамейке и упала на нее (13, с. 396). Несомненно сходство мифологической и литературной ситуаций. О том, что Ирина понимает бессмысленность собственного существования без любви, хочет быть спасённой ею, «говорят» просящие пощады глаза. В тургеневском тексте можно обнаружить целый ряд точек пересечений с мифом – мотивы поиска любви, обмана, но не со стороны мужчины, а со стороны женщины; страдания, причём, не только женщины, но и мужчины, – который не мог не привлекать писателя своим вневременным общечеловеческим содержанием. В то же время в сюжете романного героя есть существенные отличия от мифа. Ирина, например, не просто предаёт страстно ожидаемую ею любовь, но и сомневается в самой возможности для мужчины «жить одною любовью» (13, с. 386), больше того – ограничивает её чувственным упоением («располагай мною <...> безответно и безотчетно»), которое не несёт с собою ни возрождения, ни спасения, «не сулит» Литвинову ни преданности, ни готовности разделить его участь. Не удивительно, что герои романа расстаются навсегда: одному из них на смену «наслаждению» приходит осознание лжи, обмана, пошлости (Литвинов), другому – собственной зависимости от внешней среды, приоритета естественных склонностей и потому невозможности искупления (Ирина).

Очевидно, что в «Дыме» архаическая традиция существенно трансформируется авторским сознанием,

наполняется новым содержанием. В сюжете Ирины проступают только отдельные ипостаси Психеи – воплощённая Красота, Странница, одинокая Душа, Любовница. Героиня романа не выдерживает главного испытания – испытание любовью, ибо ничем не жертвует ради своего чувства. Отсюда разочарование, отчуждение, одиночество Ирины, которая в финале романа названа «заблудшей душой». Судьба героини драматична: в эпилоге автор сообщает, что она «все так же прелестна», но её «озлобленного ума» боятся и молодые люди, «и взрослые, и высокопоставленные лица, и даже особы». Что происходит в душе «озлобленной» и высокомерной Ирины, по словам автора, «трудно сказать», но «в толпе ее обожателей молва ни за кем не признает названия избранника» (13, с. 407). Получается, что в отличие от мифологической Психеи, спускающейся в царство мёртвых и возносящейся в Элизий, Ирина – это не воскрешающаяся, а «умирающая» героиня.

Тургеневский текст любопытен тем, что сюжет Ирины и Литвинова, в котором присутствуют такие составляющие мифологического сюжета, как встреча – разлука – поиск – испытание – обретение – наказание, соотносится с первой его частью, представляющей собою аллгорию о союзе в свободной любви души и тела и их последующим разделении. В мифе это не финал истории: затем следует рассказ о страданиях Психеи, поиске потерянного мужа, преодолении препятствий, но это тоже – всего лишь перипетии на пути мифологических героев к блаженству и радости. Что касается «Дыма», то со второй частью мифа, являющейся аллгорией поиска любви и души друг другом и обретении ими после ряда испытаний нерушимого союза, соотносится сюжет Татьяны и Литвинова.

Выходит, что в романе Тургенева присутствуют сразу две Психеи, каждая из которых реализуют разные грани «вечного образа». Типичная схема мифа о Психее, возвращающей мир из состояния Хаоса в изначальный Космос, реализуется в тургеневском тексте разными женскими персонажами. Если образ Ирины соотносится с чертами Психеи первой частью мифа (красота, чувственная страсть, наслаждение, потеря любви, одиночество), то образ Татьяны Шестовой – с чертами Психеи его второй части (потеря любви, поиск её, страдания, обретение любви, брачный союз). Что касается мужского персонажа, то на эмпирическом уровне Литвинов, как и мифический Амур, предстаёт одновременно слабым и сильным существом. Основопологающей темой в «Дыме» является тема рабства мужчины, его зависимости от красоты и любви женщины (Литвинов и Ирина). Вместе с тем в финале романа собственным внутренним опытом герой открывает для себя истинное отношение между красотой и добром, любовью и душою и происходит узнавание «души душою» (Литвинов и Татьяна).

Надо отметить, что три центральных персонажа «Дыма» каждый по-своему переживают символическую «смерть». Но если в Ирине не происходит перерождения души, и она последовательно движется к «смерти» («заблудшая душа»), то души Татьяны и Литвинова, прой-

дя через ряд испытаний, преображаются. Отвергнутая женихом, потерявшая любовь, Татьяна стойко переносит удары судьбы. О том, что тургеневская героиня не только способна справляться с трудностями, но и обладает той женской хранительной силой для созидания, которую обретает мифологическая Психея благодаря четырём заданиям Афродиты, свидетельствуют две сцены романа. В одной из них, когда Литвинов сообщает невесте о своей измене, она превращается из живого человека в статую-повелительницу, статую-судью (мнимая смерть) (13, с. 298). В финальной сцене, когда после трёх лет разлуки Литвинов приезжает к Татьяне, он наблюдает иное – преображение статуи в живого человека. Преисполненная любви Татьяна не осуждает жениха, а, проявляя доброту и великодушие, прощает его: «Перед ним, вся застывшая, стояла Татьяна. Она взглянула на него своими добрыми, ласковыми глазами <...> и подала ему руку. Но он не взял руки, он упал перед ней на колени <...> Слезы выступили у ней на глазах, испугалась она, её лицо расцвело радостью...» (13, с. 324). Вряд ли случайно отношения Татьяны и Литвинова заканчиваются у Тургенева радостью («Как дитя, обрадовался Литвинов...»; «лицо расцветало радостью»). Возможно, тем самым автор латентно намекает на финал древнего мифа и дальнейшую судьбу своих героев – брак, супружество, материнство.

Как видно, у Тургенева не только красавица Ирина, но и «некрасивая» Татьяна связана с «вечным» образом. При этом две Психеи, действующие в варианте, эксплицируемом писателем, реализуют разные его грани и ипостаси: Ирина – это Красота и Любовница, Татьяна – Жена и Мать. Символично, что в конце романа автор всё, что связано с Ириной, уподобляет «ночи», а всё, что связано с Татьяной, – «дню». Следовательно, Ирину можно назвать «ночной» Психеей, а Татьяну – «дневной» Психеей. Любовь-страсть Ирины, «неизбежная, неотразимая», как закон природы, доставляет «наслаждение», но не спасает, а ввергает в хаос чувств и становится своеобразной пыткой, мучительный, болезненный, вплоть до излома души («растерзанная душа»), заволакивает «дымом» будущность Литвинова. Напротив, любовь Татьяны возвращает герою изначальный Космос: «И легко ему стало вдруг и светло... Так точно, когда солнце встает и разгоняет темноту ночи, легкий ветерок бежит вместе с солнечными лучами по лицу воскреснувшей земли» (13, с. 401). Важно и существенно, что у Тургенева две героини, на архетипическом уровне романа связанные с образом Психеи и персонифицирующие женскую душу, выступают носительницами разных видов любви. В отличие от Ирины, находящейся во власти чувственно-страстного Эроса, Татьяна, как и положено «русской душою» героине, преисполнена душевно-духовного Эроса («тесный союз двух отдавшихся друг другу душ»).

С полным правом можно утверждать, что в образе тургеневской Татьяны, в истории её любви отражаются не столько черты мифологической Психеи, сколько черты героини её русской ипостаси. Ещё И. Эйгес обращает внимание на то, что «Татьяна Тургенева по

своей внутренней сущности ближе к цельной натуре Татьяны Лариной, чем Ирина», т.к. «любит Литвинова глубокой и преданной любовью» (14, с. 71). Уже имя невесты Литвинова – *Татьяна* – приобретает в тексте знаковое значение: оно не только отсылает к пушкинской Татьяне, но и указывает на некую эталонную совокупность её черт и качеств (см.: 3, с. 285-292). Кроме того, две ситуации, когда Татьяна отвергнута Литвиновым и когда он, приобретя мучительный опыт истинной любви, преклоняет колено перед любимой женщиной, обращают к «Евгению Онегину». Но, главное, в тургеневской Татьяне доминируют три уникальных качества пушкинской Татьяны – любовь, нравственная стойкость и нравственное благородство. Впрочем, если в романе в стихах над судьбами героев довлеет неосуществлённая любовь, то в «Дыме» автор пытается реализовать «возможный» пушкинский сюжет – счастливое завершение истории любви («А счастье было так возможно, / Так близко!») и дальнейшего её развитие – «верная супруга / И добродетельная мать». Недаром в конце романа Тургенева возникают два образа «дыма»: дым, сопровождающий Ирину, с её «заблудшей душой» и «озлобленным умом», и дым семейного очага, устроительницей и учредительницей которого должна стать Татьяна. Данное начало в структуре личности героини усиливает её фамилия – *Шестова*, происхождение которой имеет несколько объяснений, но большинство учёных считает, что основу её составляет числительное шесть («шестой ребенок в семье»), а ключевые символические значения числа «6» – «союз», «гармония», «равновесие», «счастье». Таким образом, хотя в тургеневской Татьяне воплощены черты русской ипостаси мифологической Психеи, но то, что роман заканчивается примирением героев и содержит намёк на их дальнейший «союз» и «счастье», обращает к основной идее древнего мифа о единении Души и Любви и основной его мысли о рождении настоящей любви только тогда, когда душа начинает трудиться.

Итак, в «Дыме» Тургенев, исследуя сложную и непредсказуемую природу любви, трансформирует некоторые мотивы, образы архаического мифа об Амуре и Психее. Транспонируя в современную историю мифологические смыслы, писатель тем самым универсализирует конкретные ситуации и возводит их к общечеловеческим коллизиям. К древнему мифу в тургеневском тексте обращают символические образы *души, бабочки, крыльев, подсвечника*, мотивы поиска любви через страдание и восстановления через любовь утраченного чувства гармонии бытия и, конечно, изначальный архетип души женщины. В романе предложены два варианта женского начала: амбивалентное (Ирина) – идеально-женственное (Татьяна) и два пути развития женской души: «*заблудшая душа*» (Ирина) – «*ангельская душа*», «*чистая душа*», «*свободная душа*» (Татьяна). Что касается истории мифологических персонажей, то она присутствует в «Дыме» как скрытый подтекст, причём, писатель актуализирует лишь отдельные стороны древнего сюжета и представляет в романе его художественно свободную реконструкцию.

Библиографический список

1. Апулей. Метаморфозы, или Золотой осел // Апулей. «Метаморфозы» и др. соч. М.: Художественная литература, 1988. С.112-302.
2. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
3. Бельская А.А. «Дым» И.С. Тургенева: личные имена собственные в контексте романа и пушкинская антропонимика // Вестник Брянского государственного университета. №2 (2011): История. Литературоведение. Право. Языкознание. Брянск: БИО БГУ, 2011. № 2. С. 285-292.
4. Гачев Г. Русский Эрос. «Роман» Мысли с Жизнью. М.: Интерпринт, 1994. 297 с.
5. Джонсон Р. Она. Глубинные аспекты женской психологии. М.: Смысл, 2005. - 358 с.
6. Иванов Вяч. Достоевский. Трагедия – миф – мистика // Иванов Вяч. Собр. соч.: В 4-х т. Т. 4. Брюссель, 1987. С. 483-590.
7. Лосев А.Ф. Психея // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. Т. II. – М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 344–345.
8. Незеленов А.И. История русской словесности: В 2 ч. Ч. 2. С древнейших времен до Карамзина. Изд. 21-е. М.: Думнов, Ключков, Луковников и Ко., 1912. 240 с.
9. Осмоловский О.Н. Принципы символического образования в романе Тургенева «Дым» // Творчество И.С. Тургенева: Сб. науч. трудов. Курск: КГПИ, 1984. С. 122–136.
10. Песков А.М. «Дым» И.С. Тургенева и «Евгений Онегин» А.С. Пушкина // Литературная учеба. М., 1983. №4. С. 184-189.
11. Стрельникова И.П. «Метаморфозы» Апулея // Античный роман. Сб. статей. М.: Наука, 1969. С. 332-364.
12. Топоров В.Н. Две заметки из области русской литературы (Тургенев, Толстой) // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур. - М.: РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, 1996. С. 33–53.
13. Тургенев И.С. Дым // Тургенев И.С. Полн. собр. соч.: В 30-и тт. С. Т.VII. М.: Наука, 1981. С.247-407.
14. Эйгес И. Значение Пушкина для творчества Тургенева // Литературная учеба. 1940. № 12. С. 55-76.
15. Юнг К.Г. О Возрождении // Юнг К.Г. Душа и миф: Шесть архетипов. Киев: Post-Royal, 1996. С. 250-280.
16. Casari Rosanna. Turgenev and the Myth of Psiche // Literary Tradition and Practice in Russian Culture. Amsterdam, 1993. . Pp . 305–311.

References

1. Apuleius. The Golden Ass or Metamorphoses // Apuleius «Metamorphoses» et al. – Moscow: Hudozhestvennaya literature, 1988. – Pp. 112-302.
 2. Bakhtin M.M. Questions of literature and aesthetics. – Moscow: Hudozhestvennaya literature, 1975. – 504 p.
 3. Belskaya A.A. «Smoke» by I.S. Turgenev: Personal names in the context and Pushkin antroponyms // The Bryansk State University Herald. №2 (2011): History / Science of Literature Law / Linguistics. – Bryansk, 2011. – Pp. 285-292.
 4. Gachev G. Russian Eros. «Roman» Thoughts with Life. – Moscow: Interprint, 1994. – 297 p.
 5. Johnson R. She: Understanding Feminine Psychology. – Moscow: Smysl, 2005. - 358 p.
 6. Ivanov Viacheslav. Dostoyevsky. Tragedy – Myth – Mysticism // Ivanov Viacheslav collected edition V.4. – Brussels, 1987. – Pp. 483-590.
 7. Losev A. F. Psyche // Myths of the World: An Encyclopedia: In 2 Vols second ed. Volume 2. – Moscow: Soviet Encyclopedia, 1988. – Pp. 344–345.
 8. Nezelenov A.I. History of Russian Literature: In 2 parts, Part 2. From ancient times to Karamzin. Ed. 21th. - M.: Dumnov Klotchkov, Lukovnikov and co., 1912. – 240 p.
 9. Osmolovskiy O.N. The principles of the symbol creation in Turgenev's novel «Smoke» // Turgenev's works: Scientific collection works. – Kursk: KGPI, 1984. – p. 122-136.
 10. Pescov A.M. «Smoke» by I.S. Turgenev and «Eugene Onegin» by A.S. Pushkin // Literary Studies. – Moscow, 1983. №4. – p. 184-189.
 11. Strelnikova I.P. «Metamorphoses» by Apuleius // Antique novel. Collection of articles. - Moscow: Nauka, 1969. – p. 332-364.
 12. Toporov V.N. Two notes of Russian literature (Turgenev, Tolstoy) // Poetics. Stylistics. Language and culture. In memory of T.G. Vinokur. - Moscow: Russian Academy of Sciences, 1996. – p. 33-53.
 13. Turgenev I.S. Smoke // Turgenev I.S. The complete collection of works and letters in 30 volumes. Vol.VII. – Moscow: Nauka, 1981. Pp. 247-407.
 14. Eiges I. Pushkin value for the Turgenev's creativity // Literary Studies. 1940. № 12. - p. 55-76.
 15. Jung C.G. The revival // Jung C.G. Soul and myth. Six archetypes. - Kiev: Post-Royal, 1996. - p. 250-280.
 16. Casari Rosanna. Turgenev and the Myth of Psiche // Literary Tradition and Practice in Russian Culture. – Amsterdam, 1993. Pp . 305–311.
-

УДК 821.161.1

UDC 821.161.1

О.Е. ДЕНИСОВА

соискатель кафедры русской литературы XX-XXI вв. и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета
E-mail: d.olga@mail.ru

O.E. DENISOVA

competitor of department of the Russian literature of the XX-XXI centuries and history of foreign literature, Orel state university
E-mail: d.olga@mail.ru

ДИСКУРСИВНОЕ ПРОЧТЕНИЕ ЛИРИЧЕСКОГО ТЕКСТА (Ю.Б. СОФИЕВ «ВСЕ ПО-ПРЕЖНЕМУ...»)

THE DISCOURSE READING OF THE LYRICAL TEXT (YU.B. SOFIYEV «ALL STILL ...»)

Поэтический дискурс в настоящее время рассматривается как специфическая область художественного сознания, которое наиболее ярко проявляется в поэзии, в частности, в творчестве поэтов-эмигрантов. Одним из авторов, творчество которого наиболее полно позволяет исследовать практика дискурсивного анализа, является Ю.Б. Софиев – поэт первой волны русской эмиграции. Одно из самых ярких его стихотворений «Все по-прежнему» позволяет раскрыть специфику русского поэтического сознания.

Ключевые слова: поэтический дискурс, дискурсивный анализ, русское поэтическое сознание, «Парижская нота», классические традиции русской поэзии.

The poetic discourse is considered now as specific area of art consciousness which is most brightly shown in poetry, in particular, in creativity of poets-emigrants. One of the authors, which creativity practice of the discourse analysis most fully allows to investigate, is Yu.B. Sofiyev – the poet of the first wave of the Russian emigrations. One of the brightest its poems «All Still...» allows to open specifics of the Russian poetic consciousness.

Keywords: poetic discourse, discourse analysis, Russian poetic consciousness, Parisian note, classical traditions of the Russian poetry.

В лингвистике и литературоведении поэтическое творчество рассматривается сегодня как самостоятельный тип языкового дискурса, который обладает особыми свойствами: «С позиций дискурсивного осмысления поэзия представляет собой общение особого рода, насыщенное глубинными эмоциональными переживаниями и выражаемое в эстетически маркированных языковых знаках»[5].

В любой национальной культуре поэтический дискурс характеризуется обязательным набором художественных средств, отражающих, по мнению В.В. Красных, «фрейм-структуры сознания»[9]. При этом, как отмечают исследователи: «Все составляющие доминанты русского поэтического дискурса образуют вместе с лексико-синтаксическим строем особую знаковую систему, использование каких-либо элементов которой сигнализирует о специфической ориентации текста на осложнение «семантической тесноты стихового ряда» классическими культурными ассоциациями»[7].

С позиций семиотики, поэтический дискурс есть «диалектическое взаимодействие составляющих «автор – текст» и «читатель – текст», в котором текст является звеном, соединяющим эстетическую деятельность продуцента и реципиента в гетерогенное целое поэтического дискурса»[10]. По мнению Т. Ван Дейка, «дискурс, нарушая интуитивные или лингвистические подходы к его определению, не ограничивается рамками конкретного языкового высказывания, то есть рамками текста или самого диалога»[3].

Таким образом, можно говорить о том, что поэтический дискурс является специфической областью художественного сознания, которая «отмечена и новой эстетикой творчества, и теми знаниями и представлениями, которые каждый художник слова приобретает в процессе «вращения в цивилизацию»»[6]. И в этом отношении позволительно говорить о русском поэтическом дискурсе, имеющем институциональный и персональный статус, наиболее ярко, по нашему мнению, выражающиеся в творчестве поэтов-эмигрантов, лишенных непосредственной связи с метрополией, но унесших с собой на чужбину сам «дух национальной поэзии», квинтэссенцию поэтической мысли.

Одним из авторов, к творчеству которого в полной мере применима практика дискурсивного анализа, является Юрий Борисович Софиев – поэт и активный деятель первой волны русской эмиграции, непреходящий участник едва ли не всех заметных общественных и поэтических объединений, которые возникли в русском зарубежье в 30-е годы XX века. Он был членом самых разнообразных объединений: «Демократического республиканского общества», «Союза советских патриотов», «Союза молодых поэтов и писателей в Париже», «Кочевья», «Союза русских писателей и журналистов во Франции», «Парижской ноты» и «Перекрестка», состоял в литературном обществе «Зеленая лампа». Его творения были широко представлены в эмигрантской периодике, в поэтических сборниках и литературных изданиях русской эмиграции – «Числа», «Современные

записки», «Круг», «Якорь» и др.

Пожалуй, одним из самых выразительных произведений Ю.Б. Софиева 30-х годов считается стихотворение «Все по-прежнему...», которое было опубликовано только в 2003 году. Оно является своеобразным поэтическим манифестом, завещанием автора. И именно на этом основании его уже можно отнести к разряду философской лирики, для которой характерны широкие обобщения, поиски точных, емких формулировок, образы, включающие глубокое осмысления окружающего мира и место человека в нем:

Все по-прежнему:
Ветер весенний с полей,
И подснежник сквозь слой прошлогодней листвы,
Или ветер соленый у южных морей,
Или запах высокой июньской травы.

Все по-прежнему:
Поздний осенний закат,
Или в небе тугие плывут облака,
Или мир отражений уносит река,
Или чья-то пронзительной грусти строка...

Все по-прежнему:
В небе летят журавли,
И идет человек.
И возносит мечту,
Ту, что бережно мы чрез века пронесли:
Верность, дружбу, любовь, доброту, чистоту.

Все по-прежнему:
Звездного неба восторг
И такой же горячий взволнованный спор,
О беде и о счастье людской разговор,
И таежная ночь над рекой у огня.
Все по-прежнему!
Только не будет меня!

Лейтмотив этого стихотворения – «Все по-прежнему...», восходящий к известной библейской формуле «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» [Еккл. 1:9]), напрямую связывается с книгой Екклесиаста, в которой говорится о ценности земных благ и смысле человеческого бытия. Через описание многочисленных примет универсального времени-пространства лирический герой утверждает мысль о том, что жизнь любого человека брэнна, дни его когда-нибудь закончатся, и мир не досчитается еще одной человеческой бесконечности. Но неизменяемости и статичности бытия он противопоставляет индивидуалистическую идею о том, что смерть любого человека изменяет этот мир: несущественная во вселенском масштабе, эта потеря особенно ощутима, если речь идет о творце, человеке, обладающем творческим сознанием. Мысль эта была реализована еще Л.Н. Толстым в знаменитом внутреннем монологе Андрея Болконского, лежащего на Аустерлицком поле: «Как тихо, спокойно и торжественно, совсем не так, как я бежал, – подумал князь Андрей, – не так, как мы бежали, кричали и дрались; совсем не

так, как с озлобленными и испуганными лицами тащили друг у друга банник француз и артиллерист, – совсем не так ползут облака по этому высокому бесконечному небу»[12].

Несмотря на глубинную философию существования, обнажаемую поэтом, текст довольно лаконичен: автор использовал минимум выразительных средств, короткие номинативные в своей основе однородные фразы, расширяющие концептуальное словосочетание «все по-прежнему». И в этом отношении можно говорить о прямом следовании библейской традиции, выраженной в прецедентной формуле того же Екклесиаста: «Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги своя» [Еккл. 1:6]

Современный исследователь поэзии «Парижской ноты» О.А. Коростелев подчеркивает, что «...основополагающим формообразующим принципом стихов, написанных поэтами «парижской ноты», является выразительный аскетизм»[8]. И в этом, без сомнения, чувствуется влияние акмеистической поэтики, проповедовавшей «мужественно твердый и ясный взгляд на мир»[2].

Один из основателей и лидеров поэтической группы «Парижская нота» Г.В. Адамович, в прошлом – один из руководителей «Цеха поэтов, утверждал аскетизм во всем: «...в выборе тем, размеров, в синтаксисе, в словаре. Если поэзию нельзя сделать из материала элементарного, из «да» и «нет», из «белого» и «черного», из «стола» и «стула», без каких-либо украшений, то Бог с ней, обойдемся без поэзии!»[1]. Автологический стиль, определяемый современной наукой как совпадение двух планов, «предметного и смыслового, явленного и подразумеваемого»[13], Г. Адамович считал «началом и концом всякого мастерства»[1] и приветствовал молодых поэтов, старавшихся писать, «отказываясь от всего, от чего отказаться можно, оставшись лишь с тем, без чего нельзя было бы дышать»[1]. И.И. Болычев, выделяя второй принцип философии поэзии «Парижской ноты» – «самоконтроль и внутренний аскетизм», отмечал: «Из аскетизма внутреннего естественно вытекает и аскетизм ремесленный – минимум выразительных средств. Но минимум только в том смысле, что «не более чем это необходимо для данного стихотворения»»[14]. Как отмечают исследователи творчества Софиева, «прежде всего, это был отказ от метафор, ярких образов, изощренной инструментовки, от стихов, в которых «настойчивая выразительность заменяет истинную человечность»»[15].

Следует отметить, что Ю.Б. Софиев буквально следовал провозглашенным Г. Адамовичем принципам. В этом плане обращает на себя внимание то обстоятельство, что структурообразующий прием перечисления в его тексте выражается в почти полном отсутствии глагольных форм в первой и последней строках. При этом в остальных частях стихотворения преобладают формы настоящего времени, вписанные в парадигму повторяющихся явлений и потому приобретающие универсальные характеристики: «плывут облака», «уносит

река», «летят журавли», «идет человек», «возносит мечту». Исключением в этом плане оказываются только два глагола: прошедшего времени совершенного вида («мы чрез века пронесли»), расширяющего описание «мечты» и предваряющего переход к особенным художественным объектам-символам («Верность, дружбу, любовь, доброту, чистоту»), а также – будущего времени, обозначающего слом в упомянутой выше библейской формуле («Только не будет меня!»).

Важным в структуре стихотворения оказывается семантическая вариативность использования сочинительных союзов «и» / «или». Маркируя собой почти половину графически выделенных строк и подстрочий, они в одно и то же время разделяют и соединяют стиховые ряды по принципу образования перечислительных конструкций, внутри которых действуют не вполне четко определяемые законы формальной логики: если в первой строфе эти союзы противопоставлены подчеркиванием смены плана изображения (И подснежник... / Или ветер ... / Или запах...), то во второй строфе полностью доминирующий союз «или» утрачивает семантику замещения, подменяя собой традиционный синонимический оператор тождества «и», который доминирует в двух последних строфах. Все это придает определенную динамику в целом однотипно выстроенным частям текста при минимуме используемых средств.

Художественный лаконизм присущ и образной структуре стихотворения. Так, образ ветра, встречающийся дважды в первой строфе, описан с помощью одиночных эпитетов – «весенний» и «соленый», что позволяет, используя обстоятельственные значения приданных им предикатов («с полей», «у южных морей»), развернуть описание контрастных художественных концептов (суша/море), не нарушая ритмико-метрическую основу стихотворения. Важно отметить в этом отношении, что автор создает образы весны и лета (июньская трава) через систему зрительных, тактильных и вкусовых определений, что подчеркивает ретроспективную вторичность его восприятия мира. Образы подснежника, ветра, моря, травы в большей степени оказываются символами, чем реализацией конкретно-чувственных ощущений.

Еще отчетливее эта особенность образной системы Софиева выражается в определении концепта «осень», которому посвящены 2-я и 3-я строфы. Здесь все оказывается подчиненным движению от обобщенных описаний природы (облака, река, журавли) к абстрагированным категориям памяти («мир отражений уносит река»), творчества («чья-то пронзительной грусти строка...») и идеала («возносит мечту»). В этой центральной части стихотворения преобладают инверсионные конструкции (сказуемое+подлежащее), при этом большая часть образов находится в актуализирующей их рифменной позиции, образуя во второй строфе мономимный блок (закат, облака, река, строка). Все это выделяет в вертикальном контексте специфически авторские образные определители, которые вызывают многочисленные культурные ассоциации. Так, образ «тугих» облаков, передающий напряжение и динамику движения, связывается с мандельштамовскими «тугими паруса-

ми», «мир отражений», который «уносит река», вызывает ассоциации с «Книгой отражений» И. Анненского, особо почитаемого авторами «Парижской ноты».

В 3-ей строфе вертикальный контекст усложняется за счет графического разделения строки 4-ст. анапеста на симметричные подстрочия («И идёт человек, / И возносит мечту...»), что вводит в область актуализированных значений никак не определяемый концепт «человек». Целостность ритмико-метрической структуры в этой части стихотворения по сравнению с предыдущими строфами нарушается и как бы подготавливает появление самой сложной в композиционном отношении последней строфы. Графически трансформируя эту строфу, автор изменяет единство композиции, когда выносимая в отдельное подстрочие эпистрофа («Все по-прежнему...»), за счет несимметричного членения стихового ряда создавая эффект дактилического окончания, оказывается не единственным, хотя и доминирующим, принципом графической акциденции. Вероятно, сделал это Софиев сознательно, тем самым усиливая смысловую нагрузку 4-ой строки («И возносит мечту»). Показывая отношение к мечте («бережно»), лирический герой расширяет ее универсальность за счет гиперболического хронотопа («чрез века пронесли») и пятичастного полисидентона («Верность, дружбу, любовь, доброту, чистоту»). Этот прием накопления, представляющий собой квинтэссенцию поэтических трюизмов, призван подчеркнуть, что для лирического героя главным становятся духовные ценности, вполне соответствующие декларируемой Г. Адамовичем просто и четко формулируемой «истинной человечности».

Пожалуй, наиболее выразительная 4-ая строфа стихотворения, состоящая из 5-ти метрических рядов (ааавв), разбитых на 7-мь подстрочий, дает представление о неравновесности общей композиции текста. При этом сама она обладает внутренней композиционной обустроенностью, отражающей общую динамику строфических трансформаций: эпистрофический повтор формулы «Все по-прежнему» становится внутривофической анафорой, замыкая собой художественное пространство и последней строфы, и в целом всего стихотворения. Доминирующие назывные конструкции в самом конце упираются в знаменательный в контексте всего стихотворения глагол существования с отрицательной семантикой («не будет»). Эпифорический повтор в сочетании с глубокой анафорой в 3-й и 5-й строках («И такой же... = «И таежная...») усиливается рифменной цепью (восторг-спор-разговор). В образном плане сохраняются все основные доминанты: небо, река, человек, разговор «о беде и о счастье» (своеобразный аналог мечты). Все эти образы, как бы описывающие тождественное прошлому будущее, подчеркиваются удвоенной эпистрофой, приобретающей в предпоследней строке новую интонацию («Все по-прежнему!»), что позволяет определять ее как тематическую доминанту произведения.

Таким образом, все стихотворение Софиева носит характер поэтической ретроспекции: при описании настоящего лирический герой заглядывает в прошлое и бу-

дущее. Традиционная парадигма русского поэтического сознания представлена здесь несколькими ипостасями: восхищением перед величием и неизменностью природы, соединенным с описанием внутреннего мира человека, упоминанием социальных (политических?) проблем, не явно выраженной сакральной тематикой. И все это имеет довольно четкую архитектурно-структурную структуру: в 4 строфах, варьирующих объем от 5 до 7 строк, разрабатываются разные, но тематические сходные линии. Именно потому хронотоп всего стихотворения имеет расширенные, ничем особенным не определяемые границы (от южных морей до таежной реки), что может обозначать универсальность лирического пространства. Тематическая разбивка по строфам служит для акцентирования внимания на определенном аспекте образной динамики, по-разному организованной на ритмическом уровне внутри каждого тематического блока. В этом отношении можно говорить, что каждая строфа обладает определенной автономностью и композиционной упорядоченностью, что роднит стихотворение в целом с жанром стансов («стихотворение,

построенное из отдельных вполне законченных в себе строф»[4]), от которого его отличает специфическая система рифмования в четных и нечетных строфах: если 1-я и 3-я строфы являются собой графически разбитые четверостишия, то 2-я и 4-я представляют собой структуры с усложненным рифменным дискурсом (монорим и графически разбитое 5-стишие, в которых встречаются примеры ослабления рифменного созвучия). В целом такой неравновесный тип поэтической композиции характерен для русской поэзии второй половины XIX века, когда для усиления коды стихотворения использовались структуры с нарушением монострофического принципа.

Таким образом, признавая, что текст стихотворения Ю.Б. Софиева в духе постулатов «Парижской ноты» отличается тяготением в классической традиции русской поэзии, все же нельзя не отметить во многом новационный характер использования этой традиции, вызывающий ассоциации с акмеистической установкой на «чувственную пластически-вещную ясность художественного образа и поэтического языка»[11].

Библиографический список

1. Адамович Г.В. Собр. соч. в 12 т. Т. 8. Комментарии. СПб.: Алетея, 2000. 757 с. С. 78, 105.
2. Гумилёв Н. Наследие символизма и акмеизм. Письма о русской поэзии. М.: Художественная литература, 1990. С. 410.
3. Дейк Т. А. Ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с. С. 122.
4. Дынник В. Стансы // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925. Т. 2. П–Я. Стб. 864.
5. Карасик В.И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009. 406 с. С. 326.
6. Ковалев П.А. Поэтический дискурс постмодернизма. Дисс. ... докт. филол. наук. Орел. 2010. 508 с. С.17.
7. Ковалев П.А. Постмодернистские течения в русской поэзии и специфика современного литературного процесса. Орел: Изд-во Орловск. ун-та, 2013. 210 с. С. 57.
8. Коростелев О.А. Поэзия Георгия Адамовича. Дисс. ... канд. филол. наук. М. 1995. 151 с., С. 69.
9. Красных В.В. Анализ дискурса с точки зрения национально-культурной составляющей // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс русистов-исследователей. (Москва, филол. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 13–16 марта 2001): Тр. и материалы / Под общ. ред. М.Л. Ремневой и А.А. Поликарпова. М.: Изд-во МГУ, 2001. С.74.
10. Монгилева Н.В. Семантическое пространство поэтического дискурса. Дисс. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2004. 168 с. С.5.
11. Синявский А. Д. Акмеизм // Краткая литературная энциклопедия. Гл. ред. А. А. Сурков. М.: Сов. энцикл., 1962. Т. 1: Аарне – Гаврилов. Стб. 118.
12. Толстой Л.Н. Собр. соч. в 12 т. Т. 3. М.: Правда, 1984. 400 с. С. 353.
13. Эпштейн М.Н. Образ художественный // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Энциклопедия, 1987. 752 с. С. 254.
14. Болычев И.И. Портрет без сходства // Литературная учеба. 2009. №1. С. 130.
15. Марцелли В.А. Аскетизм в поэзии Георгия Адамовича // http://www.rusnauka.com/22_NNP_2011/Philologia/8_90702.doc.htm

References

1. Adamovich G. V. Coll. Works. in 12 Vol. Vol. 8. Comments. – Spb. : Aleteja, 2000. – 757 p. P. 78, 105.
2. Gumilyov N. Legacy of symbolism and acmeism // Gumilyov N. Letters on the Russian poetry. – M.: Fiction, 1990. – P. 410.
3. Dijk T. A. Van. Language. Knowledge. Communication. – Blagoveshchensk: BGK of I. A. of Baudouin de Courtene, 2000. – 308 p. P. 122.
4. Dynnik V. Stanzas // Literary encyclopedia: Dictionary of literary terms: In 2 V. – M.; L.: Publishing house L. D. Frenkel, 1925. – T. 2. P – I. – Column. 864.
5. Karasik V. I. Language keys. – M.: Gnozis, 2009. – 406 p. P. 326.
6. Kovalyov P. A. Poeticheskyy postmodernism discourse. The thesis on competition of the doctor the philology of sciences. – Orel. 2010. – 508 p. P. 17.
7. Kovalyov P. A. Post-modernist currents in the Russian poetry and specifics of modern literary process. – Orel: Publishing house Orel. inst, 2013. – 210 p. P. 57.
8. Korostelev O. A. Poetry of George Adamovich. The thesis on competition of the candidate the philology of sciences. – M. 1995. – 151 p. P. 69.
9. Krasnyuh V. V. The discourse analysis from the point of view of a national and cultural component // Russian language: historical destinies and present: International congress of specialists in Russian philology researchers. (Moscow, phil. fac. Lomonosov Moscow State University, on March 13-16, 2001): Works and materials / Under a general edition of M. L. Remneva and A. A. Polikarpov. – M.:

Moscow State University publishing house, 2001. – P. 74.

10. Mongileva N. V. Semantic space of a poetic discourse: The thesis on competition of the candidate the philology of sciences. – Chelyabinsk, 2004. – 168 p. P. 5.

11. Sinyavsky A. D. Akmeizm//Short literary encyclopedia/ Editor-in-chief. A. A. Surkov. – M.: Sov. pis. 1962. – Vol. 1: Aarne – Gavrilov. – Column. 118.

12. Tolstoy L.N. Coll. Works. in 12 Vol. Vol. 3. – M.: Pravda, 1984. 400 p. P. 353.

13. Epstein M. N. Art image//The Literary encyclopedic dictionary / Under a general edition of V. M. Kozhevnikov, P. A. Nikolaev. – M.: Encyclopedia, 1987. – 752 p. P. 254.

14. Bolychev I.I. Portret without similarity//Literary study. – 2009. No. 1. – P. 130.

15. Martselli V.A. Asketizm in George Adamovich's poetry// http://www.rusnauka.com/22_NNP_2011/Philologia/8_90702.doc.htm

200-летию со дня рждения М.Ю. Лермонтова посвящается

УДК 808.5+82.091 ЛЕРМОНТОВ М.Ю.

UDC 808.5+82.091 LERMONTOV M.U.

П.А. КОВАЛЕВ

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета

E-mail: kavalller@mail.ru

М.А. КИРСАНОВ

аспирант кафедры русской литературы XX-XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета

E-mail: mark9109@mail.ru

P.A. KOVALEV

doctor of philology, professor department of the Russian literature of the XX-XXI centuries and history of foreign literature, Orel state university

E-mail: kavalller@mail.ru

M.A. KIRSANOV

graduate student, department of the Russian literature of the XX-XXI centuries and history of foreign literature, Orel state university

E-mail: mark9109@mail.ru

ОТКРЫТЫЙ КАУЗАЛЬНЫЙ ТИП АРГУМЕНТАЦИИ В ЛИРИКЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

OPEN CAUSAL TYPE OF THE ARGUMENTATION IN LYRICS BY M.Y. LERMONTOV

Статья посвящена изучению риторической структуры стихотворений М.Ю. Лермонтова. Субъективная форма некоторых романтических произведений создает особенную модель лирического высказывания, которую можно определить как открытый каузальный тип аргументации.

Ключевые слова: Лермонтов, лирика, риторическая структура, таксис, каузатив.

The article is devoted to the rhetorical structure of the poems by M.Y. Lermontov. The subjective form of some romantic works creates a very specific model of the lyrical statement which can be defined as an open causal type of the argumentation.

Keywords: Lermontov, lyrics, rhetorical structure, taxis, causative.

В отечественном литературоведении много сказано о субъективности романтической поэзии, которую подчас упрекали в разрушении жанрово-композиционной стройности классической литературы [1: 33], «неопределенности описаний», в стремлении в рамках теории «абсолютной самооценности отдельной человеческой личности» [5: 151] добиться выразительности лирического высказывания, «отвергая насилие постановлений условных» [6: 226].

Одним из ярких примеров такой установки является стихотворение М.Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...», представляющее собой «образец периода», характеризующийся несоответ-

ствием «между синтаксической схемой, резко выходящей из-за текста, и смысловым построением». [15: 105] Разные исследователи пытались оценить «странное сочетание ораторского принципа с романским» [13: 417], привлекая для убедительности стихотворения Альфонса де Ламартина («Le cri de l'âme») [7] и Дж. Китса («When I Have Fears...») [14]. Но все эти попытки разбиваются о смысловую недостаточность и семантическую противоречивость лирического высказывания¹, словно выстроенного «по заданной схеме» (Б. Эйхенбаум). Не случайно В.М. Жирмунский отмечал, что «анафорические повторения и ритмико-

¹ Это отмечали в разное время Глеб Успенский, Л.В. Пумпянский, В.А. Архипов и др.

синтаксический параллелизм у Лермонтова подчинены <...> эмоционально-экспрессивному воздействию...» [8: 36]

Вопрос о суггестивности лермонтовской поэзии уже поднимался нами по отношению к его философской лирике [9], но применительно к модели лирического высказывания, реализующего особый «тип отбора и акцентировки», характерного «не только для индивидуального стиля Лермонтова, с обязательным для него преобладанием творческой личности над предметом, но и для романтизма вообще» [12: 35], он имеет принципиально иные основания.

Прежде всего, следует сказать о том, что применяемый в стихотворении риторический ход существенно отличается своей композиционной структурой, определяемой развернутой формулой эпидейктического высказывания: «Когда... – когда... – когда... – тогда: Бог» (М.Л. Гаспаров, С.Л. Сухарев и др.). Апелляция к «эмфатическому кадансу» [15: 141] здесь усиливается соотносительностью равноправных предикатов, взаимодействие которых определяется как «независимый таксис в конструкциях с однородными сказуемыми, в сложносочиненных предложениях и в сложноподчиненных предложениях разных типов – с придаточным времени, условия, уступки, с придаточным изъяснительным» [4: 508]. Композиционная последовательность представленных описаний, несмотря на довольно точное указание сезонности некоторых из них («желтеющая нива», «малиновая слива», «ландыш серебристый»), не представляет собой единого континуума², а определяется лишь по отношению к кульминационной 4-й строфе, маркированной анафорическим повтором указательного слова «тогда». В сочетании с тем обстоятельством, что все формы глагола в стихотворении принадлежат к одной грамматической парадигме (за исключением составного сказуемого «могу постигнуть»), это создает эффект хромотопической неопределенности, выдвигающей на первый план уникальный логико-смысловой комплекс. Как точно отмечает С.Л. Сухарев: «Тематически период у Лермонтова сопоставляет два параллельных плана – мир природы (строфы 1-3) и мир души (строфа 4), причем внутреннее, личное (состояние души) оказывается тесно связанным с внешним, внеличным (состоянием природы) не столько временной, сколько причинно-следственной зависимостью (составляющие период придаточные предложения выражают скорее условный, нежели временные отношения). [14: 128] Логическое умножение (конъюнкция), образуемое однотипным эмфазисом первых трех строф, на самом деле оказывается дизъюнкцией, утверждающей соотносимость различных высказываний по отношению к главному предикату (точнее – системе

однородных предикатов: смиряется, расходятся, могу постигнуть, вижу), с которым они взаимодействуют на основе причинно-следственных связей:

Когда волнуется желтеющая нива	A1	} => B (Тогда...)
V вместо &		
Когда росой обрызганный душистой	A2	
V вместо &		
Когда студеный ключ играет по оврагу	A3	

Временные и пространственные характеристики трех посылок, провоцирующие читателя на восприятие некоей цикличности с четко обозначенными летом и весной, в конечном счете оказываются довольно неопределенными как за счет перечисления разноприродных объектов, так и за счет темпоральной вариативности хромотопических блоков: начиная от внутренней дизъюнкции «Румяным вечером иль в утра час златой», основанной на инверсии времени суток, и заканчивая описанием «студеного ключа», расширяющим сезонность описываемых явлений от весны до осени, но совершенно исключая зимнее состояние природы, эквивалентом которого только с большой натяжкой можно считать «какой-то смутный сон». Нарушение смысловой градации, которое не устраняется даже перемещением строф, компенсируется определенной интонационно-синтаксической структурой, заключающейся в том, что, «независимо от смысла, первые три строфы находятся в отношении интонационной градации, так что каждая следующая звучит напряженнее предыдущей». [15: 106] Но увеличение интонационной амплитуды, отмеченное еще Б. Эйхенбаумом, имеет погрешности в развертывании динамики описаний: укрупнение объектов («ландыш», «ключ») происходит за счет резкого текстуального расширения художественного поля во 2-й и 3-й строфах. Такой тип градации, автоматизирующийся на пике своего развертывания, по мнению М.Л. Гаспарова, имеет не только количественные, но и качественные основания: «В первой строфе пространство дано широко и многообразно: нива, лес, сад – как будто три взгляда в три стороны. Во второй строфе пространство резко сжимается, в поле зрения остаются крупным планом только куст и ландыш; притом сужение это происходит не скачком, а постепенно, как бы на глазах у читателя – фраза построена так, что подлежащее и сказуемое отодвинуты в самый конец <...> В третьей строфе этот прием уже не нужен, подлежащее «ключ» названо с самого начала; здесь происходит иное: пространство не сужается, а как бы прорывается, «ключ, играющий по оврагу», – это первая в стихотворении протяженность, первое движение (после стоячих нивы, леса, сада, куста и ландыша), и притом движение, уводящее внимание читателя за пределы очерченного поля зрения...» [7: 119–120]

Можно было бы согласиться с такой трактовкой градационной структуры, если бы не то обстоятельство, что все природные компоненты представленной градации образуют универсальный хромотоп со значением постоянства действия: все процессы в них как бы застывают, восприятие их лирическим субъектом хотя и сиюминутное, но безусловное, с подчеркиванием се-

2 См.: «...все эти образы не составляют целостного пейзажа, т. е. не складываются в единую локальную картину природы. <...> в таком смещении — не художественная ошибка Лермонтова, а проявление его метода, в данном случае направленного к широкому обобщению. Образы стихотворения как бы вырваны из действительности, разрознены и объединены не на основании их естественной смежности, которой здесь нет, а логической связью: глубоко пережитой мыслью о просветляющем действии «природы-утешительницы». [12: 34–35]

мантики целесообразности и результативности: поспевающая нива, зреющая слива, распутившийся ландыш, пробившийся к оврагу ключ. Идиллическая гармония контрастирует с обычным состоянием лирического героя³ и в то же время дарует ему духовное прозрение [11: 752; 3: 27–29]: воздействие это универсально (в логике определяется как эквиваленция, выражающаяся логическим оператором «тогда и только тогда») и полностью подпадает под свойства романтического идеала. Но именно этот, самый важный, кульминационный момент стихотворения лишен каких-либо объяснений. Более того, из-за запутанной авторской пунктуации⁴ не совсем понятно соотношение между синтаксическими комплексами («тогда... тогда... – и... и...») в последней строфе:

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, –
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога... [10: 92]

Анафорическими повторами четверостишие отчетливо делится на две части, между которыми возможно отношение конъюнкции (при условии, что тире обозначает пропущенное союзное слово «тогда»⁵). Но можно видеть здесь и открытый (незаконченный) тип развернутой аргументации восходящего типа, который предполагает усиление эмоционального фона к концу лирического высказывания, что совершенно изменяет и смысл, и значение всего текста:

A1	$\left. \begin{array}{l} B1 \text{ (Тогда...)} \\ B2 \text{ (Тогда...)} \end{array} \right\} \Rightarrow \&$	C1 (И... [потому что])
V		=>&
A2		=> & => [следовательно]
V		
A3		C2 (И... [потому что])

Подобный тип развертывания лирического высказывания был использован М.Ю. Лермонтовым еще в 1830 году в стихотворении «Весна», посвященном Е.А. Сушковой, с той лишь разницей, что описываемый в нем пейзаж обладает определенностью, а риторический ход – законченностью:

Когда весной разбитый лед	A1
Рекой взволнованной идет,	&
Когда среди полей местами	A2
Чернеет голая земля	&
И мгла ложится облаками	A3
На полуиюные поля;	
Мечтанье злое грусть лелеет	B [Тогда...]
В душе неопытной моей.	
Гляжу – природа молодеет;	C [потому что]
Но молодеть лишь только ей!	
Ланит спокойных пламень алый	D1 [следовательно]

3 Следует отметить, что для большинства пейзажных описаний в лирике М.Ю. Лермонтова характерен именно контрастный тип описаний природы и человека: «Волны и люди», «Весна», «Тучи», «Выхожу один я на дорогу...» и др.

4 Речь идет об использовании сочетания запятой и тире на границе 3-й и 4-й строф и внутри последнего четверостишия. В такой своеобразной разграничительной функции это сочетание знаков использовано и в стихотворении «Оправдание» (1841).

5 В пользу такой интерпретации говорит структура 1-й строфы, в которой соединительный союз «и» не отменяет семантику подчинительного союза «когда».

С собою время уведет, &
И тот, кто так страдал бывало, D2 [следовательно]
Любви к ней в сердце не найдет. [2: 113]

Основанное на парадоксах, это раннее стихотворение точно очерчивает грань между миром природы и человеком, задавая иронический дискурс мотивно-риторических построений в духе метафизики А. Шопенгауэра. Именно потому эмфазис уходит здесь на второй план, уступая место четкому однонаправленному обозначению каузальности: градация (когда..., когда... и...) отчетливо реализует принцип логического умножения, отказ от синтаксических средств связи во второй части текста компенсируется делением на соотносимые фразовые комплексы⁶.

Еще ближе к содержательной структуре «Когда волнуется желтеющая нива...» оказывается стихотворение 30-х годов, в котором сакральный вопрос о вере решается в духе пушкинского «Пророка» с использованием декламационного повествовательного ключа:

Когда надежде недоступный,
Не смея плакать и любить,
Пороки юности преступной
Я мнил страданьем искупить;
Когда бывшее ежечасно
Очам являлось моим
И всё, что свято и прекрасно,
Отозвалось мне чужим;
Тогда молитвой безрассудной
Я долго богу докучал
И вдруг услышал голос чудный.
«Чего ты просишь?» он вещал;
«Ты жить устал? – но я ль виновен;
Смири страстей своих порыв;
Будь как другие хладнокровен,
Будь как другие терпелив.
Твое блаженство было ложно;
Ужель мечты тебе так жаль?
Глупец! где посох твой дорожный?
Возьми его, пускайся в даль;
Пойдешь ли ты через пустыню
Иль город пышный и большой,
Не обожай ничью святыню,
Нигде приют себе не строй». [10: 225]

Предваряя нигилистический пафос лермонтовского «Пророка», это стихотворение еще несет на себе отпечаток романтического мировидения, согласно которому Богу отведена незавидная роль утешителя. Драматическая основа текста, поделенного на две неравные части вопрошанием и ответом⁷, представляет собой открытый тип лирического высказывания, аргументативный потенциал которого сосредоточен в закавыченном фрагменте: несмотря на формальную за-

6 Структурно текст выстроен довольно необычно: 14-стишие с перекрестной системой рифмования в катренах и одним двустижием, которое можно было бы интерпретировать как перевёрнутый сонет шекспировского типа, если бы не то обстоятельство, что Лермонтов старательно избегал в своем творчестве эту жанровую форму.

7 Показательно, что в этом тексте из 6 четверостиший первые 4 строфы объединены в период.

конченность диалога, божественная отповедь, состоящая в основном из ограничений и наставлений, больше похожа не на увещание, а на спор Иеговы с Иовом

(ср.: «Ты хочешь ниспровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя?» (Иов. 40: 3)), в котором последнее слово остается за человеком.

Библиографический список

1. *Аверинцев С.С., Андреев М.Л., Гаспаров М.Л., Гринцер П.А., Михайлов А.В.* Категории поэтики в смене литературных эпох. В кн.: Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания: Сб. статей. М.: Наследие, 1994: 3–38.
2. *Атеней.* 1830. IV: С. 113.
3. *Бобылев Б.Г.* «Икона русской природы»: стихотворение М.Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива». Литература в школе 2001, № 8: С. 27–29.
4. *Бондарко А.В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002. 736 с.
5. *Волков И.Ф.* Творческие методы и художественные системы. М.: Искусство, 1978. 264 с.
6. *Вяземский П.А.* Полн. собр. соч.: В 12 т. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1878. Т.1. 355 с.
7. *Гаспаров М.Л.* Лермонтов и Ламартин. Семантическая композиция стихотворения «Когда волнуется желтеющая нива...» В кн.: Историко-филологические исследования (Сб. ст. памяти академика Н.И. Конрада). М.: Наука, 1974. С. 113–120.
8. *Жирмунский В.М.* К вопросу о стихотворном ритме. В кн.: Историко-филологические исследования: Сб. ст. памяти академика Н.И. Конрада. М., 1974: 27–37.
9. *Ковалев П.А., Кирсанов М.А.* Суггестивное и аргументативное начало в философской лирике М.Ю. Лермонтова («И скучно и грустно...») Уч. зап. Орловского государственного университета 2013. № 2 (52). С. 180–186.
10. *Лермонтов М.Ю.* Сочинения: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2. Стихотворения, 1832–1841. 386 с.
11. *Ломинадзе С.В.* Тайный холод // М.Ю. Лермонтов: pro et contra / Сост. В.М. Маркович, Г.Е. Потапова, вступ. статья В.М. Марковича, коммент. Г.Е. Потаповой и Н.Ю. Заварзиной. СПб.: РХГИ, 2002: С. 742–765.
12. *Максимов Д.Е.* Поэзия Лермонтова / Отв. ред. Г.М. Фридлендер. М.; Л.: Наука, 1964. 266 с.
13. *Пумпянский Л.* Стиховая речь Лермонтова // М.Ю. Лермонтов / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Кн. I. М.: Изд-во АН СССР, 1941: С.389–424.
14. *Сухарев С.Л.* Стихотворный период и тип целостной организации лирического произведения // Художественное целое как предмет типологического анализа: Межвуз. сб. науч. трудов. Кемерово, 1981: 122–132.
15. *Эйхенбаум Б.* Мелодика русского лирического стиха. Пб.: ОПОЯЗ, 1922. 199 с.

References

1. *Averintsev S.S., Andreev M.L. Gasparov M.L. Grintser P.A. Mikhaylov A.V.* Poetic categories in change of literary eras. In: Historical poetics. Literary eras and types of artistic consciousness. M: Naslediye, 1994: 3-38.
2. *Athenaeum.* 1830 IV: 113.
3. *Bobylev B.G.* “Icon of the Russian nature”: Poem by M.Y. Lermontov. “When yellow waves are gently swelling”. Literature at school 2001, 8: 27–29.
4. *Bondarko A.V.* Theory of meaning in a system of functional grammar: based on the Russian language material. M, 2002. 736p.
5. *Volkov I.F.* Creative methods and art systems. M.: Iskustvo, 1978. 264 p.
6. *Vyazemsky P.A.* complete set of works. In 12 V. St. Petersburg.: M. M. Stasyulevich Publishing house, 1878. V.1. 355
7. *Gasparov M.L.* Lermontov and Lamartine. Semantic composition of the poem “When yellow waves are gently swelling”. In book: Historical and philological researches (St. Petersburg. Memorial to academician Conrad N. I.). M.: Nauka, 1974: 113–120
8. *Zhirmunsky V.M.* To a question on a poetic rhythm. In book: Historical and philological researches: St. Petersburg. Memorial to academician Conrad N. I. M, 1974: 27–37.
9. *Kovalev P.A., Kirsanov M.A.* Suggestive and argumentative beginning in philosophical lyrics by M.Y. Lermontov («And boring and sad...») / Scientific notes of Orel State University. 2013, №2 (52): 180–186.
10. *Lermontov M.Y.* Compositions: 6 vol. M.; St. Petersburg: AN USSR publishing, 1954. Vol. 2. Poems, 1832-1841. 386.
11. *Lominadze S.V.* Covert cold // M.Y. Lermontov: pro et contra / by V.M. Markovich, G.E. Potapova, introductory article by V.M. Markovich, comment. G.E. Potapova and N.Y. Zavarzina. St. Petersburg: RHGI, 2002: 742–765.
12. *Maksimov D.E.* Lermontov’s poetry / edit by G. M. Friedlander. M.; L.Nauka, 1964. 266.p
13. *Pumpyansky L.* Verse speech by Lermontov / M.Y. Lermontov / Academy of Sciences of the USSR. Institute of Russian literature. (Pushkin. House). Book of I. M.: Publishing house of Academy of Sciences of the USSR, 1941: 389–424.
14. *Suharev S.L.* Poetic period and type of the complete organization of lyrical work// Art unit as a subject of the typological analysis: Kemerovo, 1981: 122–132 .
15. *Eikhenbaum B.* Melody of the Russian lyrical verse. St. Petersburg : OPOYAZ, 1922. 199p.

УДК 82.091 – БУНИН И.А.

UDC 82.091 – BUNIN I.A.

Т.В. КОВАЛЕВА

доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы XI-XIX веков Орловского государственного университета
E-mail: tatko1986@mail.ru

T.V. KOVALEVA

doctor of philology, professor the Department of the History of the XI-XIX century of the Russian Literature, Orel State University
E-mail: tatko1986@mail.ru

**«ЛЕРМОНТОВСКИЙ ЦИКЛ» В РАННЕЙ ЛИРИКЕ И.А. БУНИНА:
К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКОМ ОРЕОЛЕ ПЯТИСТОПНОГО ХОРЕЯ**

**«CYCLE BY LERMONTOV» IN I.A. BUNIN'S EARLY LYRICS: TO THE QUESTION
OF THE SEMANTIC AUREOLE OF THE PENTAMETER TROCHEE**

В статье анализируются особенности функционирования в ранней лирике И.А. Бунина 5-ст. хорея, размера, традиционно связываемого в литературоведении со стихотворением М.Ю. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...»

Ключевые слова: Лермонтов, лирика, семантический ореол, мотив.

Article analyses functioning specific of the pentameter trochee in I.A. Bunin's early lyrics, which is traditionally connected in literary criticism with the poem «I go out on the road alone...» by M.Y. Lermontov.

Keywords: Lermontov, lyrics, semantic aureole, motive.

В русском литературоведении сложилось устойчивое представление о семантическом статусе отдельных стихотворных размеров [1; 2; 5; 6; 14; 15], среди которых особенный интерес представляет 5-ст. хорей, восходящий к лермонтовской традиции: «Переломом в судьбе этого размера было творчество Лермонтова: после нескольких юношеских попыток он пишет им в 1841 г. «Ночевала тучка золотая...» и «Выхожу один я на дорогу...», и слава этих двух стихотворений закрепила за 5-ст. хореем место полноправного размера в системе русской метрики» [7: 123], – отмечал М.Л. Гаспаров.

Стихотворение «Выхожу один я на дорогу...», о котором Ю.М. Лотман писал, что оно «носит синтетический характер» [12: 824], породило в русской поэзии множество подражаний, которые были объединены К.Ф. Тарановским в цикл, названный «лермонтовским». К его отличительным признакам были отнесены тема одиночества, имеющая «ярко романтическую окраску», неразделенной или неосуществимой любви, «мотив загробного сна». [17: 380] Ведущим, по мнению К.Ф. Тарановского, является «динамический мотив пути», противопоставленный «статическому мотиву жизни», размышления о жизни и смерти «в непосредственном соприкосновении одинокого человека с “равнодушной природой”». [17: 381]

В качестве доказательства единства «лермонтовского цикла» К.Ф. Тарановский обращается и к лирике И.А. Бунина, при анализе которой отмечает частоту обращения поэта к 5-ст. хорее: 47 текстов, написанных с 1892 по 1913 год и включенных в собрание сочинений, изданного в приложении к журналу «Нива».

Использование «лермонтовского» размера у И.А. Бунина исследователь считает закономерным, и это утверждение в целом не противоречит свидетель-

ствам самого поэта, который в раннем творчестве следовал традициям лирики предшествовавших эпох: «Писал я в отрочестве сперва легко, так как подражал то одному, то другому, – больше всего Лермонтову...» [16: 393]

К.Ф. Тарановский характеризовал как лермонтовские такие произведения И.А. Бунина, как «Ковыль», «На распутье», «За рекой луга зазеленели...», «С темной башни колокол уныло...» и др., отмечая, что «в большинстве случаев его стихотворения, написанные 5-ст. хореем, – лирические пейзажи, полные острого чувства одиночества и грусти, сознания неосуществимости счастья, тоски об уходящей жизни, предчувствия скорой смерти». [17: 386]

Исходя из таких представлений о семантике 5-ст. хорея, кстати, оспоренных рядом исследователей [5; 8; 9], актуальным представляется анализ лирики И.А. Бунина и выяснение того, насколько его эксперименты с «лермонтовским размером» соответствуют указанной тенденции.

Первое из стихотворений И.А. Бунина, написанное 5-ст. хореем и включенное поэтом в собрание сочинений 1934 года, – «В полночь выхожу один из дома...» – на первый взгляд может показаться прямой аллюзией лермонтовского «Выхожу один я на дорогу...»:

В полночь выхожу один из дома,
Мерзло по земле шаги стучат,
Звездами осыпан черный сад
И на крышах – белая солома:
Трауры полночные лежат. [4: 39]

Начальные строки этого стихотворения, действительно, воспринимаются как переложение текста «Выхожу один я на дорогу...»: в нем использованы лермонтовские мотивы одиночества и пути, мотив тишины,

с той лишь разницей, что у М.Ю. Лермонтова это – прямая констатация состояния окружающего мира («Ночь тиха...»), а у Бунина этот мотив представлен опосредованно, так как только в абсолютной тишине человек может слышать звук своих шагов. Немаловажно и то, что пейзаж в стихотворении И.А. Бунина – звездный.

Указанные мотивы являются сквозными для всей лирики М.Ю. Лермонтова. Соединение одиночества и пути – один из распространенных приемов моделирования романтического пафоса, обусловленного стремлением изобразить неуспокоенность, мятежность натуры, бесприютность души (стихотворения «Парус», «Воздушный корабль», «Гроза шумит в морях с конца в конец...», «Листок», «Желтый лист о стебель бьется...» и др.) Часто мотив одиночества оказывается соотношенным с еще одним важным для поэта мотивом тишины. Так, например, в стихотворении «Узник» одиночество, тишина и звук шагов создают образ неволи и передают состояние «тюремной тоски» [11: 589]:

Одинок я – нет отрады:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампы
Умирающим огнем;
Только слышно: за дверями
Звучно-мерными шагами
Ходит в тишине ночной
Безответный часовой... [10: 208–209]

В ранней лирике И.А. Бунина соединение этих мотивов также является распространенным приемом создания художественного мира произведения, но имеет совершенно иную эмоциональную окрашенность. Одиночество и путь представляются поэтом как условия движения к гармонии. Соответственно, нет в лирике поэта и пессимизма, характерного для романтиков. Это проявляется и в стихотворении «Бледнеет ночь... Туманов пелена...», также созданном в 1888 году («Уж близок день, прошел короткий сон – / И, в доме тишины не нарушая, / Неслышно выхожу из двери на балкон / И тихо светлого восхода ожидаю... [4: 38]), и в стихотворении «Не видно птиц. Покорно чахнет...», в котором, несмотря на грустные интонации, вызванные осенним умиранием природы, сохраняется жизнеутверждающее начало. В этом контексте можно говорить о том, что начальные строки стихотворения «В полночь выхожу один из дома...» в большей степени соотносятся с лермонтовской традицией, чем с общим пафосом ранней лирики самого И.А. Бунина, который умышленно использовал узнаваемые мотивы для того, чтобы на их основе представить собственную концепцию мира и человека.

Особое значение в творчестве М.Ю. Лермонтова занимает звездный пейзаж. Ю.М. Лотман писал, что в стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» этот образ приобретает новый для лирики поэта смысл, если «в стихотворении «Небо и звезды» поэт вопрошал звезды, но они молчали», то теперь «звезды разговаривают друг с другом без слов, и земля внемлет этой безмолвной речи». [12: 825]

В стихотворении И.А. Бунина использован прием

смещения традиционных пространственных координат: звезды поставлены в один ряд с черным садом и белыми крышами. Они не в вышине, а на земле, ими «осыпан черный сад». Так, трансформируется лермонтовская идея соединения двух миров. Таким образом, стихотворение «В полночь выхожу один из дома...» лишено пространственного противопоставления, а соответственно, и необходимости соединения двух миров, так как звезды оказываются частью земного пейзажа.

При этом зарисовка И.А. Бунина практически лишена субъектности. Личная форма глагола использована поэтом только в первой строке – «выхожу». Основной способ выражения авторского сознания в основной части текста – лирический нарратив. Следовательно, поэт сознательно отказывается от доминантной для романтиков подчеркнуто-индивидуализированной формы лирического «Я», а объектом изображения делает не психологическое состояние человека, а окружающий мир. Причем, в отличие от абстрактного романтического пейзажа у М.Ю. Лермонтова (кремнистый путь, дуб как символ мирового древа), в пейзаж И.А. Бунина введена бытовая конкретность («И на крышах – белая солома...»). Кроме того, единственным намеком на семантику смерти, характерную, как считает К.Ф. Тарановский, для 5-ст. хорея, в стихотворении становится упоминание «трауров полночных». Но в данном контексте смысл этого образа является деталью общего пейзажа, художественным изображением теней деревьев, падающих на землю. Так создается образ ночи, лишенный какого бы то ни было надбытийного смысла. Именно поэтому можно констатировать явно выраженное стремление И.А. Бунина к трансформации лермонтовского мотива.

В стихотворении «Догорел апрельский светлый вечер...» пересемантизация размера получает еще большее развитие, хотя поэтом вновь используются и мотив тишины, и образ звезд:

И струится чище над полями
Звездный свет в молчании ночном.
По лощинам, звезды отражая... [4: 49]

При этом тишина так же, как и у М.Ю. Лермонтова, не абсолютная: она наполнена звуками природы, а статика ночи разрушается описанием журавлиной стаи: «Журавли, друг друга окликают, / Осторожной тянутся гурьбой...» Введение этого образа полностью деаватизирует мотив смерти, так как в сознании русского человека журавли традиционно воспринимаются как предвестники весны и птицы счастья. [3: 100]

Основным способом выражения авторского сознания является лирический нарратив: поэт сознательно исключает какие-либо указания на субъектность, на лирическое «Я». Он воссоздает природный мир, наполняя картину зримыми и отчетливо представляемыми реалистическими деталями («озябший чернозем», «ямы светят»).

Трансформация семантики 5-ст. хорея обнаруживается и в стихотворении «За рекой луга зазеленели...», в котором вновь поэт обращается к теме весны и рисует целостный и гармоничный образ природного мира:

За рекой луга зазеленели,
Веет легкой свежестью воды;
Веселей по рощам зазвенели
Песни птиц на разные лады.

Ветерок с полей тепло приносит,
Горький дух лозины молодой... [4: 53]

В то же время в стихотворении обнаруживается и традиционный для семантического ореола 5-стопного хорея мотив пути («Не пойму, что душу раскрывает / И куда я медленно бреду!» [4: 54], но общая смысловая наполненность текста, отношение лирического субъекта к миру и с миром оказываются принципиально иными. Если у Лермонтова лирический субъект, как правило, стремится преодолеть свое одиночество и разочарование через слияние с природой и обретает покой в осознании Вечных законов, то в бунинском стихотворении «За рекой луга зазеленели...» нет выхода к бытийному контексту.

Композиционное строение этого текста, его членение на две части (первую, являющуюся описанием весны, и вторую, характеризующую душевные метания лирического субъекта), еще резче подчеркивает новаторский подход И.А. Бунина. Полная гармония весенняя природа становится лишь фоном, на котором раскрывается внутреннее состояние человека, его полная неудовлетворенность собой и людьми. Слияние с природой, растворение в ней оказывается невозможным для лирического героя и прежде всего потому, что он не испытывает потребности в покое и умиротворении. Чувства и мысли лирического субъекта сосредоточены на поиске земного счастья, любви, смысла жизни и творчества.

Стихотворение И.А. Бунина «Ковыль» является одним из самых смелых экспериментов с 5-ст. хореем в русской поэзии. Очевидно, именно этим и объясняются ошибки интерпретации, которые возникают в научных исследованиях. Например, в статье Ю.М. Фиш отмечается, что «Ковыль» является примером «обращения Бунина к народно-поэтическому творчеству, связь с которым автор заявляет выбором эпиграфа, взятого из «Слова о полку Игореве»». [19: 75] Автор исследования не учитывает того, что при всей «двуплановости» и «дихотомии» «Слово о полку Игореве» не является произведением народно-поэтическим. Оно, как доказали В.В. Кусков и Г.Ю. Филипповский, – памятник «одновременно эпической и лирической книжно-письменной литературной работы». [18: 76]

Нельзя согласиться и с тем, что сходство с народной поэзией в стихотворении И.А. Бунина «определяется использованием тонического стиха». [20: 75] К тоническому стиху первая часть бунинского текста никакого отношения не имеет, потому что написана 5-ст. хореем, правда, с не совсем привычной каталектикой (нерифмованные женские окончания).

И ориентировался поэт в большей степени не на сам памятник (хотя эпиграф взят из «Слова о полку Игореве»), а на литературную традицию усвоения «Слова» русской литературой. Это подчерки-

вается прямой цитатой из стихотворного переложения А.Н. Майкова, выполненного 5-ст. хореем:

Что шумит-звенит перед зарею?
Скачет Игорь полк поворотити...
Жалко брата... Третий день уж бьются!
Третий день к полудню уж подходит:
Тут и стяги Игоревы пали! [13: 129]

Если принять во внимание то, что начало стихотворения И.А. Бунина представляет собой пейзажную зарисовку, то возникает необходимость рассмотреть основные мотивы в их соотносительности с традицией 5-ст. хорея. Не случайно К.Ф. Тарановский отмечал, что в стихотворении «Ковыль» «изображен предзакатный степной пейзаж, в котором сквозь серую мглу мерещатся поэту и белеющий ратный стан и вежи половецкие». [17: 385] Исследователь абсолютно верно обратил внимание на то, что поэтом не описываются ни русское, ни половецкое войско. И.А. Бунин использует вопросительную конструкцию с анафорическим повтором союза «или»:

Холодеет ночь перед зарею,
Серой мглой подернулись балки...
Или это ратный стан белеет?
Или снова веет вольный ветер
Над глубоко спящими полками? [4: 57]

За счет вариативности атрибуции поэт уравнивает исторические образы («ратный стан», «вежи половецкие») с природными, что, на первый взгляд, полностью исключает какие-либо переключки с текстом «Слова о полку Игореве», построенном на метафорическом уподоблении. Но весь образный ряд стихотворения сохраняет ту атмосферу напряженного ожидания и грядущей трагедии, которая характерна для памятника древнерусской литературы. Особую роль выполняют здесь эпитеты с негативной стилистической окраской: «темное поле», «могилы сонные», «рассвет ненастный», «серая мгла». Все они в большей или меньшей степени соотносятся с мотивом смерти, принципиально отличным от мотива сна/смерти, характерного для 5-ст. хорея. В «сладком сне» природы нет ничего гармоничного, он представлен в тексте как переходное состояние от жизни в небытие.

Значимой для понимания бунинского произведения является и пространственная характеристика – степь, которая в представлении человека русского средневековья ассоциировалась с угрозой, страданиями, смертью. При этом автор использует метонимическое определение этого природного объекта: именно ковыль – степная трава – становится тем образом, который исчерпывающе раскрывает особенности пространства. Его широта и открытость оказываются тождественными по своим характеристикам пустыне из стихотворения «Выхожу один я на дорогу...», с той разницей, что лермонтовский образ мироздания гармоничен, а бунинский создает ощущение грядущего разрушения, уничтожения всего живого.

Вся образная система стихотворения «Ковыль» является прямым игнорированием поэтом тех особенностей семантики, которые закреплены в литературо-

ведении в качестве смысловых доминант 5-ст. хорей. И.А. Бунин создает текст иного семантического статуса, иной эмоциональной направленности.

Несколько иные принципы лежат в основе стихотворения «Поздний час. Корабль и тих и темен...», в котором мотивы пути (движения), тишины, соединения человека и мироздания представлены в оригинальных образах, связанных с конкретизированной маринистической образностью, лишенной романтического антуража:

Южный Крест, загадочный и кроткий,
В душу льет свой нежный свет ночной –
И душа исполнена предвечной
Красоты и правды неземной. [4: 60]

Такой же подход к образной системе сохраняется и в стихотворении «На распутии», построенном на фольклорных образах полусонного ворона, придорожного камня, старого щита, костей в траве. Однако при всей ориентированности на народную поэтическую тради-

цию, И.А. Бунин акцентирует именно мотивы пути, противопоставления жизни и смерти, статики и динамики, выдвигая на первый план стремление постичь сущность Бытия, неведомого и недоступного разуму.

Анализ ранней лирики И.А. Бунина позволяет сделать вывод о том, что освоение поэтом 5-ст. хорей шло тремя способами: при частичном сохранении образного и мотивного рядов «романтического» размера смысловая наполненность текстов полностью трансформирована; в ряде текстов поэтом полностью игнорировался семантический ореол метра, соответственно менялись мотивные ряды и образная система; при отказе от традиционных образов и основных для «лермонтовского цикла» мотивов сохранялась традиционная смысловая направленность текстов. Следовательно, можно утверждать, что ранняя лирика И.А. Бунина полностью разрушает сложившиеся в литературоведении представления об устойчивом семантическом ореоле 5-ст. хорей.

Библиографический список

1. *Альтман И.В.* Традиционная семантика метра в поэзии В. Хлебникова: 4-стопный хорей. В кн.: *Язык русской поэзии XX в.* М., 1989: С.158–165.
2. *Бельская Л.Л.* Из истории русского 5-стопного хорей: О ритмике и семантике хореических пятистопников С. Есенина // *Studia Slavica Hungarica.* 1980: С. 26, 401–416.
3. *Борейко В.Е., Грищенко В.Н.* Экологические традиции, поверья, религиозные воззрения славянских и других народов. – 2-е изд., перераб. Птицы. Киев: ЭКЦ, 1999. Т.2. 176 с.
4. *Бунин И.А.* Стихотворения // Вступ. ст. и подг. текста А.К. Тарасенкова. Л.: Сов. писатель. (Библиотека поэта. Большая серия), 1956. 487 с.
5. *Вишневский К.Д.* Экспрессивный ореол пятистопного хорей. В кн.: *Русское стихосложение: Традиции и проблемы развития.* М., 1985: С.94–113.
6. *Гаспаров М.Л.* Метр и смысл: Об одном механизме культурной памяти. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2000. 289 с.
7. *Гаспаров М.Л.* Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика. 2- изд. М.: «Фортуна Лимитед», 2000. 352 с.
8. *Гончаров Б.* О структурализме в стиховедении // *Филологические науки.* 1973: № 1, С.3–17.
9. *Гончаров Б., Тимофеев Л.* Обогащение или обеднение // *Литературная газета.* 1972. № 20.
10. *Лермонтов М.Ю.* Сочинения: В 6 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 2. Стихотворения, 1832–1841. 386 с.
11. *Лермонтовская энциклопедия* / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом); гл. ред. Мануйлов В.А. М.: Сов. энцикл., 1981. 746 с.
12. *Лотман Ю.М.* О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. СПб.: Искусство-СПб, 1996. 846 с.
13. *Майков А.Н.* Слово о полку Игореве // *Слово о полку Игореве* / АН СССР; Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950: С.122–142.
14. *Маллер Л.М.* Экспрессивно-тематический ореол трехстопного амфибрахия // Тартуский гос. университет. Материалы XXV научной студенческой конференции: Литературоведение, лингвистика. Тарту, 1970: С.55–59.
15. *Мерлин В.В.* Семантические традиции трехстопного амфибрахия в творчестве А. Гребнева // *Литература и фольклор Урала.* Пермь, 1979: С. 65–71.
16. *Русская литература XX века (1890–1910)* / Под ред. С.А. Венгерова. М.: Республика, 2004. 543 с.
17. *Тарановский К.Д.* О поэзии и поэтике / Сост. М.Л. Гаспаров. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.
18. *Филипповский Г.Ю.* О двуплановости текста «Слова о полку Игореве» // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2009: № 2(36), С. 72–76.
19. *Фиш М.Ю.* Мотивы «Слова о полку Игореве» в стихотворении И.А. Бунина «Ковыль» // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика.* 2006: № 1, С.75–78.

References

1. *Altman I.V.* Traditional semantics of meter in V. Khlebnikov's poetry: 4-foot trochee. In: *Language of the Russian poetry of the XXth century.* M., 1989: 158–165.
2. *Belskaja L.L.* From history of the Russian 5-foot trochee: About rhythmic and semantics of 5-foot trochee of Sergei Yesenin // *Studia Slavica Hungarica.* 1980: 26, 401–416.
3. *Borejko V.E., Grishenko V.N.* Ecological traditions, beliefs, religious views of Slavic and other folks – 2nd ed. birds. Kiev: EKTs, 1999. V.2. 176 p.
4. *Bunin I.A.* Poems // Prolusion and prep. of the text by A.K. Tarasenkova. L.: Modern writer. (Library of the poet. Big series), 1956. 487 p.
5. *Vishnevskiy K.D.* Expressional aureole of a pentameter trochee. In: *Russian versification: Traditions and development problems.*

- М., 1985: 94–113. *Gasparov M.L.* Metr and sense: About one mechanism of cultural memory. М.: Russian state. Humanitarian university, 2000. 289 p.
6. *Gasparov M.L.* Essay on the history of russian verse: Metrics. Rhythm. Rhyme. Strofika. 2nd ed., ext. М.; Fortune Limited, 2000. 352 p.
7. *Goncharov B.* About structuralism in versification // Philological sciences. 1973: 1, 3–17.
8. *Goncharov B., Timofeev L.* Enrichment or impoverishment // Literary newspaper. 1972. № 20.
9. *Lermontov M.Y.* Compositions: In 6 vol. М.; St. Petersburg: AN USSR publishing, 1954. Vol. 2. Poems, 1832–1841. 386 p.
10. *Lermontov's encyclopedia* / A.S. USSR. Inst. of Russian literature (Pushkin. House); ed. by Manuylov V.A. М.: Modern encyclopedia 1981. 746 p.
11. *Lotman Y.M.* About poets and poetry: Analysis of the poetic text. St. Petersburg: Art St. Petersburg, 1996. 846 p.
12. *Maikov A.N.* The Tale of Igor's Campaign // The Tale of Igor's Campaign / Academy of Sciences of the USSR; Under the editorship of V.P. Adrianov-Peretz. М.; L.: Publishing house of Academy of Sciences of the USSR, 1950: 122–142.
13. *Maller L.M.* Expressive and thematic aureole of a 3 foot amphibrach // Tartuskiy state. University. Materials of the XXVth scientific student's conference: Literary criticism, linguistics. Tartu, 1970: 55–59.
14. *Merlin V.V.* Semantic traditions of a 3 foot amphibrach in A. Grebnev's creation // Literature and folklore of Ural. Perm, 1979: 65–71.
15. Russian literature of the XX century (1890–1910) / under the editorship of S.A. Vengerov. М.: Republic, 2004. 543 p.
16. *Taranovsky K.D.* About poetry and poetics / Compiled by M.L. Gasparov. М.: Languages of the Russian culture, 2000. 432 p.
17. *Filippovsky G.Y.* About duality of the text «The Tale of Igor's Campaign» // Ancient Russia. Questions on Medieval studies. 2009: 2(36), 72–76.
18. *Fish M.Y.* Motives of «The Tale of Igor's Campaign» in I.A. Bunin's poem «Stipa» // The Messenger of the Voronezh state university. Series: Philology. Journalism. 2006: 1, 75–78.

УДК 811.161.1'367

Е.А. ЛИНЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры методики преподавания иностранных языков Московского государственного областного гуманитарного института
E-mail: ealineva@mail.ru

UDC 811.161.1'367

Е.А. LINEVA

candidate of Philology, Associate Professor of Teaching Methods of Foreign Languages Department, Moscow State Regional Institute for Humanities
E-mail: ealineva@mail.ru

СТРУКТУРНО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ЛОКАТИВНЫМ ДЕТЕРМИНАНТОМ

STRUCTURAL AND GRAMMATICAL PECULIARITIES OF INDEFINITE-PERSONAL SENTENCES WITH LOCATIVE DETERMINANT

Статья раскрывает структурно-грамматические особенности неопределенно-личных предложений с локативным детерминантом. Эти особенности заключаются в выражении основного грамматического значения предложения – предикативности. Рассматриваемая синтаксическая конструкция характеризуется тем, что предикативность в ней выражена двумя компонентами – главным членом и локативным детерминантом.

Ключевые слова: предикативность, грамматическая парадигма, неопределенный деятель, локативный детерминант.

The article reveals structural and grammatical peculiarities of indefinite-personal sentences with locative determinant. These peculiarities lie in the expression of the main grammatical meaning of the sentence – predicativity. The syntactical construction under review is characterized by the expression of predicativity by two components – the main component and the locative determinant.

Keywords: predicativity, grammatical paradigm, indefinite agent, locative determinant.

Грамматическую форму предложения можно рассматривать в качестве функции, способной распределяться в бесконечный ряд членов, близко или далеко стоящих друг от друга, которые могут выступать в бесконечном разнообразии компонентов, организованных

в одно инвариантное целое. Сущностным признаком предложения в структурном аспекте является способ выражения предикативности, реализующейся грамматической парадигматикой предложения.

Неопределенно-личные предложения (НЛП) от-

носятся к односоставным глагольным предложениям, которые выражают действие, отнесенное к человеку. В отличие от безличных предложений, в которых действие мыслится как самостоятельное, отвлеченное, происходящее как бы само по себе, отражается ситуация, в которой человек не может быть производителем действия; каузатором процессуального состояния являются стихийные силы и силы высшего порядка, НЛП, напротив, репрезентируют действие, производимое человеком – неопределенным деятелем.

«Деятель» – это категория «внешнего мира вещей» – предмет (в широком понимании) действительности. Деятель – это понятие плана означаемого, которое получает разнообразное оформление в речи с помощью средств языка. Деятель может быть обозначен в глагольной форме (личные окончания 1-го и 2-го лица). В предложении деятель может быть назван как в независимом члене – подлежащем, так и в зависимом члене [6, с. 143]. «Деятелем» в НЛП называем человека – производителя действия или носителя состояния. Деятель в НЛП словесно не назван, но грамматически представлен как неопределенный [7, с. 79], [9, с. 19]. Грамматическое выражение неопределенности деятеля отличается от лексического, например, в двусоставном предложении неопределенный деятель представлен неопределенным местоимением. Сравните: *В комнате кто-то спал; В комнате спали*. В двусоставном предложении подлежащее, обозначающее неопределенного деятеля, противопоставлено лицу говорящему по грамматическому третьему лицу. В НЛП неопределенность деятеля переплетается с неопределенностью грамматического лица.

НЛП характеризуются, прежде всего, тем, что предикативность выражена одним компонентом – главным членом предложения, выраженным глагольной словоформой.

НЛП с локативным детерминантом выделяются нами в самостоятельный структурно-семантический подтип НЛП на основании структурно-семантических особенностей, связанных с выражением основного грамматического значения предложения – предикативности. НЛП с локативным детерминантом характеризуются тем, что предикативность в них выражена двумя компонентами – главным членом и локативным детерминантом.

Грамматическая форма главного члена НЛП включает выражение предикативного признака, его отнесенность к неопределенному деятелю и к моменту речи посредством глагольных форм 3-го лица множественного числа настоящего и будущего времени, множественного числа прошедшего времени и сослагательного наклонения. Данные глагольные формы вызывают самое неиндивидуализированное, неконкретное представление о деятеле [19, с. 70]. Действие может относиться к любому лицу, не участвующему в разговоре, из всех людей, проживающих на земле, исключаются как потенциальные деятели данного действия только двое: говорящий и собеседник.

Значение этих форм особенно ярко ощущается при

сравнении их с формами 1-го и 2-го лица, дающими более конкретное представление о деятеле. Например, в определенно-личных предложениях глагольная словоформа с помощью личного окончания обозначает действие либо говорящего, либо собеседника: *Подхожу, вижу, едет на лошадке с подрубленным хвостиком мальчик в атласном картузике* [1, с. 143]; *А если думаешь, должности мне нету, то я, Христа ради, попрошусь к приказчику сапоги чистить* [18, с. 78]. В двусоставных глагольных предложениях, имеющих в своей структуре глагольные формы 3-го лица множественного числа, неконкретность деятеля снимается его обозначением в подлежащем: *Студенты читают*, в НЛП неопределенное значение глагольной формы сохраняется вследствие намеренного отсутствия прямого указания на деятеля [12, с. 371].

Значение неопределенного деятеля подчеркивается парадигматическими отношениями. Грамматическая парадигматика характеризуется неполнотой: отсутствуют члены парадигмы, связанные с выражением категории лица, модальная парадигма имеет свои особенности, которые отличают ее от модальных парадигм других структурных типов односоставных предложений.

Модальная парадигма НЛП имеет всего два члена.

Модальная парадигма

1. Формы изъявительного наклонения
Писали. Пишут. Будут писать.
2. Формы сослагательного наклонения
Писали бы.

В Наркомюсте Саше задали много неприятных вопросов [14, с. 85]; *В агентстве ставят на учет только тех, кто не состоит в браке* [3, с. 16]; *В доме будут проводить полную реконструкцию* [2, с. 54]; *Ну, предположим, пригласили бы тебя на этот вечер. Так у тебя даже вечернего платья нет!* [11, с. 17].

Формы повелительного наклонения в своем составе НЛП иметь не могут. Ограничение связано с семантикой формы повелительного наклонения. Формы повелительного наклонения выражают побуждение к действию, обращенное либо к одному лицу, либо к нескольким лицам, включающим и говорящего, и собеседника.

Имеется потенциальная возможность образования формы повелительного наклонения с частицей *пусть*: *Пусть читают*, однако употребление этой формы возможно лишь в неполном двусоставном предложении, где она получает значение действия, совершаемого определенным лицом.

В экспрессивной и непринужденной речи формы сослагательного наклонения могут иметь значение повелительного наклонения [13, с. 355]. Однако в данном случае значение неопределенного деятеля заменяется значением обобщенного деятеля: *Чтоб здесь не кричали*.

Временная парадигма НЛП представлена противопоставлением трех временных пластов.

Временная парадигма

1. Формы прошедшего времени
Писали.
2. Формы настоящего времени
Пишут.
3. Формы будущего времени
Будут писать.

В Лермонтовской галерее **продавали** нарзан [5, с. 181]; В деревне **любят** праздники, а особенно подготовку к ним [8, с. 273]; Ты будешь знаменитым. В газетах о тебе обязательно **напишут** [11, с. 67].

Изменение НЛП по линии лица и числа невозможно, поскольку показатели лица и числа главного члена НЛП являются беспризнаковыми, чисто формальными. Это обстоятельство отличает НЛП от определенно-личных предложений, которые имеют личную парадигму форм 1-го лица: *Читаю; Читаем; Буду читать; Будем читать* и форм 2-го лица: *Читаешь; Будешь читать; Читаете; Будете читать; Читай; Читайте*. Спрягаемая глагольная словоформа с помощью личного окончания способна обозначить деятеля (участника разговора): либо говорящего, либо собеседника, то есть дает более конкретное и четкое представление о деятеле. Исключение 3-го лица из личной сферы говорящего/слушающего приводит к отражению «сторонней» точки зрения. Поэтому НЛП, употребляемые по отношению к говорящему, приобретают функцию переориентации высказывания с точки зрения говорящего на точку зрения посторонних для него лиц: *Тебе говорят, что нельзя, а ты все свое! Иди, куда тебя посылают!*» [15, с. 68]. В подобных предложениях эффект «отчуждения» становится особенно явным. Отчетливо ощущается, что говорящий становится на точку зрения другого лица. Форма 3-го лица множественного числа по сравнению с формами 1-го и 2-го лица несет признаки неопределенности, отстраненности, «скрадывает» индивидуальность обозначаемого предмета. Сравните: *На него кричали, ему устраивали истерики, тихо плакали, как только его не честили, какими желчными словами* [2, с. 73] и *Если хочешь сделать серьезное, нужное дело, то изволь быть и гибким, и жестоким* [17, с. 144].

С другой стороны, одна грамматическая форма главного члена НЛП не всегда способна выразить отнесенность действия к неопределенному лицу.

В настоящем и будущем временах изъявительно-го наклонения глагольная словоформа НЛП в личном окончании указывает на 3-е лицо множественного числа: *Пишут; Будут писать*. В прошедшем времени и сослагательном наклонении особыми окончаниями различаются лишь единственное и множественное число: *писал (а; о) (бы) – писали (бы)*, а показатели 1-го, 2-го и 3-го лица отсутствуют. Это приводит к тому, что действие в НЛП, выраженное глаголом в форме прошедшего времени и сослагательном наклонении, при незамещенной позиции подлежащего может быть отнесено:

- к 1-му лицу множественного числа. В данном случае обозначается действие, выполняемое группой лиц, включающей говорящего: *(Мы) писали (бы)*;

- ко 2-му лицу множественного числа. Данная форма выражает отнесенность действия к группе собеседников: *(Вы) писали (бы)*;

- к 3-му лицу множественного числа: *(Они) писали (бы)*.

Невыраженность лица в прошедшем времени и сослагательном наклонении ведет к тому, что типовое значение НЛП не проявляется. При «разрушенной» позиции подлежащего в НЛП глагольные словоформы не способны самостоятельно выразить неопределенно-личное значение, поэтому данное значение они могут получить лишь в определенных структурах, которые, помимо главного члена предложения, обозначающего действие, содержат в своем составе дополнительные словоформы [7, с. 80], [9, с. 25]. К подобным дополнительным словоформам относится локативный детерминант, который участвует в формировании значения синтаксического лица.

В лингвистической литературе не раз отмечалось участие пространственных словоформ в формировании предикативной основы НЛП.

НЛП должно содержать локативный компонент, который участвует в выражении отвлеченности от реального субъекта действия или состояния, то есть в создании той специфической характеристики, какую придает обозначаемому событию конструкция НЛП; локативный детерминант устраняет потенциальную двусмысленность предикативного центра предложения [16, с. 100–108].

В НЛП словоформы с пространственным значением являются необходимым структурным элементом, от которого зависит способность конструкции самостоятельно функционировать в качестве коммуникативно законченного высказывания [10].

В односоставных глагольных предложениях пространственный детерминант, замещая позицию отсутствующего подлежащего, оформляет предикативную основу. В пространственном детерминанте категория лица находит дополнительное выражение [4, с. 10].

Если в двусоставных предложениях конкретизация деятеля выражается с помощью подлежащего: *Дети играют*, то в НЛП отсутствие отдельной лексемы для обозначения деятеля вызывает необходимость заполнения этой позиции в структуре предложения: *Х играют*. «Открытая вакансия» подлежащего заменяется локативными детерминантами, которые обозначают лимитировано проявленный динамический признак: *В доме поют*.

Отсутствие локативного детерминанта в структуре НЛП при независимой глагольной словоформе 3-го лица множественного числа создает в структуре исследуемой синтаксической конструкции семантическую двусмысленность: предложение может быть квалифицировано только в контексте, вне контекста отнесенность предложения к структурному типу определить невозможно. Сравните: *Поят. – В доме поют*. Первое предложение можно охарактеризовать и как НЛП, и как неполное двусоставное. Включение в модель второго предложения локативной словоформы снимает семан-

тическую напряженность, и предложение однозначно характеризуется как неопределенно-личное.

Вследствие указанных причин рассматриваемая синтаксическая конструкция является двухкомпонентной, состоящей из локативного детерминанта и главного члена, выраженного глагольной словоформой. Невозможность реализации «чистой» субъектности в

неопределенно-личной конструкции заменяется обозначением лимитировано проявленного динамического признака: *В городе стреляют*. Отсутствие номинированного деятеля компенсируется номинацией лимитированного пространством действия, что и формирует, в свою очередь, значение имплицированного неопределенного деятеля.

Библиографический список

1. Бунин И.А. Рассказы. М.: Правда, 1983.
2. Гранин Д. Эта странная жизнь. М.: Советская Россия, 1982.
3. Донцова Д. Несекретные материалы. М.: Эксмо, 2003.
4. Иванова Н.М. Пространственные словоформы в структуре простого предложения: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1979. 18 с.
5. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев; Золотой теленок. М.: Художественная литература, 1986.
6. Лекант П.А. Очерки по грамматике русского языка. М.: МГОУ, 2002. С. 138 – 147.
7. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1986.
8. Липатов В.В. Повести. М.: Художественная литература, 1985.
9. Монина Т.С. Модели односоставных предложений: структура и семантика. Учебное пособие. М.: МПУ, 1993.
10. Низяева Г.Ф. Неопределенно-личные предложения в современном русском языке (семантико-грамматическая организация): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1972. 26 с.
11. Петрушевская Л. Незрелые ягоды крыжовника. Рассказы. М.: Вагриус, 2003.
12. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. М.: Учпедгиз, 1956.
13. Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис. / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980.
14. Рыбаков А.Н. Дети Арбата. М.: Советский писатель, 1988.
15. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. / А.В. Бондарко (отв. ред.). Л.: Наука, 1991.
16. Тимофеева Г.Е. Особенности предложно-падежных форм с детерминирующим значением. // Лингвистический сборник. Выпуск 9. Проблемы лексикологии и семасиологии русского языка. М., 1977. С. 100 – 108.
17. Трифонов Ю.В. Московские повести. М.: Советская Россия, 1988.
18. Чехов А.П. Избранные произведения. Т. 1. Повести и рассказы. М.: Художественная литература, 1950.
19. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. М., 1941.

References

1. Bunin I.A. Stories. M.: Pravda, 1983.
2. Granin D. This Strange Life. M.: Sovetskaya Rossia, 1982.
3. Dontsova D. Unclassified Papers. M.: Eksmo, 2003.
4. Ivanova N.M. Spatial Word Forms in a Simple Sentence Structure: author's abstract of candidate dissertation. M., 1979. 18p.
5. Ilf I., Petrov E. Twelve Chairs; Golden Calf. M.: Hudozhestvennaya Literatura, 1986.
6. Lekant P.A. Grammar of the Russian Language Studies. M.: MGOU, 2002. P.138-147.
7. Lekant P.A. Syntax of a Simple Sentence in the Modern Russian Language. Training Manual. M.: Vysshaya Shkola, 1986.
8. Lipatov V.V. Narratives. M.: Hudozhestvennaya Literatura, 1985.
9. Monina T.S. Models of Monomial Sentences: Structure and Semantics. Training Manual. M.: MPU, 1993.
10. Nizyaeva G.F. Indefinite-Personal Sentences in the Modern Russian Language (Semantics and Grammar Structure): author's abstract of candidate dissertation. M., 1972. 26p.
11. Petrushevskaya L. Green Gooseberries. Stories. M.: Vagrius, 2003.
12. Peshkovskii A.M. Russian Syntax in Scientific Interpretation. Ed. 7. M.: Uchpedgiz, 1956.
13. Russian Grammar. Vol. 2: Syntax. / N.Y. Shvedova (c. ed.). M.: Nauka, 1980.
14. Rybakov A.N. Arbat's Children. M.: Soviet Writer, 1988.
15. Theory of Functional Grammar. Personality. Voice. / A.V. Bondarko (ed. in charge). L.: Nauka, 1991.
16. Timofeeva G.E. Peculiarities of prepositional-case forms with determinative meaning. Linguistic Collection. Issue 9. Problems of Lexicology and Semasiology of the Russian Language. M., 1977, P. 100-108.
17. Trifonov Y.V. Moscow Tales. M.: Sovetskaya Rossia, 1988.
18. Chekhov A.P. Selected Works. Vol. 1. Tales and Stories. M.: Hudozhestvennaya Literatura, 1950.
19. Sakhmatov A.A. Syntax of the Russian Language. M.: 1941.

УДК 821.161.1

UDC 821.161.1

В.М. МАКЕЕВ

аспирант Нижегородского государственного педагогического университета им. Козьмы Минина
E-mail: vmakeev.88@mail.ru

V.M. MAKEEV

graduate student of Nizhny Novgorod State Pedagogical University after Kozma Minin
E-mail: vmakeev.88@mail.ru

«ВОЙНА» КАК КОНЦЕПТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

«WAR» AS OF THE RUSSIAN LITERATURE CONCEPT

В статье предпринята попытка рассмотреть понятие «война» в качестве литературного концепта.

Ключевые слова: война, литературный концепт, русская литература.

The attempt to consider «war» as a literary concept is made in this article.

Keywords: war, literary concept, Russian literature.

Понятие концепта чаще используется в лингвистике. В недавнем прошлом концепт стали рассматривать в качестве культурного феномена (Ю. Степанов, Д. Лихачев). Согласно Ю.С. Степанову: «Константа в культуре – это концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время» [1, 76]. «...мы рассматриваем константу, – пишет учёный, – как постоянно присутствующий концепт» [1, 76]. В литературоведении термин встречается в работах Л.В. Миллера, В.Г. Зусмана, И.А. Тарасовой, А.Ю. Большаковой. В литературе концепт продолжает оставаться феноменом когнитивным. Система смыслов, называемая концептом, рождается в ситуации т.н. «коммуникации». Последняя возможна лишь при наличии общей ценностной системы у её участников. Расхождения в этой области «...восходят к лакунам и несовпадениям в ментальности представителей разных культур» [2, 23]. Концепт должен быть «узнаваем» в пределах определённой этнокультуры, т.е. обладать неизменяемой составляющей, неким смысловым ядром. Содержание этого смыслового ядра для каждой культуры неодинаково. По замечанию В. Зусмана, «...в литературе прокручиваются те же самые национальные концепты. Весь вопрос состоит в специфике их функционирования» [2, 12]. Система смыслов, связанная с войной, обладает в русской литературе такой спецификой функционирования, в ней нам и предстоит разобраться.

Нормативные представления о войне в русской литературе вмещают как христианское, так и дохристианское содержание. Источником христианских представлений о войнах является Библия, в частности, книги Закона и книги Царств. «...обращу лицо Мое на вас, и падете пред врагами вашими, и будут господствовать над вами неприятели ваши <...> и наведу на вас мстительный меч в отмщение за завет; <...> города ваши сделаю пустынею, и опустошу святилища ваши <...> опустошу землю [вашу], так что изумятся о ней враги ваши, поселившееся на ней; вас рассею между народами и обнажу вслед вас меч, и будет земля ваша

пуста и города ваши разрушены» [Лев. 26: 3-33]. При исследовании исторического слоя концепта «война» также необходимо ориентироваться на русские литературные памятники. Главными особенностями древней русской литературы является, во-первых, её историзм, во-вторых, то, что она истолковывает историю «...с религиозной точки зрения» [3]. Для христианского понимания войны не играют роли социальные факторы её возникновения. Русская история, считает проф. В. Ранчин, рассматривалась средневековыми книжниками в рамках представлений, унаследованных от Библии. Философское осмысление войн, равно как и прочих потрясений: голода, мора, пожаров, – изначально в русской культуре строилось «в эсхатологической перспективе» и вокруг категории «греха и наказания»¹, первоисточником которой выступает Книга Бытия. Как известно, Книга Бытия передаёт историю сотворения мира, а также историю грехопадения, положившего начало земной истории. Постоянная апелляция воинских повестей именно к этой части книги Бытия демонстрирует осознание русскими книжниками того, что «в этом преступлении содержались все будущие грехи мира» [4]. Категория греха и наказания присутствует почти во всех текстах так или иначе связанных с воинской тематикой. В «Повести временных лет» упоминание о грехе и наказании встречается 6 раз, в «Повести о разорении Рязани Батыем» – 5, в «Сказании о мамаевом побоище» – 3, в «Повести о нашествии Тохтамыша» – 3, в «Повести о взятии Царьграда турками»² – 10. Смысл

¹ Как и доминанта пасхальности, выделенная проф. И.А. Есауловым, распространена не на всю русскую словесность, так и рассматриваемая здесь категория встречается, безусловно, не во всех текстах с военной тематикой. Тем не менее, очевидно, что она, во-первых, нормативна для наиболее древней части русской литературы, во-вторых, обладает концептуальным значением, т.к. является неотъемлемой составляющей христианского мировоззрения. Война, таким образом, изначально в русской литературе осмысливалась через призму религиозного мировоззрения. Причём, главной в этой связке является не война, война лишь одно из возможных следствий нарушения Божественного Закона.

² По мнению ряда учёных, «Повесть...» создана русским писателем XV в.

наказания войной разъяряется только в «Повести временных лет», поэтому, на первый взгляд, может показаться, что идея формализуется. Тем не менее, вполне очевидно, что это не простая формальная конструкция. «...мнение о том, – пишет Д.В. Громов, – что нашествие татар является следствием греховности русских, высказывалось в средневековых русских текстах неоднократно. Данная трагедия рассматривалась средневековыми авторами не только как военно-политическое, но и как религиозное событие» [5, 23]. Также заметим, что войны русскими летописцами не выделяются из ряда прочих потрясений: голода, мора, пожаров («Бог за грехи посылает на какую-либо страну голод, или мор, или засуху, или иную казнь <...> Потому и казни всяческие принимаем от Бога и набеги врагов» [6]). Однако война является самым страшным из них. «В “Словах” Серапиона [Владимирского – В.М.], – пишет С.В. Перевезенцев, – предстает яркая картина “казней Божиих”, которым она [Русь – В.М.] подверглась, самым страшным из которых стало татарское нашествие» [7, 168]. В то же время наказание «напастями ратными» не является самоцелью, а дано для того, чтобы люди вспомнили о Боге, ибо главная цель христианина «...войти в царство небесное» [6]. Таким образом, рядом с категорией греха и наказания всегда сосуществует идея покаяния/обращения³ к Богу.

Специфической литературной формой осмысления христианской категории греха и наказания становится *идея гибели Руси*. В русской истории она имеет огромное нравственное значение. «Начиная с XIII века идея гибели Руси, – пишет С.В. Перевезенцев, – становится одной из главных в отечественном общественном сознании. Даже позднее, когда Русское государство вновь вернуло себе могущество, всегда подспудно подразумевалось, что существует возможность новой гибели Русской державы» [7, 159]. В XX веке война по-прежнему продолжает осмысливаться через категорию греха и наказания⁴, однако само число таких «наказаний» пополняется новыми, доселе русским не известными: революцией и изгнанием. Изгнание становится знаковым событием русской истории и на протяжении всего прошедшего столетия осмысливается в русской культуре исключительно в контексте истории Библейской. Изгоняются Адам и Ева, Каин, строители вавилонской башни. За несоблюдение Закона Вавилонским пленом наказаны древние иудеи. «Да, революция есть действительно наказание за преступление, – писал в эмиграции Н.Д. Жевахов, – но наказание не делателей революции за преступления против

3 В литературе начала XX века категория греха и наказания утрачивает своё христианское содержание, но продолжает существовать уже в качестве «псевдоморфозы» (в виде идеи «возмездия» над «старым миром») в поэзии А. Блока, Н. Клюева («Приводит в лагерь славы / Возмездия тропа. / Мир хижинам, война дворцам») и др. Товарищ обер-прокурора Святейшего Синода Н.Д. Жевахов заметил, что в этот период гнев народа стал одним из важнейших «способов» революции. «Этот гнев берется у народа напрокат, только на известное время, и вызывается искусственным внедрением в сознание народных масс убеждений в том, что революция есть наказание за преступление».

4 Возрождение библейского содержания категории наблюдается в среде эмиграции первой волны.

народа, а наказание Божие за преступления против заповедей и законов Божиих. И где бы мы ни искали причин обрушившегося на Россию великого горя <...> но найдем мы эти причины только в одном месте – в Библии» [8]. Духовный писатель Сергей Иосифович Фудель так вспоминал о предвоенной эпохе: «...период перед первой мировой войной был наиболее душным и страшным периодом русского общества. Это было время ещё живой “Анатэмы”, ещё продолжающихся “огарков” и массовых самоубийств молодёжи, время разлива сексуальной литературы, когда сологубы, вербицкие, арцибашевы буквально калечили людей <...> Главная опасность этого времени заключалась в том, что даже лучших людей оно точно опаляло иссушающим ветром» [9]. В этом контексте показательны слова митрополита Зарубежной церкви Виталия (Устинова), который также писал: «...от такого органического повреждения Богом была допущена революция, кровавая купель, в которой многие безнадежно опороченные омылись и как-то спасли свои души» [10].

Идея погибшей Руси (чаще употребляется выражение «мотив потерянного рая») была чрезвычайно распространена в среде русской литературной эмиграции первой волны. В интересующем нас контексте идея наиболее отчётливо продекларирована у П.Н. Краснова. У П. Краснова идея гибели Руси не тоска по родине, не попытка художественного воскрешения старой России, как у других писателей-эмигрантов. Ветхозаветный сюжет потерянного рая спроецирован Красновым на современные исторические события и соседствует с мотивом *вины и наказания*. В этом видится стремление автора объяснить причины постигшей казачество участи изгнанников, которая стала, по мнению П. Краснова, следствием клятвопреступления огромной военной касты, исторически призванной служить Престолу. Революция в авторском сознании – дьявольское наваждение, следствие вкушения запретного плода «гнилых учений века» [11] с древа познания добра и зла. «Я читал телеграмму Императрицы, и плакали слезами радости и качались шашки в железных руках. Через неделю, несмотря на военное время, во всем полку на голубых погонах красовался вензель “А”. В Киев смотались и достали вензеля на офицерские погоны и трафарет и краску для казаков... А через семь месяцев в Теребжеве, в глухом тылу, эти самые казаки ходили на митинг <...> и вахмистр полка, лихой подпрапорщик, кавалер всех четырех степеней Георгиевского креста, говорил мне жестокие, колкие слова о том, что мы их в темноте держали, а теперь у них глаза открылись...» [12, 469-470]. Произведения П. Краснова ориентированы на русскую военную эмиграцию, значительное место в которой занимает казачество. Казаки в эмиграции были заняты в основном на тяжелых работах в строительстве, на шахтах, по прокладке шоссе и т.п. [13]. В тексте очевидна прямая апелляция к библейскому тексту «...в поте лица твоего будешь есть хлеб». «...знаю, как живут теперь кубанские казаки. В чужой земле, среди чужих гор, под чужой кровлей и на чужих хлебах они работают по прокладке шоссе чужому народу. Сидит,

поджав ноги, под каменную глыбою казак, ожесточенно колотит опухшими руками киркою камень, выбивая щебень, и приговаривает: – Долби! долби! Пока Царя не выдолбишь, не видать тебе родной Кубани...» [12, 470].

Истолкование войны как Божьего наказания встречается в ряде текстов, созданных в гг. войны 1914-1918. Герой рассказа И.С. Шмелёва «Лик скрытый» – типичный интеллигент, человек далёкий не только от религии, но и от всего «метафизического», постепенно приходит к мысли о разумном мироустройстве. Герой считает, что его судьба зависит исключительно от его же «сознательной воли» [14, 338]. Однако у подпоручика, планирующего свою жизнь в вагоне поезда, уже нет этого будущего: его невеста вышла замуж, место в товариществе отдало другому. Для антипода героя, капитана Шеметова, война – это «подведение итога» человеческой бездуховности. «Две тысячи лет назад итог был подведён: показано было человечеству богатство, кровью нажитое... <...> И напрасно оказалась Жертва. И вот второй итог <...> Не увидели Креста – да увидят Креста!» [14, 323]. Категория греха – наказания – покаяния играет заметную роль в романе Б. Тимофеева «Чаша скорбная» (1916). Даже советский исследователь Л. Житкова была вынуждена признать: «В такого рода произведениях объективно звучали ноты пацифизма, хотя подчас авторы их стремились к признанию войны как необходимого, “очищающего процесса”. В романе ... над этим вопросом думают различные герои <...> Тимофеев показывает, что идею терпения и искупления “грехов” легко воспринимает солдатская масса» [15, 112]. На страницах романа автор свел два мировоззрения: «патриархальной солдатской массы» и русской интеллигенции. Мировоззрение солдатской массы «стабильно». Крестьяне в романе понимают войну как наказание за грехи. «Сами мы себе виной, братцы! Старец один у нас сказал: очиститься <...> надо. До самой маковке греха на земле <...> Которые и правильной жизни люди, а ничего не происходит, потому что греха много, на их долю хватает. Вот, говорит, и надо всем очиститься. По такой причине Бог войну и наслал на всю землю» [16, 67]. Мировоззрение интеллигенции имеет «...противоположный духовный облик» [17]. Война начинается «...на волне общественной истерики, которая затем сменяется упадком» [17]. «Кончишь училище, не сиди здесь. Ну, его к чорту, тыл этот! Туда, брат, лучше, – вперёд. Какая жизнь <...>! Отдать всего себя родине... – восторженно сиял Чубаров» [18, 13-14]. Однако война не дала «шумных успехов», и интерес к ней вскоре иссякает. «Это сумашествие <...> А я хочу жить! Чорт, скоро весна! <...> Я любить хочу, по-звериному. <...> и будь она проклята, война! <...> меня убьют! <...> Да-да, убьют и скоро... <...> и свалят в братскую могилу, – не слушая, шептал Чубаров» [18, 89-90]. Таким образом, рассматриваемая категория присутствует в литературе периода войны 1914-1917 гг., что в свою очередь позволяет опровергнуть распространённое убеждение в том, что война в этот период осмысливается исключительно в политико-социальном аспекте. Однако подобное изображение войны, скорее,

не типично для литературы этого времени.

Дохристианские представления о войне связаны с мифом. Война также теснейшим образом связана с представлениями о смерти. В русской литературе не так много произведений, открывающихся сюжетной ситуацией начала войны. Однако те, которые существуют, обнаруживают сходство в построении:

– война начинается неожиданно («Первый день войны застал семью Синцовых врасплох, как и миллионы других семей» [18, 6], «– Эх, не в руку, не в пору затеялось» [19], «Война застала ... неожиданно» [16, 4]);

– в завязочное пространство врывается некий линейный объект – всадник, поезд, радиопередача и т.п. («Оборвав их разговор <...> радио хрипло на всю площадь сказало, что началась война» [18, 6]; «Посыльный, пепельно-серый то ли от пыли, то ли от усталости, шмякнув о землю пустую торбу, сорванно, безголосо выдохнул: – Война!» [19]; «Ранним июльским утром пригнал в село Боровское запыхавшийся конный стражник <...> – В волость ребят, которые черёдные. Война!» [16, 3]);

– вслед за ним пространство резко разделяется на «до» и «после» («жизнь сразу разделилась на две несоединимые части: на ту, что была минуту назад, до войны, и на ту, что была теперь» [18, 6]);

– война – иное бытие и пространство («побывавшего где-то там, в ином бытии» [19]).

Заметной особенностью таких текстов является динамическая организация пространственно-временных отношений в завязке. Именно в начале повествования, вне зависимости от того, по какому пути пойдёт дальнейшее развитие сюжета (и пойдёт ли вообще), обязательно присутствие четырёх компонентов.

1. Первоначальное пространственно-временное состояние. Оно включает в себя как состояние бытия, так и состояние персонажа. Во всех случаях первоначальное состояние одинаковое – упорядоченность микрокосмоса.

2. Воздействие извне на первоначальное завязочное состояние. Изначальный микрокосмос начинает разрушаться.

3. Разрушение первоначального хронотопа под воздействием извне и последующая трансформация героя. Для этого этапа характерна антонимия двух состояний: старого и нового, появление границы, переход которой сопровождается трансформацией. Происходит «движение» не только сюжета и действия, но и героя. Можно сказать, что движение антропоцентрично. Без перемещения героя движение невозможно.

4. Уход героя и окончательное разрушение старого порядка.

Особую роль здесь играет состояние перехода от завязочного пространственно-временного состояния к состоянию новому. Завязочное пространство расплывается, деформируется, в конечном итоге исчезает вслед за уходом героя. Повесть Е. Носова целиком вмещается в эту фазу сказочного действия (от завязки до «ухода»), с уходом героя повесть заканчивается. Автор писал: «От момента, когда человек должен был оставить плуг,

до момента, когда необходимость заставила его взяться за винтовку, большая дистанция. Дистанция ... связанная с ... перевоплощением пахаря в солдата. Вот о сложном состоянии перевоплощения ... и написана повесть» [20].

Таким образом, в основе движения сюжета рассматриваемых текстов лежит необходимость пересечения границы, характерная для архаических мифов. Ряд современных произведений, построенных на такой фабуле, обнаруживает ещё одну особенность: в них может отсутствовать возможность обратимости сюжета. Действие развивается в одну сторону. Семантика смерти превалирует. Такое построение характерно не только для текстов о войне, но также для ряда других. Этим обусловлено их сходство с эсхатологическим мифом. Иными словами, в данном случае происходит актуализация эсхатологического мифа, весьма характерная для кризисных эпох. По аналогичной схеме строится, например, рассказ И.А. Бунина «Эпитафия» (1900 г.). У этой схемы нет будущего, есть только прошлое, олицетворяющее гармонию и процесс разрушения этой гармонии. Таким образом, очевидно, что это не воинская формула, скорее это формула смерти. Ей соответствует и семантика названия бунинского рассказа. По аналогичной схеме строится один из последних рассказов В. Распутина «Изба». Перед нами ситуация исхода, эрозии культуры, в определённый момент этого процесса наступает точка невозврата, после которой возрождение становится невозможным. В текстах данной группы чётко выражено эсхатологическое содержание (ср. названия: «Последний срок», «Прощание с Матёрой», «Эпитафия»), ощущение конца истории, исполнение «последних сроков»* («Скоро всему конец»). Поэтому образ «новой жизни» в распутинской «Матёре» есть не что иное как «...образ мертвой жизни, образ смерти, победившей жизнь» [21].

Наряду с указанными особенностями формальной организации анализ позволил выявить важную особенность такого рода повествований: очевидна связь смерти и земледелия. Необходимо установить природу этой связи. Мы выяснили, что ряд текстов о войне обнаруживает сходство: в завязке показана какая-либо часть цикла крестьянских земледельческих работ (сенокос, страда), в этот привычный цикл в виде линейного объекта врывается историческое время, разрывает его, упорядоченная картина мира, созданная завязкой, разрушается, герой переносится в иное пространство. Выше было отмечено, что такое построение характерно не только для текстов о войне, но также для ряда других текстов. В большинстве из них мы встречаемся с «деревенской» темой.

Литературоведами усмотрена устойчивая связь между так называемой «деревенской» прозой и военной темой. В контексте русской истории прошедшего столетия связь эта выглядит вполне естественной. Главное, что обращает на себя внимание, это то, что война и деревня в прозе русских «деревенщиков» представляют собой как бы два онтологических полюса, два

противоположных состояния бытия, они антиномичны. Противопоставление войны и деревни, точнее, войны и земледелия имеет давнюю традицию в русской словесности. Несколько раз на этот образ обратил внимание в своём исследовании символики общественных отношений «Слова...» акад. Д.С. Лихачёв. Он писал: «Не слушан в летописи и противостоящий войне образ мирных пахарей, ратаев. Война – это прежде всего гибель пахарей» [22, 69]. Происхождение этой антонимии до конца учёным не выяснено, однако, очевидно, что она имеет древнее происхождение и весьма устойчива в русском художественном сознании. Следовательно, «деревенский архетип»⁵ русской военной литературы не простой топоним места. Война и земледелие – два противоположных состояния бытия, характеризующие изначальные онтологические представления народа. Очевидно, что земледельческий труд в русской культуре ассоциируется с жизнью, олицетворяет собой бытие как таковое. Всё что препятствует, противоречит, мешает этому укладу, внеположно ему – со смертью, с небытием. В литературе XX века тема деревни чаще всего возникает именно в таком контексте.

Таким образом, в основе такой фабульной организации текстов о войне лежит структура мифа. Морфология мифа, связанная с семантикой смерти, в свою очередь проецируется на архетип земледелия, являющийся одним из важнейших в русской культуре. Если ориентироваться на рассказы И. Бунина и В. Распутина, то в число таких «опасностей», помимо войны, могут входить другие явления: урбанизация, разрушение религиозных основ и пр. Следуя этой логике, всё, что опасно для земледелия, представляет потенциальную опасность для культуры и цивилизации (на всем протяжении существования русской словесности подобным явлениям сопутствует семантика смерти). Очевидно, что гибель земледелия в русском культурном сознании равнозначна гибели культуры в целом. Также очевидно, что наиболее остро эта тенденция проявляет себя в литературе всего прошедшего столетия. Начало ей положено ещё задолго до эпохи мировых войн и «великого перелома» рассказом И. Бунина «Эпитафия»⁶.

Вышеописанную систему представлений, связанных с войной, можно определить в качестве одной из «констант» русской литературы. Как видим, концепт «война» представляет собой достаточно стройную систему представлений в русском культурном сознании. Также очевидно, что выявленная система представлений существует в диахроническом срезе русской

5 Термин А.Ю. Большаковой

6 Структура мифа положена в основу эмигрантских рассказов писателя: таких, как «Несрочная весна», «Косцы» и др. Исследуя «Несрочную весну», в частности, влияние на неё Батюшкова, Е.В. Капинос обращает внимание на то, что «... в прозаическом опыте Батюшкова и в рассказе Бунина безмятежные земледельцы поэтических идиллий контрастируют совсем с другими крестьянами – с теми, что пережили революцию (французскую – у Батюшкова и русскую у Бунина) и последовавшие за ними войны. Однако, по мнению исследователя, финал «Путешествия ...» Батюшкова оптимистичнее «Несрочной весны». «... бунинский герой путешествует по заброшенному дворцу в абсолютном одиночестве, он не в силах вернуть жизнь мертвой усадьбе, ему остаётся только одно: самому вступить во владения смерти»

* Ср. с бунинским: «Ибо всему свой срок...» («Косцы»)

словесности и является нормативной. Система этих представлений составляет ядро рассматриваемого концепта.

Предполагаемый путь развития концепта «война», по нашему мнению, выглядит следующим образом: первоначальный путь развития, связанный с мифом, не был утрачен. С принятием Русью крещения «война» начинает осмысливаться на библейско-христианской основе, в аспекте категории вины – наказания – покаяния. При этом древнейший дохристианский слой концепта не исчезает, а продолжает сохраняться в структуре тек-

ста. Обратим внимание на то, специфической особенностью ряда современных текстов является отсутствие возможности обратимости сюжета. Семантика смерти превалирует. Причем, это не обязательно тексты военной тематики. Циклическое время противостоит линейному, линейная история разрушает мифологическую гармонию. Современные события мыслятся как конечные в цепи истории, т.е. многим текстам присущ эсхатологизм. Рискнём утверждать, что такая тенденция изображения писателями действительности отражает общий кризис традиционной культуры в XX веке.

Библиографический список

1. Степанов Ю.С. Константа. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. 824 с.
2. Зусман В.Г. Диалог и концепт в литературе. Литература и музыка. Нижний Новгород, 2001. 168 с.
3. Ранчин А.М. Своеобразие древнерусской литературы [Электронный ресурс] // Слово. Образовательный портал. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/42393.php> (дата обращения: 21.05.2013).
4. Сысоев Д. Летопись начала. Библейская история и современная наука [Электронный ресурс] // Семинарская и святоотеческая православные библиотеки. URL: http://www.pravlib.ru/pravoslavie_nauka1/pt4.htm (дата обращения: 18.05.2013).
5. Громов Д.В. Образ «эсхатологического нашествия» в восточнославянских поверьях в древности и современности // Этнографическое обозрение. 2004. №5. URL: http://journal.iea.ras.ru/archive/2000s/2004/Gromov_2004_5.pdf (дата обращения: 26.05.2013).
6. Повесть временных лет [Электронный ресурс] // Пушкинский Дом (ИРЛИ РАН) [Официальный сайт]. URL: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4869> (дата обращения: 26.05.2013).
7. Перевозцев С.В. Тайны русской веры. От язычества к империи. М., 2001. 432 с.
8. Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода. Т. 1. Сентябрь 1915 – Март 1917 [Электронный ресурс] // Библиотека Якова Кротова. URL: <http://www.krotov.info/history/20/1910/zhevahov4.html> (дата обращения: 17.05.2013).
9. Цит. по.: Кунаев С.Ю. Любовь, исполненная зла [Электронный ресурс] // Станислав Кунаев [Официальный сайт]. URL: <http://kuniae.ru/публицистика/любовь-исполненная-зла/любовь-исполненная-зла-ix/> (дата обращения: 07.06.2013).
10. Митрополит Виталий. Письмо молодым людям в России [Электронный ресурс] // Голос эпохи. Литературно-общественный журнал. URL: <http://golos-epochy.narod.ru/index.files/asr-vitali3.htm> (дата обращения: 17.06.2013).
11. Краснов П. Душа Армии. Очерки по военной психологии [Электронный ресурс] // Библиотека Максима Мошкова. URL: http://az.lib.ru/k/krasnow_p_n/text_0220.shtml (дата обращения: 17.06.2013).
12. Краснов П.Н. Памяти Императорской Русской армии. Воспоминания о Русской Императорской армии. М., 2006. 598 с.
13. Худобородов А.Л. Вдали от родины: российские казаки в эмиграции: учебное пособие к спецкурсу. Челябинск, 1997. 112 с.
14. Шмелёв И.С. Лик скрытый. Светлая страница. Калуга, 1995.
15. Житкова Л.Н. Б.А. Тимофеев: очерк жизни и творчества. Свердловск, 1987. 117 с.
16. Тимофеев Б. Чаша скорбная. М., 1918.
17. Булгаков С. Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) [Электронный ресурс] // Библиотека «Вехи». URL: <http://www.vehi.net/vehi/bulgakov.html> (дата обращения: 04.03.2013).
18. Симонов К. Живые и мёртвые: Роман в трёх книгах. Книга I: Живые и мёртвые. М., 1989. 479 с.
19. Носов Е. Усыатские шлемоносцы [Электронный ресурс] // Военная литература [Сайт]. URL: <http://militera.lib.ru/prose/russian/nosov1/01.html> (дата обращения: 29.03.2013).
20. О повести «Усыатские шлемоносцы» [Электронный ресурс] // Военная литература [Библиотека]. URL: <http://militera.lib.ru/prose/russian/nosov1/03.html> (дата обращения: 23.09.2013).
21. Бражников И. Царский страж вековечности [Электронный ресурс] // Правая.ру [Портал]. URL: <http://pravaya.ru/look/21385?print=1> (дата обращения: 12.07.2012).
22. Лихачёв Д.С. «Слово о полку Игореве» и культура его времени [Электронный ресурс] // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор» (ФЭБ). URL: <http://feb-web.ru/feb/slovo/critics/185/185-001-.htm> (дата обращения: 23.09.2013).

References

1. Stepanov Y.S. The Constant // Stepanov Y.S. Constants: Dictionary of Russian Culture. Research Experience. Moscow, 1997. 824 p.
2. Zusman V.G. Dialogue and Concept in Literature. Literature and Music. Nizhny Novgorod, 2001. 168 p.
3. Ranchin A.M. Originality of Medieval Russian Literature [Electronic resource] // Word [Web portal]. URL: <http://www.portal-slovo.ru/philology/42393.php> (accessed: 21.05.2013).
4. Sysoev D. Book of Genesis. Biblical History and Modern Science [Electronic resource] // Seminar and Patristic Orthodox Libraries. URL: http://www.pravlib.ru/pravoslavie_nauka1/pt4.htm (accessed: 18.05.2013).
5. Gromov D. The Image of "Eschatological Invasion" in the East Slavic Beliefs in Ancient and Modern Times // Ethnographic Review. 2004. Number 5. URL: http://journal.iea.ras.ru/archive/2000s/2004/Gromov_2004_5.pdf (accessed: 26.05.2013).
6. "Tale of Bygone Years" [Electronic resource] // Pushkin House (Pushkin House RAS) [Official website]. URL: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4869> (accessed: 26.05.2013).

7. *Perevezentsev S.V.* Secrets of Russian Faith. From Paganism to Empire. Moscow, 2001. 432 p.
8. Memories of the Assistant Procurator of the Holy Synod. Vol 1. September 1915 - March 1917 [Electronic resource] // Yakov Krotov Library. URL: <http://www.krotov.info/history/20/1910/zhevahov4.html> (accessed: 17.05.2013).
9. In: Kuniaev S.Y. Love Full of Evil [Electronic resource] // Stanislav Kuniaev [Official website]. URL: <http://kuniae.ru/публицистика/любовь-исполненная-зла/любовь-исполненная-зла-ix/> (accessed: 07.06.2013).
10. Metropolitan Vitaly. Letter to Young People in Russia [Electronic resource] // Voice of an Era. Literary-social magazine. URL: <http://golos-epohy.narod.ru/index.files/asr-vitali3.htm> (accessed: 17.06.2013)
11. *Krasnov P.* Army Spirit. Essays on Military Psychology [Electronic resource] // Maxim Moshkov Library. URL: http://az.lib.ru/k/krasnow_p_n/text_0220.shtml (accessed: 17.06.2013).
12. *Krasnov P.N.* In Memory of the Imperial Russian Army // Krasnov P.N. Memories of the Russian Imperial Army. Moscow, 2006. 598 p.
13. *Hudoborodov A.L.* Far from the Motherland: Russian Cossacks in Emigration. Chelyabinsk, 1997. 112.
14. *Shmelev I.S.* Hidden Truth // Shmelev I.S. Bright Page. Kaluga, 1995.
15. *Zhitkova L.N. B.A. Timofeev:* Sketch of Life and Creativity. Sverdlovsk, 1987. 117 p.
16. *Timofeev B.* Cup of Suffering. Moscow, 1918.
17. *Bulgakov S.* Heroism and Asceticism (Reflections on the Religious Nature of the Russian Intelligentsia) [Electronic resource] // "Vekhi" Library. URL: <http://www.vchi.net/vchi/bulgakov.html> (accessed: 04.03.2013)
18. *Simonov K.* The a Live and the Dead: In three volumes. Vol 1: The a Live and the Dead. Moscow, 1989. 479 p.
19. *Nosov E.* Usvyatskiye shlemonostsy /transliteration/ [Electronic resource] // Military literature [Website]. URL: <http://militera.lib.ru/prose/russian/nosov1/01.html> (accessed: 29.03.2013)
20. About the story "Usvyatskiye shlemonostsy" [Electronic resource] // Military Literature [Library]. URL: <http://militera.lib.ru/prose/russian/nosov1/03.html> (accessed: 23.09.2013)
21. *Brazhnikov I.* Guarding Eternity [Electronic resource] // "Pravaya.ru" [Web portal]. URL: <http://pravaya.ru/look/21385?print=1> (accessed: 12.07.2012)
22. *Likhachov D.S.* "The Tale of Igor's Campaign" and the Culture of His Time [Electronic resource] // Fundamental Electronic Library "Russian Literature and Folklore". URL: <http://feb-web.ru/feb/slovo/critics/185/185-001-.htm> (accessed: 23.09.2013).

УДК 81'221

UDC 81'221

Е.М. МАРТЫНОВА

кандидат филологических наук, доцент Академии
Федеральной службы охраны Российской Федерации
E-mail: lm1973@mail.ru

Е.М. MARTYNOVA

candidate of philological sciences, associate professor,
Academy of the Federal Guard Service of the RF
E-mail: lm1973@mail.ru

СРЕДСТВА ОПИСАНИЯ АНОМАЛЬНОЙ ОПТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

THE MEANS OF DESCRIBING ANOMALOUS VISUAL COMMUNICATION

Статья посвящена описанию аномальных коммуникативных ситуаций, возникающих в оптическом канале связи. Особое внимание уделено агрессивным взглядам, равноценным нарушению личного пространства собеседника. Отобраны и проанализированы языковые дескрипции, характеризующие визуальный контакт между участниками общения в процессе аномальной коммуникации. Рассмотрены две категории дескрипций: глагольные и адъективные конструкции.

Ключевые слова: аномальная коммуникативная ситуация, оптическая коммуникация, визуальный контакт, взгляд, агрессия.

The article is devoted to the description of anomalous communicative situations, occurring in the optical communication channel. Special attention is given to the aggressive looks equal to the breach of interlocutor's personal space. The language descriptions, characterizing the visual contact between the participants of communication, are selected and analyzed. Two main categories of language descriptions – verbal and adjectival – are considered.

Keywords: anomalous communicative situation, optical (visual) communication, visual (eye) contact, look, aggression.

Изучение поведения глаз – контакт глазами, движения глаз и расширение зрачков – и сообщений, передаваемых в процессе оптической коммуникации,

называется окулесикой. Считается, что именно глаза транслируют самые точные и открытые сигналы из всех сигналов человеческого общения. Взгляд отражает лич-

ность, настоящие эмоции и намерения, поскольку практически всегда является спонтанной реакцией, которую нельзя контролировать. Исключение составляют случаи интенционального взгляда, целенаправленно передающего заданное адресантом сообщение.

Среди основных функций визуального контакта ученые [3; 4; 5; 6; 7] называют:

1. признание существования собеседника. Визуальный контакт сообщает всем, что вы «принимаете их во внимание»; сигнализирует о «доступности» человека для общения. Обычно он производит позитивное действие на получателей, но здесь важно не переборщить. Прямой, пристальный взгляд может быть неприятен собеседнику, что влечет за собой возникновение в коммуникации аномалий;

2. регулирование разговора. Исследователи установили, что «направление взгляда в общении зависит от содержания общения, от индивидуальных различий, от сложившегося характера взаимоотношений. Важное значение имеют не столько статистические параметры, сколько их изменение, т. е. то, как часто собеседник смотрит в глаза другого, менее важно, чем то, что он вообще перестает это делать, или, напротив, начинает искать взгляд собеседника, хотя перед этим не смотрел на него» [4, с. 75-76];

3. передачу и прием информации (когнитивная функция);

4. выражение глазами чувств (эмотивная функция). На наш взгляд, когнитивная и эмотивная функции тесно связаны, если не сказать больше – представляют собой единое целое, поскольку сведения о переживаемых собеседником чувствах – это тоже информация;

5. контроль приема сообщения собеседником;

6. усиление значения сообщения.

Исследование фрагментов художественных произведений позволило нам выделить две основные категории способов описания аномальной оптической коммуникации (т. е. коммуникации, в процессе которой происходит отклонение от успешного развития; причиной такого отклонения выступают взгляды): глагольные и адъективные конструкции.

К первой категории мы отнесли словосочетания: 1) глагол + существительное *глаза* (*отвести, опустить, сощурить, вытаращить, выпучить, сузить глаза*); 2) глагол + существительное *глаза* в творительном падеже (*обмеривать, сверкнуть, мигать, стрелять глазами*); 3) глагол + существительное *взгляд* (*бросить, потупить, вперить, отводить, уставить, (старательно) прятать, устремить, метнуть, кинуть, вскинуть взгляд*); 4) глагол + существительное *взгляд* в творительном падеже а) глагол обозначает действие, совершаемое глазами (*упереться, воткнуться, вписаться, буравить, давить, царапать, цеплять, тормозить, обмеривать взглядом*); б) глагол обозначает перлокутивный эффект, вызываемый взглядом (*смутить, оскорбить, коробить взглядом*). Эта конструкция эквивалентна конструкции, в которой существительное *взгляд* выступает в качестве подлежащего. Все эти словосочетания могут служить дескрипциями как действий, служащих причиной воз-

никновения аномальной коммуникативной ситуации (АКС), так и действий – показателей АКС, но некоторые – все примеры, приведенные в пункте 4а – чаще используются в первом случае, а примеры из пункта 1а будут, скорее, иллюстрацией второго случая.

Вторая категория включает словосочетания: 1) прилагательное + существительное *глаза* (*непроницаемые, мрачные, жестокие, грозные, раскаленные, пылающие*); 2) прилагательное/причастие + существительное *взгляд*. Последний вид встречается особенно часто и требует более детального рассмотрения.

Проанализировав фрагменты текстов, мы разделили дескрипции взгляда в аномальной коммуникации на несколько категорий.

1. **Агрессивные взгляды** чаще всего становятся причиной АКС, приводя к явному или скрытому коммуникативному конфликту, но также могут выступать и в качестве показателей АКС. Мы подразделяем агрессивные взгляды по степени интенсивности на а) выражающие агрессию первой степени и б) выражающие агрессию второй степени.

Агрессию первой степени выражают, в основном, причастия и прилагательные, образованные от глаголов и обозначающие действия, являющиеся посягательством на личное пространство собеседника, т.е. параллельно затрагивается такая область невербальной коммуникации, как проксемика. К дескрипциям взгляда, свидетельствующим об агрессии первой степени, относятся: *сверлящий, пронизывающий, пронзительный, жгучий, давящий, испепеляющий, уничтожающий, пыточный, буравистый, людоедский, колющий, пристальный*.

Дескрипции агрессии второй степени можно разделить на несколько видов: а) выражающие враждебность (*враждебный, агрессивный, недобрый, недружелюбный, неприязненный, неприветливый, ужасный, нехороший, ненавидящий, безжалостный, хищный, волчий, змеиный*); б) выражающие насмешку (*ироничный, насмешливый, скептически прищуренный*); в) выражающие вызов (*вызывающий, наглый, дерзкий, нахальный*).

2. **Взгляды, передающие эмоциональное отношение коммуниканта к высказыванию собеседника и к нему самому.** Мы также можем разделить их на группы в соответствии с эмоциями, испытываемыми участниками коммуникации: а) **гнев, злость, негодование, недовольство** (*бешеный, сердитый, свирепый, негодующий, стальной, набыченный, острый, жесткий, тяжелый, дикий, злой, зловеще-спокойный, недобрый, холодный, недовольный, суровый, осуждающий, строгий, укоризненный, брошенный исподлобья, косой, мутный*); б) **беспокойство** (*беспокойный, тревожный, настороженный*); в) **обида** (*исподлобный, брошенный исподлобья, обиженный, насупившийся, косой*); г) **высокомерие** (*надменный, холодный, гордый, презирающий, презрительный, официально-равнодушный*).

Некоторые дескрипции относятся сразу к нескольким категориям – все зависит от конкретной ситуации общения (например, *холодный, брошенный исподлобья, косой*), а другие – ни к одной из них – так, прилагатель-

ные *мрачный, хмурый, угрюмый* описывают, скорее, настроение, чем эмоции; дескрипции *непрямой, уклончивый* служат для описания избегающей стратегии невербального поведения коммуниканта, а дескрипция *неприятный* очень расплывчата по своему значению, может использоваться в качестве описания как причины, так и показателя АКС и передавать разнообразные эмоции.

Возможны более объемные дескрипции взгляда, например, (*взгляд холодный и твердый, как угол чмо- дана (С. Довлатов)*), либо дескрипции, описывающие только перлокутивный эффект действия – о том, каким был взгляд можно только догадываться (*она бросила на меня такой взгляд, от которого навек улетело от меня спокойствие*).

Н. Абрамов предоставляет следующий синонимический ряд с доминантой **смотреть**: *глядеть, зреть, взирать, всматриваться, рассматривать, засмотреться, разглядывать, заглядеться, воззриться, созерцать, наблюдать, примечать, глазеть, лорнировать, уставиться, вперять (устремлять, уставить) взор, пялить (пучить, таращить) глаза, коситься*. В текстах наиболее часто встречаются глаголы *смотреть* и *глядеть* [1]. Имея нейтральную стилистическую окраску, они обычно употребляются с отрицательно заряженными наречиями (*насмешливо, злобно, подозрительно, пристально, недовольно, строго, угрюмо, безнадежно, уныло, исподлобья, холодно, сурово, враждебно*) или в конструкции глагол + существительное с предлогом (*смотреть с досадой, с невыразимым отвращением, с презрением, с презрительным хладнокровием, с насмешкой, в упор, с ненавистью, с испугом, с мучительным чувством физического отвращения, с недоумением, с холодностью, с ужасом, с вызовом, с горестным удивлением, с отчаяньем, с упреком*). Используются сравнения типа *смотреть на людей, как на вещи (Л. Н. Толстой)*.

Некоторые глаголы уже содержат в своих значениях эмоциональный компонент со знаком «минус» или агрессию:

– *пялиться* («*смотреть в упор, не отрываясь*» [2]).

(1) Казак *взглядывал* на старика, не понимал, что затевают и когда надо. Но каторжник отворачивал лицо, когда Грицко **не в меру пялился** (Б. С. Житков Черные паруса)¹.

– *вылупиться* («*уставиться широко раскрытыми глазами*» [2]).

(2) И вот, возвращаясь из кино, Клёкотов ехал в автобусе и смотрел на сидящего мужика. Мужик, хоть время было дневное, выглядел по-вечернему устало, раздраженно. Клёкотов смотрел на него просто, без мыслей, окна были загорожены телами людей, вот он и смотрел на лицо мужика как на самое близкое, на что можно было смотреть, он, кстати, не умел смотреть вообще, а именно всегда выбирал что-то одно, **уставится вечно и смотрит, это нередко вызывало у окружаю-**

щих вопрос – вслух или молчаливый: чего, мол, вылупился? – а Клёкотов объяснить не мог, он смотрел – и все. Вот и на этого мужика он просто смотрел, а мужик раз, другой, третий поднял на него свои утомленные глаза, хмурился все больше и вдруг как даст кулаком в лоб Клёкотову, у того аж в ушах зазвенело и круги разноцветные вокруг поплыли (А. Слаповский Гибель гитариста).

– *таращиться* («*смотреть, широко раскрыв глаза*» [2]) (*зло, злобно, дико, мрачно, пристально и страшно, ошеломленно, изумленно, с недоумением, испуганно*).

(3) Развернулся в мою сторону, уставился не мигая. Ждал, что я что-то отвечу. Я же, пришибленный неожиданной встречей, **немо таращился** на визитера из-за спинки кровати. Все представлялось, как продолжение дурного сна. Только сейчас я заметил, что зрачки у Петьки не просто рыжие, но со звериным огоньком изнутри. Неподвижные и зловещие (А. Приставкин Вагончик мой дальний).

– *уставиться* («*не сводя глаз, неподвижно смотреть на кого-л., что-л.*» [2]) (*в нерешительности, в растерянности, в немом ужасе, с досадой, с насмешкой, перепуганно, бесстыдно, уныло, обалдело, непонимающе, недоверчиво, подозрительно, ошарашенно, тоскливо, равнодушно, недоуменно, оторопело, неприятно, хмуро, раздраженно, настороженно, заворожено, нагло улыбаясь, раскаленными глазами*).

Глаголы *уставиться, вылупиться*, на наш взгляд, используются для описания эмоциональных переживаний коммуниканта (от изумления до ужаса), когда ему надо либо переварить полученную информацию, чтобы что-то сказать, либо для передачи агрессивного отношения к собеседнику.

(4) Я заперся в кабинете. Наконец через несколько часов пришел Кирилл. Я тут же позвал его. Он зашел с сигаретой, сел на диван и, **нагло улыбаясь, уставился на меня**. Прежде всего я вырвал у него изо рта сигарету и выбросил ее в форточку (Ю. Трифонов Предварительные итоги).

Догадаться о характере взгляда Кирилла (пример 4) было бы сложно, несмотря на употребление глагола *уставиться*, если бы не дополнительная дескрипция *нагло улыбаясь*.

– *взирать* («*смотреть, глядеть (обычно выражая какое-л. чувство, настроение)*» [2]) (*с ужасом, со страхом, со злорадством, с высокомерной жестокостью, с обреченностью, с испугом, с усмешкой, со смешанным чувством страха и почтения, с беспокойством, в ошарашении, укоризненно, мрачно, равнодушно, бесстрастно, молча, свысока, бесстыдно, высокомерно, надменно, подобострастно*). Возможны и более сложные дескрипции, не называющие взгляд конкретно, например, *высокомерным*, а разъясняющие суть высокомерного взгляда – *взирала на всех так, как будто осчастливила их своим высочайшим присутствием (Ю. Фрид)*.

АКС, возникшая в примере (5), описывается с помощью сразу нескольких дескрипций, затрагивающих мимику, дыхание, визуальный контакт.

¹ Примеры, приводимые в статье, взяты из текстов, опубликованных на сайте Национальный корпус русского языка. epub ahead: <http://www.ruscorgpora.ru>

(5) Дуся, *задохнувшись, не могла вымолвить ни слова*. А он стоял, посмеиваясь в *оскорбленные, пылающие ее глаза*. Да-да, пришло времечко, заметили они все-таки Петра! Аграфена Ивановна немотствовала, *взирала на него, как на демона* (А. Г. Малышкин Люди из захолустья).

– *зыркать* («бросать быстрые взгляды» [2]) (с яростью, в недоумении, сурово, требовательно, угрожающе-игриво, недоверчиво, злобно, строго, недовольно, дико, сердито, волчицей). Строгий взгляд Крошки Цахес в примере (6) приводит к КД Мити.

(6) – В сеульском самолете наверняка одни узкоглазые.

– Дмитрий! – *строго зыркнула* на него Крошка Цахес. – Чтобы про наших студентов я никогда такого не слышала! Вам с ними работать – извольте относиться уважительно.

– Извините, – смутился Митя (А. Житков).

В примере (7) также представлены разнообразные невербальные реакции на поведение собеседников, взгляд здесь служит в качестве причины возникновения АКС и действия, предупреждающего АКС.

(7) – Чего это ты, Вячеслав Петрович, пахана из себя строишь?

Большаков *глянул на него лениво и недовольно* – тебе, мол, что? Большаков *хмыкнул*, а Куренков (он *вдруг потемнел*) уже раскрыл рот, чтобы сказать что-то ядовитое, но Шурочка была начеку, Шурочка *так двинула его ногой и так зыркнула глазами*, что ее Толик

мигом смолк (В. Маканин Антилидер).

Все приведенные выше дескрипции нередко используются для описания поведения адресанта. Адресат же взгляд может *ощутить* (пример 8), *почувствовать, споткнуться о взгляд, наткнуться на взгляд* (пассивное состояние) или *поймать, перехватить, уловить, выдержать* (активное состояние).

(8) Я молчал, как будто придавленный тяжелой ношей. Затем *ощутил на себе взгляд, холодный и твердый, как дуло*. Железная рука опустилась на мое плечо. Пиджачок мой сразу же стал тесен. Помню, я выкрикнул что-то нелепое (С. Довлатов Заповедник).

Таким образом, оптический канал выполняет разнообразные функции, самыми важными для успеха коммуникации являются функции признания существования собеседника и регулирования разговора. Визуальный контакт – наиболее часто используемый канал связи, по которому информация передается беспрепятственно и правдиво. Это один из немногих элементов невербальной коммуникации, четко отражающих наличие в коммуникации коммуникативных аномалий, что подтверждается существованием большого количества дескрипций, описывающих АКС, возникающих в оптическом канале коммуникации. Среди них глаголы *пялиться, выпутиться, таращиться, уставиться, взирать, зыркать*, а также внушительный список конструкций с существительными *глаза, взгляд* и глаголами *смотреть* и *глядеть*.

Библиографический список

1. *Абрамов Н.* Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: epub ahead: <http://www.gramota.ru>
2. Большой толковый словарь русского языка. С. А. Кузнецов (ред.). СПб.: Норинт, 1998: epub ahead: <http://www.gramota.ru>
3. *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
4. *Кунитына В.Н., Казаринова Н.В., Погольша В.М.* Межличностное общение. Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2002.
5. *Andersen P.A.* Nonverbal Immediacy in Interpersonal Communication. In: Siegman A. W., Feldstein S. (eds.) Multichannel Integrations of Nonverbal Behavior. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1985: 1-36.
6. *Kendon A.* Some Functions of Gaze-direction in Social Interaction. Acta Psychologica, 1967; 26: 22-47.
7. *Patterson M.L.* More Than Words: the Power of Nonverbal Communication. [S.I.]: Aresta, 2011.

References

1. *Abramov N.* The Dictionary of Russian Synonyms and Similar Expressions: epub ahead: <http://www.gramota.ru>
2. A Comprehensive Thesaurus of Russian Language. S. A. Kuznetsov (ed.). Saint-Petersburg: Norint, 1998: epub ahead: <http://www.gramota.ru>
3. *Kreidlin G. E.* Nonverbal Semiotics: A Body Language and A Natural Language. M.: New Literary Review, 2004.
4. *Kunitsyna V. N., Kazarinova N. V., Pogolsha V. M.* Interpersonal Communication. Saint-Petersburg: Piter, 2002.
5. *Andersen P. A.* Nonverbal Immediacy in Interpersonal Communication. In: Siegman A. W., Feldstein S. (eds.) Multichannel Integrations of Nonverbal Behavior. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1985: 1-36.
6. *Kendon A.* Some Functions of Gaze-direction in Social Interaction. Acta Psychologica, 1967; 26: 22-47.
7. *Patterson M. L.* More Than Words: the Power of Nonverbal Communication. [S.I.]: Aresta, 2011.

УДК 82.091

UDC 82.091

М.И. МАСЛОВА

кандидат филологических наук, преподаватель
Курской православной духовной семинарии
E-mail: marinam73@yandex.ru

M.I. MASLOVA

candidate of philological sciences, teacher of Kursk
orthodox spiritual seminary
E-mail: marinam73@yandex.ru

ЕЩЕ РАЗ О «ЛИХОМАНКАХ» У ГРИГОРЬЕВА И ФЕТА

ONCE AGAIN ABOUT "FEVERS" BY APPOLON GRIGORYEV AND AFANASIY FET

В статье рассматриваются два поэтических произведения с фольклорной основой: стихотворение А. Григорьева «Доброй ночи» и баллада А. Фета «Лихорадка». Полемическое содержание статьи касается предложенных ранее тезисов об источнике указанных произведений, о сюжетном и стилевом единстве обоих текстов, о тождественности персонажа апокрифической легенды одному из христианских святых.

Ключевые слова: фольклорный текст, апокрифическая легенда, лихорадка, персонаж, сюжет, стиль.

The article deals with two works of poetry based on folklore: the poem "Good night" after Appolon Grigoriev and the ballad "Fever" after Afanasiy Phet. The polemic content of the article concerns the theses (supra) about the source of the works under consideration, about plot and style unity of both texts, about the identity of the apocryphal legend character and one of the Christian saints.

Keywords: folklore lyrics, apocryphal legend, fever, character, plot, style.

В «Ученых записках Орловского госуниверситета» (2010.№1) опубликована статья Л.В. Татаренковой «Сестры-лихорадки» в стихотворениях А. Григорьева и А.Фета» [17]. Речь в ней идет о лирическом стихотворении Ап.Григорьева «Доброй ночи» и балладе А.Фета «Лихорадка». Автор статьи рассматривает фетовский текст как ответ Ап. Григорьеву, продолжение определенной литературно-фольклорной темы. В соответствии с этим тезисом осуществляется и дальнейший сравнительный анализ текстов двух поэтов. В основу анализа кладется образ «сестер-лихорадок», который последовательно характеризуется с этимологической, фольклорно-исторической и даже психолого-поведенческой стороны. Однако религиозно-исторический комментарий, предложенный автором, выглядит недостаточным. Попытка связать народные поверья с православным календарем привела автора все к тому же народному календарю, наполовину языческому. Кроме того, очень важно указать собственно религиозные, а точнее религиозно-магические корни того обряда, который соотносился с идеей экзорцизма (изгнания бесов в женском облике) и сопровождался соответствующими текстами, в дальнейшем породившими множество «народных поверий», «сказаний», «заговоров» и прочей заклинательной, «чернокнижной» литературы.

Л.В. Татаренкова делает акцент на фольклорном характере того заклинательного текста, который положен в основу сюжета обоих стихотворений, не касаясь сложных проблем его происхождения. Собственно, текст и не назван. Дается обобщенная характеристика различных его изводов, получивших наименование «народных легенд». Одна из таких легенд, легенда о святом

Сисинии, рассматривается автором без пояснений о происхождении и особенностях ее бытования в русской религиозной культуре. Сложные и противоречивые отношения этой легенды с каноническими текстами не только Православной Церкви, но и христианства в целом, нуждаются в более подробном освещении.

Неоднозначен и сам образ «святого Сисиния», так что упоминания только сорока мучеников Севастийских, из коих одного звали Сисинием, при попытке идентификации этого литературного персонажа также недостаточно. Это спорный момент легенды, и он активно обсуждался в церковно-искусствоведческой и фольклорно-исторической литературе (работы И.Д.Мансветова, А.Н.Веселовского, И.Бенчева и др.). Проблема эта подробно рассмотрена нами в статье «Баллада А.А.Фета «Лихорадка» и средневековые апокрифы [10].

Для понимания стихотворений и Ап.Григорьева, и А.Фета эти моменты важны, поскольку ставят под сомнение репрезентацию указанных поэтических произведений в православном аспекте, что можно наблюдать в работе Л.В.Татаренковой.

Представляется необоснованным и утверждение автора статьи, что лирический герой стихотворения «Лихорадка» – «мальчик-подросток». Нет никаких указаний на это в тексте поэта. Зато упоминается крепкий напиток ром, да страстный поцелуй в губы, что вряд ли было бы уместно в контексте целомудренной юношеской влюбленности. Кроме того, может показаться странным, что няня объясняет подростку хозяйственную обстановку: «топим жарко – знаешь сам». Объяснять это она может хозяину дома, взрослому человеку, который в курсе всех дел и разбирается

в них. Мальчику вряд ли будет интересно думать над тем, жарко ли в доме топится печь и в какой момент *закрывается заслонка*. (Об этом подробно скажем далее.) А присутствие няни в лирической ситуации стихотворения вообще не нуждается в аргументации после известных произведений А.С. Пушкина («Зимний вечер», «Няне»). Скорее, именно оттуда и просьба фетовского героя, обращенная к няне: «дай-ка сахар мне да ром» как средство усмирения страстной лихорадки. (Мы намеренно избегаем здесь слова *любовь*, *любовное чувство*, поскольку при известной строгости словоупотребления можно заметить, что здесь нет речи о любви, есть только *страсть*, *боль*, *наваждение*.)

На всякий случай напомним строки стихотворения А.С. Пушкина, из которого Фет заимствовал даже ритмический рисунок стиха:

*Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.
Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила;
Спой мне песню, как девица
За водой поутру шла.
(«Зимний вечер», 1825)*

У героя А.Фета похожие просьбы к няне:

*«Ты бы шторку опустила...
Дай-ка книгу... Не хочу...
Ты намедни говорила,
Лихорадка... я шучу...»* –

Две последние строки процитированного фрагмента говорят о том, что «песня» про «девицу» уже прозвучала, хотя была она несколько иного содержания, чем пушкинская...

Таким образом, объединение стихотворений Ап. Григорьева и А. Фета в один так называемый «общий сюжет», когда второй текст только заимствует и продолжает тему первого, также представляется не вполне удачным. У Григорьева Фет, возможно, заимствовал количество сестер-лихоманок (девять), поэтому его стихотворение звучит как отклик на стихи друга. Но можно заметить несколько иную романтическую коллизию фетовской баллады. Ап. Григорьев пересказывает легенду, она звучит красиво и отстраненно, хотя на всякий случай его лирический герой предупреждает героиню, что жгучий поцелуй демона-лихорадки предотвращается Ангелом-хранителем. У лирического героя Фета такой хранитель отсутствует (или он *не досмотрел* за своим подопечным), так что женщина, похожая на лихорадку, уже поцеловала его крепко в губы. Наяву это было или во сне – уже другой вопрос.

На первый взгляд, «Доброй ночи» Ап.Григорьева звучит как колыбельная, ничего зловещего в нем нет. Именно так восприняла его Л.В. Татаренкова. Однако есть в тексте некая странность. Если героиня «вечером ложится спать», как пишет Татаренкова, а лирический герой, присутствуя, надо полагать, при ее вечернем туалете, «рассказывает ей народное поверье», то в каких

отношениях находятся герои произведения?

Судя по стилистике текста Григорьева, его героиня – девушка-отроковица, того юного возраста, когда ей уместно говорить, с весьма умильной интонацией, об «очах ангельских» и «светлых Божьих силах». Но тогда какую роль мы отведем герою, убаюкивающему отроковицу гармоничной колыбельной песней? Старший брат? Возможно. Старший друг? Нет, это уже двусмысленно. Если же не брат, то, значит, и не рядом с ней находится, а просто адресуется к ней. Если же не брат и все-таки рядом, тогда вовсе странно слышать от него колыбельную в таком инфантильном тоне. Л.В.Татаренкова утверждает: «Здесь представлен традиционный романтический монолог: мужчина обращается к своей возлюбленной». Тогда уместен вопрос: а сколько лет его возлюбленной? И если по интонации речи героя можно предположить, что возлюбленная еще совсем юная, тогда что он делает в ее спальне? Если его туда привела страсть, подобная лихорадке, то ситуация с колыбельной напоминает театр абсурда...

Все эти моменты очень неопределенны, и все они делают весьма шаткими умозрительные построения, имеющие место в статье Л.В.Татаренковой. Сразу оговоримся, что биографический компонент в упоминаемой статье отсутствует. Тот факт, что «Доброй ночи» посвящено девятнадцатилетней Антонине Корш [3], в данном случае не имеет значения. О том, что послужившая прототипом героини этой нежной колыбельной песни девушка «мило кокетничала» [там же] с автором, мы тоже не узнаем из статьи Татаренковой. Так что продолжим безотносительно к этим малодоступным большинству читателей подробностям.

Итак, очевидно, что лирический герой, адресующийся к нежным чувствам своей возлюбленной, искушен в чувствах другого свойства и иной природы, нежели ангельская. Так что *лихорадки* здесь лишь повод припомнить нечто свое, пережитое. *Лихоманок-лихорадок,/ Девяти подруг/ Поцелуй и жгуч, и сладок,/ Как любви недуг...* В этих строках и заключена вся странность стихотворения и изображенной в нем ситуации. *Тихий сон, добрая ночь, золотые лучи и ангельские очи, дозорная звезда небесного сторожа, «светлые Божьи силы»...* и вдруг: *жгучий и сладкий поцелуй* недужной, знобящей страсти. И страсть эта исходит не от *сестер-лихоманок*, а от автора, точнее героя-повествователя, позволившего себе засыпающей отроковице поведать о том, что любовь человеческая, *как он ее понимает*, – это болезнь и страдание, а вовсе не светлое чувство. Выходит, что говорящий подразумевает у слушающей некую брутальность восприятия, способность уяснить себе «жжение» и «сладость» чувственности.

Таким образом, гармония этого произведения тоже призрачная. Ведь совершенно очевидно, что упоминание жгучей страсти в контексте колыбельной песни попросту «взрывает» этот благостный контекст.

Для романтического мировосприятия Ап. Григорьева подобный «дуализм» вполне естествен. Задача читателя в этом случае – верно расставить акценты, чтобы за кажущейся идиллией усмотреть мятущийся дух по-

эта. Для этого уместно обратиться к истории публикации стихотворения Ап. Григорьева. Стоит вспомнить и то, что «за всю свою литературную жизнь» Григорьев «не собрался сколько-нибудь определенно выяснить свое мировоззрение» [14]. Так что ожидать определенности чувства и мысли от автора, который «сам отлично осознавал лирический беспорядок своих писаний» [1], сложно...

Итак, известно, что стихотворение «Доброй ночи!» – это творческий дебют поэта, опубликовавшегося в журнале «Москвитянин» (1843, №7) под псевдонимом «А.Трисмегистов». Нельзя считать случайным выбор такого необычного – «герметического» – псевдонима. Здесь отсылка к мистическому «тайному» учению Гермеса Трисмегиста. Правда, известно, что в начале сороковых годов Григорьев увлекся романом Ж. Санд «Графиня Рудольштадт», главный герой которого носил псевдоним Трисмегист. Но это не исключает собственного интереса поэта к герметической философии.

В нашу задачу не входит анализ мировоззрения поэта на предмет влияния оккультных учений, но тенденции философии гностицизма не отметить нельзя. «Всякий романтизм гностичен, – писал А.Ф. Лосев, – а гностицизм как для правоверного эллина Плотина есть пессимизм и атеизм, так и для христианского епископа Ириния Лионского – «лжеименный разум» и разврат» [4].

Одним из оснований гностического мистицизма был герметизм – эзотерическое учение, «сочетавшее элементы популярной греческой философии, халдейской астрологии, персидской магии и египетской алхимии»; название происходит от имени Гермеса Трисмегиста (Трижды величайшего). В результате увлечения герметизмом Ап. Григорьев даже вступил в одну из масонских сект. Об этом упоминает и А.Фет: «...Григорьев не раз говорил мне о своем поступлении в масонскую ложу... (...) Однажды ...он объявил мне, что получил из масонской ложи временное вспомоществование...» [20]. Существует мнение, что на самом деле Ап. Григорьев был «псевдомасоном» [15], т.е. просто написал несколько произведений в соответствующем стиле. Как бы то ни было, избранный автором псевдоним обязывает рассматривать текст «Доброй ночи» в связи с идейными тенденциями того мистического учения, к которому он отсылает. Что касается религиозной стороны мировоззрения Ап. Григорьева, то об этом можно прочесть следующее: «Связь Григорьева с философским романтизмом... очевидна... Но вот «религиозно ориентирован» Григорьев, к сожалению, никогда не был. Он уважал Православие и высоко ценил его как «стихийно-историческое начало», но ценил наряду с другими стихийно-историческими началами народной жизни» [4]. По сути, эти слова означают не уважение Православия как религии, а игнорирование именно религиозного начала в Православии. Такая позиция свидетельствует о действительной приверженности ее обладателя масонским взглядам [18].

Герметизм и масонство связаны теснейшим образом. Например, писателя Н.И.Новикова в 1780-е годы в московском масонстве привлекал именно герметизм:

«с поворотом московских масонов к розенкрейцерству стали возрастать тяготения Новикова к мистике; недостаток естественно-научного образования облегчил увлечение “герметическими” науками» [11].

Вследствие религиозного характера этих орденов человеку, вступившему на путь освоения «тайных учений», трудно сохранить непротиворечивость мировоззрения, поскольку учения эти сумбурны и эклектичны по своему религиозному наполнению и не дают отчетливых координат «света» и «тьмы».

Так что упоминание *светлых Божьих сил* в стихотворении Ап. Григорьева «Доброй ночи» – еще не гарантия «гармонического спокойствия» [3] этого текста, и «неомраченно-благостная интонация» [17] в данном случае – всего лишь иллюзия восприятия читателя, не посвященного (в отличие от автора) в мистические «тайны мира». Не стоит присваивать этому тексту характер традиционной, а тем более – православной, религиозности. «Герметический» псевдоним автора отсылает читателя к иной традиции: «Религиозно-моральная лирическая поэзия была самым популярным, самым распространенным жанром в масонской среде. Она не только удовлетворяла чисто эстетическим потребностям – она несла обрядовую, ритуальную функцию. Масонская лирика культивировала несколько поэтических жанров: гимн, оду, хор, песню» [11]. И вот разве что с этой точки зрения «Доброй ночи» можно назвать колыбельной песней для возлюбленной рыцаря-розенкрейцера...

Фетовский рассказ о лихоманках, прозвучавший из уст суеверной няни, еще более тревожен, а стихотворение в целом – еще менее определенно по содержанию, чем текст Григорьева. Может быть, потому, что *романтический* ореол апокрифической легенды, присутствующий у Григорьева, у Фета слегка рассеялся, преломившись в просторечии няни: «...Вишь, нелегкая их носит / Сонных в губы целовать! / Всякой болести напросит / И пойдет тебя трепать» («Лихорадка»).

Носителем информации о девяти «сестрах-лихоманках» является именно старушка-няня как наиболее доверенное лицо лирического героя. По характеру ее речи можно определить ее простонародное происхождение. Герой снисходительно слушает; как явствует из текста, «любви недуг» ему уже знаком, и жгучий поцелуй уже приснился. Так Фет несколько иронически развивает тему, заданную стихами друга. Но вряд ли здесь можно говорить об «общем сюжете». Общий мотив – да, но сюжеты у произведений – разные. Нельзя же считать доказательством общности сюжетов утверждение Л.В.Татаренковой, что «у Григорьева лихорадка подобна «недугу» любви, а у Фета пробуждающаяся любовь героя рождает лихорадку». Если мы ведем речь о художественном образе «сестер-лихорадок» (или одной «лихорадки-сестры»), то процитированное высказывание не имеет смысла. «Лихорадка-сестра» подобна «любви» или «любовь» «рождает» «сестру-лихорадку»?.. Так же далеко от ясности высказывание о том, что у Фета «пробудившийся ото сна герой ощущает приближение болезни, приклю-

чившейся от поцелуя лихоманок». Ничего подобного из текста фетовской баллады не следует. В тексте говорится только о том, что герою приснился сон, который он почти забыл, помнит только крепкий поцелуй, и в конце звучит ироничный риторический вопрос: кто целовал? – «лихорадка ли она?» Ответить на этот вопрос не в силах, кажется, и сам автор, не говоря уже о читателях...

Эта ситуация фетовской баллады уже обсуждалась в статье В.А. Кошелева [6], где отмечалось, что подобные «умолчания» и «недосказанности» в балладах Фета вовсе не предполагают возможности конкретных ответов, они служат жанрообразующим компонентом произведения, находящегося на стыке жанров: лирического стихотворения и эпической баллады. Ту же роль играют и фольклорные образы сестер-лихорадок. Они призваны привнести атмосферу «страшного» в сюжетную коллизию романтического произведения.

Так, опираясь на фольклорные мотивы, В.А. Кошелев назвал сюжет другого произведения Фета, баллады «Змей», банальным. Поскольку в конце «ничего страшного» не происходит. ...Если не считать того, что обычно происходит между мужчиной и женщиной. Тут, видите ли, целый змей прилетел, а в итоге – все то же:

Только слышатся в светлице / Поцелуи да слова.

«Кажется, что-то должно произойти – но не происходит решительно ничего, кроме самого естественно-го...», – размышляет В.А. Кошелев. То же и в балладе «Лихорадка»: «Разговор идёт о старинном суеверии: “девять лихоманок” ходят по ночам между людьми и, целуя, поселяют в них болезнь. И неожиданный финал: *Верю, няня!.. Нет ли шубы?.. / Хоть всего не помню сна, / Целовала крепко в губы – / Лихорадка ли она?*»

По мнению Кошелева, «фетовские “умолчания” придают его балладам расширительный семантический ореол». И другое утверждение: «Очевидно, что основным достоинством баллады, как он её понимал, Фет считал её многосмысленность, даже “размытость” содержания, невозможность логически выделить в нём нечто “однозначное”...» [6].

Так что «мальчик-подросток» герой «Лихорадки» (как считает Л.В. Татаренкова) или взрослый искушенный страстью мужчина – дело вкуса самого читателя.

Напомним еще одно замечание В.А. Кошелева, касающееся другого текста, но в целом охватывающее жанр баллады: «Для Фета же ... главным становится не сюжет собственно и даже не передача чувств и настроений героев, а возможность лирического самовыражения: основным “персонажем” баллады оказывается сам автор». Собственно, с этого и начинается наше восприятие произведения: герой не мыслится отдельно от автора. Чувства героя – это чувства автора. Тогда понятной становится и недосказанность сюжета: придуманные переживания было бы легче «додумать», чем свои собственные, настоящие. Подобную мысль, но с переадресацией от автора к герою, встречаем и у В. Коровина, который считает, что предметом баллады Фета нередко становится «конфликт в душе одного героя» [5, с. 11].

Надо сказать, что романтическая недосказанность балладного конфликта у Фета и семантическая многозначность образа женщины-лихорадки нивелируется художественным образом того же духовного явления. Иконописные образы лихорадок уничтожают романтическое поле стихотворения. Если Фет знал тексты заговоров (а он их знал! [7]), предполагал ли он, чем рискует, задавая ассоциативную связь между ночной гостьей, поцеловавшей героя, и теми уродливыми существами, которые запечатлены в художественных образах экзорцистской тематики на неканонических русских иконах?

Наличие в русской иконописи XVII-XIX веков таких сюжетов, где присутствует образ женщины-лихорадки, существенно расширяет диапазон наших филологических наблюдений. Л.В. Татаренкова пользуется этой возможностью, но тоже не совсем удачно, так как опирается при этом не на серьезные научные источники, а на популярную энциклопедию О.Платонова. Вообще говоря, явным парадоксом статьи Л.В. Татаренковой можно считать отсутствие ссылок на какие-либо исследования специалистов в области фольклористики, а также на литературоведческие работы по творчеству Ап. Григорьева и А. Фета.

Вкратце скажем о нескольких работах, способных прояснить спорные моменты интересующих нас текстов Ап. Григорьева и А. Фета.

В Фетовском сборнике 1985 года имеется статья В.И. Коровина «А.А. Фет и его баллады», где дается характеристика жанра баллады в целом и рассматриваются психологические особенности балладного конфликта [5]. Существует также довольно обширная статья В.А. Кошелева «О балладе А.А. Фета «Легенда», опубликованная в журнале «Литература» в 2001 году; сегодня ее можно найти в сети Интернет [6]. Кошелев уточняет некоторые «построения» Коровина, касаясь традиций русской баллады (Жуковский, Катенин, Пушкин), и определяет характер балладного конфликта как «надличный» и «сверхличностный», разъясняя тем самым сюжетные «неопределенности» и в балладах Фета.

Из материалов последнего десятилетия можно назвать опубликованную в 2004 г. диссертацию Т.Г. Фирсовой «Творчество Фета и русский фольклор» [21], где помимо всего прочего рассматривается и фольклорная основа «Лихорадки» с указанием жанра народных быличек, которые Фет осваивал, по мнению Фирсовой, по трем направлениям. Как общеславянские верования о представителях низшей демонологии (фольклорный подтекст баллады); как жанрообразующий и структурный элемент (в этом разделе «Лихорадка» не упомянута) и, наконец, как характерообразующий элемент, когда «фольклорные суеверия выступают в балладных произведениях Фета опосредованно, в речи носителя народных преданий – няни». И здесь «Лихорадка» на первом месте.

Что касается жизни и творчества Ап. Григорьева, то прежде всего можно упомянуть книгу Б.Ф. Егорова, изданную в серии «ЖЗЛ» [3]. Особенно полезной здесь может быть глава о «контрастных зигзагах страстей» в

стихах Григорьева, посвященная циклу «Борьба».

Возвращаясь к теме нашей статьи, заметим, что сестры-лихоманки интересны и как религиозный мотив, одинаково приемлемый и русской поэзией, и русской иконографией. Причем глубокое толкование этого образа можно найти именно в иконографических, а не в филологических исследованиях. Это объясняется тем, что иконография всегда оставалась в русле религиозной системы координат, а потому и демонология в этой отрасли искусства не вращалась намертво в мифологию и фольклор, а продолжала оставаться частью того «духовного реализма» (термин А.М.Любомудрова) [9], который является главной особенностью живого религиозного мировоззрения. Разница в том, что в фольклоре демоническим существам придается некое самостоятельное значение, предполагающее прямое обращение к демону с заклинательным текстом, а в церковной религиозной традиции все молитвенные прошения направлены к Богу, и даже Ангел-хранитель выступает лишь посредником между Богом и человеком. «Святой Ангеле Божий, хранителю мой, моли Бога о мне» – так звучит православная молитва. «... Окаянные трясавицы! заклинаю вас... побегите от раба Божия (имярек) ...» – так звучит заклинание, сопровождающее магический обряд.

Сеансы экзорцизма и доныне практикуются в католической и православной конфессиях [8, с.105], однако делом этим занимаются священники и монахи, а уж никак не хранители «народных преданий».

Поэтому когда Л.В. Татаренкова пишет, что «источником стихотворений почти наверняка были «живые» народные предания, услышанные А.Григорьевым и А.Фетом в студенческие годы в доме Григорьева или Фетом в родной Орловской губернии», она имеет в виду, надо полагать, что «живые» магические обряды совершались в присутствии студентов со всеми заклинательными «молитвами». В крайнем случае, нам остается предположить, что заговоры звучали как-то отдельно, в виде претерпевших религиозно-магическую профанацию песнопений. На самом деле известно, что Фет и Григорьев «услышали» магические заговоры и «народные предания» на лекциях профессора И.М. Снегирева, который был автором книги «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (1838, Москва) [см. 7, с.10].

Воспринимая заговоры от лихорадки только на уровне «народных поверий», мы рискуем остаться на поверхности анализируемых произведений, затушевывая неопределенными «фольклорными мотивами» и без того скрытый конфликт между «неомраченно-благодной» интонацией текста и низшей духовной природой тех явлений, к которым восходят используемые в нем художественные образы (демоны-лихорадки).

Если еще раз представить сюжетную ситуацию стихотворения Ап. Григорьева, можно понять, что предостережение о лихорадках оказывается соблазном, искушением, потому что героине предлагается вообразить, как «жгуч и сладок» поцелуй недужной *страсти*, рядом с которой уже не «работают» на сюжет

упоминаемые далее «светлые Божьи силы». В итоге стилистически стихотворение «разваливается» – не то колыбельная, не то эротический этюд. Вообще говоря, романтический пафос обоих текстов уже не предполагает юношеской неискренности. Упоминание «жгучего» и «сладкого» поцелуя исключает мотив целомудрия (первой влюбленности). Даже не наличие поцелуя, а сам факт упоминания его – уже исключает целомудрие героини, которая слушает (у Григорьева), и героя, который увидел сон (у Фета). Ибо цельность духа и чувства (*цело*-мудрие) уже нарушена. Герой говорит одно, а чувствует другое. С одной стороны: «сторож твой их отгонит», с другой – представь себе их *жгучий и сладкий поцелуй*...

«Лирический герой А. Григорьева как бы предупреждает героиню о том, что может случиться ночью, а герой «Лихорадки» к утру обнаруживает признаки болезненного поцелуя» (Л.В. Татаренкова).

«Болезненный поцелуй» – это когда губам больно, герпес на губах.

А у Григорьева и Фета речь идет о страсти, и откровенно признать ее болезненную, нечистую природу обоим поэтам позволяет обращение к художественным образам народного «чернокнижия».

Очевидно, что иконографический образ не может быть источником поэтического образа в данном случае. Няня у Фета не описывает внешность демонических существ, как следовало бы ожидать, если бы первоисточником для нее (т.е. для автора) была икона. Кажется, опирается она в своем видении этих существ именно на фольклорную традицию, а вернее будет сказать, на суеверно-религиозную практику, сопровождаемую соответствующими текстами.

Ангел у Григорьева – не архангел Михаил народных заговоров, а личный ангел-хранитель («сторож твой»), если только поэт не сужает религиозно-канонический диапазон влияния Архистратига Михаила от «защитника всех христиан» до индивидуального «сторожа» отдельного человека.

Слово «лихорадка», в просторечной транскрипции – «лихоманка», является знаковым в тексте Фета, оно задает коллизию в самом начале («все как будто лихорадка...») и оно же неопределенно, уклончиво разрешает ее в последней строке («...лихорадка ли она?»).

Столь же значимо это слово и для того представителя народной религиозной культуры, кто в известной ситуации прибегает к соответствующим текстам, а именно: чернокнижным заговорам от горячки и разного рода телесных немощей. Православная Церковь называет подобные тексты «лживыми молитвами» [2, с.110]. Увещания Церкви о том, что лихорадка не является духовной болезнью, но имеет характер естественного физического недуга, а потому не нуждается в применении экзорцизма, не были услышаны народными массами, особенно на периферии российского пространства, что и привело к чрезвычайному распространению различного рода заклинательных текстов, упоминающих неких демонов в женском облике, именуемых то лихорадками, то трясовицами, то огневицами и водяни-

цами. Некоторые из таких суеверных заклинаний были опубликованы в 30-годы XIX в. известным собирателем «старинных и народностей» И.П. Сахаровым в его «Сказаниях русского народа» [16].

Фет в 1840-е годы был знаком с книгой Сахарова. Поэтому тема демонов-лихорадок вряд ли заимствована им у Ап. Григорьева. Оба поэта слушали лекции профессора Снегирева. Так что тема лихорадок могла быть подхвачена вслед за Григорьевым, но осмыслена она Фетом уже по-своему. И здесь уже никак нельзя считать стихотворение «Доброй ночи» источником образа лихорадки в балладе Фета.

Композиционно текст Фета построен следующим образом: три строфы – слова героя, три строфы – слова няни, т.е. гармоничный диалог «на равных». Стихотворение начинается словами героя и заканчивается ими. Он задает характер диалога, получает ответные реплики, размышляет над ними. Кажется странным, что целая строфа стихотворения отдана няне на фразу довольно специфического бытового характера: *«Ах, родимый, бог с тобою: /Подойти нельзя к печам! /При себе всегда закрою, /Топим жарко – знаешь сам»*. Вот это выражение: «при себе всегда закрою» (*заслонку*, надо полагать) – звучит диалектно, так что нельзя быть уверенным, имеется ли здесь в виду ситуация личного участия («при себе») или что-то еще. Это и неважно для содержания стихотворения. Важно, что няня обрисовывает ситуацию: в жарко натопленной комнате герою холодно, «не сладко», он заболел. Это реалистический фон стихотворения, событийный. Здесь, на наш взгляд, автор дает подсказку о своем герое: он не может быть юношей, он может быть только взрослым мужчиной. Он «знает сам», как топится в его доме печь и как закрывается заслонка. Если же под этим «знаешь сам» предполагать только указание няни на всегдашнюю жару в комнате ее воспитанника, то прозвучит это жесткой иронией, а уж никак не репликой заботы. И зачем ей тогда говорить от общего лица: «топим жарко»? Если она обобщает, значит, герой мыслится участником процесса отопления дома. А таковым может быть только взрослый человек. Невозможно вообразить, тем более в романтическом контексте, чтобы влюбленный юноша интересовался «печами» и отоплением. Иначе придется констатировать факт недалекого ума у няни, которая «грузит» бедного влюбленного юношу такими прозаическими подробностями быта: *При себе всегда закрою, /Топим жарко – знаешь сам...*

Лихорадка влюбленности лирического героя в некую земную женщину (да и это мы можем только пред-

полагать) «накладывается» на фольклорный мотив поцелуя демона-лихорадки, что в конечном итоге дает тесное переплетение эмоциональных и эстетических представлений, из коих и возникает *поэтический* образ женщины-лихорадки. Причем невозможно ни доказать, ни опровергнуть реальность того и другого персонажа: лиро-эпическая конструкция выстроена так, что уже в заглавие текста заложен дуализм восприятия. С равным успехом здесь можно рассуждать как о лирической лихорадке-влюбленности, так и о мифо-эпической *лихорадке* – олицетворенном *демо*не.

Уподобление страстной влюбленности некой телесной немощи, горячке, якобы сверхъестественного происхождения, вводит стихотворение в поле романтических традиций, характерных как для русской, так и мировой литературы. Мотив встречи с демоном-лихорадкой встречаем в немецкой литературе (Ульрих фон Гуттен, XVI в., «Диалоги»), в грузинской поэзии (поэтесса Манана, XVIII в., поэма «Разговор Мананы с лихорадкой»). В России после Григорьева и Фета фольклорный мотив лихорадок интересовал Куприна («Олеся»), Ал.Грина («Автобиографическая повесть») и некоторых других авторов второго плана (н-р, Гусев-Оренбургский, рассказ «Страница»).

Что касается рассмотренных стихотворений поэтов XIX века, то очевидно, что наличие художественных образов демонических существ сразу относит стихотворение любой степени наивности к разряду брутально-чувственных, ибо природа такого переживания уже «нечиста». Поэтому и возникает ассоциация влюбленности с душевной болезнью. Как, например, в стихотворении Фета «Был чудный майский день в Москве»: *Я под окном сидел, влюблен, / Душой и юн и болен*.

Н.Мышьякова называет это «довольно банальной фетовской картиной» [12, с.5], подчеркивая тем самым, как привычна для поэта мысль о том, что любовь – лишь *душевная болезнь*. А если так, то появление демонических *сестер-лихорадок*, целующих влюбленных в губы, – тоже закономерно. Ну, не ангел же приносит такую любовь...

Впервые в русскую литературу эту романтическую идею внес, кажется, Пушкин с его шуточными стихами к Пущину: *Вот здесь лежит больной студент; / Его судьба неумолима. / Несите прочь медикамент: / Болезнь любви неизлечима!* («Надпись на стене больницы», 1817) [13, с.261]. Остается добавить: если любовь такова, что вредит душе, то ее надо изгонять с помощью экзорцизма...

Библиографический список

1. Аполлон Григорьев // Википедия. Электронный ресурс. URL: <http://ru.m.wikipedia.org/wiki>
2. Бенчев Иван. Иконы ангелов. Образы небесных посланников. Пер. с нем. С.К.Дмитриева. М.: «Интербук-бизнес», 2005.
3. Егоров Б.Ф. Аполлон Григорьев. М.: «Молодая гвардия», 2000. Электронный ресурс. URL: http://bungalos.ru/b/egorov_apollon_grigorev
4. Калягин Н. Последний романтик. Творческая судьба Аполлона Григорьева // Русское самосознание. №4. Электронный ресурс. URL: <http://russamos.narod.ru/04-07.htm>
5. Коровин В.И. Фет и его баллады // А.А. Фет. Традиции и проблемы изучения. Сб. научн. трудов. Курск: Курский госпединститут, 1985.

6. Кошелев В.А. О балладе А.А.Фета «Легенда». Электронный ресурс. URL: <http://lit.1september.ru/article.php>
7. Кошелев В.А. Цикл А.Фета «Гадания» // Афанасий Фет и русская литература: XXII Фетовские чтения: (Курск, 20–22 сентября 2007г.) / Под ред. Н.З.Коковиной, М.В.Строганова. Курск: КГУ, 2008. С.8–20.
8. Куцу Ефрем, архим. Студент в университете пустыни. Мн.: Братство в честь святого Архистратига Михаила, 2012.
9. Любомудров А.М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2003.
10. Маслова М.И. Баллада А.А.Фета «Лихорадка» и средневековые апокрифы// Курский текст в поле национальной культуры. Материалы спецкурса для студентов бакалавриата и магистратуры филолог. факультета Курского госуниверситета. Выпуск 5. Курск: КГУ, 2013. С.114–124.
11. Массонская литература // Русская литература и фольклор. Фундаментальная электронная библиотека. Электронный ресурс. URL: <http://feb-web.ru/feb/irl/il0/il4/il4-0512.htm>
12. Мышьякова Н.М. К вопросу о творческом методе А.Фета // А.А.Фет. Проблемы творческого метода, традиции. Межвузовский сборник научных трудов. Курск: Курский госпединститут, 1989. С.4–20.
13. Пушкин А.С. Собрание сочинений. В 20 т. Т.1. Лицейские стихотворения. М., 1937.
14. Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. Т.2. М., 1992. С. 31–36.
15. Серков А. Массонство и литература// Электронный ресурс. URL: <http://www.freemasonry.narod.ru/Publications/frmlit.html>.
16. Сахаров И.П. Сказания русского народа. М.: «Художественная литература», 1990. С.8
17. Татаренкова Л.В. «Сестры-лихорадки» в стихотворениях А. Григорьева и А.Фета // Ученые записки Орловского государственного университета. Научный журнал. Орел, 2010. № 1 (35). С. 184–187.
18. Феодоропулос Е., архим. Массонство в свете истины. Критический разбор книги «Элладская церковь и массонство» / Пер. с греч. А.Л. Данилина. М.: Издательский Дом «Святая Гора», 2009.
19. Фет А.А. Стихотворения. Проза. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 1978.
20. Фет А.А. Ранние годы моей жизни // Фет А.А. Стихотворения. Проза. Воронеж, 1978. С. 428–429.
21. Фирсова Т.Г. Творчество Фета и русский фольклор. Электронный ресурс. URL: <http://www.disscat.com/content/tvorchestvo-aa-feta-i-russkii-folklor>

References

1. Appolon Grigoryev // Wikipedia. Online resource. URL: <http://ru.m.wikipedia.org/wiki>
2. Benchev Ivan. Icons of Angels. Images of Celestial Ministers / Translated from German by S.K.Dmitriev. M.: “Interbook-business”, 2005. P. 110.
3. Egorov B.F. AppolonGrigoryev. M.,2000. //Электронныйресурс. URL:http://bungalos.ru/b/egorov_apollon_grigorev
4. Kalyagin N. Last Romantic. Creative Fate of Appolon Grigoryev // Rysskoe samosoznanie. №4. Online resource. URL: <http://russamos.narod.ru/04-07.htm>
5. Korovin V.I. Fet and his ballads // A.A.Fet. Traditions and Problems of Research.Collection of Treatises. Kursk: Kursk State Pedagogical Institute, 1985.
6. Koshelev V.A. About the ballad “Legend” by A.A.Fet. Online resource. URL: <http://lit.1september.ru/article.php>
7. Koshelev V.A. Cycle “Fortunetelling” by A.Fet // AfanasyFet and Russian Literature. Fet Reading XXII: (Kursk, September, 20–22, 2007) / Edited by N.Z.Kokovina, M.V.Stroganov. Kursk: KSU, 2008.
8. Kutsu Efrem, archimandrite. A Student in the University of Wilderness. Mn.: Community in honour of Snt. Archistratigus Michael, 2012.
9. Lyubomudrov A.M. Spiritual Realism in the Russian-language Literature Abroad: B.K.Zaitsev, I.S.Shmelev. SPb.: “Dmitry Bulanin”, 2003.
10. Maslova M.I. Ballad “Fever” by A.A.Fet and MedievalApocrypha// Kursk Text in the Field of the National Culture. Materials of the special course for students of undergraduate studies and MA course of the language and literature department of Kursk State University. Issue 5. Kursk: KSU, 2013. P.114–124.
11. Masonic Literature // Russian Literature and Folklore. Fundamental Digital Library. Online resource. URL: <http://feb-web.ru/feb/irl/il0/il4/il4-0512.htm>
12. Myshyakova N.M. On the Issue of the Creative Method of A.Fet // A.A.Fet. Problems of the Creative Method, Tradition. Collection of Treatises. Kursk: Kursk State Pedagogical Institute, 1989.
13. Pushkin A.S. Collected Works. 20 volumes. Volume 1. Lyceum poems. M., 1937.
14. RussianWriters.1800-1917. Biographical dictionary. Volume 2. M., 1992. P. 31–36.
15. Serkov A. Masonry and Literature // Online resource. URL: <http://www.freemasonry.narod.ru/Publications/frmlit.html>.
16. Sakharov I.P. Stories of Russian People. M.: Khudozhestvennaya Literatura, 1990.
17. Tatarenkova L.V. “Sisters-Fevers” in poems by A.Grigoryev and A.Fet // Memoir of Oryol State University. Sciencejournal. Oryol, 2010.№1 (35). P. 184–187.
18. Feodoropulos E., archimandrite. Masonry in the Light of Truth. Critical Review of the Book “The Church of Greece and Masonry” / Translated from Greek by A.L. Danilin. M.: Publishing House “The Holy Mountain”, 2009.
19. Fet A.A. Poems. Prose. Voronezh: Central Black Earth Publishing House, 1978.
20. Fet A.A. Early Years of My Life // Fet A.A. Poems. Prose. Voronezh, 1978. P. 428–429.
21. Firsova T.G. Works of Fet and Russian Folklore. Online resource. URL: <http://www.disscat.com/content/tvorchestvo-aa-feta-i-russkii-folklor>

УДК 82

UDC 82

Е.А. МИХЕИЧЕВА

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой
русской литературы XX-XXI вв. и истории зарубежной
литературы Орловского государственного универси-
тета
E-mail: inoliterat@mail.ru

E.A. MIKHEICHEVA

doctor of Philology, professor, department of the Russian
literature of the XX-XXI centuries and history of foreign
literature, Orel state university
E-mail: inoliterat@mail.ru

«ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА РУССКАЯ ЗЕМЛЯ...»

«FROM WHENCE THE RUSSIAN LAND CAME TO BE...»

В статье рассматриваются исторические и лингвистические концепции возникновения и развития славянского этноса. Наряду с традиционными концепциями истории славянских народов, принадлежащих известным историкам (Н.М.Карамзину, Н.И.Костомарову, С.М.Соловьёву), нашедшими художественное выражение в древнерусских памятниках («Слово о полку Игореве», «Повесть временных лет»), в статье рассматривается и альтернативная историография: теория этногенеза Л.Н.Гумилева и «ДНК-генеалогия» А.А.Клёсова, что дает основание говорить о новой концепции возникновения индоевропейских языков.

Ключевые слова: славяне, Русь, этнос, концепция, история, летопись, теория этногенеза, пассионарность, славянский «гаплотип P1a1», индоевропейские языки.

This article deals with historical and linguistic concepts of Slavic ethnos origin and evolution. Traditional Slavs history concepts of famous historians (N.M. Karamzin, N.I. Kostomarov, S.M. Solovyov), found in Old Russian chronicles («The Tale of Igor's Campaign», «Tale of Bygone Years») are considered alongside alternative historiography. The article deals with L.N. Gumilev's ethnogenesis theory and A.A. Klyostov's «DNA genealogy». It makes possible to distinguish the new concept of Indo-European languages evolution.

Keywords: Slavs, Russia, ethnos, concept, history, chronicle, ethnogenesis theory, passionarity, Slavic "haplotype P1a1", Indo-European languages.

В эпохи политического, экономического, социального, культурного противостояния, как правило, начинается пересмотр, «перекраивание» истории в угоду личным амбициям той или иной нации, стремящейся во что бы то ни стало доказать свою «самость», свою полную биологическую, географическую и любую другую независимость и индивидуальность. На рубеже XX-XXI веков вследствие распада СССР, Югославии, Чехословакии, объединения Германии и других политических событий этот процесс особенно обострился. Этнические конфликты принимают самые разные формы: от военного противостояния до попыток сфальсифицировать историю.

Слово «история», как пишет Л.Н. Гумилев, один из создателей альтернативной историографии, имеет огромное количество значений: «социальная история», «военная история», «история культуры», «история государств и юридических институтов»... «Нас же должна интересовать история этническая, этногенез – история происхождения и исчезновения этносов» [2, 24]. Этнос, или этническая общность – «исторически возникший вид устойчивой социальной группировки людей, представленный племенем, народностью, нацией» [7, 1574]. Именно история этносов и сопутствующая ей история языка позволяют вскрыть «корни», установить общих биологических предков, разобраться в том, насколько

основательны территориальные притязания отдельных представителей того или иного этноса. В своей статье мы постараемся показать, что заслуживающие внимания исторические концепции, следующие традиции, или так называемые «альтернативные», близки в решении вопроса о единстве славянского этноса, о его месте и роли в мировой истории.

Русская историческая школа, представляя которую мы будем опираться на известные в данной области авторитеты и современных ученых, признавая наличие отдельных «белых пятен» в концепции развития славянского этноса, считает доказанным исконное единство славян. Как известно, первые сведения о славянах относятся к IY-YI векам нашей эры. Но историки, опираясь на сведения, почерпнутые из русских летописей, истоки славянского этноса относят к библейским временам. Летописцы «в просторах всемирной истории ... искали точку, из которой можно было вывести историю славянства... Той точкой, из которой летописец начал движение истории в своем труде, стало разделение земли между сыновьями Ноя после всемирного потопа». К части земель и народов, доставшихся после разделения одному из сыновей Ноя, Афету, относились и древние славяне, – так объясняет мифологический пласт славянской истории современный медиевист А.А.Шайкин [12, 164].

Другой исследователь летописного памятника, О.В. Творогов, называет «Повесть временных лет» «важнейшим памятником историографии, в котором отразились представления древнерусских книжников начала XII века о месте русичей среди других славянских народов, представления о возникновении Руси как государства...». Он пишет, что во времена сыновей Ноя – Сима, Хама, Иафета (то же – Афет) – «был единый народ». От племени Иафета «произошел и народ славянский». «Сели» славяне «по Дунаю», затем «разошлись по земле» и «стали прозываться именами своими от мест» – морова, чехи, белый хорваты, сербы, ляхи. Те же славяне, что «сели по Днепру», стали называться полянами, а славяне, что «сели около озера Ильмень», назвались своим именем – «славянами», и построили город – Новгород. Братья поляне – Кий, Щек и Хорив – тоже построили город, который назвали в честь старшего брата – Киевом. В год 6360 (852 н.э.), во время царствования Михаила, «стала называться Русская земля». «А славянский народ и русский един, от варягов ведь прозвались русью, а прежде были славяне, хоть и полянами назывались, но речь была славянской», – такой исторически значимый вывод делает летописец [11].

Н.М. Карамзин в первой главе своего исторического труда пишет о многочисленных народах, которые, начиная с XI века «до рождения Христова», населяли юго-восточную Европу, о постепенном переходе их из варварства к оседлому образу жизни, к хлебопашеству, о влиянии на них греческой, византийской культуры. К IX веку относятся первые упоминания об антах, «которые принадлежали вместе с венетами к народу славянскому». Само название «славяне» произошло от «славы»: люди воинственные и храбрые «выходят на театр истории» [4]. С VI века славянские племена занимают «великую часть Европы: от Балтийского моря до Эльбы и Черного моря».

В главе 3 «О физическом и нравственном характере славян древних» Н.М. Карамзин, обращаясь к летописям, показывает, что «многочисленные области Славянские всегда имели сообщение одна с другой», хотя и «не знали единовластия», народы, живущие в непосредственной близости друг от друга, становятся близки не только «в обычаях и нравах, в душевных силах и способности ума, но и в самих телесных свойствах. Летописи хвалят гостеприимство славян, храбрость, «целомудрие не только жен, но и мужей славянских», «природное добродушие», которое не мешает им быть жестокими в сражениях. Говоря о нравах славян Российских, Нестор отмечает, что они были образованнее других, «кротки и тихи обычаем, стыдливость украшала их жен...».

«Представив читателю расселение народов славянских от моря Балтийского до Адриатического, от Эльбы до Морей и Азии, скажем, что они, сильные числом и мужеством, могли бы тогда, соединясь, овладеть Европою; но, слабые от развлечения сил и несогласия, почти везде утратили независимость, и только один из них, искушенный бедствиями, удивля-

ет ныне мир величием. Другие, сохранив бытие свое в Германии, в древней Иллирии, в Мизии, повинуются Властителям чужеземным; а некоторые забыли и самый язык отечественный» [4], – такую характеристику дает Н.М. Карамзин «славянам древним».

Как подтверждает другой известный историк, С.М. Соловьев, «племя полян приобрело особенное значение потому, что городок, среди него основанный, Киев, стал главным городом Русской земли» [10, 14]. Из полян же происходят ляхи, в будущем – поляки (одна из версий).

«В тесной связи со славянскими племенами на западе находилось племя Литовское, игравшее важную роль в нашей истории, а потом вошедшее в состав Русского государства. К литовскому племени принадлежали древние пруссы, голяды, судены, корсь и нынешние литовцы и латыши...» [10, 19]. Объективной потребностью единой нации объясняет С.М. Соловьев и принятие христианства: «... русское язычество было так бедно, так бесцветно, что не могло с успехом вести спора ни с одною из религий, ... тем более с христианством» [10, 31].

После «веков полного варварства», – как пишет еще один крупный историограф Н.И. Костомаров, – христианство было переворотом. Этот переворот был совершен великим князем Владимиром, обновившим Русь и указавшим ей историческую дорогу» [6, 6].

Владимир после кровавых распри с братьями укрепился в Киеве и начал процесс собирания Руси. Приняв Крещение (988 г.), Владимир сильно изменился: проникнувшись духом христианской любви и благочестия, он отказался от жестоких мер в отношении подданных. Период правления Владимира Мономаха (с 1113 г.) историк называет «самым цветущим в древней истории Руси» [6, 38]. «Киевская Русь», «Русский край», «Русско-славянские земли» «Русские славяне», – такими понятиями оперирует Н.И. Костомаров.

Продолжая мысль своих предшественников, современный историк пишет: «И хотя после смерти Вл. Мономаха феодальная раздробленность усилилась, в правление Вл. Мономаха определилась тенденция, характерная для русской истории – объединение, присоединение, распространение влияния», которая характерна и для более поздних исторических эпох – Ивана Грозного, Петра I, Екатерины II и др. [1, 18].

На единство славянского народа и языка указывает и А.П. Иванов в своей книге «Российское государство»: «Русская земля IX-XV вв. в широком смысле слова – это область древнерусской народности с единым языком, единой культурой, государственной границей» [3, 67], хотя татаро-монгольское иго в какой-то степени нарушило это единство. По велению вещаго Олега матерью городов русских стал Киев. Ссылаясь на летописца Нестора, А.П. Иванов приводит еще одно неоспоримое доказательство тождества полян и руссов: «Аще и поляне звахуся, но словенская речь бе» [3, 90]. Чешский славяновед Л. Нидерле пишет об этой же эпохе как о времени «этнического и языкового единства славян» [8, 26].

В основе всех исторических концепций, как уже было сказано ранее, лежит летописный свод «Повесть временных лет», авторство которого традиция приписывает монаху Киево-Печерского монастыря Нестору, жившему в конце XI – начале XII вв. Н.М. Карамзин при многократных ссылках на летописный свод прямо называет Нестора автором этого свода. С.М. Соловьев называет автора более обтекаемо – «летописец», но для обоих, как и для других историков, именно «Повесть временных лет» – «произведение о том, откуда пошла и как сложилась Русская земля». Несомненно, что при создании его были использованы предшествующие тексты, созданные в течение XI, X и, может быть, даже и более раннего времени [12, 158].

Основную идею «Повести временных лет» исследователи определяют как необходимость «любой ценой предотвратить от распада, пока еще не поздно, политическое единство Русской земли». В общеславянской части летописи еще нет Русской земли, нет Русского государства, и потому сведения о крещении славян, об их приобщении к христианству были слишком удалены от главной темы произведения. Когда же в результате деятельности Олега эта земля появилась со своей столицей и князем, уверенно собирающим народы под свою руку, стало необходимым напомнить о родственности этого государства прочим славянам, уже приобщенным к христианству и имеющим книги на славянском языке: «А словенский язык и русский одно есть», – с уверенностью утверждает летописец [Цит.: 12, 79].

Весьма убедительно, на наш взгляд, в цитируемой монографии представлены четыре основных «времени» формирования Русского государства. Первоначально «являются славянские племена», но государства еще нет. Каждое племя имело «сам нрав». Второй период – образование славянского государства на Днепре и первые века его бытия. Славяне сами пришли к идее необходимости правителя и добровольно призвали варяга. «Уже при преемнике Рюрика князе Олеге разрозненные прежде племена превратились в силу, способную соперничать с Хазарией и Византийской империей. Рождение государства со столицей в Киеве состоялось» [12, 153]. Эта сильная Русь просуществовала до правления Ярослава Мудрого. Третий период – «время правления триумvirата Ярославичей: Русь распалась на три княжества – Киевское, Черниговское, Переяславское. Начались времена смуты, утраты самостоятельности славянами. Четвертое время – время Владимира Мономаха: возрождение могущества Руси, разгром половцев.

В русле «Повести временных лет» представлено формирование единой славянской общности и в «Слове о полку Игореве», древнейшем памятнике русской литературы, созданном неизвестным автором по горячим следам похода Игоря Святославовича, князя Новгорода-Северского, и трех других русских князей против половцев (1185 г.). Герои «Слова» – Русичи. Под этим именем автор собрал всех тех, кто живет на славянских землях:

Стаи галок несутся к Дону великому.

Кони ржут за Сулой –
Звенит слава в Киеве.
Трубы трубят в Новгороде,
Стоят стяги в Путивле! ... Кони Всеволода «оседла-
ны у Курска».

Поражение и пленение Игоря стало для Русичей объединяющим началом:

И застонал, Братья, Киев от горя,
а Чернигов от напастей.

Тоска разлилась по Русской земле,
печаль обильная потекла среди земли Русской...

Основная идея «Слова» – призыв к князьям русским прекратить усобицы, несмотря на «княжеские крамолы», объединиться перед лицом внешнего врага. «Злато слово» Святослава, сильного, мудрого князя Киевского, сливается с призывом автора к князьям и всем русичам – объединиться и встать на защиту Русской земли.

Вступите ж, господа, в золотое стремя
за обиду нашего времени,
за землю Русскую
за раны Игоря... [9, 158].

Вторая половина XX века характеризуется появлением исторических концепций, в основе которых новые методики исследования исторического прошлого. В основе теории пассионарности Л.Н. Гумилева лежит системный анализ, особенность которого Л.Н. Гумилев видит в том, что «внимание обращается не на персоны, особи, которые составляют вид, а на отношения между особями» [2, 26].

Лев Николаевич Гумилев (1912-1992) – создатель пассионарной теории этногенеза, в которой рассматривается исторический процесс взаимодействия развивающихся этносов, – не был признан научной общественностью; у его гипотезы оказалось больше критиков, чем последователей, тем не менее основные ее положения наследуются и развиваются современными представителями альтернативной концепции истории. В «споре», которым начинается и заканчивается одна из его книг, «филолог» утверждает, что «дело историка – собрать источники информации, дополнить их библиографией, сделать переводы с экзотических языков и добавить комментариев, взяв данные из трудов предшественников». Участвующий в споре «автор» утверждает, что гораздо более достоверна и «исторична» этнология, которая «опирается не на тексты, а на факты и на их системные связи» [2, 246]. В частности, пониманием под пассионарностью наследуемой характеристики, определяющей способность индивида к сверхусилиям, Гумилев «перекликается» с автором «ДНК-генеалогической» концепции истории А.А. Клёсовым, который исходит из обязательного наследования представителями одного рода У-хромосом (о теории А. Клёсова речь пойдет ниже).

Пассионарность – это характерологическая доминанта, непреодолимое внутреннее стремление к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели. Заметим, что цель эта представляется пассионарной особи иногда даже ценнее собственной жизни, а тем более жизни и счастья современников и сопле-

менников [2, 33]. В качестве примера исторической личности, стремящейся к достижению «идеальных иллюзорных целей», Гумилев приводит Исаака Ньютона, Жанну д'Арк. Мера пассионариев – удельный вес их в социуме. Низший уровень пассионарности (из 9 уровней) – обыватель, тихий человек, полностью приспособившийся к окружающей обстановке, исключивший из своей жизни какую-либо активность. Именно он количественно преобладает в социуме.

У Льва Николаевича Гумилева, сына двух великих русских поэтов, Николая Гумилева и Анны Ахматовой, были все основания противопоставить «обывателю – тихому человеку, полностью приспособленному к окружающему ландшафту, находящемуся на низшем уровне пассионарности», «пассионарных особей», ради достижения высоких целей способных жертвовать собственной жизнью, использовать все средства на пути достижения идеала и успеха. Подобными «особями», без сомнения, были его отец и мать, их великие современники, чье творчество вошло в историю под названием «серебряный век». Трагическая судьба потомка великих поэтов, создание пассионарной теории этногенеза подтверждают высокую степень пассионарности самого Льва Гумилева.

В основе исторического процесса, считает Л. Гумилев, заложены «пассионарные толчки» – иначе говоря, «массовые мутации», повышающие уровень пассионарности в обществе. Они продолжают не столь долго, затрагивают относительно узкую территорию. Гумилев перечисляет исторические события, явившиеся, по его мнению, пассионарными толчками, от XVIII века до н.э. (крушение Древнего царства. Египтяне...), далее – VIII в. до н.э. – («римляне, галлы, эллины...»), XI век н.э. – («монголы. Объединение племен и народов...»). Всего 9 «толчков», последний относится к XIII в. – («Литва. Принятие Христианства. Великороссы. Возвышение Московского княжества») и одновременно – «широкая метисация славянского, тюркского и угорского населения». О вероятном 10 «толчке», имевшем место в России XVIII – XX веков (о наличии такового говорят критики Гумилева), свидетельствуют многие признаки, характерные для подобного видения истории: возможность вычленения «фаз» (правда, процесс значительно убыстрился и уже не занимает тысячелетия с лишним, а в условиях достигнутого высокого уровня цивилизации «укладывается» в 300 лет), наличие «инкубационного периода», для которого характерен рост пассионарности (реформы Петра I), эпохи подъема, сопровождавшейся «тяжелой борьбой и медленным расширением территории» (правление Екатерины II), и эпохи «надлома», признаками которой являются «гражданские войны, раскол этнической единицы» (начало XX века). И далее – «спад пассионарности ниже нормального уровня. Упадок и деградация», столь характерные для нашего времени.

В «Этносфере» Гумилева, включающей в себя «суперэтноты», «этноты» и «субэтноты», к одному из трех «суперэтноты» принадлежит и «Российский»; «великороссам», «белорусам», «малороссийскому казаче-

ству» и др. народам, населяющим Россию, отведена роль этноса; «москвитам», «донскому казачеству», «поморам» и т.д. – субэтноты.

Другой представитель современной «альтернативной истории» – А.А. Клёсов, в прошлом – профессор-биохимик Московского университета им. М.В. Ломоносова, в настоящее время живет и работает в США. Он создатель ДНК-генеалогической концепции происхождения этносов.

При обращении к истокам славянского этноса А.Клёсов пользуется термином «праславяне», считая, что наряду с древними германцами или скандинавами существовали и древние славяне. Традиционно славяне делятся на три группы: восточные, западные, южные. Восточные славяне – это русские, украинцы и белорусы. Западные славяне – поляки, чехи, словаки. Южные – сербы, хорваты, боснийцы, македонцы, болгары, словенцы, и это деление во многом основано на лингвистических критериях. Ученый соглашается, что есть различия в языках, в вере, но «в рамках ДНК-Генеалогии – это одно и то же, один род, одна и та же У-хромосома, одна и та же история миграций, один и тот же общий предок». У-хромосома – единственная из 46 хромосом, которая передается от отца к сыну и далее к очередному сыну по цепочке времен длиной в десятки тысяч лет [5].

Понятие «гаплогруппа рода», которое вводит А. Клёсов, определяется «картиной мутаций в мужской половой хромосоме». Восточные славяне – это род R1a1. Среди жителей России, Украины, Белоруссии носителей хромосом этого рода от 45 до 70%. «Принадлежность к роду, к гаплогруппе первична», – утверждает ученый. Гаплогруппы «навсегда привязывают носителя гаплотипа к определенному человеческому роду, в начале которого был патриарх рода, потомство которого выжило и живет в наши дни». Эта метка в мужском потомстве неистребима, и только она – показатель истинного родства, в данном случае – принадлежности к «праславянам».

Как доказывает ученый, ссылаясь на результаты многочисленных экспериментов, члены рода R1a1 жили 12 тысяч лет назад на Балканах, через двести с лишним поколений «вышли на восточно-европейскую равнину, где 4500 лет назад появился предок современных русских и украинцев рода R1a1». Еще через 500 лет праславяне вышли на южный Урал, через 400 лет отправились в Индию, где сейчас живут около 100 миллионов их потомков, членов того же рода R1a1, «ариев» (это название зафиксировано в древних индийских ведах и иранских сказаниях и никакого отношения к расистской теории не имеет). Их гаплогруппа осталась той же, их гаплотипы идентичны славянским и легко выявляются.

Одна «волна» ариев с теми же гаплотипами отправилась в среднюю Азию и Восточный Иран, и 3000 лет назад они стали иранскими ариями. Еще одна «волна» достигла Аравийского полуострова, и сегодняшние арабы Кувейта, Объединенных Арабских Эмиратов также получают результат тестирования с гаплотипом R1a1.

Таким образом, получается, что индоевропейцы, которые в современных науках «что-то вроде слонопотама», то есть непонятно кто, – «это и есть древний род R1a1». В таком случае все встает на свои места: распространение людей данной гаплогруппы по всей Европе, в Индии, в Иране, а также появление группы индоевропейских языков, ибо все языки – это диалекты языка ариев.

Данная концепция появления и распространения языка не вписывается в современные лингвистические концепции, которые не в состоянии определить место и время происхождения индоевропейской группы языков. Не так давно было просчитано, что «ностратический язык», от которого, как считается, произошли индоевропейские языки, помещают на 23 - 8 тысяч лет назад кто в Индию, кто в Центральную Европу, кто на Балканы. Насчитывают до 25 «прародин» этого языка. «Прародина» славян – тоже не решенный в науке вопрос, хотя обсуждается он более 300 лет. Общеизвестно, что славяне выходят на историческую арену в 6 веке нашей эры, но это новые времена... А древние славяне, или «праславяне», откуда они произошли? Здесь также масса вариантов «прародин», и никто не в состоянии научно проследить движение «праславян» до их выхода на историческую арену.

Автор приводит примеры гаплотипов славян, угрофиннов, евреев, эфиопов и др., отмечает большое количество (до 32) мутаций по отношению к славянскому типу. Далее он сравнивает свой собственный славянский гаплотип с гаплотипом праславянского предка, жившего около 4500 лет назад, и находит различие лишь в 10 мутаций.

Таким образом, делает вывод ученый, «4500 лет назад праславяне появились на среднерусской возвышенности, причем не просто праславяне, а именно те, потомки которых живут в наше время, числом десятки миллионов человек. 3800 лет назад арии, потомки тех праславян, построили городище Аркаим, Синташту и «страну городов» на южном Урале...». То есть, по гаплотипу можно проследить действительную миграцию славян. «Поскольку предковые гаплотипы у индусов и

славян практически совпадают, и славянский гаплотип на 650 лет старше, то ясно, что это праславяне пришли в Индию, а не наоборот». Таким образом, у праславян и индусов один предок, но праславянский старше на 650 лет. В настоящее время доля индийцев рода ариев, R1a1, составляет в Индии 16% и находится на втором месте после самой распространенной «аборигенной» гаплогруппы – H1 (20%), а в высших кастах гаплогруппа ариев занимает почти половину. И язык арии не из Индии и Ирана получили, а напротив, свой туда принесли. Арийский. Праславянский.

Согласно индийским ведам, именно арии пришли в Индию с севера... Стало быть, «балто-славянские языки и есть основа «индоевропейских» языков. То есть, они же и арийские языки».

Данная концепция, как и теория этногенеза Л. Гумилёва, вызывает обширную критику со стороны традиционно ориентированной научной общественности. Основные упреки в их адрес – «произвольное обращение с историей», «патриотический волюнтаризм». Не будучи специалистами в данной области знаний, мы можем сделать выводы лишь, что называется, «со стороны». И, как нам кажется, вступая в дискуссию о времени возникновения славянства, о географическом местоположении славянских народов, о продолжительности жизни этноса и т.д., создатели новых теорий сходятся с традиционалистами в одном, но главном. Н.М. Карамзин, утверждавший, что народы, живущие в непосредственной близости друг от друга, становятся близки не только «в обычаях и нравах, в душевных силах и способности ума, но и в самих телесных свойствах», был абсолютно прав. И это единство славянских народов подтверждает Л. Гумилев, который во главу угла ставит «отношения между особями», влияние «окружающего ландшафта», «наследуемую характеристику» и уровень пассионарности в социуме. А. Клёсов общий источник «праславян» находит в «телесных свойствах» – в ДНК-генеалогии, «гаплотипе» R1a1, а также в том, что «праславяне» говорили на древнеславянских языках («они же арийские»), лежащих в основе «индоевропейских языков».

Библиографический список

1. Богуславский В.В. Правители России. М.: Олма-Пресс Гранд, 2006.
2. Гумилев Л.Н. География этноса в исторический период. Л.: Наука, 1990.
3. Иванов А. Российское государство. М. – Орел: Вешние воды, 2009.
4. Карамзин Н.М. История государства Российского [электронный ресурс] // <http://www.kulichki.com/inkwell/text/special/history/karamsin/karahist.htm>
5. Клёсов А. А. Откуда появились славяне и «индоевропейцы»? Ответ даёт днк-генеалогия [электронный ресурс] // www.lebed.com/2008/art5375.htm
6. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Эксмо, 2005.
7. Краткий энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1981. С.1574.
8. Нидерле Л. Славянские древности. М: Изд-во «Иностран. литер.», 1956.
9. Слово о полку Игореве. Пер. Д.С.Лихачева [электронный ресурс] // <http://www.slovoopolku.ru/slowolichachev>
10. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: ЭКСМО, 2005.
11. Творогов О.В. Вступительная статья // Повесть временных лет [электронный ресурс] // <http://www.pushkijdom.ru/Default>
12. Шайкин А.А. Поэтика и история. На материале памятников русской литературы XI-XV вв. М.: Флинта – Наука, 2005.

References

1. Boguslavsky V. V. Russiasovereigns. - M: Olma-Press Grand, 2006.
2. Gumilev L.N. Ethnos geography during historical period. - L. : Science, 1990.
3. Ivanov A. Russian state. - M – Orel: Veshnyje vody, 2009.
4. Karamzin N.M. History of the Russian State [electronic resource]//http: // www. kulichki.com/inkwell/text/special/history/karamsin/karahist.htm
5. Klyosov A.A. Where did Slavs and “Indo-Europeans” appear from? The answer is dnk-genealogy [an electronic resource] // www.lebed.com/2008/art5375.htm
6. Kostomarov N.I. The Russian history in its chief figures biographies. - M: Eksmo, 2005.
7. Short encyclopedic dictionary. - M.: Soviet encyclopedia, 1981. - Page 1574.
8. Niderle L. Slavic antiquities. - M: Publishing house “Inostr. lit.”, 1956.
9. The Tale of Igor’s Campaign. Translated by D.S.Likhachev [electronic resource] //http://www.slovoopolku.ru/slowolichachev.htm
10. Solovyov S.M. Russian history since the most ancient times. - M: EKSMO, 2005.
11. Tvorogov O.V. Prolusion/“Tale of Bygone Years” [an electronic resource]//http:www.pushkijdom.ru/Default.
12. Shaykin A.A. Poetics and history. Based on the Russian literature chronicles of the XI-XVI centuries. M: Flint Science, 2005.

215-летию со дня рождения А.С. Пушкина посвящается

УДК 821.161.1(091) ПУШКИН А.С.

UDC 821.161.1(091) PUSHKIN A.S.

Л.М. ПЕТРОВА

профессор кафедры истории русской литературы XI-XIX веков Орловского государственного университета
E-mail: peludmila@yandex.ru

L.M. PETROVA

professor department of history of the Russian literature of the XI-XIX centuries, Orel state university
E-mail: peludmila@yandex.ru

ДУХОВНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ПУШКИНА

PUSHKIN'S SPIRITUAL SELF-DETERMINATION

В статье рассматривается творческая эволюция Пушкина в свете аксиологических координат, что сегодня актуально не только для науки, но и для общества в целом. Духовное самоопределение Пушкина органично связано с характером русской национальной ментальности. За творческой и жизненной судьбой поэта – восхождение к высотам духа через скепсис, безверие и страсти к покаянию и вере.

Ключевые слова: аксиология, эволюция, эвдемоническое сознание, ментальность, духовность, православная этика, любовь, покаяние.

The article discusses the creative evolution of Pushkin in the light of the axiological coordinates, that is topical not only for science, but for society in General, as the spiritual self-determination of Pushkin organically connected with the character of national mentality. The creative destiny of the poet is viewed ascent to the heights of the spirit through skepticism, faithlessness and passion to repentance and faith.

Keywords: axiology, evolution, эвдемоническое consciousness, mentality, spirituality, orthodox ethics, love, repentance.

Обращение к творчеству Пушкина сегодня актуально и во многом объяснимо необходимостью компенсировать «духовную жажду» и в современной литературе, и в культуре, и в обществе в целом.

А.С. Пушкин родился в один из самых важных для православных праздников Вознесения Господня, который в тот год (1799) приходился на 26 мая. Событие празднуется всегда в 40-й день после Пасхи. Число 40 – не случайное, а несущее глубокий смысл. По закону Моисееву в 40-й день младенцы должны были приноситься родителями в храм, к Господу. День 26 мая был одновременно и днём памяти православных апостолов

Карпа и Алфея (от 70-ти). В этом совпадении событий усматривается факт особой значимости. За судьбой Пушкина прочитывается пример восхождения к высотам духа.

Призвание Пушкина-поэта, по определению И. Ильина, состояло в том, «чтобы *принять душу русского человека во всей её глубине, во всём её объёме...* а вместе с нею – и Россию <...> принять русскую душу во всех ее исторически и национально сложившихся трудностях, узлах и страстях»[1]. Себя же Пушкин сопоставлял с евангельским блудным сыном, кающимся, просящим прощение:

Так отрок Библии, безумный расточитель,
До капли истощив раскаянья фиал,
Увидев наконец родимую обитель,
Главой поник и зарыдал.

В пылу восторгов скоротечных
В бесплодном вихре суеты,
О, много расточил сокровищ я сердечных
За недоступные мечты... [2]

Еще при жизни Пушкина сложилась традиция видеть в поэте духовно-эстетический ориентир, мыслителя-христианина (записки А.Смирновой-Россет, высказывания В. Жуковского, Гоголя, воспоминания Хомякова, П. Вяземского...), традиция, закрепившаяся в работах философов Русского зарубежья И. Ильина, С. Франка, А. Карташова, С. Булгакова, П. Струве..., и ожившая в исследованиях В.С. Непомнящего, Г.А. Лесскиса, С. Кибальника, Б.А. Васильева, М.Ю. Юрьевой и др. Но при, казалось бы, должном укреплении этого направления, возникает, особенно сегодня, противостояние позиций, поэтому вопрос о религиозности творчества Пушкина – один из самых сложных в пушкинистике. Не вдаваясь в глубину проблемы, выделим некоторые тенденции.

Для одних исследователей очевидна православная религиозность Пушкина («эхо русского народа»), поскольку русская литература, отражающая ментальность народа, для которого личность Спасителя – это живой нравственный идеал, глубоко укоренена в православии, определившем духовную сущность всей русской литературы (Д.С. Лихачёв, И.А. Есаулов, В.Н. Захаров...). Весьма примечателен факт «позитивного обращения» к проблеме «Пушкин и православие» отцов церкви – Анастасий (Грибановский), Антоний (Храповицкий), Иоанн (Восторгов), Константин (Зайцев)...

Другие ученые считают, что прежде необходимо выработать более тонкий методологический аппарат, дифференцированно употреблять определения «религиозный», «христианский», «православный», «церковный» (В.А. Свительский, П.Е. Бухаркин, А.М. Любомудров), так как в работах часто христианство предстаёт практически не связанным с церковью, но подобный разрыв невозможен для сознания христианина, утверждает А.М. Любомудров, настаивающий на введении критерия «воцерковления»; третьи – не считают ни творчество Пушкина, ни русскую литературу «христианскими» в строгом смысле этого понятия, что нашло своё отражение в работах С.Г. Бочарова, А.П. Чудакова и др..

Выражением крайней точки зрения является позиция Б. Парамонова и В.К. Кантора. Последний, задаваясь вопросом о том, как поэт «оказался центром и истоком великой русской литературы», считает, что в Пушкине «мало типично русского» [3].

Актуальность данной проблемы в сущности не ставится под сомнение, но дискуссионность ее от этого не уменьшилась, на наш взгляд, речь может идти лишь об особом акценте на той или иной стороне целостного по сути явления

Нам близка магистральная мысль философов русского Ренессанса: если у Пушкина нет сколько-нибудь яркого, своеобразного религиозного чувства, если духовная жизнь и творчество поэта лишены религиозного начала, то мы ставим под серьёзное сомнение само убеждение в религиозной одарённости русского народа.

Именно наличие в русской литературе на протяжении всей её истории «нравственного императива» и придавало ей особое отличительное свойство, определившее иерархию ценностного мира народа и духовную сущность его искусства.

Обращаясь к творчеству писателя, уместно вспомнить точку зрения И.А.Есаулова, о том, что исследователь, «занимающийся русской литературой, вряд ли уже может – без ущерба для своих занятий – совершенно игнорировать действительный масштаб воздействия на отечественную словесность хотя бы доминантного для русской духовности православного фактора» [4], к тому же исследование неизбежно эксплицируется точкой зрения самого субъекта. Учёные, отвергающие религиозно-нравственную проблематику как ненаучную, при обращении к анализу творчества писателя неизбежно обедняют его «пафос».

Творчество А.Пушкина, его место в русской литературе, несомненно, изучено наиболее основательно, однако новые возможности для современного прочтения произведений первого классика русской литературы, на наш взгляд, открывает аксиологический аспект.

Аксиология утвердилась как особая область знания, задающая «практически-духовное отношение к миру и человеку». Аксиология – учение о природе ценностей, исследующее «иерархии ценностного мира, способы его познания и его онтологический статус, а также природу и специфику ценностных суждений» [5]. Ценности, особенно религиозные, значимы в любой культуре, они пронизывают все стороны бытия народа, образуя главный принцип его жизнеустройства. Исторически сложившиеся «духовные константы» русского национального жизнеустройства связаны с этической доктриной христианства, именно православия. Уместно вспомнить слова Пушкина, завещавшего помнить о том, что именно «...греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер» [VIII:92-93].

Как невозможно оспаривать факт того, что православие – один из основных «культурогенетических факторов» в истории России, так неоспоримо и влияние православия на творчество Пушкина, который являл собой «эхо русского народа», находясь в глубоких взаимоотношениях с национальной духовной культурой. Пушкин был первым в русской литературе, кто с такой глубиной поднял вопросы, в которых выразились нравственные императивы человеческого бытия, определившие широту и размах творчества: жизнь и смерть, вера и безверие, совесть и грех, добро и зло, истина и красота, вольнолюбие и произвол, свобода воли и смирение, честь и достоинство, отечество и патриотизм, свобода и долг, закон и милосердие, личность и государство...

Духовные искания Пушкина прошли сложный, порой, болезненный, путь: от увлечения-любви к античности, влияния западноевропейской ценностной системы (Вольтер, Парни, Байрон...) до утверждения христианской этики, сформированной русско-православной культурой, «от разочарованного безверия – к вере и молитве...от юношеского многолюбия – к культу семейного очага» [1:339]. С одной стороны, скептицизм, вольнодумство, полнота жизненных впечатлений, с другой стороны, идущее из глубинных пластов народного сознания признание своей греховности, этические ценности, базирующиеся на православии, – эта оппозиция объясняет противоположность устремлений поэта, противостояние и динамику смены его ценностей.

Западноевропейская культура во многом определяла то своеволие человека, скепсис и эротизм, которые, как ярко выраженные черты эвдемонического секуляризированного сознания, проявились в светской культуре эпохи Александра I, стали отличительной чертой двойственного и противоречивого времени. Христианское учение казалось пригодным только для народных масс. Развитие философской мысли, которая «воспринималась как секулярная замена церковного мировоззрения» [6], усугубляло общий фон: в обществе произошла переоценка ценностей.

В творчестве Пушкина эти процессы отразились в достаточно острой форме, но, охватив все вопросы своего времени, именно Пушкин стал главным нравственным авторитетом. И.Пушкин не случайно назвал друга «великолепным созданием»: Пушкин стал «странным смешением»: в нем «смешалась» вся русская жизнь, он выходил к самым разным её сторонам и к разным её представителям» [7].

Всё проявилось уже в раннем творчестве поэта, в котором произошло сращение политического радикализма, богохульства, сладострастия, вольнолюбия и высшего духа.

*Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!* [I:307]

– с восторгом и упоением пишет юный патриот в послании П.Чаадаеву.

В каком-то молитвенном покое слагаются строки «юноши мудреца» о признании простых и естественных ценностей жизни:

*.....К чему певцам
Алмазы, яхонты, топазы,
Порфирные пустые вазы<...>
Не лучше ли в деревне дальней
Или в смиренном городке,
Вдали столиц, забот и грома,
Укрыться в мирном уголке*[I:149,150]

И почти одновременно – поэт озорничает, шокирует непристойностями, богохульствует:

*За поцелуй я не робея
Готов, еврейка, приступить –
И даже то тебе вручить,
Чем можно верного Еврея*

От православных отличить[II:71]

*О юный праведник, избранник роковой
О Занд, твой век угас на плахе;
Но добродетели святой*

Остался глас в казненном прахе [II:36].

– ёрничаёт по поводу казни немецкого студента.

Дарование лилось через край с удивительной лёгкостью и детской непосредственностью:

*Ах! ведает мой добрый гений,
Что предпочёл бы я скорей
Бессмертию души моей,
Бессмертие своих творений* [I:227]

Внимательный читатель замечает весьма важную особенность Пушкина-поэта. Ему свойственно уже в юности какое-то религиозно-трепетное восприятие своего поэтического дара

Позже он сопоставит свой дар с возвышенным жертвенником, алтарём, где «огонь горит» поэта. Пушкин, пишет митрополит Анастасий, «не только не превозносился своим гениальным дарованием, а скорее смирялся перед его величием. Вдохновение, посещавшее в минуты поэтического озарения, приводило его в священный трепет и даже «ужас», он видел в нем «признак Бога», озарявший, очищавший и возвышавший его душу»[8].

Но нет слова чаще встречающегося в творчестве Пушкина, чем «свобода», «вольность». Неизбывное стремление к свободе сопровождает его всю жизнь.

Замечательно определил многообразие мотивов свободы в поэзии Пушкина Б.Вышеславцев[9], обозначивший целый узел проблем, связанных с темой свободы. Раскрыта им же и сложная диалектика свободы, свободы, которая может принимать разные формы. Думается, что главное открытие Пушкина, во-первых, в признании свободы как ценности, а во-вторых, и это главное, в понимании свободы как дара свыше. Пушкин постиг высшую ступень свободы: он постиг смысл «тайной» свободы – духовной, о которой сказано: «где Дух Господень – там свобода» [(2Кор.3:17)]. И постиг Пушкин эту высшую свободу через творчество или благодаря творчеству, ибо творчество, талант – свыше, чудесный дар, исходящий от Бога для человека и через его личность

Именно свобода («священная свобода», «вольность святая») – главный кумир Пушкина; к ней он обращался в разные периоды своей жизни. Без неё немыслим Пушкин, она – основа его духовного существа, и значение её весьма ёмкое и, конечно, выходит далеко за пределы политических настроений поэта. Всем строем своим его поэзия несёт именно «дух вольности и никогда – своеволия» [7:116]. Поэт любит слово вольность, сочетая с определением «святая», несущим сакральный смысл, считая, что «оно прямо русское» (письмо к Н.И. Гречу от 21 сентября 1821 г.). Заметим, что в православии слово «свобода» и слово «воля» не однозначны. Русская пословица гласит: «Вольному воля, спасенному рай»: смысл её в том, что только тому, кто волен над своими страстями, кто не подчиняется своим

прихотям, дано спасти себя от греха и потому достигнуть рая.

Пушкинским феноменом можно считать и союз Свободы и Любви, выразившийся в таких удивительно-парадоксальных стихах, как эти: «Любовь и тайная свобода // Внушали сердцу гимн простой». Правда, вся поэзия любви до кризиса 1823 года – это лирика физической страстности, она вся проходила под знаком «плута Эроса».

Однако уже в юности поэт поднимает вопрос о духовных ориентирах как основополагающих для человека и общества, почувствовав интуицией гения, что содержание духовной ориентации опирается на веру, и потому она не подлежит рациональному обоснованию. Пушкин подтверждает постулат архимандрита Зосимы о том, что «таинственный центр личности, который порой называют глубинным я», пребывает глубже эмоциональной и духовной жизни – «это закрытая сфера нашей личности, её мощь, её возможности, её крылья» [10]. Пушкин бессознательно ощущал в себе эту запредельную глубину, неадекватную феноменальному сознанию, глубину, которая определяла неповторимую широту его творчества.

Ключевая строка стихотворения «Безверие» (Пушкину 18 лет): «Ум ищет божества, а сердце не находит» – звучит, кажется, парадоксально (ведь именно рассудок и сопротивляется вере), но как верно! Сердце есть орган высшего познания, орган общения с Богом и со всем трансцендентным миром, и условием для видения Бога поставляется чистота сердца. Юный поэт пока весьма далёк от этого духовного состояния. Стих из Нагорной проповеди: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мф. 5:8) - свт. Иоанн Златоуст трактует так: «Чистыми здесь Он называет тех, которые приобрели всецелую добродетель и не сознают за собой никакого лукавства, или тех, которые проводят жизнь в целомудрии, потому что для того, чтобы видеть Бога, мы ни в чем столько не имеем нужды, как в этой добродетели. Потому и Павел сказал: *«старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа»* (Евр. 12:14).

Путь обретения Христа закрыт для Пушкина, но он – самокритичен, с горечью констатирует:

Лишенный всех опор отпавший веры сын

Уж видит с ужасом, что в свете он один [I:216]

Юный философ понимает, что человек, потерявший веру, беспомощен и слаб, безверие — «по жизненной стезе во мраке вождь унылый». Острее всего пустоту души, холодность сердца, «отпавший веры сын» чувствует в церковном храме при молящемся народе:

Во храм ли высшего с толпой он молча входит,

Там умножает он тоску души своей.

При пышном торжестве старинных алтарей,

При гласе пастыря, при сладком хоров пенье,

Тревожится его безверия мученье.. [I:218]

В горьком и тяжком раздумье об утраченной сердцем вере особо звучат слова:

Бежите в ужасе того, кто с первых лет

Безумно погасил отрадный сердцу свет

.....
Напрасно в пышности свободной простоты
Природы перед ним открыты красоты;
Напрасно вокруг себя печальный взор он водит...

[I:216]

Анафора (несколько раз повторенное «напрасно») подчеркивает мысль юного Пушкина: причины страданий человека, его бед и страхов в нём самом: он сам «безумно погасил отрадный сердцу свет». Без веры нет утешительного света. Безверие – это страшная болезнь души, ведущая человека к унынию, отчаянию, равнодушию, к угасанию «души»:

Он бога тайного нигде, нигде не зрит,

С померкшею душой святыне предстает

Холодный ко всему и чуждый к умиленью... [I:218]

Интуиция юного гения подсказывает: идея Божества природенна нам; человек рождается с душой, озаренной «отрадным сердцу светом, светом веры, т.е. он изначально наделён инстинктом веры, восприимчивостью к нравственной истине и красоте, которые он в дальнейшем теряет или от которого он сознательно отказывается. Пушкин позже настаивал: Библию надо читать с детства: «Для чистых всё чисто; невинное воображение ребёнка никогда не загрязнится, потому что оно чисто» [11]. Поэтому так прекрасна у поэта юность, которой ещё не известны «вечные противуречия сущестственности». Это «лучшее время жизни сердца, ещё не охлаждённого опытом», оно «доступно для прекрасного. Оно легковерно и нежно» [VI:233]. И ничто не выражено у Пушкина с такой страстностью и убеждёностью, как гимн жизни: «земля прекрасна и жизнь мила» [IV: 267].

Природа духовных ориентиров Пушкина до кризиса, пережитого в середине 1820-х годов, раздваивается: нет пока веры в религиозном смысле – поэту свойственны склонность к трагическому мироощущению и скепсис, легкомыслие: дух смятен, «дышать уныньем – мой удел», «вся жизнь моя – печальный мрак ненастья», «душа полна невольной грустной думой». А вместе с тем самое широкое отражение находят такие общечеловеческие ценности, как добросердечие и любовь к отечеству, историческая память и благодарность. Выбор духовных ориентиров осуществляется с учётом нравственного голоса и поведенческой этики юного Пушкина.

Есть у юного поэта стихотворение с многозначным и примечательным названием «Возрождение»:

Художник-варвар кистью сонной

Картину гения чернит.

И свой рисунок беззаконный

Над ней бессмысленно чертит.

Но краски чуждые, с летами,

Спадают ветхой чешуей;

Созданье гения пред нами

Выходит с прежней красотой.

Так исчезают заблужденья

С измученной души моей,

И возникают в ней виденья

Первоначальных, чистых дней [I:334].

С характером нового нравственного сознания связано появление самобытнейшего мотива – нравственного очищения души, её просветления. Мотив победы духовных сил над страстями. Эти настроения звучат в южных поэмах Пушкина.

Распахивается душа кавказского пленника, потрясенного самоотверженным подвигом черкешенки, силой её духа, страданий её сердца:

*К черкешенке протёр он руки,
Воскресшим сердцем к ней летел,
И долгий поцелуй разлуки
Союз любви запечатлел*[IV:99].

А поэма «Цыганы», осудившая ничем не сдерживаемую свободу, гордый и бесплодный индивидуализм и эгоизм, стала предчувствием того, что спасение человека в любовном и добром отношении к ближнему, в прощении:

Оставь нас, гордый человек!
.....
*Ты для себя лишь хочешь воли...
Мы робки и добры душою,
Ты зол и смел; – оставь же нас,
Прости! Да будет мир с тобою*[IV:168].

В «Бахчисарайском фонтане» конфликт определяется столкновением двух женских характеров: страстной, своевольной Заремы и кроткой, смиренной Марии. Именно христианская религиозность Марии, её чистота и целомудрие определяют её ангельский облик, обстановку её покоя:

*Лампады свет уединенный,
Кивот, печально озаренный,
Пречистой девы кроткий лик
И крест, любви символ священный*[IV:139].

Образ до святости чистой и кроткой Марии предвосхищает образ Татьяны Лариной, которая как «милый идеал» поэта явит образец православного смирения и духовности.

В Михайловском в 1825 году Пушкиным создаётся художественное чудо – «Борис Годунов». Произведение, в котором «судьба человеческая, судьба народная» соединились с «государственными мыслями историка» и христианина, произведение, воплотившее в себе философию и нравственность православия. Раскрылась новая «манера понимать вещи», новое мироощущение писателя, который на развернувшиеся исторические события, поступки героев смотрит в свете православного учения о мире, сформировавшем у народа нравственную привычку верить все происходящее в мире с собственной совестью. Образ народа, наивного и умного, доверчивого и жестокого, милосердного и плутоватого одновременно, предстал в своём реальном лице, соединив стихийный дух и нравственную силу. «Борис Годунов» с его Пименом – это яркое отображение древней Святой Руси. На почве большого и глубокого духовного опыта самого автора трагедии рождается уникальный по красоте нравственной и духовной образ русского подвижника-инока Пимена. Чутьём поэта-христианина Пушкин угадал, что здесь в смиренной и величавой духовной красоте своей запечатлена лучшая

часть народной души: «простодушие, умиленная кротость, нечто младенческое и вместе мудрое, усердие, можно сказать набожное, к власти царя, данной им богом, совершенное отсутствие суетности, пристрастия...» (VII:53).

Пимен, по словам архимандрита Анастасия, «вышел из самого сокровенного горнила творчества Пушкина, который слился с ним в муках духовного рождения ... В нем поэт дал самый законченный, самый выпуклый и самый правдивый тип православного русского подвижника, какой только был когда-нибудь в нашей художественной литературе»[8:80-81]. Особый православный смысл несут слова Пимена:

*Прогневали мы Бога, согрешили:
Владыкою себе цареубийцу
Мы нарекли* [V:203].

Летописец являет собою православный тип сознания, которому присуще в высшей степени свойство, определяемое церковью как соборность: он не причащен к греху цареубийства, но Пимен говорит «мы», потому что принимает на свою личную совесть тяжесть общего греха. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн объяснял тайну церковной соборности, указывая на молитву Господню (Мф.6:9-13) как на самую дорогую и самую святую для всякого христианина. Молясь, говорим «Отче наш ... хлеб наш насущный дай/ нам... и прости нам долги наши, как и мы прощаем...», потому что «мы молимся за весь народ, потому что все мы составляем едино».

Нравственная природа человека, несмотря на поврежденность греха, сохраняет совесть как неотъемлемый Божий дар, полученный при творении. «Угасшая совесть» просыпается в царе Борисе, как и осознание того, что «жалок тот, в ком совесть нечиста». Борис думает о бессмертии, о спасении души, о покаянии. Правда, дух его в смятении, и нет в душе благоустроенного покоя, тишины. Герой мечется между смертью и жизнью, иноческим и царским, перстным и духовным. Но важно то, что он – воскорбел, понимает: необходимо «душу... очистить покаяньем». И принимая схиму, отходит от этого мира со словами покаяния и примирения на устах:

*Простите ж мне соблазны и грехи,
И вольные, и тайные обиды* [V:273].

Требование нравственного закона Пушкин демонстрирует в южной поэме, рассказывая историю братьев-разбойников, переживающих «докучной совести мученья» в одноименной поэме, в которой мотив совести, как и «Борисе Годунове, напрямую связан с темой греха:

.....*В их сердце дремлет совесть:
Она проснется....*

Пушкин усиленно читает Коран, Библию и Евангелие, называя последнее «божественное Евангелие»: «Есть книги, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть...

книга сия называется Евангелием, – и такова ее вечная прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться её сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие [VII:322]. Он убежден, что христианство принесло величайший духовный переворот: «В сей-то священной стихии исчез и обновился мир» [VII:100].

Многие лирические произведения Пушкина 1830 годов пронизаны христианским духом и светом. Они отличаются переживанием таинства покаяния и таинства очищения, звучанием особых тем: упавший дух и телесные силы, страдания духа и тела, сердечное сокрушение и слезы, жалобы, воспоминания-поминовения прегрешений и всенощное покаянное бдение, покаянная совесть и сознание грехов, молитва к Господу о помощи, о прощении, очищении:

*В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья...*

Теснится тяжких дум избыток;

Воспоминание безмолвно предо мной

Свой длинный развивает свиток [III:57].

Казни вечная страшуся,

Милосердия надеюсь:

Успокой меня, творец.

Но твоя да будет воля,

Не моя [III:427].

Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,

Да брат мой от меня не примет осужденья,

И дух смирения, терпения, любви

И целомудрия мне в сердце оживи [III:336].

О мучительном и просветленном опыте своего духовно-нравственного обновления поэт поведал в «Пророке». «Вечные» книги помогли утвердиться в новом мироощущении поэта, которому равно внятны и «дольный» мир и «горные» высоты, понимающего особую степень ответственности, миссию-предназначение, ибо «Бога глас» к нему воззвал. Пушкин выходит к онтологическим проблемам бытия: жизнь, её смысл и цель, сомнения и вера, смерть – создаётся философская лирика:

День каждый, каждую минуту

Привык я думой провождать... [III:130].

Сердце Пушкина, его ум требуют строгого, спокойного, ясного изложения чувств и мыслей в эпическом повествовании. Таким новым «отдохновением поэта» можно считать «Повести Белкина» [12], в которых область нравственных императивов, коренящихся в самой глубине народного духа, проявляется в концепте Дома, Совести, Любви и Брака. Главное в повестях – судьба человека и главный вопрос его: как жить. Повести Белкина, замечает современный исследователь, – «это пространство, на котором происходит драматическое столкновение стереотипа читательского опыта, полученного из принципиально иной, нерусской культуры, с сознанием русским по существу, исконно русским миропониманием писателя Белкина» [13]. Примечательно, что все «невывыщенные» истории, которые записы-

вает Иван Петрович Белкин, и осознаются Белкиным «как нарушение закономерностей несчастья» [13:53], имеют счастливый конец, потому что в ситуации выбора герои оказываются на нравственной высоте. Мария Гавриловна и Бурмин, герои «Метели», готовы отказаться от любви и счастья, жертвуя ими во имя веры в предопределенность свыше брака. В «Станционном смотрителе» Пушкин как будто пытается проверить на истории Дуни и её отца, соответствует ли жизнь тому, что евангелие определяет как моральную норму, обращаясь к одной из притч Иисуса Христа о блудном сыне, приводимой в Евангелии от Луки, которая учит добродетелям покаяния и прощения. Отец же Дуни обеспокоен до отчаяния тому, что дочь ищет счастье вне брака, счастье среди «мосек, бонн и карет шестерней». В «Барышне-крестянке» за весёлой, изящной, легкой историей со счастливым концом кроется весьма глубокий смысл: она о том, какими ценностями должен обладать человек, чтобы быть счастливым. Это – живость ума, преодоление вражды и предрассудков, верность чувствам, доброта. Гробовщик Адриан Прохоров, герой одноименной повести, так драматически остро переживает «столкновение» между жизнью и смертью, между ремеслом и человеком, что после пробуждения (сон его – метафора несправедливой жизни) становится другим человеком, в котором просыпается совесть.

Пушкин рано осознал двойственность человеческой природы и человеческого существования, причастность человека двум мирам – материальному и духовному. В этой двойственности – корень человеческой свободы как свободы нравственного выбора, загадка самоопределения человека в плане достижения и реализации им ценностей бытия, природа его духовной ориентации.

Являясь самым безусловным и неотъемлемым свойством личности, свобода, как свобода нравственного выбора, необходима, убежден поэт, для самоопределения человека по отношению к дихотомии «добро – зло».

Пушкин показал это в повести «Пиковая дама», раскрывшей психологию несвободного человека, трагедию расколотого сознания.

С тонкостью деликатного психолога автор рисует сложный рисунок образа, переплетение в характере Германна противоположных качеств, пробуждение разрушительных сил.

Беда героя – в шаткости жизненных координат, в желании обогащения, выбиться наверх ценою «легкого богатства», в моральной несвободе от «томских», в «дремлющей» совести.

Германн одержим идеей: он хочет обрести свободу – независимость в обществе. Эта «неподвижная идея» тем острее, что герой – «маленький человек», вращающийся в среде богатых, преуспевающих и самоуверенных светских повес. Услышав рассказ о тайне трёх карт, он заражается другой идеей: достижение независимости и благополучие в жизни с помощью таинственных трёх карт. Но Пушкин мудро замечает, что «Две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе, так же, как два тела не могут в физическом

мире занимать одно и то же место»[VI:234].

Германн делает выбор, поставив на карту свою скромную жизнь, трудолюбие, смирение, наконец, любовь, поддавшись мнимым ценностям, обуревавшим его страстям. Лишенный верных духовно-нравственных ориентиров, герой гибнет.

Безошибочностью своего нравственного чувства, мудростью гения, Пушкин осознаёт, что источник счастья и подлинной свободы не вне, а в нас самих, что бытие есть безусловное единство, целостность, в котором нет ничего такого, что можно подправить, улучшить. Подлунный мир принимается таким, каким он был. Однако эстетический вкус требовал гармонии и меры в поэтических красках, а беспокойное сознание и нравственное чувство настойчиво искали оправдания и смысла собственному существованию, исполненному страстей и разочарования, и в поисках их поэт бежит к сионским высотам, молит свою Музу: «Веленью божию, о муза, будь послушна».

Обладая прирождённым чувством добра и зла, восприимчивостью к нравственной правде, Пушкин наделяет высокими духовными качествами своих героинь: Татьяну Ларину, Марию Гавриловну, Лизу Муромскую, Машу Троекурову, Изabelу, Машу Миронову — потому и живут эти героини верой в милосердие и любовь, в непосредственное Богоприсутствие. Именно пушкинские женщины духовно ориентированы, несут любовь, требующую жертвенного и чистого служения, гармоничного единения естественного и нравственного.

В последние годы жизни Пушкин всё более занят осознанием своих корней, своей глубокой духовной связи с прошлым, «духовных» узлов, определяющих будущее: именно дети принимают в наследство от отцов духовный опыт своего рода, народа. Именно связь детей и отцов, выражающаяся в преемственности поколений, заключает в себе, по убеждению Пушкина, самостоянье человека, в котором заключен «залог величия его»:

*Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам*[III:203]

Глубинное единство «отцов и детей», снятие односторонностей в позициях отцов и детей с широкой точки зрения идёт от Пушкина. Правда, единство это доступно только избранным (положительным) героям и мотивировано не особым вниманием отцов к вопросу воспитания, но некими глубинными духовными основами русского мира.

Духовное поле, вырастающее на православной этике, определяет атмосферу взаимоотношений отцов и детей особенно ярко в таких произведениях Пушкина, как «Повести Белкина», «Дубровский», «Капитанская дочка».

В «Дубровском» тема отцов и детей раскрывается, прежде всего, по линии Дубровских: матери ребёнок лишился в малолетстве и почти не знал своего отца, так как «был привезён в Петербург на восьмом году своего возраста» (6:155) и воспитывался в кадетском корпусе. Выпущенный из него в гвардейский пехотный полк, Владимир Дубровский вел типичную жизнь

молодого столичного офицера: «он позволял себе роскошные прихоти, играл в карты и входил в долги, не заботясь о будущем» (6:164), тем более что отец его не щадил ничего для приличного его содержания. Но в значимо-судьбоносные поворотные моменты жизни «отцы и дети» восстанавливают цельность добра в духовной гармонии своего субстанционального союза. Весьма примечательно замечание Пушкина: почти не зная своего отца, Владимир «романтически был к нему привязан и тем более любил семейственную жизнь, чем менее успел насладиться её тихими радостями». Эти семейные радости были кратковременны, но они были в раннем детстве сына и сердце их помнит. Получив письмо от няни о болезни отца, Владимир тут же решает ехать и даже выйти в отставку: «Мысль потерять отца своего тягостно терзало его сердце, а положение бедного больного... ужасало его» (6:155).

Свет на семейные «тихие радости» проливает и многое объясняет эпизод в кабинете отца, когда Владимир разбирает его бумаги. С болью прощается Владимир с отчим домом, где родился, где жили, любили, умерли мать и отец. С чувством безысходного горя он погружается в чтение личных писем матери к своему мужу, как будто желая в них обрести силу и опору: «С сильным движением чувства Владимир принялся за них: они писаны были во время турецкого похода и были адресованы в армию из Кистенёвки. Она... с нежностью сетовала на разлуку и призывала его домой... извещала своё беспокойство насчёт здоровья маленького Владимира; в другом она радовалась его ранним способностям... Владимир зачитался и позабыл всё на свете, погружаясь душою в мир семейственного счастья...» (6:165). Невольно приходят на память слова поэта: «Уважение к минувшему – вот черта, отличающая образованность от дикости» [VII:155.]

Вера смиряет бунтаря и мстителя. Владимир Дубровский, полюбив Машу Троекурову, говорит: «... вы прошли мимо меня, как небесное видение, и сердце моё смирилось. Я понял, что дом, где обитаете вы, священ... Я отказался от мщения, как от безумства» (VI:189).

С обретением духовного опыта Пушкин постигает смысл жизни как дар свыше, приходит к вере в высшую осмысленность бытия, в закономерность нравственной эстафеты. Об этом и его последнее произведение в «смирненной прозе» «Капитанская дочка», воспевающая «простое величие простых людей», нравственная открытость и духовность которых взойшли на такую высоту, что это «всё не только самая правда, но ещё как бы лучше её. Так оно и быть должно, – писал Н.В. Гоголь. – на то и призвание поэта, чтобы из нас же взять нас и нас же возратить нам в очищенном и лучшем виде» [14]. Характер пушкинского эпического нарратива определяется аксиологическими основами миропонимания, отражающими картину жизни именно русского человека, что отразилось в образной системе романа, поэтому «пушкинское произведение может быть понято как эстетический образец следования православной этике» [15]. И в этот «этический ореол» попадают

почти все герои, кроме «старичка в голубой ленте» да Швабрина, который «и в господ Бога не верует». Петруша Гринёв делает выбор, позволивший ему преодолеть ситуацию искушения и духовно возвыситься над обстоятельствами вследствие православного воспитания, семейного уклада, ориентированного на понятия чести, совести и милосердия, «не хотел торжествовать над уничтоженным врагом» [VI:344] Швабриным. Родители Гринёва «видели благодать Божию в том, что имели случай приютить и обласкать бедную сироту» [VI:354]. Вписывается в аксиологию христианской морали даже Пугачёв: «Кто ... смеет обижать сироту», – во многих эпизодах с Гринёвым проявляет порывы добра и великодушия, прощения и милости («миловать так миловать»). В православном этическом поле находится Савельич, «ангел-хранитель» Петруши... Поступает милосердно и добросердечно и сама государыня. Но, конечно, идеалом целомудрия и кротости является Маша Миронова, отправившаяся в Петербург защищать честь своего жениха: «просить милости, а не правосудия».

Поиски Истины и Красоты, Чести и Достоинства, Свободы и Смысла жизни, Любви и Добра были центральными в жизни и творчестве Пушкина. «Он должен был принять в себя все отрицательные черты, струи и тяготения своей эпохи, все опасности и соблазны русского интеллигентского мирозерцания, – считал И.Ильин, – не для того, чтобы утвердить и оправдать их, а для того, чтобы одолеть их и показать русской интеллигенции, как их можно и должно побеждать» [1:337]. Пушкин не прошёл мимо «образа Мадонны» и «литургической поэзии Церкви». Его творчество глубоко и бесконечно многогранно.

Самоопределяясь в двух мирах – мире материальном и духовном –, поэт всегда находится в динамике станов-

ления, в пути. И на этом пути духовно-нравственного самоопределения осуществляется переход от мира чувственного, материального, к миру сверхчувственному, духовному.

*Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружён;
Молчит его святая муза.
Душа вкушает холодный сон
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.*

*Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснётся
Душа поэта востепенётся,
Как пробудившийся орёл [III:23].*

Он умел быть беспристрастным к себе, способен был чувствовать раскаяние, но бесспорно и другое: «он дышал чистым и крепким христианским воздухом» (Г.Федотов) — и вплотную приблизился к области нравственных императивов, сформированных в народном сознании под воздействием духовной культуры православия.

Жизненно и мудро звучат слова-мысли поэта и сегодня: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие» [VII:41].

Пушкин всегда понимал значение веры, и в конце жизни увидел стезю, озаренную Божиим Светом. В стихотворении с символическим названием «Странник» как самому себе даёт наказ:

*.....держись сего ты света;
Пусть будет он тебе единственная мета,
Пока ты тесных врат спасенья не достиг...*

Библиографический список

1. Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX в.. М., 1990. С.337.
2. Пушкин А.С. Полн.собр.соч.: В 10 т. Т. III. Л., 1977. С.148. В дальнейшем в самом тексте даётся ссылка с указанием тома (римская цифра) и страниц.
3. Вопросы философии. 1999. № 6. С. 27.
4. Евангельский текст в русской литературе XVIII- XX веков / Сб. научных трудов. Петрозаводск, 1994. С.383.
5. Новая философская энциклопедия: в 4 т. 2-е изд., испр. и допол. Т.1. М., 2010.
6. Зеньковский В.В. История русской философии. М., 2001.С.114.
7. Скотов Н.Н. Русский гений. М.,1987. С. 100.
8. Пушкин А.С. Путь к православию. М., 1996. С.68.
9. См: Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. М.,1994. С.160-176.
10. Архимандрит Зосима(Шевчук). Православное учение о личности // Обитель Слова. 2003.С.18
11. Электронный носитель: <http://www.sv-krest.ru/UserFiles/File/biblio/pushkin/pushkin03b.html#16>
12. Анненков П.В. Материалы для биографии А.С.Пушкина. М., 1984. С.269.
13. Поволоцкая О.Я. «Гробовщик»: Коллизия и смысл//Московский пушкинист: Ежегод. сб. Вып. I. М.,1995. С. 57.
14. Гоголь Н.В. Собр.соч.: В 7тт. Т.6. М.,1986. С.336.
15. Есаулов И.А. Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск, 1995. С.48.

References

1. Pushkin in the Russian philosophical criticism: The end of XIX — the first half of XX in. М., 1990 . Page 337.
2. Pushkin A.S. Poln.Sobr.Soch.: In 10 t. T. III. L. 1977. Page 148. Further in the text the reference with the indication of volume (the Roman figure) and pages is given.
3. Philosophy questions. 1999 . No. 6. Page 27.
4. The evangelical text in the Russian literature of XVIII-XX of centuries / Sb. scientific works. Petrozavodsk, 1994. Page 383.
5. New philosophical encyclopedia: in 4 t. 2nd prod. испр. and допол. T.1. М, 2010.

6. Zenkovsky V. V. Istoriya of the Russian philosophy. M., 2001. C. 114.
7. Slopes N. N. Russky genius. M., 1987. Page 100.
8. Pushkin A.S. Way to Orthodoxy. M., 1996. Page 68.
9. Cm: Vysheslavtsev B. P. Etika of the changed Eros. M., 1994. Page 160-176.
10. Archimandrite Zosima (Shevchuk). The orthodox doctrine about the personality//the Word Monastery. 2003. Page 18
11. Electronic medium: <http://www.sv-krest.ru/UserFiles/File/biblio/pushkin/pushkin03b.html#16>
12. Annenkov P. V. Materials for A.S.Pushkin's biography. M., 1984. Page 269.
13. Povolotskaya O. Ya. "Coffin maker": Collision and sense//Moscow Pushkin scholar: Ezhegod. сб. Vyp. I. M., 1995. Page 57.
14. Gogol N. V. Sobr.Soch. : In 7т. T.6. M., 1986. Page 336.
15. Cossack captains I.A. Kategoriya of conciliarity in the Russian literature. Petrozavodsk, 1995. Page 48.

УДК 81' 42

UDC 81' 42

Д.С. ХРАМЧЕНКО

кандидат филологических наук, доцент кафедры
английского языка Тульского государственного педаго-
гического университета им. Л.Н. Толстого
E-mail: hramchenko@rambler.ru

D.S. KHRAMCHENKO

candidate of philological sciences, Associate Professor of
the English Language Department, Tula State Pedagogical
University named after L.N. Tolstoy
E-mail: hramchenko@rambler.ru

КОНВЕНЦИОНАЛЬНОСТЬ И ДЕРЕГУЛАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА

CONVENTIONALITY AND DERUGALATION OF MODERN BUSINESS ENGLISH DISCOURSE

Статья посвящена проблеме конвенциональности коммуникативной нормы английского делового дискурса, регулирующей вербальное поведение участников бизнес-общения, и наметившейся новой тенденции к дерегулации современного англоязычного делового дискурса, отклонению от конвенциональных норм, правил и предписаний как следствие использования нетипичных для данного дискурсивного типа языковых приемов.

Ключевые слова: деловой дискурс, конвенциональность, прагматика, риторика.

This article is devoted to the problem of conventionality of typical Business English discourse communicative norm, which regulates interlocutors' verbal behaviour, and the recent tendency to business discourse deregulation and deviation from conventional norms, rules and recommendations as a result of using unusual verbal means.

Keywords: business discourse, conventionality, pragmatics, rhetoric.

Английский деловой дискурс является одним из наиболее регламентированных дискурсивных типов. Стандартизованность и конвенциональность бизнес-коммуникации обеспечивают управляемость делового общения. М.В. Колтунова определяет конвенциональность как систему прагматических конвенций, регулирующих взаимодействие коммуникантов на различных речевых уровнях, при этом под прагматическими конвенциями понимаются организующие общение базовые «нормы и правила, отражённые в рутинных моделях жанровых сценариев, в статусно-ролевых моделях речевого взаимодействия. Сама способность выполнять социальное взаимодействие посредством языка обусловлена владением этими нормами и правилами» [4, с. 44].

Проблема конвенциональности общения давно привлекает внимание специалистов самых разных областей знаний: философов (Д. Дэвидсон, М. Даммит,

А.Л. Блинов, В.А. Ладов, М.В. Лебедев и др.), филологов и лингвистов (Дж. Остин, П. Стросон, Дж. Серль, Д. Льюис, М.В. Колтунова, С.С. Рябков и др.).

В общенаучном плане термин «конвенция» используется для обозначения общепринятых правил, норм, обычаев, внешней регулируемости поведения посредством неодобрения отклоняющегося поведения. Разработка вопроса о конвенциональной сущности языка ведёт отсчёт ещё со времён Аристотеля, полагавшего, что поскольку имена не возникают из природы вещей, то язык является результатом некоего соглашения или договорённости. Позже эта идея нашла своё отражение в работах Ф. де Соссюра, рассматривавшего язык как систему произвольных знаков, «навязанных» языковому коллективу, который ими пользуется. Конвенции выступают в качестве каркаса языковой системы, пронизывая все её уровни и реализуясь во всех аспектах речевой деятельности [10].

В прагматике под конвенциями понимаются правила использования языковых и речевых единиц, поскольку язык трактуется как любой межличностный набор знаковых средств, употребление которых задаётся синтаксическими, семантическими и прагматическими правилами [13].

Как отмечает С.С. Рябков, понятие «конвенциональность» применительно к речевым актам может трактоваться широко, «как перманентное свойство определенного речевого акта, исходя из конвенциональной основы языка», либо узко, как «жестко фиксированная коммуникативная оболочка речевого акта, которая позволяет речевому акту быть декодированным в дискурсе как таковым» [9, с. 11].

Подготовка и реализация любого значимого для гармонизации делового общения речевого действия посредством речевого акта сопряжены со множеством конститутивных правил при условии возможности реализации интенции и обусловлены социокультурными конвенциональными правилами. «Социокультурные прагматические конвенции регулируют вербальную <...> и невербальную коммуникацию. Системность этих норм и является предпосылкой для конвенционализации как результата комплексного регулирования коммуникативного поведения» [4, с. 44].

Чтобы избежать конфликтных ситуаций, связанных с непониманием или обострением отношений между сторонами, коммуникантам приходится подчиняться давно установленным правилам и существующим традициям, определяемым видом делового общения и такими его параметрами, как цели, задачи, форма контакта, степень официальности и особенности национального менталитета собеседников. Высокая степень конвенционализации английского делового дискурса и его регламентация проявляются в закреплении нормативных моделей вербального поведения, в некоторых жанрах подвергающегося ритуализации, предписанию чётко установленной последовательности речевых действий. Вследствие этого говорящий/пишущий субъект бизнес-коммуникации очень часто ограничен в выборе вербальных средств, что повышает актуальность вопросов прагматического воздействия на партнёра, в том числе в плане совершенствования риторики общения.

Реализация регулярных закономерностей в гармонизации речевого поведения участников общения и обеспечение его соответствия социокультурным и прагматическим конвенциям носит название речевого этикета, определяемого С.А. Рисинзон как «конвенциональные речевые действия, выполняемые говорящим в пользу адресата в соответствии со статусно-ролевыми и межличностными отношениями коммуникантов, коммуникативной целью и другими прагматическими факторами, не только в фатической речи, но и в информативной» [8, с. 11]. Речевой этикет проявляется в существовании принятой в обществе системы устойчивых, шаблонных и ритуализованных речевых средств и формул, каждая из которых закреплена за типичными коммуникативными ситуациями.

Регламентированность английского делового дис-

курса включает в себя не только следование речевому этикету, помогающему коммуникантам установить контакт, поддержать общение в определённой тональности в соответствии с их социальными ролями, но и соблюдение делового этикета, представляющего собой свод правил поведения, нарушение которых может мешать нормальному эффективному взаимодействию между участниками бизнес-общения. Соблюдение делового этикета в процессе бизнес-коммуникации демонстрирует важность и значимость адресата, создаёт комфортную для него атмосферу, способствующую повышению эффективности взаимодействия.

Т.Б. Назарова отмечает важность использования формул вежливости на протяжении всего процесса делового взаимодействия, избегания продолжительных пауз, односложных ответов и категоричных заявлений, тем и предметов, обсуждение которых может вызвать болезненную реакцию со стороны собеседника [6, с. 40]. Предсказуемость поведения участников делового дискурса является признаком, свидетельствующим об их стабильности, надёжности и постоянстве [2; 5].

Принято считать, что представители англоязычной культуры проявляют строгую последовательность в планировании и проведении своих дел [1]. Огромную роль здесь играет неукоснительное следование деловому этикету, способствующему поддержанию порядка и согласованности действий и поведения бизнесменов, а также снятию потенциально возможной коммуникативной напряжённости. Например:

Dearest Julia,

My assistant, Andrea, tells me that you're the sweetheart to whom I should address my most heartfelt appreciation. She has informed me that you are the single person capable of locating a couple of copies of this darling book for me tomorrow. I want you to know how much I appreciate your hard work and cleverness. Please know how happy you'll make my sweet daughters. And don't even hesitate to let me know if you need anything at all, for a fabulous girl like yourself.

XOXO,

Miranda Priestly. [15]

Считается, что эффективное деловое взаимодействие и сотрудничество строится на принципе кооперации Г.П. Грайса, являющемся центральным в речевом поведении участников английского делового общения [3]. Он реализуется в семи известных максимах: такта, релевантности и полноты информации, великодушия, симпатии, согласия и скромности. Данные принципы предписывают собеседникам уважительно относиться друг к другу, чётко и последовательно излагать исключительно правдивые и точные сведения, не выходящие за пределы темы разговора, в понятной, доступной, а главное, в недвусмысленной форме. Естественно, в зависимости от особенностей конкретной коммуникативной ситуации степень влияния данного принципа на процесс общения варьируется. По мнению Е.В. Пономаренко, перечисленные максимы должны ориентировать человека в процессе развёртывания делового дискурса, а реализация принципа кооперации в

речи может не носить обязательный, догматичный характер [7]. Следовательно, успешность, конструктивность делового дискурса определяется достижением адекватного смыслового восприятия речи, правильной интерпретацией всеми собеседниками высказываний говорящего и установлением партнёрских отношений между участниками общения.

Тем не менее, в последние десятилетия в английском бизнес-дискурсе наметилась новая важная тенденция, прямо противоположная конвенционализации и регламентации. В современной англоязычной деловой коммуникации наблюдается хотя и сдержанное, но заметное распространение нетрадиционных для бизнес-общения вербальных средств, часто диссонирующих с конвенциональными нормами делового дискурса и идущих вразрез с функционирующими в нём правилами и предписаниями. Сегодня мало у кого вызывает удивление или непонимание включение многими предпринимателями, экономистами и прочими деловыми людьми в свою речь таких нетипичных языковых приёмов и средств, как использование грубой или разговорной лексики (1), иронии и юмора (2), излишней образности при изложении фактуальной информации (3), примеры чего можно найти не только в средствах массовой информации соответствующей тематики, но и в официальных материалах солидных международных организаций, таких как МВФ или ООН, которым, по идее, должен быть присущ сухой официальный тон. Следует отметить, что довольно часто подобная дерегламентация бизнес-дискурса носит конструктивный характер, способствуя реализации коммуникативного замысла и оказанию нужного прагматического воздействия на аудиторию.

(1) *"Being fair is a good way to start," Parkland said, "and fairness works two ways – up and down." He leaned*

forward over the desk, speaking earnestly to Matt Zaleski, glancing now and then to the union committeeman, Illas. "Okay, I've been tough with guys on the line because I've had to be. A foreman's in the middle, catching crap from all directions. From up here, Matt, you and your people are on our necks every day for production, more production; and if it isn't you it's Quality Control who say, build'em better, even though you're building faster. [11]

(2) *"A question, Luisa?"*

"Yes. Is there a new editorial policy no one's told me about that excludes articles containing truth?"

"Hey, metaphysics seminar is on the roof. Just take the elevator up and keep walking until you hit the sidewalk. Anything is true if enough people believe it is. [12]

(3) *Lawyers have long considered themselves a breed apart: highly educated professionals, not dim-witted businessmen who think a "whereas" is a man who turns into a small member of the horse family when the moon is full. Many countries bar business types from owning even a bit (much less all) of a law firm. But in Britain, that law changed in October. [14]*

Намеренная дерегламентация английского делового дискурса его участниками представляет собой целенаправленное нарушение конвенциональных коммуникативных норм и правил, пренебрежение максимами вежливости, такта, релевантности информации, деловым речевым этикетом, которые традиционно регулируют вербальное поведение субъектов речи, и знаменует новый важный этап в развитии современной бизнес-риторики. Изучение жанровых конвенций делового общения и функционально обоснованной деконвенционализации является актуальным и перспективным направлением филологических исследований с точки зрения оптимизации межкультурного делового взаимодействия.

Библиографический список

1. Веденина Л.Г. Концепт «человек» в языковых картинах мира. В кн.: Лингвострановедение: методы анализа, технологии обучения. Четвертый межвузовский семинар по лингвострановедению. Ч.2. М.: МГИМО-Университет, 2007: 146-256.
2. Верченко Е.П. Типологический анализ менталитета граждан России и США в сфере делового общения: философско-культурологический аспект: Дисс. ...канд.филос.наук. М., 2006.
3. Грайс Г.П. Логика и речевое общение. Новое в зарубежной лингвистике. 1985; 16: 217-237.
4. Колтунова М.В. Конвенциональность как основа делового общения: дисс. ... д-ра филологических наук. М., 2006.
5. Малюга Е.Н. Роль и значение речевого этикета в английском языке делового общения. Язык, сознание, коммуникация. 2004; 27: 36-39.
6. Назарова Т.Б. Функциональные разновидности речи в деловом английском. В кн.: Вопросы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения. М.: РУДН, 2008: 40-49.
7. Пономаренко Е.В. Лингвосинергетика бизнес-общения с позиций компетентностного подхода (на материале английского языка). М.: МГИМО-Университет МИД РФ, 2010.
8. Рисинзон С.А. Общее и этнокультурное в русском и английском речевом этикете. Автореф. дисс. ...д-ра филол.наук. Саратов, 2010.
9. Рябков С.С. Фреймовая структура речевого акта «Vertrag» в современном немецком языке. Автореф. дисс. ...канд. филол.наук. Нижний Новгород, 2008.
10. Соссюр Ф. де Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.
11. Hailey A. Wheels. London: Pan Books, 1971.
12. Mitchell D. Cloud Atlas. London: Random House, 2004.
13. Morris Ch. W. Foundations of the theory of signs. Chicago, 1938.
14. Psst, Wanna Buy A Law Firm? The Economist. January 28th 2012: 67.
15. Weisberger L. The Devil Wears Prada. New York: Anchor Books, 2006.

References

1. *Vedenina L.G.* The concept “The Man” as a part of the linguistic map of the world. In: Country Studies: methods of analysis, teaching techniques. Part 2. Moscow: MGIMO-University, 2007. Pp. 146-256.
 2. *Verchenko E.P.* Typological analysis of citizens’ mentality in Russia and the USA in the sphere of business communication: Candidate of science thesis. Moscow: 2006.
 3. *Grice H.P.* Logic and communication. New researches in foreign linguistics. 1985: 16: 217-237.
 4. *Koltunova M.V.* Conventionality as a basic property of business communication: Doctor of science thesis. Moscow, 2006.
 5. *Malyuga E.N.* The role and meaning of verbal etiquette in Business English. The language, mind and communication. 2004: 27: 36-39.
 6. *Nazarova T.B.* Functional varieties of speech in Business English. In: Problems of linguistics and linguodidactics of a foreign language of business and professional communication. Moscow: RUDN, 2008: 40-49.
 7. *Ponomarenko E.V.* Linguosynergetics of business communication from the viewpoint of the competence approach. Moscow: MGIMO-University, 2010.
 8. *Risinzon S.A.* The common and the ethno-cultural in Russian and English verbal etiquette. Doctor of science thesis abstract. Saratov, 2010.
 9. *Ryabkov S.S.* Frame structure of the “Vertrag” speech act in modern German. Candidate of science thesis abstract. Nizhni Novgorod, 2008.
 10. *Sossur F.* Works on linguistics. Moscow: Progress, 1977.
 11. *Hailey A.* Wheels. London: Pan Books, 1971.
 12. *Mitchell D.* Cloud Atlas. London: Random House, 2004.
 13. *Morris Ch. W.* Foundations of the theory of signs. Chicago, 1938.
 14. Psst, Wanna Buy A Law Firm? The Economist. January 28th 2012: 67.
 15. *Weisberger L.* The Devil Wears Prada. New York: Anchor Books, 2006.
-

УДК 342.4(73)

UDC 342.4(73)

А.П. АЛЕКСАНДРОВА

кандидат филологических наук, доцент, и.о. зав. кафедрой
английской филологии Орловского государственного
университета
E-mail: arnold71@inbox.ru

A.P. ALEXANDROVA

Candidate of Philology, associate professor, Acting Head of
the Department of English Philology, Orel State University
E-mail: arnold71@inbox.ru

КОНСТИТУЦИЯ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ И КОНСТИТУЦИИ ШТАТОВ: ПРОБЛЕМЫ

THE U.S. CONSTITUTION AND STATE CONSTITUTIONS: PROBLEMS WITH STATE CONSTITUTIONS

В статье рассматриваются некоторые аспекты конституции штатов Соединенных Штатов Америки: история конституций штатов, роль конституций штатов и судей при разрешении социальных конфликтов. Предлагается краткий обзор проблем, связанных с конституциями штатов.

Ключевые слова: федеральная конституция, конституция штата, Верховный суд США, суд штата, конституционализм.

This paper considers the U.S. Constitution and state constitutions. It throws some light on the history of state constitutions, the proper role of state constitutions and judges in resolving social conflicts, and provides a brief survey of problems with state constitutions.

Keywords: federal constitution, state constitution, the United States Supreme Court, state court, constitutionalism.

For more than 200 years, the Constitution of the United States has served as the foundation for U.S. government. Only the British and Swiss governments rival its long life. The U.S. Constitution establishes and defines the basic outlines of a national government that joins the states in an effective political union. It “is a written document executed by representatives of the people of the United States as the absolute rule of action and decision for all branches and officers of the government, and with which all subsequent laws and ordinances must be in accordance unless it has been changed by a constitutional amendment by the authority that created it”. [Gale 2010:122]

The U.S. Constitution has been and remains one of the most enduring political agreements in the history of the world. Throughout its existence, it has served as an inspiring example of the potential of constitutional government, causing many other countries and peoples to emulate its provisions. According to Article VI of the Constitution, the U.S. Constitution is “the supreme Law of the Land.” All other laws and judicial decisions are subject to its mandates. The Constitution therefore has higher authority than all other laws in the nation, including statutes and laws passed by Congress and state legislatures. Unlike those other laws, the Constitution may be changed, or amended, only in special ways that reflect its character as a demonstration of the people’s will. State constitutions are more easily amended and address a broader range of issues than the U.S. Constitution and, as a consequence, have often played an important role in American political development. On many occasions, the relative flexibility of state constitutions has permitted political reforms to be more easily adopted by states, and only implemented later, if at all, at the federal level. At times also, the greater range of issues addressed

in state constitutions, which is due in part to the nature of the federal system and in part to conscious choices made by state constitution makers, means that many political issues have been regulated primarily or even exclusively by state constitutions. This importance of state constitutions can be seen throughout the course of the American regime but is particularly evident in the founding era, Jacksonian era, Progressive Era, and after the reapportionment revolution of the 1960s. [The Princeton Encyclopedia 2010:205-206]

American constitutionalism is more than the United States Constitution as interpreted by the United States Supreme Court. Each of the fifty states has its own constitution, which is the chief charter of government and of limitations on government in that state. State constitutions offer contrasts to common assumptions, based only on the United States Constitution, concerning both government and constitutional law.

State constitutions preceded the Constitution of the United States. State governments had to be formed when colonial governments were displaced in the move to American independence.

The Continental Congress called upon each colony to establish its own government, but the Congress decided not to propose a single model for all. The generation that drafted the United States Constitution and the Bill of Rights first applied many of its political theories to forming the state constitutions. One tradition dating from the early state constitutions is to place the declaration of rights at the beginning of the document. The rights so declared differed among the states, but together they covered virtually all of the guarantees later added to the United States Constitution.

By 1800 most of the original state constitutions had been replaced by revised documents. Nineteenth-century

constitutions reflected the changing political concerns of old and new states as the nation expanded westward.

New governmental programs such as public education and regulation of banks, railroads, and public utilities were added to state constitutions. State constitutions address such social problems as alcoholic beverages, gambling, and lotteries. The movement toward populist government reached its climax at the beginning of the twentieth century when many states provided for referenda on legislation and constitutional amendments upon petition by the requisite numbers of voters. Eventually many states had constitutions resembling haphazard legal codes. After World War II a number of states adopted substantially new or modernized constitutions (Missouri (1945), New Jersey (1947), Hawaii and Alaska (1959), Michigan (1960), Connecticut (1965), Florida and Pennsylvania (1968), Illinois and Virginia (1970), Montana (1972), Louisiana (1974), California (1976), and Georgia (1982). Altogether the fifty states have had a total of nearly 150 constitutions, with corresponding diversity among the states. Although guarantees of individual rights dominate judicial and public attention, the primary function of constitutions is the organization and allocation of governmental authority.

The authority of states as such is not derived from their constitutions; unless limited, state authority is as plenary as that of the British Parliament. State constitutions therefore have no need for lists of legislative “powers” like those granted Congress in the United States Constitution. The great residue of the Common Law concerning private transactions and property is state law. Although elected officials of local governments exercise lawmaking, taxing, and executive powers, their relation to the state is the reverse of that between the state and the federal government insofar as local governments have only the powers defined in state law. The “home rule” provisions found in many state constitutions, however, introduce one complexity comparable to the constitutional problems of Federalism.

For many reasons constitutional law has long been equated with the decisions of the Supreme Court of the United States. The Court as an institution is the subject of extensive and continuing writings by social scientists and journalists as well as by legal scholars. Only its decisions apply throughout the nation. The Court’s nationalization of individual rights in mid-twentieth century, coinciding with the development of dominant national news media and with the emphasis of professional education on national materials, obscures the fact that the federal system makes the states responsible for large and important areas of law over which the Supreme Court has no jurisdiction unless a state administers this responsibility in a manner contrary to the United States Constitution or laws.

The late-twentieth-century revival of state constitutions has served to remind the general public as well as legal professionals of the essentials of the federal system. Its importance is not measured by the instances in which state courts have enforced individual rights beyond decisions of the United States Supreme Court. Many important functions, problems, and innovations of state constitutions do not concern individual rights. Moreover, citizens

sometimes were quick to repeal constitutional guarantees of rights when these were enforced by their courts. State constitutions provide no security for dispensing with the national guarantees of the Fourteenth Amendment. Even debates over repealing guaranteed rights, however, brought citizen responsibility for these rights close to home as no United States Supreme Court decision could do. Although citizens in some states amended their constitutions to revive capital punishment and relinquish protections against police abuses, similar proposals were defeated in other states.

Experience in the states, in the conduct of state government as well as in state court decisions of constitutional issues, continues to offer alternative models and concepts by which to test, and sometimes to gain, ideas for the nation. After two centuries, independent constitutional thought and action in the states remains an essential strength of federalism as well as a guarantee of individual freedom.

In the two centuries since the founding era, the federal Constitution has only occasionally been amended (sixteen times since 1791). Most of what the Framers of 1787 wrote endures. State constitutions, by contrast, have seen frequent amendment and, in many states, periodic overhaul. The evolution of the states’ constitutions has mirrored the great movements and controversies of American history.

One key to understanding the independent role that state constitutions play in shaping American constitutional law is to recognize that the state and federal documents are separate documents, each to be enforced in its own right, independently of the other. A state judge is of course obliged to enforce the United States Constitution, just as is a federal judge. But, while a state court cannot do less than the federal Constitution requires, the court is free to look to the state constitution for imperatives quite beyond anything found in federal constitutional law. If a state court decides that a state law or other action violates the state constitution, the ruling in itself raises no federal question and the Supreme Court will decline review of the case. The Supreme Court has explicitly recognized the terrain thus left to state courts. [Levy 2000:2502]

State courts have sometimes used constitutions where the United States Constitution has little or nothing to say about the issue at hand. In other instances, a state court will use the state charter in areas in which federal doctrine exists but there is room for additional state interpretation. Examples include economic regulation¹, environment², education³, criminal justice⁴.

State court interpretations of state constitutions raise questions about judicial role. The familiar debate over the legitimate bounds of judicial review by the federal courts applies in somewhat altered form to the state courts’ displacement of judgments made by state legislatures or by other political forums. State judges, no less than their federal counterparts, should be aware of the way that judicial review, state and federal, triggers a tension between two principles. One is the principle that in a democracy decisions are made by agents ultimately accountable to the people. The other principle, embodied in judicial review, is that the commands of the Constitution should be enforced,

even in the face of a legislative or popular majority.

Thus, “a constitution establishes the structure of government and prescribes the fundamental rules of the game of politics” and as it outlines government structures and the basic rules of the political game, it is the *fundamental law* of a state and takes precedence over the *statutory laws*, that is, the laws passed by the legislature [Harrigan 1998:18]. Under the higher law tradition of constitutionalism the constitution is supposed to be a brief charter that sets the framework of government and prescribes the basic civil liberties of the citizens. Because the constitution is seen as higher law, it is deliberately made difficult to amend, and, as the Supreme Court stated in one of its most famous decisions, is “endure for ages to come” [McCulloch v. Maryland 4 L.Ed. 579 (1819)]. Senator David Durenburger gave a classic higher law argument: “The Constitution is a document for the ages, not a tool for dealing with the politics of the moment. ... We should not tinker with the Constitution – even for such a critical reason as this – when we have evidence that statutory changes will do the job.” [Carrol, English 1991:103]

In contrast to this higher law tradition, most state constitutions historically followed a different tradition, a positive law tradition of constitutionalism. Under the positive law tradition, it is considered quite proper for the constitution to contain policy details that the higher law tradition would provide for by statute rather than by constitutional amendment. The state constitutions have been heavily criticized for five weaknesses:

- they are too long and too detailed;
- they place too many restrictions on state legislatures;
- they create ineffective, fragmented executive branches;
- they create outmoded, ineffective court systems;
- they hamstring local governments. [Harrigan 1998:31]

Let us have a brief look at these points.

1. Too Long and Too Detailed.

Although the U.S. Constitution has only about 8,700 words, the average state Constitution has 30,000. The longest state constitution is Alabama’s, with about 174,000 words. Such excessive length makes the document very difficult to understand. Accompanying this excessive length is excessive detail, or ‘*super legislation*’. Super legislation refers to provisions in a constitution that most reformers think should be left to statutory law. For example, California’s constitution regulates the length of wrestling matches, while New York’s determines the location of certain ski trails, and the constitutions in Arkansas and Kansas contain so-called right-to-work provisions that inhibit labor unions from building their memberships. Because these provisions are written into the constitution itself, they become super legislation that is more difficult to adapt to changing times and changing popular majorities than is statutory legislation.

Because of these considerations, reformers advocate shorter constitutions that deal only with the fundamental structures of government. David C. Nice and Lewis A. Froman emphasize that states with the weakest political

parties tend to be the states with the longest constitutions. When political parties are weak, it is easier for specific interests to get favorable provisions written into constitutions.

2. Legislative Restrictions

Many constitutions put such rigid restrictions on the state legislatures that those bodies find it difficult to establish state policies. The most significant restrictions are the ones on finance and taxation powers of the legislatures. Most constitutions limit the amount of debt the state may incur. All constitutions restrict the classification of property taxes. They typically exempt some property (such as church-owned property) from taxation and place other property in special categories that the legislatures cannot change.

Not only do most constitutions limit the state’s debt and restrict the legislature’s ability to raise taxes, they also earmark certain revenues (those raised from specific taxes) to be spent only in specific *dedicated funds* (funds set aside for specific activities). One of the most important *earmarked revenues* is the state gasoline tax, most of which goes directly into a highway users’ fund. This fund can be spent only for highway maintenance or construction. The revenues from fishing and hunting licenses are often earmarked for conservation and natural resources.

Why earmark funds? Its advocates say that legislatures cannot be trusted to keep their commitments. Legislators serve at the will of the people and can easily turn their back on important programs if public opinion shifts in another direction⁵. For example, the Maryland’s legislature increased university funding, but two years later the interest for higher education decreased. The trouble, however, say critics, is that earmarking is little more than a shell game. Earmarking revenues for Maryland’s higher education program would not guarantee higher funding in future years. Knowing that the earmarked revenues were guaranteed, future legislatures could easily shift some of the nonearmarked revenues out of higher education to some other purpose. In fact, this has been a common practice with lottery revenues⁶.

Earmarked revenues also weaken the normal procedures of democratic accountability. Earmarked revenues and dedicated funds restrict the legislature’s ability to oversee the services delivered by the departments that receive the earmarked funds. They also inhibit the legislature’s ability to alter policy priorities. Since the earmarked revenues roll in to the dedicated fund perpetually, the legislature cannot do its job of providing a forum for debate on whether the program ought to be reduced in scope or altered significantly⁷.

Too much earmarked revenue and too many dedicated funds can prevent the legislature from carrying out its major role of establishing the state’s policy priorities. Although there has been a general decline in reliance on earmarking over the past few decades, the average legislature still lacks control over a fifth of budget because of earmarked funds.

3. Fragmented Executive Branches

Most state constitutions provide numerous independent administrative agencies (departments that are not directly accountable to the governor or to the legislature. The typical state constitution also provides for several independently elected state officials. Consequently, the executive power

is fragmented into many different offices, making it harder for the governor to provide strong leadership. Political reformers prefer that the state executive branch be modeled after the business corporation. In the corporation, all administrative units are ultimately accountable to a chief executive, who in turn, answers to a policy-making board of directors. By analogy the governmental reformers view the governor as the corporate chief executive and the legislature as the policy-making board of directors. Reformers want state executive power to be integrated and accountable to a limited number of policymakers.

4. *Inefficient Court Systems*

The typical court system is not integrated. Rather, it comprises dozens of courts that are independent of each other. No one body ensures the enforcement of high judicial standards. The procedures by which cases are given to one court rather than another are unclear and confusing. In civil cases when one person sues another, conflict or confusion over which court has jurisdiction can delay the case. In criminal cases when a person is tried for breaking the law, the fragmented court systems are not tied into the correctional system; law enforcement, adjudication, and corrections are not integrated. This compounds the already difficult task of creating a corrections system that actually corrects the antisocial behavior of criminals.

5. *Hamstrung Local Governments*

Most constitutions restrict how much debt local governments can incur, and this often limits their ability to provide public services efficiently. Many state constitutions prescribe the type of governments for localities, making it impossible for residents to choose the type of government they want. In sum, local governments are legally creatures of the state and possess only those powers that the state constitutions and legislatures permit them to have. Reformers advocate giving local governments more financial flexibility, giving local officials enough authority to meet their responsibilities, and giving local residents a form of home rule that would allow them to choose the type

of local government they want.

State constitutions exert a powerful influence on the American people's life. American state constitutions are deeply enmeshed in the nation's various social conflicts⁸. Throughout most of the twentieth century, state constitutional law took a back seat to federal constitutional law in dealing with dramatic social change. Nowhere was this more true than in the example of the civil rights movement of the 1950s and 1960s, which successfully broke the system of racial segregation in the South. Civil rights advocates had no success challenging segregation under state law because the constitutions of the southern states permitted segregation. Consequently, civil rights advocates used the federal courts to charge that segregation practices violated several provisions of the U.S. Constitution, especially the equal-protection clause, the due process clause, and the commerce clause. In this way, they were fully in keeping with the higher law tradition of constitutionalism. As a result of this history, Americans grew accustomed to thinking of the federal constitution and the federal courts as more progressive than state constitutions and state courts when dealing with issues of social change.

No function of a constitution, state or federal, is more important than its use in defining a people's aspirations and fundamental values. The federal Constitution is, however, more concerned on its face with structure and process than with substantive outcomes. State constitutions, in the American tradition, tell us more of a people's values. It is in their state constitutions that the people of a state have recorded their definitions of justice, their moral values, and their hopes for the common good. A state constitution, in short, defines a way of life. In so doing, these state charters derive from the tradition given in George Mason's precept (in Virginia's Declaration of Rights) that "no free government, nor blessings of liberty, can be preserved to any people" but by a "frequent recurrence to fundamental principles." [Levy 2000:2503]

Comments

¹ Since the so-called constitutional revolution of 1937, the Supreme Court has abdicated the earlier practice of using the Fourteenth Amendment due process clause to second-guess state social or economic legislation. State courts, however, often use state constitutions to review economic measures. For example, a state court might invalidate a law restricting entry into a given trade (such as hairdressing) where it is evident that the purpose of the law is not to protect the public interest but to give special advantages to a favored group.

² The federal courts have refused to recognize a federal constitutional right to a decent environment. State constitutions, however, often have provisions protecting the environment. State courts may, for example, give force to a "public trust" in state resources such as rivers and wetlands.

³ The Supreme Court has refused to use the Fourteenth Amendment to require that states equalize expenditures for wealthy and poor school districts.

Education is, however, dealt with at length in state constitutions. Courts in some states have used various state constitutional grounds to require more-equal funding of schools throughout the state.

⁴ Through the *Incorporation Doctrine*, the Supreme Court has applied most of the provisions of the Bill of Rights to the states. Thus, federal constitutional standards regarding police practices (such as *Police Interrogation and Confessions* and *Search and Seizure*) and criminal trials (such as *the Right to Counsel*) bind the states, as they do the federal government. Even in this highly federalized area of constitutional law, state constitutions play a role. For example, courts in some states have read the state constitutional ban on *Unreasonable Search* and seizure as forbidding police actions that might be upheld under the Supreme Court's Fourth Amendment decisions.

⁵ In 1989, for example, the Maryland legislature committed itself to a significant expansion in university funding and dramatically increased appropriations for that purpose. Two years later, however, this enthusiasm for higher education waned, and appropriations dropped back to what they had been two years earlier. If university funding had been earmarked in the constitution, it would not have been as easy for the state to back away from its commitment. It can be very difficult for a public body to keep a sustained, decades-long commitment to a project if it has to rely on annual appropriations. It is unlikely, for example, that the Interstate Highway System, which took forty years to build and was built almost solely on earmarked state and federal gasoline taxes, would be as extensive as it is today if it had had to rely upon annual appropriations.

⁶ Several states in the 1980s persuaded their residents to pass constitutional amendments adopting lotteries, on the promise that the lottery revenues would be earmarked for public education. Illinois, for example, earmarked 100 percent of its lottery revenue to public education. In 1988, this amounted to \$524 million. But an analysis of the Illinois finance system found that as lottery revenues began flowing into the education system, funding from other sources immediately began to drop off.

⁷ This, of course, was exactly the case with the Interstate Highway System. Started in 1956, the bulk of the system was completed by 1970, with

the uncompleted remainder being predominantly the central-city portions. Finishing off those portions led to enormous social conflict. Inner city, often minority, neighborhoods had to be torn out to make way for the freeways, public transit systems deteriorated in virtually every city in the country, and a perception was growing that the new freeways were speeding up the decline of the central cities themselves. Furthermore, by 1970 the Interstate Highway System had become the single largest public works project in human history, and it was doing more than any other single phenomenon to shape the sprawling pattern of today's typical metropolitan areas. Despite these major issues, it was impossible for most state legislatures to debate whether or not it might be good public policy to v original 1956 Interstate Highway plans in order to create a transportation system less heavily dependent on freeways and automobiles.

This debate was impossible because 90 percent of the money came from the fed federal gasoline tax and only 10 percent from state funds; this was a deal good for most legislators to pass up. If you had been a suburban legislator 1970, it is conceivable that you might have been able to talk your constituents into scaling back freeway construction if they were going to have to e the funds for it themselves and if you had a proposal for a better and less costly method of easing their traffic congestion problems. But it would have been impossible to convince them of that when 90 percent of the costs were going to be paid by motorists in the rest of the country and when your constituents themselves would lose this gift from the rest of the country if the funds were not on new freeway construction.

⁸ In 1996, California voters faced a proposed constitutional amendment that would, if passed, threaten the legality of many affirmative action provisions already in California law.

Several state courts ruled that their state constitutions required a redistribution of school funding, thus forcing upon legislatures and governors the difficult task of accomplishing this goal.

References

1. *David C. Nice* Interest Groups and State Constitutions: Another Look // *State and Local Government Review* 20, № 1, 1988 (Winter). – Pp.21-26.
2. *David Schultz*. Encyclopedia of the United States Constitution. New York, 2009. – Pp. 161-166.
3. Encyclopedia of the United States Constitution. Edited by Leonard W. Levy, Kenneth L. Karst. Macmillan reference USA. *An imprint of the Gale Group*, New York, 2000. – Pp. 2495-2503.
4. Gale encyclopedia of American law. Gale, Cengage Learning, 2010, Vol. 3. – Pp. 120-125.
5. *John J. Carrol*, *Arthur English*. Traditions of the State Constitution Making // *State and Local Government Review* 23, № 3, 1991 (Fall). – Pp. 103-108.
6. *John J. Harrigan*. Politics and Policy in States and Communities. An imprint of Addison Wesley Longman, Inc. 1998. – Pp. 17-31.
7. *Lawrence M. Friedman*. American law and the constitutional order: historical perspectives (Harry N. Scheiber, co-editor), Harvard University Press, 1978.
8. *Lewis A. Froman, Jr.* Some Effects of Interest Group Strength in State Politics // *The American Political Science Review* 60, № 4, 1966 (December). – P. 956.
9. *Peter Bromhead*. Life in Modern America. Longman Group UK Limited, Harlow, 1995. – Pp. 47-61.
10. *Panchyk. R.* The Keys to American History: Understanding Our Most Important Historic Documents. Chicago Review Press, Incorporated, 2008.
11. *Schroeder. R.C.* An outline of American Government. United States Information Agency, 1989.
12. The Constitution of the United States.
13. The Princeton Encyclopedia. Richard R. John, Ira I. Katznelson, Jack N. Rakove, Julian E. Zelizer; editor Michael Kazin. Princeton University Press, 2010, Vol. 1. – Pp. 198-206.
14. *Wesley M. Bagby*. Introduction to Social Science and Contemporary Issues. Nelson-Hall Publishers, Chicago, 1995. – Pp. 241- 254.
15. <http://www.americanhistory.about.com>
16. <http://www.law.cornell.edu/constitution/amendmentxiv>
17. <http://www.ourdocuments.gov/doc.php?flash=true&doc=43>
18. <http://www.questia.com/library/law>
19. <http://www.usa.gov>
20. <http://www.uscongresslibrary.com/search/>
21. <http://www.whitehouse.gov>

УДК 343.2

UDC 343.2

М.В. БАРАНЧИКОВА

кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры уголовного права, криминологии и психоло-
гии Орловского юридического института МВД России
им. В.В. Лукьянова
E-mail: marina-baranchikova@yandex.ru

M.V. BARANCHIKOVA

candidate of law sciences, senior lecturer of the chair
of criminal law, criminology and psychology, Orel Law
Institute of MIA of the Russia named after V.V. Lukyanov
E-mail: marina-baranchikova@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

THE ISSUE ABOUT CRIMINAL LIABILITY OF LEGAL PERSONS

Введение института уголовной ответственности юридических лиц является актуальной проблемой современной уголовно-правовой науки, решение которой может способствовать повышению эффективности деятельности государства по противодействию противоправной деятельности корпораций. Это ставит вопрос о целесообразности обсуждения возможностей законодательного оформления и перспектив реализации данного института.

Ключевые слова: юридические лица, уголовная ответственность, уголовный закон, причастность к преступлению.

The introduction of the Institute of criminal liability of legal persons is an urgent problem of modern criminal law science, and it could help to improve the efficiency of activities on counteraction to illegal activities of corporations. The question about the expediency to discuss the possibilities of legislative registration and prospects of this Institute is raised.

Keywords: legal persons, the criminal liability, criminal law involvement in the crime.

Введение института уголовной ответственности юридических лиц в российский уголовный закон в последние годы все чаще обсуждается в уголовно-правовой литературе.

Сегодня необходимость введения данного института обусловлена рядом правовых, социально-экономических и политических факторов, связанных с возрастанием количества преступлений, совершаемых в интересах или с использованием юридических лиц, их негативным влиянием на инвестиционную привлекательность России, дестабилизацией фундаментальных основ экономики, повышением уровня криминогенности общества в целом, созданием условий для развития коррупции, экологической преступности, финансирования терроризма и организованной преступности и т.п. [19].

18 февраля 2011 года Следственным комитетом Российской Федерации был разработан законопроект «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовной ответственности юридических лиц» [19], что придало новый импульс исследованиям перспектив его принятия. Создание проекта было обусловлено тем, что, по мнению его составителей, действующее российское законодательство в области противодействия преступности юридических лиц не только не отвечает мировым стандартам, но фактически не позволяет вести борьбу с этим явлением.

Данный проект содержит положения, касающие-

ся механизма уголовно-правового противодействия участию юридических лиц в преступной деятельности, а также регламентирует основания уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц, круг субъектов, подлежащих уголовно-правовому воздействию, виды мер уголовно-правового характера, основания освобождения юридического лица от уголовно-правового воздействия, основания возникновения и сроки судимости юридических лиц и т.п. Согласно проекту предлагается дополнение раздела VI УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера» главой 15.2 «Меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц».

Многочисленные исследования ответственности юридических лиц убедительно доказывают, что юридические лица, так же как и физические лица, могут совершать деяния, обладающие высокой степенью общественной опасности, а вред, причиняемый деятельностью юридического лица, значительно превышает вред, который может быть нанесен отдельным физическим лицом [2]. Наряду с этим противоправная деятельность юридических лиц в России в последние годы приобретает масштабность, имеет неблагоприятную динамику. Существующие для юридических лиц санкции в гражданском, налоговом, административном законодательствах не всегда соответствуют характеру и степени общественной опасности их деяний, объему и тяжести наступающих в результате их совершения последствий.

Е.Ю. Антонова отмечает, что установление в

Кодексе РФ об административных правонарушениях норм об административной ответственности коллективных субъектов позволяет говорить о добавлении карательных (административных) мер воздействия к возможности применения праввосстановительных (гражданско-правовых) санкций к юридическим лицам. Близость по своей юридической природе административной и уголовной ответственности усиливает, по ее мнению, мысль о возможности расширения сферы уголовной деликтоспособности за счет признания юридических лиц субъектами преступления (уголовной ответственности) [1].

Анализ практики привлечения юридических лиц к гражданской и административной ответственности все чаще ставит под сомнение ее эффективность рядом исследователей, обуславливает целесообразность введения уголовной ответственности для данной категории субъектов, поскольку привлечение последних к административной ответственности не обладает необходимым превентивным эффектом.

Кроме того, необходимость признания юридическое лица субъектом уголовной ответственности диктуется обязанностью России учитывать международные стандарты и рекомендации, касающиеся уголовно-правовых методов борьбы с преступными деяниями, совершаемыми юридическими лицами.

Первый конгресс Международной ассоциации уголовного права 1929 года рекомендовал внести в национальное уголовное законодательство нормы, предусматривающие уголовную ответственность юридических лиц, преступно нарушающих законы государства. Необходимость таких мер объяснялась тем, что соображения общественной пользы и социальной защиты диктуют применение к юридическим лицам санкций.

В решениях целого ряда последующих конгрессов и конвенций содержались рекомендации об установлении уголовной ответственности юридических лиц за определенную общественно опасную деятельность, угрожающую социальному благополучию мирового сообщества.

Поскольку Российская Федерация является членом Совета Европы и участницей ряда международных конвенций (Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 г., Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г., Конвенции ООН против коррупции от 31 октября 2003 г., Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.), она приобретает, как считает Е.Ю. Антонова, обязанность обеспечить применение в отношении юридических лиц, привлекаемых к ответственности в связи с совершением преступлений, эффективных, соразмерных и оказывающих сдерживающее воздействие (в том числе уголовных) санкций [1].

В свою очередь, Е.В. Богданов утверждает, что в пояснительной записке к проекту закона о введении ответственности юридических лиц Следственный комитет РФ «непозволительно вольно толкует соответ-

ствующие нормы международно-правовых актов», обосновывая якобы вытекающую из них обязанность государств-участников ввести уголовную ответственность юридических лиц за причастность к определенным видам преступлений. По его мнению, в международно-правовых актах вопрос о характере ответственности юридических лиц не уточняется и, как указано в них, должен быть решен с учетом правовых принципов государств-участников. Исходя из данных принципов, согласно отечественному уголовному закону сегодня у России нет обязанности по установлению уголовной ответственности юридических лиц [10].

Представляется, что независимо от того обязательный или рекомендательный характер носят положения международных документов по установлению в национальном законодательстве уголовной ответственности юридических лиц, важным является реализации такой возможности в рамках действующего российского уголовного закона.

Критический взгляд на необходимость введения уголовно-правовых мер воздействия в отношении юридических лиц и нарекания по его законодательному оформлению связаны с тем, что, по мнению С.С. Арбузова, данный проект «не удовлетворяет целям и задачам уголовного права, ибо при технических изъянах в нем отсутствуют системные изменения в уголовном праве России, что в дальнейшем неизбежно потребует коренного пересмотра подходов к основным понятиям и даже институтам уголовного права, не говоря уже о проблемах процессуального характера и внесении изменений в уголовно-процессуальное законодательство» [9].

Противники введения уголовной ответственности юридических лиц в качестве весомых аргументов отмечают достаточность в современных условиях для профилактики общественно опасной деятельности юридических лиц усиления санкций в рамках административного законодательства, противоречие принципам личной и виновной ответственности. Они отмечают, что привлечение к уголовной ответственности юридических лиц потребует коренного пересмотра основных положений уголовного закона. Так, в случае введения уголовной ответственности юридических лиц, по мнению Н. Иванова, ее установление создаст «непреодолимые трудности в правоприменительной практике, чехарду в теории уголовного права, потребует кардинальных изменений институтов Общей части УК РФ». В качестве крайней меры он в целом допускает возможность «создать вариант УК РФ, в котором его институты будут преобразованы под юридических лиц, обсудить созданный вариант, а лучше несколько вариантов и только после принятия разумного решения, может быть, включить такого рода ответственность в рамки уголовного законодательства» [12].

Настаивая на ее противоречии принципам личной и виновной ответственности, Н.Ф. Кузнецова считает, что: «Сочетать принципы вины и личной ответственности с невиновной и коллективной ответственностью юридических лиц невозможно» [15]. Соглашаясь с

ней, В.Г. Павлов писал, что «незыблемость и приоритет этих принципов, тесно связанных с другими принципами и различными институтами уголовного права, вряд ли может иметь место при уголовной ответственности юридических лиц... Говорить о вине в отношении юридических лиц, как она понимается в российском уголовном праве, в общем нельзя, так как этой вины у юридических лиц не имеется» [7].

Е.В. Богданов считает, что «юридическое лицо – не человек, и в отношении него не следует говорить о мотивах и мотивации, воле и вине, целях деятельности и пр. Ничего этого у юридического лица нет и априори быть не может [10].. Из этого следует вывод, что установить вину юридического лица невозможно, поскольку вина характеризуется психическим отношением физического лица к совершенному деянию.

Вопреки этому мнению, признавая субъектами уголовной ответственности юридических лиц, А.В. Наумов считает, что «ответственность юридических лиц вполне может сосуществовать с принципом личной виновной ответственности и дополнять его» [6]. Принцип виновной личной ответственности, по его мнению, «является серьезным завоеванием прогресса и демократии. И там, где он является единственно возможным.. он должен оставаться незыблемым. Там же, где сама жизнь выдвигает возможность применения иного принципа – уголовной ответственности юридических лиц, он вполне может сосуществовать с первым и дополнять его» [6].

Б.В. Волженкин отмечая, что преступление может совершать только физическое лицо, обладающее сознанием и волей, считает, что нести уголовную ответственность за подобные деяния могут «не только физические, но при определенных условиях и юридические лица» [2].. Тем самым он разграничивает понятия «субъект преступления» и «субъект уголовной ответственности».

АН. Егорова, говоря о вине юридического лица в преступлении, связанном с коррупцией, отмечает, что эта вина «по своим форме и содержанию, должна быть равнозначна вине соответствующего должностного лица или другого служащего.. Попытка построения особой, отличной от «человеческой» конструкции вины юридического лица в совершении преступления может привести к объективному вменению» [13].

Признание введения института уголовной ответственности юридических лиц мерой социально и криминологически обусловленной, очевидны его комплексный и разноплановый характер, сложности его законодательного обеспечения и применения на практике.

Сегодня нормы, закрепляющие уголовную ответственность юридических лиц, содержатся в уголовных кодексах целого ряда государств. Имея разные правовую природу, особенности законодательного оформления и практику применения, эти нормы часто оказываются эффективным средством противодействия противоправной деятельности юридических лиц.

Существующий сегодня проект Следственного комитета РФ предлагает в качестве примера уголовной ответственности юридических лиц использовать опыт

Латвии, Турции, Венгрии. При этом Г. Есаков отмечает, что ссылки на зарубежный опыт данных стран и игнорирование опыта других, например Великобритании, Китая, США, Франции, не является удачным, ведь, по его мнению, опыт последних не менее показателен и успешен [14]. В свою очередь, Ю.И. Бытко считает, что «рекомендовать России какую-либо из моделей уголовной ответственности юридических лиц было бы некорректным» [11].

В современных условиях, по мнению Н.В. Щедрина, необходимо создавать компромиссный вариант, позволяющий вести речь не о наказании юридических лиц и ответственности, а об «уголовных санкциях безопасности» [17], для применения которых достаточно факта совершения общественно опасного деяния, предусмотренного статьями Особенной части УК, и не требуется наличия субъективных элементов состава преступления. Он предлагал включить в Уголовный кодекс РФ главу под названием «Меры уголовно-правового характера в отношении организаций», где предусмотреть возможность применения мер безопасности за общественно опасные деяния экстремистской и террористической направленности, за деяния, связанные с отмыванием денег, незаконным оборотом наркотиков, торговлей людьми, оружием и другими преступными промыслами, а также иные наиболее опасные деяния против человека и среды его обитания [18].

Применение к юридическим лицам иных мер уголовно-правового характера за причастность к совершению преступления предлагается в проекте Следственного комитета РФ 2011 года, где изложенная в нем правовая конструкция позволит избежать коренного изменения традиционной для российского уголовного права доктрины личной виновной ответственности, закрепленной в ст. 5 и 19 УК РФ. Она предполагает отнесение уголовно-правового воздействия в отношении причастных к преступлению юридических лиц к предусмотренным разделом VI УК РФ иным мерам уголовно-правового характера.

Такое решение проблемы предполагает, что юридическое лицо, как и ранее, не может выступать в качестве субъекта преступления, однако будет подвергаться мерам уголовно-правового воздействия за причастность к преступлению, совершенному физическим лицом [16].

В ст. 104.7 УК РФ проекта Следственного комитета предлагается установление шести мер уголовно-правового характера, применяемых к юридическим лицам: а) предупреждение; б) штраф; в) лишение лицензии, квоты, преференций или льгот; г) лишение права заниматься определенным видом деятельности; д) запрет на осуществление деятельности на территории Российской Федерации; е) принудительная ликвидация.

Изучение данных мер показывает их общность и сходство с мерами гражданско-правового и административного характера, применяемыми к юридическим лицам. Это позволяет ряду ученых говорить об их дублировании и сомневаться в целесообразности введения наряду с административной, уголовной ответ-

ственности юридических лиц [9]. Однако несмотря на их сходство, очевидно, что меры административной и гражданской ответственности по своему содержанию и особенностям применения существенно отличаются от уголовно-правовых мер.

Меры уголовно-правового характера в проекте Следственного комитета РФ предлагается применять к юридическим лицам за причастность к совершению преступления, то есть в соответствии с п. «а» ч. 2 ст. 104.4 в случае совершения преступления в интересах юридического лица лицом, выполняющим в нем управленческие функции либо осуществляющим в нем фактическое руководство. Тем самым в рамках указанного подхода предлагается создать новую конструкцию причастности к совершению преступления.

Г.А. Есаков отмечает, что по сути, если ранее формулировавшиеся концепции пытались подвести юридическое лицо под общее понятие состава преступления как единственного основания уголовной ответственности (ст. 8 УК РФ), то данная конструкция формулирует новый всеобъемлющий и самостоятельный состав преступления, размещенный в Общей части УК РФ и именуемый «причастность к совершению преступления». Он отмечает, что теоретическая правильность такого подхода очевидно сомнительна, а «данная конструкция заслуживает упрека с теоретической точки зрения и серьезно осложнит практику применения соответствующих норм» [14].

Другой проблемой введения института уголовной ответственности юридических лиц может стать законодательная нерешенность вопроса о перечне преступлений, за совершение которых предусматривается такая ответственность.

В российском уголовном законе, по мнению С.Г. Келиной, ответственность юридических лиц должна быть предусмотрена, по крайней мере, в четырех главах Особенной части УК: за ряд преступлений в сфере экономики, экологические преступления, преступления против общественной безопасности и преступления против мира и безопасности человечества. Этот перечень, по ее мнению, должен быть сформулирован в специальной статье, помещенной в конце соответствующей главы Особенной части [4].

И.В. Ситковский предлагает считать основанием уголовной ответственности юридических лиц совершение ими деяния, содержащего признаки состава преступления, предусмотренного статьями 129, 130, 136, 137, 143, 145-147, 171-197, 199, 200, 216, 217, 219, 236, ч.1 ст.237, 238, 242, 243, 246-262, 272-274, 353-358 УК РФ [8].

В свою очередь, Е.Ю. Антонова отмечает, что корпоративная преступность посягает на большее количество объектов и говорит о том, что по своему характеру преступления, совершаемые от имени и (или) в интересах юридического лица, могут посягать на личные права и свободы граждан, экологическую и общественную безопасность, здоровье населения и общественную нравственность, общественные отношения в сфере компьютерной информации, интересы государственной власти, мир и безопасность человечества [1].

Существует мнение, что установление ответственности юридических лиц за столь разнородные и разнотипные преступные деяния (против личности, против собственности, против общественного порядка и пр.) противоречит главной идее уголовной ответственности юридических лиц, согласно которой последние несли бы ответственность за деяния, в которых их «участие» существенно, например, это относится к экологическим преступлениям [5].

Анализ мнений о введении института уголовной ответственности юридических лиц позволяет выделить следующие аргументы в ее пользу:

1. необходимость приведения российского уголовного законодательства в соответствие с требованиями международных нормативных правовых актов, где юридическое лицо признается полноправным субъектом уголовной ответственности;
2. наличие позитивного опыта привлечения к уголовной ответственности юридических лиц в ряде зарубежных государств;
3. репрессивный потенциал уголовного права позволит обеспечить не только неотвратимое и справедливое наказание юридических лиц за наиболее опасные и распространенные общественно опасные посяательства, но и реализовать его предупредительную задачу;
4. эффективное противодействие организованной, экономической преступности, преступлениям в сфере общественной безопасности, причиняющих существенный ущерб, в ряде случаев возможно только путем применения мер уголовно-правового реагирования.

По мнению Г. Смирнова, введение института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц позволит создать эффективную систему противодействия преступлениям, совершенным в их интересах либо с использованием финансовых и иных возможностей юридических лиц. Участие в событии преступления коллективного субъекта значительно повышает общественную опасность деяния, так как организация обладает несоизмеримо большими финансовыми, организационными и иными возможностями для подготовки, совершения и сокрытия преступления, нежели отдельное лицо или даже группа лиц [16].

Представляется неверным утверждение о том, что «предложения по введению уголовной ответственности юридических лиц носят поверхностный характер, игнорируют существующую доктрину уголовного права и в случае их реализации способны дезорганизовать систему уголовного судопроизводства и стать дополнительным источником коррумпированности правоохранительных и иных государственных органов» [9].

Рассмотрение отдельных аспектов законопроекта «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» приводит к выводу о необходимости дальнейшей законодательной работы по его совершенствованию. Установление уголовной ответственности юридических лиц может стать социально обусловленной мерой, основанной на социальных принципах кри-

минализации, в том числе общественной опасности этих посягательств.

Несмотря на утверждение Ю.И. Бытко о том, что сегодня страна не готова к практическому воплощению в уголовном законодательстве идеи уголовной ответственности юридических лиц, что «российская наука

сегодня пребывает в стадии осмысления нарабатанной мировым сообществом законотворческой и правоприменительной деятельности в этой сфере» [11], перспективным направлением представляется дальнейшая научная разработка и выработка эффективного законодательного решения данной проблемы.

Библиографический список

1. Антонова Е.Ю. Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Владивосток, 2011. С. 4, 16.
2. Волженкин Б.В. Уголовная ответственность юридических лиц. СПб., 1998. С. 26.
3. Есаков Г.А., Понятовская Т.Г., Рарог А.И. и др. Уголовно-правовое воздействие: монография / под ред. А.И. Рарога. М.: Проспект, 2012. С. 186.
4. Келина С.Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового Уголовного кодекса Российской Федерации // Уголовное право: новые идеи. М., 1994. С. 52.
5. Михеев Р.И., Корчагин А.Г., Шевченко А.С. Уголовная ответственность юридических лиц: за и против. Монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. С. 28.
6. Наумов А.В. Российское уголовное право: курс лекций. Т. 1. Общая часть. 5-е изд. М., 2011. С. 367.
7. Павлов В.Г. Субъект преступления. СПб., 2001. С. 264, 265.
8. Ситковский И.В. Уголовная ответственность юридических лиц: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 4.
9. Арбузов С.С., Кубанцев С.П. О перспективе введения в России института уголовной ответственности юридических лиц // Журнал российского права. 2012. № 10. С. 106.
10. Богданов Е.В. Проблема уголовной ответственности юридических лиц // Российская юстиция. 2011. № 8. С. 33,35.
11. Бытко Ю.И. Уголовная ответственность юридических лиц как форма и содержание социальной справедливости // Вестник СГАП. 2011. № 4. С. 158.
12. Иванов Н. Уголовная ответственность юридических лиц: аргументы contra // Уголовное право. 2012. № 2. С. 50.
13. Егорова Н. Уголовная ответственность юридических лиц за коррупционные преступления // Уголовное право. 2003. № 2. С. 26.
14. Есаков Г. Меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц: критическая оценка // Уголовное право. 2011. № 3. С. 26.
15. Кузнецова Н.Ф. Кодификация норм о хозяйственных преступлениях // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. 1993. № 4. С. 20.
16. Смирнов Г. Перспективы и условия введения в России института Уголовной ответственности юридических лиц // Уголовное право. 2011. № 2. С. 76, 77.
17. Щедрин Н.В. Меры безопасности (защиты) в уголовном праве // Уголовное право и современность. Красноярск: Изд-во Красноярск. высш. шк. МВД России, 1998. С. 52-63.
18. Щедрин Н.В., Востоков А.А. Меры уголовно-правового характера в отношении преступных организаций // Совершенствование борьбы с организованной преступностью, коррупцией и экстремизмом. Под ред. А.И. Долговой. М., 2008. С. 130-131.
19. Проект Федерального Закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации в связи с введением института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц» [Электронный ресурс] // <http://www.sledcom.ru/discussions> URL: <http://www.sledcom.ru/discussions> (дата обращения 20.10.2013).

References

1. Antonova E.Yu. Conceptual bases of corporate (collective) criminal liability: avtorep. yew. ... Dr.s юрид. sciences. Vladivostok, 2011 - Page 4, 16.
2. Volzhenkin B. V. Criminal liability of legal entities. - SPb. 1998. – Page 26.
3. Esakov G. A. Ponyatovskaya T.G., Rarog A.I., etc. Criminal and legal influence: the monograph / under the editorship of A.I. Raroga. - M.: Prospectus, 2012. - Page 186.
4. Calin S.G. Otvetstvennost of legal entities in the draft of the new Criminal code of Rosksiysky Federation//Criminal law: new ideas. - M, 1994. - Page 52.
5. Mikheyev R. I. Korchagin A.G. Shevchenko A.S. Criminal liability of legal entities: pros and cons. Monograph. - Vladivostok: Publishing house of Dalnevost. un-that, 1999. Page 28.
6. Naumov A.V. Russian criminal law: course of lectures. T. 1 . General part. 5th prod. M, 2011. Page 367.
7. Pavlov V. G. Subjekt of a crime. SPb. 2001. Page 264, 265.
8. Sitkovsky I.V. Criminal liability of legal entities: avtorep. yew. . edging. юрид. sciences - M., 2003. Page 4.
9. Arbuzov S.S., Kubantsev S. P. About introduction prospect in Russia of institute of criminal liability of legal entities//the Magazine of Russian law. 2012 . No. 10. - Page 106.
10. Bogdanov E.V. Problema of criminal liability of legal entities//Russian justice. 2011 . No. 8. Page 33,35.
11. Bytko Yu.I. Criminal liability of legal entities as form and content of social justice//SGAP Bulletin. 2011 . No. 4. Page 158.
12. Ivanov N. Criminal liability of legal entities: arguments of contra//Criminal law. 2012 . No. 2. Page 50.
13. Egorova N. Criminal liability of legal entities for corruption crimes//Criminal law. 2003 . No. 2. Page 26.
14. Esakov G. Measures of criminal and legal character concerning legal entities: critical evaluation//Criminal law. 2011 . No. 3. P. 26.
15. Kuznetsova N. F. Codification of norms about economic crimes//the Messenger of the Moscow university. It is gray. 11, Right. 1993 . No. 4. - Page 20.

16. Smirnov G. Prospects and introduction conditions in Russia of institute of Criminal liability of legal entities//Criminal law. 2011. No. 2. Page 76, 77.
17. Shchedrin N. V. Security measures (protection) in criminal law//Criminal law and the present. - Krasnoyarsk: Publishing house of Krasnoyars. высш. шк. Ministry of Internal Affairs of Russia, 1998. - Page 52-63.
18. Shchedrin N. V., Vostokov A.A. of a measure of criminal and legal character concerning the criminal organizations//Improvement of fight against organized crime, corruption and extremism. Under the editorship of A.I. Dolgovoy. - M, 2008. - Page 130-131.
19. The draft of the federal law «About modification of some acts of the Russian Federation in connection with introduction of institute of criminal and legal influence concerning legal entities» [An electronic resource]/URL [http://www.sledcom.ru/discussions]: http://www.sledcom.ru/discussions (date of the address 20.10.2013).

УДК 343.9.018.3

С.В. ВАСЮКОВ

доцент кафедры гражданского процесса, предпринимательского и трудового права Орловского государственного университета
E-mail: s.vasukov@mail.ru

Г.Н. ВАСЮКОВА

старший преподаватель кафедры экономической теории и права Орловского государственного аграрного университета
E-mail: g-vasyukova@mail.ru

UDC 343.9.018.3

S.V. VASYUKOV

associate Professor civil process, enterprise and labor law Department, Orel state university
E-mail: s.vasukov@mail.ru

G.N. VASYUKOVA

senior teacher department economic theories and law, Orel state agrarian university
E-mail: g-vasyukova@mail.ru

**К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ, СПОСОБСТВУЮЩИХ РОСТУ КОЛИЧЕСТВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШАЕМЫХ В СФЕРЕ ПРОВЕДЕНИЯ БЕЗНАЛИЧНЫХ РАСЧЕТОВ, ПРОИЗВОДИМЫХ
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПЛАТЕЖНЫХ КАРТ**

**TO THE QUESTION OF SOME REASONS PROMOTING GROWTH OF QUANTITY OF CRIMES, COMMITTED
IN THE SPHERE OF CARRYING OUT THE CLEARING SETTLEMENTS MADE WITH USE OF PAYMENT CARDS**

В статье рассматриваются отдельные причины, способствующие росту количества преступлений, совершаемых в сфере проведения безналичных расчетов, производимых с использованием платежных карт: виктимное поведение потерпевших, недостатки в правовом регулировании и деятельности правоохранительных органов, недостаточное внимание банков к обеспечению безопасности операций с платежными картами.

Ключевые слова: *причина преступления, криминогенная детерминанта, виктимность, мотивация, дискансионное банковское обслуживание.*

In article the separate reasons promoting growth of quantity of crimes, committed in the sphere of carrying out the clearing settlements made with use of payment cards are considered: viktin behavior of victims, shortcomings of legal regulation and activity of the law enforcement agencies, insufficient attention of banks to safety of operations with payment cards.

Keywords: *cause of offense, criminogenic determinant, viktimity, motivation, remote bank service.*

В настоящее время в криминологии преобладает точка зрения, согласно которой причина преступления есть система взаимодействующих внешних (социальных) и внутренних (личностных) факторов [2, с. 126; 3, с. 60; 4, с.127; 6, с.5]. По нашему мнению, это справедливо, поскольку преступление невозможно вывести из какого-нибудь одного или даже нескольких обстоятельств. Оно обусловлено комплексом взаимодействующих факторов: внешних и внутренних, действовавших в разное время и с разной интенсивностью, связанных с преступностью непосредственно или опосредованно,

прямо или косвенно.

Мы поддерживаем такой подход и при установлении криминогенных детерминант в механизме совершения экономических преступлений в сфере проведения безналичных расчетов, производимых с использованием банковских карт, и полагаем, что некоторые факторы могут либо прямо или косвенно оказывать воздействующие влияние на личность правонарушителя посредством влияния на внешние и внутренние криминогенные факторы.

К внешним факторам, обуславливающим соверше-

ние преступления, относятся неблагоприятные условия нравственного формирования личности преступника, а также те особенности ситуации, которые способствуют возникновению преступного намерения, заключаая в себе объективные возможности для совершения преступления. К числу внутренних факторов относятся антиобщественные взгляды, ориентации, потребности, проявленные в соответствующих мотивах [2, с. 126].

Формирование антиобщественных установок у лиц, совершающих преступления в сфере проведения безналичных расчетов, производимых с использованием банковских карт, находится в прямой причинной связи с наличием серьезных недостатков в законодательной деятельности органов государственной власти, а также правоохранительных и контрольно-ревизионных органов.

На первой стадии такими факторами могут быть несвоевременное реагирование на совершенные преступления (так, в Санкт-Петербурге имел место случай, когда по одному и тому же заявлению «Газпромбанка» трижды выносилось постановление об отказе в возбуждении уголовного дела и только после третьей удовлетворенной жалобы было принято решение о возбуждении уголовного дела по ст. 187 УК РФ); слабое закрепление доказательств; ошибки в избрании мер пресечения; упущения в оперативно-розыскной деятельности; нарушения требований закона о всестороннем и полном исследовании обстоятельств преступления; несоблюдение сроков расследования и другие способствуют росту числа лиц, совершивших повторно преступления в сфере проведения безналичных расчетов, производимых с использованием банковских карт, в период производства следствия по делу о предыдущем преступлении, позволяют виновным избежать уголовной ответственности либо подвергаться менее строгому наказанию, не соответствующему общественной опасности и тяжести содеянного.

Указанные факторы свидетельствуют не столько о недостаточной деятельности правоохранительных органов, сколько о напряженной ситуации в кадровом составе органов внутренних дел и отсутствии у сотрудников специальных технических, бухгалтерских и экономических познаний, необходимых для раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в сфере безналичных расчетов с использованием банковских карт. Так, респонденты из числа сотрудников оперативных аппаратов и следователей на вопрос: знакомы ли вы с методикой расследования и навыками раскрытия преступлений, совершаемых в банковском секторе, в том числе с банковскими картами, более 48% ответили «отрицательно». Из числа ответивших положительно почти половина (46,7%) личного состава имеют стаж работы в органах внутренних дел менее трех лет, 27,6% – 4-5 лет, 8,5% – 5-10 лет, 7,5% – 10-15 лет, 8,6% – 15-20 лет, 1,1% – свыше 20 лет.

Несмотря на стабильный рост объемов электронных платежей, который сопутствует общему развитию российской экономики, сохраняется и целый ряд проблем, таких как ограниченный опыт обращения к бан-

ковским услугам у значительной части населения, внушительный объем «серого» рынка и общая ориентация экономики на использование наличных денежных средств. Как показывает практика, электронные системы платежей способствуют стимулированию потребительских расходов.

Между тем, зачастую именно виктимное поведение жертв-владельцев банковских карт не просто способствует, а и облегчает совершение преступлений в сфере безналичных расчетов с использованием банковских карт.

Изучение материалов уголовных дел показало, что подавляющее большинство преступлений с использованием банковских карт совершается по корыстным мотивам. По мнению Н.Ф. Кузнецовой, в аналитических целях корыстную мотивацию преступного поведения можно разделить на два условных вида: первая – ситуативная, как правило, скоротечная, свернутая в пространстве, заранее не подготовленная (не стойкая), используемые при этом способы совершения преступлений не требуют специальных знаний, а совершению преступлений чаще всего способствует виктимное поведение самого потерпевшего [1; с. 51].

Так, например, 29 июня 2011 г. судьей Приморского районного суда г. Санкт-Петербурга вынесен обвинительный приговор в отношении подсудимого М.С.А., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 158 ч. 2 п. «в» УК РФ. Судом было установлено, что подсудимый М.С.А. совершил кражу, то есть тайное хищение чужого имущества, с причинением значительного ущерба гражданину, а именно: 01.03.2011 года около 05 часов 00 минут, находясь в гостях у П., имея умысел на совершение кражи и с этой целью, из корыстных побуждений, заведомо зная о наличии денежных средств на счету банковской карты и «пин-код» для выполнения банковских операций с банковской карты, принадлежащей П., умышленно, тайно похитил указанную банковскую карту. 01.03.2011 года в период времени с 07 часов 39 минут до 10 часов 09 минут произвел снятие наличных денежных средств с данной банковской карты в сумме 15 400 рублей, причинив потерпевшей П. значительный материальный ущерб на общую сумму 15 400 рублей [8].

Второй тип корыстной мотивации – преднамеренная, относительно продолжительная, заранее подготовленная, сопровождаемая приисканием других соучастников преступления, средств и способов – корысть в ее различных формах, в том числе в форме мнения о своем «праве» на материальное обеспечение своих запросов, «соответствующих занимаемому положению», вторая – иная личная заинтересованность, включая карьеризм и тщеславие, интересы «своих» предприятий, учреждений, организаций вопреки общегосударственным интересам или интересах других хозяйствующих субъектов. Поскольку совершение подобных преступлений сопровождается тщательной подготовкой, то их характерной чертой является причинение значительного по объемам ущерба, причем как физическим, так и юридическим лицам – держателям или эмитентам банковских карт.

Таким образом, с переходом к рыночным отношениям произошли дифференциация и в определенной мере снижение остроты правовых и моральных оценок корысти. В массовом сознании людей стали утверждаться взгляды о полной «реабилитации» корысти, всех ее проявлений и степеней развития, насаждаться культ наживы любым путем, пропагандироваться допустимость получения материальной выгоды при игнорировании правовых, а также моральных дозволений и запретов. Эти крайности с учетом интересов предупреждения преступлений, совершаемых в сфере безналичных расчетов с использованием банковских карт, по нашему мнению, должны быть как можно скорее преодолены. Важно восстановить в массовом сознании остроту оценок противоправных проявлений корысти, полностью исключить, как несовместимую с ценностями и нормами цивилизованного общества, пропаганду культа любым путем [7; с. 110]. С учетом высказывания Ю.В. Чуфаровского должны быть расставлены правильные акценты в работе по нравственному формированию подрастающего поколения, которому предстоит входить в самостоятельную жизнь в условиях рынка.

В первую очередь работа должна проводиться на законодательном уровне. В целях защиты прав клиентов, действующее законодательство должно содержать норму, предусматривающую правило “нулевой ответственности”, широко известное клиентам европейских и американских банков. Это правило предполагает презумпцию невиновности клиента в случае несанкционированного использования его карты и полное отсутствие финансовых санкций в случае правомерного поведения клиента. Однако как показывает практика гражданам, пострадавшим в результате противоправных действий с банковскими картами, в целях возмещения вреда приходится обращаться в суд за защитой своих прав.

Так, например, Калининградским областным судом было вынесено кассационное определение по кассационной жалобе Банка на решение Ленинградского районного суда г. Калининграда от 12 августа 2010 года, которым с Банка в пользу П. взысканы денежные средства по вкладу в размере 86 277,16 рублей, сумма комиссии за выдачу денег через банкоматы в размере 1113,74 рубля, проценты согласно договору банковского счета в размере 2949,44 рублей, проценты за пользование чужими денежными средствами в размере 2 913,03 руб., компенсация морального вреда в размере 10 000 руб., а всего – 103 253 рубля 37 копеек [9].

Согласно материалам дела, П. обратился в суд с иском к Банку о взыскании денежных средств по банковскому счету и компенсации морального вреда, указав, что с июня 2009 года является держателем пластиковой карты «Master Card Gold». 9 марта 2010 года проверил баланс карты через банкомат, остаток по счету составлял 88540, 87 руб. 10 марта 2010 года с принадлежащей ему карты было произведено несанкционированное снятие денежных средств в сумме 87 390,9 руб. через банкоматы, расположенные в Республике Кения, о чем его поставили в известность сотрудники банка 11 марта 2010

года. По прибытии в банк 11 марта 2010 года обнаружил, что остаток на счете пластиковой карты составил 1497,97 руб., которые им были сняты в указанный день.

На претензию о возврате незаконно снятых денежных средств банк ответил отказом.

Вместе с тем, суд установил, что Банк не представил доказательств того, что до сведения П. каким-либо способом была доведена информация о недостатке услуги по договору банковского счета с использованием расчётных карт, выражающемся в возможности неправомерного получения реквизитов банковских карт, в том числе для изготовления поддельных банковских карт, которые предоставляют правонарушителям все возможности подлинных банковских карт.

Таким образом, добросовестному держателю карты пришлось доказывать свою правоту в судебном порядке. Российский законодатель делает определенные шаги в направлении установления презумпции невиновности держателя карты. Предполагалось, что с 2013 г. вступят в силу положения Федерального закона от 27.06.2011 N 161-ФЗ «О национальной платежной системе», по которым банк обязан сначала вернуть клиенту средства, которые были несанкционированно списаны у него по карте. В соответствии с этими положениями себе банк может вернуть средства после расследования, когда докажет случай мошенничества и будут выявлены лица, ответственные за него. Также предполагалось обязательное информирование банками клиентов о проведенной транзакции. Но в конце декабря 2012 г. были приняты соответствующие поправки, которые перенесли вступление этой нормы на год. На наш взгляд, вступление в действие указанной нормы ст. 9 Федерального закона от 27.06.2011 N 161-ФЗ «О национальной платежной системе», которая возложит риск совершения мошеннических операций с использованием электронных средств платежа на банки, сыграет положительную роль в защите прав держателей карт и сделает банки более заинтересованными в безопасности операций с электронными средствами платежа.

Проведенный анализ материалов уголовных дел показал, что к числу основных причин беспрецедентного увеличения числа мошенничеств в платежных и банковских системах можно отнести следующие:

- недостаточная осведомленность клиентов об опасности использования Интернет-среды для финансовых операций;
- недостаточное внимание клиентов к обеспечению собственной безопасности в Интернете при проведении платежных операций;
- использование нелегального программного обеспечения;
- использование неадекватных уровней безопасности в системах дистанционного банковского обслуживания (далее – ДБО);
- технологические ошибки в разработке систем ДБО;
- широкая доступность в интернете мошеннических услуг и программного инструментария для совершения компьютерных преступлений;

- несовершенство уголовного права в части, касающейся компьютерных преступлений, в частности, касающихся совершения мошеннических операций в ДБО;

- несовершенство уголовно-процессуального права, отсутствие единых и утвержденных методик у правоохранительных органов по расследованию компьютерных преступлений в платежной и банковской сфере;

- недостаточная кадровая обеспеченность правоохранительных органов сотрудниками, способными проводить экспертизу и расследовать компьютерные преступления в сфере ДБО;

- затрудненность взаимодействия кредитных организаций в случае совершения мошеннических платежей из-за неучета установленными Центральным Банком правилами специфики таких платежей (возникают сложности с отзывом платежей, с блокировкой счетов мошенников и т.п.);

- сложности взаимодействия кредитных организаций в части, касающейся обмена информацией о мошенниках и о мошеннических платежах (в том числе, связанные с ограничениями федерального законодательства в части передачи информации);

- малое количество успешных уголовных дел из-за сложности и несовершенства законодательства и пробелов законодательства, которыми пользуются мошенники и их защитники;

- формализм и движение по пути наименьшего сопротивления при рассмотрении дел, связанных с мошенничествами в ДБО как правоохранительными органами, так и судами. Что приводит к заикливанию процесса, когда, например, дело в принципе не возбуждается из-за разной трактовки понятия места совершения преступления и постоянной пересылки материалов заявления между разными территориями (споры по территориальности). Или к замещению целей, когда вместо поиска мошенников внимание концентрируется либо на клиенте, либо на банке. Например, можно сконцентрировать внимание на использовании клиентом нелегитимного программного обеспечения и привлечь к ответственности за это клиента. Или на основании использования банком несертифицированных средств криптографической защиты в ДБО можно обязать банк выплатить украденные деньги клиенту. При этом задача наказания истинных виновных отходит на второй план;

- отсутствие единого центра сбора анализа и распространения информации о мошеннических действиях

в ДБО, а также единой государственной системы противодействия таким действиям;

- отсутствие действующих международных соглашений и законодательства по противодействию мошенничеству в ДБО.

Таким образом, очевидно, что, с одной стороны, **системы** дистанционного банковского обслуживания **не всегда достаточно хорошо защищены от атак из интернета**. С другой стороны, банки и правоохранительные органы в силу различных причин не готовы к эффективному совместному противодействию преступным действиям в банковской сфере. В свою очередь, преступники находятся в условиях, когда доказать их причастность к противоправной деятельности крайне тяжело, а значит и сложно привлечь к ответственности за ее совершение и возместить причиненный вред.

В таких условиях наиболее естественным шагом со стороны банков были действия по внедрению механизмов безопасности в системы ДБО (как для серверной части интернет-банкинга, так и для средств идентификации, аутентификации на стороне клиента). Соответствующие средства защиты могли бы внедряться в промышленных системах производителями по заказам банков, а в самописных системах – силами собственных разработчиков систем ДБО в кредитных организациях.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что использование безналичных форм платежа посредством банковских карт в финансовых расчетах современной России является объективным фактом, способствующим совершенствованию складывающихся в стране новых рыночных отношений, повышению эффективности экономики, интеграции России в международную систему кредитно-финансовых расчетов и в конечном итоге — повышению национального дохода. Продолжающаяся работа по совершенствованию правовых основ использования безналичных платежей в кредитно-денежных расчетах остается одной из важнейших задач государства. Прогнозирование ежегодного увеличения безналичных расчетов с использованием банковских карт, их оборотов и массы, позволяет прогнозировать и рост криминальных проявлений в этой сфере. В этой связи важной задачей банковских систем и правоохранительных органов должно стать обеспечение безопасности кредитно-финансовых расчетов, производимых с помощью банковских карт, и разработка и внедрение дополнительных методов их защиты.

Библиографический список

1. Криминология: Учебное пособие / Под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой. М.: Зерцало, 2002.
2. Кудрявцев В.Н. Причины правонарушений. М., 1976.
3. Кузнецова Н.Ф. Классификация причин преступности в криминологии. // В кн.: Вопросы изучения преступности и борьбы с ней. М., 1975.
4. Лейкина Н.С. Причины конкретного преступления и личность преступника в аспекте индивидуализации наказания. // В кн.: Преступность и её предупреждение. Л., 1971.
5. Механизм преступного поведения. Под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1981.
6. Тарарухин С.А. Преступное поведение. Социальные и психологические черты. М., 1974.
7. Чуфаровский Ю.В. Криминология в вопросах и ответах: учебное пособие, Проспект, 2011.
8. Архив судебных актов. Приговор Сегежского районного суда РФ от 27.10.2010 г. // URL: <http://usd.kar.sudrf.ru/>
9. Дело № 33-5092/2010 // <http://www.kaliningrad-court.ru/kos/practic/civil/second/2946.php>.

References

1. Criminology: The manual / Under the editorship of prof. N.F.Kuznetsova. M: Zertsalo, 2002.
2. Kudryavtsev V. N. Reasons of offenses. – M., 1976.
3. Kuznetsova N. F. Classification of the reasons of crime in criminology // In: Questions of studying of crime and fight against it. – M, 1975.
4. Leykina N. S. The reasons of a concrete crime and the identity of the criminal in aspect of an individualization of punishment. // In book: Crime and its prevention. – L. 1971 .
5. The mechanism of criminal behavior / Under the editorship of V. N. Kudryavtsev. M, 1981.
6. Tararukhin S. A. Criminal behavior. Social and psychological lines. – M, 1974.
7. Chufarovskiy Yu. V. Kriminologiya in questions and answers: manual, Prospectus, 2011.
8. Archive of judicial acts. Sentence of Segezhsky district court of the Russian Federation of 27.10.2010. // URL: <http://usd.kar.sudrf.ru/>
9. Case № 33-5092/2010 // <http://www.kaliningrad-court.ru/kos/practic/civil/second/2946.php>.

УДК 342.553:352

UDC 342.553:352

С.Г. ГОНТАРЬ

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и муниципального права Орловского государственного университета
E-mail: vers@inbox.ru

S.G. GONTAR

candidate of Law, Associate Professor of Administrative and Municipal Law, Orel State University
E-mail: vers@inbox.ru

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПРОКУРАТУРЫ И ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РАМКАХ ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

IMPLEMENTATION OF LAW-MAKING ACTIVITIES OF LOCAL GOVERNMENTS IN COOPERATION WITH THE PUBLIC PROSECUTORS

В статье рассматривается эффективность реализации правотворческой деятельности органов местного самоуправления во взаимодействии с органами прокуратуры, а также причины и проблемы взаимодействия указанных органов.

Ключевые слова: правотворческая деятельность на местах, орган местного самоуправления, муниципальный нормативный акт.

This article reviews the effectiveness of implementation of the legislative activities of local authorities in collaboration with public prosecutors, as well as the causes and problems of interaction between them.

Keywords: local law-making activities, local authorities, local regulation.

В соответствии с частью 1 статьи 21 Федерального закона от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [2] (далее – Закон), предметом надзора прокуратуры является соблюдение Конституции Российской Федерации и исполнение законов, действующих на территории Российской Федерации, федеральными министерствами, государственными комитетами, службами и иными федеральными органами исполнительной власти, представительными (законодательными) и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, а также соответствие законам правовых актов, издаваемых органами и должностными лицами, указанными выше.

Согласно части 2 статьи 21 Закона при осуществлении надзора за исполнением законов органы прокуратуры не подменяют иные государственные органы. Проверки исполнения законов проводятся на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором.

Органы местного самоуправления, осуществляя свою деятельность, принимают все необходимые меры с целью эффективного сотрудничества и повышения качества принимаемых правовых актов, а также недопущения нарушений законодательства. Так, в настоящее время приказом Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 2 октября 2007 года № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти

субъектов Российской Федерации и местного самоуправления» [4] проекты нормативных правовых актов направляются в органы прокуратуры для проведения экспертизы проекта акта и подготовки соответствующего заключения. Органы местного самоуправления направляют их с целью осуществления превентивного контроля органами прокуратуры.

Однако, при подобном взаимодействии у органов прокуратуры и органов местного самоуправления возникают определенные трудности. Так, между направлением в органы прокуратуры и получением заключения на проект акта проходит довольно много времени, в связи с чем в условиях оперативности принятия необходимых решений, а также назначенных заседаний представительного органа муниципального образования (заседания в муниципальных образованиях, например, в сельских поселениях, проходят один раз в квартал) часто акты принимаются без получения заключения органов прокуратуры. Кроме того, при реализации государственной функции по организации и ведению регистра муниципальных нормативных правовых актов возникла такая проблема, когда после проверки органами прокуратуры проектов нормативных правовых актов органов местного самоуправления в соответствии с заключениями органов прокуратуры нарушений действующего законодательства не выявлено, однако при проведении юридической экспертизы уполномоченным органом субъекта на ведение регистра актов уже вступивших актов в силу при внесении в регистр выявляются нарушения норм действующего законодательства.

Практика ведения регистра (эти и многие другие вопросы были предметом рассмотрения на Всероссийских научно-практических конференциях по обмену опытом ведения информационных баз данных в электронном виде в системе НПА ЕСИТО на базе Научного центра правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации, которые были проведены в октябре 2011 и 2012 годов в городе Москве) свидетельствует о том, что органы местного самоуправления в большинстве случаев соглашаются с экспертными заключениями уполномоченных органов государственной власти субъектов, однако, нередки случаи, когда специалисты органов местного самоуправления категорически не соглашаются с подготовленными заключениями, о чем направляют соответствующие письма, указывая также на то, что на проект акта имеется положительная экспертиза органов прокуратуры и органы местного самоуправления в силу Конституции Российской Федерации [1] и Федерального закона от 06 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [3] самостоятельно и под свою ответственность осуществляют свои полномочия по решению вопросов местного значения.

При взаимодействии с органами прокуратуры возникают также трудности при определении характера правового акта: является ли он нормативным или ненормативным. Четкого определения, которое позволяло было однозначно относить тот или иной акт в норматив-

ному или ненормативному, на законодательном уровне не имеется. Разъяснения по определению нормативности актов содержатся в общем виде в Постановлении Пленума Верховного суда «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» [5].

К существенным признакам, характеризующим правовой акт как нормативный, относятся:

- наличие в акте правовых норм (правил поведения), обязательных для неопределенного круга лиц, рассчитанных на неоднократное применение;
- издание акта в установленном порядке уполномоченным органом местного самоуправления или должностным лицом;
- направление на урегулирование общественных отношений либо на изменение или прекращение существующих правоотношений.

Органы местного самоуправления и органы прокуратуры зачастую расходятся во мнении, какие акты относятся к нормативным, а какие нет, в связи с чем не все проекты нормативных актов могут быть представлены в органы прокуратуры для предварительной экспертизы.

Кроме того, трудности взаимодействия возникают и при осуществлении межведомственного взаимодействия, а именно: в последнее время участились запросы из органов прокуратуры в органы местного самоуправления, сроки исполнения которых ограничены (в течение нескольких часов, в течение дня), при этом ссылка в запросах имеется лишь на статью 22 Закона, в которой четко не определены сроки подготовки ответов на запросы. В кратчайшие сроки довольно сложно собрать сотрудникам органов местного самоуправления всю необходимую информацию по запросу (особенно в сельском поселении, где в администрации работает 3-4 человека), тем более, что зачастую запрашиваемая информация в органе местного самоуправления отсутствует (например, запрос касается деятельности какого-либо хозяйствующего субъекта).

Такой механизм взаимодействия органов прокуратуры и органов местного самоуправления не способствует эффективному правотворчеству органов местного самоуправления, не способствует принятию качественных соответствующих норм права и потребностям общества актов.

Проблемы недостаточного финансирования, небеспеченности финансовыми средствами полномочий органов местного самоуправления, закрепленных действующим законодательством, порождают проблемы увеличения количества фактов привлечения глав муниципальных образований к административной ответственности (денежный штраф иногда составляет до 30 тысяч рублей). В сложившихся условиях не исключена возможность того, что в ближайшее время органы местного самоуправления могут остаться без руководящих кадров, а случаи увольнения глав в отставку по собственному желанию уже учащаются.

На основании изложенного очевидно, что назрела необходимость усовершенствования механизмов взаи-

действия органов прокуратуры и органов местного самоуправления, например, путем конкретизации норм статьи 22 Закона, касающейся сроков для запросов в ор-

ганы власти, а также путем повышения качества проводимых проверок проектов актов органов местного самоуправления.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации. М., 2007.
2. Федеральный закон от 17 января 1992 года № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Электронная правовая система «Консультант Плюс».
3. Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 40. Ст. 3822. (с изм. и доп.).
4. Приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 2 октября 2007 года № 155 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и местного самоуправления» (в редакции приказа Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 23 декабря 2009 года № 395) [Электронный ресурс] // В данном виде документ опубликован не был. Размещен в электронной правовой системе «Консультант Плюс».
5. Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 29 ноября 2007 года №48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части». // Бюллетень Верховного суда Российской Федерации». № 1. Январь. 2008. (с изм. и доп.). Пункт 9.

References

1. The Russian Constitution [text] // М., 2007.
 2. Federal Law dated January 17, 1992 № 2202-1 «On the Procuracy of the Russian Federation» [electronic resource] // Electronic legal system «Consultant Plus».
 3. Federal Act dated October 6, 2003 № 131-FZ «On General Principles of Local Self-Government in the Russian Federation» [Text] // Collected Legislation of the Russian Federation. 2003. № 40. Art. 3822. (Amended. And add.).
 4. Order of the General Prosecutor of the Russian Federation dated October 2, 2007 № 155 «On the organization of prosecutorial supervision over the legality of legal acts of the public authorities of the Russian Federation and local self-government» (as amended by Order of the General Prosecutor of the Russian Federation of December 23, 2009 № 395) [Electronic resource] // The document has not been published in this version. Electronic legal system «Consultant Plus».
 5. Resolution by Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 29, 2007 № 48 «On the practice of court proceeding of cases on contesting the legal regulations either fully or partially» [Text] // «Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation» - № 1. - January. - 2008. (Amended. And add.). Item 9.
-

УДК 344.3

UDC 344.3

О.В. ГРИГОРЬЕВ

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Новосибирского института внутренних войск МВД РФ
E-mail: 3411208@mail.ru

O.V. GRIGORYEV

candidate of jurisprudence, teacher of chair of the theory and history states and rights, Novosibirsk institute of internal troops of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
E-mail: 3411208@mail.ru

ГЕНЕРАЛ-АУДИТОРЫ В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XIX в.

GENERAL AUDITORS IN JUDICIAL SYSTEM RUSSIAN EMPIRE IN XIX c.

В статье рассматривается малоизученная проблема: значимость института генерал-аудиториата в системе российской военной юстиции и роль юридического образования в формировании российской бюрократии. Настоящая работа являет собой попытку обрисовать коллективный портрет генерал-аудиторов России 1800-х – 1860-х гг.

Ключевые слова: генерал-аудитор, военный суд, законодательство, Императорское училище правоведения, «рыцари права», судебные реформы, военная юстиция, телесные наказания.

In article the problem is considered not studied problem: the importance of institute general auditor in system of the Russian military justice and a juridical education role in formation of the Russian bureaucracy. The present work shows attempt to depict a collective portrait of general auditors of Russia 1800 - 1860th.

Keywords: the general auditor, military court, the legislation, Imperial school of jurisprudence, «knights of the right», judicial reforms, military justice, corporal punishments.

К числу сторон жизни русского общества минувших веков, актуальность изучения которых в наши дни не вызывает сомнений, следует отнести вопрос о персональном составе органов государственной власти. Совершенно очевидно, что без выявления тенденций проводившейся верховной властью кадровой политики невозможно составить целостного представления ни об эволюции отечественной системы управления, ни о путях развития государственной службы. Особый интерес в этой связи представляет военно-судебная система – важный сегмент государственного аппарата России, сформировавшийся в первой четверти XVIII в.

Сама должность генерал-аудитора (руководителя аудиторской службы вооруженных сил) появилась в нашей стране в 1710-е гг. в ходе проведения военно-судебной реформы Петра I. С 1719 г. генерал-аудитор состоял при Военной коллегии, в структуре которой было создано Аудиторское повытье (с 1763 г. Аудиторская экспедиция). В январе 1797 г. Аудиторская экспедиция была ликвидирована, а вместо нее при Военной коллегии учрежден Генерал-аудиториат, возглавлял который, однако, по-прежнему генерал-аудитор¹. В сентябре 1805 г. Генерал-аудиториат получил статус коллегии и, тем самым, обрел ведомственную самостоятельность. Должность генерал-аудитора занимали последовательно семь человек: С.И. Салагов, С.Ф. Панов, И.С. Булычев, И.М. Милованов, А.И. Ноинский, И.Д. Якобсон, В. Д. Философов (ставший затем первым главным военным прокурором России). Дольше всех

в означенной должности состоял А.И. Ноинский (23 года), менее всех – И.Д. Якобсон (три года). Средний срок пребывания в должности генерал-аудитора (исключая из подсчета В.Д. Философова, продолжившего руководить реорганизованным военно-судебным ведомством) составил девять лет.

Коллективный портрет наименованных выше лиц представляется целесообразным выстроить посредством учета семи параметров: этническое происхождение, социальное происхождение, образовательный уровень, общий стаж работы, стаж работы по юридической специальности (до назначения на должность генерал-аудитора), стаж пребывания на строевой службе (включая участие в боевых действиях), возраст в момент определения на должность генерал-аудитора. По этническому происхождению четверо генерал-аудиторов (С.Ф. Панов, И.С. Булычев, И.М. Милованов, В.Д. Философов) являлись русскими (57 % генерал-аудиторского корпуса). С.И. Салагов родился в Грузии² (впрочем, по некоторым сведениям, он был армянином), И.Д. Якобсон – в Дании. А.И. Ноинский происходил, судя по всему, из поляков.

По социальному происхождению четверо генерал-аудиторов (С.И. Салагов, И.С. Булычев, А.И. Ноинский, В. Д. Философов) были из дворян (57 %). При этом Семен Салагов носил родовый княжеский титул³. С.Ф. Панов происходил из «солдатских детей», И.М. Милованов – из духовенства. Остается неясным социальное происхождение И.Д. Якобсона, но,

по всей вероятности, он не был дворянином.

По возрастному показателю ситуация наблюдалась следующая. Большая часть характеризуемых лиц заняла должность генерал-аудитора в возрасте 50 лет и старше: С.Ф. Панов в 55 лет, И.С. Булычев в 60 лет, И.М. Милованов в 58 лет, А.И. Ноинский в 50 лет, И.Д. Якобсон в 53 года (71 % генерал-аудиторского корпуса). С.И. Салагов возглавил военно-судебное ведомство в 46 лет, В.Д. Философов – и вовсе в 36 лет. Средний возраст назначения на должность генерал-аудитора составил 51 год.

Ко времени назначения на должность генерал-аудитора большинство вышеназванных лиц имели стаж пребывания на государственной службе (военной и гражданской) более 30 лет: И.С. Булычев 45 лет, И.М. Милованов 41 год, С.Ф. Панов и И.Д. Якобсон 39 лет, А.И. Ноинский 35 лет (71 %). Лишь С.И. Салагов стал генерал-аудитором после 29 лет службы, а В.Д. Философов – после 14. Средний общий стаж предшествующей службы генерал-аудиторов составил 34,5 года. Примечательно, что пятеро будущих генерал-аудиторов начали государственную службу либо с низших чинов в армии (С.Ф. Панов, И.С. Булычев), либо с низших канцелярских должностей (И. М. Милованов, А.И. Ноинский, И.Д. Якобсон) (71 % генерал-аудиторского корпуса).

В российской армии аудиторы изначально представляли собой, по верному суждению М. П. Розенгейма, «юридический элемент нового военного суда»⁴. Неслучайно, уже согласно ст. 7 гл. 1-й «Краткого изложения процессов или судебных тяжб» 1715 г. (сохранившего юридическую силу до 1812–1839 гг.), именно к аудиторам были предъявлены первые в истории отечественного государства и права квалификационные требования о подготовленности в области юриспруденции: «...*Надлежит оным [аудиторам] добрым быть юристам*»⁵. Учитывая, что в компетенцию Генерал-аудиториата и Аудиториатского департамента входили как осуществление военно-судебного управления, так и отправление правосудия, необходимость для генерал-аудиторов обладать специальной юридической подготовкой являлась очевидной.

Между тем, с профильной образовательной подготовленностью генерал-аудиторов России XIX в. ситуация сложилась в большей мере неблагоприятная. Из всех генерал-аудиторов базовое юридическое образование бесспорно имел единственно В.Д. Философов, закончивший Императорское училище правоведения. Есть также сведения об обучении в Санкт-Петербургском университете И.Д. Якобсона⁶, но профиль этого обучения неизвестен. И.М. Милованов, вероятно, окончил Тульскую духовную семинарию. Остальные генерал-аудиторы какого-либо систематического образования, насколько возможно понять, не получили.

Однако для описываемого периода отсутствие у должностного лица судебного ведомства базовой юридической подготовки могло быть компенсировано наличием у него опыта работы по юридической специальности, что позволяло приобрести познания

в действующем законодательстве, овладеть навыками практического законоведения. Следует констатировать, что подобный опыт имели почти все генерал-аудиторы России XIX в. – за исключением И.Д. Якобсона (86 % генерал-аудиторского корпуса). Другое дело, что соответствующий опыт С.И. Салагова, С.Ф. Панова и И.М. Милованова был невелик (хотя и связан с военной юстицией): Семен Салагов и Иван Милованов по нескольку лет прослужили обер-аудиторами, а Семен Панов непродолжительное время возглавлял походный аудиториат при действующей армии.

Зато внушительным опытом работы по юридической специальности (полученным, правда, в гражданских судебных и административных органах, а также в прокуратуре) обладали В.Д. Философов и особенно И.С. Булычев и А.И. Ноинский. Иван Булычев на протяжении 18 лет последовательно занимал должности стряпчего Пермской верхней расправы, ассессора Тобольской гражданской палаты, прокурора Тобольского губернского магистрата, обер-прокурора временного Межевого департамента Сената. Адам Ноинский успел до назначения генерал-аудитором отработать три года в Римско-католическом департаменте Юстиц-коллегии, два года во временном Апелляционном департаменте Сената, семь лет в Министерстве юстиции и три года в должности прокурора Воронежской губернии. Владимир Философов три года прослужил начальником отделения в Департаменте Министерства юстиции и четыре года – в генерал-прокуратуре Сената.

Между тем, для эффективного исполнения служебных обязанностей руководящим должностным лицам военно-судебного ведомства было недостаточно обладать юридической подготовкой и опытом работы по юридической специальности. В силу специфики дел, подведомственных органам военной юстиции, руководители ведомства должны были также иметь глубокое представление об организации и функционировании вооруженных сил, об их боевом применении, об особенностях уклада жизни военнослужащих в мирное и военное время. Такое представление было возможно приобрести только при наличии собственного опыта строевой службы (желательно на офицерских должностях).

Однако со строевым опытом генерал-аудиторов ситуация оказалась заметно хуже, нежели с их опытом работы по юридической специальности. Строевой опыт имели С.И. Салагов, С.Ф. Панов, С.И. Булычев, И.М. Милованов (57 %). Наиболее значительным стажем строевой службы обладал Семен Салагов, прошедший в войсках 29 лет (включая период пребывания в должности обер-аудитора) и прошедший путь от подпрапорщика до генерал-майора и командира гвардии Гусарского полка. Семен Панов 10 лет провел на должностях рядового и сержантского состава в Инженерном корпусе и в Штабе генерал-фельдцейхмейстера. Иван Булычев девять лет прослужил в Черниговском гренадерском полку, Иван Милованов – четыре года на офицерских должностях в Малороссийском гренадерском полку.

Что же касается опыта непосредственного участия в боевых действиях (без которого любому аудитору было затруднительно разбирать дела по обвинению военнослужащих в преступлениях, совершенных в боевой обстановке), то таковым бесспорно обладал единственно С.И. Салагов. До назначения генерал-аудитором Семен Салагов успел повоевать на русско-турецких войнах 1768–1774 гг. и 1786–1791 гг., на русско-шведской войне 1788–1790 гг. В сентябре 1788 г. при осаде крепости Хотин именно С. И. Салагов успешно провел с турецким командованием переговоры о капитуляции, за что был произведен в подполковники.

Итак, должность генерал-аудитора в 1800–1867 гг. занимали исключительно неродовитые, преимущественно немолодые лица, большинство из которых имели более чем 30-летний предшествующий стаж пребывания на государственной службе и значительный опыт работы по юридической специальности. При этом опыт предшествующей службы генерал-аудиторов сводился по большей части к работе не в войсках, а в различных подразделениях центрального аппарата и в территориальных органах военного и судебного ведомств и прокуратуры. К числу объективных недостатков генерал-аудиторского корпуса России XIX в. следует отнести недостаточность в его составе лиц, имевших, во-первых, базовое юридическое образование, во-вторых, значительный опыт строевой службы в вооруженных силах и, в-третьих, опыт участия в боевых действиях.

Остается добавить, что несоответствие каким-то формальным критериям отнюдь не означало, что соответствующее должностное лицо заведомо неэффективно исполняло свои обязанности. Так, ни дня не служивший на строевых должностях и не имевший непосредственного опыта работы по юридической специальности И.Д. Якобсон сумел многое предпринять для улучшения функционирования военно-судебной системы (особенно в направлении сокращения телесных наказаний для военнослужащих), а также для противодействия взяточничеству в органах военной юстиции⁷. Еще более выдающимся руководителем военно-судебного ведомства явился аналогично не имевший опыта строевой службы В. Д. Философов, са-

мый молодой генерал-аудитор России XIX в.

Как уже упоминалось выше, В. Д. Философов окончил в 1841 г. Императорское училище правоведения – первое в отечественной истории специализированное учебное заведение для подготовки юристов высшей квалификации. Но дело было не только в высоком уровне получаемой в училище профессиональной подготовки. Помимо знаний, студентам прививались высокие моральные стандарты профессии, представление о юристе как о правозащитнике. Неслучайно осведомленный современник назвал выпускников училища 1840-х гг. «доблестной молодой дружиной “рыцарей права”», которые пошли «на смелый бой с вековыми язвами дореформенного строя – взяточничеством, буквоедством и бюрократическим произволом»⁸.

Неудивительно, что выпускники Императорского училища правоведения сыграли огромную роль в подготовке и проведении реформ Александра II (особенно крестьянской и судебной), заняв впоследствии высокие посты в преобразованном государственном аппарате России. Достаточно сказать, что из 21 студента второго выпуска (к которому принадлежал В.Д. Философов) шестеро стали в 1860-е – 1870-е гг. сенаторами в реформированном Правительствующем Сенате⁹. Принадлежавший в этой среде Владимир Философов проявил себя как выдающийся правовед и администратор, внося огромный вклад как в подготовку и проведение масштабной военно-судебной реформы 1867 г., так и в отлаживание работы преобразованной военно-судебной системы России.

В январе 1881 г., незадолго отставки В.Д. Философова с государственной службы, судьи Главного военного суда так резюмировали итоги его 25-летней деятельности как генерал-аудитора и главного военного прокурора: «Состоявшееся преобразование [военно-судебная реформа], имевшее задачей обставить суд большими гарантиями законности, и в то же время не ослабляя власти военного начальства... нашло в тайном советнике Философове знающего и опытного главного военного прокурора, сумевшее вверенное ему новое военно-судное дело поставить в положение, приобретшее этому учреждению уважение и доверие»¹⁰.

Примечания

1 Карпеев И. В. Генерал-аудиторият // Государственность России (конец XV – февраль 1917 г.): словарь-справочник / сост. О. Ф. Козлов, В. Ф. Янковая. М., 1996. Кн. 1. С. 139.

2 По сведениям М. Гогитидзе, настоящая фамилия Салагова была Салагашвили (Гогитидзе М. Грузинский генералитет (1699–1921): биографический справочник. Киев, 2001. С. 136). Примечательно, что грузинские корни имел еще один руководитель военно-судебного ведомства России XIX в. – А. К. Имеретинский, начальник Главного военно-судного управления в 1881–1892 гг.

3 Стоит заметить, что, как явствует из авторитетного труда С. В. Любимова, княжеский титул С. И. Салагова не был официально подтвержден в России (см. Любимов С. В. Титулованные роды Российской империи. М., 2004). В отличие от Семена Салагова, упомянутый выше А. К. Имеретинский (прямой потомок царей Имеретии) имел официально подтвержденный в 1865 г. титул светлейшего князя (Там же. С. 74).

4 Розенгейм М. П. Очерки истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878. С. 168.

5 Законодательство Петра I. Под ред. А. А. Преображенского и Т. Е. Новицкой. М., 1997. С. 825.

6 Ястребцев Е. Якобсон Иван Давидович // Русский биографический словарь. СПб., 1913. Т. «Яблоновский–Фомин». С. 60.

7 Там же. С. 61–62.

8 Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ: исторические справки. 7-е изд. М., 1898. С. 708.

9 Общий список второго выпуска училища см.: Пашенный Н. Л. Императорское училище правоведения и правоведы в годы войны, мира и смуты. Мадрид, 1967. С. 93–94 // www.gengrogge.ru/isj/index.com. Сенаторами из числа выпускников 1841 г. стали: В. А. Арцимович (1868), П. А. Зубов (1865), И. Г. Мессинг (1879), М. В. Поленов (1865), Н. И. Стояновский (1867), А. Н. Шахов (1868) (подробнее см.: Мурзанов Н. А. Список сенаторов. 22 февраля 1711 – 15 января 1911 // История Правительствующего Сената за двести лет. 1711–1911. СПб., 1911. Т. 5. С. 112, 127, 137, 144, 151, 159).

10 Цит. по: Друцкой С. А., Иванов С. Л., Панов Ю. М. Указ. соч. С. 492.

УДК 347.75/.76:341.64:339.9

UDC 347.75/.76:341.64:339.9

А.В. ГУБАРЕВА

кандидат юридических наук, доцент кафедры предпринимательского права Уральской государственной юридической академии
E-mail: ashipova@mail.ru

A.V. GUBAREVA

candidate of jurisprudence, associate professor of the enterprise right, Ural state legal academy
E-mail: ashipova@mail.ru

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ – ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ECONOMIC ESSENCE OF FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY - THE FOREIGN TRADE RELATIONS

Существование двух измерений права – права частного и права публичного – накладывает свой отпечаток на экономическую сущность внешнеэкономической деятельности. Для права внешнеэкономическая деятельность – это не только отношения по обмену объектами гражданских прав между национальными экономиками (частно-правовые отношения), но и отношения по контролю над международной миграцией объектов гражданских прав (публично-правовые отношения). В статье автором рассматриваются наиболее распространенные во внешнеэкономической практике внешнеторговые отношения.

Ключевые слова: внешнеэкономическая деятельность, внешнеэкономические отношения, внешнеэкономическое право, предмет внешнеэкономического права.

The development of two sectors of law (public law and private law) in the Russian legal system affects the economic and legal nature the foreign trade involving Russian jurisdiction/ the legal aspects of foreign trade, in opinion of the author, includes not only export-import operations between economic agents (sector of private law) but the control over these operations as well (sector of public law).

Keywords: foreign trade activity, foreign trade relations, foreign trade law, subject of foreign trade law.

Экономическая природа внешнеэкономической деятельности представляет собой перемещение объектов гражданских прав из одной национальной экономики в другую. То есть созданный за счет экономики одного государства объект гражданских прав перемещается в экономику другого государства. Соответственно внешнеэкономическая деятельность в идеальном виде предполагает существование всего двух групп отношений: отношения по вывозу произведенных или приобретенных объектов гражданских прав из экономики государства-донора в экономику государства-реципиента и отношения по ввозу в экономику государства-реципиента объекта гражданских прав, произведенного либо приобретенного экономикой государства-донора. Иначе говоря, отношения во внешнеэкономической деятельности – это отношения, возникающие в связи с импортом и экспортом объектов гражданских прав.

Однако правовая реальность, а именно: существование двух измерений права – права частного и права публичного – накладывает свой отпечаток на экономическую сущность внешнеэкономической деятельности. Для права внешнеэкономическая деятельность – это не только отношения по обмену объектами гражданских прав между национальными экономиками, существующие в форме внешнеторговых договоров (частно-правовые отношения), но и отношения по контролю над

международной миграцией объектов гражданских прав (публично-правовые отношения).

Таким образом, в предмет внешнеэкономического права входят следующие группы отношений.

1. Частно-правовые отношения:
 - a. Внешнеторговые отношения.
 - b. Международные инвестиционные отношения.
 - c. Отношения в сфере международных перевозок.
4. Публично-правовые отношения:
 - a. Валютные отношения.
 - b. Таможенные отношения;
 - c. Отношения в сфере введения и применения мер нетарифного регулирования внешнеэкономической деятельности.
 - d. Отношения в сфере правового регулирования территорий с особым экономическим статусом.

Рассмотрим в данной статье наиболее распространенные в правовой природе отношения – внешнеторговые.

Легальное определение внешнеторговой деятельности содержится в статье 2 Федерального закона от 08 декабря 2003 г. №164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности»¹ (далее – Федеральный закон №164-ФЗ), согласно которой внешнеторговая деятельность является деятельностью по осуществлению сделок в области внешней торговли

¹ Собрание законодательства РФ. 15.12.2003. №50. Ст. 4850.

товарами, услугами, информацией и интеллектуальной собственностью.

Исходя из содержания рассматриваемого понятия, этих особенностей две: «торговый» и «внешний» характер таких отношений. Анализ различных точек зрения не дает нам единого устоявшегося понятия «торговля». Профессор Г. Ф. Шершеневич понимал под торговлей «деятельность, имеющую своей целью посредничество между производителями и потребителями при обращении экономических благ»². Профессор К. Шмиттгофф в число сделок по встречной торговле включал взаимные закупки, бартер (товарообмен), соглашения об обратной закупке, компенсационные соглашения, сделки с правом распоряжения товаром и сделки с передачей финансовых обязательств³. Б.И. Пугинский ставит знак равенства между торговой и коммерческой деятельностью⁴. Как справедливо указывает В.С. Белых, торговая (торгово-посредническая, торгово-закупочная) деятельность по своему экономическому содержанию входит в стадию обмена продуктами труда⁵. Следует отметить, что все эти точки зрения относят торговлю к сфере обмена товарами.

Торговля – это обмен результатами производства, т. е. отношения имущественного характера, подразумевающие встречное движение некоторых благ. Обмен требует наличия, как минимум, двух сторон-обладателей благ. Это отношения возмездные, поскольку обмен предполагает встречное движение благ, и эквивалентные, так как обмену подлежат лишь сопоставимые блага.

Характеристику «внешний» необходимо рассматривать применительно к каждой группе объектов торговли, в силу их существенных отличий друг от друга.

В соответствии с определением внешнеэкономической деятельности внешний характер торговли товарами означает перемещение товаров из одной национальной экономики в другую, следовательно, под внешней торговлей товарами мы можем понимать импорт и (или) экспорт товаров. В свою очередь импорт – ввоз товара на таможенную территорию Российской Федерации без обязательства об обратном вывозе. Экспорт – вывоз товара с таможенной территории Российской Федерации без обязательства об обратном ввозе. Ввоз и вывоз товаров согласно статье 5 Федерального закона от 27.11.2010 года №311-ФЗ (ред. от 05.04.2013) «О таможенном регулировании в Российской Федерации»⁶ понимаются как фактическое пересечение имуществом таможенной границы России⁷.

Если следовать логике законодателя, внешняя торговля товарами – это фактическое пересечение имуществом таможенной границы Российской Федерации. Очевидно, что такое определение по своей сути бессодержательно. Если буквально следовать ему, то торговлей следует признавать и односторонние действия, не предполагающие никакого взаимного эквивалентного обмена (например, дарение, если оно предполагает вывоз подарка).

Либо законодатель исходит из того, что любое вы бытие или появление объекта гражданских прав в национальной экономике не может считаться безвозмездным и не эквивалентным, что аналогично презумпции возмездности сделок между коммерческими юридическими лицами (ч. 4 п. 1 ст. 575 Гражданского кодекса РФ). Действительно, в ряде случаев законодательство содержит нелогичные, непоследовательные и не содержательные понятия и предписания. Однако полагаем, что в части определения внешнеторговой деятельности законодатель руководствовался именно презумпцией эквивалентности – любое пересечение имуществом таможенной границы России признается совершенным в рамках возмездной и эквивалентной сделки. При этом законодательно предусмотрено ограниченное действие такой презумпции исходя из количественных и качественными показателями⁸.

Внешняя торговля товарами предполагает пересечение товаром таможенной границы. Следовательно, для одной из сторон отношения товар находится за границей, но при этом сами стороны могут находиться на территории одного государства.

Несколько сложнее квалифицировать договор о распоряжении исключительными правами на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации как внешнеэкономический. В силу нематериального характера исключительных прав представляется невозможным определить момент их пересечения границы Российской Федерации. Полагаем: для признания договора о распоряжении исключительным правом на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации внешнеэкономической сделкой необходимо установить место возникновения исключительного права. Тогда под импортом исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации будет признаваться передача российскому лицу права, возникшего за пределами Российской Федерации, а экспортом – передача исключительного права, возникшего на тер-

2 Цит. по: Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. М., 2005. С. 53.

3 Шмиттгофф К. Экспорт: право и практика международной торговли. М., 1993. С. 94–97.

4 Пугинский Б. И. Коммерческое право России. М., 2000. С. 12.

5 Белых В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. М., 2005. С. 53.

6 Первоначальный текст опубликован в Российской газете, №269, 29.11.2010.

7 Подробнее о правовом режиме перемещения товаров через границу см. Чермянинов Д.В. Правовой режим перемещения товаров через таможенную границу // Юрист. 2012. № 7.

8 Так, в соответствии с ч. 3 ст. 352 Таможенного кодекса Таможенного союза между Правительством РФ, Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Казахстан заключено Соглашение от 18.06.2010 (ред. от 19.10.2011) «О порядке перемещения физическими лицами товаров для личного пользования через таможенную границу таможенного союза и совершения таможенных операций, связанных с их выпуском», закрепляющее такие изъятия из общего правила. Косвенным подтверждением того, что презумпция эквивалентности во внешнеэкономической сфере существует, можно считать, например, намерение Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко ввести специальную пошлину, уплачиваемую гражданами Республики Беларусь при выезде за покупками за ее пределы (см. http://www.gazeta.ru/business/news/2013/09/28/n_3216725.shtml).

ритории Российской Федерации, иностранному лицу.

Руководствуясь пунктом б статьи XXVIII Генерального соглашения по торговле услугами (Приложение 1В к Соглашению об учреждении ВТО), под «торговлей услугами» мы понимаем оказание услуг и выполнение работ, включающее производство, распределение, маркетинг, доставку услуг (работ) и осуществляемое определенными в законе способами. Необходимо обратить внимание на то, что внешняя торговля услугами фактически выводится за пределы стадии обмена и содержит не только производство и распределение, но даже и подготовку к производству (маркетинг).

Учитывая вышеизложенное, предлагаем понимать услуги как фактически осуществляемую и юридически дозволенную деятельность исполнителя, обладающую для заказчика особой потребительной стоимостью либо в силу наличия материализованного результата, либо в силу моментального потребления полезного эффекта этой деятельности.

Определить «внешний» характер оказания услуг гораздо сложнее, чем торговли товарами. Анализ способов, указанных в статье 33 Федерального закона №164-ФЗ и в ч. 2 ст. 1 Генерального соглашения по торговле услугами (Приложение 1В к Соглашению об учреждении ВТО), и позволяет предположить, что основным фактором, характеризующим торговлю услугами как «внешнюю», является сочетание места исполнения договора об оказании услуг (выполнении работ) и «национальности» сторон. Если с такой точки зрения переформулировать способы оказания услуг, то государство, на территории которого осуществляется услуга, должно быть иностранным хотя бы для одной из сторон договора.

Возможна ситуация, когда при трансграничной поставке услуг и исполнитель, и заказчик своим личным законом имеют закон государства, на территорию которого осуществляется поставка, но исполнитель осуществляет свою деятельность (имеет коммерческое присутствие) в другом государстве. Хотя данная ситуация, скорее всего, редкость во внешнеторговом обороте, но она вероятна.

Исходя из сказанного, под внешней торговлей услугами понимается оказание услуг (выполнение работ), при котором место исполнения соответствующего договора (потребление полезного эффекта услуги, передача результата работ) находится в государстве, являющемся иностранным хотя бы для одной из сторон договора, либо в государстве ином, чем то, где исполнитель совершает действия по исполнению договора.

Либерализация внешней торговли услугами является одним из самых болезненных вопросов внешнеэкономической деятельности – многие государства (в частности, Китай, Россия) не готовы открыть свою экономику именно в этой сфере. По словам И.И. Дюмулена, это связано со спецификой самой торговли услугами, которая характеризуется «значительно более высокой ролью государства в сфере обмена услугами по сравне-

нию с торговлей товарами»⁹. Государство более жестко регулирует обмен услугами, защищая национальный рынок от иностранной конкуренции, устанавливая жесткие квалификационные нормы и стандарты или выступая крупным производителем либо потребителем услуг.

В соответствии с Секторальными обязательствами России в сфере услуг по Протоколу о присоединении РФ к Марракешскому соглашению об учреждении ВТО от 15 апреля 1994 г.¹⁰ (подписанному по поручению Президента РФ в соответствии с распоряжением № 2231-р от 13 декабря 2011 г.)¹¹ выделяют 4 способа поставки услуг, а именно:

1 способ – когда поставщик и потребитель услуги находятся в своих странах, а перемещается сама услуга (например, при дистанционном образовании с использованием связи, электронных сетей);

2 способ – когда потребитель перемещается в страну, где производится услуга (например, обучение в зарубежных колледжах, вузах); в данном случае для страны, из которой выехал потребитель, имеет место импорт услуги, деньги за оказанные услуги остаются за рубежом, а потребитель с полученной услугой возвращается; и наоборот: национальный вуз, обучающий иностранных студентов, экспортирует образовательные услуги;

3 способ – когда иностранный поставщик учреждает в соответствующей стране предприятие (филиал, представительство) для оказания услуг потребителям на месте либо становится участником таких организаций, обеспечивает свое «коммерческое присутствие» (например, открывает филиал или предприятие); деньги за оказанную услугу получает иностранное лицо, которое может либо вывести их за рубеж, либо инвестировать в стране присутствия;

4 способ – когда в страну приезжает иностранное физическое лицо – поставщик услуги (например, иностранные преподаватели или другие специалисты)¹².

Таким образом, под внешней торговлей товарами, услугами и исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности или на средства индивидуализации мы предлагаем понимать импорт и (или) экспорт товаров, услуг и исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности или на средства индивидуализации, осуществляемые на возмездно-эквивалентной основе.

Внешнеторговые отношения – отношения, возникающие в процессе внешней торговли товарами, услугами и распоряжением исключительными правами на результат интеллектуальной деятельности или на средства индивидуализации.

⁹ Дюмулен И.И. Международная торговля услугами. М., 2003. С. 29.

¹⁰ Опубликовано на официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 23.07.2012.

¹¹ Собрание законодательства РФ. 26.12.2011. N 52. Ст. 7588.

¹² Шумилов В.М. Обязательства России как члена ВТО в сфере услуг (анализ Протокола о присоединении России к ВТО) // Право ВТО. 2012. № 3. С. 2.

Библиографический список

1. Бельх В. С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России. М., 2005. 432 с.
2. Дюмулен И. И. Международная торговля услугами. М., 2003. 320 с.
3. Пугинский Б. И. Коммерческое право России. М., 2000. 314 с.
4. Шмиттгофф К. Экспорт: право и практика международной торговли. М., 1993. 511 с.

References

1. Belykh V. S. Legal regulation of business activity in Russia. M, 2005. 432 p.
2. Dyumulen I. I. International trade in services. M, 2003. 320 p.
3. Puginsky B. I. Commercial right of Russia. M, 2000. 314 p.
4. Shmittgoff K. export: right and practice of international trade. M, 1993. 511 p.

УДК 347.1

UDC 347.1

М.А. КОРОСТЕЛЁВ

M.A. KOROSTELEV

аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ
E-mail: korostelevsky@yandex.ru

graduate student, Institute of the legislation and comparative jurisprudence at Government of the RF
E-mail: korostelevsky@yandex.ru

**ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
ОБОРОТА ЭЛЕКТРОННЫХ ДЕНЕГ**

CIVIL LAW ISSUES ARISING IN LEGAL REGULATION OF ELECTRONIC MONEY TURNOVER

В статье рассматривается понятие электронных денежных средств по российскому законодательству, их правовая природа, юридический механизм их передачи (перевода), вопрос о том, являются ли они законным платёжным средством в России, а также вопрос, составляет ли эмиссия электронных денег деятельность по приёму вкладов.

Ключевые слова: электронные деньги, правовая природа электронных денег, юридический механизм перевода электронных денег, законное платёжное средство, эмиссия электронных денег.

The article is devoted to the definition of electronic money according to Russian legislation, its legal nature, legal mechanism of its transfer, to the question whether electronic money is legal tender in Russia as well as to the question whether electronic money emission constitutes deposit taking activity.

Keywords: electronic money, electronic money legal nature, legal mechanism of electronic money transfer, legal tender, electronic money emission.

Развитие электронной торговли и высокая стоимость банковских услуг постоянно подталкивают коммерсантов искать эффективные способы расчётов, которые позволяли бы успешно обслуживать так называемые микроплатежи (т.е. платежи на небольшие суммы). Такой способ был найден и технически реализован в виде электронных денег. Для осуществления расчётов с использованием электронных денег нет необходимости каждую операцию проводить через банк. В обмен на переданные лицом, желающим воспользоваться электронными деньгами, и помещённые на банковский счёт денежные средства эмитируется и предоставляется этому лицу эквивалент переданных денежных средств – электронное средство платежа, которое обращается внутри определённой платёжной среды (поскольку закон не даёт название такой среды, назовём её систе-

мой перевода электронных денег [1]), которая по организации напоминает систему банковских безналичных расчётов, однако технически и юридически отличается от неё. В рамках данной платёжной среды её участник может покупать за эмитированные электронные деньги товары и услуги, переводить электронные деньги другим участникам, а также совершать иные действия, разрешённые правилами платёжной среды. Пока совершаются расчёты электронными деньгами, деньги лиц, приобретших электронные деньги, остаются без движения. После завершения расчётов участник платёжной среды, например, организация, принимающая электронные деньги за продаваемые товары и услуги, может вывести полученные электронные деньги из платёжной среды, в частности, путём перевода на свой банковский счёт, конвертируя тем самым электронные

деньги в обычные безналичные деньги или другими предусмотренными способами.

В итоге, экономия на цене расчётных услуг достигается за счёт того, что банк участвует в расчётах только два раза: при вводе денежных средств в систему в целях эмиссии электронных денег денежные средства помещаются на банковский счёт и остаются без движения; при выводе электронных денег из системы они «погашаются» путём конвертации в наличные или безналичные деньги. Вместо обработки банком каждого платежа, совершённого в целях покупки товаров или услуг определённого продавца, банк обрабатывает только одну операцию, когда продавец выводит все полученные платежи в электронных деньгах из системы и переводит их на свой банковский счёт.

Принципиальная схема функционирования электронных денег выглядит следующим образом.

27 июня 2011 года принят Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе», которым впервые в истории российской юриспруденции урегулировано обращение электронных денег. Данный закон дал определение понятия электронных денег и определил основные «правила игры» эмитентов электронных денег, которые в Законе № 161-ФЗ стали именоваться операторами электронных денежных средств, до этого основывавших свою деятельность на общих диспозитивных нормах гражданского законодательства.

Закон № 161-ФЗ даёт следующее определение: «электронные денежные средства – денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счёта (обязанному лицу), для исполнения денежных

обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа». Далее делается исключение: «При этом не являются электронными денежными средствами денежные средства, полученные организациями, осуществляющими профессиональную деятельность на рынке ценных бумаг, клиринговую деятельность и (или) деятельность по управлению инвестиционными фондами, паевыми инвестиционными фондами и негосударственными пенсионными фондами и осуществляющими учёт информации о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счёта в соответствии с законодательством, регулирующим деятельность указанных организаций».

В связи с появлением в российской практике и

с недавнего времени в российском законодательстве института электронных денег возникают определённые гражданско-правовые вопросы, нуждающиеся в исследовании.

Чем являются электронные деньги по своей правовой природе?

Своей правовой природой электронные деньги весьма схожи с безналичными деньгами. Основное отличие в том, что электронные деньги учитываются не на банковском счёте, а на так называемом виртуальном счёте в системе перевода электронных денег: в соответствии с п. 4 ст. 7 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе» [2] (далее Закон № 161-ФЗ) оператор электронных денежных средств учитывает денежные средства, предоставленные клиентом, путем формирования записи, отражающей размер обязательств оператора электронных денежных

средств перед клиентом в сумме предоставленных им денежных средств (далее – остаток электронных денежных средств).

Но всё же электронные деньги и безналичные деньги – не тождественные понятия, несмотря на то, что безналичные деньги могут учитываться и передаваться посредством электронных каналов связи [3]. С. Овсейко пишет по этому поводу следующее: «...неправильно рассматривать электронные деньги как разновидность безналичных денег. Помимо отмеченных в таблице отличий [4] у них есть ещё одно, причём наиболее очевидное: безналичные деньги существуют в виде записей на банковских счетах, тогда как электронные деньги не учитываются на банковских счетах клиентов. Сумма покрытия, которую вносит в банк клиент, приобретающий электронные деньги, отражается не на персональном счёте данного клиента, а на сборном счёте, на который зачисляются средства, за счёт которых будут погашаться все электронные деньги, выпущенные данным банком» [5]. В практике стало принято называть счёт, ведущийся оператором электронных денежных средств, «электронным кошельком» или виртуальным счётом.

Электронные деньги являются так называемым предоплаченным финансовым продуктом, т.е. их эмиссия требует денежного обеспечения (предоплаты) [6].

Поскольку электронные деньги появляются в качестве объекта гражданских прав в результате создания «двойника» денежных средств, переданных лицом эмитенту, с точки зрения гражданского права электронные деньги – это право требования владельца электронных денег к их эмитенту (оператору по переводу электронных денег) об их погашении (обмене на наличные или безналичные деньги). Здесь есть некий парадокс, который заключается во внутренней противоречивости самой природы электронных денег: с одной стороны, это средство платежа, с другой – обязательство, подлежащее исполнению в обычных (неэлектронных) деньгах. Объяснить его возможно только через аналогию с другими видами денег: когда-то банкноты также рассматривались как обязательства, подлежащие оплате металлической монетой, а безналичные деньги – как обязательства, погашаемые полноценными (металлическими или бумажными) деньгами [7].

По мнению А.Я. Курбатова, по правовой природе виртуальные денежные единицы в своей определённой совокупности представляют собой долговой документ. Его передача означает лишь предпосылку для осуществления расчётов при выводе средств из электронной платёжной системы [8].

По мнению С. Овсейко, наиболее адекватно объясняющей правовую природу электронных денег является точка зрения, основанная на определённой юридической фикции (электронные деньги – эквивалент реальных денег), которая, однако, не исключает договорный (обязательно-правовой) элемент во взаимоотношениях сторон.

Указанный автор отмечает: «По нашему мнению, однозначно решить вопрос о соотношении вещной

(признать обязательства-файлы, являющиеся ЭД, объектом права собственности) или обязательственной (рассматривать их лишь как право требования (приказ) к банку-эмитенту) составляющей в юридической природе ЭД затруднительно хотя бы по той причине, что в отечественном гражданском праве до сих пор этот вопрос однозначно не решен и для более традиционных финансовых инструментов, например ценных бумаг. Можно только отметить двойственность информации как объекта права собственности и как права требования к третьему лицу (банку-эмитенту)» [9].

Указанный автор высказывал подобные мысли в то время, когда в законодательстве России институт электронных денег никак не был урегулирован. В настоящее же время, после принятия Закона № 161-ФЗ не остаётся сомнений в том, что «электронные денежные средства» всё-таки являются «денежными средствами», т.е. закон однозначно придал им такой правовой режим. Также это означает, что обязательство, предметом которого является электронные деньги, является денежным обязательством. Закон № 161-ФЗ также прямо даёт этому подтверждение, говоря в п. 17 ст. 7 о моменте прекращения денежного обязательства плательщика перед получателем средств – при наступлении окончательности перевода электронных денежных средств.

Следует отметить, что позиция законодателя в вопросе признания электронных денежных средств как права требования «деньгами» (денежными средствами) не идёт вразрез с доктриной гражданского права. Так, согласно Л.Г. Ефимовой, «функции денег может выполнять любой имущественный актив. Например, до прекращения размена на золото банкноты и государственные кредитные билеты выражали обязательство их эмитента и одновременно выполняли функции денег. Схожая ситуация складывается и на сегодняшний день в отношении кредитовых остатков на клиентских счетах. ... При этом запись на счёте выполняет функции денег. Однако в отличие от банкнот и государственных кредитных билетов прошлого века современные безналичные деньги не являются ценными бумагами и не имеют вещественной формы» [10]. Сфера оборота электронных денег, конечно, «уже, чем сфера оборота наличных и безналичных денег, поскольку они изначально были созданы в качестве удобного средства платежа и выполняют, прежде всего, эту функцию, однако к примеру, сокращение применения наличных денег [11] в обороте не даёт никому оснований не считать банкноты и монеты деньгами.

***Если электронные деньги являются
правом требования, их передача (перевод)
должна осуществляться в порядке
уступки права требования (цессии)?***

Принятие указанной правовой природы электронных денег вовсе не означает, что их передача (переход) осуществляется в порядке цессии.

Безналичные деньги также считаются правом требования. Так, Л.А. Новосёлова считает их «абстрактным, безусловным и не ограниченным сроком правом

требования к банку о выдаче (выплате) по первому требованию денег (правом на деньги), зафиксированным посредством бухгалтерских записей, ведущихся банком» [12]. Вместе с тем, Л.А. Новосёлова рассматривает «перемещение безналичных средств по банковским счетам клиентов... в качестве особого порядка передачи прав, отличного от общегражданской уступки прав требования (цессии), а возникающие при осуществлении такой передачи обязательства с участием банков (расчётные обязательства) – как обособленные от основной сделки, по которой производится платёж» [13]. Эту мысль нельзя не признать правильной.

Очевидно, что переход таких прав требования, как электронные деньги, подчиняется особым правилам, а именно, правилам расчётов, как и в отношении безналичных денег, и не осуществляется в порядке цессии. В настоящее время расчёты в форме перевода электронных денежных средств составляют самостоятельную форму расчётов [14]. Ни один суд не применял и не применяет к расчётам электронными деньгами, как и к расчётам безналичными деньгами, нормы о цессии, а руководствуется соответствующими нормами главы 46 ГК РФ «Расчёты» и подзаконными актами Банка России.

Являются ли электронные деньги законным платёжным средством?

Законное платёжное средство – это предмет, служащий средством погашения обязательств во всех случаях невозможности исполнения, не освобождающей должника [15]. Законным платёжным средством в России является рубль. Тогда возникает вопрос, являются ли электронные деньги, выраженные в рублях, законным платёжным средством.

Подходы разных государств к этому вопросу могут различаться в зависимости от законодательства этого государства. Например, по мнению Банка Англии, электронные деньги не являются законным платёжным средством [16]. Банк разъяснил, что законным платёжным средством в Англии и Уэльсе являются банкноты и монета, тогда как банковские депозиты и электронные деньги не являются законным платёжным средством. Однако нормы о законном платёжном средстве, как указал Банк, имеют небольшое практическое применение в повседневности, поскольку если в договоре указан способ расчётов сторон (например, банковский перевод, электронные деньги), такой способ расчётов становится обязательным для сторон в силу договора, и стороны имеют право на судебную защиту по закону.

До принятия Закона № 161-ФЗ юристы в отсутствие законодательного регулирования, как правило, отвечали на указанный вопрос отрицательно. Многие юристы также не считали и не считают электронные деньги «деньгами» в смысле закона, и для них, соответственно, вопрос о законном платёжном средстве не стоит (некоторые учёные-юристы отождествляют понятия «законное платёжное средство» и «деньги» между собой, однако автор настоящей статьи полагает, что в государстве всегда существуют деньги, не являющиеся

законным платёжным средством, например иностранная валюта).

Так, М. Шахунян не считает электронные деньги деньгами в юридическом смысле: «Электронные деньги (ЭД), а точнее электронные платежи, представляют собой оплату товаров и услуг третьим лицам, совершаемую покупателем через электронную платёжную систему при помощи средств, учитываемых на пользовательском счёте в платёжной системе. ... следует говорить об электронных платежах, а не электронных деньгах. Электронные платежи по своей экономической сущности скорее относятся к инструментам, то есть лишь техническим средствам проведения расчётов, а не к деньгам как таковым. ЭД можно рассматривать только как эквивалент национальной валюты, поскольку они не являются законным платёжным средством, обязательным к приему по нарицательной стоимости на всей территории государства. Они обращаются при условии добровольного согласия участников системы. Кроме того, электронные платёжные системы не осуществляют эмиссию, во всяком случае, не должны этого делать» [17]. Такая позиция относительно признания электронных денег платежами была распространена в соглашениях российских платёжных систем с пользователями после принятия Федерального закона от 03.06.2009 № 103-ФЗ «О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами», когда в отсутствие иного позитивного регулирования операторы электронных денежных средств пытались обеспечить хоть какую-нибудь легальную основу своей деятельности, кроме общих диспозитивных норм гражданского законодательства. Однако позже в соглашениях вновь произошла переквалификация отношений по поводу электронных денег.

А.Я. Курбатов также не относит электронные деньги («виртуальные денежные единицы», как называет их указанный автор) к деньгам. В числе причин этого А.Я. Курбатов указывает следующие. Во-первых, каждый эмитент использует собственные виртуальные денежные единицы. Во-вторых, обращение электронных денег ограничено рамками платёжной системы, тогда как деньгами можно погасить любое денежное обязательство. В-третьих, виртуальные денежные единицы являются prepaid-финансовыми продуктами, т.е. их создание, в свою очередь, само требует обеспечения (при их вводе в электронную платёжную систему требуется уплата денег). В-четвёртых, расчёты электронными деньгами могут носить обезличенный (анонимный) характер, т.е. получатель не всегда может идентифицировать плательщика (если плательщик не проходил процедуру идентификации личности), тогда как при безналичных расчётах идентификация личности плательщика необходима [18].

Таким образом, электронные деньги, выраженные в российских рублях, с одной стороны, не могут считаться законным платёжным средством в России, поскольку они производны от наличных и безналичных денег, которые необходимы как для их эмиссии, так и для погашения. Получается, платёж ими не может быть окон-

чательным. Но, с другой стороны, в Налоговый кодекс Российской Федерации [19] (далее НК РФ) внесены изменения, позволяющие налоговым органам взыскивать налоги, сборы и другие обязательные платежи за счёт электронных денежных средств лица (ст. 46, 48 НК РФ). Тот факт, что электронные деньги отныне могут приниматься в казну государства напрямую, видимо, свидетельствует о том, что электронные деньги стали законным платёжным средством, а платежи ими – окончательными.

Составляет ли эмиссия электронных денег деятельность по приёму вкладов?

Принятие оператором денежных средств в целях эмиссии электронных денежных средств не составляет деятельности по приёму вкладов, отношения сторон в данном случае не регулируются договором банковского вклада, учитывая вышеуказанные выводы относительно различной правовой природы безналичных и электронных денежных средств.

В соответствии с п. 1 ст. 7 Закона № 161-ФЗ при осуществлении безналичных расчетов в форме перевода электронных денежных средств клиент предо-

ставляет денежные средства оператору электронных денежных средств на основании заключенного с ним договора. Закон не уточняет, о каком конкретно договорном типе идёт речь, однако очевидно, что договор об эмиссии электронных денежных средств не относится ни к одному из договорных типов, указанных в Гражданском кодексе Российской Федерации, и составляет самостоятельный тип договора.

Законодатель вследствие изложенного вывел электронные денежные средства из-под действия Федерального закона от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» [20] (пп. 5 п. 2 ст. 5 указанного закона).

Следует отметить, что в Директиве 2009/110/ЕС Европейского парламента и Совета Европы от 16.09.2009 об организации, осуществлении и пруденциальном надзоре над деятельностью эмитентов электронных денег, изменяющей Директивы 2005/60/ЕС и 2006/48/ЕС и отменяющей Директиву 2000/46/ЕС [21], принят подобный подход: средства, полученные оператором электронных денежных средств, не составляют вкладов, однако они должны быть обменены на (обращены в) электронные деньги без задержки.

Библиографический список

1. Ввиду терминологии Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе» использовать для обозначения этого явления термин «платёжная система», ставший традиционным в литературе для описания данных отношений, стало некорректно, поскольку в указанном законе под ним понимаются несколько другие отношения. Поэтому в настоящем исследовании предлагается использовать термин «система перевода электронных денежных средств» или «система перевода электронных денег».
2. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платёжной системе» // Российская газета. 2011. № 139.
3. В финансово-экономических исследованиях некоторых государственных учреждений Европейского союза ранее был принят подход, согласно которому термин «электронные деньги» включал в себя безналичные деньги, передаваемые по электронным каналам связи. Позднее, в связи с принятием Директивы Европейского союза 2000/46/ЕС об организации, осуществлении и пруденциальном надзоре над деятельностью эмитентов электронных денег указанный подход был изменён.
4. Автор в таблице отличий указывает на следующие отличия электронных денег от безналичных денег: первые с точки зрения бухгалтерского учёта – объект, а последние – отражение, первые – не персонифицированы, тогда как последние – персонифицированы, при расчётах первыми расчёты производятся между должником и кредитором, тогда как при расчётах последними – между банком должника и банком кредитора.
5. Овсейко С. Юридическая природа электронных денег // Юрист. 2007. № 9.
6. Определение предоплаченных финансовых продуктов было дано в Указании Банка России от 03.07.1998 года № 277-У «О порядке выдачи регистрационных свидетельств кредитным организациям-резидентам на осуществление эмиссии предоплаченных финансовых продуктов». Под предоплаченными финансовыми продуктами в нём понимались денежные обязательства кредитной организации, заменяющие в процессе их обращения требования юридических и / или физических лиц по оплате товаров или услуг, и в том числе денежные обязательства, составленные в электронной форме.
7. Овсейко С. Юридическая природа электронных денег // Юрист. 2007. № 9.
8. Курбатов А.Я. Правовое регулирование электронных платёжных систем по законодательству Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
9. Овсейко С. Юридическая природа электронных денег // Юрист. 2007. № 9.
10. Ефимова Л.Г. Банковские сделки: право и практика. М., 2001. С. 204 и след.
11. В некоторых развитых странах, например, в Швеции, Сингапуре, доля наличных денег в общем обороте денег составляет лишь 3-6%. Кроме того, во многих странах, в том числе в России, установлен предельный размер расчётов наличными деньгами юридическими лицами.
12. Новоселова Л.А. Проценты по денежным обязательствам. 2-е изд., испр. и доп. М.: Статут, 2003. С. 17.
13. Новоселова Л.А. Проблемы гражданско-правового регулирования расчетных отношений. Дис. ... докт. юрид. Наук. М., 1997. С. 7.
14. Пункт 1.1. Положения о правилах осуществления перевода денежных средств, утв. Банком России 19.06.2012 № 383-П // Вестник Банка России. 2012. № 34.
15. Луц Л.А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. Изд. 2-е, испр. М.: Статут, 2004. С. 35.
16. Ответ Банка Англии на обращение гражданина от 15.06.2009 // URL: http://www.whatdotheyknow.com/request/is_electronic_money_actually_leg (дата обращения 05.11.2012).
17. Шахунян М. Кошелёк или веб-суррогат? // ЭЖ-Юрист. 2010. № 24.
18. Курбатов А.Я. Указ. соч. // СПС «КонсультантПлюс».

19. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Российская газета. 1998. № 148, 149.

20. Федеральный закон от 23.12.2003 № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации» // Российская газета. 2003. № 261.

21. Directive 2009/110/EC of The European Parliament and of The Council of 16 September 2009 on the taking up, pursuit and prudential supervision of the business of electronic money institutions amending Directives 2005/60/EC and 2006/48/EC and repealing Directive 2000/46/EC // Official Journal of the European Union L 267. 10.10.2009. P. 7-17.

References

1. Due to terminology of Federal Law No. 161-FZ of 27.06.2011 “On national payment system” it has become not correct to use the term “payment system” which has already become traditional to define this relationship, because it is intended to describe different relationship. Therefore, it is offered in this research to use the term “electronic money transfer system”.

2. Federal Law No. 161-FZ of 27.06.2011 “On national payment system” // Rossiyskaya gazeta. – 2011. – No. 139.

3. Earlier there was adopted the approach in financial-economic researches of the European Union according to which electronic money includes money on bank accounts transmitted via electronic telecommunication channels. Later on after adoption of the Directive 2000/46/EC on the taking up, pursuit and prudential supervision of the business of electronic money institutions this approach was changed.

4. The author in the table of distinction indicates the following distinctions of electronic money from money on bank accounts: the first one is an object according to accounting rules, the second one – just reflection, the first one is not personalized, the second one is personalized, under a payment of the first one settlement is carried out between the creditor and the debtor, and under a payment of the second one – between the creditor’s and debtor’s banks.

5. *Ovseyko S.* Legal nature of electronic money // Jurist. – 2007. – No. 9.

6. Definition of prepaid financial instrument was contained in Ordinance of Central Bank of Russia No. 277-Y of 03.07.1998 “On order of issuance of registration certificates to credit institutions on issuance of prepaid financial instruments”. Prepaid financial instruments were understood as monetary obligations of a credit institution replacing in the process of the turnover claims of legal and natural persons on payments for goods and services including monetary obligations in electronic form.

7. *Ovseyko S.* Legal nature of electronic money // Jurist. – 2007. – No. 9.

8. *Kurbatov A. Ya.* Legal regulation of electronic payment systems in accordance with Russian legislation // SPS “ConsultantPlus”.

9. *Ovseyko S.* Legal nature of electronic money // Jurist. – 2007. – No. 9.

10. Bank transactions: the law and the practice. M., 2001. P. 204 and next.

11. In some developed states as Sweden and Singapore the share of cash in money turnover is just 3-6%. Moreover, in many states including Russia the limit of amount of payment by cash is set for legal entities.

12. *Novosyolova L.A.* Percent in monetary obligations. 2nd ed., revised and supplemented. – M.: Statut, 2003. P. 17.

13. *Novosyolova L.A.* Issues arising in civil law regulation of settlement relations. Dissertation of Doctor of Jurisprudence. – M., 1997. P. 7.

14. Point 1.1 of Regulations on money transfer, adopted by Central Bank of Russia 19.06.2012 No. 383-II // Vestnik Banka Rossii. – 2012. – No. 34.

15. *Luntz L.A.* Money and monetary obligations in the civil law. – 2nd ed., revised. – M.: Statut, 2004. P. 35.

16. Bank of England’s response to an application of a citizen of 15.06.2009 // URL: http://www.whatdotheyknow.com/request/is_electronic_money_actually_leg (referral date 05.11.2012).

17. *Shakhunyan M.* A Wallet or a Web-surrogate? // EZH-Jurist. – 2010. – No. 24.

18. *Kurbatov A. Ya.* Op. cit. // SPS “ConsultantPlus”.

19. Tax Code of the Russian Federation (part one) No. 146-ФЗ of 31.07.1998 // Rossiyskaya gazeta. - 1998. – No. 148, 149.

20. Federal Law No. 177-ФЗ of 23.12.2003 “On insurance of citizens’ saving accounts in banks of Russia” // Rossiyskaya gazeta. - 2003. – No. 261.

21. Directive 2009/110/EC of The European Parliament and of The Council of 16 September 2009 on the taking up, pursuit and prudential supervision of the business of electronic money institutions amending Directives 2005/60/EC and 2006/48/EC and repealing Directive 2000/46/EC // Official Journal of the European Union L 267. 10.10.2009. P. 7-17.

УДК 342.55

UDC 342.55

Н.В. МАЛЯВКИНА

старший преподаватель Российской академии народного хозяйства и государственной службы
E-mail: nata-m-orel@mail.ru

N.V. MALYAVKINA

senior professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
E-mail: nata-m-orel@mail.ru

**РОСПУСК ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ОРГАНА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ФОРМА
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
С ОРГАНАМИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ**

**DISSOLUTION OF A LOCAL REPRESENTATIVE BODY AS A FORM OF COOPERATION OF THE BODIES
OF STATE POWER OF THE SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION
AND THE BODIES OF LOCAL SELF GOVERNMENT**

В статье рассматривается механизм роспуска представительного органа муниципального образования в качестве меры ответственности перед государством. Автор приходит к выводам о необходимости изменения законодательства в отношении увеличения сроков периодичности заседаний представительного органа и объединения частей 1 и 2 статьи 73 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Ключевые слова: ответственность, представительные органы местного самоуправления, законодательные органы субъектов Российской Федерации, роспуск представительного органа, решение суда, бездействие представительного органа.

The article reviews the mechanism of dissolution of a local representative body of a municipal unit as a liability towards the state. The Author comes to conclusion about the necessity of alteration of the legislation regarding the increase of terms of periodicity of meetings of the local representative body and unification of parts 1 and 2 of article 73 of the Federal Law "On common principles of organization of local self government in the Russian Federation".

Keywords: liability, representative bodies of local self government, bodies of legislative power of the subjects of the Russian Federation, dissolution of a representative body, court decision, inaction of a representative body.

Взаимодействие между органами государственной власти субъектов Федерации и органами местного самоуправления не исчерпывается партнерской, равноправной сферой. Разумеется, в большинстве случаев региональные и муниципальные органы стремятся к взаимному сотрудничеству, поэтому нет необходимости прибегать к принуждению, вмешательству, силовому воздействию[1]. Однако это и не следует полностью исключать, особенно если речь идет о законодательной модели правового регулирования общественных отношений[2]. Законодатель должен исходить из предположения, что субъекты не всегда действуют добросовестно, разумно и эффективно. В ряде случаев необходимо использование института юридической ответственности, введение принудительных мер публично-правового характера. Однако государство обязано установить определенные гарантии, которые бы защищали муниципалитеты от несанкционированного вмешательства в их деятельность со стороны самого же государства. К числу таких балансирующих механизмов могут быть отнесены судебные процедуры, требование квалифицированного большинства голосов депутатского корпуса, усложненные парламентские процедуры (право органа местного самоуправления да-

вать объяснения, возражать против предъявляемых требований и т.п.).

По существу, законодательные органы субъектов Федерации и представительные органы муниципальных образований имеют близкую компетенцию, схожие способы формирования, практически идентичные процедуры деятельности. Различие состоит лишь в «вышестоящем»[3] положении законодательных (представительных) органов субъектов Федерации по отношению к представительным органам муниципальных образований. Но дает ли это достаточно оснований для учреждения права роспуска одного органа народного представительства решением другого (пусть, условно говоря, «вышестоящего») представительного органа? Насколько допустимы «вертикально-субординационные» отношения между коллегиальными органами, состоящими из депутатов, которые избраны одними и теми же избирателями? Ответ на поставленный вопрос, на наш взгляд, целесообразно давать не отвлеченно, а исходя из модели правового регулирования, избранной в действующем законодательстве о местном самоуправлении.

Согласно действующему законодательству (статья 73 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об

общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации») роспуск представительного органа местного самоуправления законом субъекта Федерации возможен по двум основаниям: во-первых, если представительный орган не принимает мер по исполнению решения суда, связанного с изданием данным органом противоправных нормативных правовых актов; во-вторых, ввиду бездействия представительного органа муниципального образования, выразившегося в непроведении в течение трех месяцев правомочного заседания.

Первое из двух указанных оснований следует квалифицировать в качестве юрисдикционного. Оно направлено на достижение цели обеспечения законности в деятельности муниципального народного представительства. Представительные органы муниципального образования не вправе принимать нормативные правовые акты, которые противоречили бы нормативным правовым актам более высокой юридической силы. Перечень данных актов исчерпывающим образом дается в части 1 статьи 73 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»: это Конституция РФ, федеральные конституционные и федеральные законы, конституции (уставы) и законы субъектов РФ, уставы муниципальных образований. Примечательно, что в нем отсутствует упоминание: нормативных указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, нормативных правовых актов федеральных министерств, агентств и служб, нормативных актов высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов), высших исполнительных органов и исполнительных органов специальной компетенции субъектов РФ.

Право роспуска представительного органа муниципального образования по юрисдикционному основанию обусловлено необходимостью издания, как минимум, двух судебных решений. В первом решении соответствующий суд должен установить факт принятия представительным органом муниципального образования нормативного правового акта, который противоречит нормативным правовым актам более высокой юридической силы. Второе судебное решение предполагает установление факта неисполнения первого решения. Согласно анализируемой норме, по общему правилу представительный орган обязан исполнить судебное решение в течение трех месяцев. Однако суд может установить иной срок.

В принципе, законодатель мог бы этим ограничиться. Вполне допустима следующая модель правового регулирования данных общественных отношений: если представительный орган муниципального образования издает противоправный нормативный правовой акт и соответствующим судом установлен этот факт, представительному органу дается три месяца на устранение данного правонарушения (или иной срок, установленный судом). Если представительный орган не исполняет данное решение в установленные сроки – тот же суд устанавливает факт неисполнения решения суда и на

этом основании выносит решение о досрочном прекращении полномочий представительного органа.

Однако законодатель предпочел другую модель. Суд не уполномочен законом на принятие решения о досрочном прекращении полномочий представительного органа муниципального образования. Если судом установлен факт нарушения закона представительным органом муниципального образования, возникает публично-правовая обязанность высшего должностного лица субъекта РФ внести в законодательный (представительный) орган субъекта РФ проект регионального закона о роспуске представительного органа местного самоуправления. По крайней мере, это следует из буквального смысла части 1 статьи 73 анализируемого Закона. Но возможно и другое толкование: данную правовую норму можно интерпретировать в качестве управомочивающей, не обязывающей. Тогда высшее должностное лицо субъекта РФ по своему усмотрению вправе вносить и вправе не вносить в законодательный (представительный) орган проект регионального закона о роспуске представительного органа муниципального образования. Эту логическую конструкцию можно продолжить дальше. При одном толковании ч. 1 ст. 73 законодательный (представительный) орган субъекта РФ обязан принять закон о роспуске представительного органа муниципального образования. При другом толковании – это его право, а не обязанность. В зависимости от обстоятельств законодательный орган субъекта РФ может распустить или не распустить представительный орган муниципального образования.

Сказанное позволяет сформулировать следующие выводы. Если нормы ч. 1 ст. 73 в отношении высших должностных лиц и законодательных органов субъектов РФ толковать в качестве обязывающих (а это следует из буквального смысла правовых норм) – институт роспуска представительного органа муниципального образования законом субъекта РФ в значительной степени лишается смысла. В самом деле, зачем законодатель возлагать обязанности на высших должностных лиц и законодательные органы субъектов РФ, если эти субъекты конституционных правоотношений не имеют надлежащей свободы усмотрения? Если вне зависимости от обстоятельств оба эти органа должны просто «механически» принять соответствующие решения (один – о внесении законопроекта, другой – о принятии закона), тогда зачем вообще законодатель «включать» в этот процесс высших должностных лиц и законодательные органы субъектов РФ? Окончательное решение вынес бы суд, чье решение проигнорировал представительный орган муниципального образования.

По всей видимости, законодатель имел в виду другое. Поскольку в механизм привлечения к ответственности представительных органов муниципальных образований включены высшие должностные лица и законодательные органы субъектов РФ, они должны обладать правом принятия соответствующего решения. Высшее должностное лицо субъекта РФ при принятии решения о внесении или не внесении законопроекта о роспуске муниципального органа народного пред-

ставительства оценивает степень вины представительного органа, существенность правовых последствий и другие заслуживающие внимания юридические обстоятельства дела. Аналогичным образом должен действовать законодательный (представительный) орган субъекта РФ при вынесении окончательного решения.

Данная правовая норма ч. 1 ст. 73 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» действует сравнительно длительный период и острых споров в юридической науке и практике не вызывает. Конечно, законодатель мог бы выбрать другие модели правового регулирования (например, установить ответственность за принятие не только нормативных правовых актов, но вообще правовых актов; возложить право роспуска на судебные инстанции; более четко указать, о праве или обязанности государственных органов субъектов РФ идет речь и т.д.). Но совершенно ясно, что представительные органы муниципальных образований не вправе принимать акты, которые противоречили бы Конституции РФ, конституциям (уставам) субъектов РФ, законодательству и уставам муниципальных образований. Если это так – должен существовать механизм конституционно-правовой ответственности за указанное конституционное правонарушение. Действующий механизм привлекателен тем, что создает возможности для представительных органов муниципальных образований возражать против предъявляемых обвинений, иным образом защищать свои права и законные интересы: во-первых, в судебном процессе; во-вторых, во взаимодействии с высшим должностным лицом субъекта РФ; в-третьих – на стадии окончательного принятия решения законодательным (представительным) органом субъекта РФ.

Кроме этого механизма Федеральным законом № 101-ФЗ от 18 июня 2007 г. были введены в действие части 2.1 и 2.2 статьи 73 Федерального закона «Об общих принципах...». Текстуально части 2.1 и 2.2 имеют совершенное тождество за исключением одного слова: в части 2.1 речь идет об «избранном» представительном органе, в то время как в части 2.2 – о «вновь избранном». Данный юридико-технический прием заслуживает критической оценки, так как ничто не препятствовало законодателю упомянуть о распространении этой правовой нормы и на избранные, и на вновь избранные представительные органы (в результате текст закона без ущерба его содержанию сократился бы на один абзац весьма большого объема, а правоприменитель не вынуждался бы к текстуальному сравнению частей 2.1 и 2.2 в целях поиска между ними различий, которых практически не существует).

Согласно частям 2.1 и 2.2 статьи 73 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» представительный орган подлежит роспуску, если он не проводил заседания в течение трех месяцев подряд, причем заседание должно быть правомочным. Согласно ст. 35 анализируемого Закона правомочность заседания определяется уставом муни-

ципального образования, но заседание не может считаться правомочным, если на нем присутствует менее половины от числа избранных депутатов. Следует подчеркнуть, что анализируемая норма носит весьма жесткий характер и может привести к ряду неблагоприятных конституционно-правовых последствий.

Предположим, что согласно уставу муниципального образования заседание представительного органа считается правомочным, если на нем присутствует не менее двух третей от общего числа депутатов (варианты: под «общим числом» может пониматься списочный состав или избранный состав; заседание может считаться правомочным при наличии простого или квалифицированного большинства; квалифицированное большинство может иметь разные значения: две трети, три четверти и т.д.). При требовании квалифицированного большинства в две трети одна треть депутатов имеет возможность умышленно или неумышленно «сорвать» заседание. Этим могут воспользоваться (и на практике часто пользуются) конкурирующие политические силы с целью откровенного политического шантажа. Таким образом, забота законодателя о регулярности созыва заседаний представительного органа муниципального образования в реальности приводит к тому, что депутатское меньшинство диктует свою волю депутатскому большинству.

Кроме того, анализируемые нормы частей 2.1 и 2.2 заслуживают, на наш взгляд, критики с точки зрения размера срока, установленного законодателем в три месяца. По нашему мнению, этот срок является слишком малым и нуждается в увеличении. Аргументируется эта точка зрения следующим образом: во-первых, периодичность заседаний представительных органов городских округов и муниципальных районов выше, чем периодичность заседаний представительных органов городских и сельских поселений; во-вторых, следует учитывать летний сезон отпусков, в сельской местности – также сезоны крупных сельскохозяйственных работ; в-третьих, при отсутствии актуальных вопросов повестки дня представительные органы не должны вынуждаться к тому, чтобы проводить «заседание ради заседания».

На основании изложенного следует часть 2.2 статьи 73 Федерального закона «Об общих принципах...» исключить, и вложить ее смысл в часть 2.1, говоря про избранный и вновь избранный представительный орган муниципального образования, а также следует увеличить срок периодичности заседаний представительного органа. Однако, предлагаемые меры по совершенствованию законодательства в некоторых случаях могут затян timer процесс ответственности, например, если депутаты не собираются для принятия бюджета муниципального образования на очередной финансовый год. Очевидно, что предлагаемая конструкция может привести к затягиванию процесса роспуска представительного органа местного самоуправления со всеми вытекающими отсюда последствиями, но с другой стороны, это позволит создать дополнительные гарантии сбалансированности законных интересов их участников.

Библиографический список

1. Соловьев С.Г. Вмешательство органов государственной власти в компетенцию местного самоуправления: механизм и правовые проблемы // Государственная власть и местное самоуправление. 2005. № 3. С. 18 – 20.
2. Иванов Д.М. Муниципально-правовая ответственность как составная часть института ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 21. С. 30.
3. Борщевский Л.М. Передача прав вышестоящих органов управления нижестоящим // Советское государство и право. 1969. № 8. С. 58.

References

1. Soloviev S.G. Interference of the bodies of state power into the competence of the local self government: the mechanism and legal issues // The state power and local self government. 2005. No.3. P. 18-20.
2. Ivanov D.M. Municipal and legal liability as a component of the concept of liability of the bodies and officials of local self government // Constitutional and municipal law. 2009. No. 21. P. 30.
3. Borschevsky L.M. Assignment of rights of superior bodies of power to the inferior ones // Soviet state and law. 1969. No. 8. P. 58.

УДК 930.25

UDC 930.25

Е.Г. ПУТИЛОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения и права Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии
E-mail: putilovaelena2011@mail.ru

E.G. PUTILOVA

candidate of historical sciences, associate professor of document science and right, Nizhny Tagil state social and pedagogical academy
E-mail: putilovaelena2011@mail.ru

НОРМАТИВНО-ПРАВОВАЯ И МЕТОДИЧЕСКАЯ БАЗА КОНСЕРВАЦИИ АРХИВНЫХ ДОКУМЕНТОВ

THE LEGISLATIVE BASE OF THE CONSERVATION OF THE ARCHIVE'S DOCUMENTS

Помимо соблюдения режимов хранения, не менее важное значение имеет правильное выполнение процедуры консервации архивных документов. Сегодня как среди профессиональных архивистов, так и в профессорско-преподавательской среде, понятие «консервация архивных документов» воспринимается крайне неоднозначно. Почему это происходит? Автор данной статьи считает, что основой этого недопонимания является слабая развитость нормативно-правовой базы консервации архивных документов.

Ключевые слова: архив, архивный документ, обеспечение сохранности документов, консервация документов, режим хранения документов, реставрация архивных документов.

Besides of the observing of the regimes of the document's keeping, an important meaning have the execution of the conservation of the archive's documents. Nowadays, the definition «conservation of the archive's documents» – in the professional archivist's sphere, and in the area of the high school's teachers – has a different meaning. Why? The author of the article considers, that the main problem of this – a weak development of the legislative base of the conservation of the archive's documents.

Keywords: an archive, an archive's document, the preservation of the document, the conservation of the archive's document, a regime of the document's keeping, a restoration of the archive's documents.

В настоящее время одной из актуальных проблем «науки об архивах» остается вопрос консервации архивных документов. В частности, по нашему мнению, недостаточно проработанной здесь остается нормативно-правовая сторона проблемы, что, в свою очередь, влияет на разброс во мнениях авторов-составителей программ учебных курсов по консервации и реставрации архивных документов для наших вузов.

Что входит в понятие «консервация документов»? Реставрация документов – это часть консервации

или самостоятельная часть обеспечения сохранности документов? Сводится ли консервация документов лишь к обеспечению режимов хранения архивных документов? На эти и многие другие вопросы мы попытаемся ответить, проанализировав не только современную нормативно-правовую базу по вопросам консервации архивных документов, но и уделив внимание нормативно-методическим документам по указанной проблеме, выходявшим в нашей стране в 1980-е – 1990-е гг.

В числе стандартов, ориентированных на рассмо-

трение вопросов консервации именно архивных документов, а не библиотечных фондов, можно назвать ОСТ 55.6-85 «Документы на бумажных носителях. Правила государственного хранения. Технические требования».

Стандарт распространялся на машинописные, reproграфические, печатные, машиночитаемые документы на бумажных носителях и рукописные документы, исполненные на бересте, папирусе, пергаменте, бумаге с применением красок, чернил, карандашей восковых, сургучных, мастичных печатей[1].

Данный документ устанавливал: технические требования к зданиям и рабочим помещениям архивов; температурно-влажностный, световой, санитарно-гигиенический режимы хранения документов; порядок организации контроля физического состояния документов; комплекс мер обеспечения сохранности документов при поступлении на государственное хранение, постоянном хранении, специальной обработке, использовании и транспортировании. Стандарт был обязателен для государственных архивов, отраслевых государственных фондов, министерств, ведомств СССР и организаций, осуществляющих постоянное государственное хранение документов Государственного архивного фонда СССР.

Непосредственно о консервации в документе речь не идет. Располагая нашими современными представлениями о том, что должно включаться в это понятие, в ОСТе обозначен в полной мере лишь такой элемент консервации как режимы хранения документов. Кроме этого, немного сказано о процедуре реставрации: «Документы с физико-химическим разрушением носителя сдаются на реставрацию в порядке установленной в архиве очередности. Документы с признаками разрушения текста сдаются на реставрацию или фотореставрацию. На реставрацию сдаются документы с быстро угасающим текстом с целью физической или химической стабилизации и сохранения текста оригинала. Выявлению и сдаче на реставрацию подлежат в первую очередь документы с выпадением строчных мест, осыпанием, истиранием (смазыванием) текста, с локальным угасанием текста в местах строк, пятен, подмочек, наклеек (силикатный клей и др.). На фотореставрацию сдаются документы с угасшим, слабоконтрастным, поврежденным текстом с целью выявления и сохранения информации»[2].

В ГОСТе 7.50-90 «Консервация документов» было сказано о том, что консервацию документов выполняют дифференцированно, в соответствии с их культурно-исторической значимостью, природой носителя информации и экономической целесообразностью. ГОСТ также выделял три элемента консервации – режим хранения, стабилизацию и реставрацию[3]. При этом под режимами хранения документов понимались: световой, температурно-влажностный и санитарно-гигиенический. Определений же «стабилизации» и «реставрации» документов в чистом виде мы в ГОСТе не увидим: в нем лишь расписано содержание самих этих процедур.

ГОСТ 7.65–92 «Кинодокументы, фотодокументы и

документы на микроформах. Общие требования к архивному хранению» – следующий отечественный стандарт, распространенный на архивные документы.

Стандарт устанавливал требования к архивному хранению следующих типов документов:

- оригиналов черно-белых и цветных кино- и фотодокументов;
- копий кино- и фотодокументов, хранящихся на правах оригиналов;
- микрофильмов страхового фонда и страховых копий кино- и фотодокументов[4].

Стандарт не распространяется на копии фонда пользования.

ГОСТ 7.65–92 очень широко рассматривает понятие обеспечение сохранности кино- и фотодокументов и микрофильмов, направляемых на архивное хранение. Кроме элементов консервации и реставрации, а также оптимальных режимов хранения, в стандарте указываются такие составляющие процесса ОСД, как оценка технического состояния документов, упаковывание, контроль технического состояния документов и подготовка документов к использованию.

Современная нормативно-правовая и методическая база по вопросам консервации архивных документов представлена следующими документами: ГОСТ 7.50-2002. «Консервация документов», ГОСТ Р 7.0.2-2006. «Консервация документов на компакт-дисках», ГОСТ Р 51141-98 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения», «Основные правила работы архивов организаций», «Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук» и, безусловно, Федеральный Закон «Об архивном деле в Российской Федерации».

ГОСТ 7.50-2002. «Консервация документов» устанавливает общие требования к консервации документов, в том числе к режиму хранения, технологическим процессам стабилизации и реставрации, используемым при этом материалам. В документе дается следующее определение «консервации документов»: консервация документов обеспечивает их сохранность посредством режима хранения, стабилизации, реставрации и изготовления копий[5].

Достаточно подробно в ГОСТе расписаны режимы хранения документов. Что касается стабилизации и реставрации – определений данным явлениям в конкретном документе мы не встретим, хотя в тексте источника поясняется процедура проведения стабилизации.

Стабилизацию и реставрацию документов выполняют с учетом характера и степени повреждений, условий последующей эксплуатации, максимально сохраняя признаки подлинности документов и не создавая затруднений для использования.

Минимум информации в ГОСТе о реставрации и изготовлении копий.

Документы реставрируются воссозданием перво-

начальной формы, очисткой и упрочнением, соблюдая принцип необходимости и достаточности. Вставки должны соответствовать носителю информации по внешним признакам и материалу, а также должны обеспечивать долговечность документа.

Перед реставрацией методом ламинирования обязательна стабилизация документа. Документы на пергаменте реставрируются восстановлением его влагосодержания методом отдаленного увлажнения.

Изготовление копий документов осуществляют методами фото-, микро-, ксерокопирования и использованием электронных технологий. Изготовление копий документов методами фото-, микро-, ксерокопирования – не более одного раза. Последующее копирование выполняют с копии. При копировании недопустимо механическое повреждение документов[6].

Помимо отсутствия в ГОСТе конкретики по поводу того, что есть «стабилизация документов» и «реставрация архивного документа», в данном документе мы видим еще два недостатка: стандарт распространяется на документы, выполненные на бумаге, коже, пергаменте, кроме документов, входящих в состав Архивного Фонда России; стандарт обязателен для библиотек всех типов и видов, органов научно-технической информации, имеющих фонды, документов постоянного (бессрочного) хранения. Другими словами, получается, что использовать данный ГОСТ при проведении консервации конкретно архивных документов мы не имеем права.

Тем не менее, все-таки мы можем заметить и некоторую положительную динамику: например, в сравнении с предыдущим ГОСТом 7.50-90 «Консервация документов» в настоящем ГОСТе расширяются задачи консервации (если в ГОСТ 7.50-90 делался упор на экономическую целесообразность проведения процедуры консервации, то в новом ГОСТе приоритет отдается уникальности документа, его исторической значимости, частоте использования).

Следующий документ, дополняющий вышеназванный нами ГОСТ, ГОСТ Р 7.0.2-2006. «Консервация документов на компакт-дисках», устанавливает общие требования к консервации документов на компакт-дисках любого типа и формы, в том числе к режиму хранения и контролю состояния, а также к технологическим процессам стабилизации, очистки и изготовления копий. В стандарте дается определение «консервация документов на компакт-дисках» – обеспечение сохранности документов на компакт-дисках посредством режима хранения, стабилизации, очистки и изготовления копий. Кроме этого, стандарт подробно описывает и процедуру стабилизации документов на компакт-дисках: «Стабилизацию документов на компакт-дисках по отношению к физико-химическому фактору выполняют, помещая их в жесткие контейнеры из инертного материала. Стабилизацию документов на компакт-дисках по отношению к биологическому фактору выполняют путем обработки их раствором биоцида в соответствии с ГОСТ 12.1.008. Очистку документов на компакт-дисках от загрязнений выполняют путем обработки водой, этиловым (ГОСТ 18300) или изопропиловым (ГОСТ 9805)

спиртом в соответствии с ГОСТ 12.1.004. Обработку документов на компакт-дисках по 6.2 и 6.3 выполняют от центра к краю по радиусу»[7].

В целом данный стандарт предназначен для библиотек всех типов и органов научно-технической информации.

ГОСТ Р 51141-98 Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. Содержит такие определения, как: обеспечение сохранности документов, обеспечение физико-химической сохранности документов, режим хранения архивных документов, реставрация архивного документа.

В стандарте дается определение ОСД, из которого хорошо видно, что консервация документов является неотъемлемой его частью: «обеспечение физико-химической сохранности документов: разработка, создание и практическое применение научно-технических средств и методов хранения, реставрации, консервации, биохимической защиты и воспроизведения документов». Кроме этого, в стандарте прописаны термины «режим хранения» и «реставрация архивного документа»: режим хранения архивных документов – это совокупность температурно-влажностных и санитарно-гигиенических условий, создаваемых в архивохранилищах для обеспечения сохранности документов и контроль за их выполнением; реставрация архивного документа – восстановление первоначальных или близких к первоначальным свойств и внешних признаков архивного документа, подвергнувшегося повреждению или разрушению[8].

В числе нормативно-правовых документов, охватывающих вопросы консервации документов, можно выделить ряд документов, характеризующих в целом вопросы обеспечения сохранности архивных документов. На сегодняшний день к этим документам относятся: «Основные правила работы архивов организаций», Федеральный Закон «Об архивном деле в Российской Федерации», «Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук».

Основные правила работы архивов организаций (одобрены решением Коллегии Росархива от 06.02.2002 г.) – являются нормативно-методическим документом, определяющим их деятельность. Правила основываются на действующей правовой базе в области информации, документационного обеспечения управления и архивного дела, синтезируют опыт отечественного архивного дела, учитывают современные достижения в применении технических средств и информационных технологий в работе с документами[9]. В «Правилах» рассматриваются вопросы: обеспечения сохранности документов архива, системы мер обеспечения сохранности документов, требования к зданиям и помещениям архива, режимы хранения документов, размещение документов в хранилище, обеспечение физико-химической сохранности документов, проверка наличия и состояния документов.

«Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук» (утверждены приказом Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ от 18 января 2007 г. № 19 с изменениями от 16 февраля 2009 г.)[10].

В «Правилах» подробно рассказывается о требованиях к зданиям и помещениям архива, к архивохранилищу, а также о нормативных режимах хранения архивных документов, к которым согласно «Правилам» относятся: противопожарный режим, охранный режим, температурно-влажностный режим, световой режим, санитарно-гигиенический режим.

Кроме этого, в разделе «Организация хранения документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в архиве» «Правила» подробно описываются такие вопросы, как:

- оборудование архивохранилища средствами хранения;
- организация хранения архивных документов в архивохранилище;
- общие требования к размещению архивных документов;
- размещение фонда пользования;
- проверка наличия и состояния архивных документов и организация розыска необнаруженных документов;
- проверка технического и физико-химического состояния архивных документов;
- выявление архивных документов с повреждениями материальных носителей и текстов;
- выявление документов Архивного фонда Российской Федерации, находящихся в неудовлетворительном физическом состоянии, и неисправимо поврежденных архивных документов;
- снятие с учета неисправимо поврежденных архивных документов;
- учет физического и технического состояния архивных документов;
- физико-химическая и техническая обработка архивных документов;
- общие требования к выдаче архивных документов из архивохранилища;
- сроки выдачи архивных документов;
- оформление выдачи архивных документов;
- выдача фонда пользования;
- выдача описей дел, документов;
- контроль за сохранностью выданных архивных документов;
- возвращение архивных документов в архивохранилище;
- транспортировка и перемещение архивных документов;
- выявление уникальных документов и особо ценных документов;
- создание страхового фонда;
- создание, комплект и состав фонда пользования;

- проверка наличия и состояния, технический контроль страхового фонда и фонда пользования;
- передача страхового фонда на специальное хранение;
- страхование документов Архивного фонда Российской Федерации;
- оформление временного вывоза документов Архивного фонда Российской Федерации за рубеж;
- обеспечение сохранности архивных документов при чрезвычайных ситуациях[11].

Таким образом, «Правила» довольно развернуто дают характеристику режимам хранения архивных документов, затрагивая вопрос изготовления копий документов посредством создания страхового фонда. Несмотря на то, что «Правила» не рассматривают вопросов реставрации, данный нормативно-методический документ представляет комплекс мероприятий по превентивной консервации.

В Федеральном Законе «Об архивном деле» говорится об обеспечении сохранности документов лишь в общем. Так, ст. 17 «Обязанности государственных органов, органов местного самоуправления, организаций и граждан, занимающихся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, по обеспечению сохранности архивных документов» гласит: «Государственные органы, органы местного самоуправления, организации и граждане, занимающиеся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, обязаны обеспечивать сохранность архивных документов, в том числе документов по личному составу, в течение сроков их хранения, установленных федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также перечнями документов, предусмотренными частью 3 статьи 6 и частью 1 статьи 23 настоящего Федерального закона.

Уничтожение документов Архивного фонда Российской Федерации запрещается.

В отношении особо ценных документов, в том числе уникальных документов, устанавливается особый режим учета, хранения и использования. Создаются страховые копии этих документов.

Порядок отнесения документов Архивного фонда Российской Федерации к особо ценным документам, в том числе уникальным документам, порядок учета таких документов, создания и хранения их страховых копий определяются специально уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти»[12].

Кроме этого, в Законе обозначено, что государственные органы, органы местного самоуправления, организации и граждане, занимающиеся предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, обязаны обеспечивать сохранность архивных документов, в том числе документов по личному составу, в течение сроков их хранения, установленных федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, а также перечнями документов, предусмотренными частью 3 статьи 6 и частью

1 статьи 23 настоящего Федерального закона. В отношении особо ценных документов, в том числе уникальных документов, устанавливается особый режим учета, хранения и использования. Создаются страховые копии этих документов. Порядок отнесения документов Архивного фонда Российской Федерации к особо ценным документам, в том числе уникальным документам, порядок учета таких документов, создания и хранения их страховых копий определяются специально уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти.

В отдельную категорию документов в области консервации можно отнести документы, регламентирующие процедуру оцифровки документов Архивного фонда в архивных учреждениях Российской Федерации. Так, в рамках Ведомственной программы информатизации Федерального архивного агентства и подведомственных ему учреждений на 2011–2020 гг. [13] запланировано осуществление работ по созданию комплекса нормативно-методических документов по регулированию процессов оцифровки архивных документов и управлению электронным контентом.

Первым шагом в этом направлении в ходе реализации Программы стало тотальное обследование государственных архивов субъектов федерации и создание информационной базы, позволяющей анализировать и проводить мониторинг проектов оцифровки, осуществляемых на местах. База создана в конце 2011 г. Всероссийским институтом документоведения и архивного дела по заказу Росархива в рамках НИР на тему «Изучение опыта оцифровки (сканирования) документов Архивного фонда в архивных учреждениях Российской Федерации». Она обобщает опыт 93 государственных архивных учреждений субъектов федерации по переводу архивных фондов в цифровой вид и позволяет получить определенный срез информации, характеризующий общую ситуацию в вопросах создания электронных копий.

Полученные сведения и сделанные на их основе выводы находятся в фарватере общих тенденций, которые сложились как в отечественной, так и в зарубежной практике оцифровки фондов архивов, библиотек, музеев, и подтверждают (несмотря на попытки отдельных организаций выработать собственные инструктивные положения) отсутствие единых подходов к процессу оцифровки архивных собраний.

Это ведет к таким серьезным проблемам, как необходимость проведения неоднократной оцифровки документов (что наносит вред сохранности подлинников); невозможность соотнесения и интеграции результатов проектов оцифровки, осуществленных в различных учреждениях, хранящих документы архивного фонда, и, в конечном итоге, невозможность полномасштабного использования электронных копий архивных доку-

ментов. Совокупность обозначенных проблем, с одной стороны, ставит под сомнение возможность постановки задачи о тотальной и полномасштабной оцифровке подлинников архивных документов в учреждениях, хранящих документы архивного фонда страны, а с другой – настоятельно требует разработки нормативно-методических актов [14].

Таким образом, анализ имеющейся на сегодняшний день нормативно-правовой базы в области консервации архивных документов позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, отметим, что в чистом виде нормативно-правовых документов по консервации конкретно архивных документов крайне недостаточно. Все рассмотренные нами в статье документы можно условно разделить на три группы: документы в области обеспечения сохранности документов; документы в области консервации документов библиотек/библиотечных фондов; нормативно-правовые документы по консервации архивных документов.

Во-вторых, законодательная и нормативно-правовая база консервации документов с конца 1980-х по настоящее время пережила заметную эволюцию. Самым актуальным вопросом остается вопрос «компонентов» консервации. Так, в советское время под консервацией понимали соблюдение режимов хранения, стабилизацию и реставрацию архивных документов. В настоящее же время к оставшимся без изменений трем элементам добавился еще один – изготовление копий документов.

В-третьих, мы наблюдаем явное несоответствие режимов хранения, которые должны выполняться в рамках общего процесса консервации. Например, в нормативно-правовых документах конца 1980-х начала 1990-х гг. прописаны были только такие режимы хранения, как: световой, температурно-влажностный и санитарно-гигиенический. В современных же документах к режимам хранения также относят противопожарный и охранный режимы.

В целом на сегодняшний день в нашей стране нормативно-правовая база консервации архивных документов представлена очень слабо. В основном, рассматривая вопросы консервации архивных документов, нам приходится опираться на законодательство в области обеспечения сохранности документов, дополняя его нормативными документами в области консервации библиотечных фондов. Возможно, именно слабость законодательной и нормативно-правовой базы консервации архивных документов приводит к тому, что понятие «консервация документов» многими специалистами, сотрудниками архивов и преподавателями вузов по специальностям «ДОУ и документационное обеспечение управления» и «documents studies и архивоведение» сводится лишь к понятию «обеспечение сохранности документов».

Библиографический список

1. ГОСТ 55.6-85 «Документы на бумажных носителях. Правила государственного хранения. Технические требования» // URL: [Электронный ресурс] <http://www.storehouse.ru/gost.htm> (дата обращения: 30.09.2013 г.)
2. Там же.

3. ГОСТ 7.50-90 «Консервация документов» // Там же
4. ГОСТ 7.65–92 «Кинодокументы, фотодокументы и документы на микроформах. Общие требования к архивному хранению» // URL: [Электронный ресурс] <http://www.storehouse.ru/gost.htm> (дата обращения: 30.09.2013 г.)
5. ГОСТ 7.50-2002. Консервация документов // URL: [Электронный ресурс] <http://www.storehouse.ru/gost.htm>. (дата обращения: 30.09.2013 г.)
6. Там же.
7. ГОСТ Р 7.0.2-2006. Консервация документов на компакт-дисках // URL: [Электронный ресурс] <http://www.storehouse.ru/gost.htm> (дата обращения: 30.09.2013 г.)
8. ГОСТ Р 51141-98 Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. Госстандарт России. М., 1998. 11 с. С. 7.
9. Основные правила работы архивов организаций. – М.: ВНИИДАД, 2006. 152 с. С. 4.
10. Правила организации хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов в государственных и муниципальных архивах, музеях и библиотеках, организациях Российской академии наук. М., 2007. 186 с.
11. Там же.
12. Федеральный закон «Об архивном деле в Российской Федерации» от 11.02.2013 N 10-ФЗ // URL: [Электронный ресурс] <http://www.rusarchives.ru/lows/pohkuidaf.shtml> (дата обращения: 30.09.2013 г.)
13. Программа информатизации Федерального архивного агентства и подведомственных ему учреждений на 2011-2020 гг. [Электронный ресурс.] / Федеральное архивное агентство. Официальный сайт. Режим доступа к сайту: URL: <http://archives.ru/programs/informatization.shtml> (дата обращения: 12.01.2014)
14. Методические рекомендации по электронному копированию архивных документов и управлению полученным информационным массивом / Ю.Ю. Юмашева. М.: ВНИИДАД, 2012. с. 125. С. 23-24.

References

1. GOST 55.6-85 «The paper's documents. The rules of the governmental safety. The technics demands» // URL: [Electronic resource] <http://www.storehouse.ru/gost.htm> (the data of the attention: 30.09.2013)
 2. The same.
 3. GOST 7.50-90 «The conservation of the documents» // URL: [Electronic resource] <http://www.storehouse.ru/gost.htm> (the data of the attention: 30.09.2013)
 4. GOST 7.65–92 «Video documents, fotodocuments and the documents on microforms» // URL: [Electronic resource] <http://www.storehouse.ru/gost.htm> (the data of the attention: 30.09.2013)
 5. GOST 7.50-2002. «The conservation of the documents» // URL: [Electronic resource] <http://www.storehouse.ru/gost.htm> (the data of the attention: 30.09.2013)
 6. The same.
 7. GOST P 7.0.2-2006. The conservation of the documents on the compact – discs // URL: [Electronic resource] <http://www.storehouse.ru/gost.htm> (the data of the attention: 30.09.2013)
 8. GOST P 51141-98 Deloproizvodstvo and archive. The terms and the definitions. Gosstandard of Russia. – M., 1998. 11 p. P. 7.
 9. The main rules of the working of the firm's archives. – M.: VNIIDAD, 2006. 152 p. P. 4.
 10. The rules of the keeping, setting, registration and the using of the documents of the Archive Fond of Russian Federation and other archive's documents in federal and local archives, museums, libraries, the organizations of Russian Science Academy. – M., 2007. – 186 p.
 11. The same
 12. Federal Law «About archive's affair in Russian Federation» from 11.02.2013 N 10 // URL: [Electronic resource] <http://www.rusarchives.ru/lows/pohkuidaf.shtml> (the data of the attention: 30.09.2013)
 13. The Program of the Informatization of the Federal archive' agency on 2011-2020 URL: [Electronic resource] <http://archives.ru/programs/informatization.shtml> the data of the attention: 12.01.2014)
 14. The methodic recommendations of the electronic copy of the archive's documents and ruling of the inform massive / U.U. Umasheva. – M.: VNIIDAD, 2012. – p. 125. – P. 23-24.
-
-

УДК 347.93

UDC 347.93

Е.В. РЕЗНИКОВА

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса, предпринимательского и трудового права Орловского государственного университета
E-mail: elena_osu@mail.ru

E.V. REZNIKOVA

candidate of Law, associate professor of civil process, enterprise and labor law, Orel state university
E-mail: elena_osu@mail.ru

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА КОМПЕНСАЦИЮ ЗА НАРУШЕНИЕ РАЗУМНЫХ СРОКОВ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ

REALIZATION OF THE RIGHT FOR COMPENSATION FOR VIOLATION OF REASONABLE TERMS OF IMPLEMENTATION OF JUSTICE

Исследуется проблема реализации права на компенсацию за нарушение разумных сроков осуществления правосудия и исполнения судебных актов. Сделан вывод о том, что право на судопроизводство в разумный срок признается нарушенным в случаях явной волокиты, длительного бездействия, способных скомпрометировать эффективность правосудия. Также при установлении соблюдения разумного срока имеет значение правовая и фактическая сложность дела. Понятие разумности срока рассмотрения дела не может трактоваться исключительно исходя из продолжительности его рассмотрения, без учета всех обстоятельств дела.

Ключевые слова: право на компенсацию за нарушение разумных сроков осуществления правосудия, разумный срок судопроизводства, признание права, условия обращения в суд с заявлением, меры процессуального реагирования.

The article is devoted to the problem of the right for compensation for violation of reasonable terms of implementation of justice and performance of judicial acts is investigated. The conclusion that the right for legal proceedings in reasonable time admits broken cases of obvious red tape, the long inaction, capable to compromise efficiency of justice is drawn. Also at establishment of observance of reasonable term legal and actual complexity of business matters. The concept of a rationality of term of consideration of the case can't be treated only proceeding from duration of its consideration, without all facts of the case.

Keywords: the right for compensation for violation of reasonable terms of implementation of the justice, reasonable term of legal proceedings, recognition of the right, appeal to the court condition with the statement, measures of procedural reaction.

Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» содержит общие нормы, гарантирующие правовую защиту при недопустимом затягивании судебного разбирательства или процедуры исполнения судебного акта. Закон № 68-ФЗ и внесенные в связи с его принятием изменения в АПК РФ и ГПК РФ в настоящее время – на начальном этапе их применения – вызывают множество вопросов, в том числе у лиц, желающих воспользоваться своим правом на получение компенсации [4]. Тем не менее, при анализе названных норм и с учетом начавшей складываться практики их применения можно прийти к некоторым выводам.

Разумный срок судопроизводства является оценочным понятием, включающим в себя помимо общей продолжительности судопроизводства также и наличие обстоятельств, повлиявших на длительность производства по делу.

В практике Европейского суда используются такие критерии, как сложность дела, поведение заявителя, важность рассматриваемого вопроса для заявителя [2].

Типичными причинами нарушения разумного срока по вине государства называются перенос слушаний в ожидании результата рассмотрения другого дела, задержка в представлении доказательств государственными органами, нарушение установленных сроков судебной канцелярией или административными органами [3].

Но при этом следует учитывать, что право на судопроизводство в разумный срок признается нарушенным в случаях явной волокиты, длительного бездействия, способных скомпрометировать эффективность правосудия [1].

В связи с изложенным для определения разумности срока судопроизводства имеет значение своевременность назначения дела к слушанию, отложение судебного разбирательства только в необходимых случаях и с соответствующей мотивацией, соблюдение сроков изготовления решения и направления его лицам, участвующим в деле. И напротив, неоднократный пересмотр дела, отложение судебного разбирательства на продолжительный срок, а также организационные моменты работы суда не оправдывают превышение разумных

сроков судопроизводства.

Также при установлении соблюдения разумного срока имеет значение правовая и фактическая сложность дела, при оценке которой может учитываться, в частности, наличие или отсутствие правового регулирования возникших правоотношений, характер подлежащих установлению фактов, число участвующих в деле лиц и допрошенных свидетелей, вид и степень сложности проведенных экспертиз.

Недобросовестное поведение участвующего в деле лица, явившееся причиной длительности рассмотрения дела (непредставление истребуемых судом доказательств в назначенный судом срок, неявка в судебное заседание без уважительных причин и т.п.), также может приниматься во внимание, тем более в случае принятия судом соответствующих мер процессуального реагирования (наложение штрафов, вынесение частных определений).

Примером отказа в удовлетворении требований о компенсации, с учетом поведения заявителя при рассмотрении дела, является Определение ВАС РФ от 27.02.2013 N ВАС-14565/11 по делу № А40-15872/11-120-100. Согласно выводам, содержащимся в определении у заявителя не возникло основанное на ст. 1 ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» право на присуждение компенсации за нарушение сроков судопроизводства в разумный срок, так как в смысле разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 30/64 «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» нарушение установленных законодательством Российской Федерации сроков рассмотрения дела само по себе не означает нарушения права на судопроизводство в разумный срок. Кроме того, задержка рассмотрения заявления общества произошла в связи с действиями самого заявителя, который в нарушение требований ч. 2 ст. 181 АПК РФ подавал кассационную жалобу на определение арбитражного суда города Москвы, минуя суд апелляционной инстанции[5].

Таким образом, понятие разумности срока рассмотрения дела не может трактоваться исключительно исходя из продолжительности его рассмотрения, без учета вышеназванных обстоятельств. Как указано в п. 2 ст. 1 Закона N 68-ФЗ, рассмотрение дела судом с нарушением установленных процессуальным законом сроков само по себе не свидетельствует о нарушении права на судопроизводство в разумный срок. Так, в Постановлении ФАС Московского округа от 14 сентября 2010 г. по делу N А40-101070/09-142-727 со ссылкой на названную норму отказано в удовлетворении требований о присуждении компенсации. В качестве еще одного примера можно привести Решение ФАС Дальневосточного округа от 23.05.2011 N А24-17/2007, в котором содержится вывод о том, что право

заявителя на судопроизводство в разумный срок, предусмотренное ст. 1 ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», не нарушено, поскольку помимо участия в деле многих лиц (соистец, третьи лица), проживающих в различных регионах страны, из материалов дела следует, что в самом акционерном обществе - заявителе на протяжении всего времени рассмотрения затянувшегося дела имел место внутрикорпоративный конфликт в отношении его руководства и решения имущественных вопросов, сопровождавшийся рассмотрением исков в арбитражных судах и судах общей юрисдикции, что сопровождалось приостановлениями дела[6].

Неоднозначность толкования может вызвать положение Закона N 68-ФЗ о моменте, с которого у заявителя возникает право на обращение с заявлением о компенсации. Согласно п. 1 ч. 5 ст. 3 Закона заявление о присуждении компенсации может быть подано в шестимесячный срок со дня вступления в законную силу последнего судебного акта, принятого по делу, по которому было допущено нарушение. До настоящего времени существует практика, согласно которой заявители, полагая возможным присуждение компенсации вне зависимости от давности разрешения их спора, обращаются с соответствующими заявлениями по делам, рассмотренным задолго до вступления в силу Закона N 68-ФЗ. Такие заявления подлежат возвращению[7].

Заявитель вправе обратиться с заявлением о компенсации и в случае, если производство по делу, срок рассмотрения которого он полагает затянутым, не завершено. При этом обязательно соблюдение двух условий: истечение трехлетнего срока с момента поступления иска в суд первой инстанции и наличие факта обращения с заявлением об ускорении рассмотрения дела к председателю суда. В противном случае заявление возвращается подавшему его лицу. Решение ФАС Центрального округа от 14.06.2012 по делу N А35-5398/06-С3 были удовлетворены требования о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок. Согласно материалам дела заявитель ссылается на то, что суд не принимал эффективных мер ни для уведомления участвующих в деле лиц, ни для обеспечения их явки в судебные заседания. Помещения, принадлежащие заявителю, сдавались в аренду акционерным обществом и предпринимателем, которые за 5 лет неосновательно обогатились, но, учитывая пропуск срока для обращения в суд – 3 года, заявитель не сможет возратить долг. Принятое решение по делу суд мотивировал тем, что в ходе судебного разбирательства суд не принимал предусмотренных процессуальным законодательством мер в отношении недобросовестных участников процесса, что привело к волоките по делу. При таких обстоятельствах довод заявителя о нарушении его права на судопроизводство в разумный срок был признан обоснованным[8].

Таким образом, право на обращение в суд с заявлением о присуждении компенсации имеет лицо, полагаящее, что по делу с его участием нарушен разумный

срок судопроизводства, если с момента вступления в силу последнего судебного акта по делу не истек шестимесячный срок (который может быть восстановлен при наличии уважительных причин пропуска) либо дело находится в производстве суда более трех лет и имеется обращение к председателю суда с заявлением об ускорении производства. При реализации своего права на компенсацию заявитель должен учесть необходимость оформления и подачи заявления в соответствии с требованиями ст. 222.2 - 222.3 АПК РФ.

Надлежащим ответчиком по делам о присуждении компенсации за нарушение разумного срока судопроизводства является Российская Федерация, соответственно представителем ответчика – Министерство финансов РФ. Важно отметить, что регрессное требование к органу (должностному лицу), по вине которого допущено нарушение, может быть предъявлено только в случае присуждения компенсации за нарушение права на исполнение судебного акта в разумный срок (п. 6 ст. 1 Закона N 68-ФЗ). Соответственно, правила регрессной ответственности к случаям присуждения компенсации за нарушение разумного срока судопроизводства неприменимы.

С учетом подсудности, определенной п. 3 ст. 3 Закона N 68-ФЗ, в системе арбитражных судов требо-

вания о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок рассматриваются федеральным арбитражным судом округа либо излагаются в заявлении о пересмотре судебного акта в порядке надзора.

По результатам исследования можно сделать вывод о том, что значение критерия разумного срока состоит в том, чтобы гарантировать вынесение судебного решения в течение определенного периода времени без задержек. Гарантия соблюдения разумных сроков судебного разбирательства включает стадии процесса, а также право на подачу иска и исполнение судебного решения. Действие гарантий не распространяется на судебные процедуры, связанные с административными правами и обязанностями, поскольку в рамках последнего не разрешается спор о гражданских правах и обязанностях. Право на обращение в суд с заявлением о присуждении компенсации имеет лицо, полагающее, что по делу с его участием нарушен разумный срок судопроизводства. При этом обязательно соблюдение двух условий: истечение трехлетнего срока с момента поступления иска в суд первой инстанции и наличие факта обращения с заявлением об ускорении рассмотрения дела к председателю суда.

Библиографический список

1. Глазкова М.Е. Компенсация за нарушение разумного срока в арбитражном процессе: цели внедрения и проблемы правоприменения // Адвокат. 2010. № 9. С. 34.
2. Грось Л.А. О Постановлении Пленумов Верховного и Высшего Арбитражного Судов Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Исполнительное право. 2012. N 1. С. 11 - 13.
3. Лесницкая Л.Ф. Некоторые вопросы, возникающие в судебной практике при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок // Комментарий судебной практики / Под ред. К.Б. Ярошенко. М.: Юридическая литература, 2012. Вып. 17. С. 195.
4. Юдкина И.А. Правовая природа компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок // Журнал российского права. 2012. N 5. С. 122.
5. Определение ВАС РФ от 27.02.2013 N ВАС-14565/11 по делу № А40-15872/11-120-100// СПС Консультант Плюс.
6. Решение ФАС Дальневосточного округа от 23.05.2011 N А24-17/2007// СПС Консультант Плюс.
7. Определение ФАС Центрального округа от 20 июля 2010 г. по делу N А68-3489/07-278/ГП-9-05 // СПС Консультант Плюс
8. Решение ФАС Центрального округа от 14.06.2012 по делу N А35-5398/06-С3// СПС Консультант Плюс

References

1. Glazkova M.E. Compensation for the violation of the right to a fair trial within a reasonable time in arbitration process: purposes of implementation and problems of enforcement //Advocaat. 2010 . №. 9. P. 34.
2. Gros L.A. About the Resolution of Plenums Supreme and the Highest Arbitration Vessels of the Russian Federation of December 23, 2010. "About some questions which have arisen by hearing of cases about award to compensation for violation of the right for legal proceedings in reasonable time or the rights for performance of the judicial act in reasonable time"/the Executive right. 2012 . N 1. P. 11 - 13.
3. Lesnitskaya L.F. Some questions arising in jurisprudence by hearing of cases about award to compensation for violation of the right for legal proceedings in reasonable time or the rights for performance of the judicial act in reasonable time//the Comment of jurisprudence / Under the editorship of K.B. Yaroshenko. M.: Legal literature, 2012. Vyp. 17 . P. 195.
4. Yudkina I.A. The legal nature of compensation for violation of the right for legal proceedings in reasonable time//the Magazine of Russian law. 2012 . N 5. Page 122.
5. Definition YOU the Russian Federation of 27.02.2013 N ВАС-14565/11 in the matter of № А40-15872/11-120-100//Union of Right Forces the Consultant Plus.
6. FAS decision of the Far East federal district of 23.05.2011 N А24-17/2007//Union of Right Forces Consultant Plus.
7. Definition of FAS of Central federal district of July 20, 2010 in the matter of N А68-3489/07-278/GP-9-05//Union of Right Forces the Consultant Plus
8. The FAS decision of Central federal district of 14.06.2012 in the matter of N А35-5398/06-С3//Union of Right Forces the Consultant Plus

УДК 342.56

UDC 342.56

В.А. ТЕЛЕГИНА

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры административного и муниципального права Орловского государственного университета
E-mail: tel -va61@mail.ru,

V.A. TELEGINA

Candidate of Law, Associate Professor, professor of the department Administrative and Municipal Law, Orel State University
E-mail: tel -va61@mail.ru

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЮСТИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

THEORETICAL AND PRACTICAL QUESTIONS OF DEVELOPING MAGISTRATE'S COURTS IN MODERN RUSSIA

В статье рассматриваются проблемы определения места мировых судей в судебной системе РФ, обеспечения деятельности мировой юстиции, анализируются различные теоретические, организационные и правовые вопросы. Приводятся мнения ученых и практиков о возможных путях решения этих вопросов. Делается вывод о необходимости изменения статуса мировых судей.

Ключевые слова: судебная реформа, мировые судьи, статус судей, организационно-правовые вопросы.

The present article is concerned with problems of determining the place of magistrates within the judiciary of Russia and ensuring activities of Russian magistrates' courts. It analyzes various theoretical, organizational and legal issues and also incorporates different researchers and experts' opinions about the ways to solve these issues. It is concluded that the status of Russian magistrates should be changed.

Keywords: judicial reform, magistrates, justice of the peace, status of judges, organizational and legal issues.

Проводимая в России судебная реформа осуществляется очень динамично. Только за последние годы приняты такие новые законы, как Федеральный конституционный закон «О судах общей юрисдикции», Федеральный закон «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», Федеральный закон «О дисциплинарном судебном присутствии», введена апелляционная инстанция в судах общей юрисдикции, образован Суд по интеллектуальным правам и др. В целях совершенствования судебной системы и укрепления ее единства в 2014 году предстоит принятие законопроекта об объединении судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Главная цель всех этих шагов – построение сильной, стройной, централизованной системы судебных органов, гарантирующей обеспечение конституционного права на эффективную судебную защиту прав и свобод граждан. С точки зрения этой концепции, определенной Президентом страны, значительный интерес представляют вопросы функционирования института мировых судей.

О необходимости его совершенствования было заявлено 19 декабря 2012 года на VIII Всероссийском съезде судей РФ. Однако выявленные и обозначенные на съезде проблемы пока остаются нерешенными. Более того, в настоящее время они только усугубляются и порождают целый ряд новых вопросов правового, организационного, финансового характера.

Законодательное закрепление в 1998 г. мировых су-

дей [4] в составе Судебной системы РФ и последующая их деятельность по рассмотрению дел общей юрисдикции способствовала приближению суда к населению, создала возможность мирного разрешения конфликта, значительно сократила нагрузку на судей районных судов и, как следствие, сделало правосудие для граждан более быстрым и доступным.

Мировые судьи, согласно положениям ФКЗ «О судебной системе РФ» входят в единую судебную систему РФ [1], являются носителями судебной власти, обладают единым статусом судей РФ [3]. Однако ч.2 ст.2 Закона «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» устанавливает, что полномочия, порядок деятельности мировых судей и порядок создания должностей мировых судей устанавливаются ФКЗ «О судебной системе РФ» и федеральными законами, а порядок назначения (избрания) мировых судей устанавливается также законами субъектов РФ [2], поэтому они считаются судьями субъектов РФ. Такое двойственное положение и возникающие в связи с этим трудности стали предметом научных исследований и обоснованной критики. Следует согласиться с С.Г. Павликовым, что в настоящее время мировые судьи «воспринимаются обществом и государством скорее не как судьи субъекта РФ, а как нижестоящее звено федеральной судебной системы, но их положение не обеспечивает возможность реализации ими своих специфических целей и задач в полном объеме»[11]. Практика не только подтверждает выводы ученых, но и выявляет новые проблемы. Остановимся на некоторых из них.

Во-первых, должность судьи федерального суда

включена в Сводный перечень государственных должностей Российской Федерации, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 11 января 1995 г. N 32 «О государственных должностях Российской Федерации» [6]. В связи с тем, что мировой судья отнесен к судам субъектов Российской Федерации, эта должность в перечень не включена. Однако в полной мере назвать судами субъекта можно лишь конституционные (уставные) суды субъекта РФ, которые образуются, финансируются и упраздняются самим субъектом РФ.

Между тем, должность мирового судьи учреждена для непосредственного исполнения полномочий Российской Федерации, а не для исполнения полномочий государственных органов субъектов РФ. Мировые судьи осуществляют правосудие именем Российской Федерации. Их материальное содержание производится из федерального бюджета. Следовательно, по своим полномочиям и предназначению должность мирового судьи должна быть отнесена к государственным должностям Российской Федерации.

Во-вторых, большой проблемой сегодня является то, что на федеральном уровне отсутствует правовая регламентация организационного обеспечения деятельности мировых судей, а ее регулирование органами власти субъектов РФ является противоречивым, разнообразным, что влечет определенный дисбаланс в функционировании мировой юстиции. Такое положение в корне противоречит понятию единства судебной системы РФ.

Так, в субъектах Российской Федерации установлены различные нормативы кадрового и материально-технического обеспечения мировых судей, по-разному решаются вопросы охраны судебных участков, обучения и повышения квалификации мировых судей, оплаты командировочных расходов и т.д. Часть российских регионов из-за финансовых трудностей до сих пор не смогли в полном объеме обеспечить мировых судей штатом помощников, организовать работу по повышению квалификации. По тем же причинам отсутствует охрана помещений судебного участка после 18 ч. Если принять во внимание, что рабочий день мировых судей фактически заканчивается значительно позже, становится понятным, что отсутствие охраны является отсутствием одного из условий осуществления гарантий независимости и неприкосновенности судей.

В-третьих, несмотря на определение мировых судей как судей субъектов Российской Федерации, они обладают единым статусом судей РФ, на них распространяются все гарантии независимости, неприкосновенности, несменяемости, материального обеспечения и социальной защиты, установленные Федеральным законом «О статусе судей в РФ». Однако реализация этих гарантий существенно затруднена.

Например, в связи с тем, что мировые судьи отнесены к судам субъектов РФ, вопрос обеспечения их жилыми помещениями на законодательном уровне вообще не урегулирован. Двойственная природа положения мировых судей порождает неоднозначное толкование

термина «социальные выплаты». В частности, на федеральном уровне считают, что в эти выплаты не входят расходы на обеспечение мировых судей жильем, поскольку эти расходы социальными выплатами не являются и на эти выплаты федеральный бюджет никаких средств не выделяет. На уровне субъекта Федерации, напротив, полагают, что расходы на обеспечение мировых судей жильем должны включаться в понятие «социальные выплаты», и также не выделяют на эти цели никаких средств. Таким образом, до сих пор не определен уровень бюджетной системы Российской Федерации, ответственной за обеспечение этих расходных обязательств, поэтому денежные средства на обеспечение жильем мировых судей ни федеральным бюджетом, ни бюджетом субъекта вообще не предусматриваются. Между тем, это одна из важнейших социальных гарантий, установленных законом.

В-четвертых, по-прежнему остаются проблемы размещения судебных участков мировых судей, обеспечения их оргтехники и мебелью. Зачастую мировые судьи осуществляют правосудие в помещениях районных судов либо они размещаются субъектом на отдаленных от участка территориях. Это затрудняет возможность быстрого и доступного обращения граждан, проживающих на судебном участке, к мировому судье, что противоречит самой цели создания мировой юстиции.

Кроме того, в настоящее время законодательством субъектов Российской Федерации норматив обеспеченности мировых судей штатной численностью аппаратов, достаточной для осуществления правосудия, определен также по-разному. Вопросы прохождения государственной гражданской службы в аппарате мирового судьи решаются органами исполнительной власти самостоятельно, без участия мирового судьи. Такое положение приводит к ущемлению статуса мирового судьи как носителя судебной власти и неэффективному управлению его аппаратом.

Таким образом, обладая единым статусом судей РФ, мировые судьи осуществляют свои полномочия в совершенно разных условиях, полностью зависят от экономического состояния субъекта, а часть установленных законом гарантий независимости фактически не может осуществляться.

Особо следует отметить необходимость исследования вопроса о совершенствовании института мировых судей с точки зрения развития правовой государственности. На сегодняшний день в компетенцию органов исполнительной власти субъекта входит установление структуры и штатного расписания аппарата мирового судьи, финансирование материально-технического оснащения мировых судей, секретари и помощники мировых судей являются сотрудниками исполнительной власти субъекта. Между тем сами мировые судьи не имеют никаких рычагов влияния на институты исполнительной власти, соответственно они не участвуют в реализации принципа разделения властей и системы сдержек и противовесов. При этом субъекты хотят сохранить свои полномочия по назначению мировых судей, но не могут и не хотят выполнять свои обязатель-

ства по обеспечению их деятельности. В результате, существующий дисбаланс в механизме сдержек и противовесов в субъекте по отношению к мировым судьям на основе действующего законодательства устранить не представляется возможным.

В настоящее время ряд ученых высказывает мнение о необходимости сужения судебного федерализма и о перераспределении полномочий от регионов к центру [13]. Обсуждаются три основных варианта решения вопроса об организационном обеспечении деятельности мировых судей: 1) передача обеспечения деятельности мировых судей на федеральный уровень в полном объеме; 2) передача материально-технического обеспечения деятельности мировых судей на федеральный уровень; 3) передача полномочий по организационному обеспечению мировых судей Судебному департаменту при Верховном Суде Российской Федерации с упразднением соответствующих органов (служб) в органах государственной власти субъектов Российской Федерации [7, с. 4,5].

С учетом вышеизложенного, представляется более обоснованным предложение о передаче всех вопросов деятельности мировых судей на федеральный уровень. Президентом РФ еще в 2008 году было дано Поручение о подготовке заключения о возможности передачи на федеральный уровень вопросов деятельности мировых судей, что позволило бы завершить формирование стройной вертикали судебной власти [5]. С тех пор вопрос о передаче на федеральный уровень обеспечения деятельности мировых судей неоднократно становился предметом рассмотрения Правительства и Минфина РФ. Однако каждый раз принималось решение о переносе рассмотрения на более поздний срок. Причем мотивацией переноса служила передача на федеральный уровень финансирования полиции общественной безопасности с одновременным существенном повышением денежного довольствия сотрудников органов внутренних дел, то есть органов исполнительной власти [10]. Несмотря на то, что уже дважды утверждались новые бюджеты, вопрос о мировых судьях так и не был рассмотрен. К сожалению, фактов, когда исполнительная власть игнорирует решение вопросов, касающихся функционирования судебной власти, достаточно много.

Вместе с тем, необходимо сказать, что существуют совершенно противоположные мнения о путях развития института мировых судей. Так, М.И.Клеандров считает, что мировая юстиция должна стать автономной, необходимо создавать мировой суд с аппаратом, а судей обязательно избирать населением участков. Так, как это было исторически определено судебной реформой 1864г. По его мнению, последнее законодательное закрепление полномочий по перераспределению нагрузки на мировых судей за председателями районных судов привело к зависимости мирового судьи и определенной потерей связи с населением участка, а существующее положение мировых судей противоречит самому пониманию мировой юстиции [8, с. 49-53]. Он также считает, что мировые судьи после объединения судов общей юрисдикции и арбитражных судов могут

рассматривать мелкие экономические споры между малыми предприятиями и индивидуальными предпринимателями без образования юридического лица, фермерами [9, с. 52-60]. Однако следует учитывать, что мы живем в совершенно иных экономических и политических реалиях, при ином государственном устройстве, которые диктуют свои объективные условия построения судебной системы. А предлагаемое расширение компетенции неизбежно повлечет за собой увеличение штатов, еще острее встанет вопрос о размещении, техническом и информационном обеспечении и т.д., а все наболевшие вопросы так и останутся нерешенными.

Таким образом, на сегодняшний день никто не отрицает необходимость совершенствования института мировых судей. Но столь разные подходы свидетельствуют о том, что пути пока четко не определены, нет правовой модели, позволяющей решить существующие проблемы. И все-таки, анализируя вышеназванные проблемы, можно сделать вывод о том, что субъекты РФ не в состоянии обеспечить единообразное, полностью соответствующее законодательству функционирование мировой юстиции.

Не следует забывать, что мировых судей сейчас принято считать первым звеном подсистемы судов общей юрисдикции, они создаются в обязательном порядке в соответствии с Федеральным законом, отправляют правосудие от имени Российской Федерации. Говоря об обеспечении единства судебной системы в современных условиях с учетом новой концепции построения судебной системы, Н.А.Петухов также определяет мировых судей в качестве первого звена вертикали судов общей юрисдикции [12, с. 49]. Представляется, что эта вертикаль будет стройной и завершенной при условии, что все звенья системы судов общей юрисдикции будут иметь статус федеральных судов, в том числе и мировые судьи.

Безусловно, это потребует изменения целого ряда законодательных актов, затрагивающих статус, положение и организацию деятельности мировых судей, выделения дополнительных средств на финансирование. Но это позволит избежать отдельных, часто несогласованных попыток решить проблемы, не устраняя их причину, что всегда влечет за собой неоправданные финансовые потери.

Отнесение мировых судей к федеральным судам, а должности мирового судьи к государственной должности Российской Федерации повлечет за собой необходимость изменения и процедуры назначения мировых судей на должность. Мировые судьи будут не только назначаться Президентом РФ, но предельный срок пребывания в должности, мирового судьи будет аналогичным судьям федеральных судов. Такое положение будет полностью соответствовать конституционным принципам независимости, несменяемости и единству статуса судей.

Сегодня очень остро встает вопрос об изменении процедуры определения количества и границ судебных участков мировых судей. Это обусловлено тем, что в крупных городах идет масштабное строительство.

Границы судебных районов очень быстро расширяются, увеличивается количество населения и постоянно возникает вопрос о создании дополнительных участков. Подобные вопросы должны решаться очень оперативно, без внесения изменений в федеральный закон. Именно поэтому границы судебных участков, на которых осуществляют свою деятельность мировые судьи, должны устанавливаться начальником управления Судебного департамента в соответствующем субъекте по согласованию с председателем суда субъекта.

В случае изменения статуса мировых судей с судей субъекта на федеральных судей финансовое, материально-техническое, кадровое и информационное обеспечение деятельности мировых судей должно будет осуществляться за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета управлением Судебного департамента в соответствующем субъекте, что приведет к полному урегулированию данного вопроса.

Профессиональная подготовка и повышения квалификации мировых судей будут осуществляться также за счет средств федерального бюджета. Это позволит принципиально улучшить качество подготовки и переподготовки мировых судей во всех субъектах, независимо от возможностей и желания субъекта РФ.

Если мировые судьи будут федеральными – руко-

водство деятельностью аппарата мирового судьи будет осуществлять сам мировой судья. Структура, численность работников и штатное расписание аппарата мирового судьи будет определяться Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации.

Работники аппарата мирового судьи будут являться федеральными государственными гражданскими служащими и замещать должности федеральной государственной гражданской службы. Тем самым устранится дисбаланс властных полномочий органов государственной власти в субъекте РФ.

Представляется, что дальнейшее научное и практическое осмысление развития мировой юстиции должно идти в первую очередь с точки зрения конституционно-правовых основ государства, а затем прорабатываться в экономической и организационной плоскости. В соответствии с этим предложенные пути развития мировой юстиции позволят достичь установления единого порядка обеспечения функционирования мировой юстиции на всей территории Российской Федерации, укрепления положения мировых судей как носителей судебной власти и формирования стройной централизованной вертикали судов общей юрисдикции, что будет способствовать дальнейшему развитию и укреплению современной Российской государственности.

Библиографический список

1. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996г «О Судебной системе РФ» // СЗ РФ 1997. №1. Ст.1.
2. Федеральный конституционный закон от 7 февраля «О судах общей юрисдикции» // СЗ РФ. 2011. №7. Ст.898.
3. Федеральный закон от 26 июня 1992г. «О статусе судей в РФ» // Ведомости СНД РФ и ВС. 1992. №30, Ст.1792.
4. Федеральный закон от 11 ноября 1998г. «О мировых судьях в РФ» // СЗ РФ.1998. №51. Ст.6270.
5. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 05.11.2008 // Российская газета. 06.11.2008. N 230.
6. Указ Президента Российской Федерации от 11 января 1995 г. N 32 «О государственных должностях Российской Федерации» // Российская газета. 17.01.1995. N 11 - 12.
7. *Дорошков В.* 10-летний юбилей института мировых судей в России и перспективы его дальнейшего развития // Мировой судья. 2009. N1. С.4 - 5.
8. *Клеандров М.И.* О необходимости радикальной модернизации мировой юстиции Российской Федерации // Судья. 2013. №6. С.49-53.
9. *Клеандров М.И.* Объединение Верховного и Высшего Арбитражного Судов Российской Федерации и конфигурация судейского сообщества // Журнал российского права. 2013. №9. С.52-60.
10. Ответ Министерства финансов Аппарату Правительства РФ от 14. 09. 2011 г., ответ Аппарата Правительства РФ Судебному департаменту при Верховном Суде РФ от 29. 07. 2011 г., Обращение Судебного департамента Председателю Правительства РФ от 05.12.2011.
11. *Павликов С.Г.* Системы судов субъектов федеративного государства // Юркомпани. 2012; СПС «Гарант».
12. *Петухов Н.А., Мамыкин А.С.* Обеспечение единства судебной системы Российской Федерации // Российское правосудие №12. 2013. С.49.
13. *Терехин В.А.* К вопросу о возможности передачи мировой юстиции на федеральный уровень // Российская юстиция. 2009. №2. С.14.

References

1. Federal Constitutional Law of 31 December 1996 “On the Judicial System of the Russian Federation “ // NW 1997. Number 1. Article 1.
2. Federal Constitutional Law on February 7 “On Courts of general jurisdiction” // NW RF.2011. Number 7. St.898.
3. Federal Law of 26 June 1992. “On the Status of Judges in the Russian Federation” // Sheets SND RF and Sun 1992. Number 30, St.1792.
4. Federal Law of 11 November 1998. “On Magistrates in Russia” // NW RF.1998 . Number 51. St.6270.
5. Message from the President of the Russian Federation Federal Assembly on 05.11.2008 // Rossiyskaya Gazeta. 06.11.2008 . N 230.
6. Presidential Decree of January 11, 1995 N 32 “On the public positions of the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta. 17.01.1995. N11 - 12.
7. *Doroshkov W.* 10th anniversary of justices of the peace in Russia and its future prospects / / Magistrate. 2009 . N1. C.4 - 5.
8. *Kleandrov M.I.* On the need for a radical modernization of the World Justice of the Russian Federation // Judge. 2013. Number 6. P. 49 -53.

9. Kleandrov M.I. Combining the Supreme Court and the Supreme Arbitration Courts of the Russian Federation and the configuration of the judiciary // Journal of Russian law. 2013. Number 9. P. 52-60.
10. Response of the Ministry of Finance of the RF Government of 14.09.2011, the response of the RF Government Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation 29. 07. 2011, Title of the Judicial Department of the Prime Minister of the Russian Federation 05.12.2011.
11. Pavlikov S.G. Court system entities federal State // Yurkompani . 2012; SPS "Garant".
12. Petukhov N.A., Mamykin A.S. Ensuring the unity of the judicial system of the Russian Federation // Russian Justice number 12. 2013. C.49.
13. Terehin V.A. On the possibility of transmission of global justice at the federal level // the Russian justice. 2009. Number 2. C.14.

УДК 343.131.55

UDC 343.131.55

О.В. ФЕДОТОВА

O.V. FEDOTOVA

адъюнкт кафедры конституционного и муниципально-
го права Московского университета МВД РФ

graduat in a military academy of department of the
cjinstitutionl and municipal law, Moscow university MVD RF

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ КАК ГАРАНТИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

THE MAIN ASPECTS OF JUDICIAL PROTECTION AS A GUARANTEE OF RIGHTS AND FREEDOMS OF MAN AND CITIZEN

В статье рассматривается сущность судебной защиты как формы осуществления гарантий прав и свобод человека и гражданина, анализируются понятия «права человека и гражданина», «правосудие», «судебная власть».

Ключевые слова: судебная защита, права человека и гражданина, гарантии прав человека и гражданина, правосудие, судебная власть.

The article describes the essence of judicial protection as a form of guarantees of the rights and freedoms of man and citizen, and analyzes the concept of human rights and the citizen», «justice», «the judicial power».

Keywords: judicial protection, the rights and freedoms of man and citizen, guarantees of the rights and freedoms of man and citizen, justice, the judicial power.

Российская Федерация – правовое государство, определившее права и свободы человека и гражданина на высшую ступень иерархии ценностей, признаваемых государством и, соответственно, обществом. Именно такое политико-правовое понимание бытности и развития современного Российского государства установила действующая Конституция, принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. За несколькими словами, приведенными нами из действующего Основного Закона, содержится та парадигма правопонимания, руководствоваться которой должна государственная власть, с одной стороны, и каждый гражданин (человек), находящийся в правовой связи с Россией, с другой стороны.¹

В настоящее время большое внимание уделяется защите прав и свобод человека и гражданина, поэтому рассмотрение сущности и проблем судебной защиты как формы гарантии прав и свобод человека и гражданина является актуальной на современном этапе разви-

тия российского общества.

При исследовании судебной власти России как гаранта прав и свобод человека и гражданина принципиальное значение имеют научные труды Е.Б. Абросимовой, Н.Г. Александрова, С.С. Алексеева, В.К. Бабаева, А.Д. Бойкова, А.Б. Венгерова, Н.В. Витрука, В.И. Власова, Л.А. Воскобитовой, В.В. Ершова, А.Ф. Извариной, В.М. Карташова, М.А. Краснова, О.Е. Кутафина, В.А. Лазаревой, В.В. Лазарева, Т.Г. Морщаковой, М.Н. Марченко, Н.И. Матузова, Р.Х. Макуева, М.А. Оганесяна, С.А. Пашина, И.Л. Петрухина, Н.А. Придворова, Ю.И. Стецовского, В.М. Савицкого, Р.О. Халфиной, Г.Г. Черемных.

Многие ученые, исследующие механизм защиты прав и свобод, раскрывая лишь его структуру, т.е. внутреннее устройство системы, не анализируя процесс осуществления такой деятельности, само действие в таком случае лишь подразумевается.²

¹ Шмелев А.Н. Суд присяжных как гарантия защиты прав и свобод человека и гражданина в России // Мировой судья. 2012. N 5. С. 2 - 6.

² Еремеева Е.А. Механизм защиты прав и свобод человека и гражданина: понятие, структура, непосредственное действие // Конституционное и муниципальное право. 2011. N 2. С. 2.

Так, О.А. Снежко считает, что конституционный механизм защиты прав и свобод представляет собой определенную систему органов, средств, закрепленных в Конституции Российской Федерации, обеспечивающих наиболее полную и эффективную защиту прав и свобод человека и гражданина. По его мнению, конституционный механизм состоит из двух элементов: системы государственных органов, с помощью которых каждый может защитить свои права и свободы, и средств защиты (судебных, административных, гражданско-правовых, уголовно-правовых и других).³

Б.Л. Железнов в механизме государственной защиты прав и свобод человека и гражданина выделяет:

1. соответствующие нормы конституционного, административного, уголовного, гражданского, трудового, семейного, экологического и других отраслей права. При этом нормы других отраслей права, во-первых, вытекают из норм конституционного права, а во-вторых, сами нормы конституционного права, закрепляющие статус человека и гражданина, реализуются через нормы других правовых отраслей;

2. регулируемые нормами права общественные отношения в сфере государственной защиты прав и свобод. Эти отношения существуют практически во всех сферах жизни общества. Они складываются между индивидом, общественными объединениями, национальными и прочими социальными структурами, с одной стороны, и государством – с другой;

3. гарантии прав человека и гражданина.⁴

А.С. Мордовец предлагает различать механизм обеспечения прав и свобод человека и гражданина в широком и узкопрофессиональном толковании. Названный механизм в широком смысле должен быть представлен в виде четырех основных блоков. Первый блок базовый, его ядро составляет человек как высшая ценность демократии. Второй блок – это принципы прав человека: гуманизм, справедливость, равенство, свобода, личная неприкосновенность, прямое действие Конституции и другие. Третий блок – социальные институты и нормативные установления, через которые жизнеутверждающие ценности и принципы прав человека получают непосредственное обоснование, закрепление и осуществление. Четвертый блок – процедурно-контрольный организационно-процессуально упорядочивает отношения в сфере прав человека, создает наиболее благоприятные условия для реализации гражданам прав и свобод, укрепления законности, общественной и личной безопасности. В узкопрофессиональном толковании под механизмом охраны и защиты прав и свобод можно понимать гарантии.⁵

Таким образом, под механизмом защиты прав и свобод человека и гражданина следует понимать систе-

му определенных средств и способов защиты, с помощью которых субъекты правозащитной деятельности осуществляют защиту нарушенных прав и свобод, находясь в определенной жизненной ситуации.⁶

К сожалению, роль и место судебной власти в обеспечении прав и свобод человека и гражданина системному исследованию практически не подвергались, за исключением диссертационного исследования Гавриковой Г.Н. на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Судебная власть России в обеспечении прав и свобод человека и гражданина».

Таким образом, проблема подробного рассмотрения сущности судебной защиты как формы гарантии прав и свобод человека и гражданина является насущной и актуальной.

Личные права человека и гражданина – это те права, которыми он наделен от рождения, и государство обязано воздержаться от вмешательства в сферу личной свободы, так как личная свобода защищает автономию индивидуума и не дает государству вторгнуться в сферу индивидуальной свободы. Эти права провозглашены в первых 18 статьях Всеобщей декларации прав человека.⁷ Одним из основных прав является право на справедливое судебное разбирательство. Это право включает в себя ряд процессуальных гарантий, необходимых для защиты прав человека. К ним относят: презумпцию невиновности, право на защиту, право на равенство перед судом, право на публичное и справедливое разбирательство дела беспристрастным и независимым судом, наказание исключительно на основании закона, запрет ретроактивного применения уголовного законодательства, принцип соразмерности преступления и наказания, право не подвергаться уголовному наказанию дважды за одно и то же преступление.

Согласно положениям ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы». Это означает, что любые международно-правовые обязательства Российской Федерации становятся частью ее правовой системы и, соответственно, подлежат непосредственному применению. Следовательно, с момента ратификации Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод она стала составной частью правовой системы Российской Федерации и, соответственно, ее положения могут непосредственно применяться самими различными органами власти, в том числе и судами.⁸

Российская Федерация ратифицировала Европей-

6 Еремеева Е.А. Механизм защиты прав и свобод человека и гражданина: понятие, структура, непосредственное действие // Конституционное и муниципальное право. 2011. N 2. С. 4.

7 Рекомендованный для всех стран-членов ООН документ, принятый на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) («Международный пакт о правах человека») от 10 декабря 1948 года.

8 Курпас М.В. О радикальных изменениях надзорного судопроизводства, направленных на повышение эффективности судебной защиты прав и свобод человека и гражданина // Налоги. 2011. N 3. С. 20

3 Снежко О.А. Конституционные основы государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в РФ: Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 74 - 75.

4 Железнов Б.Л. Механизм государственной защиты основных прав и свобод // Ученые записки. Т. 138. Юридические науки. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2000. С. 28.

5 Мордовец А.С. Общая теория государства и права. Академический курс: В 2 т. / Отв. ред. проф. М.Н. Марченко. Том 1: Теория государства. М.: Зерцало, 2000. С. 282.

скую конвенцию «О защите прав человека и основных свобод» от 4 ноября 1950 года, признав в качестве источника отечественного права решения Европейского Суда по правам человека. Данная ратификация обязывает российскую судебную систему все коллизии права решать, провозглашая приоритет прав человека.

Согласно данной Конвенции в целях обеспечения единообразного применения судами общей юрисдикции Конвенции и ратифицированных Российской Федерацией Протоколов к ней Пленум Верховного Суда Российской Федерации, руководствуясь статьей 126 Конституции Российской Федерации, статьями 9 и 14 Федерального конституционного закона от 7 февраля 2011 года N 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», постановляет дать судам следующие разъяснения.

1. Конвенция и Протоколы к ней являются международными договорами Российской Федерации, и при их применении судам общей юрисдикции (далее – суды) необходимо учитывать разъяснения, содержащиеся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 года N 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», а также в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 года N 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

2. Как следует из положений статьи 46 Конвенции, статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1998 года N 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», правовые позиции Европейского Суда по правам человека, которые содержатся в окончательных постановлениях Суда, принятых в отношении Российской Федерации, являются обязательными для судов.

С целью эффективной защиты прав и свобод человека судами учитываются правовые позиции Европейского Суда, изложенные в ставших окончательными постановлениях, которые приняты в отношении других государств-участников Конвенции. При этом правовая позиция учитывается судом, если обстоятельства рассматриваемого им дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов Европейского Суда.

3. Правовые позиции Европейского Суда учитываются при применении законодательства Российской Федерации. В частности, содержание прав и свобод, предусмотренных законодательством Российской Федерации, должно определяться с учетом содержания аналогичных прав и свобод, раскрываемого Европейским Судом при применении Конвенции и Протоколов к ней.

Обратить внимание судов на то, что законодательство Российской Федерации может предусматривать более высокий уровень защиты прав и свобод человека в сравнении со стандартами, гарантируемыми Конвенцией и Протоколами к ней в толковании Суда.

В таких случаях судам, руководствуясь статьей 53 Конвенции, необходимо применять положения, содержащиеся в законодательстве Российской Федерации.

4. Во избежание нарушения прав и свобод человека, в том числе необоснованного их ограничения, правовые позиции Европейского Суда учитываются при применении не только Конвенции и Протоколов к ней, но и иных международных договоров Российской Федерации (подпункт «с» пункта 3 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года.⁹

В ч. 3 ст. 46 Конституции Российской Федерации закреплено право каждого на обращение за защитой в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека. Данная конституционная норма является специальной, дополнительной гарантией судебной защиты прав и свобод и возлагает на Российскую Федерацию обязанность по исполнению решений межгосударственных органов, в данном случае – постановлений Европейского суда по правам человека, по восстановлению нарушенных прав и свобод и принятию мер по ликвидации условий и причин, повлекших нарушение Конвенции.¹⁰

Рассмотрение Европейским судом российских жалоб, по существу, выявило некоторые проблемы российского правосудия, одной из которых является проблема надзорного судопроизводства. Следует отметить, что российским законодателем предпринимаются последовательные меры, направленные на совершенствование надзорного производства в Российской Федерации.

Конституция Российской Федерации провозгласила человека, а также его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства. В соответствии с Конституцией РФ¹¹ наиважнейшим признаком судебной защиты является ее осуществление в процессуальной форме, в соответствии с предварительно определенной процедурой, гарантирующей справедливость судебного разбирательства.

Содержание конституционной обязанности государства соблюдать права и свободы человека и гражданина проецируется на многие положения Основного Закона. Особенно важное значение в данном контексте имеют ч. ч. 1 и 2 ст. 55 Конституции.

Основные права и свободы, закрепленные в Конституции, налагают на государство обязанность, выражающуюся в законодательной, управленческой и судебной деятельности, направленной на содействие в практическом осуществлении гражданином принадлежащих ему прав и свобод.

9 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами общей юрисдикции Конвенции О защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и протоколов к ней» от 27 июня 2013 г. N 21 // «Российская газета», N 145, 05.07.2013.

10 Курпас М.В. О радикальных изменениях надзорного судопроизводства, направленных на повышение эффективности судебной защиты прав и свобод человека и гражданина // Налоги. 2011. N 3. С. 22.

11 Конституция Российской Федерации, принята 12.12.1993 г., с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 г. N 6-ФКЗ и от 30.12.2008 г. N 7-ФКЗ.

Генеральное формальное нормативное правило статьи 2 Конституции РФ определяет, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина как основная обязанность государства» выступает исходным постулатом при исследовании комплекса нормативных проблем, связанных с реализацией, конституционных гарантий прав человека в современном российском обществе.

В Российской Федерации гарантируются права и свободы человека и гражданина в соответствии с общепринятыми принципами и нормами международного права, а также в соответствии с ч. 1 ст. 17 Конституции РФ.

Основной гарантией прав и свобод личности является их обеспечение правосудием. Гарантии судебной защиты прав и свобод содержатся в статьях 46-50 Конституции РФ. Статья 118 Конституции Российской Федерации включает главное для судебной власти правовое положение о том, что правосудие в Российской Федерации осуществляется исключительно судом. Нормы Главы 7 Конституции РФ, закрепляющие принципы правосудия, обеспечивают эффективную защиту прав и свобод человека и гражданина в судебном порядке.

Государственная защита прав и свобод человека и гражданина означает, что Российская Федерация, как правовое государство, возлагает на себя обязательство гаранта жизненных ценностей личности, детерминированных в ее субъективных правах и личных свободах. Для осуществления данной публично-правовой обязанности Российская Федерация располагает системой в виде законодательной базы и правоохранительных и судебных органов.

Судебная власть является самостоятельной ветвью государственной власти, действующей согласно базису правовых принципов, определенных конституцией и законами, в строго детерминированной процессуальной форме. Деятельность органов судов осуществляется в пределах их компетенции и в целях обеспечения прав и свобод человека и гражданина.

Судебная власть, равно как и любая другая власть, представляет собой определенную систему в форме совокупности составляющих элементов: государственных органов и организаций и общественных отношений в сфере осуществления судебной власти, а также правовых норм, регулирующих общественные отношения.

Главное содержание судебной власти составляет осуществление правосудия. О правосудии сказано в Конституции РФ неоднократно и в связи с разными правовыми ситуациями. Например, статья 32 Конституции РФ устанавливает право граждан Российской Федерации «участвовать в отправлении правосудия»; статья 50 запрещает, при осуществлении правосудия, использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона; статья 52, посвященная охране прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью, гласит: «Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба».

В юридической науке судебную защиту рассматривают как институт конституционного права, а также как государственную функцию и общественное отношение. Иная трактовка судебной защиты отождествляет ее с правосудием или в форме гарантии доступа к нему. Таким образом, судебная защита прав и свобод человека и гражданина является эффективным средством компенсации и восстановления нарушенных прав. Кроме того, право человека и гражданина на судебную защиту является унитарным понятием, имеющим две составляющих: право на восстановление нарушенных прав, право на возмещение ущерба, или иначе – право на удовлетворение материального требования; право на обращение в судебные органы, т.е. право на судебное разбирательство заявленного требования.¹²

Таким образом, статья 118 Конституции РФ содержит важнейшее для судебной власти правовое установление: «Правосудие в Российской Федерации осуществляется только судом», что обосновывает нормативно-смысловое содержание правосудия, согласно которому под этим термином понимается деятельность, осуществляемая специальными государственными органами в формате рассмотрения гражданских, уголовных и других дел в установленном соответствующим законом порядке.

В соответствии со ст. 18 Конституции Российской Федерации права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. Учитывая это конституционное положение, а также положение ч. 1 ст. 46 Конституции Российской Федерации, гарантирующей каждому право на судебную защиту его прав и свобод, суды обязаны обеспечить надлежащую защиту прав и свобод человека и гражданина путем своевременного и правильного рассмотрения дел. Согласно ч. 1 ст. 15 Конституции Российской Федерации Конституция имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. В соответствии с этим конституционным положением судам при рассмотрении дел следует оценивать содержание закона или иного нормативного правового акта, регулирующего рассматриваемые судом правоотношения, и во всех необходимых случаях применять Конституцию Российской Федерации в качестве акта прямого действия.¹³

Одним из основных гарантов соблюдения прав и свобод человека и гражданина в объеме судебной системы России является Конституционный Суд. В соответствии со статьей 3 Федерального Конституционного Закона «О Конституционном Суде Российской

12 Лазарева В. А. Теоретические и правовые основы судебной защиты прав и свобод личности // Юриспруденция 2000 год, (1). С. 23.

13 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» от 31 октября 1995 г. N 8, в редакции Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.04.2013 N 9 // «Российская газета», N 247, 28.12.1995.

Федерации»¹⁴ основными целями конституционного судопроизводства являются защита основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечение верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории государства.

Конституция Российской Федерации (ст. 125, ч. 4) и конкретизирующий ее положения Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» гарантируют каждому человеку возможность обратиться в Конституционный Суд РФ (конституционная жалоба) с утверждением о нарушении его основных прав или других защищаемых законом интересов.¹⁵

Статья 4 Федерального Конституционного Закона «О судебной системе Российской Федерации»¹⁶ определяет, что правосудие в России «осуществляется путем:

1. рассмотрения и разрешения в судебных заседаниях гражданских дел по спорам, затрагивающим права и интересы граждан, государственных предприятий, учреждений, организаций, колхозов, иных кооперативных организаций, их объединений, других общественных организаций;

2. рассмотрения в судебных заседаниях уголовных дел и применения установленных законом мер наказания к лицам, виновным в совершении преступления, либо оправдания невиновных».

Базисом деятельности судебной власти по обеспечению гарантий прав и свобод человека и гражданина являются принципы, отражающие ее правовую основу и реализующиеся в форме самостоятельной ветви власти, закрепленные в конституционных и нормативно-законодательных актах.

Вся деятельность судебной системы РФ нацелена на защиту основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечение верховенства и прямого действия Конституции РФ на всей территории Российской Федерации. Данные цели достигаются посредством принятия определенных актов, их реализации и внедрения в жизнь.

Вышеопределенными принципами деятельности

14 Федеральный Конституционный Закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 года N 1-ФКЗ, в редакции Федерального Конституционного Закона от 05.04.2013 N 1-ФКЗ.

15 Корнюшенков Г.В. Допустимость обращений граждан в конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации «Российский судья», 2004, N 11.

16 Федеральный Конституционный Закон «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 года N 1-ФКЗ, в редакции Федерального конституционного закона от 25.12.2012 N 5-ФКЗ.

судебной власти Российской Федерации по обеспечению гарантии прав и свобод человека и гражданина являются: независимость судебной власти; самостоятельность судебной власти; верховенство и прямое действие Конституции Российской Федерации; законность априори. Эти принципы являются проводниками юридической сущности, имеют правовые особенности, среди которых можно выделить следующие: самостоятельный статус судебной власти, влияние на обеспечение прав и свобод человека и гражданина. Каждый из вышеуказанных принципов характеризует судебную власть, отражает ее стороны, но все принципы направлены на то, чтобы судебная власть, организуясь могла выполнить свое главное предназначение по обеспечению права и свобод человека и гражданина в качестве гаранта достижения названной цели.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что гарантией прав человека в Российской Федерации является совокупность социально-экономических, политических, юридических, нравственных, условий, средств и способов, создающих равные возможности личности и гражданина для осуществления своих прав и свобод.

Конституция РФ закрепила гарантии судебной защиты прав и свобод человека и гражданина. Статья 46 Основного Закона предусматривает, что решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд. При этом Конституция гарантирует также каждому право на получение квалифицированной юридической помощи, которая в случаях, предусмотренных законом, оказывается бесплатно (ст.48).

Среди средств государственной защиты судебная защита занимает особое место, поскольку осуществляется самостоятельным и независимым в системе государственной власти органом правосудия, специально предназначенным для обеспечения своей деятельностью прав и свобод человека и гражданина. Конституционный Суд РФ при характеристике права на судебную защиту рассматривает его как одно из основных неотчуждаемых прав человека и одновременно гарантию и средство обеспечения всех других прав и свобод, например, Постановление КС РФ от 11 мая 2005 г. N 5-П Оно гарантируется каждому, т.е. правом на судебную защиту могут воспользоваться российские граждане и их объединения, иностранные физические и юридические лица, а также лица без гражданства.

Библиографический список

1. «Международный пакт о правах человека» от 10 декабря 1948 года
2. Конституция Российской Федерации, принята 12.12.1993 г., с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 г. N 6-ФКЗ и от 30.12.2008 г. N 7-ФКЗ
3. Федеральный Конституционный Закон «О судебной системе Российской Федерации» от 31 декабря 1996 года N 1-ФКЗ, в редакции Федерального конституционного закона от 25.12.2012 N 5-ФКЗ
4. Федеральный Конституционный Закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 года N 1-ФКЗ, в редакции Федерального Конституционного Закона от 05.04.2013 N 1-ФКЗ
5. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении судами общей юрисдикции

Конвенции О защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и протоколов к ней» от 27 июня 2013 г. N 21

6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» от 31 октября 1995 г. N 8, в редакции Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.04.2013 N 9

7. *Еремеева Е.А.* Механизм защиты прав и свобод человека и гражданина: понятие, структура, непосредственное действие // Конституционное и муниципальное право. 2011. N 2.

8. *Железнов Б.Л.* Механизм государственной защиты основных прав и свобод // Ученые записки. Т. 138. Юридические науки. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2000.

9. *Корнюшенков Г.В.* Допустимость обращений граждан в конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации «Российский судья», 2004, N 11

10. *Курпас М.В.* О радикальных изменениях надзорного судопроизводства, направленных на повышение эффективности судебной защиты прав и свобод человека и гражданина // Налоги. 2011. N 3.

11. *Лазарева В. А.* Теоретические и правовые основы судебной защиты прав и свобод личности // Юриспруденция 2000 год, (1).

12. *Мордовец А.С.* Общая теория государства и права. Академический курс: В 2 т. / Отв. ред. проф. М.Н. Марченко. Том 1: Теория государства. М.: Зерцало, 2000.

13. *Снежко О.А.* Конституционные основы государственной защиты прав и свобод человека и гражданина в РФ: Дис. канд. юрид. наук. Саратов, 1999.

14. *Шмелев А.Н.* Суд присяжных как гарантия защиты прав и свобод человека и гражданина в России // Мировой судья. 2012. N 5.

References

1. «The international pact about human rights» of December 10, 1948

2. The constitution of the Russian Federation, is adopted 12.12.1993, taking into account the amendments made by Laws of the Russian Federation about amendments to the Constitution of the Russian Federation from 30.12.2008 of N 6-FKZ and from 30.12.2008 N 7-FKZ

3. The federal Constitutional Law «About Judicial System of the Russian Federation» of December 31, 1996 N 1-FKZ, in edition of the Federal constitutional law of 25.12.2012 N 5-FKZ

4. The federal Constitutional Law «About the Constitutional Court of the Russian Federation» of July 21, 1994 N 1-FKZ, in edition of the Federal Constitutional Law of 05.04.2013 N 1-FKZ

5. The resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «About application by courts of law of the Convention On protection of human rights and fundamental freedoms of November 4, 1950 and protocols to it» of June 27, 2013 N 21

6. The resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «About some questions of application by vessels of the Constitution of the Russian Federation at justice implementation» of October 31, 1995 N 8, in edition of the Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 16.04.2013 N 9

7. *Yeremeyeva E.A.* Mekhanizm of protection of the rights and freedoms of the person and citizen: concept, structure, direct action// Constitutional and municipal law. 2011 . N 2.

8. *Zheleznov B.L.* Mekhanizm of the state protection of basic rights and freedoms//Scientific notes. T. 138 . Jurisprudence. Kazan: Publishing house Kazan un-that, 2000.

9. *Kornyushenkov G. V.* Dopustimost of appeals of citizens to the constitutional (authorized) courts of subjects of the Russian Federation «Russian judge», 2004, N 11

10. *Kurpas M.V.* About the radical changes of supervising legal proceedings directed on increase of efficiency of judicial protection of the rights and freedoms of the person and the citizen//Taxes. 2011 . N 3.

11. *Lazareva V. A.* Theoretical and legal bases of judicial protection of the rights and personal freedoms//Law 2000, (1).

12. Mordvinian of Ampere-second. General theory of the state and right. Academic course: In 2 t. / Отв. edition of the prof. M. N. Marchenko. Volume 1: State theory. - М.: Zertsalo, 2000.

13. *Snegko O.A.* snowball the constitutional bases of the state protection of the rights and freedoms of the person and the citizen in the Russian Federation: Dis. edging. юрид. sciences. Saratov, 1999.

14. *Shmelyov A.N.* Jury as a guarantee of protection of the rights and freedoms of the person and the citizen in Russia//the World judge. 2012 . N 5.

Е.А. АЛДОШИНА

кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры физического воспитания Орловского государственного аграрного университета
E-mail: sport@orelsau

E.A. ALDOSHINA

candidate of pedagogical sciences, senior teacher of Department of the Physical education, Orel state agrarian universitet
E-mail: sport@orelsau

ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ВЫСОКУЮ СТЕПЕНЬ ГОТОВНОСТИ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У ВЫПУСКНИКОВ АГРАРНОГО ВУЗА

FACTORS, WHICH DETERMINE THE HIGH DEGREE OF READINESS FOR PROFESSIONAL ACTIVITY OF THE GRADUATES OF THE AGRARIAN UNIVERSITY

В статье рассматривается процесс формирования профессионально-педагогической готовности студентов аграрного вуза к деятельности, определяются факторы, помогающие сформировать профессиональные качества, определяется сущность профессионального развития личности будущего специалиста аграрной отрасли. В результате анализа научной литературы автор определяет готовность к профессиональной деятельности как целостное личностное образование, характеризующееся совокупностью внешних и внутренних мотивов, побуждающих студентов к реализации своих профессиональных знаний, навыков и умений в современной сфере; наличием высокого уровня сформированной общепрофессиональной компетенции.

Ключевые слова: профессиональная готовность, факторы, профессиональные качества, мотивация, общепрофессиональная компетенция.

The article approach the process of formation of the professional-pedagogical readiness of students of agrarian University by the activities are determined by factors that help create professional quality, determined by the nature of professional development of the personality of a future specialist of the agricultural industry. As a result of the analysis of scientific literature, the author determines readiness for professional activity as an integral personality formation, characterized by a set of external and internal motives for students to realize their professional knowledge and skills in modern sphere; the presence of high levels formed General professional competence.

Keywords: professional readiness, factors, professional qualities, motivation, General professional competence.

Формирование профессиональных качеств у студентов аграрных вузов представляет собой сложный, противоречивый процесс, на который влияет множество разных факторов. Педагогическая практика показывает, что данный процесс эффективен только тогда, когда опирается на современную теорию интенсификации обучения, концепцию формирования профессиональных качеств [1]. Обоснование данной концепции позволит выявить сущность профессионального развития личности студентов аграрных вузов.

Теоретическая концепция сущности профессионального развития студентов аграрных вузов базируется на синтезе нескольких психолого-педагогических подходов к процессу формирования профессиональных качеств. Основными подходами являются: личностный, системный, проблемно-деятельностный подход, поэтапного наращивания формируемых профессиональных качеств, интенсификация обучения и др.

Личностный подход предполагает организацию и управление процессом профессионального развития личности будущего специалиста аграрной отрасли с позиции развития личности отдельного студента. Следует обратить особое внимание на личностные факторы и психические механизмы процесса формирования про-

фессиональных качеств. Ценность личностного подхода заключается в том, что он актуализирует роль личности студента и создает научную основу для организации процесса поэтапного формирования профессиональных качеств у будущих специалистов аграрной отрасли.

Деятельностный подход требует изучения процесса поэтапного профессионального развития в логике целостного рассмотрения всех основных компонентов деятельности: ее целей, мотивов, действий, способов регулирования, корректирования, контроля и анализа достигаемых результатов. На каждом этапе профессионального развития у студентов ориентиром является необходимость сформировать те качества, которые профессионально важны в предстоящей деятельности. В связи с этим, каждый этап подготовки специалиста должен выводить студента на более высокую ступень зрелости, сформированности профессиональных качеств, которые помогут с выпуска из вуза успешно исполнять функциональные обязанности. Системно-структурный подход имеет большое значение для методологии педагогического исследования процесса поэтапного формирования профессиональных качеств у студентов. Диалектический системный подход требует рассматривать целостно и во взаимосвязи все возможные формы

и методы решения задачи по профессиональному развитию личности студента и на основе сравнения возможностей каждого из них – выбирать оптимальные варианты [2].

Исходя из концепции поэтапного формирования умственных действий, следует, что формирование навыков, привычек поведения, профессиональных качеств будущих специалистов аграрной отрасли должно осуществляться последовательно, поэтапно, проходя путь от получения знаний о профессиональных качествах и формирования первичных основ до требуемого практикой [3].

Целенаправленное изучение данной проблемы показывает, что поэтапное профессиональное развитие студентов предполагает разъяснение сущности профессиональной деятельности; уяснение и осознание важности профессиональных качеств самими студентами; убеждение в возможности развить профессиональные качества до требуемого уровня; постоянное проявление профессиональных качеств преподавателями; длительные систематические упражнения в правильном поведении. Невозможно сформировать то или иное качество, если студент не знает, чего от него хотят, в чем смысл предъявляемых к нему требований. На базе усвоенных знаний о формируемых качествах специалиста аграрной отрасли у студента формируются глубокие и прочные убеждения. Содержание и форма педагогического воздействия должны стимулировать мотивацию студентов, активизировать учебную и общественную деятельность, самообучение, самовоспитание и саморазвитие. Если воздействие воспринимается положительно, то оно существенно влияет на психику обучаемого, его сознание, чувства, волю, стимулирует самовоспитание. Поэтому, чтобы студент положительно воспринимал психолого-педагогическое воздействие, оно должно быть разработано и проведено с учетом динамической функциональной структуры личности обучаемого и формируемых профессиональных качеств будущего специалиста аграрной отрасли, представленной в таблице 1.

Таблица 1.

Динамическая функциональная структура личности специалиста аграрной отрасли

Подструктура личности	Профессионально важные качества
Свойства личности	Мотивация к работе в сложных условиях агропромышленного комплекса Эмоционально-волевая устойчивость Нервно-психическая устойчивость Организаторские способности Склонность к руководству
Общее развитие	Логичность мышления Способность к формированию технических понятий и представлений в аграрной отрасли Способность к систематизированной планомерной интеллектуальной деятельности
Психофизиологические качества	Скорость переработки информации
Физиологические резервы организма	Выносливость Физическая работоспособность

Между знаниями о практической деятельности и самой деятельностью существуют определенные противоречия. Поэтому формируемые качества, привычки только тогда можно считать развитыми, прочными, когда они осознаются и проявляются в практической деятельности будущего специалиста аграрной отрасли в повседневных условиях и в сложных ситуациях профессиональной деятельности.

Путь к единству сознания и поведения проходит через цепь связующих элементов, которая включает в себя длительные систематические упражнения в правильных действиях, реальные взаимоотношения, организацию жизни студентов на основе их повседневной деятельности и общения.

Таким образом, сущность профессионального развития личности будущего специалиста аграрной отрасли определяется как целенаправленный, организованный, постоянно развивающийся педагогический процесс, включающий в себя взаимосвязанную деятельность руководства, преподавательского состава вуза и студентов по последовательному, систематическому, поэтапному переносу в сознание студентов необходимых специалисту аграрной отрасли качеств для эффективного выполнения своих обязанностей. Для повышения эффективности профессионального развития личности студента необходимо, чтобы этот процесс осуществлялся на основе проблемного обучения, с использованием инновационных педагогических технологий.

В процессе профессионального развития личности студента происходит его подготовка к профессиональной деятельности, т.е. формируется профессиональная готовность.

Ученые отмечают, что в настоящее время существенно возросла психическая нагрузка, большое значение придается общей работоспособности человека, способности к адаптации к неблагоприятным факторам.

Существенным компонентом процесса обучения, влияющим на формирование мотивов, повышение интереса к труду и подтверждающим правильный выбор профессии, является формирование профессиональной готовности, отмечает В.И. Ковалёв. Один из важных выводов, который он делает, заключается в том, что с позиции психолого-педагогического аспекта существуют и широко известны закономерности, подтверждающие прямые взаимосвязи между занятиями физическими упражнениями и становлением профессионально-важных качеств, психофизиологических функций и характерологических особенностей личности специалиста [6].

По-видимому, современная система подготовки специалистов аграрной отрасли должна строиться с учетом индивидуального подхода, которая наиболее полно реализуется с использованием модели. Сличение индивидуальных показателей и модели позволяет уменьшить объем работы для достижения цели. Как правило, модельный подход применяется совместно с использованием компьютерной техники. Компьютерная техника существенно расширяет возможности при передаче и

контроле знаний, выработке управляющих решений. По мнению R.F. Bales, J.E. McGrath, T.A. Niva, проводивших анкетирование среди преподавателей университетов, использование компьютеров может привести к кризису традиционной технологии обучения [7, 8, 9].

Таким образом, профессиональное развитие студентов вуза аграрной отрасли предполагает совершенствование когнитивных способностей, физических, психологических, организаторских и других качеств, необходимых для эффективной профессиональной деятельности.

С целью определения факторов, определяющих высокую степень профессиональной готовности выпускников аграрного вуза к будущей профессиональной деятельности, был проведен опрос профессорско-преподавательского состава вуза и специалистов-аграриев. Всего в опросе участвовало 117 респондентов. Результаты опроса представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Ранговая структура факторов, определяющих высокую степень профессиональной готовности выпускников аграрного вуза (n=117)

Значимость (ранговое место)	Факторы	Ранговый показатель (%)
1	Необходимый уровень развития профессиональных знаний, умений и навыков	23,7
2	Высокая мотивация выпускников к профессиональной деятельности в агропромышленном комплексе	21,2
3	Наличие сформированных навыков у выпускников по организации самообразовательной деятельности	19,2
4	Активная жизненная позиция	14,5
5	Необходимый уровень развития психологических и личностных качеств	9,3
6	Наличие необходимого уровня физической готовности к профессиональной деятельности в агропромышленном комплексе	7,8
7	Наличие умений принимать правильные решения и нести за них ответственность	4,3

Проблемы формирования профессионалов для аграрной отрасли не могут рассматриваться вне конкретного социально-экономического контекста и новых требований к их подготовке. В настоящее время необходимо учитывать изменения особенностей профессиональной деятельности и роли специалистов аграрной отрасли в условиях новой, технически и информационно насыщенной реальности жизнедеятельности [5].

Выпускник вуза аграрной отрасли должен не только вписаться в новую реальность, но и быть эффективным в своей профессиональной деятельности [4].

Профессионал – это человек в целом (и биологический индивид, и личность, и субъект деятельности), поэтому при рассмотрении профессионального развития студентов вузов аграрной отрасли следует учитывать все уровни: индивидуальный (конституцию, тип нервной системы); уровень личности (мотивацию, самооценку, систему отношений и т.д.); субъектный (профессиональные знания, умения, навыки) и уровень индивидуальности (индивидуальный стиль деятельности, особенности адаптации, жизненный опыт и др.). Все вышесказанное тесно связано с индивидуальным ресурсом профессионального развития. Индивидуальный ресурс профессионального развития личности студента вуза аграрной отрасли – это системное качество, характеризующее не только специалиста (как индивида, личность, субъекта профессиональной деятельности и индивидуальность), но и параметры той социальной (и профессиональной) среды, в которой протекает профессиональная деятельность данного человека. При анализе индивидуального ресурса профессионального развития личности студента вуза аграрной отрасли необходимо учитывать конкретно-исторические условия его появления и функционирования [1].

Таким образом, профессиональные способности следует рассматривать не как изначально ему присущие, а как потенциальную динамическую структуру, тесно связанную с пространственно-временными и другими структурными характеристиками социального окружения студента. Профессиональные способности являются необходимой составляющей индивидуального ресурса профессионального развития личности студента вуза аграрной отрасли, а профессиональные знания – его характеристикой. Эти теоретические положения должны лежать в основе создания педагогической технологии формирования профессиональной готовности у студентов аграрного вуза.

Библиографический список

1. Ананьев Б.Г. О соотношении способности и одаренности. В кн.: Проблемы способностей. Под ред. В. Н. Мясищева. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1982. С. 15-32.
2. Блаумберг И.В. Становление и сущность системного подхода/ И.В.Блаумберг, Э.Г.Юдин. М.: Наука, 1983. 270 с.
3. Бодалев А.А. Личность и общение. Психолого-педагогические проблемы формирования личности. М., 1983. 272 с.
4. Душков Б.А. Основы инженерной психологии. М.: Наука, 1986. 371 с.
5. Дьяченко В.К. Новая дидактика. М., Педагогика, 2001. 321 с.
6. Ковалёв В.И. Мотивы поведения и деятельности. М.: Наука, 1988. 191 с.
7. Bales R.F. Interaction process analysis: A method for the study of small groups/ R.F. Bales. – Cambridge, 1992. P. 29.
8. McGrath J.E. Small group research. A syntesis and critique of the field/ J.E. McGrath, J. Altman. – N.Y.: Holt, Rinehard and Winston, 1996.
9. Niva T.A. Methodological study on the group cohesiveness of sport group based on sociometry/ T.A. Niva// IROSS. 1998. № 3.

References

1. *Ananyev B.* About an ability and endowments ratio. - In book: Problems of abilities / B. G. Ananyev; under the editorship of V. N. Myasishchev. - M.: Publishing house of NPA of RSFSR, 1982. - Page 15-32.
2. *Blaumberg I.V.* Formation and essence system approach / I.V.Blaumberg, E.G.Yudin. - M.: Science, 1983. - 270 pages.
3. *Bodalev A.A.* Personality and communication. Psikhologo-pedagogichesky problems personality / A.A formation. Bodalev. - M, 1983. - 272 pages.
4. *Dushkov B. A.* Bases of engineering psychology / B.A.Dushkov. - M.: Science, 1986. - 371 pages.
5. *Dyachenko V. K.* Novaya didactics / V. K. Dyachenko. - M, Pedagogics, 2001. - 321 p.
6. *Kovalyov V. I.* Motives of behavior and activity / V. I. Kovalyov. - M.: Science, 1988. - 191 p.
7. *Bales R.F.* Interaction process analysis: A method for the study of small groups/ R.F. Bales. - Cambridge, 1992. - R. 29.
8. *McGrath J.E.* Small group research. A syntesis and critique of the field/ J.E. McGrath, J. Altman. - N.Y.: Holt, Rinehard and Winston, 1996.
9. *Niva T.A.* Methodological study on the group cohesiveness of sport group based on sociometry/ T.A. Niva// IROSS. 1998. № 3.

УДК 378.026/7:80

UDC 378.026/7:80

Л.А. БОНДАРЬ

кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики обучения иностранным языкам по профессиональному направлению Криворожского национального университета
E-mail: Lilia565656@i.ua

L.A. BONDAR

candidate of philological sciences, associate professor department of the theory and practice of training in foreign languages in the professional direction, Krivorozhsky national university
E-mail: Lilia565656@i.ua

АКТИВИЗАЦИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ДИСЦИПЛИН ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ЦИКЛА

ACTIVIZATION OF INDEPENDENT INFORMATIVE ACTIVITY OF STUDENTS PHILOLOGISTS IN THE COURSE OF STUDYING OF DISCIPLINES OF A PEDAGOGICAL CYCLE

В статье раскрыты пути активизации самостоятельной познавательной деятельности студентов-филологов в процессе изучения дисциплин педагогического цикла в контексте организации учебного процесса по требованиям кредитно-модульной системы. Интерпретированы в практическое русло операционно-педагогические условия, направленные на формирование у будущих филологов самообразовательных навыков и умений.

Ключевые слова: самостоятельная познавательная деятельность студентов-филологов, организация самостоятельной работы, активизация самостоятельной познавательной деятельности, формирование профессиональных знаний и умений, организационно-педагогические условия.

The ways of activating independent cognitive activity of philological students in the process of learning subjects of pedagogical cycle in the context of the educational process by requirements of credit-modular system are revealed in this article. Operational and pedagogical conditions aimed at creating a future philologists' self-education skills are interpreted into practical direction.

Keywords: independent cognitive activity of students of philological department, the organization of independent work, the activation of self-educated cognitive activities, forming professional knowledge and skills, organizational and pedagogical conditions.

Тематический анализ научных достижений отечественных и зарубежных ученых показывает, что было сделано определение основных компонентов подготовки будущего учителя иностранного языка к самообразовательной деятельности (А. Алексюк, Ю. Бабанский, В. Вергасов, И. Лернер, С. Сысоева), выделение педагогических условий ее организации (К. Альбуханова-Славская, П. Гальперин, Б. Зейгарник,

Н. Ланге, А. Леонтьев, В. Петровский, А. Реан), выяснение роли преподавателя в формировании личностно-профессиональных качеств будущего учителя, моделировании его педагогической деятельности (И. Богданова, С. Елканов, Л. Кондрашова, В. Краевский, Н.В. Кузьмина, К. Платонов, В. Сластенин).

Большое значение для научного поиска имели исследования В. Бондаря, Н. Кузьминой, С. Мартыненко,

М. Солдатенко, Л. Хоружей, в которых освещены проблемы самообразовательной деятельности с позиции определения ее места и роли в профессиональной подготовке. Обстоятельное изучение трудов А. Бабич, Л. Галузы, И. Кореновой, В. Стельникова позволило определить компоненты содержательно-технологического обеспечения процесса подготовки будущего учителя иностранного языка к самообразовательной деятельности.

Самостоятельная работа студентов-филологов в процессе профессиональной подготовки толкуется большинством исследователей как самостоятельная профессиональная деятельность, которая может осуществляться как в учебной аудитории, так и в производственных условиях, внеаудиторной деятельности [1, с. 7]. Однако в научном поле современной дидактики данная проблема в условиях современного университетского образования не нашла должного освещения.

Цель статьи заключается в теоретическом обосновании путей активизации самостоятельной познавательной деятельности студентов-филологов в процессе изучения дисциплин педагогического цикла в условиях университетского образования.

Поскольку самостоятельная познавательная деятельность студентов-филологов в вузе в значительной степени влияет на формирование профессиональных речевых компетенций, то в педагогике она рассматривается как один из действенных факторов профессиональной подготовки будущего учителя иностранного языка.

В статье самообразовательную деятельность рассматриваем как сложное, многоуровневое и динамично развернутое явление, которое выполняет практически-преобразовательную, научно-просветительскую функции, формирует профессиональные компетентности будущих специалистов, субъект-субъектное взаимодействие.

В учебном процессе современного вуза при изучении дисциплин педагогического цикла особое внимание уделяется проблеме организации самостоятельной работы студентов филологических специальностей, которая тесно связана со многими функциями учебного процесса, одной из которых является выработка у студента навыков рационально организовывать свою учебно-познавательную деятельность.

Продуктивной, по нашему мнению, является позиция В. Казакова относительно выделения таких аспектов проблемы активизации самостоятельной познавательной деятельности студентов, как: деятельностный подход к самостоятельной работе студентов; определение цели обучения в условиях самостоятельной работы; разработка профессионально ориентированных заданий для самостоятельной работы; информационно-методическое обеспечение самостоятельной работы [5, с. 94-95].

Поскольку самостоятельная профессиональная деятельность студентов филологических специальностей в условиях университетского образования в значительной степени способствует сближению профессионального

обучения и профессиональной деятельности, предопределяет обеспечение повышенного уровня мотивации и учета практической значимости самостоятельной профессиональной деятельности студента, способствует формированию профессиональных знаний и умений, необходимых для самостоятельного решения будущим филологом профессиональных задач, поэтому поиск путей активизации самостоятельной познавательной деятельности студентов в процессе изучения дисциплин педагогического цикла необходимо осуществлять по следующим предлагаемым направлениям работы: повышение в академической нагрузке преподавателей веса консультаций-бесед, направленных на овладение студентами самостоятельной деятельностью; методическое обеспечение студентов учебно-методическим комплексом (программы, учебники, пособия, методические рекомендации, планы для проведения практических занятий в бумажных вариантах и электронных); использование в учебно-воспитательном процессе электронных дидактических средств, обеспечивающих контроль и прогнозирование; применение инновационных форм обучения (модульное обучение, деловые игры, сплошное чтение, круглые столы, учебно-производственные практики, семинары, конференции, тренинги); широкое привлечение студентов к научным исследованиям, конкурсам, олимпиадам.

Одним из направлений этой работы является дальнейшее совершенствование руководства за самостоятельной учебной деятельностью студентов. Это может быть решено в двух аспектах: во-первых, предоставлением студенту большей свободы в самостоятельной деятельности, во-вторых, путем углубления подготовленности к этой работе.

Решение проблемы на пересечении двух подходов в значительной мере сводится к нахождению оптимального соотношения между самостоятельной познавательной деятельностью студента и педагогическим руководством, которое обеспечивает преподаватель.

Определяя меры по повышению эффективности самостоятельной профессиональной деятельности будущего филолога, преподаватель педагогических дисциплин обязан создать соответствующие условия для реализации и раскрытия таких профессионально значимых черт личности, как: восприятие профессиональной проблемы, способность ее квалифицировать, определить конкретные пути решения; интегративность мышления; способность обобщать, анализировать, доказывать целесообразность выбора эффективных путей решения поставленной учебной проблемы.

Как убеждает практика процесс совершенствования самостоятельной познавательной деятельности студентов-филологов проходит три основных этапа.

Этап I. Определение преподавателями и студентами необходимого уровня эффективности организации самостоятельной познавательной деятельности.

Этап II. Анализ путей повышения эффективности организации самостоятельной познавательной деятельности студентов.

Этап III. Принятие решений по развязыванию кон-

кретных профессиональных проблем.

Определение надлежащего уровня эффективности в организации самостоятельной познавательной деятельности студентов может охватывать различные ее составляющие: методы выяснения профессиональной проблемы (метод «мозговой атаки», системный анализ проблемной ситуации, контрольные вопросы и т.п.); методы анализа профессиональной проблемы (причинно-следственные, групповой анализ реальной ситуации, теоретико-деятельностный анализ речевых ситуаций); осознание стандарта «высокий уровень организации самостоятельной познавательной деятельности как норма деятельности»; методы сбора и классификации данных; документальная репрезентация результатов исследования проблемы (графики, таблицы, ответы преподавателю и др.); результаты диагностирования эффективности организации самостоятельной познавательной деятельности; контрольные цифры и выборочный контроль.

Именно поэтому на этапе анализа путей повышения эффективности самостоятельной познавательной деятельности необходимо учитывать следующие аспекты: цели организации самостоятельной работы; процессы совершенствования самостоятельной работы.

Заключительный этап является итогом работы, направленной на совершенствование познавательной деятельности. Студенты выбирают показатели для определения качества организации этой работы, вместе с преподавателями намечают план для достижения целей, определяют новые задачи. В дальнейшем цикл заново повторяется.

При решении проблемы студенты должны проанализировать каждый предыдущий этап совершенствования деятельности и только после этого определить новые цели и задачи.

Важно при этом понимать, что, во-первых, эффективность организации самостоятельной познавательной деятельности студентов, изучающих языковедческие и педагогические дисциплины, находится в непосредственной зависимости от уровня развития их системного мышления, и, во-вторых, преподаватели должны обладать достаточными знаниями, и навыками организации самостоятельной познавательной деятельности студентов на практических занятиях по языковедческим и педагогическим дисциплинам.

Экспериментальные исследования показывают, что на филологических факультетах высших учебных заведений организационная работа преподавателей осложняется еще и потому, что им необходимо выполнять, помимо собственно организаторской функции, еще и активационную. Активация (лат. *Activus* – деятельностный) относительно функций преподавателя – это характеристика, направленная на усиление активности студента, выявления у него тех качеств, которые позволяют перейти из состояния покоя к активной самостоятельной познавательной деятельности [8].

Собственно организаторская функция преподавателя реализуется через определение индивидуальных перспектив для студентов, подготовку их как к

организации самостоятельной познавательной деятельности, так и к работе в группе наследников, налаживания сотрудничества с ними, разработку и подготовку методических материалов для занятий и др. Очевидно, самостоятельная профессиональная деятельность будущего филолога должна начинаться с организации составных частей познавательной деятельности. Первым компонентом этой организации может служить составление опорных конспектов по дисциплинам гуманитарного и педагогического циклов. Это позволит в дальнейшем сформировать навыки студента к освоению сугубо профессиональных дисциплин. На новом этапе совершенствования языкового образования следует усилить внимание к теоретическим основам образования будущих специалистов, совершенствованию содержания филологической подготовки, усилить внедрение новых форм, методов и приемов самообразовательной деятельности [3, с. 109].

Система подготовки будущих специалистов предусматривает:

1. последовательное раскрытие целей и задач обучения студентов-филологов;
2. обоснованный выбор научно-познавательного материала;
3. использование традиционных и новых средств, форм и методов обучения;
4. систематический учет и оценку результатов самостоятельной работы.

Филологическое образование способствует формированию у студентов новых принципов мышления, развивает в них творческие способности, помогает сформировать комплекс компетенций (языковых, речевых, коммуникативных, предметных, исследовательских, организационных, профессиональных).

В практической деятельности высших учебных заведений Украины формы и методы филологической подготовки студентов находят разнообразное применение. Вот почему необходимо бережно относиться к формам, которые уже существуют в учебном заведении, а не отказываться от них. Педагогическая практика имеет случаи, когда эти или другие методы в одном учебном заведении эффективны, а в другом – нет [6, с. 346].

Продуктивной формой самостоятельной профессиональной деятельности филологических специальностей является также самостоятельный анализ профессиональных ситуаций. Наличие пакета типовых и нетиповых профессиональных ситуаций по специальности позволяет студенту, как в аудитории, так и во внеаудиторное время, работать над их решением, углубляя тем самым профессиональные знания и умения.

Как свидетельствуют результаты проведенных исследований, основной формой самостоятельной профессиональной деятельности будущего филолога является решение учебных задач, связанных с профессиональной сферой. Особый вес предоставляется самостоятельному выполнению студентом исследовательских задач.

Самостоятельное решение студентом реальной задачи может осуществляться по следующему плану:

- выбор методов исследования;
- исследование влияния профессиональной проблемы на характер дальнейшего развития предметных компетенций.

Определенная роль в решении этих задач отводится методам обучения, которые влияют на развитие филологического мышления [6]. На наш взгляд, практические методы обучения имеют исключительное значение. Особенности классификации этих методов заключаются в репродуктивном характере их использования. Эти методы делятся на: практически-репродуктивные (иллюстрации образца, модели, продукта действий, анализ его эффективности, технологии выработки, оценки по данному образцу); практически-эвристические (выдвижение эвристических задач практического характера, самостоятельная оценка эффективности выполненного задания, совместный поиск (студентами и преподавателями) эффективных технологий в процессе общения; практически-исследовательские (самостоятельный практический поиск эффективного решения задач, самостоятельное выполнение студентами практических работ, поиск новых логических действий творческого характера, их обоснованность).

Эта классификация ориентировочная и предусматривает включение и таких методов, как программируемые, проблемные на основе применения электронных дидактических средств, которые активно внедряются в учебно-воспитательный процесс. Филологическое мышление студента развивается от образца и действия к данным обобщениям через частично-поисковую к вполне самостоятельной творческой деятельности, что и нашло воспроизведение в нашем исследовании. Решение учебно-производственных задач способствует целостному самостоятельному восприятию конкретных типовых и нетиповых профессиональных проблем, формированию соответствующей системы профессиональных знаний и умений будущего филолога по различным учебным дисциплинам, способности применять их при решении сложных производственных задач.

Задача такого типа наиболее эффективно приближает самостоятельную профессиональную деятельность студента к реальным условиям, имеющим профессиональное направление. Например, если студент на начальном этапе профессиональной подготовки получил индивидуальное задание на тему: «Сравнительная характеристика фонетической системы украинского и английского языков», то уже после второго курса он имеет возможность конкретизировать задачи в теме «Эффективные формы и методы обучения фонетики», которые могут быть использованы в той или иной фор-

ме. Выполнение таких задач требует составления плана поиска с четким определением основных этапов: провести апробацию полученных результатов исследований, разработать формы их внедрения. Результаты этих исследований могут быть базовыми в процессе выполнения студентом курсовых работ.

По нашему мнению, курсовую работу необходимо рассматривать как завершающий этап повышения самостоятельной профессиональной деятельности студента, которая интегрирует все другие имеющиеся формы самостоятельной работы студентов. При этом важным подготовительным этапом в курсовом проектировании является исследование актуальных проблем теории обучения, лингвистики и лингводидактики. Целесообразно при этом изучение современных технологий обучения, проведение анкетирования, которое может проводиться студентами в период прохождения практики. При этом анкетирование должно предусматривать перечень конкретных вопросов по изучению реального состояния, использования тех или иных технологий, выявлению конкретных недостатков, проблем в обучении. Такая организация самостоятельной познавательной деятельности студента способствует изучению и пониманию языковой системы, обогащению словарного запаса, внедрению эффективных форм обучения. Кроме того, позволяет анализировать и прогнозировать дальнейшее ее совершенствование. Практическая значимость самостоятельной учебной деятельности обеспечивает целостность системы интегрированных профессиональных знаний, умений и навыков будущего филолога [10, с. 217]. Мониторинг полученных результатов проведенного исследования позволил определить основные подходы к совершенствованию организации самостоятельной познавательной деятельности студентов в процессе изучения дисциплин педагогического цикла.

Заметим, что, кроме профессионального уровня студента, существенное значение имеют компетентность по предмету, владение специальными знаниями, умениями и навыками. Активизации самостоятельной познавательной деятельности способствуют также работа над профессионально направленными рефератами, выполнение тестовых заданий, подготовительная работа к игровым занятиям и т.п. Использование различных форм самостоятельной познавательной деятельности возможно при условии ее четкого направления, что обеспечит формирование профессиональных знаний, умений и навыков будущих филологов, способных удовлетворить требования современной школы, самостоятельно решать реальные профессиональные задачи.

Библиографический список

1. Алексюк А.М. Организация самообразовательной работы студентов в условиях интенсификации обучения: учеб. пособие. / А. М. Алексюк, А. А. Аюрзанайн, П. И. Пидкасистый и др. К. : ИСДО, 1993. 336 с.
2. Володько В.М. Самостоятельная познавательная деятельность студентов : метод. Реком / В.М. Володько; И.С. Дима; Т.В. Иванова. К. : ИСДО, 1993. 52 с.
3. Журавская Л.М. Концептуальные условия управления за самостоятельной работой студентов в высших учебных заведениях. // Образование и управление. 1999. № 2. С. 105-115.
4. Князян М.А. Взаимотворчество преподавателя и студента как средство формирования исследовательской направленности личности студента. // Вестник Львовского университета. Серия педагогическая. 2005. Вып. 19. Ч. I. С. 140-147.

5. Казаков В.А. Самостоятельная работа студентов и ее информационно–методическое обеспечение: учеб. пособие. К. : Высшая школа, 1990. 180 с.
6. Словарь иностранных слов / М. П. Новикова. 7–е изд. М. : Рус. язык, 1980. 644 с.
7. Падалка А.С. Педагогические технологии: учеб. пособие для вузов. М. : 1995. 250 с.
8. Сенашенко В. Самостоятельная работа студентов: актуальные проблемы / В. Сенашенко, Н. Жалнин // Высшее образование в России. 2006. № 7. С. 103-109.
9. Черниговская Н.С. Самообразование студентов в условиях модульного обучения. // Проблема личности в современной науке: результаты и перспективы исследований: тезисы доп. VII Всеукр. конф. молодых ученых (28 октября 2004). К., 2005. С. 216-218.

References

1. Alekseyuk A. M. The organization of self-educational work of students in the conditions of a training intensification: studies. grant. / A.M. Alekseyuk, Ayurzanayn, P.I.Pidkasisty, etc. – To. : ISDO, 1993. – 336 pages.
 2. Volodko V. M. Independent informative activity of students: method. Reky / Century of M. Volodko; I.S. Dima; T.V. Ivanov. – To. : ISDO, 1993. – 52 pages.
 3. Zhuravsky L. M. Conceptual conditions of management behind independent work of students in higher educational institutions/L. M Zhuravsky // Education and management. – 1999 . – No. 2. – Page 105-115.
 4. Knyazyan M. A. Mutually creativity of the teacher and student as means of formation of a research orientation of the identity of the student/M. A.Knyazyan//Messenger of the Lvov university. Series pedagogical. – 2005 . – Vyp. 19 . – H. I. – Page 140-147.
 5. Cossacks V.A. Samostoyatel'naya work of students and its information and methodical providing: studies. Grant / Century. And. Cossacks. – To. : The higher school, 1990. – 180 pages.
 6. Dictionary of foreign words / L. S. of Novikov. – 7th prod. – M: Russian language, 1980. – 644 pages.
 7. Padalka A.S. Pedagogical technologies: studies. grant for higher education institutions/Ampere-second. Padalka. M: 1995. – 250 pages.
 8. Senashenko V. Independent work of students: actual problems / Century of Senashenko, N. Zhalnin // the Higher education in Russia. – 2006 . – No. 7. – Page 103-109.
 9. Chernigovskaya N.S.Samoobrazovaniye of students in the conditions of modular training/N of S.Chernigovskaya // the Problem of the personality in modern science: results and prospects of researches: theses additional VII Vseukr. конф. young scientists (on October 28, 2004). – To. 2005 . – Page 216-218.
-

УДК 378.146

UDC 378.146

Н.И. БОЧАРОВА

кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой
здоровья ребёнка Орловского государственного универ-
ситета

E-mail: bochar07@mail.ru

С.Ю. БУБНОВА

кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой
теории и технологий дошкольного образования
Орловского государственного университета

E-mail: bubnows@yandex.ru

N.I. BOCHAROVA

candidate of Pedagogy, associate professor, head of the
child's health department, Orel State University

E-mail: bubnows@yandex.ru

S.U. BUBNOVA

candidate of Pedagogy, associate professor, head of
the Department Theory and Technology of Pre-School
Education, Orel State University

E-mail: bubnows@yandex.ru

МЕТОДИКА ОЦЕНИВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БАКАЛАВРОВ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

THE METHODS OF BACHELORS' PROFESSIONAL COMPETENCY RATING IN PSYCHO-PEDAGOGICAL EDUCATION

В статье рассматриваются современные подходы к методике оценивания профессиональной компетентности бакалавров; определены этапы оценивания профессиональной компетентности обучающихся в вузе, критерии оценки, а также возможные оценочные средства, адекватные компетентностной модели образования.

Ключевые слова: оценка качества профессиональной компетентности, этапы, критерии, показатели, уровни сформированности компетенций, формы, виды, методы контроля.

Contemporary approaches to the methods of bachelors' professional competency are considered in the article; stages of students' professional competency rating are specified, as well as rating criteria and available rating instruments, with are adequate to competency educational model.

Keywords: rating of professional competency quality, stages, criteria, indicators, forming levels of competency, forms, types, methods of control.

Новые требования к результатам образования, выраженные в категориях компетентностного подхода, обуславливают необходимость совершенствования методики оценивания качества профессиональной подготовки.

В соответствии с документами Международных организаций, занимающихся стандартизацией на основе ИСО 9001, принято определение, в котором качество трактуется как совокупность характеристик объекта, относящихся к его способности удовлетворять установленные и предполагаемые потребности.

В системе образования обычно выделяется две группы характеристик качества: *качество процесса*, направленного на достижение запланированных результатов, и *качество результата* образования. Характеристики второй группы отражают степень соответствия реально достигаемых образовательных результатов нормативным требованиям, социальным и личностным ожиданиям обучаемых.

При разработке методики оценивания профессиональной компетентности бакалавров психолого-педагогического образования следует четко определить все элементы оценочной деятельности, к которым отно-

сятся: объект оценивания, цель оценивания, критерии оценки (степени соответствия установленным требованиям), оценочные средства, процедура (технология) оценивания.

Объектом оценивания в нашем случае является результат освоения студентами образовательной программы – степень сформированности всех компонентов профессиональной компетентности. В зависимости от этапа обучения студентов оценивается: начальный уровень подготовленности обучающихся (входное оценивание), учебные достижения обучающихся после изучения модуля или дисциплины (текущее оценивание), качество профессиональной подготовки (степень соответствия сформированных компетенций выпускника требованиям ФГОС ВПО) на итоговой аттестации.

Цель оценивания в самом общем виде можно рассматривать как установление соответствия полученного (сформированного) желаемому результату или первоначальным предположениям. На каждом этапе обучения и с учетом содержания подготовки цель конкретизируется, формулируются задачи. Так, текущее оценивание может осуществляться для того чтобы:

– обращать внимание обучающегося на цели обу-

чения и критерии достижения успеха;

- направлять действия преподавателя на совершенствование технологий индивидуального развития каждого студента;
- предоставлять обучающемуся информацию, необходимую для организации дальнейшего обучения, самостоятельной работы по освоению образовательной программы, самообразования;
- формировать у будущих бакалавров навыки самооценки успешности освоения профессиональной образовательной программы;
- мотивировать обучающегося к дальнейшему целенаправленному обучению;
- постоянно отслеживать явления, происходящие в реальной предметной среде, с тем чтобы включать результаты текущих наблюдений в процесс управления.

Реализация требований ФГОС предполагает осуществление мониторинга, означающего непрерывное научно обоснованное диагностико-прогностическое отслеживание данных о качестве профессиональной подготовки (А.С. Белкин). Применительно к оценке формируемых компетенций мониторинг рассматривается как система сбора, обработки, хранения и распространения информации об уровне сформированности общекультурных и профессиональных компетенций студентов, обучающихся по программе бакалавриата [1].

Можно выделить следующие *функции мониторинга* сформированности компетенций:

- диагностическая, предполагающая отслеживание уровня сформированности компетенций;
- прогностическая, заключающаяся в определении основных тенденций уровня сформированности компетенций и составлении прогноза на перспективу;
- функция коррекции, предполагающая выявление и решение проблем;
- мотивационная функция, ориентированная на побуждение участников образовательного процесса к самосовершенствованию.

В основу разработки и функционирования мониторинга положены следующие *принципы*:

- принцип социально-нормативной обусловленности, предполагающий, что информация мониторинга отражает уровень и качество реализации требований ФГОС ВПО и работодателей;
- принцип научности, отражающий систему научных форм, методов и средств получения информации;
- принцип непрерывности, целостности и преемственности лежит в основе разработки технологии и реализации программы мониторинга;
- принцип периодичности, подразумевающий проведение мониторинга на каждом этапе обучения, по мере завершения изучения учебной дисциплины или профессионального модуля ООП;
- принцип многоступенчатости: оценка, самооценка студента, обсуждение результатов и комплекс мер по устранению недостатков;
- принцип единства используемой технологии для всех студентов, выполнение условий сопоставимости результатов оценивания;

– принцип оперативности предполагает сбор, обработку и предоставление информации о состоянии и динамике сформированности компетенций студентов для оперативного принятия управленческого решения.

Мониторинг качества формируемых компетенций организуется *позитивно* с первого по четвертый курс. Основными его этапами, принятыми в педагогической практике, являются:

- диагностический (входной),
- текущий (пооперационный),
- итоговый (периодическая и итоговая аттестация).

Диагностический (входной) этап мониторинга используется для фиксирования начального уровня подготовленности обучающихся и построения индивидуальных траекторий обучения. В условиях личностно-ориентированной образовательной среды результаты входного оценивания студента используются как начальные значения в индивидуальном профиле академической успешности студента. Диагностический этап мониторинга может быть двух разновидностей:

- стартовый (у первокурсников), который определяет степень их готовности к овладению основной образовательной программой,
- исходный (базовый) в начале овладения конкретной дисциплиной (модулем).

Входное оценивание может осуществляться в форме самооценивания.

Текущий (пооперационный) этап мониторинга используется для оперативного и регулярного управления учебной деятельностью студентов. Он позволяет получать информацию о ходе и качестве усвоения учебного материала, в случае необходимости – применять корректирующие действия.

В ходе текущего мониторинга проводится оценивание результатов усвоения отдельных модулей / тем. Такой вид контроля часто называют промежуточным или рубежным. Он предназначен для оценки степени достижения запланированных результатов обучения по завершении изучения модуля / дисциплины в установленной учебным планом форме: зачет, дифференцированный зачет, экзамен, курсовой проект, курсовая работа, отчет по практике.

Итоговый этап мониторинга предназначен для определения степени соответствия сформированных компетенций выпускников требованиям ООП соответствующего направления в ходе государственного экзамена, выполнения выпускной квалификационной работы.

Интерпретация результатов мониторинга производится на основе сопоставления зафиксированного уровня сформированности компетенции студента с запланированным, т.е. требованиями ФГОС, конечной целью программы учебной дисциплины, профессионального модуля или всей программы обучения.

Для оценки степени сформированности компетенций обучающихся необходимо применение системы научно обоснованных критериев.

Критерий (от греч. *kriterion* средство для суждения) – признак, на основании которого производится

оценка, средство проверки, мерило оценки; в теории познания – признак истинности или ложности положения [6].

Критерии раскрываются через определенные **показатели**. В зависимости от степени их проявления можно констатировать уровень выраженности критерия. Таким образом, оценка сформированности компетенций является уровневой.

Под **уровнем** сформированности компетенций понимается степень их выраженности, проявляющаяся в умении реализовывать профессиональные действия, интеллектуальную и социальную активность. В исследованиях чаще всего выделяют пороговый и повышенный уровни сформированности компетентности студента. Некоторые специалисты выделяют ещё и продвинутый уровень. Охарактеризуем каждый из них.

Пороговый уровень сформированности компетентности студента характеризуется категориями: знание, понимание, применение. Если бакалавр использует специальную терминологию, научный язык, принципы, положения, теории дисциплины для описания фактов и явления, а также приводит примеры проявления и использования свойств и закономерностей объектов изучения данной области, то его компетентность сформирована на пороговом уровне.

Повышенный уровень сформированности компетентности студента характеризуется дополнительными категориями: анализ и синтез. Если бакалавр анализирует, распознает и классифицирует информацию о свойствах объектов, явлениях и процессах, соответствующих данной образовательной области, решает вопросы о применимости изучаемых теорий к описанию конкретных объектов и явления, то его компетентность сформирована на повышенном уровне.

Продвинутый уровень сформированности компетентности студента характеризуется помимо названных признаков ещё и способностью делать оценочные суждения. Если бакалавр выносит критические суждения, основанные на знаниях в рассматриваемой образовательной области, дает оценку информации об изучаемых объектах и явлениях, то его компетентность сформирована на продвинутом уровне.

Эффективность оценивания обусловлена оптимальным выбором его видов, форм и методов, которые в совокупности составляют понятие способ оценивания / контроля / проверки.

Анализ работ П.И. Образцова, П.И. Пидкасистого, В.П. Симонова, Т.И. Шамовой и др. позволяет классифицировать существующее многообразие видов контроля по следующим основаниям:

- масштабу целей обучения: стратегические, тактические, оперативные;
- этапам обучения: начальный (отборочный), учебный (промежуточный), итоговый (заключительный);
- временной направленности: ретроспективный, предварительный, текущий, разовый;
- частоте проведения: периодический, систематический;
- ширине контролируемой области: локальный,

выборочный, сплошной;

- формам социальной опосредованности: внешний, смешанный, внутренний;
- организационным формам: групповой, фронтальный, индивидуальный;
- видам учебных занятий: на лекциях и семинарах; на практических и лабораторных занятиях; на зачетах, коллоквиумах, экзаменах;
- способам осуществления: устный, письменный; машинный, безмашинный.

Каждый вид контроля предполагает применение соответствующих форм и методов. Соотношение видов контроля с типичными для них организационными формами и методами представлено в исследовании Л.И. Коляда и отражено в таблице 1 [5].

Оценка качества профессиональной подготовки, отвечающая требованиям компетентностного подхода, предполагает использование как традиционных, так и новых (инновационных) видов, форм и методов контроля.

Таблица 1.

Соотношение видов, форм и методов контроля

Виды контроля	Организационные формы контроля	Методы
Текущий	Контрольные работы, отчеты, самостоятельные работы	Устный, письменный, графический, практический, программированный
Рубежный	Коллоквиумы	Устный
	Защита проекта Контрольная работа	Устный, письменный, графический, практический, программированный
Итоговый	Зачет, экзамен	Устный, письменный, графический
	Защита курсовой работы, защита выпускной квалификационной работы	Устный

Традиционные способы контроля, ориентированные преимущественно на оценку качества знаний, умений и навыков, могут применяться для текущей и промежуточной аттестации. Однако при их использовании необходимо делать акцент на том, как эти знания и умения встраиваются в систему формируемых компетенций.

Среди традиционных способов контроля компетентностной модели образования наиболее адекватны: собеседование, коллоквиум, зачет, экзамен (по дисциплине, модулю, итоговый государственный экзамен), тест, контрольная работа, отчет (по практикам, научно-исследовательской работе и т.п.), курсовая работа, выпускная квалификационная работа. Практика показывает, что перечисленные способы контроля являются доминирующими в организации текущей и промежуточной аттестации студентов в вузе [3].

К числу инновационных средств оценивания можно отнести: балльно-рейтинговую систему, портфолио,

кейсы, ситуационные задания, проекты, выполнение курсовых проектов в командах, деловые, ролевые, оргдеятельностные игры др. Рассмотрим их подробнее.

Балльно-рейтинговая система рассматривается как наиболее объективный способ контроля качества профессиональной подготовки студентов в вузе, отвечающий требованиям компетентного подхода. Сущность балльно-рейтинговой системы состоит в формировании рейтинга студента в ходе контроля его успеваемости на всем временном интервале изучения дисциплины. При этом предполагается разделение учебного курса на ряд более или менее самостоятельных, логически завершенных блоков и проведение по ним контрольной акции.

Балльно-рейтинговая система базируется на комплексной и непрерывной оценке учебных достижений студентов в течение семестра, а также ритмичности их работы и посещаемости занятий.

Организация учебного процесса в вузе на основе балльно-рейтинговой системы обеспечивает:

- повышение мотивации студентов к качественно-му освоению образовательных программ за счет более высокой дифференциации оценки их учебной и научно-исследовательской работы;
- стимулирование систематической самостоятельной и научно-исследовательской работы студентов;
- совершенствование уровня профессиональной компетентности профессорско-преподавательского состава в области управления качеством образовательного процесса и создания системы обеспечения качества освоения образовательных программ учебных дисциплин;
- повышение академической мобильности и конкурентоспособности выпускников на международном рынке образовательных услуг.

Портфолио – совокупность индивидуальных учебных работ студента, обычно сгруппированная с использованием рубрик, раскрывающая успехи и достижения обучаемого на основе определенного критерия. Портфолио может содержать лучшие работы студента, связанные с оцениваемой областью знаний, а также сопроводительные документы, подтверждающие его достижения в овладении предметом. Портфолио дает возможность выявить предпочтения студента, оценить динамику его личностного и профессионального развития.

Кейс-метод представляет собой имитацию реального события. Учебный материал предлагается студенту в виде проблем (кейсов) с последующей организацией активной и творческой работы по их решению. Использование кейс-метода в образовательном процессе обеспечивает активизацию студентов, повышение их учебной мотивации, формирование навыков анализа ситуаций, умения работать с информацией, моделировать варианты решения задачи, излагать собственную точку зрения, осуществлять самоконтроль и самооценку.

Метод развивающейся кооперации, предложенный Т.Ф. Акбашевым. Суть данного метода состоит в по-

становке учебных задач, выполнение которых требует объединения обучаемых с внутренним распределением обязанностей. Основными элементами данного метода являются:

- индивидуальное, парное, групповое формулирование цели;
- коллективное планирование учебной работы;
- коллективная реализация плана;
- самостоятельный подбор информации и учебного материала;
- игровые формы организации процесса обучения.

Для решения проблемы с помощью метода развивающейся кооперации создаются подгруппы из 6-8 человек. Каждая подгруппа формируется так, чтобы в ней был «лидер», «генератор идей», «функционер», «оппонент», «исследователь». После того как каждая подгруппа предложит свой вариант решения проблемы, начинается дискуссия, в ходе которой необходимо доказать его истинность. Задача педагога состоит в обобщении и дополнении учебной информации.

Ситуационные задания – задания, выполняемые студентами после изучения теоретического материала по теме, разделу, модулю. Выполнение ситуационного задания требует применения полученных теоретических знаний на практике, позволяет оценить не только уровень знаний, но и творческие возможности студентов: активность, неординарность решения поставленных задач и т.д.

Метод проектов – совокупность приемов организации самостоятельной учебно-познавательной деятельности обучаемых с обязательной презентацией полученных данных. Работа над проектом включает несколько этапов: определение темы и цели проекта, планирование, исследование, анализ и обобщение, представление проекта, подведение итогов.

Выполнение курсовых проектов в командах отличается от привычного, индивидуального, выполнения тем, что проект становится больше, включает в себя не только теоретическую, техническую (исследовательскую, расчетную) часть, но и практическую (выполнение макета, модели и т.п.). Для этого у студентов должен быть доступ к необходимому оборудованию (студенческие конструкторские бюро, бизнес-инкубаторы). Защита данного проекта может быть организована одновременно для всей команды, где каждый студент защищает свою часть. Оценка становится суммарной и одинаковой для всех (принцип коллективной ответственности). Кроме этого текущий контроль работы команды включает не только анализ содержания проекта, но и анализ способов взаимодействия в команде, самоанализ участников своих сильных и слабых сторон как в психологическом, так и в профессиональном (когнитивном) плане.

Деловые, ролевые, оргдеятельностные игры выступают в качестве средств комплексной проверки и оценки формируемых компетенций. Как правило, игры предполагают создание нескольких команд, которые соревнуются в решении той или иной задачи. Их проведение развивает у студентов умение работать в команде, находить выход из неординарных ситуаций, максималь-

но приближенных к условиям реальной профессиональной деятельности.

Важнейшим условием успешного использования перечисленных средств оценивания является их методическое оснащение. Оно включает материалы, описывающие условия проведения и регламент оценочных процедур, характеристику используемого инструментария, инструкции для участников и др. Обязательными элементами методического оснащения являются также критерии оценивания, представленные в форме оценочных шкал; пороговые значения для оценки заданий.

Названные и другие виды, формы и методы оценивания (способы оценивания) должны стать своеобразным продолжением методик (технологий) обучения, позволяя студенту более четко осознавать достижения и недостатки, корректировать собственную активность, а преподавателю – направлять деятельность обучающегося в необходимое русло.

При формировании фондов оценочных средств и продумывании методики оценки компетенций студентов, по мнению Н.Ф. Ефремовой, важно учитывать стандарты оценочной процедуры:

- периодичность проведения оценки уровня сформированности компетенций: от студента, приступающего к освоению ООП, до выпускника вуза на каждом этапе обучения и по мере завершения изучения модуля ООП;

- соблюдение последовательности проведения оценки: в модели компетенций следует предусматривать, чтобы развитие компетенций шло по возрастанию их уровней, а оценочные средства на каждом этапе учитывали это возрастание;

- многоступенчатость: оценка, самооценка студента, обсуждение результатов и комплекс мер по устранению недостатков;

- единство используемой технологии для всех студентов, выполнение условий сопоставимости результатов оценивания [4].

Создание и внедрение новой методологии и методик контроля и оценки качества образования, по нашему мнению, должны сопровождаться изучением возможных рисков их негативного воздействия на психологическое и соматическое здоровье участников образовательного процесса. Бесконтрольное внедрение инновационных технологий оценки сформированности профессиональных компетенций будущих педагогов и психологов может привести к возникновению их повышенной стрессорной реакции, что было доказано результатами эмпирического исследования, выполненного на факультете педагогики и психологии Орловского государственного университета [2]. Полученные в этом исследовании данные могут быть использованы для разработки и внедрения содержания и технологий здоровьесберегающего подхода, который позволит устранить или минимизировать воздействие негативных аспектов образовательной среды на здоровье участников образовательного процесса и оптимизировать процесс обучения в вузе.

Таким образом, разрабатываемая и реализуемая на практике методика оценивания профессиональной компетентности бакалавров психолого-педагогического образования должна носить комплексный и многофункциональный характер, учитывать многокомпонентность оценочной деятельности.

Библиографический список

1. Белкин А.С. Педагогическая компетентность. Екатеринбург: УрГПУ, 2003.
2. Бочарова Н.И. К вопросу о разработке содержания и психолого-педагогических оснований технологий охраны здоровья участников образовательного процесса высшего учебного заведения. // Ученые записки Орловского государственного университета. Научный журнал. 2011. № 6 (44). С.383-390.
3. Бубнова С.Ю. Практика организации контроля качества профессиональной подготовки студентов в вузе // Ученые записки Орловского государственного университета. Научный журнал. 2013. № 2 (52). С. 282-285.
4. Ефремова Н.Ф. Тестовый контроль качества учебных достижений в образовании: дисс. ... докт. пед. наук. Ростов-на-Дону, 2004. 458 с.
5. Коляда Л.А. Контроль качества профессиональной подготовки будущих педагогов: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Саратов, 2007. 23 с.
6. Кондрашов В. Новейший философский словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2005.

References

1. Belkin A.S. Pedagogical competency. / A.S. Belkin – Ekaterinburg: URGPU, 2003.
2. Bocharova N.I. To the question of developing contents and psycho-pedagogical basis of health care technologies in higher education / N.I. Bocharova // Scientific notes of Oryol State University. Scientific journal. – 2011. – № 6 (44). – P.383-390.
3. Bubnova S.U. Practical organization of professional preparation's quality control in universities // Scientific notes of Orel State University. Scientific journal. 2013. № 2 (52). Pp. 282-285.
4. Efremova N.F. Tests as a control form of academic achievements in education: diss. ... doctor of pedagogy / Efremova Nadezhda Fyodorovna – Rostov-na-donu, 2004. – 458 p.
5. Kolyada L.A. The control of future pedagogs' professional training quality: autoref. dis. ... candidate of pedagogy / Kolyada Ludmila Aleksandrovna. – Saratov, 2007. – 23 p.
6. Kondrashov V. Modern philosophy dictionary/ V. Kondrashov. – Rostov-na-donu: Fenix, 2005.

УДК 159.99

В.В. ГИЖИЦКИЙ

аспирант кафедры психологии образования и педагогики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
E-mail: viktor.gizhitsky@yandex.ru

UDK 159.99

V.V. GIZHITSKY

graduate student, department of education psychology and pedagogy, Moscow state university named after M.V. Lomonosov
E-mail: viktor.gizhitsky@yandex.ru

УЧЕБНЫЙ ОБМАН КАК СТРАТЕГИЯ ПСЕВДОАДАПТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ У СТАРШЕКЛАСНИКОВ*

CHEATING AS MALADAPTIVE BEHAVIOR STRATEGY OF HIGH SCHOOL STUDENTS

В статье рассмотрена проблема учебного обмана школьников как стратегии, направленной на достижение учебных целей преимущественно наиболее легким способом. Проведено два исследования (N=150 и N=184, 11-й класс) с целью выявления источников учебного обмана и его взаимосвязи с составляющими учебной мотивации и академической успеваемостью.

Ключевые слова: учебный обман, мотивация, академическая успеваемость, Единый государственный экзамен.

The article deals with the problem of school students' cheating which is considered as the easiest strategy/way to succeed in their educational goals. Two studies (N = 150 and N = 184, 11th grade) were conducted in order to identify the sources of academic cheating and their connection with the components of motivation to study and academic performance.

Keywords: cheating, motivation, academic performance, unified state examination.

Проблема исследования

В настоящее время одной из интенсивно разрабатываемых тем за рубежом в области психологии образования является проблема обмана в учебном процессе. Данной проблеме посвящено множество исследований, проведенных на материале различных культурных и образовательных сред (они проводились в Китае (J. Yang), США (D. McCabe, A. Jordan), Великобритании (S. Newstead, A. Franklyn-Stokes, P. Armstead), Словении (C. Peklaj, J. Kalin), России (Н. В. Латова, Ю. В. Латов), Иране (K. Sevari, G. Ebrahimi), Японии (E. Kobayash, M. Fukushima)). Актуальность изучения проблемы учебного обмана обусловлена высоким уровнем распространения нечестного поведения в образовательной среде. Согласно результатам национального анкетного опроса США, проведенного на 36 000 студентов, 60% учащихся признались, что прибегают к учебному обману [10].

В связи с высокой распространённостью учебного обмана возникает необходимость в изучении его влияния на учебный процесс. Утверждение о негативном влиянии обмана на учебный процесс не является априорным. В настольной книге, адресованной родителям и учителям, авторы делают вывод о том, что учебный обман является нормальным и естественным процессом, способствующим формированию коммуникативных навыков, способности абстрактно мыслить и быстро адаптироваться к новым условиям [5]. Данные выводы расходятся с результатами эмпирических исследова-

ний, которые свидетельствуют о негативной роли обмана в образовательном процессе. Выясняется, например, что если внутренне мотивированные студенты видят, как их сверстники обманывают, то они тоже начинают прибегать к обману [13]. Другие исследования показывают негативные последствия учебного обмана для будущей профессиональной деятельности. Так, например Н.В. Латова и Ю.В. Латов предполагают, что рост теневой экономики (коррупции) и высокая распространенность учебного обмана могут быть взаимосвязаны и оказывать влияние друг на друга [3], что частично подтверждается данными зарубежных исследований, согласно которым студенты, которые обманывают в университете, будут в будущем обманывать на рабочем месте [8].

В ряде исследований было показано наличие значимой отрицательной связи учебного обмана с академическими достижениями у студентов [15;16;20]. Показано, что студенты с низкой успеваемостью прибегают к учебному обману чаще, чем студенты с высокой успеваемостью [15]. В исследовании, проведенном на студентах из Словении, было выявлено отрицательное влияние учебного обмана на успеваемость по математике [16].

Негативное влияние нечестного поведения на образовательный процесс требует разработки эффективной системы мер по его предотвращению, что, в свою очередь, невозможно без должного изучения причин

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, РГНФ проект "Мотивационные и личностные предпосылки академической успешности и психологического благополучия учащихся" № 12-06-00856.

возникновения учебного обмана. Исследования, посвященные изучению факторов и предикторов учебного обмана, можно условно разделить на следующие направления:

- исследования, направленные на выявление психологических особенностей учащихся, склонных к нечестному поведению;
- исследования, направленные на изучение социокультурных факторов (религиозной принадлежности учащихся, типа учебного учреждения, стиля преподавания и т.д.) нечестного поведения.

В рамках первого направления изучалась связь учебного обмана с мотивами, целями, ценностями, а также гендерными и возрастными особенностями. Основными выводами данных исследований являются следующие: внутренне мотивированные студенты склонны обманывать меньше, чем студенты с внешней мотивацией [9]; подростки, ориентированные на внешние цели, в учебе обманывают больше, чем ученики, ориентированные на внутренние цели (цели мастерства) [6;15]. В ряде исследований данного направления особое место отводится изучению отношения учеников к обману. Показано, что «обманщики» склонны оправдывать нечестное поведение в большей степени, чем более честные ученики [7]. Также установлено, что отношение к обману не только значимо связано с проявлением обмана, но и является его предиктором. Соответственно, ученики, которые положительно относятся к обману, считают его приемлемой формой поведения и стремятся его оправдать, обманывают чаще студентов, имеющих негативное отношение к обману.

В исследованиях, посвященных изучению социокультурных факторов нечестного поведения, изучалась связь учебного обмана с религиозной принадлежностью студентов, особенностями учебной среды и специализации респондентов. Результаты исследований свидетельствуют, что более религиозные студенты имеют меньшую склонность к обману (показано на материале еврейских студентов) [18]; учебный обман зависит от отношения учащихся к учителю, ученики, которые воспринимают своего учителя как компетентного и относящиеся к нему с уважением, обманывают реже [14]; студенты «бизнес»-специальностей (обучающиеся на менеджеров, бухгалтеров, финансистов, экономистов и т.д.) проявляют более лояльное отношение к обману, в отличие от студентов других специальностей [18].

Таким образом, исследованию нечестного поведения в учебном процессе посвящено достаточно большое число научных работ. В них установлены предикторы и выявлены связи нечестного поведения с рядом личностных и ситуационных переменных, показано негативное влияние учебного обмана на образовательный процесс и даже на будущую профессиональную деятельность. Однако остается неясным, как связано нечестное поведение с разными типами учебных достижений; какие мотивационные факторы вносят наиболее существенный вклад в возникновение нечестного поведения. Попытке ответить на эти вопросы и посвящена данная статья.

Учебный обман рассматривается нами как стратегия псевдоадаптивного поведения, направленная на достижение внешних, нерелевантных по отношению к учебной деятельности целей, наиболее легким способом. Место действий, направленных на усвоение знаний, умений, важных для жизни компетенций, заменяют действия по их имитации, направленные на достижение высоких результатов (оценок, похвал, баллов ЕГЭ). Наиболее часто учебный обман проявляется в списывании у других учащихся, использовании шпаргалок, плагиате. Однако, мы допускаем, что многие школьники время от времени прибегают к отдельным формам обмана, но из этого не следуют, что у них сложилась стратегия учебного обмана. В связи с этим, представляется важным различать единичные факты нечестного поведения, возникающие в отдельных ситуациях, и стабильное его проявление, охватывающее большинство учебных ситуаций (домашние задания, контрольные работы, экзамены). Для обозначения учебного обмана как стратегии поведения мы исходили из критериев: стабильности (частоты) проявления обмана и его распространенности на широкий круг учебных ситуаций.

С учетом данных критериев был разработан опросник, который использовался в двух эмпирических исследованиях, представленных в данной статье. Настоящая статья посвящена изучению мотивационных факторов учебного обмана и его связи с разными типами академических достижений как одной из стратегий псевдоадаптивного учебного поведения. Для этих целей были проведены два исследования.

Эмпирическое исследование 1

Задачей настоящего исследования было выявление связей нечестного поведения с когнитивными составляющими учебной мотивации и академическими достижениями, оцениваемыми через показатели успеваемости и результаты ЕГЭ.

Методы

Выборка

В исследовании приняли участие учащиеся 11-х классов (N=150, юноши составили 46%) в возрасте от 16 до 18 лет (M=17). В выборку вошли учащиеся шести средних образовательных учреждений города Москвы и Московской области. Исследование проводилось в январе-марте 2013 года, результаты ЕГЭ были получены по 128 учащимся (85% от всей выборки).

Методики

Для оценки когнитивных составляющих учебной мотивации использовались: 1) адаптированная Т.О. Гордеевой шкала академического контроля Р. Перри [17], диагностирующая ощущение контролируемости своих успехов в учебной деятельности (8 утверждений, надежность α Кронбаха 0,67); 2) Шкала академической самооэффективности Т.О. Гордеевой [1], диагностирующая веру учащихся в свой академический потенциал, представления о своих способностях успешно справляться с трудностями, возникающими в процессе обучения (4 утверждения, надежность

$\alpha=0,50$); 3) Разработанная нами шкала воспринимаемой объективности оценивания учебных достижений, диагностирующая ощущение справедливости (заслуженности) получаемых оценок по отношению к собственным учебным достижениям (7 утверждений, надежность $\alpha = 0,82$).

Для диагностики нечестного поведения была разработана шкала учебного обмана, состоящая из пяти утверждений, отражающих различные проявления нечестного поведения, например: «Я могу списать домашнее задание, если я его не успел(а) сделать по какой-то причине» (См. Приложение). Ответить на каждое утверждение предлагалось, выразив меру согласия с ним (варианты ответов: верно, скорее верно, скорее неверно, неверно).

Статистическая обработка данных проводилась при помощи статистического пакета SPSS 17.0.

Результаты и обсуждение

Для выявления связи учебного обмана с академическими достижениями были собраны результаты ЕГЭ по русскому языку и по математике, а также составлена кумулятивная успеваемость путем расчёта среднего балла годовых оценок по следующим предметам: русский язык, литература, алгебра, геометрия, физика, химия, биология, обществознание, история, английский язык. Коэффициенты корреляции учебного обмана с кумулятивной успеваемостью и когнитивными составляющими учебной мотивации представлены в таблице 1.

Согласно полученным результатам, ученики, чаще прибегающие к учебному обману, демонстрируют более низкие показатели успеваемости, чем их более честные одноклассники. С другой стороны, отсутствие значимых связей между учебным обманом и результатами ЕГЭ не позволяет утверждать, что ученики, прибегающие к нечестному поведению, чаще получают более низкие баллы по ЕГЭ. Таким образом, ученики, предпочитающие стратегию учебного обмана, имеют более низкие показатели по кумулятивной успеваемости,

но в то же время данная стратегия никак не связана с их результатами по ЕГЭ. Полученные результаты можно интерпретировать двояко.

С одной стороны, это может быть связано со спецификой ЕГЭ как одного из типов достижения. Основное отличие ЕГЭ от кумулятивной успеваемости заключается в единичном оценивании уровня знаний одним контрольно-измерительным материалом. Соответственно, успешная сдача ЕГЭ требует особой подготовки, отличной от той, которая непосредственно дается и оценивается в школах. Показатели кумулятивной успеваемости, в свою очередь, не основываются на стандартизированном способе проверки знаний, однако предполагают многократную его проверку в различных учебных ситуациях (устных ответов, контрольных и лабораторных работ), позволяющую учитывать динамику усвоения учеником знания. Кроме того, в результатах ЕГЭ не отражается процесс решения учебной задачи, а лишь конечный результат, в отличие от школьной успеваемости, где на основании устных ответов учеников преподаватели могут оценивать правильность способа решения учебной задачи.

С другой стороны, отсутствие значимых связей учебного обмана с ЕГЭ можно объяснить нарушениями (фальсификациями) при его проведении в 2013 году. (Например, школьники, сдавшие экзамен на Дальнем Востоке, выложили в сеть экзаменационные бланки с ответами, что позволило выпускникам из центральных регионов России воспользоваться данной информацией [4]). Таким образом, из-за нарушений в процедуре проведения экзамена как ученики со стратегией учебного обмана, так и менее склонные к нему учащиеся могли прибегнуть к обману для достижения более высоких результатов.

Согласно результатам корреляционного анализа, учебный обман значимо отрицательно коррелирует с академическим контролем, академической самоэффективностью и показателем объективности оценивания учебных достижений. Для учеников, прибегающих к

Таблица 1.

Корреляционный анализ учебного обмана с типами академических достижений и когнитивными составляющими учебной мотиваций (N=150)

	α	1	2	3	4	5	6	7
1. Академический контроль	0,67							
2. Академическая самоэффективность	0,50	0,53**						
3. Объективность оценивания учебных достижений	0,82	0,25**	0,24**					
4. Учебный обман	0,77	-0,31**	-0,22**	-0,37**				
5. Кумулятивная успеваемость		0,34**	0,28**	0,21*	-0,19*			
6. ЕГЭ по математике		0,18*	0,03	0,23**	-0,05	0,40**		
7. ЕГЭ по русскому		0,19*	0,11	0,16	0,03	0,67**	0,37**	
8. Пол		0,11	0,16	0,02	-0,07	0,22**	-0,03	0,12
M		4,05	3,21	2,81	5,20	55,63	71,34	3,96
SD		0,55	0,90	0,94	1,03	14,62	12,50	0,53

Примечания. M – среднее; SD – стандартное отклонение. Уровень значимости: ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$.

стратегии учебного обмана, характерна более низкая вера в свой потенциал, они ниже оценивают свои академические способности и возможность улучшить свои учебные показатели, считают, что в меньшей степени способны как-то повлиять на результаты собственной учебы, чем более честные ученики. Интересно, что академические достижения (оценки, баллы ЕГЭ), по мнению учеников, прибегающих к обману, в большей степени зависят от случая, воли учителя или от каких-либо других внешних причин, чем от их собственных способностей или усилий. В связи с этим они не воспринимают оценки как объективные показатели уровня усвоения знаний и умений. Важно отметить, что низкая надежность конструкта академической самооффективности не позволяет нам сделать однозначные выводы о результатах корреляционного анализа этой шкалы с другими.

Несмотря на то, что корреляционный анализ не позволяет установить причинно-следственные связи между переменными, можно предположить, что данные показатели по когнитивным составляющим мотивации способствуют возникновению и проявлению стратегии учебного обмана.

Эмпирическое исследование 2

Поскольку проведенное исследование дало определенные обнадеживающие результаты относительно связи когнитивных составляющих учебной мотивации с нечестным поведением учащихся, было решено провести второе исследование, направленное на более детальное изучение мотивационных предпосылок нечестного поведения в учебном процессе. Задачей данного исследования было выявление связей нечестного поведения с внутренними и внешними типами учебной мотивации, а также подтверждение результатов предыдущего исследования относительно связи учебного обмана с академической успеваемостью.

Методы

Выборка

В исследовании участвовали ученики 11-х классов ($N=184$, юноши составили 41%) в возрасте от 16 до 18 лет ($M=16,8$). В выборку вошли учащиеся десяти средних образовательных учреждений города Москвы и Московской области. Исследование проводилось в октябре-декабре 2013 года.

Методики

Для диагностики внутренней и внешней мотивации учебной деятельности использовалась Шкала академической мотивации, разработанная Т.О. Гордеевой, Е.Н. Осиным и О.А. Сычевым[2]. Опросник включает в себя 28 утверждений, образующих 7 шкал: три внутренних мотива (мотивация познания, достижения и саморазвития), три внешних мотива (самоуважения, интроецированная и экстерналиная), а также шкала амотивации. Познавательный мотив детерминирует учебную деятельность за счет интереса к ее непосредственному содержанию, проявляется в состоянии увлеченности процессом познания. Мотив достижения проявляется в стремлении решать сложные задачи и до-

стигать трудные цели. Мотив саморазвития заключается в стремлении развивать себя, свои умения и способности в процессе учебной деятельности. Мотив самоуважения проявляется в стремлении чувствовать себя значимым, уважаемым человеком в школе. Интроецированная регуляция детерминирует деятельность за счет чувства долга, вины и стыда. Экстерналиная регуляция проявляется в стремлении учиться ради избегания проблем (критики родителей и учителей, плохих оценок), исходящих из внешнего окружения. Шкала амотивации включает утверждения, отражающие безразличие ученика к учебному процессу и ощущение его бессмысленности.

Для диагностики нечестного поведения применялась та же шкала учебного обмана, что и в первом исследовании. Статистическая обработка данных проводилась при помощи статистического пакета SPSS 17.0.

Результаты и обсуждение

Результаты корреляционного анализа, представленные в таблице 2, подтверждают значимую отрицательную связь учебного обмана с кумулятивной успеваемостью (кумулятивная успеваемость была образована аналогичным способом, как и в первом исследовании). При этом уровень значимости связи данных переменных во втором эмпирическом исследовании выше ($p<0,01$), что, вероятно, связано с большей репрезентативностью выборки. В данном исследовании подтверждается положение о том, что ученики, прибегающие к обману имеют более низкие показатели успеваемости, что в свою очередь, свидетельствует о неэффективности применения данной стратегии в учебном процессе даже для достижения внешних целей (оценок, баллов ЕГЭ).

Анализ взаимосвязей учебного обмана с внутренними мотивами показывает, что обращение к стратегии учебного обмана негативно связано с выраженностью всех трёх типов мотивов. Учебный процесс не представляет для учеников, склонных к обману, интереса, они не получают удовольствия от выполнения учебных заданий. Обманывающие ученики не воспринимают учебу как деятельность по развитию себя и своих способностей.

В то же время, корреляционный анализ показывает положительную связь учебного обмана с внешним мотивом – экстерналиной регуляцией. Соответственно, деятельность учеников с доминированием стратегии обмана детерминируется внешними наградами (оценками, поощрением родителей и т.д.), то есть не связанными непосредственно с учебной деятельностью стимулами. Кроме того, учебный обман значимо положительно коррелирует с амотивацией, отражающей ощущение бессмысленности и безразличия учеников к учебной деятельности, однако, предполагающей с их стороны некоторую активность. Таким образом, ученики с выраженной экстерналиной регуляцией и амотивацией склонны чаще прибегать к стратегии учебного обмана как наиболее легкому и наименее энергозатратному способу достижения своих целей.

С другой стороны, обращает на себя внимание от-

Таблица 2.

Корреляционный анализ учебного обмана с типами мотивов и кумулятивной успеваемостью (N=184).

	α	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1.Познавательный мотив	0,9									
2. Мотив достижения	0,91	0,81**								
3. Мотив саморазвития	0,86	0,75**	0,72**							
4. Мотив самоуважения	0,86	0,54**	0,50**	0,76**						
5. Интроецир. регуляция	0,67	0,23**	0,15*	0,35**	0,61**					
6. Экстернальная регуляция	0,75	-0,24**	-0,19**	-0,04	0,14	0,39**				
7. Амотивация	0,85	-0,050**	-0,41**	-0,41**	-0,40**	-0,19*	0,29**			
8. Учебный обман	0,8	-0,38**	-0,37**	-0,27**	-0,12	-0,03	0,38**	0,35**		
9. Кумулятивная успеваемость		0,31**	0,29**	0,28**	0,28**	0,15*	-0,18*	-0,12	-0,27**	
Пол		-0,09	0,05	-0,12	-0,22**	-0,14	0,05	0,09	0,03	-0,26**
M		3,38	3,06	3,40	3,39	3,42	3,14	1,82	2,95	3,92
SD		1,05	1,09	1,04	1,09	0,95	1,08	0,93	0,91	0,50

Примечания. M – среднее; SD – стандартное отклонение. Уровень значимости: ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$.

существование значимых связей учебного обмана с мотивом самоуважения и интроецированной регуляцией. Поскольку для учащихся с доминированием данных мотивов учеба в школе связана с поддержанием ощущения собственной значимости, самоуважения, избегания чувства стыда и вины, можно предположить, что для достижения высоких академических результатов они стремятся выбрать наиболее оптимальный способ достижения, исходя из имеющихся условий (трудности учебного предмета, личности преподавателя и т.д.). Таким образом, мы полагаем, что у учеников с доминированием данных мотивов учебный обман может присутствовать в обучении, однако не является стабильной сложившейся стратегией поведения.

Для выявления влияния типов учебных мотивов на учебный обман был проведен регрессионный анализ (использовался метод пошагового отбора). Результаты регрессионного анализа представлены в таблице 3. Регрессионная модель объясняет 24,6% от всего влияния на учебный обман. Проведенный анализ показал, что предикторами учебного обмана среди мотивов выступают мотив достижения (как отрицательный предиктор), экстернальная регуляция и амотивация.

Таблица 3.

Регрессионный анализ типов мотивов
(зависимая переменная – учебный обман)

Переменные	B	B	t test
Мотив достижения	-0,222	-0,252	-3,555**
Экстернальная регуляция	0,249	0,28	4,142**
Амотивация	0,174	0,167	2,306*
Константа	2,838		

Уровень значимости: ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$.

Из представленных в таблице данных видно, что наиболее весомым предиктором является экстернальная регуляция. По-видимому, ориентация учеников на внешние стимулы (оценки, поощрения) обуславливает возникновение поиска способа их достижения, среди которых более предпочтительным выступает стратегия учебного обмана.

Другим предиктором учебного обмана выступает мотив достижения. Данный мотив был заявлен как собственное желание решать сложные задания и достигать трудные учебные цели. Учитывая, что мотив достижения является отрицательным предиктором обращения к стратегии обмана, отсутствие данного стремления в совокупности со стремлением решать легкие задания обуславливают предпочтение стратегии учебного обмана.

Наименее весомым, тем не менее значимым предиктором учебного обмана выступает амотивация. Это означает, что ощущение безразличия учеников и бессмысленности образовательного процесса не ведет к полному отказу учащихся от активности и предполагает ее развертывание по имитации учебной деятельности посредством использования стратегии учебного обмана.

Данные предикторы хорошо согласуются между собой, и можно заключить, что мотивация учения прежде всего через внешние стимулы (оценки, поощрения и т.д.), стремление выполнять легкие учебные задания, слабая заинтересованность учебным процессом и потеря ощущения его смысла ведут к возникновению нечестного поведения.

Общее обсуждение результатов

Результаты проведенных исследований хорошо согласуются с нашим пониманием учебного обмана как псевдоадаптивной стратегии поведения, направленной на достижение внешних, нерелевантных учебной деятельности целей наиболее легким способом.

Настоящее исследование в отличие от исследований, проводимых ранее [9; 11], включает анализ различных типов внешних мотивов (мотива самоуважения, интроецированной регуляции, экстернальной регуляции), амотивации, а также различных типов внутренних мотивов (познавательный мотив, мотив достижения, мотив саморазвития), что в свою очередь, предполагает более дифференцированный подход к изучению связей учебного обмана с мотивацией. Было обнаружено, что деятельность учащихся, избирающих стратегию учеб-

ного обмана, детерминирована желанием достигать внешних наград, слабой заинтересованностью содержанием обучения и стремлением к выполнению наиболее легких заданий. Отсутствие значимых корреляций учебного обмана с мотивом самоуважения и интроецированной регуляцией может свидетельствовать о ситуативном обмане у учеников с доминированием данных мотивов. Так, возникновение обмана будет обусловлено учебной ситуацией, позволяющей удовлетворить потребности в уважении окружающих, а не устойчивым личным предпочтением.

Наряду с данными мотивами для учеников, прибегающих к обману, характерна слабая вера в свои академические способности, ощущение неконтролируемости результатов своей учебной деятельности в совокупности с ощущением необъективности получаемых ими оценок. Полученные данные о связи нечестного поведения с когнитивными составляющими учебной мотивации согласуются с результатами других исследований [16]. Важным дополнением к этим результатам является выявленная связь учебного обмана с восприятием объективности собственных оценок учеником. С нашей точки зрения, ощущение необъективности собственных оценок может быть вызвано не только стремлением оправдать свой обман, но и отражает сложившуюся ситуацию в школе, включающую субъективность учителя, неясность используемых критериев оценивания. Таким образом, ощущение необъективности собственных оценок может выступать как предиктор низкой самооценочности и низкого уровня воспринимаемого контроля.

Результаты корреляционного анализа учебного обмана с кумулятивной успеваемостью в двух исследованиях убедительно показывают неэффективность использования данной стратегии поведения в условиях российского школьного образования. Аналогичные результаты были получены на материале других образовательных и культурных сред студентов Словении (С. Peklaj, J. Kalin) и Великобритании (S. Newstead).

Отсутствие значимых связей учебного обмана с результатами ЕГЭ может быть объяснено нарушениями в процедуре проведения экзамена в 2013 году, которые дали возможность ученикам использовать стратегию учебного обмана [4]. Учитывая значимость получения высоких результатов ЕГЭ для учеников, можно предположить, что даже те ученики, которые не имели сложившейся стратегии учебного обмана, могли прибегнуть к нечестному поведению в той или иной мере.

Меры по повышению ощущения объективности получаемых оценок.

Проведенные исследования не только позволяют установить предикторы и взаимосвязи учебного обмана с академическими достижениями и мотивационными составляющими, но также позволяют наметить пути по разработке системы предотвращения нечестного поведения в образовании. В частности, для повышения ощущения контролируемости своих учебных достижений и объективности получаемых оценок рекомендуется создание следующих условий:

- Наличие четких и ясных критериев оценивания.

Учителю необходимо (желательно совместно с учениками) определить критерии оценивания для регламентированного вынесения решений об оценке при проверке любых видов учебных заданий (классных и домашних работ, контрольных заданий). Важно пояснять ученикам критерии оценивания, а также аргументировать их целесообразность. Вероятно, что при наличии понятных и конкретных критериев оценивания учащиеся смогут самостоятельно проверять правильность своих работ и справедливость поставленной им оценки. Для реализации данного условия учитель может предложить ученикам совместно с ними определить критерии оценивания или предложить уже готовые критерии, но обязательно обсудить их с учениками. Далее можно дать задание ученикам сделать стенд с критериями оценивания различных видов учебных работ.

- Возможность исправить полученную оценку. Следует учитывать, что получение низкой оценки учеником может быть следствием различных причин (тревожности, стресса, недостатков измерительных конструктов и т.д.) и недостаточно адекватно отражать уровень знаний ученика. Кроме того, возможность исправить оценку будет побуждать учащихся к проведению работы над ошибками, восполнению «пробелов» в знаниях. Важно, чтобы учитель выделил для учащихся определенное время, когда они смогут попытаться исправить свои оценки (например, последний урок в каждом месяце).

- Совместное (учителя и ученика) составление контрольных заданий. В данном случае учитель может предложить ученикам разделиться на группы и самостоятельно составить контрольные задания на основании изученных тем (задание для внеклассной работы). Далее учителю будет необходимо выбрать из предложенных вариантов задания для контрольной работы. С одной стороны, составление контрольных заданий позволит учащимся лучше понять изучаемый материал, а с другой стороны, учитель на основании составленных учениками заданий сможет определить их уровень знаний и понимания материала (например, если ученики не включают задания определенного типа в свои варианты, это может свидетельствовать о недостаточном их владении учебным материалом).

Очевидно, что помимо перечисленных условий существует еще множество средств поддержания интереса учеников к учебе и предотвращения нечестного поведения, которые во многом зависят от компетентности учителя. В данной статье указаны лишь те условия, создание которых не потребует существенных временных затрат и усилий педагога. При этом не отрицается важность осуществления контроля и применения санкций к учащимся, уличенным в обмане.

Выводы

1. Предикторами учебного обмана выступают экстерналистская регуляция, амотивация и мотив достижения (как отрицательный предиктор).

2. Нечестное поведение значимо отрицательно связано с когнитивными составляющими учебной мо-

тивации и внутренними мотивами учебной деятельности (познавательным мотивом, мотивом достижения и мотивом саморазвития).

3. Стратегия учебного обмана значимо отрицательно связана с академической успеваемостью школьников, но не связана с результатами ЕГЭ (2013 г.).

Библиографический список (References)

1. Gordeyeva T.O. Motivation of educational activity of school students and students: structure, mechanisms, development conditions. Thesis ... doct. psychology. sciences. M., Moscow State University, 2013.
2. Gordeyeva T.O., Osin E.N., Aspens, Sychev O. A. Oprosnik of "Scale of the academic motivation" // Psychological magazine. 2014, 4.
3. Latova N. V., Latov YU. V. Lats deception in educational process // Social sciences and the present. 2007 . No. 1. Page 31-46.
4. Violation on Unified State Examination – 2013: <http://www.moeobrazovanie.ru>
5. Soboleva A.E., Yemelyanova E.N. Reshayem school problems. Councils of the neuropsychologist. - SPb. : St. Petersburg, 2009.
6. Anderman E., Griesinger T., Westerfield G. Motivation and cheating during early adolescence // Journal of Educational Psychology. 1998. Vol. 90. P. 84–93.
7. Davy A., Kincaid F., Smith J., Trawick A. An Examination of the Role of Attitudinal Characteristics and Motivation on the Cheating Behavior of Business Students // Ethics and Behavior. 2007. Vol. 17(3), P. 281–302.
8. Granitz N., Loewy D. Applying ethical theories: Interpreting and responding to student plagiarism // Journal of Business Ethics. 2007. Vol. 72: P. 293-306.
9. Jordan A. College student cheating: The role of motivation, perceived norms, attitudes, and knowledge of institutional policy // Ethics and Behavior. 2001. Vol. 11. P. 233–247.
10. Josephson Institute Report Card on the Ethics of American Youth: Part One – Integrity Summary of Data. 2006. http://josephsoninstitute.org/pdf/ReportCard_press-release_2006-1013.pdf
11. Kenneth J., Patricia L., Herman M. A reevaluation and extension of the motivation and cheating model // Global Perspectives on Accounting Education. 2012. Vol. 9. P. 1-29.
12. Kobayash E., Fukushima M. Gender, Social Bond, and Academic Cheating in Japan // Sociological Inquiry. 2012. Vol. 82(2). P. 282–304.
13. McCabe D., Butterfield K., Trevino L. Academic dishonesty in graduate business programs: Prevalence, causes, and proposed action // Academy of Management Learning & Education. 2006. Vol. 5(3). P. 294-305.
14. Murdoek T., Beauchamp A., Hinton A. Predictors of cheating and cheating attributions: Does classroom context influence cheating and blame for cheating? // European Journal of Psychology of Education. 2007. Vol. 23. P. 477-492.
15. Newstead S., Franklyn-Stokes A., Armstead P. Individual Differences in Student Cheating // Journal of Educational Psychology. 1996. Vol. 88(2). P. 229-241.
16. Peklaj C., Kalin J., Pecjak S., Valencic Zuljan M., Puklek Levpuscek M. Perception of teachers' goals in classroom, students' motivation and their maladaptive behavior as predictor of high school math achievement // Studia Psychologica. 2012. Vol. 54(4). P. 329-344.
17. Perry R., Hladkyj S., Pekrun R., Pelletier S. Academic control and action control in the achievement of college students: A longitudinal field study // Journal of Educational Psychology. 2001. Vol. 93(4). P. 776–789.
18. Rettinger D., Jordan A. The Relations among Religion, Motivation, and College Cheating: A Natural Experiment // Ethics & Behavior. 2005. Vol. 15. P. 107-129.
19. Ross L., Green D., House P. The "false consensus effect": An egocentric bias in social perception and attribution processes // Journal of Experimental Social Psychology. 1977. Vol. 13, P. 279–303.
20. Sevari K., Ebrahimi G. The Relationship between Self-control, Self-effectiveness, Academic Performance and Tendency towards Academic Cheating: A Case Report of a University Survey in Iran // Malaysian Journal of Distance Education, 2011. Vol. 13(2). P. 1-8.
21. Yang J. Predicting cheating behavior: a longitudinal study with Chinese business students // Social Behavior and Personality. 2012. Vol. 40(6). P. 933-940.

Приложение

Текст разработанных шкал

Шкала учебного обмана.

1. Я могу списать домашнее задание, если я его не успел(а) сделать по какой-то причине.
2. Иногда я использую шпаргалки (на контрольных или тестах).
3. Я списываю домашнее задание у одноклассников, если было некогда делать самому (самой).
4. Я списываю, потому что мне лень делать самому.
5. Списывание для меня не редкость, потому что так делают почти все.

Шкала воспринимаемой объективности оценивания учебных достижений.

1. В нашей школе оценки не отражают истинный уровень знаний ученика (обратный пункт).
2. У некоторых учителей можно легко получить «2» ни за что (обратный пункт).
3. Большинство моих учителей ставят оценки справедливо.
4. Я верю, что мои оценки отражают уровень моих знаний.
5. В нашей школе оценки ставятся в зависимости от того, как учитель относится к ученику (обратный пункт).

УДК 372.038:216.4

UDC 372.038:216.4

Н.В. ЕГУПОВА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры дизайна, скульптуры и теории искусства Орловского государственного университета

N.V. EGUPOVA

candidate pedagogical sciences, associate professor department of design, sculpture and theory arts, Orel state university

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В ПРОЦЕССЕ ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

THE PROFESSIONAL COMPETENCE OF THE TEACHER OF FINE ARTS IN THE PROCESS OF TRAINING

В статье рассмотрены теоретические и практические вопросы формирования профессиональной компетентности учителя изобразительного искусства. Раскрыты основные формы развития профессионального потенциала учителя изобразительного искусства. Рассмотрены этапы формирования профессиональной компетентности в процессе повышения квалификации.

Ключевые слова: компетентность, профессия, специалист, художник, культура, методика, компетенции.

The paper deals with the theoretical and practical aspects of formation of professional competence of the teacher of fine arts. General forms of professional potential art teacher. The stages of the formation of professional competence in the process of training.

Keywords: competence, profession, professional, artist, culture, methodology, competence.

Под профессиональной компетентностью учителя изобразительного искусства подразумевается совокупность профессиональных и личностных качеств педагога, необходимых ему для успешной педагогической деятельности.

Педагогическая деятельность, осуществляемая на высоком профессиональном уровне, стабильно высокие показатели в обучении и воспитании школьников являются критериями профессиональной компетентности.

Способность к адаптации в меняющейся педагогической среде, формирование творческой натуры, восприимчивости к инновациям в педагогике достигаются путем развития профессиональной компетентности учителя изобразительного искусства. От профессионального уровня педагога зависит нравственное, духовное, эстетическое воспитание учащихся.

На сегодняшний день существуют основные формы развития профессионализма учителя изобразительного искусства, такие как самообразование, дополнительное образование, образование с помощью современных технологий развивающего образования, мастер-классы, участие в художественных выставках и конкурсах, творческая деятельность и т.д.

В качестве основных условий формирования профессиональной компетентности учителя изобразительного искусства можно выделить творческую деятельность, исследовательскую деятельность педагога, освоение новых педагогических технологий, работу в методических объединениях, творческих группах, участие в художественных конкурсах, педагогических форумах, передача художественного и педагогического опыта.

Вышеперечисленные способы не будут достаточно эффективны, если педагог не осознает необходимости

повышения профессиональной квалификации. Важно создать благоприятные условия для творческого роста педагога. Необходимо мотивировать учителя ИЗО. Основой успешного формирования профессиональной компетентности является процесс усовершенствования профессиональных качеств учителя изобразительного искусства, а также развитие личностных качеств, накопление педагогического опыта, творческая деятельность педагога.

Выделяются три этапа формирования профессиональной компетентности учителя изобразительного искусства:

- сознание необходимости и самоанализ;
- планирование саморазвития (цели, задачи, пути решения);
- самовыражение, анализ, корректировка.

На протяжении всей педагогической деятельности педагогу требуется постоянно повышать уровень своей квалификации, этот процесс циклический, поэтому вышеперечисленные этапы повторяются каждый раз в новом качестве.

От среды, в которой формируется профессиональная компетентность, зависит очень многое, именно среда должна стимулировать профессиональное саморазвитие. Анкетирование, тестирование, школьные мероприятия по обмену опытом, выставки, конкурсы, все эти формы стимулирования влияют на формирование благотворной психологической атмосферы в педагогическом коллективе. Современный учитель изобразительного искусства обязан вовлечь учащихся в творческую деятельность, развить художественное воображение детей, образное мышление и творческий потенциал, также должен уметь формировать общекультурную компетентность, создавать условия для

нравственного развития личности.

Важную роль в этом играет система повышения квалификации, которая имеет возможность организовывать целенаправленный процесс формирования профессиональной компетентности у педагогов, основываясь на принципах открытости, мобильности, вариативности, интегративности, технологичности, практикоориентированности, прогнозируемости, инновационности.

Анализ педагогического и художественного опыта педагогов, анкетирование, тестирование учителей изобразительного искусства выявили ряд причин сохранения низкого уровня профессиональной компетентности педагогов:

- недостаточные знания в области психологии, педагогики, теории и методике искусства, национально-регионального компонента в искусстве;
- слабая техника владения различными технологиями в графике и живописи;
- неумение детально оценивать произведения искусства, недостаточное развитие образного, абстрактного мышления, трудности в осуществлении исследовательской, проектной, творческой деятельности;
- сложности в постановке учебных целей, отсутствие активной самостоятельной деятельности в творческом решении учебных задач, выборе видов и способов педагогического инструментария;
- неумение применять вариативный и личностно-ориентированный подходы к обучению учащихся изобразительному искусству;
- неумение анализировать свою педагогическую деятельность, прогнозировать пути развития самообразования и саморазвития, неумение проводить анализ своих ошибок и недочетов в педагогической

деятельности.

Для решения проблем в сфере преподавания изобразительного искусства в общеобразовательных учебных заведениях требуется модернизировать процесс повышения квалификации учителей изобразительного искусства, внедрять современные формы и методы профессиональной подготовки учителей изобразительного искусства в процессе повышения квалификации.

Необходимо организовать целенаправленный процесс формирования профессиональной компетентности у педагогов, основываясь на принципах открытости, мобильности, вариативности, интегративности, технологичности, прогнозируемости, инновационности.

Требуется разработать и внедрить научно-практические рекомендации и программы спецкурсов по преподаванию изобразительного искусства в средних общеобразовательных учебных заведениях на курсах повышения квалификации учителей. Важны разработанные авторские программы повышения квалификации, научно-методические и наглядные пособия по преподаванию изобразительного искусства, компьютерные презентации и практические задания для учителей, диагностический материал, который позволяет повысить эффективность системы повышения квалификации.

Возможно использование вышеперечисленного материала в системе постдипломного образования, в средних и высших профессиональных учебных заведениях, при организации курсов по специализированным дисциплинам и практикам студентов.

Успешное формирование профессиональной компетентности учителя изобразительного искусства возможно при выполнении этих условий.

Библиографический список

1. Бодров В.А. Психология профессиональной пригодности: Учеб.пособие для вузов. М.: ПЕР СЭ, 2001. 511 с.
2. Зеер Э.Ф. Психология профессий: Учеб.пособие для студентов вузов. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 336 с.
3. Маркова А.К. Психология профессионализма. М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. 312 с.
4. Поваренков Ю.П. Психологическое содержание профессионального становления человека. М.: Изд-во УРАО, 2002. 160 с.
5. Пугачев В.П. Руководство персоналом организации. М.: Аспект Пресс, 2000. 54 с.
6. Реан А.А., Кудашев А.Р., Баранов А.А. Психология адаптации личности. СПб.: Медицинская пресса, 2002. 352 с.
7. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии: В 2-х т. Т.2. М.: Педагогика, 1989. 328 с. (Труды чл.-корр. АПН СССР).
8. Солнцев Г.И. Об основных видах сознательной деятельности // Комментарии. 1992. №1.
9. Степанов В.Р. Методика определения профессионального уровня преподавателя: Методическая разработка. Чебоксары: Клио, 1994. 12 с.
10. Шадриков В.Д. Психология деятельности и способности человека: Учеб.пособие. М.: Логос, 1998. 320 с.

References

1. Bodrov VA Psychology professional competence : Studies. manual for high schools . - Moscow: PER SE , 2001 . - 511.
2. Zeer EF Psychology professions : Teaching . manual for students . - Moscow: Academic Project , Yekaterinburg: Business Book , 2003 . - 336 .
3. Markov AK Psychology of professionalism. - Moscow: International Humanitarian Fund "Knowledge" , 1996 . - 312.
4. Povarenkov UP Psychological content of the professional development of the person. M.: Publishing House of the URAO, 2002. 160.
5. Pugachev VP Personnel management organization. - Moscow: Aspect Press , 2000 . - 54.
6. Rean AA, Kudashov AR, AA Baranov Psychological adaptation of the individual. - St. Petersburg. : Medical Press, 2002. - 352 .
7. Rubinstein SL Fundamentals of general psychology: In 2 volumes - Volume 2 . - M.: Education , 1989 . - 328 p . - (Proceedings of Corr. Academy of Pedagogical Sciences of the USSR) .
8. Solncev GI The main types of conscious activity // Comments . - 1992 . - № 1.
9. Stepanov VR Methods of determining the professional level of teachers : Methodological development . - Cheboksary: Clio , 1994 . - 12 .
10. Shadrikov V.D. Psychology of human activities and the ability to : Textbook. allowance. - Moscow: Logos , 1998 . - 320 .

УДК 37.036

UDC 37.036

Н.В. ЕФРЕМИЧЕВА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры декоративно-прикладного искусства и технической графики Орловского государственного университета
E-mail: efremicheva@mail.ru

С.Н. НОВИКОВ

доктор педагогических наук, профессор кафедры декоративно-прикладного искусства и технической графики Орловского государственного университета

N.V. EFREMICHEVA

candidate of pedagogical sciences, associate Professor of the Department of decorative-applied art and technical graphics, Orel state university
E-mail: efremicheva@mail.ru

S.N. NOVIKOV

doctor of pedagogical Sciences, Professor of the Department of decorative-applied art and technical graphics, Orel state university

ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА СЕЛА В КОНТЕКСТЕ ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ СЕЛЬСКОГО ШКОЛЬНИКА

PROBLEMS OF SOCIO-CULTURAL SPACE OF VILLAGE IN A CONTEXT OF AESTHETIC EDUCATION OF RURAL SCHOOL CHILDREN

В статье рассматриваются особенности социокультурного пространства села. Анализируется специфика условий работы сельской школы, определяемая рядом объективных факторов. Определяется роль школы и условия формирования основ художественно-эстетической культуры сельских школьников.

Ключевые слова: сельская школа, социокультурное пространство, дополнительное образование, эстетическое воспитание.

The article discusses the specifics of social and cultural space of the village. Analyzed the specific working conditions of rural schools, defined a number of objective factors. Defines the role of schools and formation conditions of the foundations of artistic and aesthetic culture of rural school children.

Keywords: rural school, socio-cultural space, additional education, aesthetic education.

Образовательные и воспитательные задачи на селе приходится решать прежде всего школе и ее педагогическому коллективу. С сожалением следует отметить, что в Орловской области за последние 6 лет количество сельских школ сократилось с 606 до 337. А школа на селе решает широкий спектр социальных проблем, связанных с обучением детей, поддержанием культурного уровня села, сохранением духовных основ и приобщением к нравственным ценностям. Одновременно школа призвана пробудить и развить интерес у ребят к художественному творчеству, воспитать эстетическое восприятие окружающей действительности, открыть широкие возможности для выявления индивидуальных творческих способностей детей, базирующихся на их природных задатках.

Анализ ряда педагогических исследований, посвященных проблемам сельской школы, и собственные наблюдения позволили сделать выводы о том, что на учебно-воспитательный процесс этого типа школ влияют многочисленные факторы. Одни из них постоянны, т.к. связаны со специфическими условиями социокультурного пространства сельской среды, другие проявляются как отклик на изменения общества в целом. Описанные в научно-исследовательской и педагогической литературе и выявленные в ходе данного исследования факторы, влияющие на учебно-воспитательный процесс в сельской школе, можно объединить в несколько групп:

– особенности условий функционирования сельской школы (разбросанность микрорайона школы, близость природного окружения, возможность постоянной и тесной связи с производственными коллективами, глубокая зависимость школы от местного хозяйства);

– особенности организации жизнедеятельности детского коллектива, связанные с малочисленностью учащихся (преобладание разновозрастного объединения школьников), а также трудности привлечения к внеклассной работе детей, живущих вдали от школы;

– особенности, связанные с воздействием характерного для села социального окружения на воспитание детей (более строгий, чем в городе социальный контроль за поведением детей ввиду малочисленности сельского населения, большие возможности ребят для контактов между собой во внеурочное время, иное, по сравнению с городским, положение детей в семье и школе, где у них шире диапазон трудовой деятельности, более ответственные обязанности). Сюда можно отнести и психологические особенности сельских школьников, связанные с дефицитом культурного воздействия (отсутствие театров, музеев, художественных выставок и т.д.) и ограниченным кругом их общения;

– особенности социального и профессионального окружения учителя на селе (малый контингент учащихся, отсутствие параллельных классов, полной учебной нагрузки по специальности, работа с

класс-комплектами, малочисленность педагогического коллектива, отсутствие методических объединений учителей, что ведет зачастую к методическому одиночеству, оторванность от культурной жизни, отдаленность крупных культурных центров, более низкий, по сравнению с городским, образовательный уровень сельского населения и сельских учителей, малочисленность сельского населения, что затрудняет учителю поиск помощников и единомышленников).

Кроме общих особенностей на учебно-воспитательный процесс в сельской школе наложили отпечаток и глобальные изменения, происходящие в обществе: демократизация, обращение к гуманистическим принципам, личностно-центрированное компетентностно-ориентированное образование, экономическое переустройство общества. Трансформация внешних условий влечет преобразование требований к содержанию, формам и методам образования и воспитания. В большинстве случаев педагогические коллективы сельских школ оказались не готовы к быстрым и качественным изменениям существующей системы в соответствии с требованиями времени. В ряде школ сохраняется принцип «подгона» учащихся под некоторый единый стандарт, который соответствует общим требованиям, диктуемым общей программой. В подобных условиях трудно сохранить индивидуальность ребенка, выявить и развить творческие способности личности. Однако, все очевиднее проявляются тенденции на индивидуализацию обучения, на комплексность формирования личности.

Интересны результаты исследований организации досуга и приоритетов сельских школьников, в результате которого было отмечено, что сам сельский школьник активно стремится к личной самоактуализации. Так, в целом, заниматься в школьных кружках и секциях хотело бы 60 процентов сельских школьников из числа опрошенных. Каждый пятый школьник-подросток в свое свободное время хотел бы заниматься самостоятельной творческой практической деятельностью. Неудовлетворенным остается желание каждого четвертого младшего школьника в свободное время посещать специальные кружки и студии: художественные, хореографические, декоративного искусства, фольклорные, музыкальные и т.п. Каждый пятый подросток среднего и старшего возраста среди желаемых выделяет занятия конструированием, моделированием, искусством, техникой, спортом. Экскурсии, путешествия и поездки в другие города, этнографические экспедиции и походы интересными делами, организованными школой, считают 18 процентов опрошенных подростков.

Школа остается основным центром организации внеучебного времени школьника в условиях небольшого села, поскольку учреждения культуры и организации досуга на селе либо отсутствуют совсем, либо работают плохо. Социальные исследования показывают, что необходима направленная работа по развитию культуры использования свободного времени личности. Свободное время сельских подростков Орловщины составляет в среднем ежедневно почти 4 часа, а в выходные дни бо-

лее 8-ми часов. У мальчиков ежедневное время досуга больше, чем у девочек от часа до двух часов.

Многие сельские школьники ощущают выходные дни как дни, полностью свободные от контроля взрослых. Все занятия сельских школьников Мценского, Урицкого, Кромского, Ливенского, Орловского и др. районов нашей области выглядят следующим образом:

1. общение и прогулки со сверстниками, отдых на природе или дома;
2. пассивно-репродуктивная или развлекательная деятельность (интернет, просмотр телепередач, кинофильмов, слушание музыки и т.п.);
3. лишь небольшую долю свободного времени занимает интеллектуально-познавательная деятельность активного характера (чтение, занятия в кружках, факультативах, клубах по интересам, техническое и художественное творчество, практическая деятельность).

«Ребенок, подобно растению, создает себя изнутри, и этот процесс строго индивидуален. Таков один из законов жизни. Внешние условия служат ребенку, как и растению, «материальной базой», где он черпает ресурсы, необходимые для его питания и роста. На нас лежит обязанность приблизить к нему эти ресурсы, создать для него благоприятную питательную среду».[2, С. 151]

Нельзя сказать, что в настоящее время в сельской школе имеется такая среда, обеспечивающая ребенку всестороннее развитие всех его способностей. Дети и их родители не могут быть удовлетворены организацией школьного образования и прежде всего его односторонностью, т.е. почти полным отсутствием дополнительного образования – кружков, факультативов, студий и пр.

Внеурочная деятельность должна быть тесным образом связана с урочной. Однако на практике, декларируя единство обучения и воспитания школьников, взаимосвязь различных форм урочной и внеурочной деятельности, многие учителя сельских школ не могут реализовать эти положения в своей работе.

Организация различных форм занятий должна на учитывать перспективы развития школы, уровень профессионально-педагогических умений и личностных качеств учителя, состояние общего развития учащихся, их реальные возможности к освоению предлагаемой деятельности и т.д. Творческое освоение учителями всего спектра возможностей взаимодействия этих занятий ведет к построению динамичной и гибкой системы учебно-воспитательного процесса, что в свою очередь создает благоприятные условия для выявления и развития индивидуальности каждого ребенка.

Как уже отмечалось, комплексное формирование личности сельского школьника во многом зависит от воздействия микросреды его преимущественного общения, от требований, которые эта среда предъявляет.

Какова же сама эта среда? Для данного контингента детей характерно длительное общение и частота контактов с ограниченным кругом людей в школе и во внеурочное время (учителя, родители, друзья, односельчане).

Учителя Орловщины имеют в среднем учебную на-

грузку от 21 до 28 часов в неделю и чаще всего ведут несколько учебных предметов. Такая ситуация объясняется объективными причинами: из 213 сельских школ в 162 учатся менее двадцати человек, из них 131 является малокомплектными, а средняя наполняемость классов в сельской местности – всего пять человек. И если школа может предложить что-то для организации свободного времени учащихся, то организаторами кружков становятся те же самые учителя. В силу этого наблюдается повышенный дефицит разнообразия в общении. К тому же, на качество познавательной активности школьников, на снижение воспитательного воздействия школы на селе влияет отсутствие свободного времени у сельских учителей и их недостаточная заинтересованность в самообразовании, в повышении собственной профессиональной культуры. По данным исследований, в свободное время изучает психолого-педагогическую и научно-методическую литературу среди сельских учителей в 1.9 раза меньшее количество опрошенных, чем в городских школах.

Большое значение в условиях сельской местности приобретает и тот факт, что педагогических кадров для сельских школ явно недостаточно. Нехватка учителей с базовой профильной подготовкой приводит к хроническому дефициту учителей-предметников, которые замещаются либо учителями-совместителями, либо лицами, не имеющими педагогического образования. Поэтому необходимо закрепление на селе молодых учителей, инициативных, творческих, лично заинтересованных в преобразовании сельской школы.

С другой стороны, общая культура и кругозор ребенка весьма ограничены в силу специфики жизнедеятельности сельского этноса, членом которого он является. Социально-педагогические установки семьи сельского школьника чаще всего сводятся к духовно-нравственному перепоручительству школе воспитательно-развивающих функций семьи. Само семейное воспитание носит четкую практико-прикладную направленность. Сельские дети очень рано приобщаются к индивидуальному сельскохозяйственному домашнему труду, что дает им практический опыт, однако не ориентирует их на творческую деятельность.

Еще одна особенность жизненного пространства сельского школьника заключается в том, что его родители мало заботятся об укреплении эмоционально-эстетического начала в жизни своих детей, выявлении прекрасного в окружающей действительности. Несмотря на то, что природа постоянно присутствует в жизни сельских детей, она рассматривается скорее как источник определённого вида продукции и слабо служит становлению и развитию эстетического потенциала детской индивидуальности. Природа недостаточно используется как семьей ребенка, так и педагогами сельских школ.

Сельскому учителю бывает непросто найти интересных людей, владеющих знаниями и умениями для проведения внеклассной воспитательной работы по декоративно-прикладному искусству и народным промыслам. Но в то же время каждая сельская семья имеет

свой опыт воспитания детей. Образ жизни сельской семьи позволяет в большей степени, чем в городе использовать ведущие идеи народной педагогики. В сельской семье имеются богатые возможности для воспитания детей в труде, формирования у них бережного отношения к природе, сохранения обычаев и традиций.

Современная семья сельского школьника имеет ряд специфических особенностей. Традиционно сельская семья – это семья, в которой имеется несколько поколений взрослых и количество детей, как правило, более двух. Это создает благоприятные возможности для передачи и накопления детьми нравственного опыта и воспитания чувств семейной гордости, чести, уважения к трудовым традициям семьи. Сельская семья – это коллектив тружеников, цели и деятельность которого всегда связаны с решением задач общего труда, а образ жизни определяется участием всех членов семьи в сельскохозяйственном труде, отношением к родной земле. Учителю необходимо не только иметь достаточную профессиональную подготовку по предмету, но и хорошо знать особенности сельского семейного воспитания, а также уровень развития каждого ребенка.

Общая культура сельских школьников страдает и от явной недостаточности знаний о народном творчестве. От отсутствия во многих сельских школах занятий по декоративному искусству. Народное художественное творчество – всегда учение добру и о добре, сущность и природа его глубоко гуманны, оно обращено к миру, согласию, гармонии, обогащает духовно, является источником народной мудрости.

В условиях сельской местности имеются благоприятные возможности для организации различных форм занятий по декоративному искусству. Особый интерес представляют различные виды творчества, характерные для данного региона, тесно связанные с художественной обработкой широко распространенного и доступного местного сырья и материалов. Используя огромный потенциал декоративного искусства, опираясь на региональный принцип изучения народной художественной культуры, учителю сельской школы необходимо помнить, что в развитии народного искусства всегда есть мастера ведущие, есть основоположники школ, однако, творчество этих мастеров неразрывно связано с коллективным началом.

Сельские учителя в процессе художественно-воспитательной работы на уроках и внеклассных занятиях имеют возможность давать детям разнообразные творческие задания, неразрывно связанные с природой, традициями, условиями жизни родного края. В процессе этой деятельности значительно расширяются возможности эстетического развития учащихся.

Немаловажную роль может играть в эстетическом воспитании сельских школьников народное искусство, окружающее детей, традиционно развивающееся в предметах быта, украшениях, одежде, народных песнях, фольклорных праздниках.

Народное творчество, развиваясь соответственно своим функциям, тесно связано с духовными запросами народа, а во многих случаях неотделимо от народ-

ных приданий, обычаев, поэтических представлений, от живой природы, с которой всегда ассоциируют свои образы народные мастера.

Сохранению и развитию художественных народных промыслов всегда способствовали люди, которые являлись хранителями, носителями и собирателями художественных, технологических традиций, приемов, обычаев и мифов, связанных с данным видом искусства.

К хранителям промысла можно отнести мастеров, большую часть творческой деятельности связанных с промыслом, хорошо знающих обычаи, традиции, условности, в совершенстве владеющих приемами создания художественных изделий данного промысла, имеющих индивидуальный почерк, и ряд учеников, образующих школу данного мастера.

К носителям промысла следует причислить мастеров или учеников мастеров, тесно связанных с промыслом или ведущих преподавательскую деятельность по пропаганде творческого наследия этого вида художественного ремесла, владеющих приемами создания изделий и постоянно совершенствующих свое мастерство.

Собирателями промысла считают людей, которые ведут активную работу по коллекционированию изделий данного промысла, сбору информации о мастерах, традициях, обычаях, приемах выполнения изделий и семантике узора. Благодаря этим людям происходит возрождение утраченных промыслов и сохранение традиционных ремесел данного региона.

Народное декоративно-прикладное искусство, благодаря своей универсальности, «аккумулирует» художественно-практические навыки и умения, передает накопленный духовно-материальный, эстетический опыт от поколения к поколению. В декоративно-прикладной деятельности закрепляются и накапливаются эффективные методы обучения ремеслу, наиболее результативные способы освоения национального наследия, понятие прекрасного, эстетически ценного.

Именно на эту сторону прикладного искусства следует обратить внимание педагога. С одной стороны, на занятиях по декоративному искусству учащиеся осваивают азы художественной грамоты, с другой – приобретают практические навыки и умения, необходимые при освоении профессии; с третьей – знакомятся с основными видами народных промыслов, составляющих

эстетическое наследие народного искусства. Таким образом, формируются базовые знания, технические и художественные навыки, воспитывается чувство национального самосознания и гордости за свою этническую принадлежность, формируются основы эстетической культуры. Поэтому при эстетической направленности воспитания детей в русле национальной культуры на примерах декоративного искусства необходимо решить триединую задачу:

- во-первых, сохранить и развить в учениках живое, непосредственное восприятие мира, столь близкое детскому воображению и народному искусству;
- во-вторых, воспитывать и обучать школьников на лучших образцах современного и традиционного (древнего) народного искусства, чтобы ими была осознана преемственность традиций;
- в-третьих, в обучении использовать приемы, технологии, материалы, способы художественного оформления, характерные для определенного промысла или вида народного искусства, чтобы привить ребенку общехудожественные навыки и показать путь к постоянному творческому совершенствованию (тем самым решать задачи художественно-эстетического и творческого развития нового поколения).

Такой подход будет отражать общие тенденции развития прикладного искусства, взаимосвязь всех его направлений, способствовать решению проблемы сохранения национальных традиций, понимания вклада своего народа в копилку общекультурных ценностей.

Таким образом, рассматриваемые социальные и педагогические условия формирования основ художественно-эстетической культуры сельских школьников значительно шире. Но всегда необходимо помнить, что уровень и состояние работы сельской школы существенно влияет на социальное развитие села, укрепление молодежи и решение демографических проблем в селе. Поэтому очень важно учителю овладеть формами и методами внеклассной работы, творчески их использовать. Также для этого необходим научно обоснованный подход к вопросу о содержании учебных программ, разработке учебно-методического комплекса и создания условий для совершенствования системы формирования художественно-эстетической культуры сельских школьников с учетом влияния национально-художественных традиций.

Библиографический список

1. Новиков С.Н., Сурнова С.Н. Социально-педагогические условия формирования основ художественно-эстетической культуры сельских школьников. // Ученые записки Орловского государственного университета. Научный журнал Серия: «Гуманитарные и социальные науки». № 1 (39), 2011.
2. Френе С. Избранные педагогические сочинения // Вступит. Статья Б.Л. Вульфсона. М.: Прогресс, 1990.

References

1. Novikov S.N., Surnova S.N. Socio-pedagogical conditions of formation of bases of artistic and aesthetic culture of rural students. // Memoirs Oryol State University. Scientific Journal Series «Humanities and social sciences». № 1 (39), 2011.
2. Frene C. Selected pedagogical works // enter. Article B.L. Wolfson. M.: Progress, 1990.

УДК 811.161.373

UDC 811.161.373

Н.И. КИСЕЛЕВА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики обучения русскому языку и литературе Орловского государственного университета
E-mail: nadin-orel2009@yandex.ru

N.I. KISELEVA

candidate of pedagogical sciences, assistant professor of theory and teaching methods Russian language and literature, Orel State University
E-mail: nadin-orel2009@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К РАССМОТРЕНИЮ НАУЧНОГО ПОНЯТИЯ И ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТЕРМИНА

BASIC APPROACHES TO REVIEW SCIENTIFIC CONCEPTS AND FEATURES TERM

В статье описывается теоретическое исследование истории возникновения, формирования и сосуществования различных средств выражения понятия «термин» в научном познании. Излагаются общие тенденции развития понятия «термин» и факторы, определяющие это развитие. Предпринимается попытка изложить в систематизированном виде основные подходы к характеристике термина, обобщить методы и приёмы решения задач практической терминологической деятельности.

Ключевые слова: терминоведение, терминосистемы, терминоиды, предтермины, квазипредтермины, прототермины.

The paper describes a theoretical study of the history, formation and coexistence of the different means of expressing the concept of «term» in scientific knowledge. Describes the general trends in the development concept of «term» and the factors determining this development. Attempt to present in a systematic manner the main approaches to the characterization of the term, summarize the methods and techniques of solving practical terminology work.

Keywords: terminology, terminological, terminoidy, predterminy, kvaziterminy, prototermyny.

До настоящего времени все попытки учёных сформулировать единое научно обоснованное определение понятия «термин» терпят неудачу, так как содержание самого понятия не выяснено до конца. «С одной стороны, это объясняется тем, что ещё недостаточно разработаны теоретические основы терминоведения, не дифференцированы его основные понятия и нет единого мнения о том, что такое научно-технический термин. С другой стороны, те разнообразные определения, которые существуют сейчас в литературе, не всегда и не в полной мере отражают суть определяемого явления» [46, с. 24].

Само понятие «**термин**» (лат.*terminus* – термин, от лат.*terminus* – пограничный камень, межевой знак, предел, граница) было заимствовано в русский язык через польский *termin* в 1705 году [52]. В России терминологические словари – словари религиозных терминов – появились в XI веке. Эти русские азбуковники средневековья послужили началом лексикографического опыта создания терминологических словарей. Первый отечественный словарь научных терминов – словарь К.А. Кондратовича (1780). Эту дату принято считать отправной точкой в создании словарей терминологического типа. Словарю Кондратовича предшествовали очень краткие (всего по несколько страниц) списки терминов из различных областей жизни, науки, культуры.

Проблематика новой области научного исследования заключалась в подходах к формулированию определения «термин» и обозначаемых им понятий. В 1930 – 60-е годы XX века отечественные языковеды

и инженеры-практики [37; 19; 34; 9; 7; 44; 22; 4 и др.], исследуя специальную терминологию языка, установили общие принципы упорядочения терминологии. На первый план исследования ставились задачи изучения эволюции терминов отрасли в разных языках и особенностей образования новых терминов, при этом предусматривались исследования не только формы и значения терминов, но и их функционирование. По мнению основателя отечественной школы терминоведения Д.С. Лотте, каждый термин должен удовлетворять определённым требованиям: отсутствие синонимии и омонимии, «достаточная или полная ясность», соответствие одноклассных терминов родственных областей, мотивированность, предпочтительное использование средств родного языка при образовании новых терминов [37, с. 7-35], т.е. фактически были заложены основы нормативного подхода в терминоведении и предложены методы работы по упорядочению технической терминологии.

Исследуя вопрос о соответствии буквального значения термина его действительному значению, Д.С. Лотте разграничил термины правильно ориентирующие, нейтральные и ложно ориентирующие. Точность термина связана не с этимологией, а со значениями, которые привносятся в данную терминологию [36, с. 24-25]. Д.С. Лотте указывал на однозначность термина [35, с. 39]. В дальнейшем в своих исследованиях это положение подтвердил Р.А. Будагов [6, с. 33], при этом термин рассматривался как элемент терминологической системы и как элемент системы языковой, т.е. системность

вдвойне [там же, с. 31]. Кроме того, Д.С. Лотте выделяет полутермины (слова, которые являются терминами только в простых конструкциях, а в более сложных – теряют это свойство) и действительные (слова, имеющие однозначность при любых условиях) термины [38, с. 73]. Относительно отличия термина от номенклатурного наименования берётся за основу существующее деление понятия в логике на общие, единичные и собирательные, т.е. слова, выражающие общие понятия – термины, а единичные значения – номенклатурные наименования.

Упорядочению терминов посвятил свои работы Э.К. Дрезен [19]. В его исследованиях особое место занимает интернационализация терминологии, конструирование интернациональных терминов из терминологических элементов по моделям. Э.К. Дрезен считал, что «каждому простому элементарному понятию должен соответствовать свой словоэлемент, а каждому производному понятию – своё сочетание, наиболее полно и точно выражающих это производное понятие» [цит. по: 47, с. 25]. «С точки зрения науки и техники главное ... заключается не столько в том, чтобы улучшить форму термина, а в том, чтобы улучшить качество понятий, сделать их чёткими и определёнными» [18, с. 163]. В 1936 году А.Ф. Лесохин, продолжатель идей Э.К. Дрезена, поднимает вопрос о роли терминов вследствие связи языка и мышления [34]. Необходимо отметить, что терминоведение впервые обращается к мышлению, познанию, к концептуальным системам и на данном этапе своего развития не находит поддержки в научных кругах.

Наибольший интерес для нас представляет лингвистическое терминологическое исследование Г.О. Винокура [9], в котором для определения понятия «термин» вводятся признаки терминов: специализированность значения, точность и стилистическая нейтральность, обозначения понятия. «В роли термина может выступать всякое слово... Термины – это не особые слова, а только слова в особой функции, функции наименования специального понятия, названия специального предмета или явления» [9, с. 5]. Учёный рассматривает номинативную функцию в качестве лишь одного из существенных признаков термина, при этом чётко разделяет термины и номенклатурные знаки, под которыми следует «понимать систему совершенно абстрактных и условных символов, единственное назначение которой состоит в том, чтобы дать максимально удобные с практической точки зрения средства для обозначения предметов, без прямого отношения к потребностям теоретической мысли, оперирующей этими вещами» [9, с. 8]. Г.О. Винокур определяет системность как существенный признак термина, а также закладывает основы ономастического терминоведения, связанного с анализом формы и средств образования терминов. Проблема термина и имени собственного рассматривается Г.О. Винокуром следующим образом: «... не следует смешивать термин, как название предмета мысли, ни с собственным именем, ни с номенклатурным знаком. Ни собственное имя, ни номенклатурный

знак не имеют, строго говоря, оправдания в логической функции слова. Значение собственного имени с логической стороны исчерпывается тем, что оно есть лишь средство для узнавания единичных предметов, вещей и лиц. Его осмысление возможно лишь в плоскости поэтической или экспрессивно-эмоциональной, потому что оно всегда единично и совершенно конкретно, тогда как название совмещает в себе диалектически конкретное обозначение предмета с его общим понятием» [цит. по: 47, с. 223].

Дальнейшие исследования в области терминоведения позволили В.В. Виноградову выделить в качестве главных особенностей терминов дефинитивную функцию, т.е. наличие у термина строгой и чёткой дефиниции: «Слово исполняет номинативную или дефинитивную функцию, т.е. или является средством чёткого обозначения, и тогда оно – простой знак, или средством логического определения, тогда оно – научный термин» [8, с. 20]. «В создании и определении термина есть две стороны, две точки зрения: структурно-языковая и понятийная, семантическая, обусловленная развитием системы понятий той или иной науки...» [7, с. 7].

Полемика о сущности и статусе термина начинается с работы А.А. Реформатского [44], где уточняется ряд основных вопросов по различению между терминологией и номенклатурой. «Терминология, прежде всего, связана с системой понятий данной науки, номенклатура же лишь этикетировывает её объекты. Поэтому номенклатура может быть мыслима и как последовательность букв алфавита (витамин А, витамин В ...), и как последовательность цифр (МАГ – 5, МАГ – 8) и иных любых произвольно условных обозначений. Номенклатура прямо не соотносится с понятием науки. Поэтому она не репрезентирует науку в системе её понятий» [44, с. 47]. Кроме того, исследователь акцентирует внимание на системном характере терминологий, принадлежности термина терминологии как основных свойства термина, считает основной функцией термина – дефинитивную. Само определение термина выводится следующим образом: «Термины – это специальные, ограниченные своим особым назначением; слова, стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и называние вещей. Это необходимо в науке, технике, политике и дипломатии» [43, с. 110]. Следует отметить, что учёный выдвинул идею терминологического поля: «... термин парадигматичен семантически, т.е. в каждой терминологии соотносён (и обязательно соотносён, если это термин) с теми или иными понятиями. В этом смысле у каждого термина имеется своё поле в пределах данной терминологии, что можно и должно фиксировать точно. Поле для термина – это данная терминология, вне которой слово теряет свою характеристику термина» [44, с. 51]. А.А. Реформатский вносит уточнение, что «однозначность термина следует понимать в пределах терминологического поля, т.е. данной терминологии» [там же, с. 54]. Связанность термина с терминологическим полем заменяет собой контекст [там же, с. 52]. Исследователь также указывает на тенденцию систематичности термина, понимая её как системность

словообразовательную [там же, с. 54]. Что касается стилистической нейтральности термина – «термин точен и холоден, и сфера экспрессии для термина в пределах терминологии внеположена» [там же, с. 52]. Научная мысль А.А. Реформатского о том, что имена собственные могут быть номенклатурными знаками и даже могут выступать «предметами мысли, пусть и в ином качестве» [там же, с. 48] нашла своё подтверждение в современных терминологических исследованиях.

Между тем, Н.П. Кузькин, устанавливая соотношения между термином и словом, предложил идентифицировать термины с общеупотребительной лексикой: «ни в форме, ни в содержании нельзя найти существенной разницы между словом общераспространённой, неспецифической лексики и словом лексики терминологической» [27, 145]. Н.П. Кузькин признавал наличие у термина нескольких функций сразу. «Иногда говорят, что термин называет, обозначает, выражает и даже отражает понятие, из чего следует, что термину приписывается номинативная, сигнификативная, экспрессивная и даже отражательная функция» [27, с. 136]. Научная позиция К.А. Левковской основывается на наличии у термина номинативной и дефинитивной функций: «Среди однозначных слов особыми словами в отношении значения и употребления являются термины, поскольку они наряду с номинативной функцией (функцией обозначения тех или иных представлений), выполняемой и другими словами языка, выделяются еще и своей дефинитивной функцией (функцией определения соответствующего понятия)» [30, с. 197]. Термин, по мнению К.А. Левковской, имеет тенденцию к однозначности [там же, 99]. Такой же точки зрения придерживается Л.Л. Кутина [28, с. 267].

Взаимоотношения терминов и номенклатурных единиц Л.А. Капанадзе определяет следующим образом: «... Где проходит граница между термином и номенклатурным знаком? Можно ли считать, что, например, химические термины, называющие определённые химические элементы, – условные символы? Но ведь символы непродуктивны, а эти слова продуктивны. Они строго систематизированы и соподчинены; наконец, они определяют точное научное понятие. С полным правом они могут именоваться терминами... Характерно, что на практике провести границу между термином и номенклатурным знаком, если приписывать последнему более широкое значение, почти невозможно» [22, с. 83]. Л.А. Капанадзе в своих работах выделял дефинитивную функцию термина, стремился противопоставить термины общеупотребительной лексике и вывести их за пределы языка. Исследователь полностью отрицает стилистические функции термина [22, с. 81].

Обосновывая специфические особенности семантики терминов, О.С. Ахманова определяет термин как «слово или словосочетание специального (научного, технического и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т.п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [4, с. 474]. Особенностью исследовательских изысканий О.С. Ахмановой стало выявление различий сино-

нимии в терминологической и общеупотребительной лексике, ею было предложено использовать в терминоведении термин «дублетность» для обозначения явления синонимии.

К вопросу о том, что такое термин, примыкает исследование О.Н. Трубочёва, который обосновал необходимость различать статуальные (временные) и генуинные (исконные) термины [49]. Примерно к этому времени относится работа П.П. Даниленко о системности и классификационной сущности термина [16, с. 58].

В 1970 – 80-е годы лингвистами начинают активно изучаться структурные и семантические особенности специальной лексики – терминов. В определениях термина по-прежнему раскрывается сущность лишь одного из признаков: «Термин – наиболее информативная единица естественного языка. Термин – носитель информации о научном понятии» [23, с. 19]. «Термин – слово или образованное на базе подчинительных связей словосочетание, имеющее профессиональное значение, формирующее и выражающее профессиональное понятие и применяемое в процессе и для познания и освоения участков и элементов мира – под углом зрения определенной профессии. Термины стремятся к определённой точности своих значений, но динамика человеческого мышления размывает их границы. Термин – один из видов слов и подчиняется всем закономерностям общего языка людей, занимая в нём своё особое место. Одной из особенностей термина является *понятийность его значения*» [5, с. 277].

Как правило, термину предъявляются идеальные требования – однозначность и точность, но продолжающаяся полемика по этому вопросу всё-таки приводит к общему пониманию проблемы, так одни учёные, например, Н.З. Котелова, В.П. Даниленко допускают и многозначность [25, с. 123; 15, с. 205], а другие – считают, что термин имеет тенденцию к однозначности [39, с. 138; 42, с. 23]. Таким образом, к этому периоду времени наукой было установлено, что семантические границы терминов изменчивы, точность и однозначность временны и непостоянны. «Все прочие признаки, обычно приписываемые терминам и терминологии в целом: точность значения, однозначность, системность, отсутствие синонимии и т. п. – не более как их тенденция или их желательные качества, или, наконец, требования к «хорошей» рационально построенной терминологии. Примеры недостаточной системности, нестрогости значений реальных терминов, их многозначности, омонимии и синонимии хорошо известны» [39, с. 138]. Необходимо подчеркнуть, что А.И. Моисеев обращал внимание на размытость границы между терминологической и общеупотребительной лексикой, т.к. происходит взаимопроникновение этих понятий [39, 130-131]. Процессы превращения терминов в общеупотребительные слова совершаются при одновременном использовании бытовой лексики для формирования новых терминологий.

В центре внимания остаются проблемы стилистической функции терминов: от полного отрицания [33, с. 104; 23, с. 60-61] до возможности ограниченного упо-

требления [25, с. 122-213; 15, с. 77-78]. «Эмоционально-экспрессивная нейтральность, неотмеченность составляет второе неперенное свойство любого термина». Эмоционально-стилистические качества термины приобретают лишь в «несобственных условиях и контекстах их употребления» [39, с. 138].

Безразличность термина к контексту показана в работе Е.Н. Толикиной [48, с. 6], точка же зрения А.И. Крылова основывается на определённых требованиях, предъявляемых термину: «Принцип независимости термина от контекста скорее означает требование того, чтобы термин всегда одинаково понимался представителями одной профессии, чтобы его однозначное истолкование обеспечивала система научных понятий, а не лексико-семантическая система языка» [26, с. 90-91]. И.С. Квитко, Т.А. Чеботникова отмечают, что для понимания значения полисемантических терминов требуется нейтрализующий контекст, в котором реализуется лишь одно из его значений [23, с. 45; 51, с. 37].

Значительный вклад в понимание и отделение термина от номена вносит Т.Л. Канделаки, по мнению которого номен называет единичное понятие [21, с. 60-70].

Лингвистические исследования особенностей специальной лексики позволили выделить «ряд специальных лексических единиц – **терминоиды** – специальные лексемы, используемые для обозначения неустоявшихся понятий и выделяющиеся колебаниями формы и значения (Хаютин), **предтермины** – специальные лексемы, временно используемые в качестве терминов для названия новых сформировавшихся понятий, но не отвечающие основным требованиям, предъявляемым к термину (чаще всего – требованию краткости); в качестве предтерминов обычно выступают: многословные описательные обороты, сочинительные словосочетания и сочетания, содержащие причастный или деепричастный оборот (Лейчик), **квазипредтермины** – закрепившиеся в речи предтермины (Лейчик). В связи с неопределённостью статуса профессионализмов и окончательным выделением номенов из терминологии стала очевидной целесообразность объединения всех этих типов в общий класс специальной лексики (Гринёв, Шеллов).

Был выделен и целый ряд разновидностей собственно терминов – общеуниверсальные (общетехнические) и специальные термины, собственные и привлечённые, термины языка и термины речи (Головин), теоретические и эмпирические, псевдопредтермины (обозначающие несуществующие реалии), символотермины (Даниленко), моделетермины (Лейчик), научные и технические термины (Фигон) и многие другие. С учётом системного характера терминов появилась тенденция в качестве объектов терминоведения рассматривать не отдельные термины, а целые терминологии или их достаточно автономные фрагменты и начато исследование различных типов терминологий (Головин). Было предложено различать **терминологии** (естественно сложившиеся совокупности терминов определённой предметной области) и **терминосистемы** – упорядоченные терминологии. Таким образом, складывалось типологическое терминоведение» [14, с. 7].

С.В. Гринёв, исследуя донаучный период развития специальной лексики, пришёл к необходимости выделения *прототермина* – специальной лексемы, называющей специальные представления, а не научные понятия. По определению С.В. Гринёва, прототермины возникают в предметных областях, где ещё не сформулированы научно-теоретические основы, либо в «народных» терминах, существующих параллельно с научными терминами [13, с. 48-50]. Особенности значения слова-термина в отличие от слова-нетермина более подробно исследовал Б.Н. Головин [11, с. 4-11]. Перечислим наиболее важные из них: соотносённость не с отдельным предметом, а с понятием; потребность в дефинировании; формирование индивидуальных, собственных отдельным учёным понятий; соотносённость значения термина со значениями других терминов в пределах соответствующей терминологической системы; соотносённость с определённой профессиональной деятельностью и др. [3]. «Получается, таким образом, что в слове-термине на первый план выступает его объектное значение, субъектное же, оценочное, или вообще снято, или затушевано» [11, с. 7].

С 1980-х годов начинает развиваться практическое терминоведение. В исследованиях используются различные подходы к терминологии: – системный, как «отражённый» признак системности знания, элементом которого является термин, потому что термин «вырезал» себе фрагмент из общего смыслового единства – системы, а фрагмент этот – дефиниция – в своём тексте несёт через другие термины указание на системность знания [40, с. 29]; – семиотический, как способ описания и классификации терминов, терминологий и их свойств [32].

Продолжаются попытки дать определение термину, удовлетворяющее всем критериям. Так, В.М. Лейчик даёт следующее определение: «термин – это сложное, многослойное образование, состоящее из языкового субстрата – материально-идеальных элементов определённого естественного языка, логического субстрата, зависящего от признаков обозначаемого понятия, и терминологической сущности, которая включает концептуальную, функциональную и формальную структуру, представленную терминологическими элементами» [31, с. 28]. П.А. Флоренский считает, что «термин – это вариант обычного слова или культивируемая специально созданная единица, обладающая как свойствами своей первоосновы, так и новыми, специфическими качествами» [50, с. 360]. М.Н. Володина подчёркивает: «Термины являются важнейшими способами выражения или записи специального знания... Конденсируя информацию, термин обретает «профессиональную» память. Объективное содержание термина, являющего собой своеобразную «запись» научно-технического знания, характеризуется тем, что оно даётся как смысл или значение специального выражения, которое представляет не только объект познания, но и мыслительный процесс, связанный с его познанием [10, с. 14]. Согласно М.Г. Павловой, к отличительным чертам термина следует отнести и то, что «общелитературное значение слова отражает лишь внешние признаки обозначаемого

понятия, которые вполне достаточны для неспециалиста, а специалист видит в термине элемент стройной системы понятий» [41, с. 5]. Ивина Л.В. даёт наиболее полное определение: «термин – это основная единица науки, специальных отраслей знаний и сфер деятельности человека, призванная номинировать объекты и процессы и одновременно служить средством познания окружающего мира» [20, с. 14].

Таким образом, изучая основные подходы к рас-

смотрению научного понятия и характеристике термина, мы пришли к выводу, что учёным пока не удалось до конца раскрыть суть исследуемого явления. На наш взгляд, для определения термина необходимо понимать, что термин, обозначая слово / словосочетание, связывается с понятием посредством определения, но слово не может называться термином, пока не определено понятие. Соблюдение этого принципа необходимо для создания чётких формулировок.

Библиографический список

1. Александровская Л.В. Семантика термина как члена общелитературной лексики (на материале английской морской терминологии): автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1973.
2. Алексеева Л.М. Проблемы термина и терминологии: учебное пособие по спецкурсу: Учебное пособие по спецкурсу. Пермь, 1998.
3. Атанасова И. Ежегодные лингвистические чтения. 15 ноября 2003 года // Сборник научных трудов, посвященный 40-летию юбилею Великотырновского университета и кафедры русского языка. Тырново, 2004.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
5. Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». М., 1979.
6. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. М., 1965.
7. Виноградов В.В. Вступительное слово // Вопросы терминологии. Материалы Всесоюзного терминологического совещания. М., 1961. С. 3-10.
8. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1986.
9. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Тр. Московского ин-та истории, философии и литературы. М., 1939. Т.5. С. 3-54.
10. Володина М.Н. Информационная природа термина. Филологические науки 1996; № 1: С. 90-94.
11. Головин Б.Н. Термин и слово // Термин и слово. Межвузовский сборник. Горький, 1980.
12. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах. М., 1987.
13. Гринёв С. Введение в терминоведение. М., 1986, 1993.
14. Гринёв С.В., Лейчик В.М. К истории отечественного терминоведения. Научно-техническая информация 1999; 7. Серия 1: С. 1-13.
15. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977.
16. Даниленко П.П. Как создаются термины. Русская речь 1967; № 2: С.58-60.
17. Дианова Г.А. Термин и понятие: проблемы эволюции (к основам исторического терминоведения). М., 2000.
18. Дрезен Э.К. Научно-технические термины и обозначения и их стандартизация // Татаринов В.А. История отечественного терминоведения: Очерк и хрестоматия. М., 1994. С. 104-165.
19. Дрезен Э.К. Стандартизация научно-технических понятий, обозначений и терминов. М.-Л., 1934.
20. Ивина Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминотем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования): Учебно-методическое пособие. М., 2003.
21. Кандедаки Т.Л. К вопросу о номенклатурных переименованиях // Вопр. разработки научно-технической терминологии. Рига, 1973. С. 60-70.
22. Капанадзе Л.А. О понятиях «термин» и «терминология» // Развитие лексики и современного русского языка. М., 1965. С. 75-85.
23. Квитко И.С. Термин в научном документе. Л., 1976.
24. Кориунов О.П. Ещё раз о терминологии. Библиография 1999; № 5: С.156-157.
25. Котелова Н.З. К вопросу о специфике термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970.
26. Крылов А.И. Термин и контекст // Языковые единицы и контекст. Л., 1973.
27. Кузькин Н.П. К вопросу о сущности термина. Вестник ЛГУ 1962; 20, вып. 4.
28. Кутина Л.Л. Формирование терминологии физики в России. М.-Л., 1966.
29. Лаптев В.Д., Татаринов В.А. Новые пути описания терминологии // Терминологический вестник. М., 2000.
30. Левковская К.А. Теория слова, принципы ее построения, аспекты изучения лексического материала. М., 1962.
31. Лейчик В.М. Основные проблемы терминоведения // терминология и перевод в политическом, экономическом и культурном сотрудничестве: Тезисы докладов международного круглого стола 27-28 июня 1991 г. Омск, 1991. С. 27-29.
32. Лейчик В.М. Предмет, методы и структура терминоведения: Автореф. дис. д.ф.н. М., 1989.
33. Лейчик В.М. Термины-синонимы, дублиеты, эквиваленты, варианты. Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск, 1973.
34. Лесохин А.Ф. Единицы измерений, научно-технические термины и обозначения. М., 1936.
35. Лотте Д.С. Как работать над терминологией. Основы и методы. М., 1968.
36. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. М., 1961.
37. Лотте Д.С. Очерковые задачи технической терминологии // Изв. Ан СССР. Сер. 7. Отд.-ние обществ.наук. Л., 1931.
38. Лотте Д.С. Упорядочение технической терминологии // Татаринов В.А. М., 1994.
39. Моисеев А.И. О языковой природе термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970.
40. Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки. М., 1987.

41. Павлова М.Г. Английская терминология электронно-вычислительной техники: Автореф. дис. канд. филол. наук. М., 1996.
42. Пекарская Л.А. Реализация требований к «идеальному» термину в процессе речевого функционирования терминологии // Термин и слово. Межвузовский сборник. Горький, 1981.
43. Реформатский А.А. Введение в языкознание: Учебник для филологических факультетов педагогических институтов. Издание четвертое, испр. и допол. М., 1967.
44. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология? // Вопросы терминологии: Материалы Всесоюзного терминологического совещания. М., 1961.
45. Столяров Ю.Н. Глубже исследовать терминологию. Библиография 1992; 2: 151-152.
46. Табанакова В.Д. Понятие научно-технического термина и требования к его определению // Термин и слово. Межвузовский сборник. Горький, 1982.
47. Татаринов В.А. История отечественного терминоведения: Очерк и хрестоматия. М., 1994.
48. Толикина Е.Н. Некоторые лингвистические проблемы изучения термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М., 1970.
49. Трубачёв О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966.
50. Флоренский П.А. Термин // Татаринов В.А. История отечественного терминоведения. Классики терминоведения: Очерк и хрестоматия. М., 1994. Т. 1.
51. Многозначность термина и контекст // Термин и слово. Горький, 1982.
52. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language. 1st ed. T. 1-4. M., 1964-1973.

References

1. Alexander L.V. The semantics of the term as a member of obscheliteraturnogo vocabulary (based on the British naval terminology): Author. dis. Candidate. Philology. Sciences. M., 1973.
2. Alekseeva L.M. Term and term formation problems: a tutorial on a special course: Textbook on a special course. Perm, 1998.
3. Atanasova I. Ezhegodnye linguistic reading. November 15, 2003 // Collection of scientific papers dedicated to the 40th anniversary of the Veliko Tarnovo University and the Department of Russian Language. Tarnovo, 2004.
4. Akhmanova O.S. Glossary of linguistic terms. M., 1966.
5. Berezin F.M., Golovin B.N. General Linguistics: Proc. aid for students ped. in-tov on spec. Number 2101 «Rus. lang. and lit.». M., 1979.
6. Budagov R.A. Introduction to the science of language. M., 1965.
7. Vinogradov V.V. Vstupitelnoe word // Questions of terminology. Materials terminological Union meeting. M., 1961. S. 3-10.
8. Vinogradov V.V. Russian language. Grammatical teaching of the word. M., 1986.
9. Vinokur G.O. On some phenomena of word formation in the Russian technical terminology // Proc. Moscow Institute of the history, philosophy and literature. M., 1939. T. 5. S. 3-54.
10. Volodin M.N. Information nature of the term. Philology 1996; 1: 90-94.
11. Golovin B.N. The term and the word // Term and the word. Interuniversity collection. Gorky, 1980.
12. Golovin B.N., Kobrin R.Y. Linguistic basis of the doctrine of terms. M., 1987.
13. Grinyov S. Vvedenie in Terminology. M., 1986, 1993.
14. Grinyov S.V., Leichik V.M. On the history of terminology domestic. Scientific and Technical Information 1999; 7. Series 1: 1-13.
15. Danilenko V.P. Russian terminology. Experience linguistic description. M., 1977.
16. Danilenko P.P. How are the terms. Russian speech 1967; 2: 58-60.
17. Dianova G.A. The term and concept: the evolution of the problem (to the basics of terminology historical). M., 2000.
18. Dresen E.K. Scientific and technical terms and symbols and their standardization // Tatarinov V.A. Domestic history of terminology: Essay and reader. M., 1994. S. 104-165.
19. Dresen E.K. Standardization of scientific and technological concepts, notation and terminology. M.-L., 1934.
20. Ivina L.V. Linguistic and cognitive bases of terminological analysis of industry (for example, English terminology venture financing): Study guide. Moscow, 2003.
21. Kandelaki T.L. On the question of nomenclature renaming // Issues. development of scientific and technical terminology. Riga, 1973. S. 60-70.
22. Kapanadze L.A. The concepts of «term» and «terminology» // Development of vocabulary and the modern Russian language. M., 1965. S. 75-85.
23. Kvitko I.S. The term in the scientific paper. L., 1976.
24. Korshunov O.P. Once again about the terminology. Bibliography 1999; 5: 156-157.
25. Kotelova N.Z. On the specifics of the term // Linguistic problems of scientific and technical terminology. M., 1970.
26. Krylov A.I. Term and context // Language units and context. L., 1973.
27. Kuz'kin N.P. On the essence of the term. Vestnik LGU 1962; 20, no. 4.
28. Cutina L.L. Formation of the terminology of physics in Russia. M.-L., 1966.
29. Laptev V.D., Tatarinov V.A. New ways to describe the terminology // Terminology Bulletin. M., 2000.
30. Levkovskaya K.A. Theory words, the principles of its construction, the lexical aspects of the study material. M., 1962.
31. Leichik V.M. The main problems of terminology // terminology and translation in the political, economic and cultural cooperation: Abstracts international roundtable on June 27-28, 1991. Omsk, 1991. S. 27-29.
32. Leichik V.M. Subject, methods and structure of terminology: Author. dis. ph.d. M., 1989.
33. Leichik V.M. The terms are synonymous, doublets, equivalents, options // Actual problems of lexicology and word-formation, vol. II. Novosibirsk, 1973.
34. Lesokhin A.F. Units of measurement, scientific and technical terms and symbols. M., 1936.

35. Lotte D.S. How to use this terminology. Principles and methods. M., 1968.
36. Lotte D.S. Fundamentals of building scientific and technical terminology. Questions of theory and methodology. M., 1961.
37. Lotte D.S. Ocherednye tasks technical terminology // Math. USSR Academy of Sciences. Ser. 7. Div of obschestv.nauk. L., 1931.
38. Lotte D.S. Uporyadochenie technical terminology // VA Tatarinov. M., 1994.
39. Moiseev A.I. On the linguistic nature of the term // Linguistic problems of scientific and technical terminology. M., 1970.
40. Nikitina S.E. Semantic analysis of the language of science. M., 1987.
41. Pavlov M.G. English terminology of computer technology: Author. dis. candidate philology sciences. M., 1996.
42. Pekarskaya L.A. Realizatsiya requirements for an «ideal» term in the functioning of the speech terminology // term and the word. Interuniversity collection. Gorky, 1981.
43. Reformat A.A. Introduction to Linguistics: A Textbook for philological faculty of Yerevan. Fourth edition, revised and additions. M., 1967.
44. Reformat A.A. What is the term and terminology? // Terminology: Materials of All-Union meeting of terminology. M., 1961.
45. Stolyarov Y.N. Explore deeper terminology. Bibliography 1992; 2: 151-152.
46. Tabanakova V.D. The notion of scientific and technical terms and the requirements for its definition // term and the word. Interuniversity collection. Gorky, 1982.
47. Tatarinov V.A. Domestic history of terminology: Essay and reader. M., 1994.
48. Tolikina E.N. Some linguistic problems of the study term // Linguistic problems of scientific and technical terminology. M., 1970.
49. Trubachyov O.N. Handicraft terminology in Slavic languages. M., 1966.
50. Florensky P.A. The term // Tatarinova VA Domestic history of terminology. Classics of terminology: Essay and reader. M., 1994. T. 1.
51. Chebotnikova T.A. The ambiguity of the term and the context // Term and the word. Gorky, 1982.
52. Fasmer M. Etymological dictionary of the Russian language. 1st ed. T. 1-4. M., 1964-1973.

УДК 378

UDC 378

Е.Н. КОВЕШНИКОВА

доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой
дизайна Госуниверситета-УНПК
E-mail: design_97@mail.ru

П.А. КОВЕШНИКОВ

аспирант Госуниверситета-УНПК
E-mail: design_97@mail.ru

E.N. KOVESHNIKOVA

doctor of pedagogics, professor, head of the department
design, State University-UNPK
E-mail: design_97@mail.ru

P.A. KOVESHNIKOV

graduate student, State University-UNPK
E-mail: design_97@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОДГОТОВКИ БАКАЛАВРОВ ДИЗАЙНА (АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА)

CURRENT TRENDS OF TRAINING OF BACHELORS OF DESIGN (ANALYSIS OF FOREIGN EXPERIENCE)

В условиях интеграции российской системы дизайнерского образования в мировое образовательное пространство закономерен интерес к зарубежному опыту в этой области. В настоящей статье рассмотрены общемировые тенденции подготовки бакалавров дизайна, особенно те из них, которые демонстрируют наиболее интересные примеры разработки плодотворных идей, концепций и экспериментов в области профессионального образования в области дизайна.

Ключевые слова: профессиональная подготовка бакалавров дизайна, зарубежный опыт.

In the conditions of integration of the Russian system of design education into world educational space interest to foreign experience in this area is natural. In the present article universal tendencies of training of bachelors of design, especially those from them which show the most interesting examples of development of fruitful ideas, concepts and experiments in the field of professional education in the field of design are considered.

Keywords: vocational training of bachelors of design, foreign experience.

В условиях интеграции российской системы дизайн-образования в европейское и мировое образовательное пространство закономерным становится интерес к зарубежному опыту профессиональной подготовки дизайнеров. В настоящей статье авторы не

ставят перед собой задачу проанализировать все существующие на сегодняшний день национальные модели дизайнерских школ. Нами будут рассмотрены лишь те из них, которые, на наш взгляд, демонстрируют наиболее интересные примеры разработки плодотворных

идей, концепций и экспериментов в области профессионального образования в области дизайна.

Великобритания – страна с самой долгой историей дизайнерского образования. Британские учебные заведения традиционно занимают самые высокие места в мировых рейтингах вузов, осуществляющих профессиональную подготовку дизайнеров. Многопрофильная подготовка специалистов-дизайнеров осуществляется в крупнейших университетах страны: Центральной школе искусств и ремесел в Лондоне, Королевском Лестерском колледже искусств, Кингстонском художественном училище и других учебных заведениях. В 1992 году, в результате реформы системы образования, многие политехнические институты и колледжи Великобритании получили статус университетов, что увеличило количество центров по подготовке будущих бакалавров дизайна.

Активный процесс обсуждения методики подготовки дизайнеров начался в Великобритании во второй половине XX века, когда промышленность страны находилась на стадии подъема. Этот период можно назвать периодом осмысления собственного опыта и изучением наработанного к этому времени зарубежного. В это время специально созданные правительственные комиссии пришли к выводу, что квалификация дизайнеров-исполнителей достаточно высока, но возникает необходимость научить их думать по-новому, нестандартно. Перед педагогами закономерно встал вопрос о необходимости обучения будущих дизайнеров методам самостоятельной проектной и исследовательской деятельности.

Во главу угла в обучении будущих бакалавров дизайна (First Degree Study) ставятся наиболее актуальные на современном рынке труда знания и навыки, что позволяет выпускникам быть достаточно востребованными. Обучение направлено на овладение будущими специалистами всех аспектов деятельности художника и исследователя, включающих различные подходы: (рациональные, умозрительные, творческие), а также навыков коммуникации, для усвоения опыта работы в коллективе через общение с практикующими дизайнерами.

Одним из приоритетных направлений в области студенческой научно-творческой деятельности является городская среда, ее гармонизация с использованием различных видов искусств. Проблемы проектирования городской среды и предметов, ее наполняющих, служат богатой почвой для самостоятельной научной и художественно-проектной деятельности будущих бакалавров дизайна. Курс обучения строится на основе современных технологий проектирования предметно-пространственной среды. Студенты получают знания и навыки по архитектуре, эргономике, компьютерному проектированию. Состав проекта по организации среды включает разработанную концепцию, выбор материалов и предметов наполнения пространства, установку освещения. Значительное место отведено исследованиям настроения и поведения человека в различном средовом окружении. Способность анализи-

вать и прогнозировать основные тенденции развития общества, его запросов и – как следствие – возможное изменение средового окружения человека считается одной из наиболее значимых в профессиональном плане для дизайнера. По мнению британских педагогов, именно эта способность обеспечивает востребованность выпускников дизайнерских вузов на рынке труда.

Дизайн-образование в США характеризуется разнообразными учебными программами, курсами и дисциплинами. В США многие университеты предоставляют одну или несколько четырехгодичных программ для получения степени бакалавра в области науки и искусства (BA или BS) и программы подготовки на степень магистра или доктора (PhD).

Йельский университет является одним из самых престижных высших учебных заведений США, где обучается деловая элита не только Америки, но и всего мира. В состав Йельского университета входит колледж, где обучение ведут на уровне бакалавриата, высшая школа искусств и наук, а также десять профессиональных школ. Интересен своим опытом работы Центр творческих исследований в Детройте, основанный в 1906 году как «Общество искусств и ремесел». Профессию специалиста-дизайнера можно получить и во многих специализированных учебных заведениях, таких как «Центр искусств» в Пасадене. Колледжи, как правило, предлагают получить степень «бакалавр» по следующим специальностям: анимация и цифровые медиа (кино, компьютерные игры, интегральные медиа); коммуникативный дизайн (реклама, графический дизайн); ремесла (керамика, стекло, металл и т.д.); изящное искусство (живопись, графика, скульптура); иллюстрация; промышленный дизайн (мебель, предметный дизайн, транспорт); интерьер и фотография.

Во всех этих учебных заведениях основное внимание уделяется развитию и совершенствованию прикладных дизайнерских навыков (рисунку, композиции, формообразованию) с использованием новейших технологий, делается акцент на знаниях и навыках, востребованных на рынке труда. Промышленные компании подчас являются спонсорами студенческих проектов. На качество обучения влияют различные факторы: использование в обучении возможностей высоких технологий, приобретение второй академической степени (Joint Degree) в различных областях, прохождение стажировки в компаниях других стран с целью приобретения международного опыта работы, прослушивание обзорных лекций, которые читают представители крупнейших мировых дизайнерских компаний. Вся информация преподносится через призму современных мировых тенденций развития дизайна.

Первые два года будущие бакалавры дизайна изучают широкий спектр дисциплин, затем определяют профилирующую область знания. Некоторые учебные заведения требуют от студентов обязательного прохождения курсов, скажем, по искусству или другим наукам. Такие курсы являются дополнительными к основным предметам по избранной специальности. После двух лет обучения выбирают главную область изучения – бу-

душую специальность (major), помимо нее студент может овладеть смежной специальностью (minor).

С 1990 года в США работает программа подготовки докторов наук по дизайну, что позволяет говорить о сложившейся американской школе дизайна и накопленном богатом опыте, как теоретическом, так и практическом, представляющем интерес для исследователей.

В целях координации и совершенствования образовательных программ при Институте графических искусств и Обществе промышленных дизайнеров в США работают комитеты, занимающиеся обобщением опыта и совершенствованием программ обучения дизайну. Комитетами были определены общие требования для программ обучения, например, графическому дизайну: история дизайна и критика дизайнерских проектов; основы коммуникации (образ, символ, знак); технические дисциплины (типографика, печать); компьютерная графика и компьютерное проектирование.

Если говорить о методике подготовки студентов, то в американских школах дизайна отсутствует единая программа обучения, но во всех школах преобладает практическая направленность и ориентация на быстрый успех. Студенты выполняют конкретные проекты для различных фирм, на практике сталкиваясь со всевозможными противоречиями: ограниченный бюджет, требования рынка, сжатые сроки разработки и исполнения проекта. Программа обучения построена таким образом, что один из трех семестров студенты посвящают стажировке в дизайнерской фирме или корпорации. Несмотря на разность предоставляемых программ, все они объединены одной целью – практической подготовкой будущих специалистов-дизайнеров к работе в жесткой конкурентной среде.

Богатый опыт подготовки бакалавров дизайна накоплен в Италии. Обратимся к истории. В Италии становление системы дизайнерского образования относится к 40-50-м годам XX столетия. После окончания Второй мировой войны появляется возможность для развития малых и средних промышленных предприятий на основе новых мировых технологий. Такие предприятия, как «Оливетти», «Пьяджо», «ФИАТ» перестраивают технологический процесс на выпуск предметов повседневного спроса. Более мелкие предприятия получают большое количество заказов на благоустройство жилья и среды. Активное строительство вызвало спрос на изготовление предметов быта, что привело к появлению небольших мебельных фабрик с переходом, в дальнейшем, на серийное производство. Именно в это время появилась тенденция сближения обучения с практическими потребностями и создания в вузах экспериментальных центров, определяющих основные положения методологии дизайна.

Итальянские дизайнеры творчески переосмыслили многие идеи Ле Корбюзье, М. Брейера, Немецкого Баухауза, что нашло свое выражение в эклектичных, а затем и радикальных тенденциях и направлениях. Однако в 1970-е годы государственные школы дизайна прекратили свое существование из-за слишком разных взглядов на методы обучения. В 80-е годы XX столетия

итальянская школа дизайна определяет новые тенденции: «авангард», «трансформ», «интерактив», «минимализм». Кроме этих творческих исканий, появляются предметы быта определенного стиля. Наиболее популярным становится стиль «контемпорари», основными характеристиками которого являются функциональность, доступность и удобство. В основу серийной мебели этого стиля была положена модульная структура с богатым спектром отделочных материалов.

Существование различных тенденций и направлений в практике итальянского дизайна значительно повлияло на выбор методик обучения. Методика подготовки специалистов-дизайнеров в каждом из центров отличалась своеобразными теоретическими и методическими принципами. Но основным моментом всех школ и направлений оставалась методика проектирования, в которой существенная роль отводилась предпроектным исследованиям. Возможно, здесь прослеживалось влияние Ульмской школы (Высшая школа проектирования, ФРГ, 1952 – 1968 гг.). Характерной чертой методики преподавания итальянской школы дизайна является огромное влияние личности преподавателя на концепцию дизайна («радикальный дизайн», «проектирование без методов» и т. д.), а значит, и целевую установку обучения. Поэтому, наверное, итальянский дизайн дал мировой дизайнерской школе богатый опыт педагогических экспериментов в области проектирования. Здесь можно найти примеры гуманизации профессионального образования – это свобода творчества, основанная на высоком профессионализме, эксперименте и реализме дизайнерского проектирования.

В процессе образования участвуют не только итальянские дизайнеры (А. Штейнер, Э. Мари, Б. Ноорда и др.), но и руководители крупнейших итальянских промышленных фирм, где студенты имеют возможность проходить практику. Характерная особенность европейского обучения – четкая специализация по основным направлениям и трехмесячная стажировка в форме дипломного проекта практикуется и в вузах Италии. Принимающая компания ставит перед студентом-стажером определенную деловую задачу, для выполнения которой необходимы конкретные решения. Проект может выполняться индивидуально или в группе, все зависит от масштабности поставленной задачи. Преподаватель вуза курирует каждого студента. Если работа качественная и имеет применение в практике, то компания выплачивает учебному заведению стоимость выполненного проекта. Успешные и творческие проекты являются для студентов заявкой на возможность полноценно и плодотворно трудиться в этой компании после получения диплома.

В систему высшего образования Германии включены вузы разных типов: университеты, высшие педагогические учебные заведения и школы искусств. Вступительных экзаменов во многих университетах нет, исключением являются лишь творческие специальности, к которым относится и дизайн. Сроки обучения начального этапа не ограничены, они зависят только от самостоятельной активности студентов, их успеваемо-

сти и успешной сдачи экзаменов по изучаемым дисциплинам. В курсе обучения студенты проходят практику на немецких предприятиях с возможностью дальнейшего трудоустройства. Вузы Германии, как и многие европейские образовательные учреждения, предоставляют международные курсы последиplomного образования для выпускников вузов всех специальностей, где обучающиеся получают дополнительную квалификацию.

В 1994 году в Дессау был основан фонд Баухауза. Он функционирует как научно-исследовательский центр по изучению тенденций модернизма в архитектуре и дизайне. Продолжая традиции Баухауза, особое внимание эта организация уделяет социальным аспектам градостроительства. Приоритетные направления деятельности фонда: развитие современных городов, вопросы глобализации, сохранение культурных ценностей и охрана памятников, тенденции развития современных технологий. В системе обучения архитекторов и художников-дизайнеров акцент делается на разработку новых форм экспериментального дизайна, соответствующих требованиям современности. Работа фонда организована по следующим направлениям: «Коллекция» (исследование наследия Баухауза), «Мастерская» (выполнение социальных заказов) и «Академия» (высшее учебное заведение с независимым статусом). При этом каждое подразделение выполняет определенные функции и проводит самостоятельные исследования. Основной акцент в обучении направлен на благоустройство городской среды на основе результатов исследовательской работы.

В 1999 году был открыт Международный колледж Баухауз, в котором основное внимание в процессе обучения сконцентрировано на методике исследований. Эта методика дизайн-исследования позволяет значительно расширить возможности профессии дизайнера. Особое внимание в курсе обучения обращается на объединение научных исследований и экспериментов в области дизайна. Итоги исследований являются основой для разработки и реализации как национальных, так и международных проектов. Заслуживает внимания, например, экспериментальная разработка новых направлений в области проектирования городских площадей, с целью преобразования городского пространства, проекты автомобильных стоянок. Приоритетными направлениями для исследований являются история градостроительства, искусство и дизайн, роль дизайна в культурном наследии разных стран. Фондом накоплен большой опыт социальных исследований по проектированию жилья для малоимущих слоев населения, модульных жилых ячеек с возможностью их мобильной сборки в экстремальных условиях и т.д. Студенты прослушивают курс «Архитектурная социология», направленный на изучение прогнозов экономического, социального и культурного развития передовых стран мира.

В 1984 году во Франкфурте на Майне был создан уникальный музей немецкой архитектуры (ДАМ), в котором в макетах (в натуральную величину) представлены единственные в своем роде образцы проекти-

рования (лучший дом, единственный дом и т.п.). В этот дом можно войти и проанализировать особенности проектирования как экстерьера, так и интерьера. Студенты на примере созданных образцов постигают профессиональные особенности своей будущей деятельности. Но не только познавательную цель ставят перед собой сотрудники музея, проводя различные по тематикам выставки, показы и симпозиумы, их научная работа направлена на исследование путей и перспектив развития архитектуры и дизайна.

Говоря о зарубежных дизайнерских школах в целом, отметим, что большинство из них предлагают стандартные ВА (степень бакалавра) и МА (степень магистра) программы, а некоторые из них – PhD (кандидатскую степень). Учеба начинается с подготовительного года, в течение которого студенты получают базовые знания в области художественной формы и техники, посещают выставки. Обучение базируется на самостоятельности и ответственности студентов (к чему не всегда готовы участники образовательного процесса в нашей стране). Первый этап вступительных испытаний начинается с просмотра портфолио. Главным критерием для зачисления является самостоятельность работ и оригинальность мышления, концептуальность рисунка, визуальный анализ массовой культуры, владение фото и видео, оцениваются коллажи, фотомонтажи и проекты из области фантастики, позволяющие судить о полете творческого воображения. Студенты, прошедшие конкурсный отбор, допускаются к трехдневному экзамену по творческому заданию. Все абитуриенты выполняют задания в одной аудитории, преподаватели, наблюдая за этим процессом, делают выводы о профессиональных навыках и способностях будущих студентов. На втором этапе абитуриенты пишут мотивационные изложения выполненных работ. На третий день происходит собеседование с теми, кто своеобразно и интересно проявил себя на творческом экзамене.

Особенностью европейских образовательных программ в области дизайна является объединение студентов разных лет обучения для работы над общим проектом. Такая методика дает им возможность набираться опыта работы в коллективе и критически оценивать свои знания в сравнении с другими. Длительность обучения зависит только от уровня познавательных способностей каждого студента для усвоения материалов курса. Важным для студентов становится участие в выставках и конкурсах, с целью успеть как можно раньше заявить о себе как о перспективном молодом специалисте, которому необходимы лишь контакты и среда для творческого воплощения своих замыслов.

Система образования, основанная на ответственности и самостоятельности студентов, конечно же, предлагает им самим определять программу и сроки обучения. В курсе лекций даются основные понятия и направления деятельности, далее все зависит от самостоятельного изучения того или иного материала. Обязательным условием является посещение класса выбранного преподавателя один раз в неделю, где собираются студенты всех курсов. Университеты, куда

входят специальности с архитектурным и дизайнерским уклоном, отличаются более строгим расписанием и требованиями. В школах такого профиля значительно расширен список обязательных предметов. Кроме того, студентам предлагается освоить и смежные специальности. Список предлагаемых дисциплин достаточно широк и разнообразен: современное искусство и литература, видео и кино, инсталляции и т.д. Заканчивается подготовительный год сдачей экзаменов. Со второго года обучения студенты занимаются в классах различных преподавателей. Есть и свободные классы, которые организуют сами студенты. Интерес у обучающихся вызывают мастер-классы, которые проводят приглашенные дизайнеры и, конечно же, посещение выставок. Промежуточные и выпускные выставки проектов проходят с участием кураторов, дизайнеров, арт-критиков, то есть известных специалистов. Выпускные экзамены сдаются в конце четвертого года обучения с получением степени «бакалавр». Пятый год обучения в качестве магистра проходят лишь лучшие студенты, которых ре-

комендуют преподаватели.

В заключение добавим, что профессиональная деятельность специалиста-дизайнера в современном мире считается не ремеслом, а интеллектуальным процессом, в основе которого тесно переплетены теоретические дисциплины, исследовательская деятельность и практические навыки. Студенты овладевают умением не только говорить о проектах, но и письменно излагать свое мнение в теоретических исследованиях с цитатами, ссылками к источникам и самостоятельными выводами. Исследовательская работа должна затрагивать важные общественно-эстетические проблемы с последующим творческим решением этих проблем. Причем изложение теоретической части должно соответствовать нормам языка современной теории. Владение методами научно-творческих исследований становится обязательным элементом современного профессионального образования будущих специалистов-дизайнеров. Качество и уровень образования складываются и определяются самостоятельной научно-творческой деятельностью.

Библиографический список (References)

1. Association of Independent Colleges of Art and Design. – URL: <http://www.aicad.org/>
2. Cumulus, the International Association of Universities and Colleges of Art, Design and Media. – URL: <http://www.cumulusassociation.org/>
3. National Association of Schools of Art and Design. – URL: <http://nasad.arts-accredit.org>

УДК 316.776.33

К.С. КУЧМИСТОВ

аспирант кафедры психологии Волгоградского государственного университета
E-mail: AnAn69@yandex.ru

UDC 316.776.33

K.S. KUCHMISTOV

graduate student, department of psychology, Volgograd state university
E-mail: AnAn69@yandex.ru

МАНИПУЛЯТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ СО СТОРОНЫ ДЕСТРУКТИВНЫХ КУЛЬТОВ

MANIPULATIVE INFLUENCE FROM DESTRUCTIVE CULTS

Отличительной чертой психологических манипуляций в деструктивных культах является отношение к вербуемому не как к личности, обладающей самоценностью, а как к специфическому средству, посредством использования которого достигаются цели манипулятора. Весьма актуальным представляется проведение комплексного исследования с целью выявления влияния личностных черт на предрасположенность к манипулятивному воздействию со стороны деструктивных культов.

Ключевые слова: манипулятивное воздействие, деструктивные культы, предрасположенность к воздействию.

A distinctive feature of psychological manipulation in destructive cults is relevant to вербуемому not as an individual, with your self-worth, and as to the specific means through which that can be achieved, the goal of the manipulator. Very urgent necessity to conduct a comprehensive study to identify the impact of personality traits on the predisposition to манипулятивному influence of destructive cults.

Keywords: manipulative influence of destructive cults, predisposition to the action.

В современном обществе, в силу воздействия социально-экономических и культурных факторов, обостряются проблемы, связанные с использованием методов интенсивного психологического воздействия в деятельности разнообразных организаций и движений с признаками деструктивности, которые порождают большое число социально-психологических проблем [10,12,16,19,31]. В основном эти отношения носят скрытый манипулятивный характер. Отношения, построенные на манипулятивном психологическом воздействии, свойственны среде сектантов.

В качестве научной проблемы категория воздействия вбирает в себя основные противоречия, наиболее острые и востребованные вопросы психологической науки, начиная от извечных вопросов о сущности, структуре и механизмах функционирования человеческой психики и кончая проблемами общеметодологического и мировоззренческого порядка [21].

Согласно «Словарю современного русского языка», воздействие – это «действие, оказываемое кем-, чем-либо, на кого-, чего-либо; влияние» [34,с.29]. В словаре С.И. Ожегова находим: «Воздействие – действие, направленное на кого-, что-нибудь с целью добиться чего-нибудь; внушить» [30,с.67]. В «Кратком психологическом словаре» под общей ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского процесс воздействия рассматривается как «целенаправленный перенос движений и информации от одного участника взаимодействия к другому» [23,с.58].

Основная часть исследований по данной проблематике представлена в социально-психологических работах, среди которых наиболее значимы труды Ф. Зимбардо и М. Ляйппе, Дж. Тернера, Р. Чалдини, Э. Ноэль-Ноймана. Особая ценность этих работ в том, что авторы рассматривают социальное воздействие и на примере культов. Пропагандистское воздействие как в целом, так и в культах, рассматривается в работе Э. Аронсона и Э. Пратканиса. Проблемы психологического воздействия на теоретическом уровне рассматриваются в работах и отечественных авторов [8,11,14 и др.].

Г.А. Ковалев под воздействием понимает процесс, происходящий на различных уровнях существования материальных явлений и их отдельных свойств (как физико-химических, так и социально-психологических), который реализуется в ходе взаимодействия двух или более равно упорядоченных систем и результатом которого является поддержание состояния данных систем или же изменение структуры хотя бы в одной из них. По его мнению, «личность человека при взаимодействии с окружающим миром реализует себя в качестве объекта и субъекта психологических воздействий посредством процессов общения, деятельности, поведенческих актов и т.п. Само же воздействие, являясь результатом осуществления целей различных видов человеческой активности, служит выражением психологической эффективности и результативности этих процессов, характеризует их личностно преобразующий, воспитывающий, развивающий потенциал» [21,с.12].

В любом взаимодействии людей всегда есть актор (кто воздействует) и адресат (тот, кто подвергается воздействию). По мнению Г.В. Грачёва, А.А. Сергеева, в зависимости от соотношения ценностей, интересов и имеющихся ресурсов в ходе коммуникации актор передает адресату сообщения с использованием трех технологий воздействия: подчинения, рефлексивного управления и манипуляции сотрудничества. В межличностном взаимодействии адептов и приверженцев (лидеров) деструктивных культов наблюдается установка на подчинение с использованием манипулятивного воздействия [2,39].

Сам термин «манипуляция» метафоричен и изначально обозначал искусство фокусников, работающих только руками без сложных приспособлений, основанное на отвлечении, концентрации внимания на другом объекте и использовании стереотипов мышления. В современных условиях содержание понятия трансформировалось. В социально-психологическом контексте манипуляция приобрела новый объект – человека – и принципиально новые способы осуществления действий. Манипуляция рассматривается как «акт влияния на людей и управления ими с ловкостью, особенно с пренебрежительным подтекстом, как скрытое управление, обработка» [27, с.36].

Ряд авторов [16, 24 и др.], рассматривая манипуляцию в качестве феномена межличностного, межгруппового и межнационального общения, говорят о необходимости принятия ее как данности. А. Мейер выводит феномен манипулирования из фатальной необходимости духовной диктатуры меньшинства над большинством. Он, в частности, для обозначения процессов манипуляции использует термины «социализация» и «легитимация», в результате которых индивидум превращается «в полезного и преуспевающего члена общества путем воспитания его в духе господствующих норм поведения и в духе той роли, которая ему отведена» [Цит. по Б.Н.Бессонову, 1978]. Ряд исследователей [19,20] считает манипулирование явлением, присущим исключительно нашему времени.

Анализируя феномен манипуляции, исследователи отмечают скрытый характер воздействия манипулятора на манипулируемого [4,6,12,21,28,38 и др.]. Манипулятивное воздействие определяется как скрытое программирование личного отношения к изображаемым или описываемым фактам или событиям (И.Д.Ермаков, 1995), «неявное побуждение» (Е.Л. Доценко, 1996), «скрытая трансакция» (Э. Берн, 2003). При этом у манипулируемого обязательно сохраняется иллюзия самостоятельности решений и действий [6]. Проблемы манипулятивного воздействия также рассматриваются в работах Е.В. Сидоренко и С. Кара-Мурзы. Отдельные аспекты манипулятивного и негативного информационного воздействия отражены в работах Г. В. Грачёва и И.К. Мельника. Общие вопросы психологии веры отражены в работе Р.М. Грановской.

Большой вклад в изучение организованных форм манипулирования внесли ряд социальных психологов. Среди наиболее значимых исследований необходимо отметить работы Р. Чалдини, Ф. Зимбардо, в которых рассматриваются особенности манипулирования

в культах, разрабатываются методы консультирования пострадавших. Среди отечественных психологов и психиатров, рассматривающих феномен деструктивных культов, стоит отметить исследования Т.С. Кабаченко, Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева, Т.М. Сулейманов и др.

Для понимания особенностей психологических манипуляций в деструктивных культах необходимо рассмотреть теоретико-методологическую базу исследования современных религиозных организаций.

Понятие «деструктивные организации (культи)» широко используется в зарубежной психологической науке, столкнувшейся с проблемой массированного использования против личности достижений психологической науки и практики в 70-е годы XX-го столетия (S. Hassan, P. Zimbardo, M.L. Tobias и др.).

Для обозначения подобных организаций применяются различные термины, такие как «секта», «деструктивная секта», «тоталитарная секта», «новое религиозное движение», «квазирелигия», «культовое движение», «психокульт», «религия кризиса», «светский культ», «тоталитарный культ», «неокульт» и т. д. Некоторые исследователи [37.39] считают, что данные термины, не раскрывают всей сущности данного явления. Многие из этих терминов характеризуют только религиозные группы, но организации, о которых идет речь, зачастую к религии не имеют никакого отношения. Кроме того некоторые термины часто используются в ненаучных кругах с множеством оценочных коннотаций. Поэтому в последнее время стали появляться термины, которые, по мнению исследователей, могут и должны заменить вышеперечисленные формы выражения конфессиональных отношений. Так например, А.Н.Баркер, П.Н.Митрохин, В.И.Ибрагимов и др. используют понятие «новые религиозные движения».

Психологическую проблематику современного сек-

тантства затрагивали такие авторы, как А. Н. Швечников, К. Б. Привалов. Вопросов психологического воздействия новых религиозных организаций на личность и разработки методов защиты от их психологического террора касаются работы В.Б. Щапаря. Механизмы воздействия религиозного сектантства на своих адептов рассматриваются в работах В.Ю.Асланян.

Отличительной чертой психологических манипуляций в деструктивных культах является отношение к вербуемому не как к личности, обладающей самоценностью, а как к специфическому средству, посредством использования которого достигаются, как правило, скрываемые цели манипулятора, реализуются его интересы и удовлетворяются собственные потребности без учета интересов, воли и желаний другой стороны – человека, выступающего как объект манипуляций.

Несмотря на актуальность и значительные традиции разработки в психологии, проблему психологического воздействия, и в частности его манипулятивного аспекта, тем не менее, нельзя отнести к числу хорошо изученных тем. В современной научной теории и практике не встречаются источники, рассматривающие феномен предрасположенности к манипулятивному воздействию со стороны деструктивных культов. По мнению В.В.Знакова, становлению склонности к манипулированию окружающими людьми и предпочтению манипулятивной стратегии поведения способствует комплекс личностных черт (импульсивность, аморальность, эгоцентризм, экстернальность, личностная ригидность и др.). Рассматривая явление манипулирования окружающими людьми с позиции объекта воздействия, мы можем предположить, что определенные личностные черты также влияют и на предрасположенность к манипулятивному воздействию со стороны деструктивных культов.

Библиографический список

1. Аронсон Э., Пратканис Э. Р. Эпоха пропаганды: Механизмы убеждения – повседневное использование и злоупотребление. СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2002. 384с.
2. Асланян В.Ю. Психологическое воздействие служителей деструктивных религиозных культов как предмет профессиональной оценки экспертами-психологами: Автореф. дис. ...канд. псих. наук. М., 2009.28с.
3. Баркер А. Новые религиозные движения.СПб.: РХГИ, 1997.196с.
4. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Пер. с англ. М. Будыниной, Е. Перцевой, В. Никандровой. М.: Изд-во Эксмо, 2003. 320 с. (Серия «Психологическая коллекция»).
5. Бессонов Б.Н. Идеология духовного подавления. М.: Мысль, 1978. 295 с.
6. Битянова М.Р. Социальная психология. Общая характеристика человеческого общения. Питер, 2001. 544 с.
7. Будов А.И. Религиозные иллюзии на пороге жизни. Христианские секты сегодня. М.,1980.125с.
8. Горшков М.К.Общественное мнение: История и современность. М.: Политиздат, 1988.383 с.
9. Грановская Р.М. Психология веры. СПб.: Речь, 2007. 476 с.
10. Грачёв Г.В. Мельник И.К. Манипулирование личностью: Организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М.: Алгоритм-книга, 2002. 288с.
11. Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. 368 с.
12. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 1997. 318 с.
13. Ермаков Ю.А. Манипуляция личностью: смысл, приемы, последствия. Екатеринбург, 1995. 205с.
14. Зызыкин В.Г. Психология в рекламе Москва: ДатаСтром, 1992. 64с.
15. Зимбардо Ф. Социальное влияние / Ф. Зимбардо, М. Ляйппе. СПб.: Питер, 2000. 448с.
16. Знаков В. В. Макиавеллизм: психологическое свойство личности и методика его исследования //Психологический журнал, 2000. Т. 21. № 5. С. 16-22.
17. Ибрагимов В.И. Новые религиозные движения в духовной жизни современного общества. Дис. ...к. ф. н. Н. Новгород, 2001. 35с.
18. Кабаченко Т.С. Методы психологического воздействия: учебное пособие. М.: Педагогическое общество России, 2000. 544с.

19. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2009. 864 с.
20. Кассирер Э. Техника современных политических мифов. // Вест.Моск. ун-та. Сер.7. Философия, 1990.с. 58 – 69.
21. Ковалев Г.А. Психологическое воздействие: теория, методология, практика: автореф. дис. док. псих. наук. М., 1991. 38с.
22. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Психодинамика сект. // Социодинамическая психиатрия. Новосибирск: Издательство НГПУ, 1999. С. 332-340.
23. Краткий психологический словарь (Сост.Л.А.Карпенко)/ Под общей ред. А.В.Петровского, М.Г.Ярошевского. М.:Политиздат, 1989. 431 с.
24. Лисова С.Ю. Манипуляция массовым сознанием в политической рекламе: региональный аспект: Автореф. дис. канд. соц. наук. М., 2004.28с.
25. Митрохин П.Н. Религиозная ситуация в России.//Социологические исследования. 1995. №11. С.35-41.
26. Нозль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания.М.:Прогресс-Академия,1996.352с.
27. Политическая психология: уч. пос. Под ред. А.Л. Деркач. Екатеринбург: Деловая книга; М: Академический проект, 2001. 858 с.
28. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.: Центр, 1998. 252 с.
29. Привалов К.Б. Секты: досье страха. М.:Политиздат, 1987. 191 с.
30. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., Советская энциклопедия, 1964. 900 с.
31. Рюмина Л.И. Психология манипулирования людьми (ценностно-смысловой аспект). Ростов-н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2003. 198с.
32. Сидоренко Е.В. Тренинг влияния и противостояния влиянию. СПб.: Речь, 2001. 256 с.
33. Словарь современного русского литературного языка, Т.I М., 1959.225с.
34. Сулейманов Т. М. Психологическое насилие в современных сектах и культах.М.,2000.137с.
35. Тернер Дж. Социальное влияние. СПб.: Питер,2003.256с.
36. Чайкин В.Н. Формы манипулирования в негосударственных организациях с признаками деструктивных культов в РФ: Автореф. дис. ..канд. соц. наук: Н.Новгород, 2011. С. 29.
37. Чалдини Р. Психология влияния. СПб.: Питер Ком, 1999. 272с.
38. Чеснокова И.А. Влияние сект, культов и нетрадиционных религиозных организаций на личность и ее жизнедеятельность: Автореф. дис. канд. псих. наук: М., 2005. С. 28.
39. Шапарь В.Б. Психология религиозных сект. Мн.: Харвест, 2004. 214 с.
40. Швецников А.Н. Рай земной: новая сказка. С-Пб.,1997,155 с.
41. Hassan, S. Combatting Cult Mind Control. Park Street Press, 1990, Rochester, Vermont, pp. 213.
42. Tobias, M. L. and Lalich, Janja. Captive hearts, captive minds: freedom and recovery from cults and abusive relationships. Hunter House Inc., Alameda, CA, 1994, pp. 323.

References

1. Aronson E. Pratkanis E.R. Era propaganda mechanisms of persuasion - the daily use and abuse / E. Aronson, E. Pratkanis. St. Petersburg.: Prime EVROZNAK 2002. 384 p.
2. Aslanyan V.Y. The psychological impact of destructive religious cults servants as a matter of professional valuation experts psychologists: Author. dis. ... Cand.PSC.Sciences. M. 2009.28 p.
3. Barker A. New Religious movements.SPb.: RHGI, 1997.196 p.
4. Bern E. Games People Play / Per. from English. Budyninoy M., E. Pertseva, V. Nikandrova. M.: Publishing house Penguin Books, 2003. 320 p. (Series «Psychological collection»).
5. Bessonov B.N. The ideology of spiritual oppression. M: Thought, 1978. 295 p.
6. Bityanova M.R. Social psychology.General characteristics of human communication.Piter, 2001.544 p.
7. Budov A.I. Religious illusions on the threshold of life. Christian sects today. M. 1980.125 p.
8. Gorshkov M. K.Obschestvennoe opinion: History and modern tion. M. Politizdat, 1988.383 p.
9. Granovskaya R. M. Psychology faith. St. Petersburg.: Speech, 2007. 476 p.
10. Grachev G. Miller I. K. Manipulation of personality: Organization, methods and technologies of information and psychological warfare. M.: Algorithm-book, 2002. 288 p.
11. Grushin B.A. Mass consciousness: Experience the definition and research problems. M. Politizdat, 1987. 368 p.
12. Dotsenko E.L. Psychology manipulation: phenomena, mechanisms and protection. M., 1997.318 p.
13. Ermakov Y.A. Manipulation personality: sense techniques consequences. Ekaterinburg, 1995.205 p.
14. Zazykin V.G. Psychology in advertising Moscow: Data Strom, 1992. – 64 p.
15. Zimbardo Social Influence / Zimbardo, M. Lyayppe. St. Petersburg.: Peter, 2000. 448 p.
16. Znakov V.Machiavellianism: psychological property of the individual and his research methodology // Psychological Reports, 2000. -Т. 21. - № 5. –рр. 16-22.
17. Ibragimov V. I. New religious movements in the spiritual life of modern society.Dis. k ... f. n. Nizhny Novgorod, 2001.35 p.
18. Kabachenko T.S. Methods of psychological influence: Tutorial / TS Kabachenko. Moscow Pedagogical Society of Russia, 2000.544 p.
19. Kara-Murza S. Manipulation of consciousness. M.: Penguin Books, 2009. 864 p.
20. Cassirer E. Technique of modern political myths. // Vest.Mosk. un -ta. Ser.7. Philosophy 1990. pp. 58 - 69.
21. Kovalev G.A. Psychological impact: theory, methodology, practice: Author. dis. Doc. PSC.nauk.-M., 1991.38 p.
22. Korolenko C. P., Dmitrieva N. V. Psychodynamics sects / C. P. Korolenko, N. V.Dmitrieva// sociodynamic psychiatry. Novosibirsk: Publishing NGPU, 1999. - pp. 332-340.
23. Kratky psychological dictionary (Sost.L.A.Karpenko)/ed. A. V.Petrovskogo, M.G.Yaroshevskogo. M: Political Publishing House, 1989. 431 p.

24. *Lisova S.Y.* Manipulation of mass consciousness in political advertising: a regional perspective: Author. dis. Candidate. soc. Sciences. M. 2004. 28 p.
 25. *Mitrohin P.N.* Religious situation in Russia. // Case Studies. 1995. № 11. -p.35-41.
 26. *Noel-Neumann E.* / Public Opinion. Opening spiral molchaniya. M., Progress-Academy 1996. 352s.
 27. *Politicheskaya Psychology* / distr. Benefit ed. AL. Derkach. Yekater – rinburg: Business Book, M: Academic Project, 2001. 858 p.
 28. *Pocheptsov G.G.* Theory of Communication. Moscow: Center, 1998. 252 p.
 29. *Privalov K.B.* Sects dossier fear. M. Politizdat, 1987. 191 p.
 30. *Ozhegov S.I.* Russian dictionary. Moscow, Soviet Encyclopedia, 1964. 900 p.
 31. *Ryumshina L.I.* Psychology of manipulation (value-semantic aspect). Rostov-N / A Univ growth. University Press, 2003. 198 p.
 - 32.
 33. *Sidorenko E.V.* Training and influence the effect of confrontation. St. Petersburg.: Speech, 2001. 256 p.
 34. Dictionary of modern Russian literary language, TI M. 1959. 225p.
 35. *Suleymanov T.M.* Psychological abuse in modern sects and cults. M., 2000. 137 p.
 36. *Terner J.* Social influence. St. Petersburg.: Peter 2003. 256 p.
 37. *Chaykin V.N.* Forms of manipulation in non-governmental organizations with signs of destructive cults in Russia: Author. dis. .. PhD. soc. Sciences: Nizhni Novgorod, 2011. p. 29.
 38. *Chaldini R.* Psychology of influence / R. Cialdini. St. Petersburg.: Peter Combe, 1999. 272p.
 39. *Chesnokova I.A.* Influence of sects, cults and non-traditional religious organizations on the individual and its vital: Author. dis. Candidate. PSC. Sciences: Moscow, 2005. p. 28.
 40. *Shapar V.B.* Psychology religious sects. Mn.: Harvest, 2004. 214 p.
 41. *Shvechnikov A. N.* Heaven on earth: a new tale. Saint-Petersburg., 1997. 155 p.
 42. *Hassan S.* Combatting Cult Mind Control. Park Street Press, 1990, Rochester, Vermont, pp. 213.
 43. *Tobias M.L.* and Lalich, Janja. Captive hearts, captive minds: freedom and recovery from cults and abusive relationships. HunterHouseInc., Alameda, CA, 1994, pp. 32–3.
-
-

УДК 364

UDC 364

А.М. МИТЯЕВА

доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой
социального управления и конфликтологии Орловского
государственного университета
E-mail: konflikt_@mail.ru

A.M. MITIAEVA

doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the
Department of Social Management and Conflict, Orel State
University
E-mail: konflikt_@mail.ru

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ОЦЕНКЕ УЧЕБНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ СТУДЕНТОВ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

THE COMPETENCE APPROACH IN THE EVALUATION OF EDUCATIONAL ACHIEVEMENTS OF STUDENTS IN THE HIGHER SCHOOL

В статье рассматриваются основные подходы к формированию компетентного опыта студентов в вузе, актуализируются вопросы оценки их учебных достижений, способствующих развитию профессионального мастерства обучающихся.

Ключевые слова: качество образования, результат учебной деятельности, учебные достижения, компетентностный подход, компетентностно-ориентированные задачи, портфолио.

In the article the main approaches to the formation of a competence experience of University students, actualization of issues of evaluation of their educational achievements, contributing to the development of professional skills of the students.

Keywords: quality of education, the result of training activities, learning outcomes, competence approach, competence-oriented tasks portfolio.

На современном этапе развития общества перед системой высшего образования ставится задача подготовки высококомпетентных специалистов. Имея действенный, практико-ориентированный характер, компетентности, помимо системы теоретических и прикладных знаний, включают когнитивную и операционально-технологическую составляющие. Приобретение, преобразование и использование знаний предполагает активную познавательную деятельность, смыслообразующим компонентом которой являются деятельностные и процессуальные знания.

Каждому виду опыта, включаемого в содержание образования, соответствует и своя технология, способ его освоения. В этом суть принципа единства содержательного и процессуального компонентов обучения. Так, для знания опыта, в структуре которого выделяются эмпирические и теоретические знания, ведущими являются, соответственно, наглядно-эмпирические и задачно-деятельностные технологии. Для освоения способов деятельности значимы инструктирующие и тренинговые технологии. Для общекультурного опыта ведущую роль играют технологии создания ориентировочных основ различных видов деятельности и системы учебных задач с нарастанием самостоятельности и продуктивности. Для усвоения творческого опыта необходимы проблемные, интерактивные, исследовательские технологии. Личностный опыт как специфический компонент содержания образования не может осваиваться через включение обучающегося в совокупность деятельностей, а предполагает более сложную детер-

минацию развития – ситуацию «открытия смысла», или так называемую личностно-развивающую ситуацию, для актуализации которой тоже нужны технологии – контекстные, диалогические, свободного выбора, совершения поступка и др. Наконец, компетентностный опыт требует имитационно-моделирующих, проектных технологий, своеобразных «жизненных практик», в которых только и может сформироваться компетентность.

Под процессом формирования профессиональных компетенций студентов понимается способность субъекта успешно решать профессиональные задачи по определённым направлениям и уровням осуществления производственной деятельности, на основе имеющихся общих и специальных знаний, умений, навыков и профессионально-значимых качеств личности. Профессиональная компетенция проявляется у субъекта в его способности успешно решать профессиональные задачи в различных ситуациях производственной деятельности, поэтому в качестве необходимых условий её формирования можно выделить ситуации, моделирующие будущую профессиональную деятельность студента. Учебная ситуация выступает как целостный функционирующий объект процесса обучения, в котором в диалектической взаимосвязи находятся конкретная дидактическая задача, конкретный уровень познавательной деятельности обучающихся и конкретный метод преподавания.

Поиск условий и средств создания учебных ситуаций, способствующих становлению профессиональных компетенций студентов, позволяет рассмотреть

задачное обучение, которое рассматривается как способ организации и управления учебной деятельностью студентов.

В основе задачного обучения лежит построение обучения через комплекс или систему учебных задач, процесс решения которых способствует формированию профессионально значимых качеств личности у студентов. Задачное обучение представляет собой поэтапную организацию постановки учебных задач, выбора способов их решения, диагностики и оценки полученных результатов.

Система компетентностно-ориентированных задач, в зависимости от их функционального назначения по этапам изучения учебных дисциплин профессиональных циклов, включает предметно-ориентированные, практико-ориентированные и профессиональные задачи.

Предметно-ориентированные задачи выступают средством формирования у студентов совокупности знаний по учебным дисциплинам (модулям) профессионального цикла, необходимых и достаточных для освоения умений и навыков в составе конкретных профессиональных компетенций, развитие у обучающихся познавательной активности. Такие задачи строятся на основе рассмотрения производственных ситуаций, направленных на усвоение студентами знаний по темам (разделам) учебной дисциплины (модуля), умений их применять, они предлагаются в виде устного или тестового задания, практической работы. При этом предлагаемые задания могут содержать научное противоречие, представленное в виде познавательной проблемы, и тем самым способствовать приобретению студентами творческого или эмоционально-ценностного опыта.

Практико-ориентированные задачи выступают средством формирования у студентов системы интегрированных умений и навыков, необходимых для освоения перечисленных во ФГОС профессиональных компетенций. Такие задачи строятся путем отбора производственных ситуаций, в которых умения и навыки студентов по учебным дисциплинам (модулям) профессионального цикла являются необходимым условием их подготовки к решению профессиональных задач, входящих в компетенции выпускника вуза. В зависимости от конкретных профессиональных задач производственной деятельности, практико-ориентированные задачи могут быть построены на основе:

- отбора ситуаций, обеспечивающих освоение технологических аспектов производственной деятельности, требующих применения специальных умений и навыков, специфических для данной профессии и направления подготовки;
- создания ситуаций производственной деятельности, в которых наряду с собственно технологическими, ставятся проблемы организации деятельности, выбора ее оптимальной структуры, вопросы управления производственной деятельностью;
- создания личностно-ориентированных ситуаций, требующих от студента умения находить нестандартные способы решения производственных вопросов,

обоснованного выбора той или иной позиции в будущей профессиональной деятельности или производственных отношениях, преодоления нравственных противоречий, принятия решений по выбору и коррекции путей повышения качества выполняемой деятельности.

В зависимости от степени охвата областей предметных знаний выделяют практико-ориентированные задачи: дисциплинарные, междисциплинарные и метадисциплинарные. Такие задачи могут быть предложены студентам в виде практического задания.

Профессиональные задачи выступают средством формирования у студентов умений определять, разрабатывать и применять оптимальные методы решения профессиональных задач по видам и уровням производственной деятельности. Эти задачи строятся на основе рассмотрения ситуаций, возникающих на различных уровнях осуществления будущей профессиональной деятельности и формулируются в виде производственных заданий (поручений). Алгоритм решения профессиональных задач должен предусматривать логически заверченный порядок действий, обеспечивающий выполнение заданий (поручений) на соответствующем уровне его осуществления: операционном, функциональном, квалификационном.

В зависимости от видов будущей производственной деятельности профессиональные задачи ориентированы на решение технологических, организационно-управленческих и других вопросов, а порядок их выполнения может носить репродуктивный или проблемно-поисковый характер. По степени охвата областей предметных знаний такие задачи имеют дисциплинарный или междисциплинарный характер, а по уровню осуществления производственной деятельности могут быть квалификационными, функциональными или операционными.

– квалификационные задачи разрабатываются на основе требований Федерального государственного образовательного стандарта, охватывают содержание одного или нескольких профессиональных модулей и служат для разработки функциональных и операционных профессиональных задач. Данные задачи выполняются студентами в ходе написания выпускной квалификационной работы и необходимы для освоения квалификационных профессиональных компетенций выпускника;

– функциональные задачи разрабатываются на основе содержания учебных дисциплин (модулей), действующих в формировании профессиональных компетенций на уровне выполняемых функций будущим специалистом конкретной области профессиональной деятельности. Предлагаются студентам на практическом занятии или курсовом проектировании и необходимы для освоения функциональных профессиональных компетенций;

– операционные задачи разрабатываются на основе содержания учебных дисциплин (модулей), действующих в формировании профессиональных компетенций на уровне конкретных производственных операций. Предлагаются студентам на практическом

или семинарском занятии и необходимы для освоения операционных профессиональных компетенций.

Такое универсальное свойство учебных задач, как их способность выступать в учебном процессе и как способ организации, и как способ управления учебной деятельностью студентов, может быть использовано при реализации различных форм и методов обучения, способствующих формированию компетенций у выпускников. Компетентностно-ориентированные задачи выполняются в виде проектов, практических заданий, деловых игр и т. д. Постановка задач может предусматривать их групповое или индивидуальное выполнение на дисциплинарных или междисциплинарных занятиях, аттестациях студентов.

Учитывая, что иерархически организованная последовательность учебных задач образует программу образовательной деятельности студентов, система компетентностно-ориентированных задач, введенная в учебный процесс, способна обеспечить поэтапное формирование у студентов знаний, умений, навыков и профессионально-значимых личностных качеств, необходимых для освоения компетенций, лежащих в основе будущей профессиональной деятельности.

При оценке сформированности компетенций достаточно широкое распространение получили квалификационные тесты, их результаты интерпретируются с позиции критериальноориентированного подхода. Использование mastery tests рассчитано не на сравнение учебных достижений студентов, как это делается в тестах с нормативноориентированной интерпретацией результатов, а на оценку уровня подготовленности каждого обучающегося в соответствии с заранее заданным критерием, в качестве которого может выступать минимально необходимый уровень сформированности профессиональных компетенций, с учетом требований ФГОС ВПО.

При этом важно оценить познавательную активность, творческий потенциал обучающихся. Эти качества необходимы для развития профессионального мастерства. С этой целью составляются кейсизмерители в виде специальных проблемных задач, в которых студенту предлагают осмыслить жизненную или профессиональную ситуацию. При их решении он должен использовать понятия и методы из разных учебных дисциплин, переносить технологии из освоенной области в новую сферу, строить модели и оценивать их адекватность. В этом случае имитируется профессиональная ситуация. Совокупность таких ситуационных моделей называют кейсом. Работа над ним может осуществляться как в самостоятельном режиме, так и в сотрудничестве с другими студентами, с привлечением научной литературы для обоснования своего выбора оптимального решения.

При разработке кейса важно подобрать ситуационные задания предметной и профессиональной направленности, обеспечить надежность и сопоставимость результатов измерения. Целесообразно предлагать не только подробное описание ситуаций, но и перечень вопросов к ним. Выполнение задания предполагает демонстрацию способов решения задачи. Это может быть

защита проекта, проведение эксперимента, его анализ и др. Оценка выполнения задания носит количественный характер и выражается в баллах.

В качестве индикаторов измерения компетенций можно предложить задания практикоориентированной направленности. Они формулируются как межпредметные задачи, содержание которых отражает проблемы, возникающие в обыденной жизни или в профессиональной деятельности.

Можно выделить разные виды ситуаций, используемых в проверочных заданиях, ориентированные на выявление коммуникативных и методических компетенций. Задания должны предполагать, с одной стороны, выбор необходимой методики ее реализации, а с другой – наличие умений использовать тот или иной метод, находить коммуникационные средства для его реализации, имитирующие действия, приближенные к реальным. Осознание квазипрофессиональной задачи происходит в результате рассмотрения конкретной ситуации. При этом важную роль играют мотивация, личностные качества студента, его умения и опыт.

Эффективным средством оценки компетенций является анализ портфолио студента, работу над которым следует начинать с I курса. В структуру портфолио входят:

- результаты защиты курсовых и выпускной квалификационной работы (при этом указываются темы исследований, приводится их краткое описание, при необходимости возможно приложение текста в печатном или в электронном варианте);
 - результаты защиты научно-исследовательских работ (в портфолио могут быть представлены работы в реферативной форме или в виде отчета по эксперименту);
 - результаты других видов деятельности: участие в выставках, конкурсах, техническое творчество и др. (при этом фиксируется перечень работ, название конкурсов и т.д.);
 - результаты обучения на элективных курсах (обязательно делается запись о названии курса, его продолжительности);
 - результаты практики (учебная, производственная, научно-исследовательская и др.);
 - сведения об участии в олимпиадах, конкурсах, конференциях, учебных семинарах (указывается вид мероприятия, тема, время проведения, название организации, проводившей данный форум, а также достигнутый студентом результат);
 - спортивные и иные достижения.
- На основе комплексной оценки, осуществленной с помощью рассмотренных средств измерения, можно делать вывод о сформированности перечисленных во ФГОС компетенциях выпускника вуза.

Таким образом, компетентностный подход выдвигает на первое место не информированность студента, а его умение решать проблемы, возникающие: в познании и объяснении явлений действительности; при освоении современной техники и технологии; во взаимоотношениях людей, в этических нормах, оценке собственных

поступков; в практической жизни при выполнении социальных ролей; в правовых нормах и административных структурах, в потребительских и эстетических ценностях; в овладении профессией в высшем учебном заведении, в умении ориентироваться на рынке труда; при рефлексии собственных жизненных проблем, организа-

ции себя, выбора стиля и образа жизни, разрешения конфликтов. Компетентность предполагает более высокий уровень подготовленности студента, так как включает не только знания и умения, но и опыт деятельности, достижения и личностные качества обучающегося.

Библиографический список

1. Митяева А.М. Содержание многоуровневого высшего образования в условиях реализации компетентностной модели. М.: Педагогика. 2008. , №8. С. 57-65.
2. Митяева А.М. Формирование профессиональной компетентности студентов в вузе. // Компетентностно-модульный подход в системе среднего и высшего профессионального образования. Материалы международной научно-практической конференции. Брянск: «Курсив», 2010. С.124-130.

References

1. Mitiaeva A.M. Contents multilevel higher education in the implementation of competency models // M. : Pedagogy, 2008. № 8. -Pp. 57-65.
2. Mitiaeva A.M. Formation of professional competence of students in high school . / AM Mitiaeva // Competence- modular approach in secondary and higher education . Proceedings of the international scientific-practical conference . Bryansk , « Italic », 2010.- Pp.124 -130.

УДК 378.147:372.851

Н.В. НИКОЛЬСКАЯ

учитель высшей категории средней школы №6, г. Выкса, Нижегородская область

Е.В. НИКОЛЬСКИЙ

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры ОиОПД Нижегородского технического университета им. Р.Е.Алексеева
E-mail: evgeniy_nikolski@mail.ru*

UDC 378.147:372.851

N.V. NIKOLISKAYA

teacher to high category school №6, Vyksa, Nizhegorodskiy region

E.V. NIKOLISKIY

*candidate of the pedagogical sciences, assistant professor department of OIOPD, Nizhegorodskiy technical university named after R.E. Alekseeva
E-mail: evgeniy_nikolski@mail.ru*

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ГИБКОСТИ МЫШЛЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ НА ОСНОВЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ МАТЕМАТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

TO QUESTION ABOUT DEVELOPMENT FLEXIBILITY OF THE THINKING SCHOOLBOY ON BASE EXPLORATORY MATHEMATICAL ACTIVITY

Включение в школьный учебный процесс «активных методов обучения» позволило нам разработать программу развития памяти, внимания, логического мышления и интуиции школьников на материале поисковых задач математического содержания с обучающимися любого уровня подготовки.

Ключевые слова: программа развития, гибкость мышления, задача, мини-исследование, календарно-тематическое планирование, творчество, самостоятельность.

Cutin in school scholastic process «active methods of the education» has allowed us to develop the program of the development to memories, attention, logical thinking and intuitions schoolboy on material of the search tasks of the mathematical contents with training any level of preparation.

Keywords: program of the development, flexibility of the thinking, task, mini-study, calendar-thematic planning, creative activity, independence.

Федеральный государственный образовательный стандарт предполагает на выходе из начальной школы овладение учеником следующих умений:

1. решать творческие задачи на уровне комбина-

ций, импровизаций: самостоятельно составлять план действий (замысел), проявлять оригинальность при решении творческой задачи, создавать творческие работы (сообщения, небольшие сочинения, графические рабо-

ты), разыгрывать воображаемые ситуации;

2. передачи, поиска, преобразования, хранения информации, использования компьютера; поиск (проверка) необходимой информации в словарях, каталоге библиотеки;

3. определять способы контроля и оценки деятельности; определять причины возникающих трудностей, находить ошибки и их исправлять;

4. учебное сотрудничество: умение договориться; распределять работу, оценивать свой вклад в общем результате деятельности [7].

В настоящий момент ученик начальных классов уже не может выступать в виде «копилки знаний, умений и навыков». Сегодня необходимо вести речь об «активном усвоении» и «активных методах обучения», о «деятельности ученика» [8].

Однако современный ученик начальных классов (из-за своих возрастных особенностей) ещё недостаточно владеет умением действовать в новой нестандартной учебно-практической ситуации.

Поэтому нами с целью развития у детей основных психических процессов на математическом материале с помощью учебно-поисковой деятельности была разработана и апробирована программа дополнительного образования «Развиваем гибкость мышления».

Под развитием гибкости мышления мы подразумеваем развитие воображения и творческих способностей ребёнка, умение найти выход из нестандартной ситуации, используя все логические структуры мышления.

Дети стараются «увидеть» в каждом «предмете» его разные стороны, свободно фантазировать, направлять творческие возможности на поиск различных способов решения задач и попытку создать свой новый «продукт».

Такой вид деятельности повышает интерес школьника к математике, развивает его способность к исследованиям.

Программа рассчитана на два года обучения (3 и 4 класс), общим объёмом 68 часов (3 класс – 34 часа, 4 класс – 34 часа).

Изучение курса предполагает некую последовательность изложения занятий по авторским методическим разработкам.

Занятие проводится со всем классом один раз в неделю, продолжительностью 45 минут.

Строится оно в следующей последовательности: 1 этап – разминка «Мозговой штурм», игры с движением на внимание (физкультминутка), 2 этап – работа в группе (коллективно-творческое дело), 3 этап – индивидуальная творческая работа.

Анализ психолого-педагогической литературы (Л.С.Выготский, П.Я.Гальперин, В.В.Давыдов, А.Н.Леонтьев, Д.Б.Эльконин) позволил определить гибкость как творческий процесс совершенствования своего мышления, сознания, интеллекта, личности, стремление выйти из нестандартной ситуации, используя свои способности.

По мнению Давыдова В.В., сейчас в современном обучении всё больше приобретают значение особые

виды учебной деятельности: проектирование, конструирование, программирование, планирование.

Характерной их особенностью является не изучение того, что уже существует, а создание «новых продуктов» и одновременно познание того, что лишь может возникнуть [9].

Задачей современного учителя начальных классов становится задача научить ученика тем способам работы, которые позволили бы ему дальнейшему самостоятельно конструировать для себя способы работы с новым материалом.

А затем и самостоятельно решать проблему: «Как научить самого себя действовать быстро и правильно?»

Современные школы с внедрением ФГОС постепенно становятся школами полного дня, что несомненно обеспечивает сочетание основного образования с дополнительным в урочной и внеурочной деятельности. Внеклассные занятия по данной программе позволят не только раскрыть творческие способности детей, но и подготовить их к олимпиаде по математике.

Цель программы: научить детей сознательно использовать основные логические структуры мышления при нахождении нескольких способов решений учебно-практических, творческих и проектных задач.

Задачи:

- развивать логическое мышление (операции сравнения, анализа, обобщения, гибкость мыслительных процессов), ориентируя деятельность детей на творческое начало, на приобретение собственного опыта творческой деятельности;

- развивать произвольное внимание (устойчивость, концентрацию, переключение, самоконтроль) и память учащихся;

- расширять их речевое поле;
- формировать учебную мотивацию;
- развивать личностную сферу.

Данный курс построен на материале поисково-творческих задач математического содержания для обучающихся любого уровня подготовки.

В него вошли разноплановые развивающие задания различной степени сложности, имеющие несколько способов решения.

В вопросе развития гибкости мышления основную роль играют задачи повышенной трудности (олимпиадный уровень), требующие от учеников применения нетрадиционных подходов к их решению.

Включение в занятия разминки в виде «мозгового штурма», развивающих игр на комбинирование, планирование, анализ, применение групповых форм работы с целью получения нового «продукта» – всё это создаёт положительный эмоциональный фон, на котором вся психическая деятельность школьника протекает наиболее эффективно.

Работая в группах, обучающиеся могут получать задания, одинаковые по форме, но разные по содержанию, либо совершенно одинаковые задания, но тогда их решения позволят сравнить разные подходы к данной проблеме.

Таблица 1.

Календарно – тематическое планирование по программе
«Развиваем гибкость мышления»

Блоки	Разделы	Тематика занятий	Кол. часов
3 класс	1. Понятия умножения и деления.(6ч.)	1. Вводное занятие. 2. Арифметические орешки. 3. Поиск закономерностей. 4. Математическое домино. 5. Сказочные числа. 6. Шифровки.	1 1 1 1 1 1
	2. Свойства умножения.(3ч.)	1. Страна Пифагория. 2. Секреты умножения. 3. Старинные задачи.	1 1 1
	3. Умножение и деление многозначных чисел.(11ч.)	1. Занимательные вопросы. 2. Математическое лото. 3. Предметные таблицы. 4-5. Задачи со сказочным сюжетом. 6. Лабиринты в математике. 7. Моделирование сложных текстовых задач. 8. Анаграммы. 9-10. Математические сказки. 11. Загадочные числа.	1 1 1 2 1 1 1 2 1
	4. Действия с многозначными числами.(10ч.)	1. Сложные уравнения. 2. Уравнения в задачах. 3. Найди ошибки. 4-5. Интересные задачи. 6. В царстве Смекалки. 7-8. Геометрические задачи. 9. Игровая кладовая. 10. Игры со спичками.	1 1 1 2 1 2 1 1
	5. Приёмы устного умножения.(4ч.)	1-2. Магический квадрат. 3. Числовые ребусы. 4. Итоговое занятие. Математическая олимпиада. 3 класс	2 1 1
		Итого:	34
4 класс	1. Действия с многозначными числами (7ч.).	1. Вводное занятие. 2. Арифметические головоломки. 3. Игры с циферблатом. 4. Математические «ловушки». 5. Клуб весёлых математиков. 6-7. Задачи на логику.	1 1 1 1 1 2
	2. Приёмы устных вычислений по отношению к четырём арифметическим действиям.(6ч.)	1. Ребусы. 2. Шифр алгебраического характера. 3. Математическое лото. 4-5. Задачи от Г. Остера. Наше творчество. 6. Метаграммы.	1 1 1 2 1
	3. Анализ и решение текстовых задач.(8ч.)	1.Задачи, развивающие кругозор. 2. Математические цепочки. 3-4. Логические и комбинаторные задачи. 5-6. Задачи с определённым содержанием. 7. Графический способ решения задач. 8. Сюжетные задачи.	1 1 2 2 1 1
	4. Периметр. Площадь. Объём.(7ч.)	1. Периметр фигур. 2-3. Задачи с геометрическим содержанием. 4. Сюжет русской народной сказки в основе задач. 5. Логогрифы. Сочиняем сами. 6. Математика в кроссвордах. 7. Составление математического кроссворда.	1 2 1 1 1 1
	5. Понятие дроби.(6ч.)	1-2. Задачи на нахождение доли числа и обратные им. 3. Математический калейдоскоп. 4.Старинные денежные единицы. 5. Использование графов. 6. Итоговое занятие. Математическая олимпиада, 4класс. Итого:	2 1 1 1 1 34

Творческая работа мысли вызывает чувство удовлетворения и положительные эмоции, а вместе с тем – стремление во что бы то ни стало довести работу до конца, ведь положительные эмоции обладают созидательной силой при обучении математике.

Систематическая работа с детьми в данном режиме способствует:

- развитию гибкости мышления и умению проводить мини-исследования;
- развитию творческих задатков и склонностей;
- овладению различными способами и методами решения задач;
- овладению устной математической лексикой;
- развитию коммуникативных навыков;
- положительному отношению к заданиям проблемно-поискового характера;
- проявлению самостоятельности;
- готовности детей к дальнейшему саморазвитию.

Отдельные индивидуальные и групповые задания можно использовать как при проведении уроков математики в классах развивающего обучения, так и в классах, работающих по традиционной системе.

Содержание программы

«Развиваем гибкость мышления»

Блок 1 (Зкласс).

Раздел 1. Понятия умножения и деления.

Вводное занятие. Определение уровня развития основных логических структур мышления учащихся. (Тестирование.)

Арифметические орешки. «Загадочные» числа. «Волшебные» знаки. Тема для исследований: «История появления науки математики».

Поиск закономерностей. Смысл слова *закономерность*. Закономерности в числах и фигурах. Закономерности в буквах и словах. Составление закономерностей.

Математическое домино. Связь умножения со сложением. Умножение на 0 и на 1. Слова с цифрой 3. Старая китайская игра «Необыкновенное домино».

Сказочные числа. Сказочные числа на числовой прямой. Как устроено многозначное число. Графическое изображение умножения. Тема для исследований: «Великий Архимед».

Шифровки. Буквенные шифровки. Шифрованное письмо. Составление шифра.

Раздел 2. Свойства умножения.

Страна Пифагория. Игра «Поиск девятого». Строим таблицу Пифагора. Тема для исследований: «Школа Пифагора».

Секреты умножения. Переместительное, сочетательное и распределительное свойства умножения. Рифмы в таблице. Умножение на пальцах (таблица на 9). Составление памятки «Секреты умножения».

Старинные задачи. Строение задачи. Занимательные задачи XVIII века из рукописей «Арифметики» Л.Магницкого. Тема для исследований: «Великие математические открытия».

Раздел 3. Умножение и деление многозначных чисел.

Занимательные вопросы. Логические концовки. Загадки математического содержания. Задачи в стихах на умножение. Тема для исследования: «Способы умножения».

Математическое лото. Признаки делимости. Игры на развитие памяти.

Предметные таблицы. Таблицы с набором букв, геометрических фигур.

Задачи со сказочным сюжетом. Сказка и математика. Логика рассуждений. Помогаем любимому герою. Задача: «Иван против Кощея Бессмертного».

Лабиринты в математике. Выход из числового лабиринта. Игры на развитие внимания. Лабиринт «английской королевы». Разгадываем геометрическую сеть ходов. Составление лабиринта.

Моделирование сложных текстовых задач. Краткая запись как средство моделирования. Таблица. Схема. Составление модели к задаче.

Анаграммы. Игры на развитие мышления и сообразительности. Анаграммы по определённой тематике. Составление анаграмм.

Математические сказки. Решение задач: «Кто победил Змея Горыныча?», «Буратино и его друзья». Составление сказочных задач.

Загадочные числа. Три способа нахождения загадочного числа. Отгадываем задуманные числа.

Раздел 4. Действия с многозначными числами.

Сложные уравнения. Математическая терминология. Поиск корней уравнения, не выполняя вычислений. Составление и решение уравнений.

Уравнения в задачах. Этапы решения задач. Составление плана решения. Решение задач с помощью уравнений. Использование всех действий с многозначными числами. Составление задач по уравнениям.

Найди ошибки. Приёмы устных вычислений. Умножение на 11, 101.

Интересные задачи. Задачи математических олимпиад. Метод проб и ошибок, «отсекающихся вопросов», «устранения противоречий». Задачи-шутки.

В царстве Смекалки. Шаги решения логических задач. Решение «с конца». Метод исключения.

Геометрические задачи. Выделение основных частей задачи. Задачи на нахождения площади, периметра олимпиадного уровня.

Игровая кладовая. Игры на развитие внимания, памяти и сообразительности. Головоломки. Тема для исследований «Математические игры».

Игры со спичками. Четыре треугольника из спичек. Число 100. Игры «Переложи спичку», «Верные равенства», «Составь фигуру».

Раздел 5. Приёмы устного умножения.

Магический квадрат. Родина магических квадратов. Свойства квадрата. Нетрадиционный, волшебный квадрат. Четыре шага составления квадрата.

Числовые ребусы. Ребусы на умножение и деление. Зашифрованные ребусы. Правила разгадывания и составления числовых ребусов.

Итоговое занятие. Математическая олимпиада, 3 класс.

Блок 2 (4 класс).

Раздел 1. Действия с многозначными числами.

Вводное занятие. Определение уровня развития основных логических структур мышления учащихся. (Тестирование).

Арифметические головоломки. Все действия с многозначными числами. Игры на развитие мышления. Составление головоломок.

Игры с циферблатом. Деление циферблата разным количеством линий. Составление игр. Тема для исследований: «Величины и их измерение»

Математические «ловушки». Числа в разных системах счисления. Игры с числом. Поиск «ловушек». Составление заданий с ловушками.

Клуб весёлых математиков. Весёлый счёт. Задания: «Найди четвертое», «Логические задачи», «Сложи фигуру», «Задачи-шутки». Игры-соревнования между командами.

Задачи на логику. Решение и составление логических задач. Гипотеза. Доказательство. Опровержение. Причина и следствие.

Раздел 2. Приёмы устных вычислений по отношению к четырём арифметическим действиям.

Ребусы. Числовые ребусы: «Муха», «Футбол», «Перевертыш», «Атомный пример». Составление числовых ребусов.

Шифр алгебраического характера. Математические шифровки. Составление шифровок алгебраического характера.

Математическое лото. Игры на развитие памяти и внимания. Лото математических определений.

Задачи от Г. Остера. Наше творчество. Логика и юмор. Решение задач Г.Остера. Задачи про школу, друзей и животных. Составление задач.

Метаграммы. Зашифрованные математические знаки и геометрические фигуры. Составление метаграмм.

Раздел 3. Анализ и решение текстовых задач.

Задачи, развивающие кругозор. Задачи на все действия с десятичными дробями разнообразной тематики. Преобразование задач, приводящее к их усложнению.

Математические цепочки. Причинно-следственные цепочки.

Логические и комбинаторные задачи. Мир логики.

Причина и следствие.

Решение и составление логических задач.

Задачи с определённым содержанием. Задачи на время. Задачи на движение. Использование моделирования при решении задач на движение. Обратные задачи.

Графический способ решения задач. Различные способы решения составных текстовых задач. Тема для исследований: «Способы решения задач».

Сюжетные задачи. Составление и решение сюжетных задач. Сравнение задач, различных по сюжету.

Раздел 4. Периметр. Площадь. Объём.

Периметр фигур. Разные способы нахождения периметра. Периметр многоугольников.

Задачи с геометрическим содержанием. Вычисление площади и периметра разных фигур. Геометрические задачи олимпиадного уровня.

Сюжет русской народной сказки в основе задач. Действия с числовыми значениями величин. Составление задач по сюжетам сказок.

Логогрифы. Сочиняем сами. Стихи-загадки. Сочинение логогрифов.

Математика в кроссвордах. Разгадывание кроссвордов математического содержания. Приёмы составления кроссвордов.

Составление математического кроссворда. Кроссворды по теме «Величины», «Математические термины», «Геометрические фигуры».

Раздел 5. Понятие дроби.

Задачи на нахождение доли числа и обратные им. Решение задач на нахождение доли числа. Обратные задачи. Составление задач.

Математический калейдоскоп. Математические игры на развитие логики, памяти, внимания.

Старинные денежные единицы. Деньги как мера стоимости. Старинные задачи с именованными числами.

Использование графов при решении задач. Знакомство с понятием «граф», его элементами. Решение логических задач с помощью графов. Графическая модель задачи. Построение графов.

Итоговое занятие. Математическая олимпиада, 4класс.

Библиографический список

1. Королёва Е.В. Предметные олимпиады в начальной школе. «Аркти», М., 2007.
2. Кочергина А.В., Гайдина Л.И. Учим математику с увлечением. М.: «5 за знания», 2006.
3. Лавриненко Т.А. Задания развивающего характера по математике. Саратов: «Лицей», 2002. 192с.
4. Леонова Н.В. Лучшие развивающие игры для детей от 7 до 11 лет. М.; ООО Издательство «ДОМ. XXI век», 2007. 189с.
5. Маистраль О. Лучшие методики развития внимания у детей. М: Просвещение, 2007. 158с.
6. Остапенко М.А. Выучить таблицу умножения? Это просто! СПб.: Издательский Дом «Литера», 2008. 64с.
7. Стандарт общего образования: требования к результатам освоения основных общеобразовательных программ. Под общ. ред. А.М. Кондакова, А.А. Кузнецова, М.: Просвещение, 2006.
8. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М.: ИНТОР, 1996. 162с.
9. Ануфриев А.Ф., Костромина С.Н. Как преодолеть трудности в обучении детей. Психодиагностические таблицы и методики. Коррекционные упражнения. М.: Издательство «Ось-89», 2001. 272с.
10. Языканова Е.В. Учись учиться: развивающие занятия для младших школьников. М.: Чистые пруды, 2006. 32с.
11. Никольская Н.В., Никольский Е.В. Технология развития гибкости логико-математического мышления. Проблемы интеллектуального развития школьников. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Часть 2, Армавир, АГПУ, 2009. С.44-47.

12. Никольская Н.В., Никольский Е.В. Система работы с одарёнными детьми. Актуальные проблемы углубленного математического образования. Материалы Всероссийской научно-методической конференции. Адыгейский государственный университет, Майкоп, 2010. С.166-16.

References

1. Queen E.V. The Subject olympiads in grade school publishers "Arkti", Moscow, 2007.
2. Kochergina A.V., Gaydina L.I. We Teach the mathematician with uvlecheniem. - M.: "5 for knowledges", 2006.
3. Lavrinenko T.A. Tasks developping nature on matematike. - Saratov: "Lycee", 2002. - 192c.
4. Leonova N.V. The Best developping plays for детей from 7 before 11 let. -M.; ООО Publishers «HOUSE. NHI age», 2007. - 189c.
5. Mashtali O. Best methodses of the development of attention beside detey. - M: Enlightenment, 2007. - 158c.
6. Ostapenko M.A. Learn the multiplication table? This simply! - SPB.: Publishing House "Litera", 2008. - 64c.
7. The Standard of the general formation: requirements to result of the mastering the main general programs//Под obsch. ред. A.M. Kondakova, A.A.
8. Davydov V.V. The Theory developping education. M.: INTOR, 1996. - 162c.
9. Anufriev A.F., Kostromina S.N. As преодолеть difficulties in education детей. Psihodiagnosticheskie tables and methodses. Korrekcionnye uprazhneniya. - M.: Publishers «Osi-89», 2001. - 272c.
10. Yazykanova E.V. Learn to learn: developping occupations for younger schoolboy - M.: CHistye ponds, 2006. - 32c.
11. Nikoliskaya N.V., Nikoliskiy E.V. Technology of the development to flexibility logician-mathematical thinking. The Problems of the knowledge-based development schoolboy. The Material IV All-russian scientifically-practical conference. A Part 2, Armavir, AGPU, 2009. - S.44-47.
12. Nikoliskaya N.V., Nikoliskiy E.V. The System of the work with gifted детьми. The Actual problems deepened mathematical formation. The Material All-russian scientifically-methodical conference. The Adygei state university, Maykop, 2010. - S.166-16.

УДК 378.147

UDC 378.147

О.Н. ОВСЯННИКОВА

кандидат педагогических наук, доцент, Академия ФСО
России
E-mail: ovsoksana@rambler.ru

O.N. OVSYANNIKOVA

candidate of pedagogy science, associate professor,
Academy FSO of Russia
E-mail: ovsoksana@rambler.ru

ОСНОВНЫЕ УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ПРОЦЕССЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В ВУЗЕ

THE MAIN CONDITIONS IN THE CREATIVITY DEVELOPMENT OF STUDENTS DURING STUDYING A FOREIGN LANGUAGE

Основными условиями развития креативности обучающихся являются деятельность преподавателя (педагогика сотрудничества), взаимодействие преподавателя и студента, развитие мотивации к изучению иностранного языка, широкое использование проблемных заданий на занятиях. Создание благоприятного климата на занятиях также является важной составляющей этих условий.

Ключевые слова: креативность, педагогика сотрудничества, мотивация, условия, проблемные задания.

The main conditions of students' creativity development are teacher's activity (collaboration pedagogics), close cooperation between the teacher and students, motivation advance in studying a foreign language, a wide usage of problem tasks at the lessons. Creating favorable climate at the lessons is one the important component of these conditions.

Keywords: creativity, collaboration pedagogics, motivation, conditions, problem tasks.

В современном обществе востребованы самостоятельные и инициативные специалисты, которые способны постоянно развивать свою личность и деятельность. Именно такие специалисты могут успешно выполнять свои функции, отличаясь высокой восприимчивостью, социально-профессиональной мобильностью, готовностью к быстрому изменению знаний, овладению навы-

ков и умений, освоению новых сфер деятельности. Поэтому в процессе теоретического анализа формирующих воздействий и в ходе дальнейшей их апробации были выявлены и обоснованы определенные условия, способствующие развитию креативности обучающихся в вузе на занятиях по иностранному языку.

Обучение иностранным языкам на протяжении всей

истории человечества играло и продолжает играть важную роль. На современном этапе, как подчеркнуто во Всемирной декларации о высшем образовании для XXI века, перед образованием стоят грандиозные задачи, требующие его радикального «преобразования и обновления, подвергать которым его еще никогда не приходилось, особенно в области обучения иностранным языкам» [2].

Это обусловлено, с одной стороны, масштабом и темпами прогресса современного мира, в котором образование выступает как важнейший компонент культурного и социально-экономического постоянного развития человека, сообществ и наций. С другой стороны, в обществе существует глубокий кризис ценностей, преодоление которого предполагает выход за рамки экономических и рациональных соображений в область духовности и нравственности. Поэтому проблемы образования всегда находятся в центре внимания ученых разных наук – культурологии, педагогики, социологии, психологии и др.

Анализируя многочисленные исследования по проблеме развития креативности, можно сделать вывод, что сформированность творческой деятельности в первую очередь определяется уровнем развития творческого мышления и интеллекта личности. В процессе творческой деятельности интеллектуальные умения сильно переплетаются друг с другом, выступая в органическом единстве и взаимосвязи [1].

Мы полагаем, что при поэтапном формировании креативности обучающегося критерии и показатели интеллекта и творческого мышления должны рассматриваться дифференцированно и в динамике на разных этапах обучения. Поэтому о развитости креативности и интеллекта, в целях получения нужного представления, можно судить исходя из того, что на первом этапе большое внимание уделяется умственным умениям, а на последующих этапах берется оценка творческого мышления.

Одним из положительных условий развития креативности является деятельность поведения преподавателя, так как в конечном итоге не знания и не отдельные умения обеспечивают развивающий эффект, а их воплощение и реальное поведение. Преподавателю необходимо активно использовать свой творческий потенциал, соответственно, он переходит к "педагогике сотрудничества", меняет авторитарный стиль общения на демократический, чтобы добиться хороших результатов обучения. Роль преподавателя – "внешнего организатора" – недостаточна, так как между участниками должно быть взаимодействие, т.е. взаимная связь собеседников. Преподаватель является не только организатором взаимодействия, но и его непосредственным участником [4].

Следует отметить, что взаимодействие личности студента и преподавателя, осознание и принятие ими творческой деятельности, способность к восприятию инноваций; активная позиция студентов, творческая атмосфера на занятиях, компетентность преподавателя являются основой данных условий. Активный познавательный интерес в мотивационной структуре личности обучающегося будет преобладать, если работа педагога

и обучающихся будет направлена на развитие внутренних мотивов познавательной деятельности, которые активизируют умственные способности. Следовательно, творческий характер учебной деятельности обеспечивается направлением участников процесса обучения на творчество. Тогда требуемые репродуктивные действия станут неотъемлемой частью собственно творческого процесса. Творческий процесс в обучении понимается не только как овладение механизмами деятельности, а как процесс формирования нужных для творчества личностных качеств.

Для этого нужно создать следующие необходимые дидактические условия:

- соответствие способов и форм развития креативности;
- выполнение управления развития креативности у студентов на базе паритетных субъект-субъектных отношений в процессе непрерывного взаимодействия активной деятельности обучающихся и конструктивной деятельности преподавателя;
- реальное право выбора студентом соотношения индивидуальной работы и способа защиты результатов своей деятельности.

Развитие креативности студентов определяется следующими педагогическими условиями: мотивацией, которая является отражением потребности в совершенствовании себя как субъекта деятельности; организацией инновационного обучения, где основными аспектами выступают: критическое отношение к обыденности, насущные проблемы действительности, открытость среде и новшествам, которые кардинально преобразуют отношение к миру, большое стремление к самореализации.

Целесообразно использовать такие методы, формы и средства обучения, направленные на развитие у студентов креативности, чтобы умело организовать специальное управление учебной деятельностью обучающихся с целью достижения ими хороших результатов в процессе изучения иностранного языка, а также развивать креативность на основе поэтапного вовлечения студентов в решение проектов постепенно возрастающей сложности.

Основная роль преподавателя состоит в том, чтобы создать условия студентам, чтобы преодолеть противоречия между ограниченной языковой базой и возрастающими от курса к курсу их познавательными потребностями. Преподавателю необходимо научить студентов правильно использовать знания из других предметных областей. Интегративно-технологический подход прекрасно подходит в этих целях, т.е. процесс объединения в единое целое различных сведений для достижения цели развития личности, где гармонично сочетаются акмеологический и технологический подходы в подготовке будущих специалистов.

Одним из важных условий развития креативности студентов является организация процесса учебной деятельности на основе проблемных учебных заданий, чтобы выполнить такие задания, обучающиеся вовлекаются в творческую деятельность, которая вызывает у

них стремление к более глубокому познанию предмета изучения.

Действительно, использование метода проектов на занятиях по иностранному языку рассматривается как проверенный способ достижения дидактической цели. Студенты разрабатывают проблему основательно, в итоге она завершается практическим результатом, которым и является сам продукт, который может представлять собой материальное проявление их индивидуальной или совместной, аналитической, исследовательской и творческой деятельности. Это может быть представлено в виде сценария видеофильма, презентации, аудиозаписи, альбома, реферата, стенгазеты и так далее.

Во время создания проекта обучающиеся учатся самостоятельно получать знания, пользуются разными источниками, приобретают коммуникативные навыки и умения, знакомятся с разными аспектами культуры, при этом активно используют исследовательские методы. Все это помогает им быстрее разрешить разнообразные ситуации, быстрее приспособиться к изменяющимся условиям, плодотворно работать в различных коллективах.

Сегодня студенты не всегда могут активно применять свои способности в реальной учебной ситуации. Некоторые студенты не могут не только организовать самостоятельное исследование, но и делать записи и вести работу самостоятельно. Проектная работа прекрасно подходит для привития и закрепления всех этих практических навыков, которые смогут обеспечить самостоятельность и эффективность обучения.

Преподавателям необходимо создавать благоприятную творческую атмосферу, попытаться распознать в каждом студенте потенциального творца. Многие преподаватели обладают педагогическим тактом, способны справедливо оценивать результаты деятельности студентов, они могут убедить обучающихся не с позиции своего большого авторитета, а используя строгие научные аргументы и факты, они отличаются высокой работоспособностью и имеют большое стремление помочь студенту. Такие преподаватели характеризуются широким кругозором, обширными профессиональными знаниями и высокой гуманитарной подготовкой, поэтому наиболее успешно могут осуществлять развитие креативности у обучающихся.

Важную роль в развитии креативности у студентов играет создание мотивов и условий, в которых они смогут всецело проявлять свою познавательную активность, испытывать реальное стремление использовать приобретенные знания, сформированные речевые навыки и умения в своей будущей профессиональной деятельности. В свою очередь, целесообразно использовать информативный и познавательный материал на занятиях, чтобы направлять их на развитие у них профессионально важных личностных качеств.

Для этих целей важно также использовать основные элементы проблемного обучения, которые основаны на организации поисковой деятельности обучающихся, на нахождении и разрешении ими различных жизненных

и профессиональных столкновений. Для этого в обучении необходимо применять определенные приемы и методы. С этой целью целесообразно использовать объяснительно-иллюстративный и частично-поисковый способы, проблемный и исследовательский методы обучения для взаимодействия преподавателя и обучающихся в процессе изучения иностранного языка.

Студентов следует научить правильно определять проблемы, умело переносить знания, умения и навыки в новую ситуацию, найти новые характеристики в знакомом объекте (альтернативное мышление), уметь синтезировать, комбинировать ранее освоенные способы деятельности в новые виды деятельности (синтетическое комбинационное мышление).

Вышеназванные методы помогают обучающимся разобраться с основными понятиями и определениями самостоятельно, а не получить их в готовом виде от преподавателя.

Важно помнить, что проблемы должны соответствовать потребностям и интересам определенной группы студентов, т.е. активно использовать принцип положительной мотивации (учитывать основные интересы личности и уровень ее рефлексии). Иногда значимая проблема в одной группе не окажется важной для другой; а представленная проблема в данный момент или в данном месте может стать совсем неактуальной через какой-то промежуток времени, поэтому необходимо уделять большое внимание гибкости в разработке учебных ситуаций. Следует, чтобы обучающиеся принимали активное участие в определении учебных проблем наряду с преподавателем и в разработке способов их решения. Выявленная проблема может допускать выбор множественных способов решения, воздействовать на механизмы принятия решения, тем самым развивать дивергентное мышление.

Учебные проблемы должны быть достаточно серьезными, чтобы гарантировать заинтересованность всей группы. Наиболее важные проблемы – это те, которые облегчают понимание вопросов, представляющих интерес для всех [5].

Необходимо учитывать то, что проблемы должны отвечать возрастным особенностям обучающихся. Причем часто это зависит не столько от выбора проблемы, сколько ее формулировки и отбора подходящего материала для ее решения. В одной группе подобная проблема может быть решена успешно одними студентами, а другими участниками только на следующей ступени обучения.

При выборе проблемы важно учитывать наличие нужных материалов. Многие трудности являются прямым следствием того, что студенты берутся за проблемы, для решения которых нет достаточной литературы и материалов в наличии либо невозможно собрать необходимые данные. Это может привести к поверхностному обучению, основанному не на доказательном исследовании и ненадежных знаниях, неблагоприятно влияющих на развитие креативности учащихся.

Следовательно, прежде чем выбрать важную учебную проблему, преподаватель обязан убедиться в том,

что обучающиеся обеспечены необходимым материалом. Вместе с тем, не нужен тщательный контроль и излишняя опека со стороны преподавателя, чтобы позволить обучающимся увидеть самим различие в степени сложности разных учебных проблем.

Когда преподаватель отбирает учебные проблемы, ему необходимо учитывать предшествующую подготовку и опыт большинства студентов. Преподавателю следует заранее определить пробелы в знаниях своих учеников; наметить направления и ориентировать их на выбор насущных проблем, он должен избегать ненужного повторения с предыдущей ступени обучения. Однако следует иметь в виду, что слишком подробная разработка планирования может привести к надуманности и неестественности. Проблемы должны соответствовать появляться из опыта и потребностей многих обучающихся. Преподавателю следует использовать любую возможность и любую подходящую ситуацию. Не стоит порождать проблемы искусственно или навязывать их только для того, чтобы ликвидировать тот или иной пробел в знаниях.

Выражением общей направленности соответствующих дидактических поисков может служить следующее: "Проблема в том, чтобы найти те условия, которые следует создать, чтобы учебная работа и учение протекали естественно и с необходимостью создавали такие условия и, как их результат, такие действия обучающихся, вследствие которых они не смогут не научиться. Ум учащихся будет сосредоточен не на учебе или учении. Он направлен на делание того, что требует ситуация, тогда как обучение является результатом. Методом преподавателя, с другой стороны, становится создание условий, которые пробуждают самообразовательную активность или учение и такое взаимодействие с уча-

щимися, при котором учение становится следствием этой активности" [3].

В процессе изучения иностранного языка надо создавать такие ситуации, которые дают студентам возможность познакомиться с реалиями страны изучаемого языка, понятиями и в то же время требуют от них самостоятельно определять и находить эти понятия на предложенных примерах. При изучении зарубежных научно-технических достижений можно включать альтернативные точки зрения, отсутствие имеющихся объяснений, сомнения в правдивости выводов.

Также развитие креативности студентов протекает успешнее, если создаются соответствующие условия общесоциального, экономического, психологического, научного и педагогического характера.

Изучение иностранного языка будет протекать благополучно, если обучающиеся, вовлекаясь в творческую деятельность, будут заниматься в комфортном психологическом климате на занятиях.

Такая форма организации учебной деятельности имеет ряд достоинств, потому что может принести положительную динамику креативности обучающихся, вызывает у них большой интерес, разнообразит занятия, а также развивает их способности общения, что способствует мотивации к изучению иностранного языка.

Необходимо отметить, что творчество должно сопутствовать процессу профессионального развития и становления будущего специалиста, поскольку такими качествами, которые определяют истинно креативную личность, являются гибкость и оригинальность мышления, способность увидеть, понять и решить существующие насущные проблемы, генерировать новые гипотезы, смогут обеспечить формирование конкурентоспособного специалиста.

Библиографический список

1. Богоявленская Д.Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. Ростов-на-Дону, 1983. 287 с.
2. Высшее образование в XXI веке: подходы и практические меры. СГУ. М., 1999. 136 с.
3. Лернер И.Я. Дидактические основы методов обучения. М., 1981. 112 с.
4. Рогова Г.В. Методика обучения иностранным языкам. М.: "Просвещение" 1991. 282 с.
5. Сафонова В.В. Проблемные задания на уроках английского языка в общеобразовательной школе. Воронеж, 1987. 174 с.

References

1. Bogoyavlenskaya D.B. An intellectual activity as a problem of creativity. Rostov-na-Donu, 1983. 287 p.
2. Higher education in XXI century: approaches and practical measures / SGU M., 1999. 136 p.
3. Lerner I.Y. Didactic basics of the teaching techniques. M., 1981. 112 p.
4. Rogova G.V. Teaching methodology of foreign languages. M.: "Prosveyashcheniye" 1991. 282 p.
5. Safonova V.V. Problem tasks at the lessons of English in a comprehensive school. Voronezh, 1987. 174 p.

УДК 616

UDC 616

Н.Н. ОВСЯННИКОВА

кандидат биологических наук, профессор, зав. кафедрой анатомии, физиологии, гигиены и экологии человека Орловского государственного университета
E-mail: ol-lyakho@yandex.ru

О.А. МЕЗЕНЦЕВА

ассистент кафедры анатомии, физиологии, гигиены и экологии человека Орловского государственного университета
E-mail: lilipor87@mail.ru

N.N. OVSYANNICOVA

candidate of biology, professor, head of Human Anatomy, Physiology, Hygiene and Ecology department, Orel State University
E-mail: ol-lyakho@yandex.ru

O.A. MEZENTSEVA

assistant of Human Anatomy, Physiology, Hygiene and Ecology department, Orel State University
E-mail: lilipor87@mail.ru

ИЗУЧЕНИЕ РАННИХ ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ПРИЗНАКОВ ДЕЗАДАПТАЦИИ СТУДЕНТОВ ПРИ ПОМОЩИ РЕЧЕВОЙ АУДИОМЕТРИИ

EDUCATIONAL-DIDACTIC COMPLEX EARLY PSYCHO-EMOTIONAL SIGNS OF STUDENTS' DISADAPTATION BY SPEECH AUDIOMETRY

Наиболее ценным и физиологически оправданным является метод речевой аудиометрии, так как речь является естественным раздражителем органа слуха.

Речевая аудиометрия заключается в том, что разговорная речь или отдельные слова записывают с помощью высококачественной звукозаписывающей аппаратуры (например, магнитофона), а затем без искажения передают на динамический телефон, надетый на ухо испытуемого.

Целью речевой аудиометрии является получение кривой разборчивости. Для этого необходимо определить, по крайней мере, три точки (уровня).

Ключевые слова: речевая аудиометрия, дезадаптация, психоэмоциональные признаки.

Speech audiometry is the most valuable and physiologically justified method because speech is the natural irritant of the organ of hearing.

In speech audiometry speaking or particular words are recorded with the high-quality sound recording equipment (for example, tape recorder) and then are translated without distortion to dynamical phone worn on the ear of the individual.

The purpose of speech audiometry is to obtain the legibility graph. At least three points (levels) are needed for this.

Keywords: speech audiometry, disadaptation, psycho-emotional signs.

Сейчас к исследованию речевого слуха предъявляются более строгие и самостоятельные требования в смысле точности, возможности сравнения повторных данных и анализа его дефектов. Большим достижением последнего времени является речевая аудиометрия. Однако было бы неправильно умалить значение обычного исследования шепотной и разговорной речью. Восприятие речи характеризует состояние основной и важнейшей функции органа слуха человека.

Обычная методика исследования речью имеет ряд недостатков. Главный из них состоит в невозможности стандартизировать речь в отношении силы и качества. Речь представляет собой очень сложное сочетание быстро сменяющихся звуков различной частоты и силы. Пользование шепотной речью несколько уравнивает интенсивность звуков, но зато мы здесь сталкиваемся с новым обстоятельством: в обычной жизни (особенно тугоухому) приходится разбирать разговорную речь, которая в фонетическом отношении сильно отличается от шепотной. Измерение остроты речевого слуха по рас-

стоянию также является нередко источником ошибок, так как в комнате, благодаря отражению звуков от стен, сила звука падает не пропорционально квадрату расстояния. Наконец, при этом способе не определяется степень разборчивости, что особенно важно для речевого слуха. Принимая во внимание указанные недостатки исследования слуха разговорной и шепотной речью, отметим, что новой методике речевой аудиометрии в настоящее время придается большое значение.

С усовершенствованием техники записи и воспроизведения звуков человеческой речи разработана речевая аудиометрия, которая позволяет устранить недостатки, свойственные шепотной и разговорной речи.

В аудиологии существуют следующие основные методы оценки слуховой функции.

1. Исследование остроты слуха шепотной и разговорной речью. Достоинством этого метода является то, что он может быть применён без всякой аппаратуры, а недостатком – то, что он не даёт возможности количественно дозировать интенсивность и частотный спектр

применяемых звуковых сигналов, что сказывается на степени достоверности результатов исследования.

2. Измерение остроты слуха камертонами. Имея набор камертонов, можно произвести тональное определение слуховой способности испытуемого. К достоинствам метода следует отнести точность частоты, излучаемой камертоном. Недостатками метода является то, что отсутствуют камертоны, имеющие высокие частоты колебаний, и трудно дозировать начальную интенсивность генерируемых ими звуковых волн.

3. Аудиометрические методы исследования остроты слуха.

Для реализации этих методов используется специальный прибор – аудиометр, который состоит из генератора звуковых сигналов (или магнитофона) и воздушных (или костных) телефонов.

Наиболее ценным и физиологически оправданным является метод речевой аудиометрии, так как речь является естественным раздражителем органа слуха. Речевой аудиометр состоит из магнитофона, аттенюатора, измерительного прибора, позволяющего поддерживать заданную величину напряжения на входе телефонов или громкоговорителя. При речевой аудиометрии можно определить зависимость разборчивости речи от уровня звукового давления воздействия на слуховой орган при воспроизведении. Преимуществами этого метода являются точность и стабильность оценки слуха. По этим параметрам метод значительно превосходит исследование слуха с помощью шепотной и разговорной речи, хотя несколько уступает тональной аудиометрии.

Для исследования слуха речью составлены словесные артикуляционные таблицы, отражающие реальную речь. Группы слов фонетически однородны и соответствуют словесной и ритмико-динамической структуре русского языка.

Целью речевой аудиометрии является получение кривой разборчивости. Для этого необходимо определить по крайней мере три точки (уровня). Первая точка получается, когда интенсивность переданных магнитофоном слов достигает такой величины, что испытуемый слышит появление какого-то звука вообще. Этот уровень почти совпадает с уровнем слуха на чистые тона в диапазоне частот 30-3000 гц или превышает его на 3-8 дб.

Вторая точка получается при усилении речи до такой интенсивности, что испытуемый начинает правильно повторять (записывать) 50% переданных слов, т. е. 25 слов из таблицы. Обычно этот уровень находится примерно на 25-30 дб выше первого. Таким образом, чтобы понять половину слов, интенсивность их должна быть приблизительно на 30 дб выше порога слышимости слуховых частот (т. е. 300—3000 гц).

Третья точка определяется при такой интенсив-

ности, когда будет достигнута уже максимальная разборчивость. В норме этот уровень соответствует интенсивности 40-45 дб выше тонального порога.

Максимальной разборчивостью считается такая, когда испытуемый повторяет 90% слов и больше, так как при этом он полностью воспринимает обычную разборчивую речь.

Таким образом, при речевой аудиометрии определяются в основном три величины:

1. порог речевого слуха – та интенсивность, при которой испытуемый слышит 50% поданных слов (порог отсчитывается по оси абсцисс);

2. максимальная разборчивость (отсчитывается по оси ординат);

3. потеря различения (дискриминация), что может быть при некоторых формах нарушения звуко-сприятия, когда при усилении интенсивности звукового раздражителя разборчивость не достигает 100%.

Присущие обычному методу исследования шепотной и разговорной речью недостатки в значительной мере устранены при речевой аудиометрии. Преимущества новой методики: 1. Постоянство текста и дикции при исследовании с помощью магнитофонной звукозаписи. 2. Регулировка и регистрация громкости передаваемой звукозаписи. Эта регулировка возможна и при пользовании для исследования живой речью. В этом случае диктор, говоря в микрофон, руководствуется показаниями вольтметра. 3. Потеря слуха определяется в более сравнимых числах – не измерением расстояния в метрах, а в децибелах. 4. Исследования дают представление о возможности и границах разборчивого восприятия речи при различной ее громкости.

Несмотря на естественные условия проведения исследования слуховых потерь методами полевой аудиометрии, результаты этих исследований существенно зависят от акустических условий помещения, в котором проводятся эти исследования. Для точной количественной оценки слуховых потерь независимо от акустических условий помещения в традиционной аудиологии исследование слуха проводят с помощью головных телефонов (ГТ) (по давлению).

Цель и задачи исследования. Существующие методы измерения остроты слуха не позволяют получить результаты, адекватные реальной акустической обстановке (например: помещение, в котором имеют место отражения от стен звуковых волн и их интерференция), так как, например, существующие аудиометры подают звуковой сигнал через ГТ на одно или на оба уха и не принимается в расчёт влияние помещения на звуковое поле.

Таким образом, существующие аудиологические методы оценки слуха по полю требуют специальных дорогостоящих акустических камер, а существующие методы по давлению не позволяют производить оценку бинаурального слуха.

Библиографический список

1. Агаджанян А.Н., Баевский Р.М., Берсенева А.П. Проблемы адаптации и учение о здоровье. М.: Изд-во РУДН, 2006. 284 с.
2. Изотов В.В. Особенности порогов восприятия звуков у лиц, подвергающихся воздействию низкочастотного шума. Материалы пятой международной научной конференции «Проблемы здорового образа жизни. Донозоология-2009». Под общей редакцией Захарченко М.П., Щербука Ю.А. СПб.: Крисмас+, 2009.- С. 104-107.

3. Кок Е.П., Кочергина В.С., Якушева Л.В. Определение доминантности полушарий методом дихотического прослушивания речи // Журн. высшей нервной деятельности. 1971. Т. 21. Вып. 5. 1012 с.
4. Нейман Л.В. Анатомия, физиология и патология органов слуха и речи. М.: Просвещение, 1977. 254 с.
5. Руцкий Д.А., Урываев Ю.В. Возможности аудиографического анализа анкетирования: речевое отражение некоторых характеристик состояния здоровых подростков // Материалы XXI Международной конференции «Применение новых технологий в образовании», 28-29 июня 2010 г., Троицк, 2010. С. 200-201.
6. Урываев Ю.В., Руцкий Д.А., Юрова Е.Н. Осознаваемые и неосознаваемые компоненты устной речи // Материалы IV Междунар. Конф. по когнитивной науке, 22-26 июня 2010 г., Томск, 2010. С.552-53
7. Шидловская Т.В. Некоторые показатели речевой аудиометрии при различных поражениях периферического отдела звукового анализатора // Журн. ушных, носовых и горловых болезней. 1975. N 1.С. 8-12.
8. Annett M., Kilshaw D. Mathematical ability and lateral asymmetry // Cortex. 1982. V. 4. P. 547.
9. Taylor R.S., Ashton K.E., Moxham T., Hooper L., Ebrahim S. Reduced dietary salt for the prevention of cardiovascular disease // Cochrane Database of Systematic Reviews 2011.

References

1. Agadzhanian A.N., Bayevsky R.M., Berseneva A.P. Adaptation problems and health study. M.: RUDN publ., 2006. – 284 p.
2. Izotov V.V. Sound perception thresholds features in individuals exposed to low-frequency noise/ V international conference “Healthy lifestyle problems. Donosology-2009” thesis. Edited by Zakharchenko M.P., Sherbuk Y.A. – St-Petersburg: Krismas+, 2009. – P. 104-107.
3. Kok E.P., Kochergina V.S., Yakusheva L.V. Hemisphere domination detection through dichotic listening method // Higher Nervous Activity Journal. 1971. Vol.1. No. 5. 1012 p.
4. Neyman L.V. Hearing organ anatomy, physiology and pathology. Moscow: Prosvesheniye, 1977. – 254 p.
5. Rutsky D.A., Urivayev Y.V. Survey audiographical analysis abilities: healthy teenagers state particular features verbal reflection // XXI International conference “New educational technologies application” materials, 28-29 June 2010, Troyitsk, 2010. – P. 200-201.
6. Urivayev Y.V., Rutsky D.A., Yurova E.N. Conscious and unconscious components of speech // IV International Cognitive science conference materials, 22-26 June 2010, Tomsk, 2010. – P.552-53.
7. Shidlovskaya T.V. Some speech audiometry indicators in various peripheral part of the sound analyzer lesions // Ear, Nose and Pharynx Diseases Journal. 1975. – N 1. – P.8-12.
8. Annett M., Kilshaw D. Mathematical ability and lateral asymmetry // Cortex. 1982. V. 4. P. 547.
9. Taylor R.S., Ashton K.E., Moxham T., Hooper L., Ebrahim S. Reduced dietary salt for the prevention of cardiovascular disease // Cochrane Database of Systematic Reviews 2011.

УДК 80

UDC 80

С. Ю. ПОЛУЙКОВА

кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой немецкого языка и межкультурной коммуникации Омского государственного педагогического университета
E-mail s_poluikova@mail.ru

S.J. POLUYKOVA

candidate of Pedagogics, Head of German Language and Cross-Culture Communication department, Omsk State Pedagogical University
E-mail: s_poluikova@mail.ru

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНТАМИНАЦИИ В ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОМ ДИСКУРСЕ

PRAGMATIC POTENTIAL OF CONTAMINATION IN THE EDUCATIONAL DISCOURSE

В работе рассматривается один из видов жанровой гетерогенности – контаминация. Описан механизм смешения элементов текстотипа и его прагматический потенциал в современном просветительском дискурсе. Основные положения проиллюстрированы примерами из текстов просветительского содержания на немецком языке.

Ключевые слова: *воздействие, жанр, гетерогенность, контаминация, прагматика, просветительский дискурс.*

In the paper one of the types of genre heterogeneity-contamination. Described the mechanism of the blending of elements of texttype and its pragmatic potential in the modern educational discourse. The main provisions are illustrated by examples from the texts of educational content in German.

Keywords: *influence, genre, heterogeneity, contamination, pragmatics, educational discourse.*

Объектом данного исследования является новая дискурсивная практика, активно формирующаяся в последние десятилетия. До настоящего момента отечественные и зарубежные лингвистические исследования посвящены в основном «поучительным» трактатам эпохи Просвещения и более поздних времен.

Исследуемая дискурсивная практика существенно отличается от просветительской деятельности нескольких столетий назад. Её специфика проявляется в наличии принципиально новых коммуникационных каналов, носителей просветительской информации на содержательном, коммуникативно-стратегическом и композиционном уровнях.

Поскольку наиболее активно просветительский дискурс развивается за рубежом, в частности, в Германии, и менее активно, но поступательно в России, то материалом для данного исследования послужили немецкоязычные просветительские брошюры, а также опубликованные материалы Федерального центра медицинского просвещения в Германии (Bundeszentrale für gesundheitliche Aufklärung).

Ценностное наполнение современного просветительского дискурса определяется пониманием просвещения как деятельности для «общественной пользы», способствующей поступательному развитию человека и позитивному преобразованию общества. Поэтому этот феномен имеет ярко выраженное нравственное содержание и связан в общественном сознании с такими общекультурными ценностями, как гуманизм, гражданственность, стремление к познанию, жизнь, здоровье, толерантность. Они определяют отношение человека к себе, другим, обществу, природе и актуализируются в просветительских посланиях.

Целью современного просветительского дискурса является воздействие на адресата с целью изменения его установок по отношению к явлениям личной и общественной жизни и его поведения. В роли адресата выступает индивид и группа людей, объединенных определенными социальными, профессиональными и личностными потребностями (например, родители; люди, интересующиеся здоровым образом жизни и т.п.). Отметим при этом важный момент: данные потребности могут быть как актуальными, так и потенциальными. В первом случае личность сама осознает необходимость получения определенной информации (например, курильщики, которые пытаются бросить курить), во втором случае личность не осознает важности какой-либо темы или проблемы (например, курильщики, которые не задумываются о вреде курения).

Специфика взаимодействия адресанта и адресата просветительского послания, а также существование исследуемой дискурсивной практики в условиях современного технологического и информационного пространства определяют поиск новых способов и приемов речевого воздействия. По характеру взаимодействия автора и реципиента можно выделить наряду с традиционными монологическими формами (просветительская статья, брошюра, буклет) интерактивные, то есть предполагающие непосредственное взаимодействие

просветителя и просвещаемого (чат, беседа, онлайн-консультирование), а также промежуточную форму – квазиинтеракцию, предполагающую «со-участие» адресата: например, в качестве участника шоу или ведение личного дневника в ходе реализации онлайн-проекта и др.

Анализ современного просветительского дискурса позволяет выделить в качестве одного из его конституирующих признаков его интердискурсивный характер, то есть активное включение элементов иных дискурсов (педагогического, научного, медицинского, правового и др.). Интердискурсивные маркеры могут быть обнаружены на различных уровнях: жанровом, содержательно-композиционном, коммуникативно-стратегическом и языковом. В данном случае сфокусируем наше внимание на жанровом своеобразии исследуемого дискурса и на явлении смешения жанров – контаминации.

Опуская подробное рассмотрение подходов к определению жанров в отечественной лингвистике, отметим работы В.В. Дементьева, В.А. Салимовского и В.Е. Чернявской. По мнению В.В. Дементьева, в России развиваются два направления: генристика (изучение жанров в лингвистическом аспекте) и жанроведение (изучение жанров в прагматическом аспекте) [1]. Анализ зарубежных работ по теме исследования также обнаруживает наличие различных подходов к определению жанра и трудности создания более или менее универсальной классификации жанров [2,3].

В концепции В.Е. Чернявской жанр трактуется в качестве «культурно-исторически сложившейся продуктивной модели, образца текстового построения, определяющего функциональные и структурные особенности конкретных текстов с различным тематическим содержанием» [4: 62]. Наличие внешнего (формального) и внутреннего (содержательного) плана жанра отмечает также В.А. Салимовский. При этом жанровая форма теснейшим образом связана с жанровым содержанием – с тематикой произведений и с особенностями осмысления автором определенных сторон мира [5].

Данный подход коррелирует, в частности, и с позицией зарубежных лингвистов У. Фикс, Р.В. Рада. Авторы выделяют элементы, определяющие принадлежность конкретного текста к жанру: пропозициональный, иллюкутивный и структурно-стилистический [2, 6].

В пропозициональном компоненте (propositionales Grundelement) отражается общее тематическое содержание группы текстов, относящихся к одному жанру. Например, жанр брачного объявления освещает основные характеристики адресанта, потенциально привлекаемые для адресата, а объявление о рождении ребенка сообщает о знаменательном семейном событии. Иллокутивный компонент (illokutives Grundelement) выражает основное речевое действие, например, привлечь внимание потенциального партнера (жанр брачного объявления) или информировать о рождении ребенка (жанр объявления о рождении). Стилистические и структурные элементы (stilistisch-formulative Grundelemente) составляют третий компонент.

Например, в жанре брачного объявления представлены в определенной последовательности отдельные структурные элементы, являющиеся типичными для этого жанра: субъект (кто?) ищет объект (кого?). К обязательным элементам могут быть отнесены: а) описание себя (*Bin 47 J. alt, schlank, liebevoll* / Мне 47, стройная, нежная (Здесь и далее перевод автора. – С.П.); б) описание партнера (*bin auf der Suche nach einem netten, unkomplizierten Mann zw. 45-65 J. / В поиске милого, простого мужчины 45-65 лет*). К факультативным элементам относятся предыстория, указание собственного места жительства и места жительства предполагаемого партнера, описание представлений об отношениях партнеров, указание причины написания объявления, причины прочтения объявления и отклонения нежелательного партнера.

Отметим, что данные элементы позволяют реципиентам без труда распознавать в общем потоке информации определенный жанр, а также в исследуемом в данной работе случае жанровой гетерогенности заметить и «чужеродные элементы».

Продуктивным для исследования прагматического потенциала жанровой гетерогенности, на наш взгляд, является соотношение понятий жанра текста (Textsorte), текстового образца (Textmuster) и конкретного текста (Textexemplar). Термин «текстовый образец» (Textmuster) выражает, по мнению У. Фикс, качественный аспект объединения группы текстов в один жанр [2 : 60]. Он представляет собой текстотип, прототип, содержащий общие для конкретного жанра пропозициональные, иллокутивные и структурно-стилистические элементы. Так, упомянутый выше текст брачного объявления разворачивается в определенной структуре с использованием типичных выражений с целью информирования (иллокутивный элемент) о себе (тематически-пропозициональный элемент) в привлекательной для потенциального партнера форме. Термин «жанр текста» (Textsorte) используется автором для выражения количественного аспекта исследуемого феномена, а именно для обозначения группы текстов, объединенных общим прототипом (текстовым образцом): «Unter einer Textsorte ist demnach eine Klasse von Texten zu verstehen, die einem gemeinsamen Textmuster folgen» [2 : 71]. Таким образом, согласно данной теории, различные текстовые экземпляры (Textexemplar), содержащие общие прототипические элементы текстового образца (Textmuster), объединяются в определенный жанр (Textsorte).

Обозначенные выше позиции создают основу для изучения проблемы устойчивости и подвижности жанров, их пересечения в современных дискурсивных практиках. В современной лингвистике используются в этой связи такие термины, как «смешение текстовых типов» [4] и «жанровая мистификация» [7]. Проблеме изменения и смешения текстовых жанров посвящены также работы упомянутых зарубежных лингвистов У.Фикс и Р. Опиловски [2, 3].

Контаминация (от лат. contaminatio – соприкосновение, смешение) представляет собой текстовое

произведение, которое по своей иллокутивной, пропозициональной и формальной организации может быть отнесено одновременно к нескольким текстотипам [2 : 111]. Особенно активно данный вид используется в рекламном дискурсе, когда адресату предлагаются с целью продвижения продукта сказка, брачное объявление, баллада, рецепт и т.д. Так, например, Б.Зандиг анализирует возможности смешения рекламного текста и энциклопедической статьи [8]. Р.В. Рада иллюстрирует данный вид на примере смешения рекламного объявления со схемой движения поездов метро [5]. В работах У. Фикс в данном ракурсе рассматриваются рецепт и молитва.

Анализ просветительского дискурса позволяет обнаружить значительные движения в системе жанров, их изменения и взаимопроникновение, создание гетерогенных текстов на уровне жанровых характеристик. Активное использование этого механизма обусловлено разными причинами. В контексте прагматического подхода жанровая гетерогенность является средством привлечения внимания реципиента. В то же время она позволяет завуалировать истинное намерение адресанта. Специфика взаимоотношений просветителя и просвещаемого определяется тем, что последний может в любой момент прервать коммуникацию и не выполнять полученных советов и указаний. Чтобы не вызвать у адресата отторжение получаемой информации, автор просветительского послания стремится завуалировать свою побудительную интенцию, используя такой механизм реализации жанровой гетерогенности, как контаминация текстовых типов.

В просветительском дискурсе можно обнаружить смешение текста социальной рекламы и гороскопа. Следующий пример иллюстрирует данное явление:

Steinbock 22. Dezember – 21. Januar. Noch ein Tipp von den Sternen: sei etwas aufmerksamer in den ersten Wochen des Urlaubs...du wirst sonst sicher was verlieren. Ausweis, Kamera oder einen Teil des Abends. Dem Letzteren kannst du vorbeugen, indem du nicht um jeden Preis den „Sauwettbewerb“ gewinnst. / Козепог 22 декабря – 21 января. Еще один совет от звезд: будь внимательнее в первые недели отпуска, иначе наверняка что-нибудь потеряешь. Удостоверение, камеру или часть вечера. Ты сможешь предотвратить это, если не выиграешь, во что бы то ни стало, соревнование «кто больше выпьет».

Данный текстовый экземпляр содержит такие типичные структурно-стилистические характеристики гороскопа, как: название знака зодиака, временной диапазон, упоминание звезд, а также совет как иллокутивный компонент данного текстотипа. Пропозициональный компонент данного текстового экземпляра соответствует социальной рекламе, кроме того, призыв ограничить употребление спиртного дополняет иллокутивную составляющую текста. Интенцию автора поддерживает и экстралингвистический компонент – размещение текста на сайте медицинского просвещения. Общим элементом двух текстотипов – гороскопа и социальной рекламы – является наличие рекомендаций и ожидание определенных посткоммуникативных действий адресата.

В следующем примере текст социально значимого содержания предстает в формальной структуре прощальной записки: *Adieu. Für immer. Deine Zigarette. / Прощай. Навсегда. Твоя сигарета.* Использование шрифта, имитирующего рукописный, а также типичных (соответствующих стереотипным представлениям) выражений в форме парцелляций создают у реципиента ощущение встречи со знакомым текстотипом. Эффект обманутого ожидания возникает у него в момент прочтения последней строки (*Deine Zigarette./ Твоя сигарета.*). Именно в этот момент на первый план выходит истинная интенция текста – призвать адресата бросить курить. Авторы данного послания рассчитывают на перлокутивный эффект, используя формальные и стилистические особенности одного текстотипа (послания партнеру) и наполняя структуру иным содержанием (проблема курения).

Иллокутивный компонент следующего текстового экземпляра заключается также в выражении негативного отношения человека к курению, но для этого используется оболочка другого текстотипа, а именно брачного объявления:

MARIA: Alter – 19, Augen – dunkelblau, Größe – 180 cm, Sternzeichen – Löwe, Eigenschaften – liebenswert, Nichtraucherin,

SUCHT EINEN MANN: Alter – egal, Augen – egal, Größe – egal, Sternzeichen – egal, Eigenschaften – Nichtraucher. /

МАРИЯ: возраст – 19, глаза – синие, рост – 180 см, знак зодиака – лев, качества – достойная любви, не курит

ИЩЕТ МУЖЧИНУ: возраст – не важно, глаза – не важно, рост – не важно, знак зодиака – не важно, качества – не курит.

Анализируемый текстовый экземпляр сохраняет такие облигаторные структурно-стилистические характеристики брачного объявления, как: описание себя и описание желаемого партнера (указание имени, возраста, роста, знака зодиака, черт характера). Данные элементы и типичная для данного текстотипа последовательность их предъявления (субъект (кто?) ищет объект (кого?)) позволяют реципиенту распознать жанр брачного объявления и являются основой формирования определенных ожиданий в процессе прочтения первой части послания *MARIA ...sucht einen MANN*. Неожиданным для читателя является содержание второй части объявления, а именно описание потенциального партнера, где при сохранении структуры первой части и повторении лексемы «egal» отрицается значимость возраста, цвета глаз, роста партнера и на этом фоне подчеркивается важность отсутствия у него вредных для здоровья привычек.

Примером контаминации текстотипов в просветительском дискурсе является также текст, созданный в рамках общественного движения в Германии против свободной продажи табака. Текст содержит узнаваемые адресатом структурно-стилистические элементы некролога:

– годы жизни: рождение: 1959, дата смерти: 2009;

– сообщение о кончине: *In tiefer Trauer nehmen wir Abschied von(...)/ В глубокой печали прощаемся мы (...);*

– информация о проведении панихиды: *Die Trauerfeier findet am Donnerstag, den 27. November im Garten statt / Прощальная панихида состоится в четверг, 27 ноября в саду;*

– выражение благодарности за сочувствие: *Für die bereits erhaltene Anteilnahme bedanken sich die Verwandten ... recht herzlich / Подственники сердечно благодарят за соболезнования.*

Сохраняется и тональность сообщения: *In tiefer Trauer / В глубокой печали.* Диссонанс вносят:

– отсутствие имени покойного: *nehmen wir Abschied von ihm / ... прощаемся мы с ним;*

– скрытая ирония и критика в адрес политиков, деятельность которых стала причиной произошедшего: *Für die Anteilnahme von Politikern, die den freien Tabak-Verkauf an Tankstellen, Kiosken erlaubt haben, bedanken sich die Verwandten recht herzlich / За соболезнования политиков, разрешивших свободную продажу табака на заправках и в киосках, родственники сердечно благодарят.*

Не нарушая стилистики текстотипа – некролога – в завершение звучит требование: *Anstelle Blumen und Kränze bitten wir um eine Spende an Prävention und Gesundheitsförderung. / Вместо цветов и венков просим пожертвовать на профилактику (курения) и поддержку здравоохранения.*

Персуазивный эффект смешения текстотипов в данном примере возникает в результате ясно и сфокусировано выделенной противоположности одной и другой текстовых систем. Эффект, к которому стремится создатель текста, состоит в создании броского, неординарного, запоминающегося сообщения.

Следует отметить, что одним из факторов успешной реализации прагматического потенциала контаминации является адресация. Особенности адресата, например его возраст, определяют содержательное и жанровое разнообразие просветительских посланий. Неусидчивость, невозможность долго концентрироваться на одном обусловили популярность в просветительском дискурсе для детской аудитории коротких жанров и форм: сказок, комиксов, песен, считалок. Так, просветительское содержание облачается в форму описания приключений необычных героев во время их путешествия в страну Tutmirgut, где все правильно питаются и ведут активный образ жизни. В ходе интерактивного шоу авторы стремятся сформировать в сознании детей единство интеллектуальных и физических характеристик, привлекательных для детей (не бояться нырять на глубину до 2 метров, ловко прыгать), атрибутов приключенческих героев (наличие ковбойской шляпы, умение вести слежку) и важных качеств, пропагандируемых в рамках просветительского дискурса (умение правильно питаться, умение быть независимым от телевидения). При этом авторы используют известный прием «а тебе слабо?».

Wer von euch taucht 2 Meter tief? / Кто из вас ныряет на 2 метра?

Wer von euch hat wirklich Mut? / Кто из вас действительно смел?

Wer von euch isst gesund? / Кто из вас питается правильно?

Детская аудитория, воспитанная на компьютерных играх, с удовольствием воспринимает также истории о спасательных миссиях. Группа немецких суперменов в онлайн-игре «Интернауты» совершает миссии по спасению людей, попавших в беду из-за вирусов, рекламы и других опасных вещей в Интернете:

Mission «Werbung Der große Bluff». Können die Internauten das Geheimnis des neuen Trendgetränks «Blubbiblobb» lüften? / Миссия «Реклама. Большой обман». Смогут ли интернауты пролить свет на новый модный напиток «Блubbиблоб»?

Mission «Raubkopierer. Tatort Computer-AG» Die Computer-AG wurde bestohlen. Können die Internauten die Raubkopierer stoppen? / Миссия «Пиратство. Место преступления АО «Компьютер». «АО «Компьютер» было обокрадено. Смогут ли интернауты остановить пиратство?

Таким образом, учитывая такие особенности детской аудитории, как эмоциональная непосредствен-

ность, быстрая утомляемость, высокая заражаемость, непонимание подтекста высказываний, предпочтение событийного изложения, авторы стремятся строить изложение как последовательность событий, используют средства наглядности и эмоциональности, опираются на конкретные события, эксплицитно формулируют выводы. Просветительский текст не содержит призывы, запреты или увещания, и персуазивный эффект создается в первую очередь в результате неожиданного выбора текстотипа.

Суммируя рассуждения о таком виде жанровой гетерогенности, как контаминация текстотипов и об особенностях взаимопроникновения различных жанров на уровнях тематического содержания, иллюкативной, стилистической и структурной составляющей, следует отметить прагматический потенциал исследуемого феномена, определяющий интерес для теории и практики создания персуазивных посланий. Использование новых, неожиданных для традиционного восприятия текстов позволяет их авторам более эффективно воздействовать на сознание адресата и определять его посткоммуникативное поведение.

Библиографический список

1. Дементьев В.В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010.
2. Fix U. Texte und Textsorten - sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene. Berlin: Frank & Timme, 2008.
3. Opilovski R. Intertextualität in der Printwerbung. // Mitteilungen des Deutschen Germanistenverbandes, 54. Jahrgang, Heft 4/2007. 458-485 S.
4. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
5. Салимовский В.А. Жанры речи в функционально-стилистическом освещении (русский научный академический текст): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
6. Rada R.V. Intertextualität in Sachtexten. / A.Bartoszewicz, I.Dalmas, M.Szczek, J.Tworek (Hrsg.): Germanistische Linguistik extra muros - Aufgaben. Wrocław-Dresden: Neisse Verlag, 2009.
7. Иссепс О.С. Речевое воздействие. М.: Флинта Наука, 2009.
8. Sandig B. Textstilistik des Deutschen. 2., völlig neu bearb. und erw. Aufl. Berlin; New York: de Gruyter, 2006.

References

1. Dementyev V.V. The Theory of genres. / V.V. Dementiev. M.: Mark, 2010.
2. Fix U. Texte und Textsorten - sprachliche, kommunikative und kulturelle Phänomene. Berlin: Frank & Timme, 2008.
3. Opilovski R. Intertextualität in der Printwerbung. // Mitteilungen des Deutschen Germanistenverbandes, 54. Jahrgang, Heft 4/2007. 458-485 S.
4. Chernyavskaya V.E. Textlinguistics: Polycodes, intertextuality, interdiscourse: textbook. M.: LIBROKOM publishing house, 2009.
5. Salimovskiy V.A. Genres of speech in functional-stylistic illumination (Russian scientific academic text): author's abstract of doct. diss. Ekaterinburg, 2002.
6. Rada R.V. Intertextualität in Sachtexten. / A.Bartoszewicz, I.Dalmas, M.Szczek, J.Tworek (Hrsg.): Germanistische Linguistik extra muros - Aufgaben. Wrocław-Dresden: Neisse Verlag, 2009.
7. Issers O.S. Speech influence. M.: Flint Science, 2009.
8. Sandig B. Textstilistik des Deutschen. 2., völlig neu bearb. und erw. Aufl. Berlin; New York: de Gruyter, 2006.

УДК 378.6:355

UDC 378.6:355

И.В. РЕВКОВ

соискатель кафедры теории и методики обучения
русскому языку и литературе Орловского государ-
ственного университета
E-mail: revkov_igor@mail.ru

I.V. REVKOV

applicant of the Department of theory and methodology
of teaching Russian language and literature, Orel state
university
E-mail: revkov_igor@mail.ru

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ АДАПТАЦИИ КУРСАНТОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНО-СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВУЗА

THE EDUCATIONAL ADAPTATIONAL TECHNOLOGY FOR STUDENTS TO THE PROFESSIONAL SERVICE ACTIVITY IN CONDITIONS OF A MILITARY ACADEMY

Адаптационный процесс курсантов младших годов обучения требует особого внимания вследствие решающего значения успешности данного этапа профессионального становления для эффективности дальнейшей профессионально-служебной деятельности. Статья посвящена описанию формализованной модели педагогической технологии адаптации курсантов к профессионально-служебной деятельности в условиях военного вуза, определению целей, задач, форм и методов ее реализации.

Ключевые слова: педагогическая технология, адаптация, профессионально-служебная деятельность.

An adaptation process of cadets requires special attention because of the decisive importance for the success of this stage of professional development, for the effectiveness of the future professional service activities. The article describes the formal model of educational adaptational technology for cadets to professional performance in terms of military high school, the definition of goals and objectives of its use in conjunction with the forms and methods of implementation.

Keywords: pedagogical technology, adaptation, professionally-service activity.

Особую актуальность в рамках технократического стиля научного мышления приобретает необходимость разработки педагогической технологии как инструмента решения педагогических задач, обусловленных успешностью процесса адаптации к профессиональной деятельности. Среди них можно отметить, в частности, обеспечение надежности внешней коррекции дезадаптации, формирование схем управления процессом адаптации в зависимости от сферы адаптации (профессиональной, учебной, межличностной), повышение уровня готовности в профессиональной деятельности, усиление мотивации к обучению и профессиональной деятельности.

Теоретическое и практическое значение проблем профессионализации личности в настоящее время все более возрастает и привлекает внимание специалистов различных областей знания: философии, социологии, психологии, демографии, кибернетики, спорта и т. д. Однако указанные исследования недостаточно полно и точно раскрывают направления и методы комплексного решения проблемы успешной адаптации будущих специалистов к профессионально-служебной деятельности (далее «адаптация»). Это подтверждается результатами проведенной нами в рамках констатирующего этапа исследования диагностики с участием 403 респондентов: только 22 % будущих специалистов характеризуются высоким адаптационным потенциалом и полным отсутствием проблем в профессиональной сфере.

При разработке педагогической технологии адап-

тации мы исходили из того, что она реализуется как систематическая, целенаправленная, сознательно проектируемая педагогическая деятельность. При этом технология должна обладать значительной гибкостью методического инструментария педагогического воздействия.

Стремление алгоритмизировать педагогическое воздействие на процесс профессионализации ограничивается принципом гуманизации современного образования. Концептуальность, как одно из предъявляемых Г.И. Симоновой к педагогической технологии требований, предусматривает наличие научно-педагогического обоснования (общей схемы) и его концептуальной интерпретации с учетом условий реального процесса, представленного многообразием педагогических ситуаций [1, с. 35].

Разработанная педагогическая технология относится к частнометодическому предметному уровню и рассматривается как совокупность методов и средств для реализации определенного содержания психолого-педагогической работы в сфере адаптации курсантов первых годов обучения к профессионально-служебной деятельности. Ее направленность обусловлена не только индивидуализацией конструктивной психолого-педагогической работы с курсантами, обладающими низким адаптационным потенциалом, но и определением целевой аудитории, под которой может подразумеваться и микросоциальное образование (микрогруппа) в воинском коллективе.

«Дерево целей» педагогической технологии адаптации представлено на рисунке 1.

Цель технологии адаптации заключается в ускорении данного процесса на начальных этапах профессионализации (в том числе, при освоении специальности в вузах) за счет улучшения личных психолого-физиологических характеристик будущих специалистов и минимизации факторов дезадаптации посредством формирования конструктивно взаимодействующих микрогрупп внутри коллектива.

Намеченная цель педагогической технологии направлена на реализацию следующих ее функций:

- формирующе-развивающей: педагогическая технология призвана сформировать или развить определенные качественные социально-психологические характеристики личности курсантов;
- мобилизующей: побуждение путем направленного психолого-педагогического воздействия к принятию социально ответственных решений в возникающих в процессе адаптации конфликтных и иных проблемных ситуациях, активным и эффективным действиям по установлению конструктивного социального взаимодействия;
- профилактической: предупреждение средствами

педагогической технологии нежелательных действий и поступков, профилактизацию девиантного поведения и преодоление профессиональной дезадаптации;

- коррекционно-перевоспитывающей: преодоление негативных дезадаптационных мотивационных установок и отрицательных стереотипов, отклонений в поведении, ошибочных взглядов и убеждений;
- побуждения к самовоспитанию и саморазвитию: формирование у курсантов потребности и способностей к самосовершенствованию личности и профессиональному саморазвитию.

В процессе предваряющего разработку педагогической технологии первичного диагностического исследования особенностей адаптационного процесса курсантов нами были последовательно определены проблемные сферы адаптации курсантов к профессионально-служебной деятельности (таблица 1). По каждой проблемной сфере была установлена целевая аудитория направленного педагогического воздействия, выделен управляемый критерий адаптации к профессионально-служебной деятельности, что обеспечило возможность контроля результативности проводимой педагогической работы в экспериментальных группах и концентрации на динамике интегральных показателей, характеризующих управляемые критерии в каж-

Рис. 1. «Дерево целей» педагогической технологии адаптации курсантов к профессионально-служебной деятельности.

дом проблемном секторе адаптационного процесса.

Формы и методы педагогического воздействия чрезвычайно разнообразны. Однако, применение всего спектра наработанных общей педагогической практикой инструментария по оптимизации адаптационного процесса ограничивалось в условиях эксперимента по апробации технологии адаптации жесткими требованиями обучения в военном высшем учебном заведении. Выбор соответствующих форм и методов педагогической работы в каждом конкретном случае осуществлялся с учетом характера управляемости факторов. В этой связи были выделены внешние трудности военной службы (новый ритм жизни, строгий распорядок дня, ограничения личной свободы, необходимость подчиняться), объективно не поддающиеся процессу управления со стороны педагога, и внутренние (низкий уровень физической подготовленности, образования, моральная распушенность, несовпадение представлений о курсантской жизни с реальным положением дел, сложившихся и требуемых привычек, норм поведения, нравственных установок и ценностей, потребностей и возможностей), управление которыми может принести ощутимый практический эффект.

Формализация педагогической технологии адаптации предусматривает конструктивные действия в следующих аспектах преобразующей педагогической работы с курсантами младших курсов:

- определение проблемной сферы;
- определение целевой аудитории психолого-педагогической работы;
- выделение управляемого критерия адаптации;
- выбор форм и методов педагогического воздействия;
- составление подпрограммы мероприятий;
- формирование программы мероприятий.

С учетом вышеизложенного была сформирована базовая программа мероприятий педагогической технологии адаптации курсантов младших кур-

сов к профессионально-служебной деятельности. Подпрограмма индивидуальной работы с курсантами при реализации педагогической технологии адаптации представлена в таблице 2.

Подпрограмма коллективной работы с курсантами при реализации педагогической технологии адаптации представлена в таблице 3.

При формировании методического содержания педагогической технологии одной из концептуальных основ развития социального интеллекта, под которым мы понимаем способность личности понимать и управлять другими людьми и адаптивно взаимодействовать с социальной средой [2, с. 227], подразумевается развитие таких его составляющих, как понимание мыслей, чувств намерений людей, хорошее взаимодействие с ними, обширные знания правил и норм поведения в условиях обучения в военном вузе, умение понять точку зрения оппонента и аргументировать собственные позиции, высокий адаптационный потенциал, открытость к новым знаниям, ценностям.

Повышение социального интеллекта курсантов в педагогической технологии социально-психологической адаптации базировалось на модели социального научения М. Минского [3], предусматривающей использование механизма импрайминга (imprinting). Он заключается в поощрении или осуждении цели субъекта психолого-педагогического воздействия по каналам обратной связи ролевой модели социальной среды. При этом практика педагогической работы в экспериментальных группах позволила прийти к интересному выводу о том, что похвала или осуждение не всегда усиливают или подавляют цель, но иногда трансформируют ее или формируют новые цели.

Оценка эффективности педагогической технологии проводилась путем сравнения показателей рейтингового коэффициента адаптации курсантов двух контрольных (К1 и К2) и двух экспериментальных (Э1 и Э2) групп. Ее результаты проиллюстрированы рисунком 2.

Таблица 1.

Проблемные сферы адаптации курсантов к профессионально-служебной деятельности

Проблемная сфера	Ключевые проблемы социально-психологической адаптации к профессионально-служебной деятельности	Объект направленного педагогического воздействия
И н д и в и д у а л ь н а я морально-нравственная	- изоляция в коллективе, отрицание в коллективе; - низкое восприятие готовности к воинской службе; - высокая субъективная оценка степени ограничения свободы;	Личность курсанта
Индивидуальная физическая	- высокие физические нагрузки; - недостаток времени на изучение учебного материала в связи с выполнением обязанностей по несению военной службы;	
И н д и в и д у а л ь н а я познавательная	- недостаток информации по интересующим темам; - низкий уровень заинтересованности в результатах усвоения учебной программы;	
Межличностные конфликты в микрогруппах	- межличностная неприязнь в служебной сфере, в учебной сфере и досуговой сфере	Члены микрогруппы и воинский коллектив учебной группы в целом
В з а и м о о т н о ш е н и я «командир-подчиненный»	- предвзятое и несправедливое отношение со стороны старших по званию; - открытое непризнание авторитета старшего по званию;	
Взаимоотношения микрогрупп и воинского коллектива	- неприятие воинским коллективом членов микрогруппы; - элитарность микрогруппы, - неприятие других курсантов в микрогруппу.	

Таблица 2.

Подпрограмма мероприятий педагогической технологии по индивидуальной работе с курсантами

Проблемная сфера/ фактор дезадаптации	Целевая аудитория	Управляемый критерий адаптации	Формы и методы направленного психолого-педагогического воздействия
1	2	3	4
1. Индивидуальная морально-нравственная			
1.1. Индивидуальная морально-нравственная / изоляция в коллективе	Изолянты: в экспериментальных группах не выявлено	Эмоциональная комфортность Принятие других	Поручение коллективного выполнения заданий с 1-2 сокурсниками, физические упражнения в парах и микрогруппах, стимулирование участия в ролевых ситуациях и командных спортивных соревнованиях
1.2. Индивидуальная морально-нравственная / отрицание в коллективе	Курсанты, получившие отрицательные выборы и отметившие затруднения во взаимоотношениях в коллективе	Адаптивность в микрогруппе Принятие других	Определение и раскрытие потенциала положительных качеств курсанта, распределение прав и обязанностей, мотивированный периодический акцент внимания коллектива на заслугах и положительных чертах курсанта
1.3. Индивидуальная морально-нравственная / низкое самовосприятие готовности к военной службе	Курсанты, получившие отрицательные выборы и отметившие затруднения во взаимоотношениях в коллективе	Самовосприятие Эмоциональная комфортность	Наставничество, беседы о перспективах и преимуществах военной службы, психологическая поддержка, демонстрация фильмов, положительно мотивирующих курсантов на военную службу, адекватное распределение обязанностей службы по дифференцированным видам служебной деятельности
1.4. Индивидуальная морально-нравственная / высокая субъективная высокая оценка степени ограничения свободы	Курсанты, отметившие важность проблемы ограничения личной свободы выше 7 баллов: (Э1(24), Э2(22), Э2(23), Э2(24), Э2(25))	Самовосприятие Интернальность	Углубленное изучение Устава ВС с акцентированием внимания курсанта на методах дисциплинарного воздействия, боевая служба, демонстрация фильмов о героическом поведении молодых русских солдат в суровых военных условиях
2. Индивидуальная физическая			
2.1. Индивидуальная физическая / высокие физические нагрузки	Курсанты, оценившие важность проблемы выше 7 баллов	Самовосприятие Интернальность	Организация регулярных тренировок с нарастающими физическими нагрузками, минимизация дополнительной физической работы, оптимальное планирование учебного дня, наставничество на личном примере
2.2. Индивидуальная физическая и морально-нравственная / недостаток времени на изучение учебного материала в связи с выполнением служебных обязанностей	Курсанты, отметившие важность проблемы выше 7 баллов	Самовосприятие Интернальность	Беседа с курсантами о методах планирования рабочего дня и распределения времени по видам приоритетной деятельности, фиксация индивидуальных учебных и служебных нагрузок и постепенное их увеличение по возможностям курсанта
3. Индивидуальная познавательная			
3.1. Индивидуальная познавательная / недостаток информации по интересующим темам	Курсанты, отметившие важность проблемы недостатка информации по интересующим темам выше 7 баллов	Самовосприятие Эмоциональная комфортность	Беседа с курсантами о методах планирования рабочего дня и распределения времени по видам приоритетной деятельности, привлечение курсантов к творческой деятельности, изданию боевых листков, обеспечение информационными материалами

Таблица 3.

Подпрограмма мероприятий педагогической технологии по коллективной работе с курсантами

Проблемная сфера/ фактор дезадаптации	Целевая аудитория	Управляемый кри- терий адаптации	Формы и методы на- правленного психолого- педагогического воздействия
1. Микрогруппы / межличностные конфликты			
1.1. Линии межличност- ной неприязни и кон- фликтности в служебной сфере	Курсанты, отрицающие друг друга в служебной сфере	Адаптивность в микрогруппе Принятие других Самовосприятие	Недопустимость совместного выпол- нения служебных заданий при высоком уровне конфликтности; педагогиче- ское внушение и психологическая под- держка в конфликтах по принципу справедливости; постепенное участие курсантов в служебной деятельности «разбавленных» микрогрупп с уча- стием курсантов, характеризующихся высоким адаптивным потенциалом; дисциплинарное воздействие по необ- ходимости; конструктивный диалог с участием сторон
1.2. Линии межличност- ной неприязни и кон- фликтности в учебной сфере	Курсанты, отрицающие друг друга в учебной сфере	Адаптивность в микрогруппе Принятие других Самовосприятие	Недопустимость совместного выпол- нения учебных заданий при высоком уровне конфликтности, гибкая педа- гогическая тактика оценки заслуг оп- понентов в присутствии друг друга, педагогическое внушение и психоло- гическая поддержка в конфликтах по принципу справедливости, возмож- ность применения соревновательных межгрупповых методов обучения с от- несением оппонентов к 1 группе
2. Взаимоотношения субординации: «командир – подчиненный»			
2.1. Взаимоотношения с командирами/ несправед- ливое отношение со сто- роны командиров	Курсанты, оценившие важность данной про- блемы выше 7 баллов	Интернальность Стремление к доминированию	Личная беседа, изучение Устава ВС, стремление командира к повышению своего авторитета, дисциплинарные взыскания при нарушении дисципли- ны, наставничество
2.2. Взаимоотношения с командирами / внутреннее непризнание авторитета начальника	Курсанты, имеющие конфликт с начальником	Интернальность Стремление к доминированию	Личная беседа, изучение Устава ВС, дисциплинарные взыскания при нару- шении дисциплины, наставничество, стремление командира к повышению своего имиджа
3. Взаимоотношения микрогрупп и воинского коллектива			
3.1. Взаимоотношения микрогрупп и воинско- го коллектива / неприя- тие коллективом членов микрогруппы	Курсанты, образующие дезадаптированные микрогруппы	Интернальность Принятие других	Беседа с личным составом, выяв- ление характера действий и при- чин объединения курсантов в микрогруппу, выявление причин не- приятия коллективов микрогруппы в социум, дисциплинарные взыскания, дезорганизация микрогруппы или формирование альтернативных про- тивовесных микрогрупп в целях сни- жения социально-психологической напряженности
3.2. Взаимоотношения микрогрупп и воинского коллектива / элитарность микрогруппы, неприятие курсантов в микрогруппу	Курсанты с высо- ким стремлением к доминированию	Интернальность Стремление к доминированию	Личная беседа, наставничество, дис- циплинарные взыскания в особых случаях, формирование альтернативных про- тивовесных микрогрупп в целях сни- жения социально-психологической напряженности

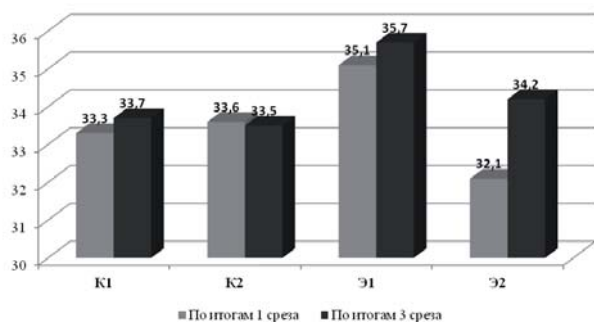

Рис. 2. Сравнение рейтингового коэффициента адаптации на констатирующем и итоговом диагностических этапах.

За исключением группы K2, индивидуальный адаптационный потенциал курсантов всех групп в течение первого года обучения увеличился. При этом на рисунке прослеживается существенное увеличение данного показателя в экспериментальных группах, что свидетельствует в целом об успешности применения разработанной педагогической технологии адаптации. Максимальное значение темпа роста прослеживается по второй экспериментальной группе, которая на этапе констатирующей диагностики характеризовалась минимальным значением рейтингового коэффициента. Наибольшее увеличение в экспериментальных группах можно отметить по критериям «самовосприятие»

(на 13 %) и «адаптивность в микрогруппе» (на 27 %), что подтверждает успешность примененных в ходе опытно-экспериментальной работе групповых и индивидуальных методов педагогического воздействия. В контрольных группах данные показатели изменились менее значительно, однако также в сторону увеличения в среднем на 7 %.

Таким образом, в рамках технократического стиля мышления необходимость разработки педагогической технологии адаптации личности к профессионально-служебной деятельности очевидна, так как позволяет решать многие задачи успешной профессионализации. Перспективные направления исследования обозначенной темы включают совершенствование и разработку новых методик диагностики адаптационных состояний в процессе профессиональной динамики, обеспечение технологической надежности внешней коррекции дезадаптации, формирование схем управления процессом адаптации обучающихся начальных курсов в зависимости от специфики учебного заведения и будущей профессии. В этом контексте разработанная педагогическая технология предстает как строго научное проектирование, точное воспроизведение гарантирующих успех педагогических действий с учетом специфики обучения в высшем военном учебном заведении.

Библиографический список

1. Симонова Г.И. Педагогическое сопровождение социальной адаптации. Педагогика. 2006; № 9: С. 34-39.
2. Lewin K. Group decision and social change. Readings in social psychology. - New York, Henry Holt, 2003.
3. Minsky M. The emotion machine: commonsense thinking, artificial intelligence, and the future of the human mind. - New York, 2006.

References

1. Simonova G.I. Pedagogical support of social adaptation. The Pedagogy. 2006; 9: 34-39.
2. Lewin K. Group decision and social change. Readings in social psychology. - New York, Henry Holt, 2003.
3. Minsky M. The emotion machine: commonsense thinking, artificial intelligence, and the future of the human mind. - New York, 2006.

УДК 480.241.4

UDC 480.241.4

Е.А. САНКОВА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры географии Орловского государственного университета
E-mail: alena7orel@yandex.ru

E.A. SANKOVA

candidate of Pedagogical Sciences, associate professor,
Department of Geography, Orel State University
E-mail: alena7orel@yandex.ru

АНАЛИЗ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ФОРМИРОВАНИЯ КАРТОГРАФИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ

THE ANALYSIS OF THE PEDAGOGICAL THEORY AND PRACTICE WORK FOR FORMING THE STUDENTS' CARTOGRAPHIC COMPETENCE

В статье речь идет о важности картографической подготовки студентов-географов, показываются основные направления совершенствования этой подготовки. Приводится обзор педагогической теории и практики по формированию картографической компетентности студентов и школьников. Уточняется и конкретизируется понятие «картографическая компетентность студентов вуза» для направлений подготовки «География», «Географическое образование», «Экология и природопользование», «Почвоведение».

Ключевые слова: картографическая компетентность, картографическая подготовка, студенты-географы.

The article is devoted to the importance of the cartographic training of students studying Geography; the main approaches to the improvement of this training are shown. The review of the pedagogical theory and practice work for forming the students' cartographic competence and schoolchildren is carried out. The concept of «mapping competence of University students» for disciplines of «Geography», «Geographical education», «Ecology and nature use», «soil science» is clarified and specified.

Keywords: cartographic competence, cartographic training, students studying Geography.

Картографические знания имеют огромное значение в подготовке бакалавров в области географии, почвоведения и природопользования в вузе.

Картографический метод исследования является на сегодняшний день наиболее эффективным инструментом познания закономерностей пространственного размещения, а также структуры географических объектов и явлений, их взаимосвязей, средством мониторинга и прогнозирования.

Умение работать с картами, получать по ним необходимую информацию становится неотъемлемым элементом массовой картографической грамотности и коммуникативной культуры, развивающей личность. Важность картографической подготовки возрастает с усилением понимания роли географической карты как своеобразного документа общения, отражающего уровень развития общества, его культуры и восприятия мира. Карта, в отличие от других средств коммуникации, предлагает информацию не последовательно, а в виде пространственных графических комбинаций, воспринимаемых сразу одномоментно, в качестве целостных графических образов. По мнению Т.С. Комиссаровой [5], карта – это международный язык культурного сообщества людей, помогающий осваивать многомерное географическое пространство. Географическую карту можно считать высшим синтезом в передаче информации о состоянии и изменениях, характерных для различных территорий.

Современная картография, опираясь на фундамен-

тальный отечественный и зарубежный опыт предшественников, интенсивно развивается и продвигается в разработке теоретико-методологических принципов изучения геоизображений – различных графических образов, отражающих земные процессы или явления. Психологи отмечают высокую эффективность графических образов в развитии мышления, в особенности при формировании пространственных знаний, представлений, концепций. Таким образом, у картографической науки имеется современный арсенал способов и методов изучения любых пространственно существующих геосистем, т.е. географического пространства.

Обучение картографическим дисциплинам является неотъемлемой частью подготовки будущих географов, почвоведов и экологов-природопользователей в вузе.

Совершенствованием картографической подготовки студентов и школьников в разное время занимались такие ученые, как Н.В. Андреев, А.М. Берлянт, С.В. Буланов, А.В. Гедымин, Г.Ю. Грюнберг, Т.С. Комиссарова, М.В. Литвиненко, К.А. Салищев, Л.А. Фокина и др.

Так, в частности, не одно поколение студентов-географов осваивало картографию по учебникам Н.В. Андреева, А.М. Берлянта, А.В. Гедымина, Г.Ю. Грюнберга, К.А. Салищева.

В работах А.М. Берлянта раскрываются как аспекты улучшения картографической подготовки и географического образования в целом, так и отдельные

вопросы картографии. Например, он указывает на необходимость полноценного картографического сопровождения уроков географии и лекций по картографии и предлагает решить эту проблему путем компьютерных картографических презентаций.

Данным ученым впервые сформулировано содержание нового научного направления – геоиконики, как отрасли знания, изучающей свойства всех геоизображений: карт, электронных карт, аэро и космических снимков, стереоизображений и компьютерных анимаций, трехмерных моделей и др. Им предложена единая теория геоизображений, даны их классификация и систематизация, введено понятие о гипергеоизображениях. Рассмотрены свойства геоизображений, их пространственно-временные диапазоны, виды генерализации, взаимная совместимость. Изложена общая теория геоиконометрии – раздела геоиконики, занимающегося измерениями по двух-, трех- и четырехмерным геоизображениям [1].

А.М. Берлянт, в соавторстве с коллегами, рассматривает концепцию университетского инновационного географо-картографического образования. «Инновации (эффективные новшества, нововведения) в образовании выражаются во внедрении в обучение новых научно-практических идей, обновлении и совершенствовании методик, технологий, создании современных образовательных ресурсов, способствующих формированию знаний и компетенций» [3, с. 6]. Основная суть его подхода заключается в том, что в качестве краеугольного принципа университетского географо-картографического образования он выделяет принцип интеграции трех базовых дисциплин: картографии, геоинформатики и аэрокосмического зондирования, которые образуют основные модули системы образования. В качестве средств инновационной системы предлагается рассматривать: 1) электронные учебники и видеолекции; 2) компьютерные практикумы; 3) мультимедийные презентации, слайды; 4) электронные учебно-методические атласы; 5) учебные базы данных, учебные ГИС; 6) словари, глоссарии, справочники; 7) электронные научные монографии; 8) интернет-семинары, практикумы, Wi-Fi-доступ. Он выделяет несколько этапов реализации инновационной концепции: 1) разработка и определение инфраструктуры инновационной системы университетского географо-картографического образования; 2) подготовка и апробация инновационных образовательных программ бакалаврского и магистерского уровней и в соответствии с ними – учебных курсов и практикумов; 3) подготовка электронных учебников, учебных пособий и других электронных материалов по основным модулям и дисциплинам; 4) создание электронных библиотек, включающих все учебные материалы и системы их защиты от несанкционированного использования; 5) постоянная модернизация материально-технической базы инновационного образования; 6) маркетинговая деятельность и внедрение инновационных разработок в российское университетское географо-картографическое образование [3].

Т.С. Комиссарова исследовала теоретические

основы картографической подготовки учителя географии. Например, она предлагает разработать такую научно-педагогическую концепцию картографической подготовки будущего учителя, которая позволит осуществлять идеи непрерывного развивающего обучения на основе системообразующего полифункционального картографического метода познания и обучения. То есть, ей предложено переставить акценты в методологических принципах подготовки учителя географии, усилив сквозную географическую и психолого-педагогическую сущность картографического метода обучения. Эта концепция и структурно-функциональная модель обучения позволяют реализовать на практике систему профессиональной подготовки будущего учителя географии на основе картографического метода познания и обучения. [94].

Она указывает на необходимость сочетать философские представления о пространстве-времени с понятием о географическом пространстве, его структуре и сущности. Т.С. Комиссарова считает, что это послужит хорошей методологической основой для понимания графического моделирования сложных геосистем в их территориальной совокупности с позиций системного подхода.

Картографической подготовкой учителей географии занимается и Л.А. Фокина. Она отмечает, что значительная часть карт не лишена ошибок, и предлагает ввести в программу по картографии для студентов одно-два лабораторных занятия с целью научить их эти ошибки обнаруживать и исправлять. Она также указывает на необходимость обучения студентов профессионально проводить анализ как отдельной карты, так и серии карт и атласов, изучая имеющиеся на них изображения или проводя необходимые преобразования. Из всего множества преобразований, выполняемых по картам, Л.А. Фокина подробно описывает изменение метрики пространства, или анаморфирование [7].

С.В. Буланов рассматривает проблему совершенствования системы картографических знаний и умений школьной географии [4]. Он определяет сущность понятия «картографическая грамотность школьников», цели и задачи картографической подготовки учащихся образовательных учреждений. Разработанная им система картографических знаний и умений ориентирована на освоение практических приемов извлечения пространственно-координированной информации из наиболее часто употребляемых геоизображений.

Некоторые из вышеперечисленных авторов исследовали проблему формирования картографической грамотности студентов и школьников.

Так, А.М. Берлянт, отмечая важность картографической грамотности, указывает на ее нехватку: «Сегодня картографическая грамотность перестала быть прерогативой научного работника, она становится необходимой каждому человеку в повседневном быту: дипломату и туристу, администратору и инженеру, космонавту и водителю личного автомобиля, наконец, всякому читателю газет и телевизионному зрителю. Не боясь впасть в преувеличение, можно утверждать, что

картографическая грамотность нужна современному человеку не менее чем компьютерная. Недостаток картографической грамотности – один из факторов (конечно, далеко не единственный), пагубно сказывающийся на нашем хозяйстве и планировании, на отношении к природе и национальных отношениях, на международной политике и сотрудничестве. Поэтому освоение картографической грамоты должно быть обязательным на всех уровнях народного образования, но прежде всего в школе» [2, с. 30].

А.М. Берлянт в статье «Картография и интернет, 1999 г. Науки о Земле» указывает на один из путей повышения картографической грамотности: «Интерес школьников и студентов к компьютерным изображениям предоставляет педагогам уникальную возможность открыть учащимся уникальный мир карт, снимков, трехмерных моделей, анимаций, сформировать особое, «картографическое» мировоззрение, расширить кругозор в области наук о Земле и повысить картографическую грамотность... Все это позволяет говорить об Интернет-картографировании как особой ветви современной автоматизированной картографии. Для их развития необходима достаточно высокая культура пользователей в сочетании с хорошим знанием возможностей электронных сетей. И это еще раз подтверждает актуальность повышения уровня современного картографического образования. Овладение картографической и компьютерной грамотностью должно начинаться еще в школе».

С.В. Буланов рассматривает картографическую грамотность школьников. В своей диссертации он указывает на то, что одной из важнейших задач общего среднего географического образования является формирование картографической грамотности учащихся. В формируемой в процессе изучения географии в общеобразовательных учреждениях картографической грамотности проявляется картографическая составляющая массовой географической культуры [4, с. 45].

Это понятие, по его мнению, «должно объединять наличие у учащихся теоретических знаний о специфических свойствах основных видов геоизображений, умение извлекать из них географическую информацию, а также знание расположения, относительных размеров, формы важнейших объектов на земной поверхности и умение создавать простейшие картографические произведения (рис. 1)» [4, с. 46].

Далее он раскрывает составляющие картографической грамотности: «важнейшим умением, которым должен обладать картографически грамотный человек, безусловно, является умение читать картографические произведения, т.е. распознавать географическую действительность по картографическим источникам, выявлять связи и зависимости между отображенными на картах явлениями. Этому умению должны сопутствовать сформированные в процессе изучения школьной географии приемы анализа карт: приемы составления описаний по картографическим источникам – поэлементные и комплексные (в результате которых составляются географические характеристики территорий

(акваторий)), а также простейшие картометрические приемы. Важным элементом картографической грамотности также является умение составлять простейшие картографические произведения» [4, с. 47].

С.В. Буланов дает такое определение картографической грамотности: «картографическая грамотность подразумевает знание основных моделей земной поверхности, умение использовать их в качестве источников информации и создавать простейшие из них, а также знание географической номенклатуры. Это позволяет считать ее базисной основой географической культуры (рис. 2)» [4, с. 47].

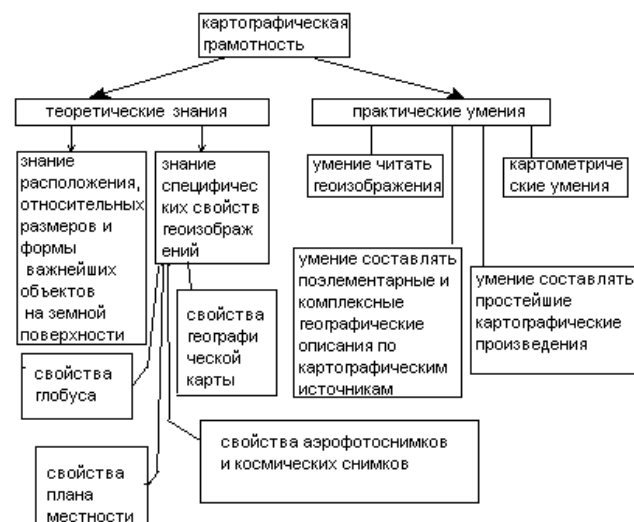

Рис. 1. Составляющие картографической грамотности.

Рис. 2. Картографическая грамотность.

В своем исследовании он делает выводы о том, что формирование картографической грамотности является неотъемлемой частью обучения географии в общеобразовательных учреждениях. Он считает, что требования школы XXI века к картографической грамотности выпускников подразумевают, прежде всего, наличие практических картографических умений, необходимых в повседневной жизни. Поэтому разработанная им усовершенствованная система картографических знаний и умений в курсах географии основной школы ориентирована на освоение практически значимых умений, осуществляет комплексный подход к изучению геоизображений, представлена отдельными разделами в каждом курсе географии основной школы. [4, с. 114-115].

Т.С. Комиссарова, в отличие от С.В. Буланова, рассматривает не только картографическую грамотность школьников (наличие у школьника целостной системы

знаний о картографическом методе работы с различными геоизображениями), но и картографическую грамотность учителя географии [5].

По ее мнению, «теория взаимодействия (Г. Тох, М. Маклин, К. Норберг и др.) исходит из того, что визуальная грамотность возможна лишь тогда, когда субъект восприятия способен творчески использовать визуальный материал в рамках функциональной ситуации и своего собственного видения мира. Именно эта теория служит одной из основ разработки такой дефиниции, как картографическая грамотность школьников и картографическая подготовка учителя географии» [5, с. 38].

Она формулирует конкретную дидактическую цель картографической подготовки учителя географии как «формирование у него профессионального навыка репродуцировать картографические знания и умения, преподавать обучаемым картографическую грамотность» [5, с. 47].

Т.С. Комиссарова конкретизирует оперативные цели, позволяющие определить основы содержания картографической подготовки учителя географии.

Ею делается вывод, что формирование картографической грамотности – процесс бинарный: общепринятой методике «работы с картой» должно «отвечать» составление карт – обязательный парный «ответный» прием «чтению» карт в виде «письма» карт. В целом картографическая грамотность, по ее мнению, предполагает умение не только получать информацию, но и представлять ее в графическом визуализированном виде [5, с. 50].

В своем исследовании Т.С. Комиссарова осуществляет переход к идее картографической компетентности в подготовке будущих учителей географии. Ею делается вывод о том, что студент, осваивая систему профессионально-методической подготовки, проходит различные уровни допрофессиональной компетентности. К сожалению, в своей работе она не дает четкого определения картографической компетентности, но считает, что идее компетентности соответствуют следующие черты: изучение картографических материалов – первоисточников, умение работать с ними; знание основных факторов, общих и частных понятий, закономерностей, научных теорий; овладение графическим языком визуализации понятий. Среди данных признаков компетентности отсутствуют такие принципиально важные, на наш взгляд, как способность и готовность к применению вышеперечисленных знаний и умений для осуществления учебно-профессиональной деятельности.

Ею приводятся три уровня картографической компетентности:

- на первом уровне будущий учитель хорошо знает карту, умеет работать с образно-графической информацией (умеет получать ее, представлять в картографическом виде, обрабатывать соответствующим образом), приобретает отдельные навыки самообразования;
- на втором уровне методологической картографической компетентности уровень образованности

студента достаточен для понимания и в необходимых случаях решения мировоззренческих проблем, исследовательских и творческих задач, для профессиональной деятельности на репродуктивно-поисковом уровне.

– третий уровень Т.С. Комиссарова называет уровнем профессиональной картографической компетентности. Это заключительный этап итоговой аттестации студента, который свидетельствует, что он владеет приемами исследовательской деятельности, применением картографического метода в своем познании при обучении географии, имеет личный опыт поэтапного освоения системы знаний, а – главное – умеет репродуцировать картографическую грамотность, владеет методами применения ее в работе со школьниками [5, с. 57].

В ее исследовании приводится структурно-функциональная модель профессионально-методической картографической подготовки учителя географии, результатом которой является картографическая компетентность (рис. 3) [5, с. 48].

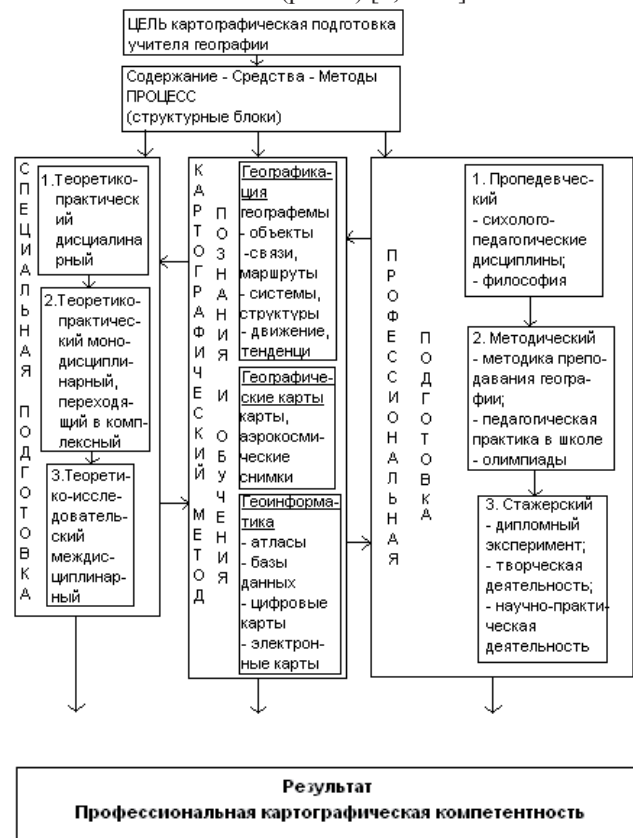

Рис. 3. Структурно-функциональная модель профессионально-методической картографической подготовки учителя географии.

Проблемами вузовского картографо-геодезического образования с позиций компетентностного подхода занимается М.В. Литвиненко. Она в своих работах широко и полно рассматривает подготовку специалиста топографо-геодезического профиля, в частности, инженера-картографа [6]. Профессиональную компетентность специалиста топографо-геодезического профиля она понимает как интегральную характеристику, определяющую способность специалиста решать про-

фессиональные проблемы и типичные профессиональные задачи, возникающие в реальных ситуациях профессиональной деятельности, с использованием знаний, профессионального и жизненного опыта, ценностей и наклонностей. По ее мнению, основанием классификации компетенций/компетентностей служит структура циклов дисциплин ГОС ВПО. Исходя из того, что профессиональная компетентность представляет собой совокупность компетенций в различных областях науки и/или техники, М.В. Литвиненко считает необходимым зафиксировать профессиональные, а затем и предметные области, в которых специалист топографо-геодезического профиля решает профессиональные проблемы и типичные профессиональные задачи. Такими профессиональными областями являются геодезия, картография, фотограмметрия и дистанционное зондирование, геоэкология и мониторинг окружающей среды, информационные системы, оптические и оптико-электронные системы, землеустройство и земельный кадастр. По ее мнению, очевидно, что специалисты, например, по направлению «Картография» должны обладать компетентностью в области картографии на специализированном уровне, в смежных областях: геодезия, фотограмметрия, геоэкология – на общепрофессиональном уровне. На этапе выделения общепрофессиональных компетенций она указывает на необходимость конкретизации их сущности в определенных предметных областях. Например, при подготовке специалистов топографо-геодезического профиля круг технологических компетенций будет иметь общую часть для специалиста в области геодезии и специалиста в области фотограмметрии и дистанционного зондирования. И специфическую, обусловленную разными предметными областями, в которых будет происходить деятельность этих специалистов. При подготовке специалиста-картографа необходимо конкретизировать технологические компетенции в области картографии, подразумевая владение технологическими приемами в картографическом производстве (из области топографического черчения и т.п.), использование специфических технических устройств, автоматизирующих работу картографа и т.п.

Для каждого направления подготовки специалистов топографо-геодезического профиля М.В. Литвиненко построила свою диаграмму профессиональной компетентности (структурную модель результатов обучения с позиций компетентностного подхода), в частности, для подготовки инженера-картографа. Она предлагает рассматривать проблему диагностики профессиональной компетентности с позиций уровневого подхода. Критерием качества при этом выступает прогнозируемый уровень профессиональной компетентности выпускника. При оценке уровня профессиональной компетентности она применяет структурную модель профессиональной компетентности специалиста. Данная модель выполняет две функции: 1) связывает уровень достижения целей обучения, выраженных в терминах знаний, умений и навыков, с уровнем профессиональной компетентности; 2) служит основой для монито-

ринга развития профессиональной компетентности.

Рассмотрев имеющиеся исследования в области обучения картографии, можно сделать следующий вывод.

Несмотря на разнообразие подходов и значимость полученных результатов, недостаточно освещенными до настоящего времени остаются вопросы раскрытия сущности и структуры понятия «картографическая компетентность студентов вуза» (для направлений подготовки «География», «Географическое образование», «Экология и природопользование», «Почвоведение»), а также вопрос ее формирования на основе технологического подхода. Для данной категории обучающихся дисциплины, относящиеся к картографическому циклу, в основном, являются общепрофессиональными, или дисциплинами предметной подготовки. Поэтому считаем возможным, опираясь на вышеизложенные точки зрения, уточнить и конкретизировать понятие картографической компетентности студентов вуза для вышеперечисленных направлений подготовки. При этом необходимо учитывать современные условия: введение новых федеральных государственных образовательных стандартов, потребность подготовки специалистов на основе компетентностного подхода на деятельностном уровне.

Нужно отметить, что для каждого направления («География», «Географическое образование», «Экология и природопользование», «Почвоведение») специфика будущей профессиональной деятельности студентов имеет свои характерные особенности. Все вышеперечисленные выпускники должны уметь использовать карты как источник информации для решения практических и научно-исследовательских задач, а также создавать различные картографические произведения. Но цели подготовки бакалавра каждого из названных направлений различаются.

Сферой работы будущих географов являются: проектные, изыскательские, производственные, научно-исследовательские институты, бюро, фирмы; органы охраны природы и управления природопользованием; образовательные и специальные учебные заведения. Соответственно, картографическая составляющая их подготовки должна быть наиболее объемной и разносторонней.

Особенность работы учителя географии заключается в обучении школьников основам картографической компетентности, в применении картографических произведений в познавательных целях. Следовательно, упор в их картографической подготовке должен быть сделан на школьные карты и атласы и на картографический метод исследования.

Область профессиональной деятельности почвоведов имеет следующую специфику: почвенные, агрохимические, агроэкологические исследования и разработки, направленные на рациональное использование и сохранение агроландшафтов при производстве продукции растениеводства; контроль за состоянием окружающей среды и соблюдением экологических регламентов производства и землепользования; агроэкологическая оценка земель сельскохозяйственного

назначения и обоснование методов их рационального использования; разработка экологически безопасных технологий производства продукции растениеводства и воспроизводства плодородия почв. Соответственно, особое внимание в картографической подготовке необходимо уделять сельскохозяйственным, агроландшафтным, агроэкологическим, геоморфологическим, геологическим, топографическим, почвенным картам и работе с геодезическими приборами.

Экологи-природопользователи ориентированы на работу с экологическим картографическим материалом: анализ экологических ситуаций с использованием карт, составление картографических произведений природоохранного характера.

Учитывая общую специфику будущей профессиональной деятельности студентов факультета естественных наук, конкретизируем и уточним систему знаний, умений и навыков в области картографии по группам в соответствии с необходимостью готовности выпускников к определенным видам деятельности (Таб.1).

На основе проведения анализа Государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования была выявлена картографическая составляющая для каждой из перечисленных специальностей.

Рассмотрим динамику изменений картографической составляющей на примере ГОС ВПО по специальности 012500 «География» с 1995 по 2010 г.

В Государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования по специальности 012500 «География», утвержденном 22.05.1995 года, картография относится к общепрофессиональным дисциплинам. Топография с основами геодезии является специальной дисциплиной. Основные разделы картографии: математическая основа карт, способы картографических изображений, генерализация, типы и виды карт, приемы и методы использования карт. Необходимое содержание топографии: топографическое изучение поверхности земли, геодезические измерения, съемка местности, топографические карты и планы.

В картографической области к выпускникам данной специальности стандарт предъявляет следующие требования:

- знать математические и изобразительные свойства карт различных масштабов и тематики, знать принципы географической картографии (способы изображения явлений, приемы генерализации, методы составления и оформления карт, и др.), иметь представление о технологии создания карт и уметь выполнять авторские разработки карт, анализировать карты с применением средств картометрии и математической статистики и извлекать из них нужную информацию, ориентироваться в современных картографических фондах;
- уметь выполнять геодезические измерения и натурные съемки местности, владеть приемами картометрии, знать содержание топографических карт при их прикладном использовании.

В Государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования по специальности 012500 «География», утвержденном 10.03.2000 года, необходимое содержание картографических дисциплин и требования к выпускникам не меняются по сравнению с предыдущим стандартом 1995 года, но обе дисциплины (картография и топография) относятся к общепрофессиональным.

С 2010 года вводятся стандарты 3-го поколения для степеней «бакалавр» и «магистр». Специальности 012500 «География» соответствует федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 021000 «География» (квалификация (степень) «бакалавр»), утвержденный 29 марта 2010 г. Он имеет следующее содержание (в картографической области): теоретические основы картографии. Модуль «Картография» включает дисциплины топография и картография.

Согласно этому стандарту, одной из общепрофессиональных компетенций, которыми должен владеть вы-

Таблица 1.

Виды деятельности	Необходимые знания, умения, навыки
Создание картографических произведений различного вида и степени сложности.	Знание языка карты (способов изображения явлений, системы условных знаков, приемов генерализации), сущности и видов картографических проекций, методов составления и оформления картографических произведений; знание технологии создания геоизображений и умение выполнять авторские разработки карт.
Прикладное использование карт и картографических произведений.	Знание содержания и специфических свойств основных видов геоизображений; знание расположения, относительных размеров, формы важнейших объектов на земной поверхности; умение ориентироваться в современных картографических фондах; умение получать, передавать, анализировать информацию посредством карт, использовать ее для постановки задач и их решения; владение практическими приемами работы с картой.
Анализ карты, составление описаний по картографическим источникам.	Знание схемы анализа карты, языка карты; умение выполнять анализ карты с применением средств картометрии и математической статистики и извлечение из геоизображений нужной информации.
Выполнение по картам различных измерений.	Знание теоретических основ картометрических работ, умение выполнять по картам измерения: длин линий различной конфигурации, площадей, объемов, углов, географических и прямоугольных координат, высот, превышений, уклонов местности; владение приемами картометрии.
Выполнение топографических съемок местности.	Знание теоретических основ съемок местности, устройства и принципов работы геодезических приборов и инструментов, умение работать с ними; умение выполнять геодезические измерения и натурные съемки местности.

пускник, является знание основ картографии, умение применять картографический метод в географических исследованиях (ПК-6).

В соответствии с проведенным анализом можно сделать вывод о том, что картографическая составляющая в стандартах 1995 г. и 2000 г. представлена более полно и развернуто. В последнем стандарте 2010 года происходит переход на уровень формирования картографической компетентности. Следовательно, картографическую компетентность необходимо рассматривать как часть профессиональной компетентности выпускника.

На основе этого следует вывод, что результат картографической подготовки выпускника вуза по направлениям «География», «Географическое образование», «Экология и природопользование», «Почвоведение», осуществляемой в логике модели развития, может быть достаточно полно описан с помощью понятия «картографическая компетентность».

Обобщая все вышесказанное, считаем возможным уточнить и конкретизировать понятие картографической компетентности для студентов вуза вышеперечисленных направлений подготовки.

Картографическая компетентность студента вуза

(направления подготовки: «География», «Географическое образование», «Экология и природопользование», «Почвоведение») – это способность и готовность мобилизовать совокупность знаний, умений и навыков в области картографических дисциплин для осуществления следующих видов учебно-профессиональной деятельности: создание картографических произведений различного вида и степени сложности; их анализ и прикладное использование; составление описаний и выполнение различных измерений по картографическим источникам; выполнение топографических съемок местности.

Картографическая компетентность реализуется через создание соответствующей мотивации (готовность), через знаниевый критерий, через картографические умения (деятельность).

Таким образом, посредством анализа педагогической теории и практики формирования картографической компетентности различных категорий обучающихся и анализа федеральных государственных образовательных стандартов получено определение картографической компетентности студентов вуза (направления подготовки: «География», «Географическое образование», «Экология и природопользование», «Почвоведение»).

Библиографический список

1. Берлянт А.М. Геоиконика. М.: Астея, 1996.
2. Берлянт А.М. Картографическая грамотность и географическое образование: проблемы переориентации // География в школе. 1990. №2.
3. Берлянт А.М., Лурье И.К., Тутубалина О.В., Чалова Е.Р. Концепция университетского инновационного географического образования // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2009. №2.
4. Буланов С.В. Проблема совершенствования системы картографических знаний и умений школьной географии: дис. ... к.п.н. М., 2001.
5. Комиссарова Т.С. Теоретические основы картографической подготовки учителя географии: дис. в форме науч. доклада на соискание ученой степени д.п.н. Рос. гос. пед. ун-т им. Герцена, СПб, 2000.
6. Литвиненко М.В. Проектирование результатов подготовки специалистов в условиях модульной системы обучения: Методическое пособие. М.: Изд-во МИИГАиК, 2006.
7. Фокина А.Л. Новое в курсе картографии при подготовке учителя географии // География в школе. 1997. №7.

References

1. Berlant A.M. Geoikonika. M: Astea, 1996.
2. Berlant A.M. Cartographic literacy and geographical education: problems of reorientation // Geography in school. 1990. №2.
3. Berlant A.M., Lur'ye I.K., Tutubalina O.V., Chalova E.R. The Concept of the University innovational geographical education // Bulletin of Moscow University. Series 5. Geography. 2009. №2. Pp. 6-12.
4. Bulanov S.V. The problem of improving the system of cartographic knowledge and skills in geography: dis. ... Cand. of Pedagogical Sciences. M, 2001.
5. Komissarova T.S. The theoretical basis of cartographic training of teachers of geography: dissertation in the form of scientific report for getting a scientific degree of Doctor of Pedagogics. – Russian state pedagogical university named after Herzen, St. Petersburg, 2000.
6. Litvinenko M.V. The design of the results of preparation of experts in conditions of modular training: Methodical manual. M: Publishing house of MIIGAIK, 2006.
7. Fokin A.L. New in the course of cartography in the training of teachers of geography /Geography at school. 1997. №7.

УДК 342.5.08+159.9.075

UDC 342.5.08+159.9.075

И.А. СТАЛЬНОВА

аспирант факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета

E-mail: stalnova@rambler.ru

А.Г. СТАЛЬНОВ

аспирант факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета

E-mail: stalnoff@yandex.ru

I.A. STALNOVA

graduate the faculty of Juristical psychology, Moscow State University of Psychology and Education

E-mail: stalnova@rambler.ru

A.G. STALNOV

graduate the faculty of Juristical psychology, Moscow State University of Psychology and Education

E-mail: stalnoff@yandex.ru

ВЛИЯНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ НА УСПЕШНОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ

THE INFLUENCE OF PECULIARITIES OF PERSONALITY OF CIVIL SERVANTS ON THE SUCCESS OF PROFESSIONALISATION

Государственная служба является постоянно развивающейся и изменяющейся профессиональной средой, несет высокую социальную нагрузку, характеризуется повышенной стрессогенностью, что предопределяет объективность психологических требований к личности служащих. Статья резюмирует результаты психологического исследования факторов, влияющих на успешность профессионализации государственных гражданских служащих (на примере сотрудников Росреестра).

Ключевые слова: профессионализация, государственные служащие, сотрудники Росреестра, психологические особенности личности.

The state service is constantly evolving and changing professional environment, carries a high social burden, characterized by stressful that predetermines the objectivity of certain psychological requirements to his employees. Article sums up the psychological research results of the factors that determined the success of the professionalization the civil servants (on the example of registration office staff).

Keywords: professionalization of the civil servants, staff of the Russian state register, psychological features of a person.

Результаты современных исследований [1; 2; 3] позволяют констатировать наличие зависимости между негативными последствиями профессионализации в форме профессиональных деформаций у государственных гражданских служащих, с одной стороны, и личностными характеристиками, поведенческими и коммуникативными моделями – с другой. Значительный пласт психологических исследований посвящен исследованию причин и проявлений профессиональных деструкций государственных служащих и синдрому профессионального выгорания [4; 5], при этом положительное влияние профессионализации на личностное развитие государственного служащего в современной психологии не исследуется совсем.

В рамках подхода к профессиональной деформации личности сотрудника как к совокупности устойчивых конструктивных и деструктивных изменений личности нами было проведено исследование психологических аспектов профессионального развития государственных гражданских служащих.

В исследовании принимали участие 150 сотрудников центрального аппарата Росреестра и

Территориального аппарата Росреестра по г. Москве. Основная выборка включала сотрудников в возрасте от 21 года до 58 лет (среднее значение составило 39,8 лет) со стажем работы в государственных органах от 0 до 25 лет (среднее значение – 11,2 года). Из них 57% мужчин и 43 % женщин, 82 % сотрудников состоят в браке, 27% относятся к категории руководителей и осуществляют управленческую деятельность.

Методический инструментарий исследования представлен пятифакторным личностным опросником Р. МакКрае, П. Коста, методикой исследования профессионального выгорания А.А. Рукавишникова, методикой исследования ценностной сферы К. Рокича, мотивационного профиля К. Замфир, авторскими анкетами и кодировочными картами.

Оценка личностных особенностей сотрудников Росреестра позволяет сделать следующие выводы.

Шкала «Экстраверсия-интроверсия» характеризуется средними по выраженности оценками как в целом по параметру ($49,6 \pm 0,7$), так и по включенным в него характерологическим особенностям: «активность – пассивность» ($9,7 \pm 0,2$), «доминирование-подчиненность»

(9,8±0,2), «поиск впечатлений – избегание впечатлений» (9,5±0,2), «проявление чувства вины – избегание чувства вины» (9,1±0,2). Исключением является шкала «общительности-замкнутости», демонстрирующая высокий уровень выраженности (11,5±0,2). Такие результаты свидетельствуют о том, что среди государственных гражданских служащих присутствуют примерно в равной степени как экстраверты, так и интроверты с незначительным преобладанием первых. Развитость коммуникативности как личностной особенности у большинства сотрудников обусловлена требованиями государственной гражданской службы, относящейся к профессиям соционического типа. При общей ориентации на повышение скорости выполнения служебных заданий и поручений такие сотрудники негативно реагируют на чрезмерную монотонность деятельности, однако они более восприимчивы к различным нововведениям и изменениям профессиональных регламентов, что в определенной степени свойственно государственной гражданской службе.

Шкала «Привязанность-обособленность» оценена респондентами высокими баллами (57,2±0,3), в частности: менее всего выражены в «теплота-равнодушие» (10,9±0,1); более всего – «сотрудничество – соперничество» (12,4±0,1); «доверчивость-подозрительность» (11,3±0,1); «понимание – непонимание» (11,0±0,1); «уважение других – самоуважение» (11,6±0,2). Полученные результаты позволяют позитивно охарактеризовать психологические свойства и особенности большинства сотрудников с точки зрения их ориентированности взаимодействие с клиентами, партнерами и коллегами. Сильная выраженность «сотрудничества», «понимания» и «доверчивости» как личностных особенностей свидетельствует о комфортном самочувствии работников при работе в команде, их адаптивности, отзывчивости и терпимости к недостаткам других.

Шкала «Самоконтроль – импульсивность» выражена среди государственных гражданских служащих также довольно ярко, что подтверждается высокими балльными оценками как в целом параметра (55,8±0,3), так и его основных характерологических элементов: настойчивости (11,6±0,1), ответственности (11,2±0,1), самоконтроля (11,6±0,1) и предусмотрительности (11,0±0,1). Развитие данных личностных качеств приращивает сотрудника с особенностями профессиональной среды государственной гражданской службы, высоким уровнем социальной ответственности такой деятельности. Интерпретация полученных по шкале результатов позволяет охарактеризовать сотрудников Росреестра как волевых, добросовестных личностей с высокими моральными установками и стремлением к соблюдению общепринятых правил поведения. Для таких работников приоритетным является общественное благо и польза, однако, при несовпадении ожиданий профессиональной самореализации с реалиями они испытывают острый внутренний конфликт.

Параметр «Эмоциональная лабильность – эмоциональная устойчивость» в среднем оценивается на среднем уровне проявления (45,7±1,0), что свидетель-

ствует о наличии в выборке как эмоционально стабильных, так и эмоционально неустойчивых сотрудников. Показательным является слабый уровень проявления самокритики государственных гражданских служащих (8,7±0,2), косвенно свидетельствующий о завышенной самооценке. Низкий уровень эмоциональной стабильности может являться следствием общей профессиональной обстановки, насыщенной профессиональными стрессорами, а также необходимости ежедневного общения с клиентами на фоне умаления профессии госслужащего в современном российском обществе и в целом негативного отношения населения к чиновникам.

Оценка шкалы «Экспрессивность – практичность» показывает высокий уровень количественных значений параметра (53,2±0,5) и формирующих его характерологических особенностей личности: «любопытство – консерватизм» (10,9±0,2); «любопытность – реалистичность» (10,8±0,2); «сенситивность – нечувствительность» (11,5±0,1); «пластичность – ригидность» (10,6±0,2). Это позволяет охарактеризовать сотрудников Росреестра в целом как склонных к обучаемости, эмпатии, гибких в общении и разрешении проблем. Положительно характеризуется способность респондентов идти на компромисс, при этом не совсем оправдана диагностированная у них недостаточная практичность как личностное качество.

Исследование деструктивных проявлений профессионализации позволило получить следующие результаты. Женщины характеризуются в среднем большей подверженностью психическому выгоранию по сравнению с мужчинами: индекс психического выгорания у женщин составил 93,7 против 91,2 у мужчин, личностное отдаление характеризовалось 31,0 баллами против 29,9 у мужчин, профессиональная мотивация – 30,0 баллами против 28,7 у мужчин при относительно равном значении психоэмоционального истощения. Профессиональному выгоранию максимально подвержены молодые сотрудники: если в возрасте до 30 лет среднее значение индекса психического выгорания составляет 150,91, то уже в следующей возрастной группе – от 31 до 40 лет оно снижается до уровня 102,72, оставаясь по-прежнему ярко выраженным и по отдельным проявлениям. В возрастной группе старше 50 лет уровень профессионального выгорания низок, психоэмоциональное истощение и личностная отдаленность диагностируются на низком уровне проявления, профессиональная мотивация – на среднем. Аналогичные результаты получены нами и при оценке уровня психического выгорания сотрудников Росреестра с различным стажем работы в государственных органах, что может быть следствием применяемой системы мотивации и карьерной динамики.

В рамках деятельностного подхода к развитию личности не только личностные особенности человека влияют на успешность процесса его профессионализации, но и профессиональная деятельность деформирует личность сотрудника. Таким образом, психологические детерминанты развития профессионального выгорания могут быть выражением профессиональных деформа-

ций. Для проверки данного вывода были сопоставлены результаты корреляционного анализа взаимосвязи между уровнем профессионального выгорания и личностными качествами с результатами оценки сотрудниками Росреестра степени и характера влияния профессиональной деятельности на развитие у них тех или иных качеств, полученные с использованием авторского опросника.

В группу положительных деформаций можно включить активность, доминирование, сотрудничество и аккуратность. Амплитуда средних значений влияния профессионализации на развитие данных личностных качеств сотрудников Росреестра – от 1,55 до 1,76 баллов из 2 максимально возможных. К категории положительных профессиональных деформаций можно отнести и демонстрирующие умеренную связь с профессиональной динамикой общительность, понимание, ответственность и предусмотрительность. Из данной группы профессиональных деформаций факторами, препятствующими формированию и развитию профессионального выгорания, являются все выделенные качества кроме доминирования, аккуратности, понимания и предусмотрительности. Ответственность, рассматриваемая нами как положительная профессиональная деформация, демонстрирует прямую сильную корреляционную связь с уровнем профессионального выгорания. Иными словами, требования государственной гражданской службы приводят к развитию у сотрудников ответственности, которая, в свою очередь, значительным образом предопределяет развитие выгорания как негативного эффекта профессионализации.

Отрицательными профессиональными деформациями сотрудников Росреестра, согласно полученным в исследовании результатам, являются избегание чувства вины, подозрительность, напряженность, консерватизм (разброс оценок – от -1,02 до -1,41). Развитие в процессе профессионализации такого качества, как избегание чувства вины, по нашему мнению, является следствием

защитных психологических механизмов. Проявление чувства вины способствует профессиональному выгоранию сотрудников, которые, приспосабливаясь к условиям профессиональной среды, стремятся более равнодушно относиться к последствиям собственных поступков, их личность движется к другому полюсу шкалы – избеганию вины.

Примечательно также, что государственные гражданские служащие с ростом стажа работы движутся от полюса «уважение других» к полюсу «уважение себя», чему профессионализация способствует в значительной степени. По нашему мнению, такая динамика обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, стереотипы отношения к чиновнику в обществе приводят к объективному повышению самооценки социального статуса по мере карьерного роста в контексте социальной значимости профессии. Сотрудник все менее рефлексировал по отношению к проблемам клиентов, относится к ним как к автоматической работе, менее эмоционально. При этом государственная гражданская служба как образец социомической профессии предполагает значительное внимание к интересам социума и, как следствие, приближенность к полюсу «уважение других», который является детерминантой профессионального выгорания. Таким образом, смещение к приоритету уважения собственных интересов в результате профессиональной динамики государственного служащего Росреестра выступает как защитный психологический механизм.

Таким образом, результаты проведенного исследования подтвердили рабочую гипотезу исследования о взаимовлиянии личностных особенностей государственных гражданских служащих и процесса их профессионализации, что позволяет декларировать потенциальную возможность управления профессиональной эффективностью посредством активизации психологической работы в органах и подведомственных учреждениях Росреестра.

Библиографический список

1. Скугаревская М.М. Синдром эмоционального выгорания/ Медицинские новости. 2002; № 7: С. 3-9.
2. Коваленко А.В. Профессиональная деформация личности. Учебное пособие. Сост. А.В. Коваленко, Л.А. Шиканов. Томск: Изд-во ТПУ, 2009. 90 с.
3. Винокур В.А., Агапова Е.В. Аффективные расстройства и самооценка здоровья у государственных служащих в процессе профессионального «выгорания» [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2013; 1 (18). – URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 17.10.2013).
4. Казакова А.Ю. Акмеологическая профилактика профессиональных деструкций: автореферат дисс. ... к.п.н. М, 2012. 28 с.
5. Савина Н.С. Специфика психического выгорания в управленческой деятельности: автореферат дисс. ... к.п.н. Ярославль, 2009. 26 с.

References

1. Skhugarevskaya M.M. The emotional burnout syndrome/ Medical news. 2002; 7: 3-9.
2. Kovalenko A.V. Professional adaptation. Textbook / Ed. A.V. Kovalenko, L.A. Shikanov. - Tomsk: Izd-vo TPU, 2009. - 90 p.
3. Vinokur V.A., Agapova E.V. Affective disorders and self-reported health in public servants in the process of professional burn-out» [Web-resource] // Medical psychology in Russia. 2013; 1 (18). - URL: <http://medpsy.ru> (date of access: 17.10.2013).
4. Kazakova A.J. Acmeological prevention of self-destruction. - Moscow, 2012. – 28 p.
5. Savina N.S. The specificity of mental burnout performance management: the abstract of diss. – Yaroslavl, 2009. – 26 p.

УДК 32.323.2

UDC 32.323.2

К.В. СТАРОСТЕНКО

доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой социологии, культурологии и политологии Госуниверситета – УНПК
E-mail: pilotskv@bk.ru

А.А. ЧЕКУЛАЕВ

кандидат политических наук, доцент кафедры социологии, культурологии и политологии Госуниверситета – УНПК
E-mail: sascha.chekulaeff@ya.ru

K.V. STAROSTENKO

doctor of political sciences, professor, Head of the department of sociology, cultural science and politology State university – UNPK
E-mail: pilotskv@bk.ru

A.A. CHEKULAYEV

candidate of political sciences, associate professor of the department of sociology, cultural science and politology State university – UNPK
E-mail: sascha.chekulaeff@ya.ru

МОДЕРНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: АКТУАЛИЗАЦИЯ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ*

MODERNIZATION OF HIGHER EDUCATION IN THE RUSSIAN FEDERATION: UPDATE TO PROTECT NATIONAL INTERESTS

В статье анализируются проблемы модернизации высшего образования в Российской Федерации в аспекте обеспечения ее национальной безопасности. Авторы выделяют проблемы, стоящие сегодня перед российской высшей школой, анализируют процесс ее реформирования и интеграции в европейскую систему образования с позиции национальных интересов, а также определяют направления, которые, по их мнению, будут способствовать обеспечению национальной безопасности в сфере высшего образования.

Ключевые слова: Россия, высшее образование, модернизация, Болонский процесс, национальные интересы и безопасность.

The paper analyzes the problems of the modernization of higher education in the Russian Federation in terms of ensuring its national security. The authors point out the problems now facing the Russian higher education system, analyze the process of reform and integration into the European system of education from the perspective of national interest, as well as determine the direction, which, in their opinion, will help to ensure national security in higher education.

Keywords: Russia, higher education, modernization of the Bologna process, the national interests and security.

Необходимо отметить, что современное образование, помимо решения своей собственной внутренней, огромной важности задачи – формирования интеллекта общества, напрямую связано с процессами государственного строительства, обороноспособностью страны, национальной безопасностью, гармонизацией национальных отношений в едином российском пространстве, здоровьем наших граждан, экономическими преобразованиями и промышленным развитием, инновационными проектами XXI века.

Согласно статистическим данным, уровень образования населения нашей страны, и, прежде всего, молодежи – один из самых высоких в мире. Среди наших граждан в возрасте 25–35 лет высшее образование имеют 57% – такой уровень кроме России отмечен всего в трех странах мира: в Японии, Южной Корее и Канаде [1]. Численность жителей без образования и с начальным общим образованием составляет в Российской Федерации менее 2 % – это один из самых низких показателей среди стран Организации экономического сотрудничества и развития. Россия превосходит боль-

шинство стран ОЭСР по охвату общим образованием населения в возрасте от семи до семнадцати лет (99,8 %), являясь одним из мировых лидеров по количеству студентов программ третичного образования. Однако, этот результат обеспечен более высокой долей учащихся среднего профессионального образования, в то время как по уровню населения с высшим образованием Российская Федерация занимает среднее место среди стран ОЭСР [2].

По мнению исследовательницы М.С. Самохваловой, сегодня на развитие системы высшего образования в мировом масштабе большую роль оказывают три основополагающих фактора: необходимость формирования общества, основанного на знаниях, информационно-коммуникационная революция и глобализация [3]. Все это предполагает создание образовательной системы, способной:

- во-первых, удовлетворять потребностям академической мобильности студентов, образовательных программ и учебных планов;
- во-вторых, претворять в жизнь индивидуализа-

* Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 12-13-570001.

цию и либерализацию учебного процесса, ориентированного на поддержание свободы развития личности учащегося и высокого статуса и профессионального уровня преподавателя;

- в-третьих, реализовывать возможность активного вовлечения граждан и работодателей в процесс совместного финансирования с государством высшего образования;

- в-четвертых, обеспечивать равный доступ всех граждан к получению высшего образования [4].

Несомненно, что все вышеперечисленное требует существенного изменения роли, задач, структуры и условий функционирования высшего образования в Российской Федерации как важного социального института, способного обеспечить поступательное социально-экономическое развитие страны.

К сожалению, современное состояние российского высшего образования, все еще сохраняющего значительный потенциал для своего развития, характеризуется рядом весьма негативных тенденций, основными из которых являются:

- деформация общего ценностного пространства и частичная утрата исторической памяти на уровне образовательных программ и учебно-методических источников [5];

- несоответствие рынка образовательных услуг реальным потребностям экономики, приводящее к переизбытку специалистов одного профиля и одновременной нехватке квалифицированных кадров других специальностей;

- высокая коммерциализация образовательных услуг, принявшая неуправляемый характер и ведущая к катастрофическому снижению качества как предоставляемых услуг, так и подготовки выпускников;

- неравенство доступа к образованию, вызванного его коммерциализацией;

- продолжающийся выезд из страны специалистов, занимающихся высококвалифицированным интеллектуальным и творческим трудом;

- низкий уровень финансирования труда преподавательского корпуса, снижение престижности преподавательского труда;

- увеличение количества учебных дисциплин, ориентированных на рыночные условия деятельности и сокращение чисто научных дисциплин;

- необходимость обновления содержания, структуры и технологии обучения, а также материально-технической базы вузов.

Необходимо отметить, что причинами данных негативных тенденций явились: ошибочно установленные приоритеты развития высшего образования и малоэффективные методы их осуществления; отсутствие заинтересованности в модернизации высшего образования со стороны различных социальных групп и слоев; недостаточная поддержка со стороны региональных органов власти.

Согласно утверждению исследователя А.М. Бобыло, внутриотраслевой, замкнутый характер образовательной политики в ряде случаев привел не только к меж-

ведомственной рассогласованности по различным вопросам проводимых реформ в сфере образования, но и к противодействию различных общественных групп процессу модернизации. В результате этого механизмы взаимодействия системы образования, рынка труда и общественных институтов не получили своего развития [6]. Если быть точнее, то ведут нашу страну к весьма негативным последствиям. Так, например, в России из 1,5 миллиона ежегодно выпускаемых вузами специалистов только треть находят работу по специальности. 38 % молодых специалистов до 29 лет числятся безработными. Как отметил замруководителя департамента ВКП (Всеобщей конфедерации профсоюзов) Е. Новожилов, такое свертывание перспектив занятости и экономического роста молодежи является предвестником начала экономической стагнации или даже упадка, что грозит ослаблением потенциала роста экономики в долгосрочной перспективе, повышает риск социальной и политической нестабильности в обществе [7].

Существует и другое мнение. Отдельными учеными утверждается, что сегодня в России идет негативный процесс – происходит подчинение института высшего образования прикладным узкопрактическим индустриальным целям и требованиям. При этом высшему образованию отводится роль примитивного механизма, удовлетворяющего действующий рынок труда, в котором основным заказчиком является не государство, а бизнесмены и чиновники с узко прагматичным мышлением и эгоистичными социально-экономическими интересами. Полагая, что этот контингент способен обновить, модернизировать высшую школу, российское высшее политическое руководство ошибается и создает серьезную угрозу как интеллектуальному и духовному развитию молодого поколения, так и поступательному цивилизованному развитию страны [8].

Все вышесказанное, по нашему мнению, самым непосредственным образом создает реальную угрозу для национальной безопасности российского государства вследствие того, что не способствует реализации национальных интересов в сфере высшего образования.

Раскрывая понятие «национальный интерес», отметим, что данный термин в научный оборот включен сравнительно недавно. Только в 1935 г. это понятие было внесено в Оксфордскую энциклопедию социальных наук, а приоритет его научной разработки принадлежит американским исследователям Р. Нибуру и Ч. Бирду [9]. Мы определяем национальные интересы как совокупность реальных, объективных внутренних и внешних потребностей государства, определяемых, с одной стороны, социально-экономическими и геополитическими отношениями, культурно-историческими традициями, необходимостью обеспечения безопасности, сохранения суверенитета, территориальной целостности, защиты населения от внешних и внутренних угроз и опасностей, с другой стороны, основополагающими факторами его внутри- и внешнеполитической активности в условиях постоянной конкуренции между государствами [10]. Реализация национальных интересов позволяет обе-

спечить константное развитие личности, общества и государства в целом.

Формирование национальных интересов представляет собой постепенный и длительный исторический процесс, осуществляющийся в сложном переплетении культурных, экономических, социальных, национально-психологических и иных факторов, в совокупности определяющих содержание и характер национально-исторического опыта данного народа или страны. В таком качестве национальные интересы являются общественно-историческим феноменом и не могут существовать независимо от сознания их носителей. Они имеют самую тесную взаимосвязь с идентичностью конкретной территориальной общности. Каждое суверенное государство проводит политику, направленную на защиту своих национальных интересов во всех сферах общественной жизни, не исключение и политика в образовательной сфере. Важнейшими национальными интересами в данной области является подготовка квалифицированных профессиональных кадров для страны, а также способных создать конкуренцию на мировом рынке труда [11].

Вполне очевидно, что в условиях глобализации и интеграции мирового сообщества высшее образование, как и другие социальные институты, становится все более открытым для международного делового партнерства. В связи с этим проблема модернизации образовательной сферы в конце прошлого века во многих цивилизованных странах приобрела новое, чрезвычайно актуальное значение. Решение этой задачи, связанное с формированием нового порядка ценностей и социально значимых приоритетов, началось с расширения международного сотрудничества и взаимного использования мирового опыта. Так, например, в 90-х годах XX в. кардинальные трансформации образовательных систем произошли во всех ведущих странах мира. Открытость национальных систем образования стала общей тенденцией этих преобразований. Наиболее широкомасштабные изменения затронули европейский континент: стали разрушаться традиционные государственные границы и формироваться общеевропейская интегральная система образования [12].

Способствовали этому процессу принятые большинством стран европейские нормативные акты. Маастрихтский договор (1993 г.) установил, что Европейское сообщество намерено развивать «европейское измерение в образовании», которое ставит своей целью формирование гражданина и профессионала европейского типа: человека, исповедующего терпимость, плюрализм, ценящего культурное наследие сообщества, сознательного участника процесса европейской интеграции, осознающего европейское сходство и воплощающего в себе «наследие прошлого, осуществление настоящего, изображение будущего» [13].

Таким образом, создание единого образовательного пространства должно было позволить национальным образовательным системам европейских стран объединить все лучшее и прогрессивное за счет укрепления связей и сотрудничества между вузами Европы, в

основе которых лежало повышение мобильности студентов, профессорско-преподавательского состава и управленческого персонала. Основными принципами процесса унификации систем высшего образования стран-участниц стали «прозрачность» и их максимальная сравнимость. Этому в дальнейшем способствовало: повсеместное введение однотипных образовательных циклов (бакалавриат – магистратура), применение единых систем образовательных кредитов (зачетных единиц), использование одинаковых форм фиксирования получаемых квалификаций, а также взаимное признание академических квалификаций, структур обеспечения качества подготовки специалистов и т.д.

В 1999 г. была подписана Болонская декларация, которая развила положения, закрепленные Маастрихтским договором. Документ провозгласил: сокращение нормативных сроков обучения и переход национальных систем образования на совпадающие двухуровневые программы и квалификации высшего образования (бакалавр/магистр); введение новых децентрализованных механизмов и процедур обеспечения качества образования; информатизацию образования и развитие дистанционных технологий обучения [14]. Реализация всего этого планировалась в течение десятилетнего периода.

Анализ документов, регламентирующих образовательную деятельность на европейском континенте, показывает, что Болонский процесс способствует единению Европы в области высшего образования и направлен на решение ряда задач:

- создание европейской зоны высшего образования, способствующей развитию трудовой мобильности граждан с вероятностью трудоустройства;
- повышение мирового престижа европейской высшей школы и расширение доступа к ней;
- развитие и укрепление интеллектуального, социально-культурного и научно-технического потенциала европейского сообщества;
- обеспечение высокой конкурентоспособности европейской системы образования с другими мировыми системами в соперничестве за студентов, финансовую прибыль и влияние;
- достижение большей сочетаемости и непротиворечивости различных национальных систем высшего образования;
- расширение академической мобильности студентов и преподавателей;
- повышение качества высшего образования;
- приумножение статуса университетов в формировании и развитии европейских культурных ценностей, в рамках которых высшие учебные заведения предстают как выразители европейского сознания;
- принятие сопоставимой системы ступеней высшего образования с унифицированными для всей Европы приложениями к дипломам;
- формирование единого и конкурентоспособного рынка труда высшей квалификации в Европе.

При реализации вышеперечисленных задач, по мнению исследовательницы Л.С. Онокой, необходимо решить такие вопросы, как устранение языковых ба-

рьеров, расширение взаимодействия учащимися и преподавателями между вузами различных государств, взаимное признание дипломов и этапов обучения, претворение в жизнь устойчивого обмена опытом и необходимой информацией о проблемах в образовательных системах европейских стран [15].

В сентябре 2003 г. на Берлинской конференции министров образования стран-участниц Болонского процесса Россия официально закрепила свое участие в данном процессе. Несмотря на то, что российская высшая школа, по нашему мнению, конкурентоспособна и выгодно отличается фундаментальным характером образовательных программ, мы обязались до 2010 г. воплотить в жизнь основные принципы Болонского процесса и участвовать в построении образовательной общеевропейской системы.

Необходимо подчеркнуть, что главные принципы Болонской декларации в аспекте реформирования высшего образования в Российской Федерации сводятся к нескольким ключевым моментам:

- внедрение двухступенчатого высшего образования (бакалавра и магистра);
- введение системы зачетных единиц (ECTS) для количественной оценки получаемого высшего образования;
- расширение академической мобильности студентов и преподавателей;
- обеспечение успешного трудоустройства выпускников вузов.

Однако, по нашему мнению, включаясь в процесс модернизации высшего образования, необходимо учитывать то, как реализация Болонской декларации будет способствовать реализации национальных интересов и обеспечению национальной безопасности современной России. Необходимо учитывать тот факт, что в соответствии со ст. 24 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, образование, наряду с наукой, технологией, здравоохранением и культурой, входит в число важнейших приоритетов устойчивого развития российского государства [16]. Справедливо в этом случае звучат слова исследователя С.В. Демченко, что результативность обеспечения национальной безопасности современного государства напрямую зависит от эффективности проводимой в стране инновационной и образовательной политики [17].

И это вполне очевидно, т.к. состояние национальной безопасности России непосредственным образом зависит от того, какую образовательную подготовку будет иметь российская молодежь в XXI веке, каковы будут ее нравственно-этические и политико-идеологические идеалы, социальные предпочтения и ценности, уровень общей культуры и степень профессиональной подготовки. Эффективное обеспечение социально-политической, экономической, информационной и военной безопасности государства и общества без квалифицированных кадров невозможно; технологическая безопасность немыслима без научных инновационных разработок. Отечественные и зарубежные ученые единодушно утверждают: без инновационного обучения

человечество обречено на катастрофу [18].

Необходимо также учитывать, что в конце XX в. развернулась острая геополитическая и геоэкономическая борьба за качество интеллектуальных ресурсов и образования. Поэтому совершенно не случайно, что начиная с 80-х гг. XX в. Конгресс США регулярно на своих заседаниях производит оценку качества своей системы высшего образования в геополитическом измерении как высшего приоритета конкурентоспособности экономики. Поэтому вполне очевидно, что в условиях жесткой межстрановой конкуренции рекомендации Международного валютного фонда по сокращению науки и высшего образования на 30-60 % в России имеют скрытую стратегическую цель: лишить Россию необходимого качества образовательного потенциала, чтобы понизить ее стратегическую экономическую конкурентоспособность, создать возможности ее интеллектуально-духовной и информационной колонизации, а на этой основе – экономической колонизации [19].

Поэтому не случайно, что в соответствии со ст. 66 Стратегии национальной безопасности стратегической целью обеспечения национальной безопасности в сфере высшего образования является повышение социальной мобильности, уровня профессионального образования населения, профессиональных качеств кадров высшей квалификации за счет доступности конкурентоспособного образования. При этом, как отмечается в документе, прямое негативное воздействие на обеспечение национальной безопасности в сфере высшего образования оказывают низкие уровень социальной защищенности профессорско-преподавательского состава и качество высшего образования (ст. 67). Для противодействия угрозам в сфере высшего образования государство во взаимодействии с институтами гражданского общества обеспечивает эффективность государственно-правового регулирования в области интеграции науки, образования и высокотехнологичной промышленности (ст. 69).

Исходя из ст. 70 Стратегии, решение задач национальной безопасности в сфере высшего образования в среднесрочной и долгосрочной перспективе будет достигаться путем:

- создания сети федеральных университетов, национальных исследовательских университетов, обеспечивающих в рамках кооперационных связей подготовку специалистов для работы в сфере образования;
- создания учебных заведений, ориентированных на подготовку кадров для нужд регионального развития, органов и сил обеспечения национальной безопасности.

В целях реализации поставленных задач основным приоритетом России в аспекте повышения качества системы образования является всемерное укрепление механизмов взаимодействия с европейским сообществом.

Большую роль в аспекте модернизации высшего образования в Российской Федерации, по мнению законодателя, призван сыграть новый закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ [20]. Однако необходимо отметить, что данный закон

не учитывает национальных культурных традиций и социально-экономических особенностей современного российского государства.

Так, например, в ст. 105, п. 3, п/п 3 данного Федерального закона одной из новелл является тенденция перенесения центра тяжести фундаментальных исследований в сферу образования в соответствии с западной моделью организации науки и осуществление инновационной деятельности. Несомненно, развитие научных исследований в вузах имеет важное позитивное значение, так как приобщает студентов к исследовательской деятельности. Приобретение ими навыков работы на современном оборудовании способствует формированию высококвалифицированных специалистов, в том числе и для научной сферы. Однако, по мнению авторитетных исследователей, в ближайшем будущем сектор высшего образования не сможет составить конкуренцию академической науке, так как значительно уступает по квалификационному составу, опыту и навыкам исследовательской работы персонала, а также по технической оснащенности [21].

Как справедливо отметил член Общественного Совета Минобрнауки РФ С. Рукшин: «слепой перенос европейского опыта на российскую почву создает угрозу национальной безопасности страны ... Нам надо задуматься о наших национальных приоритетах. Мы не США, мы не Европа, мы не можем «купить» специалистов. И тем более мы не должны повышать мобильность наших выпускников» [22]. По мнению С. Рукшина, Россия выгодна очень многим государствам мира лишь в качестве сырьевого придатка, а если наша страна хочет сохранить самостоятельность, то она должна иметь хорошую систему образования, которая будет сопровождаться социализацией и воспитанием патриотизма. В целом с утверждением общественного работника можно полностью согласиться.

Вполне очевидно, что реформа отечественного образования должна учитывать культурные и педагогические национальные традиции и приоритеты, вследствие того, что образование в России имеет глубокие исторические корни, прошло долгий путь формирования с учетом ментальности российского сообщества. Поэтому уникальность и неповторимость, высокая социальная значимость сферы образования не должны превращать ее в площадку для непродуманных экспериментов.

Необходимо особо выделить, что система образования в России, в том числе и высшего, формировалась по инициативе государства в соответствии с его политическими и социально-экономическими целями и задачами. К сожалению, современные попытки перевода системы образования в частную не учитывают того, что она развивалась благодаря государственной поддержке: она исторически, генетически запрограммирована на это. Конечно, генотип можно поменять, но для этого необходимо время (возможно, длительное). Быстрый переход от бюджетного финансирования к оплате обучения учащимися (т.е. их родителями) приведет эту систему к краху. Разумеется, что развитие негосударственного образования имеет право на существование и заслу-

живает поддержку со стороны государства. Наличие этих подсистем открывает дополнительные возможности для развития образования в стране. Частное решает ряд важных социальных проблем и конкретно создает условия для материальной поддержки профессорско-преподавательского состава вузов. Совмещение позволяет сохранить интеллектуальный потенциал высшей школы и даже накапливать его [23].

Можно полностью согласиться с исследователем С.В. Камашевым, утверждающим, что включение в Болонский процесс поможет России решить в сфере образования лишь некоторые тактические задачи, но при этом ни одной важной стратегической, долгосрочной задачи решено не будет. Став аналогичным с европейским, российское высшее образование не станет лучше, а может даже многое потерять, если будет бездумно, послушно следовать за Европой. По мнению ученого, Болонский процесс можно использовать лишь как источник повышения эффективности функционирования российской системы образования, строго учитывая традиции отечественной научной школы [24].

17 апреля 2013 г. Председатель Правительства РФ Д.А. Медведев выступил в Государственной Думе с отчетом Правительства РФ о результатах деятельности за 2012 г. Большое внимание в отчете Председателя Правительства было уделено вопросам развития сферы высшего образования. Так, в частности, он отметил, что одной из ключевых задач является создание эффективных связей вузов с промышленностью и работодателями, подготовка востребованных на рынке труда специалистов. Для реализации этих вопросов разрабатывается принципиально новая система профессиональных стандартов при активном участии работодателей. Планируется, что к 2015 г. появятся 800 стандартов, которые охватят все виды деятельности и будут увязаны с новыми образовательными стандартами.

Говоря о международной конкурентоспособности российских университетов, Председатель Правительства РФ отметил, что, несмотря на негативное отношение к существующим сегодня мировым рейтингам, необходимо стремиться сделать так, чтобы Россию воспринимали в качестве интегральной составляющей международной системы образования, только в этом случае к нам поедут учиться. Планируется также продолжить работу по совершенствованию системы аттестации научных и научно-педагогических кадров [25].

По нашему мнению, решению многих спорных вопросов и принятию эффективных управленческих решений, направленных на прогрессивное формирование и развитие системы высшего образования в Российской Федерации, будет способствовать открытый режим обсуждения с привлечением широкого круга компетентных экспертов. Только в этом случае мы сможем сохранить лучшие национальные, культурные и педагогические традиции российского образования.

Сегодня, по нашему мнению, в Российской Федерации в сфере высшего образования настоятельно требуется:

– принятие новой концепции высшего образова-

ния, базирующейся на реалиях современной жизни, бережном сохранении национальных образовательных и культурных традиций и умелой адаптации передового зарубежного опыта высокоразвитых стран к российским условиям;

- разработка базового законодательства в образовательной сфере, учитывающего перспективы социально-экономического развития страны. Необходим анализ того, какие сферы будут наиболее приоритетными в среднесрочной перспективе, чтобы обеспечить эти сферы необходимыми квалифицированными кадрами;

- разработка критериев и моделей отбора для выдвижения на должности руководящего состава в органы управления высшим образованием;

- периодическая оценка и мониторинг качества реализуемых программ высшего образования, их соответствие государственным образовательным стандартам;

- оптимизация норм финансового и материально-технического обеспечения вузов со стороны государства и местных органов власти;

- повышение социального статуса преподавательского корпуса путем повышения его жизненных условий.

В заключение можно отметить, что модернизация высшего образования в качестве прочной основы реализации национальных интересов современной Российской Федерации предполагает решение трех важных задач:

- приведения государственной образовательной политики в соответствии с приоритетами ее национальных интересов и обеспечения национальной безопасности;

- осуществления эффективной модернизации российского высшего образования, повышения его привлекательности и конкурентоспособности на мировом

рынке образовательных услуг;

- проведения результативной государственной образовательной политики России, позволяющей обеспечить формирование высшей школы, способной стать действенным фактором в социально-экономическом развитии российского государства [26].

В целях обеспечения национальных интересов в условиях глобального информационно-психологического противоборства Российская Федерация нуждается в разработке и реализации ряда важных гуманитарных проектов, ориентированных на «мягкое» отражение информационно-психологической агрессии и воспитание у населения, прежде всего у молодежи, способности противостоять гуманитарным вмешательствам – интервенциям – всех типов, направленным на организацию вредоносной для жизни зависимости, в том числе идеологической, культурно-исторической, политической и языковой, умения правильно организовывать собственное свободное время, планировать и достигать высокого качества использования свободного времени.

Интеграция российского образования в мировые образовательные системы и новая функционально-политическая роль образования в современном мироустройстве создают ситуацию, когда само образование становится фокусом информационно-психологической агрессии. Одним из приоритетных направлений деятельности государства по обеспечению национальной безопасности Российской Федерации является защита национальной системы образования как глобальной технологии воспроизводства традиционного сознания, которая наряду с тем, что она решает свои собственные задачи, призвана обеспечивать должный уровень устойчивости населения страны к информационно-психологическому воздействию.

Библиографический список

1. Путин В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // <http://putin2012.ru/#article-1>
2. Государственная программа Российской Федерации «Развитие образования» на 2013-2020 годы (Утверждена Распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 ноября 2012 г. № 2148-п) // <http://правительство.рф/docs/21601/>
3. Самохвалова М.С. Факторы и механизмы модернизации высшего образования в России: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Москва, 2006. С. 3.
4. Сазонов Б.А. Система зачетных единиц: особенности организации и календарного планирования учебного процесса. Материалы к седьмому заседанию методологического семинара 17 мая 2005 г. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2005 г. С. 3.
5. Ярошенко Г.В. Государственная образовательная политика и национальная безопасность России: федеральный и региональный аспекты: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Г.В. Ярошенко. Ростов н/Д, 2004. С. 12.
6. Бобыло А.М. Современная реформа российской высшей школы в контексте стратегии укрепления национальной безопасности Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Владивосток, 2011. С. 21.
7. Грицюк М. Молодежь остается без работы // Российская газета. № 6051 от 8 апреля 2013 г.
8. Плаксий С.И. Парадоксы высшего образования. М.: Национальный институт бизнеса, 2005. С. 321.
9. Nieburg R. His Religious, Social and Political Thoughts / Ed. by Ch.W. Kegley and R.W. Breall. N.Y., 1956.
10. Старостенко К.В., Чекулаев А.А. Специфика формирования и реализации национальных интересов России в начале XXI века: монография. Орел: ФГОУ ВПО «Госуниверситет – УНПК», 2011. С. 28.
11. Чекулаев А.А. Национальные интересы России в условиях становления новой системы международных отношений: проблемы и приоритеты реализации: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.04. Москва, 2011. С. 15.
12. Онокой Л.С. Россия на пути интеграции в общеевропейскую систему образования // Социология образования. 2004. № 2. С. 80.
13. Цит. по: Нейматов Я.М. Образование в XXI веке: тенденции и прогнозы. М: Алгоритм, 2002. С. 126.
14. Ван дер Венде М.К. Болонская декларация: расширение доступности и повышение конкурентоспособности высшего образования в Европе // Высшее образование в Европе. 2000. № 3. Т. XXV.

15. Онокой Л.С. Россия на пути интеграции в общеевропейскую систему образования // Социология образования. 2004. № 2. С. 80.
16. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537) // Российская газета, 2009, 19 мая.
17. Цит. по: Нестеров В.В. Образование и национальная безопасность // Армия и общество 2009 № 2 URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-i-natsionalnaya-bezopasnost>
18. Смолин О.Н. Образование и наука как фактор модернизации России в XXI веке: что делать и с чего начать? // Образование и общество. № 6 (71). Ноябрь–декабрь 2011. С. 4-5.
19. Субетто А.И. Сочинения. Ноосферизм: В 13 томах. Том шестой. Образование – высший императив ноосферного или устойчивого развития России в XXI веке. Книга 1. Под ред. Л.А. Зеленова С.-Петербург – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. С. 167.
20. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ // <http://минобрнауки.рф/документы/2974>
21. Миндели Л.Э. Обеспечение национальной безопасности в сфере науки, технологий и образования // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2012. № 1 // http://www.issras.ru/papers/etap01_2012_Mindeli.php
22. Эксперт: Новый закон «Об образовании» станет угрозой для национальной безопасности России // <http://www.regnum.ru/news/1605902.html>
23. Аветисян П.С. Образование в контексте национальной безопасности Российской Федерации и Республики Армения // Вестник Российско-Армянского университета (серия: гуманитарные и общественные науки). Ереван. 2008. №1 (6). С. 104.
24. Камашев С.В. Безопасность образования России в условиях интеграции в европейское образовательное пространство // Философия образования. 2011. № 3 (36). С. 93.
25. Отчёт Правительства Российской Федерации о результатах деятельности за 2012 год // <http://минобрнауки.рф/новости/3306>
26. Бобыло А.М. Современная реформа российской высшей школы в контексте стратегии укрепления национальной безопасности Российской Федерации: автореф. дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Владивосток, 2011. С. 14.

References

1. Putin V. V. Rossiya concentrates – calls which we have to answer//<http://putin2012.ru/#article-1>
2. State program of the Russian Federation “Development of education” for 2013-2020 (It is approved as the Order of the Government of the Russian Federation of November 22, 2012 No. 2148-r)//<http://pravitelstvo.rf/docs/21601/>
3. Samokhvalova M. S. Factors and mechanisms of modernization of the higher education in Russia: yew. ... edging. scienc. 22.00.04 M.C. of Samokhvalov. - Moscow, 2006. – Page 3.
4. Sazonov B. A. System of test units: features of the organization and scheduling of educational process. - Materials to the seventh meeting of a methodological seminar on May 17, 2005 / B.A.Sazonov. - M: The research center of problems of quality of training of specialists, 2005 – Page 3.
5. Yaroshenko G. V. State educational policy and national security of Russia: federal and regional aspects: yew. ... edging. it is watered. sciences: 23.00.02 G.V. of Yaroshenko. - Rostov N / Д, 2004. – Page 12.
6. Bobylo A.M. Modern reform of the Russian higher school in a context of strategy of strengthening of national security of the Russian Federation: автореф. yew. ... edging. it is watered. sciences: 23.00.02 / A.M.Bobylo. - Vladivostok, 2011. – Page 21.
7. Gritsyuk M. The youth remains without work//the Russian newspaper. No. 6051 of April 8, 2013.
8. Plaksy S.I. Paradoxes of the higher education / Page. I. Plaksy. – M: National institute of business, 2005. – С. 321.
9. Nieburg R. His Religious, Social and Political Thoughts/Ed. by Ch.W. Kegley and R.W. Breall. N.Y. 1956.
10. Starostenko K.V., Chekulayev A.A. Specifics of formation and realization of national interests of Russia at the beginning of the XXI century: monograph / K.V. Starostenko, A.A.Chekulayev. – Eagle: FGOU VPO «State University — UNPK», 2011. – Page 28.
11. Chekulayev A.A. National interests of Russia in the conditions of formation of new system of the international relations: problems and realization priorities: автореф. yew. ... edging. it is watered. sciences: 23.00.04 / A.A.Chekulayev. – Moscow, 2011. – Page 15.
12. Onoka L.S. Rossiya on a way of integration to the all-European education system//Sociology of education/H.p. by Onoka. - 2004. - No. 2. - Page 80.
13. Цит. on: Neymatov YA.M. Education in the XXI century: tendencies and forecasts. - M: Algorithm, 2002. - Page 126.
14. Van rubbed to Venda M. K. Bologna declaration: expansion of availability and increase of competitiveness of the higher education in Europe//the Higher education in Europe. - 2000. - No. 3. - T. XXV.
15. Onoka L.S. Rossiya on a way of integration to the all-European education system//Sociology of education/H.p. by Onoka. - 2004. - No. 2. - Page 80.
16. Strategy of national security of the Russian Federation till 2020 (it is approved as the Decree of the President of the Russian Federation of May 12, 2009 No. 537)//the Russian newspaper, 2009, on May 19.
17. Цит. on: Nesterov V. V. Education and national security//Army and society 2009 No. 2 URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-i-natsionalnaya-bezopasnost>
18. Smolin O. N. Science and education as a factor of modernization of Russia in the XXI century: what to do and with what to begin? // Education and society. - No. 6 (71). November-December 2011. – Page 4-5.
19. Subetto A.I. Compositions. Noosferizm: In 13 volumes. Volume sixth. Education – the highest imperative of a noosphere or sustainable development of Russia in the XXI century. Book 1. / Under the editorship of L.A.Zelenova – St.-Petersburg – Kostroma: KGU of N.A.Nekrasov, 2008. – Page 167.
20. The federal law “About education in the Russian Federation” of December 29, 2012 No. 273-FZ//<http://minobrnauki.rf/dokumenty/2974>
21. Mindeli L.E. Ensuring national security in the sphere of science, technologies and educations//the STAGE: economic theory, analysis, practice. 2012. No. 1//http://www.issras.ru/papers/etap01_2012_Mindeli.php

22. Expert: The new law "About Education" becomes threat for national security of Russia//<http://www.regnum.ru/news/1605902.html>
23. Avetisyan P. S. Education in a context of national security of the Russian Federation and the Republic of Armenia//the Messenger of the Russian-Armenian university (a series: humanitarian and social sciences). Yerevan. - 2008. - No. 1 (6). - Page 104.
24. Kamashev S. V. Safety of formation of Russia in the conditions of integration into the European educational space//education Philosophy. 2011. No. 3 (36). Page 93.
25. The report of the Government of the Russian Federation on results of activity for 2012//<http://minobrnauki.rf/novosti/3306>
26. Bobylo A.M. Modern reform of the Russian higher school in a context of strategy of strengthening of national security of the Russian Federation: автореф. уеу. ... edging. it is watered. sciences: 23.00.02 / A.M.Bobylo. - Vladivostok, 2011. – Page 14.

УДК 37.013.46

UDC 37.013.46

О.И. ТОНКОДУБОВА

магистр психологических наук, зав. кафедрой психологии Волгоградского государственного университета
E-mail: AnAn69@yandex.ru

O.I. TONKODUBOVA

master of Psychological Science, the Head of the Department of Psychology, Volgograd state university
E-mail: AnAn69@yandex.ru

УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ОБРАЗОВАНИЯ

METHODICAL COMPLEX AS A FACTOR IN IMPROVING THE QUALITY OF EDUCATION

Проблема качества образования является одной из центральных в современной образовательной политике и науке. Поиск решения данной проблемы приводит к необходимости показать роль УМК в повышении качества образования. Имеющиеся модели УМК не способствуют комплексному усвоению всех элементов содержания образования. Необходим УМК, который благодаря оптимальному строению и наличию выделенных нами свойств оказывал бы эффективное влияние на качество образования.

Ключевые слова: качество образования, свойства и структура УМК.

The problem of quality education is one of the central issues in contemporary educational policy and research. Finding the solution of this problem makes it necessary to show the role of teaching materials to improve the quality of education. The existing models of CMD is not conducive to the absorption of all elements of the integrated curriculum. CMO needs to through the optimal structure and the presence of our properties are allocated to effectively influence the quality of education.

Keywords: quality of education, the properties and structure of the methodical complex.

В числе ведущих характеристик современного российского образования, от которых зависит его развитие, является его качество, потому что оно связано с решением целого ряда задач, направленных на подготовку человека к жизни в быстро меняющемся мире, развитие личности с высокими морально-нравственными устремлениями и мотивами к высокопрофессиональному и созидательному труду.

Качество – существенная определенность явления, факта и т.д., благодаря которой он является именно этим, а не другим; свойства, специфика и состояние чего-либо; первоначальное и подлинное единство или многообразие реальности, без расчленения: горький, соленый, глубокий. Различают качества объективные (существующие сами по себе) и субъективные (зависящие от восприятия) [7, с.207]. Категория качества имеет отношение к внешним показателям, но проявляется через них только в силу того, что определяет их изну-

три, т.е. по преимуществу является характеристикой содержания.

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой качество рассматривается как «совокупность существенных признаков, свойств, особенностей, отличающих предмет или явление от других и придающих ему определенность; то или иное свойство, признак, определяющий достоинство чего-нибудь» [8, с.398].

В социальной сфере понятие «качество» рассматривается как качество результата и как качество процесса и условий, в которых он осуществляется: качество подготовки кадров, качество технологий, качество финансовых и материальных условий, качество концептуального курса управления и др. [22].

Анализ различных толкований определения категории «качество» [1,12,17,23] позволяет выявить ее характерные свойства, которые необходимо учитывать

при управлении качеством образовательного процесса.

1. Качество обладает свойством относительности, так как понимание категории «качество» во многом зависит от аспекта ее рассмотрения.

2. Качество обладает свойством целостности, так как выражает внутреннюю определенность предмета, характеризующую его в целом.

3. Качество обладает свойством измеряемости, так как взаимосвязь качества с категориями «количество» и «мера» определяет возможность его оценки.

4. Качество обладает свойством изменчивости, так как под влиянием определенных условий может улучшаться или ухудшаться.

5. Качество обладает свойством аксиологичности, так как качество создаваемых человеком объектов или процессов обуславливает их ценность, пригодность для определенных назначений, целей, условий или требований, выдвигаемых потребителем.

6. Качество обладает свойством внешне-внутренней обусловленности, так как проявляется в возможности удовлетворять определенным потребностям, выражающейся в единстве внешних (потенциальных) и внутренних (реальных) свойств.

7. Качество обладает свойством динамичности, так как качество процесса отражается на качестве результата.

8. Качество обладает свойством управляемости, так как изменения могут носить целенаправленный характер.

Анализ подходов к определению понятия «качество образования» (С.Е. Шишов, Е.В. Бондаревская, А.И. Субетто, Е.И. Сахарчук), позволяет утверждать, во-первых, что при всем многообразии в них содержится нечто общее – все они в некоторой степени связаны с пониманием качества образования как результата и как процесса образования, где основным параметром выступает способность удовлетворять запросы различных заинтересованных сторон, и во-вторых, проблема качества образования является одной из центральных в современной образовательной политике и науке. Поиск решения данной проблемы приводит к необходимости показать роль УМК в повышении качества профессионального образования.

Л. Сохащик и Т. Фридман видят в УМК «создателя» необходимых условий, в которых обучающий и обучающиеся могли бы свободно развиваться и дает следующее определение УМК – это комплекс средств обучения позволяющий преподавателю в рамках своего учебного курса комфортно, квалифицированно вести занятия [15]. И.П. Хорошева определяет достоинства использования УМК в учебном процессе следующим образом:

- практическая направленность;
- комплексное обеспечение учебного процесса;
- экономия времени учителя;
- создание условий для применения новых педагогических технологий [21].

По мнению Б.В. Пальчевского, УМК – это набор структурных элементов, которые отличаются от стан-

дартных учебных пособий углубленным содержанием дидактических и методических компонентов, способствующих активизации учебно-познавательной деятельности [9].

Значительный вклад в развитие теории УМК в условиях XXI века вносят исследования проблем проектирования УМК с использованием новых образовательных технологий [18], подготовки преподавателей к созданию и использованию мультимедиа УМК [19], УМК профильного курса как средства реализации непрерывного образования в системе «Школа-вуз» [11], создания междисциплинарного сетевого учебно-методического комплекса как средства повышения эффективности обучения в вузе [4] и др. Г.Н. Паневина определяет УМК нового поколения как целостную многоуровневую систему (инвариантное ядро и вариативные оболочки вспомогательных и дополнительных ресурсов) учебно-методического обеспечения образовательного процесса, которая основана на инновационных формах учебных занятий, методах и средствах обучения учащихся работе с разными видами информации в условиях информационно-образовательной среды региона и тем самым способствует достижению личностных, метапредметных и предметных результатов общего образования [10].

Для того чтобы УМК стал важным средством методического обеспечения учебного процесса в единстве целей, содержания, дидактических процессов и организационных форм, необходимо выявить систему идей, которые послужат ориентирами в определении его структуры и содержания. Данные идеи можно почерпнуть из различных подходов к образованию в современной отечественной педагогике.

Рассмотрев наиболее актуальные и разработанные подходы к образованию (знаниевый, деятельностный, компетентностный, личностно ориентированный и культурологический) и сопоставив их в педагогическом плане с рядом позиций, характеризующих качество образования (степень соответствия образовательной системы установленным требованиям к качеству предоставляемых учебным заведением образовательных услуг, результативность образовательного процесса, отвечающая запросам социальных заказчиков не только в плане усвоения учащимися определенного объема знаний, но и развития его личностных качеств, познавательных и творческих способностей и др.), мы выделили заложенные в них стратегические идеи.

К ним можно отнести следующие:

- обучающие процедуры должны позволять надежно воспроизводить и применять материал в разнообразных ситуациях деятельности, осваивать знаниевый компонент содержания образования;
- возможность выбора действий, творческого использования приобретенных знаний в меняющихся условиях профессиональной деятельности, практикоориентированности образования;
- усиление практического аспекта подготовки специалистов за счет открытости и свободы выбора действий;

- построения индивидуализированного для каждого в отдельности обучения с составлением собственного образовательного маршрута;
- интеграция знаний по дисциплинам.

Рассмотрев имеющиеся модели УМК [2,5,14,20] через призму выделенных нами стратегических идей, отметим, что они в той или иной мере способствуют овладению знаниями, умениями и навыками, получению опыта творческой деятельности и эмоционального отношения к миру, профессионально значимых свойств личности, но ни одна из них не способствует комплексному усвоению всех элементов содержания образования.

Таким образом, необходимо смоделировать такой УМК, который благодаря оптимальному строению оказывал бы максимально эффективное влияние на качество образования и обладал бы следующими свойствами: интерактивность в процессе обучения; модульность построения; индивидуализация (адаптивность) в зависимости от стартового уровня знаний обучающегося; единое методологическое, методическое и дидактическое пространство; максимальный учет психофизических особенностей данного возраста и личностных особенностей каждого ученика; практикоориентированность материала; учет этапности и закономерности освоения образовательных инноваций; направленность на развитие.

Мы предлагаем структурировать УМК по четырем комплектам: учебный, учебно-практический, учебно-методический и контрольный. Каждый из них включает в себя комплект блочного распределения материала.

Каждый из сегментов УМК может иметь инвариантный и вариативные разделы. Инвариантный раздел обязателен для использования в обучении и отражает минимальное содержание стандарта по предмету, обеспечивая формирование требований к студенту.

Вариативные разделы делятся на обязательный по выбору преподавателя/студента (некоторый обязатель-

ный набор задач, заданий, лабораторных или практических работ, демонстраций). Второй раздел представляет спектр разнообразных материалов, дополняющих/расширяющих возможности преподавателя/студента в обучении предмету с помощью всех имеющихся на сегодня средств обучения.

Основу учебного комплекта составляет учебник базового и расширенного уровней. Учебно-практический включает в себя учебное пособие, практикум (минимальный, базовый и расширенный уровни), тренинги, тесты по курсу, рабочую тетрадь (минимальный, базовый и расширенный уровни). Учебно-методический комплект состоит из методического пособия для преподавателя и терминологического справочника по предмету. Контрольный – учебник базового и расширенного уровней, учебное пособие, практикум (минимальный, базовый и расширенный уровни), тренинги, тесты по курсу, рабочую тетрадь (минимальный, базовый и расширенный уровни).

Вариативная составляющая учебного и учебно-практического комплектов представлена дидактическим материалом, разноуровневыми задачами, сборником заданий и упражнений, видеоматериалов, комплектами плакатов и раздаточных материалов. Контрольный комплект вариативно включает тематику контрольных работ, комплект разноуровневых задач и вопросов для самоконтроля, перечень литературы. Учебно-методический – средства интенсификации учебного процесса (плакаты, шаблоны), систему средств демонстрации информации, алгоритмы проведения занятий различного типа.

В дальнейшем нами планируется провести апробацию модели УМК в реальной педагогической практике и разработать рекомендации для руководителей образовательных учреждений и педагогов по ее использованию в ходе учебного процесса и принятия управленческих решений.

Библиографический список

1. *Аветисов А.А.* О системологическом подходе в теории оценки и управления качеством образования. Квалиметрия человека и образования: методология и практика. Национальная система оценки качества образования в России. Пятый симпозиум. М., 1996. 198с.
2. *Алтайцев А.М., Наумов В.В.* Учебно-методический комплекс как модель организации учебных материалов и средств дистанционного обучения. В кн.: Университетское образование: от эффективного преподавания к эффективному учению (Минск, 1-3 марта 2001 г.) / Белорусский государственный университет. Центр проблем развития образования. Мн.: Пропплеи, 2002. 288 с.
3. *Бондаревская Е.В.* Онтология и методология воспитания в вузе. Проблемы управления качеством образования в гуманитарном вузе: Материалы XVI Международной научно-методической конференции, 28 октября 2011 г. СПб: СПбГУП, 2011. С.10-15.
4. *Вишнякова Е.Г.* Междисциплинарный сетевой учебно-методический комплекс как средство повышения эффективности обучения в вузе: Дис. ... канд. пед. наук. -Волгоград, 2007. 162 с.
5. *Колмагоров Л.С.* Опыт создания электронных УМК по психологии для студентов. // Организационно-управленческие инновации в системе педагогического образования. Барнаул, 1999. С.36-38.
6. *Коломиец Б.К.* Категория «качество образования». Восьмой симпозиум: квалиметрия человека и образования. М., 1999. С. 170-174
7. Краткая философская энциклопедия. М., Издательская группа «Энциклопедия», 1994. 576с.
8. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
9. *Пальчевский Б.В.* Учебно-методический комплекс средств обучения // Советская педагогика. 1991. №6. С. 26-32.
10. *Паневина Г.Н.* Принципы разработки регионального учебно-методического комплекса в условиях открытой

информационно-образовательной среды: Дис. ... канд. пед. наук. Хабаровск, 2011. 172 с.

11. *Плисецкий Е.Л.* Учебно-методический комплекс по коммерческой географии как средство реализации непрерывного географического образования в системе «школа-вуз»: Дис. ... д-ра пед. наук. СПб., 2005. 340 с.

12. *Прудковский Б., Качалов В.* По поводу оценки качества. Высшее образование в России. 1999. №2. С.54-58.

13. *Сахарчук Е.И.* Организационный механизм управления качеством подготовки специалистов в педвузе. // Университетское управление: практика и анализ. 2004. № 3(31). С. 63-67.

14. *Солянкина Л.Е.* Учебно-методический комплекс как средство профессионального саморазвития студента: Дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 1999. 217 с.

15. *Сохачи Л., Фридман Т.* Контейнер с сюрпризами // Мир образования. 1996. № 3. С. 64-65.

16. *Субетто А. И.* Введение в квалиметрию высшей школы: в 4 кн. М.: Исслед. центр пробл. качества подготовки специалистов, 1991. 169 с.

17. *Тихомиров В., Рубин Ю., Самойлов В., Шевченко К.* Качество обучения в виртуальной среде. // Высшее образование в России. 1999. №6. С.21-25.

18. *Трайнев В.А., Теплышев В.Ю., Трайнев И.В.* Новые информационно-коммуникационные технологии в образовании. - М.: Дашков и К, 2009. 156 с.

19. *Тумалев А.В.* Подготовка преподавателя к созданию и использованию мультимедиа учебно-методического комплекса в образовательном процессе: Дис. ... канд. пед. наук. СПб, 2003. 200 с.

20. *Хижнякова Л.С.* Проблемы конструирования содержания учебно-методического комплекта по физике. // Организационно-управленческие инновации в системе педагогического образования. Барнаул, 1999. С.40-43.

21. *Хорошева И.П.* Практическое освоение информационных технологий обязательная составляющая современного образования // Общество Знание России. М., 1998. 68 с.

22. *Чандра М.Ю.* Эффективное управление качеством образовательного процесса как педагогическая категория // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. № 10 (29): в 2-х ч. Ч. I. С. 131-133.

23. *Шишов С.Е., Кальней В.А.* Школа: мониторинг качества образования // Педагогическое общество России. М., 2000. С.15.

References

1. *Avetisov A.A.* About systemological approach to the assessment and management of the quality of education / A.A.Avetisov // Qualimetry rights and education: methodology and practice. National system for estimating the quality of education in Russia. Fifth Symposium. - M., 1996. - 198 p.

2. *Altaytsev A.M.* Vladimir Naumov Training complex as a model for the organization of training materials and distance learning tools. In the book.: University education: from effective teaching to effective teaching (Minsk, March 1-3, 2001) / Belarusian State University. Center for Development of Education. -Mn.: Propylaea, 2002. – 288 p.

3. *Bondarevskaya E.V.* Ontology and methodology of education in high school. - Problems of quality management education in the liberal arts college: Proceedings of the XVI International Scientific Conference, October 28, 2011 St. Petersburg: SPbGUP 2011., pp.10-15.

4. *Vishnyakova E.G.* Interdisciplinary network training complex as a means of increasing the efficiency of learning in high school: Dis. ... cand. ped. sciences. -Volograd, 2007. – 162 p.

5. *Kolmagorov L.S.* Experience of Electronic EMC in psychology for students // Organizational and managerial innovations in teacher education. , Barnaul, 1999. , pp.36-38.

6. *Kolomiets B.K.* Category of «quality of education». Eighth Symposium qualimetry rights and education. - M., 1999. - pp. 170-174.

7. *Kratkaya Encyclopedia of Philosophy.* - M. Publishing Group «Encyclopedia», 1994. – 576 p.

8. *Ozhegov S.I., Shvedova N. Y.* Russian explanatory dictionary: 80,000 words and phraseological expressions / Russian Academy of Sciences. Russian Language Institute. VV Vinogradov. - 4th ed. Supplemented. - M.: Azbukovnik, 1999. - 944 p.

9. *Palchevsky B.V.* Methodical complex learning tools // Soviet pedagogika.-1991. - № 6. - p p. 26-32.

10. *Panevina G.N.* Principles for the development of regional educational complex in an open educational environment: Dis. ... PhD. ped. Sciences. -Khabarovsk, 2011.-172 p.

11. *Plisetsky E.L.* Teaching Materials for commercial geography as a means of realizing continuous geographic education in the «school-university»: Dis. Dr. ped. sciences. - SPb., 2005.- 340 p.

12. *Prudkovsky B., Katchalov V.* Regarding quality assessment/ B.Prudkovsky, V.Kachalov // Higher Education in Russia. - 1999. - № 2. - pp.54-58.

13. *Saharchuk E.I.* Organizational mechanism of quality management training in Technicalities / EI Sakharchuk // University Management: Practice and Analysis. - 2004. - № 3 (31). - pp. 63-67.

14. *Solyankina L. E.* Training complex as a means of professional self-development of the student: Dis. kand. ped. sciences. - Volgograd, 1999.- 217p.

15. *Sohaschik L., Friedman T.* Container with surprises // World of Education. - 1996. - № 3. - pp. 64-65.

16. *Subetto A.I.* Qualimetry Introduction to Graduate School : 4 Vol. M. : Explore . Centre probl . quality of training , 1991 . – 169 p .

17. *Tihomirov B., Rubin J., Samoilov V. Shevchenko K.* The quality of education in a virtual environment / Tikhomirov , J. Rubin , V. Samoilov, K. Shevchenko // Higher Education in Russia. - 1999. - № 6. - pp .21 -25 .

18. *Traynev V.A., Teplyshev V.Y, Traynev I.V.* The Informational new communication technologies in education . - M.: Dashkov i K , 2009 . – 156 p.

19. *Tumalev A.B.* Preparation of teachers for the creation and use of multimedia teaching materials in the educational process : Dis cand. ped. sciences . - St. Petersburg , 2003 . 200 p.

20. *Hizhnyakova L.S.* Problems of designing the content of teaching kit on physics // Organizational and managerial innovations in

teacher education. , Barnaul, 1999. pp. 40-43.

21. *Horosheva I.P.* Mastering Information Technology mandatory component of modern education // Knowledge Society Russia. М., 1998 68p.

22. *Chandra M.* Effective quality management of educational process as a pedagogical category // Almanac of modern science and obrazovaniya.-Tambov: Diploma, 2009. Number 10 (29): in 2 parts Part I. pp. 131-133.

23. *Shishov S.E., Kal'nei V.A.* School: education quality monitoring // Pedagogical Society of Russia, Moscow, 2000, p.15.

УДК 376.23

И.М. ТУРЕВСКИЙ

доктор педагогических наук, профессор кафедры теории и методики физического воспитания и спорта Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
E-mail: turima@gmail.com

Н.А. БАБУШКИНА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры специальной психологии Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого
E-mail: babushkina_n@list.ru

UDC 376.23

I.M. TUREVSKY

doctor of pedagogical sciences, professor Department of Theory and Methods Physical Education and sport, Tula State pedagogical university named after L.N.Tolstoy
E-mail: turima@gmail.com

N.A. BABUSHKINA

candidate of pedagogical sciences, associate professor Department of Special psychologists, Tula State pedagogical university named after L.N.Tolstoy
E-mail: babushkina_n@list.ru

ЗАВИСИМОСТЬ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ ДЕТЕЙ СО СПЕЦИАЛЬНЫМИ НУЖДАМИ ОТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРОЕКТИРОВАНИЯ В УПРАВЛЕНИИ КОРРЕКЦИОННЫМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ УЧРЕЖДЕНИЕМ

DEPENDENCE OF THE EFFICIENCY HEALTH SAVING CHILDREN WITH SPECIAL NEEDS OF THE USE OF DESIGN IN THE MANAGEMENT OF CORRECTIONAL EDUCATIONAL INSTITUTIONS

В статье рассмотрена опытно-экспериментальная работа по внедрению проекта «Здоровьесберегающая среда коррекционного образовательного учреждения» и перевод управления коррекционным образовательным учреждением на новый, более высокий уровень. Использование проектирования в управлении коррекционным образовательным учреждением позволяет повысить эффективность здоровьесбережения детей со специальными нуждами. Проект обеспечивает приоритет здоровья учащихся и позволяет функционировать и развиваться как субъекту, так и объекту коррекционного образовательного учреждения.

Ключевые слова: проектирование как функция управления, здоровьесберегающая среда коррекционного образовательного учреждения.

The article describes experimental work on implementation of the project «School health education environment correctional institutions» and the transfer of control correctional educational institution to a new, higher level. The use of design in the management of correctional educational institution can improve the effectiveness of health saving children with special needs. The project gives priority to the health of students and allows to function and develop as a subject and object of correctional educational institution.

Keywords: design as a function of management, health saving environment correctional educational institution.

Решаемые специальным образованием задачи требуют качественно нового подхода к управлению коррекционным образовательным учреждением (КОУ) при создании здоровьесберегающей среды (ЗСС) обучения и воспитания. Координация деятельности всех его служб обуславливает необходимость появления в процессе управления КОУ функции проектирования наряду с диагностикой, анализом, целеполаганием, планированием,

организацией и контролем. Проектирование, как функция управления, обеспечивает перевод внутришкольного управления на новую парадигму, в основе которой лежит «мотивационно-системный подход к личностно-ориентированной цели по его осуществлению» [1,2].

Постоянно усложняющиеся требования к учебно-воспитательному процессу с позиций здоровьесбережения, отсутствие научно-методического обеспечения

этого процесса, а также его качеству и результату не позволяют выполнять их при существующем уровне управления школой. Использование проектирования в управлении коррекционным образовательным учреждением позволяет повысить эффективность здоровьесбережения детей со специальными нуждами [4].

Опытно-экспериментальная работа по проектированию ЗСС КОУ основана на уточненном понятии «здоровьесберегающая среда коррекционного образовательного учреждения», которая представляет собой сложноорганизованную систему, состоящую из совокупности санитарно-гигиенических, организационно-педагогических, психолого-педагогических, а также относящихся только к коррекционным учреждениям социально-реабилитационных и коррекционных условий, обеспечивающих приоритет здоровья учащихся и позволяющих функционировать и развиваться как субъекту, так и объекту КОУ.

Для проведения экспериментальной работы были выбраны два первых, два пятых и два девярых класса («А» классы – контрольные, «Б» – экспериментальные).

Началом опытно-экспериментальной работы стало констатирующее исследование, проведенное в течение года, целью которого явилась диагностика состояния физического, психического и социального здоровья учащихся; уровень их обученности; адаптация и интеграция в общество; материально-техническое обеспечение.

Результаты наблюдения, тестирования, анкетирования, самооценки, анализ деятельности методических объединений, педагогов, дефектологов, психологов, социального педагога, медиков и анализ статистической отчетности показали низкий уровень физического состояния (подготовленности и развития) у 50% учащихся (физическое развитие близкое к норме имеют учащиеся 1-х классов – 10%; 5-х – 40%; 9-х – 34%); нарушение адаптации и высокий уровень тревожности (преобладание неадекватной самооценки: 1-е классы – 75% учащихся; 5-е классы – 70%; 9-е классы – 50% и высокого уровня тревожности в 1-х классах – 88%; в 5-х классах – 63%; в 9-х классах – 51%); низкие показатели социального здоровья (1-е классы – 73%; 5-е классы – 56%; 9-е классы – 37%); уровень медицинских показателей учащихся свидетельствует о более высокой степени заболеваемости по сравнению с массовой школой (на 28%); низкий уровень успеваемости (средний балл в 1-х классах – 3,4; в 5-х классах – 3,4; в 9-х классах – 3,5); недостаточный уровень материально-технической базы (по шкале С.Г. Смирнова 47,5%); низкую качественную адаптацию выпускников в обществе (44%). Результаты, показанные учащимися контрольной и экспериментальных групп, достоверно не отличались друг от друга.

На основании результатов диагностики нами были сделаны выводы о том, что в КОУ не обеспечиваются должным образом: формирование, сохранение и улучшение здоровья учащихся в процессе обучения и во внеурочное время; качество знаний, умений и навыков учащихся; необходимый и достаточный уровень

материально-технического обеспечения; адаптация выпускников в обществе.

Полученные на констатирующем этапе данные позволили сделать вывод о необходимости изменения условий обучения и воспитания учащихся в КОУ, что нашло свое отражение в решении педагогического совета о проектировании ЗСС.

Следующим этапом опытно-экспериментальной работы стал формирующий, сущность которого заключалась в проверке эффективности экспериментальных условий при реализации проекта «Здоровьесберегающая среда коррекционного образовательного учреждения». С контрольными (КГ) классами учебно-воспитательная работа проводилась в обычном порядке с учетом образовательных стандартов. В экспериментальных (ЭГ) классах внедрялся проект здоровьесбережения.

Внедрение проекта представляет собой изменение ЗСС КОУ на основе адаптированной процедуры проектирования в течение фиксированного времени, обеспечивающее приоритет здоровья учащихся с задержкой психического развития при создании организационно-педагогических и психолого-педагогических условий, материально-техническом обеспечении и специфической организации [2].

Специфичность организации заключается в особенностях объекта и субъекта управления и включает в себя: интеграцию деятельности трех секторов (диагностико-реабилитационного, учебно-воспитательного, коррекционно-оздоровительного); согласованную деятельность команды единомышленников; материально-техническое обеспечение; результат проектирования (физическое, психическое и социальное здоровье учащихся; их обученность; выпускник, способный адаптироваться в обществе) [5].

Сложный объект управления требует согласованной деятельности всех служб. «Осуществить свое главное назначение – обеспечить целенаправленность и организованность процессов, происходящих в школе, субъект внутришкольного управления сможет только при условии, что сам будет хорошо организован, структурирован, выстроен. Совокупность всех элементов, входящих в состав субъекта управления и связей между ними, выступает как организованная структура управления школой» [1].

Для формирования ЗСС обеспечивался комплекс условий: организационно-педагогических: формирование педагогического коллектива, владеющего широким спектром знаний; координация работы всех специалистов как внутри секторов, так и между ними с помощью протокола взаимодействия; организация научно-методической, экспериментальной работы коллектива; максимальное привлечение родителей к обучению, воспитанию, социально-бытовой адаптации и реабилитации детей; организация лечебно-охранительного и санитарно-гигиенического режима труда и отдыха школьников с учетом их индивидуальных особенностей и специфики работы коррекционного образовательного учреждения; психолого-педагогических: мониторинг за

динамикой развития учащихся; проведение сравнительного психолого-педагогического анализа различных приемов, методов обучения и воспитания с целью выяснения адекватности их применения; разработка индивидуальных коррекционно-реабилитационных программ для учащихся; наблюдение за динамикой развития учащихся с целью своевременного переключения их на соответствующие уровню развития учебные программы; формирование механизма стимулирования, обеспечивающего эффективную и результативную деятельность всех участников педагогического процесса; применение разноуровневых и разнотемповых учебных программ; внедрение в работу различных режимов обучения, воспитания и коррекции, обеспечивающих охрану физического и психического здоровья школьников; развитие личности ребенка с использованием разнообразных условий, форм и способов коррекционно-развивающей работы; формирование элементарных профессиональных навыков и расширение адаптационных и коммуникативных возможностей детей [3,4,5].

Кроме того, в педагогическую деятельность внедрялись: принципы природосообразности и педагогики сотрудничества; здоровьесберегающая организация учебного процесса: фиксировался объем учебной нагрузки (количество уроков и их продолжительность, включая затраты времени на выполнение домашних заданий); учитывалась нагрузка от дополнительных занятий (факультативов, занятий с логопедом, психологом); проводились занятия активно-двигательного характера (динамические паузы, подвижные перемены на свежем воздухе, уроки физической культуры, занятия лечебной физкультурой, спортивные игры, спортивные секции и кружки, ежедневные часы здоровья, ежемесячные дни здоровья; составлялось рациональное расписание учебных занятий; проводилась диагностика и реабилитация зрительных функций; применялась фитотерапия [4,5].

После годичного внедрения проекта «Здоровьесберегающая среда коррекционного образовательного учреждения» проверялась эффективность деятельности субъектов образовательного процесса.

В 1-х, 5-х и 9-х классах ЭГ уровень тревожности снизился в два раза по сравнению с КГ учащихся: в 1-х классах КГ – 75%, ЭГ – 48%; в 5-х классах – 53% и 30%; в 9-х классах – 40% и 25%; учащиеся ЭГ адаптировались к условиям обучения легче и быстрее (показатели неадекватной самооценки снизились: 1-е классы КГ – 65%, ЭГ – 36%; 5-е классы – 60% и 35%; 9-е классы – 50% и 27%. Уровень достоверности находится в допустимых пределах ($p < 0,01$).

Показатели социального здоровья КГ и ЭГ после проведения эксперимента значительно отличались друг от друга: (1-е классы: КГ – 60%, ЭГ – 35%; 5-е классы – 46% и 28%; 9-е классы – 30% и 20%). Уровень достоверности $p < 0,01$. В экспериментальных классах улучшился микроклимат в семье, взаимоотношения в коллективе стали носить стабильный характер, повысилась санитарно-гигиеническая культура, дети стали более дисциплинированными).

Физическое развитие учащихся 1-х и 5-х классов улучшилось после проведения эксперимента: близкое к минимальной норме в 1 классе КГ – 30%, ЭГ 50%; в 5 классе соответственно – 55% и 70%. После проведения эксперимента показатели физического развития учащихся 9-х классов улучшились, не достигая достоверной разницы ($p < 0,05$). Показатели физической подготовки учащихся ЭГ улучшилась на достоверном уровне ($p > 0,05$) в четырех тестах из пяти. Если рассматривать внутригрупповые изменения показателей физической подготовки, то заметно, что в КГ достоверно улучшились из шести тестов только три, а в ЭГ – пять.

После проведения мониторинга всех параметров здоровьесберегающей среды изменились медицинские показатели. Количество детей с нарушением осанки снизилось в 1-м классе на 20%, в 5-м на 30%, в 9-м на 30%; зрение улучшилось во всех ЭГ на 10%; количество соматически ослабленных детей снизилось на 40%.

Результаты анализа полученных данных показывают, что к концу эксперимента наблюдается улучшение успеваемости в предметах естественно-математического гуманитарного и эстетического профиля, в 1-х классах ЭГ на 15 % по сравнению с КГ. В 5-х классах успеваемость улучшилась в КГ на 3%, в ЭГ на 15,7%, в 9-х классах соответственно на 2,9% и на 16,6%. Количество успевающих на «4» и «5» возросло на 50%, в 5 раз уменьшилось количество учащихся, направляемых во вспомогательную школу. В 2012 г. 100 % девятиклассников получили аттестат об основном общем образовании, чего не достигалось ранее.

При подготовке выпускника КОУ для работы в новом коллективе вопросы его социальной адаптации выступают на первый план и требуют специального внимания и систематического контроля со стороны педагогического коллектива. Реализация проекта по здоровьесбережению изменила качественную сторону их интеграции в общество: 44% выпускников продолжили обучение в школах и колледжах, столько же приобретают профессии в профессиональных лицеях. Это явилось результатом комплексной работы всех специалистов.

Диагностика состояния физического, психического и социального здоровья учащихся, уровня их обученности, адаптации и интеграции в обществе позволила внести коррективы в содержание и структуру управления КОУ, выявить пути и средства реализации проекта здоровьесбережения; разработанная процедура внедрения проекта здоровьесбережения в КОУ позволила создать условия здоровьесбережения; экспериментальное обучение выявило весь комплекс условий, при которых реализация проекта позволила решить задачу здоровьесбережения, о чем свидетельствуют результаты экспериментального исследования.

Библиографический список

1. Проектирование систем внутришкольного управления: Пособие для руководителей образовательных учреждений и территориальных образовательных систем. Под ред. А.М. Моисеева. М.: Педагогическое общество России, 2001. 384 с.
2. Ромашина Е.Ю. Педагогическое проектирование: Учеб.-метод. пособие / Е. Ю. Ромашина, О.В. Чукаев // Науч. ред. А. А. Орлов. Тула: «Инфра», 2003. 35 с.
3. Семаго Н.Я. Проблемные дети: Основы диагностической и коррекционной работы психолога / Н. Я. Семаго, М. М. Семаго. М.: АРКТИ, 2003. 208 с.
4. Смирнов Н.К. Здоровьесберегающие образовательные технологии в современной школе. М.: АПК и ПРО, 2002. 121 с.
5. Туревский И.М. Интеграция здоровьесберегающей педагогики в систему. //Актуальные вопросы физической культуры и спорта студентов: материалы II Международного научно-практического семинара. Орел, ГТУ. 2004. С. 224–232.

References

1. Designing systems intraschool management: A guide for education leaders and territorial education systems / Ed. A.M. Moiseev. - Moscow Pedagogical Society of Russia, 2001. - 384 p.
2. Romashina E.U., Chukaev O.V. Teacher design: tutorial // Scientific. Ed. Orlov A.A. - Tula: "Infra", 2003. - 35 p.
3. Semago N.J., Semago M.M. Distressed Children: Fundamentals of diagnostic and remedial work of the psychologist. - M: ARKTI, 2003. - 208 p.
4. Smirnov N.K. Health-learning technologies in the modern school. - Moscow: APC and PRO, 2002. - 121 p.
5. Turevsky I.M. Integration of health-pedagogy in system // Actual problems of physical culture and sports of students: Materials II International scientific-practical seminar. - Orel STU. 2004. - S. 224-232.

УДК 364.465:364.044

Г.Н. ТЮРИКОВА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и истории социальной педагогики и социальной работы Орловского государственного университета
E-mail: juliatyurikova@mail.ru

О.В. ФИЛАТОВА

кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и истории социальной педагогики и социальной работы Орловского государственного университета
E-mail: ov_filatova@mail.ru

И.Ю. ГНЕЗДИЛОВА

соискатель кафедры теории и истории социальной педагогики и социальной работы Орловского государственного университета
E-mail: lady.gnezdilova@yandex.ru

UDC 364.465:364.044

G.N. TURIKOVA

candidate of pedagogical sciences, Associate Professor
Department of theory and history of social pedagogy and social work, Orel state University
E-mail: juliatyurikova@mail.ru

O.V. FILATOVA

candidate of pedagogical sciences, Associate Professor
Department of theory and history of social pedagogy and social work, Orel state University
E-mail: ov_filatova@mail.ru

I.U. GNEZDILOVA

applicant of the Department of theory and history of social pedagogy and social work, Orel state University
E-mail: lady.gnezdilova@yandex.ru

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ РОССИИ**

**MODERN STATE AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT PROFESSIONAL EDUCATION SPECIALISTS
IN THE FIELD OF SOCIAL WORK IN THE PENITENTIARY INSTITUTIONS OF RUSSIA**

В целях совершенствования системы подготовки специалистов по социальной работе для реформируемой пенитенциарной системы необходимо изучение данной проблемы и анализ существующего практического опыта. В статье проанализирован многолетний опыт подготовки специалистов по социальной работе для пенитенциарной системы в российских вузах. Наиболее подробно анализируется уникальный опыт Орловского государственного университета.

Ключевые слова: пенитенциарная система, деформация личности, ресоциализация, подготовка специалистов, бакалавриат, магистратура, социальная работа, волонтеры.

In order to improve the training of specialists in social work for the reformed prison system it's necessary to study the problem and analyze existing practices. In the article is presented an experience of long standing training in social work for the prison system in the Russian universities. The most detailed analysis of the unique experience of Orel State University.

Keywords: penitentiary system, deformation of the personality, resocialization, training of specialists, bachelor, magistracy, social activity, volunteers.

Реформирование уголовно-исполнительной системы, ее последовательная гуманизация, приближение к международным стандартам, поиск эффективных путей воздействия на личность и среду отбывающих уголовное наказание, ориентация системы на их ресоциализацию объективно требуют подготовки специалистов «новой формации», способных решать современные задачи, действуя в изменяющихся социально-экономических условиях и применяя новые подходы к их решению.

Будущие специалисты должны быть профессионально ориентированы на изучение особенностей внутреннего мира деформированной личности, криминальной среды и подготовлены не к борьбе с ними, а к оказанию им всесторонней помощи; воздействию на психику и поведение осужденных с использованием психолого-педагогических методов и гуманистических технологий, побуждающих личностную активность самих осужденных на собственное исправление и формирование благоприятной микросреды. Перед ними стоит задача психологического и социального обеспечения деятельности персонала учреждений и органов, исполняющих наказания. К таким специалистам прежде всего относятся социальные работники и психологи, работающие в пенитенциарной системе. [2, с.20]

В целях совершенствования системы подготовки таких специалистов нами была предпринята попытка изучения данной проблемы и анализа существующего практического опыта.

Подготовка специалистов по социальной работе для пенитенциарной системы ведется в ряде учебных заведений России. Одним из них является ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет» – высшее учебное заведение, которое реализует образовательные программы высшего и послевузовского профессионального образования по широкому кругу направлений подготовки (специальностей), осуществляет подготовку, профессиональную переподготовку и повышение квалификации работников, в том числе, и для пенитенциарной системы.

С 1998 года в университете функционирует социальный факультет, на котором в настоящее время учатся более 1000 студентов по очной и заочной формам обучения. Подготовка специалистов осуществляется по направлениям подготовки бакалавриата и магистратуры: Социальная работа, Психолого-педагогическое образование, Конфликтология, в том числе и для пенитенциарной системы (по профессионально-образовательной программе «Социальная работа в системе социальных служб»).

К участию в подготовке специалистов по социальной работе привлекаются ведущие ученые страны: Л.В. Мардахаев (профессор, заведующий кафедрой социальной и семейной педагогики Российского государственного социального университета), Е.И. Холостова (профессор, президент общественной Академии со-

циальной работы, вице-президент Ассоциации работников социальных служб), Л.А. Ядвиршис (профессор Брянского государственного университета имени академика Б.Г. Петровского), Е.И. Степанов (профессор Института социологии РАО, президент Международной ассоциации конфликтологов) и другие.

Профильная подготовка специалистов осуществляется в контексте преподавания ряда дисциплин, например: «Содержание и методика социальной работы в пенитенциарной системе»; «Социально-педагогическая деятельность волонтеров в пенитенциарных учреждениях»; «Пенитенциарная педагогика»; «Взаимодействие волонтерских групп и социальных служб пенитенциарной системы»; «Технологии поддержки бывших осужденных на рынке труда и другие».

С 2008 года на базе кафедры социального управления и конфликтологии функционирует учебно-научно-практический Центр разрешения конфликтов. На базе Центра функционирует волонтерский отряд студентов-конфликтологов, который занимается внедрением технологий восстановительного правосудия и медиации в воспитательные и женские учреждения УФСИН по Орловской области.

В рамках областной целевой программы «Комплекс мер по оказанию помощи лицам, отбывшим наказание в виде лишения свободы, и содействию их социальной реабилитации в Орловской области» на факультете ведется обучение волонтеров для проведения благотворительных акций, тренингов и социально-просветительской деятельности в исправительных учреждениях Орловской области.

В рамках практики студенты, бакалавры и магистранты направляются в различные учреждения ФСИН г. Орла и Орловской области.

1. Колонии: ФГУ ИК – 5, исправительная колония №6, Шаховская воспитательная колония, воспитательная колония Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Орловской области.

2. Уголовно-исполнительные инспекции: межрайонную уголовно-исполнительную инспекцию г. Орла, Филиал по Железнодорожному району г. Орла федерального казенного учреждения «Уголовно-исполнительная инспекция» УФСИН России по Орловской области, Уголовно-исполнительная инспекция Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Орловской области, Филиал по Северному району г. Орла федерального казенного учреждения «Уголовно-исполнительная инспекция» УФСИН России по Орловской области, Филиал по Железнодорожному району г. Орла федерального казенного учреждения «Уголовно-исполнительная инспекция» УФСИН России по Орловской области, Филиал по Заводскому району г. Орла федерального казенного учреждения «Уголовно-исполнительная инспекция» УФСИН России по Орловской области, Филиал по Советскому району г. Орла федерального казенного учреждения «Уголовно-исполнительная

инспекция» УФСИН России по Орловской области, Филиал по Должанскому району г. Орла федерального казенного учреждения «Уголовно-исполнительная инспекция» УФСИН России по Орловской области, Филиал по Ливенскому району г. Орла федерального казенного учреждения «Уголовно-исполнительная инспекция» УФСИН России по Орловской области, Филиал по Заводскому району ФКУ УИИ УФСИН России по Орловской области, Филиал по Заводскому району ФКУ УИИ УФСИН России по Орловской области.

3. Центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей по Орловской области.

Магистранты 1 курса, обучающиеся по направлению подготовки 040400 Социальная работа, в 2012 году для прохождения социально-проектной практики направлялись в следующие социальные учреждения: Уголовно-исполнительную инспекцию УФСИН России по Орловской области, воспитательную колонию УФСИН России по Орловской области, социально-реабилитационный центр для несовершеннолетних г. Орла.

Сотрудничество социального факультета и пенитенциарных учреждений Орловской области складывается и развивается на протяжении многих лет.

Так в 2007 году студенты 4 курса социального факультета отделения Социальная работа для прохождения производственной практики были направлены в межрайонную уголовно-исполнительную инспекцию г. Орла, для прохождения квалификационной практики – в уголовно-исполнительную инспекцию Заводского района г. Орла. В 2009 году студенты 2 курса отделения Социальная работа для прохождения учебной практики направлялись в ФГУ ИК – 5., для прохождения производственной практики – в исправительную колонию №6. Ознакомительная практика в 2011 году для студентов 1 курса отделения Социальная работа была организована в Шаховскую воспитательную колонию. В 2012 году студенты 1-3 курсов, обучающихся по направлению подготовки 040400 Социальная работа для прохождения учебной практики были направлены в следующие социальные учреждения: в Филиал по Железнодорожному району г. Орла федерального казенного учреждения «Уголовно-исполнительная инспекция» УФСИН России по Орловской области., Филиал по Заводскому району ФКУ УИИ УФСИН России по Орловской области, Филиал по Советскому району г. Орла федерального казенного учреждения «Уголовно-исполнительная инспекция» УФСИН России по Орловской области, Филиал по Должанскому району г. Орла федерального казенного учреждения «Уголовно-исполнительная инспекция» УФСИН России по Орловской области, Уголовно-исполнительную инспекцию Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Орловской области, Филиал по Северному району г. Орла федерального казенного учреждения «Уголовно-исполнительная инспекция» УФСИН России по Орловской области, Центр временного содержания несовершеннолетних правонарушителей по Орловской области, воспитательную ко-

лонию Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Орловской области.

Итогом подготовки специалистов по данному профилю является выполнение выпускных квалификационных работ. Выпускники социального факультета выполняют квалификационные исследования и по темам, связанным с пенитенциарной системой: «Профилактическая работа с несовершеннолетними, осужденными без лишения свободы»; «Трудовая реабилитация женщин, находящихся в местах лишения свободы»; «Социальная работа с осужденными женщинами, имеющими бытовые проблемы»; «Технология социальной работы с несовершеннолетними правонарушителями, склонными к алкоголизму»; «Система социально-педагогической работы с несовершеннолетними правонарушителями в период подготовки к освобождению»; «Социально-педагогическая работа по формированию адаптационных навыков у несовершеннолетних осужденных»; «Социальная работа с осужденными женщинами по профилактике ВИЧ-инфекции и туберкулеза среди осужденных»; «Совместная деятельность Красного креста и исправительной колонии по профилактике ВИЧ-инфекции и туберкулеза среди осужденных»; «Организация работы волонтеров из числа осужденных по профилактике ВИЧ-инфекции в условиях исправительной колонии»; «Социальная работа в пенитенциарных учреждениях по профилактике ВИЧ-инфекции»; «Социальная работа по профилактике преступности среди несовершеннолетних»; «Профилактика правонарушений осужденных подростков в период профессионального обучения»; «Социально-педагогическая работа с семьями подростков-правонарушителей, осужденных без лишения свободы» и другие.

Наиболее глубокое исследование и анализ проблематики социальной работы в пенитенциарных учреждениях Орловской области осуществляется в рамках магистерских диссертаций. В 2010-2011 магистрантами социального факультета выбраны для исследования следующие темы: «Компетентностная модель профессиональной деятельности магистра социальной работы в пенитенциарной системе»; «Профессиональная деятельность магистра педагогики в пенитенциарной системе». И это был первый выпуск магистрантов на социальном факультете. В 2011-2012 учебном году магистрантами выполнялись исследования по следующим темам: «Социально-просветительская работа с осужденными женщинами по профилактике общественно-опасных заболеваний», «Взаимодействие институтов гражданского общества и государственных структур по социальной профилактике ВИЧ-инфекции и туберкулеза среди осужденных». В 2012-2013 учебном году магистрантами были выполнены исследования по темам «Социально-профилактическая работа с осужденными женщинами», «Организация и социально-педагогическое сопровождение волонтерской деятельности студентов в уголовно-исполнительных инспекциях», «Организация и социально-педагогическое сопровождение волонтерской деятельности студентов в воспитательной колонии», «Практика волонтерской деятельности студентов в исправительных учреждениях».

Показателем востребованности специалистов дан-

ной отрасли является трудоустройство выпускников. Выпускники социального факультета трудоустраиваются в различные государственные и негосударственные социальные службы, организации и учреждения системы социальной защиты населения, образования, здравоохранения, правоохранительных органов, уголовно-исполнительные системы, в том числе и в уголовно-исполнительные инспекции, воспитательные колонии и другие.

Такая целенаправленная систематическая работа, сосредоточенная на взаимосвязи науки и профессиональной подготовки, обеспечивает подготовку высококвалифицированных специалистов социальной сферы, в том числе и для пенитенциарной системы.

Определенный интерес представляет и опыт подготовки специалистов по социальной работе Рязанской академии УФСИН России, которая осуществляется с 1991 года.

На психологическом факультете Рязанской академии разрабатываются принципиально новые, не имеющие аналогов дисциплины пенитенциарно-психологической специализации, оригинальные методики и технологии, создаются авторские учебники и учебные пособия. В 1997 г. на факультете была открыта новая специальность «Социальная работа». Таких специалистов до этого не готовило ни одно учебное заведение не только в России, но и в мире. Именно они были призваны нейтрализовать и смягчать влияние негативных социальных факторов (различные формы дискриминации, угнетения, социального неравенства, безработицы, нищеты, болезней и т. д.), в значительной степени детерминирующих преступность и, как следствие, уголовное наказание.

В настоящее время факультет представляет собой сформировавшееся многопрофильное, целостное структурное подразделение, которое осуществляет образовательную деятельность по программам высшего профессионального образования по специальностям 030301.65 – Психология со специализацией «Юридическая психология» и 040101.65 – Социальная работа со специализацией «Социальная работа в УИС», а также по программам послевузовского образования. Учебные дисциплины, преподаваемые сотрудниками кафедры, имеют актуальный характер не только в отечественном, но и в мировом масштабе. На факультете функционируют два научных кружка «Пенитенциарная педагогика» и «Краткосрочная психологическая коррекция личности». [1]

Подготовка специалистов по социальной работе ведется и в Вологодском институте права и экономики ФСИН России, который является одним из ведущих высших учебных заведений Федеральной службы исполнения наказаний.

В институте реализуются программы подготовки специалистов для УИС и других правоохранительных органов по 4 специальностям («Юриспруденция», «Психология», «Социальная работа», «Управление персоналом»).

Образовательная деятельность вуза направлена на

решение следующих задач:

- проведение комплекса мероприятий по дальнейшему развитию структуры профессионального образования работников уголовно-исполнительной системы;
- подготовка высококвалифицированных специалистов;
- повышение качества образовательных программ работников уголовно-исполнительной системы. Исследование и разработка проблем социальной работы с различными категориями осужденных стали одной из насущных задач, стоящих перед НИИ ФСИН России. [3]

Тематика научно-исследовательской работы института определяется с учетом положений Концепции развития УИС до 2020 г., ведомственной специализации вуза, потребностей практических органов УИС, образовательного процесса института и направлена на исследование проблем: формирования уголовной политики и исполнения уголовных наказаний в отношении несовершеннолетних; технологического обеспечения пенитенциарной социальной работы; формирования и реализации административно-правового статуса сотрудника ФСИН России в условиях реформирования УИС и системы государственной службы в Российской Федерации; научного и научно-методического обеспечения деятельности высших образовательных учреждений ФСИН России в условиях реформирования ведомственного профессионального образования. Приоритетными направлением НИР института стали:

- Нормативно-правовое обеспечение реализации положений Концепции развития УИС до 2020 г.
- Научно-методическое сопровождение эксперимента по созданию на базе воспитательных колоний учреждений для содержания лиц, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте (воспитательных центров).

Результаты совместной научной работы внедряются в образовательный процесс института, активно используются при проведении научных исследований.

В рамках нашей исследовательской работы был проанализирован опыт российских вузов в области подготовки специалистов по социальной работе для пенитенциарных учреждений. Анализ показал, что с начала 90-х годов XX столетия в России складывается целостная система подготовки специалистов в данной области. Вместе с тем, эволюция пенитенциарной системы в России, современный этап ее реформирования диктуют необходимость поиска современных и перспективных форм подготовки специалистов для пенитенциарной системы России. Одной из самых чувствительных к результатам реформирования служб пенитенциарной системы социальной работы является пенитенциарная социальная работа. И с этой точки зрения опыт Орловской области в деле подготовки пенитенциарной социальной работы является безусловно уникальным. Его анализ и систематизация, а также моделирование системы подготовки современного специалиста в сфере пенитенциарной социальной работы на уровне магистратуры является предметом нашего научного исследования.

Библиографический список

1. Академия права и управления ФСИН России-(психологический факультет). [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.apu.fsin.su, свободный, Загл. с экрана.
2. Галагузова М.А. Социальная работа с осужденными.: учебное пособие. М.: МГСУ, 2002. 210 с.
3. Вологодский институт права и экономики ФСИН России. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://fsin.su>, свободный, Загл. с экрана.

References

1. Academy of law and management of the Federal penitentiary service of Russia- (psychology Department). [Electronic resource]. - Mode of access: www.apu.fsin.su, free, Загл. from the screen.
 2. Galaguzova M.A. Social work with convicts [Text]: a training manual .M: MGSU, 2002.- 210 S.
 3. Vologda Institute of law and Economics of the Federal penitentiary service of Russia. [Electronic resource]. - Mode of access: <http://fsin.su>, free, Загл. from the screen.
-

УДК 378.031.4

UDC 378.031.4

УСМАН КУЛИБАЛИ

OUSMANE COULIBALY

аспирант кафедры общей педагогики Орловского государственного университета
E-mail: ouscoul30@yahoo.fr

graduate student Department of General Pedagogy, Orel State University
E-mail: Ouscoul30@yahoo.fr

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЧИТЕЛЕЙ В МАЛИ

SOME PECULIARITIES OF FORMING TECHNOLOGICAL COMPONENT OF THE PROFESSIONAL CULTURE
OF TEACHERS IN MALI

В статье рассматриваются вопросы профессиональной подготовки студентов-будущих учителей общего среднего образования в педагогическом вузе Мали(критерии набора, сроки обучения, базовые дисциплины и т.д.), делается акцент на важность технологического компонента формирования их профессиональной культуры. Особенность этой статьи заключается в выделении и анализе основных путей формирования технологического компонента профессиональной культуры учителей, считающихся наиболее эффективными. В этом отношении особое значение придается применению ИКТ и практическим занятиям. Автор делает вывод о том, что в связи с глобализацией и потребностью повышения конкурентоспособности на рынке труда, качество подготовки собственных педагогических кадров становится необходимым.

Ключевые слова: технологический компонент, профессиональная культура, информационно-коммуникационных технологий(ИКТ), компетентностный и интегрированный подходы, педагогическая практика, микропреподавание, учебно-образовательные поездки.

The article deals with the training of students-future teachers of secondary education in the pedagogical university of Mali (recruitment criteria, terms of training, basic disciplines, etc.). The peculiarity of this article is the isolation and analysis of the key ways of developing the technological component of the professional culture of teachers considered to be the most effective. In this regard, particular importance is attached to the use of information and communication technologies(ICT) and practical exercises.

The author concludes that, due to globalization and the need to improve competitiveness in the labor market, the quality of preparation of their teachers is necessary.

Keywords: technological component , professional culture, information and communication technologies(ICT), competence and integrated approaches, pedagogical training, microteaching. educational school trips.

Качество подготовки учителей является важным, особенно если мы желаем достичь целей образования для всех. Во многих северных и южных странах Африки последовательные значительные реформы преобразовали системы образования и внесли суще-

ственные изменения в первоначальное призвание педагогических училищ и институтов. Эти преобразования и глубокие изменения привели к созданию различных более современных структур с большими потенциальными возможностями, задачей которых является под-

готовка квалифицированных учителей для начальных и средних школ. Несмотря на сильную тенденцию к гомогенизации учебной программы подготовки учителей в контексте французской традиции некоторые страны, как например, Мали, имеют особенности.

Высшая Нормальная Школа – это государственный педагогический вуз, который ставит целью обеспечить подготовку учителей общего среднего образования для лицеев и колледжей. Будущие учителя получают образование на различных факультетах университета. Затем они поступают в педвуз (по конкурсу, для лиц, имеющих минимальную степень бакалавра). Обучение длится два года. Первый год подготовки посвящен освоению академических дисциплин, а второй год – профессиональной подготовке (психолого-педагогическая подготовка, школьное законодательство, использование ИКТ в образовании, педпрактика в школе и подготовка и написание дипломных работ).

Технологический компонент профессиональной культуры учителя понимается нами как совокупность способов деятельности (научения и преподавания) будущего педагога и формируется в рамках высшего профессионального образования Мали различными путями:

Использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в подготовке учителей

Глобальный форум ОДВ (Образование для всех), состоявшийся в Дакаре в 2000 году, призвал африканские страны, как и другие страны мира, предпринять максимум усилий для расширения равного доступа к образованию и повышения его качества. Одним из ключевых путей достижения этого выступает подготовка достаточного количества высококвалифицированных учителей.

Сегодня мы вправе спросить: «Какая форма образования, осуществляемая африканскими странами, способна обеспечить профессиональную квалификацию большого количества учителей, используя ее финансовые и иные возможности?»

Действительно, в нынешней ситуации различных стран континента трудно поверить, что будет вестись качественная подготовка учителей в достаточном количестве с использованием только традиционных средств и способов обучения и развития. Разнообразие форм и средств, включая использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), сроки осуществления обучения, поиск учебных материалов и информационных ресурсов становятся жизненно важной необходимостью.

Как и большинство африканских стран, Мали отстает в использовании Интернета. Но несмотря на отставание развития телекоммуникационных инфраструктур, недостаточное количество компьютеров, страна пережила за последние десятилетия значительное развитие в области ИКТ. С момента появления Интернета в Мали в 1996 году страна проводила широкомасштабные информационно-пропагандистские мероприятия в

пользу развития ИКТ. Появилось несколько проектов, конференций и семинаров в этой области. [1]

В Высшей Нормальной Школе ставится задача сначала приучить будущих учителей к использованию компьютера и Интернета, сделать их способными интегрировать ИКТ в педагогическую практику. Последующая цель заключается в обеспечении непрерывного дистанционного обучения учителей с целью повышения их профессиональной квалификации и самосовершенствования. Решение поставленных целей достигается следующими путями:

а) Центр Доступа к Информации (ЦДИ).

ЦДИ оборудован десятками компьютеров с подключением к сети Интернет. Его пользователями являются преподаватели и студенты различных факультетов. Центр предлагает пользователям доступ, защищенный пользовательским паролем. Обучение новым коммуникационным технологиям, использованию новых программ и т.п. в ЦДУ происходит в большом учебном зале, хорошо оснащенном информационными машинами и проекторами.

б) Франкоязычный цифровой кампус университета (ФЦК)

ФЦК является итогом реализации Университетского Агентства Франкофонии (УАФ). Это место служит для предложения академическим сообществом информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) потребителям, а также выступает пространством бодрствования, общения, передачи знаний, связанных с университетской учебной, культурной, научной и технической деятельностью.

ФЦК в настоящее время состоит из:

- учебных залов, куда приходят студенты, педагоги и специалисты разных сфер деятельности, чтобы записаться на курсы дистанционного обучения и обучения в классе;
- ресурсного центра, где учителя находят личностные, сервисные, ресурсные, технические и иные возможности для научных исследований на французском языке, в том числе, онлайн-курсов и электронных журналов;
- центра доступа к информации, который позволяет использовать (по субсидируемой цене) ведущие базы международных данных, заказывать первичные документы, научные труды как онлайн, так к физически доступной документации.
- пространства самообслуживания для использования Интернета и ресурсов самообучения.
- аппаратуры для видеоконференций и IP-телефонии для организации видеоконференций, вебинаров, онлайн-курсов, защиты дипломных работ.

Учителя считают, что ИКТ способствуют:

- увеличению качества процесса обучения и углубления знаний студентов, так как они имеют непосредственный доступ к текстам первоисточников и им не нужно за ними ехать в библиотеку.
- повышению компетентности и профессионального потенциала учителей, поскольку они узнают много нового без затраты большого количества времени.

– облегчению их задач добывания, осмысления и переработки прочитанного.

– улучшению взаимопонимания обучаемых на занятиях и сотрудничества учеников и учителей.

Функционирование данного центра иллюстрирует недостаточную включенность малийского компонента содержания образования, что может привести к утрате черт самобытности, что должно подтолкнуть к заполнению этого пробела. [2]

1. Педагогическая практика

Педагогическая практика имеет целью предоставить каждому студенту-практиканту возможность знакомиться с различными аспектами своей будущей профессии, встречаясь лицом к лицу с реальными учебными проблемами, а также формировать педагогические умения и навыки, опыт общения и профессиональной деятельности, разработку индивидуальных профессиональных приемов, технологий и методик деятельности.

Педпрактика проводится обычно в средних учебных заведениях, по которым распределяются практиканты. Различают два вида педпрактики: наблюдательная и производственная. Педпрактика проходит по трем этапам: наблюдение, участие и отчет.

а) Наблюдательная практика (учебная)

Она проводится на первом курсе обучения и длится месяц. Учебная практика предоставляет студенту-будущему учителю возможность анализировать и понять наблюдаемые явления на уроке, особенности взаимодействия с учащимися, уточнить приемы, сформированные на учебных «практических занятиях»; затем изучить эти вопросы индивидуально или в небольших группах; организовать обсуждение проблем и достижений на периодических отчетных заседаниях и встречах с руководителями практики. При четкой систематически организованной работе сформированные профессиональные знания, умения и навыки станут тогда нормой для всех.

Все эти фазы осуществляются под контролем опекунов (педагогов) принимающего заведения и методистов из Высшей Нормальной Школы.

Кроме того, подобная обучающая ситуация, организованная в виде модуля, может быть оценена в виде письменного отчета, предоставляемого студентом-практикантом. Она считается стадией предварительной профессионализации.

б) Производственная практика

Она проводится на втором курсе обучения и длится пять месяцев. Действительно, производственная практика не может быть сведена к проведению обычной процедуры «учебной деятельности в классе с последующим его анализом». Практикант должен принять активное участие в собственной профессиональной подготовке. В связи с этим ситуация обучения, которая чередует «учебную деятельность в классе с анализом этой деятельности, детальным поэтапным разбором ошибок и достижений», считается более эффективной.

Это чередование дает возможность практиканту не только приобрести навыки, связанные с дидактической и

методической деятельностью в классе, но и вступать в теоретическое размышление о них. Она состоит из трех фаз:

– **Фаза «ознакомления»** Это период, в течение которого студент-будущий учитель знакомится с профессиональной средой. Практиканта привлекают к участию в выполнении профессиональных задач, которые стоят до и после эффективной учебной деятельности в классе, такие как подготовка урока, составление плана воспитательной работы, апостериорный (основанный на опыте) анализ очередных занятий, проведенных классным руководителем, и т.д. Эти задачи определяются и выполняются под руководством педагога-опекуна и методиста.

– **Фаза «совместной практики»** Этот второй этап посвящен педагогической деятельности в классе, осуществляемой непосредственно практикантом при эффективной поддержке классного руководителя. Он длится месяц.

– **Фаза «ответственной практики»**. Во время этого третьего этапа студент-практикант несет сам ответственность за весь процесс проведения практики. Он разрабатывает и реализует учебно-воспитательную деятельность в классах разного уровня согласно расписанию классного руководителя, который, как и методист, находится в пассивной позиции, в качестве наблюдателей. Эта фаза длится четыре месяца. [3]

2. Лабораторные занятия

Чтобы позволить нашим студентам-будущим учителям творчески действовать и включиться в поисковую деятельность в области науки и технологии, требуются лабораторные занятия с инновационными, экспериментальными подходами. Однако они не должны ограничиваться подтверждением и доказательством уже устоявшихся правил и доказанных теорем, но должны стимулировать у студентов поиск, инициативу, творчество, необходимость следования логике и аргументированности доказательств. Студенты должны самостоятельно формулировать проблемные вопросы, не бояться их задавать аудитории, искать ответы на них. Эти вопросы чаще всего находятся на стыке дисциплин программы, разных научных областей, теории и практики.

Оборудованные лаборатории – необходимые учебно-методические помещения и пособия для качественного обучения позволяют студентам приобрести практические навыки по своей специальности и действовать как настоящие профессионалы.

Будущие учителя обязаны разрабатывать учебные проекты (учебные, методические, воспитательные), осуществлять их, а также исследовать, проводить эксперименты и описывать их в лабораторном отчете. Этот практико-ориентированный подход позволяет им пересмотреть, улучшить или даже отвергнуть устаревшие, неэффективные приемы и технологии, разработанные ими как в дисциплинарном, так и дидактическом плане. [4]

3. Учебно-образовательные поездки

Учебно-образовательные поездки (экскурсии) являются неотъемлемой частью преподавания таких научных дисциплин, как биология, геология, география и

т.п. Они позволяют студентам ознакомиться с реальной действительностью непосредственно при измерении, изучении, наблюдении сложных взаимосвязей между различными компонентами мира.

Учебная поездка кажется абсолютно необходимой и незаменимой для всех учителей геологии, так как основные препятствия этой науки связаны с масштабами (размера и времени) явлений, которые описываются на занятиях. Для устранения этих препятствий требуется непосредственное наблюдение явлений и предметов на практике. В реальной жизненной ситуации, чтобы учащиеся осознали реальные масштабы объектов и явлений, представленных в учебных материалах, непосредственный контакт является самым простым, доступным и особенно эффективным способом изучения. Таким образом легче изучаются, например, основные литологические компоненты (изверженные, осадочные и метаморфические породы) и их минералогический состав через выборку пород на месте. Причем, экскурсионные материалы могут послужить началом дальнейшей работы в классе или в лаборатории. Безусловно, подобный подход будет более наглядным, поучительным и результативным, нежели основанный на рассмотрении маркированных «камней» в коробках, оторванных от их контекста, (хотя, может быть, и не всегда географически и финансово доступным). Таким образом, учащиеся принимают активное участие в обучении и закреплении знаний. [5]

4. Микропреподавание

Это метод подготовки учителей, основанный на эмпирическом анализе наиболее эффективных профессиональных знаний в классе, а также на индивидуальном применении этих навыков в моделируемых условиях, по существу, для прагматической цели. Микропреподавание изучается как учебная дисциплина и заключается в проведении, обычно, элементов учебных занятий, этапов уроков поочередно студентами. В группах с большим количеством студентов можно использовать данный метод по парам. После задания преподаватель комментирует и анализирует квазипрофессиональную деятельность студентов.

Микропреподавание рассматривается как метод обучения, основанный на выявлении педагогической пригодности и формальной оценке учебных достижений студентов. Освоение преподавательской деятельности, в целом, рассматривается как труднодостижимая цель для будущего учителя. Целью становится тогда тренировка, наработка опыта компонентов преподавательской деятельности и постепенная выработка педагогических навыков, определяемых в наблюдаемом поведении. Характеристиками микропреподавания, таким образом, становятся реальное образование (в естественных условиях), ограниченная аудитория, отработка конкретных навыков, аналитический и повторяющийся подход, формальная оценка, определение индивидуального стиля профессионального поведения, регулируемая сложность выбранного класса. [6]

5. Технологии обучения

а) Компетентностный подход

Сегодня подавляющее большинство систем образования ставит компетентностный подход во главу процесса профессиональной подготовки педагогов в вузах. Это один из самых известных и пропагандируемых подходов, отвечающих требованиям и вызовам современного общества как в экономическом, так и социальном планах.

Африканские страны пострадали от слишком высокой «затеоретизированности», превалирования теоретической составляющей системы образования, акцентирующей внимание, преимущественно, на развитии когнитивной, а не психомоторной стороны личности студента. Таким образом, они осознали необходимость и актуальность реализации обучения в соответствии с компетентностным подходом, ориентированным на результаты достижений учебной деятельности студентов, выраженных не в знаниях, а в профессиональных умениях и навыках в различных сферах профессиональной деятельности педагога. Подобный подход согласовывается с образовательными ориентирами развитых стран мира. Компетентностный подход является практико-ориентированным подходом, суть которого заключается в адаптации методов обучения в зависимости от характера студентов, его подготовленности к потребностям рынка труда.

Компетентностный подход строится на следующих трех положениях.

– *Содержание обучения выходит за рамки знаний и навыков.* Современная школа не ориентируется сегодня на знания и навыки, так как современное общество информационного типа доказало невозможность конечного освоения информации. В результате образования человек должен располагать не информацией (знанием), а различными умениями и навыками в конкретной сфере профессиональной деятельности (компетенциями). Эти изменения являются следствием нескольких факторов, в основном, связанных с глобализацией (глобализация образования и вопросов, связанных с ним: культуры и занятости, системы ценностей, информации, идей и людей, связанных с ними). Во-первых, это означает, что школа перестает быть основным средством распространения образования (ИКТ, Интернет, СМИ и т.п.). Во-вторых, в рамках межкультурной коммуникации мы должны ориентироваться исключительно на демократические ценности, применение норм толерантного международного общения и поведения, которые отражают равные права этносов на самобытность (культурную, религиозную, образовательную и иную).

– *Студент является главным объектом своего образования.*

Для получения качественного образования студент должен принимать в нем активное участие, самостоятельность, активность и инициативу: групповую работу, творческие проекты, интерактивные контакты, дискуссии ...

– *Развитие умения творчески действовать в различных ситуациях профессиональной направленности.*

Обучение с использованием проблемных ситуаций,

ситуаций профессионального выбора, учебных задач отбора различных видов действий (компетенций) профессиональной направленности студентов признается всеми сторонниками компетентностного подхода. [7]

б) Интегрированный подход

Методом обучения, который наилучшим образом обеспечивает максимальную степень усвоения учебной информации, считается интеграция. Так как современное профессиональное знание – всегда комплексное, включающее элементы педагогического, психологического, методического, физиологического и т.п. Только знание подобной природы позволяет учителю правильно оценить ситуацию в классе, способность каждого ученика применить умения и навыки в повседневной жизни, в школе, в окружении и т.д.

Интеграция существует только в процессе обучения. Данный метод позволяет рассматривать педагогическое воздействие как комплексное, интегрированное: после каждого вида учебной деятельности предлагать студенту выбирать из изученного пригодное для будущей профессиональной деятельности, применять сформированные умения и навыки в профессиональной деятельности, устной или письменной речи. Данная проблема особенно актуальна в билингвальных странах, когда переплетаются учебные ситуации языка преподавания и родного языка. Если студент повторно не использует свои навыки, то он их теряет.

Главной целью этого метода является подготовка ученика к профессиональному общению в любой ситуации, требующей действия или реакции с его стороны. Необходимо также подготовить его к письменной и устной форме коммуникации в классе, интегрируя освоенные различные речевые навыки на родном и иностранном языках, на запланированном или спонтанном выступлениях. [8]

в) Педагогика больших групп

Явление классов с большим количеством учеников, которое появилось в Европе в XIX и начале XX веков, наблюдается уже более двадцати лет в школах африканских государств, где часто имеются классы с численностью более ста человек. Считавшееся следствием демократизации образования, это явление имеет место, в основном, в городских центрах. Учителя этих переполненных классов сталкиваются со многими трудностями в организации процесса обучения. Окончательное решение этой проблемы состоит в подготовке большого числа учителей и строительстве новых учебных заведе-

ний, что создаст достаточное количество классов с нормальным наполнением. Однако нынешнее состояние экономики африканских стран южнее Сахары не позволяет удовлетворить эту потребность. Это привело к разработке специфической педагогической модели, направленной на превращение образования вынужденного обучения в «больших группах» в средства удобного для всех обучения. [9]

Основной задачей в рамках данного метода является стимулирование всех учеников, несмотря на их количество, активно участвовать в учебной деятельности путем деления класса на маленькие рабочие группы с применением соответствующих приемов (игровых, исследовательских и т.п.). Чтобы сократить время на проверку столь большого числа контрольных работ, учитель часто оценивает степень освоения знаний при помощи тестирования.

Таким образом, в связи с глобализацией и необходимостью повышения конкурентоспособности на рынке труда африканских стран качество подготовки собственных педагогических кадров, учителей разного профиля, управления системой образования и ее поддержка становятся необходимыми, востребованными заботами малийского государства для удовлетворения требований и ожиданий меняющегося общества. Для решения этих задач результативными являются выделенные пути. Внедрение информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в обучение имеет огромное значение. Интернет через обучение-онлайн позволяет совершенствовать свои знания и делиться опытом с другими профессионалами соответствующей сферы деятельности, компенсировать проблемы нехватки преподавателей в основных высших учебных заведениях страны, обновлять информации в связи с устареванием содержания библиотечного фонда.

Многие образовательные реформы основаны на компетентностном подходе как наиболее пригодном для решения задачи повышения качества профессионального обучения, так как основан на реальных жизненных и профессиональных ситуациях, сформированных умениях и навыках специалиста. Практическое обучение характеризуется серией занятий в лабораториях, микропреподаванием и педагогической практикой в качестве важных путей профессиональной подготовки студентов, качественного овладения своей будущей профессией.

Библиографический список

1. Система западного и центрально-африканского исследования образования (РОКАРЕ). Подготовка учителей с использованием ИКТ в своей педагогической деятельности. Обзор национальных исследовательских отчетов. Апрель 2008 www.gocare.org/TIC2_synthese_regionale.pdf
2. Траоре Адриан Стайи, Сейба Бирама. Использование и представление об интернете среди студентов, преподавателей и исследователей из Университета Бамако. 2008 www.memoireonline.com/.../Les-usages-et-reprg..
3. Сангаре Мамаду Сулейман. Дидактическая модель учебно-практической деятельности в классе. Тематическое исследование в Высшей Нормальной Школе Бамако. 2006. Стр. 171-174 www.msas.maliwatch.org/.../msas2006_pp171 Карсенти Черри, Коллин Симон и Гарпер-Меррет Тоби. Педагогическая интеграция ИКТ: успехи и трудности в более ста африканских школах. 3-е. изд. Оттава. 2012 www.observatoirectic.org/documents/2011-11_livre_fr.pdf
4. Пьер Nonnon. Обучение на основе компетентностного подхода и методика преподавания экспериментальных наук. Квебека. 1989 www.mapageweb.umontreal.ca/.../SPECTRE3C

5. Ламарти Л, Бен-Бузиан А, Акрим Г. и Талби М. «Учебная поездка: каково ее место и роль в научном подходе?». 2009. РАДИСМА, Номер 4 www.radisma.info/document.php?id=702
6. Ларин Жиль. Видеоскопия и практическая подготовка учителей: от альтернативы к необходимости www.sites.fse.ulaval.ca/reveduc/.../video.htm
7. Рожурс Ксавье. Компетентностный подход во франкоязычных странах Африки: некоторые тенденции. Женева, 2008. www.ibe.unesco.org/.../currcompet_africa_ibe
8. Айтмамар. Педагогика интеграции. 2010 lewebpedagogique.com/.../pedagogie-de-lintegr
9. Номайе Мадана. Педагогика больших групп и всеобщее начальное образование: Африканские страны на юге сахары. Гарматтан, 2006. Стр.138 www.amazon.fr > ... > Formation, école, société

References

1. Educational Research Network for West and Central Africa. Training of teachers integrating ICT into their teaching practices: Summary of national research reports. April 2008 www.rocare.org/TIC2_synthese_regionale.pdf Traore Adrian Staii, Seyba Birama. Uses and internet representations among students, teachers and researchers from the University of Bamako. 2008 www.memoireonline.com/.../Les-usages-et-repr..
2. Sangaré Mamadou Souleymane. Methodological model on “classroom practices.” A Case Study at the Ecole Normale Supérieure of Bamako. 2006 Page 171-174 www.msas.maliwatch.org/.../msas2006_pp171
3. Karsenti Thierry, Collin Simon and Harper-Merrett Toby. Pedagogical Integration of ICT: Successes and Challenges from 100 + African schools. 3rd ed. Ottawa, 2012 www.observatoireict.org/documents/2011-11_livre_fr.pdf
4. Nonnon Pierre. Learning by competence and teaching experimental science. Quebec. 1989 www.mapageweb.umontreal.ca/.../SPECTRE3C
5. Lamarti L. BEN-BOUZIANE A., Akrim H. and Talbi Mr. “The field trip: what place and role in the scientific method?”. RADISMA, Number 4 (2009) www.radisma.info/document.php?id=702
6. Larin Gilles. The vidéoscopie and practical training of teachers: From alternative to necessity www.sites.fse.ulaval.ca/reveduc/.../video.htm
7. Roegiers Xavier. competency-based approach in Francophone Africa: some trends. Geneve, 2008. www.ibe.unesco.org/.../currcompet_africa_ibe
8. Aïtmamar. Pedagogy of integration. 2010 lewebpedagogique.com/.../pedagogie-de-lintegr
9. Nomaye Madana. Pedagogy of large groups and universal primary education: sub-Saharan Africa. L'Harmattan. 2006. page 138 www.amazon.fr > ... > Formation, école, société

УДК 378.14

Н.Г. ШУМИЛИНА

кандидат педагогических наук, докторант Орловского
государственного университета
E-mail: vkeshka@mail.ru

UDC 378.14

N.G. SHUMILINA

candidate of Pedagogy, doctorant, Orel State University
E-mail: vkeshka@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДМЕТНО-МЕТОДИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ ПРИ ИЗУЧЕНИИ МАТЕМАТИКИ

FORMING THE SUBJECT-METHODICAL COMPETENCE OF FUTURE TEACHERS OF PRIMARY SCHOOL DURING STUDYING MATHEMATICS

В статье рассматривается проблема математической подготовки бакалавров по направлению 050100 Педагогическое образование в условиях реализации компетентностного подхода. В ней приводятся примеры компетентностно-ориентированных заданий и показывается их роль в формировании предметно-методической компетентности будущих учителей начальных классов при изучении математики.

Ключевые слова: математическая подготовка будущих учителей начальных классов, профессиональная компетентность учителя, предметно-методическая компетентность, компетентностно-ориентированные задания.

A problem of mathematical preparation of bachelors in a direction 050100 Teacher Education in conditions for the implementation of a competence approach is considered in the article. There are some examples of competence-oriented tasks in the article and you may show their role in the formation subject-methodical competence of future primary school teachers during studying mathematics.

Keywords: mathematical training future primary school teachers, professional competence of a teacher, subject-methodical competence, competence-oriented tasks.

Реформирование всех этапов системы образования в России призвано обеспечить его фундаментальность, профессиональную и практическую направленность. Только выпускник, получивший такое образование, сможет реагировать на запросы производства, науки и культуры, учитывать социальные, экономические и духовные процессы, происходящие в обществе. Этим обусловлено введение новых образовательных стандартов, переход на многоступенчатую подготовку студентов высших учебных заведений, появление инновационных подходов к содержанию, методам и формам обучения.

Все это с полным основанием относится и к математической подготовке бакалавров по направлению 050100 Педагогическое образование. Анализируя требования Федерального образовательного стандарта высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) третьего поколения [6], можно отметить, что выпускник высшего учебного заведения должен не только обладать фундаментальными знаниями, умениями и навыками, но и быть способным и готовым использовать их для решения профессиональных задач. Следовательно, изучение математических дисциплин при подготовке будущих учителей начальной школы должно быть ориентировано на формирование у них совокупности компетенций, которые адекватны содержательным возможностям дисциплин и формируются за счет специально организованного процесса обучения.

Термин «компетенция» происходит от латинского слова *competere* – быть способным к чему-либо. Согласно русскоязычной Википедии, *компетенция* – способность применять знания, умения, успешно действовать на основе практического опыта при решении задач общего рода, а также в определенной широкой области. Аналогично компетенция как «способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области» определяется и ФГОС ВПО [6]. Хуторской А. В. [7] считает, что *компетенция* – это «совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним». В исследованиях Зимней И.А. [1] компетенциями называются «некоторые внутренние потенциальные, сокрытые психологические новообразования: знания, представления, программы (алгоритмы) действий, систем ценностей и отношений».

Анализируя представленные определения, можно сделать вывод, что компетенции включают совокупность взаимосвязанных качеств личности (знаний, умений, навыков, способов деятельности), задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов и необходимых для качественной продуктивной деятельности по отношению к ним. Если совсем коротко, то можно сказать, что *компетенция* – есть действие, приводящее к нужному результату. Фактически, компе-

тенции – это «производная» от знаний, которые характеризуют способность их применять на практике. Также можно сказать, что компетенции – динамическая форма существования знаний или форма их проявления [2].

Под *компетентностью* подразумевается интегральное свойство личности, характеризующее ее стремление и способность (готовность) реализовать свой потенциал (знания, умения, опыт, личностные качества и др.) для успешной деятельности в определенной области. Таким образом, компетентность – это владение, обладание соответствующей компетенцией, включающей личностное отношение к ней и к предмету деятельности.

Профессиональную компетентность будущего учителя можно трактовать как «владение необходимой суммой знаний, умений и навыков, определяющих сформированность его педагогической деятельности, педагогического общения и личности учителя как носителя определенных ценностей, идеалов и педагогического сознания» [3]. Профессиональная компетентность включает в себя предметную, психолого-педагогическую и методическую составляющие. Психолого-педагогическая составляющая обеспечивает эффективность общения учителя с учащимися, родителями, коллегами, решает проблемы воспитания и развития учащихся. Предметная компетентность обеспечивает эффективное осуществление предметной деятельности, а методическая – решение задач, связанных с процессом обучения предмету [5].

Профессиональная компетентность, которая выражена в практической готовности к осуществлению видов профессиональной деятельности, связанной с обучением в системе общего образования, и основана на системе теоретических знаний, образует *предметно-методическую компетентность* будущего учителя [4]. Она складывается из профессионального мастерства и уверенного владения предметом.

Таким образом, с позиции компетентностного подхода к высшему образованию важным становится не объем получаемого теоретического материала и практических навыков студентов, а готовность к их применению в дальнейшей деятельности и способность выпускников самостоятельно пополнять свои знания.

Для решения этих задач в практике обучения в настоящее время широко применяются компетентностно-ориентированные (компетентностные, контекстные, ситуационные) задачи и задания. Применительно к математической подготовке будущих учителей начальной школы, компетентностно-ориентированное задание должно отражать аспекты будущей профессиональной деятельности. Как правило, оно содержит некоторую проблемную ситуацию, для разрешения которой студенту, наряду с математическими знаниями, необходимы знания и умения, полученные в ходе изучения других дисциплин (методики обучения, статистики, педагогики, психологии и др.).

Приведем примеры таких заданий, которые целесообразно давать студентам при изучении темы: «Теоретико-множественный подход к целым неотрицательным числам и операциям над ними».

Задание 1. Составить фрагмент урока для 1 класса по теме: «Состав числа 5» (УМК Школа России). Указать возможные затруднения и ошибки учащихся и предложить методические рекомендации по их устранению. Дать теоретическое обоснование излагаемого материала с точки зрения теоретико-множественного подхода к целым неотрицательным числам и действиям над ними. Выполнить сложение и вычитание по правилам количественной теории.

Задание 2. Привести примеры различных видов простых задач на сложение. Обосновать выбор действия в задачах, используя теоретико-множественный подход к целым неотрицательным числам и действиям над ними. Провести разбор задачи с точки зрения методики обучения в начальной школе.

Задание 3. По результатам изучения математики в конце I четверти в первом классе была проведена тестовая контрольная работа (содержание и результаты тестирования предлагаются студентам). Представьте результаты тестирования графически. Укажите степень обученности учащихся. Вычислите качественную и абсолютную успеваемость учащихся по математике за I четверть. Укажите задание с самым низким процентом выполнения. Чем он обусловлен? Дайте теоретическое обоснование задания и опишите методику работы над ошибками.

Выполняя подобные компетентностно-ориентированные задания, студенты получают осознанные неформальные математические знания, учатся применять их на практике, осознают межпредметные связи и значимость изучаемого материала для дальнейшей педагогической деятельности. Включение таких заданий в процесс математической подготовки будущих учителей начальных классов формирует у них компетенции, определенные ФГОС ВПО [6] по направлению подготовки 050100 Педагогическое образование:

– общекультурные компетенции: способность к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей ее достижения; умение использовать знания в профессиональной деятельности; логически верно выстраивать устную и письменную речь.

– профессиональные компетенции: способность разрабатывать и реализовывать элементы учебных программ, использовать возможности образовательной среды для формирования универсальных видов учебной деятельности и обеспечения качества учебного процесса; готовность применять современные методы и технологии, методы диагностирования достижений учащихся для обеспечения качества учебно-воспитательного процесса; нести ответственность за результаты своей профессиональной деятельности и др.

То есть, компетентностно-ориентированные задания способствуют формированию предметно-методической компетентности будущих учителей начальной школы.

Библиографический список

1. Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования. <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm>
2. Иванов Д.И. Компетентности и компетентностный подход в современном образовании // Воспитание. Образование. Педагогика. 2007. №6. С. 32
3. Коджаспирова Г.М. Педагогический словарь. М.: Академия, 2000. 176с.
4. Павлова Л. В. Компетентностные задачи как средство совершенствования предметно-методической компетентности будущего учителя математики //Материалы международной научной конференции «Проблемы и перспективы развития образования», апрель 2011. Пермь. Меркурий, 2011. С. 111-115.
5. Стефанова Н.Л. Понамарчук О.С. Составляющие предметной компетентности учителя математики //Академические чтения. СПб.: СПбГИПСП, 2005. Вып. 6. С.175-177.
6. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 050100 Педагогическое образование (Утвержден Министерством образования и науки РФ, приказ №46 от 17 января 2011 г.)
7. Хуторской А. В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты // <http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm>

References

1. Zimnyaya I. A. Key competencies - the new paradigm of the modern education.// <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm>
2. Ivanov D.I. Competence and competence approach in modern education. // Raising. Education. Pedagogy, 2007. - №6. – P. 32
3. Kodzhaspirova G.M. Teaching vocabulary. - M.: Academy, 2000. – 176p.
4. Pavlova L. V. Competence problems as a means of improving the subject-methodical competence of the future teachers of mathematics // Materials of the international scientific conference: problems and prospects of development of education. April 2011. Perm: Mercury, 2011. - Pp.111-115.
5. Stefanova N.L. Ponomarchuk O.S Components of the substantive competence of the teacher of mathematics // Academic reading. - SPb.: SPb SIPSW, 2005. - Vol. 6. - Pp.175-177.
6. Federal state educational standard of higher professional education for the training direction 050100 - Teacher Education (Approved by the Ministry of education and science of the Russian Federation (order №46, 17 January 2011)
7. Hutorskoy A. V. Key competencies and educational standards. //<http://eidos.ru/journal/2002/0423.htm>

УДК 37.032:378

UDC 37.032:378

С.А. ЮРКОВ

S.A. YURKOV

соискатель кафедры общей педагогики Орловского государственного университета
E-mail: neosfinks@rambler.ru

applicant of the Department of General pedagogy, Orel state university
E-mail: neosfinks@rambler.ru

**КРИЗИСНАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ИММАНЕНТНЫЙ КОМПОНЕНТ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО**

**CRISIS COMPETENCE AS AN IMMANENT COMPONENT OF PROFESSIONAL
COMPETENCE OF THE FUTURE STATE EMPLOYEE**

Являясь имманентным компонентом профессиональной компетентности будущего государственного служащего, кризисная компетентность выступает как способность и готовность реализовывать в сфере государственной службы антикризисные ценностные установки и ориентиры, проектировать целостную предметную среду путем оптимальной и эффективной интеграции и применения знаний, умений и владений, полученных в ходе профессиональной подготовки.

Ключевые слова: компетентностный подход, государственные служащие, кризисная компетентность.

As an immanent component of professional competence of the future public servant, crisis competence acts as the ability and readiness to implement in the public service anti-crisis value orientations and guidelines, to design a holistic substantive environment by optimal and efficient integration and application of knowledge, abilities and possessions received during the training.

Keywords: competence approach, government officials, the crisis competence.

Поиск путей повышения эффективности подготовки специалистов в высшей школе активно осуществляется в педагогической науке и образовательной практике. Многие исследователи связывают обновление педагогического процесса в высшей школе с использованием компетентностного и культурологического подходов к содержанию и организации образования [2, 4].

В связи с такой перспективой развития высшего образования на первый план выходит понятие кризисной компетентности личности как имманентного компонента профессиональной компетентности, как ключевой компетенции в подготовке профессионала для сферы государственной службы. При этом профессиональная компетентность рассматривается ступенью восхождения от простого повышения уровня грамотности к становлению личности как субъекта культуры в алгоритме: «грамотность – образованность – профессиональная компетентность – культура – менталитет» [5].

Очевидно, что при этом владение человека кризисной компетентностью может и должно рассматриваться на следующих уровнях:

- как ключевой компетенцией – на «глобальном» уровне (обеспечение выживания в условиях кризиса человечества в целом, становление антикризисной культуры и сознания) [16];
- общеобразовательной компетенцией, формирование которой необходимо как у выпускников общеобразовательных учреждений, так и профессионально-образовательных, – для формирования общей антикризисной грамотности, культуры, для изменения

образа жизни с позиций антикризисной целесообразности и т.д. [15];

- предметной компетенцией, формируемой в рамках специальных учебных курсов экономического, управленческого, социально-психологического характера, – для подготовки к профессиональной антикризисной деятельности [1].

Кризисная компетентность тесно связана с понятием антикризисная культура, вбирающим в себя социально-гуманитарные ценности, субъект-субъектные отношения в системе «человек – среда», целостное мировоззрение и мироотношение человека к миру. Категориальный смысл антикризисной культуры предполагает любую деятельность как вписанную в универсум.

Непосредственно изучению особенностей кризисной компетентности личности и профессионала посвящены весьма немногочисленные психолого-педагогические исследования [9,20]. При этом сущностное и функциональное наполнение понятия «кризисная компетентность» различными авторами в определенной мере разноаспектно. Она рассматривается как:

- высший уровень задач, которые должны уметь решать все специалисты, независимо от профессии,
- антикризисные задачи – организация жизнедеятельности человека и общества не только с позиции минимизации негативного воздействия кризисов, но и с позиции улучшения состояния профессионала и его окружения (Н.Ф. Талызина) [11];
- способность человека, основанная на знаниях, опыте, ценностях и склонностях, которая порождает

умение, действие по разрешению какой-либо кризисной ситуации (Н.В. Скалон) [23];

- личностная характеристика надпрофессионального уровня, включающая наряду со знанием иностранных языков, компьютерной грамотностью, знанием маркетинга также и антикризисные знания (А.М. Новиков) [12];

- интеграция теоретических знаний и практических умений в области антикризисной деятельности и определенного набора значимых личностных качеств, выполняющих специфическую функцию в системе профессиональной деятельности, обуславливающую готовность к адекватному поведению в ситуациях морального выбора (Н.В. Ромейко) [14];

- интегральный показатель сформированности антикризисной культуры, то есть наличие целостного взгляда на взаимоотношения человека, общества и среды (Т.С. Бакиров) и др. [22].

Основу кризисной компетентности составляют интегрированные личностные качества субъекта деятельности, представленные в виде следующих компетентностей: профессиональной, информационно-коммуникативной, ролевой, эмоционально-личностной [3].

Профессиональная компетентность – способность работника включиться в технологии и процессы деятельности организации. Каждый работник нужен для того, чтобы выполнять определенные функции — оказывать услуги, вести документооборот, вести учет, управлять персоналом, обеспечивать снабжение, составлять и реализовывать планы и т. д. С помощью профессиональной компетентности работник вливается в процессы в качестве ответственного за конкретный технологический шаг. Чем больше работник берет на себя ответственности за исполнение сложных технологий и процессов, встроенных в общую стратегию, тем выше его профессиональная компетентность. Если такой профессионал не видит общекорпоративной стратегии выхода из кризиса, он начинает искать его самостоятельно, в рамках своей компетентности, стремясь найти способы «улучшить» свою работу, – изменить процессы или технологии. Профессиональная компетентность – важная деталь для организации, но не единственная. Не менее важно организовать взаимодействие профессионалов и обеспечить синхронность их работы [10].

Информационно-коммуникативная компетентность – способность воспроизводить, принимать и передавать информацию в системе. Организация будет управляемой только тогда, когда руководители будут принимать своевременные и эффективные решения на основе достоверной информации. С помощью информационно-коммуникативной компетентности работник «встраивается» в информационное поле организации как ответственный за информационный обмен на своем технологическом шаге. Высокая информационно-коммуникативная компетентность заключается в том, что работник соблюдает информационный баланс в профессиональном общении. Он без искажений принимает информацию, перерабатывает ее и передает соот-

ветственно процессам, за которые отвечает [24].

Кроме профессиональной и информационной компетентности не менее важны социально-психологические способности работников.

Ролевая компетентность – это способность принимать и воспроизводить ролевые стереотипы в профессиональном взаимодействии. Все ролевые стереотипы общения на работе можно объединить в три большие группы – начальник, коллега и подчиненный.

В кризисной ситуации излишняя ролевая компетентность работников появляется тогда, когда человек начинает заниматься манипуляциями и заставляет окружающих исполнять несвойственные им роли. Работники перестают понимать смысл своей работы. Они в профессиональном и информационном кризисе: их профессиональная компетентность кажется невос требованной, информация искажена и это неизбежно ведет к искажениям ролевых позиций [11, 19, 25].

В итоге одни работники начинают играть в «ту-плого подчиненного», то есть не брать на себя никакой ответственности, не проявлять активности, а просто выполнять все распоряжения всех начальников. Другие работники, наоборот, будут стараться поставить в подчиненную позицию своих руководителей. Они будут требовать немедленного отчета о том «что происходит?» и «что вы собираетесь делать?». В этой манипуляции их совершенно не интересует реальная программа действия. Их цель – заставить руководителя оправдываться, а себя поставить в положение оценивающего работу начальника. Они истерично показывают свою заинтересованность в делах организации, рассчитывая поднять свой ролевой статус в команде.

Эмоционально-личностная компетентность – способность участвовать в эмоциональном разнообразии общения в группе и реализовывать свои личностные качества. Люди не роботы, и им мало профессионализма и информационного обмена [21]. Эффективный рабочий коллектив должен обладать соответствующей психологической атмосферой. Эмоциональная среда сотрудничества, доброжелательности, оптимизма складывается из способности работников проявлять эти качества при общении на работе.

Каждый работник должен иметь возможность реализовать в компании свои личностные цели – стремление к комфортному общению, уважению коллег, сочувствию и помощи в трудных ситуациях. Он должен быть уверен, что его личные достижения будут оценены в коллективе. В этом состоит его роль в совокупной эмоциональной компетентности организации. Высокая эмоционально-личностная компетентность проявляется в том, что работник соблюдает эмоциональный баланс, а также полностью проявляет свои личностные качества в общении и взаимодействии. Однако в условиях глобального кризиса возникает неуверенность в материальном благополучии семьи, в возможности реализовать в профессиональном плане. Все это нарушает эмоциональную сферу людей. Появляется излишняя эмоциональная компетентность: человек начинает навязывать окружающим свои эмоции или личностные

проблемы, не соотнося их с целями группы.

Деструктивный процесс в организации идет еще быстрее и катастрофичнее, когда эмоциональный кризис накладывается на профессиональный, информационный и ролевой. Как правило, так и происходит. Ведь нарушение одного из параметров системы неизбежно влечет искажения и нарушения других подсистем.

Эффективное руководство сознательно формулирует в кризисной ситуации общую стратегию коллектива и приводит в соответствие ей принципы и цели управления отдельными подсистемами. Тем самым существенно повышается эффективность использования ресурсов не только в настоящий момент, но и в будущем. Образно говоря, кризисная стратегия – это судьба организации. Разумных она ведет, а неразумных «тащит» [18].

Кризис «среды» предполагает новое перераспределение «мест» среди участников. Лидеры развиваются сами и задают темп другим. Последователи подражают лидеру и составляют общую тенденцию. Каждый должен поставить себе цель: выйти на качественно новый уровень, занять место либо лидера, либо последователя и не стать аутсайдером [13].

Чтобы преодолеть кризис, нужно научиться анализировать структурные и функциональные факторы преобразования среды. Необходимо понять: того, что было раньше, уже не будет. А потому надо меняться. Кроме того, нужно научиться формулировать цели, задачи и функции, организовывать людей на достижение этих целей, создавая необходимые стимулы, и адекватно оценивать достижение результатов.

Таким образом, рассмотрение структуры профессиональной компетентности как основы высшего профессионального образования государственных служащих раскрывает ценность компетентностного подхода в формировании кризисной компетентности. Однако до настоящего времени в высшем профессиональном образовании существенное внимание в структуре формирования профессиональной компетентности современного специалиста уделяется коммуникативной, технологической, управленческой и экономической компетентностям. Они выступают доминантой мотивационно-ценностного компонента сугубо специальной профессиональной, хозяйственной и экономической деятельности, способностей и готовности лишь к успешной карьере и личному материальному благополучию.

Процесс образования компетентного специалиста подразумевает создание совокупности основных компетенций. Профессиональная компетентность – это такой труд, в котором на достаточно высоком уровне осуществляется деятельность, общение, реализуется личность. Изменившиеся условия требуют изменений в организационных процессах и выдвигают новые требования к взаимодействию как между членами организации, так и между ними и внешними группами.

Таким образом, представляя кризисную компетентность в виде совокупности взаимосвязанных элементов (знаний, умений, владений), необходимых для осуществления различных видов практической деятель-

ности с позиций её антикризисной целесообразности, в том числе продуктивной антикризисной деятельности, мы можем определить место кризисной компетентности в структуре профессиональной компетентности государственного служащего в виде интегрированных личностных качеств (компонентов) государственного служащего.

Психологические особенности государственного служащего представляют собой совокупность общих психологических свойств личности: аналитико-конструктивного склада мышления; эмоционально-волевой стабильности; стрессоустойчивости и адаптированности к экстремальным условиям и факторам государственной службы; эмпатии и рефлексии; общей психофизиологической активности.

Акмеологические инварианты государственного служащего представляют собой такие компоненты структуры профессиональной деятельности, которые обуславливают его активность, инициативу и творчество в достижении возможно более высоких результатов в профессиональной деятельности государственного служащего, некоторые из которых ранее не были востребованы. В их числе – детерминанты, определяющие продвижение государственного служащего к собственным вершинам в профессиональной деятельности: развитая способность прогнозирования, предвидения, проницательность, личностные притязания, развитая саморегуляция, мотивация достижения, постоянная включенность в процесс принятия решения и др.

Знаниевый компонент образует знания о ценностно-смысловой стороне кризиса, о личностных качествах, способствующих и препятствующих выходу из него; об эмоциях и чувствах, всегда его сопровождающих. Он включает в себя следующие составляющие: знания; постановка проблемных задач и готовность к их решению; учебно-познавательная деятельность. Система знаний (экономических, социально-психологических, педагогических, управленческих, методических) в виде теорий объясняет закономерности, законы, понятия, научные факты возникновения и развития кризисов. Постановка проблемных задач и готовность к их решению определяет теоретическую подготовку государственного служащего к реализации антикризисной деятельности [8, 29]. В ходе учебно-познавательной деятельности индивид обращается к полученному социальному опыту преодоления кризисов, в том числе пережитых им лично. Кризис погружает человека в особую нейтральную зону, когда старые стереотипы уже не действуют, а новые еще не успели сложиться. В этот период и происходит формирование новых ценностей, знаний и алгоритмов поведения, необходимых для адаптации человека в ещё незнакомой кризисной ситуации. Человек формирует кризисную компетентность, наблюдая поведение близких людей, подражая их примеру, что происходит недостаточно осознанно [17, 26]. Это позволяет лучше понять особенности собственного стиля поведения в кризисной ситуации, усовершенствовать его, разнообразить возможности.

Поведенческий компонент включает необходимые умения и навыки, напрямую связанные с кризисной

компетентностью в профессиональной деятельности государственного служащего – антикризисные умения в профессиональной области, социально-психологические, педагогические и методические умения по проектированию, организации, оценке и коррекции антикризисной деятельности; данный компонент определяет способность государственного служащего к антикризисной деятельности. Эффективная организация антикризисной деятельности включает способность видеть проблему, планировать цели, пути достижения и развития желаемого результата. Планирование целей является управленческой функцией и выступает в качестве основы по выработке необходимых путей достижения целей и развития необходимых результатов. Достижение целей связано со способностью принимать решения, находить пути устранения возникающих проблем и преодолевать препятствия. Развитие невозможно без рефлексии результатов, отбора успешного опыта и анализа причин неудач. Поведенческий компонент образуют умения, способы деятельности и опыт, который является образованием, интегрирующим в себя на уровне поведения и деятельности все проявления кризисной компетенции [7, 28]. Можно выделить два выхода из кризисной ситуации. Один заключается в сохранении существующего порядка, но изменении отношения к нему. Другой же подразумевает под собой активность, риск, открытость для новых возможностей, что позволяет человеку перейти на новую, качественно более высокую ступень развития. Иначе говоря, для того чтобы развиваться, человеку необходимо научиться справляться с кризисными ситуациями. В первом случае психическая активность представлена в большей мере, во втором – физическая активность направлена на изменение внешних обстоятельств, но оба варианта нацелены на преодоление страхов и сомнений.

Эмоционально-ценностный компонент представляет систему ценностей, отношений, ориентаций, норм и правил в восприятии кризисных ситуаций и отношений в системе «человек–среда»; систему ценностных отношений в области антикризисной деятельности; антикризисную направленность личности государственного служащего.

Эмоционально-ценностный компонент многоаспектен, он включает в себя внутриличностную, межличностную и социальную составляющие. Находясь в кризисной ситуации, человек склонен к преувеличению собственных проблем, тревожности и депрессивности, не замечает позитивных сторон кризисного состояния, новых возможностей для личностного роста. Внутриличностная составляющая обеспечивает осознание своих сильных и слабых сторон с целью дальнейшего повышения своих возможностей и личностного роста. Межличностная составляющая связана прежде всего, с созданием и поддержанием позитивного эмоционального контакта с окружающими, саморегуляцией, умением реагировать на кризисную ситуацию, видеть в ней положительные моменты и возможности для личностного роста [6, 27]. Именно эмоциональный фон создает ощущение психологически благоприятного или неблагоприятного, комфортного или дискомфортного состояния. Социальная составляющая предполагает активное участие в усвоении и созидании социальных норм деятельности и ценностных ориентаций в восприятии и переживании кризисных ситуаций. Для того чтобы развиваться, человеку необходимо научиться справляться с кризисными ситуациями. Кризисная компетентность определяется соотношением созидательных и разрушительных тенденций в самой личности и способом решения экзистенциальных проблем. Кризисная ситуация может быть воспринята как возможность роста или как наказание. Эмоционально-ценностный компонент можно формировать с помощью различных методик и тренингов эмоциональной регуляции.

В этой связи кризисная компетентность государственного служащего может быть представлена как способность и готовность реализовывать в профессиональной деятельности антикризисные ценностные установки и ориентиры, проектировать целостную предметную среду путем оптимального и эффективного применения знаний, умений и владений, полученных в ходе профессиональной подготовки будущих государственных служащих.

Библиографический список

1. *Алексеев С.В.* Образование для устойчивого развития: возможные сценарии реализации. Экологическая культура как один из определяющих факторов в решении социально-значимых задач: сб. материалов Всероссийской конференции 2007. С. 46-51.
2. *Бондаревская Е.В.* Теория и практика личностно ориентированного образования. Ростов н/Д., 2000.
3. *Бурмакина В.Ф., Зелман М., Фалина И.Н.* Большая семерка (Б7). Информационно-коммуникационно-технологическая компетентность. М.: НФПК, 2007.
4. *Вербицкий А.А.* Новая образовательная парадигма и контекстное обучение. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 1999.
5. *Гершунский Б.С., Шнейдерман Р.И.* Общечеловеческие ценности в образовании. Педагогика 1996; № 5: С. 46-54.
6. *Гетманская А.А.* Модульный подход в формировании ключевых компетенций у обучающихся. Интернет-журнал «Эйдос». 2005: <http://www.eidos.ru/journal/2005.htm>.
7. *Грицак Л.П.* Моделирование состояний человека в гипнозе. М., 1978.
8. *Зимняя И.А.* Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования. Высшее образование сегодня 2003; № 5: С. 5-8.
9. *Кавтарадзе Д.Н.* Обучение и игра. Введение в активные методы обучения. М., 1998.
10. *Капустин С.А.* Границы возможностей психологического консультирования. Вопросы психологии 1993; № 5: С. 50-56.
11. *Клименко Н.Ю.* Социально-педагогическая компетентность специалистов социальной сферы. Педагогика 2003; № 2: С. 22-28.

12. Корякина Н.И., Жевлакова М.А., Кириллов П.Н. Образование для устойчивого развития: поиск стратегии, подходов, технологии. СПб., 2000.
13. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования. Л., 1970.
14. Ландшeer В. Концепция «минимальной компетенции». Перспективы: Вопросы образования 1988; № 1: С.32.
15. Личностно-профессиональная компетентность государственных служащих: акмеологический подход. Под общ. ред. А.А. Деркача. М., 2005.
16. Малкина-Пых И.Г. Экстремальные ситуации. М.: Эксмо, 2005.
17. Марков В.Н. Проблемы профессиональной реализации кадров управления: монография. М., 2004.
18. Марков В.Н., Чирковская Е.Г. Психодиагностика: диагностика личностно-профессионального потенциала. М., 2005.
19. Огарев Е.И. Компетентность образования: социальный аспект. СПб.: ИОВ РАО, 1995.
20. Осмоловская И. Ключевые компетенции и отбор содержания образования в школе. Народное образование 2006; № 5: С. 77-80.
21. Основные положения стратегии устойчивого развития России / под общ. ред. А.М. Шелехова. М., 2002.
22. Папуткова Г.А. Компетентностно-ориентированное профессиональное экологическое образование студентов в вузе: автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. Н. Новгород, 2008. 51 с.
23. Смирнова Е.А. Формирование коммуникативной компетентности студентов в условиях непрерывного образования: автореф. дисс. ... д-ра пед. наук. Москва, 2007. 28 с.
24. Юнг К.Г. Подход к бессознательному. М.: Ренессанс, 1991. С. 83-94.
25. Юрков С.А. Ведущие психолого-педагогические условия и факторы формирования кризисной компетенции будущих государственных служащих в системе высшего образования. Психология образования в поликультурном пространстве 2011; № 14: С. 32-38.
26. Юрков С.А. Использование проективных рисуночных методов психологии при формировании кризисной компетентности личности студентов вуза. Актуальные вопросы использования инновационных технологий в образовательном процессе: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Нижний Тагил: НТГСПА, 2011: С. 110-113.
27. Юрков С.А. Кризис становления и развития личности в онтогенезе. Актуальные проблемы современной науки и образования. Общественные науки: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Уфа: РИЦ БашГУ, 2010; Т. VII. Ч.2.: С. 418-422.
28. Юрков С.А. Методика реализации процесса становления кризисной компетенции личности будущих государственных служащих в условиях учебно-воспитательного процесса высшей школы. Наука и бизнес: пути развития 2011; № 4: С. 45-52.
29. Юрков С.А. О необходимости внедрения в учебно-воспитательный процесс вуза авторского курса «Формирование кризисной компетентности личности студентов». Образование в современном мире: проблемы миграции, управления и экономики: сб. научных статей пленарных и секционных докладов II Международной научно-практической конференции «Миграция и пространство образования», Всероссийского методологического семинара «Научно-исследовательская и методическая деятельность преподавателей учреждений среднего и высшего профессионального образования», Всероссийского обучающего семинара «Проблемы управленческого консультирования отраслевых организаций». Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2011; Т.2.: С. 135-141.

References

1. Alekseev S.V. Education for sustainable development: the possible implementation scenarios. Ecological culture as one of the determining factors in the decision of socially significant tasks: Sat Russian conference materials 2007: 46-51.
2. Bondarevskaya E.V. Theory and practice of personality-oriented education. - Rostov n/D., 2000.
3. Burmakina V.F., Zelman M., Falina I.N. Group of Seven (G7). Information and communication technology competence. - M.: NTF, 2007.
4. Verbitsky A.A. New educational paradigm and contextual learning. - M.: Research Center challenges the quality of training, 1999.
5. Gershunskii B.S., Schneiderman R.I. Human values in education. Pedagogika 1996; 5: 46-54.
6. Hetman A.A. Modular approach in the formation of core competencies in students. Internet magazine «Eidos». - 2005: <http://www.eidos.ru/journal.htm>.
7. Grimak L.P. Modeling human conditions in hypnosis. - M., 1978.
8. Winter I.A. Key competencies - a new paradigm of modern education results. Higher education today 2003; 5: 5-8.
9. Kavtaradze D.N. Learning and playing. Introduction to active learning methods. - M., 1998.
10. Kapustin S.A. Boundaries of psychological counseling. Questions of psychology 1993; 5: 50-56.
11. Klimenko N.Y. Socio-pedagogical competence of professionals of the social sphere. Pedagogy 2003; 2: 22-28.
12. Koryakina N.I., Zhevlaikova M.A., Kirillov P.N. Education for sustainable development: the search for strategies, approaches, technologies. - St. Petersburg., 2000.
13. Lazarus R. Theory of stress and physiological studies. - L., 1970.
14. Landsheer B. The concept of «minimum competence». Perspectives: Education Matters 1988; 1: 32.
15. Personal and professional competence of civil servants: acmeological approach / under total. Ed. Derkach A.A. - Moscow, 2005.
16. Malkin-Puff I.G. Extreme situations. - M.: Penguin Books, 2005.
17. Markov V.N. Problems of professional development training of management : monograph . - Moscow, 2004 .
18. Markov V.N., Chirkovskaya E.G. Psychodiagnostics : diagnostics personal-professional capacity . - Moscow, 2005 .
19. Ogarev E.I. Competence Education : the social aspect . - St. Petersburg. : JOB RW , 1995 .
20. Osmolovskaya I. Key competences and selection of the content of education in the school. Education 2006 , 5 : 77-80 .
21. Main provisions of the sustainable development strategy in Russia / under total. Ed. Shelekhova A.M. - Moscow, 2002 .

22. *Paputkova G.A.* Competence- oriented professional environmental education students in high school : Author. diss Dr. ped. Sciences. - Nizhny Novgorod, 2008 . – 51 p.
23. *Smirnova EA* Formation of communicative competence of students in Continuing Education : Author. diss Dr. ped. Sciences. - Moscow, 2007 . - 28 p.
24. *Jung C.G.* Approach to the unconscious . - M.: Renaissance, 1991. - 83-94 .
25. *Jurkov S.A.* Leading psycho- pedagogical conditions and factors of future crisis competence of civil servants in the higher education system. Psychology of education in a multicultural space in 2011, 14 : 32-38 .
26. *Jurkov S.A.* Using projective drawing methods of psychology in the formation of identity crisis competence of university students. Topical issues of the use of innovative technologies in the educational process: Materials of All-Russian scientific and practical conference with international participation . - Nizhny Tagil : NTGSPA, 2011 : 110-113 .
27. *Jurkov S.A.* Crisis formation and personality development in ontogeny. Actual problems of modern science and education. Social sciences: Materials of All-Russian scientific and practical conference with international participation. - Ufa: RIP BSU, 2010; T. VII.CH.2 . : 418-422 .
28. *Jurkov S.A.* Methodology implementation process of establishing identity crisis competence of future civil servants in terms of the educational process of higher education. Science and business: the development in 2011, 4 : 45-52 .
29. *Jurkov S.A.* About the need to introduce into the educational process of high school course copyright «Formation crisis competence personality of students». Education in the modern world: the problem of migration , management and economics : Sat scientific articles plenary and section reports the II International scientific and practical conference «Migration and education space», All- methodological seminar «Research and methodical activity of teachers of secondary and higher education», All- training seminar «Problems of management consulting industry organizations».- Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 2011; V.2. : 135-141 .
-
-

ЯКОВЛЕВА ФАИНА НИКОЛАЕВНА
(1923-2014)

2 марта 2014 года после тяжёлой и продолжительной болезни ушла из жизни Фаина Николаевна Яковлева, замечательный человек, профессионал высокой пробы, талантливый Учитель.

Фаина Николаевна Яковлева родилась в 1923 году, молоденькой девушкой ушла на фронт, вынесла все тяготы военной жизни. Впоследствии она редко вспоминала об этих страницах своей жизни, разве что в День Победы, когда надевала боевые ордена и медали. Удивительная скромность и неувядающее обаяние, сердечная щедрость украшали этого человека.

После войны она оказалась в Казахстане, окончила в 1959 году факультет русского языка и литературы Петропавловского государственного педагогического института, поработала в школе, потом была переведена преподавателем методики русского языка в Петропавловский пединститут. С самого начала своей профессиональной деятельности Фаина Николаевна проявила себя талантливым педагогом и методистом. Она работала и директором Павлодарского областного института усовершенствования учителей, и преподавателем кафедры методики преподавания русского языка и литературы Павлодарского пединститута. За все эти годы она накапливала и передавала бесценный опыт учителям и способствовала развитию методики преподавания русского языка в Казахстане.

С 1979 года Фаина Николаевна живет в Орле. Работает сначала в Орловском областном институте усовершенствования учителей, а с 1980 г. – на кафедре русского языка Орловского пединститута. На вновь образованной в 1998 году кафедре теории и методики преподавания русского языка и литературы Фаина Николаевна проработала со дня ее основания.

Огромный жизненный и профессиональный опыт, врожденная доброта и мудрость этого человека, постоянное желание помочь притягивали к ней людей.

Благодарная память о Фаине Николаевне всегда будет жить в наших сердцах.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Общие правила. Статья объемом 4-15 страниц формата А-4 должна быть набрана в текстовом редакторе Microsoft Word в формате *.rtf шрифтом Times New Roman, размером 14 pt, через один интервал без переносов. Параметры документа: верхнее поле – 25мм, нижнее – 25 мм, правое – 25 мм, левое – 25 мм. Нумерация страниц проставляется от центра, внизу страницы.

В начале статьи указывается универсальная десятичная классификация (УДК), имя, отчество и фамилия автора (авторов), название статьи, аннотация (40-50 слов), ключевые слова (5-6). Вся информация предоставляется на русском и английском языках. Сведения об авторе (авторах) – ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз, электронный адрес и контактный телефон (без сокращений) помещаются в начале статьи после фамилии автора (авторов). К статье в обязательном порядке должна прилагаться электронная версия, идентичная печатной одним файлом на диске CD или DVD (CD-R, CD-RW, DVD-R, DVD-RW).

Формулы помещаются в текст с использованием формульного редактора Microsoft Equation (Вставка – Объект – Создание – Microsoft Equation). Символы можно вставлять с помощью операции в Word (Вставка – Символ). Диаграммы располагаются в тексте с использованием программы Microsoft Excel (Вставка – Объект – Создание – Диаграмма Microsoft Excel). Рисунки и графики должны иметь четкое изображение и быть выдержаны в черно-белой гамме, лучше применять штриховку (Формат автофигуры – Цвета и линии – Цвет – Способы заливки – Узор). Схемы создаются с помощью панели инструментов Рисование. Фотографии и рисунки в формате *.tif или *.jpg. должны иметь разрешение не менее 300 dpi и прилагаться отдельными файлами.

Библиографические списки и затекстовые примечания оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления» и ГОСТ 7.0.5-2008. В списке все работы перечисляются по алфавитному принципу: сначала отечественные авторы (или зарубежные, опубликованные на русском языке), затем – зарубежные. При упоминании отдельных фамилий авторов в тексте им должны предшествовать инициалы (фамилии иностранных авторов при этом приводятся в оригинальной транскрипции). В тексте статьи библиографические ссылки даются арабскими цифрами в квадратных скобках.

Порядок составления списка: а) автор(ы) книги или статьи; б) название книги или статьи; в) выходные данные. При авторском коллективе до 4-х человек включительно упоминаются все авторы (с инициалами после фамилий), при больших авторских коллективах упоминаются три первых автора и добавляется «и др.» (в иностранной литературе «et al»). Если в качестве авторов книг выступают их редакторы или составители, после фамилии последнего из них в скобках следует ставить «ред.» (в иностранных ссылках «ed.»).

В библиографическом описании книги (после ее названия) приводятся город (где она издана), после двоеточия – название издательства, после запятой – год издания. Если ссылка дается на главу из книги, сначала упоминаются авторы и название главы, после точки – с заглавной буквы ставится «В кн.»: («In») и фамилия(и) автора(ов) или редактора(ов), затем название книги и ее выходные данные.

В библиографическом описании статьи из журнала (после ее названия) приводятся название журнала и год издания (между ними знак препинания не ставится), затем после точки с запятой – номер отечественного журнала (для иностранных журналов номер тома), после двоеточия помещаются цифры первой и последней (через тире) страниц.

Примеры библиографического описания источников:

Книги

1. *Парыгин Б.Д.* Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971.
2. *Базыма Б.А.* Психология цвета: теория и практика. М.: Речь, 2005. С. 20-24.
3. *Ильин И.А.* Учение о правосознании. В кн.: Ю.Т. Лисица (ред.) Родина и мы. Смоленск: Посох. 1995: 355-364.
4. *Harding A.E.* The hereditary ataxias and related disorders. Edinburgh: Churchill Livingstone, 1984
5. *Goldman S.M., Tanner C.* Etiology of Parkinson's disease. In: Jankovic J., Tolosa E. (eds.) Parkinson's disease and movement disorders. 3d ed. Baltimore: Williams & Wilkins, 1998: 133-158.

Журналы

6. *Ершов В.Ф., Курамина Н.В.* Российские образовательные учреждения за рубежом: опыт 1920-1930 годов. Исторические записки 2004; 7:198-222.
7. *Block W., Karitzky J., Traber F. et al.* Proton magnetic resonance spectroscopy of the primary motor cortex in patients with motor neuron disease. Arch. Neurol. 1998; 55: 931-936.

Электронные публикации и базы данных

8. *Shulman L.M., Gruder-Baldini A.L., Anderson K.E. et al.* The evolution of disability in Parkinson's disease. Mov. Disord. 2008: epub ahead.
9. <http://www.globalreach.com/> *

В конце статьи обязательно должна быть надпись **статья публикуется впервые**, ставится дата и подпись автора (авторов). Подпись автора сканируется, сохраняется в формате *.tif или *.jpg и вставляется в файл.

За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы). Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

Статьи лиц, не имеющих ученой степени, заверяются также их научными руководителями.

Редколлегия оставляет за собой право сокращать и редактировать статьи. Статьи, оформленные не в соответствии с указанными требованиями, возвращаются авторам без рассмотрения.

*Библиографический список также переводится на английский язык (**References**)

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию Орловского государственного университета;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Орловского государственного университета;

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии) – кандидат филологических наук, руководитель научного отдела Орловского государственного университета;

АЛЕКСЕЕВ А.П. – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;

АРСЕНТЬЕВА Н.Н. – доктор филологических наук, профессор Гранадского университета (Испания);

АРОНОВА С.А. – доктор экономических наук, доцент, декан факультета экономики и управления Орловского государственного университета;

ВИДМАРОВИЧ Н.П. – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Загребского университета (Хорватия);

ГАЙДАР В.А. – кандидат сельскохозяйственных наук, зав. отделом селекции и репродукции карпатских пчел Института им. П.И. Прокоповича (Украина);

ГЕЛЛА Т.Н. – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, зав. кафедрой всеобщей истории Орловского государственного университета;

ИВАНОВ А.Е. – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН;

ИСАЕВА Н.И. – доктор психологических наук, профессор, декан факультета психологии Белгородского государственного университета;

КАПУСТИН А.Я. – доктор юридических наук, профессор, руководитель центра сравнительно-правовых исследований и института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ;

ЛАМАН Н.А. – академик НАН Беларуси, доктор биологических наук, профессор, зав. Лабораторией роста и развития растений Института экспериментальной ботаники им. В.Ф. Купревича (Белоруссия);

ЛЬВОВА С.И. – доктор психологических наук, профессор, зав. лабораторией обучения русскому (родному) языку Института содержания и методов обучения Российской академии образования;

МАЙМЕСКУЛОВА А.Л. – доктор наук, экстраординарный профессор университета Казимира Великого, Институт Неофилологии и прикладной лингвистики (Польша);

НИКИФОРОВ В.А. – доктор юридических наук, зав. кафедрой международного и международного частного права Орловского государственного университета;

ОСКОТСКАЯ Э.Р. – доктор химических наук, профессор, зав. кафедрой химии Орловского государственного университета;

ПАСТЕРНАК Е.Л. – доктор филологических наук, доцент кафедры французского языкознания Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;

ПАХАРЬ Л.И. – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и культурологии Орловского государственного университета;

ПИВЕНЬ В.Ф. – доктор физико-математических наук, профессор, зав. кафедрой теоретической физики и математического моделирования Орловского государственного университета;

ПОГОСЯН В.А. – доктор исторических наук, зав. отделом геноцидологии Института арменоведческих исследований Ереванского государственного университета (Армения);

ПОНШОН Т. – доктор филологических наук, профессор Реймского университета Шампань-Арденн, член научно-исследовательской группы «Наука, текст, информатика, история» (Франция);

САВИНА Е.А. – доктор философии университета Джеймса Мэдисона (США);

САМБЕТБАЕВ А.А. – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, директор Института ветеринарии и животноводства (Казахстан);

СИСКОС Е. – доктор экономических наук, профессор, проректор по международным связям и магистерским программам Технологического Института (Греция);

СОФИАДИС Н. – профессор физиологии Фракийского университета им. Демокрита (Греция);

СУЯРКУЛОВ Ш.Р. – кандидат сельскохозяйственных наук, председатель Ферганского областного союза пчеловодов (Узбекистан);

ТАМИН М. – доктор филологических наук, почетный профессор Реймского университета Шампань-Арденн (Франция);

УМАН А.И. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой общей педагогики Орловского государственного университета;

ЧЕКОВА-ДЕМИТРОВА И. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Софийского университета «Свято Климента Охридского» (Болгария);

ЧЕЛЫШЕВА И.И. – доктор филологических наук, профессор, зав. отделом индоевропейских языков, зав. сектором романских языков Института языкознания РАН;

ШИ ХУНШЕН – профессор Аньхойского университета, директор Центра по изучению России, главный редактор научного журнала «Изучение России» (Китай);

ЯМАГУЧИ Р. – доктор филологических наук Института иностранных языков г. Кобэ (Япония).

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ

АВДЕЕВ Ф.С. (главный научный редактор) – доктор педагогических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по методике математики и профессиональному образованию Орловского государственного университета;

ПУЗАНКОВА Е.Н. (заместитель главного научного редактора) – доктор педагогических наук, профессор, проректор по научной работе Орловского государственного университета;

ДУДИНА Е.Ф. (ученый секретарь редакционно-издательской коллегии) – кандидат филологических наук, руководитель научного отдела Орловского государственного университета;

АЛЕКСАНДРОВА А.П. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Орловского государственного университета;

АНТОНОВА М.В. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории русской литературы XI-XIX веков Орловского государственного университета;

АРСЕНТЬЕВА Н.Н. – доктор филологических наук, профессор Гранадаского университета (Испания);

ВИДМАРОВИЧ Н.П. – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Загребского университета (Хорватия);

ЗАЙЧЕНКОВА М.С. – доктор филологических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по русскому языку и методике его преподавания Орловского государственного университета;

ИЗОТОВ В.П. – доктор филологических наук, профессор, руководитель НИИ филологии Орловского государственного университета;

ЛИТВИН Ф.А. – доктор филологических наук, профессор Орловского государственного университета;

МАЙМЕСКУЛОВА А.Л. – доктор наук, экстраординарный профессор университета Казимира Великого, Институт Неофилологии и прикладной лингвистики (Польша);

МИНАКОВ С.Т. – доктор исторических наук, профессор, председатель докторского диссертационного совета по истории России Орловского государственного университета;

МИХЕИЧЕВА Е.А. – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русской литерату-

ры XX-XXI веков и истории зарубежной литературы Орловского государственного университета;

НОВИКОВ С.Н. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой декоративно-прикладного искусства и технической графики Орловского государственного университета;

ПОГОСЯН В.А. – доктор исторических наук, зав. отделом геноцидологии Института арменоведческих исследований Ереванского государственного университета (Армения);

ПОНШОН Т. – доктор филологических наук, профессор Реймского университета Шампань-Арденн, член научно-исследовательской групп «Наука, текст, информатика, история» (Франция);

РЕТИНСКАЯ Т.И. – доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Орловского государственного университета;

САВИНА Е.А. – доктор философии университета Джеймса Мэдисона (США);

СЕРЕГИНА Т.В. – кандидат философских наук, профессор, декан философского факультета, руководитель НИИ провинциальной культуры Орловского государственного университета;

ТАМИН М. – доктор филологических наук, почетный профессор Реймского университета Шампань-Арден (Франция);

ТЕР-МИНАСОВА С.Г. – доктор филологических наук, профессор, декан факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова;

ТЮРИКОВА Г.Н. – кандидат педагогических наук, профессор кафедры теории и истории социальной педагогики и социальной работы, декан социального факультета Орловского государственного университета;

ЧЕКОВА-ДЕМИТРОВА И. – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы Софийского университета «Свято Климента Охридского» (Болгария);

ШИ ХУНШЕН – профессор Аньхойского университета, директор Центра по изучению России, главный редактор научного журнала «Изучение России» (Китай);

ЯМАГУЧИ Р. – доктор филологических наук Института иностранных языков г. Кобэ (Япония).

Ученые записки Орловского государственного университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки»: научный журнал. – Орёл: изд-во ФГБОУ ВПО
«Орловский государственный университет». – 2014. – №2(58). – 392с.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ №ФФС 77-29955 от 17.10.2007
Включен в каталог «Издания органов НТИ» ОАО Агентство «Роспечать»
(почтовый индекс: 66005)

Ответственный редактор: Белевитина Т.М.
Ответственный составитель: Кирсанов М.А.
Компьютерная верстка: Корявкина О.С.
Дизайн обложки: Никифоров А.В.
Корректурa: Рыбкина О.А.

Подписано в печать 17.04.2014 г. Формат 60x80 1/8
Печать оперативная. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Объём 49,0 усл. п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 24
Отпечатано с готового оригинал-макета
на полиграфической базе редакционно-издательского отдела
ФГБОУ ВПО «Орловский государственный университет»
302026, г. Орел ул. Комсомольская, 95
Тел./факс (4862) 74-09-30